«Русскій Архивъ» будетъ издаваться въ 1894 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга седьмая. Спб. 1893 г.

Н. П. Барсуковъ продолжаетъ съ неутомимою энергіей подвигать впередъ взятую имъ на себя задачу—представить біографію Погодина въ связи съ его временемъ. Встрѣтившись на первыхъ шагахъ съ препятствіями, авторъ имѣлъ на столько энергіи, что преодолѣлъ ихъ и тѣмъ завоевалъ себѣ симпатіи тѣхъ, которые на первыхъ порахъ относились холодно и недовѣрчиво къ его труду. Теперь, кажется, не можетъ быть иного мнѣнія о семи томахъ біографіи Погодина, какъ то, что они представляютъ цѣлую сокровищницу для всякаго, кто пожелалъ бы ознакомиться не только съ развитіемъ Русской ученой жизни за первую половину текущаго столѣтія, но и вообще съ ходомъ Русскаго просвѣщенія.

Настоящимъ VII-мъ томомъ авторъ заканчиваетъ разсказъ о первой половинѣ жизни Погодина; предѣломъ ея онъ ставитъ оставленіе Погодинымъ каѳедры Русской Исторіи при Московскомъ Университетѣ (15 Мая 1844 года). Такимъ образомъ, на пространствѣ почти полустолѣтія, движется повѣствованіе біографа, и чего только оно не касается! Передъ читателемъ длинной вереницей проходятъ и государственные дѣятели, и ученые, и литераторы, и представители интеллигенціи; чередуются событія жизни государственной, общественной, умственной, семейной, и все это обрисовывается и характеризуется спокойно, безпристрастно, sine ira et studio, что̀ и составляетъ драгоцѣнную особенность біографіи. Тотъ пріемъ изложенія, который усвоилъ себѣ г. Барсуковъ и на который сначала нападали нѣкоторые его критики—говорить какъ можно болѣе словами дѣйствующихъ лицъ—оказывается, при оцѣнкѣ первой половины его труда въ ея совокупности, какъ нельзя болѣе подходящимъ къ задачѣ, какъ она поставлена біографомъ, и иные пріемы изложенія несомнѣнно нарушили бы гармонію между содержаніемъ и формой.

Въ краткой замѣткѣ невозможно, хотя бы и бѣгло, изложить все содержаніе семи томовъ этого труда; да оно и не нужно, такъ какъ задача эта превосходно исполнена академикомъ Майковымъ въ Іюльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“. Поэтому здѣсь мы отмѣтимъ только нѣкоторые эпизоды и характеристики, содержащіеся въ VII-мъ томѣ; говоримъ: нѣкоторые, потому что по богатству и интересу содержанія этотъ томъ нисколько не уступаетъ предъидущимъ, если даже не превосходитъ ихъ. Начинается онъ съ описанія поѣздки Погодина въ чужіе края, предпринятой имъ въ 1842 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1893.

3.



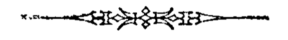
РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1893.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.



„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

МОСКОВСКІЙ КРЕМЛЬ.

УПРАЗДНЕННЫЕ МОНАСТЫРИ, СОБОРЫ, ЦЕРКВИ И ПОДВОРЬЯ ВЪ КРЕМЛѢ *).

VI. Церковь Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня на Ховринѣ дворѣ.

Мѣсто этой церкви опредѣлить можно только приблизительно. Въ документахъ оно обозначается такъ: на дворѣ Ховринѣ, не доходя Спасскихъ воротъ. Гдѣ былъ дворъ Владимира Григорьевича Ховрина, царскаго казначея? Извѣстно, что монахъ Симонова монастыря Адріанъ Ярлыкъ пожертвовалъ въ пользу этого монастыря дворъ свой въ Кремлѣ у церкви Воздвиженія честнаго креста Господня противъ двора Владимира Ховрина (Акты до Юрид. быта относ. I, 553). Дворъ Адріана Ярлыка это—впослѣдствіи Симоновское подворье, находившееся у Никольскихъ воротъ. Такимъ образомъ церковь Воздвиженія стояла недалеко отъ Симоновскаго подворья и Спасскихъ воротъ, вѣроятно, въ переулкѣ, шедшемъ позади Чудова и Вознесенскаго монастырей къ Спасскимъ воротамъ.

Церковь Воздвиженія существовала уже въ XV вѣкѣ: во время страшнаго пожара въ Кремлѣ, случившагося 14-го Іюля 1445 года, сгорѣло около 3000 человѣкъ, и между прочимъ церковь Воздвиженія развалилась отъ жара; чрезъ пять лѣтъ на мѣстѣ ея вышепомянутый Ховринъ поставилъ новую каменную церковь Воздвиженія [1]); въ 1457 году снова былъ пожаръ близъ этой церкви (Карамз. V, пр. 326, 386; П. С. Р. Лѣт. VIII, 123, 147). Послѣднее упоминаніе о ней встрѣчается въ росписи царской руги 1625 — 1677 гг., гдѣ говорится, что въ это время выдавалось священнику этой церкви царскаго жалованья въ годъ 2 р. 21½ коп. (Доп. Акт. IX, 317).

---

*) См Русскій Архивъ 1893. II, 433.

[1]) На своемъ дворѣ, который, вѣроятно, данъ былъ ему только послѣ пожара, потому что раньше 1450 года церковь Воздвиженія не числилась на дворѣ Ховрина, равно какъ и впослѣдствіи эта церковь не составляла частнаго владѣнія.

VII. Церковь Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи на Симоновскомъ подворьѣ.

Подворье Симонова монастыря въ Кремлѣ находилось по лѣвую сторону Никольскихъ воротъ на мѣстѣ сквера, отчасти зданій судебныхъ установленій и самой площади. Здѣсь былъ раньше дворъ Адріана Ярлыка, который, вступивъ въ число братіи Симонова монастыря, завѣщалъ это мѣсто въ пользу Симонова монастыря.

Каменная церковь въ честь Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи на Симоновскомъ подворьѣ построена въ 1458 году (Карамз. V, пр. 386), вѣроятно, вслѣдъ за пожертвованіемъ этого мѣста Симонову монастырю. Въ случившійся 2 Октября 1476 года пожаръ церковь Введенская, близъ которой и начался онъ, пострадала весьма значительно, равно какъ въ пожары 1480 и 1485 годовъ, такъ что въ 1491 году вновь построена каменная же Введенская церковь, которая и освящена 13 Ноября 1492 года (Карамз. VI, пр. 629; П. С. Р. Лѣт. IV, 160; VI, 181; VIII, 223).

Симоновское подворье служило мѣстомъ остановки для архимандрита и братіи монастыря при посѣщеніи ими Кремля. Въ 1642 году Симоновскій архимандритъ Іосифъ, избранный по жребію въ патріарха, отправился изъ Успенскаго собора въ свой домъ на Симоновское подворье. «А провожали новоизбраннаго до подворья въ однихъ санѣхъ протопопъ съ большимъ ключаремъ, а въ другихъ санѣхъ протодьяконъ съ другимъ ключаремъ» (Др. Росс. Вивл. VI, 245).

На Симоновскомъ подворьѣ при церкви Введенія были священникъ и діаконъ, получавшіе въ 1625—1677 гг. государева жалованья въ годъ 2 р. 66 коп. (Д. къ А. Ист. IX, 377).

Подворье это существовало до 1702 года: именнымъ указомъ 21 Января этого года Петръ I приказалъ взять «къ строенію Оружейнаго Дома, зовомаго Цейхаусъ (нынѣ Арсеналъ) подъ всякіе припасы дворъ св. патріарха конюшенной и Симоновское подворье, и объ очисткѣ того двора и подворья послать изъ Оружейной Палаты въ Монастырскій Приказъ свой указъ» (Забѣлина. Матеріалы I, 220).

VIII. Соборъ св. Николая Гостунскаго.

Николо-Гостунскій соборъ находился противъ угла Николаевскаго дворца къ Югу сзади Крутицкаго подворья.

Здѣсь прежде былъ дворъ Татарскихъ сборщиковъ податей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдали и за дѣйствіями великихъ князей. Супруга великаго князя Іоанна III, Софія Ѳоминична, рѣшила изба-

виться отъ этихъ соглядатаевъ. Она послала къ женѣ хана богатые подарки и просила убѣдить хана уступить ей это мѣсто, для постройки храма, согласно бывшему ей во снѣ откровенію. Мѣсто это было уступлено великой княгинѣ около 1477 года [2]); здѣсь въ одинъ день построили деревянную церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, которая извѣстна была подъ названіемъ «Николы Льнянаго» отъ початковъ льна и холста, которые приносили сюда богомольцы въ жертву. Въ Іюнѣ 1506 года, по повелѣнію великаго князя Василія Іоанновича, на мѣстѣ этой церкви, заложена каменная церковь во имя святителя Николая, въ томъ же году она выстроена и 1-го Октября освящена митрополитомъ Симономъ. По повелѣнію великаго князя, въ новоустроенной церкви поставили принесенный изъ церкви Николая Чудотворца на горѣ Гостуни въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи [3]) чудотворный образъ этого святителя, который тогда же князь украсилъ «златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ». (П. С. Р. Лѣт. VI, 51—52). Этотъ образъ прославился еще при великомъ князѣ Василіи Темномъ. Сохранилось преданіе, что ханъ Махметъ, поселясь въ Бѣлевѣ, заключилъ съ Василіемъ Темнымъ договоръ, чтобы имъ жить мирно. Въ поруки избранъ былъ ими святитель Николай. Но князь Василій, вопреки условію, напалъ внезапно на Махмета съ тѣмъ, чтобы его выгнать изъ Бѣлева. Ханъ обращается къ св. иконѣ Николая Чудотворца и говоритъ: «Мужъ праведный и святый, ты вѣдь былъ порукой нашему договору и нашимъ клятвамъ! Видишь самъ мою правду; такъ будь же мнѣ защитникомъ и помощникомъ». Крѣпкое вѣрованіе магометанина оправдалось на самомъ дѣлѣ. Противъ малочисленной Татарской рати не устояло многочисленное полчище Москвичей и обратилось въ бѣгство. (Мартынова. Москва, т. I, стр. 191).

Церковь Николая Гостунскаго пострадала въ пожаръ 1554 года, въ томъ же году исправлена и 7 Октября освящена митрополитомъ Макаріемъ (Карамз. VIII, пр. 587).

Съ 1625 года встрѣчается извѣстіе о Введенскомъ придѣлѣ при церкви Николая Гостунскаго, а съ 1642 года о другомъ въ честь Зачатія св. Анны. (Забѣлина. Мат. I, 196).

Въ 1737 году Николо-Гостунскій соборъ пострадалъ весьма значительно отъ пожара: на немъ сгорѣла крыша, въ иконостасѣ второй

---

[2]) Еще ранѣе (въ 1365 г.) св. митрополитъ Алексѣй основалъ Чудовъ монастырь на мѣстѣ двора ханскихъ пословъ, гдѣ жили они, пріѣзжая въ Москву.

[3]) Во времена царя Михаила Ѳеодоровича еще свѣжа была память о томъ, откуда принесенъ чудотворный образъ Николая Чудотворца въ Гостунскую церковь Московскаго Кремля, и вотъ мы видимъ, что царица Евдокія Лукіановна въ 1637 г. 3 Марта посылаетъ колоколъ въ 89 рублей въ церковь Николая Чудотворца Бѣлевскаго уѣзда (И. Забѣлина. Домашній бытъ Русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Москва, 1869 г., 319).

и третій ярусы иконъ, престолъ съ жертвенникомъ, рѣзное Распятіе, вышитый на полотнѣ образъ Николая Чудотворца, стѣнная иконопись повредилась, сгорѣли потолки, окна и двери, а также окружавшая соборъ деревянная рѣшетка; въ иконостасѣ уцѣлѣлъ только нижній рядъ иконъ. Придѣлъ Введенскій (о другомъ не упоминается) пострадалъ еще болѣе: въ иконостасѣ также сгорѣли иконы втораго и третьяго яруса, сгорѣла крыша, своды стѣнъ треснули, и самый придѣлъ отсталъ отъ собора (Арх. Моск. Свят. Син. Конторы 1737 г. № 166). Вскорѣ послѣ пожара протоіерей Гостунскаго собора подалъ прошеніе о дозволеніи возобновить храмъ; разрѣшеніе дано тогда же, и въ слѣдующемъ году соборъ былъ уже возобновленъ и освященъ. Введенскій же придѣлъ было велѣно разломать до основанія и построить вновь каменный же; въ 1738 г. онъ былъ уже сломанъ, но устроенъ окончательно только въ 1754 г. (Заб. Мат. II, 934).

Во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году Гостунскій соборъ былъ опустошенъ, въ 1814 году покрытъ желѣзомъ въ гребень. Въ Февралѣ 1816 года священникъ Гостунскаго собора представлялъ преосвященному Августину, что зданіе собора не соотвѣтствуетъ красотѣ занимаемаго мѣста, что собору придаетъ болѣе безобразія странною своею фигурою придѣльная церковь, которая наклонилась въ одну сторону и не обѣщаетъ прочности, и потому просилъ дозволенія одну часть придѣльной церкви обратить въ паперть, другую въ ризницу, придѣльную же церковь выстроить при соборѣ въ другомъ мѣстѣ, которое значится и на представленномъ планѣ. Преосвященный Августинъ 29 Февраля далъ разрѣшеніе на перестройку. Между тѣмъ главнокомандующій Москвы графъ Тормасовъ 3 Августа сообщилъ преосв. Августину, что Николо - Гостунскій соборъ обстроивается вновь въ готическомъ вкусѣ; но на эту перестройку не давала разрѣшенія ни Кремлевская экспедиція, отъ которой зависятъ всѣ постройки въ Кремлѣ, ни коммиссія строеній въ Москвѣ. Августинъ, остановивъ 4 Августа перестройку Гостунскаго собора, на другой день отвѣчалъ графу Тормасову, что перестройка собора разрѣшена имъ, такъ какъ строеніе всѣхъ церквей зависитъ отъ разрѣшенія архіерейскаго, и коммиссія строеній въ Москвѣ отъ 14 Мая 1814 года увѣдомила консисторію, что ни одна изъ Московскихъ церквей, хотя бы оставалась на площади или входила въ улицу, по предположенію коммиссіи, въ сломку не назначается и къ обстройкѣ ихъ препятствія нѣтъ. Въ тоже время начальникъ Кремлевской экспедиціи князь Юсуповъ находилъ болѣе приличнымъ Гостунскій соборъ, какъ памятникъ древности, оставить въ прежнемъ видѣ; поэтому Августинъ предписалъ

новую постройку при Гостунскомъ соборѣ передѣлать такъ, чтобы она походила на прежнюю, или совсѣмъ сломать.

Послѣ посѣщенія Москвы Государемъ Августинъ 2 Октября 1816 года донесъ св. Синоду, что послѣдовало Высочайшее соизволеніе, чтобы Николо-Гостунскій соборъ, какъ обветшавшій и по мѣстоположенію своему и бѣдности архитектуры дѣлающій безобразіе Кремлю, былъ разобранъ. При этомъ онъ представлялъ Синоду, что слѣдуетъ чудотворный образъ св. Николая, именуемый Гостунскимъ, съ частію мощей, иконостасъ и всю утварь изъ Гостунскаго собора перенести въ новоустроенную на Ивановской колокольнѣ церковь, освятить ее во имя св. Угодника Божія Николая и быть ей и называться Николаевскимъ-Гостунскимъ соборомъ, тѣмъ болѣе что бывшая на Ивановской колокольнѣ Рождественская церковь болѣе извѣстна была по образу этого же святаго, въ ней находившемуся, къ которому народъ имѣлъ особенное усердіе, но который, по разрушеніи колокольни въ 1812 г., не отысканъ. 10 Января 1817 г. Синодъ утвердилъ представленіе преосв. Августина, и Николо-Гостунская церковь устроена въ третьемъ этажѣ Филаретовской пристройки къ Ивановской колокольнѣ, гдѣ и нынѣ существуетъ. По освященіи ея, Николо-Гостунскій соборъ на площади разобранъ къ 7 Августа 1817 года; матеріалъ его отданъ въ Вознесенскій монастырь (Н. Розанова. Ист. Моск. Еп. Упр. ч. 3, кн. II, стр. 45—48). Такъ кончилъ свое существованіе соборъ, переживши болѣе трехъ столѣтій.

Въ теченіе своего долговременнаго существованія Гостунскій соборъ многократно видалъ въ своихъ стѣнахъ царственныхъ особъ. Въ XVII вѣкѣ, въ дни памяти Святителя Николая, бывали здѣсь цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Императоръ Петръ I, по преданію, отправляясь въ походъ, всегда посѣщалъ храмъ этотъ и слушалъ молебны Святителю Николаю; императрица Елисавета Петровна особенно усердствовала къ этому храму. Патріархи здѣсь служили почти ежегодно въ дни храмоваго праздника. Въ этомъ храмѣ приступали къ крестному цѣлованію и давали въ поруки Святителя Мирликійскаго. Его брали тамъ въ свидѣтели заключавшіе между собою договоры и условія, писанныя на Ивановской площади подъячими, вѣря не столько рукоприкладству, сколько свидѣтельству Николая Чудотворца, который, какъ мы видѣли, наказывалъ нарушителей честнаго слова и клятвы, хотя бы брали его въ поруки и нехристіане. Въ храмъ этого угодника Божія родители приводили дѣтей предъ супружествомъ, просили его защиты, записывали имена дѣтей въ книгу, хранившуюся при этомъ соборѣ, и твердо уповали на его покровительство.

Въ соборѣ хранилась [1]) часть мощей св. Николая, положенная въ 1714 году въ серебряномъ небольшомъ ковчегѣ усердіемъ вдовы дьяка адмиралтейской канцеляріи Пантелеймона Кодратова, Елены Никифоровой, и зятя ея Романа Амосова (Истор. и топогр. опис. Москвы 1787 г. пр. 31). На чудотворной иконѣ Николая Чудотворца была привѣшена золотая гривна, пожертвованная въ 1610 г. какимъ-то Никитою Мольяниновымъ; эта гривна содержала въ себѣ отъ 19 до 20 золотниковъ золота, исчезла въ 1812 г. (Москва или историческій путеводитель. Москва, 1827 г., ч. 2, стр. 10).

Торжество 6-го Декабря предварялось обыкновенно крестнымъ ходомъ: по уставу Успенскаго собора 1627 года, въ послѣдній воскресный день предъ шестымъ числомъ Декабря, устраивался «ходъ изъ собора со кресты послѣ заутрени къ Николѣ Гостунскому» (Др. Росс. Вивліоѳ. VI, 182; Ист. Библ. III, 39).

Каковъ былъ причтъ при соборѣ (соборомъ церковь называлась съ 1681 г.), узнаемъ только съ 1625 г.; онъ состоялъ изъ протопопа, троихъ священниковъ, двоихъ діаконовъ, дьячка и двоихъ пономарей (Доп. Акт. Ист. IX, 316; Забѣлина. Мат. II, 379. 454. 555). Во Введенскомъ придѣлѣ былъ особый причтъ изъ священника, діакона, дьячка и пономаря, съ 1681 г. безъ пономаря, съ 1722 г. и безъ діакона. Причту выдавалось жалованье деньгами и хлѣбомъ. Кромѣ того за причтомъ Гостунскаго собора значилось семь крестьянскихъ дворовъ; это была деревня Ожегова съ пустошами въ Звенигородскомъ уѣздѣ, данная въ 1549 г. «для поминовенія души князя Георгія Ивановича».

Изъ причта Гостунскаго собора пріобрѣлъ всеобщую извѣстность діаконъ Иванъ Ѳедоровъ—первый Русскій книгопечатникъ. Въ 1553 году Іоаннъ IV, какъ извѣстно, приказалъ устроить въ Москвѣ особый домъ для печатанія книгъ подъ руководствомъ двухъ мастеровъ: діакона Ивана Ѳедорова и Петра Тимоѳеева Мстиславца. Въ 1564 г. они напечатали на Славянскомъ языкѣ Дѣянія и Посланія Апостоловъ. Это самая первая книга, напечатанная въ Россіи. Своимъ новымъ въ Россіи дѣломъ Иванъ Ѳедоровъ пріобрѣлъ себѣ много враговъ, особенно среди переписчиковъ книгъ, которые недовольны были на него за потерю заработковъ и оклеветали его въ ереси, такъ что онъ съ товарищемъ своимъ долженъ былъ бѣжать изъ Россіи. Иванъ Ѳедоровъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ въ имѣніи пана Ходкѣвича, Заблудовѣ (близъ Вильны), основалъ вторую типографію въ Россіи. Изъ Заблудова Ѳедоровъ переѣхалъ въ Львовъ, гдѣ основалъ третью типографію. Изъ Львова онъ переселился въ городъ Острогъ къ знаменитому защитнику Православія,

---

[1]) Теперь она въ Николо-Гостунской церкви.

князю Константину Константиновичу Острожскому. Здѣсь въ 1580 году въ новооснованной типографіи Иванъ Өедоровъ напечаталъ Новый Завѣтъ и Псалтирь, а въ 1581 году всю Библію, извѣстную подъ именемъ Острожской. Такимъ образомъ Иванъ Өедоровъ былъ основателемъ четырехъ типографій въ Россіи. Онъ скончался въ городѣ Львовѣ 5 Дек. 1583 г. и погребенъ въ церкви монастыря св. Онуфрія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и надгробная надпись. (Карамз. IX, пр. 89—90; Церковный Вѣстникъ 1883 г. № 41).

IX. Церковь великомученика Георгія у Спасскихъ воротъ.

Каменная церковь во имя великомученика Георгія между Спасскими воротами и Екатерининской церковью Вознесенскаго монастыря построена по повелѣнію великаго князя Василія III въ 1527 году (П. С. Р. Лѣт. VIII, 272; Карамзинъ VII, пр. 383) на мѣстѣ стоявшаго здѣсь изображенія всадника на конѣ, устроеннаго изъ бѣлаго камня, вышиною въ три аршина. Это изображеніе до Іоанна III служило Московскимъ гербомъ; оно и стояло на Спасской башнѣ. Когда Іоаннъ III обратилъ въ гербъ изображеніе двуглаваго орла, то прежній гербъ былъ снятъ съ башни и поставленъ на открытомъ возвышенномъ мѣстѣ у Спасскихъ воротъ. По сооруженіи въ 1527 году на этомъ мѣстѣ церкви во имя великомученика Георгія, прежній гербъ обращенъ былъ въ храмовой образъ.

При Георгіевской церкви въ 1626 году существовалъ придѣлъ во имя Димитрія Селунскаго. Въ 1730 г. самая церковь назначена была къ упраздненію, а въ 1737 г. въ ней сгорѣли иконы, сосуды, ризница и книги, обгорѣлъ и изваянный изъ камня образъ великомученика Георгія, а также весь иконостасъ. (Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1737 г. № 166; Забѣлина. Мат. I, 206.415. 340). Возобновленіе послѣ пожара не коснулось стѣнъ храма. Вотъ почему къ 1754 году въ самой Георгіевской церкви и въ придѣлѣ стѣны стали ветхи до того, что грозили паденіемъ, и снаружи для прочности требовались контрфорсы (тамъ же, II, 935—936).

Церковь Георгіевская издавна считалась уже монастырскою, но окончательно приписана къ Вознесенскому монастырю съ 1778 года, въ концѣ же XVIII столѣтія уничтожена, при чемъ каменное изображеніе великомученика Георгія перенесено въ трапезу церкви во имя преп. Михаила Малеина въ Вознесенскомъ монастырѣ и поставлено при входѣ въ придѣлъ Өеодора Пергійскаго въ особо устроенной нишѣ.

Царица Евдокія Лукіановна, въ 1628 г. 3 Ноября съ малолѣтнею царевною Ириною слушала здѣсь молебенъ, за который пожаловала отъ себя рубль и отъ царевны полтину; 1 Авг. 1629 г на возвратномъ пути изъ Рубцова (нынѣшняго Покровскаго) она съ нов рожденнымъ

царевичемъ Алексѣемъ заходитъ въ церковь Георгіевскую, слушаетъ здѣсь молебенъ и жалуетъ причту два рубля (Забѣлина. Бытъ царицъ, 311—312).

Причтъ Георгіевской церкви сначала (1625—1677 гг.) состоялъ изъ двоихъ священниковъ, діакона и просфорницы, съ 1681 года прибавились дьячекъ и пономарь, а въ 1722 году просфорницы уже не было. (Доп. Акт. IX, 317; Забѣлина. Мат. II, 380. 494. 555). Всѣ они получали государеву ругу денежную и хлѣбную, а въ церковь на полпуда воска для свѣчъ отъ государя же выдавалось ежегодно 60 коп. Вся руга послѣ приписки церкви къ Вознесенскому монастырю переведена на причтъ послѣдняго.

X. Соборъ Воскресенія и Рождества Христова подъ колоколами.

Этотъ соборъ находился сначала съ сѣверной стороны Ивановскаго столпа, почему и назывался соборомъ возлѣ церкви святаго Іоанна подъ колоколами.

Здѣсь, по повелѣнію великаго князя Василія Іоанновича, въ 1532 году заложена церковь въ честь Воскресенія Христова. Ее строилъ Фрязинъ (т. е. Итальянецъ) Петрокъ Малый; въ 1540 году онъ докончилъ стройку «и совершилъ безъ лѣстницы», а лѣстницу и двери сдѣлали въ 1552 году Московскіе мастера. Въ 1555 году, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича и митрополита Аѳанасія, перенесена сюда же церковь въ честь Рождества Христова отъ двора боярина Ивана Ѳеод. Мстиславскаго [5]), и устроенъ соборъ (Карамз. VIII, пр. 153): одинъ храмъ назывался Рождественскимъ соборомъ, другой — Воскресенскимъ. Такъ было до патріарха Филарета. По его повелѣнію, соборъ былъ разобранъ, а на этомъ мѣстѣ построено огромное зданіе, получившее названіе Филаретовской пристройки, внутри которой и устроенъ соборъ. Этотъ соборъ сначала безразлично назывался то Рождественскимъ, то Воскресенскимъ подъ колоколами [6]). Въ 1685 году 1 Февраля патріархъ Адріанъ, послѣ капитальной поправки собора, (при чемъ Воскресенская церковь, вѣроятно, была уничтожена) его освятилъ (Забѣлина. Мат. I, 195). Съ этого времени и до самаго уничтоженія соборъ этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Рождественскаго.

---

[5]) Дворъ Мстиславскаго находился около двора князя Владимира Андреевича, который занималъ пространство отъ дома митрополита у Ризположенской церкви до Троицкаго подворья (Карамз. IX, пр. 268. 273).

[6]) Такъ какъ въ Филаретовской пристройкѣ надъ соборомъ были повѣшены колокола.

Пожаръ 1737 года почти не коснулся Рождественскаго собора, но впослѣдствіи другое болѣе тяжкое бѣдствіе посѣтило его. Въ 1812 году Филаретовская пристройка, гдѣ помѣщался соборъ, была взорвана Французами. Отъ собора не осталось ничего; находившійся здѣсь образъ Николая Чудотворца, который особенно чтился въ народѣ, также не былъ отысканъ. Св. Синодъ 10 Января 1817 года разрѣшилъ на мѣстѣ Рождественскаго собора въ возобновленной пристройкѣ помѣстить Николо-Гостунскій со всею утварью и чудотворною иконою св. Николая.

Здѣсь въ XVII вѣкѣ бывали цари въ храмовые праздники и однажды царица Евдокія Лукіановна.

Причтъ при Рождественской церкви въ 1585 году состоялъ изъ протоіерея, двоихъ священниковъ, двоихъ діаконовъ, двоихъ пономарей; при Воскресенской церкви было только два священника. Впослѣдствіи прибавленъ одинъ дьячекъ, убавлено два священника и составленъ общій причтъ для того и другаго храма. Содержаніе духовенство собора получало отъ государя; по разнымъ причинамъ оно то увеличивалось, то уменьшалось; наконецъ сумма, отпускавшаяся на содержаніе его, равно какъ и уничтоженнаго Гостунскаго собора, переведена на Успенскій соборъ (Н. Розанова, ч. 3, кн. II, 47—48).

XI. Соборъ Срѣтенія Господня, что̀ у Государя на Сѣняхъ.

Срѣтенскій соборъ находился приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Андреевская зала Большаго Кремлевскаго Дворца; ворота, находившіяся подъ нимъ, вели въ верхній Государевъ садъ, лежавшій по скату горы къ церкви Благовѣщенія, что̀ на Житномъ дворѣ. Въ Августѣ 1560 года Іоаннъ IV велѣлъ построить для своихъ дѣтей дворъ особый съ палатами «на възрубѣ позади набережныя большія палаты и на дворѣ у нихъ храмъ большой, Срѣтеніе, и учини ту протопопствіе и къ соборамъ причте» (Карамз. т. IX, прим. 26). Такъ какъ царь Іоаннъ «повелѣ дѣлати спѣшно», то, вѣроятно, соборъ былъ выстроенъ не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году. Въ 1585 году при Срѣтенскомъ соборѣ упоминается придѣлъ преп. Никиты Переславскаго Чудотворца (Доп. Акт. Ист. т. I, 208).

Когда пожаръ 1626 года 3-го Мая истребилъ дворецъ, то иностранный мастеръ Джонъ Талеръ въ слѣдующемъ году возобновилъ Срѣтенскій соборъ, и тогда же, вѣроятно, при соборѣ былъ устроенъ еще теплый придѣлъ въ честь святаго Николая Чудотворца, о которомъ опредѣленное упоминаніе находимъ уже въ 1634 году (И. Забѣлина. Мат. I, 179). Цари Михаилъ, Алексѣй и Ѳеодоръ любили посѣщать этотъ соборъ въ храмовой праздникъ, а Михаилъ Ѳео-

доровичъ былъ здѣсь однажды (въ 1636 году) и въ праздникъ Николая Чудотворца (Строева Выходы царей...). Впослѣдствіи милостивое вниманіе Государей къ этому собору обнаруживалось много разъ: по ихъ повелѣнію, ветхости собора описаны въ 1722 и 1730 годахъ (И. Забѣлина. Мат. I, 1286; II, 834) и тогда же исправлены. Въ пожаръ 1737 года «внутри (собора) образа и на верху кровля и на главахъ кресты и окончины и у предѣла Николая Чудотворца кровля деревянная сгорѣли»; царскія двери и три мѣстныя иконы остались цѣлы (Архивъ Моск. Свят. Син. Конторы 1737 года № 166). Послѣ пожара церковь снова отдѣлана и особенно роскошно украшена въ 1762 году ко времени прибытія въ Москву Императрицы Екатерины (И. Забѣлина. Мат. I, 1368 — 1369). Сюда въ 1770 году 25 Августа были перенесены изъ уничтоженнаго Черниговскаго собора мощи князя-мученика Михаила, и здѣсь онѣ оставались до 1774 года.

15 Октября 1774 года велѣно было перенести эти мощи въ Архангельскій соборъ и положить въ устроенную вновь, по повелѣнію императрицы Екатерины, серебряную раку [7]). Самое перенесеніе мощей было назначено на 21-е Ноября. Въ этотъ день предъ литургіею совершенъ былъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій. Когда крестный ходъ вступилъ въ Срѣтенскій соборъ, здѣсь начатъ былъ молебенъ; преосвященные (Геннадій Суздальскій и Самуилъ Крутицкій), раздавъ свѣчи, кадили вокругъ раки и благословили нести ее. Святыя мощи несли позади крестнаго хода протоіереи и священники, а кадили протодіаконы и діаконы. По принесеніи мощей въ Архангельскій соборъ, ихъ положили въ новоустроенную, по именному императрицы Екатерины повелѣнію, серебряную великолѣпную раку [8]) у перваго отъ западнаго входа столба на правой сторонѣ. Послѣ того начата въ Архангельскомъ соборѣ литургія преосвященнымъ Самуиломъ, а преосвященный Геннадій съ крестнымъ ходомъ возвратился въ Успенскій соборъ и тамъ служилъ литургію. Въ заключеніе въ томъ и другомъ соборѣ отпѣтъ молебенъ князю Михаилу и боярину его Θеодору (Арх. Моск. Свят. Синода Конторы 1770 года № 190).

Въ началѣ нынѣшняго вѣка соборъ Срѣтенскій былъ сломанъ, 29 Мая 1801 года начальникъ экспедиціи строеній въ Кремлѣ Ва-

[7]) Сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ 6 Октября 1774 года писалъ къ преосвященному епископу Крутицкому Самуилу, что „Ея Императорское Величество надпись къ ракѣ мощей св. Михаила князя Черниговскаго вами сочиненную соизволила аппробовать съ малою только отмѣною противу вашего сочиненія... другимъ же двумъ то есть житія и страданія сего благовѣрнаго князя какъ и молитвѣ быть повелѣла точно такъ, какъ вами оныя написаны».

[8]) Эта рака вычеканена была Петромъ Робертомъ и въ 1812 году похищена Французами; теперь мощи находятся въ мѣдной посеребренной ракѣ, устроенной въ 1817 году, какъ видно изъ надписи на ней, на средства Архангельскаго собора.

луевъ доносилъ императору Александру I, что Срѣтенскій соборъ, построенный нѣсколько вѣковъ тому назадъ на сваяхъ, давно уже сгнившихъ, угрожаетъ скорымъ и неминуемымъ паденіемъ и осенью того же года съ Высочайшаго разрѣшенія сломанъ, а на его мѣстѣ выравнена площадь (Заб. Дом. бытъ царей ч. 1, стр. 103—104), которая впослѣдствіи отошла подъ дворецъ. Когда рѣшено было упразднить Срѣтенскій соборъ, то его купилъ извѣстный безпоповецъ, основатель раскольническаго Преображенскаго въ Москвѣ кладбища Илья Кавылинъ. Храмовой образъ Срѣтенія Господня переданъ въ церковь Спаса, на Бору, гдѣ и теперь находится; въ ризницу этого же собора изъ Срѣтенскаго поступили напрестольный крестъ (вкладъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей) и серебряные сосуды, данные въ поминовеніе по бояринѣ Ильѣ Даниловичѣ Милославскомъ и женахъ его, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ и Ксеніи Ивановнѣ, украшенные чернью и драгоцѣнными камнями. О построеніи Срѣтенскаго собора вновь послѣ разобранія его не поднималось и вопроса.

Соборъ былъ не особенно великъ: длина алтаря и самаго собора была въ 6 саженей, а ширина въ 3½ саж.; придѣлъ Николая Чудотворца имѣлъ въ длину 6 саженей, а въ ширину съ трапезою по правую сторону 5 саж. 1 арш.; кругомъ собора шла площадка. Подъ Срѣтенскимъ соборомъ было помѣщеніе для соборнаго священника подъ придѣломъ Николаевскимъ къ Денежному двору было помѣщеніе для діакона соборнаго; подъ Срѣтенскою лѣстницею, которая вела съ площадки въ Набережный садъ и имѣла 37 ступеней, въ одномъ помѣщеніи жили дьячки Благовѣщенскаго собора, въ другомъ—священникъ дворцовой Успенской церкви.

Составъ причта при Срѣтенскомъ соборѣ въ разное время былъ неодинаковъ. Первоначально (1585—1680 гг.) при соборѣ были протопопъ, три священника, два діакона, два дьячка и два пономаря (Доп. Акт. I, 204; IX, 315), въ 1681 г. прибавились два сторожа, а въ 1699 г. эти сторожа уничтожены, равно какъ и третій священникъ (Забѣлина. Мат. II, 375, 431). Такой сокращенный штатъ причта существовалъ и въ XVIII вѣкѣ (тамъ же, 558).

Сумма на содержаніе самаго собора и причта при немъ шла отъ государя. Кромѣ государева жалованья деньгами, рожью и овсомъ, причтъ Срѣтенскаго собора получалъ по различнымъ случаямъ и отъ патріарха [9]). Въ дни своихъ престольныхъ праздниковъ причтъ являлся къ патріарху со святою водою, служилъ у него молебенъ и получалъ отъ 15 до 25 коп. въ разъ; въ день Рождества Христова къ

---

[9]) Это же сказать нужно о причтахъ и другихъ Кремлевскихъ церквей.

патріарху приходилъ славить Христа и получалъ отъ него по 20 коп. Протопопъ Алексѣй и попъ Никита являлись къ патріарху Іоакиму въ дни своихъ именинъ «съ имянинным пирогомъ», и патріархъ благословлялъ ихъ иконами (Заб. Мат. I, 179, 1037—1046).

XII. Церковь Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи на Сѣняхъ, впослѣдствіи на дворѣ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева.

Храмъ этотъ построенъ въ 1560 году на дворѣ князя Юрія Ивановича, дяди Іоанна Грознаго. Іоаннъ въ Августѣ 1560 года приказалъ дворъ дяди своего, стоявшій позади церкви Іоанна Лѣствичника подъ колоколами, дворъ Михаила Юрьевича Захарьина и другіе снести по ограду Чудова монастыря «и по заулокъ» и на дворѣ дяди своего строить церковь въ честь Введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи, которая, какъ и всѣ дворцовыя церкви, получила названіе «на Сѣняхъ» (Карамз. IX, 26). Дворъ этотъ находился близь Симоновскаго подворья рядомъ съ старымъ конюшеннымъ дворомъ патріарха.

Когда на дворѣ Стрѣшнева у Троицкаго подворья (см. ниже о ц. Пятницы Параскевы на дворѣ Стрѣшнева) назначено было построить хоромы для Натальи Кирилловны съ малолѣтнимъ царевичемъ Петромъ, тогда Стрѣшневу данъ былъ прежній князя Юрія Ивановича дворъ. Церковь Введенія сломана не ранѣе 1712 года, когда дана была перехожая къ ней крестцовому священнику Иларіону, а въ 1722 году ея уже не было (Заб. Мат. I, 221; II, 547—561). Церковь эта была ружная: свѣчи и вино выдавались сюда изъ Сытнаго Дворца. Причтъ состоялъ изъ священника, діакона, двоихъ дьячковъ и двоихъ пономарей, которые получали государеву денежную и хлѣбную ругу.

XIII. Церковь во имя Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ на митрополичьемъ, впослѣдствіи патріаршемъ дворѣ.

Церковь Зосимы и Савватія построена приблизительно въ 1566 году митрополитомъ Филиппомъ, взятымъ на митрополію изъ игуменовъ Соловецкой обители, гдѣ онъ научился чтить святыхъ ея основателей. Въ 1630 году освященъ при этой церкви придѣлъ во имя ап. Филиппа, имя котораго носилъ митр. Филиппъ; въ слѣдующемъ году предъ церковью Соловецкихъ чудотворцевъ въ сѣняхъ подъ шатромъ устроены мѣдныя корчаги и котелъ для мѵроваренія, а подъ церковью «казенка для соборныхъ книгъ»; въ 1640 году росписана паперть церкви Соловецкихъ чудотворцевъ, а въ 1644 году написаны

деисусы въ самую церковь. Церковь Зосимы и Савватія разобрана въ 1653 году и вѣроятно, послужила матеріаломъ для строенія патр. Никономъ новаго патріаршаго дома съ нынѣ существующею церковью апостола Филиппа (Заб. Мат. I, 227—228).

Духовенство при церкви Соловецкихъ чудотворцевъ было черное, за исключеніемъ дьячковъ, и состояло на содержаніи патріарха.

XIV. Черниговскій соборъ.

Этотъ соборъ находился въ срединѣ зданій Приказовъ, тянувшихся отъ Архангельскаго собора къ Константино-Еленинской башнѣ, надъ воротами, которыми проходили къ Тайницкимъ воротамъ, почему онъ назывался соборомъ надъ приказами и надъ верхними Тайницкими воротами. Въ 1572 г. (по другимъ источникамъ въ 1575 г) 14 Февраля мощи князя Михаила и боярина его Ѳеодора, замученныхъ въ Ордѣ, изъ Чернигова перенесены въ Москву изъ опасенія, какъ бы онѣ не подверглись поруганію со стороны католиковъ, по переходѣ Чернигова подъ власть Польскую (Архіеп. Черниговскаго Филарета. Житія святыхъ. Москва, 1885 г. IX. 176). Чрезъ пять лѣтъ (въ 1577 г.) въ честь свв. Михаила и Ѳеодора Черниговскихъ чудотворцевъ былъ построенъ храмъ въ Кремлѣ. Съ 1625 года упоминается о двухъ придѣлахъ при Черниговскомъ соборѣ: въ честь-обновленія храма Воскресенія Христова и свят. Николая Чудотворца (Доп. Акт. IX, 316). Въ 1681 году соборъ былъ сломанъ, св. мощи были перенесены въ Архангельскій соборъ, гдѣ и оставались все время перестройки; 16 Сентября 1683 года мощи были снова поставлены въ перестроенномъ соборѣ, и самый соборъ освященъ патріархомъ Іоакимомъ въ присутствіи царевича Петра (Др. Росс. Вивл. X, 30).

Соборъ былъ покрытъ деревянною крышею, которая въ 1719 году провалилась; въ томъ же году кровлю снова покрыли лещедями. Такъ какъ своды собора были не очень толсты, а пять главъ на соборѣ были каменныя, отъ которыхъ было «не безъ тягости», и, кромѣ того прибавилась тяжесть отъ лещедной кровли, то протоіерей Черниговскаго собора, Евтропій Маркеловъ, боясь внезапнаго разрушенія сводовъ, въ Ноябрѣ 1722 года просилъ у Святѣйшаго Синода дозволенія четыре главы на соборѣ разобрать, изъ разобранныхъ главъ желѣзо и съ главъ кресты продать, деньги вырученныя употребить на задѣлку сводовъ, на матеріалъ и уплату за работу, а остаточныя употребить въ церковное строеніе, такъ какъ въ соборѣ «въ строеніяхъ многія нужды, безъ чего пробыть невозможно». Синодъ дозволилъ разобрать четыре главы и оставить затѣмъ одну прежнюю или «вновь доброю архитек-

турою по достоинству устроить одну же» (Полное собраніе постановленій по вѣд. Прав. Испов. т. II, 645—646). Въ 1722 же году, по просьбѣ того же протоіерея Евтропія Маркелова, Св. Синодъ позволилъ изъ числа трехъ панникадилъ продать два маленькія ветхія и поломанныя, а вырученныя деньги употребить на позолоту устроеннаго деревяннаго иконостаса, который позолотить не было средствъ (тамъ же, стр. 279). Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что начальство гражданское *) о соборѣ заботилось мало, а если обращало на него иногда вниманіе, то только въ своихъ видахъ.

Когда послѣ пожара 1737 года въ палатахъ Вотчинной Коллегіи производилась починка, тогда для исправленія текущихъ дѣлъ этой Коллегіи, по сношеніи Конторы Правит. Сената съ Конторою Свят. Синода, взята была между прочимъ трапеза Черниговскаго собора (Арх. Мак. Свят. Синода 1751 г. № 186). Въ 1752 году эта же трапеза, по представленію Сенатской Конторы, отдана была для храненія здѣсь Іорданской сѣни съ принадлежностями, которая ставилась на рѣкѣ въ праздникъ Крещенія Господня. Эти вещи доселѣ были сложены въ помѣщеніи уничтоженнаго въ 1733 году кабака у Тайницкихъ воротъ подъ названіемъ Катокъ. Такъ какъ здѣсь хотѣли помѣстить караулъ Сенатской Канцеляріи, то для помѣщенія Іорданской сѣни съ принадлежностями не нашли болѣе удобнаго мѣста, какъ Черниговскій соборъ, причту коего и сдали все на храненіе по описи (тамъ же, 1752 г., № 311). Въ 1755 году трапеза Черниговскаго собора отведена для скопированія плановъ, по требованію Межевой Канцеляріи, вмѣсто помѣщенія около Ивановской колокольни, а Іорданская сѣнь вынесена и хранилась потомъ въ сѣняхъ Межевой Канцеляріи, откуда въ 1762 году снова перенесена въ трапезу Черниговскаго собора, (тамъ же, 1755 г., № 575; И. Забѣлина. Мат. II, 986).—Только особые случаи заставляли начальство гражданское смотрѣть на соборъ съ другой стороны. Такъ въ 1762 году въ Москву ожидали прибытія императрицы Екатерины для коронованія, и потому велѣно было исправить ветхости въ самомъ соборѣ и снаружи его въ возможно скоромъ времени. По осмотру архитектора Никитина, въ соборѣ оказалось неисправностей весьма много: кровля лещедная, устроенная въ 1719 году, испортилась такъ, что въ церковь протекало во время дождей, своды мѣстами разсѣлись, иконостасы и иконное письмо были повреждены. Исправленіе начато въ 1762 г. и продолжалось въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ. Всѣ ветхости были исправлены, иконостасы устроены вновь и вызолочены, своды одни надъ трапезою собора

*) Соборъ былъ въ вѣдѣніи Статсъ-Конторы.

были разобраны (ранѣе были двойные своды,) кровля лещедная замѣнена желѣзною. Ближайшее наблюденіе за поправкою всего и устройствомъ новаго имѣлъ архитекторъ Казаковъ (Заб. Мат., II, 983—990). Но недолго пришлось собору просуществовать въ новомъ видѣ. Въ 1768 г. 1 Іюля въ Москвѣ учреждена особая экспедиція для строенія обширнаго Кремлевскаго дворца. По плану архитектора Баженова, мѣсто, занятое Черниговскимъ соборомъ, должно было отойти подъ дворецъ. Михаилъ Михаиловичъ Измайловъ обратился поэтому къ архіепископу московскому Амвросію съ письмомъ: увѣдомляя, что, въ силу Высочайше утвержденнаго плана, назначена къ сломкѣ и церковь святыхъ Черниговскихъ чудотворцевъ на Тайницкихъ воротахъ, онъ спрашивалъ мнѣнія его, куда и съ какимъ чиноположеніемъ нужно перенести оттуда мощи, на что было уже изъявлено Высочайшее соизволеніе. Амвросій 3 Октября 1769 года писалъ, что «по свидѣтельству его въ помянутой церкви оказались точію благовѣрнаго князя Михаила мощи, положенныя въ неукрашенной ничѣмъ и весьма просто сдѣланной изъ красной мѣди въ два аршина съ четвертью гробницѣ съ имѣющеюся на ракѣ и на покровахъ надписью имени единаго святаго Михаила; болярина же его святаго Ѳеодора мощей въ оной ракѣ и церкви не явствуетъ». Къ поставленію мощей удобнѣйшимъ мѣстомъ онъ находилъ Архангельскій соборъ, а въ немъ мѣсто у втораго столпа по правую сторону. 25 Августа 1770 года совершено было перенесеніе святыхъ мощей изъ Черниговскаго въ Срѣтенскій, на Сѣняхъ, соборъ, послѣ чего былъ разобранъ и самый Черниговскій соборъ. Утварь и иконостасъ Черниговскаго собора отданы въ соборъ Покровскій, на Рву; иконостасъ нынѣ находится въ Покровской церкви этого собора. Онъ украшенъ разноцвѣтною фольгою и позолоченными оловянными фигурами; три иконы въ ризахъ поступили изъ Черниговскаго собора въ Архангельскій (Арх. Моск. Свят. Синода Конт. 1770 г. № 190; Н. Розанова ук. соч. ч. 2, кн. II, стр. 317).

Среди другихъ Черниговскій соборъ занималъ не послѣднее мѣсто: значеніе ему придавали находившіяся здѣсь св. мощи. Память о мученической кончинѣ князя Михаила и вѣрнаго его слуги Ѳеодора (20 Сентября) и перенесеніи мощей изъ Чернигова въ Москву (14 Февраля) справлялась съ большою торжественностью. Въ воскресенье послѣ праздника Воздвиженія честнаго креста Господня, а также въ Февралѣ предъ праздникомъ въ память перенесенія мощей Черниговскихъ чудотворцевъ послѣ утрени бывалъ изъ Успенскаго собора крестный ходъ въ Черниговскій соборъ. Февраля 14-го и 20-го Сентября цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ считали своимъ долгомъ побывать у Богослуженія въ Черниговскомъ соборѣ (Др. Росс. Вивл. VI,

175. 192; X, 30). Встрѣчается любопытное извѣстіе относительно царя Алексѣя Михайловича: 20 Сентября 1670 г. онъ самъ не ходилъ въ Черниговскій соборъ, а былъ у всенощной и обѣдни въ церкви преподобномученицы Евдокіи во дворцѣ, переименованной въ 1681 г. въ Воскресенскій соборъ; къ обѣднѣ въ эту церковь были принесены мощи князя Михаила Черниговскаго; за ними ходилъ постельничій Ѳеодоръ Алексѣевичъ, мощи несъ пѣвчій дьякъ Павелъ Михайловъ, его сопровождали сотникъ и шесть человѣкъ стрѣльцовъ (Выходы царей, 533).

Патріархи обыкновенно служили здѣсь въ праздники Черниговскихъ чудотворцевъ.

Причта при соборѣ первоначально было: протоіерей, два священника, два діакона, два дьячка и два пономаря; при придѣлахъ были особые причты, состоявшіе изъ одного священника и дьячка при каждомъ (Доп. Акт. I, 206; IX, 316). Въ ружной 1681 года книгѣ упомянуто еще о пономарѣ придѣла Воскресенскаго, а о Никольскомъ придѣлѣ замѣчено: «въ томъ придѣлѣ служатъ въ зимнее время протопопъ съ братьею (т. е. причтъ Черниговскаго собора), а особаго попа въ томъ придѣлѣ нѣтъ». Впослѣдствіи (1722 г.) и въ самомъ соборѣ уменьшенъ составъ причта (И. Забѣлина. Мат. II, 383. 556—557). Въ 1722 году Свят. Синодъ постановилъ находившіеся при Тайницкихъ воротахъ соборы Черниговскій и Александроневскій [11]) соединить въ одинъ и именовать этотъ соборъ Александроневскимъ и Черниговскимъ, въ которомъ и протопопу быть одному съ однимъ причтомъ, а другаго протопопа опредѣлить въ городъ Владиміръ въ соборъ на мѣсто бывшаго тамъ протопопа; прочихъ же священно-и церковно-служителей распредѣлить на убылыя мѣста къ Московскимъ большимъ приходамъ; а изъ этихъ двухъ, соединенныхъ въ одинъ, соборовъ одинъ имѣть теплый, а другой холодный (Собр. пост. по вѣд. Прав. Исп. II, 678—679). Это оффиціальное двойное названіе не утвердилось за соборомъ, который всегда впослѣдствіи назывался только Черниговскимъ.

Содержаніе причтъ получалъ отъ царя, кромѣ того пользовался по разнымъ случаямъ доходами отъ патріарха.

XV. Церковь во имя свв. Аѳанасія и Кирилла у двора Ѳ. И. Мстиславскаго, ниже дьячихъ палатъ, т. е. приказовъ.

Объ этой церкви извѣстно только, что она существовала уже въ 1584 г., а уничтожена не ранѣе 1677 г.; при ней на царской ругѣ были священникъ и діаконъ (Доп. Акт. Ист. V, 192; IX, 317).

[11]) Объ Александроневскомъ соборѣ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

XVI. Церковь во имя Гурія, Самона и Авива на дворѣ Ѳ. И. Мстиславскаго.

Церковь эта съ придѣломъ св. Сильвестра, п. Римскаго, существовала въ 1625—1681 гг.; при ней были священникъ, дьячекъ и пономарь, которые получали денежную и хлѣбную царскую ругу (Доп. Акт. Ист. IX, 317; Заб., Мат. II, 384).

XVII. Церковь во имя Димитрія Селунскаго при домѣ князей Черкасскихъ.

Церковь эта становится извѣстною съ 1625 г., а съ 1690 г. подъ именемъ Владимирской. Въ 1722 г. послѣдовалъ указъ о закрытіи излишнихъ церквей въ Москвѣ. Лишними признаны домовыя, и потому церковь при домѣ кн. А. М. Черкасскаго была въ 1724 г. запечатана. Въ Мартѣ слѣдующаго года кн. Черкасскій просилъ дозволенія распечатать церковь по болѣзни его, по болѣзни же и по старости тетки его, княжны Домны Яковлевны Одоевской, проживавшей всегда, во время отъѣзда его въ Петербургъ, въ его Кремлевскомъ домѣ. Церковь тогда же была распечатана и приписана къ ближайшей церкви Константина и Елены, хотя не на долго. По выходѣ дочери князя Варвары Алексѣевны замужъ за графа П. Б. Шереметева, Кремлевскій домъ Черкасскаго перешелъ во владѣніе графа Шереметева, у послѣдняго купленъ Коммиссіею строенія дворца, и церковь уничтожена (Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1773 года, № 786).

Диптихъ, или помянникъ живыхъ и умершихъ, этой церкви хранится теперь въ церкви села Троицкаго-Шереметева, Московскаго уѣзда; онъ въ металлическомъ переплетѣ, сдѣланъ въ 1732 г. Причтъ при этой церкви сначала (1625—1677 гг.) состоялъ изъ священника, діакона и дьячка, въ 1699 г. упоминается еще пономарь. Отъ государя они получали сначала жалованье ежегодное деньгами, затѣмъ только хлѣбомъ, а въ 1699 г. царское жалованье отнято и велѣно причту «довольствоваться боярскимъ подаяніемъ». Со времени распечатанія Владимирской церкви въ 1725 году она, какъ сказано, приписана была къ Константино-Еленинской церкви, и службу отправлялъ здѣсь причтъ послѣдней только въ воскресные и праздничные дни. Священникъ Константино-Еленинской церкви далъ обязательство смотрѣть, чтобы въ домовой церкви князя Черкасскаго не служили посторонніе священники, а поэтому церковь запирать своимъ замкомъ и запечатывать каждый разъ послѣ службы. Такой стѣснительный для князя Черкасскаго порядокъ продолжался недолго. По просьбѣ его,

съ 20 Авг. 1728 г. дозволено священнослуженіе отправлять въ этой церкви священнику села Окатова, Московскаго уѣзда, Ивану Иванову. Въ слѣдующемъ году, по просьбѣ князя, опредѣленъ къ домовой его церкви во священника ученикъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, Иванъ Змилевскій. Условія, на которыхъ онъ поступилъ, были слѣдующія. По очереди съ вышепомянутымъ Иваномъ Ивановымъ, онъ долженъ былъ совершать богослуженіе въ церкви дважды въ недѣлю, не считая воскресныхъ и праздничныхъ дней; кромѣ того обучать риторикѣ и Латинскому языку учениковъ имѣвшейся при домѣ князя школы, говорить въ церкви поученія, имѣть наблюденіе за обученіемъ въ той школѣ Славянскому языку, письму и чтенію, которое (обученіе) производилось особыми учителями; въ школѣ каждую Субботу толковать символъ вѣры, заповѣди Господни и прочее, принадлежащее къ познанію христіанскаго закона, и надъ всѣми вышепоказанными учениками имѣть во всемъ полное смотрѣніе, чтобы жили и поступали благочинно, въ надлежащіе дни ходили въ церковь къ утрени, литургіи и вечернѣ. За все это ему назначено было жалованья сорокъ рублей въ годъ, мука ржаная и пшеничная, мясо и рыба, вино и водка; масло и дрова (Опис. Док. Синода VIII, 593—594 сравн. Полное собр. пост. и расп. по вѣд. Прав. испов. VI, 272—274).

XVIII. Церковь въ честь Срѣтенія Господня на подворьѣ Андроніева монастыря близъ Спасскихъ воротъ, сзади Кириловскаго подворья.

Въ 1625—1677 гг. въ эту церковь діаконамъ выдавалось жалованья на просфоры и праздничныхъ въ годъ 2 руб. 10 к. (Доп. Акт. Ист. IX, 317). Въ ружной книгѣ 1681 г. о ней уже не упоминается.

XIX. Церковь во имя св. великомученицы Параскевы-Пятницы на дворѣ боярина Семена Лукіановича Стрѣшнева.

Дворъ С. Л. Стрѣшнева, имѣвшій въ окружности 104 сажени, находился близъ конюшеннаго патріаршаго двора и примыкалъ съ одной стороны къ Троицкому подворью, а съ другой къ житницамъ, стоявшимъ на хлѣбенномъ государевомъ дворѣ. Первое упоминаніе о церкви встрѣчаемъ въ 1625 г. (Доп. Акт. Ист. IX, 317).

На мѣстѣ двора боярина Стрѣшнева, по повелѣнію царя Θеодора Алексѣевича, выстроены въ 1677 г. деревянные хоромы для вдовствующей царицы Наталіи Кирилловны съ царевичемъ Петромъ. Такимъ образомъ дворъ Стрѣшнева отошелъ ко дворцу; а палаты, вы-

строенныя здѣсь, примкнувъ къ патріаршему двору, соединили дворцовыя церкви Екатерининскую и Воскресенскую и вообще нынѣшній теремъ съ хоромами царевенъ, стоявшими возлѣ Троицкаго подворья. Эти хоромы горѣли въ 1682 и 1696 г. Церковь сушествовала здѣсь до 1722 г., когда была по ветхости разобрана (Заб. Мат. I, 1344).

Въ 1625—1677 гг. священнику, діакону и дьячку выдавалось царскаго жалованья по 18 р. 9 коп. (Доп. Акт. Ист. IX, 317). Въ ружной книгѣ 1681 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что при Пятницкой церкви причта не было, а служило духовенство изъ Александро-Невскаго собора. Къ концу XVII вѣка однако опять былъ при Пятницкой церкви особый причтъ изъ священника, діакона, дьячка, пономаря и просфорницы на царскомъ содержаніи (Мат. II, 386. 493).

XX. Церковь въ честь Входа Господня въ Іерусалимъ.

Эта церковь находилась противъ Симоновскаго подворья на правой сторонѣ отъ Никольскихъ воротъ. Упоминанія о ней появляются съ 1625 г. Земли подъ церковью и кладбищемъ было по улицѣ 27½ саж., поперекъ 9¾ саж. въ одномъ концѣ, въ другомъ одна сажень; кладбище при церкви въ 1657 г. закрыто по недостатку порожнихъ мѣстъ и огорожено наглухо заборомъ въ 2½ арш. вышины; могилы, оставшіяся за заборомъ, были покрыты каменными плитами и залиты известью. Пріѣхавшему для суда надъ Никономъ Газскому митрополиту Паисію Лигариду церковь Входа Господня во Іерусалимъ была дана для совершенія службъ, здѣсь же отведено помѣщеніе для него. 1672 г. Паисій, собираясь уѣзжать изъ Россіи, просилъ царя, чтобы въ этой церкви служба продолжалась безостановочно, а хоромы его вмѣстѣ съ другимъ строеніемъ и маленькимъ садомъ до его пріѣзда берегъ бы переводчикъ Николай Спатаріусъ. (Доп. Акт. Ист. VI, 216. 217). Служба здѣсь и не прекращалась, такъ какъ при этой церкви былъ особый причтъ изъ священника и дьячка (1625—1677 гг.), затѣмъ былъ съ 1681 еще и пономарь (Доп. Акт. Ист. IX, 317; Заб. Мат. II, 385. 491). Весь причтъ получалъ царскую денежную и хлѣбную ругу. Она отнята въ 1699 г.:—причту велѣно кормиться подаяніемъ прихожанъ. Приходскихъ въ то время при церкви было два двора князей Трубецкихъ: боярина кн. Ивана Юрьевича и брата его стольника кн. Юрія Юрьевича.

Церковь уничтожена по случаю построенія на этомъ мѣстѣ при Петрѣ I цейхгауза *.

---

*) Указомъ 1701 г. Петръ велѣлъ сломать всѣ церкви и дворы между Никольскими и Троицкими воротами по обѣимъ сторонамъ улицы до ограды Чудова монастыря. Постройка цейхгауза или арсенала начата въ 1702 г. и окончена въ 1736 г.

XXI. Церковь во имя мученика Христофора.

Эта церковь находилась на площади у самаго юго-западнаго угла Чудова монастыря близъ нынѣшняго входнаго крыльца въ Благовѣщенскую церковь этого монастыря. Первое упоминаніе о ней находимъ въ 1625 г., а послѣднее въ 1681 г. (Доп. Акт. Ист. IX, 317; Заб. Мат. II, 384). Причтъ при этой церкви состоялъ сначала изъ священника и пономаря, къ которымъ впослѣдствіи прибавилась просфорница. Отъ государя получало духовенство жалованье денежное и хлѣбное, а въ церковь выдавалось ежегодно на два пуда воску 2 р. 40 коп.

XXII. Церковь во имя Святителей Московскихъ Петра, Алексія и Іоны у патріарха на Сѣняхъ.

Въ пожаръ 1626 г. сгорѣлъ патріаршій домъ; при возобновленіи его упоминается о строеніи въ немъ церкви во имя Московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны; можно думать, что здѣсь говорится о капитальномъ вмѣстѣ съ домомъ переустройствѣ ея, а не о первоначальномъ строеніи, и слѣдовательно церковь построена ранѣе пожара. Никонъ, вступивъ на патріаршій престолъ, перестроилъ ее заново и украсилъ въ теченіе 1652—1655 гг. Надъ входомъ въ эту церковь онъ помѣстилъ иконы названныхъ святителей, *) а въ самой церкви портреты шести Русскихъ патріарховъ, бывшихъ до него, и свой собственный (Макарія, Ист. Р. Ц. XII, 295). Церковь эта неоднократно терпѣла поврежденія отъ огня. Едва были исправлены въ 1699 г. поврежденія отъ прежнихъ пожаровъ, какъ въ 1701 г., она снова пострадала отъ пожара, начавшагося на Новоспасскомъ подворьѣ; Троицкій пожаръ также не миновалъ ея. Все это произвело такое разрушительное дѣйствіе на стѣны Трехсвятительской церкви, что она обрушилась въ 1769 г. (А. Мартынова. Москва, LXII). Извѣстенъ одинъ случай посѣщенія этой церкви царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ день храмоваго праздника (5 Окт. 1632 г.), когда царь, отслушавъ здѣсь обѣдню, кушалъ у своего отца, патріарха Филарета Никитича (Выходы царей, 3). Первоначально при Трехсвятительской церкви служили монахи; но, съ перестройкой церкви Никономъ, назначено сюда бѣлое духовенство: два священника и дьячекъ, которымъ съ 1657 г. опредѣлена царская руга (Доп. Акт. Ист. IX, 316). Составъ причта не измѣнялся до конца

---

*) Павелъ, діаконъ Алеппскій, описавшій путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Москву для суда надъ Никономъ, говоритъ, что церковь въ срединѣ втораго этажа патріаршаго дома была во имя четырехъ Московскихъ святителей, но въ дѣлахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа она постоянно называется церковью только трехъ святилелей (Заб. Мат. I, 228—233).

XVII вѣка, царское же жалованье ему отнято въ 1681 г. и велѣно ему содержаться на счетъ патріарха (Заб. Мат. II, 387. 494). *).

XXIII. Церковь Рождества Богородицы позади Николо-Гостунской церкви на каменной трубѣ.

Эта церковь, какъ значится въ переписной книгѣ Кремля и Китая-Города 1626 г., находилась между дворами бояръ Ѳ. И. Мстиславскаго и Василія Петровича Морозова, недалеко отъ Разбойнаго Приказа. Здѣсь издавна была небольшая (4×4½ саж.) деревянная церковь, которая въ 1626 г. сгорѣла. Изъ челобитной, поданной въ томъ же году причтомъ сгорѣвшей церкви, узнаёмъ, что, воспользовавшись смутами при самозванцахъ, Ѳ. И. Мстиславскій захватилъ въ свое владѣніе переулокъ, который шелъ съ площади внизъ мимо этой церкви къ Константино-Еленинской, равно какъ часть церковной земли и поставилъ здѣсь свою конюшню, такъ что прихожане принуждены были ходить въ церковь съ другой стороны чрезъ дворъ Морозова. Въ томъ же году у Мстиславскаго было взято церковной земли и подъ переулокъ вдоль 14 саж., въ ширину 1 саж., а также у Морозова съ трехъ сторонъ церкви по сажени (Переп. книги г. Москвы I, 6—7). Церковь была выстроена немного западнѣе прежняго, но уже въ 1681 г. была пуста, и служба въ ней не совершалась (Заб. Мат. II, 384). Съ 1625 г. при ней были два священника, діаконъ, дьячекъ и пономарь, которые получали отъ государя денежную и хлѣбную ругу.

XXIV. Церковь Іоанна Новгородскаго на подворьѣ Московскаго Новоспасскаго монастыря.

Подворье Новоспасскаго монастыря, имѣвшее въ длину 15½ саж., поперечнику 15¼ саж., находилось на мѣстѣ зданія Окружнаго суда рядомъ съ подворьемъ Вознесенскаго монастыря, конюшеннымъ дворомъ Чудова монастыря и домами священниковъ Благовѣщенскаго собора. Первое упоминаніе объ этомъ подворьѣ встрѣчаемъ въ 1627 г. (Заб. Мат. I, 214); священники здѣсь были бѣлые, вѣроятно, наемные. Въ 1701 г., 19 Іюня загорѣлось на Новоспасскомъ подворьѣ, отъ чего выгорѣлъ весь Кремль. Послѣ этого пожара въ томъ же году подворье и съ церковью было отдано (7-го Іюля) Вознесенскому монастырю. По именному указу Петра Великаго отъ 7-го Марта 1702 г.,

*) Въ исторіи Р. Ц. Макарія упомянуто о построеніи Никономъ на мѣстѣ нынѣ существующей церкви Двунадесяти Апостоловъ благолѣпной и величественной церкви во имя Пресв. Троицы и двухъ неизвѣстныхъ по имени, въ третьемъ этажѣ зданія.

взять для образованія площади предъ цейхгаузомъ почти весь дворъ князей Ивана и Юрія Юрьевичей Трубецкихъ, находившійся рядомъ съ Новоспасскимъ подворьемъ, а въ томъ же году 2 Августа Петръ велѣлъ вмѣсто взятой у Трубецкихъ земли отдать имъ Вознесенское и Новоспасское подворья, а также дворы протоіерея и священника Благовѣщенскаго собора, а подъ подворья и дворы земли пріискивать имъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ эти земли перешли во владѣніе кн. Трубецкихъ *). Церковь Іоанна, архіепископа Новгородскаго, съ 1702 г. также перешла во владѣніе кн. Трубецкихъ, и священникъ служилъ въ ней по найму отъ нихъ.

Изъ сохранившейся описи 1721 года узнаёмъ, что церковь во имя Іоанна архіепископа Новгородскаго была каменная, колоколовъ было только два, подъ церковью былъ погребъ, кладовая и жилыя комнаты, въ церкви пять оконъ на улицу и одно на дворъ, ворота обращены были къ Вознесенскому монастырю; все церковное строеніе было очень ветхо (Заб. Мат. II, 829—830). Въ 1722 г. церковь эта, какъ домовая, была запечатана, и съ того времени службы въ ней не было до 1726 г., когда церковь снова была распечатана по болѣзни кн. Трубецкой, прибывшей въ Москву, и приписана къ ближайшей Космодаміанской (Патр. Каз. Прик. в. 453, д. 52 сравн. в. 472 д. 57), причтъ которой и служилъ здѣсь. Скоро однако (въ 1732 г.) встрѣчаемъ особаго священника при домовой кн. Трубецкаго церкви, Никиту Гаврилова. Въ Январѣ 1734 г. онъ, по указу Синода, отправился въ Петербургъ въ домъ того же Трубецкаго «для отправленія крестовой службы». Тѣмъ же указомъ Синода велѣно было церковь въ домѣ кн. Трубецкаго въ Москвѣ запечатать и службы въ ней не отправлять до прибытія кн. Трубецкаго въ Москву. Въ Октябрѣ того же года въ Москву по болѣзни прибыла дочь Трубецкаго, княжна Екатерина; церковь 15 Ноября снова распечатана, и даже опредѣленъ особый къ ней священникъ на ругѣ князя, Алексѣй Ѳедоровъ, до прибытія изъ Петербурга священника Никиты Гаврилова (Арх. Моск. Свят. Син. Конторы 1734 г., № 377). Въ 1747 г. церковь эта была уже пустая, на ней не было и креста (тамъ же 1747 г., № 142).

Церковь вмѣстѣ съ другими зданіями сломана по случаю постройки Сенатскаго зданія, именной указъ о чемъ состоялся 9 Іюня 1776 года (Гастева, Матеріалы для статистики Москвы, 74).

---

*) Впослѣдствіи нѣсколько разъ пытались возвратить отъ Трубецкихъ Новоспасское подворье то архимандриты Новоспасскаго монастыря (напр. въ 1722 г. Іероѳей), то игуменьи Вознесенскаго монастыря въ 1719, 1721 и 1731 гг.; но неудачно. Въ 1729—30 гг. архимандритъ Новоспасскій Евѳимій, не надѣясь уже возвратить въ свое владѣніе Кремлевское подворье, просилъ вмѣсто него дать близъ Знаменскаго монастыря отписанный на государя дворъ бывшаго служителя Меншикова, Саввы Васильева (Заб. Мат. II, 827—828, 851—859).

На Новоспасскомъ подворьѣ часто совершалось съ торжественными обрядами введеніе въ должность архимандритовъ, равно какъ торжественное же введеніе при назначеніи во епископа. Изъ патріаршихъ выходовъ 1666 г. узнаёмъ о нареченіи Новоспасскаго архимандрита Іосифа III митрополитомъ Рязанскимъ и о торжественномъ введеніи его на это подворье. Изъ крестовой палаты онъ былъ провожаемъ туда протопопомъ и протодіакономъ Успенскаго собора, пѣвчими, дьяками и поддьяками въ красныхъ одеждахъ (Доп. Акт. Ист. V, № 26).

XXV. Соборъ Александра Невскаго на Тайницкихъ воротахъ или надъ Приказами.

Храмъ во имя Александра Невскаго на площади подлѣ Черниговскаго собора упоминается съ 1625 года, но вѣроятно, построенъ ранѣе. Въ 1626 году какъ извѣстно, Кремль горѣлъ; вѣроятно, послѣ этого пожара церковь рѣшено было перенести на новое мѣсто на Тайницкіе ворота; устройство новой церкви во имя Александра Невскаго продолжалось до 1634 г., и 15 Іюня новая церковь, получившая названіе собора, была освящена (Заб. Мат. I, 201—202).

Дальнѣйшая судьба этого собора совершенно сходна съ судьбою Черниговскаго собора. Деревянная крыша на Александро-Невскомъ соборѣ въ 1720 г. замѣнена лещедною, отчего прибавилось еще тяжести сводамъ, такъ что для облегченія въ 1722 г. вмѣсто пяти каменныхъ главъ на соборѣ оставлена одна. Въ пожаръ 1737 г. онъ не пострадалъ, но за то постоянно, какъ и Черниговскій, терпѣлъ утѣсненія отъ помѣщенія здѣсь различныхъ присутственныхъ мѣстъ. Постепенно онъ былъ доведенъ до такого состоянія, что въ немъ изветшало рѣшительно все: иконы, одежды, утварь, иконостасъ, въ которомъ даже не было цѣлаго верхняго яруса, крыша лещедная пропускала течь, полъ прогнилъ, окна и двери были до того ветхи, что опасались, какъ бы «послѣднія обветшавшія церковныя одежды, утварь и книги кѣмъ похищены не были». Поправки, начавшіяся въ 1762 г. къ коронаціи императрицы Екатерины, продолжались въ теченіе двухъ лѣтъ и въ 1764 г. окончены (Заб. Мат. II, 982—984, 988—989). Соборъ сломанъ въ 1770 г. по распоряженію экспедиціи для строенія дворца, утварь отдана въ Покровскій на Рву соборъ, иконостасъ поставленъ тамъ во Входоіерусалимскомъ придѣлѣ, гдѣ и нынѣ находится.

Соборъ Александра Невскаго посѣщали почти ежегодно въ храмовой праздникъ 23 Ноября *) цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Але-

*) Празднованіе дня кончины св. князя Александра Невскаго 23 Ноября установлено на Московскомъ соборѣ 1547 г. (Карамз. IX, прим. 87); другой праздникъ въ честь перенесенія мощей Александра Невскаго, 30 Августа, установленъ при Петрѣ Великомъ.

ксѣй Михаиловичъ (П. Строева, Выходы царей). Духовенство при соборѣ состояло изъ протоіерея, двоихъ священниковъ, діакона, дьячка, пономаря и просфорницы и получало царское жалованье деньгами и хлѣбомъ (Доп. Акт. Ист. IX, 316; Заб. Мат. II, 377. 457. 557). По указу Синода, Александро-Невскій и Черниговскій соборы соединены въ одинъ, который впослѣдствіи именовался Черниговскимъ; сообразно съ этимъ, изъ двухъ причтовъ того и другаго собора образованъ одинъ съ однимъ протоіереемъ во главѣ; другой протоіерей назначенъ къ переводу во Владимиръ въ соборъ, а лишніе священно- и церковнослужители распредѣлены на убылыя мѣста къ Московскимъ церквамъ.

XXVI. Церковь Похвалы Богородицы въ домѣ боярина Ильи Даниловича Милославскаго.

Домъ этотъ находился близъ Троицкихъ воротъ, тамъ, гдѣ нынѣ помѣщеніе коменданта. Милославскіе становятся извѣстны со времени бракосочетанія дочери Ильи Даниловича, Маріи Ильиничны, съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ 16 Января 1648 г.; послѣ этого, вѣроятно, вскорѣ было дано Милославскому мѣсто въ Кремлѣ для дома, и въ 1650 г. 27 Октября онъ справлялъ здѣсь новоселье (Заб. Мат. I, 968). Милославскій устроилъ въ домѣ своемъ церковь Похвалы Богородицы съ придѣлами во имя Алексія человѣка Божія и преп. Маріи Египетской, которымъ тезоимениты были царь и царица; храмъ освященъ 1 Сентября 1652 г. По смерти Милославскаго (20 Мая 1668 г.), его домъ и съ церковью поступилъ въ число царскихъ хоромъ и былъ соединенъ въ 1669 г. съ ними деревянными переходами отъ церкви Рождества Богородицы на Сѣняхъ [1]). Дворъ Милославскаго съ находившимися рядомъ аптекарскими палатами составилъ дворецъ Потѣшный, на который въ 1671 г. перекинуты были еще новые переходы отъ Оружейной Палаты [2]).

Царь Алексѣй Михаиловичъ, по смерти своего тестя, былъ дважды въ церкви Похвалы Богородицы, въ похвальную Субботу въ 1670 и 1671 гг., когда домъ считался еще собственностью Милославскихъ. Домъ совсѣмъ отошелъ ко дворцу, вѣроятно, со вступленіемъ царя во второй бракъ съ Н. К. Нарышкиною въ 1671 г. Рейтенфельсъ въ 1672 г., описывая царскій дворъ, говоритъ, что въ немъ «третье отдѣленіе каменное же, гдѣ нѣкогда жилъ тесть нынѣшняго Государя, Илья Даниловичъ» (Снегирева, Русская Старина, въ пам. зодчества, III, 42). Въ 1679 г. Потѣшный дворецъ былъ передѣланъ и увеличенъ

---

[1]) Эта церковь и теперь существуетъ близъ дворцоваго Зимняго сада.

[2]) Она шла на Югъ отъ церкви Рождества на Сѣняхъ къ Срѣтенскому собору.

пристройками деревянныхъ хоромъ и теремовъ для помѣщенія сестеръ государя и тогда же возобновлена церковь Похвалы Богородицы. По смерти ц. Ѳеодора Алексѣевича, здѣсь жили вдова его Марѳа Матвѣевна и сестры его Софія, Екатерина, Ѳеодосія и Наталія.

Въ 1708 г. помѣщены тутъ Ингерманландскія канцеляріи. При Петрѣ въ 1723 г. церковь осмотрѣна и описана поручикомъ Иваномъ Аничковымъ. Изъ его донесенія узнаёмъ, что она и съ алтарями имѣла въ длину 5 саж., поперекъ 6 саж. 1 арш.; у церкви было три входныхъ крыльца, покрыта была на шесть шатровъ мѣдными листами; эта крыша въ томъ же году сорвана вѣтромъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1730 г.) архитекторъ Ивановъ и дѣйств. ст. сов. Савеловъ снова осматривали церковь Похвалы Богородицы и нашли, что церковь все еще не была покрыта крышею, а мѣдные листы уже взяты въ интендантское вѣдомство; кромѣ того оказалось много ветхостей внутри церкви. Въ царствованіе Анны здѣсь жила нѣкоторое время цесаревна Елисавета Петровна, потомъ Московскій главнокомандующій графъ С. А. Салтыковъ. При немъ зданіе Потѣшнаго дворца горѣло, и въ церкви Похвалы Богородицы выгорѣло. Послѣ пожара поврежденія въ церкви исправлены къ 25 Января 1740 г., когда дано было дозволеніе освятить ее (Заб. Мат. I, 1343; II, 887. 888; Арх. Моск. Свят. Син. Конт. 1737 г., № 166; 1740 г., № 34). Елисавета прибывъ въ Москву для коронаціи, остановилась въПотѣшномъ дворцѣ; также раньше поступила императрица Анна. Потѣшный дворецъ былъ наиболѣе благоустроеннымъ изъ всѣхъ зданій дворцовыхъ.

Впослѣдствіи Потѣшный дворецъ постоянно былъ занятъ различными присутственными мѣстами, а въ 1806 г. велѣно было исправить Потѣшный дворецъ и устроить въ немъ помѣщеніе для коменданта. При перестройкѣ и была, вѣроятно, уничтожена церковь Похвалы Богородицы; до настоящаго времени сохранилась на Потѣшномъ дворцѣ башенка, служившая при этой церкви колокольнею.

Въ Спасскомъ, на Бору, соборѣ и теперь можно видѣть изъ этой церкви храмовой образъ Похвалы Богородицы; вокругъ лика Пресвятой Дѣвы изображено родословіе Іисуса Христа, или жезлъ изъ корени Іессеева, и акаѳистъ Божіей Матери въ лицахъ; здѣсь же въ ризницѣ хранится серебряная водосвятная чаша, данная Милославскимъ въ церковь Похвалы Богородицы. Въ церкви Похвалы Богородицы была еще серебряная чарка съ житіемъ Іосифа Прекраснаго, которая пропала 27 Іюля 1686 г. (Забѣл. Бытъ царицъ, 559—560).

При Похвальской церкви съ 1653 г. было два священника, діаконъ, дьячекъ, два пономаря, съ 1681 г. прибавленъ дьячекъ, названный дозорщикомъ. Всѣ они получали жалованье царское денежное и хлѣбное (Доп. Акт. Ист. IX, 318; Заб. Мат II, 385.435. 558).

XXVII. Церковь въ честь Нерукотвореннаго Образа Іисуса Христа Новая у государынь царевенъ на Сѣняхъ.

Хоромы царевенъ находились противъ Потѣшнаго дворца, рядомъ съ Троицкимъ подворьемъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь кавалерскіе корпуса. Здѣсь было двѣ церкви: вышеуказанная и Успенская. Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа построена въ 1662 г.: съ этого года она появляется въ ружной книгѣ (Доп. Акт. Ист. IX, 318). Церковь эта постоянно впослѣдствіи называлась «Спасомъ Новымъ» въ отличіе отъ ранѣе выстроенной (въ 1635—1636 гг.) того же наименованія церкви за золотою рѣшеткою, или Верхоспасскаго собора. Въ 1680 г. возобновлены хоромы царевенъ, и надъ трапезою Спасской церкви устроенъ храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, о которомъ будетъ сказано отдѣльно. Въ 1682 г. хоромы царевенъ горѣли, и вмѣстѣ пострадала церковь Спасская, въ томъ же году и исправлена (Заб. Бытъ царей, 63. 65. 422). По описанію 1722 г., эта церковь была такова: длина алтаря, церкви и трапезы 9 саж. 1 арш., ширина 3½ саж.; у церкви двѣ паперти, въ одной изъ нихъ мѣсто царицы Мароы Матвѣевны; надъ престоломъ была «сѣнь столярная съ рѣзьбою», т. е. такъ называемый киворій. Общее запустѣніе дворца Московскаго со времени переѣзда Петра въ Петербургъ не миновало и хоромъ царевенъ и вмѣстѣ Спасской церкви, а въ пожаръ 1737 г. сгорѣли одежды на престолѣ и жертвенникѣ, оконницы и ставни, полъ на два аршина, правый клиросъ, дверь и въ трапезѣ все; но иконостасъ, утварь и книги уцѣлѣли (Арх. Моск. Син. Конт. 1737 г., № 166). Хоромы царевенъ разобраны вмѣстѣ съ церквами въ 1809 г.

Царь Алексѣй Михаиловичъ бывалъ въ Спасской церкви въ день ангела сестеръ своихъ: Татіаны Михаиловны (въ 1671 и 1673 гг. 12 Января) и Ирины Михаиловны (5 Мая 1673 г.).

Сначала причта при Спасской церкви назначено было: три священника, діаконъ, дьячекъ и два пономаря; съ 1681 года прибавленъ другой дьячекъ, а въ 1699 году отмѣненъ третій священникъ.

XXVIII. Церковь Бориса и Глѣба на дворѣ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго.

Дворъ князя Одоевскаго находился на мѣстѣ зданія Окружнаго Суда рядомъ съ домомъ кн. Трубецкаго. О существованіи церкви извѣстно съ 1665 г., хотя самъ Н. И. Одоевскій въ 1669 г. писалъ, что она построена издавна каменная съ придѣломъ Маріи Магдалины. Такъ какъ придѣлъ этотъ производилъ въ церкви тѣсноту, то кн. Одоев-

скій желалъ его изъ церкви вынести, а устроить въ папертн той же церкви. Патріархъ Іоасафъ въ 1669 г. 29 Мая благословилъ придѣлъ Маріи Магдалины изъ церкви вынести, алтарь соединить съ Борисо-Глѣбскимъ въ одинъ, вновь придѣлъ Маріи Магдалины устроить въ паперти съ тѣмъ, чтобы глава на придѣлѣ была не шатровая и алтарь былъ сдѣланъ круглый (Памятники древней письменности выпускъ I, 138—139). Впослѣдствіи упоминаются при Борисоглѣбской церкви еще два придѣла: во имя великомученика Ѳеодора Стратилата (въ 1681 г.) и преподобной Ксеніи въ 1690 г. (Заб. Мат. I, 1076. 1079).

Въ 1700 г. домъ кн. Одоевскаго принадлежалъ уже князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, а въ 1722 г. князю Ивану Юрьевичу Трубецкому (Заб. Матеріалы II, 493; А. Мартынова, Москва, I, 40).

По именному указу 9 іюня 1776 г., зданія, стоявшія на мѣстѣ, предназначенномъ для постройки Сената, сломаны, въ томъ числѣ и бывшій домъ кн. Одоевскихъ съ церковью. Въ 1681—1699 гг. при церкви значилось три священника, діаконъ, два дьячка, два пономаря и просфорница. Первоначально причтъ содержался на доходъ отъ княжеской деревни Бѣлозерки, но въ 1665 г. эта деревня отписана на государя къ селу Измайлову, а вмѣсто того назначено государево денежное и хлѣбное жалованье. Такъ продолжалось до 1700 г., когда Петръ денежную и хлѣбную ругу причту Борисоглѣбской церкви выдавать не велѣлъ, а указалъ ему довольствоваться боярскимъ подаяніемъ князя Мих. Як. Черкасскаго (Заб. Мат. II, 493).

XXIX. Церковь во имя всемилостиваго Спаса и Владимирской иконы Божіей Матери на дворѣ князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенскаго.

Дворъ Лыкова находился у Никольскихъ воротъ въ углу Кремля; въ 1645—47 гг. входъ на башню Никольскую былъ задѣланъ со двора Лыкова палатою, возлѣ которой къ городовой стѣнѣ пристроена каменная церковь. Въ 1656 г. этотъ дворъ отданъ Сербскому митрополиту Ѳеодосію. Здѣсь проживалъ во время суда патріархъ Никонъ съ 1-го по 13-е Декабря 1666 г. (Доп. Акт. Ист. III, 5; V, 99). Впослѣдствіи этотъ дворъ отданъ подъ подворье Архангельскому архіепископу; домъ и церковь уничтожены по случаю постройки Арсенала, начатой въ 1702 г. и оконченной въ 1736 году.

XXX. Церковь Успенія Богородицы у царевенъ на Сѣняхъ, на Куретныхъ воротахъ.

Вторая церковь въ хоромахъ царевенъ была устроена въ честь Успенія Божіей Матери въ 1680 г. надъ трапезою Новой Спаса Нерукотвореннаго Образа церкви и освящена въ самый праздникъ Успенія Божіей Матери; отъ Успенской церкви были устроены переходы въ находившійся рядомъ Богоявленскій монастырь или Троицкое подворье (Заб. Бытъ царей, 63. 417). Успенская церковь пострадала въ пожаръ 1682 г. и тогда же исправлена; въ 1730 г. въ ней оказались ветхости въ окнахъ и дверяхъ, но существенныхъ поврежденій не было; въ Троицкій пожаръ 1737 г. въ ней «утварь выгорѣла, а что̀ въ ризницѣ было погорѣло» неизвѣстно только вынесены образъ Всемилостиваго Спаса, серебряное кадило и мѣдный чайникъ (Арх. Моск. Свят. Синода Конторы 1737 г. № 166). Поврежденія, были настолько значительны, что священникъ Успенской церкви былъ въ Декабрѣ того же года переведенъ къ церкви Николая Чуд. Явленнаго, «дондеже реченная Успенская церковь возобновится и освящена будетъ, понеже въ церкви за выгорѣніемъ въ ней нынѣ безъ обновленія священно-служеніе исправлять невозможно» (Заб. I, 186). Успенская церковь сломана вмѣстѣ съ хоромами царевенъ по ветхости въ 1809 г.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ былъ въ Успенской церкви въ 1680 г. наканунѣ ея освященія у малой вечерни, молебна и всенощной, въ 1681 г. въ храмовой праздникъ и въ день именинъ тетки своей Татіаны Михаиловны 12 Января (Строева, Выходы царей 686. 697. 701).

XXXI. Церковь Петра и Павла въ Верху.

Деревянныя хоромы царевича Петра Алексѣевича съ матерью находились на мѣстѣ двора С. Л. Стрѣшнева близъ хоромъ царевенъ; тѣ и другія хоромы въ Ноябрѣ 1682 г. сгорѣли. Въ 1684 г. на Кормовомъ дворѣ возлѣ верхняго Краснаго сада и вновь устроенныхъ хоромъ царя Петра была построена каменная церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла; въ Іюнѣ того же года велѣно написать въ эту церковь мѣстныя пророческія и праотеческія иконы и сдѣлать иконостасъ, позолотивъ сусальнымъ золотомъ; въ Іюлѣ велѣно было покрыть по стропиламъ желѣзнымъ мѣдью и главы сдѣлать желѣзныя, обить ихъ мѣдью и кресты на главахъ сдѣлать желѣзные, а на средней главѣ крестъ и яблоко позолотить. 16-го Ноября того же года (это былъ день воскресный) новоустроенная церковь была освящена патріархомъ Іоакимомъ въ присутствіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (Заб.

Мат. I, 186—187). Въ 1689 г. 25 Января во второмъ часу ночи въ этой церкви совершено бракосочетаніе царя Петра съ Евдокіею Өеодоровною Лопухиною духовникомъ царскимъ протопопомъ Меркуріемъ (Др. Росс. Вивл. XI, 194). Въ 1703 г., по именному указу царя, ризница Петропавловской церкви и причтъ отправлены въ Шлиссельбургъ. Такъ окончилось кратковременное ея существованіе. Отъ послѣдующаго времени (1722 г.) дошло до насъ извѣстіе о размѣрахъ церкви: церковь вмѣстѣ съ алтаремъ имѣла длины 5 саж. $1\frac{1}{4}$ арш., въ ширину $2\frac{3}{4}$ саж., трапеза въ длину имѣла $2\frac{1}{2}$ саж., поперекъ $3\frac{1}{4}$ саж.; церковь была пятиглавая, главы и кресты желѣзные вызолоченные; около церкви была площадка, выстланная лещадями; противъ алтаря другая площадка, гдѣ когда-то былъ садъ; подъ алтаремъ сѣни, подъ церковью другія сѣни, изъ которыхъ вверхъ въ трапезу церкви вела деревянная лѣстница. При осмотрѣ церкви въ 1730 г., она оказалась пустою: въ ней не было ни иконъ, ни утвари, ни половъ, ни дверей (Заб. Мат. I, 1290—1292; II, 636). Въ 1747 г. на церкви уже не было ни главъ, ни крестовъ (Арх. Моск. Син. Конт. 1747 г. № 142). Самое зданіе, потерпѣвшее въ пожары 1696 и 1737 гг., почти развалилось къ 1753 г., когда и назначено къ совершенному уничтоженію.

По размѣтной ружной книгѣ 1699 г., при Петропавловской церкви причтъ значится въ такомъ составѣ: священниковъ двое, діаконъ, ризничій, два псаломщика и два пономаря; на будущее время велѣно отмѣнить протопопа и ризничаго, а жалованье царское выдавать по прежнему, кромѣ вина, котораго на причтъ раньше выдавалось 16 ведеръ въ годъ. Въ 1703 г. по указу Петра I, собрано со священниковъ города Москвы и Московскаго уѣзда въ подмогу отправлявшемуся въ Шлиссельбургъ Петропавловскому священнику 50 рублей и четверымъ церковникамъ по 20 р. (Заб. Мат. I, 187; II, 428).

XXXII. Крутицкое подворье съ церковью Благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Крутицкое подворье находилось противъ нынѣшняго Николаевскаго дворца; оно служило мѣстомъ пребыванія для Крутицкихъ архіереевъ. Крутицкая епархія учреждена въ 1261 г. подъ именемъ Сарайской, на Волгѣ, близъ нынѣшняго города Царицына, въ Великомъ Сараѣ, столицѣ Ордынскихъ хановъ, для пріѣзжавшихъ туда изъ Россіи христіанъ. Варлааму, епископу Сарскому, великій князь Даніилъ Александровичъ около 1300 года далъ мѣсто на горахъ у Москвырѣки, и мѣсто это стало подворьемъ Сарскихъ архіереевъ. Митрополитъ Алексій отдалъ въ вѣдѣніе епископу Аөанасію церкви по рѣкѣ

Дону, и съ того времени они стали называться Сарскими и Подонскими. Съ епископа Вассіана (1454) они стали жить въ Москвѣ на Крутицахъ, гдѣ былъ архіерейскій домъ на мѣстѣ теперешнихъ Крутицкихъ казармъ. Крутицкіе архіереи имѣли свою епархію, а для удобства сношеній съ Всероссійскимъ митрополитомъ и впослѣдствіи патріархомъ имѣли подворье въ Кремлѣ, гдѣ часто жили сами и гдѣ была Крутицкая консисторія.

Первое упоминаніе о церкви на Крутицкомъ подворьѣ въ Кремлѣ въ честь Благовѣщеніи Пресвятой Дѣвѣ Маріи встрѣчается въ 1690 году (Заб. Мат. I, 1066). Въ Троицкій пожаръ церковь, ризница и архіерейскія кельи уцѣлѣли, а сгорѣли: казенная палата, въ которой имѣлась денежная казна, приходныя и расходныя книги и росписные, казначейскіе, пріемные списки, счетныя выписки, жалованныя грамоты и крѣпости, серебряная, мѣдная и оловянная посуда, судейская, казначейская и школьническая кельи, рухлядная палата со всякою рухлядью, канцелярія, въ которой большей части указовъ и дѣлъ не осталось, поварня и конюшня (Арх. Моск. Син. Конт. 1737 г. № 166).

Отъ 1752 г. сохранились еще нѣкоторыя свѣдѣнія о зданіяхъ, находившихся на этомъ подворьѣ. Все строеніе здѣсь было каменное. Въ пяти покояхъ во время пребыванія въ Москвѣ жилъ Крутицкій архіерей; въ его отсутствіе въ его покояхъ находились судія-архимандритъ, казначей, ризничій съ іеромонахами и іеродіаконами; здѣсь же находилась Крутицкой епархіи консисторія съ архивомъ; внизу находились поварня, погребъ, хлѣбная, конюшня. Благодаря тому, что здѣсь жилъ часто архіерей, здѣсь никогда постоевъ свѣтскихъ лицъ и учрежденій не бывало, и внаймы отдавать было нечего. Только однажды въ 1722 году здѣсь жилъ со служителями вице-президентъ Святѣйшаго Синода Θеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ Псковскій и Нарвскій (Арх. Моск. Син. Конт. 1752 г. № 274 ср. Собр. пост. по вѣд. Прав. Исп. Росс. Имп. II, 258). Крутицкое подворье уничтожено по случаю строенія новаго дворца при Екатеринѣ II и отошло подъ площадь предъ Николаевскимъ дворцомъ. Первоначально здѣсь служило бѣлое духовенство, а затѣмъ монахи на содержаніи отъ Крутицкаго архіерея.

*

Въ этотъ очеркъ упраздненныхъ церквей Московскаго Кремля не вошли старинные Кремлевскіе церкви и монастыри, переведенные отсюда по повелѣнію великаго князя Іоанна III, равно какъ неизвѣстныя деревянныя церкви, сгорѣвшія въ пожары, такъ часто опустошавшіе Москву и, наконецъ, уничтоженные придѣлы при существующихъ церквахъ.

Всѣ упраздненныя въ Кремлѣ церкви построены не позже конца XVII вѣка, пока мыслію жить постоянно подъ Божіимъ кровомъ проникнуты были всѣ отъ высшихъ до низшихъ. Новыя чуждыя вліянія съ конца XVII вѣка измѣнили эту благочестивую настроенность. Въ XVIII вѣкѣ въ Кремлѣ вновь построена только одна церковь (Благовѣщенская на Житномъ дворѣ), въ XIX вѣкѣ не построено ни одной. На мѣстѣ стараго воздвигалось новое: мѣста́ церквей заняли арсеналъ, казармы, зданіе Окружнаго Суда, образовались площади. Никакими памятниками или иконами съ надписью не обозначены мѣста́ бывшихъ здѣсь храмовъ, какъ сдѣлано это при постройкѣ Биржеваго зданія въ Китаѣ-городѣ, и не устроено придѣловъ при другихъ церквахъ въ память упраздненныхъ храмовъ, какъ сдѣлано было при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ: вмѣсто разобранныхъ на Красной площади церквей сооружены въ тоже именованіе придѣлы при Покровскомъ соборѣ (т. е. у Василія Блаженнаго).

Въ наше время стало обычаемъ ставить памятники въ честь великихъ людей, дѣлать надписи на домахъ, гдѣ родились поэты. Не пора ли вспомнить о болѣе важномъ и такъ или иначе увѣковѣчить память объ уничтоженныхъ въ различныхъ мѣстахъ храмахъ, тѣмъ болѣе, что уже существуетъ общество, на обязанности котораго лежитъ сохраненіе и возстановленіе памятниковъ древности? *).

Свящ. Н. Скворцовъ.

---

*) Въ предисловіи къ этой статьѣ по недосмотру допущены пропуски и неточности относительно мѣстоположенія трехъ церквей; при дальнѣйшемъ изложеніи они исправлены, что и просимъ имѣть въ виду. Н. С.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

по воспоминаніямъ двухъ родныхъ братьевъ.

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія о Московской Духовной Академіи принадлежатъ двумъ получившимъ въ ней образованіе роднымъ братьямъ: старшему—магистру VII курса, протоіерею губ. гор. Владимира Іакову Васильевичу Миловскому, моему дядѣ (сконч. въ 1878 году), и младшему—кандидату XIII курса, протоіерею г. Шуи (Влад. губ.) Михаилу Васильевичу Миловскому, моему отцу. Воспоминанія перваго заимствованы изъ обширныхъ автобіографическихъ записокъ его, полныхъ глубокаго интереса; воспоминанія втораго записаны нами съ его словъ.

Свящ. Н. Миловскій.

I.

Московская Духовная Академія въ 1826—1830 годахъ.

13-го Августа 1826 года, помолившись Богу и получивъ благословеніе родителей, отправился я въ Троице-Сергіеву лавру, для поступленіи въ Московскую Духовную Академію, куда посланъ былъ на казенный счетъ правленіемъ Владимирской семинаріи, какъ считавшійся однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Неторопливо ѣхали мы съ моимъ родителемъ на гнѣдой клячѣ. Всю дорогу я былъ очень пасмуренъ и отъ того, что робѣлъ при мысли о своей плохой учености, и отъ того, что какъ-то нездоровилось.

Такъ, не очень здоровымъ я и прибылъ въ лавру послѣ вечерни 15-го числа. Студентовъ еще никого не было. Я тотчасъ явился къ инспектору Евлампію со страхомъ и трепетомъ. Онъ принялъ меня хорошо; поговорилъ о нашей семинаріи, о нашей обмундировкѣ; замѣтилъ мою блѣдность и велѣлъ мнѣ занять какую-либо комнату впредъ до распредѣленія. Распредѣленіе послѣдовало послѣ экзамена, весьма снисходительнаго. Мнѣ досталось отвѣчать изъ метафизики Ѳеодору Александровичу Голубинскому. Что̀ именно меня спрашивали и какъ я отвѣчалъ, не помню. Видно, отвѣты мои были не очень удовлетворительны, потому что я принятъ въ числѣ посредственныхъ. Помѣстили насъ, Владимирцевъ, въ 6-мъ № (вторая комната отъ сто-

ловой). Съ нами же были помѣщены и Москвичи. Комната наша была мрачная, но за то сухая (а это не бездѣлица).

Первое время пребыванія въ Академіи было для насъ очень весело, вотъ по какому случаю: лавра ожидала пріѣзда дорогихъ гостей, нововѣнчаннаго императора Николая со всею фамиліею, послѣ коронаціи въ Москвѣ. Лекціи не начинались, все ждали Государя, и ждали довольно долго: коронація была 22-го Августа, а жданные гости прибыли 25-го Сентября. Они пожаловали послѣ вечерни. Толпы народа осаждали монастырь. Студенты Академіи и Виѳанской семинаріи были разставлены отъ святыхъ воротъ до Троицкаго собора. Новопроизведенный митрополитъ Филаретъ со всею братіею выходилъ на встрѣчу. Государь и государыня вели подъ руку Марію Ѳеодоровну и непрестанно кланялись. Квартира имъ была приготовлена въ царскихъ чертогахъ (въ главномъ зданіи Академіи, гдѣ конференція, какъ разъ надъ нашимъ студенческимъ помѣщеніемъ). Куда бы Императоръ ни пошелъ, и мы бѣжимъ туда же, какъ сумасшедшіе. Посадъ былъ иллюминованъ. Веселое было время! Скоро только прошло оно. На другой день всѣ высокіе гости были у обѣдни и обошли монастырскія церкви. Потомъ Государь былъ въ нашей залѣ, въ столовой, въ библіотекѣ. Къ своему столу пригласилъ ректора Академіи. По окончаніи обѣда тотчасъ всѣ отправились въ Москву, лавра, послѣ шума и суетни, вдругъ утихла, и мы, наконецъ, принялись за дѣло. При посѣщеніи лавры царскою фамиліей, я видѣлъ маленькаго, но довольно толстаго Дибича.

Вотъ какой былъ порядокъ въ Академіи. Утромъ, въ 6 часовъ, солдатъ Копнинъ проходилъ подъ окнами студенческихъ номеровъ со звонкомъ, приглашая спящую ученость къ молитвѣ и занятіямъ. Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: никто и не думалъ вставать по звонку. Кому нужно было вставать рано для своихъ занятій, тотъ давно всталъ и сидѣлъ за своими тетрадками, въ своей комнатѣ или классной залѣ; кому же хотѣлось спать, то спалъ спокойно до 8 часовъ, а нѣкоторые ухитрялись просыпать и классы. (Первымъ изъ такихъ мудрецовъ былъ философъ Абрамычъ Виноградовъ, а вторымъ нашъ Владимирецъ Владыкинъ). Въ 8 часовъ опять идетъ тою же дорогой Копнинъ съ своимъ колокольчикомъ созывать нашего брата въ классъ, и мы шли, только очень неторопливо: наставники приходили на одинъ только часъ; что̀ же намъ дѣлать въ классѣ безъ наставника? Не драться же на кулачки, какъ бывало въ училищѣ! Въ 10-ть перемѣна, въ 12-ть прямо изъ класса въ столовую; въ 2 часа опять въ классъ, въ 4 кончались классы, въ 8 ужинать, въ 10 спать,—и все по звонку. Въ 10 часовъ въ каждой комнатѣ должны быть про-

читаны вечернія молитвы; но и это не исполнялось: каждый молился про себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда инспекторъ посѣтитъ комнату; а онъ непремѣнно каждый день посѣщалъ одну которую-нибудь. Тогда одинъ изъ студентовъ, по назначенію инспектора, бралъ канонникъ и читалъ всѣ вечернія молитвы внятно и неторопливо, а прочіе стояли и усердно молились.

Вообще жизнь въ Академіи была самая нестѣснительная. Начальство обходилось со студентами не какъ съ ребятами, которымъ необходимъ строгій надзоръ. Все время, свободное отъ классовъ, оно отдавало намъ въ полное распоряженіе. Такъ и слѣдуетъ. Зачѣмъ водить на помочахъ 20-тилѣтнихъ юношей? Къ сожалѣнію, не всѣ умѣли употреблять во благо свою свободу; нѣкоторые съ большими способностями облѣнились, другіе любили и покутить при случаѣ и безъ случая.

Студенты помѣщались въ двухъ корпусахъ, старомъ и новомъ. Всѣхъ комнатъ или номеровъ было четырнадцать. Особенныхъ спаленъ не было; гдѣ занимались, тутъ и чай пили, тутъ и спали. Въ каждой комнатѣ посрединѣ стояли два массивные стола, окрашенные желтой краской и нѣсколько табуретовъ (ничѣмъ не обтянутыхъ) по числу студентовъ, большой гардеробъ для платья, шкафъ. Вверху шкафа мы клали свои книги, а внизу свѣчи, щетки, самовары. Кровати были желѣзныя; на нихъ тюфякъ, простыня и двѣ подушки, на всемъ этомъ студентъ, а на студентѣ одѣяло изъ самой грубой шерсти; подъ кроватью сундукъ для бѣлья. Имѣлся еще комодъ съ нѣсколькими ящиками для каждаго жильца.

Въ каждую комнату назначался старшій, который долженъ былъ имѣть постоянный надзоръ за живущими съ нимъ. Съ ними онъ долженъ садиться въ столовой, съ ними ходить въ церковь. Это нѣчто въ родѣ гувернера. Послѣ ужина каждый день старшіе ходили къ инспектору съ рапортомъ о томъ, все ли благополучно, исправно ли въ столовой. По истеченіи мѣсяца старшій подавалъ инспектору записку обо всемъ, что̀ было особеннаго въ комнатѣ, указывалъ на добрыя и недобрыя черты живущихъ подъ его смотрѣніемъ. На запискѣ дѣлались инспекторомъ отмѣтки. Впослѣдствіи этотъ обычай отмѣненъ. И хорошо, что отмѣненъ. Что̀ если старшій недобросовѣстенъ? Вѣдь онъ можетъ замарать репутацію, не боясь обличеній; потому что все дѣлалось въ тайнѣ.

Нашимъ гувернеромъ на младшемъ курсѣ былъ Ефимъ Васильевичъ Михайловъ, изъ отличныхъ воспитанниковъ Виѳанской семинаріи, страшный гордецъ: глядитъ на насъ свысока и слова не скажетъ. Однако мы стали замѣчать, что нашъ строгій благочинный идетъ не

всегда твердыми шагами къ своей кровати и съ этимъ открытіемъ потеряли къ нему страхъ и уваженіе. Принявъ монашество съ именемъ Евграфа, онъ кончилъ курсъ вторымъ и оставленъ при Академіи баккалавромъ, но къ концу втораго года спился, бѣдняга, окончательно, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Амвросіемъ, также баккалавромъ. Жалко было видѣть, до какой степени унизился этотъ въ высшей степени гордый человѣкъ. Онъ просилъ у меня, когда я былъ комнатнымъ старшимъ, пятіалтынный на полштофъ вина! Мнѣ было стыдно слышать такую просьбу; безъ всякихъ отговорокъ я исполнилъ ее; даже послалъ своего служителя принести Русскаго нектара.

Столъ у насъ былъ не роскошный. Дѣти богатыхъ родителей, особенно Москвичи, избалованные съ дѣтства хорошимъ столомъ, очень неласково посматривали на академическую стряпню; но большая часть, вскормленные кашей и сѣрыми щами, кушала эту стряпню съ аппетитомъ и не роптала. Въ праздничные дни кусокъ пирога, студень, щи съ говядиной и жаркое—за обѣдомъ, а за ужиномъ—похлебка и каша; въ будни за обѣдомъ щи съ говядиной и каша; въ постные дни тѣже щи, таже похлебка и каша, только непремѣнно съ прогорклымъ конопляным маслом, которое и портило все дѣло, отбивая аппетитъ у самыхъ невзыскательныхъ гастрономовъ. Не знаю почему (не нарочно же покупали масло скверное), но во всѣ четыре года на нашемъ столѣ не было хорошаго масла. Оттого постные дни были очень непріятны, особенно тѣмъ бѣднякамъ, у коихъ не было ни копѣйки денегъ, а такіе встрѣчались между нами. Я принадлежалъ къ числу едва не богачей. Двоюродный братъ Миловзоровъ прислалъ мнѣ 10 золотыхъ арабчиковъ изъ Кюстенджи, гдѣ онъ состоялъ во время Турецкой войны докторомъ при госпиталѣ, да 23 цѣлковыхъ изъ-подъ Варны. Поэтому у меня была возможность дополнять недостатокъ казенной пищи собственными булками. Чай пили многіе, но многіе обходились и безъ него. Самоваровъ было немного; у кого не было своего, тотъ выпрашивалъ кипяченой водицы у товарища. У меня имѣлся свой самоваръ, купленный мной у одного изъ кончившихъ курсъ за 7 рублей асс. Чай пили на томъ же столѣ, на которомъ и занимались. Въ столовой ложки были деревянныя. Во время обѣда и ужина чередной студентъ читалъ житіе дневнаго святаго. Чтенія никто рѣшительно не слушалъ, а иные изъ проказниковъ приносили съ собой смѣшныя рукописныя сказанія о томъ, какъ одинъ монахъ, исшедъ изъ обители, узрѣлъ діавола, ѣдущаго на свиньѣ, или какъ Михаилъ Архангелъ бысть постриженъ въ мнихи. Всѣ хохотали, вотъ и назиданіе! Начальство, конечно, не знало этихъ продѣлокъ, да и знать не могло, потому что служители были всѣ за насъ и никогда на насъ не доносили, а о студентахъ и говорить нечего.

Одежда у насъ была одноформенная; въ комнатѣ—шлафрокъ изъ какой-то грубой матеріи, въ классѣ и въ церкви—суконные сюртукѣ и брюки, при окончаніи курса фракъ. Ни шинели, ни перчатокъ, ни носовыхъ платковъ, ни полотенецъ не полагалось. Кто могъ, тотъ кутался, въ зимнюю пору, въ свою шинель; а кто не имѣлъ совершенно никакихъ средствъ, тотъ легко обходился и безъ этой тяжести. Любо бывало посмотрѣть на Николая Ивановича Панинскаго, когда онъ въ одномъ сюртучкѣ, безъ перчатокъ, летитъ, въ трескучій морозъ, въ Трапезную церковь, а иногда и за ворота, прогуляться или завернуть съ добрымъ товарищемъ къ Конькову. Мнѣ батюшка, спасибо, подарилъ на первомъ году шинель. Правда, она была изъ толстѣйшаго сукна и холодная; но что же дѣлать? Онъ былъ очень небогатъ.

Во всю длину стараго корпуса разстилалась равнина, на которой въ лѣтнюю пору росла хорошая трава. Когда она, высушенная, лежала въ копнахъ, нѣкоторые студенты, любители сельской природы и вольнаго воздуха, спокойно тамъ спали. Теперь на этомъ лугу разросся правильный садъ, съ дорожками и куртинами; деревья такъ высоки и роскошны, что прежняго мѣста и узнать нельзя.

Разсказавъ про академическіе порядки, упомяну о начальникахъ и наставникахъ академіи. Ректоромъ академіи былъ архимандритъ Поликарпъ, человѣкъ добрый, но малодѣятельный: любилъ весело провести время, сытно поѣсть, сладко и попить, оттого сильно растолстѣлъ. Въ архіереи не попалъ. Уволенъ отъ должности ректора едва ли по прошенію, и умеръ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, которымъ за послѣднее время управлялъ. Догматику онъ читалъ по тетрадкѣ и очень мало объяснялъ. Въ классъ приходилъ два раза въ недѣлю, и то на одинъ часъ. Для него мы дѣлали выписки изъ Греческихъ и Латинскихъ отцевъ Церкви въ его обширной залѣ, гдѣ онъ поилъ насъ чаемъ. Онъ думалъ было составить свою догматику и издать въ свѣтъ, но ничего не сдѣлалъ.—Инспекторъ, архимандритъ Евлампій былъ довольно добръ и непридирчивъ, но очень нерасторопенъ, а потому худо распоряжался, еще хуже преподавалъ свое Практическое Богословіе. Записки его были чрезвычано тяжелы; учить ихъ было наказаніе. За то студенты осыпали его безпощадными сарказмами. Послѣ онъ былъ въ Тобольскѣ архіепископомъ; наконецъ уволенъ на житье въ Свіяжскъ за какую-то скандалёзную исторію, гдѣ и умеръ.—Изъ наставниковъ, по мнѣнію всѣхъ, стоялъ на первомъ планѣ Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ имѣлъ самое доброе сердце, глубокое смиреніе, обширную ученость. Къ каждому студенту онъ обращался съ уваженіемъ; въ каждомъ отвѣтѣ нашемъ, иногда совершенно неосновательномъ, непремѣнно отыскивалъ какой-нибудь смыслъ.

Его многознаніе выказывалось на экзаменахъ. Возраженія Филарета иногда приводили въ тупикъ не только студентовъ, но и баккалавровъ; тогда Өеодоръ Александровичъ вставалъ и тотчасъ рѣшалъ трудный вопросъ ясно и удовлетворительно. Но, какъ профессоръ, онъ въ наше время пользовался прошедшею славою: слишкомъ осторожно раскрывалъ онъ предъ нами философскія сокровища. При мнѣ онъ былъ еще во фракѣ, но вскорѣ принялъ священство. Былъ протоіереемъ Московскаго Вознесенскаго монастыря, оставаясь на службѣ при академіи. Умеръ на своей родинѣ, въ Костромѣ.—Экстраординанрый профессоръ эстетики Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, холостякъ, имѣлъ умъ основательный, но языкъ злой. Строго критиковалъ онъ наши сочиненія, и всегда съ тонкою ироніею, не объявляя, впрочемъ, имени автора. Бывало сердце замираетъ, когда онъ вынимаетъ изъ боковаго кармана тетрадку: что̀, если тутъ мое сочиненіе? сгоришь отъ стыда! Спрашивалъ онъ меня одинъ только разъ въ два года и цѣлый часъ бесѣдовалъ со мною о вкусѣ. Къ счастію, я недавно просматривалъ этотъ трактатъ и не только имѣлъ его въ свѣжей памяти, но умѣлъ указать на нѣкоторые иностранные источники, касающіеся этого предмета. Платонъ остался доволенъ моими отвѣтами и настоялъ (голосъ его былъ уважаемъ въ конференціи) поставить меня въ спискѣ довольно высоко. Вскорѣ послѣ окончанія мною курса онъ умеръ.—Петръ Спиридоновичъ Делицынъ былъ умный и добрый профессоръ математики. Я не учился ей, а потому не имѣлъ съ нимъ никакого сношенія.—Съ благодарностью я долженъ вспомнить Павла Петровича Ключарева, наставника по всеобщей исторіи. Онъ былъ ко мнѣ очень внимателенъ, можетъ быть, потому, что я любилъ его предметъ. Впрочемъ, онъ былъ и ко всѣмъ хорошъ, по добротѣ сердца. Предметъ свой изучалъ постоянно, а потому зналъ его и объяснялъ намъ безъ тетрадки очень хорошо. Онъ, по отзывамъ знающихъ людей, могъ бы съ честью занимать историческую каѳедру въ университетѣ. Почеркъ письма его былъ такъ гадокъ, что изъ рукъ вонъ. Однажды я переписалъ его проповѣдь (на Петровъ день), за что̀ получилъ въ подарокъ десть почтовой бумаги. Умеръ, въ санѣ протоіерея, въ Москвѣ.—Моисей Егоровичъ Молчановъ, весьма умный, дѣятельный, расторопный баккалавръ исторіи философскихъ системъ. Онъ весьма много сдѣлалъ по устройству академической библіотеки. Онъ былъ росту высокаго, кривой (ему въ дѣтствѣ сестра проткнула глазъ вилкой). Умеръ въ Москвѣ въ первую холеру.—О другихъ наставникахъ можно и не говорить; развѣ упомянуть о Дмитріѣ Петровичѣ Новскомъ, позднѣе протопресвитерѣ Московскаго Успенскаго собора (читавшемъ намъ логику и психологію), впрочемъ не за то, что онъ читалъ намъ эти премудрости,

а за то, что подписался на моемъ дипломѣ: ab actis academiae Demetrius Novsky.

Первое время моей жизни въ академіи было мнѣ очень скучно. Часто я уходилъ на стѣну монастырскую съ тетрадкой, но тетрадку не всегда вынималъ изъ кармана, а больше смотрѣлъ вдаль и мечталъ Богъ знаетъ о чемъ, расхаживая по открытой со всѣхъ сторонъ Каличьей башнѣ. И теперь не могу объяснить, почему мнѣ было такъ скучно. Такъ, бывало, сердце и ноетъ, будто неминучая бѣда виситъ надъ головою. Знаменитая лавра, куда народъ валитъ тысячами со всей Россіи, мнѣ-юношѣ казалась если не гробомъ, то никакъ нелучше тюрьмы. Кажется, никто меня не обижалъ; товарищи были снисходительны къ нашему Володимирскому выговору; самые Виѳанцы и вышколенные Москвичи никогда не позволяли себѣ улыбнуться при страшномъ для нихъ выговорѣ нашего брата или Ярославца, а особенно Вологодца. Начальники и подавно были съ нами очень хороши. Отчего же эта печаль сердца? Просто, кажется, отъ непривычки къ совершенно новой для меня жизни. Чѣмъ дольше жилъ въ академіи, тѣмъ больше привыкалъ къ ней, а наконецъ даже и полюбилъ ее, и теперь вспоминаю съ благодарностью. Академія поставила меня на ноги, вывела въ люди, была всегда ко мнѣ добра и снисходительна до того, что дала мнѣ такую степень, которой я далеко не заслуживалъ.

На первыхъ порахъ я былъ слишкомъ боязливъ: боялся выйти за ворота, не смѣлъ принять участіе ни въ какихъ шуткахъ товарищескихъ; а потомъ смѣло разгуливалъ по рощамъ или по посаду, смѣло становился въ ряды товарищей, играющихъ въ мячъ или марширующихъ подобно шеренгѣ солдатъ. Затѣй было очень много въ наше время, но не буйныхъ, а легко извиняемыхъ нашимъ возрастомъ; напр. пѣли пѣсни, устраивали театръ (одинъ разъ меня уговорили принять участіе въ какой-то комедіи), ходили за монастырь смотрѣть на посадскіе хороводы. При нашемъ приближеніи непремѣнно запѣвали:

Чернечикъ ты мой,
Горюнъ молодой...

Разумѣется, всѣ игры и гулянья устраивались въ свободное время. Были между товарищами и такіе, которые любили посидѣть за пуншемъ въ лавочкѣ Конькова и Балашова и возвращались въ монастырь нетвердыми шагами, но таковыхъ было немного.

Нѣкоторымъ развлеченіемъ для меня была бесѣда со старцемъ-іеромонахомъ Гавріиломъ. Онъ приходился дядею моему дядѣ. Родня, какъ видите, не самая близкая; но онъ принималъ меня, будто близкаго роднаго, съ большимъ радушіемъ. Придешь къ нему вечеркомъ,—

сидитъ пожелтѣвшій отъ лѣтъ старецъ за чулкомъ или за прялкой. Шерсть онъ прялъ самъ и изъ нея работалъ чулки или перчатки себѣ и своимъ внучатамъ. Когда преосвященный Филаретъ, сдѣлавшись настоятелемъ лавры, обходилъ монашескія кельи, намѣстникъ Аѳанасій приказалъ убрать все, кромѣ книгъ, образовъ и чётокъ. Мой Гавріилъ не послушался, привязанную къ лопатѣ кудель шерсти оставилъ на виду. Филаретъ обратилъ вниманіе на эту, невиданную имъ, работу и похвалилъ труженика. Обрадуется о. Гавріилъ моему приходу и закричитъ своему сосѣду, жившему черезъ сѣни, такому же старцу Сергію. Тотъ является въ одномъ камзолѣ, и начинается у насъ бесѣда вокругъ самовара, которымъ распоряжался всегда я. Я же долженъ былъ попотчивать ихъ и водочкой, которая у нихъ не переводилась. Старики были простые, добрые и весьма неглупые; шутили, другъ друга называли полуименемъ, много надѣялись на молитвы преподобнаго Сергія и ужасно не любили двоихъ схимонаховъ, которые жили надъ ними. Бывало, съ удовольствіемъ проведешь съ ними время. Послѣ моего отбытія изъ лавры, мой старецъ разбитъ былъ параличемъ, ослѣпъ и доживалъ въ больницѣ, нуждаясь во многомъ. Пріѣхавши въ лавру изъ Владимира, я отыскалъ бѣдняка. Съ перваго слова онъ узналъ меня и съ чувствомъ вспоминалъ наши бесѣды. Прощаясь, я положилъ ему въ руку синенькую. «За что̀ это?» спросилъ старецъ.—«За любовь твою», сказалъ я. При этомъ словѣ, слезы закапали на его сѣдую бороду.

Пріѣхавши въ Академію съ самымъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и съ самымъ высокимъ понятіемъ объ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ, я боялся сдѣлаться вовсе недостойнымъ мѣста, а потому сталъ заниматься наукой прилежно. Вставая почти всегда часа въ 4, иногда въ 2, я уходилъ нерѣдко или въ залу или въ монашескія келіи, когда онѣ не были заняты. Иногда просиживалъ далеко за полночь, а одинъ разъ просидѣлъ до 6 часовъ утра. Такая усидчивость была на первыхъ порахъ необходима: иначе я навсегда остался бы въ числѣ посредственныхъ. Первое мое сочиненіе было такъ плохо, что Молчановъ подписалъ подъ нимъ самое нелестное словечко: *male*. Впрочемъ, и то надобно сказать, что оно написано было будто экспромптъ какой, безъ всякаго раченія. На классы я ходилъ рѣшительно на всѣ; таковыхъ строгихъ ревнителей классическихъ занятій было очень немного: кромѣ меня, Филаретъ Гумилевскій, а еще и назвать не знаю кого. Изо всѣхъ предметовъ я болѣе любилъ исторію и успѣвалъ въ ней. По прошествіи двухъ лѣтъ, мои два историческія сочиненія представлены въ конференцію, какъ лучшія; вѣроятно, подъ ними подписана была другая отмѣтка. Французскимъ языкомъ я занимался много

и пріобрѣлъ навыкъ свободно читать Французскія книги. Готовя курсовое сочиненіе объ естественной религіи, я нерѣдко обращался къ Французскимъ источникамъ. Греческій языкъ и Еврейскій не были оставлены безъ вниманія. Проповѣдки мои одобрялись и были произносимы иногда въ Троицкомъ соборѣ, иногда въ Трапезной церкви.

Нашъ курсъ очень не великъ, всего человѣкъ сорокъ; а принято было значительно больше. Одинъ, напр., убѣжалъ изъ Академіи вскорѣ отъ грубой пищи; другой вышелъ изъ столовой и мертвый ткнулся въ снѣгъ; третій упалъ, возвращаясь изъ Виѳаніи, и также умеръ. Эта внезапная смерть, такъ грозно поражавшая нашихъ молодыхъ, здоровыхъ, веселыхъ товарищей, подавляла всѣхъ насъ ужасомъ.

Изъ сорока товарищей дальше и выше всѣхъ пошли тѣ, которые сдѣлались монахами. Монашество—самая широкая и торная дорога къ почестямъ, славѣ, ко всѣмъ удобствамъ жизни, кромѣ семейныхъ радостей. Вотъ напр., Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Вѣдь онъ просто былъ Димитрій Григорьевичъ Гумилевскій; онъ имъ и остался бы, подобно всѣмъ намъ, протоіереямъ и іереямъ, если бы не перемѣнилъ свое имя. До монашества онъ былъ ниже меня; а теперь чтò я передъ нимъ? Впрочемъ, надобно сказать, что онъ былъ съ выдающимися способностями, кротокъ и весьма прилеженъ. Гумилевскій, обвѣшанный орденами, носилъ крестъ доктора богословія. Умеръ, обозрѣвая свою епархію.—Вотъ Никодиму, прежнему Никитѣ Ивановичу Казанцеву, не очень повезло. Добился онъ архіерейства, да въ дальней Сибири; это нелестно. Этотъ Никодимъ былъ нелюбимъ; за его сладкую улыбочку и какое-то ханжество товарищи влѣпили ему прозванье Никита Пустосвятъ: это прозваніе за нимъ и осталось. Были и еще монахи, да тѣ ужъ больно плохи, и потому никакъ не могли дойти до высшихъ степеней священства.

Изъ нашего курса, прежде его окончанія, вышли Яковъ и Сергѣй Баршевы, изъ коихъ первый былъ потомъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, а второй—ректоромъ Московскаго. Оба были ребята бойкіе, съ хорошими способностями. Они были вызваны въ Петербургъ вслѣдствіе проекта Сперанскаго, который, желая образовать хорошихъ наставниковъ по законовѣдѣнію, предложилъ Государю взять для этой цѣли молодыхъ людей изъ духовныхъ академій. Два раза было требованіе по три студента изъ нашей и Петербургской академій. Они, побывши нѣсколько при университетѣ, отправились въ Берлинъ. Посланные оправдали надежду Сперанскаго. Въ первый разъ былъ посланъ Константинъ Неволинъ, изъ Вятскихъ, маленькій, худенькій, черноглазый. Какъ теперь гляжу на его невзрачную фигуру. Онъ былъ послѣ ректоромъ университета Св. Владимира и пріобрѣлъ

Европейскую знаменитость сочиненіями по части права. Другой былъ Василій Потаповичъ Знаменскій. Этотъ по уму и сердцу выше Неволина, но, къ несчастію, умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ Берлина.

Изъ младшаго курса вышелъ въ люди Ѳеимъ Поликарповичъ Орлинскій, Евсевій, архіепископъ Могилевскій. Онъ былъ письмоводителе́мъ у эконома и жилъ въ его комнатахъ, гдѣ я иногда и бесѣдовалъ съ нимъ за чаемъ, какъ человѣкъ очень близкій. Хорошій былъ студентъ Ѳеимъ Поликарповичъ; а Тимоѳей Григорьевичъ Успенскій (Филоѳей, архіепископъ Тверской) лучше его; но я съ нимъ вовсе не былъ знако́мъ. Александръ Васильевичъ Горскій по праву заслужилъ уваженіе и ту степень, на которой стои́тъ теперь *).

Предшествовавшій намъ курсъ отличался необыкновеннымъ усердіемъ къ равноангельскому житію: изъ 35 студентовъ 10 подклонили выю свою подъ иго Христово. Евлампій потиралъ руки отъ удовольствія; но Россійская церковь немного получила пользы отъ этой толпы подвижниковъ. Только двое, какъ умные и хорошіе иноки, попали въ архіереи: Варлаамъ (Тобольскій), да Іосифъ (Воронежскій); изъ числа прочихъ одни были ужъ слишкомъ плохи, а другіе вскорѣ оказались горькими пьяницами. Настоящимъ монахомъ былъ одинъ Агапитъ (Введенскій): это былъ аскетъ въ полномъ смыслѣ; такимъ остался на всю жизнь. Отъ архіерейства отказался. Управляетъ доселѣ Московскимъ Новоспасскимъ монастыремъ.

Во всѣ четыре года моего курса митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ въ Іюнѣ на экзамены и держалъ Академію, начальствующихъ, учащихъ и учащихся, въ страхѣ. Всѣ боялись его учености и власти. Я не разъ былъ предъ лицемъ его святѣйшества. На окончательномъ экзаменѣ онъ два дня перебиралъ нашего брата по восьми часовъ сряду. Мы, молодые люди, утомлялись до крайности, а онъ видно не утомлялся: ни одной ошибки не пропуститъ не только въ мысляхъ, но даже въ словахъ, удивительный человѣкъ! Время жаркое. Съ бѣднаго ректора, не любившаго изнурять плоть свою ни постомъ, ни молитвою, потъ катился градомъ; ну, ужъ доставалось ему!.. Однако наши отвѣты, видно, понравились строгому визитатору. Онъ выразилъ свою благодарность ректору, и ректоръ, за эту, полученную имъ, благодарность благодарилъ насъ, при чемъ мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что я часто откашливался (чего я, конечно, не примѣчалъ за собою).

Конференція состоялась скоро, и мы тотчасъ узнали свою сортировку и даже назначеніе на мѣста́. Меня возвели на степень магистра богословія и назначили на классъ философіи. То и другое было

---

*) Было писано въ началѣ 70-хъ годовъ. С. Н. М.

для меня, слишкомъ высоко; того и другаго я далеко не стоилъ. Развѣ такіе должны быть магистры богословія и профессора философіи? Но тогда мнѣ было только 24 года, а потому мнѣ и въ голову не приходило сознаться въ своихъ недостаткахъ; я только радовался своему возвышенію и мечталъ, мечталъ много. Жизнь представлялась въ розовомъ свѣтѣ. Ни одного облачка не было видно на ея горизонтѣ.

6-го Іюля 1830 года я выѣхалъ изъ Академіи совсѣмъ не съ такими чувствами, съ какими въѣхалъ въ нее: тогда я унывалъ, а теперь радовался; тогда былъ робокъ, а теперь ужъ родилась самонадѣянность; тогда я ѣхалъ въ монастырь на ученье, а теперь выпущенъ на волю и ѣхалъ учить въ ту семинарію, въ которой такъ недавно сидѣлъ на ученической скамьѣ. Нѣсколько товарищей проводили меня до Корбухи. Тамъ, на радости и на прощаньи, роспили мы полштофа сладкой водки. Это единственный мой кутежъ за все время моей академической жизни.

Весело, беззаботно проводилъ я вакацію на родинѣ, въ ожиданіи профессорства во Владимирской семинаріи. Но товарищъ Александръ Ефимовичъ Нечаевъ, Москвичъ, первымъ кончившій курсъ, заставилъ меня призадуматься, а родителей моихъ очень опечалилъ, объявивъ, что послѣ моего отъѣзда въ назначеніи на мѣста́ произошла перемѣна, и меня назначили въ Полтаву. (У Нечаева были родственники въ селѣ близкомъ къ моей родинѣ. Посѣтивши родныхъ, онъ вздумалъ навѣстить и своего товарища, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ). Нельзя было не задуматься отъ такого извѣстія; но я скоро помирился съ мыслію о путешествіи на Югъ и жизни между хохлами, по юношеской ли безпечности или по предчувствію, что дѣло устроится иначе. И оно дѣйствительно устроилось иначе, по волѣ Филарета, которому Коммиссія Духовныхъ Училищъ предоставила, на этотъ разъ, право распорядиться нашимъ братомъ: я, какъ предполагалось прежде, назначенъ профессоромъ философіи въ родную мнѣ Владимирскую семинарію...

II.

Московская Духовная Академія въ 1838—1842 годахъ.

Вотъ ужъ 50 лѣтъ, какъ я кончилъ курсъ въ Академіи, а она и доселѣ живо вспоминается мной, какъ будто я разстался съ нею только вчера, и воспоминанія о ней наполняютъ душу мою, самымъ сладкимъ чувствомъ. Академія дорога́ мнѣ не потому только, что я провелъ въ ней лучшіе, юношескіе годы жизни, полный силъ и надеждъ на будущее, но и потому, что она, какъ настоящая alma ma-

ter, заботливо воспитывала меня и, давъ мнѣ высшее образованіе и соединенныя съ нимъ права и преимущества, открыла для меня поприще общественной дѣятельности.

Во Владимирской семинаріи я кончилъ курсъ первымъ студентомъ. Семинарское правленіе, наблюдая очередь, хотѣло назначить меня въ Кіевскую Академію, но по просьбѣ моего брата, профессора семинаріи, послало въ Академію ближайшую, Московскую.

По прибытіи въ Сергіеву Лавру я прежде всего явился къ исправлявшему должность инспектора Академіи, іеромонаху Филоѳею, для представленія ему и себя, и своихъ документовъ [1]). Онъ указалъ мнѣ помѣщеніе и велѣлъ обратиться къ эконому за постелью и бѣльемъ. Мы почти только разъ и видѣли о. Филоѳея; потому что онъ, принявъ насъ и размѣстивъ по номерамъ, немедленно выѣхалъ изъ нашей Академіи въ Петербургскую для исправленія инспекторской же должности. Экономъ іеромонахъ Иліодоръ тотчасъ отдѣлилъ мнѣ и бѣлье, и матрацъ, и подушки. Какъ простой деревенскій парень, не избалованный услугами другихъ, напротивъ почти всѣ и тяжелыя домашнія работы дѣлавшій самъ, я хотѣлъ было взвалить всѣ эти вещи на себя и нести въ свой номеръ; но экономъ остановилъ меня, замѣтивъ, что на то есть въ Академіи служители.

Въ Академію я поступилъ при ректорѣ Филаретѣ [2]), а кончилъ въ ней курсъ при Евсевіи [3]). Оба они, въ манерѣ держать себя, въ образѣ жизни, въ отношеніи къ сослуживцамъ, студентамъ и постороннимъ лицамъ, старались осуществить завѣтъ митрополита Филарета, данный первому изъ нихъ: «берегите достоинство мѣста, которому принадлежите».

Филаретъ былъ подвижникъ благочестія и науки. Книга была его неразлучнымъ спутникомъ въ его прогулкахъ, напр. въ рощѣ на Корбухѣ (гдѣ теперь скиты). Многіе находили въ этомъ желаніе его «порисоваться». Молодой монахъ, съ худощавымъ смуглымъ лицомъ, съ думою во взорѣ, съ книжкою или тетрадкою въ рукахъ, гулявшій въ тѣни деревъ Корбухи или расхаживавшій по академическому двору, дѣйствительно обращалъ на себя вниманіе монастырскихъ богомольцевъ, особенно барынь. За годъ до окончанія мною курса, Филаретъ посвященъ былъ въ архіерея въ Ригу. Скорбь его по поводу назначенія въ Нѣмечину, неспокойную тогда окраину Русскую, раздѣляла и вся Академія. Когда Филаретъ, сознавъ крайнюю необходимость под-

---

[1]) Филоѳей (Успенскій) впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій. Скончался въ 1881 году.

[2]) Впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій. Скончался въ 1866 году.

[3]) Впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій, членъ св. Синода.

янть образовательный уровень своего духовенства, чтобы оно не уступало въ образованности пасторамъ и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовало въ пользу Православія среди Нѣмцевъ, Эстовъ и Латышей, сталъ хлопотать о привлеченіи въ Ригу академиковъ, для замѣщенія священническихъ вакансій: тогда правленіе Академіи, къ числѣ четырехъ кончившихъ курсъ и не получившихъ еще назначенія на мѣста́, рѣшило отправить въ Ригу и меня. Но митрополитъ Филаретъ на журналѣ правленія написалъ, что-де не мѣшало бы предварительно спросить избранныхъ, желаютъ ли они «принять избраніе». Насъ спросили, и мы отвѣчали отказомъ, въ виду тогдашняго тяжелаго положенія дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вызваннаго дружнымъ массовымъ стремленіемъ Эстовъ и Латышей къ Православію и фанатическимъ противодѣйствіемъ тому со стороны Нѣмецкихъ пасторовъ и бароновъ, которые поддерживались, къ несчастію, самими мѣстными представителями Русской свѣтской власти. Меня, кромѣ того, удержала отъ поѣздки на службу въ Рижскую епархію любовь къ старымъ родителямъ, не хотѣвшимъ отпускать своего сына далеко отъ себя. «Уѣдешь ты отъ насъ въ такую даль, говорила мнѣ матушка, женишься тамъ; жена не отпуститъ тебя повидаться съ нами, и не увидимъ мы тебя, голубчика, больше».

Евсевій, состоявшій при Филаретѣ инспекторомъ, сдѣлался преемникомъ его по ректорству. Онъ отличался важностью въ обращеніи и движеніяхъ. Говорилъ чуть-чуть шевеля губами, отчего рѣчь его выходила тихою, но въ тоже время внушительною.

На мѣсто его инспекторомъ былъ опредѣленъ баккалавръ церковнаго краснорѣчія, іеромонахъ Платонъ [1]). Когда я, по окончаніи курса ѣхавши въ Тобольскъ на службу, остановился въ Казани, о. Платонъ, переведенный туда въ ректора семинаріи, принялъ меня, своего ученика и воспитанника, съ большимъ радушіемъ и любовью. «Если бы я доселѣ служилъ въ Академіи», сказалъ онъ мнѣ съ чувствомъ искренняго участія, «васъ такъ далеко не услали бы». Онъ находился тогда еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пожара, незадолго предъ тѣмъ истребившаго лучшую часть Казани и самую семинарію, и весьма озабоченъ былъ вопросомъ о возобновленіи семинарскаго зданія. «Горе-то, горе-то, у насъ какое», почти послѣ первыхъ же привѣтственныхъ словъ началъ о. Платонъ, и разсказалъ мнѣ о пожарѣ со всею подробностью.

Преемникомъ о. Платона по инспекторству былъ іеромонахъ Агаѳангелъ, при которомъ мнѣ и пришлось кончить курсъ [2]). Я пользо-

[1]) Платонъ (Ѳивейскій), впослѣдствіи архіепископъ Костромской. Скonч. въ 1877 году.

[2]) Агаѳангелъ (Соловьевъ), впослѣдствіи архіепископъ Волынскій. Сконч. въ 1876 году.

вался вниманіемъ и расположеніемъ о. Агаѳангела, какъ землякъ его и родственникъ его друга-товарища по Владимирской семинаріи священника Григорія Филиповича Лебедева. О. Агаѳангелъ нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ за-просто. Предъ посылкою доноса своего на Павскаго онъ посвятилъ меня въ эту тайну, которую знали, кромѣ меня, еще трое студентовъ.

Кстати объ этой печальной исторіи. Памятна она мнѣ, памятна особенно, потому что, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось принять въ ней нѣкоторое участіе. Я не сталъ бы и упоминать о ней, если бы не считалъ своимъ долгомъ снять съ о. Агаѳангела густую тѣнь, какую налагаютъ на него нѣкоторые изслѣдователи исторіи доноса на Павскаго. Вотъ какъ было дѣло. Съ нѣкотораго времени студенты стали замѣчать, что трое изъ нашихъ товарищей почти каждый вечеръ уходятъ къ о. Агаѳангелу и подолгу у него остаются. О причинахъ своихъ отлучекъ къ нему они ничего намъ не говорили, и на вопросы любопытствующихъ или отвѣчали молчаніемъ или заводили рѣчь о чемъ-либо другомъ. Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ на святки домой о. Агаѳангелъ пригласилъ къ себѣ и меня. Когда я пришелъ, онъ, взявъ съ меня слово сохраненія тайны относительно предмета предстоявшаго разговора, повелъ рѣчь въ такомъ родѣ: «Павскій написалъ переводъ пророческихъ книгъ съ объясненіями, возмущающими чувство православнаго христіанина. По Павскому выходитъ, что пророчества—это не предвѣщанія самого Духа Божія устами избранныхъ мужей, а случайно оправдавшіяся въ позднѣйшихъ событіяхъ простыя изреченія экзальтированныхъ лицъ. Я, при участіи нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ студентовъ, сдѣлалъ разборъ этого перевода, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на еретическія мѣста въ толкованіяхъ. Мнѣ представляется необходимымъ обратить на этотъ неологическій переводъ вниманіе высшей духовной власти, почему я и составилъ о немъ письма къ тремъ митрополитамъ». Послѣ того о. Агаѳангелъ началъ говорить, что по такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ онъ не подписался подъ письмами, что по тому же считаетъ неудобнымъ послать ихъ изъ Сергіева Посада и, наконецъ, сталъ убѣдительно просить меня: «вотъ наступаютъ святки, время свободное отъ занятій; пожалуйста, съѣздите въ Москву и сдайте тамъ въ почтамтѣ мои письма». Я возразилъ, что на святки ѣду къ брату, во Владимиръ. «Такъ сдайте письма во Владимирѣ», обрадовался о. Агаѳангелъ; «это будетъ еще лучше». Дѣлать нечего, я взялъ письма и сдалъ ихъ во Владимирѣ на почтѣ. Одинъ знакомый чиновникъ, случайно встрѣтившійся тамъ со мною и успѣвшій какимъ-то образомъ прочитать адре-

сы на конвертахъ, присталъ ко мнѣ: разскажи, да разскажи, что̀ это за письма. Пришлось солгать: «Это поздравительныя письма къ митрополитамъ отъ здѣшняго преосвященнаго Парѳенія по случаю наступающихъ праздниковъ». Сдалъ я пакеты, а самъ думаю: «ну, что-то будетъ; кажется, дѣло не пройдетъ такъ». Но ужъ конечно я совсѣмъ не воображалъ, что эти письма, лежавшія у меня въ чемоданчикѣ и бывшія въ моихъ рукахъ, произведутъ большой переполохъ въ духовно-ученомъ и духовно-административномъ мірѣ, что они поднимутъ исторію, которая повлечетъ за собою удаленіе Кіевскаго и Московскаго митрополитовъ изъ Синода.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Академію началось слѣдствіе. Сперва митрополитъ нашъ хотѣлъ секретнымъ и чисто-домашнимъ образомъ произвести разслѣдованіе и отобрать распространившіеся у насъ экземпляры литографированнаго перевода; но было уже поздно. Во главѣ оффиціально назначенной слѣдственной коммиссіи находился епископъ Агапитъ, членъ Московской Синодальной Конторы, слѣдователь плохой, не умѣвшій взяться за дѣло какъ нужно. Допросы намъ дѣлались длинные-предлинные. Помню, насъ собрали въ одну изъ аудиторій и продержали тамъ чуть ли не цѣлый день. Молодые желудки сильно протестовали противъ необычнаго пропуска опредѣленнаго времени обѣда; обладатели ихъ сердились и ворчали. «Господа», сказалъ какой-то студентъ, «а вѣдь, говорятъ, все это надѣлалъ Агаѳангелъ!»

О томъ, чѣмъ закончилась исторія доноса Агаѳангела на Павскаго, писано довольно много разными лицами, въ томъ числѣ моимъ сослуживцемъ по Тобольской семинаріи и искреннимъ другомъ, Александромъ Ивановичемъ Сулоцкимъ, большею частію, съ моихъ же словъ. Повторять старое, печатанное, да и перепечатанное не будемъ; но по поводу нареканій на о. Агаѳангела нужно сказать нѣсколько словъ. Не изъ опасенія за себя, за свою участь, онъ скрылъ подъ письмами свое имя, а изъ нежеланія втянуть въ дѣло митрополита Филарета, который и безъ того перенесъ много огорченій въ разныхъ исторіяхъ перевода священнаго текста на Русскій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Агаѳангелъ подписался подъ письмами, въ обществѣ возникло-бы подозрѣніе и даже убѣжденіе, что они писаны *баккалавромъ Московской Академіи* именно по внушенію и порученію главнаго начальника ея митрополита Филарета, что это онъ, спрятавшись, ради собственнаго спокойствія, за спиною подчиненнаго ему человѣка, бросилъ камень обвиненія въ Павскаго, своего давнишняго противника, и такимъ образомъ личность

великаго, достойнѣйшаго святителя явилась бы въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ [1]). Такими соображеніями и побужденіями, сколько помню, объяснялъ свой поступокъ о. Агаѳангелъ въ оправдательномъ письмѣ къ митрополиту, которое передъ отправкою къ нему давалъ прочитать мнѣ и которое написано было очень основательно и трогательно.

Говорятъ: «Почему онъ не посовѣтовался со своими сослуживцами? Быть можетъ, они указали бы ему иной, болѣе благовидный путь дѣйствованія». Онъ и совѣтовался, по крайней мѣрѣ съ друзьями. Такъ мнѣ положительно извѣстно, что Агаѳангелъ послалъ свои письма на одобреніе и благословеніе друга своего, баккалавра Платона. Однажды онъ пришелъ къ о. Платону въ сильномъ смятеніи духа и, чуть не плача, сталъ говорить ему о появленіи у насъ неправославнаго перевода пророческихъ книгъ и о той борьбѣ, какая происходитъ въ его душѣ между требованіемъ долга обратить на этотъ переводъ вниманіе духовной власти и сознаніемъ трудности сдѣлать это мирно, безъ шума и безъ причиненія тревогъ нѣкоторымъ даже ни въ чемъ неповиннымъ мужамъ. Когда онъ сказалъ, что находитъ самымъ наилучшимъ послать о переводѣ безыменныя письма къ митрополитамъ и разъяснилъ причины именно такого образа дѣйствій, о. Платонъ одобрилъ его проектъ и благословилъ друга на дѣло. Агаѳангелъ поклонился ему въ ноги и вышелъ отъ него, охваченный рѣшимостью совершить задуманное. Это передавалъ мнѣ самъ о. Платонъ, когда былъ ректоромъ семинаріи въ Казани; тоже вспоминалъ въ бесѣдѣ со мною и впослѣдствіи, когда былъ архіепископомъ въ Костромѣ [2]).

Митрополитъ Филаретъ на первыхъ порахъ очень гнѣвался на Агаѳангела. На одномъ изъ экзаменовъ онъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе нашему баккалавру, что тотъ невѣрно перевелъ Еврейское названіе Пятокнижія словомъ *пять пятыхъ*. «Что̀ по вашему пять пятыхъ?» обратился Филаретъ къ математику Делицыну. «Единица», отвѣчалъ

---

[1]) Припомнимъ, что Павскій, какъ только узналъ въ авторѣ безыменныхъ писемъ баккалавра Московской Академіи Агаѳангела, тотчасъ же пришелъ къ убѣжденію, что они писаны по приказу Филарета... С. П. М.

[2]) Сколько намъ извѣстно, Платонъ въ то время, когда началось дѣло Павскаго, находился уже въ Казани, ректоромъ семинаріи. Платонъ былъ воспріемнымъ отцомъ Агаѳангела по иночеству, и тотъ вѣроятно просилъ у него совѣта, задумывая написать свои письма къ тремъ митрополитамъ. Н. Б.

тотъ. «Нужно было бы», продолжалъ митрополитъ, «перевести такъ: пятерица пятерицъ; это будетъ указывать на то, что Пятокнижіе Моисея—лучшая книга, подобно тому, какъ Пѣснь Пѣсней—лучшій поэтическій сборникъ».

И впослѣдствіи, когда Агаѳангелъ сдѣлался уже архіереемъ, онъ не переставалъ оказывать мнѣ любовь и вниманіе. Бывало, онъ пришлетъ мнѣ съ какой-нибудь оказіей то архипастырское благословеніе, то поклонъ, то сочиненіе свое или какую-либо иную книжку. У меня бережно хранится, напримѣръ, маленькая, Кіевскаго изданія, Псалтирь, съ слѣдующею надписью: «Его благословенію любезному М—у В—чу М—му Агаѳангелъ, епископъ Ревельскій, викарій С.-Петербургскій. 19 Іюля 1859 года. С.-Пб.» Родина его, живописнѣйшій по мѣстоположенію погостъ Ильинскій-Телешово, находится всего въ пяти верстахъ отъ города Шуи, гдѣ я живу. Посѣщая родину, онъ навѣщалъ и меня. Однажды дѣти мои видѣли, какъ изъ окна проѣхавшей мимо нихъ кареты кто-то обѣими руками благословилъ мой домъ; послѣ оказалось, что это проѣзжалъ архіепископъ Волынскій Агаѳангелъ, не имѣвшій возможности, на этотъ разъ, посѣтить меня за недосугомъ.

Изъ профессоровъ въ наше время на первомъ планѣ стоялъ Ѳ. А. Голубинскій—дивный, обаятельный человѣкъ. Замѣчательно, что онъ почти никогда не смѣялся. Помню, только однажды онъ позволилъ себѣ улыбнуться. На пріемномъ экзаменѣ Ѳеодоръ Александровичъ спросилъ одного студента: «возможно ли, чтобы міръ образовался изъ атомовъ?» Студентъ отвѣчалъ: «если Господу угодно, то возможно». При такомъ отвѣтѣ усмѣхнулся и Ѳ. А. Смиреніе нашего мудреца было чрезвычайное. Рисуется мнѣ такая картина. Зима. Снѣгъ валитъ хлопьями на дорогу и на весь дворъ монастыря. По дорогѣ, направляясь къ академіи, идетъ, далеко неплавной походкой, о. протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ. Ему пересѣкаетъ путь какой-то мужичекъ, снимаетъ шапку и подходитъ подъ благословеніе. Голубинскій, также снявъ шапку, благословляетъ его. Мужичекъ завязываетъ о чемъ-то разговоръ, и оба остаются съ непокрытыми головами,—одинъ, конечно, изъ уваженія «къ батюшкѣ о. Ѳеодору», а другой изъ удивительной деликатности, не позволявшей ему накрыться предъ человѣкомъ, который самъ стоитъ безъ шапки, и изъ какой-то чисто-дѣтской робости, нерѣшительности сказать собесѣднику: «вотъ что̀, братъ, давай-ка накроемся; вѣдь теперь не лѣто красное; легко и головы простудить».

Такъ и разговариваютъ непокрытые, разговариваютъ долго и, наконецъ, послѣ многократныхъ взаимныхъ низкихъ поклоновъ, расходятся.

Нашему курсу выпало на долю первому слушать лекціи только что прибывшаго изъ Петербурга баккалавра эстетики Егора Васильевича Амфитеатрова. Помню его первую лекцію. Въ аудиторію вошелъ молодой баккалавръ, одѣтый франтомъ, и поклонился съ ловкостью почти военнаго человѣка. Вынулъ изъ кармана тетрадку и, не раскрывая ея, началъ лекцію: «Геній поэзіи разнообразенъ, какъ тотъ міръ, который пробуждаетъ его высокія идеи и питаетъ его творческое воодушевленіе»... Егоръ Васильевичъ не сидѣлъ на каѳедрѣ во время лекціи, а расхаживалъ по классу, ловко поворачивясь на каблукахъ. Лекція была блестящая; она привела всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы поспѣшили ее записать. Я и доселѣ, спустя 50 лѣтъ, отрывками помню ее. Лекціи Амфитеатрова, однакожъ, не всегда нравились Филарету, который иногда находилъ въ нихъ одно фразёрство, за что и дѣлалъ автору ихъ острыя замѣчанія. Какъ Петербургскій питомецъ, набравшійся столичнаго лоску, Егоръ Васильевичъ старался задавать тонъ нашей профессорской корпораціи.

Жизнь въ академіи была вполнѣ свободная. Начальство рѣдко заглядывало къ намъ въ комнаты, въ той увѣренности, что мы, какъ люди уже вполнѣ взрослые, почти «мужи», сами съумѣемъ поддержать внѣшній порядокъ въ своей жизни.

Когда митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ въ лавру, пребываніе его здѣсь чувствовалось самымъ ощутительнымъ образомъ. Вездѣ, и на задворкахъ монастыря, выметено и вычищено; монахи не гуляютъ за воротами и пребываютъ въ келіяхъ своихъ, въ строгомъ безмолвіи; студенты также не путешествуютъ по посаду, а больше сидятъ въ комнатахъ за книжками и тетрадками. И не напрасно всѣ «подтягивались». Филаретъ былъ не номинальный только «Свято-Троицкія Сергіевы лавры священно-архимандритъ» и таковой же начальникъ академіи, но и самый заботливый дому-владыка, истинный хозяинъ и лавры, и академіи, зорко слѣдившій за всѣмъ и во все самъ вникавшій. Въ мое время былъ такой случай. Филаретъ, въ одну изъ своихъ любимыхъ прогулокъ по монастырскимъ стѣнамъ, забрался въ нижній этажъ стѣны и сдѣлалъ визитъ жившему тамъ академическому сапожнику. Въ мастерской нашего чеботаря, грязной до-нельзя, дымъ отъ махорки стоялъ коромысломъ. Митрополитъ поморщился, но всетаки остался въ такой атмосферѣ на нѣсколько времени, чтобы поучить сапожника

и внушить ему необходимость жить почистоплотнѣе. Однажды, передъ лекціей, мы сидимъ у себя въ номерѣ и преспокойно разговариваемъ. Вдругъ является Филаретъ. «Почему вы не на лекціи?» строго спрашиваетъ онъ насъ.—Еще рано, ваше высокопреосвященство, заикнулся кто-то. «Какъ рано?» возразилъ митрополитъ; «посмотри, сколько времени», обратился онъ къ сопровождавшему его келейнику. Оказалось, что лекціи уже пора начаться. Филаретъ прогналъ нашего брата въ классъ, куда и самъ пришелъ слѣдомъ за нами. Вскорѣ прибѣжали запыхавшійся Евсевій и блѣдный, смущенный профессоръ.

Мнѣ пришлось однажды отвѣчать предъ великимъ святителемъ на экзаменѣ. Это было въ годъ доноса на Павскаго. Филаретъ захотѣлъ поближе ознакомиться со всѣми участниками доноса, и главными, и второстепенными. Поэтому онъ и меня вызвалъ не въ очередь, раньше многихъ другихъ. Когда я вышелъ къ столу и поклонился митрополиту, онъ устремилъ на меня такой испытующій взглядъ, что я едва вынесъ его. Такъ и чувствовалось, что взглядъ этотъ проникалъ въ самую душу мою и видѣлъ всего «мя человѣка»; и думалось, что вотъ-вотъ разразится надо мною гроза. Какъ на грѣхъ, дрогнувшая рука моя взяла со стола самый послѣдній билетъ — о таинствѣ елеосвященія, единственный билетъ, котораго я не успѣлъ прочитать... По соблюдавшемуся у насъ обычаю отошелъ я къ окну обдумать свой отвѣтъ, попросилъ было помощи у стоявшаго тамъ товарища іеромонаха Ѳеофилакта Губина (впослѣдствіи епископъ Кавказскій и Черноморскій), но онъ отчаянно замахалъ рукой, говоря, что и со своимъ-то билетомъ ему не справиться. Нечего дѣлать; оставалось мнѣ припоминать то, что́ когда-то слушалъ на лекціи. Но, должно быть, мое лепетанье представляло нѣчто похожее на отвѣтъ, потому что митрополитъ выслушалъ меня благосклонно. Онъ спросилъ меня: «можно ли соборовать и больныхъ малолѣтнихъ?» Я отвѣчалъ: «Нѣтъ».—Почему?— «Потому что на нихъ нѣтъ тяжкихъ грѣховъ». Но Филаретъ рѣшилъ свой вопросъ такъ, что и малыхъ дѣтей больныхъ можно елеосвящать. На этомъ экзаменѣ спрошено было митрополитомъ 13 студентовъ. Филаретъ на журналѣ написалъ, что одни отвѣчали хорошо (это въ устахъ его большая похвала), а другіе—удовлетворительно (благосклонный отзывъ).

Въ бытность мою студентомъ академіи, въ лавру пріѣзжалъ новопоставленный архіепископъ Алеутскій Иннокентій. «Апостолъ Америки пріѣхалъ,» восторженно говорили студенты, и съ уваженіемъ смотрѣли на архипастыря-миссіонера. Почести ему были оказаны въ лаврѣ такія

же, какъ митрополиту. Когда Иннокентій отправился въ обратный путь, на лаврской колокольнѣ раздался торжественный звонъ во всѣ колокола. Былъ поздній зимній вечеръ. Мы оставили свои занятія и выбѣжали на монастырскій дворъ. Быстро проѣхалъ мимо насъ возокъ, въ которомъ находился архипастырь, отправлявшійся въ свою отдаленнѣйшую епархію на тяжкіе апостольскіе труды. Предъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ намъ запросъ, не желаетъ ли кто слѣдовать за нимъ для проповѣди слова Божія Алеутамъ. На зовъ откликнулся одинъ Озеровъ, мой товарищъ, очень дружный со мною (одолжавшійся моимъ самоваромъ, который и доселѣ цѣлъ). Въ Охотскѣ Озеровъ отъ Иннокентія принялъ монашество съ именемъ Мисаила, потомъ, вслѣдствіе слабости здоровья, возвратился въ Россію, гдѣ, будучи архимандритомъ, умеръ на покоѣ въ Троицкой лаврѣ.

Изъ нашего курса вышло немало замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Таковъ, напримѣръ, Владимиръ Сергѣевичъ Соколовъ, впослѣдствіи Іоаннъ, епископъ Смоленскій, знаменитый проповѣдникъ-публицистъ, затрогивавшій въ своихъ проповѣдяхъ вопросы современной мысли и жизни. Какъ теперь смотрю на его маленькую, непредставительную фигуру. Онъ былъ очень нелюдимъ. Ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ; все что-то обдумываетъ, все самъ съ собою разсуждаетъ, а съ нами—хоть-бы слово. На экзаменѣ по догматическому богословію онъ отвѣчалъ, помню, о Промыслѣ Божіемъ, и съ такою основательностью разрѣшалъ вопросы и возраженія Филарета, что тотъ сказалъ ему: «хорошо.»

Полнѣйшую противоположность Соколову по характеру представлялъ Н. И. Миролюбовъ, нынѣ Макарій, архіепископъ Донской и Новочеркасскій. Живой, общительный, простой и непринужденный въ обращеніи, онъ былъ любимцемъ всего курса. Дмитрій Григорьвичъ Левицкій, Петръ Симоновичъ Казанскій, Василій Петровичъ Палисадовъ, Александръ Кириловичъ Соколовъ, Петръ Іустиновичъ Палимпсестовъ—все это прекрасные, умные люди и товарищи.

Лейтенантъ Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ хотя и принадлежалъ къ нашему курсу, но съ нами въ знакомство не входилъ. Поступленіе свѣтскаго человѣка, да еще флотскаго офицера, въ Духовную Академію было тогда диковинкой. Самъ Филаретъ принялъ его подъ свое особое покровительство, отечески заботился о немъ и, когда Краснопѣвковъ запросилъ казеннаго содержанія, приказалъ удовлетворить его просьбѣ. Но великій святитель зналъ, кому покровительство-

вать: онъ предвидѣлъ, что изъ Краснопѣвкова будетъ прокъ, и не ошибся. Принявъ монашество съ именемъ Леонида, Краснопѣвковъ, послѣ неособенно-продолжительной службы по духовно-учебному вѣдомству, сдѣлался викаріемъ Филарета и, наконецъ, переведенъ на самостоятельную архіепископскую каѳедру въ Ярославль.

По окончаніи курса, я опредѣленъ учителемъ въ Тобольскую семинарію.

21-го Сентября минувшаго 1892-го, года въ тотъ самый день, когда Казанская Духовная Академія праздновала пятидесятилѣтіе своего существованія, исполнилось ровно пятьдесятъ же лѣтъ со времени вступленія моего на общественную дѣятельность, которую я началъ въ округѣ и вѣдомствѣ именно новооткрытой Казанской Академіи...

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ ВЪ ПЕКИНѢ.

I.

Въ 1643 г. Руссіе охотники и золотоискатели, подъ начальствомъ Пояркова, приблизились къ Амуру. Немного позднѣе казакъ Ерофейко Хабаровъ съ охочими и служилыми людьми прогналъ племя Дауровъ, кочевавшее вблизи этой рѣки, и овладѣлъ городомъ Албазинымъ, гдѣ построилъ укрѣпленіе. Оттуда онъ спустился по Амуру и собралъ ясакъ для Русскаго царя съ Тунгусовъ, Гиляковъ и другихъ кочевыхъ племенъ, платившихъ дань Амурскому владѣльцу Ламкаю. Китайское правительство, обезпокоенное близостью казаковъ, послало противъ нихъ военный отрядъ, который разогналъ мирныхъ жителей, но Албазина не тронулъ. Въ виду умноженія пограничныхъ сношеній, въ Китай было отправлено въ 1654 г. первое посольство подъ начальствомъ Байкова. Хотя оно достигло столицы Срединной Имперіи, но грамота царя Алексѣя Михайловича не была вручена богдыхану, ибо посланцы отказались отъ земныхъ поклоновъ и другихъ унизительныхъ условій церемоніала. Несмотря на эту дипломатическую неудачу, торговыя сношенія между Сибиряками и Китайцами продолжали развиваться и становились болѣе правильными: такъ въ 1668 г. отправленъ въ Китай первый частный купеческій караванъ, а двумя годами позже прибыли въ Нерчинскъ первые Китайскіе торговцы.

Между тѣмъ Русскіе переселенцы понемногу распространялись въ Приамурскомъ краѣ, и въ Москвѣ рѣшили укрѣпить Албазинъ и учредить въ немъ воеводство. Первымъ воеводою былъ назначенъ Толбузинъ, прибывшій туда въ 1684 т. Видя усиленіе Русскихъ на Амурѣ и убѣдившись въ невозможности удалить ихъ мирными средствами, богдыханъ Канси послалъ противъ Албазина 15 тысячный отрядъ. Въ 1685 г., послѣ мужественной обороны, гарнизонъ Албазина, вслѣдствіе истощенія снарядовъ, сдался, и крѣпость подверглась разрушенію. Часть казаковъ была отпущена въ Нерчинскъ, а 45 человѣкъ мужчинъ, нѣсколько женщинъ и дѣтей уведены въ плѣнъ.

Въ числѣ этихъ взятыхъ Китайцами казаковъ находился священникъ Максимъ Леонтьевъ, взявшій съ собою церковную утварь и святыя иконы, одна изъ коихъ уцѣлѣла и до настоящаго времени [1]. По прибытіи въ Пекинъ, Русскіе плѣнные были зачислены въ знаменное Манчжурское войско, т. е. въ наслѣдственное военное сословіе, и имъ были пожалованы земли [2]. Въ своихъ заботахъ объ Албазинцахъ Китайское правительство пошло еще дальше: такъ какъ большинство плѣнныхъ были холостяки, то имъ даны были въ жены Китаянки. Это обстоятельство немало способствовало быстрому окитаинію казаковъ; подъ вліяніемъ языческихъ женъ, они начали забывать православную вѣру и терять свою народность. Мѣсто, отведенное Албазинцамъ, находилось въ сѣверо-восточномъ углу Пекина, недалеко отъ городской стѣны. Здѣсь была ими воздвигнута небольшая часовня, освященная о. Максимомъ, который началъ совершать въ ней богослуженіе при помощи присланныхъ митрополитомъ Тобольскимъ священника и діакона. Эта-то часовня съ ея небольшимъ причтомъ и послужила зародышемъ будущей нашей «Духовной Миссіи», насчитывающей нынѣ 200 лѣтъ существованія.

Пребываніе Албазинцевъ въ Пекинѣ дало новый толчекъ сношеніямъ между Россіею и Небесною Имперіею, которыя стали особенно часты послѣ того, какъ наши подданные, по Нерчинскому договору, получили право торговать въ Китаѣ [3]. Русскіе торговые караваны, приходившіе въ Пекинъ, останавливались на особомъ Посольскомъ дворѣ, въ южной части города, и наши купцы, устраивая торговыя сдѣлки съ Китайцами, прибѣгали зачастую къ содѣйствію Албазинцевъ, успѣвшихъ выучиться языку и освоиться съ мѣстными обычаями. Дружественное расположеніе и заботы столичныхъ властей о нашихъ плѣнныхъ подали Русскому правительству мысль увеличить число случайно попавшихъ въ Пекинъ представителей Православія, опредѣлить ихъ положеніе и сдѣлать попытку къ распространенію христіанства. Начальнику одного изъ каравановъ, Осколкову, поручено было ходатайствовать о допущеніи въ столицу Китая Русской духовной миссіи. Богдыханъ Канси отнесся благосклонно къ ходатайству Русскихъ и даже просилъ прислать врача, умѣющаго лѣчить наружныя болѣзни. Пользуясь любезнымъ дозволеніемъ Китайцевъ, наше правительство снарядило миссію изъ девяти членовъ подъ начальствомъ

---

[1]) Икона Святителя Николая находится въ церкви нашей духовной миссіи въ Пекинѣ.

[2]) Знаменныя войска составляли во то время главную опору новой Манчжурской династіи, а потому имѣли льготное положеніе и получали хорошее содержаніе.

[3]) Первый казенный караванъ прибылъ въ Пекинъ въ 1696 году.

архимандрита Илларіона [1]), которая, послѣ разныхъ проволочекъ и задержекъ, прибыла въ 1716 г. въ Пекинъ. Вслѣдъ за нею пріѣхали Англичанинъ врачъ Гарвингъ, Лоренцъ Лангъ (въ качествѣ будущаго консула) и Крисницъ «для усмотрѣнія купеческаго обращенія». О дѣятельности этой первой миссіи сохранилось мало свѣдѣній. Составъ ея скоро разстроился вслѣдствіе смерти начальника; четыре церковника вернулись въ Россію, и въ Пекинѣ остался одинъ священникъ съ причтомъ изъ трехъ человѣкъ.

Несмотря на то, что первая попытка была неудачна, наше правительство не переставало лелѣять мысль о распространеніи Православія. Это настроеніе поддерживалось кромѣ того побужденіями политическими: проповѣдь Православія должна была служить противовѣсомъ Католицизму, представители котораго пользовались въ то время большимъ вліяніемъ въ Китаѣ, благодаря покровительству самого богдыхана. При такомъ предполагавшемся расширеніи дѣятельности нашей миссіи признано недостаточнымъ имѣть во главѣ ея архимандрита, и рѣшено было учредить въ Китайской столицѣ епископію. Капитану Измайлову, посланному въ Пекинъ для установленія правильныхъ торговыхъ сношеній между двумя государствами, было поручено вести также переговоры о допущеніи въ Китай Русскаго повѣреннаго и объ устройствѣ православнаго епископства. Съ Измайловымъ поѣхали архимандритъ Антоній Платковскій и Англичанинъ-врачъ Бель. Посланникъ нашъ былъ принятъ хорошо богдыханомъ, но въ переговорахъ не имѣлъ успѣха [2]). Вопросъ объ учрежденіи епископства потерпѣлъ неудачу главнымъ образомъ отъ противодѣйствія католическихъ миссіонеровъ, ревниво оберегавшихъ свое исключительное положеніе и испугавшихся соперничества Русскихъ.

Несмотря на явное нежеланіе Китайцевъ допустить Русскаго епископа, правительство наше снарядило новую миссію, поручивъ ее архимандриту Иннокентію Кульчицкому и снабдивъ грамотою, адресованною Сенатомъ Пекинскому Трибуналу внѣшнихъ сношеній [3]). Эта миссія не доѣхала до Пекина и остановилась въ Сибири; Іезуиты, угадавъ планы нашего правительства, употребили все свое вліяніе на

---

[1]) Лежайскаго.

[2]) Измайловъ передалъ грамоту Русскаго царя съ колѣнопреклоненіемъ. Когда же ханъ увидѣлъ, что въ грамотѣ стоитъ одинъ только его титулъ, а вмѣсто титула Русскаго царя въ концѣ собственноручная подпись Петра, онъ позволилъ ему кланяться по европейски, даже ѣсть въ присутствіи хана по своему, чего не удостоивался ни одинъ иностранецъ и на что съ завистью смотрѣли Англичане (Сношенія Россіи съ Китаемъ, Трусевича).

[3]) Всѣ оффиціальныя сношенія между двумя правительствами производились чрезъ посредство этихъ учрежденій; такой порядокъ продолжался до 1860 года.

богдыхана и на его сановниковъ, чтобы не допустить миссіи въ предѣлы Срединной Имперіи. Впрочемъ, Іезуитскимъ миссіонерамъ недолго пришлось торжествовать побѣду. Ихъ августѣйшій покровитель богдыханъ Канси вскорѣ скончался, и ему наслѣдовалъ Юнъ-чженъ, который держался другаго взгляда на миссіонеровъ и ихъ дѣятельность: при немъ началось гоненіе на иностранныхъ проповѣдниковъ всѣхъ наименованій; пропаганда христіанства была запрещена, и миссіонеры принуждены огульно покинуть Китайскія владѣнія [1]).

Въ 1725 г. отправилось изъ Россіи въ Китай посольство Иллирійскаго графа Саввы Владиславича. Въ Сибири къ посольству долженъ былъ присоединиться архимандритъ Антоній Платковскій, но лишь въ томъ случаѣ, если Китайцы откажутся допустить епископа Иннокентія. Изъ донесеній графа Владиславича видно, что Китайцы отклонили пріѣздъ епископа: «по ево (Савы) старанію въ бытность при Китайскомъ дворѣ, куда онъ уже изъ Сибири поѣхалъ, можетъ быть, паки архимандритъ и священники въ Пекинѣ приняты будутъ, а епископъ никогда не допустится». Переговоры нашего посланника съ сановниками Небесной Имперіи привели къ заключенію Кяхтинскаго трактата, установившаго правильную торговлю Русскихъ купцовъ въ Китаѣ. На основаніи трактата, между прочимъ, подтверждено право пребыванія въ Пекинѣ Русскихъ священниковъ, которымъ Китайское правительство, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, обязалось выдавать содержаніе. По статьѣ 5-ой трактата подворье, уступленное Русскимъ, должно было и впредъ состоять въ ихъ распоряженіи. Въ этомъ подворьѣ будетъ жить одинъ лама (священникъ), нынѣ живущій въ Пекинѣ, и другіе ламы, которые имѣютъ прибыть. Русскимъ не будетъ препятствій молиться и почитать своего Бога по своему закону. Кромѣ того, означенною статьею выговорено дозволеніе имѣть при миссіи молодыхъ людей для изученія Китайскаго языка, съ содержаніемъ отъ Китайцевъ.

Новая миссія, прибывшая въ Пекинъ въ 1729 году, расположилась въ посольскомъ подворьѣ, избранномъ посланниками Измайловымъ и Владиславичемъ [2]). Къ этому времени относится постройка перваго православнаго храма, замѣнившаго убогую часовню Албазинцевъ. Храмъ былъ воздвигнутъ на счетъ Китайцевъ и освященъ во имя Срѣтенія Господня. Но для распространенія Православія миссіею не

[1]) Миссіонеры начали оправляться отъ такого удара лишь послѣ Нанкинскаго трактата 1842 г., когда Китайцы допустили ихъ пребываніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

[2]) Здѣсь духовная миссія просуществовала до 1861 г., когда ее смѣнила миссія дипломатическая; духовная же миссія перешла въ такъ называемое Сѣверное подворье, гдѣ первоначально были поселены Албазинцы и гдѣ устроена часовня.

сдѣлано почти ничего. Хотя начальникъ ея, по опредѣленію графа Владиславича, былъ человѣкъ трезвый и «не безъ ума», но не смотря на эти качества, внутренняя дисциплина подворья при немъ сильно хромала. Члены миссіи проводили время въ распряхъ, безобразіяхъ и пьянствѣ; такъ, напримѣръ, іеродіаконъ Іоасафъ, имѣвшій званіе мандарина 7-ой степени, однажды въ пьяномъ видѣ пробрался въ императорскій дворецъ и произвелъ тамъ буйство, а когда его захотѣли унять, онъ поколотилъ придворныхъ. Наконецъ, въ Петербургѣ, вслѣдствіе сообщеній изъ миссіи о разныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, рѣшили произвести разслѣдованіе и поручили это дѣло агенту Лангу. Тотъ, не вникнувъ особенно въ справедливость ходившихъ слуховъ, поступилъ съ архимандритомъ съ чрезмѣрною жестокостью; онъ подвергъ его тѣлесному наказанію и въ цѣпяхъ отправилъ въ Россію

Начальникъ слѣдующей миссіи архимандритъ Илларіонъ Трусъ оказался немногимъ лучше своего злосчастнаго предмѣстника. Вскорѣ по прибытіи его къ мѣсту службы на него начали поступать жалобы и обвиненія въ разныхъ злоупотребленіяхъ: «въ бытность свою въ Пекинѣ, архимандритъ, не храня должность званія своего, по данной инструкціи, и забывъ страхъ Божій, всегда обращается въ безвременномъ пьянствѣ и священнослуженія отправляетъ мало», писали іеромонахи Русскаго подворья. Члены миссіи обвиняли также архимандрита Илларіона въ растратѣ церковныхъ денегъ. Подобныя обвиненія не могли пройти безслѣдно, и для производства слѣдствія на мѣстѣ изъ Петербурга отправлены были іеромонахъ Лаврентій и коммиссаръ Фирсовъ. Но еще до пріѣзда названныхъ лицъ начальникъ миссіи скончался.

Преемникомъ архимандрита Илларіона назначенъ былъ іеромонахъ Кіевско-златоверховскаго монастыря Гервасій Ланцевскій. Такъ какъ составъ предъидущей миссіи уменьшился, то новому начальнику пришлось пріискивать помощниковъ, что̀ представляло въ то время трудную задачу. Безвѣстная, скромная дѣятельность въ далекой негостепріимной странѣ мало кого привлекала. Мѣсто начальника миссіи удавалось занять безъ особаго труда, за то на второстепенныя должности (іеродіакона, причетниковъ и студентовъ) рѣдко находились охотники. Большинство членовъ миссіи отправлялось въ Китай, соблазняясь денежными выгодами и въ надеждѣ скораго повышенія. Дѣйствительность скоро разочаровала такихъ мечтателей, и тогда всѣ ихъ помыслы устремлялись на обратное путешествіе въ Россію. На свое пребываніе въ столицѣ Срединной Имперіи малодушные миссіонеры начинали смотрѣть какъ на временное заточеніе или ссылку, мало занимались изу-

ченіемъ языка и естественно не въ состояніи были вступать въ общеніе съ Китайцами. Вотъ почему, въ то время какъ у католиковъ ряды христіанъ быстро пополнялись, проповѣдь нашихъ миссіонеровъ шла плохо, и число православныхъ въ 60-ыхъ годахъ прошлаго вѣка дошло до самаго незначительнаго количества. Да и могло ли быть иначе? Можно ли было сравнить Русскаго монаха, плохо подготовленнаго, малообразованнаго, чаще всего стараго и мечтающаго объ отдыхѣ, а не объ изученіи головоломнаго Китайскаго языка—съ образованнымъ, энергичнымъ молодымъ Іезуитомъ или Доминиканцемъ, видѣвшимъ въ пропагандѣ свое призваніе и посвятившимъ миссіонерству всю свою жизнь? Уровень людскости и образованія Русскаго духовенства въ ту эпоху не былъ высокъ, и уже конечно въ Китай отправлялись не лучшіе представители духовнаго сословія, а чаще всего тѣ, которые имѣли какой-нибудь изъянъ. Католики, чтобы умножить стадо, не брезгали никакими средствами: они убѣждали, интриговали, одаривали, а наши миссіонеры сидѣли у себя подворьѣ и выжидали желающихъ креститься. Правда, Китайцы крестились при этой миссіи, также какъ и при прежнихъ, но принимали христіанство вполнѣ наружнымъ образомъ—ради отпускаемаго имъ новаго платья и денежной подачки. Миссія архимандрита Гервасія пробыла въ Пекинѣ 10 лѣтъ и хотя не имѣла успѣха въ обращеніи язычниковъ, но не обезславила себя ничѣмъ предосудительнымъ. Не успѣвая въ пропагандѣ, Русскіе миссіонеры обратили вниманіе на предписаніе Св. Синода, «чтобы члены ея (миссіи) въ Пекинѣ обучались неотмѣнно въ разглагольствованіи съ тамошними народы для лучшаго въ проповѣди способа». Многіе изъ членовъ этой миссіи пріобрѣли основательныя познанія въ Китайскомъ языкѣ и впослѣдствіи служили переводчиками.

Начальника четвертой миссіи смѣнилъ въ 1755 году архимандритъ Амвросій Юматовъ, бывшій до того учителемъ піитики въ Славяно-греко-латинской Академіи, человѣкъ образованный и съ твердымъ характеромъ. По пріѣздѣ въ Китайскую столицу, новый начальникъ занялся обновленіемъ церкви и зданій, найденныхъ имъ въ большомъ упадкѣ и запустѣніи. Онъ обратилъ затѣмъ вниманіе на заброшенное состояніе Албазинцевъ: почти никто изъ нихъ не посѣщалъ церковныхъ службъ, а многіе перестали крестить дѣтей и впали въ язычество. Миссіею Амвросія окрещено до 200 человѣкъ. Архимандритъ Юматовъ выказалъ себя также какъ дипломатъ. Въ 1756 г. наше правительство отправило въ Пекинъ курьеромъ Василія Братищева, поручивъ ему выяснить вопросъ о пріѣздѣ въ Россію Китайскаго посольства и добиться разрѣшенія на плаваніе Русскихъ судовъ по Амуру. Онъ долженъ былъ, кромѣ того, разузнать, какъ живутъ и ведутъ себя наши

духовные представители и не терпятъ ли притѣсненій отъ Китайцевъ. Во время переговоровъ съ Китайскими мандаринами по упомянутымъ дѣламъ, Братищевъ пользовался содѣйствіемъ нашего архимандрита. Къ сожалѣнію, сей послѣдній поступалъ не самостоятельно, а прибѣгалъ къ посредничеству католическихъ миссіонеровъ, которые были лучше знакомы съ мѣстными порядками. Посредничество католиковъ вѣроятно помѣшало успѣху переговоровъ, ибо Іезуиты дѣйствовали по своему обыкновенно двулично. Объ Амвросіи Братищевъ далъ благопріятный отзывъ: «Начальство свое продолжаетъ изрядно, на службу Божію самъ не облѣняется, исправляя всякой день въ церкви свою должность съ братіею, и не допущаетъ ихъ ни до какихъ сваръ или развратностей, и ниже дая послабленіе къ какимъ либо прихотямъ или излишностямъ, напримѣръ вотще и безъ нужды бродить и шататься по улицамъ. А для избѣжанія отъ своевольнаго Китайскаго народа ругательныхъ посмѣяній, онъ самъ архимандритъ и вся свита носятъ Манчжурское и Китайское платье» *).

По отъѣздѣ Братищева миссіи пришлось перенести непріятное испытаніе. Изъ за отказа нашихъ властей вернуть бѣглецовъ, ушедшихъ въ Русскіе предѣлы, богдыханъ приказалъ запереть ворота подворья и не выпускать жившихъ тамъ монаховъ. Къ воротамъ даже приклеили объявленія, въ которыхъ угрожалось казнью всѣмъ, кто посмѣетъ войти. Не смотря на протесты бѣдныхъ миссіонеровъ, ихъ довольно долго продержали въ карантинѣ. Когда слухъ объ издѣвательствахъ надъ Русскими духовными дошелъ до Петербурга, наше правительство потребовало отъ Китайцевъ объясненій, прося вмѣстѣ съ тѣмъ не вымещать на невинныхъ проповѣдникахъ политическихъ недоразумѣній. Китайскій Трибуналъ отвѣчалъ по обыкновенію дерзкимъ письмомъ, наполненнымъ ругательствами, въ которомъ отрицалъ насиліе надъ Русскими.

Въ 1762 году, въ видахъ политическихъ, ради достиженія того же «pium desiderium», т. е. свободнаго плаванія по Амуру, былъ откомандированъ въ Пекинъ поручикъ Кропотовъ. Ему внушено было, кромѣ того, предложить Китайцамъ не употреблять въ грамотахъ, адресуемыхъ нашему Сенату, сквернословія и ругательствъ. Кропотовъ удостоился чести видѣть богдыхана и, пробывъ столицѣ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ вытерпѣлъ рядъ издѣвательствъ и оскорбленій отъ Китайскихъ сановниковъ, ни съ чѣмъ вернулся въ отечество. Въ отвѣтной грамотѣ Китайскаго Трибунала находились такія оскорбленія и угрозы по адресу Россіи, что наше правительство вынуждено

*) Православный Собесѣдникъ, Августъ 1887 г., стр. 444.

было на время прекратить переписку съ сановниками Дайцинской Имперіи. Сношенія возобновились въ 1767 г., съ почина самихъ Китайцевъ; въ Пекинъ отправленъ былъ тотъ же самый Кропотовъ, и ему въ этотъ разъ удалось заключить договоръ, который послужилъ дополненіемъ съ Кяхтинскому.

Въ 1771 г. прибыла въ столицу Срединной Имперіи новая миссія съ начальникомъ архимандритомъ Николаемъ Цвѣтомъ. За время своего долголѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, архимандритъ Николай не заявилъ о себѣ ничѣмъ положительнымъ. По отзывамъ состоявшихъ при миссіи учениковъ, обвинявшихъ архимандрита «въ глупомъ управленіи и негодныхъ поступкахъ», этотъ пастырь былъ лѣнивъ и не старался о собираніи свѣдѣній для нашего правительства. (Свѣдѣнія почерпались въ «Пекинскомъ Вѣстникѣ» и добывались чрезъ посредство католиковъ, находившихся въ болѣе близкомъ общеніи съ Китайцами). Впрочемъ ученики пополняли этотъ пробѣлъ, ибо вели журналъ, въ который заносилось все, что имѣло хоть какой-нибудь интересъ. Въ журналѣ этомъ, между прочимъ, есть извѣстіе о 19-ти Русскихъ перебѣжчикахъ, попавшихъ въ Пекинъ. Явившись туда, они обратились къ богдыхану съ прошеніемъ о принятіи ихъ въ Китайское подданство. Причиною бѣгства изъ Россіи они выставляли жестокое обращеніе начальства (нѣкоторые бѣжали съ рудниковъ) и перемѣну въ обрядахъ православной вѣры: «нынѣ въ Россійскомъ государствѣ старая вѣра перемѣнилась, и въ изображеніи креста не такъ слагаютъ персты, какъ дѣды и прадѣды ихъ слагать научили» *). Допросъ происходилъ при посредствѣ членовъ миссіи, послѣ чего бѣглецовъ сослали въ отдаленныя провинціи. Въ 1778 году архимандритъ Николай обратился въ Св. Синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ жаловался на бѣдственное положеніе членовъ миссіи, терпящихъ лишенія вслѣдствіе неприсылки жалованья, и умолялъ отозвать его обратно. Просьба о. Николая была уважена въ 1781 года, когда въ Пекинъ прибыла миссія архимандрита Іоакима Шишковскаго. Инструкціею Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ новому начальнику приказано не только поддерживать Православіе среди Албазинцевъ, но также доставлять свѣдѣнія о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Китайцевъ. Іоакимъ не могъ или не хотѣлъ воспользоваться довѣріемъ, оказаннымъ его дипломатическимъ способностямъ: по словамъ члена миссіи, іеромонаха Алексія, онъ мало заботился о разузнаваніи чего бы то ни было и проводилъ время въ праздности. Между тѣмъ, свѣдѣнія о намѣреніяхъ Китайцевъ были въ то время особенно цѣнны, въ виду разныхъ пограничныхъ столкновеній, создав-

*) Православный Собесѣдникъ, Сентябрь 1887 г., стр. 50.

шихъ натянутость отношеній между двумя правительствами. Въ 1785 г. было поймано нашими властями нѣсколько Русскихъ подданныхъ, занимавшихся разбоемъ на границѣ. Китайцы потребовали казни пойманныхъ, а Иркутскій губернаторъ ограничился тѣмъ, что ихъ сослалъ. Это возбудило гнѣвъ Китайскаго суда, не замедлившаго написать дерзкую бумагу. «Если вашъ Сенатъ», гласила Китайская нота, «тому зачинщикъ, такъ какъ вашъ губернаторъ Налабуртинъ, то вы, Россіяне—большою частью безмозглы и недостойны никакого вниманія, такъ какъ, не ожидая нашихъ чиновниковъ, сами бьете и ссылаете; если таковъ вашъ обычай, то вы безобразное и ничего не стоющее вещество [1])». На такія отборныя выраженія нечего было отвѣчать, и наше правительство благоразумно прекратило переписку.

Начальникъ восьмой миссіи архимандритъ Софроній Грибовскій выказалъ больше вчинательности, чѣмъ его предшественникъ, и пытался поставить дѣятельность Русскихъ миссіонеровъ на разумную почву. Онъ представилъ Св. Синоду проектъ тѣхъ измѣненій, которыя, по его мнѣнію, необходимо было сдѣлать, чтобы инструкціи, даваемыя въ Петербургѣ, не оставались мертвою буквою, какъ было до тѣхъ поръ. Софроній полагалъ, что взрослые Китайцы принимаютъ христіанство только ради выгодъ и что поэтому необходимо воздѣйствовать на молодежь; а дабы изъ такого воздѣйствія получился практическій результатъ, нужно устроить школу, гдѣ дѣти Албазинцевъ изучали бы Китайскій и Русскій языки. Необходимость въ школѣ ощущалась давно, но отсутствіе средствъ мѣшало осуществленію этого полезнаго дѣла [2]). Глава миссіи кромѣ того полагалъ, что на должности священнослужителей слѣдуетъ назначать людей не безъ разбора, а выбирать лицъ окончившихъ семинарію, и непремѣнно молодыхъ, которые бы имѣли время и охоту учиться трудному Китайскому языку; «новопріѣзжающіе Россіяне», доносилъ онъ, «не зная ни нарѣчія, ни обычаевъ Китайскихъ, подвергаются осмѣянію и презрѣнію». Архимандритъ жаловался на скудость средствъ миссіи и въ частности на недостаточность жалованья членовъ. Это обстоятельство было больнымъ мѣстомъ всѣхъ предшествующихъ миссій. Жалованье выдавалось имъ обыкновенно въ Сибири, передъ выѣздомъ изъ Россіи, притомъ не деньгами, а мѣхами, на сумму причитающагося миссіи за нѣсколько лѣтъ содержанія. Колебаніе цѣнъ на мѣха держало нашихъ миссіонеровъ въ постоянной неизвѣстности и въ страхѣ за будущее; зачастую жалованья не хватало, и члены Миссіи бѣдствовали, пробавляясь небольшимъ пособіемъ деньгами и натурою, отъ Китайскаго правительства.

---

[1]) Сношенія Россіи съ Китаемъ, Трусевича, стр. 64.

[2]) Школа устроена была гораздо позже, въ 60-хъ годахъ нашего вѣка.

Не смотря на благія намѣренія арх. Софронія, число Албазинцевъ, къ концу его управленія миссіею, дошло до 30 человѣкъ, да и тѣ были христіанами только по имени. Въ письмѣ одного изъ членовъ миссіи [1]), находится слѣдующее описаніе тогдашняго состоянія церквей въ Русскихъ подворіяхъ: «Находящаяся среди Пекина въ монастырѣ Российская Срѣтенія Господня церковь [2]) каменная, никакого не имѣетъ внутренняго украшенія; иконостасъ писанъ на холстѣ, стѣны оклеены бумагою, оконницы слюдяныя. А церковь св. Николая, обрѣтающаяся въ сѣверо-восточномъ углу Пекина [3]), ветха и убога и притомъ неподобна храмамъ Россійскимъ; ибо когда въ дни хана Кансія переведены были въ Пекинъ Россіяне изъ Албазина, тогда преобращена Китайская кумирня въ храмъ великаго Чудотворца.» Авторъ письма кромѣ того критически отнесся къ положенію въ миссіи студентовъ, изучающихъ Китайскій языкъ: «Ученики посылаемые въ Пекинъ, будучи нимало не научены языкамъ Китайскому и Маньчжурскому, принуждены бываютъ года 2 и 3 только упражняться въ затверживаніи вокабулъ и литеръ; къ томужъ казенные учители, не получая никакой награды, бываютъ лѣнивы и неоткровенны».

*

Подводя итоги почти вѣковой дѣятельности православной миссіи въ столицѣ Дайцинской Имперіи, нельзя не замѣтить, не смотря на отрывочность и скудость имѣющихся свѣдѣній, что общая система и начàла, которыми руководствовались наши духовные представители, не мѣнялись. Большинство начальниковъ относилось къ своимъ обязанностямъ равнодушно и смотрѣло на занимаемую должность какъ на «тихую пристань» или какъ на ступень къ повышенію, которое впрочемъ рѣдко удавалось. Почти всѣ они выказывали сначала стремленіе трудиться на избранномъ поприщѣ, но натолкнувшись на препятствія въ видѣ недостатка средствъ, лѣни и противленія помощниковъ или подозрительности Китайцевъ, утрачивали благородное рвеніе и впадали въ равнодушіе. Тоскою по родинѣ и одуряющимъ, гнетущимъ одиночествомъ, среди чуждой обстановки и необычайныхъ условій жизни, можно объяснить печальную слабость (я разумѣю пьянство), въ которую впадали многіе изъ миссіонеровъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что большинство начальниковъ миссій были Малороссы (Лежайскій, Платковскій, Трусъ, Ланцевскій, Цвѣтъ, Шишковскій), какъ из-

---

[1]) Владыкина.

[2]) Нынѣ церковь дипломатической миссіи.

[3]) Нынѣ церковь духовной миссіи.

вѣстно по природѣ своей люди мало подвижные и не отличающіеся предпріимчивостью. Обзоръ сношеній Россіи съ Китаемъ въ прошломъ вѣкѣ показываетъ, что Китайское правительство относилось къ Русскимъ посланникамъ, коммиссарамъ и вообще къ лицамъ дипломатическаго характера, далеко не дружелюбно, а подчасъ грубо и оскорбительно. Русскимъ же миссіонерамъ правительство богдыхана выказывало, за рѣдкими исключеніями, довѣріе и дружественныя чувства.

II.

Обновителемъ миссіи, постаравшимся оживить ея упавшую дѣятельность и придать дѣйствіямъ миссіонеровъ опредѣленный, цѣлесообразный характеръ, однимъ словомъ, влить новое вино въ ветхіе мѣха, явился вновь назначенный начальникъ архимандритъ Іакинѳъ Бичуринъ, извѣстный впослѣдствіи какъ выдающійся синологъ и китаевѣдъ. Назначеніе Бичурина на постъ начальника миссіи состоялось не сразу; первоначально выборъ палъ на учителя школы Тихвинскаго монастыря іеромонаха Аполлоса, который былъ произведенъ въ архимандриты и въ 1805 году отправленъ къ мѣсту службы вмѣстѣ съ знаменитымъ посольствомъ графа Головкина. Это посольство, снаряженное съ большою пыхою, стоившее нашему правительству немалыхъ денегъ и отъ котораго ожидались важныя послѣдствія, было задержано Ургинскими властями. Переговоры о допущеніи посольства въ Пекинъ кончились ничѣмъ, такъ какъ Русскій посланникъ отказался отъ унизительныхъ условій церемоніала. Къ счастью для судьбы Пекинской миссіи, а. Аполлосъ, не отличавшійся, по словамъ современниковъ, ни способностями, ни энергіею, отсталъ отъ посольства въ Иркутскѣ, предпочтя мирную дѣятельность ректора семинаріи проповѣди Православія среди язычниковъ. Ему нашелся замѣститель въ лицѣ а. Іакинѳа, который выразилъ желаніе ѣхать въ Срединную Имперію не ради денежныхъ или служебныхъ выгодъ, а увлекаемый своею любознательною, дѣятельною натурою и склонностью къ наукѣ. Онъ не желалъ жить въ странѣ ничего не понимающимъ и ничего не знающимъ гостемъ (грустное положеніе, въ которомъ находились многіе его предмѣстники) и, тотчасъ же по прибытіи въ Пекинъ, принялся за изученіе языка, исторіи, литературы, государственнаго и общественнаго строя Китая. Обладая недюжинными способностями и сильною памятью, а. Іакинѳъ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ синологіи и съ увлеченіемъ предался ученымъ трудамъ. Для Албазинцевъ имъ, между прочимъ, составленъ былъ на Китайскомъ языкѣ катехизисъ. Практической пользы означенный трудъ принесъ вѣроятно не-

много; ибо Албазинцевъ, сохранившихъ связь съ миссіею, было тогда всего нѣсколько человѣкъ. «Во время о. Іакинѳа и послѣ пріѣзда въ Пекинъ новой миссіи», говоритъ историографъ духовной миссіи І. Н. Адоратскій, «въ церковь являлось къ службамъ почти одно семейство старшины Русской роты Алексѣя, говорившаго по-русски и бывшаго пріятелемъ о. Іакинѳа». Въ большинствѣ предшественники Іакинѳа, не смотря на долгое пребываніе въ Пекинѣ (Амвросій Юматовъ пробылъ въ Пекинѣ 17 лѣтъ, а Софроній Грибовскій—13 лѣтъ), не могли привыкнуть и примѣниться къ особенностямъ Китайской среды и почти всѣ страдали отъ тоски по родинѣ. Начальника 9-ой миссіи нельзя упрекнуть въ неумѣніи ужиться и приспособиться къ Китайцамъ; онъ скоро освоился съ новымъ положеніемъ, завелъ многочисленныя знакомства съ мѣстными жителями, а также съ пріѣзжавшими въ столицу Монголами, Манчжурами и Тибетцами, однимъ словомъ сдѣлался истымъ Китайцемъ не только по наружности, но и по мыслямъ. Постоянное общеніе съ мѣстными жителями несомнѣнно расширило его знакомство съ обычаями и нравами страны и дало драгоцѣнный матеріалъ, которымъ онъ воспользовался для своихъ сочиненій о Китаѣ. Съ другой стороны, эта близость къ Китайцамъ подѣйствовала на трезвость и безпристрастіе сужденій знаменитаго синолога о представителяхъ желтой расы: Іакинѳъ не скрывамъ своего сочувствія ко всему Китайскому; по возвращеніи въ Россію его китаеманія еще болѣе усилилась и проявлялась иногда въ довольно смѣшномъ видѣ. Такъ, въ сороковыхъ годахъ, послѣ войны Англіи съ Китаемъ, въ которой, какъ извѣстно, Китайцы потерпѣли рядъ пораженій и должны были уступить островъ Гонконгъ, Іакинѳъ, на основаніи завѣдомо-ложныхъ отчетовъ Пекинской газеты, во всеуслышаніе утверждалъ, что не Англичане побѣдили Китайцевъ, а наоборотъ, и что съ Англичанъ была взята военная контрибуція.

Поглащаемый разнообразными учеными трудами, Іакинѳъ мало обращалъ вниманія на довѣренную ему православную паству и на жизнь и времяпрепровожденіе своихъ подчиненныхъ, которые, не имѣя умственныхъ средствъ своего начальника, предавались бездѣйствію или убивали время не совсѣмъ по-монашески—азартными играми и возліяніями Бахусу. Поведеніе миссіонеровъ обратило вниманіе Китайскаго трибунала, который обратился съ жалобою къ Иркутскому губернатору, обвиняя студентовъ миссіи въ «лѣности, пьянствѣ и распутствѣ» *). По полученіи жалобы губернаторъ Трескинъ послалъ строгій выговоръ студентамъ и грозилъ выслать ихъ изъ Китая. Вно-

*) Отецъ Іакинѳъ Бичуринъ, І. Н. А., стр. 48.

слѣдствіи оба студента, а также церковникъ, скончались отъ злоупотребленія спиртными напитками.

Въ матеріальномъ отношеніи миссіи, во время арх. Іокинѳа, пришлось пережить непріятное время. Въ 1812 г. должно было получиться изъ Россіи жалованье членовъ миссіи на слѣдующее пятилѣтіе; между тѣмъ, правительство наше, озабоченное борьбою съ Французскимъ нашествіемъ, забыло нашихъ миссіонеровъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не высылало имъ содержанія. Не получая жалованья и въ виду недостатка отпускавшагося Китайцами пособія [1]), начальнику миссіи и его сотрудникамъ пришлось изыскивать средства для жизни. Сначала распродали кое-какія вещи и заложили монастырскія земли. Когда все было проѣдено, прибѣгли къ залогу церковной утвари и къ продажѣ части подворья. Члены миссіи, съ своей стороны, пустились въ предпріятія, несовсѣмъ приличныя ихъ сану: занялись мелкою торговлею, хожденіемъ по судебнымъ дѣламъ, а нѣкоторые стали искать заработка въ азартной игрѣ. Само собою разумѣется, что при такомъ матеріальномъ оскудѣніи нечего было думать не только о распространеніи, но даже о поддержаніи Православія среди Албазинцевъ. Къ тому же обѣ церкви, Срѣтенская и Успенская, пришли въ ветхость; служба въ одной изъ нихъ совсѣмъ прекратилась за отсутствіемъ богомольцевъ, а въ другой совершалась изрѣдка.

Слухи о положеніи дѣлъ въ Пекинской миссіи дошли черезъ посредство Иркутскихъ властей до Петербурга и вызвали обычное рѣшеніе—перемѣнить составъ миссіонеровъ. Въ 1818 году архимандриту Іакинѳу найденъ былъ замѣститель въ лицѣ переводчика Китайскаго языка при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Каменскаго [2]), постриженнаго въ монашество и произведеннаго въ архимандрита подъ именемъ Петра. Когда арх. Іакинѳъ вернулся въ Россію, онъ, на основаніи донесеній Иркутскаго губернатора и арх. Петра Каменскаго, былъ обвиненъ въ допущеніи безпорядковъ въ миссіи и преданъ суду. Въ виду отказа дать какія-либо объясненія, его лишили сана и сослали въ Валаамскій монастырь, гдѣ онъ пробылъ около пяти лѣтъ. Благодаря стараніямъ друзей и поклонниковъ его учености, о. Іакинѳъ былъ возвращенъ изъ заточенія и причисленъ въ качествѣ переводчика къ Азіатскому Департаменту. Въ новомъ званіи арх.

---

[1]) Китайское правительство выдавало миссіи ежегодно около 900 рублей (изъ нихъ архимандриту 121 р. 50 к.). Каждые три года выдавалась сверхъ сего небольшая сумма на платье. Миссіонеры получали также небольшое количество риса.

[2]) Бывшаго ученикомъ въ миссіи а. Софронія Грибовскаго

Іакинѳъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ и, пользуясь цѣннымъ матеріаломъ, собраннымъ во время долгаго пребыванія въ столицѣ богдыхановъ, написалъ много полезныхъ и интересныхъ сочиненій по исторіи, географіи и статистикѣ Китая.

Любопытныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ въ Пекинѣ нашихъ миссіонеровъ въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія можно найти въ книгѣ «Путешествіе въ Китай черезъ Монголію». Авторъ этой книги, чиновникъ Азіатскаго Департамента Тимковскій, былъ назначенъ приставомъ для сопровожденія до Китайской столицы миссіи арх. Петра. Обладая наблюдательностью, Тимковскій правдивыми и живыми красками описалъ путешествіе по Монголіи и передалъ, какія разнородныя мытарства приходилось въ то время испытывать нашимъ миссіонерамъ на этомъ долгомъ, безотрадномъ пути [1]). Тимковскій прожилъ нѣкоторое время въ Пекинѣ и въ своемъ сочиненіи подробно описываетъ столицу Дайцинской династіи, устройство Русскаго подворья и жизнь миссіонеровъ. Онъ разсказываетъ о поѣздкахъ для осмотра достопримѣчательностей, о визитахъ Китайскимъ чиновникамъ и т. д. Особенно интересенъ разсказъ его про посѣщеніе Португальскихъ католическихъ миссіонеровъ, дающій понятіе о тогдашнемъ положеніи ихъ въ Китаѣ. По приглашенію католиковъ, архимандриты Петръ и Іакинѳъ (остававшійся въ Пекинѣ до окончательной сдачи дѣлъ миссіи), въ сопровожденіи Тимковскаго, казачьяго старшины и 6-ти казаковъ, отправились въ Португальское подворье. По прибытіи въ монастырь, гостей провели въ церковь, «огромную и великолѣпную», гдѣ они были любезно встрѣчены настоятелемъ о. Рибейрою и Нанькинскимъ епископомъ Францисканскаго ордена Піусомъ. «Оба они привѣтствовали насъ», пишетъ Тимковскій, «съ великою ласковостью; разговаривали на Латинскомъ языкѣ». Когда, послѣ осмотра помѣщеній монастыря, гости вмѣстѣ съ хозяевами вошли въ залу, туда вбѣжалъ Китайскій полицейскій и началъ укорять епископа за то, что онъ пригласилъ гостей безъ разрѣшенія правительства. Епископъ, махнувъ рукою, сказалъ: это не мое дѣло. Офицеръ, весьма впрочемъ нетрезвый, вскочилъ съ дивана и началъ выговаривать настоятелю монастыря Рибейрѣ, что онъ ввергъ его въ опасность лишиться чина; ибо народъ, любопытствуя видѣть Русскихъ, пріѣхавшихъ къ Рибейрѣ, собрался у монастырскихъ воротъ въ такомъ множествѣ, что невозможно проѣхать

---

[1]) Миссія а. Петра отправилась черезъ Монголію въ 10 крытыхъ телѣгахъ съ 3-мя лошадьми для каждой. Съ караваномъ шло 85 вьючныхъ верблюдовъ, 150 запасныхъ лошадей и 28 быковъ для пропитанія въ пути. Миссію сопровождали Китайскіе чиновники и конвой казаковъ. На переѣздъ отъ Кяхты до Пекина употреблено ровно три мѣсяца.

по улицѣ, и если кто-либо изъ государственныхъ прокуроровъ увидитъ сіе, то могутъ быть худыя послѣдствія». Не смотря на уговариваніе пристыженныхъ передъ Русскими миссіонеровъ, полицейскій продолжалъ безчинствовать. «Манчжуръ схватилъ Францисканскаго монаха и потащилъ его въ полицію къ отвѣту за произведенный безпорядокъ. Видя столь позорное явленіе Манчжурской наглости и упадка католиковъ въ Китаѣ, мы встали и начали просить у епископа позволенія возвратиться домой, отлагая посѣщеніе свое до другаго удобнѣйшаго времени. Піусъ удерживалъ насъ, говоря, что офицеръ пьянъ и что они привыкли уже къ таковымъ притѣсненіямъ Китайцевъ».

Арх. Петръ вскорѣ по пріѣздѣ обратилъ вниманіе на Албазинцевъ и для достиженія болѣе прочныхъ результатовъ въ отношеніи просвѣтительномъ, рѣшилъ дѣйствовать на молодое поколѣніе. При миссіи устроено было училище для дѣтей Албазинцевъ, а дабы пріохотить ихъ къ занятіямъ, имъ начали давать по три серебр. рубля въ мѣсяцъ. Девятая миссія имѣла возможность выказать подобную щедрость, такъ какъ, по настоянію начальника ея, штаты и оклады членовъ были значительно увеличены: общая сумма содержанія миссіи была доведена до 16,250 рубл. (тогда какъ прежде она составляла лишь 6,500 рубл.), въ томъ числѣ на поддержаніе школы назначено 1,500 р. Не смотря на денежное поощреніе и на старанія архимандрита и его сотрудника іеромонаха Веніамина Морочевича, дѣло просвѣщенія и обращенія язычниковъ подвигалось туго: архимандритъ Петръ передалъ своему преемнику лишь 69 христіанъ. Тимковскій въ своей книгѣ не забылъ упомянуть объ Албазинцахъ, произведшихъ на него повидимому неблагопріятное впечатлѣніе. «Отъ Россіянъ они (Албазинцы) совершенно отдалились духомъ. Хотя и считается между ними до 22-хъ душъ, принявшихъ крещеніе, но и сіи, по родству и зависимости подданнической, столько сблизились съ Манчжурами, что весьма трудно различить ихъ; говорятъ однимъ языкомъ, т. е. Китайскимъ, одинаковую носятъ съ ними одежду, и въ самомъ образѣ жизни приняли всѣ правила бѣднаго, праздполюбиваго Манчжурскаго солдата, суевѣрнаго поклонника закону Шаманскому».

Въ противуположность своему предмѣстнику, арх. Петръ не любилъ ни Китая, ни его жителей и ко всѣмъ мѣстнымъ порядкамъ относился отрицательно. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ директору Кяхтинской таможни Голяховскому, составившему себѣ понятіе о Китайскомъ народѣ по представителямъ его, живущимъ въ Кяхтѣ, архимандритъ сдѣлалъ слѣдующую суровую характеристику желтокожихъ гражданъ: «Судить о всѣхъ Китайцахъ по торгующимъ въ

Кяхтѣ совершенно нельзя. Тѣ суть во всей ихъ землѣ образцовые люди и ежели что-либо людское осталось въ сей націи, то это только въ нихъ. Я прежде, между прочимъ, помнится писалъ, что здѣсь и самые родители съ дѣтьми и родные братья между собою не имѣютъ почти довѣрія. Повѣрьте, что всѣ добрыя чувствованія человѣчества изсякли: изъ цѣлаго напримѣръ милліона едвали можно и одному въ чемъ-либо довѣрить».

Съ 1831 года, когда арх. Петръ вернулся въ отечество, обязанности начальника исполнялъ сначала іеромонахъ Веніаминъ Морочевичъ, а затѣмъ іером. Аввакумъ Честный. Іер. Веніаминъ ознаменовалъ время своего управленія только тѣмъ, что заложилъ одну изъ принадлежащихъ миссіи земель, которую удалось выкупить гораздо позже, при архимандритѣ Гуріи.

Въ 1841 году прибыла 12-я миссія архимандрита Поликарпа Тугаринова. Въ составъ ея входили лица, заслужившія впослѣдствіи почетную извѣстность въ синологіи: Васильевъ [1]), Горскій, Захаровъ и Кафаровъ. При миссіи состояли кромѣ того докторъ Татариновъ, астрономъ Гошкевичъ и художникъ Карсалинъ. Къ сожалѣнію, одинъ изъ даровитѣйшихъ членовъ миссіи, обѣщавшій занять видное мѣсто въ ряду нашихъ синологовъ, Горскій, скончался послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Пекинѣ. При арх. Поликарпѣ не дѣлалось особенныхъ попытокъ къ умноженію, во что бы то ни стало, числа христіанъ, чѣмъ и объясняется скромная цифра православной паствы (59 человѣкъ), переданной слѣдующей миссіи. За то миссія эта зарекомендовала себя въ другихъ сферахъ, до тѣхъ поръ остававшихся чуждыми прежнимъ нашимъ духовнымъ представителямъ: нѣкоторые члены ея, Горскій и Татариновъ, занялись экскурсіями въ окрестностяхъ Пекина и собрали интересныя ботаническія, энтомологическія и орнитологическія коллекціи, а Гошкевичъ положилъ начало астрономическимъ и метеорологическимъ наблюденіямъ.

Передъ оставленіемъ Пекина, архим. Поликарпъ [2]) указалъ на іеродіакона Палладія, какъ на лицо наиболѣе подходящее къ занятію должности начальника. Рекомендація арх. Поликарпа была принята во вниманіе и оказалась чрезвычайно удачною: Палладій, за время пребыванія своего въ Пекинѣ въ качествѣ іеродіакона, успѣлъ озна-

---

[1]) В. П. Васильевъ, нынѣ профессоръ Китайскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ, авторъ исторіи Китайской литературы, буддизма, даосизма и конфуціанства и множества другихъ цѣнныхъ сочиненій. Захаровъ—впослѣдствіи профессоръ Манчжурскаго языка. Кафаровъ, произведенный въ архимандрита подъ именемъ Палладія, двукратно занималъ постъ начальника миссіи, знаменитый синологъ и авторъ многихъ цѣнныхъ сочиненій о Китаѣ.

[2]) Въ настоящее время состоитъ настоятелемъ Югской пустыни, Ярославской губерніи.

комиться съ языкомъ и съ условіями мѣстной жизни и могъ безъ колебаній и сомнѣній приняться за почти знакомое дѣло. Въ числѣ членовъ миссіи о. Палладія состояли: Скачковъ [1]) въ качествѣ астронома, художникъ Чемутовъ и нѣсколько студентовъ.

Пропаганда Православія шла при арх. Палладіи сравнительно успѣшно; число христіанъ къ концу его управленія возросло до 139 человѣкъ. Въ внутреннихъ дѣлахъ миссіи онъ показалъ себя хорошимъ администраторомъ, а въ отношеніи Албазинцевъ энергичнымъ, но въ тоже время гуманнымъ и снисходительнымъ пастыремъ, отзывчивымъ на всѣ ихъ нужды. «Паства», говоритъ г. Поповъ, современникъ вторичнаго пребыванія въ Пекинѣ о. Палладія [2]), «не смотря на свой невысокій нравственный уровень, платила ему уваженіемъ, видимымъ знакомъ котораго служитъ таблица, поставленная ею въ церкви по полученіи извѣстія о смерти его, съ Китайскою надписью: вѣчная память». По возвращеніи въ Россію, архим. Палладію предложено было епископство, которое онъ отклонилъ, предпочтя мѣсто настоятеля церкви Русскаго посольства въ Римѣ.

III.

Наслѣдіе архимандрита Палладія по управленію миссіею перешло къ архимандриту Гурію Карпову, состоявшему членомъ миссіи а. Поликарпа Тугаринова. Съ новымъ начальникомъ прибыли въ столицу Дайцинской Имперіи астрономъ Пещуровъ, врачъ Корніевскій, художникъ Игоревъ и іеромонахъ Исаія Поликинъ [3]).

Изъ всѣхъ названныхъ лицъ іеромонахъ Исаія провелъ въ Пекинѣ наибольшее время, и имя его связано съ дѣятельностью миссіи за довольно продолжительный періодъ. Это былъ рѣдкій типъ монаха, соединявшаго въ себѣ качества дѣятельнаго администратора и хозяина съ болѣе высокимъ призваніемъ убѣжденнаго проповѣдника. Въ Пекинской духовной миссіи онъ нашелъ вторую родину и всею душою посвятилъ себя ея интересамъ. О. Исаія съ ничтожными средствами много сдѣлалъ для распространенія и укрѣпленія Православія среди Албазинцевъ и язычниковъ, и не его вина, если успѣхи наши въ этой области

---

[1]) Замѣчательное собраніе Скачкова Китайскихъ и Манчжурскихъ книгъ находится въ настоящее время въ Московской Публичной Библіотекѣ. Скачковъ, синологъ и китаевѣдъ, занималъ консульскія должности въ Китаѣ.

[2]) Китайско-Русскій словарь архим. Палладія и П. С. Попова, предисловіе.

[3]) Д. А. Пещуровъ нынѣ состоитъ профессоромъ Китайскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Художникъ Игоревъ оставилъ послѣ себя воспоминаніе въ видѣ образовъ, написанныхъ имъ для церквей Срѣтенской и Успенской.

впослѣдствіи замедлились и даже совсѣмъ остановились. Этотъ іеромонахъ положилъ начало переводу богослужебныхъ книгъ православной церкви и составилъ Русско-китайскіе словари: одинъ общаго содержанія, а другой специально-богословскаго и церковнаго. Кромѣ многочисленныхъ сочиненій и переводовъ, послѣ о. Исаіи сохранились обширная переписка и дневникъ, представляющій любопытную лѣтопись событій, пережитыхъ миссіею. Дневникъ о. Исаіи имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что управленіе архимандрита Гурія можно отмѣтить какъ переходное время въ жизни духовной миссіи: миссіонеры наши, внезапно выведенные силою обстоятельствъ изъ своей многолѣтней спячки, сдѣлались невольными свидѣтелями и даже участниками интересныхъ и значительныхъ событій. Тогдашняя эпоха ознаменовалась кромѣ того реформою въ положеніи миссіи, изъ вѣдѣнія которой были изъяты дѣла свѣтскія, перешедшія въ руки особаго дипломатическаго представителя. Быстро чередовавшіеся тогда фазисы борьбы Китая съ Англичанами и съ Французами, занятіе Пекина непріятелемъ, заключеніе правительствомъ богдыхана договоровъ, на основаніи которыхъ Европейцы, и въ частности Европейскіе миссіонеры, получили различныя права и преимущества—все это отразилось на положеніи миссіи и на замкнутомъ существованіи ея членовъ.

Размѣры настоящаго очерка не позволяютъ намъ остановиться на знаменательныхъ событіяхъ, совершенно измѣнившихъ международное положеніе Срединной Имперіи, а потому мы ограничимся краткимъ очеркомъ взаимныхъ отношеній правительствъ Русскаго и Китайскаго, что̀ можетъ помочь уясненію роли, которую пришлось играть нашему отечеству въ Европейско-китайскомъ столкновеніи. Послѣ неудачнаго посольства Головкина наши сношенія съ Китайцами ограничивались довольно нелюбезною перепискою по вопросамъ пограничнымъ, о выдачѣ бѣглыхъ и о Кяхтинскомъ торгѣ. Китайцы во всѣхъ случаяхъ держали себя надменно и дерзко и оставляли безъ удовлетворенія самыя законныя наши требованія [1]). Русское же правительство продолжало слѣдовать въ отношеніи сыновъ Небесной Имперіи прежней политикѣ деликатности, осторожности и нерѣшительности, избѣгая всего, что̀ могло вызвать подозрительность и недовѣріе сосѣдей. Чрезмѣрная осторожность въ отношеніи Китайцевъ соблюдалась даже въ мелочахъ: такъ, чтобы не возбуждать подозрѣній Китайскихъ властей, Азіатскій Департаментъ предписалъ а. Поликарпу—пакеты, отправляемые въ Россію, припечатывать частною, а не казенною печатью [2]). Когда,

---

[1]) Нѣкоторое упорядоченіе спорныхъ вопросовъ было сдѣлано Кульджинскимъ трактатомъ 1851 года.

[2]) Чтобы Китайцы не подумали, что это казенныя бумаги.

вслѣдствіе медленности и небрежности Ургинскихъ властей, стали повторяться случаи задержанія казенныхъ почтовыхъ отправленій, Департаментъ поручилъ миссіи принять мѣры къ тому, чтобы почты пересылались своевременно; «но дѣйствія ваши (архимандрита) въ семъ смыслѣ паче всего должны имѣть основаніемъ осторожность, дабы какою-либо скользкою мѣрою не поставить противъ себя Ургинскихъ правителей».

Такое положеніе дѣлъ, мало способствовавшее поддержанію достоинства Русскаго имени въ глазахъ Китайцевъ, начало мѣняться съ назначеніемъ на постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева. Возвращеніе отторгнутаго Амурскаго края по Айгунскому договору и занятіе Россіею, принадлежащаго ей по праву, твердаго положенія на берегахъ Тихаго Океана — таковы были плоды политической мудрости и энергіи этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Пока Китайское правительство, ошеломленное рѣшительными дѣйствіями Россіи, по своему обыкновенію медлило и отлынивало отъ утвержденія Айгунскаго трактата, на него надвигалась грозная туча въ видѣ войны съ Англо-французами *). Послѣ ряда военныхъ дѣйствій, въ которыхъ наглядно выразилась несостоятельность Китайскихъ военныхъ силъ, союзная экспедиція, занявъ Тянцзинъ, направилась къ Пекину. Изъ иностранцевъ оставались въ то время въ Китайской столицѣ только наши миссіонеры, положеніе которыхъ, въ виду сильно возбужденной и враждебно настроенной столичной черни и солдатъ, было небезопасно. Сообщеніе между Сѣвернымъ и Южнымъ подворьями (въ послѣднемъ находилось большинство членовъ) стало затруднительно; приходилось сидѣть взаперти или выѣзжать въ закрытой телѣгѣ. Иногда члены миссіи рѣшались выходить на улицу; но, какъ показываетъ случай съ г. Пещуровымъ, котораго едва не растерзали солдаты, прогулки эти сопряжены были съ немалымъ рискомъ. Образъ жизни и душевное настроеніе Русскихъ миссіонеровъ въ то тревожное время изображены въ дневникѣ і. Исаіи. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго документа «Въ началѣ Апрѣля настоящаго 1860 г., по распоряженію начальника миссіи, я переселился изъ Южнаго подворья на Сѣверное. Около Сѣвернаго подворья, въ которомъ находится храмъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, расположились скромные домики нашихъ православныхъ христіанъ. Число послѣднихъ по пріѣздѣ въ Пекинъ новой миссіи (въ 1858 г.) простиралось до 135 человѣкъ,

*) Война вызвана была Китайскими притѣсненіями Британской торговли и вообще Европейцевъ. Поводомъ къ войнѣ послужило оскорбленіе, нанесенное Англійскому флагу въ Кантонской рѣкѣ.

между тѣмъ какъ при вступленіи моемъ въ отправленіе обязанностей миссіонера, число ихъ возросло до 190 человѣкъ. Такимъ образомъ въ $1\frac{1}{2}$ года паства Господня значительно распространилась...» Затѣмъ о. Исаія сообщаетъ мелкіе случаи изъ ежедневной жизни Албазинцевъ, говоритъ о совершеніи требъ, о лѣченіи больныхъ, о случаяхъ обращенія въ Православіе, скорбитъ о нерадѣніи паствы къ службѣ и о маломъ христіанскомъ рвеніи. «Слухи о высадкѣ Англо-Французовъ въ заливѣ Печели сильно тревожатъ нашихъ христіанъ: ихъ мужья и сыновья могутъ быть потребованы на войну и подвергнуться неизбѣжной опасности и ея слѣдствіямъ...» Авторъ дневника, между прочимъ, говоритъ, что во время осады Пекина въ народѣ распространился слухъ, что союзники исповѣдуютъ христіанскую вѣру и поэтому щадятъ жизнь и имущество христіанъ. Два предусмотрительныхъ языческихъ семейства явились въ Русское подворье и просили о. Исаію ихъ окрестить. Онъ однако не поддался на это и окрестилъ Китайцевъ гораздо позднѣе, заставивъ ихъ предварительно походить въ церковь и выучить молитвы.

«Въ ночь на 28-е Августа», продолжаетъ о. Исаія свое повѣствованіе, «всѣ Албазинцы, составляющіе такъ называемую Русскую роту, потребованы на городскую стѣну для защиты столицы отъ нападеній Англо-Французовъ. Со стѣны, правда, ихъ отпускали, но не всегда и не всѣхъ; оставшіеся на стѣнѣ разсказывали, что когда они слышали церковный звонъ, призывающій православныхъ въ храмъ Божій на молитву, имъ было очень грустно; они не смѣли открыто молиться на крестъ храма Божія, видимаго съ городской стѣны, потому что Китайцы, узнавши, что Англо-Французы—христіане, смотрѣли на православныхъ Албазинцовъ весьма подозрительно. Всѣмъ войскамъ, расположеннымъ на стѣнѣ, близъ Сѣвернаго подворья, былъ, разумѣется, слышенъ колокольный звонъ, и вотъ неразумные люди распустили слѣдующую нелѣпую молву: по 1-му звону христіане собираются въ церковь, по 2-му имъ раздается оружіе, а послѣ 3-го они выходятъ въ темнотѣ и вводятъ въ городъ Англичанъ и Французовъ. Какъ ни нелѣпъ былъ слухъ подобнаго рода, но онъ имѣлъ вліяніе несовсѣмъ выгодное для насъ. Во время священнослуженій къ воротамъ подворья стали толпами собираться уличные мальчишки, праздношатающіеся и нищіе; вся эта грязная масса шумѣла, смѣялась и даже оскорбляла словами женщинъ, приходящихъ въ храмъ. Вслѣдствіе этого благоразуміе требовало прекратить звонъ къ богослуженію; ударяли только три раза въ большой колоколъ, что̀ было достаточно для христіанъ, живущихъ около подворья...»

Далѣе о. Исаія выражаетъ удовольствіе по поводу воинственнаго и бодраго вида Албазинцевъ: «Дивизіонный генералъ призналъ ихъ одними изъ лучшихъ солдатъ своей дивизіи. Точно также хорошо отозвались объ Албазинцахъ два Китайскіе полковника, бывшіе 16-го Сентября на Сѣверномъ подворьи; къ этому они прибавляютъ, что у вашихъ христіанъ и вооруженіе и одежда лучше чѣмъ у другихъ солдатъ, и смотрятъ они молодцами. . . 30-го числа въ полдень намъ положительно было извѣстно, что 1-го Октября въ 12 час. дня союзники начнутъ бомбардировать Пекинъ, если Китайцы не отворятъ воротъ. У всенощной Албазинцы были всѣ. На сколько могъ, я успокоивалъ ихъ, говоря, что Пресвятая Богородица, которой мы празднуемъ сегодня и завтра, покроетъ насъ честнымъ Своимъ покровомъ. Предложилъ исповѣдаться тѣмъ, кто пожелаетъ; нѣсколько человѣкъ исповѣдалось, а другіе просили молитвы о спасеніи души. Но какова же была моя радость, когда на завтра къ обѣднѣ, которую совершалъ порану, явились всѣ Албазинцы и сказали, что Китайскіе чиновники рѣшились въ 12 час. отворить ворота и потому распускаютъ войска со стѣнъ...»

Пока о. Исаія и обитатели Южнаго подворья пребывали въ неизвѣстности относительно своей будущей судьбы, вблизи столицы совершались событія чреватыя важными послѣдствіями какъ для Китая, такъ и для его Европейскихъ противниковъ. Нашъ посланникъ генералъ Игнатьевъ слѣдовалъ все время за союзною арміею и когда послѣдняя подступила къ Пекину, онъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ военныхъ операцій, остановился въ г. Тунчжоу, въ 25 верстахъ отъ столицы. Такъ какъ Китайцы продолжали уклоняться отъ исполненія требованій союзниковъ, то предпологалось прибѣгнуть къ бомбардированію. По ходатайству Русскаго посланника, главнокомандующіе союзнаго корпуса (генералъ Монтобанъ и лордъ Эльджинъ) обѣщали, во время бомбардировки, не стрѣлять по направленію Русскихъ построекъ, а во время штурма отрядить караулы для охраны миссіонеровъ. Китайцы, какъ мы уже видѣли изъ дневника і. Исаіи, не довели до этой крайности и отворили ворота; но союзники были такъ раздражены вѣроломнымъ захватомъ парламентеровъ и варварскимъ умерщвленіемъ 19 ти плѣнныхъ Европейцевъ, что послали Китайскому правительству, представляемому младшимъ братомъ богдыхана *) княземъ Гуномъ, ультиматумъ. Въ немъ угрожалось возобновленіемъ военныхъ дѣйствій и разрушеніемъ императорскаго дворца, если правительство богдыхана не уплатитъ контрибуціи и не дастъ удовлетворенія за убійство плѣнныхъ. Графъ Игнатьевъ взялся предупредить опасность,

---

*) Богдыханъ бѣжалъ въ Манчжурію.

грозившую Китайскому правительству, онъ мастерски повелъ переговоры и скоро привелъ стороны къ соглашенію. Но, миря противниковъ, нашъ представитель не упустилъ изъ виду выгодъ Россіи и воспользовался ролью посредника, чтобы выговорить нѣкоторыя политическія преимущества и добиться подтвержденія трактатовъ Айгунскаго и Тянцзинскаго. Этимъ дополнительнымъ Пекинскимъ договоромъ за Россіею признано право владѣнія Амуромъ и Уссури, установлена граница между обѣими имперіями и разрѣшена безпошлинная торговля Русскихъ купцовъ въ Кашгаріи и Монголіи.

Эти переговоры велись въ стѣнахъ убогаго Русскаго подворья, нѣкогда бывшаго свидѣтелемъ униженнаго, пришибленнаго положенія нашихъ миссіонеровъ. Кичливые, надменные Китайскіе сановники, отложивъ обычную заносчивость, явились туда въ качествѣ скромныхъ просителей выслушивать замѣчанія, совѣты и указанія генерала Игнатьева *). Не одни наши монахи, но всѣ Русскіе могли въ то время высоко поднять головы и съ чувствомъ гордости и собственнаго достоинства взглянуть на Китайцевъ; въ теченіе этихъ нѣсколькихъ недѣль смыты были униженія и обиды, которыя мы терпѣли отъ Китая въ продолженіи полутора вѣковъ. По Тянцзинскому трактату 1858 г. иностраннымъ миссіонерамъ разрѣшены пребываніе въ странѣ и проповѣдь христіанства. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, Св. Синодъ послалъ въ 1859 г. арх. Гурію дополнительную инструкцію, въ которой было отступлено отъ обычной системы не увеличивать числа нашихъ христіанъ и ограничиваться лишь поддержаніемъ Православія среди обращенныхъ. Пунктъ 1-й инструкціи, упомянувъ о томъ, что по политическимъ обстоятельствамъ миссіонеры наши должны были довольствоваться поддержаніемъ существующаго, гласитъ: «Въ настоящее же время, когда по милости Божіей, вслѣдствіе трактата 1858 г., духовной миссіи открывается въ Китаѣ обширное поприще для проповѣди слова Божія, дѣятельность миссіи можетъ быть направлена къ распространенію православной вѣры среди самаго Китайскаго народа». Практическаго результата эта инструкція однако не имѣла, если не считать небольшаго числа обращенныхъ о. Исаіею.

Съ учрежденіемъ въ Пекинѣ постояннаго дипломатическаго представительства, прекратились прежнія безправіе и беззащитность нашихъ миссіонеровъ. Въ лицѣ Русскаго посланника у нихъ явился радѣтель и защитникъ отъ часто несправедливыхъ притязаній мѣстныхъ властей.

*) Значительною долею этого успѣха Россія обязана неоглашенной дѣятельности тогдашнихъ членовъ Пекинской духовной миссіи и особенно архимандрита Гурія (впослѣдствіи епископа Таврическаго), переводчика Евангелія на Китайскій языкъ. П. Б.

Положеніе Русскихъ духовныхъ представителей улучшилось не только въ политическомъ и юридическомъ, но также и въ общественномъ отношеніи. Мрачное одиночество, замкнутое и безцвѣтное существованіе, доводившее многихъ миссіонеровъ до отчаянія или запоя, исчезли. Пребываніе въ Пекинѣ дипломатической миссіи внесло неизвѣстное дотолѣ оживленіе и разнообразіе въ жизнь православныхъ миссіонеровъ; явилась возможность обмѣна мыслей и знакомства съ соотечественниками, а также съ Европейцами свѣтскими и духовными, нахлынувшими въ Пекинъ послѣ заключенія трактатовъ. Но, получивъ помянутыя преимущества, духовная миссія должна была въ тоже время отказаться отъ политической роли, которая всецѣло перешла къ дипломатическому представителю Россіи. Къ этому времени относится отмѣна довольно обиднаго преимущества миссіи на полученіе денежнаго и натуральнаго пособія, выдававшагося Китайскимъ правительствомъ. Статьею 10-ю Тянцзинскаго договора установлено, что всѣ издержки на проѣздъ и на содержаніе миссіи въ Пекинѣ имѣютъ производиться Русскимъ правительствомъ; этою же статьею отмѣнено прежнее тягостное 10-лѣтнее пребываніе членовъ миссіи въ Китаѣ и предоставлено имъ право возвращаться по усмотрѣнію начальства.

Благимъ результатомъ обращенія миссіи въ чисто-духовное учрежденіе было то, что нестѣсняемые и незанятые соображеніями политическаго характера, православные миссіонеры получили возможность посвятить себя всецѣло своему призванію. Добрыя начинанія и дѣятельность нашихъ миссіонеровъ особенно проявились въ 1861—1862 годахъ; тогда напр. возродилась школа для Албазинцевъ, завѣдываніе коею приняла на себя супруга нашего министра-резидента г-жа Балюзекъ. Неутомимому трудолюбію и проповѣдническому дару о. Исаіи миссія обязана пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ десятковъ новообращенныхъ, которые нашлись не въ столицѣ, а въ небольшой деревушкѣ Дунъ-динъ-ань, 50 верстъ отъ Пекина *). О. Исаія принялъ близко къ сердцу вновь образовавшуюся паству и не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ для увеличенія числа новообращенныхъ. Воспоминанія его объ Дунъ-динъ-анѣ, о жизни и занятіяхъ жителей, о способѣ обработки земли, объ устройствѣ жилищъ и т. д. чрезвычайно интересны. Вотъ что̀ онъ, между прочимъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ о пребываніи въ этой деревнѣ: «Вечеромъ, окруженный юными христіанами и язычниками, я ходилъ осматривать деревню; меня попросили взглянуть на кумирню; зашли:—идолы лежали разбитые, переломанные, изуродованные, если только можно уродовать уродливое изображеніе духа тьмы.

*) Впослѣдствіи, тамъ, на пожертвованія купцовъ, выстроены церковь и колокольня.

Англо-Французскія войска, проходившія этою деревнею, сдѣлали это. Кто же это такіе? спросилъ я у идолослужителя. «Это боги наши», отвѣчалъ онъ. «Если они не могли защитить самихъ себя, какъ же они спасаютъ васъ?» спросилъ я.—«Да это маленькіе люди, силы у нихъ нѣтъ», отвѣчалъ изъ толпы одинъ Китаецъ-язычникъ, и вся толпа отвѣчала простодушнымъ смѣхомъ. Очевидно, что народъ не отъ сердца вѣритъ въ бредни буддизма».

Авторъ дневника, во время пребыванія въ Дунъ-динъ-анѣ, занялся проповѣдью и, какъ видно изъ нижеприведенныхъ словъ, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. «По окончаніи этой недѣли я намѣренъ былъ отправиться домой, отложивъ крещеніе до другаго времени, такъ какъ со мною не было ни крестовъ, ни крещальныхъ рубашекъ. Но всѣ желающіе креститься такъ искренно и убѣдительно просили меня сподобить ихъ Св. Таинства, что я нарочно послалъ въ Пекинъ къ о. архимандриту Гурію и просилъ его прислать мнѣ крестовъ». Когда кресты были получены, о. Исаія окрестилъ слишкомъ 20 человѣкъ и, уѣзжая, оставилъ въ деревнѣ Албазинца-катехизатора, которому поручилъ укрѣплять новокрещенныхъ въ вѣрѣ. «При прощаніи съ юною паствою Христовою я умолялъ и просилъ, чтобы они всячески избѣгали языческихъ обычаевъ и суевѣрій и, если кто по привычкѣ увлечется, они съ любовью увѣщевали и вразумляли бы заблудшаго».

Окончательное распаденіе Русской миссіи на дипломатическую и духовную произошло въ 1864 году, и архимандриту Палладію, уже бывшему ранѣе главою нашихъ миссіонеровъ, предложено было принять на себя проведеніе въ жизнь тѣхъ новыхъ порядковъ, которые установились вмѣстѣ съ реформою. Архимандрита Палладія при возвращеніи въ знакомый Пекинъ привлекала не столько перспектива живой дѣятельности, сколько возможность погрузиться съ бо̀льшимъ удобствомъ въ его любимыя занятія синологіею. Часть административная и хозяйственная возложена была имъ на іеромонаха Исаію, который, кромѣ того, продолжалъ трудиться надъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ Албазинцевъ. Эти духовныя чада, составлявшія постоянный предметъ заботъ и огорченій предшествующихъ миссій, остались вѣрны своей репутаціи и при арх. Палладіи. О. Исаія особенно негодовалъ на ихъ матеріализмъ и неискренность, способные охладить самое горячее участіе къ ихъ судьбѣ. Выдержка письма (конца 1866 г.) нашего миссіонера рисуетъ дѣло обращенія язычниковъ и нравственный обликъ Албазинцевъ въ весьма непривлекательныхъ чертахъ: «Съ возвращеніемъ въ Пекинъ (изъ отпуска), открылось для меня широкое поле работы, и, слава Богу, работа идетъ успѣшно; потому что хотя дѣятелей и мало, но за то одна воля и одна

душа. Христіанство принимаютъ больше чѣмъ прежде, хотя строгости и рѣшительности въ дѣйствіяхъ больше. Прежде ложно думали, что шитьемъ одеждъ и раздачею денегъ можно удержать, особенно Албазинское старье, въ нѣдрахъ Церкви. И теперь было нѣкоторые пробовали говорить, что если «шéньфу-бу-шанъ и́шанъ, вомынь бу нынъ шанъ танъ!» [1]) И не ходите, отвѣчалъ я: такихъ дурней и не нужно. Въ слѣдующее Воскресенье прочиталъ имъ одно изъ апостольскихъ правилъ, что кто безъ основательной причины три недѣли не посѣщаетъ храма Божія, тотъ подвергается отлученію. И стали ходить. Но вообще скажу, что много нужно словъ и дѣла, чтобы вывѣтрить изъ Албазинскихъ дудзъ (животовъ) старинныя странныя понятія. За то въ новопросвѣщенныхъ много есть отрадныхъ явленій; но вообще всѣ они точно почва г. Пекина: нужно надъ ними трудиться, вырывать весь этотъ мусоръ лѣни, тунеядства, спѣси и пр., пока дороешься до настоящей земли, до сокровенныхъ желаній ихъ человѣческаго духа». Далѣе авторъ письма говоритъ, что на будущее время рѣшено производить богослуженіе по-китайски, и для этой цѣли имъ переводятся богослужебныя книги.

Смерть о. Исаіи, послѣдовавшая въ 1871 г., была крупною и ощутительною утратой какъ для миссіи, такъ и для ея начальника, мало входившаго въ распорядки хозяйственные и административные и вполнѣ полагавшагося на своего опытнаго сотрудника. Архим. Палладій въ этотъ второй періодъ жизни въ Китайской столицѣ еще болѣе поглощенъ былъ научными занятіями; онъ отрывался отъ синологіи лишь для совершенія поѣздокъ въ окрестностяхъ города и для посѣщенія буддистскихъ кумирень. Въ 1870 г. начальникъ миссіи, по предложенію Географическаго Общества, предпринялъ экспедицію въ Уссурійскій край для этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій. Послѣдніе годы жизни въ Пекинѣ архим. Палладій посвятилъ составленію и обработкѣ «Китайско-Русскаго словаря». Автору не пришлось увидѣть своего дѣтища [2]): словарь былъ оконченъ и изданъ лишь въ 1889 г. другомъ и сотрудникомъ о. Палладія въ его занятіяхъ синологіею, П. С. Поповымъ [3]).

Замѣстителемъ архим. Палладія назначенъ былъ въ 1878 году архимандритъ Флавіянъ Городецкій [4]). Въ короткій періодъ началь-

---

[1]) Если священникъ не дастъ намъ платья, мы не пойдемъ въ церковь.

[2]) Архим. Палладій скончался въ 1878 г. на пути въ Россію. Многіе его оригинальные труды помѣщены были въ «Трудахъ Членовъ Пекинской Духовной Миссіи» и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ.

[3]) Нынѣ старшій драгоманъ и генеральный консулъ въ Пекинѣ.

[4]) Въ настоящее время архіепископъ Варшавскій.

ствованія этого іерарха дѣятельность нашихъ миссіонеровъ имѣла характеръ преимущественно учено-издательскій. Какъ самъ архимандритъ, такъ и его помощники, іеромонахи Алексѣй Виноградовъ [1]) и Николай Адоратскій [2]), усердно занялись собираніемъ и провѣркою переводовъ богослужебныхъ книгъ, сдѣланныхъ архим. Палладіемъ и о. Исаіею, а когда ознакомились съ языкомъ, то сами предприняли переводъ воскресныхъ службъ Октоиха. Результатомъ такой совмѣстной дѣятельности представителей Православія было напечатаніе свыше 20 книжекъ, содержащихъ православное богослуженіе. Въ переводныхъ и провѣрочныхъ трудахъ членамъ миссіи помогали Китайскіе сяншены (учители). Одинъ изъ нихъ катехизаторъ Митрофанъ Цзи, выказавшій искреннее христіанское рвеніе и твердость въ исповѣданіи Православія, былъ рукоположенъ въ священники. Этотъ первый опытъ принятія Китайцемъ священническаго сана нельзя назвать удачнымъ: состоя при Дунъ-динаньской церкви, Цзи не занимался своими прихожанами, запустилъ церковную службу и въ концѣ концовъ заболѣлъ меланхоліею.

Въ 1884 г. бразды правленія миссіею перешли къ новому начальнику, архимандриту Амфилохію Лутовинову [3]). Хотя арх. Амфилохій, при занятіи этого труднаго поста, не имѣлъ практической подготовки нѣкоторыхъ своихъ предмѣстниковъ, напр. архимандритовъ Палладія и Гурія (побывавшихъ въ Китаѣ до назначенія ихъ начальниками), но онъ не остановился передъ предстоявшими трудностями и бодро принялся за дѣло. А трудностей представлялось немало. Нынѣшнему главѣ нашихъ миссіонеровъ приходилось разсѣять предубѣжденіе, образовавшееся противъ Пекинской миссіи въ обществѣ и отчасти въ духовныхъ сферахъ; показать, что учрежденіе это не есть нѣчто отжившее, безполезное, какъ то утверждали враги православнаго миссіонерства; наконецъ, для поддержанія собственной репутаціи и естественнаго (даже для монаха) самолюбія—совершить что-нибудь новое, проявить личную иниціативу и прибавить еще одно звѣно къ серіи улучшеній и нововведеній цѣлаго ряда предшественниковъ, изъ коихъ многіе отличались недюжинными дарованіями. И этого нужно было достигнуть, не слишкомъ нарушая преданія прошлаго и соблюдая

---

[1]) Преосвященный Балтскій, извѣстный въ нашей духовной литературѣ писатель и исторіографъ Пекинской миссіи.

[2]) Плодовитый авторъ многихъ компиляцій духовнаго содержанія; составилъ каталогъ библіотеки Пекинской миссіи.

[3]) Архим. Амфилохій изъ дворянъ Курской губ.; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Постриженъ въ 1873 году; черезъ три года командированъ для служенія при церкви Ея Высочества герцогини Эдинбургской и въ 1883 г. назначенъ начальникомъ миссіи.

инструкцію, которая, какъ всѣ инструкціи, старается примирить довольно противуположныя требованія.

Нельзя не признаться, что съ этою трудною задачею начальникъ миссіи справился вполнѣ успѣшно. Хотя за девятилѣтнее управленіе его не сдѣлано ничего бьющаго на эффектъ въ отношеніи обращенія язычниковъ, тѣмъ не менѣе плодотворная дѣятельность нашихъ миссіонеровъ не прерывалась ни на минуту. Поддержаніе Православія среди Албазинцевъ и совершеніе богослуженія въ церквахъ двухъ подворій: такова въ настоящее время цѣль пребыванія православныхъ миссіонеровъ въ столицѣ Сына Неба. Распространеніе Православія практически почти невозможно въ виду недостаточности матеріальныхъ средствъ и малаго личнаго состава. Средства миссіи, считая деньги отпускаемыя на школу, составляютъ слишкомъ 20 тысячъ рублей. Сверхъ сего миссія пользуется процентами съ небольшаго капитала [1]) и арендною платою съ принадлежащихъ ей земель. Послѣднія пріобрѣтались постепенно (первая куплена въ 1727 году). Количество ихъ равняется приблизительно 158 десятинамъ, отданнымъ въ аренду по безсрочнымъ контрактамъ за ничтожную плату. Что же касается личнаго состава миссіи, то онъ, въ особенности сравнительно съ прежними временами, невеликъ: всего четыре члена, считая архимандрита. Цифра эта колеблется, ибо изъ состава миссіи изрѣдка ктонибудь командируется для богослуженія въ Тянцзинъ и въ Калганъ, гдѣ есть Русскія поселенія. Иногда члены миссіи, по приглашенію купцовъ въ названныхъ пунктахъ, а также нашихъ соотечественниковъ въ Фучжоу и Ханькоу, отправляются туда для совершенія бракосочетанія или крещенія. Кромѣ церквей въ Пекинѣ и церкви деревни Дунъ-динань, православные храмы есть въ Ургѣ и Ханькоу [2]).

Не смотря на отсутствіе проповѣди среди язычниковъ, число православной паствы въ послѣдніе годы продолжало прибывать и въ настоящее время дошло до 459 человѣкъ. На сколько всѣ эти числящіеся по спискамъ люди искренно исповѣдуютъ христіанство, сказать трудно: по признанію самого архимандрита Амфилохія, денежныя подачки [3]) и поддержки миссіи, въ случаяхъ притѣсненія мѣстныхъ властей, занимаютъ не послѣднее мѣсто въ числѣ побужденій, заставляющихъ Китайцевъ оставаться вѣрными Православію. Если нельзя сказать

---

[1]) 10,000 рублей, пожертвованныхъ Московскою благотворительницею Котельниковою.

[2]) Недавно при Ургинской церкви утверждены штаты для священника и для псаломщика. Къ Ханькоуской церкви прикомандированъ въ настоящее время одинъ изъ іеромонаховъ Пекинской миссіи.

[3]) Около 400 рублей серебр. въ годъ, выдаваемыхъ въ большіе праздники и въ день имянинъ начальника миссіи.

много въ пользу нравственныхъ качествъ Китайцевъ вообще, то по отношенію къ Албазинцамъ приходится произнести еще болѣе строгое сужденіе. Недаромъ родоначальники ихъ, приведенные въ Пекинѣ, получили женъ изъ «разбойническаго приказа»; законъ наслѣдственности наглядно проявился на Албазинцахъ новѣйшей формаціи.

По внѣшнему виду Албазинецъ—тотъ же Китаецъ: предъ вами тоже тупое, безжизненное лицо съ приплюснутымъ носомъ и щелкообразными глазами; въ нравственномъ же отношеніи это въ лучшемъ случаѣ тунеядецъ, разсчитывающій на поддержку миссіонеровъ, а въ худшемъ—пьяница и мошенникъ. Буйство и разбой заурядныя явленія въ Албазинской колоніи, поставляющей кандидатовъ для тюрьмы и для ссылки *). При такихъ вкусахъ Албазинцы очевидно мало склонны къ посѣщенію церкви, куда являются лишь въ большіе праздники, когда предстоитъ раздача денегъ.

Значительная часть потомковъ доблестныхъ защитниковъ Албазина живетъ въ качествѣ прислуги въ миссіяхъ дипломатической и духовной. Всѣ эти старшіе слуги, кули, повара, дворники, пѣвчіе, и т. д. образуютъ сплоченную группу, связанную общностью интересовъ и дѣйствующую съ трогательнымъ единодушіемъ, коль скоро дѣло касается обмана Русскихъ, живущихъ въ Пекинѣ. Слуги имѣютъ многочисленную и праздную родню внѣ подворій и поддерживаютъ ее изъ собственныхъ средствъ, т. е. тѣми косвенными доходами, которые каждый Китаецъ умудряется извлекать, когда приходитъ въ соприкосновеніе съ Европейцемъ. Албазинская паутина такою мелкою сѣтью опутываетъ Русскихъ, что освобожденіе отъ нея сопряжено съ немалыми усиліями. Если вашъ слуга-Албазинецъ—лѣнтяй и воръ, и вы желаете отъ него избавиться, то вамъ представляется одно изъ двухъ: примириться съ этими недостатками или же взять вмѣсто него другаго Албазинца, еще болѣе лѣниваго и вороватаго. Нанять не-Албазинца трудно, ибо вся шайка Албазинцевъ возстанетъ противъ пришельца и постарается выжить его изъ подворья. Впрочемъ, въ послѣднее время въ дипломатической миссіи сдѣланы попытки освободиться отъ Албазинской зависимости, и прежняя преемственность въ дѣлѣ найма слугъ непремѣнно изъ этой среды начинаетъ исчезать.

Описаніе быта и устройства нашей миссіи будетъ неполно, если не упомянуть о школѣ. Послѣдняя состоитъ изъ мужскаго и женскаго отдѣленій для дѣтей отъ 6 до 16 лѣтъ. Въ первомъ въ настоящее время учатся 27 мальчиковъ, а во 2-мъ 28 дѣвочекъ. Ученикамъ и ученицамъ дается праздничная одежда, а родители получаютъ еже-

---

*) Ихъ ссылаютъ въ Сычуаньскую провинцію.

мѣсячное пособіе (отъ 50 коп. до рубля), чѣмъ и объясняется посѣщеніе ихъ дѣтьми школы, которая въ противномъ случаѣ навѣрно бы пустовала. Занятія заключаются въ изученіи Китайскихъ іероглифовъ по общему звуковому методу, въ ознакомленіи съ начатками христіанской вѣры и въ заучиваніи молитвъ. Лучшимъ ученикамъ преподаются языки Русскій и Славянскій [1]. Преподавателями состоятъ Китайскіе сяншены, а въ женскомъ отдѣленіи учительница-Китаянка съ помощницами. Успѣхи, дѣлаемые учениками въ Китайскомъ языкѣ, довольно посредственны; Русскій же языкъ идетъ безусловно плохо. Процессъ чтенія и писанія производится вполнѣ машинально, безъ всякаго смысла и пониманія. При такомъ положеніи дѣла, вліяніе школы на нравственное состояніе дѣтей ничтожно; къ тому же дѣти остаются въ школѣ лишь часть дня, проводя остальное время дѳма и имѣя передъ глазами примѣры безнравственности, религіознаго равнодушія и грубаго суевѣрія; ибо язычники и христіане живутъ вмѣстѣ, и дѣти тѣхъ и другихъ находятся въ постоянномъ общеніи. Помочь горю можно бы было расширивъ образовательную программу и превративъ школу въ закрытое заведеніе, гдѣ воспитанники находились бы подъ постояннымъ присмотромъ и вліяніемъ христіанскихъ наставниковъ; къ сожалѣнію, средства миссіи не позволяютъ сдѣлать такое преобразованіе.

Хотя буйный характеръ и распри выродившихся потомковъ удалыхъ казаковъ причиняютъ подчасъ безпокойство и хлопоты нашимъ миссіонерамъ, но въ общемъ жизнь ихъ протекаетъ мирно и безмятежно. Изученіе Китайскаго языка, совершеніе службы въ церквахъ Сѣвернаго и Южнаго подворій, надзоръ за школою и хозяйственныя заботы наполняютъ время начальника миссіи и его помощниковъ [2]. Изрѣдка членами миссіи предпринимаются поѣздки для посѣщенія и наставленія православной паствы въ деревнѣ Дунъ-динань. Архимандритъ Амфилохій по характеру своему человѣкъ кабинетный и домосѣдъ. Пекинское отшельничество его повидимому нисколько не тяготитъ; напротивъ того, господствующіе на Сѣверномъ подворьи миръ и тишина даютъ ему возможность посвящать свои досуги наукѣ и въ частности синологіи. Недавно имъ оконченъ Китайско-русскій словарь, составленіе коего потребовало много лѣтъ усидчиваго и кропотливаго труда и обширныхъ синологическихъ познаній. Въ настоящее время

---

[1] До послѣдняго времени Русскому языку и молитвамъ обучалъ іеромонахъ Платонъ, нынѣ настоятель Саратовскаго монастыря.

[2] Нѣкоторые члены миссіи, хорошо знакомые съ Китайскимъ языкомъ, продолжаютъ переводъ священныхъ книгъ.

архимандритъ занятъ разработкою древнѣйшихъ памятниковъ распространенія христіанства въ Небесной Имперіи. Свободное отъ служебныхъ обязанностей и научныхъ трудовъ время глава нашихъ миссіонеровъ посвящаетъ ухаживанію за рѣдкими экземплярами флоры, растущими въ его оранжереѣ. Архимандритъ, кромѣ того, большой любитель Китайскихъ древностей и, за долгое пребываніе въ Пекинѣ, собралъ порядочную коллекцію.

Въ послѣдніе два года къ духовному составу миссіи приблизился свѣтскій элементъ въ лицѣ двухъ молодыхъ Сибиряковъ, живущихъ на подворьи и изучающихъ Китайскій языкъ. Одинъ изъ нихъ, по личному желанію, управляетъ пѣвчими, поющими въ церквахъ дипломатической и духовной миссій, а другой завѣдуетъ производствомъ наблюденій на имѣющейся въ Сѣверномъ подворьи метеорологической станціи. Станція эта преобразована была изъ обсерваторіи послѣ отъѣзда изъ Пекина астронома Фритче (бывшаго при архим. Палладіѣ)' который первый началъ производить серьезныя астрономическія наблюденія. Въ 1886 г. производство наблюденій, за отсутствіемъ знающаго лица, было прекращено и возобновилось лишь въ началѣ 1890 г., послѣ того какъ нашъ военный агентъ въ Китаѣ, полковникъ Путята, привелъ станцію въ порядокъ. Наблюденія дѣлаются надъ барометромъ, температурою воздуха, влажностью, вѣтромъ и облачностью; производятся также чрезвычайныя наблюденія надъ температурой почвы и испареніемъ воды. Отчеты станціи посылаются въ главную физическую обсерваторію въ Петербургѣ и въ Іезуитскую обсерваторію Сикавей близъ Шанхая, которая, въ свою очередь, присылаетъ нашей станціи бюллетени своихъ наблюденій *).

И. Коростовецъ.

Пекинъ, 21-го Апрѣля 1893 г.

---

*) Свѣдѣнія о новѣйшей исторіи Пекинской духовной миссіи, которыя намъ удалось добить изъ архива послѣдней, крайне скудны, чѣмъ и объясняются неполнота и отрывочность настоящаго очерка.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЛЕОНТІЯ КЪ АРХІЕПИСКОПУ КОСТРОМСКОМУ ПЛАТОНУ [1]).

1.

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь.

Отъ искренняго сердца благодарю ваше преосвященство за благое привѣтствіе моего недостоинства съ великою милостію Божіею, явленною на мнѣ въ благодати епископства. О, еслибы хотя часть вашихъ благожеланій сбылась надо мною! Взглядъ свой на епископство я выразилъ въ рѣчи къ Св. Синоду 10-го Марта; не знаю, какъ она понравится вамъ [2]). Дивлюсь судьбамъ Божіимъ о мнѣ и благоговѣю. Буду стараться оправдать носимое званіе. На жительство въ Лавру завтра думаю перебраться; пока было нельзя, по случаю передѣлки комнатъ. Семинаріею управляю я же до прибытія о. Платона.

Владиміръ [3]) выводитъ людей скоро. О. Платона рекомендовалъ владыкѣ-митрополиту преосвящ. Нектарій; да правду сказать, трудно нынѣ и выбирать. О. Герасимъ предназначенъ ректоромъ Миссіонерской Академіи въ Грузинѣ; а пока, по милости преосв. Макарія, отправили въ Калугу. А дѣльный человѣкъ, отличный ректоръ! Съ семинаріею разстаюсь не безъ грусти; дѣти любили меня и выразили свою любовь поднесеніемъ образа, чего никогда здѣсь не бывало. Многое, многое можно сдѣлать изъ Спб. воспитанниковъ; но нужны руки и усердіе.

Чтò сказать новенькаго? Преосвящ. Анатолій сходитъ съ поприща: прислалъ прошеніе объ увольненіи на покой и будетъ конечно уволенъ. О. Софонія Римскій тоже просится; а экзархъ Грузіи своего ректора рекомендуетъ взять куда-нибудь. Да, люди нужны, а ихъ нѣтъ! Очередь за молодыми, но и молодыхъ мало; Академіи же не даютъ монаховъ. Комитетъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній скоро начнетъ свои дѣйствія; предсѣдателемъ назначенъ преосвящ. Димитрій.

---

[1]) Архіепископъ Платонъ въ молодости своей былъ ректоромъ Владимирской Духовной Семинаріи, а Леонтій служилъ въ ней инспекторомъ. П. Б.

[2]) Прекрасная рѣчь эта была напечатана въ 12 № «Духовной Бесѣды» 1860 года. Основная мысль ея въ словахъ: «Въ первыя времена христіанства избраніе на епископство большею частью было вмѣстѣ и избраніемъ на подвигъ мученичества за Вѣру и церковь». «Достойное прохожденіе святительскаго званія и въ настоящее время есть крестный подвигъ». П. Б.

[3]) Т. е. городъ Владиміръ. П. Б.

Приношу вашему преосвященству глубочайшую благодарность за весьма хорошую книгу объ исповѣди. Она будетъ имѣть ходъ. Привѣтствую съ великими днями Страстей Господнихъ и желаю въ радости встрѣтить и провести свѣтлые дни Св. Пасхи. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о мнѣ грѣшномъ; а я долгомъ считаю молиться за васъ. Съ искреннимъ уваженіемъ, совершенною преданностію и братскою о Христѣ любовію имѣю честь быть вашего преосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, усерднѣйшимъ послушникомъ Леонтій, епископъ Ревельскій.

Марта 28, 1860 (С. П. Б.).

2.

†

Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ.

Приношу вашему преосвященству мою искреннюю благодарность за ваше любезное, братское посланіе. Имѣю честь и удовольствіе привѣтствовать взаимно и васъ, владыко святый, съ наступившимъ новымъ годомъ. Отъ души желаю, чтобъ былъ для васъ годомъ милостей Божіихъ ко благу паствы вашей и къ спокойствію вашего духа, которое *для насъ епископовъ* такъ трудно, особенно въ настоящія мудреныя времена. Благодарю за сочувствіе успѣху дѣла, милостію Божіею совершеннаго мною какъ нельзя лучше, во славу Православной Церкви. Признаюсь, я не ожидалъ такого успѣха, какой оказался на дѣлѣ, и безъ сомнѣнія потому онъ и оказался блестящимъ, что я не надѣялся на себя, а на всесильную благодать *). Много писали о нашемъ путешествіи; но трудно все передать. Жаль, что время проведенное въ Штутгардѣ и Висбаденѣ на Русскомъ осталось мало извѣстнымъ. Парижъ *великолѣпенъ* въ собственномъ смыслѣ; Парижане весьма вѣжливы, и я остался ими доволенъ вполнѣ. Впечатлѣніе нашего богослуженія на умы и сердца Р.-Католиковъ, о которомъ писано, вполнѣ справедливо. Жатва многа! Посѣщающихъ нашу церковь (какъ пишетъ о. Васильевъ) и теперь, ежедневно, весьма много. 5-го Декабря посѣтила церковь Русскую и императрица Евгенія. Разговоръ ея съ о. Васильевымъ очень интересенъ. Жаль, что въ «Странникѣ» за Генварь нѣсколько измѣненъ; а письма своего отъ Васильева я не давалъ печатать; давалъ его владыкѣ, который читалъ въ Синодѣ. *Спасибо* за поѣздку, стоившую мнѣ безсонныхъ ночей и сильнаго напряженія, еще ждется; впрочемъ свою личность я забываю. Къ сожалѣнію и въ добрыя дѣла мѣшаются страсти... В. К. Елена Павловна приглашала меня 5-го Декабря и около часу распрашивала о моихъ впе-

*) Освященіе нашей церкви въ Парижѣ. См. «Р. Архивъ» 1892; III, 95. П. Б.

чатлѣніяхъ за границею. Славы, которая разнесена всѣми иллюстраціями, начиная съ Парижской, съ портретомъ моимъ, я, само по себѣ, конечно не заслужилъ; но почему меня Господь избралъ орудіемъ Своимъ въ *новомъ дѣлѣ*, противъ моего чаянія, Онъ вѣсть.

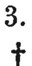
Что̀ новаго? Толковали все о перемѣнѣ об.-прокурора по его прошенію и указывали многихъ лицъ; но теперь что-то молва притихаетъ. Ставропольская каѳедра доселѣ не занята. Статься можетъ, что переведутъ туда преосвященнаго Нектарія. Слѣдствіе о немъ недавно доставлено; я слышалъ, что не такъ-то въ его пользу. Молва давно меня перевела уже въ Нижній, но основанія для этого не вижу, да и не желалъ бы. Впрочемъ во всемъ да будетъ воля Божія! Изъ отношеній преосвящ. митрополита не вижу, чтобъ онъ хотѣлъ меня избавиться: у насъ все идетъ ладно, хотя правду сказать, и въ Петербургѣ на моемъ мѣстѣ, вамъ знакомомъ, засиживаться не приходится. Говорите о «Духѣ Христіанина» невыгодно. Да, хвалить нельзя; но редакторамъ уже досталось порядочно; впередъ не будутъ помѣщать статей *зря*, безъ разбору. Горе намъ съ молодымъ поколѣніемъ! Право, непонятно такое быстрое увлеченіе потокомъ идей ненашихъ нашими. Я часто бранюсь съ молодежью; но не легко урезонить ихъ на дѣлѣ, хотя слушаютъ и молчатъ. Броженіе, впрочемъ, должно пройти. И Аскоченскій тоже молодецъ!!

Извините, что во многомъ сказалъ мало дѣльнаго. Испрашивая вашихъ святыхъ молитвъ, съ искреннимъ чувствомъ уваженія, братской любви и совершенной преданности, имѣю честь быть вашего преосвященства милостивѣйшаго архипастыря и отца покорнѣйшій слуга епископъ Леонтій.

Генв. 12-го 1862 (С. П. Б.).

P. S. Преосвящ. Порфирій Томскій весьма неблагоразумно поступаетъ и возбудилъ противъ себя справедливый гнѣвъ...

3.



Преосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ.

Запоздалъ я отвѣтомъ на ваше пріятное письмо; извините. Благодарю сердечно за братскую любовь къ моему недостоинству и за привѣтъ. Дорого для меня сочувствіе ваше, какъ и многихъ другихъ къ успѣшному совершенію дѣла за границею. Если же нарочито не оцѣнили наградою кому слѣдуетъ, я частію радъ: пусть дѣло Божіе остается безъ человѣческихъ украшеній... Довольно для меня милости Божіей, явленной въ успѣхѣ, котораго себѣ не приписываю. Неблаговоленія къ себѣ отъ властей не вижу; напротивъ, слава Богу, пользуюсь добрымъ расположеніемъ и владыки, и прочихъ. Заведеннаго

порядка не хотѣли нарушить, говорятъ; но мнѣ отъ этого, конечно, не стыдно. На торжество тысячелѣтія меня назначили; это лестно. Изъ архіереевъ въ церемоніалѣ прописаны: преосвящ. митрополитъ и викаріи Новгородскій и С.-Петербургскій. Назначенія меня на епархію пока не видится; въ Оренбургъ переведенъ преосвящ. Варлаамъ; на его мѣсто рукоположенъ въ Екатеринбургѣ Митрофанъ, ректоръ Кишиневской семинаріи. Ставропольская каѳедра ждетъ еще архипастыря. Скажу по секрету: туда уже полагается перевесть преосвящ. Кирилла изъ Іерусалима; а въ Іерусалимѣ будетъ опять архимандритъ. Репутація пр. Кирилла сильно поколебалась; къ сожалѣнію, слухи о его поведеніи недобрые. Преосвящ. Евсевій Могилевскій прибудетъ въ Питеръ къ 1-му Іюля; пр. Платонъ Рижскій здѣсь, но съ 16-го ч. на время уѣдетъ въ Ригу. Къ осени не будетъ ли вызванъ Кіевскій м.? Очень можетъ быть; помѣщеніе запасное есть. Пр. Филоѳей на два мѣсяца отправляется въ Тверь для обозрѣнія епархіи.

Въ Петербургѣ у насъ неспокойно. Городъ (въ мирное время?!) на военномъ положеніи. О пожарахъ можете видѣть изъ газетъ; но постоянно открываютъ заговорщиковъ, и наряжена коммиссія для изслѣдованія. Тяжелое время! Воззванія дерзкія и безбожныя распространяются. О спасеніи отъ бѣдствій у насъ ежедневно служатъ молебствія (по высочайшему повелѣнію) по всѣмъ церквамъ. Въ народѣ страхъ и смятеніе; но вотъ дня три все тихо, и пожаровъ нѣтъ, хотя всякій домохозяинъ боится за себя.

Письмо посылаю къ вашему высокопреосвященству съ моимъ младшимъ келейнымъ, родомъ Костромичемъ, и при этомъ присовокупляю свою покорнѣйшую просьбу о причисленіи его къ духовному званію: онъ мальчикъ способный и благонравный, дѣло причетническое знаетъ достаточно. Я затѣялъ дѣло о причисленіи его въ послушники Лавры съ увольненіемъ въ духовное званіе; преосвящ. митрополитъ согласился. Но переписка съ палатою Костромскою дѣло затруднила и усложнила; а времени, сроку по увольнительному свидѣтельству, остается мало. Я рѣшился послать своего Александра Никольскаго самого на родину, чтобы покончить дѣло. Секретарь вашей консисторіи, мой товарищъ С. И. Ширскій имѣетъ о немъ понятіе и разскажетъ вамъ. Я покорнѣйше прошу ваше преосвященство по увольнительному свидѣтельству общества причислить просителя въ духовное званіе Костромской епархіи и выдать ему паспортъ на прожитіе въ Петербургѣ при мнѣ на годъ. Если Богъ дастъ, я получу епархію, переведу его къ себѣ; онъ живетъ у меня три года, и хочется мнѣ устроить его судьбу; въ послушники всегда можно опредѣлить.

Извините, что пустился въ подробности. Ваше благоразуміе устроитъ все хорошо; объ ускореніи со стороны консисторіи прошу, потому что Александръ мнѣ нуженъ въ услуженіи, какъ привычный къ дѣлу.

Поручая себя вашему расположенію и братской любви съ испрашиваніемъ молитвъ, имѣю честь быть вашего преосвященства милостивѣйшаго архипастыря и отца покорнѣйшимъ и преданнымъ слугою Леонтій, епископъ Ревельскій.

Іюня 4-го 1862 (С. П. Б.).

P. S. Прошу принять Парижскую карточку мою на память. Нѣтъ ли портрета фотографическаго вашего для меня?

4.

†

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаю исполнить просьбу вашего высокопреосвященства. Въ особомъ пакетѣ вмѣстѣ съ симъ посылаются всѣ нужныя свѣдѣнія по устройству общежитія. Въ нихъ изволите найти отвѣтъ на заданные вами вопросы. Очень радъ, что имѣю случай послужить любви вашей, хоть чѣмъ нибудь, и засвидѣтельствовать вамъ чувства глубокаго уваженія, преданности и братскаго расположенія, съ коими имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостивѣйшаго архипастыря и отца покорнѣйшимъ слугою Леонтій, архіепископъ Подольскій.

Ноября 2-го 1873 г. (Каменецъ-Подольскъ).

P. S. Съ 15-го по 19-е Октября былъ у насъ графъ Д. А. Толстой. Наши заведенія осматривалъ вмѣстѣ со мною, посѣтилъ всѣ классы, слушалъ уроки, вникалъ во всѣ подробности и остался очень доволенъ. Общежитія наши очень понравились графу. Мнѣ высказалъ онъ много лестныхъ словъ. 18-го Октября обѣдалъ у меня. Семинарское начальство благодарилъ. И въ гимназіи нашей обошлось хорошо все.

Не скрою отъ васъ, что я все-таки тягощусь здѣшнею жизнію, особенно своимъ помѣщеніемъ, для здоровья весьма невыгоднымъ. Не говорю уже о разныхъ столкновеніяхъ. Прежде времени я посѣдѣлъ. Оказалось, что преосвящ. Нектарій (при свиданіи со мною въ Кіевѣ

въ Августѣ) выглядываетъ моложе меня. Видно, еще не пришелъ часъ выбытія моего отсюда; а я жду его съ нетерпѣніемъ. Страна наша вамъ довольно извѣстна *).

*

За сообщеніе вышенапечатанныхъ писемъ благодарны мы одному изъ братьевъ архіепископа Платона. Со временемъ, въ біографіи митрополита Леонтія, эти письма получать значеніе; но и нынѣ они дороги знавшимъ и любившимъ покойнаго митрополита, какъ личный отзвукъ, какъ загробный его голосъ.

Высокопреосвященный Леонтій былъ сынъ священника Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, села Новой Калитвы, по близости отъ Малороссіи. Въ немъ слышалась его родина. Онъ землякъ митрополиту Евгенію Болховитинову, и въ пастырской дѣятельности обоихъ замѣтны нѣкоторыя черты сходства, какъ напр. живое, дѣятельное, искреннее благочестіе, чуждое смиреннолукавствія. Онъ не любилъ внѣшнихъ оказательствъ, коль скоро ими прикрывалась скудость внутренняго содержанія. При нравѣ пылкомъ, былъ онъ неистощимъ въ сердоболіи и всяческой помощи: послѣ него остались только тѣ немногія деньги, которыя онъ назначилъ на свое погребеніе. Отъ учениковъ его по Петербургской семинаріи (гдѣ онъ долго былъ инспекторомъ) случалось намъ слышать про него: накричитъ, нашумитъ, а поступитъ какъ нельзя болѣе по-христіански. Ставленникъ митрополита Григорія, Леонтій рано обратилъ на себя вниманіе и Московскаго Филарета, къ которому питалъ глубокое уваженіе. Однажды, на Троицкомъ подворьѣ въ Москвѣ, провожая до выходной двери одного изъ посѣтителей, онъ остановился и сказалъ: „Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ въ послѣдній разъ видѣлъ я Филарета, не задолго до его кончины, и на прощаньи поклонился ему въ ноги“.

Митрополитъ Леонтій прежде всего былъ человѣкъ умный и добрый, и совершенно справедливо сказано при его погребеніи, что „онъ никогда не удовлетворялся наблюденіемъ за исполненіемъ внѣшняго закона, но искалъ въ людяхъ собственной, безкорыстной преданности высокимъ цѣлямъ, съ готовностью шелъ на встрѣчу ученымъ, духовно-просвѣтительнымъ, благотворительнымъ предпріятіямъ, съ великою любовью и даже благодарностью спѣшилъ съ властною помощію, гдѣ чуялъ своимъ вѣщимъ сердцемъ біеніе жизни, безкорыстнаго одушевленія и нелицемѣрнаго труда“.

Въ Москву онъ прибылъ (въ Декабрѣ 1891 г.) съ надеждою широкой дѣятельности и началъ внимательно ко всему присматриваться; но съ небольшимъ черезъ годъ посѣтилъ его тяжкій недугъ, и онъ успѣлъ только намѣтить нѣсколько благихъ предначертаній. Пожелаемъ, чтобы эти предначертанія осуществились и въ числѣ ихъ историческое описаніе Московской святыни, начатое по мысли его и продолжаемое въ широкихъ размѣрахъ. П. Б.

*) Архіеп. Платонъ нѣкогда жилъ въ Каменцѣ Подольскомъ, гдѣ дядя его Кириллъ былъ архіепископомъ. П. Б.

ХОЛЕРА ВЪ МОСКВѢ

въ 1830 году.

Интересуясь исторіей холерныхъ эпидемій въ Москвѣ и собирая по этому вопросу данныя, мнѣ, благодаря только счастливой случайности, пришлось пріобрѣсти: *Вѣдомости о состояніи города Москвы* во время первой холерной эпидеміи, постигшей ее, какъ извѣстно, въ 1830 году. Собраніе этихъ *Вѣдомостей*, какими владѣю я, составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Покойный профессоръ Московскаго Университета Бодянскій, въ составленномъ имъ каталогѣ книгъ библіотеки А. Д. Черткова, говоритъ: «единственное, можетъ-быть, собраніе всѣхъ объявленій о состояніи Москвы въ несчастную эпоху уцѣлѣло въ библіотекѣ П. И. Бекетова, изъ которой перешло въ нашу», то-есть въ библіотеку А. Д. Черткова. Подобный же отзывъ о вышеозначенныхъ вѣдомостяхъ мы находимъ и въ книгѣ Геннади, изданной въ Петербургѣ, въ 1872 году, подъ заглавіемъ: «Русскія книжныя рѣдкости» (стр. 97).

Вѣдомости о состояніи города Москвы печатались въ 1830 году по распоряженію Московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына. Онѣ выходили въ свѣтъ ежедневно, начиная съ 23 Сентября 1830 года. Послѣдній нумеръ ихъ былъ выпущенъ 6 Января 1831 года. Величина ихъ, большею частію, равнялась полулисту, рѣдко болѣе, а иногда ограничивалась даже и осьмушкой его. Редакторами этого изданія были: адъюнктъ-профессоръ Московскаго Университета М. П. Погодинъ и докторъ Маркусъ.

Уже немного осталось въ живыхъ изъ тѣхъ лицъ, которымъ пришлось принимать участіе въ прекращеніи холеры, свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1830 году, и эти немногіе, по общему для всѣхъ закону природы, конечно, скоро сойдутъ въ могилы, и вмѣстѣ съ ними утратятся живые свидѣтели ужасной для Москвы эпохи. Это обстоятельство, а равно и крайняя рѣдкость вѣдомостей, счастливо намъ доставшихся, въ виду грозящей холеры, нашествія которой въ Москву

можно ожидать, заставляетъ меня думать, что описаніе холерной эпидеміи, бывшей въ Москвѣ въ 1830 году, и принятыхъ тогда нашими дѣдами и отцами мѣръ противъ нея можетъ быть интереснымъ и поучительнымъ. Не смотря на то, что съ того времени прошло уже болѣе полувѣка, и наука ушла впередъ въ своихъ взглядахъ на эту болѣзнь, многія изъ мѣръ, принятыхъ тогда, и по сіе время считаются дѣйствительными. Но особенно можетъ быть для насъ поучительно въ исторіи первой Московской холерной эпидеміи участіе общества, которое выразилось въ борьбѣ съ этою болѣзнію, которая тогда, какъ впервыя появившаяся въ видѣ эпидеміи, была, конечно, ужасна для Москвичей. Въ рядахъ бойцовъ съ этою болѣзнію мы видимъ гражданъ всѣхъ сословій, начиная съ именъ самыхъ знатныхъ родовъ и кончая фамиліями простолюдиновъ...

Первый листокъ *Вѣдомостей* начинается заявленіемъ, что Московскій военный г.-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, предписалъ издавать при временномъ медицинскомъ совѣтѣ «особливую вѣдомость для сообщенія обывателямъ вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи города, столько необходимыхъ въ настоящее время, и для пресѣченія ложныхъ и неосновательныхъ слуховъ, кои производятъ безвременный страхъ и уныніе». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе программы тѣхъ свѣдѣній, которыя должны помѣщаться въ вѣдомостяхъ; далѣе сообщаются данныя о числѣ смертныхъ случаевъ въ Москвѣ за каждый мѣсяцъ истекшаго 1829 года, когда въ ней, какъ извѣстно, еще не было холеры. Оказывается, что «и въ самое благополучное время въ Москвѣ (имѣвшей тогда до 300,000 жителей) умирало ежемѣсячно отъ 700 до 1.300 человѣкъ, то есть круглымъ числомъ по 900, или ежедневно по 30 человѣкъ». Изъ приведенныхъ цифръ видно, что maximum смертности въ 1829 году палъ на Апрѣль, когда умерло 1.305 человѣкъ, и minimum на Февраль, въ продолженіе котораго скончалось 668. Всѣхъ умершихъ въ 1829 году въ Москвѣ было 10.117 человѣкъ: цифры интересныя для сравненія смертности въ Москвѣ въ настоящее время. Заканчивая свѣдѣнія объ умершихъ въ 1829 году, редакція *Вѣдомостей* прибавляетъ: «Нынѣ, не смотря на лишнюю опасность, по странному стеченію обстоятельствъ, въ послѣдніе шесть дней умирало круглымъ счетомъ только по 15 человѣкъ; изъ этой пропорціи слѣдуетъ вывести необходимое заключеніе, что Москва рѣдко бывала такъ здорова какъ нынѣ; будущее въ руцѣ Божіей».

Успокоивая, на сколько возможно, жителей Москвы, администрація ея, тѣмъ не менѣе, принимаетъ мѣры противъ холеры. Московскій генералъ-губернаторъ приглашаетъ лицъ, пользующихся особымъ довѣріемъ въ обществѣ, и извѣстныхъ врачей, раздѣляетъ Москву на участки по

ея полицейскимъ частямъ и отдаетъ ихъ подъ надзоръ и попеченіе вышеозначенныхъ лицъ. Объявляется, что въ каждой части будетъ устроена особая больница. Для пресѣченія сообщенія съ жителями зараженныхъ холерой губерній, по границамъ Московской губерніи ставится кордонъ. Временный медицинскій совѣтъ, учрежденный военнымъ генералъ-губернаторомъ, рекомендуетъ носить при себѣ мѣшечки изъ холстины съ хлоромъ для предохраненія отъ заразы. Онъ же объявляетъ, чтобъ обыватели рѣшительно не употребляли никакихъ «предостерегательныхъ» средствъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ обнародованы, такъ какъ въ послѣднее время многіе пострадали отъ неумѣреннаго употребленія дегтярной воды и т. п. Химикъ Германъ предлагаетъ способъ къ очищенію воздуха въ покояхъ хлоромъ. Совѣтъ это одобряетъ и печатаетъ о самомъ способѣ употребленія. Обо всѣхъ этихъ мѣрахъ было донесено генералъ-губернаторомъ Государю.

Не смотря на вышеозначенныя мѣры, паника въ Москвѣ растетъ все болѣе и болѣе.

Московскій митрополитъ Филаретъ, 25 Сентября, въ день Преподобнаго Сергія, совершаетъ въ Успенскомъ соборѣ литургію и молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о прекращеніи заразы. Послѣ молебна былъ крестный ходъ вокругъ Кремлевскихъ соборовъ и дворца къ Лобному мѣсту. Тоже молебствіе было совершено при многочисленномъ стеченіи народа и во всѣхъ Московскихъ церквахъ, изъ которыхъ были также крестные ходы съ колокольнымъ звономъ вокругъ приходовъ. *Вѣдомости*, сообщая объ этомъ, прибавляютъ: «Жители Московскіе въ сердечномъ умиленіи обращались къ святому угоднику, который, въ теченіе вѣковъ бодрствуя надъ своею земною отчизной, хранитъ ее ото всякихъ напастей, и онъ внялъ, кажется, ихъ теплымъ молитвамъ: въ этотъ день умерло въ Москвѣ гораздо менѣе, чѣмъ въ самое благополучное время, много бо можетъ молитва праведника споспѣшествуема».

Когда же именно появилась въ Москвѣ холера въ 1830 году?

Въ разсматриваемыхъ *Вѣдомостяхъ* на этотъ вопросъ точнаго отвѣта нѣтъ. Въ первомъ нумерѣ ихъ, вышедшемъ въ свѣтъ 23 Сентября, сказано, что въ Москвѣ, за послѣдніе шесть дней, то-есть съ 16 по 22 Сентября, умерло «семь человѣкъ съ признаками холеры болѣе или менѣе сомнительными»; но въ какой именно день былъ первый этотъ сомнительный смертный случай отъ холеры, на то въ *Вѣдомостяхъ* указанія нѣтъ. Замѣтимъ, что такого рода неопредѣленныя отмѣтки о умершихъ продолжаются до 29 Сентября. Но вотъ въ этотъ день, въ 11 часовъ пополуночи, изволилъ прибыть въ Москву императоръ Николай I-й, и въ *Вѣдомостяхъ* за это число, вышедшихъ

1 Октября, напечатано въ первый разъ *точно*, что въ Москвѣ умерло 29 Іюня отъ холеры 28 человѣкъ. Въ этомъ эпизодѣ нельзя не замѣтить, съ одной стороны, осторожность Московской администраціи, конечно, имѣвшей въ виду, такъ-сказать, исподволь приготовить публику къ появленію такой страшной гостьи въ Москвѣ, какова въ то время была холера, и не посмѣвшей, однако, назвать болѣзнь *точно* ея именемъ до пріѣзда Царя въ Москву, а съ другой, прямой и самоотверженный образъ дѣйствій Императора, столь свойственный этому рыцарю-монарху.

Предъ своимъ пріѣздомъ въ Москву Государь, на донесеніе Московскаго военнаго генералъ-губернатора о появленіи въ Москвѣ холеры и мѣрахъ принятыхъ противъ нея, осчастливилъ его 24 Сентября слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ: «Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получилъ я ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляйте меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію! Я одобряю всѣ ваши мѣры. Поблагодарите отъ меня тѣхъ, кои помогаютъ вамъ своими трудами. Я надѣюсь всего болѣе теперь на ихъ усердіе».

Съ пріѣздомъ Царя Москва воскресла. «Нельзя описать восторга, пишетъ редакція *Вѣдомостей*, съ которымъ встрѣтилъ его народъ, тѣхъ чувствованій, которыя изображались на всѣхъ лицахъ: радость, благодарность, удивленіе, довѣренность, преданность... Всѣ со слезами на глазахъ благословляли имя Царя добродѣтельнаго и великодушнаго, который въ такую важную минуту такъ утѣшилъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Помазанникъ Божій привезъ намъ Божіей милости, говорили они другъ другу...»

Знаменитый іерархъ Московской церкви, митрополитъ Филаретъ, встрѣчая Царя въ день его пріѣзда въ Москву въ Успенскомъ соборѣ, говорилъ слѣдующую рѣчь: «Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобъ окружить себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобъ опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный провидитъ сію жертву сердца твоего и милосердно хранитъ тебя и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ тебя, Государь; да идутъ съ тобою воскресеніе и жизнь».

Въ Москвѣ въ Сентябрѣ 1830 года, между 16 и 22 числами, холера, по даннымъ нашихъ *Вѣдомостей*, день ото дня, за малыми исключеніями, все болѣе увеличивалась. Всѣхъ заболѣвшихъ по 1 Ок-

тября было 212 человѣкъ, изъ коихъ умерло 96. Самое большое число умершихъ падаетъ на 14 Октября, когда отъ нея скончалось 118 человѣкъ. Выше этой цифры суточная смертность отъ холеры не была во все время эпидеміи. Въ этотъ день число умершихъ отъ другихъ болѣзней равнялось только семи. При смертности круглымъ счетомъ по 30 человѣкъ въ обыкновенное время, о чемъ было сказано выше, цифра 118 отъ одной только холеры, конечно, была ужасна. Съ 14 Октября смертность отъ холеры, съ нѣкоторыми колебаніями, начинаетъ мало-по-малу уменьшаться, и бюллетень отъ 29 Октября уже начинается слѣдующимъ заявленіемъ: «Благодареніе Богу! Болѣзнь въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль ослабѣла очевидно; занемогать и умирать стало почти втрое менѣе; число выздоравливающихъ увеличилось безо всякаго сравненія». Ежедневныя свѣдѣнія въ *Вѣдомостяхъ* о числѣ заболѣвшихъ, умершихъ, выздоровѣвшихъ и оставшихся еще больными продолжаются до 5 Января 1831 года. За 4 Января отмѣчено: заболѣвшихъ вновь 10, умершихъ 10 и оставшихся больными 124 человѣка. На этомъ сообщеніи ежедневныя свѣдѣнія о ходѣ холеры кончаются, и нумеръ *Вѣдомостей* отъ 6 Января 1831 года, съ заголовкомъ: «послѣдній», заявляетъ «что болѣзнь почти прекратилась, и можно надѣяться, что жители Москвы скоро должны будутъ принести благодарственныя молитвы милосердному Богу за совершенное избавленіе отъ бѣдствія, тяготѣвшаго надъ нами въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ». Въ этомъ послѣднемъ нумерѣ нѣтъ уже свѣдѣній о числѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ холеры. Но тѣмъ не менѣе, холера въ Москвѣ продолжалась и по окончаніи выхода въ свѣтъ *Вѣдомостей*, что̀ видно изъ приложеннаго къ нашему собранію объявленія Московскаго оберъ-полицеймейстера Муха̀нова отъ 1 Февраля 1831 года, гдѣ напечатано: «Государь Императоръ, по полученнымъ донесеніямъ, что въ Москвѣ больныхъ холерой остается мало, Высочайше повелѣть соизволилъ всѣ кордоны содержащіеся по Новгородской и Тверской губерніямъ снять, полагая остающійся до времени по рѣкѣ Шошѣ кордонъ достаточнымъ для очищенія проѣзжающихъ по Московскому тракту».

Сколько же всего заболѣло и умерло въ Москвѣ во время холеры въ 1830 и 1831 годахъ? При вѣдомости за № 66 приложенъ отчетъ о ходѣ холеры въ Москвѣ со времени ея появленія до 27 Ноября 1830 года. Болѣе позднихъ отчетовъ въ нашемъ собраніи нѣтъ; были ли они—того мы не знаемъ; точно также мы должны сказать и о порученіи, данномъ М. П. Погодину, составить алфавитный списокъ всѣхъ

больныхъ, о чемъ заявлено въ вѣдомости отъ 21 Ноября 1830 года.

Въ отчетѣ по 27 Ноября значится всѣхъ заболѣвшихъ холерой 7.625, а умершихъ 4.101. Такъ какъ *Вѣдомости* выходили въ свѣтъ и послѣ 27 Ноября, именно до 7 Января, то очевидно, что мы можемъ и за этотъ послѣдній періодъ времени получить цифры о заболѣвшихъ и умершихъ отъ холеры. За это время заболѣло 715 человѣкъ, а умерло 430. Слѣдовательно по даннымъ нашихъ *Вѣдомостей*, со дня появленія холеры въ Москвѣ, заболѣло отъ нея 8,340 человѣкъ, а умерло 4.531, стало-быть смертность отъ нея была болѣе 50%. Но такъ какъ холера продолжалась въ Москвѣ и послѣ выхода въ свѣтъ послѣдней вѣдомости, то очевидно, что въ Москвѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ холеры въ 1830 и 1831 годахъ было болѣе вышеозначеннаго; процентъ же смертности, по всему вѣроятію, былъ менѣе 50%, потому что извѣстно, что холерная эпидемія въ своемъ исходѣ даетъ болѣе выздоровленій, нежели въ первое время своего господствованія. Очень жалко, что изъ свѣдѣній сообщаемыхъ *Вѣдомостями* нельзя указать, какія именно части города Москвы болѣе пострадали отъ холеры и какія менѣе. Что̀ касается по̀ла заболѣвшихъ и умершихъ отъ нея, то свѣдѣнія объ этомъ возможно извлечь изъ отчета составленнаго по 27 Ноября 1830 года. Изъ этого отчета видно, что до 27 Ноября заболѣло ею мужскаго пола 4,354 человѣка, а женскаго 3,271, а умерло первыхъ 2,332, а вторыхъ 1,769 человѣкъ. Данныхъ о полѣ заболѣвшихъ и умершихъ отъ холеры послѣ 27 Ноября 1830 года въ *Вѣдомостяхъ* нѣтъ. О лѣтахъ, занятіяхъ и проч. заболѣвшихъ и умершихъ въ 1830 и 1831 годахъ нѣтъ никакихъ указаній въ нашихъ *Вѣдомостяхъ*.

Въ чемъ же состояли мѣры противъ холеры? Мы уже упомянули о нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ Московскою администраціей. Теперь скажемъ о нихъ нѣсколько подробнѣе. Для пресѣченія сообщенія съ жителями зараженныхъ губерній какъ прямымъ, такъ и побочными трактами, по границѣ Московской губерніи, начиная отъ Серпухова черезъ Коломну, Богородскъ, Сергіевскій Посадъ и Дмитровъ, до большаго С.-Петербургскаго тракта, былъ поставленъ военный кордонъ изъ 6 эскадроновъ 4-й гусарской дивизіи; для проѣзда на всей этой дистанціи назначены четыре пункта со временными обсерваціонными заставами: а) въ Серпуховѣ, б) въ Коломнѣ, в) въ Богородскѣ, г) въ Сергіевскомъ Посадѣ. Прочіе же побочные и проселочные пути были заграждены какъ военнымъ кордономъ, такъ и снятіемъ на рѣкахъ

мостовъ, уничтоженіемъ перевозовъ и перерытіемъ дорогъ. Чиновникамъ, завѣдывавшимъ сими заставами, было вмѣнено въ обязанность на Серпуховской и Коломенской, чтобъ они съ надлежащими предосторожностями пропускали приходящія водой барки, также проѣзжающихъ сухимъ путемъ и слѣдующіе въ Москву транспорты и обозы, а на Богородской и Сергіевской для большей, по обстоятельствамъ, предосторожности, было приказано пропускать по четырнадцатидневномъ карантинномъ очищеніи однихъ только ѣдущихъ въ каретахъ и колясках; всѣхъ же прочихъ, какъ пѣшихъ, такъ и ѣдущихъ въ телѣгахъ, кибиткахъ и подобныхъ тому повозкахъ, а равно и обозы, останавливая, отсылать назадъ. Слѣдующія изъ означенныхъ губерній почты и эстафеты приказано было останавливать на сихъ заставахъ, и корреспонденція, по окуреніи, передавалась высланнымъ туда, по распоряженію Московскаго почтъ-директора, особымъ почталіонамъ.

Сообразно съ сими мѣрами были сдѣланы сношенія съ гражданскими губернаторами Тульскимъ, Рязанскимъ, Владимирскимъ, Костромскимъ, Ярославскимъ и Тверскимъ, дабы они какъ слѣдующимъ въ Москву изъ тѣхъ губерній, такъ и проѣзжающимъ чрезъ оныя давали направленіе согласное съ симъ распоряженіемъ; а начальствующіе надъ смежными губерніями Тульскою, Рязанскою, Владимирскою и Тверскою, чтобы сверхъ того подтвердили, въ особенности пограничнымъ жителямъ, воздержаться отъ покушеній пробираться въ Московскую губернію путями недозволенными, а также озаботились бы со своей стороны снятіемъ мостовъ и уничтоженіемъ переправъ. Рыбакамъ было дозволено на пограничныхъ рѣкахъ заниматься ловлей, употребляя при этомъ лодки; но съ тѣмъ, чтобъ они были обязаны подписками никого не перевозить и не приставать къ противоположному берегу подъ опасеніемъ за нарушеніе сего скораго тѣлеснаго наказанія. Такъ какъ прежде еще загражденія окольныхъ путей, многіе обозы могли уже войти въ Московскую губернію, то изъ 18 заставъ въ Москву ведущихъ Московскій военный генералъ-губернаторъ приказалъ закрыть восемь, а именно: Симоновскую, Спасскую, Проломную, Семеновскую, Сокольническую, Міусскую, Прѣсненскую и Даниловскую; а приходящіе къ прочимъ заставамъ обозы направлять къ четыремъ особо назначеннымъ пунктамъ, на которыхъ было устроено все нужное для карантиннаго очищенія. Въ дополненіе къ этимъ мѣрамъ, опубликованнымъ 26 Сентября, было сдѣлано распоряженіе и относительно выѣзжающихъ изъ Москвы въ благополучныя губерніи. «Лица желающія выѣхать изъ Москвы должны были заблаговременно выслать свои экипажи для окуриванія къ заставѣ; когда же послѣ

того и они сами прибудутъ къ этой заставѣ, то окуривъ и ихъ, дозволять имъ слѣдовать въ окуренныхъ экипажахъ». Отправляющіеся изъ Москвы обозы и пѣшеходы, слѣдующіе въ благополучныя губерніи, были окуриваемы въ продолженіе одного или двухъ дней.

Не смотря на такія строгія мѣры, Государь, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, соизволилъ найти нужнымъ, «чтобы столица сія съ 1-го Октября на нѣкоторое время была оцѣплена и никто изъ оной выпускаемъ, а равно и впускаемъ въ оную не былъ, кромѣ слѣдующихъ съ жизненными и другими необходимыми припасами». 14-го Октября военный генералъ-губернаторъ даетъ знать, что для всѣхъ выѣзжающихъ изъ Москвы, вмѣсто 2-хъ-дневнаго карантина, назначенъ 14-ти-дневный, при чемъ было объявлено, чтобы желающіе выѣхать изъ Москвы предварительно извѣщали объ этомъ полковника корпуса жандармовъ г. Перфильева, отъ котораго можно узнать, есть ли мѣста въ карантинахъ. Для доставленія въ Москву жизненныхъ и другихъ необходимыхъ вещей былъ установленъ такой порядокъ: привезшіе оные останавливаются у цѣпи кордона, и для принятія припасовъ являются люди изъ Москвы къ кордонной цѣпи, гдѣ или на тѣхъ же лошадяхъ, на коихъ припасы привезены, отвозятъ оные въ Москву и, сложивъ съ возовъ, возвращаются къ дожидающимся ихъ у заставъ, или у цѣпи перекладываютъ припасы на другіе воза, и везутъ ихъ на приведенныхъ изъ Москвы свѣжихъ лошадяхъ; люди, доставляющіе изъ деревень продукты въ Москву, не пропускались и возвратъ изъ оной былъ воспрещенъ. Вмѣстѣ съ симъ генералъ-губернаторъ объявилъ, чтобы всѣ фабриканты и заводчики, желающіе отправить изъ Москвы какіе-либо матеріалы, могущіе принимать въ себя заразу, какъ напримѣръ, шерсть, шелкъ и тому подобное, не иначе отправляли бы оные, какъ по надлежащемъ очищеніи въ карантинахъ и чтобы эти матеріалы также принимали у кордонной цѣпи другіе вощики, за цѣпью находящіеся; помѣщики, къ коимъ привозили изъ деревень жизненные припасы, были предупреждены, чтобы ихъ крестьяне подвозили оные къ кордонной цѣпи въ простые дни, а не въ торговые, когда бываетъ большое стеченіе народа, въ особенности въ мѣстахъ гдѣ назначены рынки.

Оцѣпленіе Москвы продолжалось до 6-го Декабря 1830 года. Съ этого дня по Высочайшему повелѣнію оно снято. Военный генералъ-губернаторъ объявилъ объ этомъ наканунѣ тезоименитства Государя, желая ознаменовать сей день такимъ радостнымъ для Москвичей событіемъ. Вмѣстѣ со снятіемъ оцѣпленія Москвы были уничтожены

карантины и на границахъ Московской губерніи, въ Коломнѣ, Серпуховѣ, Сергіевскомъ Посадѣ и Богородскѣ, но въ смежныхъ губерніяхъ съ Московскою еще были оставлены обсерваціонныя заставы. Итакъ Москва была оцѣплена почти двойнымъ кольцомъ кордоновъ.

Въ ней же происходило слѣдующее.

Ежедневно, какъ уже сказано было выше, печатались *Вѣдомости* о ходѣ холеры въ Москвѣ и мѣрахъ противъ нея, что̀ весьма было важно въ то время, когда въ городѣ ходили ложные слухи о причинахъ появленія и лѣченіи ея, практиковавшемся въ больницахъ. Холерная эпидемія, посѣтившая въ 1830 году Москву, до этого времени не бывала въ ней. Сопровождаясь поносомъ и рвотой, припадками свойственными, какъ извѣстно, отравленію нѣкоторыми ядами, она давала поводъ къ различнаго рода нелѣпымъ толкамъ. Въ вѣдомости отъ 19-го Октября редакція горько жалуется, «что, не смотря на то, что правительство обнародываетъ всѣ свѣдѣнія о состояніи болѣзни въ Москвѣ, дабы всякій благоразумный обыватель, видя настоящую степень опасности, убѣждался въ необходимости принятыхъ мѣръ, содѣйствовалъ ихъ исполненію и соображалъ свои дѣйствія, находятся празднословы даже и не въ черни, которые распускаютъ неосновательные слухи, смущающіе людей, не совершенно твердыхъ и робкихъ» *). 22-го Октября та же редакція заявляетъ: «Благодареніе Богу, число выздоравливающихъ безпрестанно умножается. Вотъ вѣрные и безпристрастные свидѣтели, отъ которыхъ можно узнать истину объ устройствѣ и состояніи временныхъ больницъ. Должно надѣяться, что несправедливые слухи теперь прекратятся, и всѣ дѣйствующія лица примутъ достойную мзду себѣ въ общемъ мнѣніи». Собранный Московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ медицинскій совѣтъ состоялъ изъ слѣдующихъ членовъ - докторовъ: Пфеллера, Зубова, Броссе, Сейдлера, Мухина, Герцога, Рихтера 1-го, Рихтера 2-го, Левенталя, Оппеля, Геймана, Лодера, Рамиха, Корша, Поля, Янихена, Высотскаго, Саблера, Гааза и Альбини. Москва была раздѣлена на 20 округовъ, по числу находившихся въ ней въ то время полицейскихъ частей. Въ каждомъ округѣ было особое лицо изъ почтеннѣйшихъ гражданъ Москвы, добровольно изъявившихъ согласіе имѣть надзоръ и попеченіе по избранной ими части. Эти лица именовались начальствующими надъ частями. Къ каждому изъ нихъ былъ при-

*) Подобными сплетнями, какъ видно (№ 27), занимались и въ Англійскомъ клубѣ, въ этомъ аггрегатѣ всего, въ то время, Московскаго образованнаго общества.

командированъ одинъ изъ вышеназванныхъ докторовъ. Они назывались медицинскими инспекторами. Въ числѣ двадцати начальствующихъ лицъ мы встрѣчаемъ десять именъ однихъ сенаторовъ. Вотъ эти почтенныя фамиліи: Озеровъ, Башиловъ, Дурасовъ, Тучковъ, Бухаринъ, Писаревъ, князь Урусовъ, Яковлевъ, Брозинъ и Фонъ-Бринъ. Въ числѣ остальныхъ десяти лицъ находимъ: князя Гагарина, князя Лобанова-Ростовскаго, Дегая, Бутурлина, Стааля, Самарина, Гедеонова, Апухтина, Юнія и Голохвастова. Вслѣдъ за раздѣленіемъ Москвы между вышеозначенными лицами, былъ напечатанъ для общаго свѣдѣнія списокъ этихъ лицъ съ ихъ адресами. Въ послѣдствіи времени къ каждому изъ начальствующихъ лицъ было назначено по одному помощнику. Митрополитъ Филаретъ для содѣйствія начальствующимъ въ частяхъ назначилъ двадцать человѣкъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства. Здѣсь мы находимъ имена многихъ архимандритовъ и протоіереевъ. Были напечатаны наставленія, какъ сохранять себя отъ заболѣванія холерой. Было объявлено, что обыватели, въ случаѣ заболѣванія холерой, должны обращаться въ полицейскій частный домъ, откуда немедленно отправляется къ больному лѣкарь. «Если же въ какомъ-либо домѣ будетъ умершій отъ холеры, о которомъ не было дано знать полиціи, то этотъ домъ подвергается оцѣпленію, и никто изъ живущихъ въ немъ не выпускается изъ онаго». Въ частяхъ были назначены дежурства врачей. При каждой части были открыты больницы отъ 25 до 50 коекъ. Въ каждой части, кромѣ штатнаго врача, были назначены еще по три временные врача, по четыре фельдшера и по нѣскольку студентовъ изъ Медико-Хирургической Академіи и Университета. Дежурный врачъ, прибывъ къ больному холерой и подавъ ему пособіе, долженъ былъ немедленно отправить его во временную больницу, въ части находящуюся. Эта мѣра примѣнялась къ дворовымъ и вообще неимущимъ людямъ; но обывателей, могущихъ у себя дома имѣть всѣ способы для лѣченія, приказано было оставлять въ ихъ квартирахъ. Къ больницамъ были приписаны вольныя аптеки изъ существовавшихъ тогда въ Москвѣ, изъ которыхъ немедленно доставлялись лѣкарства въ эти больницы. Были выработаны подробныя инструкціи медицинскимъ инспекторамъ и частнымъ врачамъ, въ которыхъ точно опредѣлялись ихъ обязанности. Кромѣ вышеупомянутыхъ больницъ, въ различныхъ частяхъ города было устроено еще много больницъ на частныя пожертвованія. Была установлена такса цѣнамъ на мясо, ржаную муку, дрова. Бѣднымъ доставлялась даромъ теплая одежда; были устроены даровые общіе столы. Раздавалась безденежно хлорная известь, хлорная вода, мясо, соль, мука, крупа. Бѣднымъ, по выходѣ изъ больницы, раздавались деньги. Изъ

дурныхъ въ гигіеническомъ отношеніи домовъ переводились цѣлыя семейства въ хорошія въ санитарномъ отношеніи дома̀. Приспособлялись дома̀ для жилья бѣдныхъ съ хорошею пищей, одеждой, подъ надзоромъ врачей, съ предоставленіемъ права живущимъ въ нихъ заниматься своимъ дѣломъ. Императоръ Николай I пожертвовалъ на это 10,000 рублей. Отводились особые дома, гдѣ, по выходѣ изъ больницъ, выздоровѣвшихъ отъ холеры выдерживали въ семидневномъ карантинѣ. Московскій военный генералъ-губернаторъ, имѣя въ виду, что медицинскіе инспекторы, по ежедневно усиливающимся занятіямъ, не могутъ вòвремя пріѣзжать въ засѣданія медицинскаго совѣта, назначилъ состоять при себѣ особый временный физикатъ, которому было вмѣнено въ обязанность разсматривать всѣ дѣла, касающіяся до врачебныхъ распоряженій по городу и уѣздамъ. Физикатъ имѣлъ засѣданія ежедневно утромъ отъ 11 до 2 часовъ и вечеромъ отъ 6 до 8; совѣщанія же инспекторовъ продолжались въ собраніяхъ, хотя и не полныхъ, и представленія ихъ передавались генералъ - губернатору членами временнаго физиката. Московскій физикатъ объявляетъ о важности поносовъ, обыкновенно предшествующихъ холерѣ и ихъ излѣчимости. Замѣтимъ, что это наставленіе физиката, какъ основанное конечно на наблюденіи надъ больными, имѣло и имѣетъ и въ настоящее время весьма важное значеніе. Вотъ въ краткихъ словахъ тѣ мѣры, которыя были приняты противъ холерной эпидеміи, бывшей въ Москвѣ въ 1830—31 годахъ.

Теперь намъ остается сказать объ общественной благотворительности; но при краткости нашего очерка, мы встрѣчаемся здѣсь съ большимъ затрудненіемъ. Размѣры, которыхъ достигла въ это тяжелое время общественная благотворительность, поистинѣ изумительны. Безъ удивленія нельзя читать этихъ длинныхъ перечней, наполняющихъ всѣ вѣдомости извѣщеніями о различныхъ приношеніяхъ въ виду общественнаго горя. Редакція *Вѣдомостей* въ послѣднемъ ихъ нумерѣ совершенно справедливо говоритъ, что «граждане Москвы явили себя вполнѣ достойными: все приносили они въ жертву для несчастныхъ собратій, достояніе, знаніе, труды, силы, здравіе и жизнь! Несъ въ жертву едва ли не всякій что̀ только могъ, начиная отъ какой-либо пары туфель для больницы до десятковъ тысячъ рублей. Несли мыло, свѣчи, подсвѣчники, ложки, плевательницы, термометры, носилки, холсты, шубы, сапоги, валенки, чулки, тарелки, вилки и пр. пр. Все это, конечно, нужно было для больницъ и для домовъ призрѣнія, гдѣ жили бѣдняки. Среди этого множества приношеній, нерѣдко въ большихъ размѣрахъ, вы видите напримѣръ, что дѣйствительный статскій совѣт-

никъ Бекетовъ жертвуетъ 1,000 полуимперіаловъ. Купцы, живущіе въ Серпуховской части, Титовъ, Рыбниковъ, Бабкинъ, Ремизовъ, Котельниковъ, Болдыревъ, Савельевъ и Кудрявцевъ, заявляютъ, что они во все время эпидеміи будутъ продовольствовать на свои средства всѣхъ бѣдныхъ, живущихъ въ Серпуховской части. Но вотъ канцелярскій служитель П. Г. Молчановъ жертвуетъ въ больницу при Мѣщанской части 594 рубля. Редакція *Вѣдомостей* замѣчаетъ: «Эта жертва друга страждущаго человѣчества уподобляется двумъ лептамъ Евангельской вдовицы; онъ отдалъ все что имѣлъ!» Отдаютъ свои дома для призрѣнія бѣдныхъ и для больницъ. Графъ Шереметевъ отдаетъ свой домъ на Воздвиженкѣ для призрѣнія бѣдняковъ и благодаритъ генералъ-губернатора за то, что онъ удостоилъ его пріобщить, въ столь тяжкую годину, къ числу соотчичей, подающихъ помощь страждущему человѣчеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ его, что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы домъ его отапливался его дровами, а призрѣваемые продовольствовались на его счетъ. Пашковъ отдаетъ домъ на Знаменкѣ подъ больницу. Князь Долгорукій предоставляетъ свой домъ также подъ больницу, жертвуетъ 1,000 рублей на ея устройство и снабжаетъ ее кроватями, тюфяками и пр. Фамиліи Шепелевыхъ, Кавелиныхъ, Ростопчиныхъ, Нарышкиныхъ, князей Урусовыхъ, Лазаревыхъ, Шиповыхъ, князей Голицыныхъ, Дурасовыхъ и пр. встрѣчаются въ спискѣ жертвователей, и нѣкоторые изъ нихъ по нѣскольку разъ. И жертвы ихъ равняются десяткамъ тысячъ рублей. Старообрядцы Рогожскаго кладбища устраиваютъ больницу на 100 коекъ. Монастыри, черное и бѣлое духовенство въ своихъ пожертвованіяхъ не отстаютъ отъ другихъ сословій, и во главѣ ихъ замѣчаемъ имя митрополита Филарета. Врачи, фельдшера и медицинскіе студенты идутъ на службу въ холерныя больницы и отказываются отъ вознагражденій. Аптекаря сбавляютъ цѣны на лѣкарства, а большинство изъ нихъ отказывается отъ денегъ за доставку лѣкарствъ въ холерныя больницы. Такъ для примѣра упомянемъ о содержателѣ Никольской аптеки Ландграфѣ, которому приходилось получить за лѣкарства со скидкой 30%—1,586 р., но онъ всю эту сумму пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ. Нѣкоторые изъ выздоровѣвшихъ отъ холеры поступаютъ въ холерныя больницы въ сидѣлки и сидѣльщики. Московскій купецъ Лепешкинъ всѣмъ бѣднымъ семействамъ, живущимъ въ 5-мъ кварталѣ Якиманской части, выдаетъ во все время эпидеміи муку, крупу, говядину. Редакція *Вѣдомостей* замѣчаетъ, что въ этомъ кварталѣ оказалось 51 нуждающееся семейство. Начальствующій надъ Пятницкою частью сенаторъ Яковлевъ доноситъ генералъ-губернатору, что во ввѣренной ему части дворянинъ Куманинъ, купцы Боткинъ,

Аксеновъ, Лепешкинъ и Барковъ устроили и содержатъ на свой счетъ больницу. Вотъ жертвуется 3,000 ведеръ хлорной воды. На эту жертву выражается желаніе снабжать всѣхъ бѣдныхъ цѣлой части города, и при томъ обширнѣйшей, даровою раздачей хлориновой извести. Установлена правительствомъ такса, по соглашенію съ хлѣбными торговцами, на ржаную муку 1-го сорта по 1 р. 55 к. за пудъ; но является купецъ Б. В. Страховъ и заявляетъ, что всѣмъ бѣднымъ жителямъ Москвы онъ предлагаетъ такую же муку по 1 р. за пудъ и для этой цѣли открываетъ свой лабазъ на Болотѣ, гдѣ къ услугамъ бѣдняковъ лежитъ 5,000 пуд. этой муки. А чтобы не было какого подсыла со стороны торговцевъ, то жертвователь проситъ бѣдныхъ являться къ нему въ лабазы со свидѣтельствами о бѣдности отъ полиціи. Прекрасный подвигъ! замѣчаетъ редакція *Вѣдомостей*, сообщая объ этой жертвѣ Страхова. Имя этого благодѣтельнаго человѣка много разъ встрѣчается въ спискахъ жертвователей, и каждый разъ жертвы его равняются тысячамъ. Сынъ его, проѣзжая разъ чрезъ село Протопопово, гдѣ былъ карантинъ, и узнавъ, что многіе изъ задержанныхъ въ карантинѣ нуждаются въ хлѣбѣ, заподрядилъ на ихъ пропитаніе 300 пудовъ печенаго хлѣба. Бывшій въ то время Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ Небольсинъ жертвуетъ 2,250 пудовъ ржаной муки...

Но продолжать исчисленія всѣхъ жертвъ и жертвователей мы конечно не можемъ, и намъ остается только пожалѣть, что всѣхъ именъ друзей человѣчества въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы даже и сосчитать не можемъ.

Помогая живымъ, не забывали и умершихъ. Въ Сохранную Казну были положены суммы на вѣчное время съ тѣмъ, чтобы въ извѣстные дни былъ поминъ по усопшимъ отъ холеры. Такія суммы были внесены на имена церквей на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ Полицейской больницѣ, Св. Чудотворца Николая, что̀ въ Стрѣлецкомъ, на Знаменкѣ, и Ризположенія.

Въ разсматриваемыхъ нами *Вѣдомостяхъ*, отражающихъ въ себѣ всю жизнь Москвы, насколько она касалась эпидеміи, описанъ (№ 23) одинъ эпизодъ, который на свѣтлой картинѣ необычайнаго подъема общественной благотворительности выдается чернымъ пятномъ. Намъ не хотѣлось было и сообщать объ этомъ эпизодѣ, но въ качествѣ повѣствователя мы не имѣемъ права обойти его молчаніемъ. Вотъ этотъ эпизодъ: купецъ Григорій Шелапутинъ, въ Сыромятникахъ, въ самомъ

началѣ эпидеміи, жертвуетъ 4,000 ведеръ хлорной воды и затѣмъ объявляетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что онъ такую же воду продаетъ по 4 р. за ведро съ посудой. Узнавъ объ этомъ, Московскій купецъ Титовъ заявляетъ физикату, что онъ будетъ дѣлать любой крѣпости эту хлорную воду во все время эпидеміи до 250 ведеръ въ сутки и будетъ продавать ее по своей цѣнѣ, то-есть по 10 копѣекъ мѣдью за ведро, а всю сумму, вырученную отъ продажи ея, предоставляетъ въ пользу больницы при городской части. При этомъ заявленіи Титовъ представилъ въ физикатъ двѣ бутылки хлорной воды для испытанія. Редакція нашихъ *Вѣдомостей* замѣчаетъ: «Физикатъ, съ великою благодарностью принявъ это истинно благородное предложеніе купца Якова Титова сына Титова», разрѣшилъ ему приготовлять эту воду и сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ воды всѣмъ въ ней нуждающимся по столь дешевой цѣнѣ».

Василій Остроглазовъ

Перерва, Іюля 5-го дня. 1884.

Съ дозволенія автора заимствуемъ статью эту изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1884 года.

Многимъ еще памятны страшныя стѣснительныя мѣры, придуманныя по поводу первой холеры 1830 года. Страхъ передъ нею былъ такъ великъ, что правительство намѣревалось подвергать очищенію и окуриванію товары. Московское купечество встрепенулось и обратилось къ Государю съ просьбою о пощадѣ. Тогда образованъ былъ особый для того комитетъ, въ который приглашенъ былъ и митрополитъ Филаретъ. Его записка 1-го Декабря 1830 г. объ этомъ предметѣ (напечатанная во 2-мъ томѣ „Собранія мнѣній и отзывовъ“, изд. арх. Саввою, стр. 284—290) спасла Русскую торговлю отъ неисчислимыхъ бѣдъ и убытковъ. Къ чести тогдашнихъ врачей надо сказать, что и они, въ большинствѣ, подали голоса противъ чрезмѣрныхъ страховъ. П. Б.

ЧЕРТЫ СТАРИННАГО ДВОРЯНСКАГО БЫТА.

Воспоминанія Марьи Сергѣевны Николевой.

Въ началѣ текущаго столѣтія, въ домѣ моихъ родителей, справляли святки. По тогдашнему деревенскому обычаю ближайшіе сосѣди съѣзжались у кого-нибудь, начиная со втораго дня Рождества Христова и до Крещенія, сначала у помѣщиковъ, болѣе чиновныхъ и спускаясь все ниже и ниже: каждый домъ былъ увѣренъ, что и до него дойдетъ череда угощать. На долю родителямъ моимъ выпалъ третій день праздника. Человѣкъ сорокъ гостей, вся дворня, и старый и молодой, всё это шумѣло, плясало, пѣло и играло; въ домѣ былъ хаосъ. Четыре скрипки (домашніе музыканты) пилили вальсы, экосезы, матрадуры; сестры мои, еще очень молодыя дѣвицы, даже еще дѣти-подростки, въ костюмахъ справленныхъ на скорую руку, кто Цыганкой въ красномъ драдедамовомъ платкѣ черезъ плечо, кто пастушкой въ старой соломенной шляпкѣ съ помятымъ дѣланнымъ розаномъ, въ передникѣ изъ вуаля, веселились отъ души на ряду со своими горничными, учили ихъ выдѣлывать па и фигуры замысловатаго матрадура и гросфатера, смѣялись ихъ неловкости, потчивали всѣхъ яблоками, орѣхами, мущинъ пивомъ и яблочной водой; словомъ, деревенскіе святки были въ разгарѣ. Около десяти часовъ вечера мать моя скрылась, но веселое общество и не замѣтило отсутствія хозяйки. Чрезъ нѣсколько времени одна изъ старушекъ - сосѣдокъ пришла съ рюмкою бѣлаго вина въ рукахъ поздравить моего отца съ прибылью: новорожденной дочерью. Родилась я, шестая дочь Мими. Насъ было уже девять человѣкъ, и старшему моему брату шелъ 23 годъ. Теперь такое приращеніе при среднемъ достаткѣ почли бы чуть не несчастіемъ; въ то время не такъ думали: многочисленное семейство не считалось бременемъ, а благословеніемъ свыше. Вся семья встрѣтила радостно мое появленіе на свѣтъ, всѣ и каждый въ особенности спѣшилъ высказать свою преданность радушному сосѣду. Всякія пожеланія счастья привѣтствовали новорожденную; сестры же мои и второй изъ братьевъ, бывшій тогда на лицо въ отпуску, побѣжали смотрѣть крошку-сестрицу.

Родители, не желая никого обидѣть изъ дочерей своихъ, рѣшили, что удовольствіе имѣть крестницу по праву первенства должно принадлежать старшей дочери и присутствующему сыну.

Крестная моя мать, старшая сестра моя, дѣвица 17 лѣтъ, была любимицею всего семейства. Очень пріятнаго лица, добраго нрава, хотя и вспыльчивая, она привязывала къ себѣ всегдашней готовностью помочь каждому; поэтому немудрено было ожидать, что она дѣйствительно захочетъ быть мнѣ второю матерью, и точно съ перваго дня моей жизни, въ теченіе 56 лѣтъ, она при всякомъ случаѣ показывала мнѣ особенную любовь и участіе. Крестный отецъ мой, братъ Алексѣй (средній изъ трехъ, которыми надѣлила меня судьба) былъ въ то время уже адъютантомъ армейскаго генерала и чрезъ нѣсколько дней послѣ крестинъ моихъ уѣхалъ въ полкъ, стоявшій на южной границѣ нашего отечества, которое тогда уже готовилось къ жестокой борьбѣ съ цѣлой Европой.. То были первые годы славнаго царствованія Александра Благословеннаго.

Дѣдъ мой по матери, Яковъ Ивановичъ Еремѣевъ, былъ комендантомъ Нерчинска; тамъ родилась и мать моя. При рожденіи ея дѣдушка мой лишился жены Анны Степановны. Въ томъ дальнемъ краю и въ то время, ни за какія деньги нельзя было нанять кормилицу, а дѣдушка при себѣ не имѣлъ крѣпостныхъ людей, и солдаты-деньщики его вскормили мою мать, подкладывая ее къ козѣ, которую такъ пріучили кормить младенца, что она тосковала, когда пришлось отнять ея питомицу и съ грусти пàла. Матушка моя росла на рукахъ солдатскихъ до восьми лѣтъ, когда отецъ ея выписалъ къ себѣ въ Нерчинскъ своихъ людей изъ небольшой деревеньки въ Оренбургской губерніи. Пріѣхалъ 19-тилѣтній малый Петрушка съ сестрой Өедоркой, дѣвочкой лѣтъ 13, которой и пришлось быть всѣмъ въ домѣ: и нянькой при барышнѣ, и хозяйкой при вдовцѣ-баринѣ. Такъ прошло года три, и дѣдушка мой скончался, оставя одиннадцатилѣтнюю дочь свою Катю круглой сиротой, въ далекой уединенной сторонѣ, безъ состоянія, безъ пріюта и попечителя, на рукахъ Өедорки и ея молодаго брата.

Но Богъ не безъ милости: нашлись добрыя двѣ сестры-старушки купчихи Шишковы, которыя взяли всѣхъ трехъ, и барышню, и слугъ ея, на свое попеченіе, пріютили, отогрѣли и даже стали учить Русской грамотѣ и Закону Божію. Между тѣмъ дошла вѣсть до Иркутскаго губернатора о кончинѣ коменданта крѣпости и объ оставшейся сиротѣ-дочери, которой все богатство заключалось въ 2-хъ пудахъ серебра и 12 душахъ въ Оренбургской губерніи. Изъ далекой стороны нескоро доходитъ и теперь извѣстіе до Петербурга Лишь черезъ годъ

на вопросъ Иркутскаго губернатора, что̀ дѣлать съ сиротой-дочерью почетнаго лица въ томъ краю, получено было предписаніе отдать сироту Еремѣеву на воспитаніе Тобольскому губернатору Протопопову, вслѣдствіе чего и отправлена была Катя съ двумя людьми своими при купеческомъ караванѣ за 4000 верстъ въ Тобольскъ, въ домъ губернатора.

Губернаторъ этотъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, недавно женатый на Николевой, Московской красавицѣ изъ богатаго дома и довольно извѣстнаго въ древней столицѣ, имѣвшаго хорошее родство и связи, что̀ доставило Протопопову мѣсто губернатора. Жена его Анна Алексѣевна, женщина добрая и умная, приняла Катю какъ родную дочь, содержала ее и учила на равнѣ со своею дочерью Александрою и сыномъ Петромъ. Въ этомъ почтенномъ семействѣ бѣдная сирота достигла 17-ти лѣтъ, развилась, получила лучшее образованіе по тогдашнему времени и сдѣлалась красавицей. Къ этому времени опредѣлился въ Тобольскъ совѣтникомъ родной братъ губернаторши, Сергѣй, человѣкъ лѣтъ 30-ти, холостой, богатый, свѣтскій, столичный житель. Служилъ онъ сначала въ Петербургѣ, но несчастный случай заставилъ его покинуть службу. Ѣхавши однажды съ пріятелемъ изъ театра въ дормёзѣ, друзья заспорили, къ кому въ домъ заѣхать прежде и въ пылу спора, забывъ, что стекло кареты поднято, Николевъ хотѣлъ высунуть голову въ окно, чтобы приказать кучеру везти ихъ къ нему, разбилъ оконное стекло и выкололъ себѣ глазъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы. Это приключеніе было началомъ счастія для бѣдной сироты, жившей за 3000 верстъ отъ молодаго франта. Мало находилось тогда охотниковъ занимать служебныя мѣста въ далекой, страшной по-наслышкѣ Сибири, и вотъ несчастный молодой человѣкъ, пролежавъ почти годъ въ страданіи послѣ операціи глаза, изъ котораго вынули осколки стекла, лишился чрезъ то занимаемаго имъ мѣста въ Петербургѣ, поѣхалъ въ Москву къ старушкѣ своей матери, которая жила тамъ безвыѣздно въ собственномъ большомъ каменномъ домѣ на одной изъ лучшихъ улицъ города, окруженная родными, друзьями и почетомъ. При старушкѣ матери безотлучно жили вторая ея дочь-дѣвица Александра и два сына Дмитрій и Алексѣй, холостые. Къ нимъ-то и вернулся третій сынъ Сергѣй, уже кривой. Но недолго прожилъ онъ въ своемъ родномъ углу. Предопредѣленіе влекло его въ тотъ край, гдѣ находилась его суженая; онъ рѣшился ѣхать къ сестрѣ и зятю въ Тобольскъ, опредѣлился тамъ совѣтникомъ подъ эгиду родственнаго начальника и поселился у него въ домѣ. Много ли нужно времени молодымъ людямъ, чтобы сойтись, особенно когда дѣвица хороша собою? Не прошло и полу-года, какъ бабушка моя по отцу,

Марья Ивановна, урожденная Толстая, получила письмо съ просьбою о благословеніи сына на бракъ съ сиротой Еремѣевой, дочерью умершаго Нерчинскаго коменданта.

Прошло года четыре. Родители мои Сергѣй Алексѣевичъ и Екатерина Яковлевна Николевы имѣли уже двухъ сыновей, Сергѣя и Алексѣя; а къ третьему новорожденному, Якову, искали нанять кормилицу въ отъѣздъ; потому что отецъ мой, по желанію своей матери, везъ къ ней изъ Тобольска всю свою семью. Но трудно было и даже невозможно найти женщину, которая бы согласилась, бросивъ свое родное гнѣздо, промѣнять его на далекій край. Таже бывшая дѣвочка, теперь уже въ цвѣтѣ лѣтъ служанка Ѳедорушка, принялась кормить рожкомъ третьяго сына своей бывшей питомицы-барышни и няньчить старшихъ мальчиковъ, двухъ и одного года. Братъ Ѳедорушки отправленъ былъ впередъ въ Оренбургскую деревеньку, принадлежавшую моей матери, чтобы приготовить тамъ пріютъ и отдыхъ на пути въ Москву и пріискать кормилицу для младенца изъ ихъ крѣпостныхъ женщинъ. Но увы! пока посланный ѣхалъ въ деревню, она была разорена и выжжена Пугачевскою шайкой, и родители мои, добравшись до своего угла, нашли въ немъ только головни и спѣлую, прекрасную землянику, во множествѣ покрывавшую окружные холмы; все прочее пропало. Ни курицы на супъ, ни молока дѣтямъ нельзя найти ни за какую цѣну. О кормилицѣ нечего было и думать: кто убитъ, кто уведенъ шайкой Пугачевщины; оставшіеся попрятались и разбѣжались. Бѣдная Ѳедорушка и братъ ея тоже лишились своихъ отца и матери и даже не нашли мѣста гдѣ стоялъ ихъ дворъ: все было стерто съ лица семли. Сироты, безъ роду и племени, безъ угла и пріюта, тѣмъ крѣпче привязались къ господамъ своимъ и рады были ѣхать хоть на край свѣта за ними. Пробывъ сутки въ деревнѣ и питаясь единственно земляникой съ дорожнымъ хлѣбомъ, поѣхали они всѣ, скрѣпя сердце далѣе, въ опасеніи попасть къ разбойникамъ и поплатиться жизнію за пріятную встрѣчу. Къ счастью ихъ, Пугачевъ уже былъ схваченъ, и караванъ нашъ доплылъ благополучно до берега, хотя не безъ лишеній и бѣдъ.

Не даромъ и теперь еще зовутъ Москву старой болтуньей. Въ ней все узнается невѣроятно скоро: и мать моя не успѣла еще осмотрѣться въ новомъ своемъ семействѣ, отдохнуть отъ дальняго пути, какъ вся Москва заговорила, что пріѣхала Сибирячка-красавица. Не было мѣста гдѣ бы не окружала ее толпа любопытныхъ; всякій хотѣлъ взглянуть на пріѣзжую. Какъ? Изъ Сибири, той страшной Сибири, гдѣ воображенію каждаго чудились одни Самоѣды да ссыльные преступники, вѣчные снѣга и льды, и вдругъ оттуда явилась молодая жен-

щина средняго роста, съ голубыми выразительными глазами, прекраснымъ бюстомъ, каштановыми волосами и поступью герцогини; къ тому же съ достаточными понятіями о вещахъ, чтò въ то время не всегда встрѣчалось и въ лучшемъ кругу общества. Какъ же не спѣшить Москвичамъ посмотрѣть такое диво? Москва,не стѣсняясь приличіями, въ слухъ кричитъ при ней: «Поглядите, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ красавица!»

У отца моего было пять братьевъ (онъ шестой) и двѣ сестры. Отецъ его Алексѣй Егоровичъ Николевъ умеръ давно, оставя малолѣтними свое многочисленное племя на рукахъ жены, упомянутой уже мною урожденной М. И. Толстой, и всѣ дѣти ея по милости Божіей вышли людьми порядочными, а нѣкоторые занимали видныя должности, напр.: старшая дочь Анна Алексѣевна, какъ сказано, была за Тобольскимъ губернаторомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Протопоповымъ.

Второй мой дядя Юрій Алексѣевичъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославѣ, а потомъ въ Перми, женился очень молодъ на Собакиной, по кончинѣ ея на Скобѣевой (она скоро его бросила, скучая воспитаніемъ пасынковъ и падчерицъ, коихъ было четверо). Живучи въ далекой сторонѣ, дядя мой не могъ самъ опредѣлить своихъ сыновей въ кадетскій корпусъ, тогда называвшійся Шляхетнымъ, и не долго думая отправилъ двоихъ Александра и Ивана Юрьевичей въ Петербургъ съ дядькою, своимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, который и повезъ дѣтей безъ всякой протекціи и даже вида, прямо въ столицу по приказу барина: опредѣлить дѣтей въ ученье. Привезъ умный дядька барчиковъ въ Петербургъ; какъ, куда и кого просить, не вѣдаетъ. Ходитъ по улицамъ и самъ не знаетъ, чтò дѣлать, какъ приступиться къ дѣлу. Столкнулся онъ къ счастью со своимъ же братомъ-слугою, старымъ знакомцемъ, давно жившимъ въ Петербургѣ у какого-то вельможи. Насмотрѣлся тотъ и наслушался многаго, чтò бываетъ между баръ и далъ совѣтъ дядькѣ везти дѣтей въ Царское Село, гдѣ тогда проводила лѣто Государыня Екатерина и стараться попасть ей на глаза, такъ какъ царица имѣла обыкновеніе каждое утро, около девятаго часа, прогуливаться почти одна въ Царскосельскомъ саду. Отправился мой дядька на волю Божію съ парою мальчиковъ въ одно ясное утро въ садъ, пріодѣвъ ихъ получше, и разгуливаетъ по аллеямъ въ ожиданіи, не выйдетъ ли Государыня, не будетъ ли счастья его барчатамъ. Долго ходили они въ троемъ, не теряя изъ виду дворца; въ саду посѣтителей никого не было, и его съ трудомъ туда впустили: для этого нужно было дядькѣ объяснить свое дѣло караульному офицеру и поклониться ему до земли. Офицеръ смилостивился и впустилъ добраго слугу съ его питомцами. По нѣкоторомъ времени, мимо ихъ пробѣжала

маленькая бѣлая собачка, залаяла, остановилась и не пускаетъ идти далѣе. Дѣти испугались, жмутся къ дядькѣ. Тотъ не смѣетъ и окликнуть собачку, не знаетъ какъ отдѣлаться, боится какъ бы не попасть въ бѣду. Тутъ изъ боковой аллеи показалась дама въ бѣломъ платьѣ и ласково говоритъ имъ: «не бойтесь; она не кусается, а только лаетъ». Затѣмъ она спрашиваетъ, чьи это дѣти и зачѣмъ они зашли въ садъ. Дядька, не подозрѣвая, что видитъ предъ собою Государыню, которая по его мнѣнію должна быть окруженною всякимъ великолѣпіемъ, чистосердечно разсказалъ ей свое горе, прося совѣта, какъ бы ему попасть на глаза Государынѣ. «Да кто же твой господинъ?» спросила Императрица. «Да вотъ, матушка-сударыня, онъ губернаторомъ въ Перми, не могъ самъ отъ мѣста отлучиться и приказалъ мнѣ везти дѣтокъ въ Питеръ, опредѣлить ихъ; я и повезъ, а теперь не знаю, чтò мнѣ съ ними дѣлать».—«Хорошо», отвѣчаетъ Екатерина, «я доложу о тебѣ Государынѣ; а ты добрый слуга, я тебя не забуду: иди во дворецъ съ дѣтьми, подожди въ пріемной». Обрадованный старикъ поклонился въ ноги и повелъ дѣтей во дворецъ. Разсказавши свою встрѣчу съ незнакомой барыней дежурному, онъ отъ него узналъ съ кѣмъ говорилъ и до смерти перепугался, но успокоенный завѣреніемъ, что по видимому дѣло идетъ на ладъ, сталъ въ уголку съ дѣтьми и ждетъ. Скоро подошелъ какой-то генералъ и отъ имени Матери-Царицы вручилъ ему 10 рублей за вѣрную службу своему господину, а на завтра приказалъ везти дѣтей въ Шляхетный корпусъ, сказавъ, что Государыня беретъ ихъ подъ свой покровъ. Съ радости старикъ отслужилъ молебенъ и, сдавъ дѣтей въ корпусъ, поспѣшилъ съ доброю вѣстью къ своему господину. И какъ было не радоваться! Въ то время два старшихъ сына Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича, Александръ и Константинъ Павловичи, были записаны въ число учениковъ Шляхетнаго корпуса, для поощренія дворянства отдавать туда на воспитаніе своихъ дѣтей, чтò имъ не очень-то нравилось. Великіе князья были однихъ лѣтъ съ дѣтьми Николева; на послѣднихъ было обращено вниманіе Государыни, какъ на сиротъ и на сыновей такого служаки, который и для родныхъ сыновей не покинулъ своего мѣста, и она, узнавъ, что эти два мальчика ведутъ себя хорошо въ корпусѣ и прилежны, приказала ихъ обоихъ взять въ товарищи игръ къ своимъ внукамъ, съ которыми они и кончили свое образованіе. Старшій, Иванъ Юрьевичъ, попалъ по времени въ милость къ великому князю Александру и до конца дней его всегда былъ имъ не забытъ, дослужился до генеральскаго чина, получилъ аренду и умеръ черезъ годъ послѣ своего Государя-благодѣтеля, оставя многочисленное семейство, о которомъ скажу послѣ.

Второй сынъ дяди моего Юрія, Александръ Юрьевичъ былъ красавецъ собою и взятъ въ камеръ-пажи Императрицею, которая всегда съ нимъ милостиво обходилась. Когда она играла въ карты, обязанность Александра Юрьевича была стоять за ея стуломъ, принять ея перчатки и принести кошелекъ съ мелкими монетами, которыми Государыня расплачивалась. Молодой пажъ часто пользовался ея перчатками, кладя ихъ къ себѣ въ карманъ для отсылки сестрамъ, такъ что разъ Государыня, пославъ его за кошелькомъ, милостиво сказала: «Шалитъ мой пажъ, копѣечку на конфеты у меня взялъ». И при такой счастливой перспективѣ, чѣмъ кончилъ несчастный молодой человѣкъ? Утонулъ 25-ти лѣтъ, переѣзжая Неву въ половодье, чтобы погулять съ товарищами въ знаменитомъ Красномъ Кабачкѣ.

Другой дядя мой Иванъ Алексѣевичъ Николевъ былъ женатъ на Екатеринѣ Өедоровнѣ Сукиной, славившейся даромъ поэзіи. Проводя цѣлые часы за сочиненіями, она мало заботилась о воспитаніи дѣтей своихъ, которые всѣ шестеро обязаны отцу своему (человѣку отличнаго ума и прекрасныхъ правилъ) тѣмъ, что вышли людьми порядочными, съ правильными понятіями о вещахъ. Иванъ Алексѣевичъ былъ заика и подобно женѣ своей любитель поэзіи, что̀ не мѣшало ему быть хорошимъ отцомъ и хозяиномъ въ его имѣніи Желень, Фатежскаго уѣзда, Курской губ. Образованіемъ дочерей онъ занимался самъ, а трехъ сыновей отдалъ въ Шляхетный корпусъ. Старшій Өедоръ Ивановичъ дослужился до капитанскаго чина и по волѣ отца вышелъ въ отставку, чтобы помогать ему въ хозяйствѣ, и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ. Разъ, въ гололедицу, отправился онъ на свой винокуренный заводъ, поскользнулся и упалъ въ чанъ съ кипящею брагой, откуда вынули его чуть живымъ, съ платьемъ приварившимся къ тѣлу. Не смотря на страшныя страданія, въ продолженіи двухъ сутокъ, онъ сдерживалъ стоны, чтобы не растревожить отца, который долго не зналъ о случившемся и былъ въ отчаяніи отъ такой ужасной кончины 32-лѣтняго сына. Өедоръ Ивановичъ наслѣдовалъ отъ матери склонность къ поэзіи и слагалъ стихи. Даже мнѣ, пятилѣтней дѣвочкѣ, приподнесъ онъ «Посланіе маленькой кузинѣ на день ея имянинъ».

Въ сей день, когда съ небесъ зритъ Ангелъ твой хранитель,
Курящійся къ себѣ отъ вѣрныхъ ѳиміамъ,
Позволь, чтобъ я, какъ братъ и часомъ сочинитель,
Привѣтствовалъ тебя, какъ водится друзьямъ и пр.

22 Іюля 1813 года.
Село Желень.

Второй сынъ моего дяди Владиміръ Ивановичъ Николевъ, дослужась до полковника въ войну съ Наполеономъ, вернулся къ отцу по заключеніи мира и тутъ женился по любви на сестрѣ Курскаго вице-губернатора Аннѣ Алексѣевнѣ Бурнашовой, а чрезъ три мѣсяца, по окончаніи срока отпуска, отправился въ полкъ, оставивъ жену беременною у свекра. Путь его лежалъ на Брянскъ. Переѣзжая черезъ Оку въ лодкѣ, вмѣстѣ съ перевозчиками былъ онъ опрокинутъ въ рѣку по неосторожности рулеваго, и хотя былъ вытащенъ изъ воды, но долго пролежалъ въ горячкѣ, затѣмъ впалъ въ чахотку и умеръ на рукахъ молодой жены и старика вдоваго отца, поручивъ попеченію его сестеръ, жену и будущаго ребенка. Родилась слабая, хворая дѣвочка, умершая на шестомъ году. Бѣдная молодая мать, вдова въ 25 лѣтъ, бросила свѣтъ, совершенно посвятила себя молитвѣ и уходу за своею собственною слѣпой матерью, до конца ея дней служила ей поводырькомъ, а за тѣмъ пошла въ монастырь. 67-ми-лѣтній старикъ подъ старость имѣлъ лишь двухъ дочерей, о которыхъ рѣчь впереди.

Третій дядя мой Николай Алексѣевичъ Николевъ постригся въ монахи и былъ потомъ архимандритомъ въ Ниловой пустынѣ, подъ именемъ Никанора. Говорятъ, однако, иногда онъ сожалѣлъ, что отрекся отъ свѣта, чему причиною была несчастная любовь.—Два младшіе дяди мои, Алексѣй и Дмитрій, оба холостые, по кончинѣ бабушки, получили свои части имѣнія въ Лебедянскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ сестрой дѣвицей Александрой Алексѣевной, съ которой и жили. Алексѣй Алексѣевичъ занимался созерцательными науками, читалъ Юнга-Штиллинга, Экартсгаузена, велъ жизнь уединенную, устраивалъ разнаго рода машины, химическіе препараты, работая въ садовой бесѣдкѣ своего села Бруслянова, со своимъ слугою Иваномъ, искалъ философскаго камня и perpetum-mobile и разъ чуть не сгорѣлъ, распуская на огнѣ какое-то химическое вещество. Онъ устроилъ въ печкѣ своего дома хорошій органъ, который самъ собою начиналъ играть, когда въ печи разводили огонь. Много затѣйливыхъ машинъ осталось послѣ него; на нихъ истратилъ онъ все свое состояніе. Онъ умеръ въ бѣдности на рукахъ сестры, подобно брату своему Дмитрію, неудачно занимавшемуся хозяйствомъ. Оба они пользовались частью имѣнія сестры, а также пенсіей племянницы Софьи Юрьевны, неразлучной съ теткой. Пенсія—это всё, что осталось Софьѣ отъ отца, который любилъ хорошо пожить и на видномъ посту губернатора сладко кушалъ, ходилъ щоголемъ въ громадномъ завитомъ парикѣ à la Voltaire», въ тонкомъ батистовомъ бѣльѣ съ кружевными манжетами. Выйдя въ отставку, онъ умеръ у той же добрѣйшей сестры Александры Алексѣевны, которая, хотя некрасивая собою, была въ свое время любимицей своей матери.

Бабушка, до самой смерти своей живя съ своиъ большомъ каменномъ домѣ въ Москвѣ, очень ее баловала. Онѣ жили открыто, принимали лучшее общество, часто возвращались съ баловъ далеко за полночь и, не смотря на усталость и преклонныя лѣта, мать ежедневно вставала раньше дочери для того только, чтобы она, проснувшись, могла покушать молочной каши, сваренной руками матери, которую та и подавала ей прямо на постель.

У Александры Алексѣевны Николевой былъ въ молодости и женихъ, за котораго она была уже помолвлена. Этотъ господинъ любилъ пофрантить, а такъ какъ въ то время было въ модѣ носить очки, то онъ ихъ и надѣлъ, хотя стекла въ нихъ были ему не по глазамъ и затемняли зрѣніе. Случилось, что онъ пріѣхалъ поздно въ общество, гдѣ была уже его невѣста. Слѣдовало ожидать, что женихъ тотчасъ подойдетъ къ ней; но не тутъ то было: онъ и не смотритъ на нее. Усаженный хозяйкою играть въ карты за одинъ столъ съ невѣстой, онъ долго играетъ, не обращая на нее вниманія. Всѣ это замѣчаютъ; Александра Алексѣевна чуть не плачетъ. Растерявшись она сдѣлала большую ошибку въ игрѣ, такъ что одинъ изъ партнеровъ воскликнулъ: «Помилуйте, можно ли такъ играть!» При ея имени женихъ встрепенулся, сдернулъ очки и видитъ передъ собою невѣсту: «Ахъ, Александра Алексѣевна! Простите, я не видалъ васъ!» Всѣ расхохотались, а бѣдная невѣста въ слезы: стыдно ей, досадно, и тутъ же отказала ему. Видно, суждено ей было служить опорою своимъ тремъ братьямъ, племянницѣ и многимъ бѣднымъ, которыхъ она воспитала и содержала.

Теперь, разсказавъ про своихъ дядей и тетокъ, вернусь къ собственному семейству.

И такъ, я была девятое дитя у родителей моихъ, которые имѣли всѣхъ дѣтей 12. Многочисленная семья заставила отца моего жить постоянно въ деревнѣ. Онъ любилъ хозяйство и былъ хорошимъ агрономомъ-практикомъ, что̀ не мѣшало ему много читать; особенно просиживалъ онъ ночи надъ любимыми писателями того времени, Вольтеромъ, Даламберомъ и Дидро съ братіей. Этимъ онъ такъ ослабилъ свой единственный глазъ, что у него показался катарактъ, и къ старости онъ ослѣпъ совершенно. Мать моя хотя и занималась женскою половиной хозяйства, но, имѣя такую преданную и опытную женщину какъ Ѳедорушка, распоряжалась больше на словахъ. Въ сущности всѣмъ заправляла Ѳедора Семеновна; на ея рукахъ были кладовыя, разные припасы и заготовленія по дому; все зависѣло отъ нея, она только приходила къ барынѣ получить разрѣшеніе на предлагаемое дѣло и мастерски исполняла его. При всѣхъ этихъ заботахъ успѣвала

она почти одна няньчить и обшивать всѣхъ дѣтей господъ своихъ, такъ что всѣ мы, кромѣ сестры Елисаветы, обязаны доброй нянѣ тѣмъ, что выросли въ страхѣ Божіемъ, въ почтеніи къ родителямъ, всѣ довольно хорошо сложены, безъ какихъ-либо выдающихся физическихъ недостатковъ.

Старшій братъ мой Сергѣй Сергѣевичъ получилъ образованіе въ Университетскомъ Пансіонѣ, гдѣ тогда славился Прокоповичъ-Антонскій, какъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей; братъ до конца дней вспоминалъ о немъ съ уваженіемъ и благодарностью. Сергѣй поступилъ въ армію и девять лѣтъ не видалъ своей семьи ни разу. Онъ страстно любилъ военное дѣло и вышелъ въ отставку въ чинѣ полковника 40 лѣтъ, по волѣ отца, и съ тѣхъ поръ не покидалъ уже роднаго крова.

Второй мой братъ Алексѣй воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, былъ картавъ, но веселаго характера. Онъ поступилъ прямо въ адъютанты къ князю Репнину, былъ его любимцемъ и въ тоже время любимцемъ женскаго пола вообще. Этотъ bon-vivant часто пріѣзжалъ домой съ отпускомъ и безъ отпуска. Такимъ случаемъ попалъ онъ и въ крестные отцы мои.

Третій братъ Яковъ учился дома съ тремя сестрами Надеждой, Татьяной, старшими, и Екатериной, четвертой сестрой, у различныхъ учителей, которыхъ родители наши привозили изъ Москвы. Большею частью то были Французскіе эмигранты, которыми въ то время была наполнена Россія послѣ революціи 1789 года, когда цѣлыя семьи выѣзжали изъ Франціи, ища средствъ къ пропитанію. Изъ нихъ въ домѣ нашемъ замѣчательнѣе двое: аббатъ Вьёбуа (Vieux-Bois) который, вскорѣ по пріѣздѣ къ намъ влюбился въ мою мать, бросился предъ нею на колѣни и сталъ изъясняться въ любви, позабывъ, что мать моя не понимаетъ по французски (ему указали обратный путь въ Москву), и замѣнившій его прекраснѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ Рипòмонти (Ripomonty), эмигрантъ лѣтъ сорока отъ роду. Онъ провелъ у насъ много лѣтъ, занимаясь воспитаніемъ моего брата, сестеръ и одной дѣвицы, жившей у насъ, Елисаветы Яковлевны Ганичевой. Рипòмонти не только училъ ихъ языкамъ Французскому и модному тогда Итальянскому, но и прочимъ наукамъ, даже религіи. Онъ наблюдалъ за ихъ нравственностью, работами, игралъ съ ними и когда былъ особенно доволенъ поведеніемъ которой-нибудь изъ учениць, то въ знакъ одобренія снималъ свой парикъ, потрясалъ его надъ головой ученицы, въ тоже время склоняя предъ нею свою лысую голову и приговаривая, что и старость не стыдится отдавать должную дань молодости. Этимъ очень цѣнили его воспитанницы и наперерывъ старались получить такую награду. Онъ привязался къ семейству нашему, и много лѣтъ спустя,

бывши въ Москвѣ и встрѣтивъ сестеръ моихъ, такъ обрадовался, что заплакалъ и бросился обнимать бывшихъ учениць.

Третья сестра моя Елисавета Сергѣевна была помѣщена въ Смольный монастырь, въ годъ коронаціи Александра Перваго и въ самое время празднествъ. Мать моя сама повезла ее туда, воспользовавшись случаемъ посмотрѣть великолѣпные фейерверки и иллюминаціи. Въ столицѣ встрѣтила она внучатную сестру свою Христину Михайловну Голостѣнову съ семействомъ: обѣ были Сибирячки. Вмѣстѣ ѣздили онѣ смотрѣть празднества; но мать моя не первый уже разъ была въ Петербургѣ. При покойномъ государѣ Павлѣ Петровичѣ было въ обычаѣ, въ случаѣ встрѣчи съ Его Величествомъ, кто бы и гдѣ бы ни ѣхалъ, выходить изъ экипажа и стоять на мѣстѣ, пока Государь проѣдетъ, не смотря ни на какую погоду и грязь. Такъ случилось и съ моей матерью. Ѣдетъ она въ каретѣ по улицѣ, залитой грязью; вдругъ издали показались гайдуки, скороходы, Государь.. Куда-бы свернуть, чтобы не становиться въ грязь? Нѣтъ на бѣду перекрестка, которыми за частую пользовались встрѣчавшіеся съ Царемъ, разсыпаясь при его приближеніи во всѣ стороны. Пришлось бѣдной матушкѣ въ голубомъ шелковомъ робронѣ съ большими фижмами опуститься прямо въ грязь; а Государь ѣдетъ и еще притомъ улыбается, видя нарядную даму, увязшую въ болотѣ. При этомъ слѣдовало низко кланяться, такъ что и напудренная голова часто страдала. Тѣмъ болѣе при восшествіи на престолъ Александра Павловича всѣ были довольны, что онъ тотчасъ же отмѣнилъ это обыкновеніе.

Отецъ мой страстно любилъ жену, иначе не называлъ ее какъ: другъ мой Катенька, баловалъ сколько могъ и, оставаясь самъ постоянно въ деревнѣ, почти всякую зиму отпускалъ ее въ которую нибудь изъ столицъ. Поселясь въ своемъ селѣ Покровскомъ, они нашли все въ запустѣніи. Были лишь маленькій флигель и старая деревянная церковь. Часть имѣнія этого принадлежала ранѣе моей двоюродной бабушкѣ Татьянѣ Егоровнѣ, сестрѣ моего дѣда. Она умерла въ дѣвицахъ, оставя свою долю отцу моему, бывшему ея крестникомъ и любимцемъ. Такимъ образомъ отецъ мой получилъ нѣсколько болѣе братьевъ своихъ, а именно до 500 душъ. Первый его приступъ къ управленію имѣніемъ былъ ознаменованъ дѣломъ богоугоднымъ. Въ 1810 году онъ заложилъ большую каменную церковь, хорошей архитектуры, съ двумя башнями-колокольнями при входѣ, соединенными небольшой колоннадой, что̀ составило перистиль главнаго входа съ западной стороны, выходящей на большой поселокъ или торговую дорогу изъ уѣзднаго города Ельни въ Москву. Потомъ построенъ имъ былъ большой двухъэтажный, деревянный домъ, саженяхъ во ста отъ

церкви, среди площади образуемой высокимъ берегомъ живописной рѣки, небольшой, чистой и довольно быстрой. Домъ соединилъ онъ съ церковью двумя фруктовыми садами по обѣ стороны дороги, такъ что жители села могли и лѣтомъ, и зимою ходить къ службѣ Божіей чрезъ садъ, не топча дорожной грязи. Устроилъ онъ и третій садъ сбоку дома, для прогулокъ, въ немъ двѣ оранжереи, бесѣдку въ видѣ домика въ пять комнатъ для пріема гостей и флигель на случай пріѣзда сыновей. Въ этомъ третьемъ саду была вырыта сажалка для рыбы, раздѣленная мостикомъ на аркѣ, который велъ къ бесѣдкѣ.

Въ первое время родители мои имѣли мало знакомства. Какъ новые люди въ томъ краю, при большомъ семействѣ, они затруднялись въ выборѣ общества. Къ тому же земля ихъ прилегала съ одной стороны къ землѣ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, такъ что сосѣдей дворянъ было немного. Въ началѣ текущаго столѣтія многіе и состоятельные помѣщики не получали достаточнаго образованія, иные по нерадѣнію, другіе по невозможности достать хорошихъ преподавателей и учебниковъ. Что же сказать про образованіе такъ-называемыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ? Большая часть ихъ дальше Псалтыря и Часослова не шла, а женщины, чтó называется, и аза въ глаза не видали. Прибавьте къ этому разныя суевѣрія, вѣру въ вѣдьмъ и домовыхъ и т. п. Ихъ безцеремонное обращеніе съ новоприбывшимъ сосѣдомъ имѣло цѣлью доказать ему свое равенство съ нимъ. Помню я одну особу (трудно назвать ее дамой), Агаѳью Михайловну Бибикову, которая не знала лучшаго достоинства человѣка, какъ принадлежность къ сословію дворянъ и только на этомъ основывала свое право на знакомство съ отцомъ моимъ. Она съ гордостью повторяла безъ всякой надобности: «я дворянка» и доказывала свое привиллегированное положеніе тѣмъ, что, протянувъ длинныя ноги, развалится, бывало, въ кресло, закинетъ руки на затылокъ и зѣваетъ громко, приговаривая: о-хо-хо! Она имѣла душъ 20 и мужа поступившаго въ милицію, чтò ее еще болѣе возвысило въ ея собственныхъ глазахъ. На одномъ уровнѣ образованія съ нею находились и двѣ сестры Глинскіе. Старшая Фіона Семеновна, очень некрасивая, была однако о себѣ высокаго мнѣнія, въ каждомъ молодомъ человѣкѣ видѣла суженаго и не иначе называла себя, какъ княжной, вслѣдствіи увѣренія какого-то проказника-сосѣда, будто есть на свѣтѣ князя Глинскіе и конечно она отъ одного съ ними корня. Потому она кровно обижалась, если кто въ разговорѣ не прибавлялъ къ ея имени титула княжны. Эти семейства лѣтъ чрезъ 15, когда родители мои окончательно устроились и стали искать лучшаго круга знакомства, покинули нашъ домъ; нѣкоторыя же лица, хотя далеко незатѣйливыя, но покрайней мѣрѣ не

мечтавшія слишкомъ много о себѣ, остались до конца въ числѣ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, напримѣръ Булычовъ Егоръ Николаевичъ, женатый на Вяземской купчихѣ Гайдуковой. Отецъ мой завелъ больницу для крестьянъ своихъ и порядочную аптеку, которой завѣдывалъ самъ съ помощью старшей дочери Надежды Сергѣевны. Окружные деревенскіе жители зачастую приходили просить ихъ помощи. Они лѣчили всѣхъ безвозмездно всегда, а своихъ крѣпостныхъ помѣщали въ больницу. Туда были приставляемы женщины подъ названіемъ «сторожихъ», и одинъ изъ дворовыхъ людей, фельдшеръ-практикъ, умѣвшій пускать кровь, прививать оспу и т. п. Въ домѣ нашемъ почти всегда былъ годовой врачъ изъ числа служащихъ въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ; за нимъ посылали лошадей для всякаго трудно больного и платили ему 400 рублей въ годъ, что̀ тогда считалось приличнымъ вознагражденіемъ. Сестра моя завела тетрадь для вписыванія Латинскихъ рецептовъ съ Русскимъ переводомъ и впослѣдствіи такъ навыкла въ этомъ занятіи, что лѣчила даже трудныя болѣзни довольно успѣшно, безъ помощи медиковъ.

Въ то время было въ обычаѣ, чтобы всякій мало-мальски состоятельный помѣщикъ имѣлъ собственную музыку, и мой отецъ не преминулъ также завести изъ крѣпостныхъ своихъ хоръ небольшой около 10 человѣкъ и квартетъ скрипачей, для обученія коихъ пріѣзжалъ регентъ отъ богатаго сосѣдняго помѣщика Шепелева. Онъ же занимался и съ сестрами моими, игравшими на клавикордахъ.

Братъ мой Яковъ поступилъ въ канцелярію князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго, который взялъ его на свое особое попеченіе, очень любилъ и зорко слѣдилъ за молодымъ человѣкомъ. Они большею частію жили въ Малороссіи, гдѣ князь былъ генералъ-губернаторомъ, а въ поѣздкахъ по дѣламъ службы въ Петербургъ почти всегда заѣзжалъ къ отцу моему, привозя съ собой брата; когда же не могъ быть са̇мъ, присылалъ его одного. У князя Лобанова вмѣстѣ съ моимъ братомъ служилъ нѣкто Андрей Васильевичъ Ваксель, одной губерніи и смежнаго съ нашимъ уѣзда. Братъ всегда привозилъ Вакселя съ собою. Этотъ Вакселюха, какъ звалъ его мой братъ, былъ чрезвычайно простъ, чтобы не сказать болѣе, и служилъ кн. Лобанову вмѣсто шута, а братъ творилъ съ нимъ разныя проказы. Холостякъ Ваксель былъ страстный поклонникъ женскаго пола, а трудно ему было понравиться кому нибудь, такъ какъ онъ чрезвычайно походилъ на овцу: даже волосы его, короткіе и курчавые, казались скорѣе шерстью, при безконечномъ лбѣ и горбатомъ носѣ. Хотя, говорятъ, каждый человѣкъ походитъ на какое-либо животное, но трудно представить болѣе рѣзкое сходство, какъ сходство Вакселя съ овцой; даже

умомъ и кротостью онъ былъ овца. Братъ, зная его слабость нравиться прекрасному полу, предложилъ ему написать свой портретъ и подарить одной изъ сестеръ моихъ. Тотъ, въ восторгѣ отъ этой выдумки, заказалъ свое изображеніе маслянными красками à l'enfant, съ открытой шеей, и привезъ къ намъ его. «Ну вотъ люблю», говоритъ братъ, «давно бы такъ; но ты скажи прежде, кого больше любишь, Марину или малину?» (а Ваксель былъ большой любитель малины). «Яшенька!» завопилъ тотъ умоляющимъ голосомъ. «Нѣтъ, нѣтъ: ты скажи, чтò лучше, черника или черничка?»—»Ахъ! Яшенька, не стыдно ли тебѣ?» конфузился Ваксель въ виду присутствія молодыхъ дѣвицъ. А братъ дразнитъ его, пока Ваксель вскочитъ, погонится за братомъ; но тотъ былъ вдвое проворнѣе, прыгнетъ на окно, отворитъ его, «догоняй»—закричитъ, и пока Ваксель соберется вылѣзти, брата и слѣдъ простылъ. Ваксель очень любилъ своего Яшеньку и ни за что не захотѣлъ ночевать иначе какъ въ одной съ нимъ комнатѣ, чтò брату не нравилось, и онъ рѣшилъ съ нимъ сыграть штуку. «Поди, Векселюха, ложись спать», говоритъ онъ ему однажды, «я скоро приду». Тотъ отправился ко сну; а братъ, обѣжавъ кругомъ и видя, что онъ раздѣлся, заперъ дверь снаружи и ушелъ. Ваксель бросился въ свой пышный пуховикъ (онъ любилъ очень мягко спать) и прямо попалъ въ тазъ съ водой, поставленный подъ простыню. Кричитъ благимъ матомъ, не въ состояніи будучи быстро приподняться и увязнувъ въ пышно взбитомъ пуховикѣ, но никто его не слышитъ. Съ трудомъ выбрался онъ изъ него и нашелъ дверь запертою. Не смотря на все это, онъ не сердился на брата. Бывши въ Нѣжинѣ, накупилъ онъ нѣсколько банокъ варенья, переложилъ его сѣномъ и везетъ въ своей бричкѣ. Денегъ было мало, и онъ скупился часто подмазывать колеса. Ось же была деревянная. Ѣдетъ онъ Днѣпровскими песками. «Чтò это пахнетъ дымомъ?» спрашиваетъ онъ у ямщика.—«Не знаю», отвѣчаетъ тотъ, «должно быть пожаръ гдѣ нибудь по близости». Не прошло и часу, какъ колесница моего вояжёра вспыхнула. Сѣно, банки, все пылаетъ. Ямщикъ, боясь отвѣтственности, обрѣзалъ постромки у лошадей, вскочилъ на нихъ и былъ таковъ, оставя этого новаго Илію раздѣлываться съ пылающей колесницей, какъ знаетъ. Все сгорѣло, экипажъ, варенье и сѣно, а самъ путешественникъ едва спасся и пѣшкомъ потянулся въ обратный путь.

(*Продолженіе будетъ*).

О ПЕРВОМЪ ПОСМЕРТНОМЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ смерти нашего незабвеннаго поэта, въ пользу его семейства предпринято было изданіе его сочиненій подъ непосредственнымъ покровительствомъ самого Государя Николая Павловича, что̀ лучше всего доказывается слѣдующимъ письмомъ, отъ 22 Мая 1837 года, министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова на имя Оренбургскаго гражданскаго губернатора д. с. с. А. П. Гевлича *).

„Милостивый государь Авксентій Павловичъ.

„Вашему превосходительству извѣстно, что въ началѣ настоящаго года Россійская словесность лишилась одного изъ знаменитыхъ талантовъ, ее украшавшихъ. Преждевременная кончина Пушкина поразила горестью друзей литературы и отечественной славы, и Государь Императоръ, первый покровитель всѣхъ высокихъ дарованій въ своемъ государствѣ, изъявивъ особое милостивое участіе въ судьбѣ покойнаго, осыпалъ своими монаршими щедротами оставленное имъ въ сиротствѣ семейство“.

„Для усиленія всемилостивѣйше дарованныхъ оному пособій, опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми умершаго поэта, приступила съ соизволенія Его Императорскаго Величества къ изданію новаго полнаго собранія всѣхъ доселѣ напечатанныхъ сочиненій его. Публика уже извѣщена о семъ ею; но я съ своей стороны, зная, сколь много творенія хорошихъ писателей способствуютъ совершенствованію языка, образованію вкуса и вообще возвышенію чувствъ изящнаго, вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность, согласно съ изъявленнымъ мнѣ желаніемъ опеки, покорнѣйше просить ваше превосходительство принять участіе въ раздачахъ билетовъ на собраніе сочиненій Пушкина всѣмъ любителямъ литературы, всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія въ губерніи, высочайше вамъ ввѣренной. Кажется, нельзя сомнѣваться, что Русскіе всѣхъ сословій, всегда на поприщѣ славы и добра одушевляемые

*) Такія письма, напечатанныя курсивомъ на почтовой бумагѣ, были разосланы всѣмъ губернаторамъ. Свѣдѣнія для этой замѣтки взяты изъ «дѣла объ изданіи сочиненій Пушкина», хранящагося въ Уфимскомъ губернскомъ архивѣ.

примѣромъ своего Монарха, захотятъ и въ семъ случаѣ, почтивъ память поэта, съ тѣмъ вмѣстѣ способствовать и обезпеченію благосостоянія сиротъ дѣтей его.

„Увѣренный въ благосклонномъ дѣятельномъ участіи вашего превосходительства въ семъ дѣлѣ, я поручилъ канцеляріи моей доставить къ вамъ нѣсколько билетовъ на собраніе сочиненій А. С. Пушкина“.

„Имѣю честь и пр. Д. Блудовъ“.

Въ слѣдъ затѣмъ Оренбургскому губернатору было выслано 25 билетовъ, съ № 8691 по 8716, для распространенія сочиненій по губерніи. Такое количество экземпляровъ назначено было самимъ министромъ по соглашенію съ опекой на каждую губернію; „а буде понадобится и болѣе, то можно вытребовать еще“. Все полное собраніе въ VI томахъ стоило 35 руб., уплата коихъ была раздѣлена на три срока: къ 1-му Сентября 1837 г. и затѣмъ къ 1-му Января и 1-му Мая 1838 г.

Между тѣмъ и опека выслала объявленіе объ этомъ изданіи, напечатанное на самой простой бумагѣ, въ 32-ю долю листа, которое приводится здѣсь дословно:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи

полныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ

А. С. Пушкина

въ пользу его семейства.

Изданіе будетъ состоять изъ шести томовъ въ 8-ю долю листа. Содержаніе ихъ слѣдующее:

I томъ. Годуновъ. Евгеній Онѣгинъ.

II томъ. Поэмы и повѣсти въ стихахъ: Русланъ и Людмила. Кавказскій плѣнникъ. Бахчисарайскій Фонтанъ. Полтава. Цыгане. Братья разбойники. Нулинъ. Анджело. Домикъ въ Коломнѣ.

III и IV томы. Драматическія сцены. Лирическія стихотворенія. Народныя сказки. Баллады. Пѣсни. Посланія. Элегіи. Разныя стихотворенія.

V томъ. Исторія Пугачевскаго бунта.

VI томъ. Капитанская дочка. Пиковая дама. Повѣсти Бѣлкина. Мелкія сочиненія въ прозѣ. Біографическія извѣстія о Пушкинѣ.

Цѣна за полное изданіе

а) По подпискѣ, открытой срокомъ по 1-е Октября сего 1837 года:

На ординарной бумагѣ 25 р. асс. съ пересылкою 35 р. асс., на веленевой 40 р. асс. съ пересылкою 50 р. асс.

б) По истеченіи означеннаго срока подписки, цѣна изданію назначается:

На ординарной бумагѣ 35 р. асс. съ пересылкою 45 р. асс., на веленевой 50 р. асс. съ пересылкою 60 р. асс.

Для пріобрѣтенія изданія, требователи должны относиться: иногородніе *къ служащему въ С.-Петербургскомъ Почтамтѣ надворному совѣтнику Петру Андреевичу Штеру*; а живущіе въ С.-Петербургѣ, *въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.*

Адресы и въ особенности подписи фамилій должны быть означены весьма четко и вѣрно.

Изданіе выйдетъ въ началѣ 1838 года. При первомъ томѣ приложится портретъ Пушкина, а при послѣднемъ біографическія о немъ извѣстія и снимки съ его почерка.

Надзоръ за изданіемъ приняли на себя Василій Андреевичъ Жуковскій, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и Петръ Александровичъ Плетневъ.

Опекуны.
Оберъ-Шенкъ графъ Г. Строгановъ.
Шталмейстеръ графъ М. Віельгорскій.
Дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Жуковскій.
Камеръ-юнкеръ Н. Атрѣшковъ.

С.-Петербургъ,
10 Марта 1837 г.

Объявленіе это занимало $2^1/_2$ страницы, а внизу подъ нимъ мелкимъ шрифтомъ помѣщено

„Извѣстіе о продолженіи журнала

„СОВРЕМЕННИКЪ".

„Литературный журналъ *Современникъ* будетъ изданъ на 1837 годъ, на прежнемъ основаніи, въ четырехъ томахъ, которые, какъ и въ прошломъ году, будутъ выходить каждые три мѣсяца по одной книжкѣ. Цѣна за годовое изданіе остается прежняя 25 рублей ассигнаціями, съ пересылкой 30 рубл. ассигнаціями. Изданіемъ „Современника" будутъ завѣдывать: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, П. А. Плетневъ и А. А Краевскій. Всѣ Русскіе писатели приглашаются участвовать своими трудами въ изданіи сего журнала, посвященнаго памяти Пушкина и въ пользу его семейства.

„Подписка на журналъ принимается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, иногородніе адресуются въ Газетную Экспедицію".

Внизу этого „извѣщенія" поставлено:

Печатать позволяется, С.-Петербургъ, 23 Марта 1837 года. Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

«Печатано въ типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ».

По полученіи письма отъ графа Блудова, губернаторомъ тотчасъ же было разослано циркулярное предписаніе всѣмъ земскимъ исправникамъ, уѣзднымъ предводителямъ дворянства и городскимъ головамъ съ предложеніемъ пригласить „лицъ всѣхъ сословій" къ подпискѣ на сочиненія Пушкина.

Не только изъ интеллигентнаго класса, но многіе изъ купцовъ откликнулись съ охотой на это предложеніе, и 25-ти высланныхъ билетовъ не достало на обширную Оренбургскую губернію, такъ что многимъ пришлось выписывать самимъ отъ себя изданіе.

Изъ списка, приложеннаго въ дѣлѣ объ этомъ, видно, какъ распредѣлились эти билеты по губерніи.

Въ г. Уфѣ подписались:

№ 8707. Городской голова 3-й гильдіи купецъ Иванъ Нестеровъ.

№ 8692. Временнаго земскаго суда дворянскій засѣдатель, коллежскій ассессоръ Андрей Игнатьевичъ Киричевскій.

Въ г. Челябинскѣ:

№ 8708. И. Д. Челябинскаго городничаго 9 класса Лазовскій, который впослѣдствіи при перемѣщеніи его на службу въ Петербургъ, «оставилъ довѣренность смотрителю Челябинскаго училища Просвирину получить сочиненія Пушкина въ пользу сего училища».

№ 8712. Челябинскій земскій исправникъ Граве.

Въ г. Оренбургѣ:

№ 8702. Городской голова купецъ Дѣевъ.
№ 8700. Купецъ Евграфъ Кайдаловъ.
№ 8704. Купецъ Дмитрій Ковалевъ.
№ 8697. Купецъ Дмитрій Путаловъ.
№ 8703. Оренбургскій земскій исправникъ Соколовъ.
№ 8694. Оренбургскій полицеймейстеръ Щербачевъ.

Въ г. Троицкѣ:

№ 8695. Городской головой Павелъ Бакакинъ.

№ 8698. Члены Троиц. град. думы: бургомистръ Зарубинъ, ратманъ Мустафинъ (Татаринъ), кандидатъ его Михаилъ Дмитріевъ и секретарь Ѳома Рытковъ—всѣ подписались на одинъ экземпляръ.

№ 8691. Троиц. земск. исправн. тит. сов. Азиковъ.

Въ г. Мензелинскѣ:

№ 8713. 3-й гильдіи купцы Иванъ Якунинъ и Семенъ Касаткинъ на одинъ экземпляръ.
№ 8714. Зем. исправн. Ленковскій.

Въ г. Бирскѣ:

№ 8711. Зем. исправн. Бородинъ.
№ 8709. Дворянскій засѣдат. Бирск. у. Пичугинъ.
№ 8706. Бирскій подлѣсничій Алексѣй Брудинскій.
№ 8710. Секретарь Бирск. земск. суда Залѣсовъ.

Затѣмъ по одному экземпляру подписали въ г. Белебеѣ — и. д. Белебеев. городничаго Денисовъ, въ г. Бугульмѣ—Мензелинск. 1-й гил. куп. Яковъ Веретенниковъ; въ Бугурусланѣ—протоіерей Іоаннъ Милордовъ; въ Бузулукѣ—помѣщикъ штабсъ-ротмистръ Дмитрій Пополутовъ (№ 8699); въ Верхнеуральскѣ—чиновникъ 9-го класса Сипайловъ и въ Уральскѣ Уральскаго казачьяго войска полковникъ Бизяновъ.

Изданіе по мѣрѣ выхода въ свѣтъ разсылалось подписчикамъ выпусками по два тома. Уже были разосланы первые два тома, какъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовало новое извѣщеніе, въ которомъ говорилось: „что, хотя продажа билетовъ была ограничена до 1-го Октября 1837 г., но какъ остальные томы выйдутъ только въ концѣ будущаго Сентября, то чтобы губернаторы „приняли на себя трудъ раздавать билеты по 1-е число Ноября 1838 г. по первоначальной цѣнѣ, объявивъ подписчикамъ, что производимое нынѣ изданіе сочиненій Пушкина, вмѣсто обѣщанныхъ шести томовъ, будетъ состоять изъ восьми томовъ, которые раздадутся подписчикамъ безъ всякаго увеличенія подписной платы“. Но изъ дѣлъ, къ сожалѣнію, не видно, какимъ порядкомъ были распредѣлены сочиненія въ этихъ томахъ.

Сообщилъ **П. Юдинъ.**

ЕЩЕ О ПОЕДИНКѢ ЛЕРМОНТОВА.

Изъ писемъ къ издателю „Русскаго Архива".

I.

Прочитавъ въ «Русскомъ Архивѣ» статью о поединкѣ Лермонтова, я вспомнилъ подробность, разсказанную мнѣ Алексѣемъ Аркадіевичемъ Столыпинымъ (его звали «Монго»), касающуюся этого поединка. Онъ мнѣ это говорилъ въ 1847—1849 гг., и нѣсколько разъ.

Столыпинъ не названъ въ числѣ присутствовавшихъ на поединкѣ, очевидно, вслѣдствіе желанія привлечь къ отвѣтственности какъ можно меньше лицъ. Между тѣмъ, онъ не только присутствовалъ на поединкѣ, но игралъ въ немъ выдающуюся роль, какъ товарищъ (бывшій л.-гусаръ) и свидѣтель со стороны Лермонтова. Однимъ словомъ, онъ и Васильчиковъ были секундантами Лермонтова и, судя по полковому товариществу, по положенію въ свѣтѣ, надо полагать, что Столыпинъ былъ главнымъ секундантомъ *); а названъ одинъ только Васильчиковъ, который, не будучи военнымъ, подвергался, казалось, меньшей отвѣтственности.

Столыпинъ мнѣ разсказывалъ, что, когда Лермонтовъ палъ и умеръ, то всѣ участвующіе спѣшили уѣхать, кто за экипажемъ, кто за врачемъ и пр., чтобы перевезти Лермонтова въ городъ и, если возможно, помочь ему. Одинъ Столыпинъ остался, съ общаго согласія, при покойникѣ, въ ожиданіи возвращенія поскакавшихъ. Онъ сѣлъ на землю и поддерживалъ у себя на колѣняхъ голову убитаго. Въ это время разразилась гроза, давно собиравшаяся; совершенно смерклось. До возвращенія уѣхавшихъ прошло около часа. Столыпинъ не разъ говорилъ мнѣ объ этомъ тяжеломъ часѣ, когда онъ, совершенно одинъ, въ темнотѣ, освѣщаемый лишь молніею, держа на колѣняхъ блѣдный ликъ Лермонтова, долго ожидалъ пріѣзда другихъ, поѣхавшихъ за помощью или экипажемъ.

---

*) Мать Лермонтова была двоюродною сестрою А. А. Столыпина, вліяніе котораго на поэта недовольно оцѣнено въ его біографіяхъ. П. Б.

Такъ какъ изъ друзей А. А. Столыпина уже мало кто остался въ живыхъ, то я хотѣлъ передать вамъ эту посмертную сцену со словъ очевидца.

Впрочемъ въ Москвѣ живетъ Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ. Онъ вѣроятно слышалъ отъ брата своего тотъ же разсказъ и можетъ его передать лучше и подробнѣе моего.

***

II.

Въ примѣчаніяхъ къ бумагамъ Н. С. Мартынова о дуэли его съ Лермонтовымъ (стр. 599 II-й книги «Русскаго Архива» нынѣшняго года) между прочимъ сказано о его секундантѣ Глѣбовѣ: «Говорятъ, что М. П. Глѣбовъ впослѣдствіи также убитъ на поединкѣ».

Говорящіе такъ ошибаются. М. П. Глѣбовъ, поступившій въ началѣ 1843 года адъютантомъ къ назначенному тогда на Кавказъ главноначальствующему генералъ - адъютанту Нейдгарту, проѣзжая курьеромъ изъ Тифлиса въ Петербургъ съ важными бумагами, на большой почтовой дорогѣ, не доѣзжая г. Ставрополя, былъ захваченъ въ плѣнъ шайкой Черкесовъ, предводимыхъ бѣглымъ казакомъ Атарщиковымъ. Выкупленный изъ плѣна Глѣбовъ остался въ прежней должности, а съ назначеніемъ въ 1845 году главнокомандующимъ князя М. С. Воронцова, перешелъ адъютантомъ къ нему. Быстро подвигаясь въ чинахъ, онъ въ теченіе шести лѣтъ, 1841—1847, былъ уже полковникомъ и кандидатомъ въ полковые командиры, но въ 1847 году, при осадѣ княземъ Воронцовымъ Шамилевскаго укрѣпленія Салты, убитъ ружейною пулею, попавшею ему прямо въ лобъ.

Глѣбовъ былъ славный молодой человѣкъ. Смерть его возбудила общія сожалѣнія.

А. Зиссерманъ.

ШУТКА МЯТЛЕВА ВЪ ОТВѢТЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Стихи Лермонтова, написанные въ альбомъ Ивану Петровичу Мятлеву, автору знаменитыхъ „Сенсацій госпожи Курдюковой“,

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ,

вызвали со стороны Мятлева слѣдующіе стихи, которые, сколько намъ извѣстно, не были напечатаны.

Madame Курдюкова Лермонтову.

Мосьё Лермонтовъ, вы пеночка,
Птичка пѣвчая, временъ!
Ту во веръ сонъ си шарманъ,
Что они по мнѣ какъ пѣночка,
Нонъ дё крэмъ, мэ дё Креманъ *).
Такъ полны они эрфиксомъ,
Дё дусеръ и дё бонъ гу,
Что съ душевнымъ только книксомъ
Вспоминать о нихъ могу.

---

*) Названіе Шампанскаго вина. П. Б.

АНЕКДОТЪ О ДИДРО.

Слѣдующій анекдотъ о Дидро разсказанъ въ книгѣ Тьебо́, изданной въ 1804 году подъ заглавіемъ: Воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ (Thiébault, Souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin). Объ этой книгѣ фельдмаршалъ Моллендорфъ отозвался герцогу Бассано, что это самое правдивое сочиненіе и авторъ ея честнѣйшій человѣкъ.

Дидро пріѣхалъ въ Россію по приглашенію императрицы Екатерины Великой. Въ эту пору онъ былъ атеистомъ или, по крайней мѣрѣ, выдавалъ себя за атеиста и часто острилъ надъ предметами религіи въ присутствіи Императрицы, которую иногда забавляли эти остроты; а придворная молодежь, слѣдуя тогдашней модѣ, приходила отъ нихъ въ восторгъ. Но люди строгаго нрава и старыхъ преданій, бывшіе при дворѣ, оскорблялись такими остротами и громко заявляли, что надобно обуздать вольныя и соблазнительныя рѣчи. Сама Императрица убѣдилась, наконецъ, что нужно прекратить подобные разговоры, но не знала, какъ это сдѣлать, чтобы не оскорбить самолюбія своего гостя. Тогда придворные придумали слѣдующее средство. Однажды въ разговорѣ съ Дидро они сказали ему, что въ Россіи есть знаменитый математикъ, который составилъ алгебраическую формулу въ доказательство бытія Божія. Это извѣстіе очень заинтересовало Французскаго философа, и одинъ изъ придворныхъ вызвался пригласить ко двору профессора съ тѣмъ, что онъ объявитъ свое доказательство передъ всѣми. Этотъ профессоръ былъ Эйлеръ. Въ назначенное время Эйлеръ, конечно по соглашенію съ кѣмъ слѣдовало, пріѣхалъ въ собраніе, подошелъ къ Дидро съ самымъ серіознымъ видомъ и сказалъ ему: *Monsieur*,

$$\frac{a + b^n}{n} = x.$$

Donc Dieu existe; *répondez!* Дидро ожидалъ вѣроятно услышать въ живой рѣчи понятное для него изложеніе доказательства; краткая формула, произнесенная Эйлеромъ, смутила его, и онъ не нашелся, что̀ отвѣчать математику. Многіе вокругъ засмѣялись, Дидро сконфузился, а вѣроятно и разсердился до того, что вскорѣ попросилъ позволенія оставить Россію.

(*Сообщено К. П. Побѣдоносцовымъ*).

Общее понятіе о ней можно было составить и ранѣе описанія г. Барсукова, по изданному самимъ Погодинымъ дневнику: „Годъ въ чужихъ краяхъ“; но въ изложеніи біографа находятся немалочисленныя подробности, разъясняющія, исправляющія, дополняющія изданное. Любопытна та глава VII-го тома, гдѣ говорится о появленіи этого дневника въ печати и о томъ, какъ онъ былъ встрѣченъ критикой. Возвращеніе Погодина въ Москву совпадаетъ съ сосредоточеніемъ въ ней представителей направленій Западниковъ и Славянофиловъ, и читатель съ наслажденіемъ знакомится съ любопытнѣйшими данными, характеризующими Герцена, Боткина, Грановскаго, Бѣлинскаго, Самарина, Хомякова, Аксаковымъ, Кирѣевскаго, Языкова и многихъ другихъ. Данныя эти имѣютъ всю прелесть свѣжести и непосредственности, и трудно оторваться отъ чтенія страницъ VII-го тома, посвященныхъ имъ. Оба направленія Русскаго самосознанія 40-хъ годовъ такъ или иначе соприкасаются съ Погодинымъ, и представители ихъ заставляютъ его испытать немало радостей и перенести немало тревогъ.

Не менѣе любопытны тѣ главы книги, въ которыхъ говорится объ археографической и ученой дѣятельности Погодина, объ его собраніи древностей, о сношеніяхъ съ археографами и палеологами, объ изданіи Москвитянина, и т. д. и т. д. Вообще, свѣжесть и новизна матеріала книги до того велики, что заставляютъ забыть ея солидный объемъ (496 стр.), и читатель съ чувствомъ сожалѣнія перевертываетъ ея послѣдній листокъ.

Разсматривая семь томовъ біографіи, какъ одно цѣлое, авторъ предпослалъ VII-му тому краткое предисловіе, въ которомъ останавливаетъ на себѣ вниманіе длинный перечень лицъ (умершихъ уже и еще живущихъ), съ которыми авторъ совѣтовался или къ которымъ обращался за справками по поводу тѣхъ или другихъ подробностей своего труда; перечень этотъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той высокой добросовѣстности, съ которой г. Барсуковъ отнесся къ своей задачѣ. Въ концѣ книги приложенъ подробный и весьма тщательно составленный сотрудникомъ Археографической Коммиссіи В. В. Майковымъ азбучный указатель именъ личныхъ, географическихъ названій, монастырей, церквей, кладбищъ и разныхъ предметовъ, въ первыхъ семи книгахъ жизни и трудахъ М. П. Погодина упоминаемыхъ.

Съ чувствомъ справедливой гордости можетъ оглянуться почтенный біографъ на половину пройденнаго имъ пути. Отъ души желаемъ, чтобы у него достало силъ и возможности завершить оный. Въ успѣшности этого завершенія не сомнѣваемся.

И. Помяловскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, **за три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1894 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

10.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Въ Конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175).

продаются

годовыя изданія этого историческаго сборника:

1874 годъ. 12 выпусковъ (двѣ книги) съ гравированными портретами князя Одоевскаго и Ѳ. И. Тютчева. Цѣна 6 р. съ пересыл. 7 р.

1877 годъ. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1878. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1879. 12 выпусковъ (три книги), съ гравированными портретами графа С. Р. Воронцова и А. С. Хомякова. Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1880. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1881. 6 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ пересылкой 9 р.

1884. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: И. В. Лопухинъ, И. С. Тимирязевъ, Н. Э. Лясковскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1886. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюра: Н. Н. Муравьевъ-Карскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1887. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: Жильберъ Роммъ, графъ П. А. Строгановъ, Филаретъ епископъ Черниговскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1888. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: Князь А. И. Барятинскій, графъ П. И. Панинъ. Въѣздъ князя А. И. Барятинскаго въ Тифлисъ. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

См. на 3-й стр.

ЧЕРТЫ СТАРИННАГО ДВОРЯНСКАГО БЫТА.

Воспоминанія Марьи Сергѣевны Николевой *).

За годъ до Отечественной войны вышла изъ Смольнаго сестра моя Елисавета, 18-ти лѣтъ; старшей же сестрѣ было тогда 23 года, а мнѣ 5 лѣтъ. При объявленіи войны съ Бонапартомъ, братъ Яковъ поступилъ въ казаки. Все, что̀ мыслило, заколыхалось для борьбы на жизнь и смерть съ завоевателемъ; все двинулось на битву, а кто того не могъ, тотъ иначе принималъ участіе въ оборонѣ. Отецъ, будучи почти уже слѣпъ, пекъ сухари для войска и безплатно доставлялъ ихъ въ Коммиссаріатъ, а мать и сестры принялись за корпію. Но жили мы пока покойно въ своей деревнѣ, не ожидая къ себѣ врага. Всѣ три брата были давно на границѣ и за границей. Средній Алексѣй сражался уже не разъ съ Французами и участвовалъ въ жаркой Аустерлицкой битвѣ. Какъ адъютантъ генерала Репнина, былъ онъ имъ посланъ съ какимъ-то приказомъ. Вдругъ пуля ударяетъ ему прямо въ грудь и отскакиваетъ. Онъ отъ удара падаетъ, но не раненъ; отчего это? На немъ надѣтъ былъ образъ Казанской Богоматери, благословеніе родителей, вершка въ полтора величиной въ золоченомъ окладѣ, въ который и попала пуля, вдавивъ окладъ въ дерево. Съ тѣхъ поръ братъ всегда праздновалъ день 8 Іюля въ честь святой иконы, называя этотъ праздникъ «моей Матушки Казанской».

Отецъ мой посвятилъ построенную имъ церковь Покрову Богородицы, и съ тѣхъ поръ, село наше, называвшееся прежде Заустье по имени рѣки Устьи, протекающей въ немъ, стало называться Покровскимъ. Наканунѣ почти каждаго праздника служили у насъ всенощную въ домѣ, и отецъ всегда становился съ пѣвчими, а когда пѣли что-либо въ честь Богоматери, онъ опускался на колѣни и съ умиленіемъ пѣлъ ирмосы Богородицѣ. Нѣкоторыя любимыя имъ молитвы я въ юности моей не могла слышать равнодушно, представляя себѣ, какъ этотъ почтенный, почти слѣпой старикъ, въ довольно длинныхъ,

---

*) См. выше, стр. 107.

совсѣмъ бѣлыхъ волосахъ, стоялъ, бывало, на молитвѣ, и теперь еще чрезъ 40 лѣтъ я объ этомъ вспоминаю, представляя его себѣ съ воздѣтыми восторженно руками, въ бѣличьей шубкѣ, крытой малиноваго цвѣта шалономъ. Старшій братъ мой, вступя въ управленіе имѣніемъ, заказалъ въ Академіи Художествъ для нашей церкви мѣстный образъ Покрова Богородицы и такой же въ маломъ видѣ для дома, послѣдній въ чеканной серебрянной рамѣ, работы лучшаго въ то время мастера Сазикова. Какъ братъ, такъ и отецъ на день Покрова обыкновенно готовили угощеніе крестьянамъ. На большомъ дворѣ противъ дома разставлялись столы съ чашами щей, студню, съ пирогами и другими приварками. Мы всѣ выходили подносить крестьянамъ по рюмкѣ водки, разсаживали за столы и угощали, какъ могли радушнѣе. Сбиралось крестьянъ до 300 кромѣ женщинъ. Иногда бывалъ этотъ осенній праздникъ ясенъ и тихъ; иногда же случалось, что во время самаго пира погода вдругъ перемѣнится и начнетъ падать снѣгъ, попадая прямо въ кашу или щи; но гости наши не обращаютъ на то вниманія, кушаютъ себѣ да похваливаютъ, ни за что не соглашаясь надѣть шапку или шляпу (деревенскаго производства), какъ мы ихъ ни упрашиваемъ, даже приказываемъ. «Ничего, матушка сударыня, сойдетъ и такъ». При хорошей погодѣ пиръ продолжался до сумерокъ; являлся скрипачъ или два, начиналась пляска, пѣсни, и мы меньшія сестры, т. е. я и Елена Сергѣевна, пускались въ хороводы съ молодыми крестьянками и ребятами. Праздновали мы и день Пасхи. Изготовлялось нѣсколько большихъ куличей, пàсокъ изъ творогу и корзинъ, наполненныхъ красными яицами. Всѣ крестьяне изъ церкви приходили прямо къ намъ христосоваться. Ихъ бывало человѣкъ до 500 или болѣе. Большая семья наша расходилась по разнымъ комнатамъ съ корзинами яицъ; матушка раздавала кусками куличъ и пасху, цѣлуя всѣхъ въ лицо, безъ разбора, чтò дѣлали и мы всѣ, мѣняясь яицами съ каждымъ поочереди, а у кого ихъ не случалось, отдавали свое; и весь домъ съ растворенными настежъ дверями наполнялся людомъ. Всякій имѣлъ право ходить по всему дому, и не помню, чтобы въ тотъ день что-либо пропадало въ нашихъ комнатахъ; даже ничто не было тронуто съ мѣста: любопытные только разглядывали чудные для нихъ предметы. Хозяинъ нашъ обыкновенно находился на то время въ просторной передней комнатѣ, гдѣ принималъ главныхъ, самыхъ почетныхъ лицъ изъ крестьянъ, стариковъ и старостъ, подавалъ имъ винá, пирога, жаренаго мяса, а въ дѣвичьей нянюшка наша угощала брагою или пивомъ. Такое множество поцѣлуевъ, полученныхъ нами отъ лицъ съ бородами и усами, подчасъ не совсѣмъ опрятными, за-

ставляло насъ по окончаніи поскорѣе умыться: иначе случалось, что показывалась на лицѣ сыпь*).

Соблюдался у насъ также обычай встрѣчи великаго поста на старинный, патріархальный ладъ. По окончаніи ужина въ прощеное Воскресенье матушка садилась на диванъ передъ столомъ, на которомъ ставился подносъ съ ковригой ржанаго хлѣба и солонкой соли. Мы всѣ размѣщались по обѣ ея стороны. Впускались всѣ наши дворовые и крестьяне, если которые нибудь изъ нихъ случались на то время на дворѣ. Нянюшка Ѳедора Семеновна разрѣзала хлѣбъ на небольшіе куски и солила ихъ, иногда это дѣлала и сама матушка; тогда начиналось взаимное прощанье. Присутствующіе поочереди выступали, кланялись матушкѣ въ ноги, говоря «Простите, сударыня, если въ чемъ согрѣшилъ или согрѣшила передъ вами». Матушка вставала, отдавала поясной поклонъ кланявшемуся или кланявшейся, говоря: «Прости и ты меня грѣшную», и предлагала кусочекъ посоленнаго хлѣба съ пожеланіемъ также благополучно вмѣстѣ разговѣться отъ одного кулича и пасхи, какъ заговлялись отъ одного хлѣба.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ братьевъ нашихъ въ дѣйствующую армію, а мы все еще жили мирно у себя. Родители, получая Московскія Вѣдомости, прочитывали реляціи сосѣдямъ. Былъ Августъ. Уборка ржи шла тихо, много молодыхъ крестьянъ поступило въ милицію. При усиленномъ наборѣ рекрутъ отцы и матери съ плачемъ и воемъ поѣхали провожать ихъ; кое-гдѣ проскакивали партіи казаковъ... Слухи носились разные: тамъ показались мародеры («*миродёры*», какъ назвалъ ихъ народъ); тутъ ограбили, убили кое-кого; были люди возбуждавшіе народъ къ бунту, совѣтывали бросить полевую работу, избивъ всѣхъ помѣщиковъ; но все это были слухи. Въ нашемъ углу замѣчалась только необычная лѣность въ работахъ. Въ концѣ 1810 года нанялся къ намъ въ управители имѣніемъ Полякъ Иванъ Яковлевичъ Гульчинскій, человѣкъ незлой, но страшный трусъ. Жилъ онъ у насъ второй годъ съ женой и двумя дѣтьми и, ѣздивши по полямъ, привозилъ разныя вѣсти, быль и небылицу, которыя и сообщалъ во время обѣда. Обыкновенно при этомъ онъ начиналъ съ того, что раскладывалъ свой большой красный клѣтчатый платокъ на лицо и голову, бралъ себя за носъ, наклонялъ голову, при чемъ платокъ падалъ обратно на руку и издавалъ сморкаясь трубный звукъ,

---

*) Въ другихъ семействахъ, напр. у Архаровыхъ, соблюдался еще и такой обычай на день Св. Пасхи: по возвращеніи изъ церкви, за приготовленные столы садилась прислуга, господа угощали ее и уже потомъ садились сами разгавливаться. (Слышано отъ Александры Ивановны Васильчиковой, ур. Архаровой). П. Б.

и затѣмъ начиналъ страшный разсказъ о врагахъ. Такъ, не задолго до Успеньева дня, вернувшись съ поля, Иванъ Яковлевичъ за обѣдомъ издалъ громкій носовой звукъ и крякнулъ. «Ну что скажешь сегодня, Иванъ Яковлевичъ?» спросилъ батюшка, «что дѣлаетъ Наполеонъ?»—«Да, говорятъ, Французы уже въ Ельнѣ, того и гляди нагрянутъ къ намъ», отвѣчалъ тотъ. «Подождутъ еще казаковъ», отвѣчалъ отецъ, и всѣ смолкли. Лишь встали изъ-за стола, какъ видимъ: скачетъ тройка, въ телѣгѣ сидитъ казакъ и прямо къ крыльцу. Дверь быстро отворилась, и братъ Яковъ влетѣлъ въ своемъ новомъ казачьемъ мундирѣ. «Здравствуйте», говоритъ, «я къ вамъ съ худой вѣстью: за мной верстахъ въ 20 идутъ Французы. Собирайтесь скорѣе, уѣзжайте куда-нибудь подальше, убирайте, что поцѣннѣе, и съ Богомъ съ путь».

Поднялась суета; кто готовитъ экипажи, кто наполняетъ сундуки чѣмъ попало. Отецъ собралъ съ поля народъ и велѣлъ толочь сухари заготовленные для войска, какъ приношеніе, набивать ими мѣшки и укладывать въ дорогу. Бричку наполнили провіантомъ. Сестрамъ жаль было разстаться съ крупными вишнями (въ тотъ годъ на все былъ большой урожай), и онѣ набрали ихъ полныя корзины, оставя мать и няню заниматься укладкой болѣе нужныхъ вещей. Утромъ съ восходомъ солнца поѣздъ нашъ тронулся. Въ карету съ матушкой и няней посадили меня 5-лѣтнюю съ большой куклой; одѣли меня въ мое любимое розовое платье съ блестками. Отецъ въ коляскѣ съ сестрами моими слѣдовалъ за нами, за тѣмъ бричка съ прислугою и другая съ провизіей, да телѣга съ поклажей. Весь обозъ завершался табуномъ лошадей нашего домашняго завода, головъ въ 30 (отчасти Арабской крови, лошадей очень хорошихъ, которыхъ отецъ жалѣлъ оставить). Все это потянулось въ противуположную отъ Французовъ сторону. Братъ же, проводивъ насъ, поскакалъ назадъ.

Но куда ѣхать? Собрались такъ неожиданно, что не успѣли придумать, гдѣ лучше приклонить голову. Цѣль была одна: бѣжать отъ враговъ. Проѣхавъ версты 4, услышали мы шумъ и топотъ; перепугались, не нагоняетъ ли насъ непріятель. Но оказалось, что табунъ нашъ вышелъ изъ послушанія конюховъ, разсыпался по полю и хочетъ вернуться домой. Испугъ матери и сестеръ былъ такъ великъ, что рѣшено было лучше лишиться лошадей, чѣмъ потратить лишнихъ два часа, собирая ихъ, и онѣ были брошены на произволъ судьбы. Съ общаго совѣта рѣшено было ѣхать къ теткѣ моей Аннѣ Алексѣевнѣ Протопоповой, которой мужъ тогда уже былъ въ отставкѣ и лежалъ разбитый параличемъ въ своемъ имѣніи Тульской губ. Епифанскаго уѣзда, въ с. Бутыркахъ. При первой же возможности извѣстили мы ихъ пись-

момъ о нашемъ пріѣздѣ; а сами, имѣя при своемъ немаломъ семействѣ прислуги человѣкъ 10 и упряжныхъ лошадей до 20, потянулись не спѣша на Тулу и прислушивались къ извѣстіямъ, гдѣ непріятель.

Такъ благополучно добрались мы до родственнаго дома и были встрѣчены радушно въ почтенномъ и многочисленномъ семействѣ тетки моей и дяди. Состояніе ихъ почти равнялось нашему, а хлѣбородная почва Тульской губ. давала средства содержать насъ безъ особаго ущерба карману; къ тому же сердечное, родственное расположеніе дѣлало особенно пріятнымъ возможность пріютиться у нихъ. Два сына и пять дочерей тетки были однихъ лѣтъ съ моими сестрами, такъ что насъ собралось до одинадцати кузинъ, изъ которыхъ старшей было около 25 лѣтъ, а младшей пять. Братья Протопоповы были, понятно, на войнѣ; съ нами же оставались изъ мущинъ лишь мой отецъ и больной дядя, при которомъ неотлучно находилась, кромѣ жены, старшая дочь Александра. Она не оставляла отца ни днемъ, ни ночью и если на минуту выходила, больной начиналъ плакать какъ ребенокъ. Такъ продолжалось много лѣтъ, и бѣдная кузина моя не видала молодости (дядя умеръ, когда ей было уже 35 лѣтъ). Семейство это имѣло большую склонность къ музыкѣ. Старшій братъ Петръ Сергѣевичъ, родившійся еще въ Тобольскѣ, когда отецъ его былъ тамъ губернаторомъ, игралъ на разныхъ инструментахъ: фортепьяно, скрипкѣ, арфѣ, гитарѣ, флажолетѣ. Онъ долго служилъ въ военной службѣ, былъ во всѣхъ походахъ 1812 года, и вездѣ съ нимъ ѣздили скрипка и флажолетъ. Въ свободныя отъ службы минуты, онъ садился съ ногами на походную кровать, чтобы поиграть на любимомъ инструментѣ. Арфу онъ пріобрѣлъ такъ. Разъ въ походѣ видитъ, солдаты откуда-то притащили арфу и собираются рубить ее для разведенія костра, подкладывая въ огонь ноты. Онъ отстоялъ арфу и обгорѣлыя уже ноты и по нимъ самоучкой выучился играть, такъ что въ послѣдствіи обучилъ тому же и сестру мою Елену, хорошо игравшую на фортепьяно. Петръ Сергѣевичъ, проведя 30 лѣтъ на службѣ, отвыкъ отъ женскаго общества и потому казался дикаремъ и оригиналомъ. До 45 лѣтъ онъ лишь изрѣздка наѣзжалъ на короткое время въ свою семью.—Второй братъ Николай Сергѣевичъ служилъ въ Петербургѣ по министерству, былъ набоженъ, принадлежалъ къ масонской ложѣ, рѣдко бывая у родителей. Умеръ онъ молодымъ. На похороны его собралось много нищихъ, которыхъ онъ тайно содержалъ на свое жалованье. – Былъ у дяди и побочный сынъ Александръ Васильевичъ Александровъ, воспитывавшійся съ законными дѣтьми, а затѣмъ опредѣленный въ университетъ на медицинскій факультетъ, гдѣ учился хорошо. Во время пожара Москвы онъ оставался въ ней; попавъ въ плѣнъ, притворился хромымъ

и кривымъ, показалъ взявшимъ его Французамъ знаками, что умѣетъ готовить кушанье и былъ опредѣленъ ими къ ихъ начальнику на кухню. Цѣлыхъ двѣ недѣли готовилъ онъ на кухнѣ и кололъ дрова, хромая и съ закрытымъ глазомъ. Когда же къ нему привыкли и стали оставлять безъ присмотра, въ одну темную ночь нашъ хромой получилъ употребленіе обѣихъ ногъ, такъ что благополучно бѣжалъ и пѣшкомъ явился къ роднымъ въ Бутырки. Но тутъ, къ несчастью, влюбился онъ въ хорошенькую Елену Сергѣевну Протопопову и, зная, что онъ ей побочный братъ, долженъ былъ покинуть родину и поступилъ врачемъ въ одинъ изъ полковъ. Въ первомъ же сраженіи ему оторвало руку, затѣмъ ногу, и такъ кончилась его короткая жизнь.

Изъ пяти сестеръ Протопоповыхъ ни одна не вышла замужъ; хотя навертывались соотвѣтствующіе женихи, но онѣ предпочли не разставаться и жить дружно одной семьей, а когда Петръ Сергѣевичъ, будучи въ отставкѣ полковникомъ, женился, онѣ посвятили себя воспитанію его дѣтей.

Въ числѣ родственниковъ у Протопоповыхъ былъ нѣкто Кутузовъ съ девятью дочерьми и сыномъ. Дочери были всѣ хороши собою. Мать, женщина капризная, своевольная, оставшись вдовою, не взлюбила одну изъ дочерей, Софью Дмитріевну, и не давала ей пріюта кромѣ дѣвичьей, гдѣ въ обществѣ прислуги она сиживала на окнѣ и вязала чулокъ. Тетка моя, видя нелюбовь матери къ ребенку, взяла ее къ себѣ въ домъ. Кузины очень полюбили ее, начали учить каждая чему могла; особенно занялись образованіемъ дѣвочки двѣ старшія сестры, Александра и Марья и, когда братъ Петръ вышелъ въ отставку, онъ нашелъ Соничку 15-ти, лѣтъ жившую въ его семьѣ какъ родная. У нея были прекрасный голосъ, ростъ и пріятное лицо. Мать совсѣмъ ее забыла и не видалась съ нею, такъ что и по смерти тетки она осталась въ домѣ Протопоповыхъ. Петръ Сергѣевичъ, занимаясь съ нею музыкой, къ ужасу своему почувствовалъ, что не равнодушенъ къ дѣвочкѣ, приходившейся ему двоюродной племянницей, а потому смотрѣвшей на него съ почтеніемъ, какъ на старшаго дядю. Сестры стали замѣчать дикій, блуждающій взглядъ и безпокойство брата, такъ что боялись, не заболѣлъ ли онъ. Хозяйство онъ совсѣмъ забросилъ, сидитъ на полу, раскладывая пасьянсы, выдумывая новые; бранитъ Соничку, сердится на нее или совсѣмъ молчитъ. Разъ великимъ постомъ онъ остановилъ Соню, когда она собиралась съ другими въ церковь; велѣлъ ей воротиться и, оставшись съ ней наединѣ, сталъ бранить ее, какъ смѣетъ она воображать, что она ему нравится и что онъ хочетъ на ней жениться. Соня со слезами стала увѣрять, что ничто подобное ей въ голову не приходило. Сестры едва успокоили

ее и принуждены были отвезти къ родной матери. Петръ Сергѣевичъ, съ своей стороны, тоже уѣхалъ неизвѣстно куда, объявивъ дома, чтобы его не ждали ра́нѣе мѣсяца. Отъ кучера узнали, что онъ поѣхалъ въ Тулу. Соня же болѣе прежняго страдала отъ упрековъ матери, увѣренной, что дурной нравъ былъ причиной отсылки ея изъ дома Протопоповыхъ. Прошелъ постъ, разливъ рѣкъ послужилъ новымъ препятствіемъ къ возвращенію брата; но наконецъ онъ возвращается радостнымъ, какъ бы переродившимся и разсказываетъ, что выхлопоталъ разрѣшеніе жениться на близкой родственницѣ. Для этого, получивъ отказъ отъ епархіальнаго начальства, поѣхалъ онъ въ Москву къ митрополиту Филарету и объяснилъ ему дѣло и отношенія 15-лѣтней дѣвочки къ матери и къ нему самому. Митрополитъ принялъ въ немъ большое участіе и далъ ему собственноручное письмо для доставленія Тульскому епископу, приблизительно такого содержанія: «Удивляюсь я строгости вашей въ исполненіи постановленій Церкви; разберите обстоятельства лицъ ищущихъ вашего разрѣшенія ко вступленію въ брачный союзъ. Не буквальнаго примѣненія уставовъ Церкви требуется отъ насъ, а съ разсужденіемъ и разсмотрѣніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла; а потому совѣтую разрѣшить подателю сего исполненіе его желанія, чѣмъ избавите молодую чету отъ грѣха, а сего господина, можетъ быть, сохраните отъ самоубійства». (И на самомъ дѣлѣ братъ въ то время былъ къ подобному исходу близокъ). Чрезъ двѣ недѣли вернулась Соня съ матерью, и бракъ состоялся безотлагательно. Слѣдствіемъ его была счастливая жизнь и многочисленная семья. Въ концѣ концовъ, и мать Сони возвратила ей свое расположеніе, соглашаясь, что дочь вовсе не заслуживала ея пренебреженія. Но я зашла далеко впередъ.

Проживъ половину зимы у Протопоповыхъ, мы всей семьей поѣхали саннымъ путемъ въ Тамбовскую губернію къ другой сестрѣ отца, Александрѣ Алексѣевнѣ, и къ жившимъ съ нею братьямъ Юрію, Дмитрію и Алексѣю. Александра Алексѣевна, оставшись дѣвицей, приняла на воспитаніе дочь бѣдной сосѣдки своей Поповой Катерину Степановну; чтобы дѣвочкѣ не было скучно, взята была въ домъ сирота изъ дворовыхъ Катя и содержана почти наравнѣ съ барышней, что̀ возвысило ее очень въ собственныхъ глазахъ. Будучи ряба и некрасива, она выходила гулять не иначе какъ въ перчаткахъ, подъ вуалью и съ книгою въ рукахъ. Она обладала искусствомъ прекрасно вышивать шелками картины и образа, замѣняя канву кисеей, такъ что трудно было отличить вышиванье ея отъ рисунка. Этимъ она заработывала немало денегъ, и когда Александра Алексѣевна на старости впала въ бѣдность, она помогала ей изъ своихъ средствъ. Ра-

боты свои она поставляла въ столичные магазины.—У тетки была также, по обычаю того времени, дура-шутиха изъ ея же крестьянокъ, истинная обезьяна лицомъ и понятіями, но столь преданная своей Александрѣ Алексѣевнѣ, что ничто не могло ее удалить отъ нея даже на минуту: ночью она сидѣла на скамеечкѣ у постели ея и спала, прикурнувъ къ кровати. Водили ее въ очень пестрыхъ красныхъ платьяхъ и красныхъ же сафьяновыхъ башмакахъ, на которыхъ золотомъ было вышито, на одномъ «Поля», на другомъ «Дура». Этимъ она восхищалась и всѣмъ и каждому показывала свои башмаки. Бисеръ былъ тогда рѣдкостью; въ 1812 году съ нимъ только что познакомились, и вотъ сестры мои и кузины принялись за эту новую работу. Понравился и Полюшкѣ бисеръ; все проситъ подарить ей хотя ниточку. Получивъ его немного, она съ хохотомъ убѣжала и долго пропадала, когда же вернулась, ее спрашиваютъ, гдѣ была? «Да вотъ, моя Александра Алексѣвна, твои скупыя племянницы дали мнѣ мало бисеру, такъ я вскопала грядку и посѣяла его. Когда взойдетъ и будетъ его много, я имъ и сама не дамъ, а вышью тебѣ платокъ бисеромъ да красные сапожки съ каблуками». Тетка моя была набожна, и передъ образами въ спальнѣ ея всегда горѣли лампады, присмотръ за которыми порученъ былъ Полѣ. Одинъ изъ образовъ изображалъ искушеніе Іисуса Христа діаволомъ, державшимъ въ рукѣ камень. Разъ Поля поставила передъ нимъ лишнюю свѣчу; спрашиваютъ ее: зачѣмъ? «Да вотъ моя Александра Алексѣвна все забываетъ вотъ *Этого*, а все ставитъ свѣчки *Тому*, такъ я за нее и прилѣпила теперь *Этому*; а то пожалуй онъ осердится». Съ нами былъ молодой, бойкій кучеръ Иванъ, понравившійся Полѣ, которая приставала къ теткѣ: «отдай меня за кучера Ивана».—«Пожалуй», отвѣчаетъ тетка, «если онъ тебя возметъ». Побѣжала дурочка на конюшню и, послѣ многихъ объясненій и смѣха, конюхи заложили нѣсколько троекъ съ колокольчиками и бубенцами, усадили Полюшку всю въ лентахъ и цвѣтахъ, набрали молодыхъ дѣвушекъ и парней со скрипками и гудками, съ Иваномъ во главѣ, и повезли невѣсту версты за три въ село, обвезли три раза кругомъ церкви и привезли обратно. Поля осталась вполнѣ довольна и увѣрена, что она повѣнчана съ Иваномъ. По кончинѣ тетки Поля проводила время на ея могилѣ или на крутомъ берегу Дона, гдѣ сядетъ у березовой рощи на обрывъ, спустя съ него ноги, и плачетъ, и воетъ, закрывъ лицо руками. Ее не въ силахъ были вернуть и вынуждены были выстроить ей хатку-сторожку на обрывѣ, изъ опасенія, что она замерзнетъ или свалится въ рѣку. Такъ прожила она года три и умерла на могилѣ тетки, какъ вѣрный сторожъ ея праха.

Живя у родственниковъ то въ Епифанскомъ уѣздѣ, то въ Лебедянскомъ (куда съ нами переселялись на время и кузины Протопоповы) мы, молодежь, человѣкъ 13, вовсе не смущались мыслію, что, можетъ быть, врагъ въ это самое время разоряетъ наше родимое гнѣздо. Но родители наши печалились немало за сыновей своихъ, находившихся подъ вражьей пулей. Къ Святкамъ пріѣхалъ и дядя Иванъ Алексѣевичъ изъ своей Фатежской деревни съ двумя дочерьми, Елисаветой и Ольгой. Елисавета была уже помолвлена за Нѣмца, капитана Фонъ-Шмита. Свадьба была отложена до окончанія войны, а такъ какъ, по понятіямъ того времени, вести переписку невѣстѣ съ женихомъ не считалось строго приличнымъ, то Фонъ-Шмитъ далъ слово невѣстѣ, что она всегда будетъ знать о немъ изъ газетъ, между военными реляціями, и умѣлъ такъ сдѣлать, что она нерѣдко узнавала, что капитанъ Ф. Шмитъ посланъ туда-то, былъ тамъ-то и т. п.

По поводу этихъ такъ весело проведенныхъ Святокъ, припоминаю нашъ переѣздъ изъ Бутырокъ въ Брусланово, глубокой зимой. Такъ какъ семья Протопоповыхъ присоединилась къ намъ, то мы потянулись немалымъ обозомъ. Въ степныхъ губерніяхъ и теперь часто дороги непроѣздны; селенія были тогда рѣдки и, не смотря на то, что караванъ нашъ имѣлъ провожатыхъ изъ тамошнихъ жителей, намъ случилось потерять дорогу, и мы цѣлые сутки провели въ чистомъ полѣ, занесенные снѣгомъ; а какъ лошади не имѣли корма и очень ослабѣли отъ ѣзды по сугробамъ, то рѣшено было послать впередъ тотъ экипажъ, который казался полегче, чтобы прокладывать слѣдъ. И вотъ двѣ сестры мои легли въ свои открытыя сани, закутанныя въ шубы, прямо на постель; ихъ накрыли другой постелью, увязали поверхъ рогожей и веревками, на облучокъ сѣлъ самый смышленный изъ кучеровъ, и онѣ поѣхали впередъ, вальсируя при встрѣчѣ съ громаднымъ сугробомъ и дѣлая круги на одномъ мѣстѣ, чтобы разчистить путь остальнымъ кибиткамъ. Такъ ѣхали мы очень долго, не зная сами гдѣ. Какова же была радость наша, когда уже вечеромъ мелькнулъ огонекъ въ далекѣ! Не болѣе радуется морякъ, увидя, темной ночью, береговой маякъ. Этотъ путеводный огонекъ привелъ насъ, оказалось, къ сосѣдямъ тетки, Хрущовымъ, вокругъ усадьбы которыхъ мы кружились двое сутокъ. Радушные хозяева готовы были принять насъ съ удовольствіемъ; но когда мы прежде всего конечно захотѣли обогрѣться, оказалось это затруднительнымъ: г-жа Хрущова только за сутки разрѣшилась отъ бремени, а потому спальня ея была хорошо натоплена, весь же остальной домъ экономный хозяинъ нашелъ лишнимъ нагрѣвать, расчитывая, что дѣти его, которыхъ было четверо, нагрѣются играя и танцуя, а учитель ихъ удовольствуется своимъ

тулупомъ. Дровъ въ той сторонѣ было мало, хорошо натопить большой домъ дорого, особенно если, какъ въ данномъ случаѣ, окна побиты и заткнуты тряпками; а соломой топить считалось для помѣщика унизительнымъ. Такимъ образомъ мы, горемычныя, должны были остаться въ шубахъ, а старшіе наши пошли въ комнату родильницы, гдѣ съ грѣхомъ пополамъ нашли на чемъ сѣсть и отдохнуть хотя нѣкоторое время. Хозяинъ сталъ угощать насъ домашнимъ оркестромъ, предлагая принять участіе въ пляскѣ его дѣтей, изъ которыхъ старшему было 10 лѣтъ; но мы отказались. Наконецъ, подали ужинъ, къ счастью горячій, такъ какъ приготовленъ онъ былъ для пріѣзжихъ. Хотя намъ всѣмъ хотѣлось чего либо теплаго, но болѣе всѣхъ ужину повидимому радъ былъ учитель, который такъ плотно принялся за него, что съ достовѣрностью можно было предположить о скудости обѣда бывшаго у Хрущовыхъ въ тотъ день. Этотъ учитель, увидя себя въ такомъ большомъ обществѣ дѣвицъ, счелъ нужнымъ украсить себя огромнымъ бѣлымъ галстухомъ, крѣпко накрахмаленнымъ, доходившимъ до верхней части уха. Эта мода называлась à l'anglaise. Галстухъ долженъ былъ подвязываться весьма слабо, служа ящикомъ для нижней части лица; волосы сзади выстригались въ гладь, спереди же оставлялся кокъ похожій на пѣтушій гребень и высоко зачесанный отъ лба къ маковкѣ. Не смотря на наши злоключенія, мы очень забавлялись видомъ этой головы, когда, голодная, она начала усердно работать верхней частью, опуская ее на нижнюю, лежавшую неподвижно въ бѣломъ футлярѣ. У этихъ Хрущовыхъ принуждены мы были провести двое сутокъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и переждать бушевавшую мятель. До тетушки оставалось верстъ сорокъ; но и туда мы не могли доѣхать, не переночевавъ на полпути въ курной избѣ: до такой степени все было занесено снѣгомъ.

Брусланово расположено на высокомъ берегу Дона. Полукруглый балконъ выходилъ изъ гостиной въ садъ или лучше сказать просѣченный дорожками кустарникъ изъ вишенъ, сливъ, тёрна и другихъ плодовыхъ деревъ, растущихъ по Дону безъ всякаго ухода и дающихъ неисчислимое количество ягодъ и плодовъ. Домъ былъ довольно большой съ флигелями и церковью, все деревянное на каменномъ фундаментѣ, что̀ въ Тамбовской губерніи почиталось роскошью по дороговизнѣ строеваго лѣса. Наша семья заняла флигель въ 6—7 комнатъ, въ другомъ поселились Протопоповы; съ утра сходились въ домъ на весь день. Святки собрали сюда же и сосѣдей, и начались разныя затѣи: фанты, гаданья, маскарады. Кузина Марія Протопопова, склонная къ поэзіи, взялась сочинить нѣсколько короткихъ куплетовъ разнообразнаго содержанія, каждый изъ которыхъ имѣлъ цѣлью опре-

дѣлить судьбу того, кому онъ достанется. Одна изъ сестеръ была одѣта Пандорой, въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ полузавѣшеннымъ вуалью лицомъ; на головѣ зеленый вѣнокъ, сдерживавшій вуаль; чрезъ плечо, на зеленой лентѣ висѣлъ ящикъ съ сочиненными стихами на отдѣльныхъ билетахъ, которыя наша вѣщательница и раздавала каждому, какой попадется. Другая, одѣтая «Гебой», подносила каждому желающему нектаръ Олимпа въ видѣ оршада и лимонада въ серебряномъ кувшинѣ. Третья была Весталкой, хранила священный огонь въ жаровнѣ, и такъ далѣе. Меня нарядили въ казацкую курточку съ галуномъ, такую же шапку, и мнѣ это такъ нравилось, что и теперь, чрезъ полвѣка, мерещится мнѣ, какъ я въ нарядѣ этомъ стою на стулѣ и стараюсь выдѣлывать казачка, подражая горничнымъ нашимъ, принимавшимъ участіе въ маскарадѣ.

Къ Пасхѣ всѣ мы три родственныя семьи поѣхали къ дядѣ Ивану Алексѣевичу въ его имѣніе Желень, Фатежскаго уѣзда, гдѣ и прожили не разставаясь до Іюня 1813 года, когда отецъ мой отправился одинъ въ свою Смоленскую губернію, чтобы посмотрѣть что̀ сталось съ нашимъ Покровскимъ; но, найдя дороги еще небезопасными, онъ вернулся обратно, и мы лишь поздней осенью перебрались на старое пепелище, гдѣ нашли запустѣнье какъ въ домѣ, такъ и въ церкви и въ службахъ. Все что̀ могло быть взято, пропало; окна выбиты, полы разобраны, мебель переломана, фортепьяно по косточкамъ расхищено, даже все желѣзо изъ печей выбрано. Тутъ мы узнали, что едва выѣхали мы изъ усадьбы, какъ крестьяне начали сходиться къ дому, а дворовые, напротивъ, разбѣжались. Захвативъ свои пожитки, попрятались они въ высокую и густую рожь, большею частію остававшуюся еще на корню. Съ ними спряталась и жена управителя съ дѣтьми, что̀ помѣшало Поляку-управителю выдать бѣглецовъ непріятелю, какъ онъ намѣревался. Но ранѣе появленія Французовъ разбушевались крестьяне, требуя отъ Гульчинскаго вина, такъ какъ у отца былъ небольшой винокуренный заводъ. Гульчинскій струсилъ, отворилъ подвалъ, самъ пилъ съ крестьянами, пока они всѣ не свалились съ ногъ и не полегли въ повалку, а выспавшись пошли грабить домъ, ломать и забирать, что̀ могли. Въ дальнемъ уголкѣ дома нашли они древняго старичка Дмитрія Герасимовича Морошкина, во время оно бывшаго семинаристомъ и учившаго моего отца: буки азъ-ба. Мы звали его дѣдушкой. Онъ ходилъ въ старинномъ платьѣ, носилъ косичку изъ сѣдыхъ волосъ съ чернымъ бантикомъ на концѣ, а на плечахъ овчинный тулупъ крытый голубой китайкой, имѣлъ свою комнату во флигелѣ и мальчика для прислуги, а обѣдалъ съ нами. Мы его всѣ уважали, такъ что не знавшіе нашихъ отношеній принимали его за на-

шего дѣйствительнаго дѣда. Морошкинъ началъ уговаривать крестьянъ усмириться; но они, вообразивъ, что онъ человѣкъ денежный, стали его бить и свалили съ береговой кручи въ крапиву, гдѣ онъ и пролежалъ трое сутокъ. Тогда Французы еще не появлялись и только высылали передовыхъ набирать провіантъ, гдѣ могли, подъ начальствомъ офицера, который нашелъ домъ нашъ уже ограбленнымъ, окна выбитыми и попалъ какъ разъ въ ту минуту, когда крестьяне собрались домъ поджечь. На одной изъ стѣнъ нашихъ комнатъ уцѣлѣлъ какъ-то портретъ старшей сестры моей, чрезвычайно симпатичной наружности. Выраженіе лица ея поразило молодого офицера своею пріятностію; онъ объявилъ себя родственникомъ нашимъ и остановилъ грабежъ, пригрозивъ, что разстрѣляетъ всякаго ослушника. Крестьяне послѣ этого разбѣжались, а онъ увезъ съ собою портретъ. Все это происходило дня за три до 15-го Августа. Но вотъ наступило и оно. Священникъ села, Петръ Степановичъ Бѣлогорскій, видя, что въ село наѣзжаютъ лишь партіи казаковъ или мелкіе отряды непріятеля, главная же армія не показывается, рѣшился, ради праздника Успенья, служить обѣдню. Церковь однако не привлекла молящихся своимъ благовѣстомъ. Уже пропѣли Херувимскую, и священникъ съ дьякономъ Іаковомъ приступили къ большому выносу, стараясь не обращать вниманія на приближавшійся шумъ и топотъ, какъ вдругъ главныя западныя двери съ шумомъ отворились, и изъ нихъ посыпались Французскіе солдаты въ киверахъ и полной амуниціи. «Вы не можете представить себѣ моего положенія!» разсказывалъ намъ впослѣдствіи отецъ Петръ. «Боюсь выйти изъ алтаря; думаю, убьютъ, вырвутъ потиръ изъ рукъ; поджилки, руки, ноги такъ и ходятъ, такъ и ходятъ отъ страха; наконецъ, рѣшаюсь, говорю дьякону: выйдемъ; что̀ Богу угодно, пусть то и будетъ! Вышли мы оба съ сосудами, а церковь вмѣсто обыкновенныхъ прихожанъ полнехонька солдатами съ ружьями; но всѣ стоятъ смирно. Начинаю поминать Государя Александра Павловича; лишь вымолвилъ имя, непріятели, какъ видно, поняли и мгновенно крикнули, какъ одинъ человѣкъ: «Наполеонъ, Наполеонъ!» Нечего дѣлать, грѣшный человѣкъ помянулъ я тутъ и Наполеона; они, услыша это, закричали: «виватъ, виватъ»! Затѣмъ успокоились и стояли чинно до конца службы и по отпустѣ, когда я благословилъ предстоящихъ, вышли изъ храма вслѣдъ за своимъ начальникомъ; а мы давай Богъ ноги, схватили что̀ поцѣннѣе изъ утвари да скорѣе попрятались въ рожь, гдѣ уже нашли свои семьи, а церковь заперли, оставивъ на произволъ судьбы. Ночью, видя, что все тихо, мы снова къ ней прокрались, нашли все въ цѣлости и, какъ могли, попрятали церковныя вещи, что̀ подъ полъ, подъ каменныя плиты, что̀ въ слуховыя окна. Во ржи проси-

дѣли мы цѣлую недѣлю, мѣняя мѣста́, питаясь зернами, растирая колосья въ ладо́няхъ. Узнавъ, что непріятель двинулся далѣе, мы рѣшились выйти и нашли наши дома ограбленными, церковь же въ цѣлости». До самой смерти отецъ Петръ совѣстился, что вынужденъ былъ помянуть Наполеона и только утѣшался соображеніемъ, что иначе, можетъ быть, не уцѣлѣлъ бы храмъ.—По уходѣ великой арміи къ Москвѣ, остались поля и луга вытоптанными, строенія разграбленными и пустыми; въ такомъ видѣ и нашли мы ихъ, возвратясь. Еще въ Іюнѣ 1813 года, когда отецъ пріѣзжалъ одинъ, поля были не паханы, а крестьяне въ отлучкѣ. Гульчинскій, подъ предлогомъ необходимости показывать дорогу врагу (къ чему его, какъ онъ говорилъ, принуждали) бросилъ жену и дѣтей и ушелъ со своей любовницей, сдѣлавшейся маркитанткой у враговъ и затѣмъ пропавшей; онъ же, узнавъ, что жена его и дѣти пользуются по прежнему спокойной жизнью у насъ, тоже вернулся и сложилъ все свое двусмысленное поведеніе на необходимость повиноваться силѣ. Батюшка тотчасъ объявилъ крестьянамъ, что онъ взыскивать съ нихъ и наказывать ихъ не будетъ, и они мало-по малу начали возвращаться; но поля остались незасѣянными, и намъ трудно было извернуться. Добрые родные наши, сколько могли, помогли намъ; но и они испытали на себѣ бѣдствія того года, хотя непріятель у нихъ и не былъ; а потому мы принуждены были заложить имѣніе въ банкъ, что́ и положило начало задолженности нашей семьи, отъ которой болѣе не могли мы освободиться. До 1812-го года жили мы почти роскошно, воспитаніе всѣхъ насъ стоило немало. Кромѣ того въ нашемъ же домѣ получили безвозмездно воспитаніе и образованіе двѣ дѣвицы хорошихъ семействъ, но безъ средствъ къ жизни, упомянутая уже мною Елисавета Яковлевна Ганичева и Екатерина Алексѣевна Борисова. Родители мои имѣли на столько средствъ, что купили хорошій домъ въ Смоленскѣ, куда, также какъ и въ Москву, матушка съ старшими дочерьми ѣздила для свиданья съ родными. Но во время взятія Смоленска Французами, нашъ домъ сгорѣлъ до тла, и въ немъ погибъ братъ нашей няни Петръ Семеновичъ, пріѣхавшій съ родителями моими изъ Сибири.

Послѣ 1812-го года мы уже не были въ состояніи часто ѣздить въ Москву, а родные наши, тамъ жившіе, разбрелись въ разныя стороны. Бывшій домъ бабки моей, весь обгорѣлый, былъ проданъ сыновьями ея, такъ же какъ и въ конецъ разоренное подмосковное имѣніе ея, Опалиха. Братьевъ нашихъ мы не видали до возвращенія войскъ изъ Парижа; но и тогда старшій Сергѣй, назначенный въ западныя губерніи для обученія рекрутъ, не заглянулъ домой. Алексѣй, оставаясь адъютантомъ при Репнинѣ, переходилъ съ

нимъ за Рейнъ и обратно, а по заключеніи мира былъ командированъ въ Молдавію содержать карантинную цѣпь по случаю открывшейся тамъ чумы. Письма его доходили къ намъ проколотыя и прокуренныя, мы же, получивъ, напитывали ихъ хлоромъ, а по прочтеніи мыли руки уксусомъ. Всѣхъ братьевъ нашихъ, родныхъ и двоюродныхъ, было на войнѣ восемь человѣкъ и, не смотря на участіе ихъ въ самыхъ жаркихъ битвахъ, всѣ они, по особому какому-то счастью, остались живы, тогда какъ подъ Бородинымъ, напримѣръ, рядомъ съ ними, товарищи ихъ, два брата Тучковы, были оба убиты на повалъ.

Съ возвращенія нашего домой, началось мое и сестры Елены (немного старше меня) образованіе, порученное родителями нашими старшей дочери Надеждѣ Сергѣевнѣ, посвятившей всю себя нашему воспитанію. Другія сестры также принимали участіе въ этомъ, но лишь во время отсутствія старшей, что̀ бывало рѣдко, а потому я привыкла видѣть въ ней вторую мать и благодѣтельницу. Отецъ нашъ до того времени не былъ еще совершенно слѣпъ. Случалось, онъ поставитъ меня на стулъ противъ свѣта и старается разглядѣть черты мои; могъ онъ еще читать немного, но больше слушалъ чтеніе своего слуги Сергѣя Зотова, бывшаго при немъ неотлучно въ должности секретаря. По смерти его стали ему читать и писать дочери, болѣе всѣхъ Елена, почти младшая; но въ серьезныхъ случаяхъ батюшка болѣе всѣхъ довѣрялъ старшей Надеждѣ, и тогда въ занятіяхъ со мною замѣняли ее другія сестры. Въ свою очередь, матушка не любила выѣзжать никуда безъ той же старшей дочери, которая, кромѣ того, завѣдывала и лѣченіемъ больныхъ приходящихъ крестьянъ, такъ что время ея было постоянно до крайности занято.

Не имѣя уже возможности ѣздить въ Москву, матушка съ дочерьми, въ первые годы послѣ 1812 г. живала иногда по зимамъ въ губернскомъ городѣ Смоленскѣ, нанимая тамъ домъ. У насъ составился хорошій кругъ знакомыхъ. Я еще была маленькой дѣвочкой, когда участвовала въ этихъ поѣздкахъ. Помню, разъ взяли меня на танцовальный вечеръ къ старинной знакомой нашего семейства Марьѣ Ивановнѣ Пассекъ; на меня, семилѣтнюю, такъ подѣйствовала хорошая музыка, что я расплясалась неудержимо, особенно при звукахъ Русской пѣсни, игранной для пляски двухъ дѣвицъ, хорошо плясавшихъ. Моя развязность очень понравилась толпѣ мущинъ, которые меня подхватили и унесли на рукахъ въ карточную, гдѣ и накормили конфетами. Няня съ трудомъ отыскала меня, чтобы уложить спать. Подобные случаи бывали однако рѣдко: меня обыкновенно укладывали въ постель рано, оставляя съ нянею дома. Г-жа Пассекъ жила обыкновенно въ 40 верстахъ отъ нашего Покровскаго съ двумя дочерьми.

Съ одной изъ нихъ Елисаветой Θедоровной, бывшей въ замужствѣ за Григоріемъ Михайловичемъ Энгельгартомъ, была очень дружна моя мать. Дѣти Елисаветы Θедоровны были ровесники мнѣ и сестрѣ Еленѣ Сергѣевнѣ. Припоминаю еще одинъ вечеръ. Мнѣ было около 10 лѣтъ. Давался балъ въ домѣ дворянскаго собранія. Мать со старшими дочерьми отправились закостюмированныя, такъ какъ это былъ bal masqué. Матушкѣ было тогда лѣтъ 45, но она была все еще хороша, въ полномъ смыслѣ belle-femme; къ ней чрезвычайно шелъ бѣлый атласный сарафанъ съ золотымъ галуномъ и блестящими пуговицами изъ крупныхъ розъ (Сибирскій горный хрусталь), также какъ и кокошникъ расшитый жемчугомъ и золотомъ съ длинной до самаго пола фатой изъ бѣлаго же пикинета, тоже шелковаго, вышитаго (это то, что̀ нынѣ называется тюлемъ). Она была замѣчательно красива въ этомъ нарядѣ, чистый типъ Русской боярыни. Какъ только онѣ уѣхали, отецъ мой, до глубокой старости любившій жену безумно, захотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ, нарядившись старымъ Евреемъ, въ ермолкѣ, лапсердакѣ съ длинными полами и, подходящимъ образомъ нарядивъ меня, взялъ меня поводырькомъ слѣпаго. Такъ мы и явились въ залу собранія. Но въ дверяхъ цѣлая стѣна черныхъ фраковъ и мундировъ преградила намъ путь. Не видя возможности двинуться далѣе, я не знала что̀ мнѣ дѣлать. Къ счастью, примѣтила я, въ нѣкоторомъ разстояніи, знакомаго, пожилаго господина Богдана Николаевича Воронца, стоявшаго въ толпѣ. Воронецъ меня всегда ласкалъ, привозилъ конфетъ, а я его звала кумомъ. И тутъ я закричала, что̀ было силы: «Кумъ, кумъ, подите сюда!» Онъ узналъ мой голосъ и, подойдя, вывелъ насъ на просторъ. Всѣ знакомые встрѣтили отца радостно, а меня усадили къ двумъ сестрамъ Лярскимъ, однихъ со мною лѣтъ (третья сестра ихъ, Анна Ильинишна, считалась красавицей; но ее портило слишкомъ длинное горло, какимъ были одарены и остальные члены этого семейства, почему оно и походило на стадо гусей). Отецъ въ свое время любилъ играть въ карты; но, замѣтивъ, что слѣпотой его часто пользуются въ ущербъ ему, онъ отказался отъ игры. Нравъ его отъ природы былъ ровный, веселый, и уже старикомъ ему случалось принимать участіе въ увеселеніяхъ молодежи. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ съ удовольствіемъ руководили своего слѣпаго кавалера, если ему приходила фантазія протанцовать съ ними. У насъ также бывали танцовальные вечера, собиравшіе многочисленный кругъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ была большая семья Бородуличевыхъ. Одна изъ дочерей была настолько же некрасива, насколько была хороша ея меньшая сестра. Эта бѣдная дурнушка, просидѣвъ весь вечеръ въ углу у печки, не смотря на трудъ приложенный ею къ своему наряду, при отъѣздѣ

сказала во всеуслышаніе: «Благодарю васъ, Екатерина Яковлевна, за угощеніе; я имѣла удовольствіе порядочно у васъ выспаться». Съ тѣхъ поръ она перестала выѣзжать, потому что вѣсть объ ея выходкѣ разнеслась по городу, и никто окончательно не сталъ ее приглашать.

На девятомъ году стала я учиться на клавикордахъ (нынче фортепьяно) у сестры Елены, которая играла хорошо. Она и старшія сестры брали уроки у довольно талантливаго музыканта изъ дворовыхъ, крѣпостнаго человѣка сосѣда нашего Хлюстина, изъ села Мархоткина. Онъ же слѣдилъ и за моими уроками. Въ товарищи мнѣ взяли небогатую сосѣдку Елисавету Константиновну Эйсмондъ, дочь управляющаго того же богатаго сосѣда Хлюстина. Лиза много лѣтъ жила у насъ, безплатно пользуясь всѣмъ, а также и уроками вмѣстѣ со мною. Она училась хорошо и вышла вполнѣ порядочной особой, но во мнѣ симпатіи не возбуждала своимъ насмѣшливымъ характеромъ. Она меня звала «гугнявкой», потому что я не ясно выговаривала нѣкоторыя слова, а лѣтъ въ 11 даже совсѣмъ онѣмѣла на нѣкоторое время.

Около того же времени познакомились мы съ семьей Якова Ѳедоровича Бунакова, съ его сыномъ и девятью дочерьми. Въ старину ярмарки служили сигналами къ увеселеніямъ, и во время Вяземской ярмарки, называвшейся «горкой», въ числѣ другихъ съѣзжавшихся дворянъ пріѣзжала наша семья и проживала въ имѣніи Бунаковыхъ «Азаровѣ», въ 5—6 верстахъ отъ Вязьмы. Изъ этой небогатой семьи старшая дочь, Елисавета Яковлевна, въ 1812-мъ году, была уже замужемъ за Потуловымъ. Вторая, Елена, была очень хороша собою. Во время отечественной войны нѣкто Слуцкій, перекрестъ изъ Евреевъ, крестникъ Государя, взялъ какую-то поставку на войско, нажилъ милліонное состояніе и женился на Еленѣ Бунако́вой. Деньги хранилъ онъ въ ящикахъ, обитыхъ листами золота для червонцевъ и листами серебра для серебряныхъ монетъ, а мѣдью для мѣдныхъ. Онъ купилъ большое имѣніе на имя жены и наряжалъ ее въ бархатъ и соболи. Онъ же помогъ нажиться третьему зятю Бунаковыхъ, Керну, предоставивъ ему поставку холста на армію. Бунаковы беззастѣнчиво говорили всѣмъ, кто хотѣлъ ихъ слушать: «Представьте, ma chère, онъ только по одной копѣечкѣ отъ каждаго аршина откладываетъ; что̀ значитъ для казны одна копѣйка?» И вотъ изъ этихъ-то копѣечекъ составилось у Керна имѣніе въ 300 душъ въ Сычевскомъ уѣздѣ, а у Потулова въ 400 душъ. Старики Бунаковы продолжали еще жить довольно стѣсненно, и когда случалось сестрамъ моимъ бывать у нихъ во время ярмарки, то остальныя дочери Бунаковы пользовались лисьими шубами ихъ для катанья, въ свои же заячьи шубы закутывали своихъ гостей. Не совсѣмъ выгодный обмѣнъ! Эта семья пріѣзжала

иногда гостить къ намъ въ Покровское. Бунакова сынъ Өедоръ подружился съ братомъ моимъ Яковомъ, сталъ ухаживать за сестрой Екатериной Сергѣевной и, возбудивъ въ ней интересъ къ себѣ, бросилъ, промѣнявъ ее на третью сестру мою, Елисавету Сергѣевну, что̀ чуть было не повело къ семейнымъ непріятностямъ. Разрѣшилось все довольно грустно: обѣ сестры, отъ природы нервныя, захворали такъ, что матушка рѣшилась везти ихъ на Липецкія воды, которыя тогда уже были извѣстны цѣлебными качествами, а такъ какъ я въ то время вдругъ онѣмѣла, то взяли и меня, а со мною вмѣстѣ и подругу мою Лизу Эйсмондъ. Сказанный Бунаковъ прозвалъ насъ клубочкомъ съ ниточкой, потому что мы были неразлучны.

И вотъ мы снова отправились въ степныя губерніи. Это было въ 1819 году; отецъ нашъ, совершенно слѣпой, проводилъ однако насъ до Лебедяни, гдѣ и оставался впродолженіе всего нашего лѣченія ваннами. Тогда въ Липецкѣ лучшимъ медикомъ былъ Вандеръ, къ которому и обратились за помощью. Онъ, открывъ мнѣ ротъ, сказалъ: «ничего!», схватилъ лежавшіе на окнѣ ножницы и прямо ко мнѣ въ ротъ. Я закричала отчаянно, отчего упавшій язычокъ поднялся, и нѣмота моя исчезла. Съ тѣхъ поръ всѣ находятъ, что «ma langue est bien pendue». Все лѣто, по окончаніи лѣчебнаго курса, проѣздили мы по роднымъ, изъ которыхъ многіе уже сошли съ земнаго поприща. Доро̀гой мы съ Лизой не переставали учиться. Въ большой дорожной каретѣ нашей всѣ сумки, числомъ 8, въ дверцахъ и по бокамъ были набиты тетрадями и книгами. Старшая сестра задастъ намъ уроки изъ исторіи, географіи и миѳологіи (теперь совсѣмъ заброшенной, тогда же обязательной для порядочно-образованной особы), и мы учимъ ихъ во время пути; а такъ какъ мы ѣздили на своихъ лошадяхъ, то должны были, во время обѣда, давать имъ роздыхъ часа на три, и этимъ пользовалась сестра, чтобы спросить у насъ заданное, усадить писать переводы или подъ диктовку, а также ариѳметическія задачи, такъ что и доро̀гой намъ некогда было глазѣть по сторонамъ. На обратномъ пути близъ Брянска нашли мы Оку въ разливѣ. Долго переправлялись мы на противуположный низкій берегъ, такъ что солнце уже зашло, когда мы на него ступили, и хотя воды на немъ не было, но тины и песку нанесло такъ много, что весь огромный лугъ, шириною около версты, былъ ими покрытъ вмѣстѣ съ тысячами лягушекъ, которыя ежеминутно выскакивали изъ-подъ нашихъ ногъ. Экипажъ остался назади отыскивать болѣе удобнаго переѣзда, мы же пошли впередъ, но потерялись и, перепуганные темнотой ночи, множествомъ гадовъ и оглушительнымъ концертомъ лягушечьихъ голосовъ, спѣшили все впередъ и впередъ, и такъ дошли до знаменитаго тогда глухаго Брянскаго лѣса.

Высокія ели и сосны обступили насъ, и сдѣлалось еще темнѣе. Вдали раздаются удары топора: это крадутъ гдѣ-нибудь казенное дерево, и эхо далеко разноситъ звукъ. Тропу мы чувствуемъ только подъ ногой, потому что она песчана; а чуть свернешь съ нея, иглы, хвои тотчасъ дадутъ знать, что сбились съ пути; глаза же не зги не видятъ и уши не разберутъ, съ какой стороны доносится гулъ отъ колесъ нашихъ экипажей и звуковъ топора. Такъ шли мы одна за другой около часу и въ полголоса окликали одна другую, какъ вдругъ крикъ. Одна изъ насъ бросается въ сторону и потомъ падаетъ на другихъ. «Что съ тобой, Ленушка?» —«Воры, воры! Съ меня стащили платокъ». Воромъ оказалась развѣсистая ель, но съ перепугу мы платка искать не стали и пустились дальше. Наконецъ, послѣ долгаго блужданья, увидѣли мы огонь; подходимъ: это сторожка, постоянное жительство 5—6 солдатъ, караулящихъ казенные Брянскіе лѣса, прославившіеся въ народѣ какъ разбоями, такъ и преданіями о лѣшихъ, русалкахъ и т. п. Небольшая изба, полная дыма отъ простаго табаку-махорки, со стѣнами увѣшенными ружьями и съ полудюжиной солдатъ, была намъ единственнымъ убѣжищемъ въ эту глухую ночь, среди темнаго бора. Не смотря на страхъ нашъ, измученныя, усталыя мы все же заснули, прикорнувъ гдѣ могли, и на завтра, чуть свѣтъ, разыскавъ свою карету, а съ нею и прислугу, выбрались на торную дорогу.

Но я опять должна вернуться назадъ.

Въ 1818 году матушка съ старшими дочерьми ѣздила въ Москву повидаться съ родными. До сихъ поръ я упоминала родныхъ нашихъ со стороны дѣда, Алексѣя Егоровича Николева; со стороны же жены его, бабки нашей Марьи Ивановны Толстой, было тоже немало родни. Ихъ я мало помню. Знаю, что у бабки моей было нѣсколько сестеръ и братьевъ. Былъ старичекъ Сергѣй Васильевичъ Толстой, препочтенной наружности, всегда пенявшій намъ, если мы не называли его дядею или дѣдомъ, доказывая, что онъ намъ двоюродный дѣдъ. Дочь его Прасковья Сергѣевна вышла за князя Александра Щербатова, завѣдывавшаго въ Москвѣ дворцами и многими казенными заведеніями. У нихъ былъ тамъ большой каменный домъ, а въ Малороссіи имѣніе въ 2000 душъ. Въ числѣ считавшихся нашими родственниками былъ сверстникъ мой князь Одоевскій Владиміръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи писавшій подъ псевдонимомъ «Дѣдушки Иринея», къ тому же хорошій музыкантъ. Кузенами доводились намъ дѣти Алексѣя Грибоѣдова. Мы видались съ дочерьми его Елисаветой Алексѣевной, впослѣдствіи вышедшей за фельдмаршала князя Паскевича, и Софьей Алексѣевной, впослѣдствіи Римской-Корсаковой; кузена же ихъ, извѣстнаго писателя, мы не видали, такъ какъ онъ былъ на Кавказѣ и въ Персіи, гдѣ и

кончилъ трагически. Всѣхъ этихъ родственниковъ мы видали, пріѣзжая въ Москву, что̀ послѣ 1812-го года случалось довольно рѣдко, а потому въ короткихъ связяхъ съ ними быть не могли, хотя они насъ не чуждались. Одна лишь, тоже родная намъ, княгиня Хилкова знать насъ, деревенскую родню, не хотѣла, хотя принимала на родственной ногѣ брата Якова, когда по времени онъ женился и служилъ въ Москвѣ совѣтникомъ; князь же Хованскій Николай Николаевичъ, бывъ въ Смоленскѣ губернаторомъ, радушно принималъ насъ, какъ близкихъ по крови.

Итакъ въ 1818 году матушка поѣхала въ Москву, въ то время какъ великій князь Николай Павловичъ былъ тамъ съ молодой супругой, готовившейся разрѣшиться первенцемъ. Узнавъ однажды, что великій князь гуляетъ на Прѣсненскихъ прудахъ, матушка съ дочерьми отправилась туда; но какъ деревенскія жительницы и любительницы природы, онѣ такъ заинтересовались огромной, очень старой ивой съ желѣзнымъ обручемъ, которымъ сдерживалось готовое распасться дерево, что пропустили минуту, когда проходила мимо нихъ царственная чета.

Слѣдующую зиму провели мы въ Смоленскѣ, нанимая домъ священника на Козловской горѣ, гдѣ родители мои давали вечера, о которыхъ я упоминала; но я въ нихъ не участвовала и, оставаясь въ своей комнатѣ, посылала чрезъ окна воздушные поцѣлуи сосѣдкѣ, черезъ улицу, Еленѣ Павловнѣ Соколовской (впослѣдствіи Лыкошиной), въ то время дѣвочкѣ старѣе меня двумя годами и которую тоже никуда не вывозили. Отецъ ея Павелъ Егоровичъ вторично женился на Аннѣ Андреевнѣ Реадъ. Познакомившись между собою помимо старшихъ, мы наконецъ получили разрѣшеніе видѣться, и я съ Лизой, бывая у Елены Соколовской, играла въ дурочки, причемъ оставшаяся въ дурахъ должна была носить на головѣ ложку жидкаго варенья въ бумагѣ, такъ чтобы не замараться и не пролить; бѣгали осматривать садъ при домѣ, увязая въ сугробахъ рыхлаго снѣга, и возвращались съ ношами конфетъ. Семейство Реадъ было въ числѣ нашихъ знакомыхъ и принадлежало къ лучшему губернскому обществу. Сестра Анны Андреевны, Екатерина вышла потомъ за Радванскаго; братья ихъ часто бывали у насъ.

Въ 1820-мъ году на лѣто въ Покровское съѣхались къ намъ всѣ Протопоповы съ Соничкою и дядя Алексѣй Алексѣевичъ, который устроилъ себѣ дорожный экипажъ, тогда нигдѣ невиданный. На предлинныхъ дрогахъ укрѣпилъ онъ небольшой верхъ по самой срединѣ. Эта крышка могла по произволу поворачиваться во всѣ стороны, когда путешественникъ пожелаетъ укрыться отъ вѣтра, солнца или дождя. Все это походило на монашескій клобукъ на двухъ палкахъ. Дядя былъ

имъ очень доволенъ, сдѣлавъ въ немъ благополучно около тысячи верстъ на одной лошади. Степныхъ жителей очень занимало искать грибовъ въ нашемъ заказномъ лѣсу, гдѣ ихъ бывало несмѣтное количество. Съ ранняго утра отправлялись въ походъ, а по возвращеніи принимались сортировать, отдѣляя годные грибы отъ негодныхъ; потому что гости наши не знали въ нихъ толку и набирали всѣ, какіе попадались: въ степныхъ губерніяхъ грибы рѣдкость. У насъ все лѣто жизнь кипѣла ключемъ: съѣзжались сосѣди, устраивались пикники и разныя увеселенія.

Какъ сестра Елена, такъ и я, продолжали брать уроки музыки у Финогена, двороваго человѣка сосѣда нашего Хлюстина, купившаго большое имѣніе Шепелева и страстно любившаго музыку. Онъ нанялъ Итальянца Тоди для преподаванія и сформировалъ порядочный хоръ пѣвчихъ и квартетъ скрипокъ; братъ же его, жившій верстахъ въ 70, завелъ духовую музыку въ 20 человѣкъ. Финогенъ пріѣзжалъ къ намъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ, занимался съ каждой по два часа и получалъ по два рубля за каждый пріѣздъ. Ко всякому празднику, въ семействѣ нашемъ или Хлюстина, мы выучивали по сонатѣ или другой большой пьесѣ Моцарта или другаго извѣстнаго композитора, и ѣздили съигрываться съ акомпанементомъ оркестра; иногда Хлюстинъ привозилъ къ намъ свою музыку и, какъ любитель и знатокъ, руководилъ нами, такъ, что могу сказать, я бòльшую часть своего времени проводила за роялью, замѣнившею прежніе клавикорды. Все мое время было посвящено музыкѣ кромѣ уроковъ Французскаго языка и по другимъ предметамъ у сестры Надежды, занимавшейся мною съ 7 часовъ утра до 12 и отъ трехъ до шести послѣ обѣда, такъ что для прогулокъ или какой либо ручной работы почти не оставалось времени. Такъ продолжалось до 19-лѣтняго моего возраста.

Сестра Елена, кромѣ музыки, занималась и пѣніемъ. Итальянецъ Тоди, вѣроятно изъ своихъ выгодъ, увѣрилъ родителей нашихъ, что у ней хорошія способности. Она пѣла при Ѳедорѣ Яковлевичѣ Бунаковѣ, разсыпавшемся въ комплиментахъ по этому поводу. Чрезъ нѣкоторое время пріѣхали сестры Бунаковы и, говоря, что слышали отъ брата похвалы пѣнію Елены Сергѣевны, просили ее пѣть и когда сестра, ничего не подозрѣвая, запѣла, онѣ расхохотались ей въ лицо и, бросившись ее обнимать, будто по дружбѣ сообщили, что братъ нашелъ ея пѣніе не лучше писка кошки, которой наступили на хвостъ. Послѣ этого открытія всякое поползновеніе упражняться въ пѣніи кончилось.

Что̀ касается Финогена, то это былъ ученикъ Штейбельта, потомъ Фильда, которые оба его очень любили и развили въ немъ не только страсть къ музыкѣ, но и къ серьезному чтенію. Онъ хорошо говорилъ по-итальянски, по-французски и по-нѣмецки и прекрасно игралъ. Тушѐ у него было какъ бы бархатное. Занимался онъ мною очень добросовѣстно и никогда не выходилъ изъ терпѣнія, хотя я часто лѣнилась, и только повторялъ: «еще, еще, еще», пока я не съиграю какъ слѣдуетъ. Участь его была жалкая. Сынъ повара и самъ крѣпостной человѣкъ, отъ природы неглупый и съ дарованіями, онъ очень тяготился своимъ положеніемъ межеумка. Не принятый въ общество людей болѣе развитыхъ, которые по понятіямъ того времени чуждались плебеевъ, и уйдя далеко впередъ своихъ собратьевъ дворовыхъ, онъ жилъ въ одиночествѣ, удаляясь въ свою комнату, при первой возможности. Дворовыя дѣвушки, зная, что у него порядочные заработки, имѣли каждая на него виды и осаждали его. Любитель чтенія, онъ принужденъ былъ каждый разъ просить у своей барыни, Натальи Васильевны Хлюстиной, ключъ отъ библіотеки, что̀ его стѣсняло, и онъ сталъ таскать ключъ потихоньку, послѣ чего книгъ ему не стали давать. Между тѣмъ Хлюстинъ рѣшилъ дать ему вольную; но, написавъ бумагу, отдалъ ее на храненіе своему домашнему врачу Фриденталю, жившему у Хлюстина болѣе 20 лѣтъ; тотъ, изъ угожденія г-жѣ Хлюстиной отказывалъ Финогену, когда тотъ приходилъ за полученіемъ документа, выдать его. Финогенъ рѣшился вольную украсть и, выждавъ время, въ отсутствіи хозяевъ, подобралъ ключъ, но его поймали. Начались допросы и судъ, и онъ долженъ былъ внести за себя выкупъ, на что̀ ушли всѣ его заработки (5000 ассигнаціями). Но, считая себя обезчещеннымъ, онъ сталъ пить и умеръ въ Москвѣ почти нищимъ. Живо помню мое участіе въ концертахъ, которыми Финогенъ дирижировалъ очень хорошо, играя самъ на разныхъ инструментахъ. Случалось мнѣ не разъ играть съ двумя оркестрами и хоромъ пѣвчихъ. Эти стоя̀тъ ближе къ роялю, инструментальный оркестръ въ смежной комнатѣ, а духовой за окномъ въ саду. Такъ играла я «Сотвореніе Міра» Гайдна, Моцарта, Генделя и другихъ. Кто не испробовалъ самъ, не можетъ понять, какое высокое удовольствіе доставляетъ подобная музыка. Играть съ оркестромъ даже легче, чѣмъ одной; лишь бы не терять такта. Пока пьесу заучиваешь, она можетъ и прискучить; сядешь участвовать въ концертѣ совсѣмъ не въ духѣ, вяло, неохотно, и вдругъ, о сюрпризъ! При первомъ ударѣ уже чувствуется совсѣмъ другое: сердце встрепенется, руки сами собой бѣгаютъ по клавишамъ чудно, весело, всѣ труды забыты. Сестра Елена, старѣе меня нѣсколькими годами, еще долѣе меня занималась музыкой; но она любила

больше dolce и andante, разныя нѣжности, я же, напротивъ, фугу. Тогда подобная игра больше требовалась, и я навсегда осталась съ сильнымъ туше́. Случалось мнѣ играть въ четыре руки съ сестрою, и она выводила меня изъ терпѣнія своими dolando, а я ее своимъ смѣхомъ. Разъ играли мы съ ней, при большомъ обществѣ, пьесу Гуммеля. Вдругъ она теряется, конфузится; я ей шепнула: «Prenez courage; mieux que toutes les autres!» Она разсмѣялась, и все сошло благополучно. На это навело меня воспоминаніе объ одномъ случаѣ съ нашими знакомыми княжнами Соколинскими. Бабушка ихъ, Каховская, нарядила ихъ на балъ, покрывъ большими пестрыми букетами крупныхъ цвѣтовъ въ такомъ количествѣ, что онѣ казались ходячими комнатами цвѣтовъ. Онѣ сконфуженно сидятъ и боятся танцовать. Бабушка подходитъ и громко говоритъ: «Qu'avez vous, princesses? Croyez-moi, vous êtes mieux que toutes les autres».

У матушки была крестница, дочь священника, вышедшая за чиновника Лызлова въ городъ Духовщину. Мужъ умеръ, оставя ее въ бѣдности съ пятью дѣтьми. Пріѣхала она къ намъ за помощью. Матушка замѣтила ей, что она однако въ бархатномъ платьѣ. «Помилуйте», отвѣчаетъ, «это не болѣе какъ старая ряса моего отца, гнилая до такой степени, что никто за нее ничего не даетъ; свои же платья, даже ситцевыя, я продала». Матушка обратилась къ бездѣтнымъ сосѣдямъ Хлюстинымъ, которые и взяли троихъ дѣтей, воспитали ихъ и дали порядочное образованіе. Они также учились музыкѣ и языкамъ. Младшая дѣвочка Лызловой была взята въ домъ другой нашей сосѣдки, генеральши Голубцовой, такъ что при матери остался только старшій сынъ 18 лѣтъ, записанный на службу писцомъ.

Война 1812-го года мелкопомѣстныхъ дворянъ въ конецъ разорила. Нѣкоторые изъ нихъ, поддерживавшіе до того времени знакомство съ нами, совсѣмъ отъ насъ отстали. Наша земля прилегала частью къ землѣ удѣльной, частью къ такимъ большимъ имѣніямъ какъ Барышникова и Хлюстина, а потому наше знакомство разбросалось въ даль. Такъ, бывали мы нерѣдко за 40 верстъ у Марьи Ивановны Пассекъ. Старшая дочь ея, Елисавета Θеодоровна Энгельгартъ, рано овдовѣла и жила въ 10 верстахъ отъ матери съ тремя дѣтьми; четвертаго же ребенка, Елисавету Григорьевну, взяла къ себѣ Марья Ивановна на воспитаніе; для компаніи ей имѣлась дѣвица Надежда Алексѣевна Верховская и была также гувернантка. Елисавета Θеодоровна почти все свое время проводила у матери, взбалмашной, избалованной общимъ поклоненіемъ старухи, которая часто мучила ее. Если та дѣлаетъ что либо не по ней, мать поставитъ ее на колѣни, читаетъ ей наставленія цѣлый часъ, потомъ отойдетъ въ другой конецъ комнаты, и Ели-

савета Ѳеодоровна, сама давно вдова и мать, не смѣя встать, ползаетъ на колѣняхъ, прося прощенья. Эта старуха-самодуръ позволяла себѣ многое, чтò другимъ бы не прошло даромъ; но у нея было при хорошемъ состояніи громадное родство, смотрѣвшее на нее какъ на главу и корень. Чуть ли не половина губерніи приходилась ей родней, и у нея собиралось большое общество. Замѣтивъ, что которая нибудь изъ дѣвицъ, внучка, племянница или крестница, неохотно прикладывалась къ ея рукѣ, она громко требуетъ виновную: «Эй ты, поди сюда; нѣтъ не ты, а вотъ ты, вотъ та, чтò сидитъ въ углу, какъ бишь ее, забыла имя», и когда та подойдетъ, Марья Ивановна подтянетъ ее поближе, лизнетъ языкомъ по щекѣ и дастъ щелчокъ въ лобъ. «Вотъ тебѣ за гордость. Тоже барышня! Не хочетъ у старухи руку поцѣловать», и такъ пристыдитъ, что каждый и каждая спѣшатъ скорѣй чмокнуть ей руку. Болѣе другихъ она уважала нашу семью. Сестра Екатерина Сергѣевна была крестницей ея мужа, но Марья Ивановна присвоила ее себѣ и требовала отъ нея особаго вниманія, меня же звала внучкой, кормила пряничными пѣтушками и, въ знакъ особаго отличія, брала себѣ въ проводники по комнатамъ, допуская въ спальню и кабинетъ, куда никто не смѣлъ войти. Разсердясь на горничныхъ своихъ и фаворитокъ, она привязывала ихъ къ стулу тонкой ниткой; такъ онѣ сидѣли часами, не смѣя шевельнуться, чтобы не оборвать нитки. Когда же хотѣла она оказать свое благоволеніе, то во время обѣда накладетъ на глубокую тарелку всевозможныхъ кушаньевъ, перемѣшаетъ ихъ пальцами, перепробуетъ и пошлетъ съ лакеемъ: «вотъ той подай» (указавъ пальцемъ), и когда избранная отыскана, то слѣдитъ, чтобы счастливица все съѣла и пришла ее благодарить: иначе бѣда! Случилось въ день ея имянинъ, въ Январѣ, мнѣ недостало мѣста за столомъ; она отодвинула свое кресло и посадила рядомъ съ собою и племянникомъ своимъ генераломъ Пассекомъ. Тогда было обыкновеніе обществу раздѣляться на дамъ, садившихся въ рядъ, по старшинству или почету, по лѣвую сторону хозяйки, и мущинъ, въ такомъ же порядкѣ, по правую сторону. Подали соусъ, въ которомъ приготовлено коровье вымя. Я отказалась. «Отчего не ѣшь?» говоритъ старуха; у тебя этого еще нѣтъ, такъ возьми хоть чужое». Я бы не поняла ничего, если бы кругомъ всѣ не вспыхнули, а генералъ не отвернулся въ сторону. Я догадалась, что сказано что-то неприличное. Не смотря на подобныя вольности, она пользовалась большимъ почетомъ и вліяніемъ и умѣла всѣхъ держать въ дисциплинѣ.

Вторая дочь ея, Надежда Ѳеодоровна, была за генераломъ Дмитріемъ Яковлевичемъ Гедеоновымъ, очень недалекаго ума и притомъ чрезвычайно некрасивымъ; не смотря на свою тупость, онъ былъ назначенъ губер-

наторомъ въ Астрахань. За нею, повѣнчанной 15-ти лѣтъ, стали ухаживать и добиваться благосклонности многіе и многіе и совсѣмъ вскружили ей голову... Надежда Ѳеодоровна имѣла нѣсколько сыновей и одну горбатую дочь. Впослѣдствіи она постоянно жила въ Петербургѣ; у нея же въ имѣніи же ея, Беззаботахъ, жилъ сынъ ея Николай Дмитріевичъ, веселый и красивый. Разъ пріѣхавъ въ сосѣдство къ бабкѣ своей Марьѣ Ивановнѣ на имянины, при большомъ обществѣ, нарядился онъ кучеромъ и пустился плясать Русскую съ кузиной своей Марьей Григорьевной Энгельгартъ, одѣтой въ сарафанъ и кокошникъ. Они оба плясали очень хорошо; когда же она, будто убѣгая отъ преслѣдующаго ее молодца, вскочила на небольшую колонну, грозя ему пальцемъ, это было такъ живописно-мило, что сама суровая бабка вскочила съ кресла и стала на одномъ мѣстѣ поводить плечами, притопывать и дѣлать жесты, затѣмъ упала снова въ кресло и заплакала. Всѣ ея внуки и дѣти бросились къ ней, окружили, стали цѣловать руки. Надежда Ѳедоровна многимъ помогала и вывела въ люди, живя въ столицѣ; она говорила: «моя грязь къ вамъ не пристанетъ», намекая на свое двусмысленное поведеніе.

Племянникъ Марьи Ивановны, генералъ Петръ Петровичъ Пассекъ, былъ съ нами коротко знакомъ, также какъ и жена его Наталья Ивановна. Часто они проводили у насъ по нѣскольку сутокъ со всѣмъ своимъ штатомъ, который составляли двое Англичанъ; одинъ изъ нихъ Макгрегоръ—воспитатель Петра Петровича, поселившійся у своего ученика на всю жизнь, и другой Джекъ, почти слѣпой. Пассекъ на свой счетъ лѣчилъ его у лучшихъ окулистовъ въ Москвѣ, поддержавшихъ его зрѣніе. Тутъ же побочная сестра бездѣтнаго Петра Петровича Екатерина Петровна, получившая въ его домѣ порядочное образованіе. У Пассека въ селѣ Крашневѣ былъ большой садъ съ бесѣдками, кіосками, мостиками, множествомъ цвѣтовъ и теплицей, а въ другомъ селѣ, Яковлевомъ, гдѣ Пассекъ проводилъ зиму, была довольно большая библіотека и Ланкастерская школа для крестьянскихъ мальчиковъ на 30-ть человѣкъ.

У сестры моей Надежды Сергѣевны былъ крестникъ изъ дворовыхъ Митя, отданный въ эту школу. По окончаніи трехлѣтняго курса, сестра подарила ему Священную Исторію, которую онъ ей и читалъ, но потомъ преравнодушно возвратилъ обратно, говоря: «Не хочу учиться и читать больше не стану», и вернулся къ своему отцу во дворъ. Будучи въ нашемъ домѣ, подслушалъ онъ разъ разговоръ сестеръ моихъ объ одной знакомой, Кардосысоевой, скупой старухѣ, которая, будучи вынуждена угостить кого-либо кофеемъ, звала свою ключницу и, сказавъ: «подай кофею», протягивала руку, при чемъ ключница наблюдала, если

рука была сжата въ кулакъ, кофе должно подать плохой, жидкій, если же ладонь была раскрыта, кофе надо было варить какъ слѣдуетъ. Митя, услышавъ разсказъ, затвердилъ: «Анна, подай кофею». Сестры, боясь какъ бы онъ не проговорился при ней и не зная какъ лучше уговорить Митю молчать, сказали ему, что это твердить стыдно. Онъ замолчалъ, но не забылъ. Случилось, что въ отсутствіе нашей семьи пріѣхалъ сосѣдъ Богданъ Николаевичъ Воронецъ и, соскучившись ждать возвращенія хозяевъ, сталъ разспрашивать Митю, что̀ дѣлаютъ обыкновенно барышни, о чемъ разговариваютъ? Митя отвѣчаетъ: «Барышни такое стыдное говорятъ!»—«Что же такое?» Долго Митя отказывался сказать, что̀ именно, наконецъ шепнулъ: «Анна, подай кофею».—«Что-же тутъ стыднаго?» спрашиваетъ Воронецъ, «что-же дальше?»—«Да только: подай кофею». Когда всѣ вернулись, недоумѣніе было объяснено, и много смѣялись.

Отецъ мой, въ то время совсѣмъ слѣпой, могъ ходить одинъ, когда мебель стояла на мѣстѣ и всё было въ порядкѣ. Но если были гости и суета, мебель стояла какъ попало и двери пріотворены, онъ не могъ обходиться безъ чужой помощи, иначе разбивалъ себѣ лобъ. Поводырькомъ былъ Митя. Однажды Пассекъ разсказывалъ, какъ въ дѣтствѣ ходилъ онъ съ гувернеромъ Макгрегоромъ по стѣнѣ въ Смоленскѣ (тогда еще цѣлой). Я заслушалась и не шла звать Митю, который былъ надобенъ моему отцу. Пассекъ, пристально глядя на меня, говоритъ: «Жаль, что я не знаю, гдѣ Митя; позвалъ бы его». Я догадалась и краснѣя побѣжала звать. Я любила и уважала Петра Петровича. Зная, что онъ любитъ хорошую обувь, такъ бывало натяну чулокъ и крѣпко подвяжу, что трудно ходить, но терплю, лишь бы заслужить его одобреніе. Онъ ѣздилъ съ женой за границу, что̀ тогда не было такъ обыкновенно какъ теперь, и привезъ намъ всѣмъ разныя бездѣлушки, между прочимъ новую тогда игру, лото. Составили партію, человѣкъ 15-ть; позволили и мнѣ участвовать. Тутъ я, выигравъ, въ первый разъ сдѣлалась обладательницей цѣлаго рубля, что̀ привело меня въ восторгъ. Я тотчасъ сшила приходо-расходную тетрадь и записала на приходъ мой первый рубль. Намъ никогда не давали денегъ въ руки: родители распоряжались нашими нуждами по своему усмотрѣнію. Такъ какъ насъ было шесть сестеръ, то обыкновено покупали для двухъ старшихъ дочерей одну матерію, для двухъ среднихъ другую и для меньшихъ третью. Когда же мы сносимъ, то перешиваютъ съ большихъ на маленькихъ или изъ двухъ сдѣлаютъ одно платье: экономія необходимая при большой семьѣ. Не смотря на это, мы считались даже франтихами, потому что платья были сшиты со вкусомъ, не пестро, безъ большаго количества оборокъ и бантовъ, и сидѣли на насъ ловко.

Кромѣ сосѣда Хлюстина, съ которымъ мы были коротко знакомы по поводу музыки, мы бывали также часто у Римскихъ-Корсаковыхъ, верстахъ 8—10 отъ Покровскаго. Екатерина Семеновна была племянницей Сергѣя Ивановича Лесли, бывшаго губернскимъ предводителемъ дворянства вскорѣ послѣ 1812 года. Это былъ предводитель образцовый, лично извѣстный Государю, много сдѣлавшій для поднятія своего, тогда разореннаго, сословія. Его хотѣли перевести въ Петербургъ; но онъ, желая быть полезнымъ своей родной Смоленской губерніи, просилъ оставить его на прежней должности. Лесли былъ очень похожъ на Суворова, не только лицомъ, но и манерами и странностями. Такъ, хотя по кончинѣ государя Павла Петровича всѣ уже перестали носить косы, онъ до могилы ходилъ съ косичкой, украшенной бантомъ, который прыгалъ по его свѣтло-зеленому мундиру съ высокимъ краснымъ воротникомъ. Треугольная шляпа подъ лѣвымъ плечомъ, чулки и башмаки съ огромными серебряными пряжками, такія же пряжки на большихъ черныхъ бантахъ подъ колѣнами, дополняли костюмъ. Только Лесли да старика Калечитскаго пришлось мнѣ видѣть въ подобномъ старинномъ костюмѣ, уже вышедшемъ изъ употребленія въ мое время. Калечитскій, какъ не служащій, носилъ широкій шелковый кафтанъ, окаймленный шитьемъ и длиннѣйшій бѣлый жилетъ, тоже весь вышитый. У обоихъ прическу составляли, кромѣ косы сзади, еще букли спереди. По окончаніи отечественной войны мущины больше подражали Англичанамъ: черное сукно на фракъ или сюртукъ, бѣлый жилетъ и высокіе ботфорты, были во всеобщемъ употребленіи. Женщины носили болѣе закрытые лифы, немного излишне-приподнятые, короткія букли и высоко заложенную косу, приколотую высокой черепаховой гребенкой.

Петръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, весьма недальняго ума, жилъ въ своемъ селѣ Ушаковѣ съ женой Екатериной Семеновной, умной и энергичной особой, которая, не получивъ сама достаточнаго образованія, старалась всѣми силами дать его своимъ тремъ сыновьямъ и тремъ дочерямъ. Старшіе, Николай и Сергѣй, однихъ лѣтъ со мною, часто бывали у насъ и обижали моихъ куколъ, до которыхъ я была большая охотница. Не имѣя большихъ средствъ, но понатершись въ обществѣ своихъ родныхъ, Корсаковы старались подражать всѣмъ обычаямъ, манерамъ, вещамъ, принятымъ въ обществѣ; а такъ какъ мы были одними изъ ближайшихъ сосѣдей и подходили къ этому кругу, то большею частію, если замѣтятъ они что либо новое у насъ (мебель, работу дамскую или нарядъ), тотчасъ сдѣлаютъ себѣ тоже, хотя часто неудачно, какъ подражаніе. Ничего не понимая въ музыкѣ, отдали они своего двороваго человѣка, довольно бездарнаго, учиться играть.

Впослѣдствіи онъ и училъ дочерей своего барина бренчать на фортепьяно. Петръ Николаевичъ очень оставался доволенъ, если его музыкантъ, по его приказанію: «сыграй другое», повторитъ тотъ же мотивъ на басовыхъ или дискантовыхъ клавишахъ; баринъ считалъ это перемѣной музыки. Жена его знала крайнюю ограниченность его ума; собираясь въ общество или принимая его, она настроитъ мужа, что̀ слѣдуетъ говорить и дѣлать, и онъ съ плеча дуетъ кстати или нѣтъ. «Моя Екатерина Семеновна такъ мнѣ сказала», объясняетъ онъ, бывало. Много ходило про него анекдотовъ. Жила у нихъ постоянно нѣкто Духонина, бывшая въ домѣ всѣмъ: помогала въ хозяйствѣ, смотрѣла за дѣтьми, шила платья всей семьѣ и успѣвала сама всему учиться, даже музыкѣ; а такъ какъ хозяева сами были мало образованные люди, то она же наблюдала и за учителями, прежде семинаристами, а потомъ гувернанткой, такъ что заправляла всѣмъ домомъ и была чуть ли не болѣе госпожа, чѣмъ сами хозяева. Римскіе-Корсаковы платили хорошо гувернанткѣ Филипьевой, кончившей курсъ въ институтѣ, а именно 400 рублей. Филипьева напишетъ, бывало, каталогъ будто бы нужныхъ руководствъ по языкамъ, а когда книги выпишутъ, они окажутся романами, которые гувернантка и читаетъ, а дѣти должны довольствоваться изобрѣтательностью ея ума. Она вздумала учить ихъ танцовать кадриль-грасьёзъ, своего сочиненія, вмѣсто Французской кадрили, которая только что вошла въ моду и которой она еще не видала, но не хотѣла въ томъ признаться. Меня хотѣли было отдать къ ней учиться танцамъ; но я, зная, что она учитъ нелѣпымъ фигурамъ, которыхъ я нигдѣ не видала, объяснила это матушкѣ, и мои поѣздки въ Ушаково скоро прекратились; а Филипьева получила лишь бронзовую чернильницу въ подарокъ и разсердилась на меня за сдѣланное открытіе. Въ Ушаковѣ на дѣтской половинѣ, гдѣ жила и гувернантка, придѣлана была подъ окномъ втораго этажа полочка съ наружной стороны для корма голубей. Гувернантка въ день своихъ имянинъ назначила дѣтямъ привѣтствіе въ честь собственной особы. Они должны были, ставъ на колѣни на полку, въ ту минуту, какъ она проснется, говорить ей поздравительные стихи, осыпая ее букетами, навязанными въ тотъ же день съ зарею, и оплести ея постель гирляндами. Удивительно еще, какъ уцѣлѣли дѣти, стоя на воздушной полочкѣ. Кончилось все какимъ-то скандаломъ, послѣ котораго Филипьева уѣхала, а дѣвицы, отъ природы неглупыя, сами докончили свое образованіе, много читая. Двѣ старшія учили меньшую Машу и меньшаго брата Ивана, котораго и мнѣ случалось учить ариѳметикѣ, бывая у нихъ въ домѣ дня по три сряду. Онъ потомъ

служилъ въ Петербургѣ подъ покровительствомъ Гедеоновой, о которой я упоминала. Старшіе сыновья учились въ корпусѣ.

Мнѣ снова приходится вернуться къ пятнадцатилѣтнему моему возрасту. Меня и Лизу Эйсмондъ продолжала учить старшая моя сестра, очень серьезно смотрѣвшая на принятую ею на себя обязанность. Мы не знали отдыха, на Святой, на Святкахъ или Масляницѣ. Самый большой срокъ нашей свободѣ были первые три дня Пасхи и Рождества Христова; на четвертый мы уже съ утра сидѣли въ классѣ. Не смотря на пріѣздъ гостей или родныхъ, должны мы были часовъ въ шесть утра садиться за уроки и до 12 заниматься географіей, исторіей всеобщей и Русской, грамматикой, ариѳметикой, языками и прочими заданными съ вечера уроками. Однажды на Святкахъ лѣнь напала на меня; я не выучила ничего, за что̀ получила такой строгій выговоръ, съ угрозой наказанія, что разрыдалась. Глаза мои раскраснѣлись и опухли, а къ обѣду пріѣхало много гостей. Сестра нашла, что въ такомъ видѣ мнѣ нельзя выдти къ обществу и велѣла умывшись пойти прогуляться, пока слѣды слезъ не будутъ замѣтны. Я въ точности исполнила сказанное и гуляла довольно долго въ морозный, ясный день. Къ новому году мать моя и четыре сестры отправились въ Ивонино къ Елисаветѣ Ѳедоровнѣ Энгельгартъ, получившей его въ наслѣдство по смерти матери своей Марьи Ивановны Пассекъ. Я же съ батюшкой и сестрой Татьяной осталась дома. Въ день новаго года моя горничная вошла ко мнѣ утромъ, говоря, что уже поздно, батюшка чай кушаетъ, и мнѣ пора вставать. Я не вѣрю; говорю, что еще совсѣмъ темно и даже ее, служанку, я не вижу; она отвѣчаетъ, что я вѣрно шучу или говорю это нарочно, потому что уже давно день и солнце свѣтитъ. «Не вижу ничего». Позвали сестру, и она убѣдилась, что я дѣйствительно ослѣпла. Съ ужасомъ пошли сказать это слѣпому же старику-отцу и тотчасъ послали за годовымъ нашимъ докторомъ Пронскимъ въ уѣздный нашъ городъ. Его не оказалось дома; тогда обратились къ только что выпущенному изъ университета военному доктору Шафикову. Онъ нашелъ, что слѣпота моя есть слѣдствіе простуды воспаленныхъ слезами глазъ, когда я гуляла тотчасъ послѣ моихъ горькихъ рыданій, и сталъ лѣчить меня со всевозможнымъ стараніемъ. Узнавъ, что въ домѣ Пассека живетъ больной глазами Джекъ, пользовавшійся совѣтами извѣстнаго врача Делонэ, Шафиковъ поѣхалъ къ Пассеку, чтобы распросить подробности и найдя, что ходъ его болѣзни схожъ съ моимъ, а также и причины, сталъ примѣнять средства подходящія тѣмъ, которыя прописалъ Делонэ. Всякій день, въ тотъ часъ, когда я гуляла, начиналась страшная у меня боль въ глазахъ, такъ что я ложилась лицомъ въ подушку и лежала такъ часа по два,

пока стихнетъ. Какъ ни старались сдѣлать мою комнату темной, мнѣ все казалось свѣтло; ширмы, ставни, гардины, меня не удовлетворяли. Меня облѣпили мушками, фонтанелями и посадили на діэту. И такъ было въ продолженіи почти цѣлаго года! Не смотря на то, при первой возможности занятія научныя поддерживались. Подруга моя Лиза, сидя въ моей комнатѣ, твердила заданные уроки, а я, вертя въ рукахъ вязанье снурка, бывшее тогда въ употребленіи, на особаго фасона рогулькѣ, слушала и, не будучи ничѣмъ развлекаема, легко запоминала и лучше прежняго знала уроки. Въ комнату поставили небольшой инструментъ; я по слуху находила нужные клавиши и такимъ образомъ твердила экзерсисы Крамера и цѣлый концертъ Дюссека. Ровно чрезъ годъ, въ тотъ самый день какъ я ослѣпла, въ первый разъ увидѣла я красный кругъ на коврѣ передъ кроватью. Радость всей семьи несказанная! Всѣ меня обнимали, поздравляли. Особенно тронулись всѣ, глядя на слѣпого отца, когда онъ ощупью протягивалъ руки, чтобы обнять прозрѣвшую дочь, почти еще ребенка. Добросовѣстному отношенію къ дѣлу Ша́фикова обязана я своимъ излѣченіемъ. Къ сожалѣнію, этого хорошаго человѣка убили во время войны, на перевязочномъ пунктѣ.

На слѣдующее лѣто мать повезла меня въ Москву для совѣщанія съ докторами Делонэ и Гаазомъ, которые нашли, что мое лѣченіе было ведено на столько правильно, что болѣе ничего не надо. Мы наняли довольно большой домъ генерала Циммермана въ Хлѣбномъ переулкѣ, гдѣ и прожили все лѣто. Сестра Татьяна, тоже больная, пользовалась у Гааза, а я съ Надеждой Сергѣевной ѣздила осматривать всѣ достопримѣчательности. Чичероне нашимъ былъ родственникъ нашъ князь Щербатовъ, женатый на Прасковьѣ Сергѣевнѣ Толстой и завѣдывавшій дворцовыми и другими казенными зданіями. У Щербатовыхъ было четыре дочери и два сына. Княгиня добрая, радушная Москвичка. Семья эта жила въ своемъ большомъ двухэтажномъ домѣ съ садомъ и оранжереей. Года за три до того, старшая дочь Елисавета Александровна бѣжала изъ родительскаго дома съ нѣкимъ Савичемъ, увезшимъ ее съ бала, при содѣйствіи товарищей, и женившимся на ней. Во время нашего пребыванія въ Москвѣ послѣдовало примиреніе между родителями и молодыми Савичъ, уже имѣвшими двухъ дѣтей. Княгиня привозила ихъ къ намъ знакомиться, затѣмъ они уѣхали въ свою Малороссійскую усадьбу, гдѣ и жили постоянно. Вторая княжна Наталья Александровна не была красива; она потомъ вышла за барона Розена. Третья Прасковья и четвертая Анна, моихъ лѣтъ, еще не выѣзжали. Мы часто видѣлись, вмѣстѣ гуляли на Прѣсненскихъ прудахъ и бѣгали въ саду Щербатовыхъ. По времени княжна Прас-

ковья вышла за своего родственника, тоже князя Щербатова. Всѣ три были назначены фрейлинами, но жили въ Москвѣ и являлись ко двору лишь во время пріѣзда царской фамиліи. Княжна Анна выдѣлялась своей красотой и, когда войдя въ совершенные года, она представилась Государынѣ, то Александра Θеодоровна, любившая окружать себя всѣмъ красивымъ и изящнымъ, пожелала ее имѣть всегда при себѣ. Хотя Щербатовы имѣли 2000 душъ въ Харьковской губерніи, но при большой семьѣ трудно имъ было содержать трехъ дочерей при дворѣ, гдѣ любили пышность, и Государыня всегда замѣчала, если фрейлина являлась два - три раза на балъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Поэтому Щербатовы всячески старались оставить дочерей въ Москвѣ, въ чемъ и успѣли для двухъ, Анну же нельзя было удержать. Она однако была во фрейлинахъ недолго. Императрица нашла ей партію въ лицѣ флигель-адъютанта Александрова. Императрица сама заботилась о приданомъ княжны, была у нея посаженой матерью, нарядила въ собственные брилліанты и позволила пригласить не только родныхъ, но и кого пожелаетъ. Вѣнчаніе происходило въ церкви Зимняго дворца. Къ этому дню пріѣхали Савичъ и родственникъ князь Одоевскій («ДѣдушкаИриней») о которомъ я уже говорила. Со всѣмъ нашимъ многочисленнымъ Московскимъ родствомъ мы видались часто лишь до 1812 года, потомъ мало по малу, рѣже и рѣже, пока совсѣмъ не отдалились отъ него. Причина крылась въ разстройствѣ нашего состоянія при нароставшихъ нуждахъ семьи и слѣпотѣ главы ея. Встрѣтивъ меня въ этотъ нашъ пріѣздъ въ Москву у Щербатовыхъ, князь Одоевскій, любитель музыки и отчасти композиторъ, узналъ, что я играю и во время годичной слѣпоты моей не бросала заниматься. Онъ мной заинтересовался и просилъ съиграть. Это польстило моему самолюбію подростка, и я пустилась играть большой концертъ Дюссека, который знала весь отъ доски до доски, не давая спуску на tutte; съиграла я безъ ошибки, но весело ли было слушать, это другой вопросъ. Послѣ обѣда всѣ поѣхали гулять въ очень посѣщаемый тогда Кремлевскій садъ. Князь Одоевскій, предложивъ мнѣ взять его подъ руку, пошелъ впередъ; это меня такъ сконфузило, что я на всѣ рѣчи его упорно молчала, и онъ конечно счелъ меня за совершенную дуру; а причина была та, что мать и старшія сестры слѣдовали за нами, а я воспитана была въ такомъ почтеніи къ нимъ, что не могла примириться съ мыслію играть въ присутствіи ихъ выдающуюся роль, хотя бы на минуту.

Кромѣ родственныхъ намъ Паниныхъ и Грибоѣдовыхъ были еще намъ родня три старушки, сестры Николевы, Елисавета, Наталья и Елена Петровны, и племянникъ ихъ, сынъ ихъ брата Николая Петро-

вича, который дружилъ въ свое время съ писателемъ кн. Шаховскимъ и самъ былъ писатель. Оба они теперь уже давно сошли со сцены. Дѣвицы Николевы были оригинальны, жили въ своемъ каменномъ трехъэтажномъ домѣ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщалось по одной изъ сестеръ съ цѣлымъ особымъ штатомъ прислуги, мосекъ, птицъ и проч., при чемъ старшая сестра занимала нижнiй этажъ, младшая же, слишкомъ пятидесяти лѣтъ, но все еще считавшаяся въ семьѣ своей совсѣмъ юной, для пущаго сохраненiя своей дѣвственности, жила въ верхнемъ этажѣ, чтобы труднѣе было до нея добраться. Когда мы бывали у нихъ, то обыкновенно слѣдовало сдѣлать первый визитъ старшей, очень радушно насъ принимавшей и угощавшей; затѣмъ поднимались мы во второй этажъ, гдѣ угощенiе повторялось и, наконецъ добирались до верхняго, послѣ чего всѣ три сестры собирались на крыльцѣ провожать насъ. Младшая сестра, въ качествѣ молодой дѣвушки, одѣвалась сообразно съ этимъ, носила букли, открытый лифъ и короткiе рукава. Такъ были мы съ ними на гуляньи, гдѣ эта 50-лѣтняя барышня была одѣта въ легкомъ абрикосоваго цвѣта платьѣ съ открытой шеей, чуть прикрытой кружевной косынкой, едва доходившей до плечъ. Короткiе рукава оканчивались тонкимъ тюлемъ, имѣвшимъ видъ фонарей, въ которыхъ тощiя красныя руки играли роль свѣчей. Всѣ пальцы поверхъ перчатки усыпаны кольцами съ бриллiантами, а на шеѣ поверхъ косыночки на толстой золотой цѣпи большой открытый медальонъ съ портретомъ племянника, весьма невзрачнаго, рябого, Николая Николаевича Николева, тоже порядочнаго оригинала, но хорошаго человѣка и храбраго полковника, оставшагося холостякомъ. Отецъ его былъ слѣпъ и потому имѣлъ секретаря, бѣднаго молодаго человѣка Лунина, женившагося противъ воли Николева на его дочери, которую тотъ увезъ и, лишившись должности, на долго пропалъ безъ вѣсти. По смерти Николева все его имущество перешло такимъ образомъ къ его единственному внуку, который, выйдя въ отставку, проводилъ свое время въ Московскихъ квасныхъ. Это былъ завсегдатай кваснаго ряда, нигдѣ не бывшiй въ обществѣ, любитель и знатокъ разносортнаго кваса. Такъ онъ прожилъ до старости, а по смерти его Сенатъ, разыскивая наслѣдниковъ его, вызвалъ моего старшаго брата Сергѣя, который по прiѣздѣ въ Москву, еще не будучи введенъ во владѣнiе, получилъ прекрасную лошадь полковника, оцѣненную въ 3000, для которой тотчасъ нанялъ помѣщенiе и прислугу. Но не прошло и недѣли, какъ явился настоящiй наслѣдникъ, Лунинъ, жившiй до того съ женой въ Архангельскѣ и прижившiй большую семью. Тѣмъ наслѣдство брата и кончилось.

Во вкусѣ этого семейства были у насъ еще родные Голостѣновы, единственные со стороны матушки, за двоюроднымъ братомъ которой была Христина Михайловна Голостѣнова, рано овдовѣвшая и оставшаяся при небольшомъ имѣніи (въ Псковской губ. Торопецкаго уѣзда), съ тремя дочерьми и однимъ сыномъ Антономъ Ивановичемъ, служившимъ въ Москвѣ по комиссаріату. Онъ женился на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Пасынковой, получилъ за нею порядочное состояніе въ Костромской губ. и деревянный большой домъ въ Москвѣ по Садовой. Прасковья Ѳеодоровна имѣла двухъ сестеръ Марью и Настасью, которыя и жили съ ней, зятемъ Голостѣновымъ, его сыномъ и принятымъ ими на воспитаніе мальчикомъ, баловнемъ всей семьи. Подобно старушкамъ Николевымъ, сестры Голостѣновы, тоже уже не молодыя, жили каждая на своей половинѣ дома; но какъ домъ былъ въ два этажа, то нижній былъ отведенъ замужней сестрѣ съ ея семействомъ и штатомъ прислуги, а верхній раздѣленъ коридоромъ для двухъ другихъ сестеръ; у каждой свой штатъ прислуги и свои затѣи. У Марьи Ѳеодоровны, среди гостиной, стояла большая клѣтка съ сорокой, безпрестанно кричавшей: «Дура» и «Дай каши», что́ служило постоянной забавой хозяйкѣ. Младшая сестра Настасья, также какъ и младшая Николева, носила прическу буклями, бѣлое кисейное платье à l'enfant и не разставалась съ выхоленной болонкой, всегда расчесанной, съ косичкой на головѣ, въ которую вплетались ежедневно новыя атласныя ленты свѣтлыхъ, яркихъ цвѣтовъ. У замужней сестры была канарейка, помѣщавшаяся въ люстрѣ. Вечеромъ, когда люстру зажигали, канарейка принималась пѣть подъ серинетку, премило вытягивая тонкимъ голоскомъ пѣсню, которую ей наигрывали, потомъ принималась и за свою обычную пѣсню. Въ саду при ихъ домѣ было много цвѣтовъ. Особенно замѣчательно было довольно большое тюльпанное дерево, которое мы нашли все покрытое крупными красивыми цвѣтами разныхъ оттѣнковъ. Къ сыну Голостѣновыхъ, Егорушкѣ, ходило нѣсколько человѣкъ учителей по разнымъ предметамъ. Они давали уроки по билетамъ; но Егорушка, толстый мальчикъ 14—15 лѣтъ, былъ очень избалованъ, и часто случалось, что по билету получались деньги, тогда какъ урокъ былъ только фиктивный. На танцовальные вечера къ Голостѣновымъ собирался кружокъ знакомыхъ, между прочимъ князья Мещерскіе, усердно упражнявшіеся въ только что вошедшей въ моду Французской кадрили и мазуркѣ, которую тогда танцовали не такъ какъ теперь, просто бѣгая подъ музыку, а со всей ловкостью, требуемой Польскимъ танцемъ, со множествомъ граціозныхъ фигуръ, такъ что не всякій рѣшался и танцовать мазурку.

Двоюродный братъ мой, Иванъ Юрьевичъ Николевъ, впослѣдствіи генералъ, былъ тогда полковникомъ Софійскаго полка и помѣщался въ огромныхъ четырехъ комнатахъ въ Хамовническихъ казармахъ. Онъ былъ женатъ на Татьянѣ Алексѣевнѣ Юрьевой изъ очень богатаго, довольно извѣстнаго въ то время дома. Она была дочь одного изъ четырехъ братьевъ Юрьевыхъ; трое изъ нихъ не были женаты и, подобно сказаннымъ Николевымъ и Голостѣновымъ, жили каждый въ отдѣльномъ этажѣ общаго большаго дома. Татьяна Александровна получила на свою часть въ Ржевскомъ уѣздѣ имѣніе Щетинино, братъ же ея былъ единственнымъ наслѣдникомъ дядей. Въ этомъ семействѣ было принято въ случаѣ покупки однимъ изъ Юрьевыхъ какой-либо вещи тотчасъ покупать и остальнымъ одинаковыя. Въ день имянинъ котораго нибудь изъ нихъ Иванъ Юрьевичъ обязанъ былъ являться съ подаркомъ. Юрьевы сапогъ не носили, а при старинномъ Французскомъ кафтанѣ ходили въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Они были скупы: имъ казалось большимъ расходомъ платить за чулки 5 рублей, и они не могли понять, какъ Иванъ Юрьевичъ платилъ за свои 25 р., и требовали отъ него каждому изъ дядей подобныхъ же чулокъ, въ подарокъ на имянины. Дѣтямъ своей племянницы они дарили въ день ангела деньги, сообразно своему старшинству: каждый внукъ получалъ отъ младшаго дѣда пять коп. мѣдью, второй дѣдъ давалъ 10 коп., и такъ до старшаго дѣда. Братьямъ Юрьевымъ казалось, что они щедро одаривали внучатъ. Они оставили милліонное состояніе племяннику, страшному кутилѣ, который по уплатѣ долговъ остался ни при чемъ, а за остальные, неоплаченные долги посаженъ былъ въ яму и умеръ въ бѣдности. У Ивана Юрьевича бывали мы довольно часто и съ его семействомъ ѣздили къ его знакомымъ. Такъ попали мы къ одному фабриканту, по сосѣдству съ Хамовническими казармами, и заплутали у него въ саду, въ лабиринтѣ. Долго не могли мы изъ него выйти, пока хозяинъ не прислалъ намъ слугу, который провелъ насъ къ довольно глубокой ямѣ въ видѣ сухаго колодезя, выложеннаго камнемъ. Лѣстница ступеней въ 15 ввела насъ во мракъ колодезя, изъ котораго особый ходъ, какъ оказалось, оканчивался на Хамовническомъ полѣ, гдѣ стояли наши экипажи.

Въ числѣ старинныхъ знакомыхъ нашихъ, до конца жизни поддерживавшихъ съ нами дружбу, были Осиповы. Григорій Михайловичъ Осиповъ, сынъ священника села Гнѣздилова, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, въ царствованіе Екатерины Великой поступилъ въ приказные. Людей смышленыхъ, мало мальски образованныхъ, тогда цѣнили. Семинаристъ Осиповъ, красивый, ловкій, неглупый, былъ отличенъ начальствомъ. Его, какъ знающаго дѣло чиновника, послали по

какому-то порученію въ Петербургъ, гдѣ онъ сталъ вхожъ во многіе знатные дома, влюбилъ въ себя дѣвицу изъ хорошаго дома, Марію Александровну Самойлову, женился на ней и такимъ образомъ пріобрѣлъ сильную протекцію ея родныхъ, при посредствѣ которыхъ поступилъ на службу въ Тобольскъ нѣсколько ранѣе пріѣзда туда моего отца. Въ Тобольскѣ же и началось знакомство между ними; но Осиповъ былъ старѣе отца моего и имѣлъ въ то время дѣтей, изъ которыхъ старшему было лѣтъ 10. Прослужа довольное время совѣтникомъ въ Тобольскѣ, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, получалъ отличія, нажилъ средства, купилъ родное село Гнѣздилово и умеръ, оставивъ жену съ шестью дѣтьми и хорошимъ состояніемъ. Два сына и одна изъ дочерей умерли молодыми. Марья Александровна, имѣя кромѣ мужнина и свои собственныя имѣнія, при сильномъ родствѣ, каждую зиму проводила въ столицѣ для воспитанія дѣтей, а потомъ поселилась совсѣмъ въ Москвѣ. Когда родители мои помѣстили братьевъ моихъ въ корпусъ и пенсіонъ, Осипова брала ихъ къ себѣ на каникулы и по воскреснымъ днямъ. У нея въ живыхъ осталось три дочери, которыя хотя имѣли хорошее состояніе, но были не красивы собою, и при томъ кругѣ общества, въ которомъ онѣ вращались, не считались выгодными партіями, а потому вышли замужъ уже не въ первой молодости, послѣ смерти матери, послѣдніе годы жизни бывшей безъ ногъ и безъ рукъ (ее возили въ креслѣ, и голова у нея такъ низко опускалась на грудь, что надо было полуопрокидывать кресло, чтобы ее накормить). Дочь ея Екатерина Григорьевна, особа милая, образованная, постоянно занимавшаяся чтеніемъ, не покидала матери до конца ея дней. Въ такомъ жалкомъ состояніи переѣхала старуха Осипова изъ Москвы въ Гнѣздилово, бывала и у насъ по сосѣдству, и эти поѣздки совершались въ небольшой каретѣ по ночамъ, съ фонарями, чтобы не привлекать вниманія прохожихъ жалкой фигурой сидящей.

По кончинѣ императора Павла много было арестовъ. Въ число арестованныхъ попалъ и братъ тогдашняго министра Ѳедора Александровича Голубцова, Дмитрій Александровичъ Голубцовъ, намѣревавшійся жениться на старшей изъ трехъ сестеръ Осиповыхъ, Натальѣ Григорьевнѣ. Онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости довольно долго, и, когда была наконецъ доказана его невинность, онъ былъ выпущенъ на свободу съ страшнымъ ревматизмомъ ногъ, которыя онъ волочилъ за собою, шаркая и не въ силахъ будучи ихъ поднять. Наталья Григорьевна осталась ему вѣрна, и свадьба ихъ совершилась въ Гнѣздиловѣ, гдѣ они и поселились. По смерти ихъ матери, Анна Григорьевна, очень цѣнившая деньги, рѣшилась принять предложеніе богатаго, но

съ очень некрасивой репутаціей, Николая Петровича Воейкова, притомъ же отталкивающей наружности. Владѣя большимъ имѣніемъ, онъ не иначе позволялъ жениться своимъ крестьянамъ какъ присвояя себѣ право первой ночи; онъ по жалобамъ крестьянъ много разъ былъ судимъ, но всякій разъ выпутывался, благодаря своимъ деньгамъ. Въ день свадьбы Анны Григорьевны, когда молодые остались одни въ своей комнатѣ, выходившей низкими окнами въ садъ, и когда огонь былъ погашенъ, Воейковъ почувствовалъ, что на него навалилось что-то тяжелое и душитъ его. Анна Григорьевна не потерялась и съ помощью прислуги задержала неизвѣстное лицо, которое оказалось матерью обезчещенной Воейковымъ наканунѣ свадьбы крестьянской дѣвушки. Вскорѣ Воейковы продали свое Ельнинское имѣніе и переѣхали въ Можайскій уѣздъ въ село Ильинское, но большую часть года жили въ Москвѣ, гдѣ этотъ завидный супругъ завелъ любовницъ и всѣ ночи проводилъ у Цыганъ. Имѣя пятерыхъ дочерей, жена его не могла найти порядочной гувернантки, благодаря невозможному поведенію мужа. Когда мы были у нихъ въ Москвѣ, въ ихъ роскошно обставленномъ домѣ, съ громадными трюмо и роскошной мебелью, то примѣтили тутъ же прибитаго пулей къ стѣнѣ таракана. Деспотъ-хозяинъ показывалъ на немъ свое искусство въ стрѣльбѣ и, въ присутствіи его, никто не смѣлъ прибрать эти слѣды его упражненій. Одна изъ дѣвочекъ, болѣзненный ребенокъ лѣтъ 5, часто плакала и если это случится въ присутствіи отца, то, чтобы заставить ее молчать, онъ выльетъ, бывало, ей на голову ведро холодной воды. Дѣти боялись его страшно. Домашніе бывали рады, если онъ уѣзжалъ съ собаками въ отъѣзжее поле или пропадалъ въ таборѣ Цыганъ, а жена благодарила судьбу, что не имѣла сыновей, изъ опасенія сходства съ отцомъ. Дочери ихъ такимъ образомъ не получили образованія соотвѣтственнаго ихъ хорошимъ средствамъ, выучились только танцовать, а мать не жалѣла для нихъ нарядовъ. Сама она ежедневно ходила въ шелку и бархатѣ, въ крупномъ жемчугѣ и длинныхъ бриліантовыхъ серьгахъ; дѣти же отъ 6 до 14 лѣтъ, въ описываемое время, всегда богато одѣтыя, носили широкіе волосяные кринолины, а такъ какъ они не были высокаго роста, то и были прозваны боченочками. Чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ кринолинъ полагался шире. Пріѣхавъ на имянины къ Голубцовой, навезли онѣ столько платьевъ, что ихъ едва помѣстили въ особо для того отведенной большой комнатѣ. По времени всѣ пять сестеръ, имѣя хорошее приданое, сдѣлали приличныя партіи. Марія стала баронессой Отто, Наталья вышла за своего однофамильца Воейкова, Екатерина за гвардіи полковника Миницкаго, Надежда за князя Оболенскаго. Эта была изъ всѣхъ сестеръ наиболѣе развитая и симпатич-

ная, но не особенно счастлива за мужемъ-игрокомъ и рано умерла, оставивъ двухъ сиротъ. Младшая Воейкова Анна, баронесса Боде, умерла также молодою, и всѣ пять сестеръ не достигли старости.

Третья дочь Марьи Александровны Осиповой, Екатерина Григорьевна, оставшаяся при больной матери, по смерти ея, будучи уже немолода, жила то со старшей сестрой Голубцовой, то въ Москвѣ съ дядей, сенаторомъ Акиноіевымъ, котораго была любимицей. У него же она была и во время описаннаго мною пріѣзда нашего въ Бѣлокаменную. Старшія сестры мои, дружныя съ ней, тотчасъ дали ей знать о своемъ пріѣздѣ, и вотъ она входитъ къ намъ, къ общему удивленію съ завязанными глазами и, опустившись среди комнаты на колѣни, начинаетъ декламировать стихи, объявляя тѣмъ, что она влюблена въ Дмитрія Николаевича Бологовскаго, слѣпотствуетъ и рѣшилась дать ему слово, хотя знаетъ его непостоянный характеръ и что онъ имѣетъ четверыхъ дѣтей отъ первой жены и совсѣмъ ей не пара, но что дѣлать! Амуръ, мальчишка плутоватый, со своими атрибутами нагрянулъ къ ней въ палаты... Такъ какъ сестры мои хорошо знали Бологовскаго за игрока и притомъ любившаго полевать съ собаками, то старались образумить подругу; но влюбленная не послушалась и, будучи уже почти сорока лѣтъ, все же вышла за своего красавца генерала, любезнаго, свѣтскаго человѣка, имѣвшаго уже тогда двѣ звѣзды за отличіе. Первая жена его Варвара Сергѣевна Салтыкова, страдая ревматизмомъ ногъ, лѣчилась, живя въ своемъ имѣніи Богодиловѣ близъ города Ельни. Пользовалъ ее магнетизёръ Шульцъ, пріобрѣтшій въ то время извѣстность. Больная никуда не выѣзжала и не мѣшала мужу на свободѣ охотиться и вращаться въ обществѣ мущинъ съ подходящими наклонностями, такъ что онъ иногда забывалъ, что женатъ. Въ пору вдовства его, старшій сынъ его былъ уже офицеромъ, второй въ корпусѣ, дочь оканчивала воспитаніе въ Смольномъ, а младшаго Петрушу воспитывалъ родственникъ ихъ по матери Шереметевъ. Екатерина Григорьевна, увлекшись молодымъ вдовцомъ, искала частыхъ съ нимъ встрѣчъ. Такъ въ день Семика поѣхала она съ этой же цѣлью въ Марьину рощу, пригласивъ насъ занять мѣста̀ въ ея ландо, запряженное четверкою сѣрыхъ на выносъ, съ форейторомъ, какъ тогда ѣздили. Въ Марьину рощу собирался народъ на гулянье лѣтомъ, принося домашніе пироги и закуски; разстилались по лужайкамъ ковры, составлялись кружки знакомыхъ; Цыгане, раздѣлившись на группы по 5—6 человѣкъ, ухарски пѣли, охотники выступали въ присядку и трепака; молодежь изъ мастеровыхъ, кто имѣлъ хотя бы пятакъ въ карманѣ, угощалась водкой, разными питіями и закусками съ лотковъ; разносчики голосисто выкрикивали свой товаръ.

Такимъ образомъ гулянье продолжалось до ночи, а при полной лунѣ и долѣе. Люди позажиточнѣе ѣздили кругомъ въ экипажахъ, вытянутыхъ въ линію и дѣлая кругъ болѣе версты длиною. Ландо, въ которомъ мы сидѣли съ Осиповой, помѣстилось въ эту вереницу экипажей, но не могло ѣхать спокойно, потому что невѣста все старалась столкнуться съ Бологовскимъ, экипажъ котораго, желтую двухмѣстную карету парой, она все высматривала и только что завидитъ подходящій по цвѣту экипажъ, тотчасъ велитъ изъ круга выступить, что̀ всегда возбуждало пререканія полиціи, а ее задобривать надо было извѣстнымъ приношеніемъ. Оказалось, что жениха на гуляньи вовсе не было, и наши труды пропали. При свиданіяхъ Бологовскаго съ Осиповой они большею частью проводили время въ томъ, что, усѣвшись визави, играютъ въ шашки или шахматы, раздумывая надъ каждымъ ходомъ по получасу и затягивая игру на нѣсколько дней. Послѣ свадьбы они уѣхали въ свое Смоленское имѣніе. Вскорѣ Бологовской отправился въ Петербургъ, чтобы привезти дочь Софью Дмитріевну, кончившую ученье въ Смольномъ. Онъ ввелъ ее въ свой домъ, не предупредивъ, что женатъ, и Софья очень удивилась, очутившись въ объятіяхъ незнакомой дамы. Она осталась недовольна сюрпризомъ, не ладила съ мачихой, такъ что отецъ счелъ лучшимъ снова отвезти ее къ роднымъ по матери Шереметевымъ, въ столицу, гдѣ она много выѣзжала и веселилась, но разъ лѣтомъ, качаясь на качеляхъ въ обществѣ молодежи, такъ несчастливо упала, что повредила спинной хребетъ и не долго прожила. Екатерина Григорьевна, имѣя собственное хорошее состояніе, пріютила у себя свою двоюродную сестру Дарью Ивановну Новосильцову, мужъ которой прожилъ свое и женино имѣніе, и Дарья Ивановна съ двумя дочерьми-малютками терпѣла крайнюю нужду и помѣщалась въ бесѣдкѣ большаго сада, не помню, кому принадлежавшаго. Помѣщеніе было мрачно и сыро, и когда мы по знакомству бывали у нея, то даже чай для гостей присылала Осипова; дѣтскія кровати имѣли самый жалкій видъ, и во всемъ видна была бѣдность. Помѣщенныя въ институтъ, осиротѣвъ эти двѣ дѣвочки со временемъ были взяты богатымъ дядею, жившимъ въ Петербургѣ и вышли замужъ. Младшая, Елисавета Васильевна сдѣлала особенно хорошую партію, выйдя за извѣстнаго Севастопольскаго героя Корнилова.

Возвращаюсь къ описываемому періоду моей бытности въ Москвѣ въ ранней молодости. Изъ видѣнныхъ мною достопримѣчательностей живѣе остальныхъ воскресаютъ въ моей памяти небольшой сравнительно съ нынѣшнимъ дворецъ Государя Александра Павловича, въ два этажа, а въ немъ припоминаются особенно гостиная комната въ

три окна, съ вышитой шерстями мебелью и такимъ же большимъ ковромъ, работы сестеръ Государя; вторая съ серебряной ванной между двухъ колоннъ: съ трехъ сторонъ большія зеркала, что́ ужасало мое дѣтски-наивное воображеніе при мысли объ отраженіи въ нихъ купающейся въ ваннѣ. Третья комната особенно заинтересовала меня: это небольшая спальня Государя съ походной его кроватью, матрацомъ зеленаго сафьяна и такою-же подушкой, и его же небольшой кабинетъ съ однимъ окномъ на площадь. Онъ представлялъ собою палатку изъ краснаго сукна собраннаго вверху розеткой и съ маленькими кругомъ диванчиками. Забредя туда ранѣе прочаго общества и очень уставъ, я присѣла на одинъ изъ нихъ отдохнуть, но тотчасъ вскочила, увидя себя мгновенно въ какой-то большой компаніи и только въ слѣдующую секунду сообразила, это это не болѣе какъ мое собственное отраженіе въ зеркалахъ. Осматривали мы и терема, гдѣ меня удивила необыкновенно высокая постель, почти достигавшая невысокаго потолка, простота убранства и тѣснота маленькихъ покоевъ. Помню я Евангеліе, лежавшее тамъ на столѣ, писанное рукою царевны Татьяны Михаиловны, съ раскрашенными красной киноварью углами и такими же окраинами. Помню еще нѣсколько узкихъ переходовъ и узкую витую лѣстницу, выведшую насъ на небольшую площадку, откуда, едва помѣстившись на ней (такъ было тѣсно), мы любовались роскошнымъ видомъ на Замоскворѣчье. Памятна мнѣ и домовая церковь, сообщающаяся съ теремами коридорчикомъ, и хоры за частой, густой рѣшеткой, мѣсто тайнаго присутствія царицъ и царевенъ, во время богослуженія. Мы вышли чрезъ нарядныя сѣни, расписанныя, какъ видно, позднѣе, въ Турецкомъ вкусѣ. Въ узорѣ, покрывавшемъ ихъ стѣны, я нашла сходство съ узоромъ моей Турецкой шали. Знаменитое красное крыльцо было украшено фресками, а самое зданіе покрыто гранью въ видѣ четвероугольниковъ. Были мы также въ Патріаршей ризницѣ, гдѣ кромѣ поразительно-громадныхъ и богатыхъ образовъ, ризъ и прочаго, мое вниманіе было привлечено множествомъ жемчуга, помѣщавшагося въ особой комнатѣ, вдоль стѣнъ которой уставлены были кадки, нижній рядъ въ четыре четверика, второй въ три, третій въ два и, наконецъ, въ одинъ четверикъ; впрочемъ жемчугъ довольно мелкій и неправильной формы. Видѣли мы Оружейную Палату, словомъ все интересное. Князь Щербатовъ, водившій насъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, жилъ самъ еще по старинному, имѣя прислугою при княжнахъ Арапку, тоже казавшуюся мнѣ интересной.

У Голостѣновыхъ познакомились мы съ Горчаковыми и довольно близко съ ними сошлись. Семейство это состояло изъ отца, двухъ сыновей Андрея и Сергѣя Николаевичей и четырехъ. дочерей, на млад-

шей изъ которыхъ, спустя годъ, женился братъ мой Яковъ. Софья Николаевна, моя невѣстка, была недурна собой, богомольна, но не дальняго ума, имѣла полтораста душъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи и была съ ногъ до головы коренной Москвичкой. Все у нея голубушки Московскія ухватки и ужимки на каждомъ шагу, что не особенно нравилось моимъ сестрамъ, любившимъ хорошія манеры и тонъ.

Въ то время пользовалась въ Москвѣ громкой извѣстностью старинная знакомая матушки Анастасія Николаевна Хитрова, раздавательница репутацій; а потому ее не только уважали, но и побаивались. Она была небольшаго роста и жила въ собственномъ каменномъ домѣ со вдовой дочерью и племянницей. У нихъ пріютилась дальняя родственница наша, небогатая вдова Крымова, изъ дѣтей которой одна дочь Марія, получивъ образованіе въ Смольномъ и красивая собой, была помѣщена къ извѣстной графинѣ Орловой-Чесменской. Графиня, вся преданная молитвѣ, была поклонницей духовенства, начиная съ митрополита до послѣдняго пономаря, кромѣ церквей и монастырей никуда не ѣздила, кромѣ монаховъ никого не принимала, такъ что молодая, хорошенькая Крымова жила затворницей; придя въ зрѣлый возрастъ, она постриглась въ монахини подъ именемъ Варсонофіи и была впослѣдствіи казначеей монастыря.

Въ Москвѣ слышала я въ первый разъ разговоръ на Англійскомъ языкѣ. Это было въ Англійскомъ магазинѣ. Насъ провинціалокъ поразила брань нѣсколькихъ человѣкъ, и мы въ опасеніи скандала хотѣли скорѣе ретироваться, когда намъ было объяснено, что тутъ ничего нѣтъ кромѣ обыкновеннаго разговора Англичанъ между собою. Привыкши къ пѣвучимъ, ласкающимъ звукамъ Романскихъ языковъ, я нашла Англійскій очень непріятнымъ.

Къ концу лѣта вернулись мы къ себѣ въ Покровское, куда съѣхались много знакомыхъ и нѣкоторые родственники, въ томъ числѣ два брата Крымовы, братья упомянутой мною монахини. Ихъ помѣстили съ другими гостями въ большой садовой бесѣдкѣ на берегу довольно глубокой сажалки для карасей, черезъ которую былъ перекинутъ на аркѣ мостикъ, выкрашенный розовой краской и освѣщавшійся двумя фонарями. Садовникъ нашъ, порядочный пьяница, вымѣнивалъ любимую водку на яблоки, порученныя его надзору и, чтобы скрыть свой грѣхъ, привязывалъ штофъ на веревку къ аркѣ моста, спустивъ посуду свою въ воду, а ночью, прокравшись, вытаскивалъ ее, чтобы на досугѣ покуликать. Разъ, подойдя такимъ образомъ къ водѣ, видитъ онъ качающуюся тонкую березу, низко наклонившуюся, тогда какъ прочія деревья стояли не шелохнувшись. Какая-то фигура, раскачивающая

березу и вся облитая свѣтомъ полнаго мѣсяца, поразила его. Думая видѣть лѣшаго, онъ сталъ кричать; изъ бесѣдки выскочилъ одинъ изъ Крымовыхъ и узналъ въ лѣшемъ своего брата-лунатика, котораго, послѣ осторожныхъ заманиваній, наконецъ удалось снова уложить въ постель.

Возвратясь къ деревенской жизни, мы возвратились и ко многимъ деревенскимъ забавамъ. Такъ на Святкахъ снова повторились домашніе маскарады, въ которыхъ изъ дворовыхъ нашихъ особенно отличался Андрей Аверьяновъ, забавлявшій публику, нарядившись разносчикомъ. Онъ выдолбилъ въ видѣ стакановъ толстую свеклу, брюкву, картофель, морковь и, вставивъ въ нихъ свѣчи, носилъ эти импровизированные разноцвѣтные фонари на головѣ, на подносѣ, выкрикивая: сбитень горячій, и тому подобное; публика дѣлала видъ, что покупаетъ его напитки. Онъ былъ заика, что̀ не мѣшало прочимъ дворовымъ заслушиваться его сказокъ про Ивана Царевича и Жаръ-птицу. Одна молодая горничная мнѣ даже объяснила, что Андрей прекрасно говоритъ и всегда его сказки новы, потому что ихъ трудно понять. Другой дворовый, ловкій парень, хорошо плясалъ, выступая съ лучшей танцоркой изъ горничныхъ, пускался въ ухорскую присядку; а когда ему ставили среди комнаты два стула, спинками вмѣстѣ, онъ мигомъ перекувырнется черезъ нихъ, и такъ повторяется нѣсколько разъ.

Въ слѣдующемъ году, только что женившійся братъ Яковъ привезъ молодую жену въ Покровское, и они поселились въ одномъ изъ двухъ каменныхъ новыхъ флигелей, стоявшихъ по сторонамъ дома шагахъ въ 30-ти отъ него. Молодые привезли съ собою человѣкъ шесть слугъ, а когда родился ихъ первенецъ Сережа, взяты были къ нему кормилица и няня, такъ что всей прислуги во флигелѣ брата было 10 человѣкъ, во всемъ же селѣ нашемъ было болѣе семидесяти душъ дворовой челяди. Флигель былъ помѣстительный, въ пять комнатъ и наверху антресоли. Большую часть дня молодые конечно проводили въ домѣ; но, какъ я уже говорила, невѣстка не была во вкусѣ семьи нашей. Мы никогда ничѣмъ не притирались, она же всякій день бѣлилась и румянилась. За карточнымъ столомъ, бросивъ съ азартомъ карту на столъ, стукнетъ ею и какъ-то задергается вся, даже ноги подъ столомъ заходятъ, говоритъ громко и скоро, бѣгаетъ за мужемъ въ поле, если онъ пойдетъ по хозяйству, словомъ была совсѣмъ другаго тона; тѣмъ не менѣе всѣ старались дѣлать bonne mine au mauvais jeu и ладили по наружности. Между тѣмъ батюшка, хотя и слѣпой, принималъ еще участіе въ хозяйствѣ и велъ большую переписку со знакомыми и отстутствующими сыновьями чрезъ посред-

ство старшей дочери и, любя хорошій столъ, самъ заказывалъ обѣдъ, по буднямъ изъ пяти блюдъ, а по праздникамъ бывало у насъ перемѣнъ до 12-ти и болѣе. Три большихъ кухонныхъ книги помогали въ выборѣ. Сестры каждая завѣдывала особой отраслью хозяйства. Екатерина Сергѣевна варила варенье до 4-хъ и 5-ти пудовъ, Елисавета имѣла въ своемъ вѣдѣніи домашнихъ птицъ, коихъ бывало до тысячи разнаго сорта на трехъ птичьихъ дворахъ; Елена смотрѣла за пряжей и тканьемъ холста, котораго у насъ вытыкали ежегодно до 500 аршинъ, отъ самаго тонкаго, не уступавшаго Голандскому, до толстаго. Надежда Сергѣевна, кромѣ лѣченія больныхъ и завѣдыванія аптекой, кромѣ занятій со мной и Лизой и письмоводства съ отцомъ, присматривала за работой горничныхъ, которыя, по обычаю того времени, наполняли дѣвичью, вышивая по тюлю, кисеѣ и плетя кружева по задаваемымъ сестрою урокамъ. Мать моя съ помощью главной управительницы Ѳедоры Семеновны заготовляла всевозможныя питія. Даже конфекты дѣлались тогда домашними средствами; у насъ бывало очень хорошее нугà изъ фисташекъ, помадныя конфеты изъ розъ и много другаго. По времени мнѣ тоже было дано занятіе—разливать чай, кофей, какао чтò кому угодно. Ранѣе завѣдывала этимъ сестра Татьяна Сергѣевна, скончавшаяся въ молодыхъ лѣтахъ.

Кухня при домѣ занимала противуположный братнину флигель, также состоявшій изъ пяти комнатъ кромѣ антресолей, гдѣ была кладовая. Внизу, кромѣ самой кухни, были комнаты для семей двухъ поваровъ и приспѣшная. Такъ какъ нашъ поваръ, хотя и хорошій, но готовившій на старинный манеръ, началъ старѣться, то отецъ помѣстилъ молодаго малаго изъ дворни учиться кулинарному искусству въ Московскій Англійскій клубъ и когда по окончаніи его ученья онъ вернулся къ намъ, нашъ столъ сдѣлался утонченнѣе, и молодой поваръ нашъ пользовался такой хорошей репутаціей между сосѣдями, что его часто приглашали готовить имянинные обѣды и отдавали мальчиковъ-подростковъ къ нему на выучку.

Въ слѣдующее лѣто меня въ первый разъ вывезли въ общество. Въ старину провинція собиралась на ярмарки, по многолюднымъ мѣстечкамъ и городамъ, оживлявшимся на извѣстное время съѣзжавшимися купцами, помѣщиками и людомъ всякаго рода. Такъ поѣхали мы въ торговое мѣстечко Хиславичи, принадлежавшее графу Салтыкову и расположенное на границѣ Литвы. Оно кишѣло Еврейскими лавками, а управленіе было по преимуществу Польское; ярмарка была всегда многолюдна. Туда съѣхались многіе знакомые наши, въ томъ числѣ Римскіе-Корсаковы и Энгельгарты. Елисавета Ѳедоровна только что выдала одну изъ дочерей своихъ Надежду за князя Энга-

лычева, человѣка свѣтскаго, живаго характера; ему очень понравилась по контрасту наивность Надежды Григорьевны, подъ которой онъ не съумѣлъ разпознать мало развитый умъ, а принялъ ея ограниченность за милую невинность деревенской барышни, за чтѝ поплатился впослѣдствіи семейнымъ разладомъ. Елисавета Ѳедоровна познакомила насъ съ племянницами своими, тоже Энгельгартъ, почти однихъ лѣтъ со мною, и мы вмѣстѣ столкнулись на балѣ или, какъ тогда называли, на *редутѣ*. Я, не будучи хороша собой, а лишь миловидна, сѣла между двумя изъ нихъ, хорошенькими собой. Вскорѣ двое изъ нашихъ знакомыхъ подходятъ и приглашаютъ ихъ на мазурку. Тогда я говорю имъ: «Вотъ вы хороши собою, и васъ пригласили лучшіе кавалеры, а меня дурнушку кто пригласитъ?» Онѣ начали успокоивать меня, что конечно и меня пригласятъ. «Если и найдется мнѣ кавалеръ, говорю я, то какой-нибудь плохенькій, невзрачный; но за то вы увидите, что я буду очень веселиться, и кавалеру моему скучно не будетъ». Меня дѣйствительно скоро пригласилъ какой-то незнакомый, рябоватый господинъ; но я дала себѣ слово веселиться, для чего, вспомнивъ ту дочь Елисаветы Ѳедоровны, которая произвела эффектъ наивностью, чтобъ не сказать глупостью, рѣшила разыграть роль наивной деревенской дурочки. Усадивъ меня, мой кавалеръ спрашиваетъ, далеко ли я живу; отвѣчаю: «Ахъ какъ далеко! Ужъ мы ѣхали, ѣхали, насилу доѣхали». Онъ начинаетъ улыбаться моему ахъ! и распрашиваетъ, какъ я провожу время. Я болтливо разсказываю, какъ забавляюсь со своими горничными, наряжаюсь съ ними и пляшу, а лѣтомъ съ ними же бѣгаю за грибами; словомъ, моя роль мнѣ такъ удалась, что видимо слушатель потѣшался и отъ души даже расхохотался моей какой-то наивной выходкѣ, чтó меня заставило сдѣлать ему удивленные глаза и остановиться въ разсказѣ. Онъ конечно тотчасъ состроилъ серьезную мину, и болтовня продолжалась. По окончаніи мазурки, сестры спрашиваютъ, чтѝ я такое говорила, что мой кавалеръ такъ смѣялся; я объяснила, что разсказы мои были самые обыкновенные, и я не знаю, чтó заставило его хохотать. Онъ же такъ заинтересовался мною, что тутъ же пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку и остальное время все слѣдилъ за мной глазами. На завтра утромъ мы поѣхали за покупками въ Еврейскіе ряды, довольно грязные, и мой вчерашній незнакомецъ, встрѣтивъ насъ, безпрестанно усиливался съ нами столкнуться. Вечеромъ стали снова собираться въ редутъ. Квартировали мы въ Еврейскомъ домѣ, почему чада и домочадцы хозяевъ сочли себя въ правѣ присутствовать при нашемъ туалетѣ, и ничѣмъ не могли мы ихъ выпроводить. Они принимали живое участіе въ уборкѣ нашихъ волосъ. Одинъ Еврей держитъ предо мною зеркало, изъ за котораго выгляды-

ваютъ его козлиная борода и пейсики; другой предлагаетъ надѣть мнѣ башмаки, третій заботится о моемъ носовомъ платкѣ и духахъ и такъ далѣе. На мнѣ было новое тентинетовое бѣлое платье на бѣломъ же атласномъ чахлѣ, красная роза въ волосахъ, другая у пояса, и на шеѣ красный газовый шарфъ, который мать купила для меня у плѣннаго Турка. Въ этотъ разъ я нашла, что одѣта къ лицу. Мы отправились въ каретѣ въ шесть лошадей съ форейторомъ. Въ самомъ началѣ бала я была приглашена старикомъ Римскимъ-Корсаковымъ и поставлена въ первой парѣ Польскаго. Мы принялись выдѣлывать добросовѣстно всѣ старинные па Польскаго, о которыхъ теперь не имѣютъ и понятія; а за нами потянулось еще паръ 30. Старикъ Корсаковъ, любитель и знатокъ, руководилъ танцемъ, составивъ кругъ во всю залу. Мы очутились въ послѣдней парѣ, и затѣмъ снова въ первой. Экосезъ я тоже танцовала одушевленно, такъ какъ это танецъ живой и веселый. Вчерашній мой кавалеръ не танцовалъ, а лишь сложа руки, à la Napoleon, слѣдилъ за мной, не уставая. Но вотъ во время экосеза слышу какой-то шумъ; младшій Корсаковъ подбѣгаетъ и говоритъ, что нашего кучера убили. Я въ испугѣ бѣгу и нахожу своихъ испуганными, въ слезахъ. Оказалось, что женѣ маршалка (предводителя) Голынскаго вздумалось ѣхать домой, а какъ она играла главную, почетную роль, то исправникъ - Полякъ, считавшій обязанностью показать усердіе, такъ закричалъ на нашего кучера, стоявшаго съ каретой впереди экипажа Голынскихъ, съ такими угрозами и ругательствами, что тотъ, не удержавъ съ испугу дернувшихъ лошадей, свалился съ козелъ имъ подъ ноги; лошади отъ шума и крика, къ тому же запутавшись въ постромкахъ, понесли, зацѣпляя по дорогѣ стоявшіе экипажи; словомъ, вышла такая сумятица, что балъ не могъ продолжаться. Бѣднаго нашего кучера безъ чувствъ подняли и внесли въ переднюю, куда мы всѣ сбѣжались. Всѣ были возмущены поведеніемъ исправника, котораго заставили просить у моей матери на колѣняхъ прощенія, предварительно розыскавъ его, такъ какъ онъ спрятался подъ карточный столъ отъ подкутившихъ господъ, намѣревавшихся съ нимъ расправиться, тѣмъ болѣе, что какъ исправникъ, такъ и маршалокъ Голынскій, присутствовавшій въ Польскомъ національномъ костюмѣ (кунтушѣ и прочемъ) были Поляки, и старинный антагонизмъ двухъ Славянскихъ племенъ готовъ былъ разгорѣться при такомъ удобномъ случаѣ. Два брата Калечитскіе, узнавъ, что семейство наше на балѣ состоитъ изъ однѣхъ дамъ, еще болѣе стали настаивать на удовлетвореніи, и какъ матушка ни отговаривалась, все же несчастнаго блюстителя порядка, блѣднаго и трепещущаго, заставили просить прощенія на колѣняхъ и обѣщать исполнить все, что̀ отъ него требо-

вали, а именно въ собственной бричкѣ отвезти раненаго кучера на нашу квартиру, вправить ему сломанную ногу на свой счетъ и дать 25 рублей награжденія. Все это онъ въ точности исполнилъ. Мы уѣхали въ экипажѣ Римскихъ-Корсаковыхъ, потому что нашъ былъ поврежденъ, а выносныхъ лошадей нашли лишь на слѣдующее утро гдѣ-то въ полѣ. На этой же ярмаркѣ матушка купила у Евреевъ по нѣскольку нитокъ недурнаго жемчугу для каждой изъ насъ. На обратномъ пути изъ Хиславичъ памятенъ мнѣ нашъ отдыхъ въ дорогѣ, въ селѣ Лучесахъ, помѣщика Глинки, гдѣ мы осматривали оранжереи, полныя прекраснѣйшими розами; особенно были хороши бегоніи темнокрасныя, на высокихъ штамбахъ до двухъ саженъ роста.

Съ наступленіемъ осени и зимы я и Лиза продолжали заниматься, хотя и не такъ усидчиво, какъ прежде, потому что стали чаще принимать участіе въ поѣздкахъ по сосѣдямъ. Матушка не любила ѣздить одна, и если старшія сестры были почему либо не расположены сопутствовать ей, которая нибудь изъ нихъ, войдя на порогъ моей комнаты, говорила: «Марья Сергѣевна, матушка ѣдетъ туда-то», и я, какъ младшая и воспитанная въ строгомъ повиновеніи, безотговорочно наполняла собою карету, хотѣлось ли мнѣ того или нѣтъ. Къ намъ тоже пріѣзжали гостить сосѣди, напримѣръ Мавра Сидоровна Кушлянская, небогатая малоразвитая старуха, очень суевѣрная. Святочными вечерами особенно много являлось ей вѣдьмъ, домовыхъ, кикиморъ и всякой нѐчести. Мы, молодежь, подъ часъ забавлялись этимъ. Оставивъ старуху при наступленіи сумерокъ одну въ комнатѣ, потихоньку впускали мы къ ней которую нибудь изъ горничныхъ, закутавъ ее въ простыню, съ зажженной паклей во рту. Мавра Сидоровна съ страшнымъ крикомъ бросалась въ комнату матушки, вполнѣ убѣжденная, что видѣла кикимору. Одинъ изъ сыновей этой старухи, однополчанинъ брата Сергѣя, дослужился до чина капитана и, не имѣя своего угла, жилъ у насъ во флигелѣ, по отъѣздѣ брата Якова. Этотъ Тимоѳей Логиновичъ Кушлянскій ни во что̀ не вмѣшивался, ничѣмъ не интересовался и изъ своего флигеля являлся къ намъ въ домъ лишь заслышитъ обѣденный звонокъ. Плотно покушавъ, молча уходилъ онъ снова къ себѣ, и чѣмъ наполнялъ онъ свои остальные часы, не знаю. Такъ жилъ онъ у насъ до смерти своей болѣе 20 лѣтъ. Брата его матушка опредѣлила въ кантонисты, и онъ дослужился до чина поручика, а племянницу Марью Родіоновну взяла въ число своихъ воспитанницъ Наталья Григорьевна Голубцова, у которой кромѣ нея были еще помянутая прежде Лызлова и сирота Варя Афросимова, хорошенькая дѣвочка лѣтъ 8. Брата ея Голубцовы опредѣлили въ корпусъ, а затѣмъ на Кавказъ. Генеральша Голубцова такъ была дружна со старшей

сестрой моей, хотя была гораздо старѣе ея лѣтами, и оба Голубцовы такъ любили всю нашу семью, что съ цѣлью ближе жить къ намъ и чаще видаться купили по сосѣдству съ нами участокъ земли и развели усадьбу. На одномъ изъ нашихъ хуторовъ, на Сгорѣлищѣ, отецъ мой еще вскорѣ по пріѣздѣ изъ Сибири открылъ ключъ желѣзной воды схожій съ Липецкимъ и для пользованія имъ выстроилъ по близости домъ довольно просторный, оставшійся однако по разнымъ обстоятельствамъ необитаемымъ. Этотъ-то домъ пріобрѣли Голубцовы и назвали усадьбу Натальинымъ, въ родовое же село свое Гнѣздилово въ 30 верстахъ отъ насъ стали ѣздить изрѣдка. Вслѣдствіе подозрительности Голубцовой или вопреки ей, въ домѣ ея, еще въ бытность у нея всѣхъ трехъ воспитаницъ, начался съ хорошенькой Варей романъ, окончившійся весьма печально. Голубцова, вышедшая замужъ уже не молодыхъ лѣтъ, сохранила и въ замужествѣ много оригинальныхъ воззрѣній. Такъ она постоянно пряталась отъ мужскаго пола, не терпѣла на себѣ пристальнаго взгляда мужчины и изъ опасенія его, чтобы меньше было видно ея лица даже тѣмъ лакеямъ, что̀ прислуживали ей за обѣдомъ, снимала свою гроденаплевую сѣрую, глубокую шляпу только ложась спать, днемъ же не только постоянно носила ее на головѣ, но еще завѣшивала себѣ лицо до подбородка зеленой густой вуалью. Шляпы же носили въ то время въ видѣ кибитки. Въ этой же шляпѣ была она и въ то время, когда состоялась свадьба ея воспитаницы съ однимъ изъ семинаристовъ, пріѣхавшихъ къ родственникамъ въ Гнѣздилово. Товарищъ его, увидѣвъ хорошенькую Варвару Васильевну, влюбился въ нее, и когда Голубцова отправлялась на прогулку, онъ всюду слѣдовалъ за Варей. Прогулка же совершалась такъ: впереди генеральша плотно завѣшенная вуалью, за ней три дѣвицы; изъ нихъ одна несетъ складной стулъ, другая склянку съ какими нибудь каплями, мятныя лепешки и проч., третья ридикюль генеральши, и все шествіе обходитъ дорожки сада и цвѣтника, подвигаясь мѣрнымъ шагомъ. Вслѣдъ за этой компаніей, переѣхавшей въ Натальино, переѣхалъ и семинаристъ и тайно поселился на огромномъ чердакѣ дома, куда былъ ходъ изъ внутреннихъ комнатъ. Варвара Васильевна незамѣтно накладетъ на тарелку отъ каждаго блюда во время обѣда и вынесетъ на балконъ, куда выходило окно ея комнаты, а онъ подкрадется съ другой стороны; такъ прошло лѣто. Между тѣмъ увлеченіе Вари подвигалось и интриговало прислугу, въ числѣ которой была Татарка-перекрестъ, которая и выдала влюбленныхъ. Начался допросъ. Семинаристъ скрылся, а Варя во всемъ призналась; но, какъ оказалось, она еще не зашла слишкомъ далеко, и все ограничилось романической любовью. Красавицу, еще совсѣмъ юную, все же отослали верстъ за 40, къ ея родной теткѣ

Афросимовой. Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ братъ Вари, Николай Васильевичъ, отчаянный Кавказецъ съ чисто-разбойничьимъ лицомъ, ухарскими замашками, совершенный сорви-голова. У него было тридцать душъ своихъ крестьянъ, и онъ поселился на своей землѣ. Пріѣхавъ къ Голубцовымъ и узнавъ исторію съ сестрой, онъ вообразилъ, что сестра его совсѣмъ погибла, страшно разсердился, потребовалъ къ отвѣту старика-генерала и, выхвативъ шашку, набросился на него; но старику какъ-то удалось вывернуться и, ухватившись за клинокъ, выдернуть его изъ рукъ нападавшаго, который, нашумѣвъ и обѣщавъ отмстить за сестру, ускакалъ. Дня черезъ два, въ лунную ночь, когда старики Голубцовы уже поужинали, заслышали они колокольчикъ и бубенцы и увидѣли лихую тройку съ телѣгой, а въ ней Афросимова съ товарищемъ; съ гиканьемъ и свистомъ спустились они съ противуположной дому горы и стали кататься кругомъ дома подъ самыми окнами, пугая стариковъ, которые, не зная, какъ освободиться отъ подобной осады, командировали нарочнаго къ намъ въ Покровское. Тотчасъ, не смотря на позднее время (въ деревнѣ же ложатся рано), заложили намъ карету, и мы отправились на выручку. Завидѣвъ, нашъ экипажъ, Афросимовъ скрылся; но дня черезъ два,снова повторилось тоже представленіе, а затѣмъ и впродолженіе всего лѣта раза по два въ недѣлю, и всякій разъ, не смотря ни на какую погоду и часъ, мы непремѣнно полной каретой являемся въ Натальино, куда почти всегда и я вынуждена была полусонная одѣться и ѣхать: потому что въ четырехмѣстной каретѣ усаживались матушка, сестра Надежда, какъ другъ и совѣтникъ Голубцовой, сестра Елена и я; другія же мои сестры не очень-то охотно ѣздили въ Натальино. Подъ осень Голубцовы стали, наконецъ, жаловаться предводителю на Афросимова, на котораго приносили жалобу и крестьяне его, называя его курятникомъ, потому что онъ потаскалъ у нихъ всѣхъ куръ. Но предводитель, боязливый, мало энергичный, сослался на трудность поймать молодца съ поличнымъ. Вдругъ является Варя, пѣшкомъ, въ сопровожденіи одной крестьянки, жалуется на преслѣдованіе брата и проситъ Голубцовыхъ снова принять ее къ себѣ; но лишь только она у нихъ поселилась, какъ наѣхалъ братъ съ теткою, наговорилъ старикамъ кучу грубостей и увезъ сестру. Дóма онъ началъ упрекать ее за связь съ семинаристомъ, требуя отъ сестры доказательства ея невинности... Несчастная не могла долго скрыть своего положенія и чрезъ посредство тетки снова прибѣгнула къ покровительству Голубцовыхъ, которые, сжалившись надъ бѣдной, красивой Варей, нашили ей къ будущему ребенку много бѣлья, отправили ее на собственный счетъ въ Московское родовспомогательное заведеніе и уплатили за полугодіе

впередъ. Но вотъ Варвара Васильевна разрѣшилась отъ бремени и, соскучившись, снова появилась съ ребенкомъ у брата, на котораго между тѣмъ крестьяне опять подали жалобу. Дѣло кончилось острогомъ и рудниками для брата и ссылкой для сестры, писавшей потомъ о своей жалкой жизни въ Сибири, и Голубцовы ей туда послали денегъ, послѣ чего всякія извѣстія о ней прекратились.

Послѣ 1812-го года долго чувствовался недостатокъ въ офицерахъ, а потому вакантныя мѣста пополнялись произведенными изъ сдаточныхъ солдатъ да изъ фельдфебелей, лишь бы знали службу. Эти новопожалованные честились общимъ именемъ фронтовыхъ офицеровъ, а какъ они всѣ были уже не нижніе чины и носили эполеты, а иные дослужились и до маіорскаго чина, то ихъ принимали и помѣщики тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены ихъ роты. Въ окружности Покровскаго и въ нашихъ деревняхъ почти всегда бывали на постоѣ части войскъ, и офицеры посѣщали насъ довольно часто. Нѣкоторые фронтовые бывали очень оригинальны и никакъ не рѣшались сѣсть въ гостинной. Иной станетъ упорно, заложивъ руки за спину и стоитъ цѣлый часъ. Мы приходимъ въ затрудненіе, какъ и чѣмъ занять его. «Садитесь, прошу васъ», говоритъ сестра. «Покорнѣйше благодарю, мнѣ и здѣсь хорошо». И снова стоитъ. Старшая сестра прикажетъ мнѣ сѣсть съ нимъ играть въ крѣпость (родъ шашечной игры), для чего поставятъ небольшой столъ къ углу комнаты, и вотъ мы вдвоемъ усаживаемся. Игра длится долго, я начинаю зѣвать, даже задремать готова. «Не довольно ли?» спрашиваю партнера, надѣясь на освобожденіе. «Нѣтъ, позвольте еще», отвѣчаетъ кавалеръ, и испытаніе моего терпѣнія продолжается. Одинъ женатый маіоръ съ товарищемъ квартировалъ въ одномъ изъ нашихъ хуторовъ; они упросили насъ пріѣхать къ нимъ на чай. Мы были усердно угощаемы вареньемъ, а когда собрались уѣзжать, госпожа офицерша говоритъ: «Кушайте же пожалуйста, вѣдь не собакамъ же бросить ваши остатки». Иногда съѣзжались къ намъ семейства сосѣдей, являлись офицеры и устраивались танцы, хотя нѣкоторымъ неловкимъ, новоиспеченнымъ благородіямъ случалось падать, вальсируя. Если, во время Пасхи, солдаты квартировали въ нашей сторонѣ, то всегда бывала пальба изъ ружей при первомъ возгласѣ Христосъ воскресе, а по окончаніи службы роты выстраивались на широкомъ дворѣ противъ нашего дома и начиналось христосованіе, что̀ мнѣ казалось забавнымъ. Я наблюдала, какъ солдаты стоятъ вытянувши руки по швамъ, не смѣя шелохнуться, а офицеры обходятъ ряды тоже затянутые и съ руками по швамъ и вытянувъ губы чмокаются, то наклоняясь къ какому-нибудь невысокому солдатику, то выпрямляясь. Пребываніе военныхъ очень оживляло наше

село. Всякую весну, бывало, полкъ или два идутъ изъ южныхъ губерній подъ Москву въ лагери. Деревня наша отстояла версты двѣ отъ столбовой дороги на Вязьму и Смоленскъ. Большой проселокъ шелъ черезъ наше село, и по немъ всю зиму тянулись обозы съ хлѣбомъ, пенькою и т. п. Столбовая дорога дѣлала большой крюкъ, и нашъ проселокъ предпочитался. Штабъ полковъ держался столбоваго пути, тогда какъ полки брали сокращенной дорогой, и я любила смотрѣть, какъ они спускались съ нашей горы поротно съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, иногда подымая насъ съ постелей въ 4 часа утра. Если бывало жарко, дѣлали привалъ, братъ приказывалъ выкатить имъ боченки домашняго пива и квасу и поилъ солдатъ, а офицеровъ зазывалъ къ себѣ и угощалъ завтракомъ или обѣдомъ, смотря по времени. Разъ шелъ полкъ съ музыкой; братъ пригласилъ офицерство, въ то время какъ было у насъ общество сосѣдей; явилась музыка; одинъ изъ военныхъ, но въ партикулярномъ платьѣ, живо и ловко сталъ распоряжаться, устанавливалъ музыкантовъ, выносилъ лишнюю мебель, чтобъ не затруднять танцевъ и проч. Оказалось, что это офицеръ, разжалованный за что-то въ солдаты до выслуги, но и не удавшаяся карьера не могла усмирить буйную голову. Онъ привелъ также почти слѣпаго ветерана, солдата, хорошо игравшаго на арфѣ и пѣвшаго старческимъ дребезжавшимъ голосомъ; онъ слѣдовалъ всюду за своимъ полкомъ.

Штабные дѣлали большею частію привалъ въ селѣ Ушаковѣ, имѣніи Римскихъ-Корсаковыхъ, въ 5 верстахъ отъ насъ, и насъ по этому случаю иногда туда приглашали. Ближайшимъ сосѣдомъ Корсаковыхъ былъ Барышниковъ, большею частью проживавшій за границей; большое имѣніе его Алексино, съ прекраснымъ садомъ, цвѣтниками и трехэтажнымъ домомъ прилегало къ Ушакову, и мы большой компаніей ѣздили осматривать оранжереи и садъ Барышникова въ отсутствіе хозяина.

Наступилъ 1825 годъ, памятный для всякаго Русскаго, годъ кончины царя Александра Павловича Благословеннаго. Осенью Государь предпринялъ поѣздку въ Крымъ; путь его лежалъ чрезъ нашу неказистую, маленькую Ельню (уѣздн. гор.). Все дворянство собралось его встрѣчать, и много было тутъ анекдотовъ, выдумокъ и приключеній. Такъ одна мелкомѣстная госпожа имѣла порядочный фруктовый садъ и, узнавъ, что путь Царя пролегалъ чрезъ ея усадьбу, вышла встрѣчать его съ полнымъ блюдомъ сливъ. Государь, увидя это, приказалъ остановиться, привсталъ въ экипажѣ и взялъ одну сливу; но барыня начала упрашивать взять еще. Государь снисходительно взялъ еще одну. «Берите всѣ!» кричитъ помѣщица въ

экстазѣ и прямо высыпаетъ все содержимое блюдо въ коляску Государя. Онъ засмѣялся, велѣлъ кучеру ѣхать и, немного погодя, остановившись, приказалъ своей свитѣ разобрать сливы. Наше семейство конечно тоже пріѣхало въ Ельню еще наканунѣ дня, въ который ожидали Государя, а въ тотъ день утромъ, узнавъ, что царская кухня уже прибыла, мы пошли смотрѣть, какъ готовится Государю кушанье. Главный поваръ былъ Миллеръ, на сестрѣ котораго былъ женатъ нашъ хорошій знакомый и сосѣдъ Хлюстинъ. При помощи этой рекомендаціи мы свободно наблюдали, какъ этотъ главный кухмистеръ, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ, съ орденомъ въ петлицѣ, засуча по локоть рукава, въ передникѣ изъ Голандскаго полотна, чистилъ коренья и, намоча черносливъ, сдиралъ съ него кожицу, чтобы сварить компотъ Государю. Наконецъ, вотъ и Государь пріѣхалъ. Я по наслышкѣ страстно любила его, хотя никогда не видала. Это было въ началѣ Августа; погода стояла прекрасная, вся площадь, въ центрѣ города, была полна народа; тутъ же были и лошади для Царя и его свиты. Приготовленъ для пріема его былъ небольшой деревянный домъ, комнаты въ четыре, купца Кузмёнкова, окнами на площадь, и нѣсколько подобныхъ же домиковъ для свиты. Онъ въѣхалъ въ городъ въ полдень и по обыкновенію прямо къ собору, гдѣ его встрѣтило духовенство. Послѣ многолѣтія, Благословенный подъѣхалъ къ отведенной ему квартирѣ, у крыльца которой стояло человѣкъ до 25 инвалидовъ. Государь сказалъ имъ: «Здорово, ребята» и вошелъ въ домъ, а ветеранамъ генералъ Соломко началъ раздавать каждому по рублю. Меня народъ прижалъ къ одному изъ оконъ, и вдругъ, о счастье! Государь подходитъ именно къ нему и отворяетъ его собственноручно, а какъ окна были отъ земли невысоко, то я очутилась въ двухъ шагахъ отъ Царя, и моя голова почти на одномъ уровнѣ съ его головой. Я опьянѣла отъ восторга и совсѣмъ будто потеряла сознаніе; я даже не помню, что̀ со мной было; но послѣ мнѣ разсказывали, что я громко кричала: «Мама, мама, посмотрите, вотъ онъ!» такъ что кто-то меня сильно потрясъ за плечи, и тогда только я опомнилась и встрѣтилась глазами съ Государемъ, который на меня смотрѣлъ и улыбался. Потомъ онъ пошелъ къ другому окну и тоже отворилъ его, а затѣмъ сѣлъ кушать, и съ нимъ сѣли человѣка четыре изъ свиты. У прибора его стояла серебряная дорожная солонка въ видѣ лоханочки и маленькая простая баночка съ надписью: cerises roses; видно, онъ любилъ ихъ. Мы все время глазѣли въ окна. Рядомъ съ нами стояла пожилая дѣвица Лярская, Анна Наркизовна, одержимая тихимъ помѣшательствомъ. Братъ ея Петръ Наркизовичъ Лярскій, у котораго во время кампаніи 1812-го года оторвало ядромъ ногу, ходилъ на костыляхъ и былъ также нашимъ знакомымъ. Анна Наркизов-

на не могла примириться съ мыслію, что младшая сестра ея вышла ранѣе замужъ и при этомъ получила отъ матери въ подарокъ желтую Турецкую шаль. Мало по малу она потеряла разсудокъ и въ каждомъ мущинѣ видѣла себѣ жениха. Въ описываемый день на одной изъ сестеръ моихъ надѣта была модная тогда пелерина съ длинными концами, убранная лентами и шитьемъ. Бѣдная помѣшанная пришла въ восторгъ отъ нея, повернулась спиной къ окнамъ, гдѣ всѣ видятъ Государя, разсматривала пелерину и громко сказала: «Слышали вы, какъ Государь сказалъ при всѣхъ: Анна Наркизовна, я тебя люблю; вотъ даже узналъ мое имя!»—По окончаніи обѣда Государь собственноручно пожаловалъ хозяйкѣ дома купчихѣ Кузмёнковой перстень съ аметистомъ и бриллiантами, а хозяину, ея мужу, золотые часы. Вскорѣ подали ему экипажъ, простую, безъ всякихъ украшеній, зеленую коляску, запряженную въ восемь лошадей на выносъ; съ нимъ сѣлъ Дибичь. Лакеевъ не было, а только на козлахъ знаменитый Илья. Лошади сѣрыя въ яблокахъ. Но лишь коляска тронулась, какъ весь народъ, съ крикомъ ура, схватился за колеса, такъ что экипажу нельзя было двинуться; шапки, шляпы, все полетѣло вверхъ, энтузіазмъ былъ всеобщій. Государь всталъ и раскланялся на всѣ стороны. «Жена моя скоро будетъ у васъ», сказалъ онъ народу. Это еще болѣе всѣхъ восхитило. Такъ мы проводили незабвеннаго, кончину котораго вскорѣ горько оплакали.

Встрѣча Государыни, для которой мы снова въ Сентябрѣ поѣхали въ Ельню, была неудачна. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Не смотря на то, множество дамъ, и мы въ томъ числѣ, стояло подъ окнами Императрицы; но она была нездорова, и мы ея не видали. Я только видѣла, какъ въ поданную карету вошла дама въ бѣлой шали и темно-малиновомъ ваточномъ капотѣ; но кто это былъ, не знаю. Я засмотрѣлась на запухшія отъ сырости окна кареты, стараясь что-нибудь чрезъ нихъ увидѣть, какъ вдругъ слышу надъ собою: «Ayez la bonté de me permettre de passer», оглядываюсь и вижу довольно полнаго немолодаго господина въ надвинутой до бровей фуражкѣ и военной шинели, изъ за которой выглядывала звѣзда. Это оказался князь Волконскій, сопровождавшій Государыню.

Въ продолженіе наступившей затѣмъ зимы испытали мы многія огорченія и потери. Вѣсть о кончинѣ такъ горячо любимаго Царя потрясла всѣхъ. Много было толковъ по этому поводу. Распространился слухъ, что Англичане опоили его медленнымъ ядомъ, отъ котораго у него скоплялась вода въ головномъ мозгу. Ее хотя и выпускали, дѣлая операцію, но она снова накоплялась и свела его въ гробъ. Потомъ этотъ слухъ опровергали и пускались въ новыя догадки. Около

этого же времени умеръ генералъ Петръ Петровичъ Пассекъ, котораго я уважала и любила. Затѣмъ сильно простудилась сестра Татьяна Сергѣевна и скончалась въ полномъ разцвѣтѣ силъ и красоты; ей еще не было и тридцати лѣтъ. За ней послѣдовалъ и старикъ отецъ мой, котораго смерть отъ удара (coup foudroyant) насъ особенно поразила своей внезапностью. За нѣсколько дней до кончины его, старшая сестра получила письмо отъ Бунаковыхъ, нашихъ Вяземскихъ знакомыхъ. Онѣ передаютъ, что сосѣдъ ихъ Бѣльскій такъ заинтересовался мною, танцуя со мною во время съѣзда на ярмаркѣ въ Хиславичахъ (это когда я прикинулась наивною), что просилъ Бунаковыхъ пригласить наше семейство пріѣхать, дабы имѣть случай познакомиться. Узнавъ, что Бѣльскій человѣкъ порядочный и имѣетъ достаточныя средства, а потому можетъ быть мнѣ партіей, стали собираться къ Бунаковымъ. Но конечно все это дѣлалось (т. е. читали письмо и рѣшали его послѣдствія) между моими старшими, я же могла только догадываться о затѣваемомъ. Мнѣ подарили модную шляпку à la bergère изъ бархата масака съ голубой отдѣлкой изъ шелковаго шарфика. Горничныя усѣлись вышивать мнѣ платье барежевое, цвѣта abricos; вышивалась гладью кайма, нѣсколько ниже колѣнъ, шелками зеленаго цвѣта, изображавшая дубовые листья. На поясѣ и эполеткахъ тѣже листья помельче. Но вотъ случилась катастрофа, смерть отца, и поѣздка не состоялась. Кончина эта такъ потрясла мать мою и любимую дочь отца Елисавету Сергѣевну, что онѣ заболѣли.

Когда начали онѣ поправляться, мы поѣхали на богомолье въ Нилову пустынь, гдѣ незадолго до того отошелъ въ вѣчность архимандритъ Никаноръ, въ мірѣ Николай Александровичъ, родной братъ моего отца. Память о немъ живо сохранялась между монахами, которые его очень любили, а потому, узнавъ въ насъ его родныхъ они встрѣтили насъ радушно, отвели намъ особое помѣщеніе очень хорошее и угождали какъ могли лучше. У насъ даже была отдѣльная кухня, въ которой мы готовили для больныхъ нашихъ скоромное кушанье; а какъ онѣ были еще слабы, то іеромонахъ приходилъ въ наши комнаты служить особо для насъ всенощную. Нѣсколько отдохнувъ, матушка съ старшими дочерьми говѣла. Тутъ во время Херувимской я въ первый разъ услышала кликушъ, поднявшихъ такой вой, что стало страшно и тоскливо на душѣ. Это повторялось каждую обѣдню. Притворялись ли эти женщины или нѣтъ, я не знала навѣрное. Монастырь стоитъ посреди острова Столбнаго, почему и святой Нилъ называется Столбенскій. Мѣстность его на озерѣ Селигерѣ, очень красива, что было замѣтно даже зимою. Большіе дубы, липы и хвойныя деревья между каменными постройками наполняютъ островъ, имѣющій въ окружности до

семи верстъ. Въ озерѣ бываетъ громадный ловъ снѣдковъ. Богомольцевъ всегда много, и монастырь на свой счетъ кормитъ ихъ въ продолженіе трехъ дней каждаго.

Возвращаясь чрезъ городъ Осташковъ, намъ случилось остановиться среди неширокой улицы, и что же? по обѣ стороны вижу я невзрачные ряды деревянныхъ лавокъ, изъ которыхъ безпрестанно выбѣгаютъ мальчики-подростки съ метлами и лопатами, выгребаютъ изъ подъ ногъ нашихъ лошадей, запряженныхъ тройкой врядъ, разсыпавшіеся снѣдки, цѣлыя копны которыхъ сложены были передъ каждой лавченкой. Туда же вмѣстѣ со снѣгомъ и навозомъ пригребались и тѣ снѣдки, которые побывали среди улицы подъ проѣзжающими санями. Тутъ же увидѣла я собаку, вскочившую на одну изъ этихъ кучъ и по своему на ней распорядившуюся, а потому съ тѣхъ поръ не ѣмъ снѣтковъ. Ночевали мы въ деревнѣ Мологинѣ; крестьяне здѣсь чистые Тверитяне. Избы большія, просторныя, съ окнами на обѣ стороны. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается скотъ, а хозяева живутъ во второмъ. Наша хозяйка принесла большую чистую простыню съ пришитыми къ ея краю петлями и отгородила для насъ половину комнаты. Мы выѣхали изъ Мологина на другой день довольно поздно и какъ намъ посовѣтовали ѣхать ближнимъ проселкомъ, то съ наступленіемъ ночи мы долго плутали въ большомъ глухомъ лѣсу, пока наконецъ выѣхали на завидѣнный огонекъ и по высокому сугробу очутились всей тройкой на крышѣ невысокой избы. Къ счастью лошади, уже измученныя тяжелой, длинной дорогой, сами остановились; иначе мы бы полетѣли внизъ головой, потому что изба была занесена снѣгомъ лишь съ одной стороны. Въ противуположность нашему свѣтлому, чистому ночлегу въ Мологинѣ, мы на этотъ разъ должны были довольствоваться избой очень грязной и тѣсной, такъ что нѣкоторыя изъ насъ предпочли ночевать въ нашихъ дорожныхъ кибиткахъ закутавшись въ шубы. Для отысканія пути, съ котораго мы сбились, наняли провожатаго и къ Масляной вернулись домой.—Съ наступленіемъ поста по случаю траура я не занималась музыкой и очень жалѣла, что не развила въ себѣ природную склонность къ живописи. Старшія сестры въ свое время брали уроки рисованія и часто занимались этимъ искусствомъ, красками, акварелью и чернымъ Итальянскимъ карандашемъ. Тогда въ употребленіи былъ рисунокъ пунктиромъ, что̀ гораздо труднѣе и копотливѣе нынѣшняго, штрихами. Но меня не учили рисованію, и я составляла рисунки букетовъ самоучкой.

Около этого времени умеръ у генерала Голубцова его старшій братъ, служившій при дворѣ, котораго единственная дочь, вышедшая за Саксонскаго посланника Гогенлое-Кильбергъ, умерла еще ранѣе

отца своего; потому нашъ сосѣдъ Голубцовъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ брата. Въ числѣ полученныхъ имъ вещей было нѣсколько примѣчательныхъ по оригинальности или художественности. Такъ я помню красивую раму, въ которой вставленъ былъ вензель императрицы Екатерины II-ой, прекрасно сдѣланный изъ искусно подобранныхъ насѣкомыхъ, бабочекъ, жучковъ. Было нѣсколько картинъ изъ раковинъ; особенно заинтересовало насъ фортепьяно въ видѣ небольшаго комода или бюро съ инкрустаціями, семью педалями и разными украшеніями. Долго никто не умѣлъ его настроить. Первую минуту сочли было этотъ инструментъ за бюро съ секретнымъ замкомъ. Его отворилъ и настроилъ Финогенъ, въ то время еще продолжавшій давать уроки музыки. Семь педалей этого инструмента соотвѣтствовали тону арфы, колокольчиковъ, гитары, флейты и проч. Въ числѣ туалетныхъ вещей выдѣлялся стариннаго Французскаго покроя кафтанъ, прошлаго вѣка, изъ синяго бархата съ широкой каймой, вышитой кованнымъ золотомъ и съ крупными алмазными пуговицами по обѣимъ поламъ. Этотъ кафтанъ былъ такъ широкъ, что изъ него скроена впослѣдствіи роскошная священническая риза, а оплечья къ ней сшиты изъ большаго, глазетоваго жилета къ тому же кафтану. Помню костюмъ Китаянки: нижняя юбка длинная изъ желтаго атласа съ туникой изъ чернаго крепа, шитаго блестками съ широкой серебряной каймой, такимъ же поясомъ и большими серебряными кистями; бѣлые, длинные, атласные рукава до ногтей съ запястьями изъ алмазовъ, а сверху прешірокіе вышитые блестками же черные крепoвые рукава, длинные, совсѣмъ не сшитые, а только вшитые на верху; башмаки красные съ длинными загнутыми кверху концами. Дополненіе къ костюму составляла красная, въ видѣ ермолки, бархатная шапочка съ золотымъ снуркомъ вокругъ и такою же длинною кистью. Тутъ же были длинный завитой мундштукъ съ фарфоровой расписной въ Китайскомъ вкусѣ трубочкой и довольно большая подушка голубаго бархата, обшитая толстымъ золотымъ снуркомъ съ кистями. На Святкахъ въ этотъ костюмъ нарядилась немолодая уже дѣвица Панова, жившая въ домѣ Голубцовыхъ въ качествѣ гувернантки воспитанницъ. Панова, по обычаю того времени, носила длинные локоны tire - bouchon, совсѣмъ скрывавшіе ея нѣсколько косые глаза. Надѣвъ костюмъ, она подобрала волосы подъ шапочку и, положивъ голубую подушку посреди залы, усѣлась на нее съ мундштукомъ. Присутствовавшіе офицеры и молодые люди, совсѣмъ забывъ о существованіи въ домѣ гувернантки, обступили ее, заинтересованные неизвѣстнымъ, какъ имъ казалось, лицомъ. Они нашли, что даже глаза настоящіе Китайскіе, раскосые, не зная того, что и въ дѣйствительности Панова косà. На эти Святки

нашъ домашній живописецъ Илья смастерилъ до двадцати черныхъ полумасокъ съ чернымъ крепомъ въ нижней половинѣ. Я была въ моемъ любимомъ Русскомъ сарафанѣ изъ краснаго атласа съ золотымъ позументомъ, въ рубашкѣ изъ бѣлой кисеи, тонкой и плотной, «трико», какой теперь уже не найти, въ кокошникѣ изъ золотой бумаги съ длинной косой, заканчивавшейся широкой голубой лентой. Подъ пару мнѣ была одѣта Лиза, въ голубомъ сарафанѣ. Вся наша компанія, то есть Голубцовы, Николевы, Римскіе-Корсаковы, Энгельгартъ, составлявшіе какъ бы beau-monde нашего края, были приглашены никогда въ наше общество не ѣздившимъ помѣщикомъ Иваномъ Михайловичемъ Гедеоновымъ, жившимъ отъ насъ верстахъ въ 15, того же уѣзда, въ сельцѣ Гористовѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Соколинской, Марьѣ Богдановнѣ, женщинѣ больной и такой тихой, что ее въ домѣ и не слышно было. Всѣмъ домомъ, кромѣ самого хозяина, заправляла гувернантка единственной дочери Гедеоновыхъ, Варвара Ѳоминична Жуiъ, жена танцмейстера, переучившаго танцамъ половину губерніи, больше Русской пляскѣ, казачку, горлинкѣ, гросфатеру, матрадуру, котильону, экосезу, круглому Польскому и вальсу. Вотъ почти всѣ въ то время принятые танцы, въ провинціи. По спеціальности мужа, жена его, которой иногда приходилось разбирать на нотахъ нѣсколько Французскихъ и Итальянскихъ словъ, пріобрѣла нѣкоторыя, хотя и ограниченныя, познанія и объявила себя учительницей иностранныхъ языковъ, почему получала хорошее содержаніе отъ помѣщика. Гедеоновъ поддерживалъ больше сношенія съ дворянами второразрядными, которые хотя могли быть и хорошими людьми, но до душевныхъ качествъ что̀ за дѣло обществу? Оно требуетъ хорошаго воспитанія, выдержки, свѣтской любезности, а этого-то и не доставало у тогдашнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ то время, въ двадцатыхъ годахъ, большею частью люди ограниченныхъ средствъ довольствовались въ дѣлѣ образованія дочерей одними элементарными познаніями. Иныя и читали-то только по Псалтырю и Часослову. Мальчиковъ еще приготовляли къ службѣ, хотя бы гражданской (писаремъ, столоначальникомъ), а дѣвочкамъ на что̀ нужна наука? Умѣла бы хозяйничать да сшить себѣ рубашку. Прясть и ткать если которая мать и позволяла дочери, то подъ большимъ секретомъ: это считалось неприличнымъ для дворянки. По праздникамъ обыкновенно собирались у сосѣда побогаче, гдѣ устраивались танцы подъ разбитое фортепьяно, у котораго часто не доставало и клавишей, но присутствіе котораго считалось необходимымъ въ мало-мальски приличномъ домѣ. Подъ его дребезжащіе звуки пѣлись чувствительные романсы,

напр. «Я въ пустыню удаляюсь», и другіе. Въ каждомъ домѣ непремѣнно долженъ былъ быть кабинетъ хозяина, хотя бы онъ былъ занятъ единственно мѣшками съ образцами сельскихъ продуктовъ да домашними счетами, а у хозяйки полагалось быть уборной. У Гедеоновыхъ насъ усадили за длинный обѣденный столъ. Въ числѣ многихъ винъ, которыхъ, по разсчетливости хозяина, было каждаго по немногу, подали, по словамъ прислуживавшаго лакея, шатай-маргай, это оказалось: шато-марго и, наконецъ, сливникъ. Такъ какъ вина вообще показались намъ плохи, и мы предполагали подъ именемъ сливника наливку изъ сливъ, нами очень любимую, то каждый желаетъ его пить, но, попробовавъ, дѣлаетъ гримасу; оказалось, что это смѣсь остатковъ отъ прежнихъ угощеній винами и наливками! Я, какъ младшая, а потому болѣе подходящая по возрасту къ лѣтамъ дѣвицы Гедеоновой, получила и особое угощеніе. Это были сдѣланные изъ сахара грибки, бѣлые, черные, рыжики, окрашенные краснымъ сандаломъ и другими красками, такъ что ѣсть ихъ было невозможно. Не смотря на опасную болѣзнь хозяйки дома, вовсе не выходившей къ гостямъ, послѣ обѣда всѣ пошли костюмироваться по отдѣльнымъ комнатамъ. Танцы были подъ Жидовскую музыку, откуда-то добытую Гедеоновымъ; главную роль играли цимбалы и скрипка. Изъ кавалеровъ, военные не имѣли тогда права костюмироваться; Аракчеевская строгость была еще въ полной силѣ; позволялось только набрасывать на одно плечо небольшое домино.

Вскорѣ, въ 1828—1830 году, началась война съ Турками, и почти въ тоже время первая ужасная холера, которую еще совсѣмъ не умѣли лѣчить. Въ артиллеріи, стоявшей нѣкоторое время въ нашей губерніи, были премилые люди, нѣкоторые еще очень юные, только что выпущенные изъ корпуса. Одинъ изъ нихъ Сентенинъ хорошо декламировалъ «Думы» Рылѣева; наивный Ванда, уѣзжая изъ Ельни, заливался слезами, уходя прямо на войну. И всѣхъ ихъ побили Турки! Намъ ихъ очень было жаль. Холера въ свою очередь унесла многихъ. А незадолго до того, при воцареніи Николая Павловича, множество арестовъ тяжело отозвались на многихъ семействахъ въ Смоленской губерніи. Якушкина, Швейковскаго, Каховскаго я видѣла ранѣе у Пассека въ Крашневѣ; теперь они были замѣшаны въ возмущеніи и пострадали. Все это производило на насъ тяжелое впечатлѣніе.

По усмиреніи бунта Государь дѣлалъ большой смотръ войскамъ подъ Вязьмой. Смотръ долженъ былъ напоминать бывшее тамъ въ 1812-мъ году сраженіе. Двоюродный братъ нашъ Иванъ Юрьевичъ Николевъ былъ въ то время бригаднымъ генераломъ и со своими полками Невскимъ и Софійскимъ, долженъ былъ участвовать въ маневрахъ,

Онъ заѣхалъ къ намъ съ двумя своими сыновьями, обоими еще юнкерами, и адъютантомъ Умановымъ, влюбленнымъ въ одну изъ дочерей генерала. Иванъ Юрьевичъ пригласилъ насъ пріѣхать смотрѣть маневры, для чего уступилъ отведенное для него просторное помѣщеніе, такъ какъ съѣздъ зрителей смотра былъ такъ великъ, что небольшой сравнительно городъ Вязьма былъ переполненъ. У Ивана Юрьевича была большая палатка, въ которой онъ и жилъ, особая адъютантская и премиленькій досчатый домикъ позади палатки, весь наполненный горшками цвѣтовъ, которыхъ онъ былъ большой любитель. Не помню сколько дней мы пробыли въ Вязьмѣ, но всякій день встрѣчали зорю въ лагерѣ у нашего роднаго. Мнѣ очень нравился гимнъ «Коль славенъ», и казалась забавной слѣдовавшая затѣмъ перекличка солдатъ, когда цѣлые полчаса на разныхъ голосахъ слышишь: я, я, я! Насталъ день смотра; съ ранняго утра потянулись полки мимо нашихъ оконъ, сплошь наполняя неширокую улицу. Еще въ постелѣ мы заслышали гулъ и топотъ тысячъ ногъ. Иные, проходя у самыхъ нашихъ оконъ, постучатъ въ запертые ставни, а когда мы ихъ отворимъ, то приходилось отвертываться отъ окна: такъ сильно блестѣли въ лучахъ восходящаго солнца безпрестано смѣняющіеся ряды ружейныхъ стволовъ и штыковъ. Какой-то солдатикъ попросилъ испить водицы. Эта живая рѣка протекала нѣсколько часовъ, и мы уже успѣли напиться чаю, когда пріѣхалъ за нами Иванъ Юрьевичъ, говоря, что пора ѣхать. Я надѣла дамскую шинельку, которыя тогда были въ модѣ, изъ легкой шерстяной матеріи, и соломенную шляпу съ ландышами. Дорòги спрашивать не надо было: стоило только двигаться вслѣдъ за толпою, бѣжавшею за городъ на обширную ровную мѣстность. Мы вышли изъ экипажа и вмѣшались въ толпу, уже обступившую канатъ, сдерживавшій народъ. Тутъ разставлены были желонерами солдаты, не вдалекѣ другъ отъ друга. Но вотъ все утихло. Завидѣли Государя и великаго князя Михаила верхами, а за ними генералитетъ, впереди котораго ѣхалъ фельдмаршалъ Сакенъ, покрывъ собою всю свою маленькую лошадь, которую ему нарочно выбирали пониже, потому что Сакенъ былъ уже очень старъ, толстъ и обрюзгъ. Его треуголка совсѣмъ лежала на плечахъ, такъ что эполеты были съ ней на одномъ уровнѣ. Я замѣтила, что онъ весьма мало принималъ участія въ смотрѣ, а сдѣлавъ руку козырькомъ надъ глазами, чтобъ не мѣшало солнце, повернулся на лошади бокомъ, лицомъ къ дамамъ, стоявшимъ у каната, тихо проѣхалъ мимо, разглядывая насъ и нѣкоторымъ говоря: «Bonjour, madame», вѣроятно тѣмъ, которыя ему больше нравились. Чтобъ докончить рѣчь о Сакенѣ, прибавлю, что онъ такъ утомился во время смотра, что по окончаніи не могъ доѣхать до квартиры: его сняли

съ лошади и, разославъ коверъ у самой дороги, по которой двигался народъ обратно, сложили старика, который и заснулъ, не смотря на шумъ и топотъ кругомъ. Около него сталъ караулъ и не позволялъ экипажамъ ѣхать слишкомъ скоро. Я съ нѣкоторыми мнѣ мало знакомыми дамами стала такъ удачно, что весь генералитетъ былъ вблизи; Государь на гнѣдомъ конѣ былъ въ двухъ шагахъ, а великій князь такъ близко, что хвостъ его лошади былъ рядомъ съ моей шляпой. Каната съ пріѣздомъ Царя уже не было; его затопталъ народъ. Наконецъ слышу крикъ: «Подать назадъ, а шляпки оставить», подразумѣвая подъ шляпками дамъ. Намъ стало свободнѣе, хотя народъ и не далеко оттѣснили. Я залюбовалась красотой войска. И напрасно считаютъ пѣхоту какъ-бы ниже другихъ его частей. Когда она идетъ громадной волной въ ногу, въ тактъ, кажется, земля дышетъ. За пѣхотою шла конница, каждая часть на лошадяхъ особой масти, затѣмъ артиллерія. Все это выстраивалось передъ Государемъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Близъ Царя, возлѣ его лошади, на самомъ солнечномъ припекѣ, стоялъ желонеръ; съ нимъ сдѣлалось дурно. Въ моихъ глазахъ онъ упалъ какъ снопъ, не шевельнувшись, какъ стоялъ. Въ туже секунду его унесли и поставили другаго. Я слышала, какъ великій князь спросилъ у Государя, который часъ? Государь вынулъ часы и громко сказалъ: «Втораго половина». Оказалось, мы пробыли уже болѣе трехъ часовъ на одномъ мѣстѣ. Дама, стоявшая подлѣ меня, спросила у меня, хорошо ли я вижу; я ей говорю, что вижу все, но нѣсколько боюсь близости лошади великаго князя. Я нарочно отвѣчала громко, разсчитывая, что услышатъ, и на самомъ дѣлѣ такъ было. Великій князь взглянулъ на меня и немного отъѣхалъ. Такое вниманіе меня восхитило, и я его полюбила за это. Когда кончились маневры, я стала отыскивать своихъ, которыхъ потеряла еще въ началѣ смотра и, найдя ихъ, пошла съ ними къ нашей каретѣ чрезъ почти опустѣвшее поле. Впереди насъ шла подъ руку съ мущиной какая-то очень расфранченная дама. Ея пестрое шелковое платье было отдѣлано газовыми буфами arc-en-ciel, самыми тогда модными. Вдругъ проскакалъ офицеръ очень быстро и такъ близко, что лошадь его зацѣпила ногою за буфы этой дамы, дернула, и дама упала подъ лошадь. Умное животное остановилось какъ вкопанное, а офицеръ такъ растерялся, что сталъ кричать: «доктора, доктора!» Даму безчувственную, наконецъ, унесли, а онъ ускакалъ далѣе. На завтра мы ходили къ обѣднѣ въ полковую церковь, близъ которой стояла палатка Государя, а вечеромъ гуляли по городу съ Бунаковыми и повстрѣчали нашего знакомаго генерала Оленина, очень милаго человѣка, совсѣмъ не предъявлявшаго никому своего генеральства. Въ Вязьмѣ же мы встрѣтились съ полковникомъ Слат-

винскимъ (которому очень нравилась покойная сестра Татьяна, и онъ долго грустилъ по ней) и съ артиллерійскимъ полковникомъ Лизандеормъ, который ухаживалъ тогда за сестрой Екатериной, (это ухаживанье ничѣмъ не кончилось). Квартира великаго князя выходила окнами и крыльцомъ на площадь. Здѣсь поставлены были, въ почетный караулъ, два сына Ивана Юрьевича. Великій князь, подъѣхавъ, поздравилъ ихъ обоихъ офицерами. Наши юноши съ радости такъ загулялись на другой день, что опоздали въ лагерь и когда пробили зорю, они, не зная лозунга-пароля, развернули зонтики, покрыли ими головы и стремглавъ побѣжали чрезъ цѣпь. Часовые кричатъ: «кто идетъ, стой!», а они въ отвѣтъ: «грибки изъ лѣса»; ихъ узнали по голосу, и все сошло благополучно. Иванъ Юрьевичъ, отецъ ихъ, былъ веселаго нрава и также иногда любилъ пошалить. Приглашенный на парадный обѣдъ, онъ явился къ намъ показать себя въ полномъ парадѣ, затянутый въ шарфъ при всѣхъ орденахъ и двухъ звѣздахъ, а отъ насъ, вмѣсто того чтобы спѣшить на обѣдъ, отправился накупать конфетъ и снова вернулся угощать насъ, такъ что опоздалъ и долженъ былъ помѣститься на концѣ стола между адъютантами.

Изъ пребыванія нашего въ Вязьмѣ осталась въ памяти моей выдѣлка воска. Теперь вѣроятно круги воска выдѣлываются машиной, но тогда машинъ совсѣмъ почти не знали. Близъ квартиры нашей выкопана была глубокая яма со вставленнымъ въ нее чаномъ. По обѣ стороны вкопаны два столба съ перекладиной, черезъ которую перекинута веревка съ навѣшаннымъ на ней дубовымъ чурбаномъ, аршинъ въ поперечникѣ и аршина полтора въ длину; этотъ молотъ долженъ былъ вколачивать клинья въ станокъ, наполненный воскомъ, и тѣмъ придавать ему форму круга, выдавливая при этомъ остатки меда. На чурбанъ-молотъ, съ этой цѣлью, ложился молодой работникъ, всѣмъ корпусомъ раскачивая его, такъ что молотъ, ударяя въ прессъ, отскакивалъ отъ него назадъ и увлекалъ собою рабочаго. Работа чрезвычайно тяжелая, которая должна была сильно отзываться на здоровьи, по тому сотрясенію, какое получали нервы и мозгъ рабочаго.—Возвратясь домой, мы нашли уже ранѣе насъ туда пріѣхавшаго Ивана Юрьевича съ сыновьями и адъютантомъ. Скоро съѣхались сосѣдки-дѣвицы и устроились танцы. Стали практиковаться въ новомодной Французской кадрили, которой многіе еще совсѣмъ не знали. Одного кавалера недоставало. Тутъ вошелъ квартировавшій въ одной изъ нашихъ деревень капитанъ Руцкій, въ полной формѣ, въ киверѣ въ видѣ ведра (отъ чего казался еще громаднѣе ростомъ), такъ что полуаршинный султанъ его едва не касался потолка. Вытянувшись по всѣмъ правиламъ, предсталъ онъ предъ генераломъ; тотъ машетъ ему,

не надо, не надо, снимайте лучше лишнюю аммуницію и становитесь въ кадриль; но Руцкій никогда ничего не танцуетъ. Человѣкъ очень серьезный, мы и улыбки его никогда не видали. Не обращая вниманія на его печальное лицо, бывшіе юнкера подхватили его за обѣ руки и поставили со мною въ пару учить кадрили. Одинъ тащитъ его направо, другой налѣво, впередъ, назадъ; Руцкій смѣется, ничего не понимая. По окончаніи кадрили, онъ объявилъ, что отъ непривычки къ смѣху у него заболѣли челюсти.

На слѣдующее лѣто, сосѣдка наша Римская-Корсакова, собираясь съ семействомъ въ сосѣдній городъ Дорогобужъ (гдѣ бывала большая, большею частью конная ярмарка, въ продолженіи недѣли, начинавшаяся 29-го Іюня и называвшаяся «Свѣтлою»), пригласила меня и сестру Елену, какъ младшихъ, ѣхать съ семьей. Матушка ничего не имѣла противъ, и мы поѣхали. Всѣ танцы и удовольствія этой ярмарки обыкновенно зависѣли отъ предводителя. Если онъ самъ дансёръ, молодъ, любезенъ, то и редуты оживлены и многолюдны, особенно когда въ городѣ квартируетъ полкъ или часть артилеріи. На этотъ разъ предводителемъ Дорогобужскаго уѣзда былъ Яковъ Андреевичъ Реадъ, человѣкъ порядочно образованный, любившій повеселиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ игрокъ и дуэлистъ. Въ этомъ отношеніи о немъ носились темные слухи... Въ окрестностяхъ Дорогобужа стояла артилерія, а къ «Свѣтлой» пріѣхалъ со своимъ штатомъ и Смоленскій губернаторъ Хмѣльницкій (пріобрѣтшій извѣстность какъ писатель), а потому редутъ вышелъ на славу. На балѣ мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ Хмѣльницкимъ, большимъ любителемъ цвѣтовъ. Я знала, что онъ развелъ нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ на Смоленскомъ гуляньѣ, Блоньѣ, и роздалъ ихъ разнымъ дѣвицамъ подъ обработку. На мнѣ было мое любимое кофейнаго цвѣта платье, гроденапль-муаре, а на головѣ живая вѣтка пахучей туберозы. При каждомъ моемъ движеніи головой, Хмѣльницкому въ носъ ударитъ ея запахъ; а онъ никакъ не догадывался, гдѣ были цвѣты, и принимался оглядывать стѣны и окна, пока я ему не открыла секрета. Семейство Тулубьевыхъ, пріѣхавшее изъ Москвы и мало имѣвшее въ Дорогобужѣ знакомыхъ, объявило, что провинціальныя удовольствія не по нихъ, что не стоитъ и хлопотать принимать въ нихъ участіе, словомъ раскритиковало наши собранія и перестало на нимъ являться. Реадъ вломился въ амбицію и предложилъ мнѣ отомстить Тулубьевымъ, занявшимъ помѣщеніе какъ разъ напротивъ дома нашихъ собраній, окно въ окно. Месть должна была состоять изъ усиленныхъ танцевъ во всю ночь, что̀ намъ и удалось. Никогда не бывало такой бѣшеной мазурки, которую я танцовала съ Реадомъ въ первой парѣ. Мы придумывали самыя

оживленныя фигуры и кончили часа въ 4 утра, когда солнце уже всходило и огни погасили. Мы замѣтили, что vis-à-vis у Тулубьевыхъ свѣча, горѣвшая всю ночь, наконецъ, потухла; но мы рѣшили не давать имъ спать. Реадъ предложилъ круглый Польскій, и наша новая продѣлка продолжалась еще часа два, такъ что, вернувшись на квартиру, мы нашли нашу карету уже заложенною, и мы въ нее тотчасъ сѣли какъ были на балѣ, не снимая нарядовъ и цвѣтовъ, чтобы показаться матушкѣ. А какъ лѣтомъ въ каретѣ душно, намъ же предстояло ѣхать 35 верстъ до нашего села, то окна мы открыли; сами же утомленныя уснули и доѣхали въ облакѣ пыли, приведшей насъ въ жалкій видъ. Но мать очень осталась довольна оказаннымъ ей вниманіемъ.

Припоминаются мнѣ иные анекдоты, случившіеся на провинціальныхъ редутахъ и празднествахъ. Одинъ изъ нихъ я теперь разскажу.

Въ оно время я знала лично Евгенію Андреевну Глинку, мать многихъ дочерей и одного сына, знаменитаго Михаила Ивановича. Евгенія Андреевна праздновала день своего ангела наканунѣ Рождества Христова, когда соблюдается старинный обычай, а именно накладывается среди самой просторной комнаты небольшая копна сѣна, накрывается скатертью, и на ней ставятъ блюдо кутьи съ восковыми свѣчами, въ память рожденія Спасителя въ ясляхъ. Передъ кутьей служатъ всенощную, освящаютъ кутью и кушаютъ, поздравляя другъ друга съ наступившимъ праздникомъ. На этотъ разъ, какъ гостей собралось много, то послѣ всенощной устроились танцы, и разошлись спать поздно. Домъ Глинки каменный, большой, раздѣлялся во всю длину коридоромъ, въ который выходили всѣ двери комнатъ, расположенныхъ по обѣ стороны, при чемъ мужчинъ размѣстили по двое и по трое съ одной стороны, женщинъ такимъ же порядкомъ съ другой. Одна изъ пріѣзжихъ дѣвицъ, мало знакомая съ расположеніемъ дóма, заболѣла ночью довольно серьезно и вышла въ коридоръ, не желая стонами безпокоить сосѣдей. Походивъ по слабо освѣщенному коридору, она ошиблась стороной и вмѣсто лѣвой, гдѣ были дамскія комнаты, повернула на правую мужскую сторону; а какъ вездѣ было темно, расположеніе же внутренняго убранства почти одинаково, то она ощупью, добравшись до мѣста, гдѣ предполагала кровать, съ которой встала полчаса назадъ, бросилась на нее не раздѣваясь, и мгновенно заснула. Офицеръ, спавшій на той же кровати, прижавшись къ стѣнѣ, сразу проснулся, почувствовавъ, что кто-то упалъ съ нимъ рядомъ и нащупалъ женскую одежду. Онъ сперва растерялся, потомъ осторожно взглянулъ на сосѣдку и, спустя нѣсколько времени, разбудилъ ее, перепуганную и долго не могшую понять, чтò съ нею. Наконецъ, все было разъяснено, и она растерянная прокралась снова въ

коридоръ разыскивать свою комнату, у порога которой ее и нашли на утро безъ чувствъ, въ горячешномъ припадкѣ. Дѣло однако кончилось благополучно: честный молодой человѣкъ, видя, что, не смотря на всѣ его старанія, товарищи его по ночлегу замѣтили происшедшее и зная, что репутація невинной дѣвушки можетъ пострадать, объяснился съ ея родными и женился на ней.

Около того же времени заболѣла матушка. Она была сильно напугана воромъ, который залѣзъ въ окно комнаты, которую мы занимали на богатой свадьбѣ Мицкой, родственницы Бунаковыхъ, вышедшей за Шетохина. Было два оркестра военной музыки, много офицеровъ и сосѣдей-помѣщиковъ. У Мицкихъ былъ хорошій парикмахеръ, устроившій изъ моихъ густыхъ и длинныхъ волосъ затѣйливую, модную прическу съ небольшой райской птичкой въ видѣ украшенія. Много мнѣ потомъ потребовалось времени, чтобы привести свою косу въ прежній видъ.

И такъ мать моя, возвратясь со свадьбы Мицкой не совсѣмъ здоровой, приняла холодную ванну, послѣ чего серьезно заболѣла. Въ то время считали однимъ изъ лучшихъ и радикальныхъ средствъ открыть кровь, и дѣйствительно послѣ кровопусканія, на которое рѣшились на домашнемъ совѣтѣ, ей сдѣлалось лучше. Матушка жила послѣ того еще слишкомъ 20 лѣтъ и скончалась восьмидесяти лѣтъ, ежегодно, почти до глубокой старости, пуская себѣ кровь, около того же времени года, какъ и въ первый разъ.

Изъ офицеровъ, бывавшихъ у насъ въ то время, стоитъ упомянуть объ одномъ, походившемъ на Николая Павловича, по фамиліи Рубецъ. Сходствомъ этимъ онъ очень гордился. Въ Августѣ, преосвященный Іосифъ Смоленскій, объѣзжая епархію, былъ нами приглашенъ въ Покровское. Много по этому случаю наѣхало къ намъ духовенства и сосѣдей свѣтскихъ. Для встрѣчи отправили нашу карету и лошадей для подставы. Какъ завидѣли спускающійся экипажъ, зазвонили на колокольнѣ; но Ельнинскій благочинный, толстенькій, плѣшивый человѣчекъ, такъ растерялся, что будто оглохъ, и хотя пономарь усердно трезвонилъ, онъ продолжалъ кричать на него: «Звони, дуракъ, звони; звони, что̀ ты не звонишь!» Наконецъ архіерей подъѣхалъ къ церкви, окруженный толпой народа. Крестьяне говорили, что пришли «чудного попа глядѣть». Послѣ всенощной пилъ онъ у насъ чай и ночевалъ. Это былъ маленькій, худенькій старичокъ съ очень пріятнымъ лицомъ и чрезвычайно воздержной жизни. Хотя ему былъ приготовленъ обыкновенный матрацъ съ кожаной подушкой, но онъ не легъ на него, а спалъ на полу, на разостланномъ въ одинъ только рядъ коврѣ. Съ вечера онъ ничего не кушалъ, готовясь служить обѣдню, а на

завтра, въ праздникъ Преображенія, не пилъ чаю, ожидая благовѣста, и, сидя у открытаго окна, бросалъ мальчикамъ, пѣвчимъ своего хора, персики, принесенные ему въ подарокъ кѣмъ-то изъ сосѣдей, и весело смѣялся, когда, стараясь поймать ихъ побольше, мальчики топтали ихъ и давили. Погода была хорошая, и видъ освѣщенной, переполненной церкви торжественъ. Предъ окончаніемъ службы, я, на которой лежала обязанность разливанія чая, поспѣшила домой. Только что распорядилась я самоваромъ, какъ вдругъ вижу въ окно ѣдущую отъ церкви карету и торопливо говорю слугѣ: «Скорѣй иди, видишь архіерей ѣдетъ», и вдругъ оборачиваюсь и сталкиваюсь съ самимъ архіереемъ, пріѣхавшимъ на дрожкахъ прежде кареты. Онъ вошелъ такъ тихо, что я не слыхала, и говоритъ: «А вотъ архіерей и пріѣхалъ», и смѣется, что я сконфузилась и не подхожу подъ благословеніе, а, остановившись среди комнаты, дѣлаю ему почтительный реверансъ. Онъ самъ подошелъ ко мнѣ и благословилъ, говоря: «Видно, молодая хозяюшка хлопочетъ насъ поить чаемъ». Тогда только я опомнилась и хотѣла поцѣловать его руку, но онъ (не вѣрите, а я говорю правду), не далъ мнѣ своей руки, а поцѣловалъ мою. За двумя самоварами я наливала чай до самаго почти обѣда, болѣе сотни стакановъ. Обѣдъ былъ рыбный, на 50 кувертовъ, и то не всѣмъ еще достало мѣста. Повара наши отличились.

На завтра всѣ отправились къ Голубцовымъ, гдѣ случилось забавное приключеніе. Римская-Корсакова, носившая короткіе волосы, надѣла чепчикъ съ широкими лопастями и при томъ на каркасѣ. Погода была хорошая, всѣ окна отворены, сквозной вѣтеръ подхватилъ плохо державшійся на головѣ чепецъ и, катя его по полу, подкатилъ къ ногамъ архіерея; за чепцомъ бѣжитъ его владѣтельница въ широкомъ ситцевомъ платьѣ, которое вѣтеръ раздулъ кругомъ ея въ видѣ шара; она нагнулась стремительно къ ногамъ ничего не понимающаго, испуганнаго архіерея, ловя чепецъ, въ то время, какъ онъ отсторонялся и махалъ руками: «Не надо, не надо!»

Въ скорости, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ ѣхалъ за границу, какъ говорили, для выбора невѣсты и проѣздомъ былъ въ Смоленскѣ, куда мы для этого случая и поѣхали. Дворянство давало балъ и иллюминацію довольно плохую (такъ какъ она была какъ-то скучена, занимая лишь небольшое пространство, остальной же городъ оставался въ мракѣ, только кое-гдѣ горѣли плошки). Даже домъ дворянскаго собранія, занимаемый Цесаревичемъ, былъ плохо освѣщенъ. Погода была лѣтняя, очень хорошая. Въ часъ встрѣчи, все пространство вокругъ собора было такъ густо покрыто народомъ, что яблоку негдѣ было упасть. Многочисленное дамское общество разсѣ-

лось по ступенямъ высокаго церковнаго крыльца около балюстрады а мущины съ губернаторомъ во главѣ ближе къ серединѣ, покрытой краснымъ сукномъ для прохода Цесаревича. Но вотъ онъ подъѣхалъ; все зашевелилось, вскочило... Онъ сталъ всходить, не глядя повидимому ни на кого; но вдругъ я увидѣла, что онъ приподнялъ руку, не останавливаясь и медленно всходя по ступенямъ. Оказалось, онъ повидимому замѣтилъ, что какой-то зѣвака забылъ снять шляпу. Въ слѣдующую минуту этого господина не стало: точно сквозь землю провалился. (Я узнала послѣ, что его посадили на гауптвахту). На утро, мы видали изъ окна, какъ Цесаревичъ со свитой, въ числѣ которой былъ извѣстный Василій Андреевичъ Жуковскій, ѣздилъ осматривать чтò это за городъ. Узнавъ, что онъ будетъ въ церкви Смоленской Божіей Матери, чтò на воротахъ, мы отправились туда. Здѣсь выставлены были шлемъ и сандаліи мученика Меркурія, Смоленскаго чудотворца. Нужно сказать, что еще наканунѣ въ соборѣ Наслѣдникъ пожелалъ видѣть шлемъ, латы и сандаліи эти; оказалось, что никто не вздумалъ приготовить ихъ и даже разыскать, начиная съ архіерея Тимоѳея, заступившаго мѣсто Іосифа (который въ то время уже удалился на покой въ Кіевъ, гдѣ и скончался). И такъ, по заявленному Цесаревичемъ желанію, въ туже ночь отысканы были шлемъ и сандаліи святаго въ какой-то кладовой, заплесневелые, въ жалкомъ видѣ, а латъ такъ и не нашли. Наслѣдникъ, войдя въ церковь Смоленской Одигитріи, подошелъ къ столу, поставленному среди церкви и покрытому парчой съ разложенными на ней священными предметами, положилъ земной поклонъ, приложился къ нимъ, осмотрѣлъ и вскорѣ уѣхалъ. Съ тѣхъ-то поръ шлемъ и сандаліи эти находятся на виду въ соборѣ въ углубленіи стѣны близъ алтаря. Шлемъ желѣзный, очень плохой работы, съ застежкой подъ бороду. Сандаліи тоже желѣзные, большіе, тяжелые, въ родѣ лаптей, застегиваются спереди металическимъ же перехватомъ. Въ исторіи города Смоленска говорится, что было два святыхъ Меркурія; былъ одинъ монахъ. Его мощи во время нашествія иноплеменныхъ были такъ усердно куда-то спрятаны, что всѣ забыли, гдѣ онѣ, тогда какъ до 1812-го года онѣ находились въ монастырѣ Св. Авраамія въ Смоленскѣ, вмѣстѣ съ мощами Авраамія, которыя также пропали безъ вѣсти. Тотъ же св. Меркурій, шлемъ и сандаліи котораго я видѣла, былъ воинъ. По велѣнію Богородицы онъ одинъ выступилъ противъ шайки Татаръ близъ деревни Долгомостье, которая и теперь существуетъ близъ Смоленска.

Балъ удался какъ нельзя лучше. Я не была на немъ; но сестры мои поѣхали, а съ ними и короткая пріятельница ихъ, нѣсколько времени въ дѣтствѣ жившая и учившаяся съ ними въ Покровскомъ,

Амболевская, которой родной братъ, артиллерійскій генералъ Ганичевъ, любимецъ великаго князя Михаила Павловича, женился на очень богатой, четырнадцатилѣтней дѣвицѣ Вадковской. Когда Ганичевъ, прося позволенія у Михаила Павловича жениться, сказалъ ея годы и предложилъ великому князю взглянуть на невѣсту, чтобы судить, можно ли ее назвать малолѣтней, то великій князь, увидя ее, нашелъ, что она развита вполнѣ: до такой степени Вадковская была толста и мужественна; чтобы пройти въ двери, ей надо было растворить обѣ половины дверей. На платье ей покупалась цѣлая штука матеріи, а съ лѣтами она сдѣлалась такъ уродливо-толста, что избѣгала показываться въ общество.

Цесаревичу избрана была одна почетная особа для танцевъ, не болѣе, потому что губернаторъ Хмѣльницкій былъ человѣкъ безсемейный, такъ же какъ и комендатъ Кернъ, имѣвшій только одну дочь, жившую въ Петербургѣ. Но, протанцовавъ одну кадриль, Цесаревичъ заявилъ желаніе танцовать еще, а такъ какъ распорядители бала находились въ затрудненіи, то онъ, примѣтивъ на одной молодой особѣ шифръ Смольнаго института, самъ подошелъ къ ней и ангажировалъ. Эта счастливица была дочь поручика Мицкаго, Анна Ѳедоровна.

По возвращеніи домой, жизнь наша вошла въ обычную колею, и мы проводили время довольно пріятно, хотя нѣсколько однообразно.

Полевыми работами завѣдывалъ старшій братъ, какъ глава семьи. Второй братъ Алексѣй, сильно контуженный въ голову, жилъ на отдѣльной половинѣ, во второмъ этажѣ дома, никуда изъ своихъ комнатъ не выходилъ, занимаясь чтеніемъ или вышиваніемъ въ пяльцахъ шерстями. Третій братъ Яковъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ его сынъ Николай учился въ Кадетскомъ корпусѣ, а дочь въ Смольномъ. Этотъ племянникъ считался семьей за единственнаго наслѣдника, и два старшіе брата мои, равно какъ и старшія сестры, положили не жениться и не выходить замужъ, чтобы не дробить имѣнія, съ котораго доходу получалось до 30.000 р., такъ какъ оно было хорошо устроено и поддержано; только уплата по залогу подкашивала наши средства. Всѣ обиходныя вещи, по возможности производились домашними средствами, начиная съ холста и нитокъ до башмаковъ: у насъ былъ свой кожевенный заводъ. Сукно для прислуги ткали дома, шубы они имѣли изъ выдѣланныхъ дома же овчинъ; свѣчи тоже своей выдѣлки. Цѣлый отдѣльный флигель былъ занятъ столярами и плотниками. Мебель дѣлали у насъ очень недурную по рисункамъ изъ наклейнаго краснаго дерева, которое тогда было въ большомъ употребленіи и очень цѣнилось. Были и рѣзчики, и каменщики, кузнецы и шорники, всѣ выбранные изъ своихъ же крестьянъ и если у котораго либо оказывалась

способность къ какому либо мастерству, его отдавали совершенствоваться въ какой-нибудь хорошій магазинъ въ Москвѣ. Изъ трехъ фруктовыхъ садовъ нашихъ мы оставляли себѣ одинъ, а оба другіе сдавали въ аренду мѣщанамъ сосѣднихъ городовъ. Плодовъ всякаго сорта было всегда въ изобиліи. Яблоки, груши, сливы, соленыя, вареныя, моченыя и свѣжія, длились во всю зиму, не смотря на то, что не болѣе двухъ дней въ недѣлю у насъ не садились гости за обѣдъ. Въ семейные праздники пріѣзжихъ лошадей бывало до семидесяти; ихъ конечно приходилось кормить, овсомъ и сѣномъ, такъ какъ многіе пріѣзжали верстъ за 30—40. Прислуги наѣзжало посторонней полная застольная. Хотя въ такіе дни чухонскаго масла отпускали поварамъ къ обѣду не менѣе полупуда, а въ обыкновенное время до пуда ежемѣсячно, но мы никогда масла не покупали и рѣдкій годъ не продавали его цѣлыми кадками; ягодъ же бывала такая пропасть, что не знаешь что̀ съ ними и дѣлать. Когда бывало поспѣетъ малина, то надоѣвшую уже клубнику обираютъ дворовые для себя, сушатъ ее или варятъ варенье, а все таки въ лѣтніе знойные вечера по всему двору пахнетъ зрѣлой клубникой, и послѣднія запоздавшія ягоды такъ и засохнутъ на грядахъ. Мальчикамъ изъ дворовыхъ приказано было бѣгать между кустарниковъ и деревьевъ съ трещотками, отгонять воробьевъ, при чемъ они такъ наѣдятся, что желудки у нихъ разстроятся, и приходится ихъ лѣчить. Оранжерея была порядочная, но могла бы быть гораздо лучше; два садовника не особенно усердно за нею смотрѣли, хотя было достаточно абрикосовъ, бергамотъ, особенно розовыхъ черешенъ, которыхъ деревья были такъ высоки, что безъ подставной лѣстницы нельзя было достать до кроны. Осенью на всѣхъ трехъ гумнахъ шла молотьба, и мы любили, набравъ корзины яблокъ, раздавать ихъ бабамъ и парнямъ, насыпая имъ въ шапки и платки; за то и насъ эти бабы любили и долго спустя, когда по кончинѣ матушки и братьевъ, Покровское было продано, насъ очень жалѣли въ одно время съ нами состарѣвшіеся крестьяне. Хотя Смоленская губернія считается бѣдною, но я не могу сказать, чтобы крестьяне наши очень нуждались. Отецъ и братъ мой всегда говорили, что первое ихъ желаніе видѣть своихъ мужиковъ въ сапогахъ, а не въ лаптяхъ. Конечно, сообразно понятіямъ того времени, бывали и тѣлесныя наказанія, но лишь какъ исключенія и въ рѣдкихъ случаяхъ; притомъ они совершались большею частію негласно, то-есть знали о рѣшеніи подвергнуть провинившагося розгамъ лишь братъ, староста и та деревня или хуторъ, гдѣ жилъ виноватый. До насъ же это не доходило.

Во время поѣздокъ по зимамъ въ Смоленскъ, для выѣздовъ съ семействомъ Энгельгартовъ, мы нашли родственника въ лицѣ князя

Николая Николаев. Хованскаго (по бабкѣ нашей Марьѣ Ивановнѣ Толстой) и были приглашены бывать въ его домѣ, куда принимались люди избраннаго въ губерніи круга. Бывали мы также у богатой барыни Шупинской, въ первомъ замужествѣ тоже Энгельгартъ. Подругой нашей по выѣздамъ была дочь нашей хозяйки, Марія Григорьевна Тиленъ, мужъ которой, Нѣмецкаго происхожденія, былъ добрякъ и весельчакъ, впослѣдствіи генералъ Ѳедоръ Евстафьевичъ. Съ нами же выѣзжала и Надежда Павловна Жегалова, отецъ которой, старикъ почтенный, но съ большими странностями, ко всякому слову прибавлялъ: *съ*, и на сколько дочь его была неумѣренно полна, на столько онъ былъ худъ, съ длинной шеей и въ длинномъ фракѣ. Онъ не разставался съ большой пенковой трубкой, привѣшенной у него къ шеѣ, при чемъ тутъ же болтались въ видѣ украшенія двѣ большія кисти.

Въ Новый годъ дворянство на балѣ принимало въ домѣ собранія купечество и лицъ другихъ сословій, при чемъ многіе были закостюмированы, какъ напримѣръ три сестры Лярскія, которыхъ обычный костюмъ былъ извѣстенъ; онъ назывался летучая мышь и состоялъ изъ большой шали, завязанной назади такъ, чтобы концы не расходились, на головѣ изъ нея же образуются уши или рожки и прикрываютъ лицо, такъ что видны только носъ и глаза. У Лярскихъ были шали синяя, желтая и бѣлая, и всякій зналъ, что это именно онѣ. Я не была закостюмирована, а просто въ розовомъ «шали́» на марлѣ и въ атласныхъ бѣлыхъ башмакахъ, придержанныхъ на ногахъ перекрещивающимися лентами. Просидѣвъ нѣсколько времени, хочу встать на приглашеніе къ танцамъ и не могу: марля, подложенная подъ матерію платья, прилипла къ полу! Хочу ступить, оставляю башмаки прилипшіе на одномъ мѣстѣ. Оглядываюсь и вижу, что танцующія теряютъ башмаки и среди танца въ припрыжку убѣгаютъ въ уборную, неся ихъ въ рукахъ. Оказалось, что крашеный подъ паркетъ полъ, сильно потертый, распорядились только наканунѣ подновить масляной краской; онъ упрямился, долго не сохъ. Чтобы высушить масло, придумали натереть его мастикою, прибавя въ нее смолы, которая, разгоряченная треніемъ отъ танцевъ, произвела цѣлый скандалъ, такъ что балъ не удался.

На другой или третій день мы были у Хованскихъ. Въ кругъ дѣвицъ, сидѣвшихъ отдѣльно, вступилъ губернаторъ Хмѣльницкій и спрашиваетъ: «о чемъ вы разговариваете; ужъ вѣрно о происшествіи съ поломъ». Дѣвицы переглянулись и молчатъ, но я рѣшилась отвѣчать за всѣхъ: «Почему вы полагаете, что мы лучше этой темы не можемъ найти? Наоборотъ, до прихода вашего никто изъ насъ о томъ не говорилъ». Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся. Вообще Смоленскія дамы и дѣвицы слишкомъ подобострастно себя держали передъ губер-

наторомъ, что̀ давало ему поводъ иронизировать надъ ними и даже писать пасквили на женщинъ. Балы Александра Өедоровича Гернгросса и дочери его генеральши Швейковской отличались убранствомъ и угощеніемъ. Такъ, на большомъ серебрянномъ подносѣ устроенъ былъ изъ золоченной бумаги храмъ на восьми золоченыхъ колонахъ съ золотымъ куполомъ, кругомъ котораго въ золотыхъ кольцахъ висѣли чайныя и десертныя ложки. Внутри этого храма наложенъ разноцвѣтный плитнякъ изъ фисташковаго, лимоннаго, малиноваго и другихъ сортовъ мороженнаго. Разбросанныя на подносѣ плитки эти изображали разрушеніе зданія.

Во время дворянскихъ выборовъ съѣздъ въ Смоленскъ былъ особенно великъ. Мы были на хорахъ, когда шли дебаты. Шумъ и крикъ были такіе, что слышенъ только гулъ, и ни одного слова нельзя было уловить. Вдругъ хохотъ по всей залѣ; что̀ такое? Это знакомый намъ старикъ Ковалевъ, сѣдой уже, но сильный и бодрый, любившій напускать на себя самодурство, блажь или шутовство, надѣвъ медвѣжью шубу мѣхомъ вверхъ, съ пѣтушиными когтями въ зубахъ, явился на четверенькахъ въ собраніе, реветъ, пищитъ и творитъ всякія шутовства. И все ему сходило съ рукъ, какъ человѣку состоятельному, имѣвшему трехъ сыновей, выгодныхъ жениховъ.

Изъ сосѣдокъ нашихъ по деревнямъ я довольно близко сошлась съ одной изъ дѣвицъ Римскихъ-Корсаковыхъ и очень всегда сочувствовала ея грустной жизни, когда Авдотья Петровна вышла замужъ за Каленова. Это былъ уже вдовецъ, котораго мать, настоящая баба-яга, многія изъ отличавшихъ ее качествъ передала сыну. Первая жена Александра Львовича Каленова была старшая изъ тѣхъ трехъ княженъ Соколинскихъ, которыхъ такъ странно одѣвала бабушка ихъ, старуха Каховская, кончившая курсъ Смольнаго института въ числѣ воспитаницъ самаго перваго выпуска еще при Екатеринѣ и Бецкомъ. Каховская, не сознавая, что познанія ея уже отстали, и внучкамъ требуется что-нибудь лучшее, не хотѣла ихъ опредѣлить въ какое-либо заведеніе, и онѣ должны были довольствоваться тѣмъ, чему она сама могла ихъ научить. Въ пору приготовленій къ свадьбѣ старшей внучки онѣ поѣхали за покупками въ Москву. Всѣ три княжны были очень свѣтлыя блондинки, бабка ихъ совершенно сѣдая; онѣ сѣли въ свой старинный рыдванъ, карету свѣтло-желтаго цвѣта, запряженный шестеркою сѣрыхъ лошадей; при каретѣ два лакея и кучеръ въ желтыхъ ливреяхъ съ серебряными княжескими гербами. Позади ѣхалъ женихъ, помѣщикъ Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ, Каленовъ, въ своемъ экипажѣ. Въ Москвѣ они отправились за покупками; шествіе открывала бабушка, за ней слѣдовали три внучки, каждая съ большимъ холще-

вымъ мѣшкомъ въ рукахъ для складыванія въ него покупокъ, а позади горничная съ внушительнаго размѣра жестянкой, наполненной старинными серебряными рублями; ключъ отъ жестянки несла бабушка. Опорожнивъ почти вполнѣ свое казнохранилище и наполнивъ длинные мѣшки, собрались онѣ домой, но тутъ выпалъ снѣгъ (дѣло было осенью), онѣ же пріѣхали безъ шубъ; чтобы помочь дѣлу, бабушка тотчасъ пріобрѣла для каждой изъ внукъ и для себя по бѣлому заячьему мѣху и, сдѣлавъ въ каждомъ по круглой дырѣ для просовыванья головы, облекла въ нихъ всю компанію. Въ такомъ видѣ онѣ возвратились домой. Каленовъ все время сопровождалъ ихъ. По прошествіи шести лѣтъ и имѣя уже двухъ дѣтей, онъ овдовѣлъ и тогда-то появился въ сосѣдствѣ нашемъ въ качествѣ жениха моей хорошей знакомой Авдотьи Петровны Р. Корсаковой. Бѣдняжка не была съ нимъ счастлива; онъ обращался съ женой деспотично, ревновалъ ко всѣмъ и каждому, такъ что знакомые перестали къ нему ѣздить. На время собственной отлучки, онъ запиралъ жену на ключъ и по возвращеніи ревизовалъ, на много ли подвинулась безъ него ея работа, заставлялъ ее соблюдать строго всѣ постные дни, а самъ, сидя противъ нея, уплеталъ цыплятъ; задавалъ ей уроки чтенія Псалтыря на распѣвъ, какъ читаютъ по покойникамъ, для чего рядомъ съ ихъ спальной была небольшая молельня со множествомъ образовъ, лампадами и свѣчами. Заперевъ тамъ жену часа на два, мужъ отправлялся на прогулку, или возился съ гувернанткой своихъ дѣтей. Если во время ихъ рѣдкихъ выѣздовъ къ сосѣдямъ жена сдѣлаетъ или скажетъ что-нибудь несогласное съ волей мужа, онъ ее потихоньку щипнетъ, не имѣя возможности иначе заявить ей свое неудовольствіе. Случилось, что во время его поѣздки въ Смоленскъ Авдотья Петровна, соскучившись одна, рѣшилась пріѣхать къ намъ и не успѣла вернуться домой ранѣе мужа; тотчасъ пошли сцены ревности. Я уже легла спать, какъ вдругъ ко мнѣ стучатъ. Это Каленовъ, тотчасъ по пріѣздѣ домой, послалъ нарочнаго разыскивать жену, и я должна была дать свидѣтельство кучеру, что онъ свою барыню у насъ уже не засталъ, но что она дѣйствительно была. Постепенно она чахла и умерла еще молодою, оставя двухъ сиротъ. У Каленова было нѣсколько нагальванизированныхъ банокъ. Онъ дѣлалъ опыты, большею частью для своей, далеко не похвальной забавы. Разъ пріѣхалъ къ нему приходскій священникъ. Угощая его, хозяинъ нагальванизировалъ чарку вина такъ сильно, что гость, взявъ ее въ руку, упалъ со всѣхъ ногъ навзничь...

Марья Сергѣевна Николева впослѣдствіи вышла замужъ за Ивана Ивановича Транковская. Она скончалась весною 1878 года. За сообщеніе въ „Русскій Архивъ" ея воспоминаній, представляющихъ собою живую лѣтопись помѣщичьей старины, въ ея наиболѣе свѣтлыхъ чертахъ, обязаны мы благодарностью дочери ея, Екатеринѣ Ивановнѣ Дерожинской. П. Б.

А. С. ХОМЯКОВЪ КЪ И. С. АКСАКОВУ.

Въ бумагахъ И. С. Аксакова сохранилось четыре письма къ нему Алексѣя Степановича Хомякова, относящіяся къ тому времени, когда И. С. Аксаковъ завѣдывалъ изданіемъ „Русской Бесѣды“, т. е. къ 1858 году. Это былъ и послѣдній годъ жизни Сергѣя Тимофеевича Аксакова, страдавшаго давно тою болѣзнью, которая свела его въ могилу весною 1859 г. Въ двухъ изъ этихъ писемъ говорится о состояніи здоровья Сергѣя Тимофеевича, прибѣгавшаго, повидимому, къ помощи гомеопатіи, послѣдователемъ которой былъ Хомяковъ, не смотря на постоянные нападки большинства друзей своихъ *), видѣвшихъ въ его медицинскихъ убѣжденіяхъ ничто иное, какъ оригинальничаніе и погоню за парадоксальностью, къ чему они его считали черезъ чуръ склоннымъ. Эти письма имѣютъ по преимуществу значеніе біографическое; но такъ какъ самая біографія А. С. Хомякова, не богатая внѣшними событіями, многозначительна обиліемъ внутреннихъ явленій его умственной и духовной жизни, то и біографическое значеніе этихъ краткихъ писемъ тѣсно связываетъ ихъ съ областью его духовнаго дѣланія, внѣшнихъ же фактовъ касается лишь поскольку они относились до его чувствъ, мыслей и убѣжденій.

1858 годъ выдвинулъ для Хомякова два событія, которымъ онъ придавалъ великое значеніе; одно—въ области культурной, а другое—въ области соціальной и экономической жизни Русскаго народа. Несоизмѣримыя, повидимому, между собою и разнородныя по характеру, оба они имѣли въ глазахъ Хомякова тѣсную между собою связь. Но безъ нѣкоторыхъ поясненій отношеніе къ нимъ Хомякова можетъ быть для читателей неяснымъ.

Весною 1858 года привезена была въ Петербургъ картина Иванова *„Явленіе Христа народу“*, и съ нею пріѣхалъ въ Петербургъ самъ художникъ. Алексѣй Степановичъ съ ранней молодости не только любилъ искусство, но даже очень серіозно занимался живописью. Онъ два года работалъ въ Парижской Академіи Художествъ и, повидимому, достигъ довольно серіозной художественной подготовки. Онъ не имѣлъ намѣренія избрать спеціальностью живопись, но желалъ сродниться чрезъ нее съ міромъ искусства, ко-

---

*) См. отзывъ И. В. Кирѣевскаго о гомеопатіи на основаніи характеристики его изобрѣтателя (Сочиненія, т. I, стр. 87 и слѣд.)

торому онъ придавалъ великое образовательное значеніе ¹). Въ одной изъ самыхъ раннихъ своихъ статей „Мнѣнія Русскихъ объ иностранцахъ“ (1846 г.), Хомяковъ указываетъ на скудость и безхарахтерность искусства у насъ съ той поры, какъ западное просвѣщеніе подавило истинное просвѣщеніе Русское, и противуполагаетъ его тѣмъ прекраснымъ задаткамъ искусства въ до-Петровской эпохѣ, которые пробивались даже сквозь всѣ неблагопріятныя историческія условія, не дававшія искусству достигнуть полнаго своего развитія (I т., изд. 2, стр. 43). Эту же мысль онъ развиваетъ въ статьѣ „О возможности Русской художественной школы“, доказывая въ ней, какая тѣсная связь существуетъ между просвѣщеніемъ (культурой) вообще и искусствомъ въ частности. „Просвѣщеніе народа опредѣляется народною личностью, т. е. живой сущностью народной мысли; болѣе-же всего опредѣляется оно тою вѣрою, которая является въ немъ предѣломъ его разумѣнія“ (т. I, стр. 80). „Въ искусствѣ сосредоточивается и выражается полнота человѣческой жизни съ ея просвѣщеніемъ, волей и вѣрованіемъ“ (стр. 70). „Мы не имѣемъ настоящаго художества, потому что мы утратили свою народную личность, т. е. самихъ себя“ (стр. 80), вслѣдствіе того раздвоенія, которое совершилось въ Россіи между народомъ и обществомъ, увлеченнымъ подражаніемъ Западу и потерявшимъ вслѣдствіе этого тѣ жизненныя условія плодотворной дѣятельности, безъ которыхъ у насъ не можетъ процвѣтать просвѣщеніе истинное-народное, ни въ области науки, ни въ области искусства. Возвращеніе къ народнымъ, искони-русскимъ началамъ есть необходимое условіе для духовной дѣятельности, а слѣдовательно такое же для возможности процвѣтанія народнаго искусства.

Но самое появленіе истинно-народныхъ дѣятелей въ области мысли и творчества должно служить доказательствомъ, что народный элементъ еще живъ даже въ оторвавшемся отъ народа и его преданій обществѣ и слѣдовательно указываетъ на возможность постепеннаго возврата къ духовной самобытности, которую А. С. Хомяковъ такъ горячо отстаивалъ противъ господствовавшаго направленія культурной эклектической подражательности. „Вопросъ, къ которому привели насъ требованія художественной Русской школы, очень важенъ: это для насъ вопросъ жизни и смерти въ самомъ высшемъ значеніи умственномъ и духовномъ“ (т. I, стр. 85).

Съ такой точки зрѣнія на искусство вообще, всѣ явленія его развитія должны были представляться крайне-важными Алексѣю Степановичу, и онъ дѣйствительно слѣдилъ съ крайнимъ вниманіемъ за всѣмъ что̀ появлялось въ Россіи въ области всѣхъ отраслей искусства. Извѣстно его живое участіе въ учрежденіи въ Москвѣ Школы Живописи и Ваянія. Статья его „О возможности Русской художественной школы“ вѣроятно написана была подъ вліяніемъ заботъ о насажденіи въ Москвѣ разсадника Русскаго образовательнаго искусства. Одинъ изъ немногихъ въ свое

¹) Первая по времени статья его, сохранившаяся въ отрывкахъ (въ «Русскомъ Архивѣ» 1893 г., выпускъ 5-й), относится до зодчества, и въ ней проводится уже мысль о сродствѣ искусства съ вѣрой; вѣра же для Хомякова есть основа, весь духъ жизни.

время умѣлъ онъ оцѣнить такихъ необыкновенныхъ художниковъ, каковъ былъ напр. С. Щедринъ и, если онъ не упоминалъ о немъ въ статьяхъ, гдѣ касался живописи, то развѣ только потому, что Щедринъ, какъ пейзажистъ, недостаточно ясно могъ выражать особенность народнаго духа, почти неуловимаго, хотя конечно присущаго и воспроизведенію внѣшней природы [1]). Какъ только Хомяковъ узналъ (вѣроятно еще отъ Гоголя, Жуковскаго или Ѳ. В. Чижова), что въ Римѣ работаетъ цѣлые годы художникъ-отшельникъ, посвятившій себя всецѣло служенію искусству, не какъ ремеслу, а какъ дѣлу всей жизни, и что подъ его кистью вырабатывается произведеніе вполнѣ своеобразное – онъ обратилъ живое вниманіе на его трудъ и вѣроятно чрезъ посредство вышеупомянутыхъ друзей своихъ слѣдилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ его работъ. Еще въ 1845 году, въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ читатель, къ удивленію своему, можетъ найти пространное разсужденіе объ искусствѣ, какъ выраженіи народнаго духа и о безцвѣтности Русскаго, оторваннаго отъ живыхъ народныхъ началъ, художества (I т. изд. 1871 г., стр. 426—429), Хомяковъ писалъ: „Говорятъ, что гдѣ-то въ Европѣ живетъ нашъ художникъ, человѣкъ, исполненный жара и любви, давно обдумывающій чудныя произведенія, стиля новаго и великаго, и что онъ готовитъ намъ новую школу“. И такъ, еще съ этихъ, а вѣроятно еще съ болѣе раннихъ поръ, Хомяковъ связывалъ съ Ивановымъ горячія надежды на зачатіе новой Русской школы живописи. Вспомнивъ вышеприведенныя выписки относительно того значенія, которое онъ придавалъ искусству, легко понять, что появленіе самой картины было для него не любопытнымъ лишь художественнымъ фактомъ, а цѣлымъ событіемъ громадной важности въ культурной жизни Россіи. „Пушкинъ, Гоголь, Глинка уже доказали, что художества слòва и звука выбиваются на новый народный путь, что начинается новая эра въ области художества, и она создастъ новыя живыя формы, полныя духовнаго смысла въ живописи и зодчествѣ, были-бы только художники вполнѣ Русскіе и жили-бы вполнѣ Русскою жизнью“ (I т., стр. 418). Появленіе именно такого художника Хомяковъ привѣтствовалъ въ 1858 г. съ прибытіемъ въ Россію А. А. Иванова. Какъ онъ оцѣнилъ значеніе его и его картины, читатель можетъ найдти въ статьѣ, посвященной этому предмету въ первомъ томѣ его сочиненій. То, что̀ говорится объ Ивановѣ въ печатаемыхъ нами письмахъ, служитъ дополненіемъ и поясненіемъ къ этой статьѣ.

Единовременно съ появленіемъ въ области культурной высокаго представителя Русской самобытной художественной дѣятельности, зачиналась и переработка всѣхъ о̀сновъ соціальной Русской жизни, извращеніе которыхъ было однимъ изъ самыхъ злыхъ плодовъ нашей подражательности Европѣ. Рабство, игомъ котораго Россія, по словамъ Хомякова [2]), „клеймена“, конечно,

---

[1]) Въ Щедринѣ нельзя не удивляться необыкновенной трезвости его художественнаго пониманія и полному отсутствію погони за эффектомъ. Только Русскій художникъ могъ такъ понять южную природу: онъ усмотрѣлъ въ ней ту тончайшую гармоничность, которую другіе художники приносятъ въ жертву рѣзкой ослѣпительности тоновъ, составляющей черту южной природы, выдающуюся, но далеко не существенную.

[2]) Въ извѣстныхъ стихахъ 1854 года. П. Б.

началось у насъ не съ Петра; но съ XVIII-го лишь вѣка оно дѣлается отличительной чертою всего соціально-экономическаго строя Россіи. То, что̀ въ старину было лишь частнымъ, болѣзненнымъ проявленіемъ, то самое обращается съ Петра и при его преемникахъ въ повальную болѣзнь всего народнаго организма; и, конечно, преимущественно про эту Россію говорилъ Хомяковъ, что она „игомъ рабства клеймена", а вмѣстѣ съ этимъ она же „лѣни мертвой и позорной, и всякой мерзости полна". Если отдѣльныя высокія проявленія культурной самобытной жизни и могутъ служить доказательствомъ того, что духъ народный еще не заглохъ и не вымеръ окончательно, то всетаки нельзя ожидать плодовъ высшаго самобытнаго просвѣщенія, пока съ народной жизни не сняты тѣ узы, въ которыя его сковала подражательность западнымъ порядкамъ.

На почвѣ рабства у христіанскаго народа не могли произрастать вполнѣ живые плоды духовной жизни, и потому совмѣстное явленіе двухъ фактовъ такой важности, какъ возрожденіе Русскаго самобытнаго художества и возрожденіе всего Русскаго народа къ жизни экономически и духовно-свободной, восполняя другъ друга, являли собою нѣчто въ высшей степени знаменательное для Хомякова и, какъ мы видимъ изъ нижеслѣдующихъ писемъ, онъ былъ всецѣло ими поглощенъ.

Россіи предстоитъ задача—сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ [1]) Ея призваніе по отношенію къ другимъ народамъ — „сказать имъ таинство свободы", т. е. показать, какъ живой плодъ своего христіанскаго духа, истинную свободу, въ противоположность свободѣ ложной, которая есть въ сущности только иной видъ духовнаго рабства. Но для того, чтобы приступить къ исполненію такого призванія, необходимо было прежде всего уничтожить въ своемъ обиходѣ пятно формальнаго рабства; затѣмъ поставить освобожденный народъ въ такія условія, которыя дали-бы ему возможность проявить то начало экономическо-соціальной жизни, которое, по понятію Хомякова, служитъ наиболѣе яснымъ доказательствомъ того, что христіанская любовь и общеніе составляютъ незыблемую основу всего строя Русской жизни.

Первое проявленіе христіанскаго общенія въ области практической—община [2]); на ней долженъ быть основанъ крестьянскій бытъ въ Россіи и

---

[1]) Соч. Хомякова I т., стр. 683.

[2]) «Раздѣлъ земли между собою крестьяне доводили до идеальной справедливости, пока въ народный бытъ не были введены чуждые и непонятные для нихъ порядки». См. «О крест. сословіи въ Россіи». Р. Вѣстн. 1893, Авг., 144 стр. Пользуемся этою подходящей для поясненія нашей мысли выпиской, чтобы обратить вниманіе читателей на замѣчательныя статьи Н. П. Семенова, изъ коихъ она почерпнута. Хомяковъ смотрѣлъ на общину почти исключительно съ точки зрѣнія идеальной (хотя онъ очень хорошо ее зналъ съ чисто-бытовой ея стороны). Онъ вырабатывалъ вмѣстѣ съ друзьями своими принципіальную сторону направленія, котораго былъ какъ бы законоположникомъ. Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ него авторъ статей о крестьянскомъ сословіи въ Россіи чисто-практическими соображеніями доказываетъ абсолютную вѣрность «идеальныхъ» принциповъ, выраженныхъ Славянофилами 50-хъ годовъ. Вездѣ, но въ Россіи по преимуществу, идеальное и справедливое всегда оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютно-практическимъ и цѣлесообразнымъ.

впредъ; но для этого необходима почва, на которой это общеніе можетъ себя проявить—земля. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, рядомъ съ горячимъ участіемъ къ дѣлу освобожденія вообще, идетъ у Хомякова столь же усиленная забота о сохраненіи за крестьянами земли, не потому только, что безъ нея совершенно нельзя *было бы* жить народу, а потому, что безъ нея онъ не могъ бы свободно жить по-русски, т. е. общиной. Хотя въ настоящихъ письмахъ Хомяковъ не затрогиваетъ вопроса объ общинѣ и вообще не входитъ въ подробности эмансипаціонныхъ соображеній, тѣмъ не менѣе нельзя не напомнить читателямъ, что для Хомякова освобожденіе крестьянъ должно было имѣть цѣлью главнымъ образомъ твердое обоснованіе общиннаго быта, значеніе коего подробно изложено имъ въ письмѣ къ А. И. Кошелеву, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года, и въ статьяхъ, находящихся во второй половинѣ перваго тома его сочиненій. Для достиженія разумнаго освобожденія онъ почиталъ лучшимъ средствомъ пригласить народъ къ сознательному въ немъ участію, какъ это имъ подробно изложено въ письмѣ къ Я. И. Ростовцову 1859 года *). Самъ А. С. Хомяковъ подавалъ примѣръ примѣненія этого начала въ своихъ личныхъ дѣлахъ со своими крестьянами. Хотя онъ и не предлагалъ основать все дѣло освобожденія на частныхъ договорахъ, но онъ считалъ, что добровольные договоры могли бы значительно подготовить дѣло освобожденія; а когда вопросъ объ эмансипаціи былъ поднятъ самимъ правительствомъ, онъ все-таки настаивалъ на необходимости призвать крестьянъ къ добровольному обожданію очереди въ прекращеніи обязательныхъ отношеній' на основаніи добровольныхъ между помѣщикомъ и крестьянами условій.

Въ настоящихъ письмахъ затрогивается также, по особенному обстоятельству, и вопросъ церковнаго характера. Хомяковъ написалъ отъ лица „Русской Бесѣды“ объясненіе въ цензуру по поводу неудовольствія, выраженнаго оберъ-прокуроромъ Синода гр. А. П. Толстымъ за напечатаніе въ этомъ журналѣ статьи Болгарина Даскалова о притѣсненіяхъ, терпимыхъ Болгарами отъ Грековъ. Мнѣніе, высказанное здѣсь о Русскомъ духовенствѣ, можетъ показаться очень рѣзкимъ, если не принять во вниманіе того, что Хомяковъ высоко цѣнилъ духовенство наше во многихъ отношеніяхъ и чтилъ многихъ духовныхъ лицъ своего времени (м. Филарета, пр. Димитрія Тульскаго и др.). Употребленныя имъ выраженія страдаютъ явной неполнотой, вполнѣ понятной въ обращеніи къ лицу, знавшему многое изъ воззрѣній его по этому вопросу помимо текста самаго письма. Хомяковъ здѣсь, какъ и въ письмѣ къ Пальмеру, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г. (I, 379), имѣетъ въ виду лишь политическую роль духовенства, къ которой онъ нерѣдко относился критически. Въ настоящемъ случаѣ это вполнѣ явствуетъ изъ самаго предмета, вызвавшаго письменное объясненіе Хомякова отъ имени редакціи „Русской Бесѣды“ съ цензурой. Въ письмѣ къ Аксакову

*) «Русскій Архивъ» 1876, I, 277.

дѣло идетъ о вопросѣ именно церковно-политическомъ—объ отношеніи двухъ народностей, связанныхъ общей іерархіей, состоящей изъ лицъ одной изъ этихъ двухъ народностей, и о воззрѣніи нашей іерархіи на это церковно-національное дѣло.

Очень характеристичны для уясненія отношенія Хомякова и такъ называемыхъ Славянофиловъ къ до-Петровской Руси заключительныя слова перваго письма. Этими словами ясно выражается постоянно высказывавшееся Хомяковымъ и его друзьями воззрѣніе, что въ древней Руси дорогà имъ, такъ сказать, ея принципіальная, а не ея анекдотическая сторона, нерѣдко оказывавшаяся далекою отъ осуществленія идеаловъ, которыми жилъ и до сихъ поръ живетъ Русскій народъ. То, чтò выражено здѣсь кратко и совершенно мимоходомъ, подробно разработано Хомяковымъ въ отвѣтѣ Кирѣевскому на его статью „о просвѣщеніи Европы", напечатанномъ въ первомъ томѣ его сочиненій. „Только корнемъ основаніе крѣпко": этотъ эпиграфъ поставленъ былъ во главѣ „Русской Бесѣды" общимъ согласіемъ всего издававшаго ее кружка, и этого воззрѣнія держались и Хомяковъ, и другіе сотрудники „Р. Бесѣды" въ своей оцѣнкѣ явленій Русской жизни. И въ древней, и въ новой Россіи они цѣнили только то, чтò имѣло свои основы въ коренномъ строѣ Русской общественной и политической жизни; все же несогласное съ нимъ одинаково считалось ими чуждымъ и вреднымъ, будь оно современно Іоанну III и Софьѣ Ѳоминишнѣ, или первымъ Романовымъ, или дѣятелямъ Петровской и послѣдующихъ эпохъ. Если они охотно обращали свои взоры въ до-Петровскую Русь и тамъ искали основныхъ формъ и проявленій Русскаго духа, то это не мѣшало имъ видѣть какъ слабые стороны до-Петровскаго времени, такъ равно безпристрастно оцѣнивать въ современности то, чтò въ ней сохранилось и проявлялось истинно-Русскаго.

I.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Посылаю вамъ окончаніе Лютера [1]). Вы ждете отъ меня примѣчаній; но о примѣчаніяхъ я ни отъ Кошелева, ни отъ Макс. [2]) ничего не слыхалъ. По моему-же онѣ ненужны. Иное бы было дѣло—введеніе съ опредѣленіемъ Реформаціи и эпохи реформаціонной; да вѣдь это была бы цѣлая статья, и статья многотрудная. Мнѣ было поручено исправить то, чтò могло подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ и всѣ слова и выраженія, которыя Новиковымъ употреблены неосторожно, по неясному пониманію отношеній Католицизма и Реформаціи къ древ-

---

[1]) Гусъ и Лютеръ, диссертація Е. П. Новикова, печатавшаяся въ «Русской Бесѣдѣ» 1858 года.

[2]) Максимовича М. А., извѣстнаго изслѣдователя исторіи и быта Малой Россіи.

нему понятію о Церкви. Это я и сдѣлалъ. Болѣе, думаю, не нужно. Вы увидите, что я въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлалъ весьма важныя перемѣны. Одно мнѣ сомнительно: вторая, мною теперь посылаемая вамъ половина не была бы слишкомъ огромна для одного №. Статья о Лютерѣ много ниже статьи о Гусѣ; она уже и тѣмъ ниже, что она собственно обнимаетъ жизнь Лютера только до его истинной дѣятельности и собственно должна бы называться «Meister Luther's Lehrjahre», но она всетаки высокаго интереса и для многихъ нашихъ читателей важна, показывая христіанина искреннаго и горячаго въ человѣкѣ, котораго привыкли считать чуть чуть не извергомъ рода человѣческаго.

Приглашеніе къ участію въ дѣлахъ конгресса о книгопечатаніи по моему слѣдуетъ оставить безъ отвѣта. Вопервыхъ, еще Общество [1]) не утверждено; вовторыхъ, участіе наше въ этомъ дѣлѣ будетъ ничтожно и, наконецъ, некому поручить представительство Общества. Если Общество утвердится, то я думаю при первомъ собраніи (для избранія членовъ) можно будетъ предложить отнестись къ Вяземскому [2]), такъ какъ онъ за границею, не захочетъ ли онъ принять это представительство на себя. Тогда-же можно будетъ и quasi - конгрессу объяснить, почему ранѣе мы отвѣчать не могли.

Объ Ивановѣ я статью началъ. Послужить-ли она къ чему нибудь, не знаю. Быть можетъ, она только раздражитъ многихъ; но я пишу ее для себя и для него собственно, не полагая нисколько, чтобы рекомендація моя могла служить къ чему-нибудь предъ предержащими.

Былъ я въ Тулѣ, хотѣлъ собрать справки объ эманципаціонномъ вопросѣ, и ничего не могъ дознать. Одно ясно: дворяне всѣ противъ, и ни за что бы не тронулись, да боятся правительства и подличаютъ ему: такъ Крапивенскій предводитель объявилъ губернскому, что всѣ дворяне отказываются и показалъ ему ихъ отказъ; а потомъ когда побывалъ у губернатора, и тотъ на него крикнулъ, сталъ увѣрять, что его не поняли, что, напротивъ, всѣ согласны, и дѣйствительно черезъ недѣлю привезъ согласіе всего уѣзда. Довольно важно то, что всѣ мирволившіе дворянамъ (въ томъ числѣ и губернскій нашъ) столько получили оскорбленій отъ ультра-консерваторовъ, что сдѣлались жаркими эманципаторами съ досады. Есть и кромѣ этихъ соображеній примѣты, что вопросъ въ комитетѣ будетъ разсмотрѣнъ довольно дѣльно съ хозяйственной стороны.

Объ крестьянахъ выхожу я опять правъ и противъ Самарина, и противъ многихъ. .Они такъ мало надѣются на всю землю и даже на

[1]) Общество Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ, возобновленное въ 1858 году подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова.

[2]) Князю Петру Андреевичу, въ то время товарищу министра народнаго просвѣщенія.

всю свою землю, что многіе навоза не вывозятъ, не по причинѣ заливныхъ дождей, а потому, что говорятъ: «не знаемъ, чтò достанется намъ въ крѣпость». Съ одной стороны это невыгодно для хозяйства, а съ другой весьма хорошая примѣта. Изъ дворянъ многіе за собственность крестьянскую (разумѣется, съ выкупомъ) и полагаютъ, что другого выхода нѣтъ. Такъ сказывалъ мнѣ Арсеньевъ [1]); а самъ я въ этомъ удостовѣриться не могъ, но вѣрю. Скажите Елагину [2]), что стыдно будетъ, если онъ не постарается въ депутаты по Бѣлеву.

Извѣстіе ваше о батюшкѣ по моему мнѣнію весьма хорошее, и по всей вѣроятности было бы еще лучшее, если бы погода была поблагопріятнѣе; но теперешніе безпрестанные потопы вовсе не благопріятны для лѣченія. Я твердо увѣренъ, что продолженіе водянаго и гомеопатическаго курса переработаетъ хроническія привычки организма и дастъ геморою правильный исходъ, чтò именно и нужно Сергѣю Тимоѳеевичу. Кланяйтесь ему, пожелайте ему добраго лова рыбьяго; я и самъ хочу уженіемъ заняться и готовлю удочки. Ловить же буду, если погода не перемѣнится, прямо изъ окошекъ. До этого ужъ не далеко: луга̀ по вечерамъ какъ-то странно пищатъ, до того напитаны сыростью. При этомъ такая теплынь, какой я не запомню.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ; будьте здоровы. Что-то дѣлаетъ братецъ? Я же читаю то, чего не успѣлъ прочесть въ Москвѣ—Устрялова и восхищаюсь его всесовершенной глупостью. Впрочемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ одномъ: всѣ ошибки Петра оправдываются (т. е. объясняются) страннымъ безсмысліемъ до-Петровской, Романовской, Московской Руси.

Еще разъ прощайте. Вашъ А. Хомяковъ.

II.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Виноватъ я передъ вами и передъ Бесѣдой, но не столько, сколько кажется. Я по крайней необходимости ѣздилъ въ Данковъ и конченную статью велѣлъ отправить къ вамъ, а ея не отправили, въ чемъ я всетаки нѣсколько виноватъ по неопредѣленности оставленнаго мною предписанія. Такъ пропало дней десять, и вы имѣли полное право негодовать на меня. Посылаю ее, и въ одно время самъ ею доволенъ и огорченъ. Мнѣ хотѣлось было, чтобы Ивановъ ее прочелъ. Тяжело класть какой-бы то ни было вѣнецъ на гробъ, будь это хоть

---

[1]) Тульскій губернскій предводитель.

[2]) Николаю Алексѣевичу, единоутробному брату Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ.

вѣнецъ святости или мученичества. На бѣду еще я познакомился съ нимъ [1]) и почувствовалъ, что онъ точно былъ нашъ, всею душою намъ сродни. Подите-ка, спросите у Константина Сергѣевича, какъ это такіе люди могутъ родиться въ Петербургѣ, а родятся-же! Впрочемъ я ему въ нѣкоторое утѣшеніе скажу, что Ивановъ, хотя и не бывалъ никогда въ Москвѣ, но признавался въ заглазной любви и влеченіи къ ней. Надѣюсь, что друзья его скажутъ мнѣ спасибо за мою статью, которая впрочемъ писана совершенно по совѣсти.—А вотъ нѣтъ и Шеншина [2])! У меня просто кровью сердце залило при вѣсти объ его кончинѣ. Славная, чистая, добрая, нѣжно-любящая и дѣтская натура! Онъ простудился и едва уже ноги таскалъ, и какъ его Гильфердингъ [3]) и докторъ ни отговаривали, поѣхалъ въ Комитетъ, потому что «засѣданіе важное, а насъ стоящихъ за крестьянъ мало». Гильфердингъ справедливо говоритъ: «Il est mort sur la brèche» [4]). Меня радуетъ, что его какъ будто оцѣнили, и какое-то приходитъ странное, вѣроятно мечтательное убѣжденіе, что лучшія чувства заговорятъ послѣ его смерти даже въ душѣ тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались въ жизни. Но бѣдная жена! Я объ ней даже думать не могу: становится страшно. А я къ ней имѣю какое-то особенное чувство, какъ будто къ дочери; иначе я его назвать не могу. Кажется мнѣ теперь, что самое лучшее, чтò объ ней мнѣ могутъ сказать, это то, что она не пережила мужа. Мнѣ за нее въ сердцѣ холодно, какъ будто туда ледъ попалъ. Она, говорятъ, не уронила ни одной слезы, не простонала ни разу; а умри она, мнѣ бы казалось, что смерть ее укачала, какъ огорченнаго ребенка. Дай ей Богъ силы!

Вы не совсѣмъ довольны отвѣтомъ синодальной критикѣ [5]): я очень это понимаю и готовъ съ вами согласиться, а въ тоже время полагаю, что я былъ правъ въ своемъ воздержаніи. Полемика непечатная по моему имѣетъ вовсе другую цѣль съ полемикою печатною. Ея обязанность удалять раздраженіе, не теряя правъ своихъ на правду, которую сознаешь за собою. Убѣдить въ этомъ случаѣ почти невозможно, особенно потому, что мы сами были бы въ страшномъ затрудненіи, если бы отъ насъ потребовали наставленія для Толстаго, какъ ему дѣйствовать. Положеніе Каткова и Крузе легче нашего, и

---

[1]) Т. е. съ Ивановымъ.

[2]) Флигель-адъютантъ Николай Васильевичъ Шеншинъ, членъ Комитета по освобожденію крестьянъ. Ср. объ немъ «Р. Бесѣда» 1858, кн. 3. замѣтка М. П. Погодина и подробный біографическій очеркъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г.

[3]) Өедоръ Ивановичъ, отецъ извѣстнаго слависта Александра Өедоровича.

[4]) Онъ умеръ на приступѣ.

[5]) Говорится о письменномъ отвѣтѣ, составленномъ Хомяковымъ на запросъ цензуры по поводу статьи Даскалова.

по моему Кошелевъ былъ правъ, придававая своимъ отношеніямъ нѣкоторую елейность. Я очень сочувствую вашему негодованію и въ тоже время нахожу выраженіе его вреднымъ. Замѣтьте, что я говорю вреднымъ, вовсе не въ смыслѣ политическаго разсчета, а въ другомъ—высшемъ. Негодованіе съ одной стороны отрицаетъ исторію (первая несправедливость), съ другой не признаетъ умственнаго безсилія тѣхъ людей, на которыхъ оно обращается. Иное дѣло—критика ровныхъ; иное дѣло—воспитаніе низшихъ. Наше дѣло—воспитательное, и мы должны быть снисходительными, потому что мы имѣемъ дѣло не съ ровнею, а съ людьми, которыхъ надобно учить. Дѣйствительно, наши отношенія къ нашему духовному міру странны; да ихъ не перемѣнишь, а надобно, если можно, перемѣнить самое настроеніе духовенства, искаженное цѣлымъ рядомъ злыхъ историческихъ вліяній. Теперь у Синода схватка съ Географическимъ Обществомъ по случаю статьи Гильфердинга о Босніи; неизвѣстно, чѣмъ кончилось или кончится.

Въ Данковѣ видѣлъ я нѣсколькихъ дворянъ. Настроеніе не совсѣмъ дурно. У многихъ склоняется расчетъ къ отчужденію земли въ собственность крестьянамъ, но разумѣется дорожатся. Иначе и быть не можетъ: крестьяне, какъ вездѣ, хороши; но хозяйство помѣщиковъ разстраивается вслѣдствіе трусости самихъ помѣщиковъ и ихъ представителей. Я у себя это замѣтилъ и былъ принужденъ облечься въ грозу для поправленія сдѣланныхъ упущеній.

Радуюсь очень извѣстіямъ вашимъ о батюшкѣ. Что боли возвращаются, этого должно было ожидать. Многолѣтняя привычка мѣстнаго раздраженія не могла же исчезнуть мгновенно; но укрѣпленіе силъ и освѣженіе организма, вотъ что важно. Боли будутъ уступать постепенно. Скажите батюшкѣ, Константину Сергѣевичу и всѣмъ мой поклонъ. Будьте сами здоровы и не слишкомъ пеняйте на меня.

Вашъ А. Хомяковъ.

Если Лонгинова [1]) увидите, поблагодарите за статью. За присланную мою брошюру поклонъ въ поясъ. Тютчеву [2]) поклонъ.

III.

Меня очень порадовало ваше письмо, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ; признаюсь, мнѣ очень хотѣлось, чтобы статья была хороша: какъ будто была какая-то обязанность въ отношеніи къ покойному [3])

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ, извѣстный библіографъ, первый секретарь возобновленнаго подъ предсѣдательствомъ Хомякова Общества Россійской Словесности.

[2]) Ѳеодоръ Ивановичъ, извѣстный поэтъ, впослѣдствіи тесть И. С. Аксакова.

[3]) Александръ Андреевичъ Ивановъ скончался въ Петербургѣ 1858 г. Хомяковъ началъ, какъ видно, статью свою о немъ при жизни его и узналъ объ его кончинѣ до окончаніи ея.

объяснить его дѣло, которое, того и смотри, не скоро бы оцѣнилось вполнѣ. Перемѣны, которыя вы предлагаете, очень справедливы, а въ словѣ *иконописью* безъ сомнѣнія ошибка переписчика. А вотъ моя просьба: пошлите отдѣльный оттискъ въ Академію къ Іордану съ надписью: *по назначенію отъ автора.* Онъ любилъ Иванова, и у него я съ Ивановымъ познакомился. Я очень радъ, что Погодинъ пишетъ о Шеншинѣ, но пожалуйста будьте осторожны. Вы говорите: статья горяча, даже можетъ быть слишкомъ. Этого намъ всячески избѣгать надобно, не ради какой опасности, а потому, что сдержанность есть несомнѣнная сила, а всякая лишняя горячность роняетъ авторитетъ; да и грустно бы было, если бы наша горячность отозвалась какъ-нибудь нехорошо въ комъ-нибудь изъ читателей (порядочныхъ) для памяти покойнаго. Онъ безъ сомнѣнія былъ нашъ во всѣхъ отношеніяхъ; но не должно объ немъ вспоминать такъ, чтобы говорили объ немъ какъ объ un homme de parti; чѣмъ святѣе память объ немъ, тѣмъ полезнѣе она будетъ дѣйствовать на другихъ, устраняя всякое раздраженіе. — А каковъ *** противъ Даскалова [1]) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ! «Вотъ истинное поповство. Досадно и смѣшно. Не знаете ли, можно ли отвѣчать? Разумѣется, мы не можемъ за недостаткомъ данныхъ; но Даскаловъ могъ бы. Только надобно его поправить. Думаю однако, что отвѣчать не позволятъ. Статья въ высшей степени оскорбительна для Болгаръ и произведетъ по всей вѣроятности дурное дѣйствіе. Греки спасибо не скажутъ, а Болгары еще болѣе отшатнутся.

Прощайте, любезный Иванъ Сергѣевичъ. Я говѣю и читаю Шеллинга и Гогоцкаго [2]). Батюшкѣ и Константину Сергѣевичу мой поклонъ. Вашъ А. Хомяковъ.

IV.

Любезный Иванъ Сергѣевичъ!

Во время моей поѣздки въ Данковъ пришли два пакета на имя А. Ѳ. Гильфердинга; ихъ туда послали, а я уже выѣхалъ обратно. Такъ гуляли они немало. Теперь, по возвратѣ въ Богучарово этихъ писемъ, спѣшу отправить ихъ къ вамъ, потому что не знаю, куда ихъ адресовать; а если Гильфердинга и нѣтъ въ Москвѣ, вы по крайней мѣрѣ знаете навѣрное, гдѣ онъ.

Я прискакалъ изъ Данкова въ Тулу къ выборамъ [3]) по чувству долга, и не жалѣю. Общая физіономія собранія была лучше, чѣмъ

---

[1]) Статья Даскалова въ «Русской Бесѣдѣ» 1858, кн 2, подъ заглавіемъ *Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи.*

[2]) Философскій Лексиконъ проф. Кіевскаго Университета Гогоцкаго. См. отзывъ объ этой книгѣ въ I томѣ сочиненій А. С. Хомякова.

[3]) Дворянскимъ.

ожидали. Въ первый день встрѣча мнѣ была свирѣпа до комизма; во второй придрались къ тому, что я во фракѣ и потребовали моего удаленія; я возвратился въ чужомъ мундирѣ. Въ послѣдній день у меня спрашивали совѣта тѣ, которые сначала хотѣли меня повѣсить. Въ уѣздѣ нашемъ выбраны негодные депутаты, въ томѣ числѣ Коптевъ, братъ воспѣтаго; за то въ Бѣлевѣ Елагинъ, б. Черкасовъ и Павловъ, братъ Верейскаго. Вообще итогъ депутатовъ очень сносенъ, хотя есть и большіе негодяи и много плантаторовъ. Большинство сомнительно. Отъ правительства кн. Черкасскій и Самаринъ [1]). Черкасскій пріобрѣлъ доброе мнѣніе почти всѣхъ и привелъ въ истинное благоговѣніе Д. Н. Свербеева ловкостью своего поведенія. Пять дней собранія подвинули дѣло эманципаціи на основаніи собственности части земли для крестьянъ весьма значительно. Теперь вопросъ, что̀ будетъ въ комитетѣ.

Скажите братцу, что его статья о Бѣлевской В. [2]) превосходная, и что онъ вопросъ поставилъ въ совершенно новомъ видѣ. Еще одно нужно, что̀ въ ней нѣтъ: именно историческое движеніе и показаніе послѣдовательныхъ перемѣнъ. Потомъ вотъ мое замѣчаніе: разница *бѣжалъ* и *сошелъ* не значитъ ли *съ согласія или безъ согласія* помѣщика? Дѣло тогда принимаетъ еще другой видъ. Благодарю Константина Сергѣевича за эту статью и за письмо, на которое переѣзды помѣшали мнѣ отвѣчать. Разногласія у насъ нѣтъ ни въ чемъ, и съ его оговорками на счетъ моей статьи объ Ивановѣ я вполнѣ согласенъ. Самъ не пишу ничего, но крѣпко собираюсь на философскую статью. Намъ нужно все идти въ глубь, но это тяжкая работа: какъ-то справлюсь! Прощайте покуда. Сейчасъ опять ѣду въ Данковъ дней на десять, а погода и дорога отвратительны. Скажите, пожалуйста, мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ и всѣмъ вашимъ. Вашъ А. Хомяковъ.

Сентября 6-го дня (1858).

(Сообщено Д. А. Хомяковымъ).

---

[1]) Петръ Θеодоровичъ.

[2]) Вивліоθикѣ, изд. Н. А. Елагинымъ. Статья о ней К. С. Аксакова напечатана въ I-мъ томѣ его сочиненій.

АЛЕКСАНДРЪ КАСИМОВИЧЪ КАЗЕМБЕКЪ.

Къ его біографіи.

А. К. Казембекъ родился въ 1802 году, въ Персіи, въ городѣ Рештѣ, гдѣ онъ оставался до 1810-го года, когда отецъ его перевезъ всю семью въ Дербентъ. Матери своей онъ лишился въ очень раннемъ возрастѣ, и отецъ его женился вторично. Вотъ чтò пишетъ профессоръ И. Н. Березинъ объ его юношескихъ годахъ:

«Александръ Касимовичъ воспитывался въ домѣ отца, который, не смотря на умѣренное состояніе, далъ сыну отличное образованіе по мусульманскимъ понятіямъ. Кромѣ отца, наставниками мирзы Мохаммедъ-Али (такъ звали Каземъ-Бека въ мусульманствѣ) были: молла Салихъ-Билиджи—для Арабской грамматики, молла Абдулъ-Азисъ-Хискенджи—для риторики и логики, и знаменитый на Сѣверѣ Персіи законовѣдъ шейхъ-Мохаммедъ Баярейнскій—для юриспруденціи и всѣхъ отраслей ея [1]). Блестящія способности, которыми былъ одаренъ отъ природы мирза Мохаммедъ-Али, дали ему возможность окончить довольно рано полный курсъ мусульманскаго ученія. Въ семействѣ своемъ онъ изучилъ, какъ природные, языки Турецкій и Персидскій, въ равной степени господствующіе на Сѣверѣ Персіи; отъ свѣдущихъ же наставниковъ своихъ онъ пріобрѣлъ обширныя и глубокія познанія въ арабизмѣ, т. е. въ цѣломъ кругѣ наукъ, составляющихъ мусульманскую ученость, преимущественно же въ законовѣдѣніи, съ цѣлью занять со временемъ мѣсто отца» [2]).

«Безъ всякаго сомнѣнія, эта мусульманская подготовка, не смотря на схоластическій методъ преподаванія, послужила основаніемъ послѣдующаго развитія даровитаго юноши и даже доставила ему блестящую карьеру и большую извѣстность въ Европейскомъ ученомъ мірѣ. Сознавая свои силы, Каземъ-Бекъ тотчасъ же по окончаніи мусульманскаго курса приступилъ къ оригинальнымъ работамъ и составилъ въ 1819-мъ году «Опытъ грамматики Арабскаго языка», а въ

---

[1]) Тѣ же самыя подробности мы находимъ у Dugat—*Histoire des Orientalistes de l'Europe*, I, 169. Они, очевидно, были сообщены самимъ отцомъ моимъ. О. Б.

[2]) Носившаго званіе Шейхъ-уль-Ислама (Главы Вѣры) въ Дербентѣ и по своему положенію имѣвшаго право разрѣшать дѣла гражданскія и уголовныя. О. Б.

1820-мъ году Муамма-валугазъ, шарады, на Арабскомъ и Персидскомъ языкахъ».

«Отецъ Каземъ-Бека переѣхалъ въ Астрахань въ 1819-мъ году, и сынъ его прибылъ туда въ 1821-мъ. Здѣсь онъ познакомился съ Шотландскими миссіонерами (Гленомъ и другими), которымъ давалъ уроки въ восточныхъ языкахъ, а отъ нихъ знакомился съ Европейскимъ образованіемъ. Избранная натура, какой былъ нашъ достопочтенный товарищъ, конечно не могла ограничиться тѣснымъ горизонтомъ Мусульманства и такъ или иначе должна была вырваться изъ него. Оригинальность этого выхода заслуживаетъ вниманія психолога и указываетъ на доровитость юноши. Углубившись по окончаніи мусульманскаго курса въ изученіе религій съ цѣлію доказать превосходство Ислама передъ христіанской религіей, молодой философъ скоро пришелъ къ совершенно противоположному результату: пылкій, свѣтлый умъ, не смотря ни на какія противодѣйствія родныхъ, рѣшительно отказался признавать Алкоранъ несомнѣнной книгой и, при дѣятельномъ поощреніи и руководствѣ Шотландскихъ миссіонеровъ, молодой мирза принялъ христіанство въ 1823-мъ году» [1]).

Эту-то эпоху, знаменательную въ жизни Александра Касимовича, когда въ немъ происходили броженіе мыслей и духовная борьба, описалъ въ особомъ разсказѣ одинъ изъ миссіонеровъ, близко его знавшій въ то время и принявшій также участіе въ обращеніи его ко Христу. Разсказъ этотъ помѣщенъ въ Англійскомъ журналѣ Christian-Keepsake за 1836 годъ (стр. 155) и здѣсь приводится въ Русскомъ переводѣ [2]).

Обращеніе Персіанина въ христіанство.

(Переведено съ Англійскаго).

Мирза Мохаммедъ-Али-Бегъ родился въ городѣ Дербентѣ [3]), столицѣ губерніи того же имени, лежащей на восточномъ берегу Каспійскаго моря; она раньше принадлежала Персіи, но покоренная Россіей вошла въ составъ этого обширнаго государства.

Мирза Мохаммедъ-Али-Бегъ родился въ 1802 г. и по происхожденію принадлежалъ къ знатному роду страны. Отецъ его хаджи-Каземъ-Бекъ почитался святымъ за неоднократныя путешествія къ мѣстамъ, которыя магометанами считаются священными. Онъ пользовался высокимъ почетомъ по своему богатству, положенію и политическому вліянію, которое онъ и его родственники имѣли при дворѣ хана или туземнаго князя. Когда провинція была покорена Россіей, онъ былъ назначенъ главнымъ кази или судьей;

[1]) Проток. Засѣд. Совѣта Имп. С.-Петерб. Унив. за 1869—1870 г., стр. 100 (статья проф. И. Н. Березина).

[2]) За сообщеніе его въ Англійскомъ текстѣ обязаны мы благодарностью Идѣ Генриховнѣ Ивашинцевой. О. Б.

[3]) Показаніе о мѣстѣ рожденія не вѣрно. О. Б.

но немного лѣтъ спустя онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими былъ осужденъ за измѣнническую переписку съ прежнимъ ханомъ, бѣжавшимъ въ Персію, приговоренъ къ конфискаціи всего имущества, разлученъ съ семьей и въ 1822 г. сосланъ въ Астрахань.

Онъ очутился бѣднякомъ, но не считалъ себя обезчещеннымъ, лишился положенія, но не званія. Уважаемый всѣми соотечественниками, которые находились тамъ по торговымъ дѣламъ, онъ привлекалъ къ себѣ симпатію и уваженіе иностранцевъ полнымъ достоинства обращеніемъ, сѣдыми кудрями и длинной вьющейся бородой.

Его единственный сынъ *) Мохаммедъ-Али былъ въ то время юношей двадцати одного года, красивой наружности, съ привлекательными манерами и тѣми преимуществами въ познаніяхъ, которымъ его соотечественники придаютъ высокое значеніе; онъ былъ „наученъ всѣмъ премудростямъ магометанъ“; при этомъ мягкаго нрава и горячо привязанный къ престарѣлому отцу, который любилъ его также сильно, если не больше. Ихъ разлука была жестокимъ ударомъ для обоихъ.

По прошествіи нѣскольких мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Астрахани, хаджи почувствовалъ, что онъ не въ силахъ жить безъ сына и написалъ ему (въ Дербентъ), предлагая раздѣлить съ нимъ изгнаніе и нищету. Молодой человѣкъ согласился безъ малѣйшаго колебанія и въ Сентябрѣ или Октябрѣ 1822 года прибылъ въ Астрахань.

Незадолго до его пріѣзда, миссіонеры, принадлежавшіе къ обществу Шотландской миссіи, которая основалась въ этомъ городѣ, посѣтили случайно его отца, и въ дневникѣ гг. Глена и Макферсона его имя встрѣчается нерѣдко. Съ молодымъ Али гг. Гленъ и Макферсонъ были знакомы нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ ихъ бытность въ Дербентѣ, куда они пріѣзжали для распространенія Св. Писанія между магометанами этого города, и тогда они снабдили его спискомъ Новаго Завѣта. Слѣдствіемъ этого знакомства было то, что по прибытіи въ Астрахань Мохаммедъ-Али часто посѣщалъ домъ миссіи и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми миссіонерами. Лишенный вмѣстѣ съ отцемъ всѣхъ прежнихъ средствъ къ существованію, онъ скоро увидѣлъ необходимость заняться чѣмъ-нибудь, чтобъ заработывать пропитаніе обоимъ.

Хотя онъ до той поры никогда ни въ какой зависимости ни у кого не былъ, но тутъ съ радостью согласился быть учителемъ нѣкоторыхъ миссіонеровъ, которые пожелали пріобрѣсти болѣе основательныя познанія въ Турецкомъ и Арабскомъ языкахъ. Они считали, что эту обязанность при его знаніи и высокихъ способностяхъ онъ хорошо могъ выполнить.

Хотя миссіонеры не имѣли обыкновенія вступать въ пререканія съ магометанскими учителями о тѣхъ предметахъ, на которыхъ не сходились во взглядахъ, но въ обращеніи Али-Мохаммеда было такъ много прямоты и

*) Отъ втораго брака у хаджи-Каземъ-Бека былъ еще сынъ Аббуссатаръ, который впослѣдствіи принялъ православное вѣроисповѣданіе. О. Б.

простодушія, его характеръ отличался отъ фанатичныхъ и подозрительныхъ характеровъ его соотечественниковъ, и съ нимъ они были свободнѣе, чѣмъ съ другими.

Между нимъ и его учениками завязывались постоянные споры. Сначала онъ давалъ твердый отпоръ всему, что̀ говорилось въ защиту Христіанства, иногда приходилъ въ сильную ярость и давалъ полную волю своимъ чувствамъ, произнося страшныя богохульства противъ святаго имени, которое мы носимъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ было что-то такое, что̀ ободряло надежду въ миссіонерахъ, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько дней послѣ подобныхъ споровъ онъ самъ возобновлялъ распросы и старался возбудить разговоръ.

Однажды, читая съ нимъ Турецкую рукопись, я указалъ ему на нѣкоторыя нелѣпости, а главное на одно изреченіе, которое утверждало, что міръ, ангелы и люди созданы ради Магомета, и что если бы не онъ, то они никогда бы и не существовали.

Мохаммедъ - Али съ жаромъ поддерживалъ истину этого изреченія. „Какъ? сказалъ я. Возможно ли думать, чтобы все было создано ради одного человѣка, и притомъ грѣшника?“

— А! Вы говорите, что Магометъ былъ грѣшникъ? воскликнулъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ.

— Разумѣется.

Тутъ онъ разразился потокомъ самыхъ горькихъ и ядовитыхъ ругательствъ, какъ бы въ отместку понося имя Христа и покрывая презрѣніемъ Его св. ученіе. Онъ былъ внѣ себя отъ волненія и гнѣва. Обвиненіе, брошенное въ его пророка, въ характерѣ котораго онъ не слыхалъ чтобы кто-либо находилъ малѣйшее пятно и о которомъ онъ не осмѣливался иначе мыслить, какъ о непорочной чистотѣ. поразило и ужаснуло его. Я счелъ лучшимъ замолчать; мои чувства были слишкомъ возбуждены слышаннымъ богохульствомъ, чтобы позволить себѣ сдѣлать какое бы то ни было замѣчаніе, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней я ни однимъ словомъ не касался религіознаго вопроса. Я рѣшился предоставить самому Мохаммедъ-Али вновь вступать или не вступать въ этотъ разговоръ, будучи увѣренъ, что такимъ способомъ я скорѣе найду случай подтвердить истину моихъ словъ, чѣмъ если бы сталъ настаивать на возобновленіи разговора. Такъ и случилось.

Одинъ предметъ, казалось, очень интересовалъ и въ тоже время огорчалъ его. О географіи магометане знаютъ мало; объ относительной же численности христіанъ, магометанъ и язычниковъ они совсѣмъ понятія не имѣютъ: они думаютъ, что ихъ секта составляетъ преобладающее большинство человѣческаго рода.

Миссіонеры старались разсѣять это заблужденіе и исправить ошибку. Въ связи съ познаніями, которыя они сообщали о сравнительной численности христіанъ, магометанъ и идолопоклонниковъ, они говорили о стараніяхъ, употребленныхъ христіанами къ распространенію ихъ вѣры и спасенію душъ человѣческихъ, объ успѣхѣ этихъ стараній между магометанами

и язычниками и объ увѣренности, съ которой они, вѣруя въ исполненіе пророчествъ, ожидаютъ обращенія людей всѣхъ сословій, климатовъ и исповѣданій къ вѣрѣ въ Единаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа. Послѣ своего обращенія Мохаммедъ-Али сознавался, что мысль о распространеніи такого множества христіанскихъ миссіонерствъ въ разныхъ частяхъ свѣта произвела сильное впечатлѣніе на его душу, что онъ додумался, что исповѣданіе, которое побуждаетъ людей дѣлать такъ много для своихъ ближнихъ, должно происходить не отъ нихъ самихъ, а отъ Бога; между тѣмъ какъ среди магометанъ никто, казалось, не интересовался положеніемъ ближняго, былъ ли тотъ или не былъ на истинномъ пути къ небу.

Однако, между тѣмъ какъ Мохаммедъ-Али въ присутствіи миссіонеровъ поддерживалъ въ себѣ характеръ строгаго и преданнаго мусульманина и твердаго противника Христіанству, Духъ Божій тайно боролся съ его душой. Его вѣра въ тѣ правила, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, начала колебаться; основаніе на которомъ она была построена, пошатнулось, и умъ его дѣятельно пытался дознаться, правда ли была все то, что̀ говорили миссіонеры.

Ему дали списокъ Библіи на Арабскомъ языкѣ. Онъ прилежно читалъ ее и очень ею занялся. Мало по малу миссіонеры начали замѣчать, что когда онъ принимался спорить и доказывать, то доказательства его заставляли подозрѣвать, что онъ вступалъ въ прѣніе не изъ убѣжденія въ своей правотѣ, но изъ желанія пріобрѣсти новыя разъясненія. Вслѣдствіе этого для миссіонеровъ не было неожиданностью, когда 16 Апрѣля 1823 г., къ ихъ величайшей радости, онъ внезапно и сразу сложилъ оружіе, объявивъ, что болѣе не врагъ имъ, и произнесъ отреченіе отъ религіи Арабскаго лжепророка.

Борьба происходила въ его умѣ незамѣтно, и посторонніе только догадывались о ней. Истина его освѣтила, духъ Божій укрѣпилъ ее въ немъ, и онъ предсталъ теперь передъ миссіей побѣжденнымъ ея врагомъ.

Въ тотъ день, когда г. Макферсонъ читалъ съ нимъ на Арабскомъ языкѣ магометанскую исповѣдь вѣры, имъ было сдѣлано нѣсколько замѣчаній относительно нелѣпости подобной системы божества. Указавъ на исповѣдь, Али воскликнулъ: „я больше не вѣрю тому, что̀ содержитъ въ себѣ эта книга." И онъ дѣйствительно не вѣрилъ, отрекся разъ навсегда и предался изслѣдованію истины во Христѣ.

Два миссіонера, г. Макферсонъ и я, исключительно посвятили себя его обученію, и никогда ни у одного учителя не было болѣе ревностнаго ученика. Въ самое короткое время онъ пріобрѣлъ, какъ бы по наитію, наиболѣе правильный взглядъ на христіанское ученіе, равно какъ и на слабость и нечестивость Исламизма, и до того, что черезъ три или четыре недѣли обученія онъ написалъ по-арабски трактатъ [1]) въ защиту Христіанства, на который ни одинъ изъ его соотечественниковъ не былъ въ состояніи возражать [2]).

[1]) Рисалэ—трактатъ объ истинѣ христіанской религіи. О. Б.

[2]) Возраженіе было со стороны хаджи-Молла-Риза; на него послѣдовалъ отвѣтъ А. К. Казембека въ 1824 году, который напечатанъ не былъ О. Б.

Не только умъ его просвѣтлѣлъ, но и сердце было глубоко тронуто. Онъ нѣсколько времени чувствовалъ сознаніе уязвленной совѣсти. Онъ не могъ спать по ночамъ. Онъ терзался и смущался затрудненіями, которыми были окружены нѣкоторыя мѣста изъ Евангельскаго ученія и которыя казались ему непреодолимыми. Но и это постепенно устранилось. Онъ не только сознавалъ, что ему нуженъ Спаситель, но чувствовалъ, что Христосъ и былъ тотъ самый Спаситель, въ которомъ онъ нуждался. Онъ уже былъ въ состояніи принять Его, отдаться Ему съ истинной ревностью и покинуть ради Него отца, родныхъ и отчизну. Онъ сдѣлался новымъ человѣкомъ; все старое миновалось, все для него обновилось.

Онъ теперь глубоко страдалъ за своего почтеннаго отца. „Я увѣренъ, сказалъ онъ, что мое отреченіе сведетъ его въ могилу", и прибавилъ съ волненіемъ: „У моего отца много враговъ въ Дербентѣ и, когда они услышатъ, что сынъ его сдѣлался вѣроотступникомъ, они обрадуются и будутъ благодарить Бога".

Онъ не зналъ, какъ сообщить отцу о перемѣнѣ, происшедшей съ нимъ; онъ желалъ сказать ему и боялся открыться. Но другіе избавили его отъ этого затрудненія.

Дѣйствіе, произведенное на старика этимъ открытіемъ, легко было предвидѣть. Онъ былъ глубоко оскорбленъ, какъ отецъ, и страшно возмущенъ, какъ мусульманинъ. Онъ дѣйствовалъ то въ силу одного чувства, то въ силу другаго. Чтобъ вернуть сына на прежній путь, онъ употреблялъ то слезы и мольбы, то угрозы и жестокость. Убѣдившись, что всѣ способы безуспѣшны, онъ заперъ его въ своемъ домѣ и запретилъ ходить къ миссіонерамъ.

Узнавъ объ его заключеніи и о томъ, что отецъ жестоко билъ его и лишалъ часто пищи, миссіонеры сочли своимъ долгомъ принять нѣкоторыя мѣры для защиты его и рѣшились пойти къ отцу. Войдя въ домъ, они увидали старика, окруженнаго Персіанами и дикими на видъ Турками изъ Ширвана. Когда позвали Мохаммеда, онъ вошелъ въ грязной овчинной одеждѣ и, казалось, дрожалъ во все время свиданія *).

Миссіонеры просили отца разрѣшить Али посѣщать ихъ; имъ отвѣчали, что Али арестованъ и выходить не можетъ. Тогда они спросили, правда ли, что они слышали, а именно, что онъ не только арестованъ, но былъ битъ и лишаемъ пищи? Отецъ сказалъ: спросите его самого. Ему отвѣчали: онъ связанъ, и мы ни о чемъ не будемъ спрашивать его, и прибавили, что обратились бы прямо къ губернатору для защиты его, но пришли прежде къ отцу, желая избавить его отъ непріятности.

Старикъ съ гнѣвомъ объявилъ, что ни губернаторъ, ни самъ императоръ не могутъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла; что онъ властенъ не только

---

*) Мохаммедъ-Али, вѣроятно, опасался за миссіонеровъ во время переговоровъ и отчасти за отца своего, который могъ пострадать, если бы мусульмане позволили себѣ грубое обращеніе съ Англичанами; за себя онъ едва ли могъ дрожать послѣ всего того, что раньше претерпѣлъ. О. Б.

держать сына въ заперти, бить и морить его голодомъ, но по магометанскому закону даже убить его. Присутствующіе, казалось, воодушевлялись гнѣвомъ отца, и нѣкоторые стали близъ двери, чтобы не выпустить миссіонеровъ. Тѣ сочли болѣе осторожнымъ удалиться и, противъ ожиданія, ихъ безъ препятствія выпустили.

Не теряя времени, они обратились къ губернатору, прося защитить обращеннаго.

Его превосходительство немедленно исполнилъ ихъ просьбу и въ тотъ же вечеръ, къ величайшей радости его христіанскихъ друзей, онъ былъ приведенъ полицеймейстеромъ въ домъ миссіи и безопасно водворенъ съ тѣми, кто были его братьями во Христѣ.

На вопросъ о его духовномъ состояніи въ продолженіи заключенія, Али сказалъ, что находился въ самомъ лучшемъ настроеніи, не смотря на ссоры и поруганія, которымъ онъ подвергался; что языкъ его усталъ отъ безпрестанныхъ споровъ, въ которые онъ принужденъ былъ вступать съ толпой Персіанъ, приходившихъ къ отцу; что Богъ, во-истину, говорилъ его устами, такъ какъ онъ иначе не былъ бы въ состояніи давать такихъ отвѣтовъ, которымъ они не могли ни противурѣчить, ни противустоять, такъ что отецъ объявилъ ему: „дьяволъ имѣетъ больше власти надъ тобой, чѣмъ надъ Англичанами; потому что, если бы они проповѣдывали и доказывали какъ ты, то весь городъ отказался бы отъ нашего Пророка и перешелъ бы въ Христіанство“.

Мягкость, съ которой онъ перенесъ ихъ дурное обхожденіе, рѣзко показала имъ то глубокое вліяніе, которое христіанская вѣра возымѣла на его сердце.

Когда его привели въ домъ миссіи, у него еще болѣла голова отъ побоевъ отца; онъ сказалъ: „Я много страдалъ съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ васъ; но Іисусъ Христосъ страдалъ гораздо больше“.

Въ другой разъ, когда его спросили, что̀ онъ чувствовалъ, когда отецъ билъ его, онъ отвѣчалъ: „О, ровно ничего! Я подходилъ и цѣловалъ его, когда онъ переставалъ“.

11 Іюля 1823 года обращенный былъ торжественно крещенъ миссіонерами въ присутствіи многихъ изъ его соотечественниковъ. Передъ самымъ погруженіемъ въ воду онъ былъ приглашенъ объяснить свой взглядъ на христіанскую вѣру и причины, побудившія его принять ее. Онъ на это отвѣчалъ приблизительно слѣдующими словами: „Когда Великій Богъ, въ Своей безконечной милости, открылъ мнѣ Евангельскую вѣсть, я читалъ и видѣлъ, что̀ въ ней говорилось о Спаситѣлѣ, котораго Всемогущій Богъ послалъ умилостивленіемъ за Своего грѣшнаго раба. Я размышлялъ потомъ о моихъ собственныхъ поступкахъ, совершенныхъ мной прежде. Я увидалъ себя грѣшникомъ и понялъ, какъ противенъ грѣхъ Господу Богу. Въ самомъ себѣ я уже потерялъ надежду на жизнь и на спасеніе отъ гнѣва Божія. Я сравнивалъ Евангеліе съ другими священными книгами, а именно съ Второзаконіемъ, Псалмами и Пророками, и увидѣлъ, что по смыслу онѣ были въ совершен-

ной связи между собой относительно упоминаемаго Спасителя, и не находилъ ни малѣйшаго разногласія между ними. Послѣ этого я погрузился въ безчисленныя размышленія и все время молилъ Бога указать мнѣ путь, на которомъ душа моя могла бы найти спасеніе, и просилъ Его совершить волю Свою надъ рабомъ Своимъ, и черезъ нѣсколько дней мое сердце, душа и все существо мое свидѣтельствовали, что кровь Христа сдѣлалась умилостивленіемъ и за мои грѣхи. Если ты умрешь теперь, думалъ я, тебѣ бояться нечего. Слава Богу, съ этого часа я увѣровалъ и теперь вѣрю, что Іисусъ Христосъ есть Единородный Сынъ Божій, что кровь Его пролита за грѣшниковъ и что, кромѣ вышеупомянутыхъ книгъ, нѣтъ другаго благовѣстія отъ Бога. Вѣра усиливалась во мнѣ ежедневно, и я надѣюсь, что она будетъ усиливаться все болѣе и болѣе".

Его окрестили именемъ Александра.

Недѣли черезъ двѣ послѣ своего перемѣщенія въ домъ миссіи онъ рѣшился навѣстить своего отца. Онъ уже раньше посылалъ къ нему, предлагая приходить къ нему въ домъ ночевать, съ тѣмъ, чтобы ему было позволено проводить день съ миссіонерами; но отецъ отвѣчалъ на это, что онъ ему не нуженъ. Тогда онъ послалъ сказать отцу, что придетъ повидаться съ нимъ, на что̀ старикъ отвѣчалъ: „Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ; я никогда не приму его какъ сына, но приму такъ, какъ принимаю Англичанъ или другихъ христіанъ".

Онъ отправился. Войдя въ домъ, онъ нашелъ многихъ Персіанъ, сидѣвшихъ съ отцомъ; но они скоро ушли, оставя отца съ сыномъ наединѣ. Тогда старикъ заперъ за ними дверь, чтобъ никто не помѣшалъ имъ. Они оба долго плакали. Природная привязанность отцовскаго сердца не измѣнилась вѣроотступничествомъ сына, а сыновняя любовь только усилилась. Отецъ болѣе не упрекалъ его, но повторялъ свое убѣжденіе, что дьяволъ овладѣлъ имъ: иначе онъ никогда не покинулъ бы Пророка и престарѣлаго отца. Онъ ласково распросилъ его объ его жизни и помѣщеніи и, узнавъ, что у сына отдѣльная комната, въ которой онъ спитъ одинъ, онъ выразилъ свое неодобреніе тому, что сынъ на всю ночь остается одинъ и тѣмъ подвергается опасности отъ безпокойства и посѣщенія духовъ.

Нѣсколько дней спустя Али получилъ отъ отца записку слѣдующаго содержанія: „О, мой безжалостный сынъ! Долго ли ты будешь огорчать меня? Ты хочешь убить меня своимъ отсутствіемъ. Наша кошка, у которой маленькіе котята, жалобно кричитъ, когда они не съ нею; а когда она соберетъ ихъ, то лижетъ ихъ отъ радости. Но, вѣдь, она неразумное животное и всетаки любитъ своихъ дѣтенышей: каково же мнѣ переносить твое отсутствіе? Я когда-то ласкалъ себя надеждой, что, умирая, положу голову на твои колѣна, и ты примешь мое послѣднее дыханіе. Теперь пропала эта надежда".

Черезъ недѣлю послѣ этого, Казембекъ навѣстилъ отца и оставался съ нимъ около двухъ часовъ. Они по обыкновенію много плакали, но отъ совершенно различныхъ чувствъ. Отецъ всталъ, чтобы поцѣловать сына, но, опомнившись, сказалъ: „ты не чистъ, какъ могу я цѣловать тебя?" Онъ всталъ во второй

разъ, но снова сѣлъ; наконецъ чувства отца взяли верхъ надъ предразсудкомъ: онъ подошелъ къ нему и началъ съ любовью цѣловать его въ глаза, щеки и губы. Потомъ онъ вымылъ себѣ ротъ, потому что прикасался къ оскверненному сыну.

Старикъ долго не могъ понять, что̀ заставило его сына отречься отъ магометанства; онъ, употребляя его выраженіе, „глоталъ чудеса“ и не могъ иначе объяснить себѣ его вѣроотступничество, какъ тѣмъ, что Англичане дали ему лекарства, которое заколдовало его, или что дьяволъ всецѣло овладѣлъ имъ.

Онъ безпрестанно писалъ ему записки или посылалъ словесныя посланія, говоря то, что́, по его мнѣнію, должно было тронуть его сердце, пробудить страхъ или заставить его поколебаться и вернуться на прежній путь. Однажды отецъ сказалъ ему, что онъ получилъ изъ Дербента извѣстіе, что народъ исполнился изумленія и горя, узнавъ, что одинъ изъ ихъ *боковъ* отрекся отъ вѣры отцевъ и сдѣлался христіаниномъ; что его двоюродный братъ, президентъ магометанскаго совѣта, пять дней не покидалъ своего дома, услыхавъ горестное извѣстіе, и что множество знатныхъ женщинъ въ городѣ собрались вмѣстѣ и оплакивали его какъ покойника.

Старикъ однако увидалъ, наконецъ, безполезность всѣхъ попытокъ къ его переобращенію. Его правила дозволяли ему одно только утѣшеніе, и онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Отъ вѣчности было суждено, чтобы мой сынъ сдѣлался невѣрнымъ; кто же можетъ бороться съ предопредѣленіемъ Божіимъ?“ Послѣ этого онъ обращался съ сыномъ съ одинаковой добротой, случайно прерываемой припадками гнѣва. Онъ даже приходилъ къ нему въ домъ миссіи и разъ очень дружески пилъ у него чай. Христіанская истина никогда, казалось, не производила на него впечатлѣнія, и спустя три года послѣ обращенія сына ему было позволено, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ, оставить мѣсто изгнанія и вернуться въ Дербентъ.

Мохаммедъ-Али, послѣ своего обращенія и крещенія, никогда не чувствовалъ себя болѣе счастливымъ, какъ когда ему случалось разговаривать со своими соотечественниками о вѣрѣ, при чемъ онъ старался распространять познанія спасительной истины между тѣми, которые оставались въ заблужденіи, отъ котораго онъ былъ освобожденъ.

Онъ ходилъ въ караванъ-сараи, сопровождалъ миссіонеровъ въ Татарскія селенія, часто подвергался поруганію и, рискуя собственной жизнью, поддерживалъ честь Креста. Онъ горячо старался о распространеніи истины Христовой, и извѣстія объ обращеніи грѣшниковъ, особенно магометанъ, были для него источникомъ чистой радости.

Такимъ образомъ, Мохаммедъ-Али или, какъ его назвали при крещеніи, Александръ Каземъ-Бекъ продолжалъ свои занятія: помогалъ миссіонерамъ въ изученіи языковъ, учился у нихъ Англійскому и Еврейскому; бесѣдовалъ съ соотечественниками; путешествовалъ по Татарамъ и, сочиняя трактаты и письма, старался быть полезнымъ вообще.

Думали, что скоро онъ будетъ въ состояніи отдаться всецѣло обязанностямъ миссіонера, чего и самъ онъ желалъ болѣе всего, и по его способностямъ на него возлагались самыя лучшія упованія.

Но осенью 1824 года всѣ надежды разрушились приказомъ отъ генер. Ермолова (генералъ-губернатора южныхъ провинцій Россіи), который повелѣвалъ, чтобы вновь обращенный Персіанинъ поступилъ на государственную службу, предоставляя ему однако выборъ вѣдомства, въ которомъ онъ пожелаетъ служить Вскорѣ послѣ этого полученъ былъ второй приказъ, запрещающій обращенному предпринимать какія бы то ни было миссіонерскія дѣла или даже ѣздить за черту границъ Астрахани безъ разрѣшенія полицмейстера.

Причина подобнаго приказа никогда не была разъяснена, хотя люди, знакомые съ религіознымъ и политическимъ направленіемъ этого государства, понимали, въ чемъ заключалось дѣло [1]).

По совѣту миссіонеровъ, онъ принужденъ былъ выбрать Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, какъ самое подходящее къ его способностямъ и познаніямъ, и онъ подалъ объ этомъ прошеніе графу Нессельроде, который былъ въ то время министромъ.

Около года прошло, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ на это прошеніе. Тѣмъ временемъ исчезли надежды миссіонеровъ относительно этого интереснаго молодаго человѣка, и многія другія происшествія политическаго свойства сдѣлали неблаговременнымъ продолженіе ихъ дѣла въ Россіи, почему миссія прекратила свои занятія. Въ 1825—1826 году миссіонеры возвратились на родину, исключая г. Глена, который остался докончить начатый имъ, по порученію Британскаго и иностранныхъ Библейскихъ обществъ, переводъ Ветхаго Завѣта на Персидскій языкъ.

Проѣзжая черезъ Петербургъ, я удостоился чести, вмѣстѣ съ моимъ другомъ г. Петерсономъ, имѣть свиданіе съ его сіятельствомъ княземъ Голицынымъ, въ императорскомъ лѣтнемъ дворцѣ Царскаго Села. Я изложилъ ему руководящіе факты настоящаго разсказа и просилъ его ходатайствовать передъ Его Величествомъ за моего молодаго друга. Князь отнесся ко всему очень сочувственно и просилъ меня написать письмо, которое онъ могъ бы представить Государю. Я такъ и сдѣлалъ; но о послѣдствіяхъ моего письма ничего мнѣ неизвѣстно, такъ какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Государь скончался. До его кончины и, вѣроятно, безъ его вѣдома, Мохаммедъ-Али получилъ увѣдомленіе отъ правительства, что онъ назначается учителемъ публичной школы въ Томскѣ [2]), за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Астрахани, причемъ ему было приказано отправиться туда немедленно.

---

[1]) Совершенно понятно, что Русское правительство не могло покровительствовать распространенію хотя бы христіанской религіи, но не православнаго вѣроисповѣданія, въ предѣлахъ Россійской Имперіи. О. Б.

[2]) Здѣсь, очевидно, ошибка: Александръ Касимовичъ былъ назначенъ въ Омскъ. У Dugat находимъ: En 1825. О. Б.

Съ горестнымъ сердцемъ разстался онъ съ миссіонерами и направился къ мѣсту своего изгнанія, такъ какъ оно дѣйствительно предназначалось быть таковымъ.

По пути онъ долженъ былъ ѣхать черезъ Казань, одинъ изъ Русскихъ университетскихъ городовъ. Онъ былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ знаменитыхъ тамошнихъ профессоровъ, Нѣмцу, доктору Фуксу, которому онъ очень понравился. Докторъ былъ такъ пораженъ его способностями и заинтересованъ его исторіей, что немедленно ввелъ его въ общество важнѣйшихъ лицъ города, которыя, познакомившись съ нимъ, рѣшили просить министра измѣнить судьбу молодаго человѣка и вмѣсто того, чтобы опредѣлить его при школѣ въ Сибири, сдѣлать профессоромъ восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ.

Послѣ большихъ затрудненій и продолжительныхъ замедленій, просьба, наконецъ, была уважена, и къ великой радости его друзей Александръ Каземъ-Бекъ былъ назначенъ профессоромъ Казанскаго университета.

Тамъ онъ находится и теперь во всеобщемъ уваженіи, ревностный въ вѣрѣ и хотя совсѣмъ оторванный отъ сообщенія съ тѣми, которые раздѣляютъ его чувства и не имѣющій уже той строго - религіозной обстановки, которая такъ необходима для спасенія души, но поддерживающій свою вѣру и украшающій ученіе Господа, Спасителя своего, жизнью и разговорами, соотвѣтствующими Св. Евангелію.

Да будетъ надъ нимъ и вокругъ него вѣчное благословеніе неизмѣнно до конца дней его, и да сподобится онъ вѣнца жизни вѣчной!

*

Оставшись въ Казани, при университетѣ, Александръ Касимовичъ въ 1827 году былъ утвержденъ лекторомъ Персидской словесности *) и Турецко-Татарскаго языка. Въ отчетѣ Императорскаго Казанскаго университета значится:

«Съ 1829 по 1830 г. лекторъ, впослѣдствіи адъюнктъ и профессоръ мирза Александръ Касимовичъ Каземъ-Бекъ обучалъ сему (Турецко-Татарскому) языку по одному разу въ недѣлю, а въ слѣдующіе годы прибавилъ еще по одному часу, занимаясь какъ грамматикой, по сочиненію Хальфина, съ своими замѣчаніями, такъ и объясненіемъ исторіи *Абулгазія-Бегадеръ-хана* и переводами съ Татарскаго языка на Русскій и обратно. Но въ 1837 году, съ учрежденіемъ особой каѳедры, ординарный профессоръ Каземъ-Бекъ сталъ уже читать Турецко-Татарскій языкъ во всей подробности. Такъ онъ преподавалъ этимологію и синтаксисъ сего языка въ обширномъ видѣ по своему сочиненію, занималъ студентовъ переводами съ Турецкаго и Татарскаго на Русскій и обратно, и сообщалъ сравнительныя замѣчанія объ обоихъ языкахъ, употребляя на всѣ сіи предметы 8 часовъ въ недѣлю.

---

*) Въ Октябрѣ 1827-го г. онъ былъ переведенъ изъ Минист. Иностр. Дѣлъ въ Мин. Нар. Просв. и утвержденъ лекторомъ Персидской словесности (собственноручная замѣтка его). О. Б.

Съ 1838 года, сохраняя тотъ же способъ, онъ 8 часовъ поперемѣнно толковалъ уже отрывки изъ труднѣйшихъ прозаиковъ и стихотворцевъ какъ-то: Гезаръ-Фенна, Абуль-Казія-Бегадеръ-хана, Искендеръ-намэ, Кабусъ-намэ, Рагибъ-паши, Сейдъ-Ризы, Гюснюдиль и Ассебъ-ус-Сейяръ. Онъ также занималъ слушателей чтеніемъ Александрійскихъ и Константинопольскихъ газетъ. Сверхъ того онъ въ разные годы присовокуплялъ замѣчанія о Турецкихъ племенахъ и ихъ нарѣчіяхъ, преподавалъ исторію Татаръ, просодію Турецкаго языка или краткую исторію Турецко-Татарской литературы» [1]).

Свободное отъ университетской службы время Александръ Касимовичъ посвящалъ другимъ занятіямъ. Вотъ что̀ пишетъ Березинъ:

«Полемика противъ Ислама, которую Каземъ-Бекъ велъ въ Астрахани, была теперь отложена въ сторону, и молодой оріенталистъ, продолжая знакомство съ Европейскою наукою, занялся разработкою восточныхъ писателей. Какъ превосходный знатокъ своего дѣла, онъ прямо приступилъ къ образцовому писателю Ирана, прославленному Саади и перевелъ его Гюлистанъ на Русскій языкъ въ 1829 году» [2]).

Эти занятія, какъ служебныя, такъ и литературныя, не мѣшали Александру Касимовичу бывать въ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ большимъ радушіемъ. Особенно часто онъ посѣщалъ домъ мѣстнаго дворянина и помѣщика, Александра Петровича Костливцева, на дочери котораго Прасковьѣ Александровнѣ женился въ 1842 году.

Нѣкоторыя подробности о своемъ присхожденіи и о тогдашнемъ своемъ положеніи въ обществѣ онъ изложилъ въ письмѣ, написанномъ незадолго до женитьбы, къ тетушкѣ своей невѣсты, Е. П. Ростъ. Прилагаемъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ этого письма.

Автобіографическая записка.

Извините, милостивая государыня, ежели мое письмо потеряетъ свой характеръ и будетъ похоже какъ будто на повѣсть: заранѣе я прошу у васъ и терпѣнія и прощенія.

Отдѣленіе 1-е. Кто я?

Родомъ изъ Персіянъ, вѣроисповѣданіемъ реформатъ, подданный Россійской Имперіи и профессоръ Турецко-Татарской словесности при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Какая дичь, какая несообразность должно быть все это для человѣка, который въ первый разъ имѣетъ случай слышать подобные аргументы. Я воображаю это! Между тѣмъ они на самомъ дѣлѣ истинны. Для объясненія всего этого

---

[1]) Отчетъ Императорскаго Казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, подъ управленіемъ тайнаго совѣтника Муссина-Пушкина. Казань 1844 г. О. Б.

[2]) Статья проф. Березина. Протоколы засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета 1870—1871 г. О. Б.

я долженъ прибѣгнуть къ краткому описанію своей біографіи. Вотъ слушайте.

До покоренія Грузіи и вообще Закавказскихъ краевъ побѣдоносным оружіемъ Россіи, весь Дагестанъ и смежныя съ нимъ провинціи составляли отдѣльныя владѣнія, союзныя то съ Персіей, то съ Турціей. Кубанская и Дербентская провинціи въ концѣ прошедшаго столѣтія управлялись особыми ханами, громы побѣдъ которыхъ страшили слухъ современныхъ сосѣдей. Фетхъ-Али-ханъ, современникъ Екатерины, славился на время своимъ могуществомъ и неустрашимостью. Мѣстомъ его пребыванія былъ Дербентъ. Дѣдъ мой находился въ числѣ его министровъ и по своей должности носилъ титулъ *Назыра* [1]), что̀ значитъ министръ финансовъ или попечитель народнаго продовольствія. По смерти сего хана и при походахъ Русскихъ въ Закавказскіе края, смуты и междоусобія принудили отца моего, уже давно склоннаго болѣе къ духовной и ученой жизни, нежели къ свѣтской и военной, предпринять путешествіе по магометанскимъ святымъ мѣстамъ и посвятить свою жизнь ученымъ занятіямъ. Такимъ образомъ онъ отправился въ Мекку, потомъ въ Медину, гдѣ онъ жилъ шесть лѣтъ и посѣщалъ мудрецовъ Аравіи. Въ 1800-мъ году онъ возвратился въ Персію, гдѣ женился въ 1801 году въ городѣ Рештѣ [2]), вслѣдствіе чего я родился въ свѣтъ въ 1802 году.

Успѣхи Россійскаго оружія между тѣмъ постепенно усмирили смуты моего края; ханства Дербентское и Кубанское обратились въ часть пограничныхъ владѣній Россіи. Молва, распространившаяся о водвореніи тишины и спокойствія на родинѣ моего отца, равномѣрно любовь его къ мѣсту своего рожденія и остаткамъ своего семейства возбудили въ немъ сильное желаніе посѣтить Дербентъ на самое короткое время, почему въ 1808 году онъ отправился туда одинъ.

Появленіе его въ Дербентѣ открыло ему новое поприще: какъ весьма ученый и религіозный человѣкъ, получившій благословеніе перваго *муджетегеда* (высшій духовный сановникъ) на степень *Шейхуль-Ислама* (Главы Вѣры), которая предоставляетъ лицамъ, имѣющимъ ее, право разбирать всякое дѣло, гражданское или уголовное, онъ былъ приглашенъ Россійскимъ правительствомъ занять эту должность. Отецъ мой принялъ сіе предложеніе, поселился въ Дербентѣ и въ 1810 году вызвалъ насъ изъ Гиляна.

---

[1]) Хаджи Каземъ-Бекъ (отецъ Ал. Кас.) принадлежалъ къ почетнымъ Дербентскимъ жителямъ. Родъ его происходилъ отъ Курчинскихъ князей, переселившихся въ Закавказье во времена Надиръ-Шаха. Отецъ и братья Хаджи-Каземъ-Бека поочередно исправляли должность *назира*, министра при *Фетхъ-Али-ханѣ* (собственноручная замѣтка Казембека). О. Б.

[2]) На дочери Рештскаго губернатора Миръ-Багкыръ-Хана въ 1216 г. Хеджиры (тоже). О. Б.

Смуты продолжались въ Дагестанѣ или въ горныхъ частяхъ Закавказья, и интриги властолюбивыхъ бековъ или князей открыли путь къ неслыханнымъ злодѣяніямъ. Выгнанный изъ Дербента, ханъ жилъ въ недоступныхъ, природою укрѣпленныхъ мѣстахъ Аваріи, не далѣе какъ въ 120 верстахъ отъ города, имѣя тайное, хотя рѣдкое сношеніе съ шахомъ Персидскимъ, что̀ доставляло ему ничтожныя поддержки въ видѣ подарковъ. Отецъ мой, всегдашній доброжелатель Россіи, но по своему званію защитникъ народнаго права, имѣлъ сильнаго врага въ лицѣ одного Дербентскаго кореннаго бека, который своими интригами успѣлъ помрачить въ глазахъ правительства первое его достоинство вторымъ; отсюда происходило много неудовольствій, которыя съ каждымъ днемъ увеличивались, при усердномъ содѣйствіи интригана, и кончились тѣмъ, что правительство нарядило военный судъ, который приговорилъ моего отца съ четырнадцатью его друзьями къ лишенію его имѣнія и ссылкѣ въ Астрахань.

Таково было дѣйствіе непонятной судьбы, противъ которой мы роптали и грѣшили. Въ 1820 году мой отецъ со всѣми приговоренными былъ отправленъ въ Астрахань на военныхъ судахъ, и въ концѣ слѣдующаго года я прибылъ туда же для свиданія съ нимъ. Мнѣ минуло тогда 18 лѣтъ, и я уже кончилъ курсъ Азіатскаго ученія въ домѣ родителя, съ хорошими свѣдѣніями въ законахъ магометанскихъ, въ толкованіи Алкорана, словесности Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго языковъ. Въ Астрахани обстоятельства привели меня познакомиться съ Англійскими миссіонерами,тогда занимавшимися, съ дозволенія Россійскаго правительства, проповѣданіемъ Евангелія и переводами Священнаго Писанія на разные Азіатскіе языки. Они предложили мнѣ преподавать имъ Арабскій и Турецкій языки, на что̀ я согласился, только съ условіемъ, чтобы одинъ изъ нихъ училъ меня Англійскому языку. Условіе сдѣлано, занятія начаты. Будучи воспитанъ въ строгихъ правилахъ Ислама и въ самомъ дѣлѣ горячій защитникъ чести религіи, я никогда не позволялъ себѣ входить въ какое-либо разсужденіе съ моими учениками или съ моимъ учителемъ о вѣрѣ, и если это по какой-нибудь нечаянности случалось, то всегда кончалось непріятностью и дерзостью съ моей стороны, и потому-то мы еще болѣе избѣгали подобныхъ разсужденій. Но Святому Провидѣнію было угодно другое. Тайное любопытство во мнѣ изслѣдовать христіанскую религію, съ тѣмъ чтобы совершенно торжествовать надъ ея нелѣпостями (какъ я думалъ тогда) постепенно открывало путь къ неизвѣстнымъ мнѣ познаніямъ; любопытство съ одной стороны и досада моя на себя съ другой ежедневно умножались и, наконецъ, борьба внутреннихъ чувствъ моихъ меня истощила. Моя вѣра колебалась, мои сомнѣнія не давали

мнѣ покоя, а любопытство не переставало меня увлекать далѣе и далѣе. Первымъ результатомъ моихъ мучительныхъ изслѣдованій было то, что я совершенно опровергъ въ душѣ божественность Ислама и сталъ не причемъ, безъ надежды! Тутъ Богу открылъ я свою душу и просилъ Его о помощи. Священное Писаніе, которое я читалъ прежде съ насмѣшкою, обратило на себя мое теплое вниманіе. Я читалъ его не какъ магометанинъ и не какъ христіанинъ, но какъ изслѣдователь истины; тутъ же и предался я изслѣдованію другихъ вѣроисповѣданій. Но тѣнь утѣшенія я могъ находить только въ Евангеліи. Безвѣріе мучило меня, и никто не зналъ о моихъ мученіяхъ. Окружавшіе меня родные и пріятели мои, равно какъ и самые миссіонеры, не знали, чему приписать мою печаль и мою тоску. Наконецъ, я лишился терпѣнія и не могъ болѣе противиться Истинѣ, сіяющей съ каждымъ часомъ все ярче и ярче въ лонѣ Евангелія, и при всей моей увѣренности, что обнаруживаніе моей тайны погубитъ меня и моего стараго обожаемаго родителя, я не могъ побѣдить себя: я вымолвилъ ее и тѣмъ проложилъ путь къ новымъ, но сладкимъ терзаніямъ. Меня мучили отчаяніе отца и презрѣніе окружающихъ, но моимъ утѣшеніемъ было Евангеліе. Я сталъ краснорѣчивѣе обыкновеннаго, смѣлѣе обыкновеннаго и побѣждалъ повсюду тѣхъ, которые пускались со мною въ разсужденіе о вѣрѣ: Христіанство, которое я ненавидѣлъ прежде, стало первымъ предметомъ моей любви и моей защиты. Хотя многія мѣры были приняты для лишенія меня жизни или для отправленія меня тайкомъ въ Персію на купеческихъ судахъ, но все это было тщетно. При содѣйствіи миссіонеровъ, начальство приняло строгія мѣры къ моей личной безопасности, и черезъ мѣсяцъ я удостоился Святаго Крещенія, въ Іюлѣ 1823 года, изъ рукъ благочестиваго миссіонера [1]) при торжественномъ собраніи.

Я переселился къ миссіонерамъ и занялся изученіемъ вѣры и наукъ. Между тѣмъ мои соотечественники не переставали преслѣдовать меня своими тайными замыслами, которые имъ не удавались [2]). Прошло около четырехъ лѣтъ; неусыпное попеченіе моихъ соотечественниковъ

---

[1]) Пастора Глена.

[2]) Было принято много мѣръ, чтобъ избавиться отъ его соблазновъ. Одинъ разъ хотѣли его убить, когда ночью онъ долженъ былъ возвращаться отъ своего стараго отца, котораго онъ аккуратно посѣщалъ каждый день; но неожиданная болѣзнь задержала его цѣлую недѣлю дома, и онъ не могъ ходить къ отцу. Одинъ разъ хотѣли утопить его во время купанья и на это подкупили извѣстнаго отчаяннаго Персіянина, но искусство Казембека въ плаваніи спасло его ..... Послѣ всѣхъ этихъ пробъ и попытокъ, мусульмане обратились черезъ мирзу Салиха, возвратившагося тогда изъ Англіи (агента Персидскаго правительства), къ генералу Ермолову съ просьбой избавить ихъ отъ молодаго Каземъ-Бека, который разъѣзжаетъ повсюду и проповѣдуетъ Евангельское ученіе. (Собственноручная записка Казембека). О. Б.

мстить мнѣ, чѣмъ бы то ни было, наконецъ увѣнчалось успѣхомъ: въ самое то время, когда я собирался ѣхать въ Англію, мѣстное начальство принудило меня дать обязательство, что я никогда изъ города не выѣду, покуда мнѣ не будетъ сообщена воля Ермолова, тогдашняго главнокомандующаго Закавказскимъ краемъ. Черезъ нѣсколько времени г. гражданскій губернаторъ сообщилъ мнѣ, что я долженъ избрать, какъ подданный Россіи и какъ дворянинъ, родъ службы. При перемѣнѣ таковыхъ обстоятельствъ перемѣнились и мои мысли. Я подалъ прошеніе на Высочайшее имя принять меня въ службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и считалъ, что могъ быть полезнымъ. По прошествіи шести мѣсяцевъ я былъ уже принятъ на службу по сему министерству, только съ тѣмъ, чтобы находиться при генералъ-губернаторѣ Западной Сибири въ качествѣ переводчика, тогда какъ я не зналъ ни однаго Русскаго слова. Все это клонилось къ тому, чтобы утѣшить моихъ соотечественниковъ мыслію, *что меня сослали въ Сибирь*.

Въ 1826 году я прибылъ въ Казань, гдѣ жестоко заболѣлъ. Нѣсколько рекомендательныхъ писемъ пріобрѣло мнѣ хорошихъ знакомыхъ. Многіе изъ нихъ приняли во мнѣ теплое участіе; моя болѣзнь перемѣнила всѣ обстоятельства, и ихъ усердіе преодолѣло всѣ затрудненія. Я остался въ Казани и черезъ 8 мѣсяцевъ поступилъ въ университетъ. Съ этого времени я служу здѣсь. Пять лѣтъ былъ лекторомъ восточной словесности, шесть лѣтъ въ званіи адъюнкта профессора, восемь мѣсяцевъ былъ въ званіи экстраординарнаго профессора, и вотъ уже около четырехъ лѣтъ, какъ имѣю особую каѳедру и служу ординарнымъ профессоромъ Турецко-Татарской словесности.

По вступленіи на службу въ университетъ я посвятилъ свои досуги изученію необходимыхъ отраслей знаній. Знакомство мое ограничивалось весьма малымъ кругомъ; я не зналъ ни свѣта, ни его требованій; утѣшеніе мое составляли мои занятія. Но скоро, по молодости лѣтъ, я выучился говорить по-русски, и постепенно увеличивалось мое знакомство. Вліяніе свѣта стало сильнѣе дѣйствовать на меня, и я мало по малу, совершенно незамѣтнымъ образомъ, сталъ измѣняться. Ласковый пріемъ и необыкновенное гостепріимство Казанскихъ жителей обязали меня взаимнымъ вниманіемъ и почтительностью, такъ что я считалъ долгомъ своимъ дѣлать визиты даже во воскреснымъ днямъ, тогда какъ прежде эти дни я посвящалъ только одному Богу и ни шагу не дѣлалъ изъ дома. Этого мало: я началъ учиться танцовать, играть въ карты и заниматься собою, тогда какъ все это я считалъ грѣхомъ прежде. Этого мало: я началъ думать нравиться прекрасному полу (извините за откровенность!) и увлекался его вниманіемъ, тогда какъ на это я смотрѣлъ какъ на ужасное преступленіе.

Однимъ словомъ, я сталъ совсѣмъ другой, нежели *дитя прирорлы*, каковымъ я прибылъ сюда. Но хотя я присталъ къ свѣту и предался ему, но отъ своего вѣрованія нимало не отставалъ.....

Надо вамъ признаться, м. г., что идея о женитьбѣ была всегда чужда мнѣ: я никогда не воображалъ быть семьяниномъ. Это правда, что мнѣ нравились женщины и даже, съ вашего позволенія да будетъ сказано, я влюблялся; но это ни къ чему не повело. Тогда я еще не испыталъ тѣхъ чувствъ, которыя нынѣ управляютъ мной; тогда я думалъ или, лучше сказать, ничего не думалъ, а просто волочился, любезничалъ, безъ цѣли вздыхалъ, кончилъ вечеръ и началъ тѣмъ же слѣдующій. Но все это измѣнилось, когда я началъ завидовать семейному счастью нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ; видно, что исполнилось предвѣщаніе многихъ: «и вамъ придетъ пора, когда вы начнете думать о семейной жизни» и проч. Точно такъ, съ начала прошлаго года я началъ думать о томъ, но всегда, по привычкѣ, чуждался мысли о женитьбѣ; это нимало не мѣшало мнѣ думать иногда, на комъ бы, напримѣръ, мнѣ жениться? Мысли тѣснились въ моей головѣ о томъ, не смотря на то, что я еще твердо былъ увѣренъ, что это никогда не случится, и я думалъ объ этомъ покуда шутя. Въ этихъ шуточныхъ размышленіяхъ я позволялъ себѣ перебирать всѣхъ знакомыхъ дѣвицъ, но о П* не помышлялъ ни одного разу. Ни на одной мои мысли не останавливались: та слишкомъ богата (а я никогда терпѣть не могъ за богатыми волочиться), та слишкомъ умна; эта слишкомъ проста; у той ростъ слишкомъ высокъ, у этой нѣтъ никакой привлекательности; однимъ словомъ, мнѣ представлялись всевозможные недостатки, которые успокоивали меня и согласовались съ моимъ твердымъ намѣреніемъ никогда не жениться. Однажды, при случаѣ (это было, какъ говоритъ мой журналъ, въ Воскресенье вечеромъ, 2-го Іюня, когда семейства Костливцевыхъ, Депрейсъ и другихъ кушали у меня чай въ саду), я сдѣлалъ себѣ вопросъ: почему я исключилъ изъ списка дѣвицъ, бывшихъ предметомъ моего размышленія, П*? Это было начало моихъ думъ о ней, основаніе прочнаго зданія любви, которое приготовляла намъ рука судьбы для новой жизни...

Казань, Февраля 12-го дня 1842 года.

Примѣчанія къ этому письму взяты изъ собственноручной записки моего отца, въ которой онъ пишетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ; вѣроятно она предназначалась для перевода на Нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ заголовкѣ ея значится: «составлена по желанію D-r Wolfsohn». Заимствую еще нѣсколько словъ изъ книжки путешественника Турнерелли, подъ заглавіемъ Kazan et ses habitants, вышедшей въ 1841 году. О. Б.

„Продолжительное и утомительное путешествіе отъ Петербурга до Казани удалось мнѣ совершить съ Мирзой-Каземъ-Бекомъ, Персіяниномъ, обратившимся въ христіанство, человѣкомъ, о которомъ уже было довольно хорошо извѣстно въ Англіи по многимъ свѣдѣніямъ о немъ, помѣщавшимся въ миссіонерскихъ повременныхъ изданіяхъ (въ это время состоялъ онъ профессоромъ восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ).

„Онъ говорилъ въ совершенствѣ по англійски, а умный и занимательный его разговоръ немало содѣйствовалъ оживленію моего духа, удрученнаго тяжелымъ путешествіемъ“.

Далѣе Турнерелли говоритъ, что на вечерѣ въ дворянскомъ собраніи, куда онъ поѣхалъ, Казембекъ представилъ его всѣмъ своимъ пріятелямъ, чему и обязанъ онъ былъ тѣмъ, что, въ какой нибудь часъ времени, познакомился со всѣми замѣчательными членами Казанскаго общества.

Казембекъ показывалъ путешественнику достопримѣчательности Казани, и Турнерелли, увлекаясь не столько видѣннымъ, какъ личностію своего чичероне, говоритъ: «Извѣстный уже читателямъ моимъ Казембекъ не оставлялъ меня при обозрѣніи мною всего примѣчательнаго. Считая долгомъ своимъ обрисовать эту замѣчательную личность, пользуюсь случаемъ къ тому, тѣмъ охотнѣе, что, при описаніи Казани, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ „львовъ“ ея. Мирза Казембекъ столь выдающаяся личность, что описаніе общества, среди котораго занималъ онъ весьма видное положеніе, было бы неполнымъ безъ воспоминанія о немъ. Представьте себѣ, читатель, Персидскаго мирзу, выражающаго мысли свои въ равномъ совершенствѣ на языкахъ Турецкомъ, Татарскомъ, Арабскомъ, Персидскомъ, Англійскомъ, Русскомъ; къ тому же могъ онъ выражаться нѣсколько по французски и по нѣмецки. Могла ли Казань не хвалиться столь даровитымъ человѣкомъ? Казембека, при томъ, отличали его высокій ростъ, благородная осанка, изящныя черты лица, черная и густая борода, глаза черные и полные такой огненности, что, по словамъ одной Петербургской дамы, трудно было смотрѣть на него прямо, по магнетизму его взора. Въ салонномъ разговорѣ былъ онъ изященъ, въ бесѣдахъ съ дамами остроуменъ и эффектенъ, на балахъ изъ лучшихъ танцоровъ; словомъ, былъ онъ вполнѣ совершеннымъ кавалеромъ. И понятно, что одаренный столь богато человѣкъ дѣлался спредметомъ особаго вниманія и что всякое общество желало привлечь его. „Восточное свѣтило“: такъ прозвала его одна дама. Наконецъ, замѣчательное вліяніе его личности вполнѣ объясняется благороднымъ и щедрымъ характеромъ его, которымъ отличался онъ и среди ученыхъ, и среди свѣтскихъ людей“.

*

За сообщеніе этихъ свѣдѣній о знаменитомъ оріенталистѣ обязаны мы его дочери, Ольгѣ Александровнѣ Боратынской (невѣсткѣ поэта Евгенія Абрамовича). Начальными буквами ея имени означены примѣчанія. П. Б.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛА ОЛЬШЕВСКАГО.

Въ «Русской Старинѣ» нынѣшняго года печатаются статьи подъ заглавіемъ: «Кавказъ съ 1841 по 1866 г. Записки М. Я. Ольшевскаго». Повѣствованіе почтеннаго ветерана о событіяхъ, которыхъ онъ былъ *очевидцемъ* и *личнымъ участникомъ*, въ продолженіи слишкомъ двадцатилѣтней боевой службы на Кавказѣ, а также описанія мѣстностей и нравовъ туземцевъ, отличаются правдивостью и вносятъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію покоренія Кавказа, такъ что нельзя отнестись иначе какъ съ полнымъ уваженіемъ къ этому добросовѣстному изложенію *личныхъ* впечатлѣній. Тѣмъ болѣе мнѣ прискорбно, въ той части Записокъ, которая помѣщена въ Августовской книжкѣ, встрѣтить *не основанныя на сей разъ на личномъ опытѣ* показанія объ извѣстномъ, предпринятомъ въ 1845 году, Даргинскомъ походѣ. Эти показанія не согласны съ дѣйствительностью, а въ сужденіяхъ о бывшемъ главнокомандующемъ Кавказскими войсками, покойномъ князѣ Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ, для памяти его прямо оскорбительны. Съ того времени протекло почти полстолѣтія; большая часть свидѣтелей Даргинскаго похода сошла въ могилу; между ними, безъ сомнѣнія нашлись бы многіе люди военнаго ремесла болѣе меня способные опровергнуть несправедливость обвиненія, возводимаго на храбрыхъ воиновъ Кавказскихъ и на маститаго ихъ вождя. Но и я, состоявшій въ то время при особѣ намѣстника Кавказскаго и бывшій участникомъ этаго знаменательнаго похода, подробности котораго въ то время нашли мѣсто въ моемъ дневникѣ, не могу, ради истины и изъ уваженія къ памяти горячо почитаемаго бывшаго начальника моего, не постараться возстановить событія въ правильномъ ихъ свѣтѣ.

Вслѣдъ за живымъ разсказомъ о происходившемъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, около крѣпости Воздвиженской, переходя къ движенію, предпринятому въ Іюлѣ 1845 г. генераломъ Фрейтагомъ на встрѣчу главному отряду (дѣйствовавшему противъ Шамиля, подъ начальствомъ главнокомандовавшаго графа Воронцова), авторъ Записокъ (стр. 318) говоритъ: «Послѣ ряда побѣдъ одержанныхъ надъ Шамилемъ, на Анчимеерѣ, у Андійскихъ воротъ, на Азалтау и у аула Анди, предпринято было движеніе, *въ видѣ рекогносцировки*, на Андійскій хребетъ. Когда же, съ перевала Речель, открылась Ичкерія съ своими вѣковыми лѣсами и Кумыкская плоскость съ укрѣпленіями и аулами, а до Дарго, такъ сказать, рукой подать: то главнокомандующій, *увлек-*

шись такимъ близкимъ, повидимому, нахожденіемъ предмета дѣйствій и *такимъ легкимъ достиженіямъ своей славы*, обратилъ рекогносцировку въ дѣйствительное наступленіе. Двѣнадцать батальоновъ, съ десятью орудіями, быстро спускаются съ Речельскаго перевала, съ боемъ проходятъ черезъ лѣсъ, укрѣпленный завалами, и вечеромъ побѣдителями вступаютъ въ Дарго».

Въ этихъ строкахъ, кромѣ неточности въ описаніи мѣстности, замѣчаются слѣдующія невѣрности.

Движеніе на аулъ Дарго и занятіе его отнюдь не были послѣдствіемъ рекогносцировки, обращенной главнокомандовавшимъ въ наступленіе, вслѣдствіе якобы увлеченія для легкаго достиженія славы. Выполненіе этой главной цѣли похода сопровождалось иными обстоятельствами. Прибывъ въ Андію 14 Іюня, отрядъ, подъ главнымъ начальствомъ графа Воронцова, оставался тамъ цѣлыя три недѣли, до 6 Іюля, и такая продолжительная стоянка оправдывалась, между прочимъ, признанною необходимостью (предварительно дальнѣйшаго движенія на Дарго) твердо установить коммуникаціонную линію съ опорнымъ пунктомъ, на пути къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ урочищѣ Кирки, гдѣ устроенъ былъ вагенбургъ для безопаснаго снабженія главнаго отряда провіантомъ и снарядами, и для этой цѣли воздвигнуты небольшія полевыя укрѣпленія въ Анди и въ Гумбетѣ, сооруженіе которыхъ и производилось во время стоянки. Тогда же были предприняты *двѣ* рекогносцировки для осмотра мѣстности, по направленію къ Дарго и дорогъ туда идущихъ; но ни въ одинъ изъ этихъ дней дальнѣйшаго наступательнаго движенія не было сдѣлано, и рекогносцировавшіе отряды возвратились въ лагерь у дер. Анди. Наконецъ, когда всѣ предварительныя мѣры были исполнены, то выступленіе изъ Анди въ Дарго было назначено на 6 Іюля. Въ этотъ день весь наличный отрядъ (за исключеніемъ небольшихъ гарнизоновъ, оставленныхъ въ воздвигнутыхъ укрѣпленіяхъ) двинулся въ Дарго, *съ опредѣленною цѣлью его занятія*, каковое и совершилось въ тотъ же день, послѣ довольно жаркаго боя въ лѣсу (протяженіемъ примѣрно отъ двухъ до трехъ верстъ), отдѣлявшемъ открытыя горныя мѣста отъ долины, на которой былъ расположенъ аулъ Дарго.

Предполагалось остаться въ Дарго нѣсколько долѣе, и поэтому подвозъ провіанта, во всякомъ случаѣ, былъ необходимъ. Воспрепятствовалъ исполненію этого намѣренія несчастный исходъ такъ называемой «Сухарной экспедиціи», которая состоялась не на другой день по прибытіи въ Дарго (какъ говорится въ Запискахъ), но 9 и 10 Іюля. Авторъ, ставя графу Воронцову въ примѣръ генераловъ Ермолова и Вельяминова, высказываетъ предположеніе, что сіи послѣдніе не остановились бы въ резиденціи Шамиля, но, разоривъ аулъ, продолжали

бы безостановочно слѣдовать на Герзель-аулъ, по той же дорогѣ, по которой началъ отступленіе графъ Воронцовъ, спустя шесть дней послѣ перехода изъ Анди въ Дарго. Не посвященный въ таинства стратегіи, не могу я себѣ дозволить сужденія о томъ, чтó въ подобныхъ обстоятельствахъ предприняли бы эти опытные Кавказскіе вожди; но, тѣмъ не менѣе, дозволяю себѣ сомнѣваться, чтобы они, придавъ главной цѣли похода видъ простаго набѣга, немедленно и опрометчиво пустились бы по пути совершенно неизвѣстному, безъ особенно важныхъ на то причинъ.

Относительно «Сухарной экспедиціи», въ Запискахъ говорится: «Пока были живы генералы Пассекъ и Викторовъ, назначенные въ помощь Клугенау, то, не смотря на потери, порядокъ еще сохранялся; со смертью же ихъ наступило полное безначаліе; *одни гибли отъ пуль и шашекъ, другіе сдавались плѣнными, третьи спасались бѣгствомъ*».

Картина болѣе эфектная нежели вѣрная. Генералы Пассекъ и Викторовъ были назначены для командованія, первый авангардомъ, а второй арріегардомъ; что смерть ихъ, послѣдовавшая 10 Іюля, при обратномъ слѣдованіи отряда, естественно произвела нѣкоторое разстройство во ввѣренныхъ имъ частяхъ, это весьма вѣроятно; но отсюда до описываемой мрачной картины еще далеко. Многіе дѣйствительно пали отъ непріятельскихъ пуль и шашекъ (бой часто переходилъ въ рукопашный на узкомъ пространствѣ). Были-ли единичные случаи бѣгства или взятія въ плѣнъ, ни утверждать, ни безусловно отрицать не рѣшусь, не бывъ очевидцемъ этого эпизода; но сколько нибудь значительнаго числа плѣнныхъ, а тѣмъ паче огульнаго бѣгства, вовсе не было. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что было вынесено нѣсколько сотъ раненыхъ, которые потомъ были доставлены въ Герзель-аулъ, и что бывшіе въ арріергардѣ Кабардинскіе батальоны успѣли подобрать часть провіанта, уже считавшагося потеряннымъ, и изъ четырехъ горныхъ орудій, завязшихъ въ грязи (когда везшія ихъ лошади были убиты), два притащили на рукахъ, а остальные заклепали на мѣстѣ. Едва ли все это было-бы возможно при полномъ безначаліи и общемъ бѣгствѣ. Возвратившіяся въ лагерь части конечно были разстроены; но Кабардинцы, завершавшіе шествіе, вступили въ лагерь съ обычнымъ храбрымъ видомъ, съ пѣсенниками, гоня передъ собою отбитую ими обратно часть порціоннаго скота. День этотъ былъ, по существу своему и по послѣдствіямъ, довольно печаленъ, чтобы къ описанію его прибавлять еще болѣе темныя краски.

Прямымъ послѣдствіемъ неудачи «Сухарной экспедиціи» была, безъ сомнѣнія, необходимость отказаться отъ намѣренія продолжать стоянку въ Дарго, такъ какъ опытъ доказалъ невозможность правиль-

наго доставленія продовольствія по тому пути, на который разсчитывали. Что трудности этого пути не вполнѣ выяснились при произведенныхъ съ высоты наблюденіяхъ во время двухъ предварительныхъ рекогносцировокъ, это вполнѣ допустить можно, такъ какъ извѣстно, на сколько картина мѣстности представляется въ сокращенномъ видѣ, будучи осматриваема, такъ сказать, съ птичьяго полета.

Когда обстоятельства указали на необходимость двинуться обратно изъ Дарго, то являлся естественно вопросъ: какое избрать направленіе для такого движенія, сопряженнаго съ немалыми затрудненіями въ виду значительнаго количества раненыхъ, которыхъ слѣдовало перевезти. Представлялось очевидно два предположенія: или избрать обратный путь чрезъ Анди, или двинуться впередъ по направленію къ Чечнѣ или къ Кумыкской плоскости. Хотя первый путь могъ казаться выгоднѣйшимъ, какъ знакомый и въ виду сравнительной краткости разстоянія отъ открытыхъ горныхъ мѣстностей (гдѣ никакого непріятельскаго сопротивленія ожидать нельзя было); но, при существовавшихъ обстоятельствахъ, онъ сочтенъ былъ неудобнымъ, отчасти потому, что непріятель, ожидая движенія отряда на этомъ пути, оставался тамъ въ сильномъ сборѣ, отчасти (и быть можетъ главнѣйше) потому, что испытанныя, за два только передъ тѣмъ дня, тяжелыя для солдата впечатлѣнія не могли не оставить слѣдовъ въ его воображеніи, могущихъ пагубно отозваться на его настроеніи, а дать самому движенію открытый видъ отступленія, послѣ неудачи, было нежелательно. Движеніе же впередъ, имѣя видъ наступленія, болѣе согласовалось съ нравственнымъ настроеніемъ отряда, хотя приходилось проходить по мѣстностямъ лѣсистымъ, для непріятеля особенно выгоднымъ, притомъ неизвѣданнымъ, гдѣ, по необходимости, нужно было полагаться на указанія лазутчиковъ и вожаковъ. Вслѣдствіе сдѣланныхъ подробныхъ разспросовъ былъ избранъ путь на Герзель-аулъ, разстояніемъ (какъ увѣряли лазутчики) около 50 верстъ, по лѣвому берегу рѣки Аксая. Передъ выступленіемъ, которое состоялось 13 Іюля, главнокомандующій далъ знать командующему въ позиціи въ Анди, чтобы онъ снялся съ оной и, забравъ по пути часть войскъ, занимавшую полевое укрѣпленіе въ Гумбетѣ, отступилъ по направленію къ Кирки. Это исполнено полковникомъ Бельгардомъ съ полнымъ успѣхомъ. Одновременно былъ отправленъ вѣрный лазутчикъ съ запискою къ командовавшему лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, генералу Фрейтагу, съ предписаніемъ, немедленно по полученіи, съ свободными силами, двинуться къ Герзель-аулу и навстрѣчу главному отряду. Полагаю, что такое распоряженіе, во всякомъ случаѣ, указывалось самою простою военною осторожностью. Выступая на путь но-

вый, съ отрядомъ ослабленнымъ недавними потерями, при полной неизвѣстности могущихъ встрѣтиться наономъ затрудненій, какой разумный и добросовѣстный начальникъ не счелъ бы своимъ долгомъ воспользоваться всякими, имѣвшимися въ его распоряженіи, средствами, чтобы предупредить невыгодные случаи и облегчить разрѣшеніе нелегкой задачи, сберегая, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизнь своихъ подчиненныхъ?

Оцѣнивая дѣйствія генерала Фрейтага, авторъ Записокъ говоритъ: «Заслуги генерала Фрейтага были велики. Запоздай онъ сутками, можетъ быть послѣдовало бы совершенное истребленіе отряда, *изнуреннаго голодомъ, совершенно разстроеннаго и не имѣющаго на позиціи у Шамхалъ-берды ни одного заряда* и *патрона*».

Картина эта слишкомъ мрачна и не вѣрна. Что генералъ Фрейтагъ отлично и съ энергіею, ему свойственною, исполнилъ данное ему приказаніе, не подлежитъ сомнѣнію; но могъ ли онъ его исполнить иначе, какъ добросовѣстный подчиненный? А потому заслуга его была такая, какую пріобрѣтаетъ всякій честно исполнившій свой долгъ генералъ. Положеніе же отряда подъ Шаухалъ-берды вовсе не было такое, чтобы ему черезъ сутки угрожало истребленіе. Что онъ не былъ совершенно разстроенъ, краснорѣчиво доказывается, съ одной стороны тѣмъ, что во время двухдневной стоянки, 17 и 18 Іюля, хотя Шамиль съ полнымъ сборищемъ стоялъ въ самомъ близкомъ разстояніи на позиціи, господствовавшей надъ лагеремъ нашимъ, на противоположномъ берегу неширокой рѣки Аксая; но онъ не предпринялъ никакой попытки нападенія,ограничившись совершенно непроизводительными вытрѣлами изъ имѣвшихся у него четырехъ орудій; а съ другой стороны четырехдневнымъ, почти безустаннымъ боемъ, выдержаннымъ отрядомъ до прихода въ Шаухалъ-берды, при чемъ не было оставлено на пути ни одного орудія, ни заряднаго ящика, ни раненаго, изъ числа уже болѣе одной тысячи. Продовольствіе раздавали въ уменьшенной пропорціи, это вѣрно; но голода не ощущалось, и солдаты, которые четыре дня сряду могли часто отбивать ожесточенныя нападенія непріятеля, не испытавъ ни на одномъ пунктѣ пораженія, не могли быть люди томимые голодомъ и совершенно разстроенные. Наконецъ, удостовѣреніе, будто на позиціи у Шаухалъ-берды въ отрядѣ не было болѣе ни одного заряда или патрона, опровергается слѣдующимъ. Когда, 18 Іюля вечеромъ, войска генерала Фрейтага приблизились къ лагерю главнаго отряда, они остановились на позиціи отдѣленной отъ онаго широкимъ лѣсистымъ оврагомъ, протяженіемъ примѣрно болѣе одной версты. На слѣдующее утро, 19 Іюля, главный отрядъ, не ожидая, чтобы подошедшіе на соединеніе батальоны двинулись на его выручку изъ *безвыходнаго будто бы положенія*, боемъ прошелъ черезъ этотъ

оврагъ, въ которомъ непріятель сдѣлалъ послѣднюю попытку оказать сопротивленіе, при чемъ была сильная перестрѣлка, которая очевидно не могла бы имѣть мѣста, если бы не было ни одного патрона. По минованіи этого послѣдняго естественнаго препятствія и по соединеніи двухъ отрядовъ, путь до Герзель - аула оказался черезъ мѣстность сравнительно открытую, на которой непріятель и не попытался тревожить войска наши даже дальнею перестрѣлкою. Двухдневная стоянка на позиціи Шаухалъ-берды была рѣшена для того, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ войскамъ, а генералу Фрейтагу время подойти; извѣстій отъ него до самаго его прихода никакихъ не было, и постановлено было выждать до 19, и утромъ, въ случаѣ непоявленія Грозненскаго отряда, продолжать движеніе самостоятельно. Это, конечно, могло имѣть послѣдствіемъ бо̀льшую потерю, которой избѣгать и желали; но о совершенномъ истребленіи отряда никто, кромѣ развѣ какого-нибудь пессимиста, и не помышлялъ.

Оцѣнивая описываемыя имъ событія, авторъ Записокъ говоритъ: «*Отчего же все это происходитъ? Отъ дурнаго исполненія предначертаннаго плана, непониманія духа непріятеля и веденія съ нимъ войны. Дѣйствуя противъ Чеченцевъ, требовалось болѣе осторожности, нежели опрометчивой рѣшимости*».

Приговоръ суровый, но невольно напоминающій мудрую поговорку: «la critique est aisée, mais l'art est difficile».

Обсудили ли бы съ такою суровостью дѣйствія графа Воронцова выставляемые ему въ примѣръ Ермоловъ и Вельяминовъ, рѣшать не берусь; но позволяю себѣ быть увѣреннымъ, что эти опытные и съ Кавказскою войною знакомые генералы, *не бывъ очевидцами событій*, не приняли бы на себя рѣшимости основывать свое осужденіе на показаніяхъ, вѣроятно, по однимъ слухамъ дошедшихъ, и не обвинили бы въ *опрометчивости дѣйствій*, опасаясь оказаться *опрометчивыми въ сужденіяхъ*. Нашли бы и они, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ несправедливымъ возводить бездоказательно на такое лице, какъ графъ Воронцовъ, въ боевыхъ преданіяхъ котораго красовались Бородино и Краонъ, обвиненіе въ томъ, будто онъ, на старости лѣтъ, съ простительною развѣ для юноши опрометчивостью, увлекся кажущеюся легкостью предпріятія, чтобы обратить рекогносцировку въ серіозное наступленіе, и искалъ бы, черезъ скорѣйшее занятіе жалкаго, неукрѣпленнаго Ичкеринскаго аула, легкаго достиженія славы, которую, уже за долго передъ тѣмъ, онъ пріобрѣлъ въ великихъ историческихъ бояхъ.

Баронъ Николаи.

Тифлисъ.
Сентябрь 1893.

ПИСЬМА В. Ф. БОГОЛЮБОВА КЪ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ.

Варѳоломей Филиповичъ Боголюбовъ, чиновникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, долгое время былъ домашнимъ человѣкомъ въ знатныхъ Петербургскихъ домахъ и еще въ 1836 году упомянутъ Пушкинымъ въ его письмѣ къ князю Н. Г. Репнину, какъ передачтикъ вѣстей, слуховъ и отзывовъ (Соч. Пушкина, изд. Общ. для пособія, VII, 393). Сношенія съ нимъ могли быть для многихъ удобными и даже пріятными, благодаря его внѣшнему лоску, хорошему слогу писемъ и вообще образованности. По кончинѣ своего покровителя князя А. Б. Куракина Боголюбовъ успѣлъ разгласить сохранившійся въ княжей библіотекѣ списокъ съ Записокъ Екатерины Великой.

Первыя изъ нижеслѣдующихъ писемъ Боголюбова относятся къ любопытной эпохѣ, когда началась у насъ борьба съ Наполеономъ, задуманная въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, ознаменованная занятіемъ Русскими войсками Неаполя и кончившаяся Аустерлицкимъ погромомъ. Въ Корфу находился тогда цѣлый корпусъ Русскихъ высадныхъ войскъ, подъ начальствомъ генерала-лейтенанта Романа Карловича Анрепа (1757+1807), и тамъ же проживалъ славный проходимецъ-соглядатай Спренгпортенъ съ будущимъ шефомъ жандармовъ Бенкендорфомъ. П. Б.

1.

Корфу, сего 3 (15) Генваря 1805.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству врученной мнѣ отъ находящагося здѣсь флигель-адъютанта Бенкендорфа пакетъ на имя ваше со вложеніемъ письма его къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ-матери, о доставленіи котораго проситъ онъ ваше сіятельство. Если сія просьба его будетъ вами, милостивый благодѣтель мой, не столь благосклонно принята, какъ я того ожидаю: то тогда убѣдительно прошу васъ на него не негодовать и считать меня одного всему виновникомъ; ибо я къ сему ободрилъ его, полагая, что ваше сіятельство, по давней связи вашей съ его семействомъ, за удовольствіе себѣ поставите быть ему въ семъ случаѣ полезнымъ.

Мы здѣсь находимся все еще въ прежнемъ положеніи. Войска́ и волонтеры всякой день умножаются, и всѣ ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ войны. Равномѣрно ожидаемъ мы сюды въ скоромъ времени прибытія эскадры изъ Балтики, которая уже должна находиться теперь въ Лиссабонѣ и которая, соединясь съ судами Черноморскаго флота, здѣсь находящимися, составитъ довольно сильный флотъ. Непріятели наши весьма сего боятся и безпрестанно умножаютъ силы свои, расположенныя въ Неапольскомъ королевствѣ. Скоро должно ожидать и разрыва ихъ съ Портою. Сіе заключить можно по тому, что по, непризнанію сею державою новаго титула Бонапарта, посолъ Бріонъ оставилъ Константинополь и отправился сухимъ путемъ въ Вѣну 4 (16) прошедшаго Декабря, подавъ Отоманскому министерству ноту отъ имени Бонапарте, пренаполненную пустыми угрозами, совершенно предосудительными для двора нашего. Чѣмъ все сіе кончится, неизвѣстно; но, судя по приготовленіямъ здѣсь и въ Италіи дѣлаемымъ, неуповательно, чтобъ медіація Прусскаго двора предуспѣла возстановить миръ въ Европѣ.

Узнавъ изъ письма вашего сіятельства къ Роману Карловичу, что вы изволили, наконецъ, купить домъ кн. Д. П. Волконскаго, я поспѣшаю васъ, милостивый благодѣтель мой, искренно съ онымъ поздравить, желая сердечно, чтобы вы жили въ ономъ благополучно и весело.

Генералъ Спренгпортенъ и гр. Моцениго *) поручили мнѣ вновь засвидѣтельствовать вашему сіятельству свое почтеніе. Первый изъ нихъ собирается 15-го числа сего мѣсяца отправиться отсюды въ П.Бургъ чрезъ Тріестъ и Вѣну.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію есмь на вѣкъ вашего сіятельства благодарнѣйшій и всепокорный слуга В. Боголюбовъ.

2.

Корфу, сего 19 Февраля (3 Марта) 1805.

Генералъ Спренгпортенъ, отъѣзжая вчерась отсюды въ Россію, вручилъ мнѣ приложенное у сего письмо для доставленія къ вашему сіятельству чрезъ Неапольскую почту. Освободясь, наконецъ, отъ долговременной своей болѣзни и не имѣя позволенія возвратиться чрезъ южную часть Италіи, рѣшился онъ взять путь свой на Венецію и Вѣну, располагаясь быть въ началѣ будущаго Іюня въ П.Бургѣ.

---

*) См. записку графа С. Р. Воронцова объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ въ «Русскомъ Архивѣ» 1878, III, 413. П. Б.

Мы здѣсь все еще въ совершенной неизвѣстности о жребіи нашемъ. Было время, въ которое ожидали мы съ восхищеніемъ, что, съ перемѣною обстоятельствъ, экспедиція наша прекратится, что будущею весною Романъ Карловичъ получитъ возможность отправиться со мною отсюды чрезъ Неаполь въ наше любезное отечество, пробывъ нѣкоторое время для поправленія своего здоровья въ Пизѣ и что будущею осенью буду я имѣть счастіе предстать предъ вами, милостивѣйшій благодѣтель; но сія пріятная надежда начинаетъ опять исчезать. Движенія Французовъ и поведеніе ихъ противъ нашихъ союзниковъ не доказываютъ ни малѣйшей наклонности къ миру; а послѣдній выходъ ихъ Тулонскаго флота заставляетъ думать, что они еще не оставили своихъ видовъ на Отоманскія владѣнія, коихъ цѣлость намѣренъ защищать дворъ нашъ; но мы имѣемъ здѣсь извѣстіе, что въ семъ предпріятіи имѣли они большую неудачу: ибо чрезъ сильную морскую погоду всѣ суда принуждены были возвратиться, въ третій день ихъ выхода, опять въ помянутой портъ, и что одинъ линейный корабль изъ оныхъ, называемый *Les droits des hommes*, потерявши свои мачты, едва могъ спастись въ Айяческую въ Корсикѣ гавань, равно какъ и одинъ фрегатъ съ корветою насилу успѣлъ скрыться въ Генуезской портъ. Адмиралъ Нельсонъ о семъ еще совсѣмъ не знаетъ, находясь теперь съ своею эскадрою въ Архипелагѣ, куды онъ пошелъ искать непріятельскаго флота, и если посланные за нимъ вслѣдъ отсюды и изъ Мальты его вскорѣ не достигнутъ, то сей помянутый флотъ будетъ имѣть всѣ способы исправиться и сдѣлать новое какое либо покушеніе въ здѣшнихъ водахъ. Вчерашняя Неапольская почта принесла намъ извѣстіе, что Бонапарте, оставя несчастнаго папу въ Парижѣ, долженъ былъ 24 прошедшаго мѣсяца отправиться въ Миланъ для принятія Ломбардской короны или для возложенія оной (по мнѣнію другихъ) на брата своего Іосифа, который будетъ платить ежегодно четыре мильона Франціи за 60 т. войска, назначаемаго для обороны сего новаго королевста, составленнаго изъ всѣхъ земель Италіи по самую Тосканію. Сей порядокъ вещей, отымая у насъ всякую надежду доставить, наконецъ, Сардинскому королю какую либо индемнизацію, послужитъ вѣроятно новою препоною къ сближенію нашему съ Франціей.

Вотъ всѣ новости по сіе время въ Италіи извѣстныя. Можетъ быть, всѣ оныя будутъ извѣстны вашему сіятельству чрезъ газеты; но я счелъ нелишнимъ упомянуть здѣсь объ оныхъ по предположенію моему, что письмо сіе, бывъ отправлено съ курьеромъ, можетъ дойти скоро до рукъ вашихъ.

Вотъ уже почти три недѣли, чтò мы пользуемся здѣсь самою прекраснѣйшею погодою; а съ прошлой недѣли жаръ сталъ столь уси-

ливаться, что принуждаетъ войскамъ нашимъ расположиться въ лагеряхъ; но сколь ни пріятно жить подъ столь благодатнымъ небомъ, нашъ холодный климатъ, по моему мнѣнію, со всѣхъ сторонъ предпочтительнѣе.

Романъ Карловичъ свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое почтеніе. Множество хлопотъ, коими онъ встрѣченъ былъ въ исполненіи возложенныхъ на него порученій, такъ разстроило его здоровье, что по сіе время, не смотря на попеченіе здѣшнихъ врачей, не можетъ онъ придти въ свои прежнія силы [1]).

3.

Корфу, сего 21 Февраля (5 Марта) 1805.

Изъ сегодняшняго письма Романа Карловича ваше сіятельство узнать изволите о желаніи его получить позволеніе возвратиться въ Россію, если обстоятельства не будутъ требовать его продолжительнаго пребыванія здѣсь. Къ сему онъ былъ убѣжденъ наипаче послѣдними извѣстіями, полученными имъ изъ Риги о всѣхъ неустройствахъ, воспослѣдовавшихъ въ домашнихъ дѣлахъ его со времени его отсутствія. Сколь я ни увѣренъ, что, съ отбытіемъ Романа Карловича отсюды, всѣ важныя сношенія между дворомъ нашимъ и Корфою, до сего существующія, прекратятся, и что назначенный тогда въ преемники ему генералъ-маіоръ Попандопуло (коего онъ находитъ къ сему способнымъ), оставаясь по прежнему только однимъ начальникомъ здѣшняго гарнизона и не имѣя вліянія въ дѣлахъ, возложенныхъ на полномочнаго нашего, не будетъ имѣть во мнѣ ни малѣйшей надобности; но, опасаясь, чтобы какимъ-либо нечаяннымъ образомъ не былъ я здѣсь оставленъ, что̀ послужить могло бы къ совершенному несчастію моему, или паче всего по разсмотрѣнію начальства не былъ причисленъ къ миссіи графа Моцениги, который по умноженію переписки своей требуетъ давно отъ Коллегіи назначенія къ нему еще одного или двухъ чиновниковъ, прибѣгаю къ вашему благодѣтельному расположенію ко мнѣ и убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство, въ случаѣ отзыва Романа Карловича отсюды, пожаловать исходатайствовать у князя Адама Адамовича [2]) и мнѣ позволеніе возвратиться съ нимъ въ Россію, бывъ увѣренъ, что причины меня къ тому побуждающія не будутъ опровергнуты вашимъ сіятельствомъ. Милостивый благодѣтель,

---

[1]) Черезъ два года, во вторую войну нашу съ Французами, Анрепъ погибъ на полѣ битвы. П. Б.

[2]) Чарторыжскаго, который, оставаясь злѣйшимъ врагомъ Россіи, тѣмъ не менѣе вѣдалъ нашу дипломатію, такъ какъ начальникъ его графъ А. Р. Воронцовъ, по болѣзни, удалился въ деревню. П. Б.

удостойте меня и въ семъ случаѣ вашего покровительства и не лишите меня утѣшенія быть и за оный обязаннымъ только вамъ, яко виновнику всего бытія моего.

4.

Корфу, Марта 7 (19) дня 1805.

Письмо сіе посылаю я отсюды съ г. Бенкендорфомъ, котораго Романъ Карловичъ отправляетъ курьеромъ ко двору съ разными планами и нужными для насъ свѣдѣніями объ Италіи, собранными имъ чрезъ посыланныхъ отсюды эмисаровъ. Въ Петербургѣ пробудетъ г. Бенкендорфъ только недѣли три или мѣсяцъ и потомъ возвратится обратно сюды, ибо здѣсь командуетъ онъ легіономъ Суліотовъ, т. е. древнихъ Спартанцовъ, состоящимъ изъ тысячи человѣкъ, который имъ самимъ, по порученію генерала, сформированъ въ короткое время, на подобіе нашихъ регулярныхъ егерей, и съ большимъ успѣхомъ быть можетъ употребляемъ въ здѣшнихъ гористыхъ мѣстахъ въ случаѣ войны нашей съ Франціею *). Онъ желалъ бы весьма застать еще ваше сіятельство въ сей столицѣ, чтобы имѣть честь вручить вамъ лично письмо сіе; но я предполагаю, что вы изволите быть въ Москвѣ и что оное застанетъ васъ уже въ Надеждинѣ.

Здѣсь начинаютъ говорить о разрывѣ Франціи съ Австріею. не смотря на то, что посылка 40 т. войска въ Италію подъ начальствомъ генерала Масены отмѣнена, что Бонапарте свою поѣздку въ Миланъ отложилъ и что, наконецъ, отвѣтъ Аглинскаго короля на его письмо показываетъ наклонность къ возстановленію тишины. Если обстоятельства не перемѣнятся въ теченіи трехъ мѣсяцевъ и Романъ Карловичъ не получитъ желаемаго имъ позволенія возвратиться во свояси, тогда онъ по милости своей намѣренъ меня отправить отсюды курьеромъ въ Петербургъ, и для меня весьма прискорбно будетъ, если я въ то время лишенъ буду счастія васъ, милостивый благодѣтель, тамъ увидѣть.

5.

Корфу, Сентября 8 (20) дня 1805.

Изъ послѣдняго письма ваше сіятельство узнать изволите, что мы ожидаемъ сюды изъ Чернаго моря до 12,000 войска; а сегодня имѣю я донести вамъ, что въ число оныхъ прибыли сюды уже два полка и что по извѣстіямъ, здѣсь полученнымъ, и остальное количество оныхъ прошли давно Босфоръ и должны бы были находиться здѣсь, если бы не были задержаны въ Мраморномъ морѣ штилями, обыкновенно лѣ-

*) Это новая черта къ біографіи графа Бенкендорфа. П. Б.

томъ бываемыми. Прибытіе сего новаго корпуса къ намъ должно будетъ рѣшить тѣмъ или другимъ образомъ судьбу нашу; ибо зимовать здѣсь съ столь знаменитымъ числомъ войска, которое простираться будетъ тогда до 30 т., сколько по недостатку въ квартирахъ, столько же и по дороговизнѣ, здѣсь ежедневно возростающей, нѣтъ ни способовъ, ни возможности. Судя однакоже по обстоятельствамъ, не должно, кажется, опасаться намъ сего несчастія; поелику все доказываетъ, что развязка большаго политическаго узла скоро должна будетъ воспослѣдовать и что если Австрійскій дворъ начнетъ свои военныя движенія со стороны Венеціи, то что и Романъ Карловичъ получитъ тогда повелѣніе слѣдовать отсюды для занятія съ своимъ корпусомъ или Неаполя или по крайней мѣрѣ Сициліи, если бы Французы насъ предупредили.

Я не успѣлъ донести вашему сіятельству въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что въ началѣ прошедшаго мѣсяца имѣли мы неожиданное удовольствіе видѣть здѣсь Д. П. Татищева: на плаваніи своемъ изъ Тріеста въ Неаполь заѣзжалъ онъ сюды на нѣсколько дней. Вспомня о моемъ прежнемъ желаніи быть при Неапольской миссіи, предлагалъ онъ мнѣ остаться при немъ по окончаніи здѣшней экспедиціи, увѣряя меня, что я не только ничего не потеряю, но по моему старшинству въ чинѣ предъ прочими чиновниками, тамъ находящимися, могу быть тамъ въ непродолжительномъ времени на мѣстѣ секретаря посольства. Сколь ни лестно бы для меня было получить столь отличный постъ долженъ однакоже я признаться вашему сіятельству, что возвращеніе мое въ Россію, особливо послѣ долговременнаго отсутствія, предпочту я всѣмъ симъ выгодамъ. Можетъ быть, мысль сія будетъ найдена вашимъ сіятельствомъ неосновательною; но я нахожу, что молодому человѣку, ищущему сдѣлать свое состояніе службою, нужно необходимо служить въ глазахъ начальства, чтобы не быть забытымъ, какъ то достаточно доказываютъ намъ статскій совѣтникъ Карповъ и другіе чиновники нашего департамента, употребленные за границею. Въ желаніи же моемъ быть причислену къ Неапольской миссіи я иного виду не имѣлъ, какъ чтобы получить чрезъ то возможность быть въ чужихъ краяхъ. Теперь же, имѣя и безъ того надежду видѣть Италію и самымъ лучшимъ образомъ, остается мнѣ желать только возвратиться потомъ въ Россію, что̀, однакоже, если мы сею весною отправимся въ Неаполь, не можетъ случиться, къ сердечному сожалѣнію моему, прежде будущей весны, и то буде мнѣ удастся выпроситься курьеромъ съ какимъ-либо извѣстіемъ.

Я имѣлъ случай получить изъ Неаполя чрезъ Булгакова большую связку нотъ для духовыхъ инструментовъ, содержащую въ себѣ разныя

новыя піесы сочиненія Паезіэло и другихъ лучшихъ авторовъ, которыя я храню у себя для отправленія къ вашему сіятельству въ Москву, подъ адресомъ князя Степана Борисовича [1]), съ первымъ судномъ нашимъ, возвращающимся отсюды въ Черноморскіе порты наши. Говоря о музыкѣ, я не могу не прибавить, что въ числѣ здѣшней Италіанской труппы находится одинъ молодой человѣкъ, знающій въ совершенствѣ музыку, который желалъ бы ѣхать въ Россію. Ежели вашему сіятельству надобенъ таковой виртуозъ, то неугодно ли приказать мнѣ заключить съ нимъ здѣсь отъ имени вашего года на два или на три контрактъ и потомъ отправить его чрезъ Одессу на нашихъ судахъ въ Москву въ домъ вашъ? Никогда бы не осмѣлился я рекомендовать вашему сіятельству сего музыканта, еслибы я не былъ увѣренъ заранѣе, что онъ какъ по своему необыкновенному таланту, такъ и по своему скромному и тихому нраву не заслуживалъ чести быть въ службѣ вашей, и еслибъ я не зналъ, что онъ съ большимъ успѣхомъ можетъ учить вашу капеллу и со временемъ даже занять мѣсто Крона: ибо, выключая его способности быть капельмейстеромъ, онъ играетъ въ совершенствѣ на гитарѣ и поетъ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ, чему онъ можетъ учить не токмо пѣвицъ вашихъ, но и баронессъ Сердобиныхъ. Буде представленіе сіе будетъ за благо принято вашимъ сіятельствомъ, то покорнѣйше прошу снабдить меня по сему вашимъ повелѣніемъ хотя чрезъ Александра Николаевича [2]), дабы я, знавъ заранѣе волю вашу, могъ сего музыканта удержать здѣсь. Романъ Карловичъ, который первый далъ мнѣ мысль рекомендовать его вашему сіятельству, намѣренъ и съ своей стороны писать къ вамъ объ немъ.

P. S. Музыкантъ сей имѣетъ отъ здѣшняго театра 600 талеровъ, что̀ на наши деньги составитъ близъ 1000 рублей. Если вашему сіятельству угодно будетъ дать ему на первый случай сію самую плату, прибавивъ къ тому квартиру въ домѣ вашемъ, то онъ согласится ѣхать.

6.

Неаполь, 20 Ноября (2 Декабря) 1805.

Послѣ 30-ти дневнаго плаванія, наконецъ, прибыли мы съ нашимъ многочисленнымъ конвоемъ въ здѣшній заливъ 8 (20) сего мѣсяца. Наши войска расположены частію въ самой столицѣ, частію въ окружностяхъ оной, а Аглинскія, съ коими мы соединились близъ Мальты, въ мѣстечкѣ *Кастель-а-Маре*, лежащемъ въ 5 миляхъ отъ городу.

[1]) Младшій братъ князя Куракина. П. Б.

[2]) Это старшій изъ барововъ Сердобиныхъ, воспитанниковъ князя А. Б. Куракина. П. Б.

Неожиданное появленіе эскадры нашей въ заливѣ Неапольскомъ сдѣлало такое вліяніе надъ Французскимъ посломъ, что онъ оставилъ немедленно здѣшнюю столицу, давъ знать двору объ отъѣздѣ своемъ нотою, наполненною угрозами и дерзкими выраженіями. Первое попеченіе его было расположить жителей къ худому пріему нашихъ войскъ; но въ семъ онъ нимало не успѣлъ, ибо народъ принялъ насъ съ большими восклицаніями, и радость избавиться отъ Французовъ, которые здѣсь своимъ наглымъ поведеніемъ пріобрѣли себѣ совершенное презрѣніе отъ всѣхъ, была очевидна. Здѣшній дворъ старается во всѣхъ случаяхъ изъявлять какъ къ генераламъ нашимъ, такъ другимъ чиновникамъ самое большое уваженіе и, въ знакъ своей неограниченной довѣренности къ намъ, отдалъ, не медля, въ распоряженіе Бориса Петровича де-Ласія *) всю свою армію, до 12 тысячъ теперь уже простирающуюся, объявивъ его главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ своихъ. Счастливый успѣхъ нашей экспедиціи генерально приписываютъ Д. П. Татищеву, который, не смотря на извѣстное непостоянство здѣшняго министерства, умѣлъ, чрезъ вліяніе свое у королевы, въ рукахъ коей всѣ дѣла, уговорить дворъ здѣшній къ призыву войскъ нашихъ изъ Корфы и тѣмъ самымъ рушить нейтралитетъ его съ Франціей. Неизвѣстно еще, долго ли пробудетъ корпусъ нашъ въ столицѣ; но, судя однакоже по обстоятельствамъ, надобно полагать, что хотя часть онаго пойдетъ на границы королевства, дабы чрезъ таковое движеніе наше обратить вниманіе непріятеля и симъ самымъ раздѣлить силы его, назначенныя дѣйствовать противъ арміи эрцъ-герцога Карла.

Новостей не имѣемъ мы здѣсь почти никакихъ теперь, ибо съ потерею Австрійцовъ подъ Ульмомъ рѣшена отсюды вся коммуникація сухимъ путемъ. Должно однакоже надѣяться, что соединеніе нашей арміи съ ними перемѣнитъ вскорѣ положеніе дѣлъ Вѣнскаго двора и что рѣшимость Пруссіи соединиться съ державами, воюющими противъ Франціи, и разрушеніе Англичанами Галло-Испанскаго флота подъ Кадиксомъ, которое однакоже стоило потери адмирала Нельсона (убитаго, какъ говорятъ, посреди сраженія), послужитъ много къ униженію дерзости Бонапарте.

*) Ласси жилъ въ отставкѣ близъ Гродны. «Тайно и не давая знать о томъ въ приказѣ по арміи, извѣстили его о принятіи въ службу, съ назначеніемъ главнокомандующимъ Русскими войсками въ Корфу и тѣми, какія придутъ изъ Россіи въ Италію. Ему было предписано для избѣжанія огласки не заѣзжать въ Петербургъ и отправится изъ Гродны въ Неаполь подъ видомъ путешественника". (Мих.-Данилевскій, Сочиненія, т. I, гл. XIX). Точно также въ тайнѣ послѣдовало въ 1812 году назначеніе адмирала Чичагова главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турціей. П. Б.

Б. П. де-Ласси названъ теперь главнокомандующимъ трехъ соединенныхъ корпусовъ, а Романъ Карловичъ дивизіоннымъ генераломъ однихъ нашихъ войскъ. Г. де-Ласси старый другъ и сослуживецъ Роману Карловичу и весьма радъ, что при старости и слабомъ здоровьи своемъ имѣетъ столь искуснаго при себѣ генерала. По особой рекомендаціи сего послѣдняго и Дмитрія Павловича *), принялъ меня онъ весьма милостиво и начинаетъ уже удостоивать своею довѣренностію Хотя съ самаго пріѣзда моего сюды онъ меня и употребляетъ, но я не скрою отъ вашего сіятельства, что я не перестаю желать, чтобъ о назначеніи моемъ при семъ генералѣ (поелику я уже по обстоятельствамъ при Романѣ Карловичѣ оставаться не могу) было дано знать ему оффиціально отъ министерства, и для того осмѣливаюсь паки убѣдительнѣйше просить васъ, милостивый благодѣтель мой, объ исходатайствованіи мнѣ сей милости у князя А. А. Чарторискаго.

Множество курьеровъ, отправленныхъ отсюды къ разнымъ дворамъ о прибытіи нашемъ въ Неаполь, отняли у меня почти все свободное время; не успѣлъ я еще видѣть здѣсь въ городѣ ничего достойнаго примѣчанія, но прелестнымъ положеніемъ онаго я совершенно восхищенъ. Изъ окружностей столицы видѣлъ я только подошву *Везувія*, гдѣ лежитъ дворецъ *Портичи*, въ коемъ вчерась Дмитрій Павловичъ насъ всѣхъ представилъ королевской фамиліи. Особенно пріятно было для меня найти здѣсь при миссіи моихъ старыхъ знакомыхъ Полетику и Александра Яковлевича Булгакова, которые, пользуясь нѣкогда вашими милостями, весьма преданы вашему сіятельстлу и поручили мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое нижайшее почтеніе. Дмитрій Павловичъ также возобновляетъ себя въ памяти вашей, прося ваше сіятельство быть всегда увѣреннымъ въ его искренней приверженности къ особѣ вашей. Онъ здѣсь всѣми любимъ и живетъ открытымъ образомъ въ домѣ прекрасномъ покойной графини Скавронской, на Кіайѣ, противъ гулянья, называемаго *Villa Reale*. Низкія цѣны, за которыя можно покупать здѣсь картины, родили въ немъ охоту къ живописи до такой степени, что въ четыре мѣсяца успѣлъ онъ составить себѣ галлерею оныхъ за 800 дукатовъ, что̀ составитъ на наши деньги 1200 рублей. Я самъ съ помощію знатоковъ умѣлъ купить за три червонца прекрасный миніятюръ съ славной картины Леонарда Винчи, который у насъ въ Россіи, конечно, и за 200 рублей получить нельзя и который я осмѣливаюсь при семъ поднести вашему сіятельству. Самый сей живописецъ взялся за сущую бездѣлицу списать красками всѣ Неапольскіе виды вмѣстѣ съ видомъ, представляющимъ входъ на-

*) Татищева. П. Б.

шей эскадры въ здѣшній заливъ и сбаркированіе нашихъ войскъ, и хотя они могутъ быть готовы чрезъ мѣсяцъ времени, но я намѣренъ ихъ удержать у себя до Генваря или начала Февраля, чтобъ представить все мнѣ самому вашему сіятельству въ Петербургѣ, куды по желанію моему имѣю я обѣщаніе быть посланъ курьеромъ, единственно чтобъ имѣть счастіе увидѣть тамъ васъ, милостивый благодѣтель мой, предъ отъѣздомъ вашимъ въ Надеждино. Между тѣмъ я не могу окончить сего письма, чтобъ не просить вновь ваше сіятельство самымъ убѣдительнымъ образомъ о продолженіи ко мнѣ и къ бѣдному семейству моему вашихъ неоцѣненныхъ милостей.

P. S. Въ сію минуту взошелъ сюды фрегатъ съ подтвердительнымъ извѣстіемъ о смерти Нельсона, скончавшагося по прибытіи въ Гибралтаръ послѣ сраженія отъ тяжелыхъ ранъ, имъ полученныхъ. Аглинская эскадра, изъ 29 кораблей состоящая, взяла въ семъ дѣлѣ у Галло-Испанскаго флота (бывшаго тогда числомъ до 33 кораблей) 17 линейныхъ кораблей, да сверхъ сего, потопивъ 4 большихъ фрегата, погналась за остальнымъ непріятельскимъ флотомъ, который въ Средиземномъ морѣ не можетъ отъ нея уйти.

Я посылаю сіе письмо къ вашему сіятельству съ коллежскимъ ассессоромъ Вейдемейеромъ, сыномъ Ивана Андреевича, коего Дмитрій Павловичъ отправляетъ курьеромъ къ Государю съ извѣстіемъ о занятіи войсками нашими Неапольскаго королевства.

Дальнѣйшія письма уже изъ Петербурга въ Павловскъ, Москву и Саратовскую деревню Надеждино, гдѣ князь Куракинъ проживалъ въ званіи канцлера орденовъ. П. Б.

7.

Возвратясь только теперь изъ канцеляріи, я спѣшу донести вашему сіятельству, что Жерве, при всемъ желаніи сдѣлать вамъ угодное, не можетъ никакъ доставить вашему сіятельству копію съ извѣстнаго вамъ письма къ графу Разумовскому инымъ образомъ, какъ вмѣстѣ съ прочими бумагами, отправленными съ Убріемъ; ибо я знаю положительно, что всѣ депеши, съ симъ послѣднимъ посланныя въ Вѣну, лежатъ подъ ключемъ у князя Адама Адамовича въ кабинетѣ. Тайность, съ которою бумаги сіи хранятся у князя, и медленность его въ сообщеніи ихъ вашему сіятельству, доказываютъ ясно, сколь много желаютъ васъ отвлечь отъ новаго назначенія вашего [1]). Я въ семъ мнѣніи еще болѣе утвердился, когда узналъ отъ Андрея Андреевича [2]), что Мерфельдъ дѣлаетъ самые непозволительные происки противъ сей

[1]) Т. е. въ Вѣну, на мѣсто графа (позднѣе) князя Андрея Кириловича Разумовскаго. П. Б.
[2]) Жерве. П. Б.

воли Государя и старается о сохраненіи графа Разумовскаго; а чтобъ все сіе прекратить, необходимо нужно вамъ, по мнѣнію всѣхъ, объясниться о семъ рѣшительно съ Государемъ Императоромъ, дабы чрезъ то избѣжать заранѣе всѣ непріятныя слѣдствія, въ противномъ случаѣ отъ сего произойти могущія.

Катерины Александровны Апраксиной [1]) здѣсь нѣтъ; она живетъ съ матерью въ Царскомъ Селѣ и здѣсь бываетъ только наѣздомъ; но коль скоро съ нею здѣсь увижусь, не оставлю узнать отъ нея все относящееся до назначенія вашего сіятельства.

Пятница, въ 3 часа, 10 (22) Мая (1806).

8.

Четвертокъ, Мая 24 дня 1806.

Спѣшу донести вашему сіятельству, что въ городѣ не перестаютъ говорить о скорой перемѣнѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ тою однако же разницею, что князь Ч. будетъ назначенъ посломъ въ Лондонъ, вмѣсто Строгонова, который въ постѣ семъ останется тамъ до нѣкотораго времени. Слухи сіи разнеслись только въ публикѣ; въ канцеляріи же княжей видна по сіе время таже дѣятельность, и къ сдачѣ бумагъ никакихъ пріуготовленій не дѣлается. Князя самого я еще съ возвращенія сюды не видѣлъ, но знаю отъ Жервея, что письмо вашего сіятельства будетъ поднесено сегодня Государю во время доклада.

Говорятъ много также объ увольненіи Д. П. Трощинскаго. Петръ Степановичъ Молчановъ, который на сихъ сюды возвратился, увѣрялъ меня вчерась, что о семъ есть будто бы уже и указъ, коимъ Дмитрій Прокофьевичъ увольняется съ полнымъ жалованьемъ отъ всѣхъ дѣлъ; департаментъ удѣловъ отходитъ подъ начальство Гурьева, а почтовое правленіе къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

9.

Воскресенье, 27 Мая (1806).

Романъ Карловичъ, узнавъ отъ меня, что ваше сіятельство не намѣрены пріѣхать сегодня въ городъ [2]), поручилъ мнѣ напомнить вамъ, что Этингенъ, считая на обѣщаніе ваше пожаловать завтра къ нему на обѣдъ, созвалъ уже именемъ вашимъ въ числѣ гостей своихъ князя Лопухина и графа Васильева, которые именно изъ одного желанія быть вмѣстѣ съ вашимъ сіятельствомъ согласились на его приглашеніе. Чтобъ не огорчить заранѣе хозяина, Романъ Карловичъ удержался сказать ему о перемѣнѣ намѣренія вашего, бывъ увѣренъ, что

[1]) Это была дѣвица, дочь графа Александра Өедоровича Апраксина и его супруги гр. Натальи Ивановны, ур. княжны Одоевской. П. Б.

[2]) Изъ Павловска, отъ вдовствующей императрицы. П. Б.

ваше сіятельство, вспомня о семъ, напишете къ нему по крайней мѣрѣ ласковое письмецо, если сами пожаловать не разсудите, что̀ только одно можетъ его утѣшить и польстить самолюбіе его.

По увѣренію А. А. Ж. извѣстное письмо подлинно было подносимо на усмотрѣніе Государя въ послѣдній докладной день общe съ представленіемъ объ Александрѣ Николаевичѣ [1]), который, наконецъ, былъ произведенъ и хотя съ старшинствомъ съ того дня, какъ отъ вашего сіятельства было сообщено, но съ причисленіемъ въ Герольдію. Объ отзывѣ же Государя на отношеніе вашего сіятельства Жерве не могъ ничего обстоятельнаго сказать. Онъ полагаетъ, что князь, считая васъ увидѣть на сихъ дняхъ здѣсь, самъ намѣренъ по сему предмету съ вами говорить. Между тѣмъ какъ Жерве, такъ и всѣ прочіе, окружающіе князя, увѣряютъ меня, что время отправленія вашего сіятельства не прежде можетъ быть опредѣлено, какъ по полученіи рѣшительнаго отвѣта изъ Вѣны и особливо отъ графа Андрея Кириловича. Что̀ же они изъ всего сего заключаютъ, того я по сіе время понять не могу.

Д. И. Уварова въ восхищеніи отъ обѣщанія вашего сіятельства взять съ собою Сергѣя ея [2]) въ Вѣну. Она сбирается васъ за сіе благодарить письмомъ.

10.

Понедѣльникъ ввечеру, 4 Іюня (1806).

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству два пакета, ихъ коихъ одинъ получилъ я сегодня поутру въ канцеляріи князя Чарторискаго, а другой врученъ мнѣ С. С. Уваровымъ. Сей послѣдній въ концѣ письма своего упоминаетъ также и о желаніи своемъ имѣть жалованье по примѣру камеръ-юнкера Новосильцова, опредѣленнаго нынѣ на такомъ основаніи къ Берлинской миссіи; но въ исходатайствованіи сего ваше сіятельство не встрѣтите конечно никакихъ затрудненій, ибо Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ [3]) взялся предупредить Государя о семъ заранѣе.

Извѣстный курьеръ по сіе время еще не пріѣхалъ; но его ждутъ сюды на сей недѣли. Между тѣмъ я не скрою отъ вашего сіятельства, что рѣдкіе пріѣзды ваши въ городъ и вообще ваше явное удаленіе отъ здѣшняго двора обнаруживаютъ совершенно предъ публикою ваше внутренее негодованіе. Всѣ ваши знакомые говорятъ мнѣ о семъ съ удивленіемъ, а Прасковья Николавна Гурьева, у которой я вчерась

[1]) Баронѣ Сердобинѣ. П. Б.

[2]) Будущаго графа, въ то время 18 лѣтняго чиновника при князѣ Чарторижскомъ и усерднаго посѣтителя Маріи Антоновны Нарышкиной. Мать его, Дарья Ивановна, была родная сестра княгини Натальи Ивановны Куракиной, супруги князя Алексѣя Борисовича. П. Б.

[3]) Извѣстный генералъ, дальній родственникъ графа Уварова, очень близкій къ Государю по обстоятельствамъ его восшествія на престолъ. П. Б.

обѣдалъ, увѣряла меня, что и при дворѣ начинаютъ все сіе примѣчать. По моей неограниченной преданности къ вашему сіятельству позвольте мнѣ вамъ здѣсь представить, что таковымъ поведеніемъ вашимъ вы выполняете въ полной мѣрѣ цѣль вашихъ непріятелей, которые, пользуясь удаленіемъ вашимъ отъ Государя, будутъ имѣть всю возможность дѣлать вамъ вредъ и даже чрезъ разныя внушенія свои перемѣнить, наконецъ, и самое намѣреніе Государя на счетъ вашъ.

11.

Сейчасъ получилъ я записку отъ Андрея Андреевича Жерве́, которою требуетъ онъ отъ меня нѣкоторыхъ поясненій о пенсіонѣ г-на *Далекура*, бывшаго президента Французскаго парламента, препровождаемомъ къ нему ежегодно чрезъ ваше сіятельство. Для большей ясности препровождая при семъ записку сію, всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство по содержанію оной пожаловать удостоить меня отзывомъ вашимъ, дошло ли до рукъ вашихъ послѣднее письмо г-на Далекура и угодно ли вамъ было сдѣлать уже изъ онаго какое-либо употребленіе? Все сіе нужно тѣмъ болѣе знать Андрею Андреевичу, чтобъ не сдѣлать втораго представленія Государю, въ случаѣ, что ваше сіятельство какой-либо подвигъ въ пользу помянутаго Далекура уже сдѣлать изволили или намѣрены по примѣру прежнихъ годовъ сами милость имъ требуемую исходатайствовать; ибо я читалъ донесеніе барона Бюлера, который, опасаясь, что письмо Далекура васъ здѣсь не застанетъ, обратился объ немъ съ просьбою къ князю Чарторискому, ссылаясь во всемъ на ваше сіятельство, какъ на единаго покровителя сего старика. И такъ я буду ожидать завтра милостиваго письма вашего, дабы оный сообщить тотчасъ г-ну Жервею, который съ нетерпѣніемъ сего ожидаетъ.

29 Іюня (1806).

12.

Въ Четвертокъ ввечеру, 5-го Іюля (1806).

Въ сію минуту былъ я нарочно въ канцеляріи и навѣдывался у Андрея Андреевича объ извѣстныхъ вашему сіятельству бумагахъ. Онъ увѣрилъ меня, что сіи послѣднія обще съ указомъ о новомъ назначеніи вашемъ были положены имъ сегодня въ портфель министра для сегоднишняго доклада; но, не получа отъ него никакого приказанія по содержанію оныхъ, заключаетъ, что по онымъ Андрей Яковлевичъ *) не успѣлъ доложить или можетъ сбирается къ вамъ писать. Впрочемъ, прибавилъ онъ къ сему, министръ ѣздитъ съ нѣкотораго времени ежедневно къ Государю съ бумагами и легко можетъ по бумагамъ симъ

*) Новый министръ иностр. дѣлъ, Будбергъ, смѣнившій князя Чарторижскаго. П. Б.

доложить и сегодня. На сей разъ я удовольствовался однимъ симъ объясненіемъ его, считая, что каждое новое настояніе мое или вопросъ, по предмету сему сдѣланный секретарю министра, неприличны достоинству вашему, и въ семъ я полагаю, что и ваше сіятельство со мною согласны будете.

13.

С.-Петербургъ, 14 Сентября 1806.

Андрей Андреевичъ Жерве́ сказалъ мнѣ вчерась отъ имени генерала, что отвѣтъ его на послѣднее отношеніе вашего сіятельства къ нему будетъ къ вамъ отправленъ съ сегодняшнею почтою. Я не знаю содержанія онаго, но надѣюсь по крайней мѣрѣ, что если наши письма не довольно сильны были убѣдить ваше сіятельство скорѣе сюды возвратиться, то отзывъ Андрея Яковлевича достаточенъ будетъ не медля васъ къ тому рѣшить.

Каждый этажъ особо Брюсовскаго дома отдается въ наемъ по 500 рублей на мѣсяцъ. Вчерась ходилъ я по всѣмъ комнатамъ онаго и нашелъ все въ такомъ дурномъ и нечистомъ положеніи, что нѣтъ никакой возможности жить въ ономъ вашему сіятельству, не употребя прежде довольно знатной суммы для приведенія его въ нѣкоторую благообразность. Сверхъ сего князь Гагаринъ и всѣ жившіе въ семъ домѣ увѣряютъ, что оба этажа наполнены крысами, отъ коихъ въ зимнее время нѣтъ способовъ для всякаго жильца, не только для вашего сіятельства, въ ономъ жить.

Хотя въ городѣ не перестаютъ утверждать, что ваша поѣздка въ Вѣну отмѣнена и что гр. Разумовскій по прежнему тамъ остается, Андрей Яковлевичъ однакоже, разсуждая съ М. К. Вестманомъ третьяго дня о расходахъ для Вѣнской миссіи дѣлаемыхъ, сказалъ ему весьма положительно, что намѣреніе Государя есть отправить ваше сіятельство, не медля по возвращеніи вашемъ, къ посту вашему, дабы тѣмъ сократить многія чрезвычайныя издержки, теперь для сего только чинимыя. Дай Богъ, чтобъ намѣреніе сіе было справедливо.

P. S. Молодой графъ Каменскій по просьбѣ отца не посылается болѣе въ Корфу. Вмѣсто сего получилъ онъ дивизію князя Бориса Володимировича Голицына, который отставленъ. Говорятъ, что въ Корфу будетъ назначенъ опять главнокомандующимъ Романъ Карловичъ. Ожидаемый отвѣтъ изъ Парижа еще не полученъ, и слухъ, пронесшійся о прибытіи оттуда *Рюфена*, секретаря Лесепса, несправедливъ.

(Продолженіе будетъ).

За сообщеніе этихъ писемъ обязаны мы благодарностью князю Өеодору Алексѣевичу Куракину. П. Б.

ЗАПИСКА О ЛИТОВСКИХЪ ТАТАРАХЪ.

Въ Литвѣ есть около 1400 душъ дворянъ, слѣдующихъ ученію Алкорана. Водворенные тамъ отъ нѣсколькихъ столѣтій, они давно приняли языкъ, обычаи и образованіе Европейскіе. Воинская доблесть—ихъ назначеніе, честь—ихъ обязанность, а вѣрность престолу—ихъ религія. Отъ предковъ они сохранили одно названіе Татаръ и преданіе о первоначальномъ ихъ появленіи въ Литвѣ. Преданіе сіе, не противорѣча историческимъ памятникамъ, говоритъ.

Татары, вскорѣ, по завоеваніи Крыма, появились на границахъ Литовскихъ владѣній въ 1273 году, гдѣ, истребивъ поколѣніе Язиговъ [1]) враждебное племенамъ Литовскимъ, снискали дружбу сихъ послѣднихъ. Это событіе, какъ залогъ союза двухъ народовъ, упрочило потомкамъ Чингисханова дома, въ смутныя для нихъ времена, убѣжище въ Литвѣ.

Взаимно Литвины, освободясь отъ вліянія Русскихъ князей, находили выгоды въ дружбѣ съ Ордынцами, оберегавшими предѣлы ихъ края [2]) и потому охотно дѣлились съ ними и славою побѣдъ, и добычею завоеваній.

Въ борьбѣ великаго князя Литовскаго Витольда съ Едигеемъ 1399 года [3]) подвизаются Татары-союзники и, какъ неизмѣнные товарищи оружія, слѣдуютъ за нимъ на битвы противъ Инфляндскихъ Крестоносцевъ подъ Таненбергомъ 1410 года [4]) и при осадѣ Опочки [5]). Благодарный князь, въ порывахъ справедливой признательности, назначаетъ удѣлы изъ собственныхъ владѣній потомкамъ Чингисхана и знатнѣйшимъ главамъ Монгольскаго народа. И таковъ удѣлъ хана Тохтамыша 1399 года—городъ Лидда съ окрестностями [6]). Въ Трокахъ родился Дивлетъ-Хаджи Гирей [7]). Бестабула пріемлетъ въ Вильнѣ изъ рукъ великокняжескихъ ханскую корону [8]). Наконецъ, изъ Литвы во-

---

[1]) Богушъ, L'histoire de la Tauride, t. 2, pag. 190.

[2]) Богушъ, pag 195.

[3]) Историки: Длугошъ, Кромеръ, Мѣховита, Бѣльскій, Нарушевичъ и Бандтке.

[4]) Іоаннесъ Лео, ист. Прус., кн. III.

[5]) Энцикл. Лексик. т. X., стр. 469 и истор. Мѣховита.

[6]) и [7]) Богушъ. L'hist. de la Tauride, t. 2, pag. 198—199.

сходитъ на Крымскій престолъ ханъ Керимъ-Ферденъ [9]). Это событіе засвидѣтельствовано исторіею. Можно ли послѣ сего имѣть вѣру къ нѣкоторымъ понятіямъ, будто Татары Литовскіе суть потомки плѣнныхъ Татаръ? Эти понятія столь обидны для народа, который ни одной буквы въ скрижаляхъ исторіи не запятналъ позорнымъ дѣяніемъ, что здѣсь должно привести уваженіе, болѣе еще подтверждающее благородное начало Татарскаго въ Литвѣ водворенія.

Кому неизвѣстно ничтожное значеніе военно-плѣннаго въ среднихъ вѣкахъ, не только Славянщины, но и вообще Западной Европы? Побѣжденнаго, избѣгнувшаго острія оружія, встрѣчали заточеніе, тяжкія работы. Плѣнники, увлеченные съ поля битвы, поступали въ сословіе холопей, людей никакихъ правъ не имѣющихъ. Полякъ или Литвинъ не потерпѣлъ бы уступить холопу своему честь нанести ударъ непріятелю. Побѣдитель этой эпохи не оставлялъ плѣннику даже права на совѣсть, на исповѣданіе. Но Татары, въ Литвѣ поселившіеся, сражались подъ знаменами ея государей и предводительствуемые собственными вождями, какъ это видно не только въ древности, какъ напримѣръ при осадѣ Опочки, гдѣ Татары были подъ предводительствомъ хана Махмета [10]), но и до послѣднихъ временъ возвращенія Литовскаго края къ Россіи, владѣли населенными землями и сохранили непринужденно вѣру прародителей.

Историки, правда, приводятъ и то одинъ только случай плѣненія одного Ногайскаго улуса и поселенія его въ окрестностяхъ Вильны; но отъ сихъ Татаръ столько-же осталось слѣдовъ въ Литвѣ, сколько мы нынѣ находимъ признаковъ въ Азіи отъ христіанъ, увлеченныхъ туда Монгольскими набѣгами. При томъ, есть ли примѣръ въ исторіи, чтобы цѣлымъ плѣннымъ народамъ, добычѣ побѣдителей, предоставляема была вся свобода и преимущества свойственныя высшему разряду гражданъ-побѣдителей? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Положеніе сіе подтверждается послѣдствіями государственныхъ въ Польшѣ установленій.

При соединеніи Польши съ Литвою 1569 года, Татарскій народъ имѣлъ особое свое представительство. На сеймѣ постановлено Литовскихъ Татаръ оставить при дарованныхъ имъ преимуществахъ и потомственномъ владѣніи помѣстьями. Актъ подобный, заключенный пышными вельможами Польскими и Литовскими подъ скипетромъ аристократическаго государя Сигизмунда-Августа, могъ ли относиться до плѣнныхъ? Нѣтъ; это было, съ одной стороны, публичное свидѣтельство Литовскаго народа о достоинствахъ собратій ихъ Татаръ, а съ дру-

---

[8]) и [9]) Энцикл. Лексик. т. X, стр. 469.
[10]) Энцикл. Лекс. т. X, стр. 469.

лой, достойное воспріятіе сего народа въ объятія новаго соединеннаго государства. Словомъ, Татары, предшествуемые рядами военныхъ подвиговъ ихъ, благосклонно приняты Поляками въ согражданство Имъ дозволено мирно почивать подъ сѣнью Алкорана, въ то время, когда сама Польша была раздираема прѣніями и преслѣдованіями диссидентовъ въ вѣрѣ, и когда иной кто, а не католикъ, изгонялся изъ лона гражданственности Польской.

Такъ, это было время ясное, просвѣщенное; цвѣли науки, почитались заслуги и цѣнились добродѣтели семейственныя, и все это было уже у Татаръ Литовскихъ, гнушавшихся уже тогда многоженствомъ, воздержностію въ образѣ жизни и въ правилахъ чести не уступавшихъ, подобно ихъ предкамъ, образованнѣйшимъ въ Европѣ народамъ [11]).

Правда, съ высотъ Ватикана виднѣлась туча нетерпимости и разразилась надъ главами Татаръ Литовскихъ подъ ухищреніями Езуитовъ. Всѣ ужасы гоненій за вѣру, бунтъ крестьянъ, грабежъ, пытки и самыя убійства совершались надъ Татарами безнаказанно. Лобызая десницу испытанія, гонимые возсылали вопли свои къ Богу, смѣшанные съ молитвою за гонителей, и ни одна месть, ни одинъ примѣръ измѣны не запечатлѣнъ на челѣ Татарина Литовскаго. Въ гоненіяхъ видѣли они перстъ Божій и не сомнѣвались въ судьбахъ Его.

Сбылось предназначенное: короли Казимиръ Ваза и Янъ Собѣскій изумились, наконецъ, великой несправедливости. Собѣскій, будучи личнымъ свидѣтелемъ непоколебимости духа, отваги и вѣрности Татаръ въ битвахъ съ Турками подъ Хотиномъ, подъ Вѣною, привилегіею, 1677 года изданною, повелѣлъ великимъ гетманамъ своимъ наблюсти, чтобы всѣ прежде дарованныя Татарамъ преимущества дворянскія сохранялись свято и правосудно. Домъ Саксонскій и король Станиславъ-Августъ, возобновляя грамоту Яна Собѣскаго, награждали Литовскихъ Татаръ военными рангами и помѣстіями, и не только подтверждали прежнія ихъ права пріобрѣтать земли съ крестьянами, безъ различія исповѣданій, но и дозволяли имъ отыскивать судебнымъ порядкомъ тѣ ихъ прежнія вотчины, коими завладѣли Польскіе вельможи во время смутъ и гоненій. Все это видно изъ Метрики Литовской, хранящейся при 3-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, а именно конституціями:

---

[11]) Богушъ въ своей L'histoire de la Tauride, т. 2, стр. 342, въ отношеніи обычаевъ Татаръ Крымскихъ, предковъ Татаръ Литовскихъ, говоритъ. Ils vivaient honorablement dans leurs terres, se transmettant de père en fils les sentiments d'honneur, qu'on trouve en Europe chez les nations les mieux policées; ils montraient surtout de l'élévation, de la générosité dans l'accueil qu'ils faisaient aux étrangers.

1679 года, повинности по владѣнію недвижимыми имѣніями и судъ опредѣлены на равнѣ съ дворянами.

1717 года, Татарскія имѣнія и преимущества ихъ оставлены въ ненарушимости.

1736 года, права̀ по владѣнію земскими и экономическими имѣніями, согласно жалованнымъ привиллегіямъ, утверждены наравнѣ съ прочими дворянами.

1768 и 1775 годовъ, оставляя при прежнихъ преимуществахъ Татаръ живущихъ въ казенныхъ и земскихъ имѣніяхъ, опредѣлены съ нихъ такіе же платежи, какъ и съ дворянъ; дозволено имъ пріобрѣтать и продавать имущества всякаго рода, имѣть христіанъ въ услуженіи и свободно исповѣдывать свою вѣру, и

1786 года, всѣ помѣстія, какъ частныя, такъ и казенныя, жалованныя за заслуги, превращены въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Сверхъ сихъ общихъ законовъ, каждый почти родъ Татарскій пріобрѣталъ въ Литвѣ особыя преимущества дворянскія, ранги военныя и вотчины. Словомъ, по мѣрѣ того, какъ Европейская образованность болѣе и болѣе вытѣсняла изъ Польши мракъ заблужденій и предразсудковъ, Татарамъ возстановлялись постепенно древнія права ихъ, такъ что, въ эпоху возвращенія Литовскаго края къ Имперіи, они вступили въ подданство Россіи: одни—какъ помѣщики, другіе—какъ опытные полководцы, и всѣ вмѣстѣ, соревнуя въ снисканіи новыхъ заслугъ, спѣшили перенести дѣтей своихъ подъ крылья Двуглаваго Орла съ обычною преданностію ихъ къ законной власти и жаждою славы Царю и Россіи. Богъ благословилъ новое для Литовскихъ Татаръ поприще, и Великая Екатерина осѣнила оное милостивѣйшимъ изъявленіемъ своей державной воли, принятой съ восторгомъ, оправдываемымъ доселѣ вѣрною и честною службою сихъ Татаръ Царю и Отечеству. И когда судьба Польскаго народа еще взвѣшивалась въ сердцѣ чадолюбивой Матери-Государыни, она обнадежила Литовскихъ Татаръ священнымъ своимъ словомъ, что «не только предоставляетъ имъ свободу отправленія своего богослуженія и все, что̀ они въ Литвѣ имѣютъ, но даже обезпечивая состояніе ихъ, желаетъ оное паче осчастливить» [12]).

Воздавъ хвалу Всевышнему, Литовскіе Татары явились подъ хоругвями безсмертнаго Суворова и въ другіе полки и, среди звука ору-

---

[12]) Высочайшій указъ на имя Литовскаго генералъ-губернатора князя Репнина отъ 30 Октября 1794 года.

жія, въ 1799, 1806, 1807 и 1812 годахъ выдержали испытаніе въ храбрости и честности, завѣщанныхъ имъ прадодителями.

Между тѣмъ посыпались новыя монаршія милости на Литовскихъ Татаръ.

Манифестами 1795 и 1796 годовъ всѣмъ состояніямъ въ западныхъ губерніяхъ предоставлены, безъ изъятія, прежнія ихъ права и преимущества. Вслѣдствіе сего, Татары сихъ губерній начали службу одни—въ дворянскихъ, другіе—въ коронныхъ должностяхъ. Здѣсь они жалованы постепенно чинами и орденами, нѣкоторые же изъ посвятившихъ себя оружію пенсіями и орденами [13]).

Указами Правительствующаго Сената отъ 4-го Декабря 1819 года и согласно съ мнѣніемъ въ Бозѣ почивающаго Государя Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича отъ 10-го Сентября 1830 года, предписано начальствамъ въ мѣстахъ осѣдлости Литовскихъ Татаръ, чтобы не отказывать во дворянствѣ тѣмъ изъ сихъ Татаръ, кои сами или ихъ предки, по службѣ военной въ Польскихъ или Россійскихъ войскахъ и по владѣнію недвижимыми имѣніями, пріобрѣли по конституціямъ и опредѣленіямъ дворянскихъ собраній преимущества сего сословія.

Наконецъ, когда, по случаю разбора Польской шляхты, мѣстныя начальства стали собирать свѣдѣнія и о правахъ Литовскихъ Татаръ, Высочайше утвержденнымъ 1-го Ноября 1832 года журналомъ Комитета Западныхъ Губерній, по уваженію особенной преданности обитающихъ въ тѣхъ губерніяхъ Татаръ правительству и неучаствованія ихъ въ мятежѣ, а также по уваженію отличнаго поведенія ихъ въ общежитіи, найдено удобнымъ распоряженіе въ отношеніи Польской шляхты на Татаръ не распространять.

*

Послѣ всѣхъ сихъ милостей, внезапно Татары Литовскіе встрѣчены были горестнымъ извѣстіемъ. Герольдія, по причинѣ, что о правахъ магометанъ и Грековъ, въ Россіи обитающихъ, собираются свѣдѣнія и требуются мнѣнія отъ мѣстныхъ начальствъ, отказывала въ признаніи дворянами Татарамъ Литовскимъ: сыновьямъ штабъ- и оберъ-офицеровъ военныхъ, кавалеровъ Россійскихъ орденовъ, владѣльцевъ жалованныхъ помѣстій, превращенныхъ конституціями и указами въ вотчины, тогда какъ сыновья сіи служили уже по нѣскольку лѣтъ въ нижнихъ званіяхъ.

[13]) Между прочими, генералъ лейтенанта Барановскаго вдовѣ и генералъ-маіору Услару пожалованы аренды: первой староство Войдакеме на 12, а послѣднему Меришки на 50 лѣтъ.

Отъ каковаго неутвержденія въ дворянствѣ, какъ равно со времени приведенія въ дѣйствіе по административной части въ западныхъ губерніяхъ Свода Законовъ (коего 15 статьею тома IX запрещено иновѣрцамъ нехристіанамъ, въ Россіи обитающимъ, владѣть недвижимыми имѣніями), заслуженные Татары встрѣтили препятствіе въ пріобрѣтеніи для себя убѣжища съ прислугою, въ лѣтахъ соединяющихъ раны увѣчья съ дряхлостію.

Съ стѣсненнымъ затѣмъ сердцемъ родители, болѣзнующіе о будущей участи ихъ потомства, рѣшились искать утоленія въ ихъ скорби изъ источника, столь многократно изливавшаго милости на заслуги Литовскихъ Татаръ, рѣшились повергнуть къ Высочайшему престолу слѣдующія свои изъясненія и просить о помилованіи ихъ поколѣнія.

1. *Въ отношеніи признанія родовъ Литовско-Татарскихъ дворянами на равнѣ съ лицами сего сословія вѣроисповѣданія христіанскаго.*

Вышеизложенные историческіе памятники, содержаніе государственныхъ актовъ Царства и Имперіи, добродѣтели гражданскія, жалованье арендъ Всероссійскими государями Литовскимъ магометанамъ съ крестьянами христіанскаго исповѣданія, положили вѣковѣчный рубежъ между ихъ правами и областію ожиданій прочихъ Россійскихъ магометанъ на дворянскія преимущества. Образъ домашней жизни (Литовскіе Татары однобрачны), воспитаніе юношества въ публичныхъ училищахъ, языкъ и костюмъ не оставили ни малѣйшаго признака сходства ихъ съ восточными и южными Татарами. Ни одинъ Литовскій Татаринъ не былъ судимъ за какой-либо порокъ позорный; ни одного примѣра нѣтъ, чтобы Татаринъ Литовскій употребилъ во зло право помѣщика. Напротивъ, Татары - помѣщики обращаются съ своими крестьянами человѣколюбиво, всѣми мѣрами содѣйствуютъ къ ихъ благосостоянію и тщательно охраняютъ ихъ христіанскія обязанности. Это знаетъ каждый Литовскій гражданинъ; каждый начальникъ Западнаго края засвидѣтельствуетъ это предъ правительстомъ. Вотъ начало того, почему общій законъ 1784 года, воспрещающій магометанамъ, въ Россіи обитающимъ, пріобрѣтать недвижимыя имущества съ крестьянами, ни до возвращенія Литовскаго края къ Россіи (событія, совершившагося въ 1794 году), ни послѣ того въ теченіе болѣе 65 лѣтъ не былъ распространяемъ на Татаръ Литовскихъ; а напротивъ того, когда законъ 1784 года дѣйствовалъ въ Имперіи во всей силѣ, государыня императрица Екатерина Великая высочайшими повелѣніями, объявленными Литовскому народу, оставила оный при всѣхъ прежнихъ правахъ и преимуществахъ, въ томъ числѣ Татаръ при свободѣ

владѣнія и пріобрѣтенія впредъ недвижимыхъ съ крестьянами имѣній, правахъ, утвержденныхъ многими государственными постановленіями въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Это уваженіе, не отвергнутое правительствомъ доселѣ, могло ли не отвратить отъ Литовскихъ Татаръ затрудненія, встрѣченнаго было Герольдіею? И возможно ли племя, ознаменовавшее себя на стезѣ Европейской гражданственности постоянными успѣхами, включить въ одну статью съ Азіатскими Монголами, потому только одному уваженію, что это племя слѣдуетъ ученію Алкорана?

II. *Въ отношеніи права владѣть и пріобрѣтать недвижимыя имущества съ крестьянами.*

Воля высочайшая есть священнѣйшій законъ для Литовскихъ Татаръ. Всѣ велѣнія ея пріемля съ чувствомъ глубочайшаго умиленія, они, доколѣ кровь струится въ ихъ жилахъ, пребудутъ вѣрными своему долгу. И потому, какъ милости, какъ единственнаго средства къ содержанію себя и воспитанію дѣтей своихъ на службѣ Царю и Отечеству, Литовскіе Татары просятъ оставить имъ древнія и новѣйшія преимущества въ ненарушимости и на сей конецъ подвергнуть о семъ дѣло разсмотрѣнію въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ установленій, а до того времени разрѣшить Герольдіи Правительствующаго Сената войти въ разсмотрѣніе дѣлъ каждаго Татарско-Литовскаго рода порознь на основаніи тѣхъ доводовъ, какіе уже представлены дворянскими собраніями западныхъ губерній.

Вышепомѣщенная записка, содержаніе которой доселѣ было малоизвѣстно историкамъ, подана была графу А. Х. Бенкендорфу при слѣдующемъ письмѣ.

Письмо Литовскихъ Татаръ къ графу А. Х. Бенкендорфу.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Испытанное великодушіе и любовь къ полезному, качества вашего сіятельства, вселили въ уютномъ племени Татаръ Литовскихъ смѣлость предать участь свою покровительству вашего сіятельства и просить о ходатайствѣ за права народа, котораго сыны, постоянно служа въ доблестныхъ рядахъ Россійскаго воинства, жизнь и состояніе низложили подъ сѣнью великихъ именъ: Царь и Отечество.

Содержаніе представляемой у сего записки есть вѣрный сколокъ моральнаго и политическаго быта и будущихъ ожиданій Татаръ Литовскихъ. Въ ней и содержаніе просьбы; основные же законы къ ея разрѣшенію—въ священнѣйшей волѣ Монарха!

Да не откажетесь подносимыя у сего изъясненія повергнуть на Высочайшее воззрѣніе.

Вашего сіятельства, милостивѣйшій государь, всепокорнѣйшіе слуги, уполномоченные изъ среды Татаръ Литовскихъ.

Ноября дня.
1838 года.

Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ министру юстиціи Д. В. Дашкову.

Милостивый государь Дмитрій Васильевичъ!

Препровождая у сего къ вашему превосходительству записку ко мнѣ, доставленную помѣщиками изъ Литовскихъ Татаръ, отставными полковниками Кенскимъ и Таньковскимъ и губернскимъ секретаремъ Барановскимъ, пріемлю честь покорнѣйше просить, по содержанію оной, почтить меня вашимъ, милостивѣйшій государь, увѣдомленіемъ: изволите ли вы признать нужнымъ, чтобы я довелъ объ оной до свѣдѣнія Государя Императора, или не считаете ли ваше превосходительство болѣе удобнымъ совокупно со мной войти по предмету сему съ представленіемъ въ Комитетъ гг. Министровъ. Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что я съ своей стороны полагаю, что дѣло сіе заслуживаетъ особенное вниманіе правительства, ибо можетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія и поколебать всегда испытанную вѣрность Литовскихъ Татаръ къ Россійскому престолу. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Г. Бенкендорфъ.

28 Ноября 1838.
Его превосходительству Д. В. Дашкову.

(Сообщилъ Н. С. Граве).

НОВОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА.

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы,
И въ рощѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы—
Пріютъ сіяньемъ Музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И воды Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И, вѣтру въ даръ, на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.

Стихотвореніе это (можетъ быть, отброшенная строка изъ „Евгенія Онѣгина“) сохранилось въ памяти одного изъ сотрудниковъ „Русскаго Архива“ и было нѣкогда прочитано имъ въ своеручномъ подлинникѣ А. С. Пушкина. Для насъ его подлинность несомнѣнна. Звуки и обороты Пушкинскіе, столь завѣтные Русскому сердцу, и мы по истинѣ счастливы этою находкою. Вдохновенный Языковъ, во всемъ блескѣ юности и красоты (его называли молодымъ Вакхомъ), пріѣзжалъ, лѣтомъ 1826 года, изъ Дерптскаго университета къ своему товарищу А. Н. Вульфу въ Тригорское и потомъ многократно воспѣвалъ рѣку Сороть, близъ которой лежитъ и Пушкинское Михаиловское. Черезъ десять лѣтъ послѣ того Пушкинъ писалъ ему: „Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михаиловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти“ (Соч. Пушк.. изд. Общ. для пособія, VII, 397). П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА".

Отецъ Лермонтова грубо обращался съ своею тещею Елисаветой Алексѣевной Арсеньевой. Навѣщая ее въ деревнѣ, онъ ложился при всѣхъ на диванъ и, чтобы заснуть, оборачивался даже спиною къ ней и ея гостямъ. Въ Москвѣ, когда Лермонтовъ былъ студентомъ въ университетѣ, бабушка огорчалась прiѣздомъ его отца, потому что онъ, бывало, прiѣдетъ за сыномъ и увезетъ его, Богъ знаетъ куда, такъ что молодой внукъ возвращался домой поздно ночью.

Слышано (24 Февраля 1876) отъ Натальи Григорьевны Философовой, которая была (по матери своей Натальѣ Алексѣевнѣ Столыпиной) двоюродною сестрою матери Лермонтова.

Отецъ Лермонтовъ жилъ помѣщикомъ средней руки въ Елецкомъ уѣздѣ, Воронежской губернiи. Сосѣдъ его Иванъ Алексѣевичъ Викулинъ отзывался о немъ какъ о человѣкѣ степенномъ и добросердечномъ. Онъ умеръ около 1834 года.

*

От графа С. Г. Строганова (28 Февраля 1876).

Государь говорилъ графу С. Г. Строгонову про VIII-ю книгу «Архива Князя Воронцова» и хвалилъ ее. Онъ отозвался про графа Семена Романовича, что онъ дѣйствовалъ честно, и что если бы ему удалась его отвага, Петръ III-й остался бы на престолѣ. Любопытно, что Государь остановился именно на этомъ. Князь С. М. Воронцовъ сказывалъ мнѣ, что Государь именно благодарилъ его за изданiе этой любопытной книги.

По словамъ графа С. Г. Строганова, Н. Н. Новосильцовъ былъ незаконнорожденный сынъ сестры графа Александра Сергѣевича Строганова. Когда молодой графъ Павелъ Александровичъ въ Парижѣ надѣлъ Фригiйскую красную шапку и сталъ посѣщать Якобинскiй клубъ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ Роммомъ, Екатерина приказала его отцу, чтобы скорѣе взяли назадъ молодаго человѣка. Для этого посланъ былъ во Францiю маiоръ гвардiи Новосильцовъ (который былъ на 8 лѣтъ старше своего двоюроднаго брата).

Бумаги Новосильцова погибли частiю въ Польскiй мятежъ 1831 года, а частiю перешли къ его двоюродному племяннику, сенатору Сергѣю Васильевичу Новосильцову, женатому на Окуневой (дочь его за Ильинымъ, живетъ въ Италiи). Нѣкоторыя бумаги были въ Москвѣ, у А. П. Протасова, тоже племянника Новосильцову по своей матери.

Новосильцовъ былъ необыкновенно умный и вполнѣ Русскiй человѣкъ, хотя и предавался невоздержностямъ.

1889. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: князь А. И. Барятинскій, представленіе плѣннаго Шамиля, гравированный портретъ князя Паскевича. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1890. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1891. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ перес. 9 р. Съ Записками Вигеля.

1892. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ пер. 9 р., съ Записками Вигеля и его портретомъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893 года.

(Годъ тридцать первый).

Русскій Архивъ въ 1893 г. издается двѣнадцатью тетрадями, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1893 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1894 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

Въ Конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175).

ПРОДАЮТСЯ

годовыя изданія этого историческаго сборника:

1874 годъ. 12 выпусковъ (двѣ книги) съ гравированными портретами князя Одоевскаго и Ѳ. И. Тютчева. Цѣна 6 р. съ пересыл. 7 р.

1877 годъ. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1878. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1879. 12 выпусковъ (три книги), съ гравированными портретами графа С. Р. Воронцова и А. С. Хомякова. Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1880. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 6 р. съ перес. 7 р.

1881. 6 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ пересылкой 9 р.

1884. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: И. В. Лопухинъ, И. С. Тимирязевъ, Н. Э. Лясковскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1886. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюра: Н. Н. Муравьевъ-Карскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1887. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: Жильберъ Роммъ, графъ П. А. Строгановъ, Филаретъ епископъ Черниговскій. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1888. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: Князь А. И. Барятинскій, графъ П. И. Панинъ. Въѣздъ князя А. И. Барятинскаго въ Тифлисъ. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

См. на 3-й стр.

ИЗЪ ПИСЕМЪ В. Ф. БОГОЛЮБОВА КЪ КНЯЗЮ А. Б. КУРАКИНУ *).

1806—1809.

1.

Исполняя приказанія вашего сіятельства, я видѣлся сегодня съ А. А. Жервѐ и узналъ отъ него, что кредитивныя письма и указъ объ насъ будутъ непремѣнно поднесены къ высочайшему подписанію въ первый докладной день. Андрей Яковлевичъ намѣренъ исполнить былъ сіе въ прошедшій Понедѣльникъ; но Государь Императоръ изволилъ приказать отложить всѣ бумаги, приготовленныя къ поднесенію, до будущаго Четверга. Впрочемъ г-нъ Жерве увѣрилъ меня, что ваше сіятельство получите о семъ отъ министра въ свое время официальное сообщеніе.

Братъ мой, узнавъ отъ Бутягина, что ваше сіятельство желаете нанять на мѣсяцъ мѣста приличный апартаментъ, поручилъ мнѣ представить вамъ, не угодно ли будетъ вашему сіятельству нанять для сего въ домѣ графа Кутайсова всѣ тѣ комнаты, которыя онъ самъ съ графинею занималъ и которыя, считаю я, своимъ положеніемъ весьма приличны будутъ для васъ. Весь нижній этажъ съ конюшнями и комнатами для людей отдаются за 500 рублей въ мѣсяцъ и если вашему сіятельству угодно будетъ оставить оный за собою, то я прошу всепокорнѣйше не медля меня на сіе уполномочить, дабы братъ мой могъ отказать Михайлу Ивановичу Комбурлею, который желаетъ апартаментъ сей нанять. Въ домѣ князя Гагарина есть также комнаты пустыя, и тѣ самыя, гдѣ жилъ А. Я. Будбергъ надъ дюшесою Курляндскою; но онѣ высоки и не на набережную окнами; а въ домѣ графини Прасковьи Петровны [1]) по всѣмъ возможнымъ соображеніямъ приличны будутъ для вашего сіятельства короткое время ваше въ Петербургѣ провесть.

Вторникъ, 24 Іюля (1806).

---

*) См выше, стр. 232.

[1]) Т. е. графини Кутайсовой нынѣ домъ графа Левашова на Фонтанкѣ. П. Б.

2.

2 Августа 1806

Во исполненіе приказанія вашего сіятельства я былъ сегодня поутру у генерала Будберга для объясненія ему желанія вашего ѣхать въ Москву для ожиданія тамъ отправленія вашего къ посту вашему. Его высокопревосходительство, выслушавъ меня со вниманіемъ, поручилъ мнѣ отписать къ вашему сіятельству, что при первой возможности не оставитъ онъ все по волѣ вашей исполнить.

Что же касается до упоминаемаго вами пашпорта, съ коего ваше сіятельство желаете имѣть копію, Вестманъ, съ коимъ я сегодня нарочно для сего видѣлся, сказалъ мнѣ, что такого рода пашпорты, каковый вамъ выданъ быть долженъ, состоятъ всегда за высочайшимъ подписаніемъ и что для сего необходимо нужно, чтобы ваше сіятельство доставили къ нему списокъ чиновниковъ и людей, съ вами ѣдущихъ, дабы оный заранѣе изготовить къ подписанію Государя.

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству письмо отъ Уварова съ его проектами рекомендательныхъ писемъ, равно какъ и пакетъ отъ Ярія, заключающій въ себѣ новое произведеніе его пера, которое поощрилъ я его поднести вашему сіятельству.

3.

3 Августа, въ 3 часа пополудни.

Причины, побуждающія ваше сіятельство желать столь нетерпѣливо оставить Петербургъ, совершенно справедливы; но съ другой стороны *Убри* и другіе вамъ преданные утверждаютъ, что сіе желаніе ваше не должно ограничиться только тѣмъ, чтобы быть скорѣе въ Москвѣ: ибо, уѣхавъ одинъ разъ туды безъ инструкціи и кредитивныхъ писемъ, вы будете ихъ дожидаться тамъ конечно долго. А прилично ли будетъ въ такомъ случаѣ прожить вашему сіятельству въ Москвѣ два или три мѣсяца въ совершенной неизвѣстности или въ одномъ ожиданіи на счетъ вашего отправленія, о томъ не буду я здѣсь упоминать, бывъ увѣренъ, что ваше сіятельство сами опредѣлить изволите.

Письмо ваше я вручилъ самъ вчерась ввечеру Н. Н. Демидову, который былъ весьма доволенъ учтивостію вашего сіятельства. Онъ звалъ васъ не столько для фейерверка и бала, сколько для того, чтобы показать вашему сіятельству свои бронзы и всѣ рѣдкости, имъ привезенныя изъ чужихъ краевъ, между коими великолѣпіемъ и новостію вкуса отличался весьма пребольшой плато, сдѣланный имъ въ Парижѣ и который вчерась былъ выставленъ за ужиннымъ столомъ.

4.

4 Августа 1806, въ 3 часа пополудни.

Я постараюсь увидѣться сего же дня съ Убріемъ, чтобы исполнить порученіе вашего сіятельства. Я былъ у него давеча по утру до полученія письма вашего и узналъ отъ него къ удивленію моему, что, по внушенію ли ему сдѣланному или по собственной надобности, ѣдетъ онъ завтра отсюды на безсрочное время въ его Полоцкую деревню. Съ тѣхъ поръ, что сообщено иностраннымъ министрамъ отъ двора о причинѣ его поспѣшнаго возвращенія изъ Парижа, публика совершенно извѣстна о настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ съ Французскимъ правительствомъ и, кажется, что для Убрія, который теперь служитъ единственнымъ предметомъ разговоровъ всего города, и необходимо даже оставить на нѣкоторое время Петербургъ.

Андрей Андреевичъ Жерве, съ коимъ я сейчасъ видѣлся, отвѣчалъ мнѣ на вопросъ объ инструкціяхъ вашихъ, что онъ занимается теперь именно составленіемъ оныхъ; но какъ для дополненія оныхъ нужно знать послѣднія мѣры, взятыя въ настоящихъ обстоятельствахъ Лондонскимъ кабинетомъ, то и остается ожидать нынѣ курьера изъ Англіи, который не можетъ замѣшкать въ пути, бывъ отправленъ оттуды моремъ чрезъ Швецію тому дней 15, если не больше. Жерве самъ, говоря мнѣ при семъ случаѣ объ отправленіи вашемъ, не могъ скрыть отъ меня, сколь много онъ удивляется, что ваше сіятельство, не дождавшись окончательнаго отправленія своего, столь упорно желаете ѣхать въ Москву, гдѣ вамъ ни съ которой стороны неприлично будетъ дожидаться вашихъ инструкцій, буде вы здѣсь ихъ получить еще не можете. Да и есть ли приличность, прибавилъ онъ къ сему, оставлять вашему сіятельству Петербургъ, когда дѣла взяли оборотъ совершенно противный нашему ожиданію?

Къ графу Апраксину посланъ въ Ревель фельдъ-егерь Ѳедоровъ не для того, чтобы отобрать отъ него бумаги, но чтобъ взять отъ него оныя и слѣдовать съ оными самымъ поспѣшнымъ образомъ въ Вѣну, и сіе произошло отъ того, что Апраксинъ занемогъ тамъ сильною горячкою. Я сіе знаю отъ Жервея и Убрія, которые его отправляли, и ваше сіятельство можете быть увѣрены, что отзывныя письма къ графу Разумовскому теперь уже конечно въ Вѣнѣ.

5.

С.-Петербургъ, 14 Августа 1806.

Вчерашній день по утру, прибыли сюды два курьера изъ Берлина, одинъ ко двору отъ графа Стакельберга, а другой къ Прусскому посланнику, и въ городѣ уже пронесся слухъ, что съ ними получено извѣстіе о нѣкоторой стычкѣ, бывшей въ началѣ сего мѣсяца подъ

Ганноверомъ, между Прусскими и Французскими войсками, въ коей болѣе 1000 человѣкъ Французовъ осталось на мѣстѣ. Поелику же слухи сіи требуютъ еще подтвержденія, то, выправясь о семъ у Жерве, предоставляю я себѣ донести вашему сіятельству съ первою почтою о всемъ обстоятельно. Между тѣмъ усерднѣйше желаю, чтобъ ваше сіятельство окончили путь свой благополучно.

6.

С.-Петербургъ, 21 Августа 1806.

Во исполненіе воли вашего сіятельства я имѣлъ честь быть вчерась у генерала Будберга. Его высокопревосходительство послѣ многихъ вопросовъ мнѣ сдѣланныхъ о Корфѣ *) и особливо о нашемъ пребываніи въ Неаполѣ, поручилъ мнѣ, при засвидѣтельствованіи своего почтенія, извѣстить ваше сіятельство, что по сіе время не имѣетъ онъ ничего рѣшительнаго сообщить вамъ объ Австріи, что курьеръ, имъ оттуды ожидаемый, еще не прибылъ и что по полученіи первыхъ извѣстій изъ Вѣны, будетъ онъ самъ къ вашему сіятельство обстоятельно писать. Между тѣмъ я слышалъ отъ А. А. Жерве, что императоръ Францъ, сложа съ себя титулъ императора Германіи, печется всѣми мѣрами о постановленіи Австріи и Венгріи въ оборонительное состояніе противъ Франціи, что на границахъ его собрано уже близъ 200 т. войска; изъ чего заключить должно, что если держава сія принуждена будетъ рушить нейтралитетъ, въ которомъ она оставаться теперь намѣрена, то что тогда конечно будетъ сопротивляться проходу Французскихъ войскъ чрезъ ея владѣнія.

Вчерась ѣздилъ я съ Иваномъ Степановичемъ Лавалемъ и съ Поццо-ди-Боргомъ въ Кронштадтъ смотрѣть эскадру, отправляющуюся въ Корфу, гдѣ наѣхали мы Императора съ Императрицею-Матерью. Эскадра сія, состоящая изъ семи новыхъ 80-ти пушечныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ, столь богато всѣмъ снабжена, что будетъ конечно честь дѣлать нашему флагу въ Средиземномъ морѣ. Сегодня должна она была выйдти съ Кронштадта подъ начальствомъ капитана-комодора Игнатьева.

Графъ Кладанъ, съ самаго отбытія вашего сіятельства, столь немилосердно поноситъ бѣднаго Моцениго и все Корфіотское правительство, что Наранси намѣренъ просить на него министерство; а по словамъ Жервея заключаю я, что неосновательностію своихъ требованій успѣлъ уже надоѣсть и Андрею Яковлевичу.

*) Т. е. объ островѣ Корфу. П. Б.

7.

С.-Петербургъ, 24 Августа 1806.

Австрійскій курьеръ, о коемъ я имѣлъ честь донести вашему сіятельству съ послѣднею почтою, по сіе время еще не прибылъ. Андрей Андреевичъ сказывалъ мнѣ, что его должно ожидать непремѣнно сегодня или послѣ завтра, но еще не съ рѣшительными извѣстіями: ибо оныхъ можно ожидать только по полученіи отвѣта изъ Парижа на послѣднія отношенія нашего двора; а поелику фельдъ-егерь Порохневской, посланный отсюды къ Талейрану, выѣхалъ 2-го сего мѣсяца, то надобно надѣяться, что рѣшительный отзывъ Бонапарта будетъ здѣсь полученъ въ первыхъ числахъ будущаго Сентября. Между тѣмъ слухи о разрывѣ Франціи съ Пруссіею со всѣхъ сторонъ подтверждаются; недоразумѣнія между послѣднею изъ сихъ державъ и Швеціею прекращены, и войска ихъ составляютъ кордонъ на Саксонской границѣ. Съ другой стороны адмиралъ Синявинъ пишетъ съ послѣднимъ курьеромъ, третьяго дня прибывшимъ, что онъ, не смотря на сообщенія Убрія, держится по прежнему въ Боко-ди-Катаро и Рагузѣ, что генералъ со всѣмъ корпусомъ своимъ соединился съ Лористономъ и что войска наши не только не побиты, но остались въ Рагузѣ въ весьма выгодной позиціи. Чрезъ сего же курьера доноситъ изъ Сициліи Д. П. Татищевъ, что высадка, учиненная Англичанами въ Калабрію, сдѣлала большую диверсію; ибо привязанность народа столь велика въ сей провинціи къ ихъ законному государю, что горсть Аглинскихъ войскъ предуспѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней соединить близъ 30 т. подъ оружіе, что́ подало имъ возможность разбить непріятеля и сдѣлать болѣе 2000 плѣнныхъ, а не возвратиться съ потерею въ Сицилію, какъ то гласилъ «Монитёръ». Всѣ сіи извѣстія произвели такое вліяніе здѣсь, что фельдмаршалъ графъ Каменскій и генералъ Кутузовъ получили повелѣніе отправиться въ армію. Послѣдній изъ нихъ вчерась выѣхалъ въ Брестъ, а первый сбирается ѣхать на дняхъ на Турецкую границу. Манифестъ о войнѣ вчерась былъ поднесенъ къ подписанію Государя и будетъ не медля обнародованъ обще съ указомъ о рекрутскомъ наборѣ.

8.

С.-Петербургъ, 28 Августа 1806.

Узнавъ отъ Н. И. Калинина, что послѣдняя Московская почта не принесла ни одного письма сюды отъ вашего сіятельства, я заключаю, что пріятное положеніе вашего сіятельства заставило васъ остановиться тамъ на нѣсколько дней болѣе предположеннаго вами времени.

Въ дополненіе политическихъ новостей, помѣщенныхъ въ приложенномъ у сего письмѣ Сергѣя Семеновича*), я поспѣшаю донести ва-

*) Уварова. П. Б.

шему сіятельству, что слухи о войнѣ ежедневно умножаются. Графъ Мерфельдъ не таитъ отъ публики извѣстіе, имъ полученное третьяго дня съ курьеромъ, что опасенія Вѣнскаго двора о новомъ нападеніи Французовъ на столицу столь велико, что императоръ Францъ, послѣ большаго совѣта, бывшаго по случаю настоящихъ смутныхъ обстоятельствъ, отправя не медля арсеналы и богатства свои въ Буду, рѣшился вооружить Венгрію, собрать войска свои близь Вѣны и защищаться до послѣдней капли крови въ случаѣ покушенія Французовъ обладать Австріею. Курфюрстъ Саксонскій, равномѣрно опасаясь прорыва Французскихъ войскъ сквозь Прусскія войска въ его владѣнія, рѣшился вывести всѣ свои войска на границу, отправя также зaранѣе артиллерію и сокровища свои въ крѣпость Кенигстеинъ, въ Саксоніи лежащую. Всѣ сіи извѣстія не должны однакоже нимало перемѣнить прежнее намѣреніе ваше возвратиться сюды къ 10-му будущаго мѣсяца. Позволятъ ли обстоятельства слѣдовать вашему сіятельству къ назначенію вашему или нѣтъ, присутствіе ваше здѣсь необходимо. Андрей Андреевичъ Жерве, Лаваль и вообще всѣ тѣ изъ преданныхъ вашихъ, съ коими я по сему предмету говорилъ, того мнѣнія, что долгое отсутствіе ваше отсюды будетъ сочтено изъявленіемъ негодованія вашего и можетъ легко перемѣнить намѣреніе Государя дать вашему сіятельству новое отличіе въ случаѣ несостоянія вашего посольства: ибо въ городѣ утверждаютъ, что въ вознагражденіе за убытки ваши ваше сіятельство будете повышены въ 1-й классъ и, чтобы предупредить въ такомъ случаѣ требованія графа Строгонова и Завадовскаго, что при разрѣшеніи отъ бремени Государыни Императрицы и они обще съ вами произведены будутъ.

Завтра намѣренъ я явиться къ Андрею Яковлевичу и испросить его приказаній, что̀ писать къ вашему сіятельству въ случаѣ его недосуговъ. Между тѣмъ я спѣшу поднести у сего стихи, сдѣланные въ честь его, яко первое произведеніе типографіи, учрежденной при нашемъ департаментѣ для печатанія придворной газеты подъ названіемъ *Journal du Nord.*

Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству письмо отъ молодаго Бока *), племянника Р. К. Анрепа, покорнѣйше прося хотя изъ уваженія къ его дядѣ не оставить просьбу его безъ милостиваго вниманія вашего.

Публикація манифестовъ о войнѣ съ Франціею и рекрутскомъ наборѣ остановлена до полученія рѣшительныхъ отвѣтовъ изъ Парижа.

Вчерась по утру окончался Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковской.

*) Этотъ тотъ самый Бокъ (пріятель Гёте и нашего Жуковскаго), позднѣе посаженъ былъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. См. о немъ «Русскій Архивъ» 1886 г., II, 112. П. Б.

9.

С.-Петербургъ, 31 Августа 1806.

Графъ Разумовскій удержался подавать Вѣнскому двору отзывныя грамоты до прибытія вашего сіятельства; но что принялъ ли онъ вторичное предложеніе ѣхать въ Лондонъ, того еще неизвѣстно. Впрочемъ, прибавилъ мнѣ Андрей Андреевичъ Жерве, къ которому я съ моими вопросами обратился, необходимо нужно для вашего сіятельства обратиться, не теряя времени, письменно къ Андрею Яковлевичу и просить у него всѣхъ надобныхъ вамъ поясненій, которыхъ онъ самъ, при всемъ своемъ усердіи, дать вамъ теперь не въ состояніи. Я слышалъ вчерась навѣрно, что война съ Портою неминуема и что манифестъ объ оной будетъ выданъ даже до полученія отвѣта изъ Парижа.

10.

С.-Петербургъ, 4 Сентября 1806.

Краткость отзыва министра и вообще явная воздержность, съ коею съ нѣкотораго времени г. окружающіе министра говорятъ со мною объ отправленіи вашемъ, заставляютъ меня заключать, что слухи, въ городѣ пронесшіеся о несостояніи вашего посольства и объ утвержденіи вновь, происками Н. К. Загряжской, графа Разумовскаго на прежнемъ его постѣ, заслуживаютъ нѣкотораго вѣроятія. Тоже самое сказывалъ мнѣ вчерась Магницкой, пришедшій меня навѣстить, который слышалъ отъ графа Кочубея, что и по возобновленіи короткихъ сношеній нашихъ съ Австріею, графъ Разумовскій будетъ по прежнему оставленъ въ Вѣнѣ. Я чувствую, сколь всѣ сіи извѣстія будутъ оскорбительны для вашего сіятельства; но я не могу не довести оныхъ до свѣдѣнія вашего, чтобъ убѣдить болѣе васъ, сколь поспѣшное возвращеніе ваше сюды необходимо для васъ, дабы тѣмъ самымъ прекратить всѣ происки и домогательства Натальи Кириловны, ко вреду вашему стремящіеся. По сему предмету не буду я болѣе распространяться, бывъ увѣренъ, что сегодняшнее письмо Сергѣя Семеновича содержитъ въ себѣ всѣ нужныя для сего поясненія.

Манифестъ о нашемъ положеніи съ Франціею былъ объявленъ вчерась въ Сенатѣ, и я спѣшу препроводить одинъ экземпляръ онаго при семъ къ вашему сіятельству. Прочіе же манифесты, какъ то о рекрутскомъ наборѣ и о разрывѣ нашемъ съ Франціею, будутъ объявлены по полученіи отвѣтовъ изъ Парижа. Фельдмаршалъ графъ Каменскій тогда только отправится въ армію. Между тѣмъ сынъ его генералъ-лейтенантъ ѣдетъ на сихъ дняхъ въ Одессу, откуды отплыветъ онъ чрезъ Константинополь въ Корфу съ корпусомъ, изъ двѣнадцати тысячъ состоящимъ; рѣшимость сія была взята здѣсь по прибытіи курьера изъ Константинополя, съ коимъ получено извѣстіе, что Порта, послѣ нѣкоторыхъ угрозъ ей сдѣланныхъ Италинскимъ, согласилась наконецъ не препятствовать сквозь Босфоръ проходу войскъ нашихъ въ Средиземное море.

11.

С.-Петербургъ, 7-го Сентября 1806.

Чтобъ доказать вашему сіятельству справедливость слуховъ, сообщенныхъ вамъ Сергѣемъ Семеновичемъ о графѣ Мерфельдѣ, я поспѣшаю приложить у сего печатную карту, которою онъ объявилъ всѣмъ своимъ знакомымъ о представленіи Государю вчерась полученныхъ имъ отъ двора своего кредитивныхъ грамотъ на качество чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Сіе обстоятельство доказываетъ, что Вѣнскій дворъ ищетъ опять нашего покрову и что если ваше сіятельство къ посту вашему не поѣдете, то сіе произойдетъ единственно отъ происковъ и интригъ родни вашего предшественника, который столь привязанъ къ Вѣнѣ, что конечно готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ тамъ остаться; а чтобъ все сіе прекратить, необходимо вашему сіятельству сюды не медля возвратиться, даже не дождавшись отвѣта вами желаемаго отъ генерала Будберга. Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ и графъ Строгановъ были выбраны Сенатомъ депутатами къ Государю для изъявленія всенародной благодарности за послѣдній манифестъ. Третьяго дни были они съ симъ представлены Его Императорскому Величеству, и первый изъ нихъ говорилъ рѣчь, которой одинъ напечатанный экземпляръ при семъ честь имѣю представить.

*

Назначенный въ Іюлѣ 1806 года посломъ въ Вѣну, князь Александръ Борисовичъ причислилъ къ своему пышному посольству и Боголюбова; но ему, какъ и другимъ чиновникамъ посольства, пришлось въ теченіи долгаго времени дожидаться въ Вѣнѣ своего начальника: князь былъ задержанъ порученіемъ отъ Государя—заключить Тильзитскій договоръ, который и былъ имъ подписанъ 27 Іюня 1807 года, въ 99-ю годовщину Полтавской побѣды (тонкій уколъ побѣдителя-Корсиканца). Князь Куракинъ ѣхалъ медленно, съ привычною ему торжественностью и въ сопровожденіи не только многочисленной прислуги, но и своихъ дѣвушекъ. Этотъ человѣкъ умѣлъ самымъ своимъ слабостямъ придавать благовидность и какое-то велелѣпіе. Медлительность, при удивительной порядливости, не препятствовала ему знать во всѣхъ подробностяхъ о ходѣ политическихъ дѣлъ, и въ этомъ отношеніи помогала ему обширная его переписка, нынѣ бережно хранимая въ его Саратовскомъ Надеждинѣ. Боголюбовъ былъ усерднымъ вѣстовщикомъ. Надо прибавить, что Вѣна вслѣдствіе Французской революціи, разогнавшей изъ Парижа представителей высшаго Европейскаго общества, была въ то время средоточіемъ знати и законодательницею свѣтскихъ приличій. П. Б.

12.

Вѣна, 5 (17) Апрѣля 1807.

Предполагая, что письма мои, отправленныя къ вашему сіятельству для большей поспѣшности тому десять дней съ фельдъ-егеремъ Брауномъ и Черногорскимъ архимандритомъ Вукасовичемъ, послан-

ными отсюда въ Петербургъ, дойдутъ исправно до рукъ вашихъ, я не буду отягощать сегодня вашего сіятельства повтореніемъ моего глубокаго огорченія и всѣхъ чувствъ, произведенныхъ во мнѣ письмомъ вашимъ отъ 24 прошедшаго Февраля, столь ясно доказывающимъ мнѣ гнѣвъ и немилость ваши противъ меня, бывъ увѣренъ, что ваше сіятельство по всей справедливости взойдете во всѣ причины и обстоятельства, подробно въ отвѣтахъ моихъ подъ № 2 и 3 объясненныя [1]).

Послѣ перемѣны, сдѣланной вашимъ сіятельствомъ въ здѣшнемъ домѣ вашемъ, особливо чрезъ сломку стѣны въ угольной комнатѣ, назначенной теперь для спальной вашей, большой апартаментъ сдѣлался гораздо вмѣстительнѣе и спокойнѣе того, какъ былъ прежде распредѣленъ. При всемъ томъ, еслибы ваше сіятельство, слѣдуя первой мысли вашей, приказали нанять вмѣсто онаго домъ князя Ауерсберга, то тогда бы вы имѣли здѣсь домъ пространный, въ новомъ вкусѣ убранный и совершенно приличный достоинству вашему. Графъ Кобенцль, съ которымъ мы вчерась ѣздили смотрѣть оный, увѣрялъ меня, что судьба кн. Ауерсберга бывъ рѣшена осужденіемъ жить всегда въ деревняхъ, онъ слышалъ, что родные его имѣютъ порученіе отдать домъ сей въ наймы; нанять же оный тѣмъ скорѣе можно будетъ согласиться вашему сіятельству, что настоящій домъ вашъ можно сдать въ такомъ случаѣ за туже самую цѣну графинѣ Замойской (урожд. княжнѣ Чарторыской), которая бы желала нанять оный предпочтительнѣе всякому другому.

Съ пріѣздомъ нашимъ сюды, всякое сомнѣніе о пріѣздѣ вашего сіятельства сюды прекратилось. Съ нѣкотораго времени даже и самъ графъ Андрей Кириловичъ не скрываетъ, ни отъ кого скораго пріѣзда вашего сіятельства и, продолжая обращаться съ нами милостивымъ образомъ, часто навѣдывается у насъ о состояніи здоровья вашего и о времени выѣзда вашего изъ Петербурга.

Поццо-ди-Борго, согласно съ повелѣніемъ, къ нему посланнымъ, отправился вчерась съ нѣкоторыми порученіями отъ двора нашего въ Корфу. Поелику же для переписки его съ нашими военными начальниками въ Адріатикѣ и Архипелагѣ нужно было къ нему опредѣлить чиновника, знающаго Русскій языкъ: то по предписанію, здѣсь полученному, графъ Андрей Кириловичъ отправилъ съ нимъ для сего г-на Булгакова. Изъ депеши генерала Будберга по сему предмету ясно видно, что насъ считали давно прибывшими къ постамъ нашимъ; ибо въ оной сказано весьма положительно, чтобъ съ Поццо-ди-Борго былъ опредѣленъ, по выбору посла, одинъ изъ вновь опредѣленныхъ сверхъ штату къ миссіи.

[1]) Этихъ отвѣтовъ въ переплетенной книгѣ писемъ Боголюбова не имѣется. П. Б.

Вчерась было погребеніе императрицы Австрійской, скончавшейся на сихъ дняхъ въ родахъ [1]). Церемонія сія была въ отсутствіи императора, который столь былъ огорченъ сею неожиданною потерею, что чрезъ часъ послѣ кончины ея отправился обратно въ Венгрію съ эрцъ-герцогомъ Карломъ и всѣми дѣтьми своими.

Я не могу окончить письма сего, чтобъ не возобновить вашему сіятельству, что, зная цѣну благодѣяніямъ вашимъ, я ссылаюсь на князя Бориса Алексѣевича, на Уварова, сколь больно и прискорбно для меня быть лишену вашихъ милостей. Возвратите мнѣ оныя, почтеннѣйшій благодѣтель мой; я васъ о семъ убѣдительнѣйше прошу и вѣрьте, сіятельнѣйшій князь, что нѣтъ пожертвованія въ свѣтѣ, котораго бы я не сдѣлалъ, чтобъ доказать вашему сіятельству моей готовности служить, угождать и тѣмъ самымъ изъявлять вамъ, сколь искренны и непоколебимы чувствованія высокопочитанія, приверженности и благодарности, съ коими есмь на вѣкъ и пр.

13.

Считая ваше сіятельство выѣхавшимъ изъ Петербурга, я отправляю письмо сіе съ камергеромъ графомъ Нессельродомъ [2]), ѣдущимъ сегодня отсюды въ армію, который обѣщалъ мнѣ при первомъ удобномъ случаѣ доставить оное къ вашему сіятельству. Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я отъ г-на Отта, что ваше сіятельство, не получивъ по сіе время ни одного изъ писемъ нашихъ, поручили ему изъявить намъ негодованіе ваше за неисправность нашу противъ васъ. Въ оправданіе мое не могу я не упомянуть здѣсь, что съ пріѣзду моего сюды я отправилъ шесть донесеній къ вашему сіятельству, изъ коихъ для вѣрности два были мною посланы съ курьерами, одно по почтѣ, въ коемъ я объ оныхъ донесъ, и потомъ три послѣднія въ Радзивиловъ, для доставленія вашему сіятельству въ проѣздъ чрезъ сей городъ, которыя теперь, узнавъ о намѣреніи вашемъ ѣхать сюды чрезъ Брестъ-Литовскій, писалъ я къ тамошнему почтмейстеру выслать къ вашему сіятельству на встрѣчу въ Краковъ. Впрочемъ безпрестанные слухи о скоромъ прибытіи вашемъ сюды были большою причиною тому, что я не писалъ къ вашему сіятельству чрезъ почту, опасаясь все, что донесенія мои васъ въ Петербургѣ не застанутъ. Слухи же сіи о вашемъ выѣздѣ и даже о вашемъ прибытіи въ армію были намъ подтверждены самимъ гр. Андреемъ Кириловичемъ, который сказалъ

[1]) Это была вторая супруга императора Франца, въ первомъ бракѣ женатаго на Виртембергской принцессѣ Елисаветѣ, родной сестрѣ нашей императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая желала, чтобы онъ въ третій разъ женился на великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, о чемъ и переписывалась съ княземъ Куракинымъ („Р. Архивъ“ 1868 и 1869). П. Б.

[2]) Карломъ Васильевичемъ, будущимъ нашимъ канцлеромъ. П. Б.

мнѣ въ присутствіи многихъ соотечественниковъ нашихъ, что ему извѣстно, что васъ ожидаютъ въ главную квартиру, откуды ваше сіятельство должны вскорѣ отправиться сюды. Въ семъ удостовѣреніи оставались мы болѣе недѣли, ожидая васъ со дня на день сюды; но по извѣстіямъ, здѣсь полученнымъ вскорѣ послѣ того изъ арміи, изъ Мемеля и даже изъ Петербурга, въ городѣ начали увѣрять, что ваше сіятельство не токмо еще въ путь не отправились, но и не будете сюды до возвращенія Государя въ Петербургъ, что̀ можетъ быть не прежде шести или осьми мѣсяцевъ. Мы съ нашей стороны стараемся всѣми силами въ здѣшней публикѣ всѣ извѣстія такого рода опровергать, представляя всѣмъ, что теперь не болѣзнь ваша, но худое состояніе дорогъ и рѣкъ причиною медленнаго пріѣзда вашего сюды.

Въ домѣ вашего сіятельства, неутомимымъ попеченіемъ г-на Отта, давно все къ пріему вашему кончено, и пріемный апартаментъ чрезъ перемѣну спальной и кабинетовъ имѣетъ теперь весьма спокойное расположеніе. При всемъ томъ я увѣренъ, что ваше сіятельство, не имѣя въ ономъ ни столовой комнаты, ни залы, вскорѣ по пріѣздѣ вашемъ сюды, предпочтете сдать оный графинѣ Замойской, нанявъ вмѣсто онаго или домъ князя Ауерсберга или домъ князя Старенберга, состоящій по срединѣ города, который, бывъ посломъ въ Лондонѣ, поручилъ женѣ своей отдать домъ сей обще съ загороднымъ домомъ внаймы преимущественно вашему сіятельству. О цѣнѣ не могу я ничего сегодня положительнаго вамъ донести, ибо княгиня Старенбергъ предоставляетъ себѣ сама обо всемъ съ вашимъ сіятельствомъ условиться. Графъ Кобенцлъ и принцъ де-Лингъ возили Уварова и меня смотрѣть домъ сей и, зная ваше сіятельство, я увѣренъ, что домъ сей сколько великолѣпіемъ, столько же и пространствомъ своимъ, несравненно приличнѣе будетъ достоинству вашему того, который для пріему вашего теперь приготовленъ.

Русскія дамы наши начинаютъ всѣ оставлять Вѣну. Княгиня Долгорукая [1]) отправилась отсюды третьяго дня чрезъ Броды и Кіевъ въ Россію; княгиня Анна Александровна Голицына [2]) отправляется тѣмъ же путемъ на будущей недѣлѣ, а графиня Толстая намѣрена выѣхать отсюды въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Изъ всей многолюдной Русской колоніи останутся здѣсь только графиня К. П. Шувалова съ дочерьми, Е. А. Демидова, князь Тюфякинъ, Ермоловъ [3]) и Балкъ, которые всѣ съ большимъ

---

[1]) Урожд. княжна Барятинская. См. Записки ея сына, князя Н. В. Долгорукаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 года, III, 263. П. Б.

[2]) Это знаменитая la princesse Boris, столь часто упоминаемая въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой («Русскій Архивъ» 1882 и 1883), мать Татьяны Борисовны Потемкиной. П. Б.

[3]) Любимецъ Екатерины II-й. П. Б.

нетерпѣніемъ по многимъ причинамъ желаютъ скораго пріѣзда вашего сюды.

Князь Борисъ Алексѣевичъ ѣдетъ отсюды 30-го сего мѣсяца вслѣдъ за княгинею Долгорукою, которая будетъ его дожидаться въ *Ландсгутѣ* у княгини Любомирской. Отвѣтъ его къ вашему сіятельству на послѣднее письмо ваше къ нему вложенъ въ одинъ изъ пакетовъ моихъ, отправленныхъ на имя ваше въ Радзивиловъ.

Вѣна, 27 Мая (8 Іюня) 1807.

14.

Вѣна, 29 Мая (10 Іюня) 1807.

Третьяго дня, къ совершенному порадованію нашему, прибылъ сюды Дивовъ съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи вашего сіятельства къ посту вашему. Извѣстіе сіе не только нами, но и всѣми Русскими, здѣсь оставшимися, было принято тѣмъ съ бо̀льшимъ восхищеніемъ, что оно было неожиданно; ибо, съ нѣкотораго времени, вся Вѣнская публика была того мнѣнія, что ваше сіятельство рѣшительно остались въ Петербургѣ съ дворомъ до возвращенія Государя Императора изъ арміи; а въ доказательство, сколько на сіе считали, то и теперь, не смотря на пріѣздъ Дивова, многіе изъ друзей предмѣстника вашего ласкаютъ себя мыслію, что ваше сіятельство, тѣмъ или другимъ образомъ, будете удержаны въ арміи долѣе, нежели вы изволите предполагать. Г-нъ Оттъ съ большимъ усердіемъ занимается приготовленіемъ всего къ пріему вашего сіятельства въ домѣ вашемъ, и хотя теперь довольно въ ономъ убрано, я не перестаю быть мнѣнія, что вы въ немъ долго не останетесь, тѣмъ болѣе, что домъ князя Старенберга, несравненно приличнѣе пространствомъ и украшеніемъ своими для вашего сіятельства, представляется теперь къ найму.

Князь Борисъ Алексѣевичъ, узнавъ о скоромъ пріѣздѣ вашего сіятельства, отправилъ вчерась нарочнаго къ княгинѣ Долгорукой въ мѣстечко Ландсгутъ, принадлежащее княгинѣ Любомирской, гдѣ она его дожидалась, съ извѣстіемъ, что по случаю прибытія вашего онъ отсрочилъ отъѣздъ свой отсюды еще на мѣсяцъ.

Съ неописаннымъ нетерпѣніемъ ожидаю я той минуты, въ которую я буду имѣть счастіе предстать предъ вашимъ сіятельствомъ и лично изъяснить вамъ, милостивый благодѣтель, сколь прискорбно для меня быть подъ гнѣвомъ вашимъ. Я надѣюсь, что, бывъ опять съ вашимъ сіятельствомъ, я буду имѣть частые случаи доказывать вамъ мое усердіе и неограниченную преданность мою къ вамъ и что поведеніемъ моимъ вскорѣ изглажу то худое мнѣніе, которое, благодареніе недоброхотамъ моимъ, ваше сіятельство о мнѣ получили.

Какъ скоро фельдъ-егерь вашего сіятельства сюды прибудетъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, Дивовъ и я, мы отправимся не медля къ

вамъ на встрѣчу до Никольсбурга, гдѣ мы остановимся до проѣзда вашего сіятельства.

Г-нъ Оттъ поручилъ мнѣ донести вамъ, что съ завращнею почтою отправитъ онъ на имя ваше въ Краковъ всѣ дупликаты съ писемъ, посланныхъ въ Петербургъ.

15.

Вашъ баронъ Александръ Николаевичъ*) былъ уже всѣмъ Русскимъ дамамъ нашимъ представленъ; третьяго дня былъ онъ съ нами приглашенъ на большой праздникъ, данный въ *Лаугартенѣ* здѣшнею публикою по случаю отъѣзда отсюды княгини Анны Александровны Голицыной; а сегодня обѣдаетъ онъ съ нами у графа Андрея Кириловича, который его весьма ласково принялъ.

Я повторяю вашему сіятельству, что по пріѣздѣ Гольма сюды, отправимся мы немедленно къ вамъ на встрѣчу.

Вѣна, 1 (13) Іюня 1807.

16.

Съ сегодняшнею почтою ваше сіятельство не получите писемъ отъ г-на Отта по причинѣ нервической лихорадки, которою онъ уже дней шесть страдалъ и впалъ въ такую слабость, что по мнѣнію медиковъ не прежде можетъ онъ отъ оной оправиться, какъ дней чрезъ десять. Поручая мнѣ донести о семъ вашему сіятельству, онъ просилъ меня вновь васъ увѣрить, что не только въ городскомъ, но и въ загородномъ домахъ вашего сіятельства все нужное къ пріему вашему изготовлено. Домъ въ Таборѣ, который первый вамъ представится, бывъ у заставы, чрезъ которую вы въ Вѣну въѣхать изволите, безъ сомнѣнія болѣе понравится вашему сіятельству городскаго; ибо въ немъ есть большая зала, каковой вы въ городѣ имѣть не будете.

Здѣсь пронесся вчерась слухъ, что ваше сіятельство прибыли 31 Мая въ главную квартиру, откуды вы не изволите выѣхать сюды, какъ по пріѣздѣ въ Тильзитъ лорда Пемброка, новаго Аглинскаго посланника при здѣшнемъ дворѣ. Извѣстіе сіе было здѣсь подтверждено письмами изъ Митавы отъ герцогини Курляндской отъ 15 (27) Мая, которая, говоря о вашемъ выѣздѣ изъ Митавы, пишетъ также, что по сей причинѣ ваше сіятельство остановитесь въ Тильзитѣ долѣе, нежели предполагали. Я съ моей стороны, не смотря на всѣ сіи слухи, намѣренъ въ концѣ сей недѣли отправиться въ Брюнъ и тамъ дожидаться проѣзду вашего сіятельства, дабы имѣть время предупредить заблаговременно васъ о многомъ до въѣзду вашего сіятельства въ сію столицу.

Вѣна, Іюня 5 (17) дня 1807.

---

*) Сердобинъ старшій изъ воспитанниковъ князя Куракина. П. Б.

17.

Полагая ваше сіятельство выѣхавшимъ изъ Тильзита, не смотря на̀ всѣ слухи, пронесшіеся здѣсь о нескоромъ прибытіи вашемъ къ посту вашему, я отправляю донесеніе сіе чрезъ княгиню Анну Александровну Голицыну, бывъ увѣренъ, что она встрѣтитъ ваше сіятельство въ Краковѣ.

Извѣстіе, здѣсь полученное по эстафетѣ отъ генерала Бенигсена графомъ Андреемъ Кириловичемъ о разбитіи войсками нашими при рѣкѣ Пасаргѣ корпуса фельдмаршала Нея, произвело въ здѣшней публикѣ самое пріятное дѣйствіе; весь городъ ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ курьера съ подробными извѣстіями о дальныхъ движеніяхъ арміи нашей. Съ моей стороны ожидаю я его равномѣрно съ нетерпѣніемъ, бывъ увѣренъ, что чрезъ него узна̀емъ мы положительно о времени пріѣзда вашего сіятельства сюды, что̀ для меня особливо необходимо знать, дабы, соображаясь съ симъ, успѣть заранѣе выѣхать по крайней мѣрѣ въ Никольсбургъ къ вашему сіятельству на встрѣчу.

Мы опять званы сегодня обѣдать къ гр. Андрею Кириловичу, и поелику Оттъ все еще боленъ, то Александръ Николаевичъ, который также къ нему приглашенъ, поѣдетъ со мною.

Вѣна, 7 (19) Іюня 1807.

18.

Я надѣялся имѣть честь писать къ вашему сіятельству чрезъ переводчика Грязовскаго, уѣхавшаго третьяго дня въ главную квартиру курьеромъ; но онъ былъ отправленъ гр. Разумовскимъ съ такою необыкновенною поспѣшностію, что г-нъ Анштетъ не успѣлъ даже меня предупредить объ его отъѣздѣ.

Чрезъ Грязовскаго намѣренъ я былъ донести вашему сіятельству о многомъ дошедшемъ до меня касательно будущаго пребыванія вашего здѣсь; но, не имѣя теперь на то удобнаго случая, я предоставляю себѣ о всемъ лично объяснить вашему сіятельству въ Брюнѣ, куды я непремѣнно къ вамъ на встрѣчу отправлюсь при первомъ полученномъ здѣсь извѣстіи о выѣздѣ вашемъ изъ Тильзита. Князь Борисъ Алексѣевичъ, который все еще здѣсь, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ваше сіятельство и также намѣренъ выѣхать въ Брюнъ къ вамъ на встрѣчу.

Г-нъ Оттъ освободился совершенно отъ лихорадки и началъ опять заниматься съ обыкновеннымъ усердіемъ учрежденіями въ домѣ вашего

сіятельства. Вчерась взялъ онъ даже и ложи для васъ во всѣхъ придворныхъ театрахъ и теперь отыскиваетъ хорошей четверни лошадей для загородныхъ выѣздовъ вашего сіятельства, коихъ онъ еще не успѣлъ купить.

Вѣна, 13 (25) Іюня 1807.

19.

Вчерась былъ я неожиданнымъ образомъ обрадованъ милостивымъ письмомъ вашего сіятельства отъ 3 (15) Іюня изъ Тильзита, полученнымъ мною чрезъ Аглинскаго министра Адера, къ которому отправлено оное было съ курьеромъ изъ Кракова отъ лорда Пемброка, гдѣ сей послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время остановиться, и за которое спѣшу я, какъ за знакъ вашего продолжающагося благодѣтельнаго ко мнѣ расположенія, принести вашему сіятельству самую живѣйшую чувствительную благодарность мою.

Въ отвѣтъ на предписанія ваши относительно Колоредовскаго дома долженъ я донести вашему сіятельству, что графиня Замойская, послѣ долгаго ожиданія рѣшенія вашего, къ большому сожалѣнію, наняла на сихъ дняхъ домъ князя Пàра. Видя же волю вашу промѣнять домъ сей на Старенберговъ, поспѣшилъ я предложить оный г-ну Адеру нанять его для лорда Пемброка. Съ симъ послѣднимъ считаю я, что дѣло сіе лучше всего сойдется, ибо дòма для него здѣсь еще не нанимали; но какъ г-нъ Адеръ не имѣетъ отъ него на сіе никакого уполномочія, то мы переговоры наши о семъ оставимъ до пріѣзда его сюды, чтò должно быть въ непродолжительномъ времени. Впрочемъ, еслибы и съ нимъ не удалось выгоднымъ образомъ сдачу Колоредовскаго дома учинить: то тогда, какъ я уже доносилъ, сломавъ деревянную стѣну, раздѣляющую настоящую спальню отъ гостиной, изъ коихъ выдетъ прекрасная зала, ваше сіятельство можете и въ домѣ семъ на первый случай приличнымъ образомъ учредиться.

Согласно съ волею вашего сіятельства я буду возить Александра Николаевича по всѣмъ гуляніямъ и зрѣлищамъ здѣшнимъ. До сего времени ему, кажется, не было скучно; ибо, выключая театровъ, въ кои онъ съ нами ѣздилъ, былъ онъ приглашенъ на многіе обѣды и праздники.

Разные непріятные слухи, распущенные здѣсь Французскимъ посломъ, заставили насъ опасаться, что ваше сіятельство, послѣдовавъ изъ Тильзита за Государемъ Императоромъ, не такъ скоро въ Вѣну будете, какъ то вы изволите къ намъ писать. Я рѣшился на всякій случай послать къ вамъ донесеніе сіе чрезъ Виленскаго почтъ-директора, считая, что такимъ образомъ дойдетъ оное вѣрнѣе до рукъ вашего сіятельства. Впрочемъ, еслибы къ несчастію всѣ извѣстія объ

успѣхахъ непріятеля здѣсь подтвердились, то покуды мы ничего положительно о вашемъ сіятельствѣ не знаемъ, до тѣхъ поръ буду я все отправлять донесенія мои чрезъ г-на Лавинскаго, который по мнѣнію моему долженъ лучше всякаго другаго знать, куды оныя къ вамъ доставлять.

Вѣна, Іюня 18 (30) дня 1807.

20.

Считая по настоящимъ обстоятельствамъ ваше сіятельство выѣхавшимъ изъ Тильзита съ Государемъ Императоромъ, а посему и пріѣздъ вашъ сюды опять отсроченнымъ на нѣкоторое время, я отправилъ для бо̀льшей вѣрности съ послѣднею почтою донесеніе мое къ вашему сіятельству въ отвѣтъ на милостивое посланіе ваше изъ Тильзита отъ 3 (15) Іюня въ Вильну, чрезъ тамошняго почтъ-директора, полагая, что ему лучше всякаго другаго знать должно, куды оное къ вашему сіятельству отправить. Въ семъ донесеніи имѣлъ я честь представить вамъ, что графиня Замойская, не получая долго разрѣшенія вашего, наняла для себя домъ принца Пара и что посему повелѣніе вашего сіятельства относительно сдачи ей Колоредовскаго дома и найма для васъ вмѣсто онаго дома Старенберга принужденнымъ я былъ оставить безъ всякаго исполненія. Я думалъ прежде, видя столь рѣшительное желаніе ваше промѣнять настоящій домъ вашъ, предложить оный лорду Пемброку, который вчерась ввечеру сюды прибылъ; но онъ остановился въ трактирѣ и, кажется, на первый случай оставляетъ за собою небольшой домъ, занимаемый до сего предмѣстникомъ его г-номъ Адеромъ.

Третьяго дня было здѣсь погребеніе эрцъ-герцога Іосифа, втораго сына императора, скончавшагося на 12-мъ году и потерею котораго его величество ввергнутъ въ новое чувствительнѣйшее огорченіе.

Вѣна, 22 Іюня (4 Іюля) 1807.

*

Пробывъ при князѣ Куракинѣ въ Вѣнѣ болѣе полугода, Боголюбовъ посланъ былъ въ Петербургъ, откуда писалъ нижеслѣдующія письма. П. Б.

21.

Брестъ-Литовскій, 20 Марта 8 ч. утра 1808.

Исполняя волю вашего сіятельства, я поспѣшаю вамъ донести, что сегодня въ 4-мъ часу утра прибылъ я сюды благополучно. Здѣсь остановился я только на нѣсколько часовъ для того единственно, чтобъ распросить у почтъ-мейстера о дорогѣ и потомъ послать отсюды, по порученію графа Андрея Кириловича, штафету съ письмомъ его въ Москву, что̀ все исполня, отправлюсь не медля далѣе чрезъ

Слонимъ, Минскъ и Витебскъ въ Петербургъ. Вчерась ввечеру, т. е. въ четвертые сутки, могъ бы я легко здѣсь быть, еслибы между Краковымъ и Люблинымъ не былъ я удержанъ мѣстами глубокими снѣгами и ухабами; а, въ добавокъ ко всѣмъ симъ неудобствамъ, не былъ тамъ же встрѣченъ большими морозами, сопровождаемыми такими сильными вьюгами, что дорогу занесло совершенно снѣгомъ, и я принужденъ былъ провесть вчерась цѣлую ночь до разсвѣта въ степи и потомъ съ большою трудностію доѣхать до станціи на осьми лошадяхъ, за которыми посылалъ нарочно въ ближнюю деревню. При всѣхъ сихъ трудностяхъ меня, кажется, станетъ окончить успѣшно поѣздку мою. Я здоровъ и на первый случай тольку одну щеку отморозилъ, чтò однакоже никакъ не воспрепятствуетъ мнѣ продолжать путь мой со всевозможною поспѣшностію, лишь бы впереди нашелъ я дорогу сносную, и не такую, какъ я здѣсь слышу отъ почтъ-мейстера, который увѣряетъ меня, что зимній путь найду только отъ Слонима до Витебска, а далѣе до Петербурга надобно будетъ ѣхать частію на колесахъ, а частію на саняхъ.

P. S. Приложенную у сего росписку здѣшняго почтъ-мейстера покорнѣйше прошу ваше сіятельство, въ доказательство моей исправности, пожаловать приказать К. Я. Булгакову доставить собственноручно графу Андрею Кириловичу.

22.

С.-Петербургъ, 31 Марта 1808.

Долгомъ поставляю донести вашему сіятельству, что въ ночь съ 27-го на 28-е сего мѣсяца прибылъ я сюды благополучно. Не говоря о совершенной распутицѣ, которую я наѣхалъ за Брестомъ и о томъ, что съ Слонима, бросивъ бричку, долженъ я былъ ѣхать не на саняхъ, а большею частію на колесахъ, чтò меня весьма много въ дорогѣ удерживало, паче всего былъ причиною моего медленнаго сюды пріѣзда недостатокъ въ лошадяхъ, который я нашелъ за Витебскомъ и именно на станціи *Порховѣ*, гдѣ, не найдя не только лошадей, но ни смотрителя, ниже старосты, бѣжавшихъ со станціи послѣ побоевъ, полученныхъ ими за неисправность въ лошадяхъ отъ фельдъ-егеря Жилинскаго, проѣхавшаго за нѣсколько дней до меня въ Молдавію съ казною, принужденъ я былъ съ генераломъ Мелеромъ-Закомельскимъ и однимъ курьеромъ изъ Яссъ, въ одно время со мною въ Порховъ прибывшими, простоять 36 часовъ, покуда достать могъ съ большимъ трудомъ тройку лошадей изъ обывательскихъ. О сей остановкѣ подалъ я здѣсь графу Николаю Петровичу *) письменно, и онъ по моей жалобѣ

*) Румянцову, министру иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

велѣлъ не медля написать отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе котораго посланъ былъ вчерась чиновникъ изъ почтамту въ Порховъ для разъисканія, отчего такіе безпорядки на помянутой станціи произойти могли.

Прибывъ сюды, какъ я выше сказалъ, въ ночь съ 27-го на 28-е число, по утру въ Субботу, въ 9-мъ часу, явился я во дворецъ, на половину Государя Императора и имѣлъ особливое счастіе быть допущенъ лично для врученія Его Величеству пакета вашего сіятельства. Камердинеръ, вышедшій ко мнѣ, провелъ меня прямо въ кабинетъ, гдѣ я нашелъ Государя, только лишь изъ спальной пришедшаго и одѣтаго просто въ утреннемъ сертукѣ. Его Величество, взявъ у меня пакетъ, распрашивалъ меня о здоровьи вашего сіятельства, потомъ о дорогѣ и, наконецъ, увидя у меня отмороженную щеку, подошелъ ко мнѣ близко, смотря на лицо, изволилъ меня весьма милостиво распрашивать по-французски, отчего получилъ я такое большое пятно на щекѣ? Ободренъ будучи таковымъ снисходительнымъ со мною обращеніемъ, я объяснилъ Его Величеству, что морозы въ Галиціи такъ были сильны, что я ознобилъ лицо. На сіе Государь, разсмѣявшись, сказалъ мнѣ весьма веселымъ видомъ: *Ma foi, vous devez être un vrai diplomate, pour se géler la figure au mois d'Avril* [1]). Послѣ сего изволилъ спросить, имѣю ли я отъ васъ письма къ Императрицѣ-Матери? И коль скоро узналъ отъ меня, что я имѣю отъ васъ приказаніе отъ него идти прямо съ пакетами къ Ея Величеству, приказалъ мнѣ явиться прежде къ графу Румянцову, а потомъ къ Императрицѣ, которую нельзя видѣть прежде одиннадцатаго часу утра. Слѣдуя повелѣнію Его Величества, я поѣхалъ къ министру. Графъ Николай Петровичъ, при принятіи отъ меня пакетовъ, принялъ меня отмѣнно милостиво и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о состояніи дорогъ и многихъ увѣреній о его привязанности къ вашему сіятельству, а изъ за сего и о его готовности быть и мнѣ полезнымъ, приказалъ мнѣ не медля ѣхать на половину Императрицы-Матери для врученія пакетовъ вашего сіятельства. Пришедъ на половину Государыни, обо мнѣ не медля доложили, и Ея Величество, вышедъ ко мнѣ въ комнату, въ коей висятъ портреты вашъ и князя Александра Михайловича [2]), много изволила меня распрашивать не только о здоровьи вашемъ, но и объ образѣ жизни вашего сіятельства и потомъ, пожаловавъ мнѣ поцѣловать ручку, изволила мнѣ приказать не уѣзжать въ Вѣну, не явясь къ Ея Величеству для полученія писемъ

---

[1]) Право, вы должны быть настоящимъ дипломатомъ, чтобы отморозить себѣ лицо въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

[2]) Князя Голицына, оберъ-камергера. П. Б.

къ вашему сіятельству. Сдавъ такимъ образомъ, столь удачнымъ и лестнымъ для меня образомъ, три важнѣйшіе пакета, мнѣ отъ васъ порученные, я поѣхалъ къ братцу вашему князю Алексѣю Борисовичу и удивилъ его совершенно моимъ явленіемъ. Онъ принялъ меня также съ обыкновенною его ко мнѣ милостію и, по прочтеніи письма вашего сіятельства, объявилъ мнѣ, что онъ на оное отвѣчать не будетъ, покуды не увидится съ графомъ Румянцовымъ, а что между тѣмъ поручаетъ вашему сіятельству паки подтвердить, что онъ никакъ не ручается за исправную высылку отъ содержателей Астраханскаго дохода вашего, что къ несчастію смутныя обстоятельства того края никакъ не перемѣняются, не смотря на суровость зимы и что онъ съ своей стороны, не считая уже на часть сего дохода, ему слѣдуемаго, сдѣлалъ заемъ на счетъ онаго для будущаго прожитка его здѣсь, изъ 60 т. состоящій, и что и вашему сіятельству совѣтуетъ взять заблаговременно мѣры ваши. Къ сему велѣлъ онъ также мнѣ прибавить, что поелику выдача паспорта для выѣзда за границу дѣтей вашихъ съ ихъ будущими зависитъ отъ него, то что онъ увѣдомляетъ ваше сіятельство, что онъ расположенъ оставить отправленіе ихъ на нѣкоторое время, а вамъ между тѣмъ представить: что, выключая большаго расходу, который употребленъ будетъ на ихъ переѣздъ, нѣтъ никакого приличія вашему сіятельству за границу теперь ихъ выписывать, что сіе примѣчаніе его основано на многихъ причинахъ, о коихъ онъ къ вамъ самимъ писать будетъ; однимъ словомъ, по его привязанности къ вашему сіятельству, онъ будетъ поставлять себѣ обязанностію, говоритъ онъ, настаивать, чтобъ вы ихъ оставили по прежнему здѣсь. Выслушавъ такое его приказаніе, я спрашивалъ П. С. Молчанова, нѣтъ ли сему дальной какой-либо причины и узналъ отъ него, что мысль вашу имѣть при себѣ въ Вѣнѣ такое множество малолѣтныхъ и особливо грудныхъ дѣтей весьма всѣ порочатъ не только въ публикѣ, но и у двора, и что по его мнѣнію подлинно не худо бы было, буде ваше сіятельство отложили бы исполненіе оной до другого времени. Я на сіе буду ожидать вашего предписанія.

По всѣмъ статьямъ записки, вашимъ сіятельствомъ мнѣ данной, начну я чинить исполненіе съ завтрашняго дня; ибо съ Воскресенья до сегодняшняго дня, по причинѣ простуды, я не могъ съ двора выѣзжать и посему къ большому сожалѣнію моему лишенъ возможности на счетъ порученій вашихъ донесенія мои сегодня сдѣлать; но я начну оныя съ Субботы и каждую почту къ вашему сіятельству писать буду.

P. S. По моему представленію, министръ рѣшился отправить къ вашему сіятельству Крафта и Покосовскаго вмѣстѣ; а меня обѣщалъ выслать отсюды не прежде однакоже мѣсяца.

23.

С.-Петербургъ, 4 Апрѣля 1808.

На другой день отъѣзда Крафта и Покосовскаго, съ коими я отправилъ первое донесеніе мое отсюды къ вашему сіятельству, приступилъ я къ исполненію порученій вашихъ, изъясненныхъ въ запискѣ за вашимъ подписаніемъ, мнѣ данной, слѣдующимъ образомъ.

1) Графъ Николай Петровичъ, въ послѣднемъ разговорѣ со мною, сказывалъ мнѣ, что, чувствуя, сколь необходимо для вашего сіятельства имѣть при себѣ фельдъ-егерей для разсылокъ, онъ будетъ непремѣнно стараться отправить на сіе употребленіе къ вамъ, по вашему желанію, двоихъ и что если по сіе время не предуспѣлъ онъ сего сдѣлать, то отъ того единственно, что по обстоятельствамъ находились они всѣ почти въ Финляндіи и Молдавіи. Впрочемъ, прибавилъ онъ къ сему, по удивительной дѣятельности вашего сіятельства, онъ считаетъ, что не только двухъ фельдъ-егерей къ вамъ отправить слѣдуетъ, но пятерыхъ или болѣе; ибо онъ увѣренъ, что, по возобновленіи военныхъ дѣйствій съ Портою, ваше сіятельство будете къ нему отправлять по два курьера въ недѣлю. О выдачѣ же пашпорта для проѣзда за границу гг. Сердобиныхъ и Вревскихъ, по причинамъ, о коихъ я имѣлъ честь доносить вамъ отъ имени князя Алексѣя Борисовича, удержался я еще ему упоминать; да къ тому сіе зависитъ не отъ него, но единственно отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, куды для такихъ случаевъ препровождаются бланкетные пашпорты. Впрочемъ, графъ Николай Петровичъ распрашивалъ меня много о Вѣнѣ, объ образѣ жизни вашего сіятельства и прибавилъ, наконецъ, что, можетъ быть, вы будете имъ недовольны за неисполненіе всѣхъ представленій вашихъ о подаркахъ и награжденіяхъ, но что въ семъ случаѣ онъ никакъ не виноватъ и что онъ съ своей стороны сдѣлалъ все то, что̀ могъ. Въ заключеніе всего разговора объявилъ онъ мнѣ, что отправленіе мое можетъ быть готово не прежде трехъ недѣль и чтобъ я продолжалъ къ нему чрезъ день являться, а между тѣмъ на другой день пріѣхалъ къ нему обѣдать съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ именно во фракѣ и безъ чиновъ. Обѣдъ былъ небольшой, внизу и въ той же комнатѣ, гдѣ ваше сіятельство обыкновенно обѣдывали, т. е. въ бывшей офиціантской. Во время разговора графъ нѣсколько разъ ко мнѣ обращался и всегда съ милостивыми и ласковыми привѣтствіями; между прочимъ много шутилъ на счетъ моей отмороженной щеки и при семъ случаѣ сказывалъ М. М. Философову, князю Дмитрію Ивановичу *) и многимъ другимъ, на

*) Лобанову-Ростовскому. П. Б.

обѣдѣ бывшимъ, о примѣчаніи мнѣ сдѣланномъ Государемъ Императоромъ, о которомъ Его Величество графу Николаю Петровичу при первомъ свиданіи разсказалъ.

2) Графу А. А. Аракчееву отвезъ я на другой день моего пріѣзда депеши вашего сіятельства; вручая оныя, я прибавилъ словесно поздравленія отъ имени вашего съ новымъ назначеніемъ его. Онъ принялъ оныя съ чувствительностію и поручилъ мнѣ отписать къ вамъ, что онъ всегда считаетъ васъ старымъ его милостивцемъ и надѣется и впредъ заслужить къ себѣ благосклонность вашу. Письма́ вашего о молодомъ Гедеоновѣ онъ еще не получалъ, но велѣлъ васъ увѣрить, что онъ исполнитъ не медля желаніе ваше по одной запискѣ, мною ему поданной.

3) Найдя разсчетъ съ Бергинымъ совершенно оконченнымъ и всѣ вѣрющія письма отъ него вырученными и уничтоженными княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ, не тороплюсь я съ нимъ видѣться; но онъ между тѣмъ зоветъ меня чрезъ всѣхъ къ себѣ, а сегодня чрезъ Клейста, какъ то ваше сіятельство изъ приложенной у сего записки усмотрѣть изволите. Приглашаетъ меня даже къ обѣду, не смотря на все между нами происшедшее; при всемъ томъ я его приглашеніемъ не воспользуюсь, считая, что въ моихъ собственныхъ неважныхъ дѣлахъ могу я съ нимъ увидѣться и на будущей недѣлѣ.

4) Съ Петромъ Степановичемъ [1]) вижусь я ежедневно. Онъ столь ко мнѣ благосклоненъ, что хотѣлъ, чтобъ я у него жилъ и если я ему въ семъ отказалъ, то для того единственно, чтобъ не сдѣлать неудовольствія племяннику вашему, у котораго я, не смотря на его желаніе, по настоянію брата моего, остановиться не могъ. За нѣсколько дней до моего сюды пріѣзда были у него крестины новорожденной его дочери, у которой ваше сіятельство были опять съ тещею его воспріемниками. Петръ Степановичъ, говоря мнѣ о семъ, прибавилъ, что въ доказательство, сколько онъ занятъ, служитъ то, что онъ о такомъ пріятномъ для него происшествіи не имѣлъ времени къ вашему сіятельству писать. Приведеніемъ же къ окончанію акта объ освобожденіи Надеждинскихъ крестьянъ [2]) будетъ онъ непремѣнно заниматься во время моего здѣсь пребыванія и со мною о всемъ обстоятельно по предмету сему и по нѣкоторой статьѣ собственноручнаго письма вашего будетъ къ вашему сіятельству доносить. Что̀ мнѣ пріятно было видѣть, это

---

[1]) Молчановымъ, котораго тоже вывелъ въ люди князь Куракинъ. П. Б.

[2]) Передъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края, князь А. Б. Куракинъ составилъ напечатанное потомъ особою книгою (нынѣ очень рѣдкою) „Постановленіе села Надеждина“ и опредѣлилъ точно отношенія свои къ крестьянамъ. П. Б.

какъ онъ самъ, такъ и жена съ отцомъ и матерью своими, при всѣхъ случаяхъ, дѣлаютъ мнѣ самыя большія изъявленія о ихъ благодарности къ особѣ вашей, яко къ первоначальному основателю ихъ настоящаго счастія. Портретъ вашъ въ пребогатой рамѣ поставленъ у нихъ въ большой гостинной, весьма богатой убранной вмѣстѣ съ портретомъ Государя, и Петръ Степановичъ, показывая мнѣ оный, просилъ меня при семъ случаѣ написать къ вашему сіятельству, что самъ Императоръ столько уже увѣренъ о его личной къ вамъ приверженности, что весьма часто съ нимъ о васъ говоритъ и особливо, когда получаетъ отъ васъ курьеровъ.

5) Князя Александра Николаевича Голицына не заставъ дома, видѣлся съ нимъ вчерась у Д. А. Гурьева; онъ вамъ весьма благодаренъ за всѣ милости, вами оказанныя брату его. Со мною будетъ онъ къ вамъ писать; а между тѣмъ поручилъ онъ мнѣ увѣдомить ваше сіятельство, что, согласно съ желаніемъ вашимъ, вашъ посольской священникъ награжденъ золотымъ крестомъ, который будетъ къ вамъ доставленъ.

6) Бутягина, котораго я сейчасъ видѣлъ, нашелъ я весьма огорченнымъ письмомъ вашего сіятельства. Я старался его вразумить, что одно нескромное желаніе его могло васъ противъ него разсердить, но что вы впрочемъ его усердіемъ довольны и пр.; но всѣ мои представленія были, кажется, тщетны. Онъ отправилъ къ вашему сіятельству отвѣтъ свой, на который ждетъ съ большимъ безпокойствіемъ разрѣшенія вашего.

Вотъ все, что̀ я по сіе время по порученіямъ вашего сіятельства успѣлъ исполнить. О прочихъ буду доносить съ будущею почтою.

4-го Апрѣля. P. S. По пріѣздѣ моемъ сюды нашелъ я въ домѣ князя Алексѣя Борисовича совсѣмъ противное тому, что̀ мы слышали въ Вѣнѣ о свадьбѣ племянника вашего. Слухи о его сближеніи съ домомъ кн. Долгорукова совершенно пустые. Я нашелъ его страстно влюбленнымъ въ княжну Елисавету Борисовну Голицыну, и какъ князя Алексѣя Борисовича, такъ и княгиню совершенно къ сему союзу расположенными, какъ то ваше сіятельство могли усмотрѣть изъ перваго письма по сему предмету племянника вашего, такъ особливо изъ всего того, что̀ самъ братецъ вашъ къ вамъ на счетъ сего чрезъ меня писалъ. По моему мнѣнію, предпочитаю княжну Долгорукую; но за нее теперь заступаться не буду и желать ея союза съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ себѣ не позволяю, видя, что всѣ настоящій выборъ его похваляютъ и что сей свадьбы не только всѣ родные съ обѣихъ сторонъ, но самъ дворъ желаетъ. Князь Алексѣй Борисовичъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашего разрѣшенія и до того о помолвкѣ

племянника вашего публиковать не будетъ, надѣясь, что ваше сіятельство такому союзу, въ коемъ онъ все счастіе для себя и для князя Бориса Алексѣевича полагаетъ, перечить не будете.

У графини Литты *) былъ я, наконецъ, вчерась. Она говѣла, и сіе было причиною того, что она меня до сего не принимала. Послѣ многихъ вопросовъ о вашемъ сіятельствѣ, она взошла съ большимъ жаромъ во всѣ обстоятельства дѣлъ княгини Катерины Павловны. Я употребилъ все мое краснорѣчіе, чтобъ ее тронуть и предуспѣлъ, ибо она довольно плакала, удостовѣряся наконецъ о худомъ состояніи здоровья дочери ея. Въ Понедѣльникъ просила она меня пріѣхать со всѣми разсчетами и записками о долгахъ. Кажется, она хочетъ серіозно заняться дѣлами княгини; но къ сожалѣнію не нашелъ я здѣсь князя Салагова, уѣхавшаго въ Вильманстрандъ, откуды онъ дни черезъ четыре будетъ. Онъ для сего необходимъ, и графиня Катерина Васильевна не хочетъ до его возвращенія ни къ чему приступать. Съ моей стороны я время терять не буду и хоть надоѣмъ матери княгининой, но для нея постараюсь все то сдѣлать что̀ можно будетъ. Въ семъ покорнѣйше прошу ваше сіятельство за меня у княгини поручиться.

Донося вашему сіятельству объ исполненныхъ мною порученіяхъ, забылъ я вамъ донести, что я былъ самъ у княгини Вяземской и Катерины Ивановны Нелидовой, что письма ваши отдалъ исправно и что при семъ случаѣ не оставилъ имъ обѣимъ сдѣлать самое подробное описаніе о вашемъ настоящемъ образѣ жизни.

Д. А. Гурьевъ и его Прасковья Николаевна, у коихъ я часто бываю, просили меня засвидѣтельствовать вамъ ихъ почтеніе. Еслибъ ваше сіятельство отправили меня недѣлею ранѣе, то крестъ, посланный Анштету, былъ бы побогаче; ибо Дмитрій Александровичъ, говоря мнѣ о немъ, сказалъ, что еслибы онъ зналъ, что крестъ сей требуется для вашей миссіи, то выбралъ бы онъ для васъ не дюжинный, а получше того, который къ вамъ посланъ. Впредъ проситъ онъ ваше сіятельство ему въ таковыхъ случаяхъ давать знать.

Поццо-ди-Борго только вчерась ввечеру сюды прибылъ и нигдѣ еще не былъ.

24.

С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1808.

Бывъ приглашенъ третьяго дня къ графинѣ Литтѣ, она взошла опять со мною въ большой разговоръ о дѣлахъ княгини Катерины

---

*) Графиня Екатерина Васильевна, ур. Энгельгартъ, племянница князя Потемкина, въ первомъ бракѣ графиня Скавронская. Ея дочь отъ этого брака, Екатерина Павловна была за княземъ П. И. Багратіономъ, но, не въ ладахъ съ нимъ, проживала въ чужихъ краяхъ. П. Б.

Павловны. По запискѣ, мною полученной отъ г-на Отта, разсматривала она, въ присутствіи мужа ея, долги княгини и всѣ выдачи, сдѣланныя Арнштейномъ, за поручительствомъ вашего сіятельства, на ея содержаніе. Самого графа Литту нашелъ я весьма расположеннымъ зависящую отъ матери ея помощь ей оказать, и сего, кажется, довольно для успѣха порученія, вашимъ сіятельствомъ о дѣлахъ княгини на меня возложеннаго; но къ сожалѣнію нѣтъ еще здѣсь князя Салагова, безъ котораго, по неизвѣстности графини Катерины Васильевны объ учиненныхъ имъ распоряженіяхъ о всѣхъ долгахъ, нельзя ничего на мѣрѣ положить. Какъ же скоро онъ сюды возвратится, то я не медля взойду съ нимъ въ переговоры и всѣми силами стараться буду все по желанію княгини до возвращенія моего кончить. Въ семъ прошу я опять убѣдительно ваше сіятельство быть предъ нею за меня порукою.

Съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ видѣлся я уже нѣсколько разъ; онъ распрашиваетъ меня всегда много о вашемъ сіятельствѣ и, поручая мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе, проситъ, изъ уваженія къ его хлопотливому посту, его извинить, что не такъ часто и много можетъ писать къ вашему сіятельству, какъ бы онъ желалъ. Я его нашелъ подлинно весьма озабоченнымъ, что̀, по его слабому здоровью, содѣлываетъ его положеніе ежедневно тягостнѣе. Говоря объ немъ, не могу я при семъ случаѣ не донести вашему сіятельству, что по общей молвѣ, подтверженной мнѣ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ, будетъ онъ лишенъ настоящаго его поста. Его назначаютъ въ Москву на мѣсто Т. И. Тутолмина *), который по смерти его Варвары Алексѣевны ищетъ своего увольненія; мѣсто же военнаго губернатора здѣсь будетъ вовсе уничтожено. Говорятъ, что по новому распоряженію главное начальство надъ полиціею будетъ отдано военному министру и что ежедневные рапорты Государю будутъ читаться генералъ-адъютантами, которые, бывъ возстановлены въ той силѣ, въ каковой они были при покойной императрицѣ Екатеринѣ, будутъ ежедневно дежурить по городу.

П. С. Молчановъ получилъ въ первый день праздника опять самый большой знакъ монаршаго къ нему благоволенія: въ Субботу на Страстной недѣлѣ, по его представленію, были даны правителю его канцеляріи аренда на 12 лѣтъ и четыремъ изъ чиновниковъ, при немъ находящихся, Владимирскіе кресты; въ Свѣтлое Воскресенье поутру послѣ заутрени получилъ онъ самымъ неожиданнымъ образомъ, при собственноручномъ письмѣ графа Николая Петровича, орденъ Влади-

*) Назначеніе не состоявшееся: Тутолмина смѣнилъ въ Москвѣ графъ И. В. Гудовичъ. П. Б.

мира 2-й степени, который онъ по высочайшему повелѣнію препроводилъ къ нему обще съ рескриптомъ самаго лестнаго содержанія. Милостію сею былъ онъ весьма тронутъ, и хотя почти безъ примѣра, чтобъ получалъ кто-либо два столь важные ордена въ три мѣсяца, онъ такъ однакоже счастливъ въ публикѣ, что никто ему не завидуетъ, и всѣ желаютъ, чтобъ онъ въ настоящемъ мѣстѣ своемъ былъ сохраненъ; ибо онъ успѣлъ уже многимъ добра сдѣлать и своею дѣятельностію сдѣлать себя Государю необходимымъ. Въ тотъ же день пожалованы были ко двору четыре камеръ-юнкера: меньшой князь Долгоруковъ (сынъ князя Василья Васильевича), сынъ Н. И. Баранова, Мальтійскій кавалеръ Сосновскій, женившійся на вдовѣ Ивана Алексѣевича Голубцова, и старшій сынъ А. Г. Теплова. Петръ Степановичъ, который писалъ объ нихъ указъ, поручилъ мнѣ сказать вашему сіятельству, что если вамъ угодно только видѣть нашего Дивова камеръ-юнкеромъ, то вашему сіятельству стоитъ только къ нему объ немъ написать и его на сіе уполномочить; за успѣхъ онъ вамъ берется, тѣмъ болѣе, что Теплова онъ уже выпросилъ въ сей чинъ, и такъ какъ Государь изволитъ съ нимъ о васъ говорить, то что сіе придастъ ему еще болѣе легкости милость сію для сего молодаго человѣка, который, право, сего заслуживаетъ, испросить.

Вчерась былъ пребольшой балъ у Александра Львовича *). Онъ его давалъ въ домѣ покойной Марины Осиповны, что̀ на Мойкѣ. Великій князь, бывшій на ономъ, узнавъ, что есть отъ вашего сіятельства присланный, велѣлъ меня Опочинину къ себѣ подозвать. Его высочество изволилъ много меня распрашивать о Вѣнѣ и, наконецъ, о вашемъ сіятельствѣ говоря, велѣлъ мнѣ вамъ донести, что онъ васъ очень помнитъ и что, зная, сколь много въ Вѣнѣ прекраснаго полу, онъ не удивляется, что вамъ весело. Послѣ него многіе и не коротко ваше сіятельство знавшіе дѣлали мнѣ тысячу вопросовъ о вашемъ образѣ жизни, и я не оставилъ при семъ случаѣ сдѣлать имъ самое величавое описаніе о пріемахъ вашихъ, о балахъ, объ обѣдахъ и, наконецъ, о загородномъ домѣ и бесѣдкѣ въ Пратерѣ.

Графа Николая Петровича вижу почти ежедневно; онъ принимаетъ меня всегда весьма милостиво, но объ отправленіи моемъ не сказалъ мнѣ еще ничего положительнаго. Къ большому сожалѣнію моему, кажется, продержатъ меня здѣсь еще по крайней мѣрѣ недѣли три.

Сегодня обѣдаю я у князя Чарторискаго; онъ ко мнѣ, конечно по письму сестры его, особенно ласковъ и такъ со мною и со всѣми говорливъ и любезенъ, какъ ваше сіятельство его никогда не знали.

---

*) Нарышкина. П. Б.

25.

Петербургъ, 11 Апрѣля 1808.

Я считалъ съ сегодняшнею почтою препроводить къ вашему сіятельству письмо отъ К. И. Нелидовой и по желанію ея ѣздилъ нарочно вчерась для сего въ Смольный монастырь; но здоровье ея не позволило ей всѣ сіи дни ничѣмъ заниматься. Я се нашелъ страждущею лихорадкою, и она, принявъ меня въ своей спальной, поручила мнѣ донести вашему сіятельству, что она имѣетъ большую нужду къ вамъ писать и сіе исполнитъ непремѣнно при первой возможности; между тѣмъ же поручаетъ въ вашу защиту И. А. Баратынскаго [1]), бывъ увѣрена, что, смотря по возможности вашей, ваше сіятельство не отречетесь облегчить судьбу его.

Князь Алексѣй Борисовичъ и всѣ его домашніе ожидаютъ съ особливымъ нетерпѣніемъ отзыва вашего сіятельства на письмо его, коимъ онъ испрашиваетъ согласія вашего на женитьбу князя Бориса Алексѣевича съ княжною Голицыною. Слово бывъ дано съ обѣихъ сторонъ, теперь остается имѣть одно ваше утвержденіе, чтобъ сдѣлать о его бракѣ извѣщеніе по городу. Между тѣмъ у двора и въ городѣ о семъ уже извѣстно, и выборомъ племянника вашего всѣ довольны; ибо подлинно невѣста его умѣла здѣсь понравиться и какъ красотою своею, такъ и всѣми качествами нашла способъ всѣхъ прельстить. Сама княгиня К. Ѳ. Долгорукая, у которой я часто бываю, отдаетъ ей справедливость и кажется по всему, что, не смотря на все прошедшее, весьма неравнодушно смотритъ на то, что племянникъ вашъ женится не па ея дочери.

Наконецъ, воспослѣдовало назначеніе нѣсколькихъ новыхъ министровъ вашихъ къ иностраннымъ дворамъ. Князь Репнинъ назначенъ въ Кассель, Рябининъ въ Баденъ, а А. А. Бибиковъ въ Неаполь. Говорятъ, что въ Мюнхенъ будетъ опредѣленъ графъ Петръ Гавриловичъ Головкинъ, и что постъ сей баронъ Бюлеръ льстится напрасно опять получить. Жервѐ увѣрялъ меня, что сего не могли ему никогда обѣщать; ибо самъ Баварскій король далъ знать нашему двору, что онъ его опять при себѣ имѣть не хочетъ, и о семъ здѣсь никакъ не таятъ. Назначеніе секретарей посольства не было еще высочайше утверждено. Признаюсь вашему сіятельству, что, бывъ съ нѣкотораго времени при васъ безъ употребленія, а посему совершенно лишній по службѣ (для которой ваше сіятельство имѣете при миссіи своей

---

[1]) Илью Андреевича, контръ-адмирала. Это дядя поэта. П. Б.

чиновниковъ и способнѣе и заслуживающихъ, можетъ быть, болѣе довѣренности вашей, нежели я, не смотря на кратковременное служеніе ихъ при вашемъ сіятельствѣ), имѣлъ было я намѣреніе просить себѣ мѣста секретаря посольства въ Неаполѣ, которое, бывъ еще никѣмъ не занято, могло бы быть мнѣ, сколько по маловажности своей соотвѣтственно моей малой способности, столько же и по особливой благосклонности ко мнѣ А. А. Бибикова, предпочтительно всякому другому дано, доказательствомъ сего служитъ то, что хотятъ теперь представить на мѣсто сіе коллежскаго ассесора Кюрнера, котораго ни министръ, ни графъ Николай Петровичъ вовсе не знаютъ. Но, не имѣвъ на то предварительнаго позволенія вашего сіятельства, я оставилъ намѣреніе сіе безъ исполненія, предполагая по неограниченной благодарности моей къ особѣ вашей лучше пропустить толь удобный для меня случай, а съ онымъ всѣ выгоды съ симъ мѣстомъ сопряженныя, нежели позволить себѣ располагать собою. Простите мнѣ великодушно, мой единственный благодѣтель, сіе откровенное изъясненіе; но, привыкнувъ въ теченіи 12-ти лѣтняго служенія моего при васъ, не скрывать предъ вами чувствъ моихъ, по долгу моей душевной преданности къ вамъ, я онымъ обязанъ былъ противъ вашего сіятельства.

При семъ имѣю честь поднести вашему сіятельству письмо аббата Мангена *), которое я, чтобъ не отягощать почту, осмѣливаюсь отправить безъ особливаго конверта. Онъ будетъ готовиться къ своему отъѣзду и, кажется, предложеніемъ вашего сіятельства совершенно доволенъ.

26.

С.-Петербургъ, 23 Апрѣля 1808.

Вчерась графъ Николай Петровичъ, призвавъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ, что по требованію вашего сіятельства назначены для посылки въ Вѣну два фельдъ-егеря для употребленія ихъ на курьерскіе переѣзды и что, имѣя надобность сдѣлать къ вашему сіятельству отправленіе, отъ меня зависитъ съ онымъ обратно теперь ѣхать или, уступивъ сей случай фельдъ-егерямъ, остаться здѣсь до другаго отправленія. Видя изъ его вопроса, что онъ желалъ лишь знать, что̀ изъ двухъ можетъ быть для вашего сіятельства пріятнѣе, отвѣчалъ я ему, что по множеству посылокъ фельдъ-егери для васъ гораздо нужнѣе меня, и графъ по представленію моему рѣшился ихъ употребить на сіе отправленіе прежде меня, увѣривъ меня при семъ случаѣ, что и я вслѣдъ за ними недѣли черезъ три непремѣнно къ вашему сіятельству обратно въ Вѣну посланъ буду. Съ моей стороны, съ какимъ

*) Это гувернеръ С. С. Уварова и другъ его матери. П. Б.

бы нетерпѣніемъ ни желалъ я скорѣе возвратиться къ посту моему, я распоряженіемъ симъ весьма доволенъ: ибо, оставаясь здѣсь въ такую эпоху, въ которую ожидать должно множества важныхъ происшествій, я получаю всю возможность собрать многія свѣдѣнія, которыя и въ самой отдаленности вашей отъ двора не могутъ быть для вашего сіятельства равнодушны и о коихъ я писать къ вамъ себѣ не позволю, предоставляя себѣ по возвращеніи моемъ въ Вѣну донести объ оныхъ вашему сіятельству лично. Между тѣмъ, не смотря на обѣщаніе графа Николая Петровича отправить меня чрезъ три недѣли, я все прошу ваше сіятельство продолжать посылать ко мнѣ ваши повелѣнія, дабы въ случаѣ моего здѣсь промедленія, что̀ весьма легко быть можетъ, могъ бы я по онымъ до пріѣзда моего учинить надлежащее исполненіе.

На Святой недѣлѣ имѣлъ я случай говорить съ графинею Литта весьма обстоятельно о дѣлахъ дочери ея и при семъ случаѣ нашелъ не токмо ее, но и графа Литту совершенно расположенными всякую помощь съ ихъ стороны ей оказать. Виновнымъ всего безпорядка дѣлъ ея считаетъ графъ Литта одного князя Петра Ивановича, который, по его словамъ, заложивъ въ банкъ почти всѣ имѣнія, употребилъ деньги за залогъ вырученныя на свои надобности, а не на заплату до̀лговъ, отчего воспослѣдовала извѣстная вашему сіятельству публикація въ газетахъ. Для предупрежденіяже впредъ недостатка въ деньгахъ, графиня Катерина Васильевна рѣшилась не отдавать болѣе годоваго пенсіона ею платимаго дочери ея въ руки князя Петра Ивановича. Впрочемъ, князю Багратіону теперь сего новаго пожертвованія можно теперь сдѣлать; ибо, получа позволеніе ѣхать къ Кавказскимъ водамъ, онъ получилъ при семъ случаѣ 15 т. рублей на дорогу и аренду въ 18 т. рублей. Я знаю отъ князя Салагова, что онъ намѣренъ, прежде своего отъѣзда къ водамъ, остановиться на нѣкоторое время здѣсь, и я конечно воспользуюсь симъ случаемъ, чтобъ съ нимъ лично обо всемъ переговорить и съ нимъ вмѣстѣ до отъѣзду въ Вѣнѣ все на мѣрѣ положить. Сюды же ждутъ его изъ Финляндской арміи чрезъ недѣлю; слѣдовательно я успѣю съ нимъ самъ дѣло сіе кончить.

Изыскивая всѣ случаи, гдѣ я могу вашему сіятельству сдѣлать угодное, я вспомнилъ, что вамъ неравнодушно будетъ имѣть патентъ на послѣдній чинъ вашъ и что ваше сіятельство вѣрно бы поручили мнѣ въ бытность мою здѣсь таковой велѣть сдѣлать, еслибъ при отправленіи моемъ объ ономъ вспомнили. Я заказалъ съ помощію П. С. Молчанова въ Герольдіи заготовить пребогатый патентъ со всевозможными украшеніями и, давъ оный контрасигнировать графу Николаю Петровичи, отвезъ потомъ къ князю П. В. Лопухину, прося его о подне-

сеніи онаго къ высочайшему подписанію, что̀ онъ взялся съ большимъ удовольствіемъ исполнить ко времени моего отъѣзда, чтобъ доставить мнѣ возможность привезть самому къ вашему сіятельству. Слѣдуемые же въ Герольдію 200 рублей на издержки за пергаментъ, приложеніе печати и пр. сказалъ я Бутягину заплатить, и я надѣюсь, что ваше сіятельство меня никакъ за таковой самопроизвольный расходъ бранить не будете.

Князь Петръ Васильевичъ [1]), приславъ вчерась за мною, вручилъ мнѣ при семъ приложенное письмо для доставленія къ вашему сіятельству. Отдавая мнѣ оное, онъ поручилъ мнѣ и отъ себя отписать къ вамъ, чтобъ вы не огорчались неудачею его доклада о гг. Вревскихъ; что Государь, позволивъ имъ принять баронское достоинство, не лишаетъ ихъ права получить Россійское дворянство при вступленіи ихъ въ службу, что̀ подлинно правда; но всего бы лучше было, еслибы по просьбѣ вашей они теперь оное получили. Къ худому успѣху сего желанія вашего много способствовало намѣреніе вашего сіятельства перевезть всѣхъ малолѣтныхъ дѣтей вашихъ въ Вѣну; ибо намѣреніе сіе было, не знаю почему, такъ нехорошо у двора и въ публикѣ принято, что князь Алексѣй Борисовичъ принужденъ былъ остановить всѣ пріуготовленія къ ихъ отправленію.

Говоря о неудачѣ сего желанія вашего сіятельства, я долженъ донести вамъ, что къ большому сожалѣнію настоятельное представленіе ваше о Булгаковѣ, кажется, лучшей участи имѣть не будетъ. Графъ Николай Петровичъ, до котораго я весьма свободный доступъ имѣю теперь чрезъ Петра Степановича (съ коимъ, какъ вашему сіятельству извѣстно, графъ въ самой большой короткости), говоря со мною о семъ представленіи, объявилъ мнѣ, что онъ, представляя Государю депешу вашу, не оставитъ замѣтить, что ордена́ за экспедицію не должны даваться и что крестъ Фрейганга, Минчіакія и пр. не на его совѣсти, ибо онъ увѣряетъ, что они получили стороною и вопреки его представленій. Обѣщаніе свое онъ уже исполнилъ, по депешѣ о Булгаковѣ докладъ былъ имъ учиненъ; но Государь, не смотря на его замѣчаніе, хотя не согласился еще на представленіе ваше, но, въ доказательсто его уваженія къ вамъ, не отказалъ, предоставя себѣ по сему предмету говорить съ самимъ Поццо ди-Борго, котораго Его Величество, не смотря на настоящія обстоятельства [2]), принялъ весьма милостиво и долго съ нимъ говорить изволилъ по дѣламъ; а сіе подаетъ надежду, что все то, что̀ онъ въ пользу Константина Яковлевича

---

[1]) Лопухинъ. П. Б.

[2]) Т. е. не смотря на тогдашнюю дружбу съ заклятымъ его врагомъ Наполеономъ. П. Б.

скажетъ, безъ вниманія оставлено не будетъ. Вообще я не могу не донести вашему сіятельству, по моей къ вамъ преданности, что съ нѣкотораго времени замѣчаю я большое недоброхотство къ вамъ со стороны графа Николая Петровича. Я сіе заключаю изъ всѣхъ его разговоровъ со мною на счетъ вашего сіятельства, и если не ошибаюсь, то надобно думать, что онъ на васъ сѣтуетъ за послѣднее письмо ваше къ Государю, гдѣ вы столь сильно жалуетесь на его молчаніе и особливо за несообщеніе вамъ чрезъ курьера деклараціи о присоединеніи Шведской Финляндіи. Письмо сіе попалось въ его руки, и онъ сего, кажется, теперь простить не можетъ, особливо теперь, въ минуту его славы. Швебургъ взятъ, и онъ будетъ пожалованъ въ первый классъ обще съ графомъ Строгоновымъ и графомъ Завадовскимъ. Графъ Буксгевденъ и Кутузовъ произведены будутъ также по сему случаю въ фельдъ-маршалы; а графъ Аракчеевъ получитъ наименованіе князя Финскаго *). Такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ въ публикѣ, а положительнаго нѣтъ еще ничего. Между тѣмъ новаго только то, что графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій получилъ Александровскій орденъ.

27.

С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1808.

Въ дополненіе того чтò я имѣлъ честь донести вашему сіятельству чрезъ фельдъ-егерей Брунерта и Ранцевича, отправленныхъ въ Вѣну 24-го сего мѣсяца, долженъ я сегодня извѣстить ваше сіятельство, что третьяго дня 21 Апрѣля было у двора большое празднество и молебствіе по случаю сдачи крѣпости Швеабурга. Производство генераловъ и графа Николая Петровича отложено, какъ говорятъ, до полученія обстоятельной реляціи о капитуляціи сей крѣпости, съ которою ждутъ сюды ежеминутно генералъ-лейтенанта Коновницына. Третьяго дня, который былъ также и день рожденія великаго князя Константина Павловича, инаго производства у двора не было, кромѣ того, что Сергѣй Ильичъ Мухановъ былъ пожалованъ въ оберъ-шталмейстеры, а сынъ ѐго въ камеръ-юнкеры.

Баронъ Бюлеръ долженъ потерять, кажется, совсѣмъ надежду получить свое прежнее мѣсто. Указъ о замѣщеніи его въ Мюнхенѣ выйдетъ на сихъ дняхъ; но туды министромъ будетъ назначенъ не графъ Петръ Гавриловичъ Головкинъ, какъ то прежде думали, но камергеръ Леонтьевъ, чтò до сего былъ въ Дрезденѣ.

Князь Петръ Васильевичъ, у котораго я весьма часто бываю, сбирается весьма пространно писать къ вашему сіятельству чрезъ

---

*) Все это были неоправдавшіеся слухи. П. Б.

меня. Объ отъѣздѣ же моемъ нѣтъ еще ничего рѣшительнаго. Графъ Николай Петровичъ сказалъ и вчерась опять, что я конечно буду первый, который къ вашему сіятельству отправленъ буду; но когда именно, того онъ самъ рѣшительно мнѣ сказать не могъ. Между тѣмъ патентъ на повышеніе ваше въ 1-й классъ Государемъ подписанъ и уже въ моихъ рукахъ.

Я провожу все мое время здѣсь въ домѣ князя Алексѣя Борисовича; его сіятельство ко мнѣ чрезмѣрно милостивъ и, не смотря на большія упражненія свои, находитъ время со мною обо всемъ говорить и для того позволяетъ мнѣ входитъ въ кабинетъ его во всякое время. Графъ Николай Петровичъ, узнавъ о таковомъ довѣренномъ обращеніи братца вашего со мною, дѣлалъ меня нѣсколько разъ уже посредникомъ между собою и имъ и чрезъ то самое обходится самъ со мною съ самымъ большимъ снисхожденіемъ, которое П. С. Молчановъ по древнему во мнѣ участію подкрѣпляетъ всѣмъ своимъ кредитомъ у него.

Бутягинъ сообщилъ мнѣ только вчерась то, что̀ ваше сіятельство въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ нему приказали мнѣ сказать, и я крайне жалѣю слышать, что вы страдаете опять подагрою; но, какъ, по словамъ Александра Яковлевича Булгакова, вы имѣли самый слабый припадокъ, то я ласкаю себя, что теперь ваше сіятельство отъ толь несноснаго мученія въ настоящее весенее время вскорѣ освободитесь.

28.

С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1808.

Отправя къ вашему сіятельству съ сегодняшнею почтою мое еженедѣльное донесеніе, мнѣ остается только препоручить въ милость и благосклонность вашу вручителя сего г-на коллежскаго ассесора Козена, слѣдующаго къ посту своему въ Карлсруэ. Сей молодой человѣкъ былъ мнѣ давно знако̀мъ; ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ особую милость, принявъ его съ сроднымъ вамъ одному снисхожденіемъ, за которое приношу заранѣе вашему сіятельству самую живѣйшую благодарность мою.

P. S. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ прибылъ сегодня изъ Финляндской арміи съ обстоятельною реляціею о сдачѣ крѣпости Швеабурга; завтра будетъ оная напечатана, а между тѣмъ извѣстно уже, что мы въ сей крѣпости взяли 6000 войска, 1800 пушекъ, 7 фрегатовъ и 150 гребныхъ судовъ съ 900 человѣками матросовъ. Какъ фрегаты, такъ и всѣ прочія суда найдены въ самомъ лучшемъ состояніи для обороны. Сверхъ сего взятъ островъ Готлантъ, который своимъ положеніемъ между Ботническимъ и Финляндскимъ проливомъ для защиты торговли весьма намъ нуженъ.

29.

С.-Петербургъ, 30 Апрѣля 1808.

Узнавъ сейчасъ отъ Жерве, что г-нъ Козенсъ *) будетъ отправленъ только сегодня, я пользуюсь симъ удобнымъ случаемъ, чтобъ донести вашему сіятельству, что къ общему огорченію великая княжна Марія Александровна, послѣ пятидневной болѣзни, сегодняшнюю ночь скончалась. Толь неожиданное происшествіе ввергнуло весь дворъ въ глубочайшую печаль. Государь же столь много былъ тронутъ сею потерею, что не принималъ сегодня министровъ съ докладомъ, и думаютъ всѣ, что поѣздка его въ Финляндію, которую предполагалъ онъ совершить въ первыхъ числахъ Мая, будетъ отсрочена на неизвѣстное время.

Въ дополненіе того, чтò я имѣлъ честь донести вашему сіятельству въ письмѣ моемъ подъ № 10 о взятіи крѣпости Швеабурга, долженъ прибавить, что бывшій командующій оною адмиралъ Кронштетъ имѣетъ позволеніе пріѣхать сюды и что по пріѣздѣ его и по полученіи всѣхъ подробностей о семъ важномъ пріобрѣтеніи графъ Николай Петровичъ будетъ непремѣнно пожалованъ въ *канцлеры*, дабы тѣмъ его отличить отъ графа Строгонова и графа Завадовскаго, которые должны быть произведены при семъ случаѣ въ 1-й классъ. Впрочемъ, слухъ сей можетъ быть и не основателенъ и если я объ ономъ вашему сіятельству доношу, то потому, что объ ономъ имѣю я подтвержденіе отъ многихъ людей, знающихъ дворъ и настоящій вѣсъ графа Николая Петровича и что князь Алексѣй Борисовичъ и князь Лобановъ считаютъ молву сію заслуживающею вѣроятія.

Вчерась ввечеру присылала за мною графиня К. В. Литта, чтобъ объявить мнѣ, что, не желая имѣть болѣе никакого дѣла съ княземъ Багратіономъ, она рѣшилась по первому намѣренію своему не отдавать болѣе 20 т. рублей, платимыхъ ею въ годъ дочери ея, въ руки мужа ея, считая его неисправнымъ; но, чтобъ ее предохранить отъ недостатка въ деньгахъ и ваше сіятельство отъ лишнихъ хлопотъ, расположена она уполномочить Раля выслать на имя ваше кредитивъ на всю сумму, т. е. 20.000 рублей, съ тѣмъ, чтобъ ваше сіятельство по условію съ княгинею выдавали ей изъ сей суммы опредѣленныя деньги на ежемѣсячное содержаніе. Что же касается до 5,000 рублей, которые княгиня желаетъ имѣть для уравненія курса, то и оныя будутъ ей изъ доходовъ ея исправно къ пансіону, ею отъ матери получаемому, приплачиваться. За сіе ручается здѣсь князь Салаговъ, какъ и за то, что долгъ ея, означенный въ запискѣ, мною отъ нея пред-

---

*) Выше онъ названъ *Козенъ*. П. Б.

ставленной, будетъ сполна заплаченъ. Впрочемъ, по симъ двумъ статьямъ предоставляю я себѣ обстоятельно объясниться съ княземъ Петромъ Ивановичемъ *), котораго ежеминутно сюды ждутъ.

Поццо-ди-Борго вчерась получилъ высочайшее позволеніе ѣхать за границу и жить въ Вѣнѣ впредь до повелѣнія. Таковое снисхожденіе Императора къ нему считаетъ онъ большою милостію, что́ подлинно таковою принимать должно: ибо если архіепископу Алби въ семъ отказали или не дали всего пенсіона въ случаѣ его пребыванія за границею, то могли бы и съ нимъ тоже самое сдѣлать.

До меня дошло здѣсь отъ вѣрныхъ людей, что г-нъ Анштетъ въ отсутствіи моемъ при всѣхъ случаяхъ отзывается на счетъ мой самыми неприличными и обидными для меня выраженіями. Жалѣю я весьма, что на сей разъ не имѣю я злаго и мстительнаго сердца, то здѣсь имѣлъ бы я всю возможность сдѣлать ему много непріятнаго; для сего надобно бы мнѣ было немного труда, ибо его злоязычность, всѣмъ здѣсь извѣстная и затмевающая даже въ глазахъ начальства его всю его отличную способность къ службѣ, не можетъ не только мнѣ, но и никому другому ни малѣйшаго вреда сдѣлать.

P. S. Ваше сіятельство получите и сегодня самое дружеское собственноручное письмо отъ графа Николая Петровича; но я васъ смѣю увѣрить, что онъ не перестаетъ сильно негодовать на васъ за последнее письмо къ Государю.

30.

С.-Петербургъ, 9 (21) Мая 1808.

Предоставляя себѣ отвѣчать обстоятельно вашему сіятельству на дошедшія до рукъ моихъ исправно два почтеннѣйшія письма ваши отъ 15-го и 22 Апрѣля чрезъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Васильева, отправляющагося на сихъ дняхъ въ Вѣну, съ нынѣшнею почтою спѣшу я единственно донести вашему сіятельству, что, согласно съ рѣшительною волею вашею, князь Алексѣй Борисовичъ не оставитъ въ первый докладной день испросить высочайшее соизволеніе о выдачѣ нужнаго пашпорта воспитанникамъ вашимъ съ будущими для выѣзда ихъ за границу, который тогда по порядку установленному не можетъ быть чрезъ частныя руки пересланъ въ Московскую канцелярію вашу, но долженъ быть препровожденъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ къ Московскому военному губернатору, отъ котораго пашпортъ подъ росписку управляющаго дѣлами вашего сіятельства выданъ будетъ.

---

*) Багратіономъ. П. Б.

Отправленіе мое зависитъ теперь отъ прибытія курьера отъ вашего сіятельства. Графъ Николай Петровичъ ожидаетъ его въ теченіе будущей недѣли, и я бы весьма радовался, еслибъ сіе ожиданіе исполнилось: ибо въ противномъ случаѣ курьеръ вашъ не застанетъ уже здѣсь ни министра, ни Государя, который, говорятъ, изволитъ выѣхать на сихъ дняхъ отсюды въ Финляндскую армію, и тогда отъѣздъ мой безъ сомнѣнія отложенъ будетъ до возвращенія Его Величества.

Не сомнѣваясь, чтобъ въ раздѣлѣ на канцелярію вашего сіятельства извѣстныхъ 2000 червонныхъ не былъ я сравненъ съ чиновниками младшими со мною службою и чинами, принужденнымъ нахожусь просить ваше сіятельство не сохранять для меня доставшихся на мою часть ста червонныхъ, а раздѣлить оные тѣмъ изъ сослуживцевъ моихъ, коихъ находятъ болѣе меня сего награжденія заслуживающими. Сколь я ни бѣденъ и ни имѣю нужды въ помощи, но если считаютъ меня недостойнымъ того, на что не въ примѣръ всѣмъ подаетъ мнѣ неоспоримое право какъ старшинство мое въ чинѣ, такъ и мое 11-ти лѣтнее служеніе при лицѣ вашего сіятельства (въ теченіе коихъ я старался при всякомъ случаѣ давать вамъ, мой единственный благодѣтель, столь много опытовъ моей безпредѣльной къ вамъ благодарности), то я предпочитаю лучше быть исключену изъ сего награжденія, нежели получить наравнѣ съ младшими себѣ и только изъ одного снисхожденія то, что мнѣ по всей справедливости принадлежитъ. А посему ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ совершенную милость, отдавъ сіи сто червонныхъ тому изъ подчиненныхъ вашихъ, который по мнѣнію Аппетета должнаго подарка чрезъ меня былъ лишенъ. Объ исполненіи сего прошу я васъ, милостивый мой благодѣтель, убѣдительно.

Письма изъ вторичной поѣздки въ Петербургъ.

31.

Брестъ-Литовской, 17 (29) Октября 1808.

Хотя я съ большимъ трудомъ могъ найти и сей листъ бумаги, ибо прибылъ сюды почти ночью, долгомъ поставлю донести однакоже вашему сіятельству, что, по предъявленіи мною на границѣ въ Тереснолѣ свидѣтельства, выданнаго Вѣнскою таможнею о взносѣ пошлинъ за серебро, обдѣланное для графа Николая Петровича и которое положено въ двухъ ящикахъ, со мною отправленныхъ, Тереспольская таможня выдала мнѣ для свободнаго пропуска въ Брестъ билетъ, который при семъ честь имѣю поднести, считая, что оный нуженъ будетъ вашему сіятельству для выручки денегъ, оставленныхъ въ залогъ въ Вѣнѣ.

По несносной дорогѣ и недостатку въ лошадяхъ (ибо я долженъ былъ брать по шести и семи въ Галиціи) цѣлые семь сутокъ проѣхалъ я до Бреста. Болѣе всего задержанъ я былъ помянутыми ящиками, которые къ вящшему мученію моему совсѣмъ разбились и промокли отъ безпрерывныхъ дождей, и я долженъ былъ для обивки ихъ снова клеенкою простоять почти цѣлые сутки въ Краковѣ; но что̀ болѣе всего меня теперь тревожитъ, то это то, что человѣкъ мой, ѣхавши съ ящиками впереди меня, былъ опрокинутъ и разшибъ такъ себѣ ногу, что я принужденъ теперь заѣзжать въ Вильну и просить тамъ почтъ-директора дать мнѣ для сопровожденія посылокъ на имя графа одного почталіона, поелику человѣка моего мнѣ уже теперь съ ними далѣе посылать нельзя; а до Вильны долженъ буду самъ какъ нибудь съ ними тащиться. Вообразите мою муку ѣхать въ осеннее время 360 верстъ съ больнымъ слугою и сверхъ сего на перекладной; ибо на извощика положиться нельзя, а нанять другаго человѣка, въ которомъ я не увѣренъ, нѣтъ, кажется, никакой возможности. Я надѣюсь, что ваше сіятельство милостиво уважите всѣ сіи обстоятельства и не будете мнѣ пенять, если я при всемъ усердіи не такъ скоро въ Петербургъ пріѣду, какъ бы то слѣдовало. Простите великодушно, если письмо и нескладно, и нечисто написано.

32.

С.-Петербургъ, Ноября 2-го дня 1808.

Надворный совѣтникъ Харламовъ отправляется съ такою поспѣшностію, что къ большому сожалѣнію моему никакъ не въ состояніи я теперь сдѣлать чрезъ него вашему сіятельству обстоятельнаго донесенія о всемъ томъ, что̀ я со дня пріѣзда моего сюды изъ Гатчины, гдѣ, какъ я имѣлъ честь извѣстить васъ, я цѣлые сутки Государынею-Императрицею-матерью удержанъ былъ, здѣсь любопытнаго слышать и видѣть могъ. Предоставляя себѣ довести всѣ сіи подробности до свѣдѣнія вашего сіятельства при первомъ удобномъ случаѣ, я сокращусь здѣсь однимъ вамъ донесеніемъ, что его сіятельство князь Алексѣй Борисовичъ, не бывъ доволенъ намѣреніемъ вашимъ продать въ казну Московскій домъ вашъ *), объявилъ мнѣ, что нѣтъ никакого приличія для него, по желанію вашему, докладывать о семъ Государю и что онъ таковое желаніе ваше по нѣкоторымъ причинамъ, о коихъ онъ самъ предоставляетъ къ вамъ писать, намѣренъ оставить теперь безъ исполненія.

---

*) На Новой Басманной. П. Б.

Сегодня поутру графъ Александръ Николаевичъ [1]), говоря со мною о новомъ посольствѣ, сказалъ мнѣ между прочимъ, что Государь не далъ еще никакого повелѣнія о причисленіи къ Парижскому посольству Уварова и всѣхъ прочихъ, по той причинѣ, что его затрудняютъ штатные чиновники, которыхъ не желаетъ онъ перемѣщать изъ Вѣны, и графъ Александръ Николаевичъ полагаетъ, что сіе обстоятельство можетъ задержать нѣсколько времени назначеніе къ миссіи вашей Уварова и Дивова, которые, бывъ сверхъ комплекту, не могли бы, кажется, въ семъ случаѣ встрѣтить препятствія.

О себѣ донесу вашему сіятельству, что графъ Александръ Николаевичъ, не зная причину вызова моего сюды и приписывая оный также къ желанію графа Николая Петровича употребить меня по какому либо обстоятельству до васъ касающемуся (чего уже теперь по отсутствію его быть не надѣется), самъ предложилъ мнѣ ѣхать курьеромъ къ вашему сіятельству въ Парижъ, считая, что я, прибывъ туды, самъ скорѣе узнаю отъ графа Николая Петровича о моемъ жребіи. Принявъ съ благодарностію такое милостивое предложеніе, я просилъ его оное произвести въ дѣйство, и графъ обѣщалъ мнѣ на сихъ дняхъ испросить высочайшее соизволеніе объ отправленіи меня при первомъ случаѣ курьеромъ въ Парижъ. П. С. Молчановъ, который весьма знаетъ расположеніе графа Николая Петровича ко мнѣ, полагаетъ, что поѣздка моя въ Парижъ не можетъ быть имъ принята съ дурной стороны, тѣмъ болѣе, что графъ, выписывая меня сюды, не зналъ, что нѣсколько мѣсяцевъ въ отсутствіи изъ Петербурга будетъ, и конечно не требуется, чтобъ я здѣсь безъ всякаго дѣла до того времени такъ проживалъ

На сихъ дняхъ имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству самое обстоятельное донесеніе [2]) чрезъ Французскаго курьера, въ которомъ я описалъ подробно мою поѣздку въ Гатчино, разговоръ мой съ Государынею о вашемъ сіятельствѣ и потомъ о всемъ, чтó мнѣ здѣсь на счетъ новаго назначенія вашего здѣсь говорено было. Послѣднія страницы донесенія моего изъ осторожности были писаны симпатическимъ черниломъ, коего рецептъ имѣлъ я честь вручить вашему сіятельству въ день моего отправленія изъ Вѣны. Въ будущую Среду посредствомъ сего чернила многое намѣренъ я писать къ вамъ, а сіе донесеніе заключу только однимъ сердечнымъ желаніемъ моимъ, чтобы ваше сіятельство благополучно до назначенія вашего доѣхали.

---

[1]) Графъ Салтыковъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ управлялъ министерствомъ въ отсутствіе графа Румянцова, который, послѣ Эрфутскаго свиданія Александра съ Наполеономъ, ѣздилъ въ Парижъ. П. Б.

[2]) Къ сожалѣнію, не имѣется у насъ ни этого, ни обѣщаннаго донесеній. П. Б.

33.

С.-Петербургъ, 12 (24) Ноября 1808.

Отправленіе въ Парижъ г-на коллежскаго ассессора Бореля подаетъ мнѣ сегодня самый удобный случай писать обстоятельно къ вашему сіятельству и прежде, нежели начну донесеніе мое о всемъ томъ, чтò я здѣсь достойнаго вниманія вашего видѣть и слышать могъ, долгомъ поставляю извѣстить васъ, сіятельнѣйшій князь, что отправленный вами сюды Колоколовъ въ одиннадцатые сутки прибылъ сюды благополучно и что съ помощію моею всѣ пакеты и письма, ему данные, въ самый день его пріѣзда были вездѣ исправно развезены. Графъ Александръ Николаевичъ, принимая отъ него депеши, приказалъ ему чаще къ себѣ являться; но онъ, зная, что обратное отправленіе его не можетъ быть скоро, рѣшился воспользоваться симъ временемъ и просится на двѣ недѣли въ Москву для свиданія тамъ съ престарѣлою матерью своею, которую онъ восемь лѣтъ не видалъ. Найдя таковое намѣреніе его благоразумнымъ, тѣмъ болѣе, что графъ Салтыковъ сказалъ мнѣ самъ вчерась, что сколь онъ ни готовъ дѣлать вамъ угодное, но при всемъ томъ не можетъ онъ обѣщать отправить Колоколова обратно къ вашему сіятельству, покуды Государю не угодно будетъ повелѣть о причисленіи его по желанію вашему къ Парижской миссіи и чтò однакоже не можетъ быть исполнено прежде мѣсяца и считая, что поѣздка его въ Москву менѣе ему станетъ содержанія его здѣсь (гдѣ онъ ни родныхъ, ни знакомыхъ не имѣетъ и принужденъ жить въ трактирѣ): я взялъ на себя надобное ему для сего позволеніе отъ Коллегіи исходатайствовать, и надобно полагать, что онъ дни черезъ три отсюды отправится. Одобряя таковое намѣреніе его, я имѣлъ въ виду то, что онъ, какъ занимающійся перепиской вашею по домашнимъ дѣламъ, можетъ, въ бытность свою въ Москвѣ, взойти хотя подъ рукою въ управленіе Московской канцеляріи и узнать людей въ оной занимающихся, дабы чрезъ то быть въ состояніи по возвращеніи своемъ къ посольству отдать вашему сіятельству полный отчетъ о положеніи, въ коемъ найдетъ онъ домъ вашъ, людей въ ономъ оставленныхъ и вообще канцелярію и всѣ дѣла ваши. Я считаю, что Колоколовъ все сіе тѣмъ съ бòльшимъ успѣхомъ можетъ исполнить, что онъ, пріѣзжая въ Москву по своей надобности, не можетъ быть ни Волкову, никому въ домѣ вашемъ подозрителенъ, и для сего снабжу я его короткимъ письмомъ къ Ивану Ильичу, въ которомъ я единственно представлю ему его, какъ человѣка, принадлежащаго вашему сіятельству и съ которымъ онъ по дѣламъ вашимъ довѣреннымъ образомъ говорить можетъ, а сего достаточно, чтобъ дать ему возможность

узнать о всемъ и вашему сіятельству усердіе свое оказать. Я надѣюсь, что мысль сія, на которую я согласія вашего еще не имѣю, не будетъ вашимъ сіятельствомъ опровергнута, и что вы, милостивый благодѣтель мой, изъ оной увидите мою безпрерывную готовность предупреждать во всемъ желанія ваши.

Въ первыхъ двухъ донесеніяхъ моихъ отсюды не успѣлъ я еще извѣстить ваше сіятельство о состояніи, въ коемъ нашелъ я всѣхъ родныхъ вашихъ и особливо не упомянулъ ничего о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ; но сіе единственно отъ того, что я не могъ по сіе время ничего положительнаго сказать вашему сіятельству по дѣлу Александры Алексѣевны. Теперь же, имѣвъ случай говорить по сему предмету съ братцомъ вашимъ, спѣшу донести вамъ, что я его нашелъ совершенно не въ томъ расположеніи, какъ вы предполагать изволили. По его мнѣнію Александра Алексѣевна должна оставаться здѣсь и не только не помышлять о сближеніи ея съ мужемъ *), но имѣетъ все право искать разводъ; что на сіе послѣднее имѣетъ уже онъ согласіе Государя Императора и надѣется, что она предуспѣетъ получить разрѣшеніе выдти замужъ за другаго. Между тамъ мужъ ея имѣетъ здѣсь много защитниковъ въ родныхъ своихъ и, хотя Александра Алексѣевна живетъ здѣсь весьма уединенно и никуды не выѣзжаетъ, беременность ея, очевидно прибавляющаяся, всему городу извѣстна, и она всѣми обвиняема. Меня увѣряли, что снисходительное обращеніе князя Алексѣя Борисовича въ семъ случаѣ съ дочерью своею много способствовало къ настоящему негодованію противъ него Государыни Императрицы-Матери. Графиня Алена Алексѣевна, напротивъ того, чрезмѣрно всѣми здѣсь любима. Послѣ несчастнаго происшествія Александры Алексѣевны не только вся публика, но сами Императрицы стараются изъявлять ей при всякомъ случаѣ большое вниманіе; но она сего совершенно достойна, ибо можно безпристрастно сознаться, что она между всѣми молодыми женщинами здѣсь отличается скромностію и добронравіемъ своимъ. Подарками вашими и особливо послѣднимъ была она весьма обрадована. Она приняла оные знакомъ вашей прежней къ ней милости и теперь инаго не желаетъ, какъ того, чтобы ваше сіятельство для усовершенствованія благополучія ея были ласковы къ мужу ея.

Въ городѣ пронесся было слухъ, что графъ Стакельбергъ назначенъ былъ преемникомъ вашимъ въ Вѣну. Я о семъ спрашивалъ графа Александра Николаевича, который мнѣ отвѣчалъ, что таковой

*) У князя Алексѣя Борисовича Куракина было двѣ дочери: княжна Елена Алексѣевна за графомъ Николаемъ Ивановичемъ Зотовымъ, и княжна Александра Алексѣевна за Николаемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ. П. Б.

слухъ дошелъ и до него; но что онъ отъ Государя о семъ еще не слыхалъ и что объ немъ и указа еще нѣтъ, хотя Стакельбергъ и донесъ сюды, что, пользуясь отпускомъ, онъ отправляется жить въ Вѣну. Теперь начинаютъ уже назначать въ Вѣну посломъ гр. П. А. Толстаго; но о семъ я однакоже ничего еще не слыхалъ отъ гр. Салтыкова. О причисленіи чиновниковъ, вами требуемыхъ, отъ Вѣнской миссіи къ Парижской, также по сіе время нѣтъ еще ничего рѣшительнаго. Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, съ которымъ я говорилъ вчерась о Сергѣѣ Семеновичѣ, увѣрялъ меня, что Государь весьма не расположенъ умножать число чиновниковъ Парижской миссіи и особливо перемѣщать со штатныхъ мѣстъ и что сіе самое удерживаетъ его подписать указъ объ Уваровѣ, на перемѣщеніе котораго Его Величество безъ затрудненія согласился. Я считаю однакоже, что все сіе ваше сіятельство скорѣе сами устроите, коль скоро съ графомъ Николаемъ Петровичемъ увидитесь. О себѣ вамъ донесу, что я по прежнему остаюсь въ надеждѣ быть отправленнымъ курьеромъ въ Парижъ; ибо здѣсь никакого приказанія по сіе время на счетъ мой въ Коллегіи не имѣютъ, что̀ доказываетъ, что моя поѣздка совершенно лишняя и что если я не буду отправленъ къ вашему сіятельству въ Парижъ при первомъ случаѣ (гдѣ жребій мой можетъ быть рѣшенъ), то тогда принужденъ я буду здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. до возвращенія графа Николая Петровича, жить въ совершенномъ невѣдѣніи и проживаться: ибо по новому учрежденію во все время пребыванія моего здѣсь буду я пользоваться жалованьемъ моимъ безъ курсу; деньги же, долженствовавшія у меня остаться отъ послѣдней курьерской выдачи, какъ вашему сіятельству извѣстно, долженъ я былъ употребить на перевозъ сюды по желанію вашему двухъ ящиковъ съ серебромъ графа Николая Петровича, которые мною, хотя съ большою трудностію, были привезены сюды исправно и отданы въ домъ управителю графскому и за что̀ однакоже, кажется, мнѣ и *спасибо* сказано не будетъ! Сердечно признаюсь вамъ, почтеннѣйшій благодѣтель, что послѣ 12-ти-лѣтняго усерднаго служенія моего вамъ, никакъ не ожидалъ я быть въ такомъ непріятномъ положеніи и еще менѣе полагалъ, что вы предпочтете когда либо мнѣ людей, которыхъ вы только годъ знаете и на преданность коихъ не можете вы положительно считать.

Весь городъ занимается помолвкою великой княжны Катерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ Говорятъ, что сговоръ назначенъ быть 24 сего текущаго, а бракосочетаніе въ Генварѣ и что по сему случаю будетъ большое производство у двора.

Ваше сіятельство узнаете конечно съ удивленіемъ, что князь

Иванъ Борисовичъ [1]) съ супругою своею въ Петербургѣ и живетъ домомъ. На сихъ дняхъ былъ я имъ приглашенъ къ обѣду, и послѣ многихъ вопросовъ сказалъ онъ мнѣ, что онъ Московскій домъ свой и большую часть деревень своихъ продалъ, долги свои всѣ заплатилъ и будущею весною ѣдетъ непремѣнно въ Парижъ. Сіе послѣднее сказалъ онъ мнѣ съ такою рѣшительностію, что я не позволилъ себѣ ему противорѣчить. Надобно надѣяться, что онъ всѣхъ дѣлъ своихъ такъ скоро не кончитъ; но въ противномъ случаѣ я себѣ воображаю, сколь пріѣздъ его къ вамъ долженъ быть для насъ и непріятенъ, и тягостенъ.

Прасковья Николаевна Гурьева и князь А. Н. Голицынъ свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе; съ прошедшимъ курьеромъ они къ вашему сіятельству писали для препорученія въ милость вашу кровныхъ ихъ. Гр. Ожаровская также свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и вообще всѣ здѣшнія барыни, какъ то: Марья Антоновна, княгиня Долгорукая, графиня А. И. Толстая [2]), всѣ о васъ помнятъ и вамъ кланяются.

34.

С.-Петербургъ, 18 (25) Ноября 1808.

Александра Васильевна Смирная, узнавъ объ отправленіи г-на Бореля въ Парижъ, просила меня доставить къ вашему сіятельству при семъ приложенное письмо и посылку съ чаемъ, которую поручилъ я для доставленія вамъ вручителю сего.

Г-пъ коллежскій ассесоръ Борель и титулярный совѣтникъ Поляковъ отправляются отсюды къ министру по желанію его сіятельства. Они оба, особливо первый, какъ человѣкъ весьма достойный, пользуются совершенною довѣренностію графа Николая Петровича, и я считаю, что ваше сіятельство сдѣлаете пріятное графу, принявъ ихъ обоихъ милостиво и ласково.

P. S. M. M. Сперанскій, по преданности своей къ вашему сіятельству, говорилъ мнѣ вчерась съ нѣкоторымъ безпокойствомъ о слухѣ до него дошедшемъ, будто бы камергеръ Алопеусъ, бывшій до сего министромъ въ Швеціи, назначается къ посольству вашему. Онъ его знаетъ хотя умнымъ человѣкомъ, но весьма безпокойнымъ и который долженъ быть тогда для васъ весьма тягостнымъ.

---

[1]) Младшій братъ князя Куракина, полковникъ, женатый на Екатеринѣ Андреевнѣ Бутурлиной. П. Б.

[2]) Урожденная Барятинская, супруга оберъ-гофмаршала. П. Б.

35.

С.-Петербургъ, 14 (26) Ноября 1808.

Сегодня поутру имѣлъ я случай говорить съ графомъ Александромъ Николаевичемъ о желаніи Колоколова получить позволеніе съѣздить въ Москву и узналъ отъ него, что онъ расположенъ его отправить на сихъ дняхъ обратно курьеромъ въ Вѣну. Зная, что толь поспѣшная поѣздка его должна быть для него со всѣхъ сторонъ выгодна, ибо чрезъ сіе въ мѣсяцъ времени выиграетъ онъ болѣе 200 червонныхъ, а по назначеніи къ Парижской миссіи сверхъ того получитъ на переѣздъ свой изъ Вѣны до Парижа дорожныя деньги (чтò все для него довольно большой капиталъ составляетъ), я не настаивалъ никакъ о желаніи его съѣздить прежде въ Москву, хотя толь удобнаго случая Колоколовъ къ тому имѣть и не будетъ. Если онъ по словамъ графа Салтыкова вскорѣ отсюды въ Вѣну опять отправится, то о семъ надобно будетъ весьма жалѣть; ибо я считаю, что онъ въ поѣздку свою въ Москву могъ бы сдѣлать большую пользу вашему сіятельству.

Хотя я и не имѣлъ отъ вашего сіятельства письмà къ князю Петру Васильевичу, зная однакоже, сколь вы его любите, я поставилъ себѣ обязанностію съѣздить къ нему и засвидѣтельствовать ему отъ васъ почтеніе. Примѣчаніе сіе съ вашей стороны принялъ онъ съ чувствительностію и поручилъ мнѣ увѣрить васъ, что онъ о васъ ежедневно помнитъ и не перестаетъ вамъ желать успѣховъ въ новыхъ важныхъ предпріятіяхъ вашихъ. Я его нашелъ довольно здоровымъ, но въ большой грусти о сынѣ, который остался въ Москвѣ, весьма опасно боленъ грудью. Князь П. Г. Гагаринъ сказывалъ мнѣ, что сей молодой человѣкъ такъ сильно кровью харкаетъ, что надо полагать его чахоточнымъ.

Здѣсь всѣ считаютъ много на ваше сіятельство въ разсужденіи мира съ Англіею. Дай Богъ, чтобъ вы оный заключить предуспѣли; но всѣ опасаются, что гордые Британцы, ободрены будучи успѣхами своими въ Гишпаніи, не согласятся на предложенія ей дѣлаемыя по предмету сему Франціею и что мы принуждены будемъ прервать наши переговоры съ сею державою. Между тѣмъ здѣсь слышно, что въ Кронштадтъ и Ревель пришло до 50 Американскихъ судовъ изъ Англіи, чтò доказываетъ, что тамъ считаютъ на возможность, что порты наши вскорѣ флагу ихъ открыты будутъ.

Дѣла княгини Багратіонъ идутъ лучше, нежели я предполагалъ. Графиня Литта сама совершенно того мнѣнія, что въ настоящемъ положенія ея и съ разстроеннымъ здоровьемъ ея, приличнѣе ей оста-

ваться еще на нѣкоторое время въ чужихъ краяхъ; а сіе, кажется, все то, чтó княгиня теперь желать можетъ.

36.

С.-Петербургъ, 18 Декабря 1808.

Я увѣренъ, что ваше сіятельство, полагая Колоколова въ Вѣнѣ по тому чтò я имѣлъ честь донести вамъ чрезъ г-на Бореля, весьма удивлены будете увидѣть его такъ скоро въ Парижѣ. Перемѣна сія произошла отъ графа Александра Николаевича, который, узнавъ отъ меня, что онъ вамъ столь нуженъ, особливо для вашихъ собственныхъ дѣлъ, испросилъ не медля высочайшее повелѣніе причислить его по желанію вашему къ Парижскому посольству. Исполнивъ сіе, онъ обѣщалъ мнѣ употребить его на первую курьерскую посылку въ Парижъ, дабы тѣмъ доставить ему способъ быть скорѣе при вашемъ сіятельствѣ; но къ сожалѣнію сдѣлать сего нельзя было: ибо Государю угодно было, чтобъ по важности отправленія былъ посланъ фельдъ-егерь, почему и долженъ я былъ просить графа, чтобы Колоколову позволено было съ Гольмомъ ѣхать, который его знаетъ и беретъ съ собою охотно, на что графъ и согласился. Такимъ образомъ доѣдетъ онъ до Парижа хотя не столь выгодно, какъ курьеръ, но весьма скоро; а сего уже много: ибо здѣсь бы въ ожиданіи курьерской посылки могъ онъ прождать еще мѣсяца два, а между тѣмъ совсѣмъ прожиться. Сіе послѣднее обстоятельство заставило меня напоминать чаще графу Александру Николаевичу объ немъ и настаивать, чтобъ жребій его былъ скорѣе рѣшенъ. Сколь же сіе необходимо, доказываетъ медленность, съ которою дѣлается назначеніе Уварова и прочихъ вашимъ сіятельствомъ требуемыхъ къ Парижской миссіи. Каждый разъ, чтò я вижусь съ графомъ, я напоминаю ему и объ нихъ; но на сіе всегда въ отвѣтъ получаю, что Государь оставилъ представленіе ваше о нихъ до другаго времени. Между тѣмъ въ доказательство вашему сіятельству, что графъ Салтыковъ все то для васъ готовъ сдѣлать, чтò отъ него зависитъ, есть то, что онъ по представленію вашему о Булгаковѣ Государю доложилъ и предуспѣлъ исходатайствовать ему, наконецъ, слѣдуемый ему Владимирской крестъ, который я къ нему на сихъ дняхъ чрезъ Австрійскаго курьера отправилъ, и я надѣюсь, что къ новому году будетъ онъ въ орденѣ. Съ грамоты, на оный ему данной, прилагаю при семъ копію.

Князь Алексѣй Борисовичъ посылалъ меня всѣ сіи дни къ Ливіо для условія съ нимъ о нужномъ вашему сіятельству кредитивѣ въ 90 т. рублей. Прежде онъ расположенъ былъ дать отъ себя кредитивъ на имя ваше въ такой знатной суммѣ, съ уплатою въ три срока, т. е.

въ Маѣ, Сентябрѣ и Декабрѣ, и по мѣрѣ поступленія Астраханскаго доходу, представляя мнѣ, что, зная неограниченность вашу въ расходахъ, ваше сіятельство легко можете забрать весь кредитивъ въ три мѣсяца и что потомъ они должны будутъ платить векселя ваши вдругъ и по настоящему дурному курсу, отчего ваше сіятельство весьма много убытку понесете. Таковое примѣчаніе Ливіо сообщилъ я братцу вашему, сдѣлавъ ему предложеніе отъ сихъ банкировъ о раздѣленіи кредитива ихъ на три срока, т. е. по которому бы вы могли получать въ Парижѣ для собственной выгоды вашей только по 30 т. въ треть, отчего бы векселя ваши выгоднѣе могли быть здѣсь уплачены; ибо вексельный курсъ каждый день возвышается и если бы напримѣръ миръ хотя съ одною Швеціею въ Маѣ мѣсяцѣ воспослѣдовалъ, то тогда ваше сіятельство по тридцати процентовъ на сто могли бы сберечь. Но сколь сіе разсужденіе нашелъ князь Алексѣй Борисовичъ ни основательнымъ, онъ не могъ однакоже на сіе согласиться и велѣлъ сказать Ливіо, что инаго кредитива вамъ не нужно, какъ на положеніи, какъ я выше объяснилъ, что̀ банкиръ сей и исполнилъ; но я не знаю навѣрно, посылаетъ ли къ вамъ князь кредитивъ сей сегодня, ибо онъ теперь во дворцѣ и вѣроятно не успѣетъ написать къ вамъ съ Гольмомъ, который ѣдетъ прежде вечера, хотя я его сіятельство и предупредилъ о семъ сего утра.

12-го Декабря графъ Стакельбергъ и сенаторы Алексѣевъ, Тамара, князь Вяземскій были произведены въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а отставной гвардіи поручикъ Ласунской, братъ Е. М. Тепловой, и графъ Левъ Потоцкой, сынъ сенатора, опредѣлены ко двору камеръ-юнкерами. Всѣ утверждаютъ, что по случаю бракосочетанія великой княжны будетъ двѣнадцать новыхъ камеръ-юнкеровъ и если ваше сіятельство возобновите представленіе ваше о Дивовѣ, то на сей разъ конечно онъ попадетъ въ сіе производство. Еще не могу не донести вамъ, что М. М. Сперанскій былъ третьяго дня пожалованъ товарищемъ Министерства [1]) Юстиціи и что О. П. Козодавлевъ долженъ въ непродолжительномъ времени получить такое же званіе при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. О семъ послѣднемъ узналъ я отъ самого князя Алексѣя Борисовича.

Прусскіе король и королева прибудутъ сюды къ 24-му Декабря. Ихъ величества будутъ жить во дворцѣ великаго князя Константина Павловича и пробудутъ здѣсь 18 дней. Я слышалъ отъ самого графа Н. А. Толстаго [2]), что по его разсчету всѣ расходы, сдѣланные по слу-

[1]) Такъ. П. Б.

[2]) Оберъ-гофмаршала. П. Б.

чаю пріѣзда ихъ величествъ сюды, будутъ простираться до 1.300.000 рублей.

Въ самое время, когда я занимался заготовленіемъ сего донесенія вашему сіятельству, былъ я призванъ къ графу Александру Николаевичу, который объявилъ мнѣ, что для вящшей поспѣшности принужденнымъ онъ находится отправить Гольма сегодня одного, давъ мнѣ обѣщаніе, что Колоколовъ поѣдетъ вслѣдъ за нимъ непремѣнно послѣ завтра, и что сіе онъ для того болѣе намѣренъ сдѣлать, чтобъ облегчить Гольма отъ нѣкоторыхъ грузныхъ посылокъ на имя графа Николая Петровича, которыя тогда отправитъ онъ съ Колоколовымъ. Полагаясь на таковое обѣщаніе графа Салтыкова, я не премину изготовить завтра для отправленія съ нимъ другое обстоятельное донесеніе къ вашему сіятельству, въ которомъ я откровенно напишу вамъ, единственный благодѣтель мой, о всемъ томъ, что̀ я узнать здѣсь могъ касательно лично до особы вашей и вообще до настоящаго положенія вашего въ Парижѣ; а сіе донесеніе мое заключу усерднѣйшими поздравленіями съ наступающею перемѣною года, сопровождая оныя сердечнымъ пожеланіемъ моимъ, чтобъ ваше сіятельство въ теченіе будущаго года пользовались непрерывнымъ здоровьемъ и чтобъ настоящіе труды и предпріятія ваши, подымаемые для славы Отечества, были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ.

P. S. Марья Антоновна Нарышкина, которая ко мнѣ чрезмѣрно милостива и почти каждый день къ себѣ приглашаетъ обѣдать, поручила мнѣ возобновить себя въ вашей памяти. Княгиня Долгорукая, П. Н. Гурьева и графиня А. И. Толстая также свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое почтеніе.

При семъ имѣю честь приложить три письма на имя ваше, изъ коихъ одно давно мнѣ данное братцемъ вашимъ, а другое отъ Лаваля. Сверхъ сего осмѣливаюся также присоединить здѣсь два письма къ князю Гагарину отъ брата его и одно къ Борелю отъ сына его, прося ваше сіятельство приказать оныя имъ раздать.

37.

С.-Петербургъ, 19 Декабря 1808.

Узнавъ сейчасъ, что фельдъ-егерь еще не отправленъ и что вмѣсто его для посылки въ Парижъ назначенъ князь Никита Григорьевичъ Волконскій, пользуюсь симъ случаемъ для донесенія вашему сіятельству, что кредитивъ въ 90 т. Гамбургскихъ марковъ былъ сегодня присланъ банкиромъ Ливіо къ князю Алексѣю Борисовичу и будетъ непремѣнно къ вамъ отправленъ чрезъ Колоколова, который безъ

сомнѣнія завтра вслѣдъ за симъ курьеромъ въ Парижъ поѣдетъ. Между тѣмъ, чтобъ дать вашему сіятельству понятіе о положеніи, на которомъ кредитивъ сей вамъ выданъ, имѣю честь приложить при семъ копію съ облигаціи, выданной княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ братьямъ Ливіо по случаю онаго.

Первый срокъ уплаты кредитива сего назначенъ братцемъ вашимъ въ будущемъ Маѣ отъ того, что часть дохода вашего съ Астраханскихъ водъ была употреблена его сіятельствомъ на окончательную расплату вашу съ Бергинымъ, котораго счетъ получить изволите чрезъ князя Алексѣя Борисовича.

Съ Колоколовымъ не премину я отправить къ вашему сіятельству самое подробное донесеніе о всемъ томъ, что̀ я здѣсь узнать могъ, о расположеніи Государя къ вамъ лично, равно какъ и о всемъ томъ, что̀ до меня дошло по фамильнымъ дѣламъ вашимъ.

Я узналъ на сихъ дняхъ отъ И. И. Волкова, что Михаилъ Ивановъ скончался скоропостижно и тѣмъ самымъ сдѣлалъ конецъ всѣмъ своимъ коварнымъ поступкамъ.

Съ самымъ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю я дѣйствія вашего милостиваго ходатайства за меня предъ графомъ Николаемъ Петровичемъ. Неужели ваше сіятельство лишите меня вашего участія и бросите меня здѣсь безъ причины, безъ всякаго вниманія? Я вамъ признаюсь, милостивый благодѣтель, что мысль сія меня терзаетъ. Никогда бы я сего не опасался, если бы, къ несчастію моему, въ послѣднее время служенія подъ начальствомъ вашимъ, не имѣлъ я столь много опытовъ вашего явнаго ко мнѣ неблагорасположенія.

P. S. Графъ Орловъ [1]) счелъ себя столь обиженнымъ назначеніемъ М. М. [2]) на мѣсто товарища Министерства Юстиціи, что подалъ вчерась прошеніе объ увольненіи отъ службы.

38.

С.-Петербургъ, 8 Января 1809 г.

Съ самымъ большимъ сожалѣніемъ узналъ я отъ его сіятельства князя Алексѣя Борисовича, что донесеніе мое подъ № 1-мъ, посланное черезъ Французскаго курьера, не дошло до рукъ вашего сіятельства. Я удивляюсь сему тѣмъ болѣе, что я пакетъ мой на имя ваше вручилъ самъ секретарю посольства Ренвалю, который, по неимѣнію тогда инаго случая писать отсюды въ Парижъ, самъ мнѣ вызвался отправить оный съ ихъ курьеромъ, и теперь не столь жалѣю о томъ, что

---

[1]) Григорій Владимировичъ. П. Б.

[2]) Сперанскаго. П. Б.

они могли въ письмѣ моемъ читать, сколь о томъ, что ваше сіятельство онаго въ свое время не получили: ибо оно содержало въ себѣ нѣкоторыя подробности, которыя могли быть любопытны только для васъ однихъ; а то, что̀ было въономъ важнаго, было мною писано изъ осторожности симпатическими чернилами, и то одна часть донесенія сего, въ которой я описывалъ вашему сіятельству, что, въ бытность мою въ Гатчинѣ, куды я ѣздилъ для врученія пакета вашего Государынѣ Императрицы-Матери, Ея Величество изволила приказать меня ввести въ свой кабинетъ и тамъ болѣе двухъ часовъ со мною разговаривать; что въ теченіе сего разговора и послѣ многихъ вопросовъ объ императрицѣ Австрійской, о Вѣнскомъ дворѣ, объ образѣ жизни вашей въ Вѣнѣ и наконецъ о знакомыхъ ея, какъ то: о Кобенцлѣ, князѣ Линье, гр. Стадіонѣ и пр., Ея Величество изъявляла мнѣ неоднократно сожалѣніе свое, что вы уже не въ Вѣнѣ, и что изъ единаго повиновенія вашего къ Государю принуждены вы были предпочесть тихую, спокойную жизнь на жизнь хлопотливую и, можетъ быть, сопряженную съ непріятностями; и что наконецъ Ея Величество въ знакъ своего удовольствія за исправность мою, не медля, велѣла отвести для меня во дворцѣ комнату, приказавъ мнѣ остаться до другаго дня въ Гатчинѣ для балу, на который я удостоенъ былъ приглашеніемъ и во время котораго Ея Величество изволила нѣсколько разъ ко мнѣ подходить и между прочими вопросами о вашемъ сіятельствѣ изволила меня спросить также, хороша ли графиня Замойская и правда ли, что вы находите въ ней столь много прелестей и пр. Вотъ все, что̀ было въ письмѣ семъ достойнаго вниманія, ибо оно касалось лично до вашего сіятельства. О прочихъ же статьяхъ онаго я здѣсь упоминать не стану, поелику въ оныхъ описывалъ я то, что̀ я тогда узнать могъ о настоящемъ положеніи Александры Алексѣевны, о которой я и чрезъ Бореля къ вашему сіятельству доносилъ, и сегодня въ дополненіе сего долженъ сказать, что дѣло ея взяло самый непріятный оборотъ. Рѣшившись не мириться съ мужемъ, она подала чрезъ митрополита въ Консисторію прошеніе, коимъ она испрашиваетъ разводу. Вслѣдствіе же сей бумаги Консисторія вызвала сюды изъ Москвы Николая Сергѣевича, и чѣмъ теперь несчастное дѣло сіе кончится, опредѣлить заранѣе нельзя. Мнѣ извѣстно только отъ самого Салтыкова, что онъ съ своей стороны никакъ добровольно на бракъ племянницы вашей съ Чичеринымъ не согласится.

Весь городъ наполненъ слухами, будто бы ваше сіятельство имѣли большую размолвку съ графомъ Николаемъ Петровичемъ. Объ оной говорятъ здѣсь всѣ со всѣми подробностями; но я извѣстіямъ симъ еще не вѣрю, хотя и извѣстно мнѣ чрезъ князя Алексѣя Борисовича, что

ваше сіятельство недовольны продолжительнымъ пребываніемъ графа Румянцова въ Парижѣ. Д. А. Гурьевъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, говоря со мною о сихъ случаяхъ, дали мнѣ почувствовать, что графъ Николай Петровичъ писалъ самъ нѣчто о негодованіи вашемъ на него не только къ Аннѣ Никитичнѣ *), но и къ Государю и что сіи заключенія ихъ не безъ основанія. При семъ случаѣ узналъ я отъ нихъ также, что камергера Алопеуса подлинно назначаютъ вашему сіятельству въ помощники. Сему послѣднему извѣстію я тѣмъ болѣе вѣрю, что я объ ономъ получилъ подтвержденіе отъ Петра Степановича и М. М. Сперанскаго, которые, зная обстоятельства, увѣрены, что сіе легко воспослѣдовать можетъ: ибо графъ Румянцовъ, считая Алопеуса человѣкомъ ему преданнымъ, безъ сомнѣнія будетъ настаивать по возвращеніи своемъ сюды, чтобъ онъ былъ посланъ въ Парижъ подъ какимъ-либо предлогомъ для того единственно, чтобъ тамъ его на нѣкоторое время при васъ оставить. Поспѣшая донести вамъ о семъ, милостивый благодѣтель мой, по преданности моей осмѣливаюсь представить вамъ, сколь необходимо разрушить такое намѣреніе графа Николая Петровича, исполненіе котораго должно навлечь вашему сіятельству столь много безпокойства и неприятности. Я между тѣмъ буду здѣсь узнавать поступки Алопеуса, и коль скоро будетъ рѣчь настоять о его назначеніи, то не премину въ тоже время донести вашему сіятельству, хотя полагать нельзя, чтобъ сіе исполниться могло прежде возвращенія графа Румянцова.

Во время всѣхъ великолѣпныхъ праздниковъ, бывшихъ здѣсь по случаю пріѣзда короля и королевы Прусскихъ и обрученія великой княжны Екатерины Павловны, о коихъ Колоколовъ можетъ сдѣлать вашему сіятельству полное описаніе, какъ очевидецъ оныхъ, скончались здѣсь къ общему сожалѣнію, самымъ неожиданнымъ образомъ, древній другъ вашъ и современникъ графъ Н. П. Шереметевъ и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ; первый изъ нихъ жестокою горячкою, а послѣдній водяною болѣзнью въ груди. Графъ Шереметевъ послѣдними распоряженіями своими доказалъ, сколь онъ великъ былъ своими добродѣтелями. Въ духовной его, исполнителями которой назначилъ онъ быть графу Кушелеву, Д. П. Трощинскому, сенатору Данаурову и Ананьевскому, изъявилъ онъ прежде всего волю свою, чтобъ всѣ пенсіоны, производимые при жизни его и простирающіеся до 260.000 р., производимы были сполна безостановочно впредь до совершеннолѣтія наслѣдника его; потомъ, что воспитанникамъ его, двумъ баронамъ Петровымъ, оставляетъ онъ изъ имѣнія своего каждому по

*) Это была Нарышкина, тетка графа Румянцова. П. Б.

2.500.000 р.; а матери ихъ 100.000 р. и, наконецъ, племянникамъ своимъ *), которыми онъ имѣлъ причину быть столь недовольнымъ, назначилъ онъ выдать единовременно: первому 400 т. рублей, а второму 200 т. рублей. Сверхъ сего всѣмъ дворовымъ людямъ его опредѣлено по духовной сей выдать въ единовременное награжденіе 50.000 рублей: а тремъ камердинерамъ его, выключая сей суммы, каждому по 12.000 рублей. Вчерась было его погребеніе по желанію такъ просто, что тѣло его изъ дому графини Потемкиной, гдѣ онъ скончался, было несено до Невскаго монастыря людьми его. Молимоновъ, бывшій при кончинѣ его, сказывалъ мнѣ, что за нѣсколько часовъ до кончины своей объявилъ онъ послѣднюю волю свою, чтобъ на похороны его было употреблено только пять тысячъ рублей, а въ день оныхъ роздано бѣднымъ 95.000 рублей, что̀ вчерась со всею точностію было исполнено. Въ одно почти время съ графомъ Шереметевымъ скончались въ Москвѣ еще два знакомые вамъ человѣка: Дмитрій Адамовичъ Олсуфьевъ и князь Павелъ Михайловичъ Волконской, оставя по себѣ наслѣдницею племянницу свою княжну Прозоровскую, которая выходитъ замужъ за князя Ѳедора Сергѣевича Голицына.

1-го Генваря, въ день обрученія великой княжны Екатерины Павловны, было много милостей и производства по двору, какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ приложенной у сего Сенатской газеты. По сему самому случаю графъ Александръ Николаевичъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Изъ большаго числа камеръ-юнкеровъ, которое было теперь сдѣлано ко двору, ваше сіятельство можете заключить, что и Дивовъ попалъ бы въ число ихъ, еслибы письмо ваше къ Петру Степановичу дошло двумя днями до Новаго года; но Петръ Степановичъ надѣется и теперь въ семъ предуспѣть и располагается доложить о семъ Государю, коль скоро Прусской король отсюды отправится, ибо до того времени нѣтъ никакой возможности сего исполнить.

Я былъ у Марьи Антоновны Нарышкиной, когда она получила изъ канцеляріи присланныя къ ней отъ вашего сіятельства письмо и посылку, и хотя и нашлось, что сія послѣдняя была къ ней только надписана, а принадлежала Катеринѣ Александровнѣ Нарышкиной, тѣмъ не менѣе поручила она мнѣ изъявить вамъ признательность свою за примѣчаніе ваше къ ней, прибавя къ тому, что оное цѣнить умѣетъ и впредъ во всѣхъ своихъ надобностяхъ въ Парижѣ будетъ прямо къ вашему сіятельству обращаться.

---

*) Двумъ графамъ Разумовскимъ. П. Б.

Кредитивъ отъ Ливіо въ 90.000 Гамбургскихъ банковыхъ марокъ, какъ я вашему сіятельству донесъ прежде, посылается княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ въ при семъ приложенномъ пакетѣ. Сверхъ сего имѣю честь препроводить у сего же три письма отъ княгини Анны Никитичны и одно отъ князя Бориса Алексѣевича.

По душевной преданности моей къ вамъ, милостивый благодѣтель мой, еще о многомъ намѣренъ я былъ вамъ донести; но ваше сіятельство, не удостоивъ меня ни одною строчкою на шесть пространныхъ донесеній моихъ, доказали мнѣ совершенно, что ни одно извѣстіе, ни одна просьба, въ оныхъ помѣщенныя, не заслужили вашего вниманія. Братецъ вашъ и всѣ родные и знакомые ваши могутъ засвидѣтельствовать вашему сіятельству, сколь я мало заслуживаю, по моему неограниченному къ вамъ усердію, такого отъ васъ забвенія.

P. S. Я поставляю долгомъ моимъ донести вашему сіятельству, что по ходатайству Д. П. Татищева великой магистръ пожаловалъ Булгакова и меня почетными кавалерами ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и что, получивъ высочайшее позволеніе, я крестъ сей надѣлъ.

39.

С.-Петербургъ, 24 Генваря 1809.

Его величество король Прусской, въ день отъѣзда своего, пожаловалъ кавалерами Чернаго Орла А. Л. Нарышкина и князя Бѣлосельскаго, при немъ бывшихъ во все время его пребыванія здѣсь, графа А. Н. Салтыкова, Ф. А. Голубцова и графа Ливена; кавалерами Краснаго Орла генералъ-маіоровъ Клейнмихеля и Гогеля, также при свитѣ его величества здѣсь бывшихъ, изъ коихъ первые два, т. е. Александръ Львовичъ и князь Александръ Михайловичъ, получили сверхъ орденовъ отъ королевы каждый по табакеркѣ съ портретомъ ея величества, осыпаннымъ крупными бриліантами. Съ нашей стороны получили по сему случаю генералъ графъ Тауенценъ Александровской орденъ, а посланникъ королевсвой баронъ Шладенъ бриліантовые знаки ордена св. Анны. Принцъ Вильгельмъ — бриліантовые знаки ордена св. Андрея, а принцъ Августъ былъ пожалованъ кавалеромъ сего ордена.

Я подписался для вашего сіятельства на вновь издаваемыя при Сенатѣ Вѣдомости, которыя я съ каждымъ курьеромъ буду имѣть честь къ вамъ доставлять.

40.

С.-Петербургъ, 30 Генваря 1809.

Сколь ни благодаренъ я вашему сіятельству за участіе, съ коимъ вы изволили говорить обо мнѣ графу Николаю Петровичу, я не могу съ другой стороны принять безъ особаго огорченія отказъ, вами мнѣ

дѣлаемый о причисленіи меня къ Парижской миссіи. Медленность, оказываемая Государемъ въ назначеніи по желанію вашему въ Парижъ Крафта, Булгакова и пр., не можетъ ни съ которой стороны быть для васъ сему причиною: ибо всѣмъ извѣстно, что всѣ сіи чиновники не всегда, но случайно подъ начальствомъ вашимъ были тогда, когда я почти безотлучно 13 лѣтъ при васъ находился и вами самими къ Вѣнскому посольству потребованъ. О семъ знаетъ самъ Государь, и я ваше сіятельство могу смѣло увѣрить, что по первому представленію былъ бы я причисленъ къ посольству вашему не въ примѣръ другимъ, что̀ тѣмъ легче можно сдѣлать, что я, бывъ въ Вѣнѣ сверхъ штату, могъ бы быть опредѣленъ и въ Парижѣ на томъ же самомъ положеніи; но поелику я столь несчастливъ, что ваше сіятельство меня имѣть при себѣ болѣе не хотите, то новыми настояніями моими я васъ утруждать себѣ не позволю и въ награду за мою старую вамъ усердную службу убѣдительно прошу васъ только, милостивый благодѣтель мой, исходатайствовать по крайней мѣрѣ у графа Николая Петровича, чтобъ по пріѣздѣ его сюды былъ я отправленъ къ вашему сіятельству курьеромъ, дабы чрезъ то доставить мнѣ случай видѣть Парижъ во время вашего тамъ пребыванія.

Весь Петербургъ наполненъ слухами о вашей размолвкѣ съ графомъ Румянцовымъ и о вашемъ возвращеніи въ Россію. Сей послѣдній слухъ родился вѣроятно отъ того, что Государь на балѣ у графа Строгонова, при графѣ Завадовскомъ и князѣ Алекс. Никол. Голицынѣ, весьма милостиво отзывался на счетъ вашъ, прибавя къ тому, сколь онъ точностію и особливо безпристрастіемъ донесеній вашихъ доволенъ.

Князь Шварценбергъ на сихъ дняхъ только сюды прибылъ и аудіенцію свою у двора будетъ имѣть на будущей недѣлѣ. Назначеніе графа Стакельберга въ Вѣну, которое по пріѣздѣ его должно было выйдти, какъ слышно, совсѣмъ отмѣнено. Постъ сей будетъ занятъ другимъ, но неизвѣстно кѣмъ еще. Между тѣмъ, по жалобѣ Вѣнскаго двора на моего пріятеля Анштета, отправленъ отсюды курьеромъ въ Вѣну колежскій совѣтникъ графъ де-Бальменъ*), съ коимъ между прочимъ послано повелѣніе къ Д. П. Татищеву надсматривать надъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и вступить въ переписку съ дворомъ впредъ до новаго положенія.

---

*) Позднѣе находившійся при Наполеонѣ на островѣ св. Елены. См. его письма оттуда и свѣдѣнія о немъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 и 1869 годовъ. П. Б.

41.

С.-Петербургъ, 2 (14) Февраля 1809.

Вчерась князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ, бывъ у Государя, получилъ неожиданнымъ образомъ увольненіе отъ должности военнаго губернатора, и мѣсто его поручено временнымъ образомъ оберъ-полицеймейстеру Балашову, который по сему случаю былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

Жребій бѣднаго Дивова рѣшенъ. Вчерась Петръ Степановичъ, предупредя прежде Государя чрезъ М. М. Сперанскаго объ участіи вами пріемлемомъ въ пожалованіи его въ камеръ юнкеры, докладывалъ Его Величеству по письму вашему. Государь, отказавъ въ семъ Молчанову, не оставилъ при семъ случаѣ объяснить самъ ему, что тѣже причины, которыя до сего его удерживали опредѣлить его ко двору, для него существуютъ и всегда существовать будутъ. Петръ Степановичъ, говоря мнѣ о семъ, признался, что все, чтó онъ могъ сдѣлать послѣ такого отказа, было то, чтобъ Государь позволилъ ему въ другой разъ объ немъ напомнить, на чтò Его Величество и согласился, но съ такимъ недоброхотствомъ, что нѣтъ возможности считать на какой-либо успѣхъ въ семъ дѣлѣ. О семъ будетъ къ вашему сіятельству самъ Петръ Степановичъ писать и если я его въ семъ предупреждаю, то единственно отъ того, чтобъ, узнавъ сіе обстоятельно, вы не рѣшились бы къ новому подвигу о Дивовѣ и тѣмъ самымъ не поставили бы себя въ положеніе получить новый отказъ.

По письмамъ, полученнымъ изъ Парижа и по тому, чтò слышно при дворѣ, надобно ожидать, что графъ Кочубей ищетъ вашего настоящаго мѣста и вѣроятно въ семъ предуспѣетъ. Всѣ благомыслящіе и вамъ преданные надѣются, что вы не будете дорожить такимъ мѣстомъ, которое ни съ привычками, ни съ правилами вашими сходно быть не должно. Графъ Николай Александровичъ Толстой, говоря съ флигель-адъютантомъ Бенкендорфомъ о семъ слухѣ и о возможности въ исполненіи желанія графа Кочубея, прибавилъ, что по общему мнѣнію напрасно вы поторопились ѣхать въ Парижъ, зная, что графъ Румянцовъ туды отправляется; что непріятности, вами съ нимъ имѣвшіяся, были неизбѣжны и что вы должны были послѣдовать примѣру брата вашего, который, бывъ въ Эрфуртѣ, далъ слово Государю возвратиться въ Парижъ еще на три мѣсяца, но отъ онаго отказался, какъ скоро узналъ, что первый министръ ѣдетъ туды же. Вотъ ихъ разсужденія на счетъ вашъ; они несправедливы, но сего надобно было ожидать, равно какъ и всѣхъ возможныхъ несправедливостей, принявъ мѣсто Парижское.

42.

С.-Петербургъ, 10 (22) Февраля 1809.

Слухи о графѣ Кочубеѣ подтверждаются; всѣ единогласно говорятъ, что онъ будетъ вскорѣ посломъ въ Парижѣ. Посолъ Французскій придалъ много вѣроятности сему слуху, говоря вездѣ, что съ послѣднимъ курьеромъ получилъ онъ письмо отъ Талейрана, въ коемъ сей послѣдній дѣлаетъ ему большое описаніе о графѣ Викторѣ Павловичѣ, отдавая всю возможную справедливость его уму и всѣмъ его любезнымъ качествамъ. Вотъ на первый случай все, что́ до меня на счетъ сей дошло. Коль же скоро узна̀ю болѣе по сему обстоятельству, то не премину вамъ не медля донести.

43.

С.-Петербургъ, 17 Февраля 1809.

М. М. Сперанскій, вручивъ мнѣ вчерась при семъ приложенное письмо къ вашему сіятельству, объявилъ мнѣ, что онъ онымъ проситъ васъ объ исходатайствованіи находящемуся при немъ родственнику покойной жены его, колежскому совѣтнику Цейеру, почетный крестъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, прибавивъ къ тому, что, рѣшась къ сей просьбѣ, онъ представилъ вашему сіятельству меня одного виновникомъ оной, что̀ отчасти и справедливо: ибо, видя его участіе въ семъ чиновникѣ и желаніе его доставить ему помянутый орденъ, я не могъ на вопросъ имъ мнѣ сдѣланный: можетъ ли онъ считать на готовность вашу оказать ему сіе новое одолженіе, не только не поощрить, но и въ семъ ему поручиться, бывъ увѣренъ, что ваше сіятельство поставите себѣ за удовольствіе сдѣлать для него то, что̀ отъ васъ совершенно зависитъ и тѣмъ обязать благодарностію противъ себя такого человѣка, который вамъ во всякомъ случаѣ полезенъ и нуженъ быть можетъ.

Камергеръ Алопеусъ отправился вчерась въ Финляндію съ тайною коммиссіею. За нимъ вслѣдъ поѣхалъ туды же сегодня военный министръ. Говорятъ, что сей послѣдній будетъ ожидать въ Або Государя, который также въ Финляндскую армію отправляться изволитъ.

Я подтверждаю вашему сіятельству, что здѣсь единогласно всѣ увѣряютъ, что, назначеніе графа Виктора Павловича въ Парижъ будетъ неизбѣжно и что сія перемѣна должна воспослѣдовать отъ того, что вы сами въ настоящихъ обстоятельствахъ тамъ оставаться не хотите, что графъ Кочубей тотъ, котораго тамъ вашимъ преемникомъ имѣть желаютъ.

44.

С.-Петербургъ, Іюля 2-го дня 1809.

Въ половинѣ прошедшаго мѣсяца прибылъ сюды изъ Полтавы князь Яковъ Ивановичъ съ намѣреніемъ просить увольненія отъ настоящаго званія его; но теперь, послѣ нѣкотораго личнаго объясненія его съ Государемъ, перемѣнилъ онъ мысль свою и сбирается послѣ родовъ дочери своей возвратиться опять въ Полтаву. Я вижусь съ нимъ почти ежедневно и часто напоминаю ему, сколь молчаніе его должно быть для вашего сіятельства огорчительно. Ежедневно сбирается онъ къ вамъ писать и обѣщаетъ мнѣ не выѣхать отсюды, не оставя мнѣ пространнаго письма къ вамъ.

Андрей Андреевичъ Жерве свидѣтельствуетъ вашему сіятельству свое почтеніе Помня съ благодарностію о милостивомъ обращеніи вашемъ съ нимъ въ Парижѣ, желалъ бы онъ весьма чрезъ г-на Полякова привезть къ вамъ побольше извѣстій и особливо отвѣты на ваши представленія о жалованьи и о прочихъ предметахъ не менѣе для васъ важныхъ и которые остаются всѣ безъ исполненія; но кажется по всему, что симъ заниматься не торопятся. Да можно ли сего скоро и ожидать, когда самыя сообщенія, чрезъ г-на Полякова вамъ дѣлаемыя, простираются только до 7-го Іюня?

Въ будущее Воскресенье отправляется Государь Императоръ на сеймъ въ Борго, откуды онъ намѣренъ возвратиться 21 сего мѣсяца. Графъ Николай Петровичъ и М. М. Сперанскій должны сегодня уже по сему же самому случаю также туды выѣхать. Съ министромъ ѣдетъ только П. П. Щулеповъ.

Вчерась обѣдалъ я въ бывшей вашей Забавѣ у Александра Львовича съ княземъ Петромъ Васильевичемъ, который о васъ много помнитъ. Я вижусь часто съ графомъ Нессельродомъ, который также весьма вамъ преданъ.

45.

С.-Петербургъ, 28 Іюля 1809.

Я спѣшу донести вашему сіятельству, что по прежнему намѣренію моему отправляюсь я сегодня въ Москву, но не одинъ, какъ я прежде предполагалъ, а съ графинею Аленою Алексѣевною, которой угодно было меня пригласить съ собою ѣхать. Въ Москвѣ пробудемъ мы только три или четыре дни и потомъ поѣдемъ въ Куракино, откуды съѣзжу повидаться съ братомъ въ Курскъ. Я рѣшился тѣмъ скорѣе отлучиться теперь отсюды, что графа Николая Петровича здѣсь нѣтъ и что онъ изъ Финляндіи конечно прежде двухъ недѣль не возвратится. Къ тому же времени или по крайней мѣрѣ къ 1-му Сентября я обратно

самъ здѣсь буду. По пріѣздѣ въ Москву, я постараюсь отыскать М. С. Бахметеву, побывать съ нею въ Островѣ и потомъ сдѣлать вашему сіятельству подробное описаніе о всемъ томъ, что́ я тамъ узнаю и увижу.

Наши бѣдные Булгаковы лишились отца. Въ шестой день по пріѣздѣ сына его Константина въ Москву онъ занемогъ нервическою горячкою, отъ которой на 9-й день скончался. Несчастное приключеніе сіе принудило отсрочить свадьбу старшаго изъ нихъ на неизвѣстное время.

Я не въ силахъ описать вашему сіятельству, сколь князь Борисъ Алексѣевичъ обрадованъ и благодаренъ вамъ за участіе вами принятое въ его положеніи и за милости, вами ему оказанныя. Письмо ваше по сему предмету къ батюшкѣ его произвело самое лучшее дѣйствіе; однимъ словомъ, онъ теперь по милости вашей имѣетъ 30.000 рублей годоваго доходу, изъ котораго легко для него будетъ уплатить вскорѣ долги свои.

Сейчасъ узналъ я, что любимая племянница ваша, Марья Яковлевна Нарышкина, родила сегодня сына, который нареченъ Львомъ. Александръ Львовичъ и князь Яковъ Ивановичъ отъ сего въ восхищеніи.

46.

С.-Петербургъ, Іюня 29 дня 1809.

Г-нъ Поляковъ, опредѣленный къ Парижской миссіи, отправляется сегодня къ вашему сіятельству и я, узнавъ о семъ, спѣшу препроводить у сего шесть пакетовъ на имя ваше, изъ которыхъ три вручены мнѣ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ, а прочіе графомъ Литтою. Я радуюсь тѣмъ болѣе отъѣзду г-на Полякова, что письмо сіе будетъ вашему сіятельству имъ самимъ доставлено и что оно не будетъ имѣть жребій писемъ моихъ со вложеніемъ таковыхъ же на имя ваше отъ графини Алены Алексѣевны и графини Катерины Васильевны, отправленныхъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ и Горголіемъ и потомъ съ княземъ Павломъ Гавриловичемъ, которые, бывъ посланы Государемъ въ главную квартиру императора Наполеона, въ настоящихъ обстоятельствахъ не найдутъ, можетъ быть, скоро удобныхъ случаевъ или еще и забудутъ письма мои къ вашему сіятельству переслать, что̀ меня теперь весьма безпокоитъ.

М. М. Сперанскій показывалъ мнѣ въ свое время отзывъ, вашимъ сіятельствомъ ему сдѣланный, на просьбу его о доставленіи Мальтійскаго креста родственнику его коллежскому совѣтнику Цейеру. Гнѣвныя выраженія, коими вы въ onомъ изволите на счетъ мой изъясняться, тѣмъ болѣе были для меня чувствительны, что я оныхъ ни съ которой

стороны нимало не заслуживаю. Вся вина моя въ дѣлѣ семъ состоитъ въ томъ, можетъ быть, что я Михайла Михайловича отъ мысли сей не отвелъ. Но могъ ли я сіе сдѣлать и не долженъ ли я былъ считать, что ваше сіятельство въ тягость себѣ не поставите желаніе его исполнить, когда вы милость имъ просимую для человѣка, въ коемъ онъ большое участіе пріемлетъ, такимъ людямъ доставили, которые не болѣе его права на оную имѣютъ? Михайло Михайловичъ, отдавая мнѣ письмо сіе, прибавилъ, что онъ крайне жалѣетъ, что я изъ усердія къ нему попалъ подъ гнѣвъ вашъ, котораго я тѣмъ менѣе заслуживаю, что не я первый далъ ему мысль просить ходатайства вашего о крестѣ Мальтійскомъ Цейеру; что еслибъ онъ самъ оной не имѣлъ и не зналъ бы, что исполненіе зависитъ единственно отъ вашего сіятельства, то по одному настоянію моему не рѣшился бы онъ къ вамъ съ оною обратиться и что, наконецъ, если онъ въ письмѣ своемъ показывалъ изъ одной шутки меня одного виновникомъ его предстательства за Цейера, то сіе онъ сдѣлалъ въ томъ удостовѣреніи, что ваше сіятельство примите просьбу его въ настоящемъ смыслѣ ея, и оборотъ сей не послужитъ причиною отказа, котораго онъ не ожидалъ.

Князь Алексѣй Борисовичъ изволилъ мнѣ поручить тому мѣсяцъ назадъ нужное письмо къ вашему сіятельству, которое я отправилъ съ графомъ Паленомъ, выѣхавшимъ отсюда чрезъ Парижъ къ посту своему въ Филадельфію. Отъ сего послѣдняго изволите узнать, милостивый мой благодѣтель, что, бывъ по сіе время безъ мѣста, рѣшился было я проситься ѣхать съ нимъ въ качествѣ совѣтника посольства, что всѣ участвующіе во мнѣ и особливо Марья Антоновна о доставленіи сего мѣста мнѣ старались; но графъ Николай Петровичъ и въ семъ случаѣ мнѣ отказалъ, отозвавшись всѣмъ тѣмъ, которые обо мнѣ говорили, что мѣсто сіе, бывъ имъ обѣщано колежскому совѣтнику Полетикѣ, меня намѣренъ онъ помѣстить на другое не менѣе выгодное того. Между тѣмъ вотъ уже три мѣсяца, что̀ онъ здѣсь, и я остаюсь при однихъ увѣреніяхъ. Всѣ сіи причины и особливо явное недоброхотство его ко всѣмъ тѣмъ, въ коихъ вы участвуете, рѣшили меня его сіятельство болѣе ни о чемъ не просить и, чтобъ здѣсь по пустому не проживаться, выпроситься въ отпускъ на мѣсяцъ или два и ѣхать въ Курскъ къ брату, что̀ я и намѣренъ въ началѣ будущаго мѣсяца исполнить, бывъ увѣренъ, что ваше сіятельство найдете рѣшимость мою основательною.

При семъ имѣю честь препроводить также къ вашему сіятельству письмо отъ Булгакова, прибывшаго сюды курьеромъ изъ Кракова, гдѣ вся Вѣнская миссія наша болѣе мѣсяца находится. Теперь же, по извѣстіямъ здѣсь полученнымъ отъ графа Бальмена, пріѣхавшаго сюды

также курьеромъ, должны Анштетъ, Фроманъ, Крафтъ и Кудрявской находиться въ *Котицкѣ*, гдѣ, кажется, они долго проживутъ, ибо объ нихъ не сдѣлано никакого распоряженія; а графъ Николай Петровичъ ѣдетъ въ Борго, откуды онъ не прежде осьми или десяти дней прибудетъ назадъ. Непонятно всѣмъ, для чего Уваровъ предпочелъ выѣхать въ Тропау и за миссіею не послѣдовалъ. Прежде полагалъ я, что онъ намѣренъ проѣхать чрезъ Шлезію въ Россію; но по письму, мною отъ него полученному отъ 25 го Іюня изъ Тропау, видно, что онъ оттуды ѣхать не торопится. Прежде же, нежели ѣхать ему въ Парижъ къ вашему сіятельству, необходимо нужно ему побывать въ Россіи и повидаться съ матерью, которой здоровье и дѣла болѣе и болѣе разстроиваются. О семъ объяснялъ я и министру, который мнѣ изволилъ сказывать, что онъ вашему сіятельству писалъ, чтобы вы его употребляли вмѣсто Гагарина, на ваканцію котораго нельзя, по словамъ его, опредѣлить Шрейдера, котораго вы желали имѣть.

Я бываю почти ежедневно у графини Литты и могу смѣло увѣрить ваше сіятельство, что вы имѣте въ ней самаго вѣрнаго друга. Она навѣщаетъ весьма часто новаго крестника ея, который подлинно ребенокъ прекрасный и такъ веселъ и здоровъ, какъ нельзя болѣе желать. Князь Борисъ Алексѣевичъ весьма благодаренъ вамъ за подарокъ 4,000 рублей и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ отвѣта вашего на его пространное письмо, писанное съ Французскимъ курьеромъ. Графъ Зотовъ въ восхищеніи отъ письма, которое онъ отъ вашего сіятельства получилъ и повидимому усердно принимается за управленіе дѣлъ вашихъ.

Если мнѣ удастся быть по желанію моему въ Курскѣ, то ваше сіятельство можете быть увѣрены, что я въ проѣздъ мой чрезъ Москву буду и въ домѣ, и въ шпиталѣ вашемъ; но намѣренъ посредствомъ М. С. Бахметевой, которую мнѣ немудрено будетъ отыскать, побывать и въ *Островѣ*, чтобъ въ донесеніи моемъ изъ Москвы сказать вашему сіятельству и о состояніи, въ которомъ теперь находится помѣщица сей подмосковной [1]).

47.

С.-Петербургъ, 5-го Октября 1809.

Прежде нежели приступлю я къ отвѣту на милостивое письмо ваше ко мнѣ, позвольте мнѣ, сіятельнѣйшій князь, сдѣлать вамъ донесеніе мое о пребываніи моемъ въ Москвѣ и о томъ, что̀ я достойнаго вниманія вашего видѣть и слышать могъ.

Прибывъ туды съ графинею Аленою Алексѣевною [2]), я взялъ смѣ-

---

[1]) Графиня А. А. Чесменская, на которой князь Куракинъ помышлялъ жениться. П. Б.
[2]) Зотовой, племянницею князя Куракина. П. Б.

лость, считая на снисхожденіе ваше ко мнѣ, остановиться въ домѣ вашемъ, какъ въ проѣздъ мой въ Курскъ, такъ и по возвращеніи моемъ оттуды. Проѣзжая Москву въ Августѣ мѣсяцѣ, узналъ я, что *гр. А. А.* отправилась въ Серпуховскія деревни дяди своего графа Володимира Григорьевича, гдѣ она и пробыла до исхода того мѣсяца. На возвратномъ же пути моемъ изъ Курска, найдя ее въ Москвѣ оттуда пріѣхавшую, я не медля къ ней поѣхалъ и, не смотря на то, что она никого чужихъ не принимаетъ, я былъ ею принятъ самымъ вѣжливымъ и ласковымъ образомъ. Тысячу вопросовъ, сдѣланныхъ ею о вашемъ пребываніи въ Вѣнѣ и настоящемъ образѣ жизни въ Парижѣ, доказали мнѣ, что постоянство ваше въ чувствахъ вашихъ къ ней было для нея не совсѣмъ равнодушно. Выслушавъ все то, что́ я счелъ за приличное сказать ей при семъ случаѣ, какъ о памяти, вами сохраняемой къ покойному отцу ея, такъ и о безпрерывномъ участіи вашемъ въ ея благополучіи, она поручила мнѣ донести вамъ, что никто болѣе ея васъ не почитаетъ и что она съ признательностію помнитъ о всѣхъ къ ней примѣчаніяхъ вашихъ и о томъ времени, которое она въ домѣ вашемъ и вообще въ обществѣ вашемъ провела, прибавя къ сему съ чувствительностію, что она васъ всегда считать будетъ самымъ лучшимъ другомъ покойнаго отца ея. Ободренъ будучи таковымъ объясненіемъ ея со мною, я продолжалъ почти ежедневно ѣздить къ ней и могу смѣло сказать, что, изъ уваженія къ вамъ, никто изъ посторонних не былъ столь много въ домѣ ея обласканъ, какъ я. Образъ жизни ея мало перемѣнился. Обѣдаетъ она въ тѣ же часы, какъ было и при покойномъ; общество ея обыкновенно состоитъ по старому изъ тетки ея Жеребцовой и дочерей ея и Александра Алекс. Чесменскаго, который также много о васъ помнитъ и просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Въ домѣ нашелъ я тѣхъ же самыхъ людей; даже въ мебеляхъ не видалъ я никакой перемѣны; но большую перемѣну нашелъ я въ самой хозяйкѣ, которая примѣтнымъ образомъ похудѣла въ лицѣ и даже къ сожалѣнію моему долженъ вамъ донести и *постарѣла* съ печали, въ которую она ввергнута была кончиною отца своего и отъ которой по словамъ Чесменскаго и здоровье ея много пострадало. Вотъ вамъ, сіятельнѣйшій князь, подробное описаніе того, что́ я видѣлъ и слышалъ подъ Донскимъ. Я желаю сердечно, чтобъ то послужило къ удовольствію вашему и чтобъ вы, милостивый благодѣтель, и въ исполненіи сего порученія видѣли мою непрерывную готовность дѣлать вамъ угодное.

Въ Басманномъ домѣ вашего сіятельства нашелъ я большой порядокъ, который бы еще болѣе наблюдаемъ былъ, если бы половину лишнихъ людей отослать велѣли вы или въ деревню, или отпустить по

пашпортамъ. Осматривая нѣсколько разъ парадныя и нижнія комнаты ваши, нашелъ я въ нихъ большую чистоту и всѣ картины въ такомъ сбереженіи, что нѣтъ никакой надобности снимать ихъ съ настоящихъ мѣстъ и переносить наверхъ, какъ то вы предписывать въ канцелярію изволите; ибо въ нижнемъ этажѣ нѣтъ никакой сырости и то, чтὸ вамъ по сему случаю было донесено, есть совершенная ложь. Получа о семъ приказъ вашъ, мы съ Иваномъ Ильичемъ каждую картину осматривали и, найдя дошедшее до васъ несправедливымъ, рѣшились оставить всѣ картины на прежнихъ мѣстахъ. Свидѣтельствуя вашему сіятельству объ усердіи и попеченіи Ивана Ильича за домомъ вашимъ, я не могу также не отдать справедливости Красовскому, по приглашенію котораго осматривалъ я вашъ Московскій шпиталь и нашелъ въономъ во всѣхъ частяхъ такой порядокъ, каковаго никогда при предмѣстникѣ его въ семъ заведеніи не было. Съ того времени, чтὸ оно подъ его начальствомъ, онъ успѣлъ не токмо за весьма малую цѣну всѣ недостатки въ содержаніи шпитантовъ исправить, но и церковь снова вычинить и весь иконостасъ вызолотить, такъ что теперь она совершенно новый видъ получила. Таковые труды и почтеніе его, равно какъ и усердіе его къ соблюденію пользъ вашихъ, даютъ ему все право на изъявленіе ему вашего удовольствія, и ваше сіятельство отдадите ему должное, поощривъ его милостивымъ письмецомъ, которымъ онъ конечно много польщенъ будетъ.

Неуспѣхъ мой въ подвигахъ предъ графомъ Николаемъ Петровичемъ объ опредѣленіи моемъ за границею долженъ бы былъ меня давно рѣшить къ переходу въ гражданскую службу, если бы я не зналъ, сколь такого рода перемѣщенія въ моемъ чинѣ сопряжены много съ препятствіями. Сверхъ сего, зная, что письмо сіе будетъ вручено барономъ Александромъ Николаевичемъ, я могу откровенно сказать вашему сіятельству, что и Марья Антоновна Нарышкина, столь много мнѣ благодѣтельствующая, единственно изъ уваженія къ вашему сіятельству, не совѣтуетъ мнѣ оставлять теперь коллегію, обѣщая мнѣ при первой возможности хорошее мѣсто доставить. Нѣсколько разъ имѣла она уже случай говорить Государю, и если бы не упорство графа Николая Петровича опредѣлить при графѣ Паленѣ Полетику, конечно бы имѣлъ я сіе мѣсто: ибо по запискѣ, поданной чрезъ нее тогда Государю, было уже обо мнѣ приказано; но графъ отозвался Его Величеству, что мѣсто сіе было имъ давно Полетикѣ обѣщано и что я имъ назначенъ въ Неаполь, хотя однако же по сіе время о помѣщеніи моемъ туды указа нѣтъ, и А. А. Бибиковъ все еще безъ секретаря посольства. Между тѣмъ съ пріѣзду моего сюды было мнѣ сдѣлано, къ удивленію моему, отъ графа предложеніе принять мѣсто К. Д. Си-

верса, возвратившагося изъ Яссъ по кончинѣ князя Прозоровскаго. М. К. Вестманъ, говоря мнѣ о семъ, показалъ мнѣ записку, въ докладъ сдѣланную, въ которой въ кандидаты помѣщены для опредѣленія къ князю Багратіону со мною вмѣстѣ князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ и Цизмеръ, прибавилъ къ тому, что поелику первый изъ нихъ женатъ, а послѣдній жениться собирается, то что вѣроятно, что я предпочтительнѣе для сего мѣста избранъ буду. Соглашаясь принять оное, я намѣренъ завтра ѣхать къ графу и просить его, дабы при назначеніи меня къ князю Петру Ивановичу былъ я вмѣстѣ съ симъ въ одномъ указѣ опредѣленъ и въ Неаполь, чтобъ, по окончаніи дѣлъ въ Яссахъ, особливо по заключеніи мира съ Портою, могъ я прямо ѣхать въ Италію и, если можно, чрезъ Парижъ и имѣлъ счастіе видѣть ваше сіятельство. Для лучшаго успѣха моихъ подвиговъ просилъ я сегодня Марью Антоновну подкрѣпить оные своимъ покровительствомъ, что̀ она изволила обѣщать мнѣ исполнить.

Бывшая миссія вашего сіятельства долгое время разсѣяна была по дорогѣ еще изъ Вѣны сюды, а часть оной и теперь ожидаетъ за границею рѣшенія своего жребія; здѣсь только Крафтъ, безпрестанно больной Фрейгангъ, вывезшій изъ Вѣны памятникъ пріятный на всю его жизнь, и Покосовской, пріѣхавшій съ архивомъ. Анштетъ все еще въ Коцкѣ, имѣя при себѣ Фромана и Кудрявскаго. Присутствіе его нужно въ Коцкѣ, пострадавшемъ много отъ военныхъ происшествій. Жребій его, по поводу будущаго его служенія, еще, кажется не рѣшенъ: сюды его не призываютъ и, кажется, дадутъ ему время отдохнуть. Уваровъ нашелъ также, наконецъ, способъ проѣхать въ Вяземскія деревни матери своей, гдѣ пробывъ три мѣсяца, отправится онъ къ вашему сіятельству, надѣясь, что въ теченіе сего времени разстроенныя дѣла матушки его немного поправятся, ибо въ противномъ случаѣ не въ состояніи она будетъ содержать его въ Парижѣ приличнымъ образомъ *).

При семъ имѣю честь препроводить экземпляры манифеста и трактата о мирѣ съ Швеціею, о заключеніи котораго въ Фридрихсгамѣ ваше сіятельство должны быть извѣстны. Теперь всѣ взоры обращены на князя Багратіона, который дѣятельностію своею хочетъ, кажется, вознаградить все время, потерянное предмѣстникомъ его. Онъ уже успѣлъ разбить сераскира и принудить Измаилъ къ сдачѣ. Сіе извѣстіе тѣмъ пріятнѣе для вашего сіятельства будетъ, что не пере-

---

*) Уже заготовлена была коляска для отъѣзда молодаго Уварова въ Парижъ на мѣсто секретаря посольства (занятое потомъ графомъ Нессельроде), какъ устроилась свадьба его съ дочерью графа Разумовскаго; онъ остался въ Россіи, и вся его жизнь сложилась иначе. П. Б.

ставали вы никогда твердить покойному князю Прозоровскому, что одною силою оружія можно побудить Турокъ къ миру. Увѣренъ будучи въ сей правдѣ, не сомнѣваюсь я также, чтобъ побѣды молодаго героя не довели насъ скоро до сей цѣли и не освѣжили въ памяти невѣрныхъ Суворова и дѣянія храбрыхъ войскъ нашихъ. Князь Багратіонъ за разбитіе сераскира пожалованъ орденомъ св. Андрея.

Пожалѣйте, сіятельнѣйшій князь, о бѣдныхъ Булгаковыхъ: лишась отца, который умеръ, не сдѣлавъ въ пользу ихъ духовной, они лишаются всего имѣнія. Коль скоро родственники ихъ, дѣти Петра Ивановича Булгакова, вступили въ искъ, Константинъ Яковлевичъ пріѣхалъ сюды и подалъ просьбу Государю, представя при оной въ доказательство намѣреніе отца ихъ сдѣлать ихъ наслѣдниками имѣнія благопріобрѣтеннаго, черную духовную, рукою покойнаго писанную и найденную въ его бумагахъ. Теперь дѣло ихъ отдано въ Совѣтъ, гдѣ князь Алексѣй Борисовичъ, зная ваше участіе въ нихъ, сильно по милости своей за нихъ ходатайствуетъ, и по словамъ его сіятельства надобно надѣяться, что Государь помянутой духовной утвердить не отречется: ибо по указу, коимъ они признаны и съ котораго при семъ прилагаю копію, безъ законной духовной не имѣютъ они никакого права на наслѣдство.

Имѣю честь поднести у сего вашему сіятельству три письма, изъ коихъ одно отъ С. П. Тутолминой, другое отъ М. Я. Нарышкиной, а третье отъ графа Литты. Сей послѣдній, отдавая мнѣ оное, поручилъ извѣстить ваше сіятельство, что въ угодность вашу писалъ уже онъ въ Римъ къ поручику великаго магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, бальи Гвевари, о подтвержденіи логогрифа, присланнаго на крестъ сего ордена барону Крюднеру, и что въ успѣхѣ сего онъ не сомнѣвается; ибо предъ симъ тоже самое по предстательству графа Литты бальи Гвевари сдѣлалъ для меня, и я теперь на крестъ мой имѣю два диплома.

(*Сообщено княземъ Ѳ. А. Куракинымъ*).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1828-й годъ.

(Писано въ 1830 и 1831 годахъ).

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго съ 1811 по 1827 годъ включительно изданы въ «Русскомъ Архивѣ» (см. по указателю въ «Предметной Росписи»). Разсказъ о первомъ взятіи Карса (въ Іюнѣ 1828 г.) еще ранѣе помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года. Нынѣ, получивъ возможность къ дальнѣйшему изданію этихъ важныхъ для Русской исторіи Записокъ, напомнимъ читателю, что въ Ноябрѣ 1827 года Николай Николаевичъ возвратился въ Тифлисъ изъ славнаго Персидскаго похода. П. Б.

...Изъ арміи пріѣзжали поодиночкѣ многіе чиновники. Красовскій также пріѣхалъ въ Тифлисъ. Онъ питалъ неукротимую злобу противъ Паскевича за всѣ несправедливости и непріятности, ему сдѣланныя, и не скрывалъ сего. У него было собраніе всѣхъ нелѣпыхъ предписаній, распоряженій и обвиненій противъ него Паскевича, и онъ читалъ ихъ тому, кому любо было слушать. Такая откровенность со стороны человѣка, занимавшаго высокую степень, льстила молодымъ людямъ, которые около него собирались. Нельзя Красовскаго оправдать въ семъ случаѣ. Оскорбленія, имъ несправедливо полученныя, были велики; но онъ не долженъ былъ смущать другихъ, въ особенности обращать молодежь противъ главнаго начальника. Его неудовольствію не было границъ. Онъ просился въ Россію, и никакія условія, ни обѣщанія не могли его болѣе удержать подъ начальствомъ Паскевича. Красовскій былъ въ перепискѣ съ Дибичемъ, коему онъ доставлялъ, кажется, копіи съ обвиненій Паскевича и оправданія свои съ изображеніемъ дѣлъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и иски его имѣли полный успѣхъ: онъ былъ переведенъ въ Россію и подъ покровительствомъ Дибича продолжалъ въ Турецкую войну службу свою съ успѣхомъ. Онъ оказался лучше многихъ. Красовскій, впрочемъ, храбръ и дѣятеленъ и чрезъ сіи качества, при весьма недостаточномъ образованіи его, получилъ себѣ на войнѣ доброе имя и милости Государя.

Паскевичъ находилъ, что Красовскій интриговалъ противъ него въ Эривани съ Армянскимъ архіепископомъ Нерсесомъ, къ которому

онъ однакожъ прежде сего имѣлъ большую довѣренность. Донесенія его, основанныя на столь несообразныхъ предположеніяхъ, не могли имѣть вѣса и должны были болѣе служить къ его собственному обвиненію. Таковыхъ людей всегда удаляли изъ Грузіи, но еще не было примѣра, чтобы они пострадали въ Россіи; напротивъ того, Государь не переставалъ отличать сихъ сподвижниковъ побѣдъ и успѣховъ, сопровождавшихъ походы Паскевича и оставлявшихъ его.

Красовскій и меня завлекалъ; но я постоянно уклонялся отъ него, ибо я еще не раздѣлался съ Грузіею и долженъ былъ помышлять о семействѣ своемъ, которое хотѣлъ съ собою вывезти, каковой возможности я бы былъ лишенъ, если бы, не дождавшись отпуска своего, разсорился бы явно съ главнокомандующимъ. Я хотѣлъ съ нимъ разойтись мирно, ибо все до меня касавшееся, касалось и семейства моего. При томъ же я не находилъ удовольствія въ обществѣ Красовскаго, который, по необразованности своей, праздности, а иногда неблагопристойной веселости, не могъ меня занимать; а потому я болѣе убѣгалъ его, а у себя принималъ его съ холодностію. Онъ замѣчалъ сіе, смѣялся моей осторожности и не переставалъ приставать ко мнѣ; я же, съ своей стороны, не желая оскорбить его личность, оставлялъ его въ мысляхъ, что я убѣгалъ его изъ осторожности, говоря ему, что онъ долженъ былъ разсудить, что ему было нечего опасаться, но что мое положеніе было иное, что я долженъ былъ заботиться о семействѣ своемъ. И онъ находилъ мысль сію справедливою, хотя и не переставалъ по прежнему дѣйствовать, не взирая на то, что я ему представлялъ, сколько такое поведеніе его было далеко отъ дружескаго расположенія, которое онъ мнѣ показать хотѣлъ. Казалось бы, что такое съ моей стороны обхожденіе должно было не расположить Красовскаго въ мою пользу; напротивъ того, человѣкъ сей до сихъ поръ не перестаетъ мнѣ оказывать всякое участіе и постоянно поддерживалъ меня въ добромъ расположеніи Дибича и Государя. Не понимая побудительныхъ къ сему причинъ, я охотно приписываю сіи поступки доброй душѣ Красовскаго и невольнымъ образомъ увлекаюсь душевнымъ расположеніемъ къ человѣку сему, который былъ вообще всегда любимъ своими подчиненными.

Я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры 15-го Марта, за отличіе въ Персидскую войну, прослуживъ безъ малаго 8 лѣтъ въ чинѣ полковника, когда чинъ сей доставался уже мнѣ по старшинству. Не менѣе того я обогналъ около ста полковниковъ, въ числѣ коихъ однакоже бо́льшая часть состояла изъ такихъ, которыхъ уже давно обходили въ производствѣ. Чинъ сей былъ для меня весьма пріятенъ тѣмъ, что онъ меня ставилъ въ нѣкотораго рода независимость отъ обязан-

ностей, которыя могли еще на меня возложить въ Кавказскомъ корпусѣ. Меня всего болѣе однакоже радовало вліяніе, которое званіе сіе имѣло на благосостояніе семейства моего и отраженіе почести сей на оное.

25-го числа пріѣхалъ Паскевичъ въ Тифлисъ. Ему готовили пышную встрѣчу. Грузинскіе князья, при всей своей ненависти къ нему и не имѣя даже личнаго уваженія, хотѣли привѣтствовать его 12 дѣвицами изъ лучшихъ фамилій, богато одѣтыми, которыя должны были поднести ему вѣнокъ или стихи. Сіе дѣлали съ тѣмъ, чтобы склонить его въ пользу отцовъ. Меньшую дочь Чавчавадзева Катеньку хотѣли также включить, какъ слышно было, въ число сихъ представительницъ; но умное 12 лѣтнее дитя сіе слышало въ разговорахъ объ обхожденіи и поступкахъ Паскевича и не захотѣло принять на себя этой роли. Не знаю, какимъ образомъ все дѣло обошлось безъ сего лицемѣрнаго привѣтствія, и Паскевичъ тихо въѣхалъ въ Тифлисъ.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда и принялъ въ кабинетѣ своемъ наединѣ. Онъ, казалось, не имѣлъ на меня никакого негодованія за прошедшее и принялъ ласково, приглашалъ остаться на службѣ въ Грузіи, обѣщая мнѣ всякія почести, и прибавилъ, что, если въ прошлую Персидскую войну ему случилось, можетъ быть, иногда выдти изъ границъ вѣжливости и уваженія, то просилъ меня отнести сіе къ многоразличнымъ и труднымъ занятіямъ, озабочивавшимъ его въ то время, выводившимъ его иногда изъ терпѣнія и представлявшимъ вспыльчивый нравъ его совсѣмъ въ иномъ видѣ; наконецъ, онъ просилъ меня забыть все прошедшее между нами непріятное.

Таковой пріемъ начальника достаточенъ былъ для меня, дабы оставить личныя неудовольствія, которыя я на него имѣлъ. Я ему отвѣчалъ, что мнѣ, какъ подчиненному, первому слѣдуетъ просить у него извиненія во всѣхъ ошибкахъ и неумышленныхъ винахъ, которыя я вѣроятно относительно къ нему имѣлъ, и что я прошу его забыть оныя. Я изъявилъ ему и желаніе, и добрую волю свою продолжать службу въ Кавказскомъ корпусѣ, подъ его начальствомъ, и сказалъ ему, что просилъ было письмомъ къ Дибичу перевода въ Россію, но что я на дняхъ получилъ отвѣтъ отъ Дибича, коимъ онъ изъявилъ мнѣ желаніе свое, дабы я остался въ Грузіи по случаю предстоявшей Турецкой войны.

Письмо сіе я получилъ дни за два до разговора съ Паскевичемъ. Содержаніе онаго было для меня весьма лестное. Дибичъ писалъ ко мнѣ, что присутствіе мое находилъ онъ въ особенности нужнымъ при предстоявшихъ обстоятельствахъ войны, и я съ удовольствіемъ принялъ сіе приглашеніе. Казалось мнѣ, что и Паскевичъ получилъ по-

добное же на мой счетъ; не думаю, чтобы иныя причины побудили его къ столь предупредительному обхожденію со мною. Онъ никогда не могъ забыть взятіе Тавриса и никогда не прощалъ сего мнѣ; но въ семъ случаѣ онъ вынужденъ былъ къ обходительности со мною и скрылъ чувство негодованія, которое онъ ко мнѣ имѣлъ, и мы такимъ образомъ примирились.

За симъ онъ испыталъ меня еще однажды, пригласивъ къ принятію званія начальника штаба въ корпусѣ; но я ему отвѣчалъ, что, не избирая рода службы подъ его начальствомъ, я полагалъ основательнымъ отказаться отъ сей дожности, въ коей примѣръ прошлаго похода удостовѣрялъ меня, что я не въ состояніи былъ исправлять оную при немъ, и онъ замолчалъ.

— Есть однакоже, продолжалъ Паскевичъ, и другія званія, которыя были бы для васъ лестны и между коими вы можете избрать то, котоное вамъ болѣе понравится. Вы можете получить начальство надъ осадою крѣпости Анапы. Вы можете получить званіе начальника областей, которыя мы возьмемъ у Турокъ. Вы можете получить командованіе гренадерской бригадой, состоящей изъ трехъ полковъ. Которое вы желаете изъ сихъ трехъ? Я отвѣчалъ, что, предаваясь распоряженію начальства, я не полагалъ себя въ правѣ избирать должностей для себя, и готовъ принять ту, къ которой меня признáютъ болѣе способнымъ, но далъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что послѣдняя была бы для меня всѣхъ пріятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, первое назначеніе, отдаляя меня отъ Грузіи и семейства моего, не давало мнѣ еще прочнаго и опредѣленнаго мѣста; второе предложеніе казалось мнѣ весьма неосновательнымъ; третье же назначеніе было для меня лестно: командованіе 12000 гренадеръ въ военное время должно было меня польстить, и я въ скорости получилъ оное.

Послѣ сего разговора съ Паскевичемъ я возвратился въ семейство свое совсѣмъ въ иномъ видѣ: всѣ мои желанія исполнились, задумчивость моя прошла, и я снова сдѣлался и дѣятельнымъ, и веселымъ, чтò имѣло вліяніе и на весь домъ мой.

Вельяминовъ все еще считался начальникомъ штаба въ корпусѣ, но онъ до второй Персидской войны еще выѣхалъ изъ Грузіи и жилъ у себя въ деревнѣ. Надобно было кѣмъ либо занять мѣсто сіе, на которомъ не могли устоять въ теченіе менѣе чѣмъ одного года четыре человѣка: Вельяминовъ, я, Красовскій и графъ Сухтеленъ (онъ также разстался съ Паскевичемъ не въ ладахъ и уѣхалъ послѣ взятія Ардебиля изъ Персіи въ Россію черезъ Дагестанъ, минуя Тифлисъ).

Рѣчь шла о генералѣ Панкратьевѣ и полковникѣ Шиповѣ, командовавшемъ сводным драгунскимъ полкомъ въ Грузіи, пришедшимъ

ко второму Персидскому походу; о генералѣ Сакенѣ, командирѣ уланской бригады и исправлявшемъ должность Тавризскаго военнаго губернатора. Первый былъ назначенъ начальникомъ въ Хоѣ надъ областями, оставшимися еще во владѣніи нашемъ послѣ мира съ Персіею въ залогъ до уплаты условленной дани; второй былъ нѣсколько замѣченъ въ происшествіи въ Петербургѣ 14 Декабря (полагаю невинно или несправедливо). О Шиповѣ, какъ я слышалъ было еще представлено Паскевичемъ изъ Тавриса и отказано. Оставался Сакенъ *), который поспѣшно пріѣхалъ изъ Тавриса и вступилъ въ исполненіе должности начальника штаба при Кавказскомъ корпусѣ.

Сакенъ моихъ лѣтъ. Его льстило назначеніе сіе и, не взирая на случившееся съ предшественниками его, онъ надѣялся удержаться на семъ мѣстѣ, можетъ быть, даже въ тайнѣ обвинялъ предшественниковъ своихъ въ сношеніяхъ ихъ съ Паскевичемъ. Сакену очень хотѣлость быть утвержденнымъ въ семъ званіи, и о немъ было представлено Государю; но соизволенія не послѣдовало, и онъ оставался все время исправляющимъ должность. Онъ говоритъ, что его одно только огорчило въ семъ званіи, то, что надобно будетъ усы сбрить и носить вмѣсто сабли шпагу. Сакенъ въ душѣ кавалеристъ, знаетъ службу кавалерійскую въ совершенствѣ и, кажется, посвятилъ себя совершенно оной. Способности имѣетъ весьма хорошія, въ занятіяхъ по службѣ неутомимъ и необыкновенной дѣятельности. Познаній онъ не имѣетъ, чтеніемъ мало занимается. Порядокъ письменныхъ дѣлъ, какъ все касающееся до обязанности его, знаетъ въ совершенствѣ. Точность въ исполненіи имѣетъ необыкновенную, равно требуетъ подобной отъ подчиненныхъ своихъ, а потому онъ слыветъ взыскательнымъ. Часто обращаетъ онъ слишкомъ много вниманія на мелочи, наискучнѣйшихъ предметовъ не упускаетъ изъ виду. Честолюбивъ въ высокой степени, желалъ слыть великимъ вождемъ и имѣлъ страсть къ полученію орденовъ, какъ молодой офицеръ. Справедливъ во всякомъ случаѣ, безкорыстенъ въ высокой степени. Въ обхожденіи вѣжливъ и никогда не забывается предъ подчиненными, имѣетъ людей, съ коими сближается и часто довѣряетъ имъ слишкомъ скоро и много. Въ сраженіи храбръ и запальчивъ. Смѣлость его бываетъ необдуманная и можетъ иногда имѣть дурныя послѣдствія при дѣйствіяхъ пѣхотою и артиллеріею; въ дѣйствіяхъ кавалеріею храбрость его умѣстная. Отъ души добръ, сострадателенъ, услужливъ и отличныхъ правилъ нравственности, честности и благородства. Набоженъ до странности: читаетъ, такъ сказать можно, на каждомъ шагу молитвы и крестится,

*) Это славный впослѣдствіи графъ Дмитрій Ерофеевичъ. П. Б.

произнося молитвы мудренымъ, высокимъ, писклнвымъ голосомъ, чего я въ немъ никакъ понять не могъ. Добрый мужъ и отецъ, любитъ семейство свыше всего въ мірѣ, въ домашнемъ быту отлично хорошъ и счастливъ, гостепріименъ. Жена его умная, добрая и любезная женщина, обожающая мужа своего.

Вотъ описаніе Сакена. Изо всего вышесказаннаго видно, что человѣкъ сей исполненъ достоинствъ, какъ гражданинъ и служивый. Его очень многіе любили и уважали отъ души. Онъ исполнялъ должность свою съ честью и успѣхомъ въ военное время, когда всѣ занятія его ограничивались лагеремъ и распоряженіями въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ предстоящаго непріятеля. Неизвѣстно, имѣлъ ли бы онъ столько успѣха въ мирное время, когда всѣ дѣла управленія штабомъ Кавказскаго корпуса неразлучны съ управленіемъ мѣстнымъ, гдѣ требовалось, кромѣ точности, полное и глубокое знаніе различныхъ народовъ и сношеній ихъ. Зная Сакена, я готовъ думать, что если бы онъ вникъ въ сіе, то равно бы успѣлъ: честолюбіе могло его ко всему подвинуть. и онъ былъ бы способенъ къ сему дѣлу, увидѣлъ бы, что полное примѣненіе правилъ военнаго управленія на всегда приличествуетъ въ дѣлахъ гражданскихъ или требующихъ обдуманной распорядительности, и велъ бы ихъ надлежащимъ порядкомъ, въ особенности карая злоупотребленія корыстолюбія.

Со вступленіемъ въ должность начальника штаба Сакену предстояла большая забота. Штабъ сей уже нѣсколько времени былъ запущенъ Вельяминовымъ, который онымъ не занимался. Съ прибытіемъ Паскевича, привезшаго своего дежурнаго штабъ-офицера Викинскаго, который занимался по дѣламъ Паскевича, тогда какъ настоящій дежурный штабъ-офицеръ Красовскій занимался съ другой стороны, дѣла еще болѣе запутались. Мое поступленіе въ должность начальника штаба, частыя перемѣны съ Красовскимъ, поступленіе Сухтелена, раздѣленіе штаба на мѣстный и походный по отрядамъ, болѣзнь, удаленіе или перемѣны старшихъ адъютантовъ довершили безпорядокъ. Надобно было все вновь созидать, а какъ Сакенъ пользовался въ началѣ большою довѣренностію Паскевича, то онъ могъ сдѣлать сіе; но для сего нужны были его неусыпная дѣятельность и любовь къ порядку. Онъ началъ съ того, что съ помощію Бурцова сдѣлалъ проектъ новаго устройства штаба, который прислалъ и ко мнѣ на разсмотрѣніе. Я сообщилъ ему тоже нѣсколько мыслей, и онъ немедленно привелъ въ исполненіе новое предположеніе свое, весьма сложное и наполненное множествомъ мелочныхъ правилъ, за точнымъ исполненіемъ коихъ онъ строго наблюдалъ и безъ которыхъ, можетъ быть, и нельзя было обойтись на первыхъ порахъ. Сакенъ умножилъ число отдѣленій,

адъютантовъ правящихъ оными, назначилъ къ нимъ помощниковъ, учредилъ свою секретную канцелярію, завелъ приказы по штабу, изобрѣлъ, такъ сказать, новыя должности, собралъ изъ полковъ людей къ сему сколько можно было способныхъ и въ короткое время создалъ новый штабъ и привелъ его въ состояніе движимости для похода. Сею справедливость надобно ему отдать, и памятникъ сей, имъ сооруженный, не взирая на всѣ безпорядки и неустройства, введенные по удаленіи его, еще до сихъ поръ не могъ придти въ совершенное разрушеніе.

Съ учрежденіемъ штаба порядокъ сталъ водворяться и въ другихъ частяхъ войскъ, чѣмъ совершенно обязаны Сакену.

Сакенъ, во все время, какъ онъ исправлялъ должность начальника штаба въ корпусѣ, постоянно показывалъ мнѣ дружеское расположеніе и во всѣхъ случаяхъ старался мнѣ угодить и доставить выгоды по службѣ, къ чему могло его склонять ничто иное какъ личное дружеское расположеніе ко мнѣ, коимъ я весьма дорожилъ.

Севарсемидзевъ, который числился командиромъ Кавказской гренадерской бригады, ею не командовалъ по справедливымъ неудовольствіямъ, которыя на него имѣлъ Паскевичъ за нескромность его. Онъ жилъ въ деревнѣ своей Авгали близъ Тифлиса, въ опалѣ, и дѣла его по управленію дистанціями Памбухской и Шурагельской и командованію Тифлискимъ полкомъ (котораго онъ еще не сдалъ на законномъ основаніи) принимали дурной оборотъ: производилось слѣдствіе по доносамъ поступившаго на мѣсто его пристава Мариманова. Паскевичъ сдѣлалъ о немъ представленіе Государю, въ коемъ вкратцѣ изложилъ упущенія его и представилъ меня на мѣсто его въ командиры бригады сей. Сакенъ показалъ мнѣ рапортъ, который меня удивилъ по краткости и поспѣшности, съ которою онъ былъ написанъ. Рапортъ былъ отправленъ, и черезъ два или три мѣсяца Севарсемидзевъ отданъ подъ судъ (изъ-подъ коего онъ однакоже, говорятъ, оправдывается), а я назначенъ командиромъ гренадерской бригады, коею командовалъ временно генералъ-маіоръ Поповъ, не сдавшій еще Херсонскаго полка.

Еще до назначенія и утвержденія меня въ семъ званіи мнѣ поручено было сдѣлать инспекторскій смотръ симъ полкамъ, артиллеріи при оныхъ состоящей, піонерному батальону и сводному гвардейскому полку.

Видя упущенія и злоупотребленія, происходившія въ войскахъ въ командованіе Паскевича, слышавши часто отъ него, что онъ приметъ строгія мѣры къ возстановленію порядка и полагая, что толикая довѣренность ко мнѣ начальства должна была побудить меня къ са-

мому строгому смотру, открытію и прекращенію всѣхъ злоупотребленій, я, явившись при Сакенѣ къ Паскевичу, спросилъ его, какого рода долженъ быть смотръ нынѣ предстоящій. Онъ не понялъ меня и, полагая, что я его спрашиваю о правилахъ смотровъ и формахъ въ бумагахъ употребляемыхъ въ смотрахъ, сталъ мнѣ разсказывать ихъ, имѣя самъ о нихъ весьма слабое понятіе.

Отозвавши Сакена въ сторону, я спросилъ его, чего отъ меня хотятъ: настоящаго ли смотра (такъ какъ корпусный командиръ все грозитъ строгостью) или только личины смотра? Сакенъ, зная мнительный нравъ Паскевича, остерегался съ кѣмъ либо отвернувшись шептать, дабы не возбудить въ немъ подозрѣнія (ибо Паскевичъ все оглядывался и замѣчалъ), и въ семъ случаѣ Сакенъ успѣлъ только на скоро мнѣ сказать, чтобы я не совершенно налегалъ на безпорядки, которые встрѣчу и иногда пропускалъ бы ихъ. Я тотчасъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло состояло и что безпорядки будутъ по прежнему продолжаться; увидѣлъ, что неукосненныя представленія объ оныхъ могли только ввести меня въ неудовольствія, не исправивъ недостатковъ и злоупотребленій, которыя мнѣ было больно видѣть. А потому я рѣшился дѣлать предстоящій мнѣ инспекторскій смотръ единственно съ тою цѣлію, чтобы при случаѣ очистить себя отъ отвѣтственности, которая могла на меня пасть.

Я началъ смотръ съ піонернаго батальона, въ коемъ нашелъ большіе безпорядки и упущенія. Командиръ онаго полковникъ Евреиновъ уже прежде сего, служа въ Россіи, много потерпѣлъ за подобныя злоупотребленія... Бумаги о смотрѣ сего батальона я смягчилъ сколько можно было; но нельзя было скрыть явныхъ недостатковъ, что̀ было причиною полученныхъ имъ отъ начальства неудовольствій. Въ слѣдующую Турецкую кампанію онъ остался въ Тифлисѣ за болѣзнію, а батальонъ его, нисколько не исправленный, былъ въ походѣ безъ него. Евреиновъ не пользовался славою ни храбраго, ни честнаго человѣка, и сей послѣдній поступокъ не могъ болѣе расположить въ его пользу начальство, до коего доходило много жалобъ на него отъ подчиненныхъ. Батальонъ его дали полковнику Третилевичу. Никто почти не жалѣлъ о Евреиновѣ; ибо не было почти никого, коего бы онъ не обнесъ. Человѣкъ сей получилъ должное наказаніе за наговоры его на Алексѣя Петровича Ермолова при смѣнѣ его Паскевичемъ.

Я инспектировалъ л. гв. сводный полкъ, въ которомъ нашелъ много порядка и устройства. Имъ командовалъ полковникъ Иванъ Павловичъ Шиповъ.

8-го Мая выѣхалъ я въ Мухравань, дабы смотрѣть Грузинскій гренадерскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ графъ Симоничъ.

Симоничъ, родомъ Монтенегринецъ или Далматъ, былъ капитаномъ во Французской службѣ и въ 1812 году подъ Краснымъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ съ прочими въ Казань. Онъ вступилъ въ Русскую службу, не знаю въ какой-то полкъ, былъ произведенъ въ маіоры и съ тѣмъ полкомъ прибылъ въ 1819 году въ Грузію на укомплектованіе нашихъ Грузинскихъ полковъ. Кажется, что онъ былъ въ 42-мъ егерскомъ. Онъ былъ переведенъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, гдѣ командовалъ батальономъ.

...Симонича назначили полковымъ командиромъ, и онъ полкъ принялъ безъ всякой придачи. Онъ дѣла свои хорошо разсчиталъ. Какъ иностранецъ, какъ человѣкъ не знающій службы, онъ не могъ надѣяться на такое высокое званіе, которое давало ему ходъ въ службѣ и средства къ существованію. Онъ видѣлъ, что могъ пріобрѣсти себѣ отечество и званіе гражданина, коего онъ почти не имѣлъ по происхожденію своему, ибо не имѣлъ до тѣхъ поръ прочнаго жительства нигдѣ. Онъ надѣялся еще долго прокомандовать полкомъ симъ, ибо недавно былъ только произведенъ въ подполковника, а потомъ и покрыть недостатки пріобрѣтенными деньгами. Онъ женился на вдовѣ княгинѣ Орбеліановой, Грузинкѣ, и долженъ былъ подумать о томъ, чтобы дать существованіе своему семейству. Скорый пріемъ, сдѣланный имъ полку, выручившій Петра Николаевича Ермолова, доставилъ ему доброе расположеніе главнаго начальства. Симоничъ не упустилъ ничего изъ виду. Онъ продолжалъ принимать и угощать всѣхъ тѣхъ, которые могли его поддерживать; но полкъ приходилъ день отъ дня въ большій безпорядокъ. Онъ завелъ обширное хозяйство для своихъ выгодъ, построилъ въ Тифлисѣ собственный большой каменный домъ, который ему даетъ теперь уже значительный доходъ, взялъ подрядъ почты, которую содержалъ полковыми лошадьми и казенными людьми, имѣлъ стадà, хутора, продавалъ ледъ въ Тифлисѣ лѣтомъ, словомъ, сдѣлалъ всѣ извороты, которые только можетъ изобрѣсти промышленность иностранца, упрочивающаго свое состояніе въ Россіи, чтò ему и удалось.

Паскевичу сіи злоупотребленія были отчасти извѣстны, и онъ грозился на Симонича за содержаніе почты, допущенное Ермоловымъ, за постройку дома въ Тифлисѣ и проч. Но все сіе было прикрыто раною, которую Симоничъ получилъ подъ Елисаветополемъ. Симоничъ храбръ, хотя и не распорядителенъ. Онъ въ душѣ не злой и не дурной человѣкъ, но изъ первыхъ пройдохъ...

Мухравань была во времена Ермолова нашимъ Царскимъ Селомъ: туда ѣздилъ въ лѣтнее время главнокомандующій скрываться отъ жаровъ съ толпою окружающихъ его. Заботы полковаго командира, при

большихъ пособіяхъ, оказанныхъ ему отъ мѣстнаго начальства и жителей для построенія штаба квартиры и казармъ, ограничились только тѣми строеніями, которыя нужны были для него лично, для офицеровъ, для пріема пріѣзжихъ и для полковаго хозяйства. Симоничъ продолжалъ такимъ же образомъ, и онъ до сихъ поръ живетъ съ семействомъ въ своемъ домѣ въ штабъ-квартирѣ, тогда какъ роты или баталъоны расположены въ отдаленныхъ деревняхъ по обывательскимъ квартирамъ, часто безъ своихъ начальниковъ; штабъ-квартира же наполнена людьми отъ всѣхъ ротъ, живущими въ раскиданныхъ землянкахъ, безъ всякаго устройства и занимающимися только различными для полка и полковаго командира работами.

Въ Мухраванѣ находится также несчастная женатая рота полка сего, въ устройствѣ коей не сдѣлано почти никакихъ распоряженій отъ полковаго командира. Люди сіи, въ нищетѣ и нуждѣ, совершенно отстали отъ службы и употребляются больше по надобностямъ полка и начальниковъ.

Я началъ смотръ и нашелъ несказанные безпорядки. Люди жаловались, что у нихъ отбирали накопленное ими для себя сѣно для полковаго командира съ уплатою одного червонца за стогъ, тогда какъ они могли бы продать оное по 50 р. серебромъ жителямъ, что̀ было совершенно справедливо: ибо полковникъ, накашивая самъ много сѣна, употреблялъ оное для своихъ личныхъ выгодъ по разгонной почтѣ и не долженъ былъ брать такимъ образомъ собственности у солдатъ. Подобныхъ жалобъ было во всемъ полку много. При томъ совершенное опущеніе людей и упущенія по службѣ, которыя я вездѣ засталъ, ставили меня въ затруднительное положеніе. По пріязненнымъ сношеніямъ, въ коихъ я находился съ Симоничемъ, я старался болѣе опираться на то малое число предметовъ, которые имѣли лучшій видъ, и прикрыть сколько-нибудь непріятное впечатлѣніе, которое на меня производилъ смотръ полка сего.

Такъ какъ я долженъ былъ тоже сдѣлать смотръ и двумъ артиллерійскимъ ротамъ гренадерской бригады, расположеннымъ на Гамборахъ, какъ и Донской конно-артиллерійской ротѣ, тамъ находившейся, то 9-го числа поѣхалъ я на Гамборы. 1-ю батарейною ротою командовалъ полковникъ Долгово-Сабуровъ, хорошій служивый. Не имѣющій славы храбраго человѣка, онъ однакоже былъ раненъ жестоко пулею при вторженіи Персіянъ въ границы наши. Сабуровъ не былъ любимъ подчиненными своими, съ коими онъ обращался дурно, по службѣ же былъ вообще исполнителенъ и исправенъ. Имѣя его послѣ подъ командою своею въ Турецкую войну, я былъ постоянно всегда доволенъ имъ. Роту его я нашелъ въ порядкѣ. Вторую же легкую роту,

коей командовалъ подполковникъ Ильинскій, нашелъ я въ самомъ дурномъ состояніи, но какъ артиллерія имѣла своего особаго начальника, то и не обращалъ я на сіе вниманія. Донская рота, коей начальникъ былъ подполковникъ Поляковъ, имѣла всѣ достоинства походной и къ бою готовой, но никакого внутренняго устройства.

Гамборы есть одно изъ лучшихъ мѣстъ Грузіи въ лѣтнее время: оно гористо, окружено лѣсами, имѣетъ здоровыя воды и отличныя пастбища. Войска, тамъ квартирующія въ выстроенныхъ ими же строеніяхъ, не имѣютъ почти никогда больныхъ и пользуются обширными сѣнокосами. Самое мѣсто довольно картинно, и Гамборы служатъ также лѣтомъ убѣжищемъ отъ жаровъ для нѣкоторыхъ служащихъ въ Тифлисѣ, которые тутъ укрываются со своими семействами. Черезъ Гамборы идетъ дорога, почти непроходимая для повозокъ въ Кахетію.

Осмотрѣвъ артиллерію, я въ тотъ же день, т. е. 9-го числа, возвратился на равнину и, не переѣзжая рѣки Іоры, повернулъ налѣво въ селеніе Петерзауле, гдѣ стоялъ первый батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, тамъ переночевалъ и на другой день сдѣлалъ смотръ сему батальону, въ коемъ я нашелъ тѣже недостатки и безпорядки.

10-го я проѣхалъ на Загоранчайскій постъ и 11-го смотрѣлъ 2-й батальонъ полка сего, который былъ найденъ мною также въ слабомъ видѣ; но больше скромности и менѣе жалобъ между солдатами. Не менѣе того я принужденъ былъ отказать отъ роты капитану, истратившему уже съ давняго времени деньги солдатскія, о чемъ даже не были извѣстны батальонный и полковой командиры: такъ было слабо смотрѣніе ихъ. Капитанъ сей Коссовичъ былъ изъ прибывшихъ изъ Россіи передъ Персидскою войною и, казалось, уже не въ первый разъ проходилъ черезъ испытанія такого рода. Сумма, имъ истраченная, простиравшаяся болѣе чѣмъ на 1000 рублей, была пополнена Симоничемъ. Коссовича старались удалить отъ полка, не выключая его изъ службы; но въ семъ не удалось, и я послѣ того имѣлъ случай замѣтить въ немъ раскаяніе и усердіе, почему въ концѣ второй Турецкой кампаніи простилъ его и позволилъ Симоничу по усмотрѣнію своему поручить ему опять роту, если онъ на него могъ надѣяться.

Постъ, при которомъ я смотрѣлъ батальонъ сей, находится верстахъ въ 6 отъ большаго селенія Загоранчая и былъ выстроенъ для хозяйственныхъ заведеній полка, косившаго около онаго большое количество сѣна. Туда пріѣхалъ ко мнѣ гвардейскій полковникъ Шебеко, который имѣлъ порученіе выбрать людей въ гвардію и который нашелъ съ помощью моею то что̀ ему нужно было. Выборъ былъ хо-

рошъ, и къ утайкѣ видныхъ людей не было предпринимаемо, какъ обыкновенно сіе дѣлается, никакихъ мѣръ.

Кахетія простирается по долинѣ рѣки Алазани, текущей у подошвы Кавказа, изъ коего берутся источники оной, и впадающей въ Куру близъ Самухи. Сія долина отдѣляется отъ долины рѣки Іоры, текущей почти паралельно Алазани, цѣпью горъ, закрывающей совершенно всю Кахетію. Для ѣдущаго изъ Тавриса между Іорою, впадающей также въ Куру, есть еще долина рѣки Мартхоби; но высоты, отдѣляющія Тору отъ Мартхоби и послѣднюю рѣку сію отъ Куры, по дорогѣ изъ Тифлиса, не значительны.

И такъ отъ Тифлиса въ 18 верстахъ я переѣхалъ рѣчку Мартхоби, а послѣ Мухравани рѣчку Іору, которая весною бываетъ часто недоступною въ половодье по глубинѣ и быстротѣ своей. Все пространство отъ Тифлиса до Мухравани не представляетъ ничего занимательнаго: мѣста отчасти голы и мало населены; видно только нѣсколько деревень въ лѣвой сторонѣ.

Мухравань, лежащая нѣсколько въ лѣво отъ дороги - мѣсто весьма пріятное. Оно возвышенное, а потому здорово, но нѣсколько тѣсно. По склону возвышенія климатъ опять становится зноенъ и вреденъ для здоровья, хотя и не такъ пагубенъ какъ въ другихъ мѣстахъ Грузіи, на совершенныхъ низменностяхъ.

Изъ Загоранчая я поѣхалъ уже въ настоящую Кахетію, гдѣ стояла рота Грузинскаго полка. Я ѣхалъ еще около 15 или 20 верстъ все тою же равниною утомительною своимъ единообразіемъ. Передо мною была видна высокая цѣпь горъ, отдѣляющая меня отъ Кахетіи. Чѣмъ болѣе я подвигался къ симъ горамъ, тѣмъ явственнѣе становились предметы покрывающіе ихъ и, наконецъ я увидѣлъ на покатости горъ множество селеній разбросанныхъ по оврагамъ или по большимъ ущельямъ, окруженныхъ виноградниками, среди коихъ вызвышались помѣщичьи дома, хотя не блистательной архитектуры и весьма бѣдные, но издали представляющіе пріятный видъ.

Я въѣхалъ на вершину горы и остановился ночевать въ селеніи Джахри, въ небольшомъ крестьянскомъ домѣ, который находился на самомъ переломѣ горы. Но какой представился очаровательный видъ, когда я вышелъ за домъ свой и увидѣлъ всю Кахетинскую долину передъ собою, огражденную съ противуположной стороны снѣговою цѣпью грознаго Кавказа, къ коему я приблизился, не видѣвъ его изъ за среднихъ цѣпей горъ, лежащихъ поперекъ дороги моей! Я давно уже слышалъ о сей прелести Кахетіи, но не могъ полагать, чтобы природа могла представить столь очаровательную картину. Я видѣлъ страну сію въ самое лучшее время года и никогда не забуду того

впечатлѣнія, которое произвело во мнѣ созерцаніе сего благословеннаго края. Обширная долина Кахетинская, вдоль коей протекала рѣка Алазань, усѣяна богатыми деревнями и виноградными садами. Я не умѣю описать красоты зрѣлища сего, и врядъ-ли кто въ состояніи будетъ выразить величіе природы, являющейся во всемъ блескѣ своемъ. Я стоялъ очарованный; мысли мои возносились къ Творцу, къ прошедшему, къ будущему, и я принадлежалъ къ землѣ сей только воспоминаніями о безцѣнномъ другѣ, коего я нынѣ лишился. Я благодарилъ Создателя за дарованіе мнѣ подруги и за все счастіе, коимъ я въ жизни сей наслаждался. Я былъ истинно счастливъ въ то время и не упрекну себя въ томъ, что не умѣлъ цѣнить счастія своего.

12-го числа я спустился съ горы и прибылъ къ рѣкѣ Алазани. Кавказъ у меня весь былъ въ виду. Житель Грузіи не привыкъ къ зрѣлищу рѣки, кажущейся довольно тихою въ теченіи своемъ, текущей между низменными берегами, при коихъ ростетъ лѣсъ. Мы привыкли видѣть тамъ болѣе быстрые потоки въ скалахъ, водопады, шумныя воды. Рѣка Алазань, напоминающая болѣе Россійскія наши рѣки, совершенно противуположна окрестнымъ видамъ съ снѣговаго Кавказа и горныхъ остроговъ, отъ онаго идущихъ. Я переправился на челнокѣ или выдолбленномъ деревѣ и прибылъ въ селеніе Кварели, лежащее у самой подошвы послѣднихъ отроговъ Кавказа. Селеніе сіе, какъ и всѣ селенія въ Кахетіи, разбросано по большому пространству, и жительства находятся между виноградниками. Деревня сія славится отличнымъ виномъ. При внѣшней оконечности оной выстроены каменныя казармы, въ коихъ всегда стоятъ двѣ роты своднаго батальона, занимающаго на разстояніи 30 или 40 верстъ, границу нашу противъ Лезгинъ, часто нападающихъ на Грузинскія селенія и уводящихъ людей въ плѣнъ. Въ началѣ устроенія сей пограничной стражи, они наводили страхъ на Лезгинъ и охраняли отчаянно жителей отъ набѣговъ; но отъ времени до времени надзоръ сталъ слабѣть; войска, занимавшія сіи посты, обжились въ мѣстахъ сихъ; начальники и полковые командиры видѣли въ сихъ глухихъ и отдаленныхъ постахъ мѣсто удобное для всякихъ хозяйственныхъ заведеній; служба ослабѣла, и войска наконецъ заботились единственно объ охраненіи себя, не думая о жителяхъ. Такимъ образомъ Лезгины впослѣдствіи времени безвозбранно дѣлали набѣги въ селенія, уводили женщинъ и дѣтей въ плѣнъ и уходили съ добычею своею въ горы, слѣдуя мимо самыхъ казармъ, въ коихъ находились войска, считавшія себя счастливыми, что ихъ не трогали. Сіе случилось въ 1825 или 1826 году. Капитанъ Чорбъ, командовавшій въ томъ мѣстѣ ротою, лишился чрезъ сіе роты своей; но онъ послѣ

былъ прощенъ, и Лезгины не переставали дѣлать набѣги, хотя малыми партіями, въ Кахетію.

Кахетія раздѣлена на два уѣзда Телавскій и Сигнахскій; къ симъ уѣздамъ принадлежатъ и земли простирающіяся до лѣваго берега Куры. Сіе раздѣленіе не правильно, ибо не взято съ природы. То что̀ Грузины называютъ Кахетіею составляетъ одну долину, населено однимъ родомъ селеній, жителями одного происхожденія и одинаковыхъ обычаевъ. Кахетія должна бы составлять одинъ уѣздъ; а все что̀ лежитъ по Тифлисскую сторону горъ, отдѣляющихъ Алазань отъ Іоры, должно бы составлять другой уѣздъ.

Управленіе въ уѣздахъ производится въ судахъ; какъ въ Россіи, имѣются капитанъ-исправники, и сверхъ того окружные начальники, коихъ обязанность состоитъ, кромѣ надзора за уѣздомъ, въ соблюденіи границъ посредствомъ обывательскихъ карауловъ, занимающихъ на Алазани броды въ предосторожность отъ Лезгинъ. Сіи караулы ничтожны, обыкновенно содержатся неисправно и могутъ скорѣе назваться извѣщательными, чѣмъ охранительными. Окружные начальники сихъ двухъ уѣздовъ имѣютъ одного общаго окружнаго начальника, на котораго возложены всѣ сношенія съ Лезгинскими обществами. Долгое время занималъ мѣсто сіе бывшій бригадный командиръ мой, генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ. Старикъ сей, какъ самъ Грузинъ, хорошо зналъ всѣ сношенія Лезгинъ, но былъ слабъ и неспособенъ по многимъ отношеніямъ исправлять сію должность. Говорятъ, что открыты даже довольно значительныя злоупотребленія въ пріемѣ провіанта отъ жителей и отъ Лезгинъ, платящихъ подать въ правленіе его, и что будто онъ самъ былъ уличенъ въ корыстолюбіи. Въ послѣднее время передъ выѣздомъ моимъ изъ Грузіи все сіе перепуталось: были начальниками и князь Чавчавадзе, и Бековичъ; но, кажется, никто не зналъ и не несъ прямой обязанности или отвѣтственности по сему званію.

Въ казармахъ всегда находилась баталіонная квартира своднаго баталіона, охранявшаго границу. Когда я пріѣхалъ въ Кварели, то засталъ тамъ маіора Полякова, человѣка пьянаго и потому неспособнаго къ исполненію сей обязанности. Поляковъ служилъ издавна въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку и имѣлъ славу храбраго офицера; но его Симоничъ вытѣснилъ изъ полка своего въ 44-й егерскій. Полякову не хотѣлось ѣхать въ Имеретію, гдѣ новый полкъ его былъ расположенъ, и онъ выхлопоталъ себѣ назначеніе командующимъ симъ сводным батальономъ, въ составъ коего входили двѣ слабыя и безпорядочныя роты Ширванскаго пѣхотнаго полка. Я засталъ Полякова въ обыкновенномъ его видѣ, то есть въ полпьяна, съ отвратительнымъ запахомъ водки, и всячески уклонялся отъ него; но онъ не-

отступно приносилъ мнѣ жалобы на Симонича, говоря, что его обидѣли и по службѣ, и въ собственности, что Симоничъ забралъ себѣ орѣховыя доски, заготовленныя имъ въ большомъ количествѣ въ лѣсу около Кварели, что онъ занялъ подъ полковую канцелярію собственный домъ его, построенный имъ въ Мухравани (и то, и другое было собрано и построено иждивеніемъ солдатъ). Я сказалъ о сихъ жалобахъ Симоничу, который вѣроятно тоже былъ не правъ и оставлялъ дѣло сіе, какъ и многіе сего рода, безъ вниманія.

Рота Грузинскаго полка, которую я въ Кварeляхъ смотрѣлъ, была въ томъ же неустройствѣ, какъ и весь полкъ. Ею командовалъ капитанъ Сиверичъ, женатый на побочной дочери князя Дмитрія Захаровича Орбеліанова, женившагося на родной бабкѣ покойной жены моей.

Осмотрѣвъ роту, я въ тотъ же день переправился обратно черезъ Алазань и пріѣхалъ ночевать въ большое селеніе, коего названія не помню и гдѣ мнѣ отвели квартиру въ домѣ торгующаго въ томъ селеніи Армянина.

Армяне въ Грузіи занимаютъ мѣсто Евреевъ въ Польшѣ. Ничего не можетъ быть схожѣе во взаимномъ отношеніи сихъ народовъ, за исключеніемъ того, что Армяне пользуются полнымъ правомъ гражданства и что дворянство ихъ вступаетъ въ Русскую службу. Но я говорю объ обыкновенномъ классѣ людей между Армянами, которые всѣ почти безъ исключенія занимаются торговлею въ городахъ; они купцы, и козни ихъ для пріобрѣтенія прикрыты званіемъ, которое они занимаютъ въ обществѣ. Но въ Грузинскихъ деревняхъ совсѣмъ иное. Тамъ Армяне не занимаются хлѣбопашествомъ; промыслъ ихъ, кажется, не имѣетъ ничего гласнаго; но они владѣютъ всѣми почти произведеніями земли и гораздо болѣе имѣютъ вѣса между крестьянами, чѣмъ многочисленные бѣдные или, лучше сказать, нищіе дворяне Грузинскіе не занимающіеся ничѣмъ и прозябающіе отъ малозначущихъ сборовъ, установленныхъ обычаемъ отъ нѣсколькихъ дворовъ крестьянъ. Сіи послѣдніе мало уважаютъ праздныхъ и безполезныхъ помѣщиковъ своихъ, коихъ часто нельзя распознать отъ крестьянъ. Кромѣ сихъ двухъ сословій, составляющихъ населеніе деревень въ Кахетіи, прежнее сословіе дворянъ тамъ не такъ многочисленно. Армяне скупаютъ на мѣстѣ вино у Грузинъ и продаютъ оное въ городахъ по произвольной цѣнѣ, получая за сіе большіе барыши. Ссужая иногда въ долгъ деньгами бѣдныхъ помѣщиковъ и крестьянъ, Армяне черезъ сіе пріобрѣтаютъ право пользоваться и даже владѣть имѣніями ихъ, взирая на обрабатываемыя ими лозы виноградныя какъ на свою собственность. Армяне сіи имѣютъ прикащиковъ своихъ, торгующихъ въ полкахъ, въ коихъ они маркитантами и въ коихъ большая часть жалованья переходитъ по

третямъ отъ казначеевъ въ ихъ руки. Такаго рода дѣятельная и обдуманная промышленность доставляетъ имъ богатство всей страны; они живутъ хорошими по тамошнему домами и ни въ чемъ не нуждаются.

Армяне въ южной части нашихъ Закавказскихъ владѣній иначе живутъ. Они собраны селеніями и занимаются хлѣбопашествомъ. Есть также въ Грузіи нѣсколько помѣщиковъ порядочнѣе массы дворянства, но вообще всѣ приходятъ въ упадокъ. Не менѣе того остатки за̀мковъ на возвышеніяхъ, украшая страну, свидѣтельствуютъ о прежнемъ благосостояніи дворянъ и князей и о существованіи феодализма. Многимъ изъ сихъ за̀мковъ принадлежатъ любопытныя преданія, передаваемыя потомству изустно.

Домъ, въ которомъ меня помѣстили на ночлегъ, былъ великъ, просторенъ; хозяинъ—богатый Армянинъ, у коего всегда приставали окружные начальники во время объѣздовъ своихъ: новое преимущество, коимъ Армяне не упускаютъ пользоваться. Я засталъ по стѣнамъ и на ставняхъ множество надписей и рисунковъ, свидѣтельствующихъ о многолюдствѣ спутниковъ окружныхъ начальниковъ и о веселомъ препровожденіи времени ихъ; нашелъ и знакомые почерки.

13-го числа я выѣхалъ оттуда и, поднявшись на Джахрскую гору, простился съ очаровательною Кахетіею, которая въ мигъ скрылась изъ глазъ моихъ, и я, спустившись съ горы, ѣхалъ опять утомительною равниною и пріѣхалъ ночевать въ Мухравань, гдѣ Симонича не было: онъ оставался въ Тифлисѣ для пользованія раненой ноги своей. 14-го я пріѣхалъ въ Тифлисъ и осмотрѣлъ еще роту Грузинскаго гренадерскаго полка. Я былъ въ затруднительномъ положеніи относительно Симонича. Мнѣ не хотѣлось повредить ему; между тѣмъ жалобы нижнихъ чиновъ и безпорядки въ полку превосходили явное послабленіе съ моей стороны. Наконецъ, послѣ долгихъ соображеній, мнѣ удалось написать донесеніе, въ коемъ по самымъ важнымъ предметамъ я ссылался на данное ему предписаніе о смотрѣ, и сложилъ такимъ образомъ всякую отвѣтственность съ себя. Начальство же или упустило изъ виду потребовать сіе предписаніе мое, или оставило дѣло сіе безъ вниманія по случаю предстоявшей Турецкой войны. Въ поведеніи моемъ относительно Симонича я ничего не скрывалъ и кромѣ того на словахъ объяснилъ ему самымъ скромнымъ образомъ недостатки найденные мною въ полку его. Онъ показывалъ ко мнѣ всегда пріязненное расположеніе, но врядъ ли таковъ былъ ко мнѣ въ душѣ своей и въ мысляхъ своихъ, вѣроятно не забывъ то, что онъ могъ быть на краю погибели своей послѣ смотра моего, открывшаго всѣ безпорядки, производившіеся въ полку.

Манифестъ о войнѣ съ Турками былъ уже обнародованъ; приготовленія къ оной производились у насъ дѣятельно и, по возвращеніи моемъ въ Тифлисъ, я получилъ 14 го числа расписаніе войскъ, въ командованіе мое поступающихъ. Но я долженъ былъ еще прежде окончить смотры войскъ, не выступающихъ въ походъ.

20-го числа я поѣхалъ въ Душетъ, гдѣ квартировала еще рота Грузинскаго гренадерскаго полка и нашелъ въ оной тѣже безпорядки. Въ самый день прибытія моего въ Душетъ, по окончаніи смотра, ввечеру, явился ко мнѣ Абхазскій князь Гассанъ-бей, возвращавшійся изъ Сибири, куда онъ былъ пять лѣтъ тому назадъ сосланъ въ ссылку Ермоловымъ со многими другими по случаю Имеретинскаго бунта.

Гассанъ-бей имѣлъ лѣтъ за 30 отъ роду; черты его весьма благородныя, роста онъ небольшаго, въ обращеніи очень ловокъ и любезенъ, выучился въ Сибири порядочно по-русски говорить. Онъ носилъ повязку въ видѣ малой чалмы, по кабардински, и имѣлъ почти тоже самое одѣяніе какъ Кабардинцы. Смѣлое и вмѣстѣ скромное привѣтствіе его уже расположило меня въ его пользу. Я въ послѣдствіи времени имѣлъ случай удостовѣриться, что не ошибся въ чувствахъ и благородныхъ нравахъ сего почтеннаго человѣка; но какъ я удивился, когда, послѣ первыхъ привѣтствій, онъ вручилъ мнѣ письмо отъ брата Александра, съ которымъ онъ въ Иркутскѣ былъ очень коротко знакомъ и который поручалъ мнѣ оказать Гассанъ-бею всякія услуги.

Гассанъ-бей въ объясненіи причинъ ссылки своей оправдывалъ себя, но былъ воздерженъ и скроменъ. Я его очень полюбилъ и, отпуская его въ Тифлисъ, далъ ему письмо къ семейству своему, гдѣ онъ былъ принятъ съ дружбою. Мнѣ весьма понравилась въ немъ черта благодарности: онъ спрашивалъ, живъ-ли и находится ли еще въ Гори командиръ тамъ стоявшаго полка (полковникъ, что нынѣ генералъ-маіоръ Поповъ), который прислалъ къ нему ужинъ, когда его везли изъ отечества его подъ карауломъ въ Сибирь черезъ Гори. Сему уже прошло тогда болѣе пяти лѣтъ, а онъ не забылъ сего привѣтствія Попова и желалъ его благодарить за оное.

Гассанъ-бей въ послѣдствіи времени нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Тифлисъ. Паскевичъ показывалъ ему хорошее расположеніе и доставилъ ему чинъ маіора съ пенсіею; но единственно потому, что онъ былъ угнетенъ предмѣстникомъ его. Гассанъ-бею не нуженъ былъ чинъ маіорскій: онъ, какъ вѣрный подданный и разсудительный человѣкъ, видѣвшій, что слабое отечество его не могло быть независимымъ отъ Россіи, желалъ привести оное въ извѣстность и добровольную покорность намъ. Но никто его и не распрашивалъ объ Абхазіи, и

врядъ ли Паскевичъ даже зналъ, гдѣ находится сія Абхазія (нынѣ сіе ему вѣроятно стало извѣстнѣе по неудачной экспедиціи, которою, какъ я слышалъ, самъ онъ предводительствовалъ). Гассанъ бею было весьма больно видѣть тотъ малый успѣхъ, который имѣли старанія его для отечества его; онъ внутри посмѣялся надъ главнокомандующимъ и всеми окружающими его, не видя между ними ни одного порядочнаго человѣка. Гассанъ-бей былъ вѣры мусульманской и имѣлъ вражду съ замѣнившимъ его по отъѣздѣ племянникомъ или дядей той-же фамиліи, княземъ Шервашидзе, который былъ нами утвержденъ въ званіи владѣтельнаго, но по слабости своей и, какъ было слышно, по развратному поведенію не имѣлъ никакого вѣса среди народа своего, къ коему онъ даже боялся показаться. Сей Шервашидзе былъ вѣры Христіанской. Нынѣшнія дѣла Абхазіи мнѣ неизвѣстны, но подъ правленіемъ Паскевича вѣроятно обратятся ни къ лучшему для самыхъ Абхазцовъ, ни въ нашу пользу.

Изъ Душета я поѣхалъ 21-го въ Гори для инспектированія Херсонскаго гренадерскаго полка и переночевалъ на Мухранскомъ посту, а 22-го прибылъ въ Гори, уѣздный городъ Грузинской губерніи.

Дорога въ Гори идетъ все въ недальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Куры. Кромѣ большаго Мухранскаго селенія, окруженнаго садами, которое есть родовое имѣніе князей Багратіонъ-Мухранскихъ (изъ первыхъ фамилій въ Грузіи), не видно хорошихъ и богатыхъ селеній по сей дорогѣ. Мѣстоположеніе также не представляетъ ничего очаровательнаго. Земля не вездѣ обработана, и солнце сожигаетъ лѣтомъ всѣ растенія не политыя водою; горы близъ лежащія голы. Нѣсколько селеній находится въ сторонѣ отъ дороги. Сіе есть часть Карталиніи. Вправо отъ дороги находились ущелья Кавказскихъ горъ, въ коихъ живутъ Осетинцы, еще до сихъ поръ не совершенно покорные и иногда тревожащіе жителей Грузинъ небольшими воровскими набѣгами.

Карталинія во времена царей Грузинскихъ составляла особый удѣлъ и называлась царствомъ. Она состоитъ изъ пространства, заключающагося между горами, отдѣляющими оную за Сурамомъ отъ Имеретіи на Востокъ до рѣки Арагвы. Рѣка Кура, вытекающая изъ Ахалцыхскаго пашалыка чрезъ Боржомское ущелье, пересѣкающее горы и отдѣляющее Карталинію отъ Турціи, течетъ среди обширной долины, называемой Карталиніею и, принявъ въ Мцхетѣ рѣку Арагву, поворачиваетъ на право и течетъ къ Тифлису.

Идучи по теченію Куры, по правой сторонѣ, долина сія граничится живописными горами, отдѣляющими оную отъ Самхетіи. На рѣкахъ, истекающихъ изъ сихъ горъ, поселено довольное число де-

ревень, и хлѣбопашество производится съ выгодою и успѣхомъ; тутъ имѣется много помѣщичьихъ домовъ, старыхъ, полуразвалившихся замковъ, церквей. Но мѣстами, гдѣ не протекаетъ вода, земля не обработана, и кромѣ покатости горъ страна сія не представляетъ ничего пышнаго для глаза.

О лѣвомъ берегѣ Куры я выше упомянулъ. Онъ довольно голъ, но выше Гори и противъ онаго есть долины рѣкъ, впадающихъ въ Куру, которыя населены и хорошо обработаны. Вверхъ по симъ долинамъ, обращающимся въ ущелья по мѣрѣ приближенія ихъ къ Кавказу, живутъ Осетины, которые хотя отчасти и считаются помѣщичьими или подданными нашими, но часто не повинуются ни помѣщикамъ, ни правительству, такъ что къ нимъ принуждены посылать экспедиціи для усмиренія ихъ. По одному изъ сихъ ущелій ведетъ предполагаемая дорога чрезъ Кавказъ, которую А. П. Ермоловъ хотѣлъ открыть, куда полковникъ Поповъ ходилъ съ отрядомъ лѣтъ 6 или 7 тому назадъ и гдѣ онъ потерялъ нѣсколько человѣкъ. Туда и нынѣ ходила экспедиція, но кажется, не имѣла блистательныхъ успѣховъ. Впрочемъ Осетинцы совсѣмъ разны отъ Лезгинъ: Лезгины воинственны, Осетинцы же только хищны.

Гори—столица Карталиніи, которую мы назвали Горійскимъ уѣздомъ. Городокъ сей лежитъ при соединеніи рѣки Ліахвы, текущей изъ Осетинскихъ горъ, съ Курою. Обѣ сіи рѣки, особливо первая, которую лѣтомъ переѣзжаютъ въ бродъ, весною непроходимы отъ большаго прилива воды. Городокъ построенъ при подошвѣ совершенно отдѣльной, не обширной, но довольно высокой и кругой горы, возвышающейся на обширной равнинѣ сей. Вершина горы занята старинною крѣпостью, хорошо построенною изъ кирпича и имѣющею ходы къ водѣ. Крѣпостца теперь въ хорошемъ положеніи и представляетъ очень красивый видъ; обозрѣніе оной весьма занимательно, какъ и ходъ къ рѣкѣ съ различными оборотами. Я всю исходилъ ее въ другое время. Говорятъ, что крѣпость сія была построена во времена владычества Турокъ въ Грузіи.

Карталинія не соотвѣтствуетъ Кахетіи красотою своею и богатствомъ, но имѣетъ одно произведеніе весьма важное для Грузіи: она снабжаетъ Тифлисъ строевымъ сосновымъ лѣсомъ, который рубится въ Боржомскомъ ущельѣ и сплавливается по Курѣ въ Тифлисъ. Сіе произведеніе и средство доставленія, которое должно бы составлять богатство края, есть одна изъ причинъ разоренія онаго: ибо лѣсами въ Грузіи никто не владѣетъ; ихъ рубятъ безъ всякаго разбора тѣ, коимъ надобность предстоитъ. Въ Боржомскомъ ущельѣ всегда имѣлись воинскія команды отъ всѣхъ полковъ, которыя рубили лѣсъ сей въ

казну и сплавливали оный въ Тифлисъ. Кромѣ несчастій, ежегодно случавшихся при доставленіи сего лѣса по быстрой рѣкѣ сей, люди занимающіеся симъ дѣломъ были всегда самые несчастныя созданія вь Грузіи. Отдѣленные отъ полковъ и перенося непомѣрныя труды за самую умѣренную плату, они лишены всякаго пособія отъ своихъ начальниковъ, болѣютъ, развращаются или бѣгаютъ за границу. Офицеръ же, начальствущій сею сборною командою, наживается и по прошествіи нѣскольких лѣтъ составляетъ себѣ нѣкоторое состояніе не отъ нижнихъ чиновъ, а отъ жителей: ибо вся Карталинія обложена повинностью вывозить срубленный лѣсъ къ пристани, гдѣ оный связываютъ въ плоты, и какъ работа сія сопряжена съ большими по горамъ и ущеліямъ затрудненіями, то жители откупаются отъ оной. Для примѣра сихъ злоупотребленій назову одинъ случай, довольно извѣстный во всей Карталиніи и всѣмъ военнымъ, участвовавшимъ въ семъ дѣлѣ. Срублено было одно огромной величины дерево, которое никакія силы мужиковъ, сколько они ни впрягали подъ оное паръ буйволовъ или быковъ, не могли сдвинуть изъ тѣснины, въ которой оно завалилось. Начальники военныхъ командъ приводили къ оному подводчиковъ, заставляя ихъ вытащить то дерево или отплатиться отъ онаго, дабы перевозить бревна обыкновеннаго размѣра. Дерево сіе нѣсколько лѣтъ лежало на мѣстѣ и получило правильное названіе *золотаго бревна*.

Поповъ, который командовалъ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, былъ произведенъ 25 го Марта въ генералъ-маіоры. Я былъ его старѣе только 10-ю днями, но обогналъ его въ чинѣ полковника. Онъ скрывалъ свое неудовольствіе и принялъ меня какъ прежняго товарища; но въ пріемахъ сего человѣка не было ничего ласковаго, предупредительнаго. Онъ никогда не былъ таковъ. Принимая гостей, онъ выставлялъ большое количество Шампанскаго вина, которое пили у него всегда безъ удовольствія; при сихъ случаяхъ не соблюдалось у него приличія, и онъ любилъ вдаваться въ развратную жизнь, что̀ не каждому могло нравиться. Онъ въ то время уже былъ женатъ на дочери князя Эристова... Поповъ нѣсколько остепенился въ состояніи супружества, но не пріобрѣлъ тѣхъ качествъ, которыя бы содѣлали его любезнымъ или пріятнымъ въ хорошемъ кругу. Впрочемъ я никогда не имѣлъ случая быть имъ недовольнымъ, въ давнихъ сношеніяхъ знакомства, въ коемъ мы находились. Меня помѣстили въ особенной квартирѣ, и я ужиналъ у него. Не зная, что я былъ представленъ къ командованію гренадерской бригады и надѣясь получить оную, онъ нѣсколько разъ въ шуткахъ намекалъ мнѣ объ ожидаемомъ имъ назначеніи, хвалясь онымъ передъ мною. Я молчалъ, не открывая ему того, что̀ зналъ по сему предмету; тѣмъ больнѣе должно было

быть для него, когда онъ узналъ впослѣдствіи времени о моемъ назначеніи. Я не хвалю въ немъ, что въ семъ разѣ онъ не хотѣлъ представить мнѣ полка на показъ, а сказался больнымъ и предоставилъ представленіе полка старшему по себѣ подполковнику Гофману, говоря, что онъ самъ только командующій со времени производства его и только начальствуетъ хозяйственною частью онаго, что̀ никакъ не избавляло его ни отъ отвѣтственности, ни отъ представленія полка. Но мнѣ не для чего было тягаться изъ за того и, не прерывая съ нимъ нашихъ пріязненныхъ сношеній, я осмотрѣлъ полкъ его, представленный Гофманомъ.

При всемъ мотовствѣ Попова на вино и на игру, онъ былъ скупъ, какъ говорятъ, въ своемъ домашнемъ быту. Онъ пользовался отъ полка, но отнюдь не отъ нижнихъ чиновъ, коихъ собственность соблюдалась Поповымъ (онъ былъ благороденъ на сей счетъ); но, кажется не упустилъ случая отъ казны пользоваться, гдѣ только могъ. Не менѣе того, онъ былъ въ долгу, когда полкъ сдавалъ, и не имѣлъ ничего пріобрѣтеннаго; ибо, при всей скупости своей, расточалъ много на такъ называемыхъ въ полкахъ гуляньяхъ, то есть на пѣсельниковъ, музыкантовъ, вино и женщинъ. Онъ не поддержалъ доброй нравственности въ полку, но, имѣя хорошихъ ротныхъ командировъ, сохранилъ нѣкоторый порядокъ. Онъ не имѣлъ о людяхъ человѣколюбиваго попеченія, что̀ доказывается женатою ротою его, годъ отъ года умалявшейся и не пользовавшейся никакими выгодами.

23-го числа я поѣхалъ къ Боржомскому ущелью, при входѣ въ которое стояло, на лѣвомъ берегу Куры, шесть ротъ Херсонскаго полка въ лагерѣ. Тамъ строился блокгаузъ, дабы воспрепятствовать Туркамъ вторженіе въ Карталинію отъ крѣпости Ацхуръ, лежащей за горами, откуда дорога ведетъ по Курѣ внизъ, въ Карталинію. Боржомское ущелье въ семъ мѣстѣ составляетъ узкую тѣснину, изъ которой вытекаетъ рѣка Кура съ быстротою. Извѣстія были, что въ Ацхурской крѣпости, находившейся верстахъ слишкомъ 40 отъ блокгауза, было собрано до 700 Турокъ, составлявшихъ гарнизонъ крѣпости; но никакихъ наступательныхъ дѣйствій не было замѣтно.

Осмотрѣвъ роты, тутъ расположенныя, я возвратился въ Гори, гдѣ 24-го числа сдѣлалъ окончательный смотръ полку и остальнымъ ротамъ онаго. Я нашелъ безпорядки, но не таковаго рода, какъ въ Грузинскомъ полку: люди не были обижены, но были нѣкоторыя упущенія по службѣ.

25-го числа я выѣхалъ изъ Гори и прибылъ на Чальскій постъ, что̀ въ 20 верстахъ отъ Гори, около вечера, почему и отправился ночевать въ селеніе Чалы, въ семи верстахъ оттуда, нѣсколько влѣво

отъ дороги, гдѣ меня помѣстили въ полуразвалившемся замкѣ, въ грязной комнатѣ, куда собрались ко мнѣ Грузинскіе князья и надоѣдали мнѣ своими глупыми разговорами и тягостными, на разсчетахъ основанными, угощеніями; ибо послѣ того они безъ зазрѣнія совѣсти стали меня просить о принятіи ихъ родственниковъ къ себѣ: званіе пустое, безполезное, отяготительное для начальника, котораго ставятъ въ обязанность доставить подобному дармоѣду чины и награжденія, за то что онъ въ походахъ сзади ѣздитъ безъ всякаго дѣла, не будучи ни къ чему способенъ. Но я отъ нихъ отдѣлался и, какъ будто предвидя просьбу ихъ, ничего не касался изъ неопрятнаго и дурно изготовленнаго ихъ ужина.

26-го я возвратился въ Тифлисъ и изготовилъ, сколько время позволяло, свои донесенія о смотрѣ.

*

Приготовленія къ войнѣ съ Турками были уже почти совсѣмъ окончены, благодаря трудамъ и распорядительности генерала Сакена. Главнокомандующій пожелалъ передъ выступленіемъ въ походъ дать жителямъ Тифлиса и прибывшему изъ Карса или Эрзрума Турецкому посланцу зрѣлище приступа крѣпости, и для сего приказалъ нѣсколькимъ войскамъ собраться около Тифлиса, гдѣ предполагалось атаковать старинную крѣпость, уже почти въ развалинахъ.

Войска были раздѣлены на осаждающія и осажденныя. Кромѣ того гарнизонъ былъ еще усиленъ частью жителей, коимъ роздали холостые патроны. Манёвръ начался на высотахъ за городомъ со стороны бань и, наконецъ, пошли на приступъ. Канонада, батальный огонь, движущіяся на приступъ колонны, все сіе составляло занимательное зрѣлище, на коемъ былъ собранъ весь городъ. Случилось довольно странно, что мѣстоположеніе Карса и взятіе сей крѣпости (менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ сего манёвра) довольно съ симъ сходствовали, только въ большемъ видѣ.

Л.-гв. сводный полкъ, который участвовалъ на манёврѣ, долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Ему очень досадно было, что не удалось принять участіе въ самомъ штурмѣ Карса, о чемъ въ полку, кажется, услышали еще въ Тифлисѣ до выступленія полка, въ которомъ, какъ слышно было, не отдавали по сей причинѣ полной справедливости нашему подвигу. Про этотъ полкъ также говорили, что онъ удовольствовался взятіемъ Тифлисской крѣпости и послѣ сей побѣды возвратился въ свои квартиры въ Петербургъ.

*

Теперь приступаю къ описанію первой кампаніи Турецкой войны, при чемъ, соблюдая прежній порядокъ и цѣль сихъ Записокъ, буду

описывать все, что со мною случилось, и тѣ замѣчанія, которыя я могъ сдѣлать касательно лицъ и предметовъ меня окружавшихъ и обстоятельствъ, которыя представились въ теченіе оной.

14-го Мая я получилъ росписаніе войскъ, поступающихъ въ мое командованіе.

Пѣхота.

Дѣйствующіе батальоны:

Грузинскаго гренадерскаго полка.
Эриванскаго карабинернаго.
Ширванскаго пѣхотнаго.

Артиллерія.

Кавказской гренадерской артиллерійской бригады батарейной № 1 рота.
Кавказской гренадер. артиллерійской бригады легкой № 2 рота.
21-й артиллерійской бригады батарейная № 1 рота.
Донская казачья артилерійская № 3 рота.
Нижегородскій драгунскій полкъ.

Казачьи полки.

Генералъ-маіора Леонова.
Полковника Карпова 2-го.
Черноморскій № 4.

Войска сіи должны были собраться къ 25 числу Мая мѣсяца къ селенію Каракализику, верстахъ въ 130 отъ Тифлиса, и до прибытія моего находиться на сборномъ мѣстѣ подъ командою старшаго. Каракализикъ былъ избранъ сборнымъ мѣстомъ, потому что онъ находится по дорогѣ къ Карсу, въ направленіи коего предположено было начать военныя дѣйствія, вѣроятно потому, что главныя силы Турецкія ожидались со стороны Эрзрума. Г.-м. Поповъ съ отрядомъ прикрывалъ Карталинію отъ вторженія непріятеля.

Первыя движенія сіи не были, какъ кажется, основаны на какомъ либо общемъ планѣ кампаніи. Не знаю, кѣмъ предположенія сіи были предложены; но въ послѣдствіи исполненіе оныхъ совершилось, какъ будетъ видно, съ успѣхомъ.

Я взялъ къ себѣ въ званіе отряднаго адъютанта поручика Исупова, служившаго у меня въ полку и перешедшаго въ уланы. По упраздненіи Тавризскаго временнаго правленія, въ коемъ онъ находился при Сакенѣ, Исуповъ оставался безъ особенной должности. Полагаясь на его преданность ко мнѣ и на способности его, я взялъ его въ надеждѣ, что онъ превозможетъ нѣкоторое расположеніе къ лѣни, которое въ немъ было замѣтно, и я долгое время былъ имъ доволенъ и доставилъ ему большія по службѣ выгоды различными награжденіями, которыя онъ получилъ по моимъ представленіямъ. Но подъ конецъ второй Турецкой кампаніи, я былъ, можетъ быть, отчасти причиною, что

онъ избаловался; я уже не видѣлъ въ немъ ни усердія, ни преданности и отпустилъ отъ себя.

16-го Мая я получилъ отъ Сакена отношеніе, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что движеніе вышеозначенныхъ войскъ было отсрочено впредъ до приказанія. Причиною сей отсрочки было, кажется, то, что средства наши къ продовольствію и транспорты не были еще въ совершенной готовности.

Наконецъ, 27-го Мая я получилъ третье увѣдомленіе отъ Сакена, коимъ онъ извѣщалъ меня, что войска назначенныя въ командованіе мое на сборное мѣсто къ селенію Каракализику, должны были собраться къ 4-му и 5-му числу будущаго Іюня мѣсяца. Составъ отряда сего измѣнился. Сводный уланскій полкъ состоялъ изъ 4 эскадроновъ, сформированныхъ изъ 4 полковъ 2-й уланской дивизіи, пришедшей въ Грузію для Персидской войны и коихъ остатки возвратились въ Россію въ самомъ несчастномъ видѣ, потерявъ большую часть людей и лошадей отъ болѣзней. Ни настоящей дисциплины, ни настоящаго надзора не было въ семъ сводномъ полку, который называли въ насмѣшку Зардобскимъ по названію селенія сего имени на Курѣ, гдѣ по дурнымъ распоряженіямъ начальства погубили большую часть дивизіи сей безъ военныхъ дѣйствій въ смертоносномъ климатѣ и мѣстѣ въ Персидскую войну.

Однакоже полкъ сей дрался хорошо. Сакенъ въ особенности покровительствовалъ оному, какъ самъ принадлежащій къ войскамъ сей уланской дивизіи. Подъ конецъ войны, молодые люди, изъ коихъ полкъ сей былъ составленъ, привыкли къ полевой службѣ и трудамъ. Лошади уже были почти всѣ перемѣнены новыми ремонтами съ Кавказской линіи, степными, и полкъ сей нѣсколько разъ отличался въ сраженіяхъ; но порядка и дисциплины никогда въ немъ не было, какъ и доброй нравственности. Имъ командовалъ полковникъ Анрепъ, человѣкъ молодой, съ образованіемъ, но безъ видныхъ способностей и мало знавшій службу.

Анрепа имѣли причины полагать у насъ наушникомъ у Паскевича, и онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ занимался симъ ремесломъ, почему и мало кто съ нимъ знался. Онъ имѣлъ припадки сумашествія и по нѣскольку дней не могъ никуда показываться; впрочемъ въ немъ не признавали обширнаго ума и тогда, когда онъ не лишался онаго. По окончаніи Турецкой войны онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и уѣхалъ въ отпускъ. На обратномъ пути, ѣдучи изъ Москвы, около Серпухова, съ нимъ сдѣлался припадокъ сумашествія; онъ ушелъ отъ станціи пѣшкомъ въ сторону, оставя экипажъ свой и людей, пришелъ въ деревню, взялъ подводу, подъѣхалъ къ болоту, оставилъ оную и одинъ ушелъ въ топь, гдѣ его и нашли черезъ два

дня по поясъ въ водѣ, опершагося на кочку и едва подающаго признаки жизни. Его повезли обратно въ Москву, но не доѣзжая города онъ умеръ...

Паскевичъ долженъ былъ 5-го числа выѣхать изъ Тифлиса, 7-го прибыть на ночлегъ въ Каракализикъ, 8-го ночевать на рѣкѣ Казанчай что̀ въ Карагачинскихъ горахъ, а 9-го прибыть въ Гумры, почему я и предписалъ командиру Эриванскаго карабинернаго полка полковнику Фридрихсу выслать двѣ роты изъ его полка на Казанчай для караула главнокомандующаго.

2-го Іюня я самъ выѣхалъ изъ Тифлиса, при чемъ было не безъ слезъ. Я желалъ, чтобы меня проводили до Пріютинскаго поста, и такъ какъ не было достаточнаго для всѣхъ помѣщенія въ коляскѣ и бричкѣ то и не могъ пригласить къ сему Прасковью Николаевну *). Сіе произвело неудовольствіе, которое кончилось такъ же легко, какъ и началось ребячески. Ей казалось прискорбно удаленіе всего семейства отъ нея; однако она согласилась отпустить сестеръ, дабы не лишить ихъ удовольствія пріятной прогулки. Хотя сія маленькая встрѣча была и не кстати (ибо ей давно уже надобно было привыкнуть къ мысли видѣть меня съ женою розно), но я не обратилъ особеннаго вниманія на сей случай, простился съ нею однакоже довольно холодно и уѣхалъ...

Мы были очень веселы дорогою; но какъ коляска и бричка были тяжело нагружены, и лошади нѣсколько уставали, то мы съ большимъ трудомъ поднимались первыя 12 верстъ на Каджорскую гору шагомъ; за тѣмъ мѣстоположеніе было также гористо, и дорога дурная, что̀ меня безпокоило на счетъ беременности жены моей. Мы ѣхали тихо, со всѣми возможными предосторожностями, и пріѣхали уже передъ самымъ вечеромъ въ Пріютино. Путешествіе сіе въ хорошую погоду по прелестнымъ мѣстамъ, гдѣ вездѣ оставались слѣды трудовъ моихъ, когда я еще командовалъ полкомъ, наконецъ мною созданное и очаровательное для меня Пріютино, веселость спутницъ моихъ, все сіе, при совершенной свободѣ, коею я наслаждался, доставило мнѣ одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней моей жизни. Вечеръ былъ прелестный, и мы успѣли еще сдѣлать небольшую прогулку по рощамъ и лугамъ, окружающимъ Пріютино, пока намъ приготовили ужинъ. Я познакомилъ спутницъ своихъ съ старымъ унтеръ-офицеромъ своимъ Мухинымъ, комендантствовавшимъ на семъ посту, и вѣрною его собакою Суркомъ, показалъ имъ всѣ предметы, занимавшіе меня до сего. Веселіе, радость и хохотъ не переставали, пока всѣ не полегли спать на свѣжемъ сѣнѣ, коимъ устлали полъ.

---

*) Это Ахвердова, теща Н. Н. Муравьева по первому его браку. П. Б.

3-го числа поутру всѣ проводили меня еще верстъ 5, и я отпустилъ жену съ сестрами въ Тифлисъ подъ прикрытіемъ слуги своего Веденея, старосты Мухина и вѣрнаго его Сурка, съ коими они и прибыли благополучно домой. Самъ же я проѣхалъ въ Манглисъ, гдѣ сдѣлалъ смотръ той части Эриванскаго карабинернаго полка, которая тамъ находилась въ то время (ибо большая часть была уже въ походѣ). Съ Фридрихсомъ мы обошлись по прежнему, хотя взаимной искренности между нами не было.

4-го числа я поѣхалъ съ Фридрихсомъ на Цалку, чтобы осмотрѣть находившуюся тамъ роту. Въ то время былъ на Цалкѣ исправляющимъ должность коменданта Крымскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Дрешернъ. Новое распоряженіе сіе было признано нужнымъ по случаю предстоявшей Турецкой войны и набѣговъ хищниковъ изъ Ахалцыхскаго пашалыка, при чемъ и самая крѣпость Цалка была приведена въ лучшее состояніе и укрѣпленія оной увеличены. Дрешернъ былъ человѣкъ весьма хорошій и исправный служивый; онъ имѣлъ наблюденіе за границею и кромѣ Цалкскаго поста начальствовалъ Татарскими обывательскими разъѣздными постами, которые всегда высылались на границу лѣтомъ и по военнымъ обстоятельствамъ были усилены. Узнавъ о скоромъ пріѣздѣ моемъ, онъ собралъ резервы сей конницы и выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу. За 10 верстъ отъ Цалки, я увидѣлъ издали сію конную толпу и принялъ оную было за непріятельскую; мы съ Фридрихсомъ брались уже за оружіе, видя приближающихся вскачь нѣсколькихъ всадниковъ, но вскорѣ узнали, что то были наши.

Я ночевалъ на Цалкѣ, а 5-го выѣхалъ съ Фридрихсомъ, слѣдуя къ Каракализику, гдѣ собирался отрядъ мой. Остановились ночевать при Башкичетскомъ посту; выстроенной мною во время пребыванія моего тамъ съ полкомъ, навѣсный деревянный мостъ стоялъ еще въ совершенной исправности. По другой сторонѣ рѣки Мушіаверы стоялъ лагеремъ сводный уланскій полкъ, который я на другой день обогналъ на переходѣ.

6-го числа я прибылъ къ своему отряду, коимъ до прибытія моего командовалъ старшій изъ находившихся въ лагерѣ начальниковъ, командиръ Ширванскаго полка полковникъ Бородинъ, любимецъ Паскевича.

Съ прибытіемъ въ лагерь я раздѣлилъ войска въ ономъ находившіяся и подчинилъ каждую часть старшему въ оной начальнику такимъ образомъ:

Регулярною кавалеріею, за неприбытіемъ Раевскаго, командовалъ полковникъ Анрепъ. Всей пѣхоты начальникомъ былъ полковникъ Фридрихсъ. Гренадерской артиллеріи полковникъ Долгово-Сабуровъ.

Артиллеріи 21 бригады и Донской роты подполковникъ Симчевскій. Иррегулярной кавалеріи полковникъ Карповъ, на коего возложено было охраненіе отряда пикетами и разъѣздами. Были назначены охранныя для пасущихся табуновъ команды. Были назначены дежурные по отряду, установленъ весь порядокъ лагерный въ военное время службы, и наконецъ приготовлена встрѣча для главнокомандующаго, котораго я на другой день ожидалъ въ лагерь.

7-го числа главнокомандующій пріѣхалъ къ намъ и оставался ночевать, а 8-го отправился въ Гумры и взялъ съ собою въ конвой, подъ начальствомъ полковника Карпова, полкъ имени его и Черноморскій казачій при 4-хъ орудіяхъ Донской артиллеріи; съ ними онъ и ночевалъ на рѣкѣ Казанчай, что̀ въ Карагачинскихъ горахъ.

Корпусный штабъ, который также ко мнѣ прибылъ, отправился 8-го же числа и ночевалъ у подошвы Карагачинскихъ горъ съ отрядомъ полковника Анрепа; онъ былъ мною отправленъ въ составѣ 6 ротъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, сводной кавалерійской бригады, 8 орудій Донской артиллеріи и сборнаго линейнаго казачьяго полка на всегдашнее постоянное прикрытіе корпуснаго командира и квартиры его.

Главнокомандующій въ Грузіи имѣлъ всегда при себѣ одинъ сборный казачій полкъ, который составлялся изъ всѣхъ линейныхъ казачьихъ войскъ и перемѣнялся ежегодно или смотря по надобности. Самая ничтожная часть сего полка служила ему для прикрытія во время поѣздокъ; большая-же часть людей употреблялась въ частныя должности, на конюшнѣ, на кухнѣ и у разныхъ приближенныхъ чиновниковъ, при чемъ командиры сихъ полковъ имѣли, какъ говорятъ, значительныя выгоды. Въ Персидскую войну сія команда была въ безпорядкѣ и неустройствѣ; въ первую Турецкую кампанію полкъ сей былъ многолюднѣе и въ лучшемъ видѣ, во вторую же Турецкую кампанію онъ былъ въ блистательномъ видѣ сначала, но допущенными злоупотребленіями полкъ сей также началъ приходить въ упадокъ малолюдствомъ, ибо казаковъ также начали разбирать въ услуги. Въ обѣ сіи кампаніи командовалъ сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ полковникъ Верзилинъ, состоящій по арміи и настоящій командиръ Горскаго пѣхотнаго полка. Человѣкъ сей не пользовался особеннымъ добрымъ именемъ.

Казачьи линейные полки всегда отличались мужествомъ своимъ, ловкостью, расторопностью и исправностью по службѣ; они и въ сихъ походахъ поддерживали доброе имя свое, служа какъ конница, какъ пѣхота, какъ полицейская команда, и заслуживали всеобщее уваженіе въ арміи нашей. Мы имѣли и конную полуроту линейную, которую

я часто предпочиталъ въ дѣйствіи (особливо въ движеніяхъ, требующихъ быстроты) нашей регулярной артиллеріи.

За отправленіемъ отрядовъ Карпова и Анрепа, я остался еще на одинъ день въ Каракализикѣ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ полковъ Грузинскаго гренадерскаго, Эриванскаго карабинернаго и казачьяго Леонова. Всей пѣшей артиллеріей и полкомъ казачьимъ Леонова командовалъ отличный Донской штабъ-офицеръ Студеникинъ; генералъ-маіоръ же Леоновъ былъ походнымъ атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ въ Грузіи и находился въ корпусной квартирѣ.

8-го числа я сдѣлалъ инспекторскій смотръ одному батальону Эриванскаго пѣхотнаго полка. Въ сей день была у насъ сильная гроза, и молнія, ударивши въ карабинерный лагерь, попортила нѣсколько ружей, у коихъ стопила оконечности штыковъ, также зашибла нѣсколько нижнихъ чиновъ, кои однакоже скоро выздоровѣли.

9-го числа я выступилъ съ войсками въ проливной дождь и остановился ночевать у подошвы Карагачинскихъ горъ. Мы шли около 25 верстъ пространною равниною, но такъ какъ мѣсто сіе вообще довольно возвышенно, то и воздухъ довольно свѣжъ, и травы не выгараютъ лѣтомъ отъ солнца.

10-го числа я прибылъ къ рѣкѣ Казанчай, гдѣ нашелъ двѣ роты карабинернаго полка, высланныя туда изъ Манглиса для встрѣчи главнокомандующаго. На семъ переходѣ весь карабинерный полкъ, коего часть еще находилась на горахъ Карагачинскихъ для исправленія дороги, соединился, и я на походѣ сдѣлалъ послѣдній инспекторскій смотръ остальной части полка сего. Въ сей день мы прошли около 25 верстъ. Карагачинскія горы невысоки и не имѣютъ крутыхъ и каменистыхъ подъемовъ; ихъ можно скорѣе назвать возвышенною плоскостью, которая продолжается отъ Безобдальской горы. Земля на оныхъ жирная, черная и отъ дождей становится очень вязка мѣстами. На горахъ сихъ имѣются болота, такъ что тамъ при ненастной погодѣ переходъ черезъ оныя съ обозомъ и передвижнымъ магазейномъ былъ очень труденъ. Горы сіи имѣютъ отличные кормы, но совершенно безлѣсны; рѣдко на оныхъ бываютъ теплые и ясные дни; лѣтомъ на оныхъ кочуютъ Татары Борчалинской дистанціи, пасущіе многочисленныя стада. Зимою горы сіи покрываются снѣгомъ, который выпадаетъ съ ранней осени и сходитъ позднею весною. Мятели и безпріютность сего мѣста дѣлаютъ горы сіи почти непроходимыми въ зимнее время; однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по оврагамъ, видны остатки бывшихъ селеній, и по развалинамъ каменныхъ церквей можно полагать, что селенія сіи пребывали тутъ долгое время. Суровость ли климата или разоренія, претерпѣнныя отъ Эриванскихъ Кур-

довъ, были причиною ,что мѣста сіи нынѣ опустѣли, того не знаю; не полагаю, однакоже, чтобы, при всемъ плодородіи, какъ видно, земли, страна сія была угодна для населенія, по продолжительности зимы и совершенному безлѣсію оной.

11-го числа я прошелъ небольшой переходъ и прибылъ къ рѣчкѣ Или-дарѣ, гдѣ поставилъ лагерь свой при впаденіи оной рѣки въ рѣку Арпачай, составляющую нашу границу съ Турціею. Тутъ я нашелъ полковника Реута съ 42-мъ егерскимъ полкомъ, который также поступилъ временно въ командованіе мое. Въ семъ лагерѣ я дневалъ 12 числа и посылалъ въ тотъ день разъѣзды вверхъ по Арпачаю. Замѣчено только было на непріятельской сторонѣ нѣсколько конныхъ людей въ дали, которые скрылись. Непріятель казался въ совершенной безпечности, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ было, полагаясь единственно на защиту крѣпости Карса и вспомогательныя войска, которыя ожидались изъ Эрзрума.

12-го числа получилъ я приказъ отданный главнокомандующимъ во время пребыванія его еще въ Тифлисѣ отъ 30-го числа Мая...

Сіе росписаніе войскъ должно было привестись въ исполненіе только по собраніи всѣхъ войскъ въ Гумрахъ при переходѣ черезъ границу: ибо до того времени войска, находившіяся въ слѣдованіи, были временно подъ моимъ начальствомъ; малая же часть оныхъ, собранная въ Гумрахъ, состояла временно подъ командою генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго.

Князя Вадбольскаго, коего солдаты по военнымъ его доблестямъ и по наружному виду называли Николаемъ Чудотворцемъ, находился съ нѣкотораго времени въ Гумрахъ, гдѣ онъ производилъ слѣдствіе по жалобамъ на Севарсемидзева въ неуплатѣ жителямъ денегъ за взятый у нихъ провіантъ, и нашелъ Севарсемидзева виновнымъ. Вадбольскій, кажется, кромѣ того имѣлъ порученіе наблюдать за пополненіемъ магазейновъ Гумринскихъ и за движеніями непріятеля въ Карскомъ пашалыкѣ, что̀ онъ и исполнялъ до прибытія главнокомандующаго и выступленія войскъ за границу. Онъ пользовался съ начала войны Турецкой расположеніемъ графа Паскевича и большою довѣренностью отъ него, но подъ конецъ первой кампаніи лишился оныхъ.

Князь Вадбольскій былъ человѣкъ отличныхъ добродѣтелей, прямой, скромный, правдивый, храбрый, веселый, пріятный въ обществѣ, умный, довольно образованный, краснорѣчивый, честный, опытный и смѣтливый въ обхожденіи съ людьми, но былъ при томъ скупъ безъ мѣры и невсегда воздерженъ въ употребленіи напитковъ, въ которыхъ случаяхъ онъ забывалъ свое званіе и лѣта съ молодежью, но умѣлъ

всегда возстановить къ себѣ послѣ того уваженіе. Скупость его была гораздо вреднѣе: она была причиною, что онъ часто находился подъ неприличнымъ вліяніемъ людей, которые его постоянно кормили обѣдами, потчивали винами, и черезъ то допустились злоупотребленія разнаго рода. Распорядительности въ движеніяхъ отрядовъ, въ диспозиціяхъ, въ продовольствіи войскъ, въ сношеніяхъ съ жителями, онъ никакой не имѣлъ и, испытавъ въ теченіи долговременной своей службы много непріятностей, былъ мало предпріимчивъ во всемъ, что̀ поручалось его усмотрѣнію, и всегда боялся отвѣтственности. Не менѣе того князь Иванъ Михайловичъ Вадбольскій былъ вообще любимъ и уважаемъ.

Князь Эристовъ, какъ изъ старшихъ генераловъ нашего корпуса, долженъ былъ по настоящему занимать мѣсто князя Вадбольскаго; но недостаточныя способности его обратили вниманіе начальства, и ему дали порученіе осмотрѣть полки его дивизіи, расположенные въ Дагестанѣ, дабы удалить его подъ симъ предлогомъ отъ дѣйствующихъ войскъ.

Начальствованіе надъ всею пѣхотою, которое было возложено на князя Вадбольскаго, не призналъ я удобнымъ: ибо вся пѣхота никогда отдѣльно не дѣйствовала, а всякая дѣйствующая часть имѣла въ составѣ своемъ конницу; а потому начальство князя Вадбольскаго могло только затруднять скорое отправленіе службы въ лагерѣ, гдѣ весь корпусъ былъ вмѣстѣ собранъ, а во время дѣйствій не имѣло почти никакого вліянія на отдѣльныя части. Въ слѣдующую Турецкую кампанію распорядились лучше: войска были раздѣлены на три колонны, и всякая колонна составлялась изъ всѣхъ родовъ войскъ.

Гвардейскіе полковники и оберъ-офицеры, присланные съ начала Персидской войны для обученія насъ по доносамъ Паскевича и находившіеся по окончаніи оной при учебномъ батальонѣ, собранномъ въ Тифлисѣ, были нынѣ раскомандированы по полкамъ, но не въ видѣ учителей, а съ тою цѣлію, чтобы они могли пріобучиться къ военнымъ дѣйствіямъ и пользоваться выгодами службы въ военное время. Многіе изъ нихъ служили хорошо, нѣкоторые были убиты.

12-го же числа получилъ я повелѣніе прибыть на другой день въ полдень со всѣми войсками, собранными на рѣчкѣ Или-дарѣ, къ Гумрамъ.

Я выступилъ 13 числа и, сдѣлавши въ 3-хъ верстахъ, не доходя Гумровъ, привалъ, велѣлъ людямъ одѣться и вступилъ въ новый лагерь свой въ Гумрахъ въ парадѣ. Насъ встрѣтилъ новый начальникъ нашъ князь Вадбольскій, и войска мною приведенныя поступили въ командованіе начальниковъ по росписанію. Въ бригадѣ, коею я командовалъ,

стояло подъ ружьемъ всего съ артиллеріею, наличными, больными и ближними командировками, строевыхъ рядовыхъ 3303 человѣка.

13-го числа ввечеру Паскевичъ созвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ и полковыхъ командировъ, желая имъ отдать лично приказаніе на счетъ порядка слѣдованія въ непріятельскихъ границахъ; но мысли его не были соображены. Всѣ собрались, сбились у него въ тѣсной комнатѣ; часть на дворѣ даже оставалась. Онъ началъ говорить, не владѣя даромъ краснорѣчія, ничего не сказалъ; нѣкоторые ушли, не дождавшись конца. Можно однако было замѣтить, что цѣль его была какъ можно болѣе сократить непомѣрную длину колонны нашей, состоявшую большею частью изъ обозовъ, подвижныхъ магазейновъ и артиллерійскихъ парковъ, кои прикрывались весьма малымъ числомъ войскъ: ибо у насъ было всего 15 батальоновъ пѣхоты, которые составляли не болѣе 8000 человѣкъ подъ ружьемъ, 8 эскадроновъ, 1200 человѣкъ, и 6 казачьихъ полковъ, въ коихъ считалось до 1500 казаковъ. Всего было у насъ около 11.000 человѣкъ подъ ружьемъ, а обозы наши и парки растянутые могли занимать до 20 верстъ въ длину. Артиллеріи у насъ было много; кромѣ осадной считалось, кажется, 76 орудій полевыхъ, но тѣмъ труднѣе было прикрыть оную на маршѣ.

Отрядъ нашъ былъ въ самомъ дѣлѣ слабъ, но доброй воли и увѣренности въ побѣдѣ много. Начальники были всѣ опытные, войска большею частью обдержанныя, и никто не помышлялъ о сравненіи силъ нашихъ съ тѣми, которыя мы могли встрѣтить въ непріятельской землѣ. Каждый заботился болѣе объ устройствахъ къ снабженію войскъ продовольствіемъ со всякими запасами, которыхъ не ожидали найти въ землѣ, оставленной жителями. Думали о способахъ къ удобнѣйшему движенію, и войско вступило и ходило по непріятельской землѣ такъ же свободно и порядливо, какъ бы въ своей, не терпя ни въ чемъ нужды: все было предвидѣно, предупреждено.

Но обратимся къ ожидаемому распоряженію отъ главнокомандующаго. Время терялось въ напрасныхъ и безъ всякой связи разговорахъ, тогда какъ на другой день надобно было уже выступить въ походъ, и всякому было дорого время. Сакенъ, видя, что сему не будетъ конца, обѣщался отдать приказаніе Паскевича письменно, что̀ насъ успокоило, и безпутное вѣче наше разошлось, пославъ за приказаніями въ штабъ адъютантовъ...

Во время слѣдованія колоннъ, заботливостію полковника Вальховскаго, нашего оберъ-квартирмейстера, присылались къ намъ описанія дорогъ, по коимъ намъ идти. Точность сихъ описаній, сдѣланныхъ по распросамъ, была разительна, и мы всегда знали напередъ

о всякой канавѣ, которая могла остановить движеніе колонны, и брали заблаговременно мѣры для поправленія дороги; знали, гдѣ есть кормъ подножный, вода, гдѣ обозы могли строиться въ нѣсколько линій или идти по одиночкѣ; гдѣ могла быть въ тѣснинѣ продолжительная остановка, во время коей батальоны могли не дожидаться въ ружьѣ, а расположиться на привалѣ. Словомъ, все было придумано и приспособлено къ порядливому движенію войскъ, и мы симъ безъ сомнѣнія были обязаны Сакену.

Голова колонны тронулась съ Паскевичемъ за границу чрезъ Супачай 14 числа послѣ молебствія; я же провелъ еще ночь въ Гумрахъ, ибо дорога на длинное пространство была занята обозами и транспортами. Третья казачья бригада съ генераломъ Заводовскимъ осталась на время у меня въ командѣ.

Подробное распоряженіе для обозовъ заслуживаетъ также вниманія; оно было хорошо соображено, а потому и исполнялось съ успѣхомъ. Предметъ сей былъ для насъ весьма важенъ при многочисленности нашихъ обозовъ, которые было трудно прикрыть во время движенія, а посему и обращено было на устройство оныхъ всевозможное стараніе... Не было ни одной повозки, которая не лежала бы на отвѣтственности одного изъ бригадныхъ командировъ; отъ того былъ порядокъ въ той части войскъ, которая всегда бываетъ въ самомъ большомъ безпорядкѣ и которая составляла у насъ одну изъ важнѣйшихъ частей, ибо она заключала всѣ средства продовольстія и снаряды. Со вступленіемъ въ границы Турціи сообщенія наши съ Грузіею уже прерывались; ибо непріятельскіе отряды заѣзжали намъ въ тылъ, и наша операціонная линія должна была находиться въ самомъ лагерѣ нашемъ. Слѣдованіе нашихъ обозовъ въ самомъ дѣлѣ представляло картинный видъ и издали казалось несмѣтнымъ войскомъ; ибо по сдѣланнымъ расчетамъ въ обозахъ они строились колоннами и двигались густо, не оттягиваясь. Шествіе было примѣрное...

Въ послѣдствіи времени были еще взяты многія мѣры противъ чумной заразы. Изъ сихъ Записокъ будетъ видно, что зараза нѣсколько разъ появлялась у насъ въ войскахъ и вскорѣ прекращалась дѣятельными мѣрами осторожности; но въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ было мало порядка, чума не переводилась. Мы вообще удостовѣрились, что противъ сей болѣзни нужны были однѣ полицейскія мѣры и что мѣры сіи служили вѣрнымъ средствомъ для прекращенія оной; напротивъ, употребленіе врачей для прекращенія чумы было совершенно не дѣльное средство. Врачи могли только служить для лѣченія уже зараженныхъ, изъ коихъ рѣдко кто выздоравливалъ.

Начальникомъ артиллеріи былъ капитанъ Философовъ *), человѣкъ отличныхъ дарованій и образованія. Онъ заслужилъ у насъ всеобщее уваженіе. По окончаніи Турецкой войны онъ возвратился въ Петербургъ и былъ командированъ въ Алжиръ съ Французскою экспедиціею. Философовъ прибылъ къ намъ еще въ Персидскую войну, во вторую кампанію, и находился при графѣ Сухтеленѣ, который исправлялъ должность начальника штаба при Паскевичѣ. Философовъ, кажется, командовалъ также осадною артиллеріею еще при взятіи Эривани.

По сдѣланному назначенію 2 и 3 бригада пѣхоты выступали 14-го числа послѣ молебствія. Молебствіе сіе было торжественное. Войскà послѣ онаго прошли церемоніальнымъ маршемъ, и мы послѣ онаго дивились, съ улыбкою смотря другъ на друга, малочисленности войска, съ коимъ мы начинали войну; но войскà сіи были одушевлены прошедшими успѣхами въ Персидской войнѣ и шли съ полною увѣренностію побѣды. Насъ было не много болѣе 11.000 человѣкъ всего на всего, пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Въ самое время молебствія, показался орелъ, который парилъ надъ нами. Сіе было тотчасъ всѣми замѣчено и названо предзнаменованіемъ побѣды. Орлы сіи показывались почти на всѣхъ молебствіяхъ, послѣ сраженій и побѣдъ. Весьма вѣроятно, что, видя движенія въ лагерѣ, они спѣшили къ добычѣ, которую мы для нихъ оставляли на поляхъ и парили около того мѣста, гдѣ видѣли собраніе людей, отъ опасенія продолжать свой пиръ, или въ ожиданіи новаго продовольствія.

Я выступилъ со своими войсками 15-го числа изъ подъ Гумровъ и переправился черезъ Арпачай въ бродъ. Крутобережная рѣчка сія и небольшой подъемъ въ тѣснинѣ, встрѣтившейся уже въ Турецкихъ границахъ, нѣсколько задержали меня; ибо осадная артиллерія, будучи впряжена молодыми, еще вовсе необъѣзжанными лошадьми, съ трудомъ подвигалась по неровной дорогѣ. Но, вышедши изъ тѣснины, всѣ обозы мои построились въ четыре линіи, и я продолжалъ движеніе свое уже въ совершенномъ порядкѣ.

Въ сей день я прошелъ до селенія Кизилъ-Чахчахъ, гдѣ, перейдя рѣчку Караханъ, ночевалъ на правомъ берегу оной. Главныя силы съ Паскевичемъ прошли нѣсколько подалѣе. Ночью настигъ меня полковникъ Лазаревъ съ Миницкимъ, который находился при мнѣ въ Персидскую войну. Они ѣхали изъ Эривани, гдѣ занимались неудачнымъ переселеніемъ изъ Хоя и Салмаса Армянъ. Они ѣхали къ Паскевичу съ письмомъ о своемъ порученіи и ночевали у меня въ лагерѣ. Лазаревъ, кажется, былъ дурно принятъ; но онъ не былъ столько

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, воспитатель Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. П. Б.

виноватъ, какъ самъ Паскевичъ, не сдѣлавшій для сего переселенія никакого путнаго распоряженія.

16-го числа я двинулся до Пандеривани, гдѣ соединился съ главными силами, кои тамъ стояли лагеремъ.

*

Описаніе дальнѣйшаго похода и взятія крѣпости Карса помѣщено въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года (I, 315—351). Н. Н. Муравьевъ получилъ за Карсъ Георгіевскій крестъ 4-й степени. П. Б.

Гарнизонъ крѣпости (Карса) былъ составленъ изъ Крымскаго пѣхотнаго полка, 2-го батальона 39 егерскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ Извѣкова полка.

Носились слухи, что Кёссе-Магмедъ-паша находится съ войскомъ близъ Ардегана, крѣпости, о существованіи коей только тогда узнали, хотя она была весьма въ недальнемъ отъ Карса разстояніи. Армяне говорили также, что жители деревень Карскаго пашалыка, коихъ Турецкое правительство понудило удалиться при приближеніи нашемъ, скрывались въ окрестныхъ горахъ и что если послать къ нимъ часть войска, то они вернутся въ свои жилища, опасаясь предпринять обратный путь сей, дабы не подвергнуться на дорогѣ нападенію отъ Турокъ. Вслѣдствіе сихъ извѣстій полковникъ Реутъ былъ посланъ съ отрядомъ на нѣкоторое разстояніе отъ Карса, кажется, на одинъ переходъ по Эрзрумской дорогѣ; онъ возвратился черезъ нѣсколько дней, кажется, безъ всякаго успѣха.

Меня же послали съ другимъ отрядомъ по дорогѣ къ Ардегану...

1-го Іюля я возвратился къ Карсу. Но до сего я еще наканунѣ получилъ увѣдомленіе отъ Сакена, коимъ онъ извѣщалъ меня, что во время отсутствія моего изъ главнаго дѣйствующаго корпуса стали показываться признаки чумы и что по освидѣтельствованію одного умершаго изъ Турокъ, оный былъ признанъ медицинскими чиновниками зачумленнымъ. Вслѣдствіе сего были приняты мѣры:

1. Всѣ строевые и нестроевые нижніе чины и разночинцы осмотрѣны нагіе, и тѣ изъ нихъ, кои оказались сомнительными, поступали въ полевой карантинъ.

2. Каждый день осматривались люди со тщаніемъ, и сомнительные поступали въ карантинъ.

3. Пріобрѣтенныя вещи сожжены, а прочія вымыты съ тщаніемъ.

4. Войска перемѣнили лагерное мѣсто и расположены пространнѣе и отдѣльно.

5. Съ жителями прекращено, по возможности, сообщеніе.

6. Получаемыя бумаги всѣ окуривались въ полевомъ почтамтѣ.

7. Дворныя собаки истреблены, породистыя держались на привязи.

8. Лошадей приказано чаще купать.

9. Приказано имѣть строгое наблюденіе, дабы каждый день послѣ восхожденія и до захожденія солнца люди непремѣнно купались.

10. Подтвержденъ прежній приказъ по корпусу о предосторожностяхъ противъ чумы.

Сакенъ просилъ меня также усугубить мѣры осторожности и увѣдомлялъ, что войска переходятъ на новый лагерь вверхъ по рѣкѣ Карсъ-чаю, на правомъ берегу, въ 6 верстахъ отъ крѣпости. Другимъ отношеніемъ онъ просилъ меня, прибывая къ дѣйствующему корпусу, не вступать въ лагерное расположеніе онаго, а оставивъ отрядъ мой на рѣкѣ Карсъ-чаѣ, за версту отъ лагеря, увѣдомить его о томъ и ожидать его прибытія для осмотра людей по принятымъ правиламъ въ корпусѣ.

По приближенію къ лагерю я остановился. Сакенъ выѣхалъ и, начиная съ меня, осмотрѣлъ всѣхъ въ пахахъ, въ шагу и подъ мышками. Нѣсколько человѣкъ оказались подозрительными, и ихъ отправили въ карантинъ, который былъ порученъ надзору полковника Бородина.

Послѣ того мы стояли еще около двухъ недѣль подъ Карсомъ, занимаясь перемоломъ пшеницы на муку въ окрестъ-лежащихъ мельницахъ, поправкою крѣпостныхъ укрѣпленій, а всего болѣе прекращеніемъ чумы. Всѣ полки были обведены особенно цѣпью; такимъ же образомъ отдѣлялись роты, въ коихъ оказывались зараженные. Правила сіи у меня соблюдались лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ войска, но совершенно прекратить чуму не могли. Я одинъ достигъ до сего послѣ многихъ хлопотъ, взысканій и ссоръ, за что и получилъ благодарность въ приказахъ отъ Паскевича. Едва ли я лишился 10 человѣкъ въ сіе время. Но зараза была все сильнѣе и не прекращалась въ полку любимца его Бородина, въ коемъ разстройство, безпорядокъ и неповиновеніе день ото дня преуспѣвали.

Мы ходили всякій вечеръ съ рапортомъ къ Паскевичу о состояніи чумы, и онъ вѣчно сердился за больныхъ, говорилъ непріятности, какъ будто бы симъ средствомъ можно было угрозить заразѣ. Не менѣе того средство сіе имѣло на оную нѣкоторое дѣйствіе: ибо, для избѣжанія сихъ упрековъ, начальники усугубляли мѣры осторожности, хотя и безъ настоящаго вниманія къ дѣлу и безъ распорядительности.

Время сіе было весьма тяжкое, ибо смертность въ иныхъ мѣстахъ усиливалась; общая недовѣрчивость поселилась между всѣми: всякій опасался пожать руку у своего товарища; иные надѣли на себя высмоленныя рубашки, всѣ носили и не скидывали перчатокъ съ рукъ; у начальниковъ палатки были обведены веревками, черезъ которыя разговаривали съ приходящими посторонними, не допущая ихъ

къ себѣ. По лагерю курились зажженныя навозныя кучи для очищенія воздуха, въ лагерныхъ цѣпяхъ никого не пропускали иначе, какъ послѣ осмотра, дѣлаемаго дежурнымъ съ лѣкаремъ. Всякій день водили людей купать по два раза и осматривали ихъ голыми; при малѣйшемъ пятнѣ на тѣлѣ ихъ помѣщали въ число сомнительныхъ и отправляли въ карантинъ, куда они отправлялись безмолвно и съ покорностію, какъ жертвы, обреченныя на смерть (ибо часто они заражались въ карантинѣ, гдѣ и умирали). И сіи необходимыя предосторожности составляли главнѣйшее бѣдствіе чумы, которой не дали свирѣпствовать у насъ въ полной силѣ. Велѣно намъ было также не употреблять за обѣдомъ салфетокъ и скатертей. Мы ѣли много чесноку и держали оный при себѣ въ карманахъ.

12-го числа мы перемѣнили опять лагерь свой и пришли къ селенію Тикме́, отойдя 10 верстъ по Эрзрумской дорогѣ. Въ семъ движеніи, кажется, не было другой цѣли, какъ перемѣнить лагерь для большей чистоты, дабы удалиться отъ Карса и зараженныхъ мѣстъ и сблизиться нѣсколько къ лугамъ: ибо окрестности Карса были совершенно выкошены или вытравлены. Полковникъ Леманъ, который былъ за дежурнаго штабъ-офицера, заболѣлъ, и должность его принялъ Бурцовъ; за симъ умеръ у Сакена слуга отъ чумы. Сакенъ былъ закарантированъ, и Бурцовъ правилъ тогда всѣми дѣлами корпуса, при чемъ онъ оказалъ необыкновенную дѣятельность и всѣ потребныя способности для званія, которое онъ занималъ.

Сакенъ былъ очень радъ карантину, ибо онъ имѣлъ надобность въ отдыхѣ, а въ должности, которую занималъ, былъ совершенно лишенъ онаго. Высидѣвъ 8 или 14 дней въ карантинѣ, т. е. въ особой палаткѣ на прекрасномъ лугу, за рѣкою, гдѣ его навѣщали пріятели и разговаривали съ нимъ черезъ веревку, которою лагерь его былъ обведенъ, онъ возвратился въ штабъ и принялся по прежнему за дѣла.

Чума хотя въ войскахъ и уменьшалась отъ предпринимаемыхъ мѣръ, но совершенно однако не прекратилась, и корпусный командиръ рѣшился, наконецъ, начать снова военныя дѣйствія.

Казалось мнѣ, что общаго плана кампаніи у насъ не было; не было и непріятельской арміи передъ нами, и не слышно было о ней ничего, какъ только то, что она все еще собиралась придти къ намъ изъ Эрзрума. Корпусъ Кёссе-паши изъ подъ Ардегана исчезъ; но вообще близъ границъ нашихъ и въ кругу дѣйствій нашихъ находились крѣпости, а потому вздумали ихъ брать.

Первая и ближайшая къ намъ крѣпость была Ахалкалакъ. Пошли къ Ахалкалаку, извѣстному уже допрежъ сего славнымъ приступомъ Котляревскаго, взявшаго оный въ 1812 году или въ 1813 году—одинъ

изъ важнѣйшихъ подвиговъ сего отличнаго вождя, украсившаго военную исторію Русскихъ въ Грузіи своими побѣдами. Мы должны были подъ Ахалкалакомъ соединиться съ генераломъ княземъ Бебутовымъ, который велъ собранныя изъ Грузіи остальныя войска, что̀ составляло около 2000 человѣкъ пѣхоты — подкрѣпленіе для насъ немаловажное.

Одобренные успѣхами подъ Карсомъ, мы надѣялись съ такимъ же успѣхомъ одолѣть Ахалкалакъ (въ чемъ намъ и удалось), затѣмъ идти далѣе къ Ахалцыху, гдѣ, соединившись съ генераломъ-маіоромъ Поповымъ, который долженъ былъ выдвинуться изъ Боржомскаго ущелья, осадить и сію крѣпость.

Войско наше было отмѣнно бодро, всѣ средства продовольствія и осады были въ самомъ лагерѣ и везлись съ собою. Операціонной линіи мы никакой не имѣли и дѣйствовали по партизански. Походъ нашъ былъ болѣе похожъ на экспедицію, подобную Ксенофонтовой съ 10,000 Грековъ. Въ лагерѣ было изобилье, всѣ начальники были веселы, довольны и прилагали всевозможное стараніе къ исполненію своихъ обязанностей и угождали главнокомандующему, котораго обхожденіе было вѣжливѣе прежняго и который былъ для всѣхъ доступенъ, благодаря стараніямъ, умѣнію и терпѣнію Сакена.

Съ такимъ войскомъ чего бы нельзя было предпринять!

Генералъ-маіоръ Берхманъ долженъ былъ остаться въ Карсѣ. Начальникомъ штаба у сего отряда былъ назначенъ полковникъ князь Бековичъ: Берхманъ былъ человѣкъ старый и мало способный къ чему либо; надобно было ему дать мѣсто, а мѣсто обезпечить путнымъ человѣкомъ, почему и оставили Бековича. Замѣчали во все время войны, и съ довольною основательностію, что Паскевичъ не благоволилъ къ полкамъ 20-й дивизіи и полагали, что сіе происходило отъ злобы его на Красовскаго, который командовалъ сею дивизіею. Можетъ быть, Паскевичъ болѣе довѣрялъ старымъ Грузинскимъ полкамъ; но онъ всегда оставлялъ въ крѣпостяхъ полки 20-й дивизіи, а бралъ съ собою въ движенія Грузинскія войска.

16-го числа мы выступили изъ лагеря, по направленію къ Ахалкалаку. На переходѣ получилъ я неудовольствіе отъ Паскевича за исполненіе его же приказанія въ порядкѣ марша, о коемъ онъ вѣроятно забылъ. Перемѣны, имъ сдѣланныя съ крикомъ во время движенія, перепутали порядокъ; колонны столпились при переправѣ чрезъ небольшую рѣку въ тѣснинѣ, и сіе было причиною ссоры происшедшей между Симоничемъ и княземъ Вадбольскимъ. Адъютантъ князя въ пьяномъ видѣ перебивалъ бродъ обозомъ Грузинскаго полка, и Симоничъ, вышедшій изъ терпѣнія, далъ мнѣ замѣтить нетрезвое

состояніе его. Я остановилъ адъютанта и велѣлъ ему прочь ѣхать; онъ, качаясь на лошади, добрался до своего генерала и пожаловался на насъ. Вадбольскій на другой день придрался къ чему-то и назвалъ Симонича, въ отсутствіи его, но при мнѣ, Итальянскимъ дворяниномъ. Не лично Симонича, а своего подчиненнаго я счелъ долгомъ защитить и гласно объявилъ при всѣхъ Вадбольскому, что адъютантъ его былъ пьянъ, и что если въ семъ случаѣ глаза мои меня обманули, то они меня всегда обманывали, когда я пьяныхъ видалъ. Сей рѣшительный отзывъ понудилъ Вадбольскаго не вступаться болѣе за адъютанта своего. Онъ послѣ того еще нѣсколько дулся на Симонича; но Вадбольскій былъ добрыхъ свойствъ душевныхъ, и сіе взаимное неудовольствіе вскорѣ изгладилось изъ памяти его и не имѣло никакихъ послѣдствій.

Помнится мнѣ, что мы 17-го ночевали при разоренномъ селеніи Инбити. День былъ жаркій, переходъ былъ довольно утомительный, ибо мѣстоположеніе подъ конецъ становилось гористое, и осадную артиллерію, которую мы съ собою везли, люди принуждены были на себѣ встаскивать въ трудныхъ мѣстахъ.

18-го лагерь нашъ былъ поставленъ на берегу обширнаго Чилдырскаго озера, куда мы стянулись передъ вечеромъ съ нѣкоторою усталостью. Видъ сего озера, не взирая на голизну окрестнаго мѣстоположенія, поражалъ величествомъ, и мы въ иныхъ мѣстахъ шли по каменной мостовой, хорошо сдѣланной и, какъ видно, съ большими трудами, по болоту, чтò свидѣтельствуетъ о прежде бывшемъ селеніи въ сихъ мѣстахъ и о надобности, которую имѣли въ сообщеніяхъ и дорогѣ, которая, можетъ быть, и вѣроятно, была торговая.

20-го числа мы пришли къ рѣчкѣ Джала. Переходъ сей былъ одинъ изъ труднѣйшихъ. Мѣстоположеніе было гористое и осадная артиллерія двигалась съ большимъ трудомъ. Полки были употреблены на встаскиваніе оной по горамъ. Шелъ дождь въ сей день, дорога была дурная, и люди утомились. Не менѣе того всѣ подобрались къ лагерю въ теченіи ночи и приступили къ починкѣ и поправкѣ поломаннаго. Лагерь нашъ былъ поставленъ на самомъ большомъ возвышеніи цѣпи горъ, раздѣляющей Карсъ отъ Ахалкалака. Травы были необыкновенно хорошія; воды, текущія съ горъ, свѣжія, здоровыя; облака, пересѣкаемыя вершинами сихъ горъ, обращались въ мелкій дождь и покрывали насъ туманомъ и сыростью, закрывая видъ окрестностей.

21-го числа мы спустились съ горъ и, прошедши 14 верстъ, прибыли на ночлегъ къ урочищу Гёлъ-дагъ. Тутъ присоединился къ намъ генералъ-маіоръ князь Бебутовъ, прибывшій изъ Цалки, съ 2 или съ 3 тыс. пѣхоты, чтó насъ значительно подкрѣпило. Большая часть сихъ

резервовъ была прикомандирована къ моей колоннѣ; въ числѣ оныхъ находились и двѣ роты Херсонскаго гренадерскаго полка.

Мѣсто, при коемъ мы ночевали, было замѣчательно по озеру, которое было у насъ въ правой рукѣ. Оно выше горизонта земли и окружено кольцеобразнымъ берегомъ, возвышающимся надъ горизонтомъ. Берегъ сей могъ имѣть до 50 или 100 саженъ толщины и былъ весьма похожъ по правильности своей на искусственный.

Подходя къ ночлегу, замѣтили мы въ лѣвой сторонѣ партіи непріятельской конницы; она немедленно скрылась, какъ скоро увидѣла казаковъ, которыхъ отрядили къ нимъ. У меня нѣтъ реляцій за сіе время; но помнится, что сей случай былъ выставленъ побѣдою. Вслѣдствіе сего на генералъ-маіора Леонова возложено было наблюдать за флангами нашими во время движенія войскъ и ночлеговъ.

22 и 23 мы прибыли къ рѣкѣ Яндарасў, близъ Ахалкалака. Войска всѣ столпились на круто-бережной рѣкѣ и ждали приказанія. Между тѣмъ небольшой авангардъ находился впереди и остановился въ виду крѣпости внѣ пушечнаго выстрѣла. Паскевичъ остановился на бугрѣ и смотрѣлъ на крѣпость, отъ коей видны были верхнія колонны четырехъ башенъ. Ничего не дѣлалось, не предпринималось, не предполагалось, и ему, кажется, ничего не думалось. Любопытные подъѣзжали ближе, разсматривали крѣпость, наконецъ подвинулись на такое разстояніе, что пушечные выстрѣлы ложились впереди насъ. Въ войска послано было приказаніе перейти рѣку Яндарасў и стать лагеремъ.

Ахалкалакъ былъ передъ нами, и мы подходили къ крѣпости съ единой приступной стороны ея, т. е. съ равнины, заключенной между двумя крутобережными рѣками. Крѣпость построена при соединеніи сихъ двухъ рѣкъ, на скалистыхъ и высокихъ берегахъ. Къ соединенію рѣкъ обращено предмѣстье, окруженное стѣною съ башнею, къ которому нельзя иначе подойти, какъ спустившись въ глубокіе яры по камнямъ и поднявшись опять изъ оныхъ, что̀ трудно даже одному пѣшему человѣку. Не менѣе того въ 1812 году Котляревскій взялъ сію крѣпость приступомъ съ сей стороны; но онъ шелъ въ глубокую зиму, когда окрестности Ахалкалака были покрыты большими снѣгами; ибо зима въ сихъ возвышенныхъ мѣстахъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ внутри Россіи. Онъ шелъ усиленными маршами отъ Ахалцыха и такъ успѣлъ скрыть свое движеніе, что люди его успѣли попасть на стѣну и уже заняли часть предмѣстья, когда гарнизонъ самой крѣпости узналъ о семъ и, будучи застигнутъ такимъ образомъ врасплохъ, принужденъ былъ сдаться. Между прочими мѣрами, предпринятыми Котляревскимъ, дабы скрыть движеніе сіе, можно упомянуть о лѣстницахъ, заготовленныхъ имъ въ окрестныхъ города Гори

лѣсахъ полковыми мастеровыми, коихъ, приказомъ по полку, онъ приказалъ исключить изъ списочнаго состоянія бѣжавшими, дабы не обратить чьего либо вниманія на внезапное отсутствіе ихъ изъ полка. Подвигъ Котляревскаго заслуживаетъ по истинѣ большаго уваженія; ибо, путаясь въ непроходимыхъ въ зимнее время мѣстахъ сихъ, онъ подвергалъ себя даже той опасности, что могъ быть занесенъ снѣгомъ и погибнуть со всѣмъ своимъ войскомъ, какъ то случается весьма часто съ тѣми, которые по необходимой надобности переѣзжаютъ зимою сими мѣстами изъ Турціи въ Грузію, или обратно, почему сообщеніе по сей границѣ въ теченіи почти восьми мѣсяцевъ въ году совершенно прекращается. Но Котляревскій былъ отваженъ, войско его имѣло къ нему полную довѣренность, хорошо переносило труды, и Ахалкалакъ тогда былъ взятъ приступомъ, на коемъ Грузинскій гренадерскій полкъ (бывшій тогда Кавказскій) заслужилъ Георгіевскія знамена съ надписью за взятіе Ахалкалака.

Ахалкалакъ былъ всегда средоточіемъ воровъ, выбѣгавшихъ изъ нашихъ границъ и поселившихся между своими собратьями Каракапахцами. Дѣлая всадническіе набѣги въ наши границы, Ахалкалакскій бекъ, назначенный отъ Турецкаго правительства, всегда направлялъ и въ мирное время сіи разбойническія шайки въ наши границы и дѣлилъ съ ними добычу. Къ симъ шайкамъ примыкали всегда Лезгины, выбѣгавшіе изъ Дагестана по какимъ либо преступленіямъ, въ отечествѣ своемъ содѣяннымъ, и укрывавшіеся отъ кровнаго мщенія своихъ соотчичей. Люди сіи не могли болѣе, изъ сего опасенія, возвращаться въ Дагестанъ, нанимались служить у Ахалцыхскаго паши или занимающаго его мѣсто, получали у него земли, женились, селились и составляли лучшее его войско. Ихъ было отъ 600 до 700 въ Ахалкалакѣ, когда мы подступили къ сей крѣпости.

Названіе Ахалкалакъ *) есть Грузинское, такъ какъ и жители всѣ сего пашалыка, по своимъ праотцамъ, Грузины и приняли вѣру и обряды Мусульманъ со времени завоеванія сего края Турками. Они всѣ умѣютъ говорить по-грузински, помнятъ еще старинныя Грузинскія названія фамилій своихъ и считаютъ себя въ родствѣ съ таковыми-же христіанскихъ Грузинъ, намъ подвластныхъ. Мы имѣли надежду обратить ихъ опять къ христіанству; но правительство наше вообще слишкомъ мало внимательно къ успѣху въ такомъ предпріятіи, особливо въ подобныхъ обстоятельствахъ, когда вѣра, языкъ и обычаи Мусульманъ вкоренились уже столѣтіями между жителями.

*) Въ подлинной рукописи Н. Н. Муравьева крѣпость эта пишется то Ахалкалакъ, то Ахалкалаки. П. Б.

Ахалкалакъ значитъ по-грузински *новый городъ*, такъ какъ и Ахалцыхъ значитъ *новая крѣпость*, и всѣ названія деревень и урочищь въ ихъ мѣстахъ суть Грузинскія. Турки же перемѣнили названіе Ахалцыха на Акиска.

Въ самый день прибытія нашего, т. е. 23 Іюля, главнокомандующій и окружающіе его подвинулись довольно близко къ крѣпости, но безъ всякой цѣли. Наконецъ, вздумали предложить горнизону сдаться. Изъ крѣпости было пущено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, коихъ ядра не долетѣли до насъ. На переговоры вызвался подъѣхать къ крѣпости Устимовичъ гражданскій чиновникъ, находившійся при главнокомандующемъ, человѣкъ смѣлый и самыхъ честныхъ и прямыхъ правилъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и не могшій потому продолжать службу. (Онъ впослѣдствіи времени искусно уклонился изъ Грузіи).

Переводчикомъ для переговоровъ Устимовичъ взялъ съ собою Грузина Андронникова, смѣло подъѣхалъ къ воротамъ крѣпости и, обратившись къ людямъ, толпившимся на башняхъ и стѣнахъ, требовалъ высылки одного для переговоровъ. Таковой отважный поступокъ со стороны Устимовича заслуживалъ всякаго одобренія, ибо на сихъ Лезгинъ нельзя было полагаться и скорѣе можно было ожидать, что они его убьютъ изъ ружей на такомъ маломъ разстояніи, какъ онъ отъ нихъ находился. Не менѣе того они выслали одного Лезгина, который гордо отвѣчалъ, что они при себѣ не имѣютъ ни женъ, ни дѣтей своихъ, а потому и не сдаются, что намъ предоставляютъ взять крѣпость приступомъ по лѣстницамъ, и увѣрены отразить такой приступъ, какъ уже и сдѣлали сіе однажды при Тормасовѣ, нанеся намъ весьма значительный уронъ. Они хвастались вышиною и толщиною своихъ стѣнъ и крѣпостью своихъ башень.

Устимовичъ отъѣхалъ; но въ тоже самое время начали по немъ стрѣлять изъ ружей, какъ равно и по нѣкоторымъ офицерамъ, осматривавшимъ между тѣмъ мѣстоположеніе съ правой стороны; но къ счастью, никого не задѣли.

Во время переговоровъ одинъ казачій офицеръ, подъѣхавшій съ лѣвой стороны довольно близко къ предмѣстью, былъ подозванъ однимъ изъ Турокъ со стѣны. Полагая, что его призываютъ на переговоры, онъ подвинулся къ самому берегу оврага, отдѣлявшаго его отъ предмѣстья, былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами и раненъ смертельно въ животъ. Онъ умеръ въ ночь.

Пока все сіе происходило передъ крѣпостью, происшествіе другаго рода, случившееся подлѣ самого Паскевича, лежавшаго на бугрѣ, заняло всѣхъ насъ.

Полковнику Ренненкампфу поручено было дознать разстояніе, въ которомъ мы находились отъ крѣпости. Сдѣлавши свои наблюденія,

онъ возвратился съ отвѣтомъ. Подполковникъ Эспéхо, который полагался начальникомъ инженеровъ, изложилъ свое мнѣніе, что разстояніе сіе было, не помню, болѣе или менѣе 15 саженями. Начался споръ. Спорившіе отошли нѣсколько шаговъ отъ главнокомандующаго и оба разгорячились. Ранненкампфъ, вспыльчивѣе Эспéхо, чѣмъ-то скорбился, но кажется совсѣмъ понапрасну и, водя рукою и указательнымъ пальцемъ передъ лицемъ Эспéхо, съ умысломъ задѣлъ его по носу. Гишпанца взорвало: Comment! Vous m'avez frappé? Vous m'avez frappé? [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ обнажаетъ тупую саблёнку свою и ударяетъ Ренненкампфа два раза съ робостью по рукѣ или, лучше сказать, по рукаву, не смѣя заносить выше. Ренненкампфъ, коего сіи два удара, слабые, данные съ осторожностью, едва задѣли, не противился онымъ и, не теряя присутствія духа, продолжаетъ уличать Эспéхо въ несправедливости его показанія, стараясь ему доказать, что онъ говоритъ вздоръ или не въ свое дѣло вмѣшался. Но крикъ, поднятый Кастильянцемъ, невольнымъ образомъ заставилъ всѣхъ обратиться къ сему зрѣлищу, и самого главнокомандующаго, отъ котораго сіе происходило не болѣе какъ въ 15 или 20 шагахъ и который думалъ было сначала отмолчаться, слыша въ началѣ одинъ только споръ, въ надеждѣ, что оный скоро уймется. Но когда дѣло дошло до стукотни, то онъ быстро обернулся и нѣсколько разъ спросилъ: чтò это такое? Эспéхо, осрамленный, изумленный и обробѣвшій отъ хладнокровія своего противника, не нашелъ и не придумалъ лучшаго средства, какъ подбѣжать къ Паскевичу и поднести къ нему въ обѣихъ рукахъ саблю свою, съ нѣкіимъ преклоненіемъ одного колѣна, какъ Католики дѣлаютъ сіе во время обѣдни, проходя мимо престола, и положилъ оружіе свое передъ Паскевичемъ. Онъ тутъ показался такимъ страннымъ и смѣшнымъ Донъ-Діегою, что, смотря на фигуру его, нельзя было не представить себѣ пародіи какого-нибудь театральнаго происшествія, коего сцена полагалась въ какомъ-нибудь Валладолидѣ. Je dépose mes armes devant mon chef pour les avoir tiré en sa présence, сказалъ онъ; mon honneur a été lézé [2]). Ренненкампфъ оставался поодаль и улыбался. Qu'est-ce que c'est, qu'est-ce que c'est? закричалъ Паскевичъ. Messieurs les colonels qui se donnent des coups, et en ma présence [3]); ибо помнится мнѣ, что Эспéхо, отдавая саблю свою, прибавилъ: Rennenkampf m'a frappé [4]). Сейчасъ слѣдствіе, слѣдствіе, нарядите слѣдствіе и

---

[1]) Какъ! Вы меня ударили? Вы меня ударили?

[2]) Слагаю оружіе мое передъ моимъ начальникомъ, такъ какъ обнажилъ его въ его присутствіи; честь моя была оскорблена.

[3]) Чтó это такое, чтò это такое? Господа полковники дерутся, и въ моемъ присутствіи!

[4]) Ренненкампфъ меня ударилъ.

обоихъ арестовать! Арестовали обоихъ и нарядили князя Вадбольскаго для произведенія сего слѣдствія. Эспе́хо, отходя, сошелся съ Ренненкампфомъ, который напомнилъ ему, что дѣло сіе можно было иначе покончить. Эспе́хо согласился; но случилось иначе: обоихъ отправили въ лагерь и на другой день освободили изъ подъ ареста, а Ренненкампфа отправили разграничивать вновь завоеванныя нами земли съ Персіянами. Слѣдствіе, кажется, было прекращено. Обоимъ не препятствовали сойтись и пострѣляться. Я былъ въ тотъ же вечеръ у Ренненкампфа, который былъ на то весьма согласенъ; посредникомъ съ его стороны былъ двоюродный братъ его Анрепъ, но не знаю, какъ-то случилось, что они не стрѣлялись. Эспе́хо крѣпко осуждали, и не знаю, какимъ образомъ случилось, что Эспе́хо утверждалъ послѣ того черезъ годъ и болѣе, когда ему случилось встрѣчаться съ Ренненкампфомъ, что онъ для того не требуетъ удовлетворенія за нанесенную имъ обиду, что хочетъ сдержать слово свое, данное Паскевичу, не возобновлять сего дѣла по южную сторону Кавказа. Эспе́хо послѣ сего происшествія всегда казался унылымъ, оно тяготило его; но, видно, онъ не имѣлъ достаточно духа, чтобы исправить оное и сложить съ себя безславіе.

23-го же числа Бурцовъ былъ назначенъ начальникомъ траншей и инженерныхъ работъ на время осады Ахалкалака. Рѣчька, которая протекала мимо нашего лѣваго фланга, называлась Гендаръ; на лѣвомъ берегу оной назначена была постройка батареи, на коей долженъ былъ находиться генералъ-маіоръ Корольковъ съ однимъ батальономъ 42 егерскаго полка и двумя піонерными ротами. Для прикрытія сихъ работъ назначенъ былъ другой батальонъ того же полка съ двумя легкими орудіями и однимъ дивизіономъ регулярной кавалеріи съ двумя Донскими орудіями. Рабочій батальонъ, принявъ инструменты изъ инженернаго парка, долженъ былъ выступить на ночь къ назначенному мѣсту. Для вооруженія сего укрѣпленія назначено четыре батарейныхъ единорога и столько же батарейныхъ пушекъ, двѣ осадныя и шесть кёгорныхъ мортиръ. Артиллерія сія должна была переправиться нѣсколько повыше и въ опредѣленное время къ мѣсту прибыть.

Все исполнилось, какъ было предписано. Къ ночи укрѣпленія поднялись нѣсколько изъ земли, и 24 поутру открылась канонада. Непріятель слабо дѣйствовалъ съ высокихъ башень своихъ изъ неисправныхъ орудій своихъ и едва ли причинилъ намъ болѣе пяти человѣкъ урону. Напротивъ того, наши орудія, наведенныя на вершины сихъ башенъ, обстроенныхъ бревнами, сбили орудія и разметали бревна внутрь крѣпости, что̀ принудило Турокъ оставить вершину стѣнъ и башень, прекратить огонь и столпиться внутри крѣпости, гдѣ ихъ

поражали наши гранаты. Все сіе не продолжалось одного или полутора часа. Мы въ лагерѣ еще всѣ были въ постеляхъ и прислушивались къ выстрѣламъ, какъ Паскевичъ послалъ за мною адъютанта. Я пришелъ къ нему въ торопяхъ и засталъ его въ постели. У него уже было два или три Турецкихъ знамени. Онъ подозвалъ меня и съ удовольствіемъ и радостью поздравилъ меня со взятіемъ крѣпости. Mon cher général, regardez ces drapeaux, la forteresse est déjà prise, сказалъ онъ и засмѣялся (столь ему странна казалась такая легкая побѣда). Voyez, voyez les drapeaux, повторялъ онъ съ восхищеніемъ. Prenez bien vite, cher général, vos réserves et de la cavalerie et poursuivez l'ennemi tant que faire se pourra; soutenez au moins ceux qui sont allés à la poursuite et qui seront déjà loin [1]). Я выбѣжалъ, собралъ сколь можно было скорѣе свои войска и пошелъ вслѣдъ за непріятелемъ; но прежде чѣмъ описать свою погоню, я опишу въ подробности взятіе крѣпости.

Коль скоро Турокъ начали душить гранатами впереди укрѣпленія, они выбѣжали въ предмѣстье, гдѣ имъ было нѣсколько просторнѣе; но, видя, что и тамъ имъ нельзя было укрыться, нѣкоторые изъ нихъ вылетѣли на стѣны и стали махать бѣлыми платками въ знакъ сдачи. Сакенъ уже съ утра былъ на батареѣ Бурцова, куда онъ привелъ Ширванскій пѣхотный полкъ. Увидя сіе, онъ смѣло подошелъ къ стѣнѣ и какъ ворота и калитка была завалены камнями и ихъ отваливать было долго, то онъ закричалъ, чтобы ему спустили веревку. Турки держались ея, и Сакенъ, устроясь ногами въ стѣну, влѣзъ въ крѣпость съ состоявшимъ при немъ поручикомъ Потебнею; за ними влѣзъ мирза Исмаилъ, начальникъ Персидскихъ инженеровъ, который былъ взятъ мною въ плѣнъ въ Тавризѣ за укрываніе плана Тавриза. Мирза Джафаръ только что пріѣхалъ къ намъ въ лагерь отъ Аббасъ-Мирзы съ порученіемъ поздравить Паскевича съ завоеваніемъ Карса и вѣроятно для узнанія о нашихъ дѣлахъ. Сей мирза Исмаилъ былъ воспитанъ въ Англіи и человѣкъ съ образованіемъ.

Поступокъ сей со стороны Сакена былъ слишкомъ отваженъ и смѣлъ: это было не дѣло начальника штаба первому лѣзть на стѣну, дабы попасться въ необузданную толпу Лезгинъ, которые могли его легко убить.

За Сакеномъ полѣзли Ширванскіе солдаты. Между тѣмъ отперли ворота, и пѣхота хлынула въ предмѣстье и наткнулась на толпу Лез-

[1]) Любезный генералъ, посмотрите на эти знамена, крѣпость уже взята. Видите, видите знамена. Поскорѣе, любезный генералъ, возмите ваши резервы и кавалеріи и преслѣдуйте непріятеля, сколько можно будетъ; по крайней мѣрѣ подкрѣпите вышедшихъ на преслѣдованіе; они уже далеко.

гинъ, которыхъ начала обирать. Изумленные симъ Лезгины и испуганные алчнымъ видомъ нашихъ солдатъ, пустились бѣжать и, пробѣжавъ все предмѣстье вдоль, вышли съ поспѣшностью черезъ стѣну или въ ворота, обращенные къ соединенію рѣчекъ. Нѣкоторые изъ нихъ защищали себя лично и поранили у насъ нѣсколько человѣкъ. Сіе обстоятельство послужило знáкомъ ко всеобщему на нихъ нападенію. Самую малую часть полка успѣли ввести въ крѣпость, гдѣ захватили орудія, снаряды, нѣсколько провіанта и плѣнныхъ и самого коменданта, какого-то старика бека, коего имя я забылъ; прочіе всѣ бросились толпою за Лезгинами, коихъ было отъ 600 до 700 человѣкъ и приперли къ скаламъ при соединеніи рѣчекъ. Тутъ Лезгинамъ, приведеннымъ въ ужасъ и отчаяніе, не оставалось болѣе никакого средства какъ бросаться со скалы внизъ; они спрыгивали, тѣснимые нашими штыками, съ большой вышины и разбивались о камни.

Когда я прибылъ къ сему мѣсту съ резервами, то Ширванскій полкъ, не продолжавшій далеко погоню, уже собирался въ предмѣстьѣ Ахалкалака, а преслѣдованіе продолжалось казаками и драгунами, которые однакоже бѣгущимъ не нанесли почти никакого вреда; ибо Лезгины держались болѣе дна оврага, по коему они уклонялись черезъ Хыртысъ къ Ахалцыху. Я никогда не видалъ столь обезображенныхъ тѣлъ какъ при соединеніи рѣчекъ, гдѣ Лезгины бросались со скалы. Головы многихъ были разбиты о камни, у другихъ руки и ноги были подвернуты непонятнымъ образомъ подъ туловище; ихъ лежало по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, одинъ на другомъ, и нѣкоторые еще показывали признаки жизни; другіе притаивались убитыми, дабы во время ночи спасти жизнь свою. Люди сіи вообще были роста высокаго, имѣли тѣло бѣлое, правильныя и красивыя лица и видъ совершенно воинственный. Они опомнились только верстахъ въ 7 за Ахалкалакомъ, гдѣ человѣкъ 20 изъ нихъ, изнуренныхъ усталостью, засѣло въ небольшую мельницу и держалось нѣсколько времени. Казаки и драгуны обступили ихъ и завели перестрѣлку. У насъ ранено тутъ нѣсколько человѣкъ, и между прочими инженеръ-поручикъ Мельниковъ, бросившійся впередъ на нихъ, былъ раненъ въ голову ударомъ сабли или кинжала; но Лезгинъ сихъ наконецъ всѣхъ тутъ побили.

Когда мы черезъ нѣсколько дней послѣ того взяли крѣпость Хыртысъ, то жители говорили, что послѣ взятія нами Ахалкалака они не видали болѣе 15 Лезгинъ и то раненыхъ, спасшихся отъ насъ, которые пробирались въ Ахалцыхъ. Сіе, можетъ быть, ложно; но нѣтъ сомнѣнія, что къ Туркамъ не возвратилось одной трети гарнизона Ахалкалакскаго, и завоеваніе сей крѣпости имѣло на нихъ сильное вліяніе.

По взятіи Ахалкалака Бородинъ былъ временно оставленъ коммендантомъ въ оной, дабы принять всѣ мѣры противъ чумы, которая была въ гарнизонѣ оной, такъ какъ онъ и до сего былъ начальникомъ подвижнаго карантина, имѣвшагося при войскахъ. Чума показалась въ войскахъ нашихъ, но строгими мѣрами была прекращена, исключая Ширванскаго пѣхотнаго полка, въ коемъ было болѣе безпорядка, чѣмъ въ другихъ полкахъ во внутреннемъ устройствѣ и который болѣе другихъ грабилъ и обдиралъ убитыхъ и раненыхъ.

... 25-го числа въ присутствіи войскъ служили благодарственное молебствіе за взятіе Ахалкалака, и орелъ опять парилъ надъ нашими колоннами. Въ тотъ же день торжествовали вмѣстѣ и взятіе Турецкой крѣпости Пòти, чтó въ Имеретіи на берегу Чернаго моря. Крѣпость сія была взята особымъ отрядомъ, составленнымъ изъ войскъ въ Имеретіи находившихся, состоявшихъ подъ управленіемъ генералъ-губернатора Сипягина. Кажется, что осаднымъ отрядомъ симъ командовалъ генералъ-маіоръ Ге́ссе. Осаду, какъ говорятъ, вели довольно глупо. Пòти небольшой уголъ, въ коемъ едва было ста три или четыре больнаго гарнизона...

25-го ввечеру я видѣлся на весьма короткое время съ Грибоѣдовымъ, который, отъѣзжая въ Персію въ званіи генеральнаго консула, заѣхалъ повидаться съ Паскевичемъ и принять отъ него приказанія. Но сему посѣщенію была еще слѣдующая причина. Грибоѣдовъ съѣздилъ курьеромъ къ Государю съ донесеніемъ о заключеніи мира съ Персіею, получилъ вдругъ чинъ статскаго совѣтника, Анну съ бриллiантами на шею и 4000 червонцевъ. Человѣкъ сей, за нѣсколько времени передъ симъ едва только выпутавшійся изъ неволи, въ которую онъ былъ взятъ по дѣлу заговорщиковъ 14 Декабря и въ чемъ онъ, кажется, имѣлъ участіе (за что и былъ отвезенъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ къ допросу), достиженіемъ столь блистательныхъ выгодъ показалъ рѣдкое умѣніе свое. Сего было мало: онъ получилъ еще въ Петербургѣ мѣсто генеральнаго консула въ Персіи съ 7000 червонцами жалованья, присвоенными къ сему мѣсту. Грибоѣдовъ такимъ образомъ въ мигъ сдѣлался и знатенъ, и богатъ. Правда, что на сіе мѣсто Государь не могъ сдѣлать лучшаго назначенія; ибо Грибоѣдовъ, живши долгое время въ Персіи, зналъ и хорошо обучился Персидскому языку, былъ боекъ, уменъ, ловокъ и смѣлъ, какъ должно, въ обхожденіи съ Азіатцами. Притомъ же, по рѣдкимъ способностямъ и уму, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и лучше кого либо умѣлъ поддерживать въ настоящей славѣ званіе сіе какъ между Персіянами, такъ и между Англичанами, имѣвшими сильное вліяніе на политическія дѣла Персіянъ и пребывающими постоянно въ Тавризѣ, подъ предлогомъ учителей или образователей регулярнаго войска.

Я, кажется, выше упоминалъ, въ какихъ личныхъ сношеніяхъ я находился съ Грибоѣдовымъ. Я былъ весьма далекъ отъ того, чтобы къ нему имѣть дружбу и (какъ нѣкоторые имѣли) уваженіе къ его добродѣтелямъ, коихъ я въ общемъ смыслѣ совсѣмъ не признавалъ въ немъ, а потому и не буду повторять сего. Но какъ я самъ удалялся отъ него, то и всякое сближеніе его съ семействомъ моимъ было для меня непріятно. Мнѣ всегда было досадно видѣть, сколько Прасковья Николаевна *) имѣла къ нему довѣренности, и тѣмъ непріятнѣе было узнать о сильномъ участіи, которое она приняла въ помолвкѣ Грибоѣдова на Нинѣ Чавчавадзевой, ибо онъ къ намъ подъ Ахалкалакъ пріѣхалъ, къ удивленію всѣхъ, уже женихомъ ея.

Грибоѣдовъ имѣлъ много странностей, а часто и старался прослыть страннымъ, для чего говорилъ вещи странныя и удивлялъ другихъ неожиданностью своихъ поступковъ. Нина прежде еще его нѣсколько занимала и какъ онъ извлекалъ изо всего пользу для своей забавы, то пользовался пущеннымъ о томъ слухомъ, дабы выводить изъ себя ея страстнаго обожателя Сережу Ермолова. За это однажды у нихъ дошло было почти до поединка, что̀ и прекратило насмѣшки Грибоѣдова. Пріѣхавши изъ Петербурга со всею пышностью посланника при Азіатскомъ дворѣ, съ почестями, деньгами и довѣренностью главнокомандующаго, коего онъ былъ родственникъ, Грибоѣдовъ расчелъ, что ему не доставало жены для полнаго наслажденія своимъ счастьемъ. Но, помышляя о женѣ, онъ, кажется, не имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе друга, въ коемъ могъ бы уважать и умъ, и достоинства, и привязанность. Казалось мнѣ, что онъ только желалъ имѣть красивое и невинное созданіе подлѣ себя для умноженія своихъ наслажденій. Нина была отмѣнно хорошихъ правилъ, добра сердцемъ, прекрасна собой, веселаго нрава, кроткая, послушная, но не имѣла того образованія, которое могло бы занять Грибоѣдова, хотя и въ обществѣ она умѣла себя вести. Не имѣя никого другаго въ виду, Грибоѣдовъ думалъ о Нинѣ, и съ сими думами отправился въ Гумры, дабы оттуда пріѣхать въ Карсъ къ Паскевичу, но дорогою вздумалъ жениться и внезапно возвратился въ Тифлисъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ домъ и открылъ свое намѣреніе Прасковьѣ Николаевнѣ, которая отъ сего была въ восхищеніи. Кромѣ того, что она надѣялась видѣть ихъ счастливыми, потому что заблуждалась на счетъ Грибоѣдова, ей льстилъ выборъ Грибоѣдова, ибо Нина была ею воспитана. Она, можетъ быть, вспомнила вскорѣ послѣ первой радости своей, что сіе супружество подаетъ ей средства

*) См. въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 года письма Грибоѣдова къ Прасковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой (у которой воспитывалась княжна Нина Александровна Чавчавадзе). П. Б.

поправить свои дѣла по довѣренности, которую Грибоѣдовъ имѣлъ у Паскевича. Она въ мигъ побѣжала къ Чавчавадзевымъ и безъ затрудненія нашла скорое согласіе на сіе матери и бабки Нины, двухъ Грузинокъ, изъ коихъ послѣдняя хотя и умная женщина, но прельщалась связью и сближеніемъ съ великою, единою вѣдомою имъ властью главнокомандующаго въ Грузіи, коего участіе было весьма нужно въ разстроенномъ состояніи дѣлъ семейства ихъ и тяжбахъ имѣли съ казною.

Грибоѣдову сказано было испросить согласіе Нины. Онъ къ сему приступилъ весьма простымъ образомъ и получилъ оное. Нина послѣ говаривала, что она давно уже имѣла душевную склонность къ Грибоѣдову и желала его имѣть супругомъ. Все сіе было улажено у меня въ домѣ. Послали курьера къ отцу Нины, который начальствовалъ войсками и областью въ Эривани, и отвѣтъ отъ него полученъ, безъ сомнѣнія, утвердительный; онъ всѣхъ болѣе радовался сему союзу.

И такъ Грибоѣдовъ изъ Тифлиса пріѣхалъ къ намъ въ Ахалкалакскій лагерь женихомъ. Я его видѣлъ, такъ сказать, мелькомъ въ палаткѣ у Паскевича, и онъ хотѣлъ уже со мною быть на родственной ногѣ, ибо Ахвердовы были черезъ князей Челокаевыхъ въ родствѣ съ Чавчавадзевыми; но я не отвѣчалъ ему тѣмъ же образомъ, и онъ могъ видѣть во мнѣ прежнюю мою недовѣрчивость къ нему. Мнѣ весьма не нравилось, напротивъ того, сближеніе его съ моимъ семействомъ, и я безошибочно былъ увѣренъ въ сильномъ участіи, которое Прасковья Николаевна принимала въ семъ бракѣ. И Сережа Ермоловъ былъ въ досадѣ, но онъ старался скрыть сіе и говорилъ, что болѣе не думаетъ о Нинѣ и желаетъ ей всякаго счастья.

Грибоѣдовъ женился по возвращеніи въ Тифлисъ со всею пышностью посланника, и съ таковою же отправился вмѣстѣ съ женою въ Персію, гдѣ онъ былъ убитъ въ народномъ возмущеніи. Происшествіе сіе будетъ описано въ своемъ мѣстѣ. Къ удивленію многихъ прочитали въ журналѣ Греча послѣ смерти Грибоѣдова напечатанное письмо его къ Гречу, въ коемъ онъ описываетъ обстоятельства его женитьбы. На Нину онъ взиралъ болѣе какъ на забаву, чѣмъ на жену. Я далъ сіе замѣтить Прасковьѣ Николаевнѣ, коей выраженія его также не нравились; но, будучи уже слишкомъ ослѣплена имъ, она не могла сознаться въ своемъ ошибочномъ о семъ человѣкѣ понятіи.

(*Продолженіе будетъ*).

СТѢНЫ КРЕМЛЯ.

Что̀ онѣ такое, и чѣмъ онѣ могли бы быть.

Москва растетъ и украшается: обновляются храмы Божiи, растутъ дома частные и зданiя общественныя, украшаются фасады тѣхъ и другихъ, разводятся бульвары и скверы, организуются водоснабженiе и канализацiя, улучшаются тротуары, водворяются чистота и порядокъ на улицахъ. Какъ много сдѣлано по части внѣшняго благоустройства за послѣднiе два-три года, очевидно каждому, и особенно отрадно отмѣтить при этомъ ростъ именно общественныхъ зданiй, посвященныхъ общественнымъ нуждамъ и цѣлямъ: съ поразительною быстротою возникъ цѣлый городокъ образцово-устроенныхъ клиникъ, появилось много новыхъ благотворительныхъ учрежденiй; далѣе, какъ изъ земли, выросло зданiе Городской Думы и, наконецъ, колоссальные новые Торговые Ряды. И, что̀ всего важнѣе, во всемъ этомъ видно преобладанiе частной щедрости, частнаго почина и частнаго труда.

Москва, видимо, сознаетъ свою силу и даетъ ей просторъ къ внѣшнему проявленiю.

«Москвѣ и подобаетъ рости и украшаться», говорятъ люди близко знакомые съ ея финансовою и экономическою силою: «вѣдь она центръ Русской промышленности и торговли, центръ Русскихъ капиталовъ!» Да, прибавимъ мы, ей подобаетъ рости и процвѣтать, потому что она—естественный историческiй центръ Россiи, центръ и исходный пунктъ того могучаго не только объединяющаго, но и примиряющаго движенiя, которое такими долгими и напряженными усилiями сплотило во-едино составныя части необъятной земли Русской и расширило ея предѣлы до отдаленнѣйшихъ странъ не съ завоевательными или корыстными цѣлями, а съ миротворными. Какъ много сдѣлано въ этомъ отношенiи Москвою, извѣстно, или по крайней мѣрѣ должно бы быть извѣстно, каждому Русскому. Именно въ историческомъ значенiи Москвы ея истинная сила, та, которой обязаны происхожденiемъ своимъ и всѣ второстепенныя силы, экономическая, тор-

говая, мануфактурная, капиталистическая, то-есть все то, что является позднимъ слѣдствіемъ политически-окрѣпшаго государства, нарядным, пышнымъ цвѣтомъ могучаго дерева, пустившаго скромные, но жизнь дающіе корни глубоко въ родную землю. Не въ цвѣтахъ однако, быстро распускающихся, но и быстро опадающихъ, сила, а въ здоровомъ корнѣ: его надо хранить, беречь, о немъ заботиться, его любить и чтить для того, чтобы жило, росло, процвѣтало и плодъ добрый приносило многовѣтвистое дерево жизни народной, способной здорово развиваться только на почвѣ самобытнаго, роднаго, вѣками созданнаго и вѣками освященнаго, милліонами умовъ признаннаго, милліонами сердецъ прочувствованнаго и выстраданнаго, словомъ, всего того, чему массы народныя и лучшіе вожди ихъ отдавали искони свою любовь, свои труды и самую жизнь, и что дѣйствительно принесло плодъ добрый: создало единое, могучее отечество.

Но вѣрны ли мы священному долгу любви и почтенія къ родному прошлому, на плечахъ котораго стоитъ нашъ сложною, но не стройною жизнью живущій вѣкъ? Среди окружающаго насъ и быстро возростающаго богатства и роскоши, въ суетливой погонѣ за наживою и минутными наслажденіями, хранимъ ли мы благодарность къ этому многострадальному прошлому, сдѣлавшему возможнымъ кажущееся многимъ столь блестящимъ настоящее? И среди непрестаннаго раболѣпнаго служенія мелкому эгоизму и золотому тельцу много ли минутъ нашего драгоцѣннаго времени и нашего просвѣщеннаго вниманія отдаемъ мы безкорыстному культу памятниковъ родной исторіи?..

На одно проявленіе вопіющей неблагодарности наводятъ наблюденія надъ новѣйшимъ ростомъ внѣшняго благоустройства Москвы.

Когда стоишь посрединѣ недавно очистившейся отъ мелкихъ временныхъ построекъ Красной Площади, лицомъ къ новымъ Торговымъ Рядамъ, нельзя не залюбоваться ими. Нельзя не дивиться, какая архитектурная красота смѣнила уродливый, темный, сырой лабиринтъ, прежній пріютъ Русской торговли: свободно, легко поднимаются вверхъ отъ земли эти громадныя массы камня и желѣза и кружевными узорами разбѣгаются и вьются по длинному фасаду зданія, задуманному въ какомъ-то неопредѣленномъ, фантастическомъ стилѣ, полномъ бодрости и граціи; потоки воздуха и свѣта льются въ широкія окна, въ стеклянные куполы крыши, увѣнчанной остроконечными вышками; проходы, въ улицу шириною, пролегаютъ внутри Рядовъ, окаймленные съ боковъ изящными рѣшетками, перерѣзанные сверху воздушными мостиками; легко, свѣтло, чисто, жизнерадостно... Нѣтъ громад-

ныхъ, пестрыхъ, зазывающихъ вывѣсокъ надъ безчисленными магазинами; но для «понимающаго дѣло» каждая лаконическая надпись фирмъ, торгующихъ въ главныхъ помѣщеніяхъ, говоритъ слишкомъ краснорѣчиво, какая громадная денежная сила самоувѣренно и самодовольно воплотилась во всемъ этомъ просторѣ и великолѣпіи. Но этой главной, наиболѣе типичной для характеристики вѣка силѣ тутъ-же на старой Красной Площади стоящій памятникъ скромнаго торговца старыхъ временъ Минина указываетъ на противопоставленный Рядамъ Кремль, съ его древними соборами, могилами святителей церковныхъ, и свѣтскихъ устроителей порядка государственнаго, съ его стѣнами, высящимися на мѣстѣ окоповъ и укрѣпленій, отстаивавшихъ въ лицѣ Москвы всю землю Русскую отъ разноплеменныхъ враговъ ея; указываетъ... и точно хочетъ сказать: «вотъ гдѣ главное, гдѣ источникъ жизни и силы, вотъ о чемъ надо думать, о чемъ должно помнить, чего нельзя не любить Русскому!» *) А съ правой стороны площади новый Историческій музей, ставшій столь удачно рядомъ съ Кремлемъ и вдохновившійся его архитектурными мотивами въ своей внѣшности, музей, призванный по своему содержанію хранить память о прошломъ родины, а по положенію между торгово-промышленнымъ центромъ и Кремлемъ служить непрестанною живою связью настоящаго съ прошедшимъ, облегчать переходъ отъ минутныхъ, эгоистическихъ разсчетовъ, воплощающихся въ торгово-промышленныхъ интересахъ, къ постояннымъ, общенароднымъ цѣлямъ и трудамъ, воплощеннымъ въ лицѣ Кремля, и этотъ музей также взываетъ къ суетной злобѣ дня не забывать неумирающихъ завѣтовъ исторіи; и онъ также указываетъ на Кремль, на его святыни, на его стѣны.

Но когда, благоговѣйно повинуясь этому внушенію или простому любопытству, взоръ переносится отъ новыхъ великолѣпныхъ зданій на Кремлевскія стѣны, онъ поражается безобразнымъ состояніемъ ихъ, возмутительною неряшливостью, въ которой онѣ содержатся. Загрязненныя, отсырѣвшія, облупившіяся, всѣ въ пятнахъ, съ незатертыми даже простою побѣлкою мѣстами починки, онѣ представляются какою-то уродливою заплатою на той нарядной одеждѣ, въ которую спѣшитъ облечься Москва, и тогда какъ новыя зданія, истощаясь въ усиліяхъ перещеголять одно другаго привлекательностью фасада, затѣйливостью орнаментики или прелестью раскраски, нерѣдко напоминаютъ внѣшностью то изящный, то вычурный костюмъ свѣтской кокетки, стѣны

---

*) См. мою статью «Плачъ церквей Московскихъ», помѣщенную въ № 6 «Русскаго Архива» 1893 года.

стараго Кремля похожи не на царственную одежду, величественно облекающую собою сокровища родной святыни, а на обветшавшее рубище нищаго, всѣми забытаго, никому не нужнаго, убожество котораго еще ярче выступаетъ рядомъ съ красующимися напротивъ него дворцами денежной силы.

И какъ бы для удвоенія этой насмѣшки надъ ставшими ненужными оплотами Кремля, зданія внутри самого него именно въ настоящее время старательно ремонтируются: Николаевскій дворецъ выкрашенъ за-ново; казармы въ нынѣшнемъ году, кажется, даже два раза; зданія Судебныхъ Учрежденій снаружи блестятъ дѣвственною чистотою; даже оба монастыря, Чудовъ и Вознесенскій, разцвѣтились свѣтлорозовою и нѣжно-голубою краскою; древніе соборы, хотя и лѣниво, но все же поновляются. Видимое дѣло, внутренность Кремля не забыта. Отчего же, скажите, забыта его внѣшняя сторона? Или новые дворцы забыли услугу твердынь, отстаивавшихъ неприкосновенность старыхъ теремовъ и дворцовъ князей и царей Московскихъ? Или новому усовершенствованному войску нѣтъ дѣла до оплотовъ, защищая которые до отдаленнѣйшихъ окраинъ родной страны, сложили свои головы предки этого самаго войска, подготовившіе его силу и славу? Или примкнутый къ Кремлевскимъ стѣнамъ храмъ правосудія безучастенъ и холоденъ къ мѣсту, на которомъ онъ стоитъ, откуда исходили, въ вѣка безправія и самосуда, единственные по свойствамъ тогдашней жизни возможные судъ, справедливость и милость? Или, наконецъ, чтители соборовъ, монастырей и всѣхъ святынь Кремлевскихъ могутъ быть непочтительными къ стѣнамъ, защищавшимъ эти святыни отъ поруганія чужеземцевъ и невѣрныхъ? Да развѣ сами эти камни, стоящіе на мѣстѣ прежнихъ старыхъ оплотовъ Кремля, на мѣстѣ, за которое столько вѣковъ по всему широкому простору земли Русской лилась кровь защитниковъ Кремля и въ его лицѣ—всей Россіи, развѣ эти камни не таже святыня, и развѣ забвеніе ея не равносильно забвенію прошлаго, позорному отреченію отъ своего, роднаго, дорогаго, отеческаго? Развѣ это не настоящее кощунство?..

А между тѣмъ Кремлевскія стѣны производятъ на зрителя впечатлѣніе именно чего-то забытаго. Я не думаю уже о сравненіи ихъ съ новыми зданіями, служащими «современнымъ» интересамъ «прогрессирующей культуры». Сравните ихъ даже съ другимъ поясомъ стѣнъ Московскихъ, окружающимъ «городъ»; эти послѣднія уже приняты подъ свое попеченіе городскимъ управленіемъ: ихъ оправляютъ, откосы ихъ покрыты желѣзомъ, самыя стѣны обѣлены, ихъ обвили

плющемъ, другомъ прошлаго, «всѣми забытаго», какъ говоритъ поэтъ (Майковъ). Кремлевскія же стѣны дѣйствительно забыты, забыты до того, что онѣ до сихъ поръ не дождались не только должнаго ремонта, но и даже простой, жалкой, грошевой побѣлки. Ужели потому, что забота о нихъ лежитъ внѣ предѣловъ, внѣ компетенціи городскаго хозяйства? Но если такъ, если онѣ сокровище, принадлежащее не одной Москвѣ, но и всему государству Московскому, цѣлой Россіи: тѣмъ ревностнѣе должно бы проявляться попеченіе о нихъ государственной власти и всего общества, тѣмъ непростительнѣе забвеніе этой священной обязанности.

Даже съ точки зрѣнія простой полицейской благопристойности непозволительно держать въ теперешнемъ состояніи столь почтенные памятники родной старины, тѣмъ болѣе теперь, когда даже частныхъ домовладѣльцевъ приглашаютъ къ ремонту фасада зданій. Но мы смотримъ на стѣны Кремля не какъ на заурядное зданіе: они— достояніе всей родины, всего народа Русскаго; родина же должна смотрѣть на нихъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и съ любовью, цѣня въ нихъ тяжелые, неумирающіе труды предковъ для устроенія ея современнаго могущества. Но мало только воспоминаній! Не одну память о прошломъ должны поддерживать эти стѣны, но и возбуждать къ продленію трудовъ прошедшаго, къ безкорыстному, смиренному служенію благу общему, къ умиротворенію злаго, къ объединенію и укрѣпленію добраго. Возстановленіе стѣнъ Кремля до значенія такого національнаго памятника есть священный долгъ сыновъ передъ отцами и было бы искупленіемъ грѣха неблагодарности первыхъ передъ послѣдними.

Недостаточно умыть грязныя стѣны побѣлкою, разцвѣтить ихъ ничего не говорящею ни уму, ни чувству окраскою: поступить такъ, значило бы только смѣшать ихъ съ остальными заурядными сооруженіями, обезличить, тогда какъ любой богатый частный домъ стремится къ выдѣленію изъ ряда себѣ подобныхъ, силится обратить на себя вниманіе, заявить о своей индивидуальности. Безхарактерная реставрація Кремлевскихъ стѣнъ была бы не только безполезна, но пожалуй и вредна: принявши такую чистенькую, но безразличную, лишенную оригинальности и внутренняго смысла облицовку, онѣ еще менѣе станутъ привлекать къ себѣ взоры, чѣмъ теперь, когда онѣ вызываютъ, по крайней мѣрѣ, чувство сожалѣнія и упреки совѣсти у тѣхъ, кому дорога отечественная старина. Чтобы стать тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть, стѣны Кремля должны быть не побѣлены, не рас-

крашены, а расписаны, художественно расписаны историческою живописью, сверху до низу, на всемъ своемъ громадномъ протяженіи. На нихъ искусство призвано доказать свою чудодѣйственную силу, выполнить свое истинное, ни съ чѣмъ несравнимое призваніе: воскрешать бывшее, увѣковѣчивать прошлое и преходящее, воскрешать ихъ въ живомъ воспріятіи настоящаго и этимъ путемъ дѣйствовать и на само будущее, роднить ряды поколѣній другъ съ другомъ, объединяя ихъ въ общей мысли, въ одинаковомъ ощущеніи, изъ которыхъ почерпаются вдохновеніе и силы ко всеобщему благому дѣлу.

Все то, что̀ въ теченіе вѣковъ видѣли эти стѣны и тѣ старыя, прежнія, на мѣстѣ которыхъ высятся онѣ, всю великую, многострадальную драму исторіи Россіи, поставленной Провидѣніемъ по серединѣ между двумя мірами, Восточнымъ и Западнымъ, въ ихъ никогда не прекращавшемся раздорѣ, Россіи, брошенной въ необъятномъ просторѣ степей, неукрѣпленной природою, неогражденной естественными границами, предоставленной свободному напору дикихъ ордъ Востока и разрушительному потоку фанатическаго Ислама, Россіи, тяжелымъ мирнымъ трудомъ и кровью отстоявшей Западъ отъ непрерывно грозившихъ ему варваровъ и, въ награду за это, забытой и презираемой спасеннымъ ею Западомъ, Россіи, на которую тотъ же Западъ во времена ея внутренней слабости ополчался, чтобы поработить ее подъ гнетъ своего произвола (то въ лицѣ Ливонскихъ и Прусскихъ рыцарей, то въ лицѣ Шведовъ, то въ лицѣ Поляковъ, опиравшихся на происки Рима, то наконецъ въ лицѣ проникшаго въ эти стѣны Наполеона) всю эту величавую повѣсть вѣковъ, въ которой Москва занимала первое мѣсто, всю ее, правдиво, сильно и прочувствованно выраженную, должны воплотить въ исполинскомъ рядѣ живописныхъ сценъ Кремлевскія стѣны, если мы хотимъ, чтобы онѣ не были забываемы, какъ теперь, чтобы ихъ камни заговорили торжественною рѣчью любви къ добру и къ правдѣ, чтобы тысячи сердецъ, бившихся въ былые годы горячею любовью къ родинѣ и къ долгу передъ нею, нашли себѣ живой задушевный откликъ въ сердцахъ своихъ потомковъ; чтобы прахъ старыхъ защитниковъ Кремля и Россіи, развѣянный по лицу земли родной, воскресъ бы, облекся въ плоть и кровь и возвѣстилъ намъ, забывшимъ ихъ и труды ихъ, что подвигъ мира и любви, ими начатый, еще не конченъ, что призваніе Россіи препятствовать враждѣ Запада съ Востокомъ и объединять народы, умиротворяя, а не тщеславно покоряя ихъ, какъ и прежде,—еще передъ нами...

Какая трудная, но и какая благодарная, величавая, какая славная задача для искусства! Стѣны Кремля, расписанныя такъ, представляли

бы соединенный памятникъ историческій, художественный и научно-образовательный, которому подобнаго мы не знаемъ, и который, при наилучшемъ желаніи, не вездѣ (по условіямъ историческимъ же и мѣстнымъ) возможенъ. Это была бы отечественная и вмѣстѣ всемірная исторія, разсказанная не блѣдною рѣчью учебника, не сухимъ изложеніемъ ученыхъ работъ, а страстнымъ, задушевнымъ, полнымъ божественнаго огня языкомъ искусства, доступная и понятная не одному уму только, и притомъ уму немногихъ, а уму, воображенію и чувству какъ простолюдина, такъ и человѣка высокаго развитія. Это былъ бы общеобразовательный музей, перенесенный изъ-подъ спуда ученыхъ хранилищъ древности наружу, на свѣтъ Божій и смѣло выступающій со своими великими жизненными уроками изъ затишья и сумрака ученаго уединенія въ самый круговоротъ житейской суеты, чтобы среди мутныхъ, неустойчивыхъ волнъ ея свѣтить путеводнымъ маякомъ, напоминая о благородномъ, общеполезномъ, самоотверженномъ, возвышенномъ, святомъ. Въ пестромъ хаосѣ стольких рекламъ и вывѣсокъ, заманивающихъ прохожаго и проѣзжаго въ сѣти мелкаго личнаго разсчета, это былъ бы благоговѣйный, торжественно-спокойный призывъ вниманія къ общему, безкорыстному, къ тому, въ чемъ всѣ должны быть дружны и едины. Это было бы нагляднымъ обученіемъ толпы и гуманности, о которой такъ усердно пустословитъ вѣкъ ложно-понимаемыхъ общечеловѣческихъ интересовъ, и патріотизму, о которомъ онъ охотно умалчиваетъ, видя въ немъ отживающій свою пору остатокъ несовершеннаго прошлаго и наивно надѣясь достигнуть братства между чужими и далекими путемъ охлажденія къ первоначальному, естественному братству между родными и близкими. Это была бы національная художественная галлерея, всѣмъ и всегда доступная не для эстетическаго только наслажденія, но и для поученія въ художественныхъ образахъ.

Искусство вообще, искусство живописи въ частности, должно стать идейнымъ, учительнымъ по своимъ цѣлямъ, оставаясь вполнѣ художественнымъ по формамъ, если оно не хочетъ размѣняться на мелочи, превратиться въ праздную забаву, въ прихоть пресыщеннаго воображенія. Не отрицая ни одной изъ существующихъ формъ искусства, но утверждая, что всѣмъ главнымъ изъ нихъ, правильно понимаемымъ, доступно богатое идейное содержаніе, не нуждающееся для проявленія своего вліянія въ опредѣленной назидательной тенденціозности и напускной морализаціи и, наоборотъ, вполнѣ согласимое съ свободою творчества и съ непринужденною красотою выраженія, мы утверждаемъ однако, что съ каждою минутою назрѣваетъ потребность въ

расширеніи идейныхъ задачъ искусства, къ выводу его на благотворный путь художественнаго впечатлѣнія, вызываемаго не одною внѣшнею прелестью очертаній и формъ, обаяніемъ волшебной игры красокъ, свѣта и тѣни, но и «нетлѣнною красотою духа», внутреннею красотою воплощенныхъ въ произведеніи искусства мыслей и чувствъ, или, еще лучше,—мысли, чувства и дѣла.

Языкъ чувствъ и страстей, изобразительное искусство, можетъ и долженъ тѣшить и дразнить не одни мелкія чувства, не однѣ пустыя или дурныя страсти; онъ призванъ вызывать и возвышенныя чувства, и благородныя страсти, пробуждать не одно безцѣльное эпикурейское наслажденіе изящнымъ, не одну безсильную сентиментальность и праздную мечтательность, но и энергію человѣческой воли, направленной на дѣло, на подвигъ. Новая Русская живопись, хотя и разорвала связь со своею прародительницею Византійскою, но, какъ бы помимо своей воли, повидимому, унаслѣдовала отъ нея, преимущественно передъ Западно-европейскою, любовь къ идейному содержанію. Какое богатство мысли, какія человѣчныя чувства, какія высоко-художественныя и нравственно-благотворныя впечатлѣнія воплотили въ себѣ произведенія нашихъ живописцевъ, извѣстно всякому, знакомому съ содержаніемъ картинъ Верещагина, Рѣпина, Перова, В. Маковскаго и другихъ. Къ чести нашихъ художниковъ должно сказать, что, если многимъ изъ нихъ надо учиться техникѣ искусства у Запада, то серіозностью направленія они даютъ западному искусству самый похвальный примѣръ. Во многихъ грѣхахъ своихъ иностранныхъ собратьевъ они неповинны: они не дразнили дурныхъ страстей, не вносили грязь цинизма и хмѣль чувственности въ святилище искусства; они искренно обличали неправду жизни, рѣшительно становились на сторону униженнаго, оскорбленнаго, забитаго, порабощеннаго меньшаго брата, бѣдняка, простолюдина; обществу, тонущему въ роскоши, они разоблачали ужасы нужды, голода, болѣзней; темнымъ сторонамъ общественнаго порядка—его тяжелыя слѣдствія. Въ рукахъ нашихъ жанристовъ бытовой элементъ поднялся до высоко-поучительнаго значенія; подъ трагическою кистью Верещагина этнографическая и историческая живопись достигла небывалой силы и выразительности, возвысилась до пониманія психологіи народныхъ массъ, до воплощенія духа цѣлыхъ національностей, цѣлыхъ расъ человѣчества (картины Средне-Азіатской и Русско-Турецкой войны Верещагина; въ томъ же духѣ написаны «Запорожцы» Рѣпина). Нашей живописи, серіозной и цѣломудренной, по праву подобаетъ сдѣлать еще шагъ впередъ къ воплощенію того же, усвоеннаго уже ею, направленія въ новой для нея области

монументальнаго искусства, идейнаго и учительнаго по преимуществу, во всѣ времена спасавшаго искусство отъ обмельчанія и опошленія, но не всегда находившагося въ одинаковомъ почетѣ. Мы твердо вѣримъ, что съ развитіемъ отзывчивости къ общественнымъ нуждамъ, съ усиленіемъ любви къ исполненію общественнаго долга, искусство будетъ развиваться преимущественно въ этомъ направленіи: не переставая удовлетворять художественнымъ потребностямъ отдѣльныхъ лицъ, оно получитъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе въ служеніи задачамъ и цѣлямъ общественнымъ, національнымъ, наконецъ общечеловѣческимъ. Живопись и скульптура, соединясь съ архитектурою, изъ частныхъ собраній, изъ музеевъ и галлерей, служившихъ имъ до сихъ поръ главнымъ пріютомъ, выдутъ наружу, на улицу, на площадь, станутъ лицомъ къ лицу съ народною массою, какъ было въ Египтѣ, въ Греціи, въ великое время Возрожденія, для того чтобы стать достояніемъ всѣхъ, чтобы осуществлять назначеніе свое не въ опредѣленные, заранѣе отмѣренные дни и часы, а непрестанно, чтобы дѣйствовать на мысль, на чувство, на воображеніе, на волю не единицъ, а цѣлыхъ массъ людей и не порознь, а совокупными силами своими, съ высоты зданій и памятниковъ, посвященныхъ общему труду, общей пользѣ и общей славѣ.

Величавымъ приступомъ къ этому направленію въ искусствѣ, направленію исконному, но не пользующемуся достаточнымъ сочувствіемъ, могла бы быть предлагаемая здѣсь историческая роспись стѣнъ Кремля; она тѣмъ болѣе своевременна, что въ 1900 году исполнится 600-лѣтіе со времени постройки первыхъ Кремлевскихъ стѣнъ княземъ Даніиломъ. Надо ли говорить, какую богатую перспективу разнообразнѣйшихъ, возвышенныхъ, благородныхъ темъ раскрываетъ она передъ живописью? Какое обиліе историческаго и этнографическаго матеріала предоставлено здѣсь ея выбору? Какая сила выраженія, какой драматизмъ изложенія возможны здѣсь для даровитаго художника? Чего и кого не видали подъ собою и вокругъ себя эти стѣны или (все равно) неразрывно связанные съ ними ряды болѣе далекихъ укрѣпленій центра Россіи, расходящіеся до самыхъ глухихъ ея окраинъ? Если это не величавая задача для искусства, если это не блестящая арена для заслуженной славы и художника, и цѣлаго города, окружающаго Кремль, и цѣлой страны, окружающей Москву,—то нѣтъ ничего величаваго, ничего славнаго.

Но по силамъ ли эта задача для исполнителей? Преодолимы ли внѣшнія препятствія къ ея исполненію? О затрудненіяхъ денежныхъ стыдно и говорить: есть средства для столькаго неважнаго, второсте-

пеннаго, для стольких прихотей и пустяковъ; неужели ихъ не найдется для дѣла? Потому что это дѣло — дѣло народной чести, дѣло, благіе плоды котораго не могутъ быть подвержены сомнѣнію, если оно когда-либо будетъ осуществлено достойнымъ образомъ, съ сыновнимъ почтеніемъ къ прошлому, съ любовью къ родному, съ правдивостью, не нуждающеюся въ прикрасѣ, съ художественностью исполненія, безъ которой лучшій замыселъ гибнетъ въ произведеніи искусства. Условія мѣста могутъ быть легко измѣнены; выступы и впадины на стѣнахъ, если бы онѣ гдѣ-либо явились помѣхою цѣли художника, могли бы быть сглажены; загораживающее видъ на стѣны — устранено. Помѣха климата, атмосферическихъ условій, это главное затрудненіе... Но такъ ли оно велико, какимъ кажется съ перваго взгляда? Нормальная живопись стѣнъ—фреска, скромная по своимъ техническимъ ресурсамъ, строгая по колориту и быть можетъ по этому тѣмъ болѣе склонная къ воплощенію идейной, духовной красоты сюжета, фреска, этотъ любимый родъ живописи величайшихъ мастеровъ Возрожденія, сама по себѣ считается весьма прочнымъ видомъ живописи, если исполнена съ должною тщательностію подготовки. Въ какихъ ужасныхъ условіяхъ находились столькія изъ знаменитыхъ фресокъ въ Италіи, и однако, по прошествіи столѣтій, онѣ еще не совсѣмъ умерли и, быть можетъ, даже менѣе потеряли, нежели одновременныя съ ними масляныя картины. Конечно нашъ климатъ несравненно неблагопріятнѣе южнаго; но однако передъ этимъ препятствіемъ не останавливались же въ старину, когда Русскіе храмы обильно покрывались наружною живописью. Оживленіе этого прекраснаго обычая мы замѣчаемъ за послѣднее время и у насъ въ Москвѣ. Климатъ и время будутъ, разумѣется, вести свою разрушительную работу, но это не должно мѣшать людямъ оказывать имъ сопротивленіе: вѣдь борьба съ разрушительными силами природы—почетная, великая задача человѣка! Ей мѣсто и здѣсь. Реставрація можетъ и должна быть неустанною, почти непрерывною; въ нравственномъ отношеніи она можетъ считаться даже полезною, какъ несомнѣнное доказательство неослабѣвающей любви смѣняющихся поколѣній къ дорогому имъ памятнику. Но тогда, скажутъ, это будетъ работа, механически исполненная, не художественная. Не думаемъ. Оригиналъ, первоначальный замыселъ картинъ и, на сколько можно, первоначальное же исполненіе ихъ должны принадлежать одному и тому же художнику; если у него не хватитъ силъ (что̀ болѣе, чѣмъ вѣроятно), то нѣсколькимъ. Реставрація же, при тщательномъ сбереженіи оригинальныхъ картоновъ—дѣло уже болѣе допускающее участіе другой руки, чѣмъ первоначальная, разумѣется руки искусной и, главное, несамовольной. Съ неизбѣжными недостатками этихъ условій приходится помириться;

отказываться изъ за нихъ ото всего было бы также странно, какъ отказываться отъ постановки статуй и всякой скульптурной наружной работы подъ предлогомъ порчи ея отъ климата и времени. Не забудемъ, наконецъ, средствъ къ предотвращенію порчи картинъ посредствомъ небольшаго прикрытія сверху, какъ это дѣлается на многихъ храмахъ надъ наружными иконами и лампадами, какъ это видимъ, напримѣръ, съ успѣхомъ примѣненнымъ надъ внѣшнею живописью Кремлевскихъ церквей; затѣмъ почему не допустить прикрытія даже стеклами, на всемъ пространствѣ, въ нѣкоторый ущербъ удобству обозрѣванія картинъ, но въ пользу ихъ долговѣчности? Охраненіе этихъ витринъ отъ пыли, сырости и замерзанія—дѣло сравнительно легкое: любой магазинъ, раскладывающій свои бездѣлушки на окнахъ, умѣетъ достигать безукоризненной чистоты оконныхъ стеколъ. Не объ этомъ слѣдовательно можетъ быть рѣчь, а о несравненно болѣе важномъ: о выборѣ самихъ сюжетовъ и о ихъ достойномъ выполненіи.

То и другое дѣло въ высшей степени важно и трудно. Оно требуетъ благоговѣйнаго отношенія къ себѣ; къ нему должно быть приступлено съ должнымъ знаніемъ, способностями, почтеніемъ къ старинѣ и къ родинѣ и, главное, съ тою любовью, для которой нѣтъ непреодолимыхъ препятствій, которой и труднѣйшее легко, когда ей отдаются всецѣло. Существенное въ программѣ могло бы быть намѣчено знатоками науки и искусства; могъ бы быть объявленъ конкурсъ (конечно безплатный) для проектовъ росписи; въ немъ могли бы участвовать лучшія художественныя силы; новыя силы могли бы быть вызваны къ дѣятельности въ отзывчивомъ талантѣ при этомъ случаѣ. Промедленія и неудачи не должны приводить въ смущеніе въ такомъ дѣлѣ: вспомнимъ исторію великихъ памятниковъ искусства, вызванныхъ къ жизни въ эпоху Возрожденія сознаніемъ общественнаго, муниципальнаго достоинства въ Италіи, исторію построенія соборовъ, Флорентинскаго, Орвіетскаго, Св. Петра. И тамъ были, казалось, непреодолимыя трудности, по рессурсамъ тогдашней техники искусствъ несравненно бо̀льшія, чѣмъ здѣсь, при гораздо меньшихъ матеріальныхъ средствахъ; и однако куполъ Санта Маріи дель-Фьоре дождался своего Брунеллеско, Орвьетскія стѣны своего Синьорелли, Сикстинскій плафонъ и Св. Петръ—Микель-Анджело; нашлись Веронезъ и Тинторетто для Венеціанскаго дворца дожей, Рафаэль—для Ватикана. Въ сравнительно недавнее время не осуществившійся, но величавый проэктъ росписи Парижскаго Пантеона Шенаваромъ показалъ еще разъ, что̀ могла бы въ короткое время сдѣлать талантливая рука художника, руководимаго глубокою мыслью и страстью къ своему предмету. Но къ чему далекіе примѣры? Въ нашемъ Русскомъ современномъ искус-

ствѣ есть величавый по силѣ таланта, глубоко-вдумчивый, неутомимый по быстротѣ и упорству въ трудѣ художникъ-мыслитель, уже не разъ изумлявшій свѣтъ грандіозными серіями своихъ картинъ, настолько же замѣчательныхъ по размѣрамъ и количеству, насколько содержательныхъ по замыслу, законченныхъ по исполненію. Предлагаемая исполинская задача, если взяться за нее одному, въ настоящее время по плечу Верещагину. Онъ далъ уже столько въ области своего искусства, сколько не сдѣлать десятку соединенныхъ другихъ силъ; но своей силы онъ, слава Богу, еще не исчерпалъ. Между тѣмъ послѣ широкихъ тріумфовъ имъ одержанныхъ въ области живописи, гдѣ, не говоря уже о техникѣ, именно съ идейной стороны, какъ намъ (и не намъ однимъ конечно) кажется, онъ открылъ новые пути и новыя точки зрѣнія, ему трудно было бы найти себѣ задачу, которая не показалась бы мелкою сравнительно съ уже рѣшенными имъ, если бы, какъ извѣстно, онъ въ настоящее время не былъ занятъ новымъ, достойнымъ его силъ сюжетомъ—картинами изъ исторіи 1812 года. Но именно 1812 годъ и есть одна изъ главныхъ частей программы росписи Кремля, ея самое патетическое мѣсто. Кому же, какъ не ему, по праву и по счастливому совпаденію съ собственнымъ выборомъ художника, а также и по его призванію къ созданію такъ сказать коллективныхъ художественныхъ произведеній, кому же, какъ не Верещагину, отважиться на исполненіе этой программы, въ которой и другія ея части, хотя бы напримѣръ борьба съ Татарами, съ Азіатскимъ и магометанскимъ элементомъ, понятнѣе лучше, чѣмъ кому-либо, ему же, глубже кого-либо изъ своихъ собратьевъ по искусству художественно изучившему и постигшему психологію дикихъ Азіатскихъ расъ и вообще человѣка-звѣря въ его стихійной массовой жизни? Великаго художника ждетъ по истинѣ великая задача; дождемся ли мы, или нѣтъ, осуществленія исторической росписи Кремля,—все равно! проектъ ея, начертанный геніальнымъ карандашемъ или кистью Верещагина, былъ бы достойнымъ его дарованій, величественнымъ завершеніемъ его служенія родному и всемірному искусству.

9 Сентября 1893 г.

P. S. Предыдущія строки уже были сданы въ типографію, какъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о новыхъ способахъ стѣнной живописи», помѣщенной въ № 10 «Дневника Артиста» за текущій годъ (стр. 27—28), мы встрѣтили изложеніе блестящихъ результатовъ изобрѣтеннаго Нѣмецкимъ химикомъ Адольфомъ Киймомъ способа дѣлать стѣнную живопись навсегда недоступною разрушительному дѣйствію всякихъ атмосферическихъ, климатическихъ и свѣтовыхъ вліяній. Благодаря

этому открытію, вопросъ о техническихъ препятствіяхъ къ предлагаемой нами художественной росписи Кремля существенно измѣняется въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ. Въ виду этого считаемъ нелишнимъ привести здѣсь выписку изъ вышеуказанной статьи:

«Свойство керамики увѣковѣчивать цвѣтъ краски и укрѣплять ее на мѣстѣ посредствомъ химическаго соединенія ея съ грунтомъ навело новыхъ изслѣдователей на мысль найти такой грунтъ и подобрать такія краски, которыя могли бы соединяться химически, безъ накаливанія, обусловливающаго измѣненіе цвѣта при самомъ процессѣ, и при этомъ не поддавались бы атмосферическимъ вліяніямъ. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи минералога Іоганна фонъ Фукса, Юстуса фонъ Либиха, фонъ Петенкофера и художниковъ Шлотгауфа, Каульбаха, Пилоти, Ф. Дица, Франца Зейца и др., подвинувшихъ это дѣло на пути къ успѣху, только въ самое послѣднее время (въ 1881 г.) химику Адольфу Кейму удалось, наконецъ, достичь самыхъ блестящихъ результатовъ. Изобрѣтенная имъ грунтовая масса, смѣшиваемая съ небольшимъ количествомъ гашеной извести, даетъ совершенно бѣлый, нѣсколько пористый грунтъ, по которому производится живопись приготовляемыми имъ же, Креймомъ, исключительно минеральными красками. Пока грунтъ сырой (что̀ достигается смачиваніемъ его дистиллированной водой), живопись можетъ быть легко измѣняема и исправляема по желанію художника; но когда картина готова, она пульвиризируется особой фиксирующей жидкостью, которая, проникая въ грунтъ, соединяетъ съ нимъ химически краски живописи, не измѣняя ихъ цвѣта и навсегда предохраняя ихъ отъ всякихъ климатическихъ, атмосферическихъ и свѣтовыхъ вліяній. Матовый тонъ, который получается при этомъ, даетъ возможность видѣть картину во всѣхъ частяхъ, съ какой угодно точки зрѣнія. Это знаменательное изобрѣтеніе Ад. Кейма было провѣрено многочисленными опытами профессоровъ Линденшмидта, Шраудольфа, Зейца, Оберлендера, Макса фонъ Ленбаха и друг. и въ 1882 г. подверглось изслѣдованію Мюнхенской Академіи Наукъ, въ особой коммиссіи, которая признала въ открытіи Кейма полное разрѣшеніе вопроса о неизмѣнной прочности его способа стѣнной живописи и, такъ сказать, послѣднее слово въ исторіи развитія стереохроміи. Хотя со времени выдачи Ад. Кейму этого аттестата Мюнхенской Академіей прошло уже болѣе десяти лѣтъ и способъ его пользуется въ Германіи большою популярностью, онъ едва ли кому нибудь извѣстенъ у насъ въ Россіи... Намъ извѣстно, что Мюнхенская Академія подвергала живопись Кеймовскими красками искусственно и въ сильнѣйшей степени всѣмъ тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ, какія въ теченіе вѣковъ могутъ дѣйствовать на живопись въ самомъ суровомъ климатѣ, и Кеймовскія краски вышли изъ подъ этихъ опытовъ невредимыми».

В. Кожевниковъ.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ СТИХОВЪ ПУШКИНА *).

Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива".

Пишу къ вамъ подъ впечатлѣніемъ новыхъ 14-ти строкъ стихотворенія Пушкина. Что̀ за прелесть, и такая глубокая! Что̀ за гармонія! Тутъ все благозвучіе смысловое; смыслъ условливаетъ тутъ цезуру. Разумѣется, это изъ VII-й главы Онегина, та строфа, которая долженствовала быть 9-ю и Пушкинымъ опущена. Прямо послѣ этого должно слѣдовать: „Мой бѣдный Ленскій, изнывая". Это ясно. Вся эта строфа такъ и располагаетъ душу понять лирическую связь между 41 и 42 строфами главы предыдущей (VI-ой) и готовящимся содержаніемъ новой главы, то есть VII-й; въ стихѣ: „И въ рощѣ скрытыя дороги" уже зрѣетъ въ воображеніи поэта скитаніе Татьяны въ усадьбу и домъ Онегина. Прочтите указанныя выше строфы VI-й главы, сопоставьте ихъ съ 7-ю строфою главы VII-й, и вы, конечно, согласитесь со мною. „И берегъ Сороти отлогій"—самая отрывочность нача̀ла даетъ понять, что это *И* связано съ предыдущимъ; но у Пушкина въ „Евгеніи Онегинѣ" именно въ этомъ мѣстѣ и означенъ выпускъ двухъ строфъ. Имъ выпущены тутъ двѣ строфы 8 и 9. Вы отыскали 9-ю; разыщите же 8-ю.

Свирѣль—дружка̀ тому „вѣнку", который качался „на соснѣ". Тамъ же, на романтическомъ мѣстѣ, гдѣ могила Ленскаго, Пушкинъ, получивъ, можетъ быть, отъ пастуха „свирѣль" („пастухъ, плетя свой пестрый лапоть") и повѣсилъ Эолову арфу („вѣтру въ даръ"). Тутъ и доказывать нечего, чьи это стихи. Они могли сложиться только въ одной и той же, все той же гармоніи; ясно, чей это „*плодъ гармоническихъ затѣй*". Я не говорю уже о благозвучіи стиховъ: „*И полосатые холмы*".. „*капище наукъ*"... „*сельскій кругъ*"... Одно другаго лучше.

Но это не значитъ однако, что строфы (еслибъ и другая нашлась) надо было вставлять въ новое изданіе Онегина, коль скоро самъ Пушкинъ ихъ выкинулъ. Посмотрите, какъ онъ строгъ къ себѣ: что̀ выкинуто, то̀ и—мимо.

Мало ли выкинуто самимъ Пушкинымъ изъ Онегина и, конечно, по его собственной цензурѣ! Увѣряю васъ, что даже „зѣвая слушаетъ моле-

---

*) См. выше, стр. 225.

бенъ" и пр., это онъ самъ выкинулъ. *„Умильно на пучекъ зари"*—это еще образъ и стихъ не доискавшійся окончательной, настоящей Пушкинской формы.

Извѣстно мѣсто въ „Онегинѣ", оборванное также въ самой строфѣ и потомъ обозначенное пробѣломъ, въ описаніи деревенской жизни Евгенія:

„Потомъ свой кофе выпивалъ
И одѣвался"

Тутъ стояло:

„только врядъ,
Носили вы такой нарядъ".

И потомъ слѣдовала строфа: „Носилъ онъ Русскую рубашку" и пр.

Ясно, что неудержимая фантазія поэта, этотъ „бредъ", сейчасъ же воспроизводитъ знакомое поэту его собственное одѣваніе въ Русскую рубашку и пр. Ну, невольно и воспроизвелъ картину своего наряда. Что же? Онъ сейчасъ же все это зачеркнулъ. И нелѣпо будетъ, если какой нибудь усердный издатель влѣпитъ теперь въ „Онегина" этотъ пропускъ. Въ самомъ Пушкинѣ очень характерно, что онъ надѣвалъ Русскую рубашку; но Онегину этого не подобало. Весь „онегинизмъ", такъ сказать, есть безнародность. Вотъ почему и зачеркнуто это мѣсто самимъ авторомъ—безповоротно, навсегда. А все-таки пропускъ имъ обозначенъ.

Въ строфѣ вами напечатанной нѣтъ ничего подобнаго. Напротивъ, все удивительно гармонично и все въ согласіи съ предыдущимъ и послѣдующимъ.

Но... но..., конечно, это ужъ слишкомъ личная черта. Во первыхъ, Пушкинъ могъ даже заказать дудку пастуху, или получить отъ него ту, на которой онъ игралъ, и потомъ, на память, повѣсить ее на ель. Но это уже очень лично. Во вторыхъ, *Сороть*, и опять *Сороть!* Въ поэмѣ Географія непріятна. Еще бы опредѣлить, подъ какимъ именно градусомъ широты и долготы жилъ Евгеній у себя въ деревнѣ. Наконецъ, эта строфа начинается съ И. („И берегъ...). Слѣдовательно, какъ она ни превосходна сама въ себѣ, но ее нельзя вполнѣ понять безъ предыдущей; а вотъ эту предъидущую, т. е. 8-ю строфу VII-й пѣсни, и надо отыскать...

КЪ БІОГРАФІИ ЛЕРМОНТОВА.

Разсказъ Кавказскаго штабсъ-капитана.

Заимствуемъ этотъ разсказъ изъ № 47 газеты „Кавказъ“ за 1853 годъ.

„Я былъ казначеемъ полка Какъ вамъ извѣстно, казначеи пользуются почетомъ среди товарищей: нашего брата считаютъ какими-то Крезами. Я скоро познакомился со многими лучшими домами. Въ одномъ изъ нихъ встрѣчаю офицера, который какъ-то поразилъ меня. Я сталъ разсматривать его съ неподдѣльнымъ вниманіемъ и чѣмъ пристальнѣе всматривался въ его спокойное лицо, полное ума, выраженія, тѣмъ интереснѣе становился онъ для меня. Ростъ его средній; онъ былъ плотенъ, но не толстъ; когда говорилъ—глаза горѣли, бѣгая по сторонамъ; трудно было выдержать огонь его взгляда. Это Лермонтовъ, отвѣчали мнѣ на вопросъ о немъ. Меня познакомили съ нимъ; но, къ сожалѣнію, мое знакомство продолжалось недолго (командировка была тому причиною). Но я коротко узналъ его: меня поражалъ въ немъ его холодно-рѣзкій приговоръ, отрицательный взглядъ на предметъ, который онъ высказывалъ неохотно; поражалъ всегда пріятно, потому что это изобличало самоувѣренность. Но могъ ли я предвидѣть въ немъ геніальнаго поэта-мыслителя?

„Лермонтовъ былъ аристократъ въ строгомъ смыслѣ слова; но въ послѣднее время держалъ себя нѣсколько странно, какъ человѣкъ, явно пренебрегающій собой. На его языкѣ ворочалась вѣчная сатира или сарказмъ; онъ любилъ иногда посмѣшить ѣдкою рѣчью. Сколько припомню, глаза его никогда не смѣялись, когда онъ смѣялся, какъ у Печорина, героя его романа. Вообще, напрасно Лермонтовъ говорилъ, что Печоринъ не его портретъ; въ немъ много сходства съ нимъ, даже внѣшняго: тотъ же согбенный станъ, таже безжизненность въ глазахъ, изрѣдка свѣтящихся фосфорическимъ блескомъ. Особенное наслажденіе находилъ онъ въ томъ, чтобы уничтожать другихъ при дамахъ, но едва-ли изъ соперничества: сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ влюбиться серьезно. Какъ бы то ни было, одна изъ такихъ шутокъ стоила ему слишкомъ дорого“.

Сообщилъ **С. Козубскій.**

ПИСЬМО ДЕКАБРИСТА А. И. ЯКУБОВИЧА ИЗЪ СИБИРИ КЪ СЕСТРѢ.

20 Іюня. М. Разводная (1841).

Только что оправился отъ сильной болѣзни, какъ обрадованъ былъ твоимъ добрымъ дружескимъ письмомъ. Отъ всей души благодарю, милый другъ сестра, за твою любовь и довѣренность, съ которой ты мнѣ говоришь о твоемъ семействѣ и будущности твоихъ дѣтей. Полжизни человѣческой почти прошло съ тѣхъ поръ какъ я васъ оставилъ; многое, очень многое измѣнилось въ насъ и внѣ насъ; но сердце твое сохранило родственныя чувства ко мнѣ, и я благодарю Бога за новый знакъ Его милосердія.

Алек... Ив... Стаховича очень помню и радуюсь избытку состоянія въ рукахъ такого благонамѣреннаго и добраго человѣка. Быть полезну ближнему, подготовлять воспитаніемъ и наукой полезныхъ гражданъ Отечеству, облегчать скорбь неимущаго есть дѣло христолюбивое, и исполать имъ, добрымъ людямъ! Твой сынъ на рукахъ этого добраго семейства: и ты права́. Не желай ему многихъ знакомствъ и связей: разнообразіе, и въ добрѣ, можетъ быть вредно для юнаго, неопытнаго сердца и незрѣлаго ума. Очень радъ получить портретъ твоего Виктора; но еще былъ бы болѣе доволенъ, если бы онъ писалъ ко мнѣ, и отъ сердца, по внушенію души.

Другъ мой! Ты исполнила свое предназначеніе женщины: ты жена, мать семейства. Теперь осталось выполнить обязанность гражданки: дай дѣтямъ твоимъ истинное нравственное воспитаніе, образуй ихъ быть полезными Отечеству, и твое семейство, милліонная частица цѣлаго, исполнитъ свой долгъ. Самое главное: убѣди и докажи твоимъ дѣтямъ, что не на пиръ имъ дана жизнь, но на трудъ, на борьбу, на искупленіе грѣховности своей! И кто бы они ни были, по способностямъ ума, твердости воли и заслугамъ, но они рождены быть слугами Отечеству, которому должно жертвовать имуществомъ, жизнью и честью. Это чувство не преувеличено. Разбери и всмотрись въ чувства и по-

ступки окружающихъ тебя, и ты, милая сестра, увидишь ежедневно подобные подвиги, но только не съ цѣлью общаго блага, а для своекорыстія и ублаженія страстей.

Благодарю Бога, что нашъ отецъ силенъ, здоровъ и дѣятеленъ; дай Богъ, чтобы жизнь и силы его продлились.

Тезку моего, твоего маленькаго шалуна, цѣлую. Скажи ему, пожалуста, что я его жду къ себѣ въ гости и нарочно не умру, чтобы видѣть, какъ онъ ухитрится высвободить меня изъ Сибири: къ намъ ворота широки, а отъ насъ и калитки нѣтъ.

Вѣрю, другъ мой, что я бы нашелъ отраду и покой въ твоемъ семействѣ; но не молиться мнѣ на могилѣ нашей матери, не бродить по полямъ родины. Я, достояніе ссылки, скорби, труда! На общей перекличкѣ, предъ лицемъ Того, для Котораго нѣтъ ни высокаго, ни малаго, мы увидимся и оцѣнимъ чувства душъ нашихъ.

Ты хочешь знать, какъ я живу. Изволь, разскажу, какъ съумѣю. Мои дни идутъ мирно и въ относительномъ довольствіи; мое имущество увеличилось собакой и кривымъ пѣтухомъ. Послѣдній мнѣ служитъ часами и забавляетъ воинственностью духа. На небольшой грядѣ у меня цвѣтникъ и огородъ. Ловлю рыбу, охочусь, заготовляю зелень къ зимѣ, стряпаю ѣду, курю прескверный табакъ, который назвалъ вороти-носъ; читаю, работаю, сколько силъ есть, подъ часъ мечтаю, однимъ словомъ, живу припѣваючи, только не Лазаря! Но, благодаря Бога, препорядочно. Отказалъ себѣ въ нужномъ и выписалъ С.-Петер. газету и журналы Министерства Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ. Теперь я знаю, что̀ дѣлается на Святой Руси и могу радоваться хорошему и полезному. Сосѣдъ мой, умный и богатый крестьянинъ, недавно пригласилъ съѣздить на поля его; чрезъ 15 лѣтъ впервыя я сѣлъ на бойкаго коня, и зашевелилось ретивое! Мнѣ стало стыдно моей слабости, я слѣзъ и смиренно обратился въ инфантерію; право, не лишнее и на старости держать на уздѣ Русское молодечество.

Ты говоришь съ любовью о твоемъ садѣ. Извини, другъ, что я не раздѣляю твоего восторга. Мой садъ немного бо̀льшаго размѣра: верстъ тысяча, дремучій лѣсъ по берегу Байкала, и чего хочешь того и просишь: скалы, воды, тундры, мхи вѣковые. Ну, раздолье ссыльной душѣ!

Въ городѣ есть нѣсколько умныхъ, добрыхъ земляковъ. Они меня не чуждаются, ласкаютъ даже; но на бѣду все высокоблагородные, а

я, бездомный эксъ-дворянинъ, и потому придерживаюсь Малороссійской поговорки: *съ панами не водись!..*

Не удивляйся, душа моя, что наши паничи, превращаясь въ пановъ, забываютъ хорошое пріобрѣтенное и снова грязнутъ въ дѣдовскихъ причудахъ, повѣрьяхъ и спѣси. Такъ быть должно; потому паничи!

Ты видишь, что я не на шутку занялся болтовней, и отъ радости, что могу съ тобой потолковать, не жалѣю читающихъ мою дребедень и бумаги.

Если ген. Гельтъ помнитъ меня, то передай ему мой поклонъ.

Душа моя Саша порадовала меня истинно-дружескимъ, умнымъ письмомъ. На будущей почтѣ буду ей отвѣчать; мнѣ кажется, если бы мы были знакомы не за 7 т. верстъ, и привычка скрѣпила бы чувство, то мы сдѣлались бы большіе пріятели, и она, какъ всѣ племянницы, водила бы меня препорядочно за усы.

Если Василій Яковлевичъ удостоитъ меня письмомъ, то приму это какъ знакъ поворота къ лучшему въ моей горемычной судьбѣ.

Обнимаю тебя, мой другъ Анюта; цѣлую, какъ братъ и другъ, и прошу какъ подаянія: перекинь словечко отъ сердца, потѣшь сироту ссыльнаго, дай мнѣ возможность ожить страдальческой душой.

Отца нашего поцѣлуй; скажи ему отъ меня, что я его сынъ любящій и покорный до гроба. Обнимаю васъ всѣхъ.

А. Якубовичъ *).

---

*) Вотъ въ какомъ настроеніи, черезъ пятнадцать лѣтъ ссылки, находился и что писалъ въ родную свою Малороссію бывшій Кавказскій воинъ и пылкій Декабристъ, про котораго Пушкинъ нѣкогда говаривалъ, что онъ герой его воображенія. П. Б.

УРОКЪ ПОЛИТИКИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Графъ Людовикъ Филиппъ *де-Сегюръ* въ концѣ 1784 года назначенъ былъ представителемъ Франціи при дворѣ Екатерины II, гдѣ онъ оставался до Октября 1789 года. Служившій до того времени въ военной службѣ и дравшійся по ту сторону океана за свободу возставшихъ противъ Англіи Американцевъ, Сегюръ впервыя выступалъ на дипломатическое поприще. Передъ отправленіемъ къ своему новому посту, онъ посвятилъ послѣднее время пребыванія своего въ Парижѣ знакомству съ имѣвшимися во Французскомъ министерствѣ иностр. дѣлъ донесеніями предшественниковъ своихъ въ Россіи, а также бесѣдамъ съ разными лицами, отъ которыхъ онъ разсчитывалъ получить полезные совѣты и указанія для предстоявшей ему новой дѣятельности. Въ числѣ посѣщенныхъ имъ съ этою цѣлью лицъ былъ Испанскій посолъ при Французскомъ дворѣ *графъ Аранда*. Въ воспоминаніяхъ своихъ Сегюръ помѣстилъ нижеслѣдующій любопытный разсказъ объ оригинальномъ свиданіи своемъ и разговорѣ съ этимъ дипломатомъ *).

—

Желаніе запастись свѣдѣніями, могущими освѣтить мнѣ путь въ столь новой для меня дѣятельности привело меня еще къ одному государственному человѣку, таланты и глубокая опытность котораго были предметомъ всеобщей похвалы. Онъ былъ очень друженъ съ родителями моими, и дворы наши связаны были тѣсными узами родства и дружбы То былъ знаменитый графъ Аранда, Испанскій посолъ во Франціи. Онъ пріобрѣлъ большую извѣстность тою твердостью, таинственностью и быстротою, съ коими, пренебрегая всѣми старыми предразсудками и не смотря на всевозможные происки, онъ распорядился закрытіемъ въ одинъ день, сразу во всей Испаніи, всѣхъ Іезуитскихъ монастырей, чѣмъ довершилъ неожиданное уничтоженіе этого могущественнаго ордена.

Внѣшность графа Аранда, его осанка, разговоры и все обращеніе отличались большой своебытностью. Живость его была сдержанна, сдержанность отличалась ироніею и почти насмѣшкою. Онъ имѣлъ странную и нѣсколько смѣшную привычку; послѣ каждой почти фразы онъ добавлялъ слова: *Слышите? Понимаете?*

---

*) Mémoires ou souvenirs et anecdotes par m-r le comte de Ségur. Paris 1827. томъ 2-й, стр. 94—98.

Я отправился къ нему. Сославшись на постоянную его ко мнѣ благосклонность, я высказалъ ему питаемыя мною опасенія касательно той новой дѣятельности, которую я начиналъ, мое искреннее желаніе преуспѣть въ ней и мою надежду на успѣхъ, въ случаѣ если онъ согласится просвѣтить меня совѣтами своими и дать мнѣ возможность, при помощи полезныхъ уроковъ его, воспользоваться, хотя отчасти, плодами долговременной его опытности.

— А! сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь, васъ пугаетъ подготовка, которой требуетъ дипломатія? *Слышите? Понимаете?* Вы думаете, что вамъ придется долго сохнуть надъ картами, грамотами и древними книгами? Вы хотите, чтобы я преподалъ вамъ уроки политики? Я согласенъ, и мы начнемъ, когда хотите. *Слышите? Понимаете?* Да вотъ, приходите ко мнѣ завтра въ полдень, и я обѣщаю вамъ, что въ короткое время вы будете знать всю политику Европы.

Я поблагодарилъ его и на слѣдующій день пришелъ въ назначенный часъ.

Я засталъ его въ креслѣ, передъ большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ развернута была карта Европы.

— Садитесь, сказалъ онъ, и начнемте. Цѣль политики, какъ вамъ извѣстно, заключается въ знаніи силъ, средствъ, интересовъ, правъ, опасеній и надеждъ различныхъ государствъ, съ тѣмъ чтобы поставить себя на сторожѣ противъ нихъ и имѣть возможность во̀ время мирить ихъ, ссорить, бороться съ ними или же сближаться, смотря по тому, чего требуютъ наши собственныя выгоды и безопасность. *Слышите? Понимаете?*

— Прекрасно, сказалъ я; но это-то именно, на мой взглядъ, и указываетъ на необходимость большой подготовки, сопряженной съ большими трудностями.

— Вовсе нѣтъ, возразилъ онъ; вы ошибаетесь, и въ нѣсколько минутъ вы будете свѣдущи во всемъ. Взгляните на эту карту. Вы видите на ней всѣ государства Европы, большія и малыя (это безразлично), ихъ пространство, ихъ границы. Разсмотрите хорошо; вы увидите, что ни одна изъ этихъ странъ не представляетъ собою правильнаго очертанія, полнаго квадрата, правильнаго паралелограма, совершеннаго круга. Всюду замѣчаются нѣкоторые выступы, нѣкоторыя углубленія, нѣкоторыя зазубрины, нѣкоторыя выемки. *Слышите? Понимаете?*

Посмотрите на этотъ колоссъ, Россію: на Югѣ Крымъ, полуостровъ выдающійся въ Черное море и принадлежащій Туркамъ; Молдавія и Валахія, выступы, имѣющіе берега на Черномъ морѣ, которые довольно пригодны были бы для Московской рамки, въ особенности если, протянувъ линію на Сѣверъ, присоединить къ ней и Польшу. Посмотрите еще на Сѣверъ: тутъ

Финляндія, усѣянная скалами; принадлежитъ она Швеціи, между тѣмъ, какъ близко находится она отъ Петербурга! *Слышите?* Перейдемъ теперь въ Швецію: видите-ли Норвегію, эту широкую полосу естественно прилегающую къ Шведской землѣ? И вотъ она подъ властью Даніи *Понимаете?* Поглядимъ на Пруссію. Замѣтьте, какъ длинно, хило, узко это королевство; сколько выемокъ нужно было бы заполнить, чтобъ ушпрпть его со стороны Саксоніи, Силезіи, а затѣмъ на берегахъ Рейна! А Австрія, что сказать о ней? Она владѣетъ Нидерландами, которые однако отдѣлены отъ нея Германіею, между тѣмъ какъ она находится совсѣмъ вблизи Баваріи, которая не принадлежитъ ей. *Слышите? Понимаете?* Туже Австрію вы находите опять въ срединѣ Италіи. Какъ далеко это отъ ея рамки! Какъ хорошо ее заполнили бы Венеція и Піемонтъ!

Ну, на этотъ разъ я, кажется, довольно насказалъ вамъ. Вы хорошо чувствуете теперь, что державы эти хотятъ сохранить всѣ выступы свои, заполнить свои углубленія и, наконецъ, округлиться, при удобномъ случаѣ. Итакъ, любезный мой, одного урока достаточно, потому что вотъ и вся политика. *Слышите? Понимаете?*

— А! отвѣчалъ я, *слышу* и *понимаю*, тѣмъ лучше, что. обращая теперь взоры свои на Испанію, вижу близъ западной части ея длинную и прекрасную кайму или выемку, именуемую Португаліею, которая, кажется, превосходно подошла бы къ Испанской рамкѣ.

— Я вижу, что вы *слышите* и *понимаете*, сказалъ мнѣ графъ Аранда. Теперь вы столько же свѣдущи въ дипломатіи, сколько и мы. Прощайте! Ступайте весело, смѣло и будете преуспѣвать.

Такимъ образомъ окончился этотъ краткій и своеобразный курсъ политики.

*

Нельзя не пожалѣть, что Записки графа Сегюра, изъ которыхъ приведенъ этотъ отрывокъ (въ переводѣ князя М. А. Кантакузена), Записки столь важныя для Русской исторіи въ концѣ прошлаго вѣка, доселѣ не переведены вполнѣ по-русски. Правда, имѣется переводъ, изданный покойнымъ Г. Н. Геннади, но съ сокращеннаго подлинника, и въ немъ опущены многія существенныя страницы полнаго изданія. Эти Записки надо перевести вполнѣ и съ необходимыми примѣчаніями. П. Б.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПРИКАЗЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА.

Надеждинской вотчинной моей конторѣ и управляющему ею и всею Сердобскою вотчиною моею

ПРИКАЗЪ.

С.-Петербургъ, Генваря 13-го дня 1807 года.

Сколь желательно и пріятно видѣть въ людяхъ хорошій разсудокъ, честность, исправность, дѣятельность и преданность, столько противныя симъ качества (и особенно неблагодарность) предосудительны и непохвальны для тѣхъ людей и огорчительны для всякаго. По симъ общимъ наблюденіямъ оставляю теперь всякому оцѣнить тѣ чувствованія сожалѣнія, неудовольствія и даже гнѣва, съ коими соображалъ я описанный мнѣ дерзновенный поступокъ нѣкоторыхъ музыкантовъ и конюховъ моихъ, учиненный ими вслѣдствіе изданнаго въ 30-й день Ноября манифеста о милиціи *), и съ коими видѣлъ я въ семъ поступкѣ ихъ, въ поверхности онаго, одну глупость и недостатокъ понятія, но въ самомъ существѣ непривязанность и неблагодарность ихъ ко мнѣ, въ то время, когда ни въ какомъ случаѣ, ни въ какихъ личныхъ обстоятельствахъ и ни въ какомъ разстояніи, не переставалъ я обильнѣйшимъ образомъ являть имъ ощутительнѣйшія доказательства неутомимаго попеченія моего о всѣхъ вообще людяхъ моихъ.

Сіи дерзость и неблагодарность заслуживаютъ по всей справедливости всеобщаго осужденія и наказанія такого, какъ для главныхъ производителей оныхъ, такъ и для участвовавшихъ съ ними, которое бы лишило ихъ навсегда всего вниманія и попеченія моихъ и въ послѣдствіи на все продолженіе ихъ будущей жизни за-

---

*) Вѣроятно, Надеждинская дворня князя А. Б. Куракина вздумала воспользоваться льготами, обѣщанными въ манифестѣ о милиціи 1806 года, и поступать въ ратники безъ назначенія и призыва. П. Б.

ставило бы ихъ раскаяваться тщетно въ потеряніи ихъ, и чрезъ то лучше и съ должною признательностію ихъ оцѣнять.

Но по чувствамъ человѣколюбія и по движенію прежняго благорасположенія моего, умѣряю я совершенно таковое наказаніе неблагодарныхъ, коихъ ниже наимяную, предписывая Надеждинской вотчинной моей конторѣ къ непремѣнному исполненію ея нижеслѣдующее.

1. За глупость конторщика Лебедева, и прежде сего въ разныхъ преступленіяхъ оказавшагося, наказать тѣлесно и уменьшить его годовое положеніе половиною, т. е. производить ему ежемѣсячно жалованья и харчевыхъ денегъ не по осьми рублей тридцать три копѣйки съ половиною, а только по четыре рубля семнадцати копѣекъ.

2. Изъ трехъ роговыхъ музыкантовъ, которые, бывъ движимы глупымъ и дерзновеннымъ подвигомъ своимъ, депутатами отъ сотоварищей своихъ самопроизвольно въ Сердобскъ ѣздили, какъ-то: Александра Бокарева, Николая Мельникова и Михайла Хорольскаго,— первыхъ двухъ отдать въ зачетъ въ рекруты, а послѣдняго, Михайла Хорольскаго, освободивъ отъ того по его малолѣтству, наказать тѣлесно и водить въ простомъ крестьянскомъ смуромъ кафтанѣ до того времени, какъ истинное раскаяніе его мѣстнымъ начальствомъ признано будетъ.

3. Священника Степана Груздова, какъ своевольнаго, должность свою помнить и наблюдать не умѣющаго и не научающаго, а дѣйствительно развращающаго людей своего прихода, въ церквахъ моихъ не сохранить, и о смѣнѣ онаго просить архіерея, о чемъ сего послѣдняго и самъ просить буду.

4. Степана Козакова, понятіемъ одареннаго и долгъ имѣвшаго оное употребить къ растолкованію заблужденія дворовыхъ людей, обязанности свои и точныя слова манифеста не понимавшихъ, наказать въ конторѣ, съ увѣщаніемъ, чтобы онъ умѣлъ себя самъ беречь предупрежденіемъ всякаго таковаго же справедливаго о его поведеніи отъ установленнаго надъ нимъ начальства неудовольствія; и сверхъ того посадить его на хлѣбъ и воду на цѣлый мѣсяцъ, съ продолженіемъ однакоже его столярной работы.

5. Капельмейстера Крона, за слабое его смотрѣніе въ баловствѣ своемъ ежедневно болѣе портящихся подчиненныхъ его музыкантовъ и за упущеніе непростительное въ растолкованіи тѣмъ изъ нихъ, которые самопроизвольно въ военную службу изъ моей дворовой услуги

выбыть хотѣли, о глупости и дерзновеніи таковаго поступка ихъ,— увольняю отъ его должности и отъ службы моей. Причитающіяся ему по роспискѣ конторы ему данной и въ годовое его жалованье деньги всѣ сполна заплатить, и естьли онъ пожелаетъ въ Петербургъ или Москву возвратиться, то до того мѣста, которое онъ изберетъ для перевоза его, нанять на мой счетъ надобное число подводъ. Впрочемъ, по моей памяти о его 20-ти-лѣтней службѣ, опредѣляю ему, естьли онъ въ Надеждинѣ остаться пожелаетъ въ качествѣ пенсіонера, годовой пенсіонъ по четыреста рублей и четвертной окладъ хлѣбной противу оклада по штату всякому дворовому женатому опредѣленнаго, равно какъ и сохраненіе занимаемыхъ имъ комнатъ. Естьли же пожелаетъ изъ Надеждина въ Москву или въ Петербургъ выѣхать, то опредѣляю ему годовой пенсіонъ по смерть его по триста рублей въ годъ, о переводѣ коего къ нему съ нимъ учредиться и о семъ ему отъ меня объявить.

6. Шталъ-мейстера Шульца за допущеніе цѣлой половины подчиненныхъ ему конюховъ къ недозволенному буйству и за дерзкій и глупый поступокъ ихъ вкупѣ со многими музыкантами сдѣланный (чтò довольно доказываетъ мнѣ недостатокъ его разсудка и недостатокъ надлежащей дѣятельности во ввѣренномъ ему начальствѣ) отпускаю отъ службы моей; съ нимъ разсчесться, все ему слѣдуемое жалованье сполна выдать и до Петербурга со всѣмъ его семействомъ на нанятыхъ подводахъ перевезти, выдавъ ему при семъ случаѣ на дорожный харчъ пятьдесятъ рублей, какъ я то прежде было для него установилъ, и о семъ ему отъ меня объявить.

7. Діакона Смирнова, какъ равномѣрно къ развращенію дворовыхъ людей служащаго, также перемѣнить.

8. Писаря Ѳадѣева за вредное празднорѣчіе, забвеніе должности своей и за ложь, имъ сдѣланную, въ которой Казаковымъ изобличенъ былъ, въ конторѣ наказать съ объясненіемъ, что ежели онъ впредъ въ наблюденіи всѣхъ своихъ обязанностей исправнѣе не будетъ, то и онъ въ зачетъ за крестьянъ въ рекруты отдастся.

8. Конюховъ Дементья Шлюшкина и Савелья Парѳенова, яко депутатовъ отъ ихъ товарищей для подтвержденія въ ихъ глупомъ и дерзкомъ подвигѣ къ священнику Груздову посланныхъ, въ зачетъ за крестьянъ отдать въ рекруты.

10. Столяра Ивана Петрова въ глупомъ и дерзновенномъ поступкѣ многихъ товарищей своихъ въ ономъ дѣйствительно преступившаго, наказать въ конторѣ и три мѣсяца держать на хлѣбѣ и водѣ при продолженіи имъ его столярной работы.

11. Сообщниковъ, съ Александромъ Бокаревымъ, Николаемъ Мельниковымъ и Михайлою Хорольскимъ, по ихъ общему дерзновенному подвигу депутатами отъ нихъ ото всѣхъ къ Сердобскимъ судьямъ ходившихъ, и коимъ достойное наказаніе уже выше мною опредѣлено, музыкантовъ: Никиту Арефьева, Степана Монькина, Корнелія Соколова, Степана Соловьева, Андрея Сухоносова, Ивана Малѣева, Ульяна Гречкина и Александру Данилова наказать въ конторѣ и, оставляя ихъ при роговой музыкѣ, покуда ихъ раскаяніе мѣстнымъ начальствомъ надъ ними уставленнымъ подлиннымъ признано не будетъ, держать ихъ въ обыкновенной смурой крестьянской одеждѣ, но чтобъ они въ тоже время ученіемъ и музыкою по прежнему занимались и подъ обыкновеннымъ начальствомъ своимъ находились, съ объявленіемъ имъ, что естьли они отъ сего снисходительнаго наказанія не исправятся и будутъ себя непослушаніемъ, пьянствомъ, буйствомъ и всякимъ другимъ поведеніемъ безобразить, то что въ будущіе рукрутскіе наборы не изъ крестьянскихъ очередныхъ семей, но предпочтительно изъ нихъ въ зачетъ за крестьянъ рекруты отдаваться будутъ.

12. Музыканта Өедора Ворошкина, 20 лѣтъ при моемъ домѣ содержимаго и на четвертомъ десяткѣ своей жизни конечно уже находящагося, которой долженъ бы имѣть и болѣе привязанностя къ дому моему и болѣе разсудка и понятія въ оцѣнкѣ всякаго глупаго и дерзновеннаго поступка, изъ законной подчиненности выводящаго, но которой при всемъ томъ столько себя забылъ, что самъ желалъ состояніе свое и домъ мой оставить и буйство дерзновенныхъ глупцовъ раздѣлялъ, въ наказаніе ему и въ примѣръ другимъ теперь же съ вышенаименованными двумя роговыми музыкантами и двумя конюхами въ зачетъ будущихъ наборовъ за моихъ крестьянъ отдать въ рекруты.

13. Шестерыхъ конюховъ: Ивана Карзубова, Василія Бакилова, Тараса Разноногова, Василія Болотова, Савелія Данилова и Өому Петрова, какъ сообщниковъ въ дерзновенномъ буйствѣ съ двумя товарищами ихъ, въ наказаніе въ отдачу въ рекруты назначенными, Дементьемъ Шлюпкинымъ и Савельемъ Парөеновымъ, оныхъ шестерыхъ наказать тѣлесно и водить, подобно вышесказаннымъ одиннадцати музыкантамъ, въ простой самой смурой крестьянской одеждѣ до того

времени, пока они истинно не раскаятся и сіе раскаяніе ихъ мѣстнымъ начальствомъ признано не будетъ.

14. Отпуская изъ службы моей капельмейстера Крона, по сожалительнымъ и весьма неожиданнымъ, но притомъ самымъ справедливымъ причинамъ моего противу него неудовольствія, и лишаяся чрезъ то способа надзрѣніе и обученіе ежедневное моихъ инструментальныхъ музыкантовъ на будущее время всего отсутствія моего въ томъ видѣ сохранить, какъ оныя до сего установлены были, и долженствуя навѣрно ожидать, что отъ таковаго безначальства они, уже столь много въ поведеніи и понятіяхъ своихъ отъ безразсудной слабости, съ которою управляемы были, испортившіеся, еще вящше во всѣ пороки впадутъ, и чрезъ то для себя самихъ и для меня въ ихъ услугѣ ни на что́ надобными и безполезными сдѣлаться должны: желаю по крайней мѣрѣ, чтобъ они по своему ремеслу и въ своемъ поведеніи сами бы въ надлежащемъ порядкѣ сохранить себя старались, и для того оказываю имъ совершенную милость, приказывая симъ: на все время моего отсутствія съ годовыми, перемѣняющимися прокормежными паспортами, или отъ Надеждинской вотчинной конторы, или отъ Московской домовой канцеляріи, отпустить ихъ на собственное свое содержаніе, дозволяя каждому изъ нихъ съ его семействомъ жить, пребывать и въ службу приниматься, гдѣ и у кого самъ пожелаетъ и за лучшее для себя изберетъ, и распространяя сію даруемую имъ свободу не токмо на Саратовскую и Пензенскую губерніи, но и на самый столичный городъ Москву. Съ таковыми прокормежными паспортами годовыми на волю съ полученія отпустить приказываю нижеслѣдующихъ инструментальныхъ музыкантовъ: Сергѣя Королева, Маркела Сутягина, Павла Карташова, Григорья Шляпникова, Ѳедора Секторина, Андрея Стуканова, Петра Политова, Алексѣя Шляпникова, Кузму Вяленку, Семена Шибаева, Ивана Минѣева, Андрея Буйлова, Степана Ворошнина, Ивана Астафьева, Алексѣя Рыбина, Василья Колобова и Ивана Сосина, съ женами и дѣтьми тѣхъ изъ нихъ, которые ихъ имѣютъ.

15. Изъ числа инструментальныхъ музыкантовъ изъ отпуска съ годовыми прокормежными паспортами на волю исключаю: 1) Аѳанасья Королева, которому вмѣсто капельмейстера Крона поручаю управленіе роговой музыки и роговыхъ музыкантовъ; 2) Григорья Стрѣльцова, который самъ на крылосѣ поетъ и церковному пѣнію другихъ обучаетъ, и 3) Константина Тосина, Ивана Малѣева, Семена Гречкина и Семена Звѣрева, которыхъ опредѣлить въ роговую музыку на мѣсто двухъ

изъ оной въ рекруты назначенныхъ роговыхъ музыкантовъ Бокарева и Мельникова.

16. Роговой музыкѣ всей быть подъ управленіемъ Аѳанасья Королева, которой всякой день прежнимъ и обыкновеннымъ образомъ оную обучать и въ игрѣ употреблять долженъ.

Шести пѣвицамъ, у капельмейстера Крона до сего жившимъ, равно какъ и тѣмъ двумъ, коихъ сверхъ сихъ шести особо Аѳанасью Королеву выбрать я приказалъ, то естьли онѣ уже выбраны, быть въ вѣдѣніи и на рукахъ Аѳанасья Королева и его жены, и жить имъ подлѣ нихъ на одинакомъ положеніи и попеченіи, какъ они жили у Крона и ихъ обучать предпочтительно церковному пѣнію на крылосѣ.

17. Роману Поцѣлуеву оставаться смотрителемъ, подъ начальствомъ Аѳанасья Королева, надъ поведеніемъ, столомъ и чистотою въ одеждѣ роговыхъ музыкантовъ; ему же Роману Поцѣлуеву пѣвицъ вмѣстѣ съ Григорьемъ Стрѣльцовымъ подъ управленіемъ же Аѳанасья Королева обучать ежедневно пѣть и особливо съ ними заниматься ихъ ученіемъ всѣ тѣ часы, когда Аѳанасій Королевъ ежедневною школою роговыхъ музыкантовъ упражняться будетъ.

18. На мѣсто двухъ въ рекруты отдаваемыхъ конюховъ Дементья Шлюшкина и Савелья Парѳенова опредѣлить въ конюшню двухъ другихъ.

19. Отпуская изъ службы моей шталмейстера Шульца и чрезъ то лишаяся ожиданія, чтобъ мои цуковыя лошади были въ надлежащемъ порядкѣ и тѣлѣ безъ него содержимы, и чтобы кто бы то ни былъ безъ него порядочно объѣзжать могъ, нахожу, что, по моей невозможности еще долго ими пользоваться *), гораздо лучше ихъ совсѣмъ не имѣть, нежели ихъ сохранить въ дурномъ и жалкомъ видѣ и положеніи, и посему приказываю оба нарядные мои цуки, соловой и кургузой Аглинской, по лучшей возможности и лучшими цѣнами, которыя получить можно будетъ, по парно и по одиночкѣ, распродать, зная, что полными цуками ихъ теперь никто не купитъ. Сверхъ же сего на счетъ моей конюшни приказываю: 1) Сохранить и всегда содержать два ямскіе для моего собственнаго употребленія восьмириковые цука, изъ числа которыхъ одинъ долженъ быть гнѣдой дворцовой, изъ

*) Князь Александръ Борисовичъ собирался тогда ѣхать на свое посольство въ Вѣну. П. Б.

Петербурга мною присланной; 2) Сохранить и всегда содержать сѣрыхъ Датскихъ и прочихъ заводовъ кобылъ и случныхъ настоящихъ жеребцовъ, равно какъ и жеребчиковъ одного года, двухъ и трехъ лѣтъ, а четырехъ-годовалыхъ всякой годъ въ пользу прихода конторскаго по лучшей оцѣнкѣ и лучшимъ образомъ всегда продавать. 3) Надзрѣніе надъ моею конюшнею въ томъ видѣ, какъ я оную теперь устанавляю, и надъ конюхами, имѣетъ производить тотъ, кому оное по довѣренности и по выбору управителя Витьковскаго, или того, кто послѣ него управляющимъ въ Надеждинѣ постановится, отъ имени моего препоручено будетъ.

20. По уменьшеніи числа лошадей на моей конюшнѣ уменьшается и надобное количество производившагося до сего для оной овса и сѣна. Остающійся отъ расхода оной овесъ продавать, а сѣно впредъ отъ ея годоваго расхода лишнимъ же остающееся обратить на продовольствіе скотнаго двора, въ которомъ умножить, поелику можно болѣе, число дойныхъ коровъ, большую пользу всегда приносящихъ не однимъ телятами, но и навозомъ къ удобренію полей удобнѣйшимъ, и масломъ, которое изъ ихъ дойнаго молока дѣлаяся, на наличныя деньги въ городахъ и вездѣ продаваться можетъ, что̀ въ теченіи прошлаго года управитель Витьковскій на дѣлѣ самомъ возможнымъ и полезнымъ доказалъ.

*

Этотъ любопытный приказъ сохранился въ современномъ спискѣ, хранящемся въ Надеждинскомъ архивѣ Ѳеодора Алексѣевича Куракина. П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ГУРІЯ КЪ И. І. ПАЛИМПСЕСТОВУ.

О переводѣ Новаго Завѣта на Китайскій языкъ *).

Защищеніе меня отъ нареканій какого-то ученаго мужа, провозгласившаго, будто какая-то Англичанка за меня переводила Св. Писаніе, дѣлаетъ честь вашей правдивости. Никакой Англичанки-сотрудницы по переводу у меня не было; да и никого кромѣ Господа Бога я не призывалъ въ помощь мнѣ. Помогалъ мнѣ только магистръ словесности Китаецъ *Лунъ*, какъ писецъ. Я обыкновенно съ Новымъ Завѣтомъ въ рукахъ ходилъ по комнатѣ и диктовалъ, а Лунъ сидѣлъ за столомъ и записывалъ мой переводъ. Когда переводъ былъ конченъ (на что употреблено 4 года), то приглашались: учитель *Иванъ* изъ школы мальчиковъ и учительница *Марья* изъ школы дѣвочекъ, сынъ Марьи *Никита* и Албазинецъ *Моисей* на совѣщаніе. И мы вшестеромъ ежедневно по два часа употребляли на провѣрку перевода. Прочитается два-три стиха, и приглашенные пересказываютъ, какъ они поняли прочитанное. Если я услышу не ту мысль, что̀ въ подлинникѣ, то ищемъ причины этой разницы, не въ новости ли мысли, или въ неловкости выраженія, или даже въ плохомъ подборѣ созвучій кроется это разногласіе. Два года мы провели въ такой провѣркѣ и, думаю, при помощи Божьей, достигли возможнаго намъ совершенства. При печатаніи корректорами были вышеупомянутые Никита и Моисей. Все это объяснено у меня въ предисловіи къ первому изданію Новаго Завѣта. Многоученый мужъ конечно этого не зналъ и вѣроятно говорилъ о моемъ переводѣ то, что̀ мыслилъ о чьемъ-то другомъ переводѣ.

---

*) Приносимъ благодарность нашу другу преосвященнаго Гурія, Ивану Іустиновичу Палимпсестову за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этого любопытнаго письма, служащаго пополненіемъ къ статьѣ г. Коростовца о Пекинской Духовной Миссіи, напечатанной въ 9-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» сего года. Преосвященный Гурій (окончившій жизнь на епископской каѳедрѣ въ Симферополѣ), служа въ Пекинской Духовной Миссіи, перевелъ на Китайскій языкъ и напечаталъ въ двухъ томахъ Новый Завѣтъ. Въ 1880 году онъ подарилъ намъ экземпляръ этой книги, которая передана нами въ Чертковскую библіотеку. П. Б.

ДОМЪ И. И. ДМИТРІЕВА.

Въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, близъ Тверскаго Бульвара и Патріаршихъ прудовъ, т. е. въ той части города, гдѣ по преимуществу живутъ люди, принадлежащіе къ достаточному и образованному сословію, гдѣ тишина и нѣтъ суетливой торговли, возвышался до нынѣшней осени, среди обширнаго сада, большой домъ поэта и министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева. Онъ самъ его выстроилъ въ 1814 году, вышедши въ отставку и поселившись въ Москвѣ, и самъ насадилъ вокругъ прекрасный садъ, изъ котораго, еще въ наши дни, раздавалось по окрестностямъ соловьиное пѣніе. Даже за два дни до кончины своей И. И. Дмитріевъ († 3 Октября 1837) сажалъ акаціи возлѣ кухни, чтобы заслонить ее съ пріѣзду. Замѣчательно, что и могила его въ Донскомъ монастырѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на каменной плитѣ (какъ и на могилѣ друга его Карамзина въ Александровской лаврѣ), окружена до сихъ поръ прекрасными деревьями. Домъ Дмитріева былъ деревянный, построенный изъ стоячихъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. Про него можно сказать, что и онъ былъ

Пріютъ, сіяньемъ Музъ согрѣтый...

У И. И. Дмитріева собирались въ этомъ домѣ представители ума, словесности и просвѣщенія, профессора и академики, словомъ, вся пишущая братія, съ Прокоповича - Антонскаго до Гоголя включительно. Въ «Русскомъ Архивѣ» напечатано много писемъ къ нему, служащихъ свидѣтельствомъ того, какъ широкъ былъ кругъ его сношеній. Въ особенности часто навѣщалъ его князь П. А. Вяземскій, посвятившій его дому прекрасные стихи, изъ которыхъ приводимъ на память читателю нижеслѣдующіе (изъ сборника: «Въ дорогѣ и дома», стр. 52).

Я помню этотъ домъ, я помню этотъ садъ.
Хозяинъ ихъ всегда гостямъ своимъ былъ радъ.
И ждали каждаго, съ радушьемъ теплой встрѣчи,
Улыбка свѣтлая и прелесть умной рѣчи...

—

Онъ умъ отыскивалъ, талантъ разузнавалъ
И гдѣ ихъ находилъ,—тамъ, радуясь успѣху,
Не спрашивалъ: какихъ чиновъ они, иль цѣху?
Но настежь растворялъ и душу имъ, и домъ.
Заранѣе въ цвѣткѣ любуяся плодомъ,
Ласкалъ онъ молодежь, любилъ ея порывы,
Но не былъ онъ предъ ней низкопоклонникъ льстивый..
Не закупалъ цѣной хвалебныхъ ей рѣчей
Прощенья сѣдинѣ и доблести своей...
Вниманьемъ ласковымъ, судомъ безстрастно-строгимъ
Онъ былъ доступенъ всѣмъ, и вѣрный кормчій многимъ.
За то въ глупцовъ мѣтка была его стрѣла!
Жужжащій враль, комаръ съ замашками орла,
Чужихъ достоинствъ врагъ, за неимѣньемъ личныхъ;
Поэтъ-ли, образецъ поэтовъ горемычныхъ,

Надутый самохвалъ, съигравшій жизнь въ ничью,
Влюбленный по уши въ посредственность свою
(А уши у него Мидасовыхъ не у́же);
Профессоръ ли вранья и наглости къ тому же;
Пролазъ ли съ сладенькой улыбкою ханжи;
Болтунъ ли, вѣстовщикъ, разскащикъ всякой лжи;
Ласкатель ли въ глаза, а клеветникъ заочно; —
Кто бъ ни задѣлъ его, случайно иль нарочно,
Кто бы ни былъ изъ среды сей пестрой и смѣшной,
Онъ каждаго колоіъ незлобивой рукой,
Болячку подсыпалъ аттическою солью—
И съ неизгладимой царапиной и болью,
Пойдетъ на весь вѣкъ свой отмѣченный бѣднякъ
И понесетъ тавро: подлецъ или дуракъ...

—

Какъ много вечеровъ, безъ свѣтскихъ развлеченій,
Но полныхъ прелести и мудрыхъ поученій,
Здѣсь съ старцемъ я провелъ. Его живой разсказъ
Ушамъ былъ музыка и живопись для глазъ.
Давно минувшихъ дней то Рембрантъ, то Светоній
Гражданскихъ доблестей и наглыхъ беззаконій...

—

Екатерины вѣкъ, ея роскошный дворъ,
Созвѣздіе именъ, сопутниковъ Фелицы,
Народной повѣсти блестящія страницы,
Сановники, вожди, хоръ избранныхъ пѣвцовъ,
Глашатаи побѣдъ: Державинъ и Петровъ,
Все облекалось въ жизнь, движенье и въ глаголы...
Онъ тутъ воспоминалъ: родной дубравы тѣнь,
Надъ свѣтлой Волгою горящій лѣтній день,
На крыльяхъ парусовъ летящія расшивы,
Златою жатвою струящіяся нивы,
Картины зимнія и праздники весны,
И домъ родительскій, святыню старины,
Куда издалека вторгалась съ новымъ лоскомъ
Жизнь новая, а съ ней слетались отголоскомъ
Шумъ и событья дня, одно другому вслѣдъ:
То Задунайскій громъ Румянцовскихъ побѣдъ,
То вѣсть иныхъ побѣдъ миролюбивой славы,
Науки торжество и мудрые уставы,
Заботы и плоды державнаго пера,
То споръ временщиковъ на поприщѣ двора,
То книга новая со сплетнею вчерашней...

Впослѣдствіи, домъ И. И. Дмитріева перешелъ въ собственность Аксаковыхъ, и тутъ же въ 1856 году, въ дни коронованія императора Александра Николаевича, у С. Т. Аксакова бывали собранія, также памятныя въ исторіи Русскаго просвѣщенія.

Пожелаемъ, чтобы каменные хоромы воздвигаемые на мѣстѣ этого до̀ма, имѣвшаго общественное, образовательное значеніе, впослѣдствіи также вызывали въ потомствѣ свѣтлыя воспоминанія. П. Б.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ОДНОЙ ПОГОВОРКИ.

Общеупотребительная поговорка: „положеніе хуже губернаторскаго", по всей вѣроятности, выработалась во времена императора Павла І-го, узаконившаго, сверхъ личной, имущественную отвѣтственность губераторовъ въ случаѣ разграбленія почты. Въ именномъ указѣ 1-го Марта 1800 года, данномъ Сенату, значится: „По случившемуся въ Костромской губерніи разграбленію почты, при „коемъ похищено было денегъ и посылокъ на 19.616 рублей, повелѣваемъ за „отысканіемъ сей суммы оставшіеся 1415 рублей и посылокъ на 60 рублей „взыскать все сполна съ Костромскаго губернатора Кочетова, взявъ до того „въ секвестръ имѣніе его: а притомъ Сенату нашему повелѣваемъ по всѣмъ „губерніямъ дать знать, что если гдѣ таковое разграбленіе случится, то „управляющіе тѣми губерніями будутъ за оное отвѣчать ихъ имѣніемъ и за „таковое послабленіе въ исполненіи своихъ должностей выключены будутъ изъ „службы. О чемъ Сенатъ имѣетъ объявить во всенародное извѣстіе". (См. Полное Собраніе Законовъ, № 19301).

Это Высочайшее повелѣніе вслѣдъ за его обнародованіемъ вызвало со стороны нѣкоторыхъ губернаторовъ распоряженіе о сопровожденіи стражею почты съ денежными отправленіями. Такъ начальники губерній: Псковской— Беклешовъ и Бѣлорусской—Сѣверинъ распорядились сопровождать почту „подъ охраненіемъ двухъ вооруженныхъ изъ штатныхъ командъ нижнихъ „воинскихъ служителей", а въ Новгородской губерніи почту стали сопровождать засѣдатели земскихъ судовъ, т. е. становые пристава.

Сенатъ указомъ 14 Іюня того-же 1800 года отмѣнилъ это распоряженіе, объяснивъ повсемѣстно губернаторамъ, что находитъ его неудобнымъ и для охраненія почтъ недостаточнымъ и что „вѣрное охраненіе почтъ происходить „должно отъ искорененія воровъ и разбойниковъ, также пристанодержателей „и всякаго насилія, что по законамъ возложено на земскія полиціи, подъ „распоряженіями губернатора и губернскихъ правленій состоящія; и сколь „скоро сей пунктъ, яко наиглавнѣйшій къ безопасности не токмо почтъ, но „всякаго званія проѣзжающихъ и проходящихъ людей, равно и для обитателей „губерніи, будетъ въ точности исполняемъ, тогда само по себѣ выдетъ нужное „для всего того охраненіе". (См Полное Собр. Зак., 14 Іюня 1800 г., № 19.452).

Означенное Высочайшее повелѣніе о личной и имущественной отвѣтственности губернатора за разграбленіе почты вошло въ Сводъ Законовъ, изданія 1835 года, а именно въ Сводѣ Законовъ Уголовныхъ, книгѣ I, Раздѣлѣ X, въ главѣ первой, подъ статьею 681-ю, изложено: „Примѣчаніе. Въ „указѣ 1800 Марта 1 (19.301) повелѣно, если гдѣ случится разграбленіе „почты, то управляющіе губерніями будутъ за оное отвѣчать ихъ имѣніемъ, „и за таковое послабленіе выключены будутъ изъ службы". Въ проектъ Уложенія о наказаніяхъ 1844 г. и въ изданное вслѣдъ затѣмъ въ 1845 г. Уложеніе не было введено это узаконеніе, столь тягостное для гг. губернаторовъ.

П. Н. Костылевъ.

ПОПРАВКИ.

Въ статью: „Московская Духовная Академія, по воспоминаніямъ двухъ родныхъ братьевъ“, помѣщенной въ 9-й книжкѣ „Русскаго Архива“, вкралась опечатка. На стр. 51-й, гдѣ идетъ рѣчь о доносѣ Агаѳангела на Павскаго, напечатано: „Агаѳангелъ послалъ свои письма *на* одобреніе и благословеніе друга своего, баккалавра Платона“, тогда какъ слѣдуетъ читать: „Агаѳангелъ послалъ свои письма *по одобренію и благословенію* друга своего, баккалавра Платона“. Это двѣ вещи разныя. Говорится вовсе не о посылкѣ Агаѳангеломъ самыхъ писемъ на предварительный просмотръ и одобреніе о. Платона, а о томъ, что безыменныя письма свои Агаѳангелъ послалъ къ митрополитамъ, получивъ на то одобреніе и благословеніе отъ своего друга. Дальше и разсказывается, при какихъ именно обстоятельствахъ получено было Агаѳангеломъ это одобреніе.

Представлялъ ли Агаѳангелъ самыя письма на просмотръ Платону, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ нельзя допустить, что онъ именно *посылалъ* ихъ къ нему: о. Платонъ тогда служилъ еще въ Академіи и жилъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Агаѳангела, такъ что послѣдній могъ всего скорѣе самъ снести письма своему сослуживцу или показать ихъ ему у себя въ келіи.

Что о. Платонъ служилъ еще въ Академіи, когда замышлялся доносъ на Павскаго, это не подлежитъ сомнѣнію. На представленіи правленія Академіи отъ 14 Декабря 1841 года о назначеніи исправляющаго должность инспектора, баккалавра церковной словесности и пастырскаго богословія, архимандрита Платона, инспекторомъ Академіи, съ возведеніемъ въ званіе ординарнаго профессора, митрополитъ Филаретъ не ранѣе какъ *29-го Января 1842 года* положилъ резолюцію: „Назначенъ въ ректора въ Казань“ (Дѣла внутр. правл. М. Д. А. 1842 г. № 67). А въ „Исторіи Московской Академіи“ (стр. 383) прямо и опредѣленно сказано, что Платонъ Ѳивейскій исправлялъ должность инспектора *до 17-го Февраля 1842 года*.

Кстати, замѣтить, что въ той же 9-й книжкѣ Архива, въ примѣчаніи къ письмамъ митрополита Леонтія, ошибочно сказано, что Леонтій состоялъ нѣкогда *инспекторомъ* Владимирской семинаріи. Онъ былъ не инспекторомъ, а *ректоромъ* ея. Прослуживъ въ должности ректора Владимирской семинаріи всего одинъ годъ (1856—1857), Леонтій оставилъ о себѣ память въ средѣ сослуживцевъ и учениковъ, какъ о человѣкѣ простомъ, обходительномъ и о начальникѣ въ высшей степени энергичномъ, умѣвшемъ вывыводить изъ спячки самыя неподвижныя, лѣнивыя натуры.

15 Октября 1893 года.

Свящ. Н. Миловскій.

ВЪ ОТВѢТЪ Г-НУ ПЕРЕВОДЧИКУ ЩЕРБАЧЕВУ.

Три Октябрьскіе фельетона „Московскихъ Вѣдомостей“ сего года заняты жалобами г-на Щербачева на „Русскій Архивъ“ за неполное яко бы помѣщеніе Записокъ Юста Юля. Переведенныя г-мъ Щербачевымъ съ Датскаго не вполнѣ до сихъ поръ изданнаго подлинника, Записки эти помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ“ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ по мѣрѣ того, какъ г-нъ Щербачевъ присылалъ ихъ изъ Даніи, при чемъ онъ находился со мною въ довольно частой перепискѣ и не выражалъ никакихъ жалобъ, получая за трудъ свой по 50 р. съ печатнаго листа. Одинъ разъ только прислалъ онъ замѣченныя имъ ошибки, которыя и были напечатаны въ одномъ изъ выпусковъ „Русскаго Архива“. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что пока продолжалось печатаніе Записокъ Юста Юля, г-нъ переводчикъ неоднократно былъ въ Москвѣ, слѣд. могъ бы лично заявить мнѣ свое неудовольствіе, чего однако не сдѣлалъ. Опечатки и неточности происходили вслѣдствіе неразборчивости присылаемой рукописи и множества находившихся въ ней помарокъ. Чтò касается до сокращеній и опущеній, то безпристрастные читатели „Московскихъ Вѣдомостей“ сами могли видѣть, содержатъ ли приводимыя г-номъ Щербачевымъ мѣстá что либо существенное, либо такое, чтò не было бы излишнимъ повтореніемъ уже напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“. Какъ же было не сокращать, когда въ рукописи г-на Щербачева почти каждое собственное имя сопровождено начертаніями того же имени Латинскими буквами и по Датскому выговору. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ради куріоза, сохранено въ „Русскомъ Архивѣ“ это забавное усердіе къ точности. Повторяемъ, что переводчикъ не гнѣвался на меня въ письмахъ своихъ за такое уменьшеніе его заработной платы, равно какъ и за то, что вмѣсто заглавія *Записки Юста Юля* появилось заглавіе *Изъ Записокъ Юста Юля.* Дневникъ Алларта не напечатанъ потому, что имѣетъ исключительно-военное значеніе, и я предлагалъ г-ну переводчику помѣстить его въ „Военномъ Сборникѣ“.

Читатели наши помнятъ, какъ Юстъ Юль, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, надоѣдалъ Петру Великому и его министрамъ притязаніями на мелочную точность. Жаль, что въ данномъ случаѣ качество это перешло и на переводчика его любопытныхъ и важныхъ Записокъ.

Петръ Бартеневъ.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

1894 года.

Вступая въ тридцать второй годъ своего существованія, „Русскій Архивъ“ не можетъ не порадоваться успѣху дѣла, начатаго нѣкогда съ самыми малыми средствами и со скуднымъ запасомъ знанія, т. е. повсемѣстному распространенію любви къ родной старинѣ, возникновенію и процвѣтанію новыхъ историческихъ изданій, тщательному изученію прошедшей Русской жизни въ ея частныхъ и мѣстныхъ подробностяхъ: цѣлыя эпохи выходятъ изъ мрака забвенія; цѣлыя области начинаютъ узнавать чѣмъ они были; труды и подвиги нашихъ предковъ обнаруживаются на поученіе потомкамъ, на поясненіе текущей дѣйствительности.

Правда, уроки исторіи легко забываются; но эта забывчивость едва ли простительна. Въ Англіи и Германіи общественные дѣятели близко знакомы съ протекшими судьбами земли своей, и тамъ— Бисмарки и Гладстоны. Здравое просвѣщеніе чуждается косности, но въ тоже время оно вѣрно минувшему.

Такова завѣтная, руководящая мысль „Русскаго Архива“ съ самаго его основанія. Этимъ среднимъ путемъ намѣрены мы идти въ занятіяхъ нашихъ и въ 1894 году. П. Б.

Съ 1894 года ближайшее участіе въ изданіи „Русскаго Архива“ принимаетъ **А. Н. Соловьевъ,** бывшій редакторомъ „Библіографическихъ Записокъ“ 1892 года.



1889. 12 выпусковъ (три книги). Фотогравюры: князь А. И. Барятинскій, представленіе плѣннаго Шамиля, гравированный портретъ князя Паскевича. Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1890. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ перес. 9 р.

1891. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ перес. 9 р. Съ Записками Вигеля.

1892. 12 выпусковъ (три книги). Цѣна 8 р. съ пер. 9 р., съ Записками Вигеля и его портретомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 года.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1894 году.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1893

12.

Стр.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ“ 1894 года.

(Москва, Садовая, д. 175).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1893.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) **оригинальныя статьи;** 2) **документы, извѣстія и замѣтки;** 3) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.	
Съ пересылкой и доставкой. . .	**10 р.**	—
Безъ доставки и пересылки. . .	**8 —**	**50 к.**
За границу.	**12 —**	—

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „**Кіевской Старины**" за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882, по **8 рублей** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 рублю.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель **К. Гамалѣй.**
Редакторъ **В. Науменко.**

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1828-й годъ *).

(Писано въ 1831 и 1832 годахъ).

Стоя лагеремъ подъ Ахалцыхомъ, мы узнали о существованіи крѣпости Хыртысъ или Хиртвисъ, также какъ и объ Ардеганѣ было узнано случайно. Находка сей новой крѣпости вблизи насъ подала поводъ къ движенію части войскъ впередъ: ибо Паскевичъ не хотѣлъ о томъ слышать, довольствуясь неожиданнымъ покореніемъ Ахалкалака. Онъ ничего не хотѣлъ болѣе предпринимать и оставался въ лагерѣ, занимаясь испытаніями, какъ бросать изъ мортиръ кучи камней, которые онъ обшивалъ въ конскія кожи. Опыты сіи, безъ сомнѣнія, не имѣли никакого успѣха; дабы охотнѣе принимались за обдираніе дохлыхъ лошадей, онъ говорилъ, что симъ средствомъ хочетъ покорить Ахалцыхъ. Онъ назначилъ казакамъ по полтинѣ серебра за каждую шкуру и приказалъ строго смотрѣть за исполненіемъ сего походному атаману; но казаки неохотно приступали къ обдиранію смердящихъ стервъ. Сіе произвело по лагерю насмѣшливыя сужденія; кожъ не доставали, сколько главнокомандующій желалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ сердился и, развлеченный извѣстіями о нашихъ дѣйствіяхъ подъ Хыртысомъ, все сіе предпріятіе оставилъ втунѣ.

Бездѣйствіе наше всѣхъ огорчало, и послѣ многихъ преній и настояній Сакену удалось убѣдить главнокомандующаго, дабы онъ отпустилъ его впередъ на завоеваніе Хыртыса.

Отрядъ Сакена былъ составленъ изо всей пѣхоты, коею я командовалъ и къ коей присоединили еще одну піонерную роту, изъ одного дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, одного уланскаго, казачьяго Леонова полка, Татарской конницы, 8 батарейныхъ орудій гренадерской бригады, 4 орудій Донскихъ и двухъ пудовыхъ мортиръ; съ нами было также отправлено 6-ть кёгорновыхъ мортиръ.

---

*) См. выше, стр. 317.

Крѣпость Хыртысъ древняя. Она выстроена на неприступной скалѣ, возвышающейся на берегу рѣки Куры, верстахъ въ 20 или 25 выше Ахалцыха. Кура въ семъ мѣстѣ течетъ въ обширной долинѣ, хорошо населенной и обработанной. Отвѣсные почти берега долины сей имѣютъ, можетъ быть, отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ сажень вышины; спускъ въ сію лѣсную долину имѣетъ близъ 2-хъ верстъ въ длину и идетъ по скаламъ, каменнымъ ступенямъ, такъ что нѣкоторыя изъ сихъ ступеней имѣютъ по аршину вышины, иныя наклонны къ пропасти. Въ другихъ мѣстахъ дорога сія осыпалась и становится такъ узка, что едва двое могутъ по оной разъѣхаться. Съ трудомъ конный можетъ проѣхать по сей дорогѣ. Когда спустишься въ богатую долину сію, климатъ становится совершенно иной: тутъ бываютъ жары, когда на возвышенныхъ берегахъ Куры прохладнѣе.

Явленіе совершенно отдѣльной скалы въ такой глубинѣ весьма странно; видъ же скалы сей, открывающійся, когда уже совершенно спустишься въ долину Куры (вершина украшена зубчатыми стѣнами съ башнями, изъ средины коихъ видны древнія строенія), очарователенъ и напоминаетъ рыцарскіе за̀мки въ Германіи, окруженные посадами. По береговой и верхней сторонамъ крѣпость Хыртысъ окружена небольшимъ городкомъ, который построенъ амфитеатромъ.

Доступъ къ Хыртыской скалѣ со стороны спуска былъ еще затрудненъ потокомъ рѣки Варивани, съ шумомъ спускающейся съ горы и стремящейся черезъ сады поперекъ дороги въ Куру. Мостъ черезъ нее уже почти совершенно сгнилъ и разобранъ до половины.

О положеніи крѣпости Хыртысъ никто не имѣлъ у насъ никакого понятія. Проводники говорили, что она на высокой скалѣ, къ которой надобно было спускаться, и сбивчивыя описанія ихъ не могли намъ дать никакого яснаго понятія о мѣстоположеніи семъ.

Крѣпость сія была точно неприступна, еслибъ ее стали защищать хотя 200 человѣкъ гарнизона; ибо изъ оной имѣлся такой же ходъ къ водѣ, какъ и въ Карсѣ. Хлѣбомъ ее запасти было не трудно, и хотя бы стѣны были разбиты ядрами (чего также невозможно было сдѣлать, потому что негдѣ было поставить орудія), то гарнизонъ могъ бы защищаться камнями изъ-за развалинъ своихъ. Оставалось бы только одно средство—разбить нижній блокгаузъ, находящійся при водѣ; но и тутъ осажденные нашли бы средство добывать воду со стороны предмѣстья. Надобно бы было занимать предмѣстье, что̀ стоило бы много трудовъ и времени, для завоеванія сего города, столичнаго въ Хыртыскомъ санджакѣ и служащаго, какъ и Ахалкалакъ, всегдашнимъ убѣжищемъ разбойническимъ партіямъ нашихъ бѣглыхъ Татаръ и Лезгинъ, безпокоющихъ наши границы въ мирное время.

26-го мы выступили изъ Ахалкалакскаго лагеря къ Хыртысу. Авангардъ, подъ командою полковника Раевскаго, состоялъ изъ одного дивизіона регулярной кавалеріи, 2-хъ сотенъ казаковъ, Татарской конницы, роты піонеръ и двухъ конныхъ орудій. Въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ за онымъ шли подъ моею командою батарейныя орудія, обозы, повозки инженернаго парка и наша малая осадная артиллерія подъ прикрытіемъ моей пѣхоты. Въ аріергардъ былъ назначенъ маіоръ Шостенко съ двумя ротами Херсонскаго гренадерскаго полка и одною сотнею казаковъ (остальныя двѣ сотни прикрывали фланги колонны).

Мы прошли около 25 верстъ, когда Сакенъ (находившійся въ авангардѣ, отъ насъ отдалившемся на нѣкоторое разстояніе) прислалъ мнѣ сказать, чтобы я остановился. За симъ слѣдовали посланные одинъ за другимъ, и приказанія, ими привезенныя, были столь разногласны, что я совершенно сбился и не зналъ болѣе, куда идти. Я спрашивалъ, гдѣ Сакенъ; никто не умѣлъ мнѣ хорошо объяснить. Говорили, что крѣпость отыскали, что авангардъ спускается въ лагерь на долину, что крѣпость на высокой скалѣ, что ея не видно, что она сдается, что идутъ переговоры, что пѣхотѣ не нужно далѣе идти, что артиллерія не можетъ пройти, и все сіе заключалось услышанными мною двумя или тремя пушечными выстрѣлами въ лѣвой сторонѣ, какъ будто изъ подъ земли исходившими. Я спѣшилъ въ ту сторону, но наконецъ получилъ приказаніе стать лагеремъ, не спущаясь въ ущелье, и вслѣдъ за симъ извѣстіе, что крѣпость Хыртысъ нами уже занята.

Къ вечеру Сакенъ возвратился изъ трущобы, въ которую онъ забился съ кавалеріею, весьма необдуманно и, смѣясь легкой побѣдѣ, разсказалъ подробности оной. Онъ все шелъ съ Татарскою конницею, двумя сотнями казаковъ, съ дивизіономъ драгунъ впередъ по дорогѣ, которую ему показывали проводники; пришелъ къ ужасному спуску и, оставивъ артиллерію свою, пошелъ въ преисподнюю, не видавъ крѣпости. Передъ самымъ концомъ спуска дорога сія дѣлаетъ поворотъ, и крѣпость открывается. Тутъ Турки замѣтили его отрядъ и сдѣлали по немъ изъ крѣпости три пушечныхъ выстрѣла, которые не были даже направлены и никого не задѣли. Выстрѣлы сіи, полагать должно, были извѣщательные. Сакенъ продолжалъ идти до низу безъ остановки. Разсказывалъ мнѣ самъ Раевскій, что, подошедъ пѣшкомъ къ Хыртыской скалѣ съ переводчикомъ, онъ закричалъ осажденнымъ, чтобы они сдавались. Въ отвѣтъ на сіе одинъ Турокъ приложился на него ружьемъ со стѣны и закричалъ, чтобы не подходить ближе, а не то выстрѣлитъ. Сія угроза, говорилъ мнѣ Раевскій, убѣдила его въ томъ, что Турокъ стрѣлять не будетъ; ибо въ противномъ случаѣ онъ

бы выстрѣлилъ безъ угрозы. Раевскій подошелъ къ самой крѣпости, взошелъ по продѣланной въ скалѣ дорогѣ до воротъ, постучался, и ему отперли. Говорятъ, что въ то время не было въ Хыртысѣ болѣе 15 человѣкъ гарнизона. Ихъ застали врасплохъ, и по пушечнымъ выстрѣламъ находившіеся въ окрестныхъ деревняхъ не успѣли собраться. Сіе очень вѣроятно. Не менѣе того успѣхъ былъ блистательный: взято до двадцати старыхъ ни къ чему не годныхъ орудій безъ лафетовъ, гарнизонъ же по договору былъ отпущенъ въ свои дòма. Старшины города, составлявшаго предмѣстье, всѣ явились съ покорностію. Въ числѣ оныхъ были Лезгины, съ давнихъ временъ уже тутъ поселившіеся. Они разсказывали намъ, въ какомъ страхѣ и безпорядкѣ пронеслись мимо ихъ остатки разбитаго Ахалкалакскаго гарнизона. Между сими Лезгинами находился одинъ богатырскаго роста и сложенія, по имени Муса, который исходилъ уже всѣ Турецкія владѣнія, странствуя въ Азіи, Анатоліи и Цареградѣ, служилъ у многихъ пашей, дели-башемъ ѣзжалъ часто на грабежъ въ Грузію, и наконецъ женился, остепенился и взялъ осѣдлость въ Хыртысѣ. Онъ присталъ къ намъ и служилъ, памятно, въ Ахалцыхѣ у князя Бебутова (который, по взятіи крѣпости Ахалцыхской, былъ въ оной оставленъ военнымъ начальникомъ). Грозный и вмѣстѣ простодушный видъ сего Лезгина со всѣми признанными въ ихъ странѣ добродѣтелями разбойника былъ весьма занимателенъ. Онъ былъ вѣренъ, усерденъ, услужливъ, говорилъ по-турецки своимъ смѣшнымъ нарѣчіемъ и готовъ былъ по приказанію начальника своего зарѣзать огромнымъ кинжаломъ своимъ всякаго человѣка, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ бы задушилъ цыпленка.

До возвращенія еще Сакена къ намъ въ лагерь, я изъ любопытства сходилъ внизъ, дабы увидѣть Хыртысъ. Я восхищался красотою долины Куры въ семъ мѣстѣ; но когда, на поворотѣ ужаснаго спуска, мнѣ открылась на отдѣльной скалѣ крѣпость Хыртысъ, то я вообразилъ себя въ Германіи. Перешедъ по худымъ кладкамъ отчасти разобраннаго моста черезъ быстрый потокъ рѣки Варивань-чай, близъ впаденія оной въ Куру, я спустился у самой подошвы отвѣсной скалы, на которой построена крѣпость. Дорога, выработанная въ камнѣ и ведущая въ крѣпость, подымалась круто подъ самой скалою, съ которой можно бы было забросать камнями штурмующихъ. Дорога сія поворачиваетъ на лѣво, къ малой калиткѣ, къ которой надобно вскарабкаться по высокимъ каменнымъ ступенямъ и которая такъ мала, что въ нее надобно войти нагнувшись. Калитка сія въ первой стѣнѣ. Въ слѣдъ за оной другая, которая ведетъ въ небольшую цитадель или строеніе. Безпорядокъ расположенія стѣнъ, оборотовъ и переходовъ и нечистота во всѣхъ переходахъ сего зàмка причиною того, что не-

скоро можно познакомиться съ расположеніемъ онаго; всѣ стѣны и строенія въ ветхости и склоняются къ развалинамъ. Но крѣпость Хыртысъ отъ того не менѣе сильна по мѣстоположенію своему. Въ одной изъ оконечностей оной видны остатки церкви, что̀ доказываетъ построеніе оной во времена христіанства, т. е. прежде завоеванія Турокъ; ибо вся страна сія была нѣкогда христіанскою.

27-го числа я получилъ повелѣніе отъ Сакена оставаться начальникомъ войскъ близъ Хыртыса по случаю отъѣзда его въ Ахалкалакъ къ Паскевичу. Онъ мнѣ предписалъ отойти на другой день на рѣчку Варивань-чай и разработать дорогу къ Ахалкалаку до половины пути, а къ Ахалцыху сколько признаю нужнымъ и возможнымъ. Въ Хыртысѣ я долженъ былъ оставить для гарнизона крѣпости роту пѣхоты и нѣсколько казаковъ, назначивъ и коменданта, привести все въ крѣпости находящееся въ надлежащую извѣстность и приступить къ покупкѣ и перемолу пріобрѣтеннаго хлѣба, дабы отрядъ мой могъ продовольствоваться собственными средствами. Всѣ распоряженія сіи были даны главнокомандующимъ. Въ концѣ оныхъ Паскевичъ еще прибавилъ, дабы съ жителями обходиться какъ можно ласковѣе, наказывая строго, въ виду ихъ, за всякое оскорбленіе имъ нанесенное.

Я приступилъ къ исполненію всего немедленно. Комендантомъ былъ назначенъ артиллеріи поручикъ Крупенниковъ, офицеръ отличной дѣятельности и рѣдкихъ способностей. (Онъ вскорѣ былъ смѣненъ съ сей должности и убитъ на приступѣ Ахалцыха, гдѣ онъ командовалъ батареею кёгорновыхъ мортиръ). Для гарнизона въ крѣпости назначена была рота Эриванскаго карабинернаго полка. Я еще разъ сходилъ въ ущелье для обозрѣнія крѣпости и дабы назначить Крупенникову тѣ исправленія, которыя находилъ нужными; трудный путь сей никакъ нельзя было совершить въ короткое время и безъ усталости.

27-го числа поутру, отрядъ кавалеріи подъ командою полковника Раевскаго, состоящій изъ двухъ дивизіоновъ регулярной кавалеріи, 2-хъ сотенъ казаковъ и Татарской конницы, былъ отправленъ, еще по распоряженію Сакена, для обозрѣнія Ахалцыхской дороги. Отрядъ сей долженъ былъ слѣдовать прямымъ путемъ черезъ горы, выдти на вышеупомянутую дорогу, верстахъ въ 18 отъ лагеря, и возвратиться по сей же дорогѣ. Штабсъ-капитаны Ермоловъ и Пущинъ были прикомандированы къ сему отряду. Ермоловъ мало заботился о своемъ дѣлѣ, и отрядъ сей прошелъ горы и лѣса почти безъ дороги, спустился къ Курѣ, занялъ крѣпостцу Аспиндзе, въ которой никого не было, и возвратился необычайно дурными путями, такъ что, когда я черезъ нѣсколько дней разрабатывалъ дорогу и видѣлъ слѣды орудій, то не могъ не удивиться, какимъ образомъ могли ихъ провезти по такимъ крутизнамъ и камен-

нымъ тѣснинамъ. Все сіе сдѣлалось по безпечности и невнимательности Раевскаго и Ермолова, которые, кажется, не имѣли никакого понятія о мѣстѣ, куда они шли; лошади же Донскихъ орудій не останавливаются ни передъ какими препятствіями.

28-го числа я выступилъ со всѣмъ отрядомъ своимъ на рѣчку Варивань-чай, оставивъ одну роту въ гарнизонѣ въ Хыртысѣ. Маіора Шостенку съ двумя ротами Херсонскаго гренадерскаго полка и одною піонерною ротою отправилъ я по дорогѣ къ Ахалкалаку до рѣчки Арджуапъ-су для исправленія дороги и доставленія въ Ахалкалакъ одной Турецкой мортиры и двухъ Турецкихъ орудій, которыя съ большимъ трудомъ были вытащены людьми изъ Хыртыса на саняхъ, по каменнымъ ступенямъ. Работу сію производили всю ночь нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ, на пространствѣ какихъ нибудь 1½ или 2-хъ верстъ. Симъ переходомъ на Варивань я, подавшись нѣсколько назадъ, сталъ опять на дорогу, ведущую изъ Ахалкалака въ Ахалцыхъ, и долженъ былъ 29 числа податься уже по сей дорогѣ нѣсколько впередъ, дабы стать у опушки лѣса и приняться за разработываніе дороги, ведущей черезъ горы и лѣса въ ужасныхъ тѣснинахъ.

Общій планъ дѣйствій нашихъ состоялъ въ томъ, чтобы выйдти на равнину рѣки Куры противъ Боржомскаго ущелья и соединиться съ генералъ-маіоромъ Поповымъ, который долженъ былъ придти изъ Карталиніи по сему ущелью. Мнѣ приказано было открыть сообщеніе съ Поповымъ, а потому Сакенъ и доставилъ ко мнѣ бумагу на имя его, на Французскомъ языкѣ написанную, которую я къ нему долженъ былъ послать. Къ бумагѣ сей присоединилъ я другую отъ себя и отправилъ обѣ къ Попову черезъ двухъ жителей, коимъ далъ нѣсколько червонцевъ.

Въ бумагѣ сей сказано, что Апиндзскій зàмокъ занятъ ротою пѣхоты. Сіе сдѣлалось ввечеру, когда авангардъ перешелъ уже въ селеніе Тамалы...

Крѣпость Хыртысъ, принадлежащая Ахалцыхскому пашалыку, лежитъ въ ущельи того же имени при сліяніи рѣкъ Топоравани съ Курою. Она построена на скалѣ, коей высота и отвѣсность домовъ ограждаютъ совершенно отъ штурма. Въ Хыртысѣ соединяются дороги, ведущія изъ Ардегана, Ахалцыха и двѣ изъ Ахалкалака. Та изъ нихъ, которая идетъ по правому берегу Топоравани требуетъ менѣе значительныхъ поправокъ для провоза артиллеріи. Черезъ Куру и Топоравань подъ самою крѣпостью накинуты довольно прочные мосты; послѣдняя же изъ сихъ рѣкъ имѣетъ нѣсколько бродовъ, и самый удобный для пѣхоты находится близъ четвертой мельницы, считая отъ моста вверхъ. По словамъ жителей, Хыртысъ построенъ во время

владычества Грековъ въ Малой Азіи, перешелъ потомъ во владѣніе Грузинъ (что̀ свидѣтельствуетъ древняя церковь, построенная Грузинскою царицею Тамарою и обращенная впослѣдствіи въ магазейнъ). Около трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ ворота крѣпости добровольно отворились Туркамъ по взятіи ими Ахалцыха. По преданіямъ извѣстно, что за сто пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ Персидскій шахъ Тамасъ безуспѣшно бомбардировалъ крѣпость; мѣсто же его батареи находилось на правой Ахалцыхской дорогѣ, на возвышеніи влѣво отъ послѣдняго спуска. Крѣпость сія никогда не имѣла болѣе 200 человѣкъ гарнизона. По-грузински называется она Гертвиси. Значеніе названія сего мнѣ неизвѣстно; она вѣроятно иначе называлась до владычества Грузинъ, если прежде того времени была построена. Крѣпость была построена единственно съ тою цѣлію, дабы служить убѣжищемъ какому нибудь владѣльцу.

Сказанія жителей о древности Хыртыса основаны на изустныхъ преданіяхъ, которыя могутъ быть справедливы. Страною сею владѣли Греки, и послѣ нихъ Грузины; созиданіе же всѣхъ почти древнихъ за̀мковъ и въ особенности церквей приписывается Грузинами царицѣ Тамарѣ по уваженію, которое она имѣла въ народѣ, пріобрѣтенному многими полезными заведеніями ею устроенными и по распространенію христіанства въ горахъ и своихъ владѣніяхъ. Мнѣ однажды разсказывали, но я забылъ, по какому случаю названіе нѣсколькихъ городовъ, крѣпостей и деревень, находящихся въ пограничной Турціи, были перенесены и даны разнымъ мѣстамъ въ Грузіи. Такимъ образомъ есть въ Карталиніи селеніе Ахалкалаки, а въ Самхетіи, недалеко отъ моего Пріютина и Манглиса неприступная скала также называется Гертвиси. Подобный же разсказъ имѣется объ одномъ неприступномъ мѣстѣ, передъ коимъ будто какой-то царь Персидскій стоялъ десять лѣтъ съ войскомъ и не могъ взять онаго. Я также видѣлъ близъ Пріютина остатки укрѣпленнаго лагеря.

Укрѣпленія Хыртыса состоятъ изъ крѣпости и изъ цитадели, которая, будучи построена на самой возвышенной части скалы, совершенно командуетъ первою и сообщается съ оною посредствомъ двухъ потернъ *), находящихся на восточномъ и южномъ фасахъ. Народонаселеніе въ Хыртысѣ простирается до шести сотъ душъ обоего пола и состоитъ изъ Турокъ, Грузинъ, Армянъ и Жидовъ.

Между жителями Хыртыскаго предмѣстья я нашелъ бека, спа̀ги, который ко мнѣ пріѣзжалъ въ Манглисъ въ 1824 г., посланцомъ отъ Ахалкалакскаго бека по случившемуся воровству въ границахъ нашихъ.

*) Потерною называется потайная дверь въ крѣпостной стѣнѣ, по которой можно спуститься въ ровъ. П. Б.

Знакомый мой весьма обрадовался, увидѣвъ меня, тѣмъ болѣе, что у него только что разграбили домъ наши солдаты; но всѣ сдѣланные мною розыски ни къ чему не послужили.

31-го числа я выдвинулъ голову отряда Сергѣева на дорогу, мною обработанную, гдѣ, прошедши болѣе половины, она осталась ночевать, и на другой день всѣ стянулись въ Тамалы. Тѣмъ досаднѣе было для меня видѣть то малое вниманіе, которое обращали на труды мои, когда я на другой день движенія Сергѣева получилъ отъ князя Вадбольскаго повелѣніе, коимъ онъ, по волѣ Паскевича, предписывалъ мнѣ отрядить часть войскъ въ команду Сергѣева, дабы онъ могъ переправиться, когда я его уже переправилъ. У насъ впрочемъ всегда такъ было: гдѣ власти высшія мѣшались, тамъ были безпорядокъ, суета, противорѣчіе, недоумѣніе и вздоръ, и Сакенъ, въ досадѣ видѣть нелѣпость и безпонятіе начальства, часто передавалъ слово въ слово вздорныя приказанія сіи, которыя приходили, но не могли исполняться. Однакоже труды мои на сихъ горахъ были отчасти уважены, и я получилъ за оные благодарность въ приказахъ по корпусу.

27 Іюля войска перемѣнили лагерь и подвинулись на 3 версты впередъ. 29-го былъ размѣнъ ратификаціи мирнаго трактата съ Персіею въ коемъ, вѣроятно, былъ дѣйствующимъ лицемъ со стороны Персіи пріѣхавшій Исмаилъ-ханъ, или мирза Исмаилъ. Грибоѣдовъ поѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и женился и оттуда выѣхалъ съ женою къ своему мѣсту въ Персію. Крѣпость Алхалкалакъ была поручена подполковнику Дрешерну, заступившему мѣсто Бородина. Гарнизонъ крѣпости былъ составленъ изъ женатыхъ людей 41 егерскаго полка. Собирали шкуры съ битаго скота, зашивали въ нихъ кучи камней и стрѣляли сими снарядами изъ мортиръ. Опыты сіи дѣлались по приказанію Паскевича, предполагавшаго въ понятіяхъ своихъ засыпать Ахалцыхскую крѣпость каменнымъ дождемъ; для пріобрѣтенія же большаго числа шкуръ предписано было казакамъ обдирать дохлыхъ лошадей. Но казаки неохотно принимались за отвратительное занятіе сіе, внутренно и на сторонѣ смѣялись чуднымъ изобрѣтеніямъ симъ, но повиновались, и начальникъ артиллеріи дѣлалъ сіи опыты. Не знаю, чѣмъ они кончились, вѣроятно одною растратою пороха. Подъ Ахалцыхомъ не было и разговора о семъ изобрѣтеніи. Все сіе дѣлалось для промедленія, для выигранія времени. Паскевичъ радъ былъ побѣдѣ и боялся приблизиться къ Ахалцыху, къ коему онъ, можетъ, никогда бы и не пошелъ безъ настоянія Сакена. Съ трудомъ удалось ему выпроводить отряды Сергѣева и Вадбольскаго, послѣ чего главнокомандующему, оставшемуся почти совсѣмъ уже безъ войскъ, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ и самому отправиться за оными.

Въ Ахалкалакскомъ лагерѣ принимали еще мѣры отъ чумы. Она не прекращалась въ Ширванскомъ полку по безпорядку, который существовалъ во всѣхъ частяхъ управленія сего полка. Неповиновеніе, нерадѣніе, грубость, пьянство, незнаніе службы были отличительныя черты полка сего, который именовался храбрымъ, но былъ болѣе дерзокъ чѣмъ храбръ. Я бы не желалъ полкъ сей имѣть въ командѣ своей. Всѣ безпорядки и неустройство полка сего прикрывались сперва именемъ командира онаго Бородина, котораго Паскевичъ любилъ, а потомъ именемъ самаго Паскевича, который былъ названъ шефомъ полка сего послѣ взятія Ахалцыха.

1 Августа я получилъ повелѣніе перейдти къ Аспиндзѣ, дабы очистить мѣсто для слѣдующихъ войскъ. Я уже совсѣмъ переправился за горы; но изъ Ахалкалака прибывали транспорты съ продовольствіемъ и всякія тяжести, которые натискомъ и въ безпорядкѣ переходили горы. Безпорядку сему я не могъ пособить; онъ происходилъ свыше, и всякое участіе, которое бы я въ семъ принялъ, могли приписать къ моему властолюбію. Счастливо, что ничего не случилось тогда; но по проходѣ войскъ Карапапахи пощипали нѣсколько нашихъ подводъ, слѣдовавшихъ безъ прикрытія сзади, и захватили въ плѣнъ нѣсколько казаковъ, шлявшихся на деревняхъ и на фуражировкахъ.

При переходѣ черезъ горы начальство было отступилось отъ всѣхъ распоряженій и возлагало на меня даже порученія, касающіяся цѣлаго дѣйствующаго корпуса, какъ будто слагая съ себя дальнѣйшія заботы. Такимъ образомъ я однажды получилъ приказаніе сдѣлать раскладку и распоряженіе въ раздачѣ на всѣ войска дѣйствующаго корпуса запасовъ соли, найденныхъ, кажется, въ Хыртысѣ. Мнѣ невозможно было сего сдѣлать, ибо не всѣ войска были подъ начальствомъ моимъ, и мнѣ неизвѣстно было о состояніи полковъ и разныхъ частей, что̀ меня и вынудило просить оффиціально строеваго рапорта о состояніи всѣхъ войскъ, дабы сдѣлать раскладку, каковой рапортъ я и получилъ уже весьма поздно, а также распорядился отпискою и очисткою бумагъ. Кто успѣлъ, взялъ соли мимоходомъ. Одно изъ гибельнѣйшихъ обыкновеній Русской службы,—слагать съ себя отвѣтственность перепискою, нисколько не заботясь объ успѣхѣ самаго дѣла.

2-го числа я перешелъ съ отрядомъ своимъ къ Аспиндзѣ, авангардъ же свой подъ командою полковника Раевскаго подвинулъ на пять верстъ впередъ по Ахалцыхской дорогѣ.

Вмѣстѣ съ симъ движеніемъ я получилъ приказаніе подвинуться къ Индузу и взять съ собою осадную артиллерію и всѣ артиллерійскіе парки. Вадбольскій долженъ былъ съ провіантскими тяжестями передвинуться къ Аспиндзѣ и присоединить ко мнѣ еще часть войскъ

своихъ. Вслѣдствіе сего я сдѣлалъ нужныя съ своей стороны распоряженія и, начавъ движеніе, 2-го же числа немедленно приказалъ авангарду перейти къ сел. Орполѣ, что на дорогѣ изъ Ацхура въ Ахалцыхъ. Пространство между Аспиндзою и Орполою становится опять гористо, хотя и гораздо низменнѣе заключающагося между Ахалкалаками и с. Тамалы. Новыя мѣста, по коимъ мы шли, далеко не были столь живописны, ни столь свѣжи какъ тѣ, которыя мы оставили. Зелени почти нигдѣ не было видно, лѣсовъ не было, хотя по правую сторону видны были красивыя горы, раздѣляющія насъ отъ Карталиніи, въ лѣвой—высокіе и гористые противуположные берега Куры; но дорога наша пролегала по мѣстамъ, гдѣ солнце во время лѣта выжигало всѣ растенія, не орошаемыя водою; до Индуза было верстъ 15. Нѣсколько неисправныхъ мостиковъ надобно было вычинить, а тамъ открывался противъ всякаго чаянія моего высокій и довольно крутой подъемъ, ведущій къ Индузу, о коемъ Раевскій умолчалъ въ частыхъ описаніяхъ своихъ: ибо онъ повидимому хотѣлъ только блеснуть мнимою дѣятельностью своею, но мало обращалъ вниманія на существо самаго дѣла.

Я началъ поднимать тяжести свои въ сію неожиданную гору и увидѣлъ, что не доберусь къ вечеру къ Индузу; ибо по дорогѣ встрѣчались рытвины, по коимъ не могло болѣе одного коннаго проѣхать.

Неожиданная остановка сія мнѣ крайне досаждала, и дабы лично узнать, какого рода препятствія мнѣ еще предстояли, я поѣхалъ съ Раевскимъ впередъ и вездѣ находилъ, что нужны были большія исправленія на дорогѣ, дабы протащиться по оной. При д. Индузѣ не нашелъ я достаточно воды для ночлега войскамъ; корма никакого. Я проѣхалъ далѣе и остановился на горѣ при весьма затруднительномъ каменномъ спускѣ, ведущемъ къ Орполѣ, гдѣ также не было воды. Я осматривалъ мѣста, придумывая лучшія средства къ скорѣйшему движенію войскъ и, къ усиленію досады своей, не могъ уклониться отъ Раевскаго, который, принимая на себя званіе какого-то архистратига, своимъ пронзительнымъ и неумолкаемымъ голосомъ все подавалъ мнѣ совѣты на счетъ какихъ-то военныхъ соображеній, движеній на Ацхуръ, на Ахалцыхъ, и говорилъ всякій вздоръ, перерывая мысли мои и отклоняя отъ цѣли занятій моихъ. Я всячески отговаривался отъ него, молчалъ, не отвѣчалъ ему; но онъ все продолжалъ съ обыкновенною своею увѣрительностію. Я ему послѣ сказалъ, сколько онъ мнѣ въ сей день надосадилъ.

Видя однакоже, что дѣлать болѣе нечего какъ приниматься за терпѣніе и работу, я возвратился къ подъему, на который едва еще только два осадныхъ орудія всползло съ помощію пѣхоты, потребовалъ

людей съ инструментомъ, дабы проложить дорогу, спустился къ отряду и встрѣтилъ разсерженнаго Паскевича.

Онъ не умѣлъ объяснить причину негодованія своего, и всѣ старались отгадать причину сего гнѣва, происходившаго единственно отъ того, что случились ему на пути горы. Если бы далѣе отыскать происхожденіе припадка сего, то оно бы открылось въ разстроенномъ желудкѣ, и далѣе отъ какого-либо куска баранины, который вертѣлся въ желудкѣ у него безъ обыкновеннаго химическаго разложенія. Паскевичъ ѣхалъ впереди. Его и то бѣсило, что уже нѣсколько дней не дѣйствовалъ онъ по своей волѣ, что войска, а потомъ и его перетащили противъ всякаго чаянія и ожиданія его за горы къ Ахалцыху, коего онъ рѣшительно боялся, какъ Грузины, помнившіе неудачу Тормасова подъ сею крѣпостью. Я опять вернулся, дабы проводить его до послѣднихъ аванпостовъ своего авангарда. Онъ все былъ золъ, ничего не говорилъ понятнаго и вернулся назадъ къ отряду подъ гору. Тутъ онъ, сѣвъ и подозвавъ меня, спросилъ, зачѣмъ я не предупредилъ его о сей горѣ. Я показалъ ему посланныя описанія свои, въ коихъ хотя и упоминалось объ оной, но слишкомъ слабо. Онъ и не видалъ сихъ описаній и не зналъ о нихъ. Не менѣе того должно было винить Раевскаго, упустившаго изъ виду гору сію при объѣздахъ, имъ сдѣланныхъ; но Раевскій мало помышлялъ о дѣлѣ, а искалъ только блеснуть частыми донесеніями, къ справедливости или несправедливости коихъ онъ былъ совершенно равнодушенъ. Паскевичъ, проведши почти весь день на дорогѣ, мѣшалъ всѣмъ безпокойнымъ присутствіемъ своимъ дѣлать свое дѣло. Наконецъ, переставъ сердиться, онъ ничего не приказалъ и скрылся въ разставленную для него палатку. Работы продолжались со всевозможнымъ успѣхомъ.

Приказаніемъ корпуснаго командира авангардъ мой, не дошедши до Орполы, 2-го числа, долженъ былъ въ новомъ составѣ подвинуться 3-го до рѣки Куры. Всѣ распоряженія по движенію авангарда сего и всѣхъ войскъ, слѣдовавшихъ со мною, были возложены на меня, какъ равно и разработаніе дороги и подъемъ тяжестей. Малая только часть сихъ войскъ поступила въ составъ отряда, долженствовавшаго прикрыть лѣвый флангъ во время движенія нашего; всѣ остальныя войска и тяжести слѣдовали подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго и должны были идти сколько можно было долѣе впередъ, располагая ночлеги свои по пройденному пространству, удобству и водопою. За всею колонною шелъ арріегардъ, который однако не усмотрѣлъ за нѣсколькими отставшими подводами, кои были взяты Карапапахами съ находившимися при нихъ нѣсколькими казаками.

Вслѣдствіе сего распоряженія я далъ 3 Августа направленіе авангарду и раздѣлилъ войска свои на три отряда...

Освѣживъ силы свои послѣ небольшаго отдыха въ теченіе ночи, мы 3-го числа быстро подвинулись впередъ, исправляя въ тоже время и дорогу, и около полдня бо́льшая часть войскъ собралась уже на равнинѣ при Орполѣ, пройдя и исправивъ ужасный каменистый спускъ къ сей деревнѣ.

Корпусный командиръ, подобно Ксерксу, но съ малочисленнѣйшимъ только войскомъ, расположился на самомъ краю послѣдней горы, укрываясь отъ зноя солнечнаго балаганомъ, построеннымъ на пикахъ изъ казачьихъ бурокъ. Ему открывалось съ сего мѣста предмѣстье, къ завоеванію коего стремились мысли его. Онъ видѣлъ сзади себя войско и запасы, слѣдующіе съ трудомъ и крикомъ чрезъ препятствія, имъ предстоявшія на дорогѣ, которыя мы преодолѣвали работами. Подъ ногами толпились люди и съ дѣятельностію уравнивали камни на крутомъ и скалистомъ спускѣ, который уже былъ послѣдній по пути къ Ахалцыху. Далѣе на равнинѣ при с. Орполѣ развертывался мой отрядъ, который строился въ боевой порядокъ, дабы двинуться впередъ.

Къ полдню я уже совсѣмъ спустился и хотѣлъ двинуться, какъ получилъ приказаніе остановиться. Сіе было сдѣлано, какъ кажется, безъ всякой цѣли, и единственно отъ нерѣшимости Паскевича. Я взъѣхалъ къ нему на гору. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, хвалилъ порядокъ, замѣченный имъ въ моихъ войскахъ, ставилъ его въ примѣръ другимъ и, выдержавъ такимъ образомъ войска мои въ безводномъ мѣстѣ на солнечномъ знoѣ болѣе трехъ часовъ, безъ всякой надобности приказалъ мнѣ двинуться къ Курѣ и расположиться у переправы на правомъ берегу рѣки.

Мнѣ предстояло около 8 или 10 верстъ дороги черезъ небольшой отрогъ горъ. Я подвинулся въ боевомъ порядкѣ со всѣми нужными осторожностями, ибо могъ въ горахъ сихъ еще найти непріятельскую засаду, и самъ съ авангардомъ, состоящимъ изъ назимовъ, поѣхалъ впередъ. Оттуда я опять отдалился нѣсколько впередъ съ окружающими и, не встрѣчая никакого препятствія, сталъ приближаться къ самой Курѣ; но въ тоже самое время я увидѣлъ, что съ противуположнаго берега приближался непріятельскій конный отрядъ, человѣкъ въ 200. Замѣтя насъ въ маломъ числѣ, Турки пустили по насъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, но на слишкомъ великомъ разстояніи, потому никого не задѣли. Они смѣло подъѣхали къ самому броду и, казалось, хотѣли переправиться и напасть на насъ. Я увидѣлъ неосторожность свою, что отдалился отъ войскъ; назадъ вернуться казалось мнѣ неприличнымъ, а потому я укоротилъ шагъ своей лошади и медленно

подавался впередъ въ ожиданіи приближенія войскъ своихъ. Казаки авангарда, коихъ было немного, большею частью разъѣхались по сторонамъ для открытія непріятеля въ ущельяхъ и изрѣдка стали показываться на отдаленныхъ вершинахъ горъ; я ожидалъ приближенія пѣхоты съ нетерпѣніемъ; наконецъ, показались сзади первые застрѣльщики карабинерные. Я прибавилъ шагу и скоро подъѣхалъ къ берегу рѣки. Турки поспѣшно отступили и присоединились къ главному отряду своему, состоявшему изъ 7 или 8-ми сотъ всадниковъ, которыхъ я открылъ на правомъ берегу рѣки Поцхо, верстахъ въ двухъ отъ впаденія оной въ Куру и въ нѣсколько большемъ сего разстояніи отъ насъ. Отрядъ сей, кажется, имѣлъ уже нѣсколько дней въ семъ мѣстѣ постоянное пребываніе и оставался тутъ до самой ночи, наблюдая за нашимъ движеніемъ.

Переправясь въ бродъ черезъ Куру, я осмотрѣлъ мѣстоположеніе и, по прибытіи головы колонны, вернулся назадъ и расположилъ отрядъ свой лагеремъ на правомъ берегу Куры, имѣя на лѣвомъ флангѣ горы небольшую деревню, которую занялъ пѣхотою, а на правомъ большое и окруженное садомъ сел. Тенисъ за рѣкою, при коемъ тоже были поставлены наблюдательные посты (ибо оно лежало на другой большой дорогѣ, ведущей изъ Ахалцыха лѣвымъ берегомъ рѣки къ Ацхуру и въ Боржомское ущелье). Отрядъ мой собрался въ лагерь уже ночью, ибо мы днемъ потеряли много времени въ пустомъ ожиданіи близъ Орполы.

4-го Августа было назначено корпуснымъ командиромъ для собранія всѣхъ войскъ и тяжестей къ переправѣ черезъ Куру, почему и сдѣланы имъ были нужныя распоряженія; войска стягивались и собирались цѣлый день къ лагерю, мною занятому, и самъ Паскевичъ прибылъ со всѣмъ штабомъ.

На каменистой горѣ, находившейся у меня на лѣвомъ флангѣ, былъ выставленъ небольшой пѣшій постъ для наблюденія за движеніями непріятеля; ибо съ сего мѣста открывалась весьма ясно Ахалцыхская крѣпость съ мечетями, башнями и стѣнами своими, отлежащая отъ насъ не болѣе какъ на 6 верстъ разстоянія. Туда всѣ всходили; кажется, и самъ Паскевичъ, дабы видѣть предметъ, насъ столько занимавшій. Мы стояли въ виду твердыни сей, памятной пораженіемъ, претерпѣннымъ подъ оною войсками подъ начальствомъ главнокомандующаго Тормасова, болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, и защитники крѣпости сей, люди смѣлые, непокорные, созвавшіе къ себѣ еще на защиту звѣрскихъ Аджарцовъ и Лазовъ (горцевъ, никогда еще никѣмъ непокоренныхъ) съ увѣренностію въ новой побѣдѣ ожидали приближенія нашего съ нетерпѣніемъ. Мы имѣли въ то время до 8 или 9000

войскъ, продовольствія не болѣе какъ на двѣ недѣли, а для отступленія единственную затруднительную дорогу черезъ Боржомскія тѣснины, подъ неминуемыми выстрѣлами Ацхурской крѣпости. Всѣ знали сіе у насъ; но никто не сообщалъ другъ другу мыслей своихъ, сохраняя духъ бодрый и въ упованіи на счастье нашего вождя, ему никогда не измѣнявшее, вопреки незнанію его, нерѣшительности и упадку духа во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Пушечные выстрѣлы, продолжавшіеся въ Ахалцыхѣ, были радостыми вѣстниками прибытія передовыхъ войскъ 20.000 арміи Кёссе-Магмедъ-паши, спѣшившаго на помощь къ Ахалцыху. Намъ слѣдовало прежде его разбить и послѣ взять крѣпость; но чего не можно было предпринять съ тѣмъ бодрымъ, хотя и малочисленнымъ войскомъ, которое у насъ было?

4-го числа Турецкій отрядъ сдѣлалъ нападеніе на нашихъ фуражировъ, отдалившихся неосторожно отъ лагеря за рѣку къ сторонѣ непріятеля; но онъ былъ отраженъ взводомъ пѣхоты, который я выслалъ заблаговременно въ прикрытіе, безъ всякаго урона съ нашей стороны.

Наконецъ, 5-го числа войска получили приказаніе перейти Куру и построиться въ боевомъ порядкѣ на равнинѣ, находящейся между сею рѣкою и крѣпостью, верстахъ въ трехъ отъ сей послѣдней.

Все двинулось въ совершенномъ порядкѣ и выстроилось въ виду непріятельской конницы, уступившей намъ мѣсто послѣ небольшой перестрѣлки съ передовыми казаками и съ безпокойствомъ видѣвшей приближеніе силъ нашихъ и порядокъ, въ коемъ они подвигались. Разсѣянныя толпы разбѣжались во всѣ стороны въ виду нашемъ, исключая находившагося на лѣвомъ нашемъ флангѣ уже третій день коннаго отряда, стоявшаго за рѣкою Поцхо, который усилился значительно и стоялъ неподвижно.

Вадбольскій несъ пустое названіе начальника всей пѣхоты, что̀ не давало ему никакого круга распорядительности, а только затрудняло и замедляло во всякое время сношенія съ главнымъ начальствомъ. Я въ сей день былъ названъ начальникомъ 1-й линіи, въ срединѣ коей находилось 16 батарейныхъ орудій, и сіе званіе ничего не значило въ присутствіи главнокомандующаго: мнѣ оставалось только смотрѣть за правильностію движенія и равненіемъ линіи. Вадбольскій по несчастью съ самаго утра былъ хмѣленъ, и онъ продолжалъ пить все время, пока войска строились, такъ что въ короткое время онъ былъ пьянъ, съ помощію своего дежурнаго штабсъ-офицера, пустѣйшаго изъ смертныхъ, полковника Жихарева, который ему все подносилъ. Вадбольскій въ такомъ положеніи отдавалъ чудныя приказанія, вездѣ мѣшался и всѣмъ мѣшалъ, такъ что я избралъ лучшее средство отда-

литься отъ шумливаго старика, ни о чемъ его не спрашивать и дѣлать по своему усмотрѣнію, и онъ остался въ отдаленіи на правомъ флангѣ.

На половинѣ разстоянія отъ Куры къ Ахалцыху мы остановились въ стройномъ боевомъ порядкѣ и смотрѣли на продолжавшуюся впереди насъ перестрѣлку Донскихъ казаковъ съ Турецкими наѣздниками. Наконецъ, и казакамъ приказано было прекратить перестрѣлку, и часть оныхъ собралась нѣсколько впереди нашей первой линіи противъ лѣвыхъ батальоновъ оной, гдѣ мы всѣ и корпусный командиръ съ главною квартирою собрались. Казакамъ строго воспрещено было стрѣлять и приказано не давать никакого отвѣта на всѣ вызовы Турецкихъ наѣздниковъ. Казаковъ сихъ было до ста человѣкъ; они построились тѣсною лавою и стояли неподвижно, что̀ придало такую дерзость Туркамъ, что ихъ дели-баши, въ огромныхъ своихъ шапкахъ подобныхъ башнямъ на головахъ, подъѣзжали къ самому фронту казаковъ съ криками и руганіями такъ близко, что мы могли ихъ видѣть въ лице. Они стрѣляли въ казаковъ изъ пистолетовъ и карабиновъ. Пули ихъ пролетали даже мимо насъ. Къ счастью, онѣ никого не задѣли даже изъ безмолвныхъ вкопанныхъ казаковъ, изъ коихъ они могли по любому цѣлиться. Однажды только тишина сія была прервана нѣсколькими линейцами, бросившимися впередъ, дабы отбить одну подстрѣленную лошадь у одного изъ казаковъ, самовольно выѣхавшаго впередъ отъ нетерпѣнія. Мы простояли въ такомъ положеніи часа три на сильномъ солнечномъ зноѣ, безъ всякой надобности, единственно изъ нерѣшимости нашего вождя, написавшаго послѣ, что сіе было сдѣлано для отдохновенія войскъ, которыя, напротивъ того, пришли на сборное мѣсто свѣжими и тутъ уже утомились отъ жара. Никакія убѣжденія атаковать Турокъ, становившихся все болѣе дерзкими отъ нашего бездѣйствія, не могли его склонить къ наступленію. Наконецъ, Турки, видя, что мы ничего не предпринимали и не надѣясь сами на успѣхъ при нападеніи на твердыни наши, стали рѣдѣть и уѣзжать; ихъ уже оставалось гораздо менѣе, когда приказано мнѣ было шибко подвинуться со всею первою линіею впередъ, выстроить всѣ орудія на небольшой возвышенности передо мною находившейся, и открыть изо всей артиллеріи частый огонь. Вторая линія должна была слѣдовать моему движенію, какъ равно и кавалерія, стоявшая между обѣими линіями или за оными.

Лѣвый флангъ нашъ былъ прикрытъ рѣкою Поцхо. Вверхъ лѣваго берега оной мы подымались, правый былъ открытъ на равнинѣ; а потому непріятель, казалось, болѣе напиралъ на оный, что̀ и вынудило меня выслать стрѣлковъ изъ праваго фланговаго батальона карабинеровъ.

Мы быстро подвинулись впередъ, сохраняя строй свой и съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Артиллерія пошла на рысяхъ, и Турки въ мигъ уступили намъ мѣсто, даже и на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ они было завязали перепалку съ высланными застрѣльщиками, но немедленно были сбиты и отступили. Въ семъ случаѣ князь Вадбольскій, поѣхавъ къ высланнымъ застрѣльщикамъ, ободрялъ ихъ и отвѣчалъ одному изъ адъютантовъ, которые уговаривали его не подвергать себя опасности: «Ты, мой отецъ (поговорка его), храни себя, если хочешь; ты еще молодъ, а я уже человѣкъ старый, много жилъ, куда мнѣ себя беречь?» Онъ сіе сказалъ въ хмѣльномъ видѣ; но, постоянно храбрый и умный, хотя и нераспорядительный, старикъ сей во всѣхъ случаяхъ показывалъ себя съ честною и благородною душою. Не менѣе того состояніе его въ сей день ему много повредило, ибо оно ни отъ кого не скрылось.

Артиллерія выѣхала рысью на высоты, и пока ее пѣхота догнала, открыла частый огонь. Турки, передъ нами разъѣзжавшіе въ разсыпную, поскакали назадъ съ быстротою молніи. Артиллерія, преслѣдуя ихъ, еще впередъ подвинулась и продолжала стрѣлять. Огонь былъ ужасный; но, какъ кажется, никого не задѣлъ, ибо мы ни одного убитаго не нашли въ полѣ и, кажется, только напугали Турокъ, которые, подобно мухамъ, облѣпили вершины возвышеній, окружающихъ Ахалцыхъ, густыми толпами; но такъ какъ мы все еще подвигались впередъ, то они намъ оставили безъ боя первую вершину, и на ней была установлена у насъ въ туже ночь первая батарея, коей нѣкоторыя ядра, на елевацію пущенныя, долетали въ край низменнаго предмѣстья Ахалцыха. Линіи нашей пѣхоты становились у подошвы сей вершины, на которую взъѣхалъ Паскевичъ и съ коей вся крѣпость была хорошо видна. Самая крѣпость построена на скалѣ, возвышающейся на долинѣ рѣки Поцхо, на лѣвомъ берегу оной, каменная, съ башнями и рвомъ, впереди коего еще была сдѣлана небольшая каменная стѣнка. Внутри крѣпости отдѣлялась возвышенная часть оной поперечною другою стѣною, которая и составляла родъ цитадели. Въ сей же цитадели, на самомъ шпилѣ скалы, была выстроена еще небольшая цитадель, къ коей доступъ былъ прегражденъ многими стѣнками съ бойницами. Ходы къ водѣ были сдѣланы закрытые съ блокгаузами при рѣкѣ и оборонительными стѣнками, составляющими цѣлыя укрѣпленія на покатости горы. Но какъ самая крѣпость, такъ и ходы къ водѣ были въ запущеніи, свойственномъ Турецкому правленію. Ровъ крѣпости давно уже сравнялся почти съ контръ-эскарпомъ и служилъ кладбищемъ для мусульманъ. Выбрасываемый со стѣнъ навозъ и всякія нечистоты составили пологости, по коимъ можно бы было взбѣжать, не достигая только одной

или полуторы саженъ до вершины стѣны. Но сіи безпорядки содѣлались только на фасѣ, обращенномъ къ предмѣстью; прочіе фасы, висящіе надъ скалами, сохранили болѣе исправности по природному положенію своему. Все выше сказанное пространство заключало въ себѣ много строеній, тѣсно расположенныхъ, и извѣстную въ той странѣ красотою своею мечеть съ позлащенною луною и величественнымъ каменнымъ минаретомъ, библіотеку и училище, славившееся у мусульманъ. Но о сихъ предметахъ я распространюсь въ своемъ мѣстѣ.

Отъ крѣпости къ западной или юго-западной сторонѣ простиралось обширное предмѣстье, населенное Мусульманами, Армянами, Грузинами и Евреями. Предмѣстье сіе заключало много мечетей, караван-сарай, католическую церковь, коей миссіонеры передъ войной уѣхали, и обширный базаръ. Предмѣстье сіе, тѣсно и дурно выстроенное, въ особенности отличающееся необыкновенною нечистотою и запахомъ, занявъ всю ширину долины рѣки Поцхо, поднималось даже нѣсколько на покатость оной, или къ одной самой высокой и близкой къ городу горѣ, на которую прогнанные нами Турки отступили, которая и сдѣлалась знаменитою сраженіемъ 9-го числа Августа. Все сіе предмѣстье было окружено рядомъ высокихъ и толстыхъ сосновыхъ палисадовъ, крѣпко утвержденныхъ въ землю, лучше сказать, рядомъ неравныхъ тѣсно всаженныхъ бревенъ. Мѣстами палисады сіи имѣли фланговыя обороны, отъ пяти или шести бастіоновъ, выстроенныхъ частью изъ бревенъ, частью изъ земли, въ родѣ стѣнъ, съ какими строятся дома въ деревняхъ Германіи. Между сими бастіонами были подѣланы еще небольшіе деревянные блокгаузы срубами изъ деревъ, для усиленія фланговой обороны. Въ сихъ блокгаузахъ и въ палисадахъ были прорѣзаны бойницы для ружей. Впереди палисадовъ и бастіоновъ былъ небольшой неправильный ровъ, происшедшій отъ выкопанія земли, которою засыпáли основаніе палисадовъ для лучшаго утвержденія ихъ и для набивки стѣнъ бастіоновъ. Въ горжахъ иныхъ изъ сихъ бастіоновъ были подѣланы деревянныя укрѣпленія срубами изъ толстыхъ бревенъ, но не совсѣмъ еще оконченныя. За всѣмъ рядомъ палисадовъ, окружающихъ городъ, были понакопаны небольшія ямы, накрытыя также бревнами, засыпанныя сверху землею, въ коихъ ползкомъ укрывались защитники палисадовъ отъ анфиладныхъ выстрѣловъ нашихъ и изъ коихъ они вылѣзали, коль скоро огонь нашъ прекращался.

Артиллеріи въ крѣпости было довольно, но въ такомъ же дурномъ положеніи, какъ и вся крѣпостная артиллерія у Турокъ. У нихъ были также пятипудовыя мортиры, и противъ воротъ самой крѣпости поставлено было одно огромное мѣдное орудіе, изъ коего, кажется, Турки

сами боялись стрѣлять. Оно было какъ-то прикрѣплено къ своему мѣсту на улицѣ всякою всячиною, и вальками на каткахъ, и камнями, и было неподвижно. Дабы изъ онаго стрѣлять, отворялись ворота крѣпости, и ядро летѣло на произволъ. Турки, кажется, не болѣе одного или двухъ подобныхъ выстрѣловъ по насъ дали. Послѣ выстрѣла ворота безъ промедленія времени опять запирались. Въ передовыхъ бастіонахъ, ограждавшихъ предмѣстье, было по 2 и по 3 небольшихъ орудій въ каждомъ, иныя на старыхъ лафетахъ, другія же утверждены, какъ и прочая артиллерія, на каткахъ. Мы удивлялись частому дѣйствію сихъ орудій, которыя стрѣляли во всякое время, даже тогда, когда иные бастіоны были уже превращены въ развалины отъ нашей артиллеріи. Казалось намъ, что и самое орудіе сбито; но Турецкіе артиллеристы, не теряя присутствія духа, выставляли сіи орудія снова на самый брешъ, и выстрѣлъ отвѣчалъ нашему вслѣдъ, хотя и безъ надлежащаго прицѣла.

Вотъ краткое описаніе Ахалцыхской крѣпости, которое я счелъ нужнымъ изложить здѣсь, для поясненія слѣдующихъ военныхъ дѣйствій.

Съ праваго берега рѣки Поцхо значительно командовала надъ всею крѣпостью высокая гора, которую Турки занимали до 9 числа многочисленною конницею Карапапаховъ, угрожавшей всѣмъ дѣйствіямъ нашего лѣваго фланга за рѣкою. Самая же гора была слишкомъ отдалена для насъ и не могла входить въ предположеніе осады нашей. Другое возвышеніе на лѣвомъ берегу рѣки Поцхо, до полупокатости коей распространялось предмѣстье Армянъ съ католическою церковью, защищаемое однимъ изъ вышесказанныхъ передовыхъ бастіоновъ, также командовало Ахалцыхомъ, и 5 числа, по прогнаніи Турокъ съ равнины, они столпились на самомъ высокомъ мѣстѣ сего возвышенія, коего удержаніе для нихъ и занятіе для насъ было равно важно.

Въ описаніи сраженія 5 Августа, я остановился въ то время, какъ пѣхота подошла къ наружной подошвѣ сихъ горъ, и какъ Паскевичъ взъѣхалъ на одну изъ вершинъ сихъ. Послѣ небольшой остановки мнѣ приказано было съ частью пѣхоты и артиллеріи подвинуться вершиною къ тому мѣсту, гдѣ непріятель столпился на самой большой высотѣ, и, вышедши на край горы къ крутизнѣ оной, открыть по городу огонь изъ орудій. У меня было 10 орудій и два шестивзводныхъ батальона Эриванскаго карабинернаго полка. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, встрѣченныхъ мною для провоза артиллеріи въ гору безъ дороги (которыя были вскорѣ преодолѣны), я взвезъ орудія на край обрыва и началъ дѣйствовать изъ нѣсколькихъ внизъ по бастіону, находившемуся на самой низменности, обращенному внизъ по рѣкѣ Поцхо на такъ называемый у Турокъ Джиридъ-майданъ или

загородную равнину, гдѣ наѣздники ихъ собирались въ празднества для ристалища и метанія джиридовъ или короткихъ копій.

Мнѣ отвѣчали изъ фланга сего бастіона вверхъ, ибо оттуда могли видѣть дула моихъ орудій и головы застрѣльщиковъ; но всѣ сіи выстрѣлы, помнится мнѣ, никакого вреда не приносили, хотя огонь сей усилился еще съ крѣпостныхъ башенъ. Одно только ядро пронеслось по штыкамъ шедшей на гору колонны, сломало нѣсколько ружей и сорвало нѣсколько шапокъ съ головъ солдатъ, не задѣвъ ихъ. Наша же артиллерія стрѣляла въ сей день мѣтче обыкновеннаго. Гранаты наши рвало въ самомъ бастіонѣ непріятельскомъ, коего почти вся внутренность намъ была видна сверху, попадая въ амбразуры и стѣны, подбивали Турецкія орудія и сдѣлали видимый брешъ въ слабой стѣнѣ, въ которой онѣ иногда останавливались, и потомъ взрывало ихъ въ самой стѣнѣ, такъ что бастіонъ сей съ одной стороны начиналъ превращаться уже въ развалины. Пыль, производимая въ немъ нашими гранатами и ядрами, разметывающіеся чурбаны бревенъ и другихъ запасовъ представляли совершенную картину безпорядка. Защищавшіе бастіонъ люди при одномъ счастливомъ выстрѣлѣ нашемъ всѣ выбѣжали назадъ въ городъ, и оставалось (по крайней мѣрѣ сколько видно было) не болѣе 3 или 4-хъ артиллеристовъ, которые много суетились и трудились около своихъ орудій, не опасаясь нашего огня. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ намъ казалось, что орудіе уже подбито и не въ состояніи болѣе намъ отвѣчать, оно какъ-то устанавливалось снова и стрѣляло почти въ слѣдъ за нашимъ выстрѣломъ, конечно безъ всякаго прицѣла.

Занявши такимъ образомъ берегъ горы, я увидѣлъ Вадбольскаго, сидѣвшаго подлѣ нашихъ орудій. Онъ былъ невеселъ, говорилъ мало; слѣдовъ утренняго его состоянія никакихъ не оставалось, но онъ, кажется, думалъ о своей ошибкѣ. Я сѣлъ подлѣ него; мы немного поговорили, пока ядра стали частехонько черезъ и мимо насъ летать: ибо мы сидѣли какъ будто на цѣли у Турокъ. Онъ былъ очень хладнокровенъ и наконецъ уѣхалъ не знаю куда; я его болѣе не видалъ въ сей день.

Вмѣсто того, чтобы безъ всякой надобности стрѣлять по бастіону, мнѣ казалось лучше было занять самую возвышенность, на которой Турки было столпились, но, видя приближеніе мое, сошли съ оной и уклонились. Возвышенность сія (рѣшившая черезъ 4 дня послѣ того покореніе Ахалцыха) отстояла отъ меня не болѣе какъ на дальній ружейный выстрѣлъ и отдѣлялась отъ меня небольшимъ и некрутымъ оврагомъ; но уже возвышенность сія командовала совершенно надъ всѣмъ городомъ, крѣпостью и всѣми окрестностями съ той стороны,

съ которой мы подступали. Сначала изрѣдка показывалось на горѣ нѣсколько пѣшихъ Турокъ, коихъ нѣкоторыя пули къ намъ долетали. Видя всю важность занятія сей точки, я два раза посылалъ просить о томъ позволенія у Паскевича; первый разъ отказано просто, второй съ гнѣвомъ и строгимъ подтвержденіемъ отсюда никакихъ покушеній на сію гору не предпринимать.

Я былъ обращенъ лицемъ къ городу, и какъ сія гора находилась у меня почти на правомъ флангѣ, то флангъ сей и даже нѣсколько тылъ мой не были совершенно обезпечены отъ внезапнаго нападенія, по довольно ровному мѣсту; ибо Турки, видя, что мы не подвигались впередъ, могли сами почувствовать важность сего пункта и занять оной большими силами, коихъ сборъ они могли скрыть за горою и внезапно ударить съ кавалеріею мнѣ во флангъ и тылъ. Поэтому я прекратилъ огонь по избитому несчастному бастіону, со стороны коего я былъ защищенъ крутизною и вышиною берега, на коемъ я стоялъ, и поставилъ свои 10 орудій по направленію къ горѣ, и на право на равнину переставилъ и два шестивзводныхъ батальона своихъ, лицемъ къ горѣ, лѣвымъ флангомъ къ кручѣ, а правымъ въ поле, съ небольшимъ загибомъ назадъ (ибо мнѣ велѣно было единственно обороняться и ни шагу не подаваться впередъ).

Съ одной стороны, если занятіе сей горы и представляло для насъ существенныя пользы, то съ другой нельзя винить совершенно Паскевича за то, что онъ не приказалъ занимать оную. Мѣсто сіе было слишкомъ важно, чтобы Турки не возчувствовали необходимости завладѣть онымъ послѣ занятія нами, и они устремили бы всѣ усилія свои на сію точку, когда они еще были бодры, свѣжи и въ силахъ. Мы бы не успѣли укрѣпиться на сей горѣ, куда мы пришли съ малыми силами, и Турки сильнымъ напоромъ могли насъ сбить, что сдѣлало бы весьма дурное вліяніе; ибо они въ такомъ случаѣ преслѣдовали бы насъ съ вѣрнымъ успѣхомъ до самыхъ резервовъ, бой сдѣлался бы общій, и съ нашей стороны оборонительный послѣ неудачи, тогда какъ намъ слѣдовало еще избрать и укрѣпить нашъ лагерь, тогда какъ еще всѣ наши обозы и продовольствіе тянулись сзади почти безъ прикрытія и были подвержены быстрому нападенію Турецкой кавалеріи, которая могла обскакать наши фланги, въ особенности правый. При томъ же самое мѣсто еще не было осмотрѣно, какъ еще совершенно не извѣстны были окрестности Ахалцыха, и то за горою было. Самая гора стояла далеко отъ воды, слѣдственно отъ одной изъ главныхъ потребностей нашихъ, которую Турки могли бы у насъ всегда отнять, или по крайней мѣрѣ затруднить добываніе оной если бы тамъ поставили весь свой лагерь. Кромѣ сего

на горахъ за рѣкою находившихся видны были еще большія массы конницы. Самое намѣреніе непріятеля еще не объяснилось; казалось, что онъ хотѣлъ обнять фланги наши, дабы напасть на обозы, а потому и не должно было преждевременно напирать, не утвердившись какъ слѣдуетъ въ избиравшемся въ то время мѣстѣ для постановленія нашего лагеря.

Основываясь на всѣхъ изложенныхъ доводахъ, я не буду обвинять Паскевича въ запрещеніи, которое онъ подтвердилъ мнѣ нѣсколько разъ.

Едва я успѣлъ занять свою позицію съ пѣхотою своею и артиллеріею (изъ коей одно орудіе не могло дѣйствовать отъ поврежденія), какъ на вершинѣ горы число пѣшихъ людей стало увеличиваться, и ружейный огонь усиливаться. Многіе даже спускались съ полгоры, дабы цѣльнѣе выстрѣлить; но нѣсколькими картечными изъ орудій выстрѣлами они были возвращены вспять, что̀ они однако сдѣлали безъ поспѣшности.

Вслѣдъ за симъ увидѣлъ я за правою оконечностью горы сближавшіяся ко мнѣ большія разноцвѣтныя знамена, которыя развозились во всѣ стороны всадниками, скрытыми горою; наконецъ, нѣкоторые всадники выскакивали на хребетъ и скрывались. Все сіе происходило на разстояніи небольшаго пушечнаго выстрѣла отъ меня. По большому числу развѣвавшихся знаменъ я заключилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени буду атакованъ многочисленною Турецкою конницею. Я немедленно построилъ одинъ шестивзводный баталіонъ въ каре, а между тѣмъ послалъ въ туже минуту офицера къ Паскевичу съ донесеніемъ о томъ, что̀ у меня дѣлалось и съ порученіемъ просить подкрѣпленія.

Я немедленно послалъ также одного офицера къ Грузинскому гренадерскому полку, стоявшему въ резервѣ, дабы предупредить Симонича, что онъ могъ бы напасть на Турокъ въ то самое время, какъ бы они меня окружили. Симоничъ и Устимовичъ минутъ за пять только до появленія Турецкихъ знаменъ за горою пріѣзжали ко мнѣ изъ любопытства и поѣхали назадъ, дабы напиться чаю. Я мало имѣлъ надежды на помощь Грузинскаго полка, ибо увѣренъ былъ, что онъ уже не отъ меня зависѣлъ и что Паскевичъ держалъ его въ резервѣ съ Ширванскимъ полкомъ при себѣ; ибо болѣе у него пѣхоты почти никакой не оставалось, и онъ бы не позволилъ Грузинцамъ поддержать меня. Не менѣе того мѣру сію я счелъ нужною.

Едва я успѣлъ сдѣлать сіе распоряженіе, какъ Турецкіе знаменщики выскочили на высоты, за ними слѣдовали разноцвѣтно одѣтые всадники на быстрыхъ жеребцахъ, и легкое ополченіе сіе, по виду

грозное, стремительно бросилось ко мнѣ; но порывъ сей былъ остановленъ съ самой первой поры моею картечью, и Турки возвратились опять за горку, изъ-за коей увеличившееся число знаменъ и движеніе ихъ показывали умноженіе числа ихъ, и я ожидалъ новой сильнѣйшей атаки. Первая попытка сія, кажется, была произведена небольшими силами, послѣдовавшими за запальчивыми своими знаменщиками или байрактарами. (Знамена сіи поручаются всегда храбрѣйшему, и обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы прежде всѣхъ врубиться въ непріятеля).

Лишь только офицеръ сей ускакалъ, какъ вся масса непріятельской конницы пустилась въ атаку. Меньшая часть оной атаковала меня съ фронта; большая же огибала мой правый флангъ. Все что на меня бросилось спереди и съ фланга было въ мигъ опрокинуто однимъ дѣйствіемъ моей артиллеріи; но батальоны мои стояли неподвижно и не сдѣлали ни выстрѣла. Вмѣстѣ съ симъ вся сія масса кавалеріи перемѣнила направленіе свое, разсыпалась по обширному полю и съ неимовѣрною поспѣшностью и съ быстротою мчалась мимо меня подъ моими выстрѣлами на нашъ тылъ, вѣроятно дабы рубить всѣ обозы наши, которые, перешедши Куру, стягивались ко вновь избранному лагерю позади той горы, на коей находился главнокомандующій. Турокъ было около трехъ тысячъ. Въ сіе самое время офицеръ мой, посланный къ Симоничу, нагналъ его не доѣхавшаго еще до полка своего. Симоничъ оглянулся и увидѣлъ неожиданное нападеніе Турокъ, несшихся по полю; а потому онъ, не ожидая никакого приказанія, съ однимъ батальономъ своего полка, отдѣлился отъ линіи своей и шибко подвинулся вправо въ самую середину Турокъ, производя изъ первыхъ рядовъ колонны батальный огонь и не останавливаясь ни одной минуты въ движеніи своемъ.

Похвальная рѣшимость Симонича въ семъ случаѣ имѣла полный успѣхъ. Турки сначала столпились около его батальона и стрѣляли въ него, что уже пріостановило ихъ общее движеніе, и такъ какъ они послѣ нѣсколькихъ минутъ потеряли надежду врубиться въ тѣсную колонну нашей пѣхоты, все впередъ подававшуюся, то обратили тылъ и съ такою же быстротою понеслись назадъ опять мимо меня; но уже нѣсколько подалѣе, такъ что я могъ ихъ провожать во флангъ только ядрами. Случившіеся около Симонича казаки и Татары преслѣдовали ихъ и взяли въ плѣнъ человѣкъ 20 и одно знамя. Въ семъ случаѣ обвиняютъ два эскадрона драгунъ или уланъ, тутъ же находившихся, которые также могли бы нанести бѣгущимъ много вреда преслѣдованіемъ ихъ. Ихъ начальникъ оправдывалъ себя нелѣпою отговоркою, что не имѣлъ на то приказанія; но два Донскихъ орудія, находив-

шіяся съ ними, содѣйствовали Симоничу къ обращенію непріятеля въ бѣгство.

Все мое вниманіе было обращено на мой правый флангъ, гдѣ я и самъ находился, какъ я былъ отозванъ крикомъ артиллеріи полковника Долгова-Сабурова, который громкимъ и дикимъ устрашеннымъ голосомъ призывалъ пѣхоту. Орудія берутъ, орудія берутъ, выручьте орудія! кричалъ онъ; я обернулся налѣво и увидѣлъ, что Турецкая пѣхота, спускавшаяся въ одно время съ кавалерійскою ихъ атакою съ горы, подходила уже близко къ орудіямъ. Я въ туже минуту повелъ лѣвый батальонъ свой (оставшійся нѣсколько поодаль) на штыки къ орудіямъ, имѣя выстрѣльщиковъ впереди, и Турки, увидя сіе и уже возвращавшуюся ихъ кавалерію, бѣжали обратно и поднялись на свою гору, за которою и скрылись. Пѣхоты ихъ не было много, но человѣкъ 30 ихъ было уже не болѣе какъ въ 40 шагахъ отъ лѣваго орудія моего. Ихъ также проводили картечью, и Сабуровъ успокоился.

Въ одно и тоже время была сдѣлана Турками вылазка изъ прирѣчнаго бастіона ихъ, которая направилась на гору ко мнѣ; но имъ надобно было лѣзть высоко въ крутую гору, прежде чѣмъ до насъ дойти. Люди сіи были остановлены у подошвы горы выстрѣлами нѣсколькихъ стрѣлковъ, оставленныхъ на краю яра или обрыва батальономъ моимъ, пошедшимъ въ атаку на тѣхъ, которые шли къ орудіямъ. И тамъ сильное покушеніе, сдѣланное непріятелемъ на нашъ правый флангъ для овладѣнія нашимъ тыломъ и обозами, было опрокинуто съ успѣхомъ на всѣхъ точкахъ. Турки бѣжали и скрылись.

Должно отдать полную справедливость въ сей день Симоничу, который рѣшимостью своей спасъ наши обозы и прикрылъ тылъ нашъ отъ нападенія Турецкой кавалеріи.

Адъютантъ, посланный мною къ Паскевичу просить подкрѣпленія, возвратился по окончаніи уже всего. Онъ не добился никакого отвѣта и не привелъ подкрѣпленія; но я узналъ, что Паскевичъ былъ очень недоволенъ требованіемъ моимъ. По мнѣнію его, всякій отдѣльный начальникъ долженъ былъ умѣть довольствоваться тѣми силами, которыя у него находились и на оныхъ только и основывать свои распоряженія. Мнѣ сіе было весьма больно въ то время; но въ послѣдствіи времени я убѣдился въ справедливости сего, никогда болѣе не просилъ подкрѣпленія и терпѣть не могъ, когда у меня подчиненные просили онаго. И въ самомъ дѣлѣ, главный начальникъ обозрѣваетъ (предположительно) всѣ мѣста общаго сраженія, и ему надобно предоставить усиленіе одной части или другой, гдѣ по его усмотрѣнію надобность сего болѣе потребуетъ.

Согласіе сей атаки Турокъ праваго нашего фланга въ одно время въ трехъ мѣстахъ доказывало, что она была приготовлена, обдумана и исходила отъ одной власти, вслѣдствіе одной цѣли или намѣренія. Но мнѣніе сіе еще болѣе подтверждается общею атакою, которую Турки въ туже минуту повели на наше лѣвое крыло.

Съ самаго приближенія нашего къ первой высотѣ, на которую взъѣхалъ Паскевичъ, онъ отдѣлилъ за рѣку Поцхо налѣво 3 роты 41 егерскаго полка подъ командою полковника Миклашевскаго и полковника Раевскаго съ 4-мя эскадронами кавалеріи, дабы вытѣснить Турецкій отрядъ конницы, который уже мы нѣсколько дней видѣли за рѣкою прежде и который, будучи прикрытъ рѣкою Поцхо, оставался у насъ почти въ тылу лѣваго фланга и, переѣхавъ въ бродъ, могъ также напасть на наши обозы. При спускѣ кавалеріи нашей въ логовище рѣки, она встрѣтила небольшое сопротивленіе, которое ея не остановило. Турки отступили правымъ же берегомъ по направленію къ Ахалцыху и облѣпили вершины горъ, а наши войска перешли рѣку, пѣхота съ артиллеріею остановилась, а кавалерія стала подаваться впередъ вдоль берега.

Въ тоже самое время какъ Турки меня атаковали, они спустились на другой сторонѣ рѣки съ горъ и въ превосходныхъ силахъ съ большимъ стремленіемъ бросились на Раевскаго, у коего одинъ эскадронъ, нѣсколько отдѣлившійся отъ другихъ, былъ опрокинутъ, но вскорѣ опять выстроился и ударилъ съ прочими эскадронами на Турокъ. Рѣшительная атака сія имѣла полный успѣхъ, и толпы Турецкой конницы бѣжали обратно въ гору отъ двухъ эскадроновъ драгунъ и двухъ уланъ. Тѣ изъ нихъ, которые наскакивали на пѣхоту, были приняты огнемъ двухъ орудій, находившихся у Миклашевскаго, и на семъ флангѣ успѣхъ нашей стороны былъ также полный.

Наша кавалерія, сражаясь съ непріятелемъ, который былъ въ нѣсколько разъ многочисленнѣе, показала въ сей день преимущество регулярнаго войска надъ необразованными толпищами.

Вниманіе Паскевича было болѣе обращено на сію сторону, чѣмъ на мою, и хотя онъ могъ также видѣть, что у меня происходило, но сраженіе на лѣвомъ флангѣ было болѣе открыто: оно происходило на мѣстѣ, находившемся гораздо ниже того, на коемъ я сражался, и я видѣлъ, но безъ всякой зависти, что онъ, по окончаніи всего, ввечеру и на другой день, обращался къ Раевскому съ бо́льшею похвалою, чѣмъ ко мнѣ. Сему, можетъ быть, было причиною то, что онъ не такъ хорошо видѣлъ мои дѣйствія, но кромѣ того и ловкость самого Раевскаго, который по отраженіи Турокъ безъ замедленія отъѣхалъ отъ своего отряда и прибылъ къ Паскевичу, дабы измѣрить впечат-

лѣніе, сдѣланное на Паскевича его успѣхами, и дабы поддержать оное какимъ либо театральнымъ дѣйствіемъ. Онъ зналъ, что первая неудача его была слѣдствіемъ его ошибки и теперь могла быть прощена ему. Сознавъ также, какое противное дѣйствіе должно было произвести окончаніе, онъ, Раевскій, всходя на гору, на коей ожидалъ его Паскевичъ, подошелъ къ нему, какъ осужденный съ потупленнымъ взоромъ. Его приняли съ похвалою. Тутъ онъ сталъ разгибаться. J'arrivais, сказалъ онъ, auprès de votre excellence avec un sentiment pénible, croyant avoir à endurer le juste mécontentement de mon général, à cause de la perte sensible que je viens de faire; mais votre accueil plein de bonté etc *)... и пошелъ разсказывать съ повышеніемъ головы, голоса и пріемовъ чрезмѣрные подвиги свои. Его потеря состояла изъ 7 убитыхъ, кажется, въ томъ числѣ и одинъ офицеръ, и человѣкъ 15 раненыхъ. Раевскій былъ обласканъ, выхваленъ; дабы болѣе дать вѣса своему торжеству и побѣдѣ, онъ очистилъ въ тотъ же вечеръ свою собственную большую палатку, въ которую положилъ раненыхъ драгунъ, и самъ почасту навѣщалъ ихъ, имѣя за ними особенный присмотръ. Сіе было извѣстно по всему лагерю, и Раевскій остался героемъ сего дня. Не отнимая у него заслуженнаго, нельзя не замѣтить, что онъ повелъ себя въ семъ случаѣ противъ Паскевича съ тонкимъ знаніемъ его сердца. Насъ всѣхъ сіе много забавляло, и мы часто послѣ того смѣялись сему съ самимъ Раевскимъ. Кажется, за сіе дѣло его произвели въ генералъ-маіоры.

Сія общая по всей линіи атака Турокъ не имѣла такимъ образомъ нигдѣ успѣха, и къ вечеру передовымъ войскамъ нашимъ было велѣно отступить въ лагерь съ наступленіемъ ночи. Остался только одинъ Миклашевскій, коему велѣно было за рѣкою на небольшомъ возвышеніи укрѣпиться, какъ равно на горѣ, съ которой Паскевичъ смотрѣлъ сраженіе, была въ ночи построена сильная батарея. Пунктъ сей былъ, можно сказать, неприступенъ. Такъ какъ я находился всѣхъ ближе къ непріятелю, то дабы обезпечить мое отступленіе къ лагерю, Паскевичъ прислалъ ко мнѣ одинъ баталіонъ Ширванскаго полка, долженствовавшій усилить меня въ случаѣ нападенія со стороны Турокъ. Когда ночь наступила, прежде чѣмъ начать свое отступленіе, я послалъ нѣсколько линейныхъ казаковъ, изъ числа находившихся у меня, въ объѣздъ, приказавъ имъ взобраться сколько можно было на гору, съ которой Турки на насъ дѣлали нападенія, и высмотрѣть, не

*) Я ѣхалъ къ вашему превосходительству съ тягостнымъ чувствомъ, разсчитывая на справедливое негодованіе моего генерала по поводу чувствительной потери, только что мною понесенной; но вашъ милостивый пріемъ и...

кроются ли они еще тамъ; ибо все совершенно затихло въ сей сторонѣ. Казаки не доѣхали вершины не болѣе 30 саженъ и никого не встрѣтили; имъ слышался шорохъ, и можно было полагать, что на горѣ находился только какой-нибудь извѣщательный постъ или разъѣздъ. Послѣ сего я отступилъ и прибылъ въ лагерь, въ который уже стянулись всѣ наши обозы и остальныя войска и расположились обыкновеннымъ порядкомъ, имѣя кавалерію и тягости въ срединѣ.

Войска, уставшія въ теченіе дня, успокоились; вездѣ запылали огни, и поставили котлы, призрѣли раненыхъ въ пышно устроенномъ въ палаткахъ походномъ госпиталѣ, и начальники занялись распоряженіями для обезпеченія фланговъ нашего лагеря. Лагерь находился верстахъ въ 3-хъ не доходя Ахалцыха, на равнинѣ, лѣвымъ флангомъ къ рѣкѣ Поцхо, за коей находился Миклашевскій съ 3 ротами; фронтъ былъ прикрытъ большою батареею на первой горѣ, которая, кажется, получила названіе 1-го номера; на правомъ же флангѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, были на другой день построены два редута.

... Желая узнать предлогъ, который Паскевичъ полагалъ самъ въ себѣ, дабы передъ каждымъ дѣломъ терять время въ виду непріятеля, безъ всякой пользы и съ изнуреніемъ войскъ, я избралъ на сіе однажды удобный случай и спросилъ его о причинѣ сего. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что правило сіе есть необходимое на войнѣ съ Турками и вообще противъ войскъ неустроенныхъ, которыя обыкновенно передъ дѣломъ еще сохраняютъ нѣкоторый порядокъ... но что терпѣніе Турокъ, въ семъ случаѣ не бываетъ продолжительно: мало-по-малу, каждый оставляетъ свое мѣсто, и порядокъ начинаетъ разстраиваться, и вскорѣ начинается сія быстрая атака, противъ которой можетъ и должна устоять только неподвижная пѣхота наша, для чего въ боевомъ порядкѣ своемъ онъ всегда ставитъ кавалерію между линіями пѣхоты; ибо войско сіе не всегда бы могло удержаться противъ быстроты столь превосходныхъ силъ, но что вмѣстѣ съ сей атакою разстроивался порядокъ въ Турецкомъ войскѣ, все перемѣшивалось, всякій начальникъ терялъ свое мѣсто и назначеніе, отъ чего и войско ихъ, удержанное въ стремленіи своемъ пѣхотою, становилось гораздо слабѣе, чѣмъ въ самомъ началѣ дѣла. Тогда надобно ихъ преслѣдовать кавалеріею, поддержанною всею пѣхотою и артиллеріею, коей первые выстрѣлы при отраженіи атаки уже разстроивали ихъ и ослабляли духъ всадниковъ. Тѣмъ и должны были, по мнѣнію сему, кончаться сраженія наши съ Турками. Всѣ неудачи наши противъ нихъ происходили отъ несоблюденія сихъ правилъ.

Мнѣніе сіе нахожу я весьма основательнымъ и справедливымъ; но.. хотя дѣйствія Паскевича и сходствовали нѣсколько съ сими пра-

вилами, но кто не зналъ, какъ онъ терялся во всѣхъ сраженіяхъ, что съ нимъ происходило, и какъ они кончались обыкновенно самопроизвольнымъ дѣйствіемъ кого либо изъ подчиненныхъ ему начальниковъ?

Бурцовъ, который былъ переведенъ изъ Тифлисскаго въ Мингрельскій пѣхотный полкъ, былъ назначенъ начальникомъ траншей на все время осады Ахалцыха. Къ нему были назначены піонерные офицеры Пущинъ и Богдановичъ. Назначеніемъ Бурцова подчинялись ему всѣ работы и піонерный батальонъ. Къ мѣрѣ сей служило причиною то, что подполковникъ Третиловичь, командовавшій піонернымъ батальономъ, былъ хотя и весьма честный и добрый человѣкъ, исполнительный офицеръ, но не имѣлъ совершенно никакихъ качествъ изъ потребныхъ для распоряженія осадою, которая у насъ и шла безъ всякаго плана и цѣли. Да не вступался въ сіе ниже самъ Паскевичъ. Ставили батареи по произволу, безъ общей связи, стрѣляли по крѣпости, когда кому вздумается. Непріятельскія ядра также къ намъ часто летали, но причиняли мало вреда. Турки бросали гранаты въ сады, въ коихъ мы работали туры и фашины, но симъ не остановили работъ нашихъ. Иногда они дѣлали по логовищу рѣки Поцхо небольшія вылазки, дабы насъ выгнать изъ сихъ садовъ; завязывалась перестрѣлка, но мы всегда удерживали сіе мѣсто. Со всѣмъ этимъ осада не подвигалась нисколько впередъ. Но съ назначеніемъ Бурцова все оживилось; онъ самъ со свойственною ему дѣятельностію былъ вездѣ, осмотрѣлъ крѣпость, дѣлалъ предположенія для осады и приступалъ къ немедленному исполненію оныхъ. Я не скажу, чтобы предположенія Бурцова были лучшія; онъ былъ слишкомъ смѣлъ и скоръ и неохотно перемѣнялъ мнѣніе свое, всегда оспаривалъ оное, хотя бы безъ настоящаго основанія, но уже то было драгоцѣнно, что кто нибудь занялся предметомъ, для коего мы пришли къ Ахалцыху.

Въ числѣ предположеній Бурцова было намѣреніе его подвинуться къ Ахалцыху низомъ рѣки. Онъ, кажется, предполагалъ и всю атаку вести съ сей стороны; но сіе было бы не дѣльно: ибо долина рѣки Поцхо была совершенно открыта съ прилежащихъ по сторонамъ высотъ, и мы всякой день видѣли, какъ Турки строили укрѣпленія на горѣ, которую мы не заняли 5 числа, куда они нынѣ и орудія поставили, безъ всякаго противодѣйствія съ нашей стороны, и они чрезъ сіе могли командовать всѣми осадными работами, если бы мы нашлись въ необходимости осадить сей новый укрѣпленный лагерь ихъ прежде, чѣмъ продолжать осаду крѣпости. Нечаянный случай, какъ мы сіе увидимъ, рѣшилъ дѣло иначе.

Самая долина, избранная Бурцовымъ, кромѣ сего, имѣла еще то неудобство, что ее обстрѣливали по разнымъ направленіямъ со всѣхъ

почти башенъ и бастіоновъ крѣпости и предмѣстья. Наконецъ, и то, что если бы (вѣроятно, мы и могли то сдѣлать) мы ворвались съ сей низменной стороны приступомъ въ предмѣстье, то намъ бы довелось занимать все сіе предмѣстье приступомъ, все идучи въ гору и подставляя свой лѣвый флангъ ружейному огню всей крѣпости. Пунктъ сей былъ совершенно неудобенъ для атаки; не менѣе того Бурцовъ предложилъ построить уже третью батарею по сему направленію. Предложеніе его принято начальствомъ безпрекословно; ибо никто не входилъ въ сіе, никто не зналъ такъ хорошо мѣстоположеніе какъ Бурцовъ, и никто не подъѣзжалъ такъ близко къ крѣпости, какъ онъ.

Бурцовъ немедленно взялъ нѣсколько піонеровъ и двѣ роты или батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, средь бѣлаго дня подвинулся съ ними на 70 или 80 саженъ отъ низоваго бастіона и заложилъ на самомъ берегу рѣки (слѣдственно на самомъ низкомъ и невыгодномъ мѣстѣ) укрѣпленіе. Турки, полагавшіе вѣроятно, что идутъ на приступъ, открыли сильный пушечный и ружейный огонь и продолжали оный во все время производства работы, при коей самъ Бурцовъ безотлучно находился во все время. Присутствіе его не позволило нашимъ отойти, и частый огонь Турокъ подвигнулъ рабочихъ къ такой поспѣшности, что батарея сія съ ложементомъ для пѣхоты и амбразурами для орудій поспѣла не болѣе какъ въ полчаса. Тогда часть пѣхоты, прикрывавшая рабочихъ, была отведена назадъ, а другая при нѣсколькихъ орудіяхъ осталась въ укрѣпленіи, съ коимъ не было почти никакого сообщенія днемъ (Турки стрѣляли по всѣмъ, кто только ни показывался сзади сей батареи, и войска, находившіяся въ оной, оставались скрыты, безмолвны и въ большой опасности; ибо батарею сію Турки легко могли взять вылазкою прежде, чѣмъ успѣли бы къ ней прибыть на помощь другія войска. Равнымъ образомъ находились въ опасности 3 роты 41-го егерскаго полка, которыя для обезпеченія лѣваго фланга сей батареи были поставлены подъ ружейными выстрѣлами направленными въ кладбище и сады на правомъ берегу рѣки, совершенно отдѣльно). Предпріятіе сіе было слишкомъ смѣло, и могло имѣть дурныя послѣдствія, подобно испытаннымъ нами уже при осадѣ Ахалцыха въ 1811 году, во время главнокомандующаго Тормасова.

Такъ какъ полки, занимавшіеся осадными работами, состояли подъ начальствомъ моимъ, то я объѣзжалъ оные, и въ одномъ изъ сихъ случаевъ, проведши ночью резервъ для сей батареи, построенной вновь Бурцовымъ, засталъ на оной Грузинскаго полка подполковника Свѣховскаго и командира артиллеріи подполковника Симчевскаго, обоихъ въ большомъ безпокойствіи. Положеніе ихъ точно было весьма опасное: ибо мы могли лишиться и батареи, и орудій сихъ въ мигъ при

первой вылазкѣ. Я утѣшалъ и успокоивалъ ихъ резервомъ, который я привелъ, и поставилъ его поодаль отъ нихъ. Но сіе мало на нихъ дѣйствовало, и они не переставали представлять мнѣ свои страхи, что мнѣ показалось весьма странно, ибо ихъ расположеніе передавалось нижнимъ чинамъ, которые, присѣвши въ ложементахъ, въ глубокомъ молчаніи и съ любопытствомъ слушали ихъ убѣжденія. Я далъ замѣтить имъ мое неудовольствіе и оставилъ ихъ. Все обошлось безъ драки и кровопролитія по оплошности Турокъ, но сія батарея подала поводъ на другой же день построенія оной къ происшествію другаго рода. Паскевичъ вздумалъ объѣхать наши осадныя укрѣпленія и прибылъ на сію батарею, противъ всякаго чаянія, увидѣлъ недостатки въ избраніи мѣста для оной и нашелъ, что построеніе оной было слишкомъ неосторожно. Бурцовъ съ нимъ же былъ. Меня не было въ то время съ ними; но мнѣ говорили, что Паскевичъ вспылилъ до такой степени на Бурцова, что грозился ему съ крикомъ, поднося весьма близко къ лицу его свертокъ бумагъ или плановъ, который у него былъ въ то время въ рукахъ. Послѣдствіемъ сего было то, что батарею сію было велѣно немедленно срыть, а артиллерію и войска, въ оной находившіяся, отвести въ лагерь. Распоряженіе было дѣльное: лучше было разрушить сіе укрѣпленіе, чѣмъ задаваться по сей линіи далѣе и содержать на оной большое количество войскъ; но оскорбленіе, нанесенное Бурцову, не должно было имѣть мѣста, тѣмъ болѣе, что Бурцовъ только ошибся, но показалъ большую дѣятельность, много рѣшительности, смѣлости и личной храбрости. Спустя съ годъ послѣ сего, я слышалъ сужденія Паскевича о подобныхъ случаяхъ. Онъ говорилъ, что предпочиталъ слишкомъ смѣлыхъ офицеровъ слишкомъ осторожнымъ, что главному начальнику легче удержать, чѣмъ понуждать въ военное время и въ сраженіи. Сіе весьма справедливо. Не знаю, съ тѣмъ ли умысломъ сіе было сказано, чтобы рѣчи сіи дошли до Бурцова, что̀ могло весьма легко быть; ибо, помнится мнѣ, изложенію сего мнѣнія предшествовалъ разговоръ о рѣшительности и иногда неосторожной смѣлости Бурцова. Вышеозначенный случай много огорчилъ Бурцова; онъ только что началъ выходить на видъ послѣ происшествія 1826 года, въ коемъ онъ пострадалъ, и онъ находился въ необходимости покоряться обстоятельствамъ. Онъ сдѣлался печаленъ, скученъ нѣкоторое время; но человѣкъ сей былъ такихъ свойствъ, что звукъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ снова воскрешалъ его: онъ тогда все забывалъ, и воинственная его природа все превозмогала.

Въ теченіи сихъ дней, т. е. отъ 5-го до 8 числа, не помню въ которой именно день, мы слышали за нами довольно частую пальбу изъ орудій въ большомъ разстояніи; но сіе долго не безпокоило насъ,

ибо мы узнали, что то былъ отрядъ генерала Попова, шедшій изъ Карталиніи и выходившій изъ Боржомскаго ущелья, подъ выстрѣлами крѣпости Ацхура.

Дѣло Попова подъ Ацхуромъ не имѣло ничего важнаго: онъ прошелъ съ обозами и отразилъ небольшую вылазку, которую на него Турки сдѣлали. Ихъ было до 700 человѣкъ въ крѣпости, они стрѣляли по отряду его изъ крѣпостныхъ орудій своихъ; имъ было также отвѣтствуемо нашею артиллеріею. Поповъ привелъ къ намъ въ подкрѣпленіе Херсонскій гренадерскій полкъ, Грекова казачій и нѣсколько орудій. Впрочемъ мы не нуждались въ артиллеріи, которая была въ совершенной несоразмѣрности съ количествомъ войскъ нашихъ.

Послѣ вышеозначенныхъ происшествій бездѣйствіе поразило начальника нашего и начатую осаду. Размѣнивались пушечными выстрѣлами съ Турками безъ всякой цѣли. Уныніе примѣтнымъ образомъ поселилось въ душѣ Паскевича; ибо у насъ оставалось на нѣсколько дней провіанта, весь фуражъ по близости лагеря находящійся былъ уже истребленъ, и на посылаемыхъ вдаль фуражировъ Турки нападали, и случалось имъ головы съ нихъ снимать или по нѣскольку человѣкъ въ плѣнъ забирать. Впрочемъ и фуражировки сіи производились въ необыкновенномъ безпорядкѣ и безъ должной осторожности. Въ семъ случаѣ и Турки не знали своихъ настоящихъ выгодъ; ибо, стѣсняясь всѣ за Ахалцыхомъ, они мало посылали партій для захваченія нашихъ фуражировъ, коихъ бы они ежедневно могли захватывать весьма значительное количество.

Насъ всѣхъ изумляло положеніе Паскевича, который постоянно отвергалъ предложеніе Сакена предпринять что-либо рѣшительное. Онъ даже помышлялъ уже объ отступленіи въ Грузію, при чемъ мы бы лишились неминуемо осадной артиллеріи нашей и большей части обозовъ. Онъ говорилъ о семъ отступленіи, и всѣ усилія Сакена служили только къ противурѣчію сей мѣрѣ и къ содержанію войска въ бездѣйствіи, ежечасно становившемуся для насъ бѣдственнѣе по уменьшенію продовольствія и по усиленію Турокъ.

Наконецъ, 8 числа Сакену удалось убѣдить Паскевича къ атакѣ непріятельскаго лагеря; ибо надобно было прежде разсѣять пришедшую къ Ахалцыху вспомогательную армію, дабы послѣ безпрепятственно заняться осадою самой крѣпости. Радость возсіяла на лицахъ всѣхъ начальниковъ, какъ скоро узнали о семъ рѣшеніи корпуснаго командира; но онъ самъ былъ такъ разстроенъ, что совершенно измѣнился противъ прежняго. Онъ сдѣлался тихъ, робокъ, какъ осужденный на казнь и готовъ былъ при первомъ внушеніи кого-либо отмѣнить рѣшеніе сіе. Но таковыхъ внушителей не нашлось, и Сакенъ съ дѣя-

тельностью поддерживалъ его въ первомъ мнѣніи, и продолжалъ всѣ нужныя распоряженія къ исполненію онаго.

Въ сей-то вечеръ генералъ-маіоръ князь Бебутовъ, будучи у Паскевича, самъ отъ него слышалъ слѣдующія выраженія: «Нѣтъ, я уже себя чувствую неспособнымъ къ военному дѣлу. Если Богъ дастъ мнѣ благополучно кончить съ Ахалцыхомъ, то я уклонюсь въ свою деревню, гдѣ и буду жить въ уединеніи».

Тому, кто лично не знаетъ Паскевича и не служилъ съ нимъ, трудно будетъ повѣрить сему душевному разслабленію въ человѣкѣ, коего подвиги были столь велики. Но не менѣе того онъ таковъ, и кто изъ насъ не признаетъ непонятнаго счастія въ его успѣхахъ, принадлежащихъ почти во всѣхъ случаяхъ подчиненнымъ его, безъ какого-либо участія со стороны его, хотя бы то было однимъ глухимъ распоряженіемъ? Напротивъ того, противурѣчія его и нескладныя, невнятныя приказанія ставили подчиненныхъ въ неминуемую отвѣтственность въ случаѣ неудачи; въ случаѣ же удачи производили зависть, негодованіе и наконецъ гоненіе, когда крайность миновалась.

Я долженъ былъ оставаться въ лагерѣ съ частью войскъ для охраненія онаго. При объявленіи мнѣ о семъ я не показывалъ никакого неудовольствія, въ томъ предположеніи, что въ отсутствіи Паскевича, когда я оставался одинъ старшимъ, могъ скорѣе предстать случай предпринять и исполнить что-либо важное. При томъ же меня оставляли съ тою цѣлію, что имѣли надобность въ начальникѣ, на коего положиться бы могли въ лагерѣ, и при осадныхъ укрѣпленіяхъ во время отсутствія главныхъ силъ. Ко мнѣ назначили въ помощники гвардіи полковника Беньковскаго, коего считали за человѣка совершенно неспособнаго и отъ коего хотѣли отдѣлаться. Сіе было уже сдѣлано съ улыбкою; но я не поморщился и въ послѣдствіи времени имѣлъ случай видѣть исполнительность и храбрость офицера сего, который съ того дня пошелъ въ славу.

Намѣреніе было слѣдующее: выступить неожиданно правымъ флангомъ и, обогнувъ крѣпость, проходя ночью скрытыми мѣстами, на разсвѣтѣ атаковать внезапно армію Кёссе-Магмедъ-паши, расположившуюся въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, по ту сторону Ахалцыха, на берегу рѣки Поцхо. Цѣль хорошая, смѣлая и необходимая въ такихъ обстоятельствахъ. Но ни самыя силы непріятельскія не были намъ основательно извѣстны, ни расположеніе лагерей его не было осмотрѣно, ни мѣстоположеніе, по коему ночью слѣдовало идти, не было извѣстно. Ошибка сія лежитъ какъ на начальникѣ, такъ равно и на окружавшихъ его главныхъ чиновникахъ штаба. Въ слѣдъ за отданнымъ приказаніемъ отдано другое, коимъ отмѣнялось движеніе

въ $3\frac{1}{2}$ часа, до особаго другаго приказанія; но войскамъ приказано было остановиться въ готовности къ выступленію. И въ самомъ дѣлѣ, столь раннее выступленіе днемъ могло открыть движеніе сіе непріятелю, который бы взялъ мѣры осторожности противъ внезапнаго нападенія.

Въ сіе-то время ожиданія сумерокъ, Паскевичъ показывалъ то несказанное состояніе, о коемъ я выше писалъ. Онъ былъ и ласковѣе, и привѣтливѣе обыкновеннаго, съ каждымъ охотно вступалъ въ разговоръ, какъ будто желая измѣрить степень надежды, которую каждый имѣлъ на успѣхъ предпринимаемаго имъ удара, но самъ ни во что не мѣшался.

Тщетно я старался исторгнуть у него или у Сакена какое-либо наставленіе для себя: ибо происшествія другаго дня могли быть весьма важны; надобно было предположить нѣсколько случаевъ и опредѣлить въ каждомъ изъ оныхъ мои дѣйствія, дабы оныя могли согласоваться съ общею цѣлью. Но я ничего не могъ добиться, всѣ были въ суетахъ, хлопотахъ, зная, что шли на рѣшительный бой; но какъ и гдѣ оный могъ случиться, никто не заботился. Мнѣ удалось только получить приказаніе сколь можно болѣе занимать непріятеля и отвлекать вниманіе и силы его отъ противуположной стороны Ахалцыха; когда же я спросилъ у Сакена мнѣнія его на счетъ занятія главной высоты, которую я просилъ позволенія занять еще 5 числа и которую нынѣ Турки сильно укрѣпили, имѣя на оной и особенный лагерь, и на завладѣніе коей я простиралъ виды свои во время отсутствія корпуснаго командира: то, не рѣшаясь дать мнѣ прямаго и яснаго приказанія, которое могло его подвергнуть отвѣтственности въ случаѣ неудачи и желая между тѣмъ всѣхъ начальниковъ подвигнуть къ общему усилію, онъ сказалъ мнѣ: «*что не полагалъ, чтобы завладѣніе сею высотою было противно видамъ корпуснаго командира*». И сіе было похвально со стороны Сакена, на коего бы неминуемо все возложили въ случаѣ неудачи; ибо онъ первый уговорилъ Паскевича къ сему предпріятію, и съ помощью Бурцова, опять встрепенувшагося послѣ послѣдняго происшествія, при новомъ смѣломъ предпріятіи, поддерживалъ начальника своего въ ономъ, опасаясь каждую минуту видѣть отмѣненіе даннаго приказанія къ выступленію.

Сихъ словъ Сакена для меня было достаточно. Я видѣлъ, что все предоставлялось моему усмотрѣнію, и потому рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь болѣе никого. Дальнѣйшее настояніе у Паскевича для занятія высоты, столь долго устремлявшей на себя мои виды, произвело бы рѣшительное запрещеніе. Я удалился и, предоставя имъ заниматься своею экспедиціею, самъ занялся своимъ дѣломъ, т. е.

устройствомъ порядка въ лагерѣ еще до выступленія отряда, на батареяхъ и въ редутахъ, размышляя на единѣ о средствахъ къ завладѣнію высотою, какъ важнѣйшимъ пунктомъ для осады нашей.

Въ тотъ же вечеръ, признавъ Беньковскаго, я далъ ему различныя порученности по лагерю, и къ удивленію моему нашелъ въ немъ, вопреки общаго мнѣнія, офицера распорядительнаго, рѣдкой дѣятельности и исполнительности.

Симоничу, находившемуся за рѣкою, поручилъ я всѣ войска находившіяся въ батареяхъ и при самой осадѣ; но человѣкъ сей или по состоянію своему (ибо онъ былъ хромъ отъ полученной имъ подъ Елисаветполемъ раны и ходилъ на костыляхъ), или по непривычкѣ чѣмъ либо распоряжаться кромѣ какъ полкомъ своимъ и однимъ предметомъ, при коемъ онъ находился, ни за что не принимался, какъ слѣдовало, и на другой день я принужденъ былъ перемѣнить свое распредѣленіе.

Когда ночь уже совсѣмъ легла, отрядъ, назначенный къ дѣйствію подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, шелъ на право отъ лагеря и тронулся къ своему назначенію. Я счелъ долгомъ проводить оный до редутовъ и нѣсколько за оные. Тутъ вскорѣ начинались овраги и гористыя мѣста, и я уже тогда замѣтилъ, что предварительныя мѣры къ сему движенію были ошибочны или недостаточны: ибо нѣкоторые батальоны не попали въ свои мѣста въ общей колоннѣ, и голова оной остановилась за незнаніемъ дороги. Вѣроятно не было проводниковъ знающихъ. Сіе продолжалось довольно долго; обвиняли того, другаго, и наконецъ пошли далѣе. Сіе случилось не болѣе какъ въ одной или полуторѣ верстѣ отъ лагеря. Чего можно было ожидать далѣе, гдѣ мѣста̀ еще менѣе были извѣстны? На обратномъ пути своемъ я осмотрѣлъ одинъ изъ редутовъ и, пріѣхавши въ лагерь, выдвинулъ часть войскъ впередъ онаго, дабы предостеречь себя отъ нечаяннаго нападенія, и самъ провелъ ночь съ сими войсками.

Наступило 9-е число Августа, день рѣшительный для Ахалцыха. Вскорѣ послѣ полночи я отправился на первую (выстроенную въ ночи съ 5 на 6 число) нашу батарею, находившуюся на возвышенномъ мѣстѣ, изъ коей хорошо можно было обозрѣть всѣ осадныя укрѣпленія наши. Съ оной открывалась также часть мѣстоположенія, куда долженъ былъ прибыть передъ разсвѣтомъ отрядъ Паскевича. Тутъ я дожидался свѣта.

Въ ожиданіи сраженія 9-го числа, я опишу происшествія, случившіяся въ моемъ кругу дѣйствія, а потомъ перейду къ дѣйствіямъ отряда Паскевича, о коихъ я и узналъ послѣ.

Съ разсвѣтомъ я замѣтилъ вдали на право и нѣсколько впередъ чернѣющіяся колонны войскъ и заключилъ, что то долженъ быть

отрядъ Паскевича; но мнѣ казалось, что онъ не дошелъ еще до своего назначенія, ибо ему еще оставалось версты три до Турецкихъ лагерей. Я удивился сему, ибо отряду сему предстояло не болѣе 8 или 10 верстъ похода, что́ оный могъ легко свершить въ теченіе ночи; а по тому я могъ заключить о какой-либо неожиданной перемѣнѣ въ предположеніи Паскевича атаковать Турокъ. Но такъ какъ сообщеніе съ отрядомъ его было подвержено опасности, и мнѣ не было прислано никакихъ особенныхъ распоряженій, то я ничего особеннаго и не предпринялъ, замышляя все, въ теченіе дня, смотря по обстоятельствамъ, завладѣть высотою, на которой Турки впереди меня, нѣсколько вправо, построили укрѣпленія и поставили лагерь.

Для сего я приказалъ со всѣхъ батарей продолжать по оной огонь изъ орудій, дабы привести ихъ прежде въ нѣкоторое разстройство. Турки отвѣчали и изъ укрѣпленій, и изъ крѣпости; но ихъ выстрѣлы не наносили намъ вреда. Ядра ихъ однако лучше ложились на другую батарею мою, впереди первой построенную, на коей находился полковникъ Фридрихсъ, и причинили намъ нѣсколько урона.

Когда уже порядочно развѣло, я отправился осматривать всѣ посты свои и пріѣхалъ сперва на сію батарею Фридрихса. Я предупредилъ его въ своемъ намѣреніи атаковать гору и поручилъ ему неупустительно продолжать по оной огонь по отъѣздѣ моемъ. Приказаніе сіе не выполнялось съ точностью, потому что артиллерійскій полковникъ Цвиленевъ, который тутъ находился, не считалъ сіе за нужное, и я былъ вынужденъ ему напомнить о семъ приказаніи нѣсколько разъ черезъ адъютантовъ. Фридрихсъ понуждалъ его, и тогда пальба нѣсколько времени продолжалась, но опять замолкала до новаго напоминанія. Взысканіе, которое на него послѣ за сіе возложилъ Фридрихсъ, было то, что онъ не далъ ему свидѣтельства на убитыхъ въ тотъ день лошадей, говоря, что такъ какъ онъ ему не повиновался, то онъ его и не считалъ подъ своимъ начальствомъ: оборотъ не дуренъ, и артиллерійскій полковникъ остался безъ свидѣтельства. Въ бытность у Фридрихса на батареѣ я пустилъ нѣсколько конгревовыхъ ракетъ въ городъ, но они имѣли мало успѣха. Ракеты сіи много производили шума, но сгорали прежде достиженія города, куда уже долетала только одна небольшая граната; самый же полетъ ракетъ не могъ быть направленъ къ цѣли, и гранаты сіи ложились совсѣмъ не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали. Шумный полетъ ракеты служилъ забавою для солдатъ нашихъ, не причиняя никакого вреда Туркамъ, которые даже въ глазахъ нашихъ охраняли отъ огня небольшіе стоги сѣна или хлѣба, которые у нихъ стояли за городомъ и между коими ложились иногда сами ракеты. Сіе дѣлали они прехладнокровно, выходя поодиночкѣ подъ выстрѣлами нашими.

Поручивъ полковнику Фридрихсу начальство надъ войсками, дѣйствовавшими по логовищу рѣки Поцхо, я отправился далѣе черезъ рѣку къ Симоничу и его также предупредилъ о своемъ намѣреніи завладѣть вышеозначенною высотою, сказавъ ему, что вслѣдъ за симъ дѣйствіемъ и ему также надобно будетъ подвинуться впередъ и овладѣть батареею, которую непріятель выстроилъ противъ него внѣ крѣпости, на что онъ долженъ былъ ожидать моего приказанія.

На батареѣ Симонича находился шуринъ мой (онъ тогда еще служилъ портупей - прапорщикомъ). Я сообщилъ ему извѣстіе, полученное мною наканунѣ, о смерти Нины Голицыной *), сестры жены моей. Его очень тронуло сіе извѣстіе; онъ приставилъ къ валу ружье свое, отвернулся и прослезился. Ядра свистали черезъ насъ. Положеніе Егорушки, служившаго прилично званію своему, какъ нижній чинъ, молчаливое изліяніе горести его составляли трогательное зрѣлище, коего впечатлѣніе и теперь еще осталось въ памяти моей.

Во время посѣщенія сего, Симоничъ далъ мнѣ замѣтить, что за Ахалцыхомъ слышны были частые пушечные выстрѣлы, а между тѣмъ и сильная ружейная перестрѣлка. Послѣднее у насъ рѣдко случалось; ибо мы всегда избѣгали застрѣльщичьихъ дѣлъ, вообще для насъ невыгодныхъ и изводящихъ много народа; а какъ перестрѣлка сія частѣла и становилась продолжительна, то она и родила во мнѣ мысль, что отрядъ Паскевича вступилъ въ дѣло невыгодное и самъ былъ атакованъ. Сіе нѣсколько и сообразовалось съ видѣнными мною поутру, неподвижными и бездѣйственными колоннами отряда сего, который если не атаковалъ Турокъ, то долженъ былъ непремѣнно быть атакованъ ими. Давши Симоничу нужное наставленіе и возложивъ на него начальство надъ войсками, за рѣкою находившимися, я возвратился на свою высокую батарею, дабы оттуда обозрѣть еще разъ положеніе непріятеля и нашихъ войскъ.

Войска отряда Паскевича едва были замѣтны. Пушечная пальба слышалась въ той сторонѣ, но весьма слабо. Отъ чего сіе было, не понимаю: ибо разстояніе между нами не было большое; никто оттуда ко мнѣ не пріѣзжалъ, а потому я заключилъ, что въ особенности ничего дурнаго тамъ не происходило.

Въ сіе время пріѣхали ко мнѣ изъ моего лагеря корпусный гевальдигеръ или вагенмейстеръ Цинамегоровъ и фельдъ-егерь, недавно изъ Петербурга прибывшій, Подгорный. Такъ какъ я не люблю, чтобы кто либо не находился при своемъ мѣстѣ и чтобы офицеры совались въ мѣста, гдѣ ихъ не спрашивали, вообще будучи врагомъ всего ненадобнаго, я хотѣлъ ихъ отослать въ лагерь и для того спросилъ, что

*) Супруга князя Андрея Борисовича Голицына, ур. Ахвердова. П. Б.

имъ нужно было на батареѣ. Насъ въ лагерѣ оставили безъ должности и назначенія, отвѣчали они, и мы пріѣхали просить у васъ занятій. Не слѣдовало отвергать людей доброхотныхъ, и притомъ, такъ какъ я имѣлъ надобность въ ординарцахъ, коихъ не желалъ отдѣлять изъ фронтовыхъ офицеровъ, то я велѣлъ имъ обоимъ остаться при мнѣ и началъ немедленно употреблять ихъ въ разсылкахъ съ различными приказаніями, что̀ они и исполняли съ должною точностію и расторопностію.

Я долго ожидалъ какихъ либо повелѣній отъ Паскевича или извѣстій о немъ. Наконецъ, передъ полднемъ пріѣхалъ отъ него офицеръ казачій, который сказалъ, что у нихъ завязалось довольное сильное дѣло, что съ нашей стороны было очень много раненыхъ, что Паскевичъ мнѣ приказалъ отнюдь не предпринимать какое-либо наступательное движеніе, но оставаться въ томъ положеніи, какъ я находился и все стараться отвлекать силы и вниманіе непріятеля на мою сторону. Всѣ сіи вѣсти не подавали поводу къ выгодному заключенію о состояніи дѣлъ въ отдѣльномъ отрядѣ. Болѣе я ничего не могъ узнать, и офицеръ уѣхалъ; но сіе никакъ не остановило намѣренія моего. Напротивъ того, я зналъ нерѣшимость и нескладность приказаній Паскевича, на коихъ никогда не должно было и невозможно было основываться; при томъ же я разсудилъ, что если у него дѣла́ пойдутъ хорошо, то и мой успѣхъ ему не повредитъ и тѣмъ успѣхъ сей былъ вѣрнѣе; если же дѣла̀ у него идутъ дурно, то сіе было лучшее средство отвлечь отъ него непріятеля. Да притомъ же и стыдно было бы оставаться въ бездѣйствіи, имѣя столько артиллеріи и войскъ, какъ у меня было. А потому, не откладывая далѣе исполненія своей цѣли, я позвалъ къ себѣ Беньковскаго и поручилъ ему въ командованіе войска, назначенныя для дѣйствія съ праваго фланга по высотамъ.

Такимъ образомъ центръ мой находился подъ командою полковника Фридрихса; флангами—лѣвымъ командовалъ полковникъ графъ Симоничъ, а правымъ полковникъ Беньковскій. Не помню, кому былъ порученъ самый лагерь, въ коемъ, за составленіемъ праваго отряда, оставалось еще нѣсколько войскъ и довольное число артиллеріи.

Прежде чѣмъ начать предполагаемую мною атаку, я приказалъ еще усилить дѣйствіе батарей моихъ по непріятельскому укрѣпленію и для того выдвинулъ изъ лагеря на правый флангъ два однопудовыхъ единорога осадной артиллеріи, кои прикрылъ командою Херсонскаго гренадерскаго полка, находившагося въ правомъ редутѣ. Единороги сіи дѣйствовали на большое разстояніе, а бомбы, изъ оныхъ пущенныя, иногда ложились въ самомъ укрѣпленіи, обстрѣленномъ такимъ образомъ съ трехъ мѣстъ.

Отрядъ Беньковскаго былъ составленъ изъ одного батальона Эриванскаго карабинернаго полка, одной или двухъ ротъ піонеровъ, двухъ ротъ 42-го егерскаго полка (которыя составляли его резервъ) и нѣсколько артиллеріи. Кромѣ того я составилъ главный резервъ свой изъ одного своднаго батальона, въ которомъ соединилъ двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полка и двѣ роты 41-го егерскаго.

Послѣдній резервъ сей, на который я долженъ былъ разсчитывать во всѣхъ случаяхъ, гдѣ бы ни потребовалась скорая помощь, былъ поставленъ совершенно внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ орудій, за высотою, на которой я находился между лагеремъ и осадными батареями нашими, въ такомъ мѣстѣ однакоже, изъ коего ему всего способнѣе было поддержать приготовляемую мною атаку на правомъ моемъ флангѣ.

Устроивъ все такимъ образомъ, я приказалъ Беньковскому подвигаться впередъ. Онъ былъ встрѣченъ огнемъ орудій изъ Турецкаго укрѣпленія. Дабы дать настоящее направленіе флангу сему, я самъ поѣхалъ къ Беньковскому и провелъ отрядъ его подъ самую гору, которую хотѣлъ атаковать. Тутъ мы были закрыты отъ дѣйствія Турецкой артиллеріи: ибо, находясь въ лощинѣ, и сами не видали укрѣпленія, изъ коего насъ также не было видно, хотя мы находились отъ онаго не болѣе какъ на половину ружейнаго выстрѣла. Если бы въ сіе время Турки, сдѣлавъ вылазку, напали бы на насъ, то могли бы насъ попятить назадъ; ибо выгода мѣстоположенія была на ихъ сторонѣ, и симъ бы отклонилась на нѣкоторое время атака наша; но кажется, что они въ эту минуту были не въ силахъ предпринять сего, ибо сраженіе, продолжавшееся все утро съ отрядомъ Паскевича, отвлекло большую часть войскъ ихъ въ ту сторону.

Совершенная тишина царствовала въ Турецкомъ укрѣпленіи, что́ означало ихъ готовность принять насъ, какъ слѣдуетъ; съ нашей стороны также не шумѣли, дабы не подать Туркамъ поводу къ открытію моего намѣренія.

Замѣтивъ, что на вершину вели два небольшихъ оврага, я воспользовался временемъ, дабы поставить каждую половину карабинернаго батальона противъ каждаго оврага въ лощинѣ. Піонеры, занимавшіе голову колонны, поднялись нѣсколько вверхъ, но, не открывая себя, залегли на косогорѣ въ весьма близкомъ разстояніи отъ крѣпости. Резервъ праваго фланга былъ поставленъ нѣсколько влѣво, дабы предупредить съ сей стороны вылазку; командиръ 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка подполковникъ Кашутинъ остался съ лѣвою половиною батальона, а Беньковской при правой половинѣ. Полубаталіоны сіи находились не болѣе, какъ въ 100 или 150 шагахъ

одинъ отъ другаго и должны были соединиться, выходя на самую высоту по оврагамъ, передъ коими они были расположены и коихъ вершины были саженяхъ въ 30 отъ Турецкаго укрѣпленія. Въ такомъ положеніи войска сіи ожидали знака къ атакѣ, который только что хотѣлъ я дать, какъ въ туже минуту пріѣхалъ ко мнѣ отъ Паскевича піонерный прапорщикъ Пущинъ и привезъ мнѣ повтореніе прежняго приказанія отнюдь ничего не предпринимать.

Сіе приказаніе приходило ко мнѣ совсѣмъ некстати. Я могъ отложить свое намѣреніе за полчаса до сего; но тогда, какъ я уже находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, оставаться въ бездѣйствіи значило подвергать войска свои внезапному нападенію, ослабить духъ ихъ и ожидать неудачи. Я все сіе изложилъ Пущину, который поѣхалъ съ докладомъ о положеніи и мнѣніи моемъ къ Паскевичу. Повременивъ нѣсколько и видя, что все было спокойно, я рѣшился самъ ѣхать къ Паскевичу и просить его согласія на мое намѣреніе. Но проѣхавъ лощиною оконечность своего праваго фланга, я удивился найти въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ или оба шестивзводныхъ батальона 42-го егерскаго полка и за оными казачій Сергѣева полкъ на конѣ, построенный лавою. Пѣхота сія была построена въ колонны, и передъ полкомъ встрѣтилъ я бригаднаго командира генералъ-маіора Королькова, который только что пришелъ съ сими войсками изъ отряда Паскевича и готовился атаковать тоже Турецкое укрѣпленіе, ожидая на то приказанія. «И вы также будете атаковать гору?» спросилъ я Королькова.— «Да ужъ будемъ атаковать», отвѣчалъ мнѣ Корольковъ молодецки.

Заключая изъ приближенія сихъ войскъ, что Паскевичъ, постигнувъ мое намѣреніе, вѣроятно по движенію войскъ моихъ, которое онъ могъ издалека видѣть, перемѣнилъ свое намѣреніе и, сообразуясь съ моимъ, хотѣлъ поддержать оное, я поспѣшилъ къ нему и нашелъ его верстахъ въ двухъ назади на горѣ, съ коей ему окрестности хорошо открывались. Я не замѣтилъ, что въ правой сторонѣ отъ него еще продолжалась перестрѣлка (какъ меня въ томъ послѣ увѣряли), а видѣлъ только на покатостяхъ горы колонны отряда, стоявшія безъ дѣйствія (малая часть сихъ войскъ только двигалась и приближалась къ нему: то былъ Ширванскій полкъ съ линейною артиллеріею).

Я поспѣшилъ изложить Паскевичу сдѣланное мною и положеніе мое, въ коемъ не должно было медлить, находясь въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля. Пущинъ, пріѣзжавшій ко мнѣ, уже предупредилъ меня, что дѣло у Паскевича было не совсѣмъ выгодное, что у нихъ было очень много раненыхъ, т. е. человѣкъ до 400, а потому я уже и не распрашивалъ много о семъ дѣлѣ, да и не имѣлъ къ тому

довольно времени. Паскевичъ находился почти одинъ; тутъ не было ни Вадбольскаго, ни Сакена, никого изъ главныхъ чиновниковъ отряда и штаба его; но я противъ всякаго чаянія нашелъ его въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ распрашивалъ меня, любопытствовалъ, и наконецъ, остановившись нѣсколько, съ веселымъ видомъ опять обратился ко мнѣ и спросилъ улыбаясь: «А хочется очень атаковать гору?—*Не въ томъ, что хочется,* отвѣчалъ я, *а необходимость теперь уже сего требуетъ.—Ну хорошо,* продолжалъ онъ, *атакуйте съ Богомъ, а я къ вамъ въ подкрѣпленіе еще назначилъ Бородина съ Ширванскимъ полкомъ, который вотъ уже идетъ.*

Ширванскій полкъ въ самомъ дѣлѣ прошелъ уже мимо насъ. Бородинъ заѣзжалъ на гору за приказаніемъ къ Паскевичу и поѣхалъ къ полку, взявши направленіе къ горѣ, подъ которой стоялъ Беньковскій. 42-й егерскій полкъ точно былъ посланъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ.

Итакъ войска наши обступали гору сію уже съ двухъ сторонъ, а часть Ширванскаго полка могла обходить оную съ третьей стороны, такъ что Туркамъ, въ случаѣ неустойки, оставалось только одно отступленіе въ укрѣпленное предмѣстье города со стороны Католической церкви, въ ономъ находившейся.

Возвращаясь къ своему мѣсту, дабы начать атаку, я долженъ былъ обогнать Ширванскій полкъ и къ удивленію моему увидѣлъ, что полкъ сей, не доходя еше на пушечный выстрѣлъ непріятеля, остановился, а Бородинъ ѣхалъ назадъ. Я спросилъ его, куда онъ ѣхалъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣлъ еще кое о чемъ спросить у Паскевича. Сіе было весьма некстати и неумѣстно со стороны Бородина, искавшаго какъ будто случая промедлить. Онъ однакоже уѣхалъ; полкъ (по его ли приказанію или нѣтъ, сего не знаю) опять тронулся, я его объѣхалъ, и полкъ опять остановился.

Заключая изъ сихъ остановокъ, что мнѣ не должно было много разсчитывать на усердное содѣйствіе со стороны Бородина, я рѣшился атаковать, не дожидаясь его, и поѣхалъ къ Беньковскому, ожидавшему моего приказанія въ томъ же положеніи, какъ я его оставилъ.

По данному приказанію обѣ колонны карабинеровъ стали подниматься на гору оврагами. Въ сію самую минуту полилъ крупный, холодный дождь, который въ мигъ смочилъ землю, такъ что люди, влѣзая на гору, скользили по мокрой травѣ и не подвигались впередъ съ желаемою быстротою. Я закричалъ на нихъ; они удвоили усилія и стали всходить къ вершинѣ. Турки все молчали; ни ихъ, ни укрѣпленія ихъ не было еще видно. Остановивъ лѣвую колонну, я проѣхалъ къ правой, которая также начинала уже выходить на верхъ и, слѣ-

дуя далѣе направо, дабы видѣть содѣйствіе другихъ войскъ, я услышалъ первыя пули, которыя начинали у меня черезъ голову свистать. Въ мгновеніе ока открылся жесточайшій огонь, ружейный съ обѣихъ сторонъ. Турки стрѣляли картечью изъ своихъ четырехъ орудій, на самое близкое разстояніе; орудія мои, поставленныя на самомъ лѣвомъ флангѣ, дѣйствовали также картечью по укрѣпленію черезъ лощину въ гору. На правомъ моемъ флангѣ 42-й егерскій полкъ атаковалъ со мною въ одно время, а правѣе онаго генералъ Гилленшмидтъ подвезъ 6 линейныхъ орудій на самое малое разстояніе отъ непріятеля и открылъ также картечный огонь. Въ мигъ было у него перебито нѣсколько артиллеристовъ пулями.

Когда я въѣхалъ на самую гору, открылось передо мною укрѣпленіе непріятельское, окруженное дымомъ и извергающее жесточайшій огонь. Колонны наши нѣсколько было пріостановились, прилегли и также отвѣчали батальнымъ огнемъ; но вдругъ поднявшись, пробѣжали то малое число шаговъ, которое ихъ отдѣляло отъ укрѣпленія, не взирая на градъ пуль и картечей, коими насъ осыпали, и завладѣли укрѣпленіемъ съ орудіями и лагеремъ, поколовъ еще штыками нѣсколько отчаянныхъ Турокъ, оставшихся за деревянными валами своими и грозившихъ своими кинжалами или ятаганами (ибо прочіе побѣжали изъ укрѣпленія, въ то время какъ наши стали входить въ оное).

Едва я успѣлъ выѣхать на гору, какъ лошадь подо мною была ранена тремя ружейными пулями (или лучше сказать, двумя; ибо третья рана состояла изъ четырехъ небольшихъ ранъ, одна вблизи другой, вѣроятно нанесенныхъ разрубленною на четыре части ружейною пулею). Лошадь моя стала на дыбки. Я соскочилъ съ нея, и она уже была вся въ крови. Въ эту минуту я не имѣлъ заводной лошади при себѣ. Фельдъегерь Подгорный, котораго я къ себѣ поутру взялъ, предложилъ мнѣ свою какую-то маленькую казенную лошадь, которую ему дали, и я, пересѣвши на нее, въѣхалъ въ укрѣпленіе, которое только что было занято нами. Турки, бѣгущіе съ горы въ крѣпость, еще иногда оборачивались и стрѣляли по насъ; но такъ какъ часть людей, отдѣлившаяся отъ колонны, бросилась за ними, то ихъ въ тоже время загнали въ крѣпость, поколовъ въ рытвинахъ тѣхъ, которые хотѣли держаться. Люди наши занеслись такимъ образомъ съ нѣсколькими офицерами подъ самый бастіонъ.

Въ сію минуту можно было бы ворваться и въ самое предмѣстье; но тутъ началась бы нотая битва, войска у меня смѣшались; надобно было все собрать и привести въ порядокъ, дабы дать отпоръ въ случаѣ вылазки изъ предмѣстья, и потому я рѣшился удовольствоваться

на сей разъ сею побѣдою, чрезъ которую мы пріобрѣтали уже чрезвычайное преимущество мѣстоположенія, и послѣ коей, не подвергая себя большимъ уронамъ, а можетъ быть и неудачамъ противъ гораздо превосходныхъ силъ, можно было навѣрное опредѣлить въ самое короткое время завоеваніе Ахалцыха.

Торжество на взятой батареѣ было чрезвычайное. Солдаты съ крикомъ ура приносили ко мнѣ знамена, радовались, метались впередъ, видя передъ собою городъ, и мнѣ было почти невозможно собрать ихъ въ строй. Они заглушали и голосъ мой, и начальниковъ своихъ, и барабанный бой, встрѣчая меня съ радостными восклицаніями. Батальонный командиръ карабинерный Кашутинъ былъ тяжело раненъ, нѣсколько офицеровъ убиты и ранены. Я съ трудомъ могъ кое-какъ собрать батальоны и немедленно послалъ за своею артиллеріею и осадными единорогами, дабы укрѣпиться твердымъ образомъ на сей горѣ, съ коей подъ ногами нашими открывался весь Ахалцыхъ.

Потеря наша въ семъ мгновенномъ дѣлѣ былъ чувствительна нѣсколькими хорошими офицерами, коихъ мы тутъ лишились; нижнихъ чиновъ въ полкахъ погибло не болѣе 50 или 60 человѣкъ; но люди сіи устилали или означали путь, по которому колонны подвигались на приступъ. Впереди ихъ лежалъ вблизи укрѣпленія генералъ-маіоръ Корольковъ, у котораго голова была прострѣлена пулею, смертельно ранившею и его адъютанта, который на другой день умеръ. Я удивился сперва, какимъ образомъ замѣшался между егерями убитый офицеръ съ краснымъ воротникомъ, ибо Ширванцевъ съ нами не было, и я нѣсколько времени не могъ узнать въ немъ Королькова. Корольковъ, будучи полковникомъ артиллеріи, приводилъ въ 1819 г. свою роту въ Грузію, гдѣ онъ ее и сдалъ, самъ же былъ вскорѣ произведенъ въ генералъ-маіоры (тогда еще о немъ нехорошо относились); въ 1826 или 1827 году онъ былъ назначенъ командиромъ бригады (41 и 52-го егерскихъ) въ Грузіи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался и не сближался, былъ очень взыскателенъ по службѣ и нелюбимъ подчиненными своими. О немъ всѣ говорили какъ о чудакѣ и смѣялись ограниченности его дарованій. Вадбольскій, человѣкъ основательный, о Корольковѣ иначе относился; онъ его хвалилъ; но никто, кажется, не имѣлъ случая повѣрить сего мнѣнія по необразованной, какъ говорили, грубости Королькова. Онъ показалъ себя храбрымъ 9 Августа, и смерть его была слѣдствіемъ подвига. Сего никто не ожидалъ отъ него, и послѣдній подвигъ сей, можетъ быть, былъ и первый въ жизни его. Корольковъ смертію своею сдѣлался уважительнымъ въ войскѣ.

Между карабинерными офицерами былъ убитъ поручикъ Алхасъ-султанъ, сынъ Елисуйскаго султана. Молодой человѣкъ сей, родомъ

Лезгинъ, былъ на ряду лучшихъ офицеровъ въ полку, въ коемъ его любили всѣ начальники и товарищи. Роковая пуля ударила его въ грудь. *Вегабъ! Я умираю!* вскричалъ онъ по-турецки Лезгину, бывшему въ молодости дядькою его, а нынѣ слугою, человѣку, ходившему за нимъ съ ребячества еще въ родительскомъ домѣ и который, не отставая отъ него никогда ни на шагъ, и въ семъ случаѣ послѣдовалъ за нимъ съ колонною. *По дѣлу умираешь!* отвѣчалъ безъ запинанія въ отчаяніи своемъ Вегабъ, принимая его почти уже безъ жизни на свои руки. Вегабъ долго смотрѣлъ на бездыханное тѣло молодаго султана. *Ты почестей хотѣлъ,* говорилъ онъ, стоя надъ нимъ: *вотъ онѣ! Для чего ты оставилъ домъ свой? Развѣ у тебя не доставало имущества, развѣ ты не имѣлъ родины, родныхъ? Чего ты искалъ? Вотъ тебѣ слава, вотъ тебѣ почести!»* вскрикивалъ онъ въ тяжкомъ отчаяніи. Наконецъ, Вегабъ прослезился; онъ одѣлся въ черное платье и занялся похоронами своего султана.

Я давно зналъ и Алхаса, и Вегаба, знакомъ бывъ и съ Ахмедъ-ханомъ, Елисуйскимъ султаномъ. Я просилъ Паскевича показать нѣкоторое уваженіе къ отцу убитаго и снисхожденіе къ слугѣ его; онъ внялъ моему ходатайству: первому велѣлъ написать письмо, а второму далъ 30 червонцевъ на дорогу. Мнѣ въ тоже время удалось у него еще выпросить 1000 рублей карабинернаго полка маіору Хомутскому. У него по несчастью, при переходѣ черезъ границу, около Гумровъ, бѣжалъ мальчикъ и снесъ деньги; кромѣ того въ сраженіи 5-го Августа у Хомутскаго убили лошадь. Сіи два обстоятельства его много разстроивали. Человѣкъ сей заслуживалъ уваженія по усердію своему и хорошимъ правиламъ. Деньги сіи выдавались изъ экстраординарныхъ суммъ, въ коихъ главнокомандующій едва ли какой отчетъ отдавалъ.

Но я отдалился отъ предмета своего. Вотъ еще нѣкоторыя подробности касательно сего знаменитаго приступа 9-го числа Августа.

Атака карабинеровъ была произведена съ быстротою; въ особенности піонеры, находившіеся въ головѣ колонны, отличились мужествомъ своимъ. Но карабинеры, вшедши на гору, нѣсколько пріостановились и прилегли отъ неожиданнаго сильнаго огня, коимъ ихъ встрѣтили Турки изъ укрѣпленія, на самомъ близкомъ разстояніи; не менѣе того колонны, удержанныя въ порядкѣ своими офицерами, открыли также частый ружейный огонь, и застрѣльщики, перебѣгая по немногу впередъ, находились уже почти подъ самымъ укрѣпленіемъ, какъ Турки начали оставлять оное. Къ сему способствовала неожиданная атака (почти съ тыла ихъ или въ правый флангъ) батальона 42-го егерскаго полка, поставленнаго мною у Беньковскаго въ резервѣ, который, обо-

шедъ укрѣпленіе по косогору съ нашей лѣвой стороны, внезапно показался у насъ почти сзади, уже близко палатокъ ихъ. Сему помогла также атака Королькова и наконецъ показавшихся изъ за оной казаковъ Сергѣева полка, какъ равно и сильный картечный огонь, произведенный Гилленшмитомъ по укрѣпленію, и моихъ орудій, дѣйствовавшихъ на перекрестокъ первымъ. Все шло единодушно на четырехъ мѣстахъ, какъ бы по данному знаку, тогда какъ общаго начальника всѣхъ аттакующихъ войскъ не было. Подобные случаи бывали не рѣдки въ Кавказскомъ корпусѣ, и одна часть не выдавала другой: отличительная черта войскъ сего корпуса.

Турки въ побѣгѣ своемъ бросились сперва толпою къ своему лѣвому флангу, гдѣ у нихъ находились также два орудія за деревяннымъ небольшимъ блокгаузомъ. Ширванскій полкъ взялъ туда направленіе свое, встрѣтилъ ихъ во флангъ, разбилъ толпу сію безъ остановки и завладѣлъ отъ того тѣми двумя орудіями и нѣсколькими знаменами, которыя Турки хотѣли спасти. Ширванцы, обошедъ такимъ образомъ лѣвую оконечность укрѣпленія, также преслѣдовали бѣгущихъ до самаго города. И Ширванцы сдѣлали на послѣдокъ свое дѣло; но имъ только принадлежала часть побѣды, а отнюдь не вся.

Безъ сихъ вспомогательныхъ войскъ мнѣ одному, можетъ быть, и не удалось бы одолѣть Турокъ въ то время; но я не могъ сомнѣваться съ начала приближенія своего къ горѣ: ибо тогда непріятель былъ еще слабъ на сей точкѣ Онъ значительно усилился во время переговоровъ моихъ съ Паскевичемъ, что̀ было весьма хорошо видно (какъ мнѣ послѣ сказали) съ прирѣчныхъ батарей моихъ. Подкрѣпленія сіи безостановочно приходили на гору небольшими отдѣленіями.

Видъ приступа сего со всѣхъ сторонъ былъ единственъ, какъ по быстротѣ своей, такъ и по правильности движенія войскъ. Ужасный огонь, произведенный съ обѣихъ сторонъ, продолжался едва 4 или 5 минутъ. Все покрылось дымомъ; звукъ выстрѣловъ все заглушилъ, и вниманіе мое было столь сильно занято, что я даже не замѣтилъ случившейся въ это время сильнѣйшей грозы изъ небольшихъ тучъ, мгновенно показавшихся. Я уже упомянулъ о дождѣ, который полился въ самомъ началѣ атаки. Я не замѣтилъ безпрерывныхъ молній, сопровождаемыхъ частыми громовыми ударами. Въ мгновеніе же овладѣнія укрѣпленіемъ буря совершенно прекратилась, и день вдругъ опять прояснился.

Видѣвшіе приступъ съ обѣихъ сторонъ увѣряли меня, что зрѣлище было удивительное. Вмѣстѣ съ открывшейся пальбою потемнѣлъ воздухъ, сдѣлался холодъ, и молнія съ сильными громовыми ударами на перерывъ ударяла около горы и на самой горѣ, съ трескомъ пу-

шечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. На всѣхъ батареяхъ было провозглашено громкое ура, котораго мы также не слыхали. Зрѣлище бѣгущихъ съ горы Турокъ было также занимательно; оно представляло разъяренное состояніе побѣдителей, которые преслѣдовали бѣгущихъ; въ рытвинахъ происходили еще небольшія сшибки съ тѣми, коихъ настигали.

Находившіеся при мнѣ въ семъ сраженіи Цинамегоровъ и фельдъегерь Подгорный получили за оное: первый-Владимирскій крестъ, второй-офицерскій чинъ, чего ни тотъ, ни другой не ожидали въ сей день.

Сдѣлавши нѣкоторыя распоряженія на горѣ для собранія людей, я, по прекращеніи дѣла, поѣхалъ къ Паскевичу, отвезъ къ нему взятыя знамена и поздравилъ съ побѣдою. Онъ былъ весьма обрадованъ и сказалъ мнѣ все что̀ могъ привѣтливаго. Но вслѣдъ за мною пріѣхалъ адъютантъ Ширванскаго полка, посланный Бородинымъ, также съ знаменами, который отъ имени полковника своего отрапортовалъ, что укрѣпленіе съ 4 орудіями взято, и Турки прогнаны изъ онаго Ширванскимъ полкомъ. Меня сіе взорвало, тѣмъ болѣе, что я видѣлъ, какъ Бородинъ съ начала еще неохотно подвигался впередъ. *Не справедливо*, сказалъ я: *укрѣпленіе взято карабинерами*. Адъютантъ хотѣлъ возражать. *Свидѣтельствуюсь всѣми бывшими на семъ приступѣ*, продолжалъ я. Паскевичъ, видя, что дѣло касалось его любимца Бородина, прекратилъ разговоръ шуточнымъ образомъ, изъявивъ, что онъ всѣми доволенъ; но, кажется, не простилъ мнѣ смѣлаго возраженія на донесеніе Бородина. Бородинъ тѣмъ болѣе былъ виновенъ въ своемъ медленномъ содѣйствіи, что когда я съ нимъ видѣлся въ то время, какъ онъ велъ свой полкъ, онъ хвастливымъ образомъ сказалъ мнѣ, что его Ширванцы пойдутъ на приступъ на чистоту, безъ одного выстрѣла. Но на сей разъ довольно о Бородинѣ; онъ вскорѣ былъ убитъ и умеръ геройски.

Взятіемъ батареи сей не ограничилась побѣда наша. Турки, съ утра тѣснившіе Паскевича съ разныхъ сторонъ, увидя издали удачный приступъ, оставили его и бѣжали въ самомъ большомъ безпорядкѣ, безъ всякой на то побудительной причины и отъ одного объявшаго ихъ страха; равнымъ образомъ бѣжали и остававшіеся въ трехъ лагеряхъ, которые предположено было наканунѣ съ вечера атаковать отрядомъ, выступившимъ подъ личнымъ предводительствомъ Паскевича. Все понеслось по ущельямъ и разбѣжалось по горамъ, оставя въ лагеряхъ брошенныя орудія, и въ тоже время толпы горцевъ, нанятыхъ, собранныхъ въ крѣпость для защиты оной, также бѣжали. Мы видѣли черезъ городъ и крѣпость густую толпу сихъ свирѣпыхъ воиновъ,

нынѣ обробѣвшихъ, поднимавшуюся на противоположную гору съ огромнымъ бѣлымъ знаменемъ.

Но вотъ что́ случилось съ отрядомъ Паскевича. Съ самаго того времени, какъ онъ выступилъ наканунѣ изъ лагеря, отрядъ сей сбился съ дороги ночью и попалъ въ ужасные овраги и обрывы, изъ коихъ едва могли на людяхъ вытащить орудія, такъ что во всю ночь едва ли прошли они 5 или 6 верстъ. Люди очень утомились, и къ свѣту весь отрядъ остановился въ томъ положеніи, въ которомъ я его видѣлъ съ высокой батареи № 1. Паскевичъ, не внимая ни увѣщаніямъ, ни совѣтамъ князя Вадбольскаго и Сакена, которые уговаривали его не измѣнять первому своему предположенію и атаковать Турокъ, коихъ лагери находились не далѣе двухъ верстъ, велѣлъ всѣмъ остановиться на позиціи. *На этомъ возвышеніи*, сказалъ онъ, *пущай меня атакуютъ*, забывъ или уклонясь совершенно отъ цѣли сдѣланнаго имъ движенія и отъ всякой цѣли.

Турки, видя бездѣйствіе его, подвезли къ нему съ разныхъ сторонъ свою артиллерію, прикрытую отъ нападенія нашего глубокими оврагами и обрывами и, занявъ возвышеніе, начали дѣйствовать изъ артиллеріи своей по отряду Паскевича перекрестнымъ огнемъ, нанося оному значительный вредъ. Паскевичъ сталъ отстрѣливаться; но наши выстрѣлы были расходящіеся, Турецкія же били нашихъ спереди, съ праваго нашего фланга, и даже нѣсколько орудій почти съ тыла нашего, сосредоточиваясь на густыхъ нашихъ колоннахъ.

Между тѣмъ Турки, пользуясь глубокою рытвиною, ведущею отъ ихъ лагерей къ позиціи Паскевича, заняли оную пѣхотою. По убѣдительной просьбѣ Сакена и Вадбольскаго Паскевичъ согласился выслать застрѣльщиковъ, и всю Турецкую пѣхоту въ мигъ обратили назадъ; но тогда Турки усилились на семъ мѣстѣ и стали опять нашихъ тѣснить. Мы также усилили застрѣльщиковъ въ рытвинѣ; но Турки подвигались сверху къ самому берегу и, ставя на ономъ знамена свои, собирались кучами; будучи совершенно почти закрыты, они стрѣляли въ любаго изъ нашихъ на нѣсколько шаговъ разстоянія. Сіе было причиною, что бой въ рытвинѣ усилился и не съ равнымъ для насъ успѣхомъ. Тяжело раненымъ нашимъ и убитымъ были въ мигъ отрублены головы; мы уже лишились въ сей рытвинѣ нѣсколькихъ лучшихъ офицеровъ, которые, ободряя людей своимъ примѣромъ, бросались впередъ. Но бой былъ неравный какъ по неумѣнію нашихъ застрѣльщиковъ, такъ и по невыгодному мѣстоположенію. Сіе понудило насъ выслать въ поле еще новыхъ застрѣльщиковъ, дабы отогнать Турокъ, собиравшихся на краю рытвины; но на сихъ застрѣльщиковъ напала Турецкая кавалерія, и хотя люди наши не попались, но отступили

Словомъ то, чего мы всегда старались избѣжать въ войнѣ противъ Азіатцевъ, застрѣльщичьяго дѣла, тутъ случилось, такъ что нѣкоторая часть пѣхоты нашей уже была занята симъ невыгоднымъ и неравнымъ боемъ, въ коемъ мы имѣли до 400 человѣкъ убитыми и ранеными, что̀ для насъ было весьма ощутительно при нашихъ малыхъ силахъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ, князь Вадбольскій, всегда исполненный благороднаго духа, просилъ позволенія съ частью войскъ лично атаковать Турецкій лагерь; но ему было отказано съ гнѣвомъ. Сакенъ также просилъ рѣшительнаго напора, но и ему было отказано съ грубостію. Видя, сколь ихъ всѣ старанія исправить дѣло тщетны, они, оскорбленные обхожденіемъ Паскевича, отъѣхали и, слѣзши съ лошадей, сѣли на землю и въ молчаніи ожидали событій. Меня увѣряли, что нѣкоторые думали, что въ сей день войска наши будутъ разбиты на голову, и что всѣ начальники достанутся въ руки Туркамъ. Говорили мнѣ, что уныніе всѣхъ постигло; ибо ружейное завязавшееся дѣло шло дурно и ничего добраго не предвѣщало, а Турки усиливались со всѣхъ сторонъ и увеличивали огонь своей артиллеріи, отъ котораго у насъ и взорвало одинъ ящикъ. Паскевичъ смѣшался, уже болѣе не шумѣлъ, и можетъ быть, былъ доволенъ, еслибы кто-нибудь предпринялъ что-либо, дабы извлечь его изъ сего положенія отрицательнаго; но онъ всѣхъ разогналъ отъ себя: всѣ удалились, видя его предъ симъ недоступнымъ и какъ будто въ бреду. Дѣло предвѣщало дурной конецъ или отступленіе въ безпорядкѣ съ большою потерею, когда увидѣли мою колонну, подвигавшуюся къ горѣ, которую я хотѣлъ еще взять приступомъ. Паскевичъ такъ потерялся, что на первыхъ порахъ счелъ это за Турецкое войско, отрѣзавшее его отъ лагеря и угрожавшее его лѣвому флангу. Онъ полагалъ себя окруженнымъ и уже погибшимъ. Я знаю навѣрное, что въ эту минуту онъ въ отчаяніи своемъ выразился: *Боже мой, до чего я дожилъ, что меня и Турки уже бить будутъ*! Разсказываютъ, что онъ былъ въ самомъ жалкомъ душевномъ положеніи въ сіе время, и, кажется, разъувѣрили его въ ошибочномъ понятіи о видимыхъ имъ силахъ только по направленію выстрѣловъ изъ моихъ осадныхъ единороговъ. Тогда онъ убѣдился, что я нѣчто предпринялъ и, видя приближеніе мое къ Турецкой батареѣ, помня, можетъ быть, что я и 5 числа настоятельно просилъ позволенія овладѣть симъ мѣстомъ, возымѣлъ мысль соединиться со мною, для чего и направилъ часть войскъ съ Корольковымъ къ подошвѣ горы, къ коей я подходилъ. Мнѣ говорили, что въ ту минуту какъ онъ удостовѣрился, что то былъ я, а не Турки, изъ мрачнаго, отчаяннаго, почти плачущаго человѣка Паскевичъ сдѣлался веселымъ, добрымъ и не переставалъ хвалить меня, умалчивая о томъ, что онъ

присылалъ мнѣ сказывать, чтобы я отнюдь не трогался впередъ. При томъ Турки, замѣтивши мое движеніе, стали ослаблять атаку, которую они вели на Паскевича, дабы усилиться противъ меня, и Паскевичъ начиналъ дышать.

Вотъ положеніе, въ которое вовлекли его нерѣшительность, медленность, необходительность. На первыхъ порахъ онъ былъ мнѣ обязанъ избавленіемъ своимъ изъ затруднительнаго положенія; но вскорѣ послѣдствіемъ сего было совершенное разбитіе Турокъ. Я уже выше сказалъ, какъ они бросились во всѣ стороны бѣжать, не имѣвши на то побудительныхъ причинъ. Лагери ихъ были въ мигъ заняты нашею Татарскою конницею, съ неимовѣрною быстротою бросившеюся на оставленныя палатки (подвигъ совершенно въ ихъ родѣ), и палатки сіи волшебнымъ образомъ повалились, какъ будто отъ дуновенія наскакавшихъ грабителей, которые въ семъ случаѣ поживились богатою посудою, одеждою, верблюдами и, говорятъ, даже деньгами или драгоцѣнностями, что̀ легко могло быть. Предводитель сего 20тысячнаго войска Кёссе-Магмедъ-паша, самъ съ нѣсколькими всадниками, скрылся въ крѣпости, надъ обороною коей онъ и принялъ начальство, какъ старшій чиновникъ своего государя. Въ крѣпости оставались еще часть нанятыхъ Лазовъ, Аджарцовъ, небольшое количество Турецкаго войска и всѣ жители, какъ Турки, такъ и Армяне вооруженные, и 15 Августа, послѣ взятія Ахалцыха, мы нашли еще одного старика Армянина, раненнаго 9 числа на взятой нами батареѣ, остававшагося въ такомъ положеніи до 16-го, въ рытвинѣ, 7 дней безъ пищи, пособія и воды. Онъ былъ еще живъ. Вышедши къ намъ съ крестами, Армянскіе священники приложили крестъ къ устамъ умирающаго, который вскорѣ и испустилъ духъ.

Турецкое войско, разбѣжавшееся 9 числа, оставило намъ свою артиллерію и было преслѣдуемо, но слабо; притомъ же часть онаго уклонилась черезъ узкое ущелье рѣки Поцхо, и плѣнныхъ взяли очень мало. Вообще около Паскевича не было ни распоряженія, ни исполненія въ сей день. Меня всѣ провозглашали виновникомъ побѣды, избавителемъ. Мнѣ сіе было весьма лестно слышать; но я предвидѣлъ, что поздравленія сіи дойдутъ до Паскевича, возбудятъ его неудовольствіе на меня, хотя я и избѣгалъ подобныхъ поздравленій, и молчалъ о своемъ дѣлѣ. Въ реляціи мнѣ не отдали должной справедливости.

Подробной реляціи я не имѣю. Въ ней были изображены всякіе косые строи, усиленія фланговъ, густыя колонны, словомъ всѣ хитрости и распоряженія... Мнѣ не воздали должнаго въ семъ случаѣ, хотя и удостоили Георгія 3-й степени въ награду за мое дѣло. Но кто со-

знается гласно, будучи начальникомъ, что дѣло сдѣлалъ подчиненный, и отнесетъ къ нему славу столь блистательной побѣды?..

Когда побѣда была уже совершенно рѣшена бѣгствомъ непріятеля во всѣхъ мѣстахъ и завладѣніемъ всѣхъ его лагерей и укрѣпленій, внѣ ограды укрѣпленнаго предмѣстья находившихся, Паскевичъ самъ пріѣхалъ на взятую батарею ко мнѣ и назначилъ меня начальникомъ всѣхъ войскъ, въ то время на оной собранныхъ. Въ тоже время предположено было свезти какъ можно болѣе артиллеріи на сію гору и укрѣпиться на оной, употребивъ на то брёвна Турецкихъ укрѣпленій, изъ коихъ должно было сдѣлать стѣну для удержанія земли изъ вырываемаго внутри ложемента: ее выбрасывали наружу. И такимъ образомъ въ скоромъ времени, подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, намъ мало вредившей, мы укрѣпились на горѣ, привезли и осадную артиллерію, унизали всю вершину горы орудіями какъ своими, такъ и взятыми Турецкими, и открыли по крѣпости адскій огонь, который продолжался около двухъ часовъ, но безъ всякой цѣли и съ нанесеніемъ малаго вреда непріятелю: ибо большая часть выстрѣловъ, пущенныхъ безъ вниманія, перелетали черезъ крѣпость, бомбы пущались и ложились произвольно, а жители скрылись въ домахъ своихъ.

Зрѣлище было безподобное, и начальникъ нашъ симъ громкимъ, но истощительнымъ для запасовъ нашихъ средствомъ какъ будто торжествовалъ побѣду ему не принадлежавшую, вопреки всеобщаго мнѣнія, осуждавшаго таковую безполезную трату зарядовъ, что̀ всѣхъ болѣе озабочивало начальника нашей артиллеріи генерала Гилленшмита. Когда же Паскевичъ самъ образумился часа черезъ два, то онъ велѣлъ остановить безвредный для непріятеля громъ сей. Нѣсколько изъ сихъ выстрѣловъ попало въ куполъ славной Ахалцыхской мечети, съ коей сбили и позлащенную луну, взятую послѣ завоеванія крѣпости въ число трофеевъ нашихъ. Одно ядро попало также въ ворота самой крѣпости и порвало цѣпь, служившую для запиранія оныхъ. Между тѣмъ работы наши продолжались, валъ былъ оконченъ, а на другой день правый флангъ нашъ на горѣ былъ еще укрѣпленъ выстроеннымъ изъ туровъ хорошимъ редутомъ для осадной артиллеріи и мортиръ; устроены были платформы, и для прикрытія сего важнаго мѣста имѣлись постоянно наономъ до четырехъ иногда и болѣе батальоновъ пѣхоты.

Работы сіи, начатыя 9-го еще числа передъ вечеромъ, продолжались съ возможною дѣятельностію при усталости людей послѣ боя, безъ всякой смѣны. Паскевичъ, обходя работы, самъ ободрялъ людей и говорилъ мнѣ громко, дабы рабочіе могли слышать: *Скажите людямъ отъ меня, что я прошу ихъ три дня и три ночи трудиться, не*

разчитывая на пищу, безъ хлѣба, и я ручаюсь вамъ за взятіе Ахалцыха. Онъ былъ очень веселъ и провелъ всю ночь самъ на батареѣ, отдохнувъ только нѣсколько времени въ вырытомъ ложементѣ.

Съ новымъ моимъ назначеніемъ я не терялъ прежняго начальствованія своего и потому дѣлалъ также объѣзды свои по руслу рѣки и на правомъ берегу оной въ новыхъ укрѣпленіяхъ, построенныхъ Симоничемъ въ весьма близкомъ отъ крѣпости разстояніи, такъ что вся осада почти оставалась подъ моимъ начальствомъ. Но такъ какъ не было сдѣлано настоящаго распредѣленія войскъ, то часто отдавались распоряженія мимо меня: въ одну изъ своихъ ночныхъ поѣздокъ къ Симоничу, я былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами секретныхъ постовъ, выставленныхъ отъ Грузинскаго гренадерскаго полка въ саду, подъ самою крѣпостью; ибо мѣстоположеніе, занимаемое ночными караулами того полка, въ садахъ, оврагахъ и рытвинахъ, не было мнѣ еще совершенно извѣстно.

Осадная линія наша была еще распространена вправо отъ моей большой батареи по направленію къ лѣвому берегу рѣки Поцхо, выше крѣпости; тамъ былъ также выстроенъ порядочный редутъ, который былъ снабженъ артиллеріею, стрѣлявшею во флангъ бастіону, обращенному ко мнѣ на гору, и былъ порученъ начальству генералъ-маіора князя Бебутова.

11-го числа Паскевичъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ на поле сраженія 9-го числа. Онъ показалъ мнѣ позицію свою, объяснялъ все дѣло и былъ въ сей разъ очень вѣжливъ и предупредителенъ. На полѣ сраженія было довольное число убитыхъ лошадей, а въ рытвинѣ лежали еще обезглавленные трупы нашихъ застрѣльщиковъ. Тѣла сіи было велѣно въ тоже время подобрать и похоронить съ воинскою почестью. Тѣла Королькова и убитыхъ офицеровъ были также похоронены съ надлежащими почестями близъ нашего лагеря.

На обратномъ пути нашемъ, проѣзжая близъ верхней части предмѣстья, мы были встрѣчены ружейными выстрѣлами выбѣжавшихъ изъ крѣпости нѣсколькихъ Турокъ, которыхъ обратили въ свое мѣсто спѣшившіеся въ тоже время линейные казаки изъ конвойной команды Паскевича. Мы доѣхали и до рѣки Поцхо противъ с. Суклисъ, гдѣ находились Турецкія лагери, и проѣхали подъ ядрами Турецкихъ орудій изъ крѣпости.

Суклисъ былъ занятъ нашею кавалеріею подъ начальствомъ Раевскаго, и такимъ образомъ Ахалцыхъ былъ обложенъ съ трехъ сторонъ. Четвертая сторона онаго, часть праваго берега рѣки Поцхо, противулежащая самой цитадели (гдѣ отступала, удаляясь въ горы 9 числа, густая колонна защитниковъ города съ бѣлымъ знаменемъ), не

была никѣмъ занята въ то время. 9-го числа на горѣ сей стояла Карапапахская конница Турокъ, и она, находясь отъ насъ въ большомъ отдаленіи и на мѣстахъ почти неприступныхъ, бѣжала съ прочими войсками 9-го числа при взятіи батареи. Замѣчаніе, сдѣланное находившимися при мнѣ вагенмейстеромъ Цинамегоровымъ, который передъ самою атакою 9-го числа говорилъ мнѣ въ шутку, что конница сія ожидала только взятія приступомъ батареи, дабы скрыться, оправдалось; а Турки послѣ 9-го числа не имѣли и вспомогательнаго войска внѣ крѣпости, ни конницы, исключая нѣсколькихъ всадниковъ, вскочившихъ въ крѣпость съ пашею, каковое состояніе ихъ много способствовало намъ къ продолженію осадныхъ работъ или, лучше сказать, дало намъ возможность къ продолженію оныхъ и къ безпрепятственному фуражированію нашему, производившемуся по прежнему въ большомъ безпорядкѣ.

Мы ожидали, что послѣ пораженія, нанесеннаго Туркамъ 9-го числа, крѣпость не будетъ болѣе держаться и сама предложитъ намъ сдачу; но случилось совсѣмъ иначе. Турки показывали большое упорство. Паскевичъ надѣялся переговорами склонить ихъ къ сей сдачѣ, но ему не удалось. Посылаемые имъ люди на переговоры съ большой батареи были иногда встрѣчаемы выстрѣлами изъ противулежащаго бастіона; иногда высылался къ нимъ на половину разстоянія простой ратникъ съ отрицательнымъ и деркимъ до такой степени отвѣтомъ, что намъ всѣмъ досадно было видѣть насмѣшливую самонадѣянность ихъ, навлекшую снова нерѣшительность на Паскевича. Ясно было видно, что приступъ былъ не избѣженъ, и въ войскѣ у насъ сего желали. Турки же со своей стороны старались поддерживать въ городѣ и въ войскѣ своемъ духъ: ночи проводили въ весельяхъ, дикомъ, звѣрскомъ пѣніи и восклицаніяхъ, сопровождаемыхъ звукомъ громкой зурны или рожка. Страшный ревъ защитниковъ Ахалцыха, горцевъ, Аджарцовъ и Лазовъ, оставшихся въ крѣпости, раздавался по ночамъ у насъ въ лагерѣ. Переговоры, наконецъ, кончились смѣлымъ отзывомъ паши, приказавшаго черезъ высланнаго ратника объявить посланному отъ Паскевича, что *споръ между нимъ и Паскевичемъ можетъ рѣшить только одинъ мечъ и что въ бою семъ будетъ одинъ Богъ судьею.*

Гордый и величавый отвѣтъ сей былъ сдѣланъ Кёссе-Магмедъ-пашею, старымъ воиномъ, служившимъ въ Египтѣ еще нѣкогда мамелюкомъ. Я буду имѣть случай еще нѣчто сказать о семъ человѣкѣ, коего осанка и пріемы напоминали Малекъ-Аделя или султана Саладина. Рѣшительный отвѣтъ сей показалъ Паскевичу, съ какимъ онъ человѣкомъ имѣлъ дѣло, и лишилъ его всякой надежды на мирную сдачу города, почему и прекращены были всякаго рода переговоры и при-

няты дѣятельныя мѣры къ успѣху осадныхъ работъ. Кёссе-Магмедъ-паша въ самомъ дѣлѣ, какъ послѣ узнали, былъ въ сраженіи 9-го числа все время впереди, и наши войска видѣли смѣлаго всадника, хладнокровно разъѣзжавшаго между обоими войсками и обозрѣвавшаго положеніе наше подъ градомъ пуль. На батареѣ же, мною взятой, начальствовалъ, какъ мнѣ послѣ говорили жители Ахалцыха, знакомый мой Гюли-ага, который и былъ въ семъ дѣлѣ раненъ смертельно, отъ чего онъ вскорѣ и умеръ. По вышеописаннымъ доблестямъ Кёссе-Магмедъ-паши видно, что въ проигрышѣ сраженія 9-го Августа не онъ былъ лично виною (онъ и не бѣжалъ), а причиною было обыкновенное неустройство всякаго Турецкаго войска.

Спустившись съ горы, больше чѣмъ на половинное разстояніе, до противулежащаго намъ бастіона, мы построили новую батарею на разстояніи малаго ружейнаго выстрѣла отъ сего бастіона и вооружили оную батарейными орудіями, которыми стали бить бастіонъ въ брешъ. Столь сильный огонь съ нашей стороны не ослабилъ бодрости осажденныхъ; они безпрестанно отвѣчали изъ развалившагося бастіона выстрѣлами изъ орудій и ружейными изъ за сосѣдственныхъ оному палисадовъ, отъ чего и причиняли намъ уронъ на новой нашей батареѣ. Но бастіонъ Турецкій ежечасно приходилъ въ худшее состояніе отъ нашихъ орудій, ибо на него было направлено болѣе 20 разнаго калибра, въ томъ числѣ и осадныя; изъ сихъ орудій нѣкоторыя, съ редута Бебутова, стрѣляли бастіону сему во флангъ, и Турки съ неимовѣрнымъ мужествомъ удерживали сей бастіонъ. Выстрѣлы наши по палисадамъ не имѣли столько успѣха; иногда они вырывали одну только палисаду, иногда же ядра пролетали насквозь, какъ черезъ дощатую стѣну, оставляя только круглый слѣдъ свой; но когда стали по палисадамъ симъ стрѣлять вкось съ редута Бебутова (en écharpe), то послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, разметавшихъ палисады въ основаніи, мы увидѣли, что послѣдующими выстрѣлами стало ихъ вырывать и валять на землю, по 3 по 4, а однажды и 10, такъ что съ одной стороны Турецкаго бастіона открылись въ палисадахъ значительныя отверстія для входа въ предмѣстье. Безпрерывно продолжавшійся съ нашей стороны огонь по симъ отверстіямъ препятствовалъ Туркамъ починять оныя, и къ 14 числу признанъ былъ Паскевичемъ удобнымъ приступъ.

Для сего назначенъ былъ полкъ Бородина, Ширванскій пѣхотный, а время—послѣ полудня.

Въ сей день Бородинъ, на коего устремлены были взоры всѣхъ, собралъ офицеровъ своихъ къ редуту Бебутова, откуда открывался горжъ Турецкаго бастіона, и показывалъ имъ положеніе онаго: мѣра совершенно ни къ чему неведущая и предпринятая, какъ мнѣ каза-

лось, чтобы выставить свое усердіе и распорядительность въ глазахъ начальника. Паскевичъ и въ самомъ дѣлѣ не упустилъ изъ виду поступка своего любимца и ставилъ намъ оный въ примѣръ.

Къ четыремъ часамъ пополудни главные начальники въ войскѣ собрались къ Паскевичу около редута Бебутова. Паскевичу, въ неувѣренности на успѣхъ, хотѣлось отмѣнить на сей день приступъ; можетъ быть, сіе было внушено ему Бородинымъ, который, какъ послѣ оказалось, имѣлъ предчувствіе смерти своей на семъ приступѣ и не казался совершенно покойнымъ. Между тѣмъ Паскевичъ не хотѣлъ также рѣшительно отложить самъ отъ себя назначенное для приступа время. Онъ заводилъ о томъ стороннимъ образомъ рѣчь, стараясь замѣтить общее расположеніе начальниковъ и будто ища въ отвѣтахъ и глазахъ каждаго, кто бы первый подалъ ему мнѣніе согласное съ его желаніемъ, дабы на мнѣніи томъ основаться. Но всѣ молчали, и никто не рѣшался ни утвердить, ни отмѣнить предпринятаго общимъ мнѣніемъ рѣшенія. Наконецъ, обратившись къ Бурцову, онъ сослался на позднее время для приступа, и Бурцовъ первый рѣшился сказать, *что ему тоже казалось уже поздно идти на приступъ и что лучше сіе отложить до слѣдующаго дня.* И въ самомъ дѣлѣ, время уже было упущено; приближалось къ вечеру, и дѣло въ городѣ могло продлиться до ночи, ночью же не было бы никакихъ средствъ остановить безпорядокъ неизбѣжный въ такихъ случаяхъ, и непріятель могъ бы онымъ воспользоваться для вылазки изъ крѣпости и цитадели въ ту часть укрѣпленнаго предмѣстья, которую бы мы заняли. При томъ же не было еще и сдѣлано подробной диспозиціи для предполагаемаго приступа, что̀ продлило бы еще время до самой ночи, прежде начатія онаго.

Бородинъ нисколько не опровергалъ сего мнѣнія и даже, помнится мнѣ, поддержалъ оное, и Паскевичъ безъ препинанія отложилъ подвигъ до 15-го числа послѣ полдня.

На 15-е число, рѣшительно для приступа назначенное, намъ, т. е. всѣмъ начальникамъ, въ томъ числѣ и полковымъ командирамъ, приказано было собраться вскорѣ послѣ полдня къ главнокомандующему въ палатку его, которую онъ велѣлъ поставить среди Ширванскаго полка на половинѣ разстоянія между лагеремъ и большой нашей батареей. Въ сей день, праздникъ Успенія Богородицы, Ширванскій полкъ праздновалъ свой полковой образъ. Торжества не было. Паскевичъ провелъ, кажется, все утро съ Бородинымъ. Связь его съ человѣкомъ симъ, на коего возлагалось въ сей день столь сильное искушеніе, долженствующее, можетъ быть, рѣшить на всегда славу Паскевича, вѣроятно побудила его къ сему. При томъ же онъ искалъ какъ

будто успокоителя себѣ. Вынужденный обстоятельствами къ приступу Ахалцыха, онъ какъ будто терялся, и во всемъ лагерѣ, дышущемъ желаніемъ сразиться, онъ только одинъ унывалъ. Бородинъ также не былъ покоенъ; говорятъ, что онъ въ сей день занялся предварительными приготовленіями къ смерти, черезъ нѣсколько часовъ его постигшей.

Всѣ собрались къ назначенному времени, дабы принять, какъ намъ сказано было, отъ главнокомандующаго общія приказанія, въ коихъ онъ хотѣлъ каждому объяснить обязанность его въ сей рѣшительный день. Знавши Паскевича, мы мало чего ожидали и ничего не получили. Онъ началъ говорить, останавливался, путался. Онъ намъ ничего и не сказалъ, и общее молчаніе слушателей вскорѣ прервалось. Иные вышли за палатку и, отойдя, разговаривали между собою; другіе вступили съ Паскевичемъ въ разговоръ, и ничего не рѣшилось. Всѣмъ досадно была трата времени, ибо у всякаго были обязанности и занятія по онымъ; при томъ же казалось, что самъ Паскевичъ и Бородинъ нарочно заговаривали, дабы опять имѣть предлогъ къ отложенію приступа.

Бородинъ въ сей день похожъ былъ на обреченную къ смерти жертву и, взирая на него, я почувствовалъ нѣкоторое состраданіе къ нему. Онъ былъ какъ бы увѣренъ въ скорой смерти своей; но общее мнѣніе всѣхъ было за приступъ, и онъ не находилъ поводу, не смѣлъ присовѣтовать отмѣненіе онаго, какъ вдругъ представилось одно обстоятельство, которое, какъ мѣра спасенія, для него мелькнуло. Онъ хотѣлъ имъ воспользоваться, но былъ остановленъ.

Симоничъ, выйдя также за палатку, сказалъ намъ, что у него сего утра бѣжало изъ полка два фельдфебеля въ крѣпость, и что его крайне удивилъ поступокъ сей; ибо люди сіи были поведенія хорошаго и никакого проступка не сдѣлали при побѣгѣ. Они ходили до утра въ лагерь и, возвратившись оттуда, въ виду всего полка, приблизились къ бастіону Турецкому, обращенному къ Джиридъ-майдану, близъ коего были встрѣчены нѣсколькими вышедшими къ нимъ Турками и уведены безъ всякаго со стороны ихъ сопротивленія. По кучѣ сей наши гренадеры открыли ружейный огонь, но никого не задѣли, и Турки укрылись съ нашими фельдфебелями за стѣны своего укрѣпленія. (Фельдфебелей сихъ, по взятіи Ахалцыха, нашли убитыми въ семъ же бастіонѣ и трупы ихъ искаженными отъ нанесенныхъ имъ ранъ. Я производилъ позже слѣдствіе по сему дѣлу, но не могъ ничего дознать, ибо они рѣшительно не имѣли никакого повода къ побѣгу; одинъ изъ нихъ, возвратившись изъ лагеря, былъ нѣсколько хмѣленъ).

Разсказъ Симонича насъ очень удивилъ, тѣмъ болѣе, что подобныхъ случаевъ у насъ еще не встрѣчалось. Полагали, что такъ какъ

уже намѣреніе наше штурмовать Ахалцыхъ было наканунѣ извѣстно въ войскѣ нашемъ, то они могли передать непріятелю послѣднее рѣшеніе наше, и Турки взяли бы предосторожности. Мысль сію подхватилъ Бородинъ, который въ это время тутъ случился, и онъ хотѣлъ въ туже минуту возвратиться въ палатку, дабы предупредить Паскевича, но былъ остановленъ Симоничемъ, который считалъ долгомъ своимъ объявить о семъ, но опасался, дабы сіе извѣстіе не послужило Паскевичу поводомъ къ отмѣненію приступа. Всѣ были того же мнѣнія, и Паскевичу въ то время о побѣгѣ фельдфебелей не донесли. Сказано ли сіе ему было Бородинымъ, когда мы разошлись, того не знаю; сіе могло быть. Но уже всѣ и все приготовлялось къ предназначенному приступу, и происшествіе сіе не имѣло на оный никакого вліянія.

Всѣ возвратились къ своимъ мѣстамъ, и Паскевичъ опять остался съ Бородинымъ на нѣкоторое время, а послѣ пріѣхалъ на большую батарею, которая была поручена въ мое командованіе...

Диспозиція, которая должна была опредѣлить дѣйствія всѣхъ частныхъ начальниковъ на приступѣ Ахалцыха, кажется, была сочинена въ палаткѣ Бородина, купно съ нимъ. Вездѣ въ оной только и видна забота объ отдаленіи сикурсовъ къ Туркамъ во время атаки. Бородинъ, видно, заботился о томъ, чтобы его не опрокинули (если диспозиція сія его изобрѣтенія). Никому не было дано настоящаго назначенія. Стрѣляніемъ по сикурсамъ орудія только тѣснили себя; ибо нельзя было и видѣть, какіе сикурсы у Турокъ проходили бы къ бастіону между строеніями и по тѣснымъ улицамъ. У Турокъ не было войска строившагося въ колонны: каждый перебѣгалъ по одиночкѣ, гдѣ ему казалось, что присутствіе его нужнѣе, или для сбереженія себя, или для поданія помощи сражающимся. Какими фланговыми выстрѣлами по строеніямъ хотѣли остановить сіи сикурсы? Дѣйствіе артиллеріи безъ сомнѣнія нужно было; но столь безтолково перепутать фланги и приказанія непростительно. Въ такихъ случаяхъ, когда мы видѣли состояніе начальника, каждый изъ насъ усугублялъ старанія свои для общаго успѣха. Я увѣренъ, что Бородинъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія у себя въ полку. Бурцовъ, коему слѣдовало за нимъ идти и укрѣпиться съ піонерами въ имѣющемъ быть занятымъ бастіонѣ, отдалъ приказанія свои весьма обстоятельно, распредѣлилъ по людямъ туры, назначилъ каждому офицеру должность и все приготовилъ къ скорѣйшему построенію эполемента въ горжѣ бастіона, который Бородинъ долженъ былъ занять.

Приступъ былъ назначенъ къ 4 часамъ пополудни. Мы всѣ были къ тому времени при своихъ мѣстахъ и ожидали прибытія Бородина

съ Ширванскимъ полкомъ на большую батарею, откуда онъ долженъ былъ начать атаку. Но въ шестомъ часу его еще не было. Я полагалъ, что Бородинъ опять подъ какимъ-нибудь предлогомъ старался провести время, дабы приступъ отложили до будущаго дня, и мы всѣ въ правѣ были сдѣлать заключеніе сіе по замедленію сему; но наконецъ полкъ сей сталъ выходить на гору около 6 часовъ вечера. Онъ шелъ не бодро и подвигался медленно. Собравшись на горѣ, оба баталіона Ширванскаго полка вскорѣ тронулись къ приступу. Имъ для сего слѣдовало спуститься съ горы къ Турецкому разбитому бастіону, до коего было около 180 или 200 сажень. На половинѣ пути сего находилась передовая послѣдняя батарея наша, которая била въ брешъ, упомянутый мною выше. Ширванцы стали спущаться съ горы и нѣсколько пріостановились по приказанію Бородина на половинѣ дороги, не знаю зачѣмъ. Непріятель не стрѣлялъ по нимъ, полагая (какъ я послѣ узналъ), что то шла смѣна, какъ они прежде видали, для войскъ находившихся въ прикрытіи вышесказанной батареи. Ширванскіе батальоны опять тронулись къ бастіону. Бородина я самъ видѣлъ въ сію минуту впереди всѣхъ на бѣломъ конѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ бастіона. Человѣкъ сей, предчувствовавшій, какъ кажется, смерть свою, въ эту минуту, когда взоры всего войска были устремлены на него, преодолѣлъ себя и шелъ на несомнѣнную по предчувствію его гибель свою. Онъ въ эту минуту былъ молодцомъ. Ширванцы запѣли пѣсню, но не своими голосами. Веселіе есть принужденное состояніе въ такомъ случаѣ. Турки открыли по нихъ ружейный огонь изъ бастіона. Но едва они успѣли сдѣлать до 15 выстрѣловъ, какъ уже передовые Ширванцы вскочили въ бастіонъ, и защищавшіе оный человѣкъ 15 Турокъ бѣжали, оставя нѣсколько убитыхъ и убивъ перваго офицера взлѣзшаго на брешъ (кажется Вагнадзе). Съ офицеромъ симъ было также убито или ранено пять или шесть солдатъ, не болѣе.

Итакъ занятіе бастіона намъ почти ничего не стоило, и Ширванцы ворвались въ предмѣстье по брешамъ, сдѣланнымъ въ палисадникѣ; но едва они заняли первые дома предмѣстья и хотѣли подвинуться къ Католической церкви, на кладбищѣ коего они должны были собраться, какъ были сильно атакованы съ обоихъ флянговъ и спереди вооруженными жителями и Турецкими войсками, которыя, по неожиданности приступа, оплошали удержаніемъ бастіона, но, видя успѣхи наши, съ поспѣшностью стекались со всѣхъ сторонъ, дабы опять овладѣть онымъ. Усилія ихъ однако были безуспѣшны. Они производили сильный огонь изъ за палисадовъ, вдоль оныхъ съ обѣихъ сторонъ и спереди изъ за Католической церкви, но не могли выгнать изъ

бастіона нашихъ, выдерживавшихъ сильный перекрестный съ трехъ сторонъ огонь. Вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ покушенія Ширванцевъ занять церковь были тщетны: едва колонны наши показывались, какъ теряли множество людей отъ мѣткихъ выстрѣловъ Турокъ, на близкомъ разстояніи; а Бородинъ, взлѣзшій на одинъ домъ съ плоскою крышей и ободрявшій людей своихъ, былъ убитъ пулею, вылетѣвшею изъ трубы дома сего или отверстія, надъ которомъ онъ стоялъ, и попавшею ему снизу въ животъ. Сіе случилось почти съ самаго начатія дѣла. Иные говорили, что онъ былъ убитъ своими солдатами, которые не любили его; но сіе, кажется, несправедливо. Говорятъ однакоже, что въ эту минуту никто изъ офицеровъ не подошелъ, чтобы поднять его, и даже что подполковникъ его полка Ю. ругался въ эту минуту надъ тѣломъ своего начальника. Сей Ю., человѣкъ безъ правилъ, ума и образованія, родился въ Ширванскомъ полку, имѣлъ славу храбраго, но по поведенію своему заслуживалъ быть изгнаннымъ изъ службы. Онъ былъ всегда пьянъ, и замѣчено многими, какъ и въ семъ дѣлѣ, что онъ сталъ посмѣлѣе только съ той минуты, какъ напился съ солдатами найденнымъ ими въ одномъ домѣ ромомъ. Человѣкъ сей, пустой и даже вредный для службы, вопреки общаго мнѣнія о немъ, посланъ былъ курьеромъ къ Государю съ донесеніемъ о взятіи Ахалцыха, а нынѣ доставлено ему званіе командира Грузинскаго гренадерскаго полка, на гибель и совершенное истребленіе онаго. При похоронахъ Бородина, онъ рыдалъ, идя подлѣ гроба, и такая грубая хитрость ослѣпила Паскевича.

Когда Паскевичу привезли извѣстіе о смерти Бородина, онъ разсердился и сказалъ: *неправда, онъ только тяжело раненъ.* Его сіе тронуло, и онъ задумался на нѣсколько времени.

Еслибъ Бородина не убили, то вѣроятно церковь и большая часть предмѣстья были бы скоро заняты. Но Ширванскій полкъ нельзя было назвать регулярнымъ. Избалованное войско сіе давно уже не знало повиновенія начальникамъ своимъ, и между самыми начальниками и офицерами не оставалось ни одного путнаго, хотя большая часть оныхъ состояла изъ Грузинъ, людей храбрыхъ, но неспособныхъ къ распоряженіямъ. Солдаты стали разсыпаться по домамъ, въ коихъ встрѣчали защищающихся жителей и даже женщинъ; начался грабежъ, пьянство, сопровождаемые самыми жестокими съ обѣихъ сторонъ умерщвленіями. Одинъ же батальонъ Ширванскій, сохранившій еще нѣсколько порядка, оставался въ занятомъ бастіонѣ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ и составлялъ нѣкоторый родъ резерва. Не менѣе того, дѣло не могло бы взять въ сію минуту хорошаго оборота, если бы вскорѣ по вступленіи Ширванцевъ въ городъ

не вошелъ въ оной и Бурцовъ съ піонернымъ батальономъ, который принялъ всѣ распоряженія на себя, не получая ни отъ кого приказанія: ибо Паскевичъ былъ только зрителемъ съ горы.

Бурцовъ еще прежде, по отданному ему приказанію, немедленно приступилъ къ построенію эполемента въ горжѣ и поставилъ принесенные имъ туры; но Турки стали такъ напирать съ фланговъ, что не давали ему времени насыпать ихъ землею: піонеры должны были то браться за лопатку, то за ружье, дабы отстрѣливаться отъ Турокъ, подбѣгавшихъ даже почти подъ самые туры, откуда они стрѣляли въ рабочихъ; ибо часть резерва Ширванскаго присоединилась къ сражающимся въ домахъ, и даже піонеры, увлекаемые храбростью своихъ ротныхъ командировъ, нѣсколько разъ оставляли работы и бросались впередъ, дабы отдалить Турокъ и занять церковь. Но едва они выходили изъ бастіона, какъ начальники ихъ бывали поражены, и они возвращались въ бастіонъ, отдаливъ только на короткое время Турокъ. Безначаліе, поселившееся въ Ширванцахъ, было причиною, что никакимъ распоряженіемъ нельзя ихъ было собрать и вести впередъ: все было пьяно, робкіе укрывались за стѣнами, смѣлые разбивали ближайшіе дома. Къ командованію полкомъ назначенъ былъ полковникъ Кошкаревъ, о коемъ я упоминалъ въ описаніи Персидской войны; но Бурцовъ говорилъ мнѣ послѣ, что Кошкаревъ оставался все время въ бастіонѣ, да и не могъ бы ничего сдѣлать съ разбредшимися солдатами. Ю., коего Бурцовъ нѣсколько разъ посылалъ, дабы вести людей своихъ впередъ, отзывался, что не идутъ и не слушаются его. Тутъ и пьянство ему не помогло; страхъ, какъ кажется, одолѣлъ въ немъ дѣйствіе напитка. Съ піонерами были ввезены два легкихъ коннолинейныхъ орудія съ храбрымъ есауломъ Зубковымъ, коего я называлъ при описаніи взятія Карса; но у него всѣ люди уже два раза смѣнились, будучи поражены пулями почти въ упоръ. Онъ дѣйствовалъ картечью по Туркамъ, и ярость ихъ не уменьшалась.

Тогда, для поддержанія завязавшейся весьма густой перестрѣлки въ городѣ, подобной тѣмъ, какія бываютъ въ Европейскихъ сраженіяхъ при занятіи деревень, отправили на поддержаніе атаки одинъ батальонъ Херсонскаго гренадерскаго полка съ генералъ-маіоромъ Поповымъ, коему и поручено начальство надъ сражающимися войсками. Свѣжія войска сіи попятили нѣсколько Турокъ вправо, но церкви не могли занять; влѣзали на крышу оной, но были изъ подъ стѣны съ противуположной стороны сбиваемы, и люди, подобно Ширванцамъ, стали разсыпаться по домамъ, хотя и не производили такого же безпорядка, собираясь иногда кучами за строеніями, и дѣло мало подвигалось; ибо Поповъ мало и распоряжался. Въ семъ случаѣ и

храбрый нашъ начальникъ пѣхоты князь Вадбольскій ничего не помогъ. Онъ спустился съ горы и остановился близъ канавы или засыпаннаго рва подъ палисадами. Нѣсколько поправѣе Сакенъ еще усилилъ атаку, пославши на приступъ двѣ роты 42-го егерскаго полка. То было уже передъ вечеромъ; храбрые егеря подбѣжали къ самымъ палисадамъ и начали ихъ ломать; въ нихъ стрѣляли въ упоръ изъ ружей, и они наконецъ ворвались съ помощію піонеровъ. Черезъ сіе мы только овладѣли большимъ пространствомъ предмѣстья, около самыхъ палисадовъ, но внутрь города все еще не подавались. Съ лѣвой стороны занятаго бастіона была также сдѣлана атака, но одними застрѣльщиками съ нѣсколькими легкими орудіями и безъ всякаго успѣха. Артиллерія наша со всѣхъ сторонъ перекрещивала свои выстрѣлы около Католической церкви, куда кромѣ того ложилось множество гранатъ, пущенныхъ изъ цѣлаго ряда кёгерновыхъ мортиръ, постановленныхъ почти подъ самымъ палисадомъ и дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ храбраго артиллеріи подпоручика Крупенникова, котораго тутъ и убили. Намъ было все дѣло весьма хорошо видно съ горы, куда пули изрѣдка долетали, и мы удивлялись стойкости Турокъ, коихъ число намъ не казалось на семъ мѣстѣ весьма велико; по крайней мѣрѣ ихъ было несравненно менѣе нашихъ.

Такъ какъ резервы въ предмѣстьи опять истощились, черезъ большое число раненыхъ и безпрерывно посылаемыхъ въ подкрѣпленіе людей, то рѣшились послать въ резервъ еще одинъ шестивзводный батальонъ карабинернаго полка. Я самъ повелъ его, дабы поставить въ надлежащее мѣсто и, подходя къ брешу въ бастіонѣ, былъ встрѣченъ пулями изъ города, коего мы занимали только опушку. Я поставилъ батальонъ въ закрытое мѣсто подъ палисадомъ, а самъ пошелъ въ бастіонъ, дабы увидѣть, что́ въ городѣ происходило. Пока я переходилъ брешъ, меня осыпали пулями; въ бастіонѣ же нашелъ я Бурцова съ піонерами, почти еще не подвинувшаго работъ своихъ. Сакенъ со мною тоже пришелъ въ бастіонъ. Многіе любопытствовали, никто не распоряжался. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ въ насъ. Все было перемѣшано. Два орудія Зубкова дѣйствовали съ плоской крыши подлѣ самаго горжа картечью, а изъ оконъ сего дома, въ разстояніи какихъ-нибудь 30 шаговъ отъ насъ, стрѣляли по насъ изъ ружей. Бой продолжался уже около двухъ часовъ, начинало смеркаться, а церковь все еще не была занята нашими; но въ иныхъ мѣстахъ сталъ показываться пожаръ. Говорятъ, что пожаръ сей сдѣлался отъ пущенной гранаты; но сіе должно быть несправедливо, какъ потому что гранаты не зажигаютъ, такъ и потому, что въ такой суматохѣ нельзя было видѣть, отъ чего домъ загорѣлся. Скорѣе надо полагать, что домъ былъ

нечаянно или съ намѣреніемъ зажженъ грабившими солдатами. Случай сей рѣшилъ все дѣло. Когда я возвратился къ своему мѣсту на гору, Паскевичъ приказалъ уже Раевскому набрать пучковъ соломы, спѣшить часть драгунъ, отправиться съ ними въ городъ и зажигать домà.

Приказаніе сіе было исполнено весьма скоро, и едва загорѣлось строеніе (вѣтеръ наносилъ дыму и пламени на Турокъ), какъ непріятель сталъ уступать намъ мѣсто, и мы заняли церковь, но съ боя: дрались и въ самой церкви, въ коей Турки защищались.

Занятіе сего важнаго мѣста рѣшило весь бой: Турокъ стóитъ только попятить, дабы побѣдить; часть ихъ бѣжала, часть же соединилась еще въ крѣпости и на площадяхъ, близъ рѣки, располагая вѣроятно съ той стороны еще защищать ворота и держаться въ отдѣльной башнѣ, близъ которой Херсонцы потерпѣли пораженіе во время Тормасова.

Я поѣхалъ туда съ Сакеномъ, снаружи предмѣстья, и взялъ изъ редута Бебутова двѣ роты егерей. Мы выломили ворота и вошли съ той стороны въ городъ; но едва стали подъѣзжать къ строеніямъ, какъ были встрѣчены ружейными выстрѣлами изъ оконъ, коими переранило у насъ нѣсколько человѣкъ. Ввезли орудія, и Турки въ сей части города, къ которой уже приближался пожаръ, оставили оную.

Между тѣмъ капитанъ Кургановъ, сія извѣстная особа, который былъ наушникомъ у Паскевича, желая также ознаменовать себя въ сей день какимъ либо подвигомъ, схватилъ гдѣ-то человѣкъ 30 егерей и атаковалъ самъ по своему произволу отдѣльную башню Каядагъ (чтò значитъ скалистая гора по-турецки), изъ коей былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ; но онъ бросился къ потернѣ, выломилъ ее и побилъ или взялъ въ плѣнъ Турокъ, которые защищали оную и хотѣли спастись. Надобно въ семъ случаѣ отдать справедливость Курганову, что поступокъ его смѣлый.

Вскорѣ послѣ того бой утихъ. Едва былъ замѣтенъ свѣтъ луны при пламени пожиравшемъ предмѣстье Ахалцыха, оставленнаго Турками. Тамъ всю ночь свирѣпствовали Ширванцы, коихъ не могли унять. И день 16 Августа, и послѣдовавшая за онымъ ночь были ужасны по убійствамъ совершеннымъ въ домахъ и остервенѣнію обѣихъ сторонъ. Женщины защищались кинжалами и пистолетами. Ярость ихъ соотвѣтствовала бѣшенству разъяренныхъ мужей ихъ и Турецкихъ воиновъ. Цѣлыя семейства, долго защищавшія дома свои, были преданы пламени вмѣстѣ съ домами, оставшимися неприкосновенными отъ рукъ побѣдителей. Солдаты перепились, многіе обогатились добычею, а въ теченіи ночи многихъ даже не могли удержать на своихъ мѣстахъ въ резервахъ, изъ коихъ они выходили для грабежа и по-

живы въ городъ, гдѣ безпорядокъ превышалъ всякое подобіе черезъ всю ночь, отъ чего должны быля погибнуть и многіе раненые наши. Словомъ, Ширванскаго полка не было; ибо все было разсыпано до самыхъ почти стѣнъ крѣпости, близъ коихъ были лавки и керванъ-сараи съ товарами. Я помню, что одинъ солдатъ, во время еще самаго сильнаго боя, прорвался къ симъ лавкамъ и, прокравшись какъ-то удачно сквозь непріятелей назадъ, хвалился, что онъ былъ *уже подъ самымъ кремлемъ*; другой такимъ же образомъ, во время самаго боя, попался въ средину горы, и вѣроятно завлеченный алчностью своею и укрываясь отъ Турокъ, выбѣжалъ на противную почти сторону къ Грузинскому полку, гдѣ и былъ встрѣченъ градомъ пуль. Онъ кричалъ, чтобы по немъ не стрѣляли, что онъ Русскій; но огонь не умолкалъ. А если убьютъ, то нечего дѣлать! сказалъ онъ, подбѣгая къ одному гренадеру невредимымъ, и оттуда уже былъ доставленъ въ свою команду.

Крикъ и шумъ въ городѣ не умолкали всю ночь; иногда были и выстрѣлы слышны; но въ крѣпости уже не раздавались во всю ночь свирѣпое пѣніе или ревъ ободряющихъ себя защитниковъ, сопровождаемый, какъ въ прежнія ночи, звучною зурною или духовымъ инструментомъ Азіатскимъ, подобнымъ Русскому деревенскому рожку. Защитники, частью разбѣжавшіеся въ горы, частью укрывшіеся въ крѣпости и цитадели, покрытые ранами и сраженные духомъ, предвидѣли уже паденіе Ахалцыха; но среди послѣднихъ находился еще бодрый Кёссе-Магмедъ-паша, который бѣгство считалъ срамомъ и между тѣмъ не хотѣлъ отдать себя въ постыдный плѣнъ...

О Бородинѣ многіе мнѣ говорили, что на немъ былъ панцырь, когда его убили пулею, снизу поразившею его; меня увѣрялъ въ томъ, на другой уже годъ, офицеръ полка его, который свидѣтельствовалъ сіе обстоятельство. По смерти Бородина приступили къ открытію казеннаго полковаго ящика, въ коемъ, говорятъ, нашли только одинъ червонецъ. Суммы были большія, кои, говорятъ, Бородинымъ вынуты наканунѣ приступа. Все сіе и разстройство самаго полка много затруднило полковника Кошкарева, который принималъ полкъ и потомъ, два года командуя имъ, еще не принялъ, оставя всю хозяйственную часть на отвѣтственности полковаго казначея Капилетти. Не знаю, былъ ли полкъ принятъ и передъ отъѣздомъ Кошкарева изъ Грузіи въ 1831 году; но полкъ сей получилъ наименованіе Паскевича, который былъ особенный покровитель Бородина, а потому и все съ рукъ сходило. Паскевичъ, по полученіи за окончаніе войны одного милліона рублей награжденія отъ Государя, далъ изъ нихъ вдовѣ Бородина, Домнѣ Савишнѣ, 50 тыс. и сверхъ того доставилъ ей отъ Государя значительное единовременное награжденіе, кажется, 30 тыс. кромѣ

пенсіи и воспитанія дѣтей на казенномъ попеченіи... Для перевоза ея черезъ горы высланъ былъ къ ней казачій офицеръ или урядникъ, который и не зналъ болѣе чѣмъ угодить ей: она все требовала безденежнаго прокормленія лошадей, всякихъ пособій никому не положенныхъ...

Въ тоже время были убиты начальникъ застрѣльщиковъ Апшеронскаго полка маіоръ Рыдзевскій и Ширванскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Баженовъ. О Рыдзевскомъ упомянуто мною въ описаніи Персидской войны; онъ былъ у насъ смотрителемъ госпиталя и, мучаясь сею должностью, просился на приступъ. Его прикомандировали къ Ширванскому полку, и онъ погибъ въ одно время почти съ Бородинымъ, впереди всѣхъ. Нѣтъ почти сомнѣнія, что еслибы одинъ изъ двухъ начальниковъ уцѣлѣлъ, то успѣхъ у насъ былъ бы гораздо рѣшительнѣе въ городѣ. Рыдзевскій былъ чудакъ, нигдѣ и ни съ кѣмъ въ жизни не уживался, но былъ необыкновенной дѣятельности по своимъ обязанностямъ и подвижные госпитали держалъ въ блестящемъ видѣ во время похода...

Сей приступъ Ахалцыха былъ точно геройскій подвигъ. Многіе назывались на него, подобно Рыдзевскому, и стали отличать себя въ рукопашномъ бою съ разъяренными и дикими Лазами и Аджарцами. Между таковыми былъ артиллеріи поручикъ Саньковскій, который исправлялъ должность старшаго адъютанта въ корпусномъ штабѣ, молодой, образованный офицеръ и, какъ видно, въ душѣ герой. Онъ былъ не самаго сильнаго сложенія и крайне близорукъ, носилъ очки. Спустившись съ горы, онъ влѣзъ въ бастіонъ и смѣшался съ солдатами нашими, ища между Турками своего противника. Бѣшеный Лазъ или Турокъ подбѣжалъ къ нему и, выстрѣливъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета, ранилъ пулею въ животъ; но въ сіе же самое время, какъ мнѣ говорилъ Саньковскій, былъ имъ изрубленъ нанесеннымъ сильнымъ ударомъ булатнаго клинка, который въ самомъ дѣлѣ былъ весь изрубленъ и измятъ послѣ сего удара. Саньковскаго привезли къ резерву на гору блѣднаго, изнеможеннаго; его сняли съ лошади, и выщербленная его сабля изъ рукъ его вывалилась. Онъ сказалъ лѣкарямъ: «Теперь, господа, дѣлайте вы свое дѣло какъ знаете надо мною; я свое уже кончилъ». Съ симъ вмѣстѣ онъ упалъ въ обморокъ. Я думалъ, что онъ умираетъ; но его вспрыснули въ лицо водою, и онъ очнулся. Нельзя было и подумать доставать пулю изъ живота его; только перевязали. Онъ былъ долго боленъ при смерти, но наконецъ выздоровѣлъ; пуля въ немъ осталась. Онъ произошелъ очень скоро въ чины, давно уже полковникомъ и командуетъ артиллерійскою ротою.

Своднаго уланскаго полка штабсъ-ротмистръ Анненковъ также хотѣлъ отличиться на приступѣ и просился на оный съ пѣхотою, что̀ ему и позволили. Анненковъ былъ извѣстный чудакъ. Человѣкъ сей былъ неимовѣрно дуренъ собою, очень образованъ, писалъ порядочно стихи, имѣлъ самые странные пріемы, иногда служилъ посмѣшищемъ товарищамъ своимъ, иногда отдѣлывался отъ шутокъ очень колкимъ образомъ, иногда сердился за нихъ и дѣлалъ дерзости смѣявшимся надъ нимъ. Пріемы его были необыкновенно странны; къ тому же онъ имѣлъ привычку напиваться. По странностямъ своимъ онъ иногда казался очень глупъ; въ другое время нельзя бы было его такимъ полагать; вообще казалось, что онъ былъ нѣсколько помѣшанъ, что̀ могло быть послѣдствіемъ какихъ либо домашнихъ огорченій, о коихъ онъ иногда со слезами говорилъ, или неумѣреннаго употребленія вина. Анненковъ отправился на штурмъ и, ставъ на крышу какого-то дома, обнажалъ тупую Европейскую саблю и вызывалъ поборника. Какой-то Турокъ, увидя сію странную и смѣшную фигуру, подбѣжалъ къ нему и рубнулъ его саблею въ ухо. Анненковъ возвратился съ приступа; раною своею онъ былъ очень доволенъ и за нее получилъ награжденіе. Поступокъ его не менѣе того означалъ человѣка смѣлаго и одушевленнаго славолюбіемъ. Многіе солдаты въ знаменитомъ бою семъ показывали также много твердости. Раненые возвращались безъ помощи здоровыхъ, и одинъ Херсонскій унтеръ-офицеръ (у него была нога прострѣлена), который съ трудомъ шелъ къ перевязкѣ, опираясь на ружье свое, не хотѣлъ пособія высланныхъ къ нему мною изъ резерва карабинеровъ.

«Упорная защита гарнизона, на каждомъ шагу противуставлявшаго самое отчаянное сопротивленіе, и значительный уронъ, понесенный Русскими, ожесточали солдатъ, и потому воздержать ихъ не было возможности, а особенно при наступленіи ночи. Но честь женщинъ осталась неприкосновенной, въ чемъ сами жители отдаютъ справедливость». Такъ сказано въ реляціи. Но кто за сіе поручится, и какой испуганный послѣ приступа и во время грабежа спасающійся житель осмѣлится иначе сказать, когда побѣдители отъ него хотятъ вызвать сіи похвалы? И кто же сказалъ сіе? Можетъ быть, нѣсколько человѣкъ, коихъ женъ и семействъ уже давно не было въ Ахалцыхѣ. Сіе можно бы дознать скорѣе между бѣглыми; но къ чему бы то послужило, и чего не можно ожидать отъ разъяреннаго солдата, борящагося съ вооруженною кинжаломъ женщиною? Я былъ въ Ахалцыхѣ въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года и навѣстилъ тотъ край предмѣстья, гдѣ было побоище. Изъ развалинъ уцѣлѣвшихъ послѣ пожара домовъ вылѣзали тощіе, бѣдные, изнуренные жители, и между ними были и раненыя женщины и дѣти (я тогда послалъ къ нимъ лѣкаря).

Далѣе въ реляціи сказано: «Принимая въ соображеніе малочисленность Россійскихъ войскъ, подъ ружьемъ остававшихся, зная, что въ цитадели заперлось около 4000 человѣкъ собравшагося тамъ гарнизона и щадя кровь Русскихъ воиновъ, коею обильно орошены были въ двухъ прошедшихъ сраженіяхъ и на приступѣ поля и стѣны Ахалцыха...».

Послѣднее выраженіе есть поэтическое; ибо хотя приступъ и былъ блистательный для Русскихъ войскъ, но стѣнъ крѣпости мы касались только издали ядрами, а потому и кровью оныя не могли быть орошены. Впрочемъ, выраженіе сіе, какъ поэтическое, для украшенія реляціи допустить можно.

«Во время сраженія 9-го числа было во фронтѣ не болѣе 12.702. Для охраненія лагеря должно было оставить изъ нихъ 3287 и для прикрытія осадныхъ батарей 2.959; слѣдовательно въ бой можно было вывесть 6.546, въ томъ числѣ 4.016 человѣкъ пѣхоты». Все сіе справедливо, но здѣсь выведеннымъ въ бой полагается только отрядъ, выступившій съ вечера 8-го числа съ Паскевичемъ, который имѣлъ неуспѣхъ; а главный бой и настоящій успѣхъ, рѣшившій и самое взятіе Ахалцыха, былъ произведенъ войсками, оставшимися въ лагерѣ и на батареяхъ, подъ моею командою находившимися, и слѣдственно всѣ были почти равно въ бою. Не менѣе того насъ было мало, считая и все число 12.702 человѣка, и подвиги сего малочисленнаго войска были велики; но не слѣдовало писать въ реляціяхъ столь уклонительными оборотами, скрывавшими истину...

Переговоры начались ночью; ночью-же былъ посланъ въ крѣпость извѣстный Кургановъ. Трудно было Паскевичу положиться на честнаго человѣка. Съ Кургановымъ было отправлено два гренадера Херсонскаго полка, зачѣмъ не знаю и не понимаю: ибо тѣлохранителями ему служить не могли; развѣ для того, чтобы предостеречь отъ одного или двухъ злоумышленниковъ; но въ семъ случаѣ лучше было бы звать туземцевъ изъ служащихъ у насъ, которые и языкъ знали. Можетъ быть, Кургановъ для того пожелалъ имѣть ихъ съ собою, чтобы показать Туркамъ бодрыхъ солдатъ нашихъ; но мѣра сія плохая и болѣе знаменуетъ слабость прибѣгающаго къ ней. Какъ бы то ни было, Кургановъ мнѣ послѣ говорилъ, что люди сіи стояли на часахъ при своей комнатѣ въ Ахалцыхѣ, и что важная наружность ихъ вселяла Туркамъ уваженіе къ Русскимъ. Вздоръ, если они не получили сего уваженія послѣ кровопролитнаго приступа. Не знаю хорошо успѣха переговоровъ, веденныхъ Кургановымъ; но предъ свѣтомъ или на разсвѣтѣ 16 числа былъ еще посланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ В., скаредный Грекъ, корыстолюбецъ, безъ отечества и чести, который

игралъ у насъ шута, но все переносилъ и, пустившись въ ремесло наушничества, началъ выслуживаться наконецъ и много пріобрѣлъ денегъ разными средствами. Кургановъ, который ночью, кажется, однажды пріѣзжалъ съ отвѣтомъ на батарею къ Паскевичу, опять поѣхалъ къ пашѣ, такъ что онъ случился въ крѣпости въ одно время съ В., и для сдачи покореннаго уже кровью Русскихъ Ахалцыха Грекъ и Армянинъ продолжали еще безполезные для насъ переговоры, срамя имя Русскихъ (Турки презираютъ и тѣхъ, и другихъ), и переговаривали по предметамъ, какъ кажется, имъ совершенно неизвѣстнымъ: ибо повидимому они не были снабжены какимъ либо обстоятельнымъ приказаніемъ со стороны Паскевича. Сакенъ же, или отъ справедливаго отвращенія къ употребленнымъ для переговоровъ двумъ лицамъ, или потому что полагалъ дѣло сіе стороннимъ его званію и занятіямъ, или во избѣжаніе всякаго столкновенія съ Паскевичемъ, не вмѣшался въ сіе и съ самаго утра поѣхалъ къ Попову, въ бастіонъ наканунѣ взятый, куда и я отправился, дабы проѣхать городомъ къ Грузинскому гренадерскому полку, коему назначено было вступить въ городъ нарѣчнымъ нижнимъ бастіономъ для занятія крѣпости (въ скорой сдачѣ ея уже не сомнѣвались болѣе). Сакенъ захотѣлъ вмѣстѣ ѣхать, и мы отправились. Мы проѣзжали по тѣснымъ улицамъ, заваленнымъ горящими бревнами, между коими лежали въ иныхъ мѣстахъ обгорѣлые трупы Турокъ; надъ оными рыдали и выли оставшіяся ихъ жены. Городъ былъ полонъ Ширванскими солдатами, которые все еще грабили. Толпы христіанъ, предшествуемые священниками со крестами, выходили на гору къ Паскевичу, прося защиты его и покровительства. Толпы сіи до самаго занятія крѣпости остались въ нашемъ лагерѣ, опасаясь мести Турокъ. Бѣдныя семейства сіи тогда возвратились въ развалины свои и отыскивали тѣла родныхъ своихъ, погибшихъ отъ Турокъ или нашихъ. Часть ихъ разселилась по другимъ мѣстамъ или переѣхала въ Грузію впослѣдствіи времени. Жители изъ Мусульманъ всѣ укрылись въ крѣпость или бѣжали. Евреи, коихъ въ Ахалцыхѣ довольно много, остались въ своихъ домахъ. Въ иныхъ домахъ слышанъ былъ крикъ жителей: ихъ грабили солдаты, коихъ было трудно поймать; такъ они были сторожки. По улицамъ въ иныхъ мѣстахъ было опасно ѣхать, и служившій при мнѣ въ должности адъютанта подпоручикъ Исуповъ едва съ лошадью не остался между горящими бревнами.

Проѣзжая черезъ Еврейское предмѣстье, въ которомъ иные зажигали дома, другіе тушили загорѣвшіеся, мы встрѣтили Грузинскій гренадерскій полкъ, вступившій уже въ городъ и шедшій къ крѣпости для занятія оной. Тутъ былъ и Симоничъ. Подходя къ оной, параллельно стѣнѣ, крытою улицею, составлявшею часть базара, въ разстояніи не болѣе 30 или 40 саженъ

отъ крѣпости, мы увидѣли, что на вершинахъ стѣны было много вооруженныхъ Турокъ, и слѣдственно крѣпость не была сдана. А потому полкъ былъ остановленъ, дабы не подвести его на открытое мѣсто и еще ближе къ бойницамъ, изъ коихъ, въ случаѣ несогласія Турокъ на сдачу, они могли пустить огонь изъ ружей въ нашу колонну и перебить много людей. Но Сакенъ, вѣроятно не обдумавшій сего обстоятельства, спросилъ, зачѣмъ полкъ остановился, и приказалъ подойти ближе къ крѣпости. Гренадеры пошли въ томъ же направленіи, какъ стояли, на небольшое пространство совершенно открытое и подъ прямымъ угломъ. Голова колонны повернула налѣво и вошла въ другой недлинный крытый рынокъ, ведущій прямо къ воротамъ крѣпости. Вышедши изъ сей крытой галереи, голова колонны очутилась у небольшаго моста, ведущаго черезъ почти заваленный небольшой ровъ противъ самыхъ воротъ крѣпости. Сіе внезапное появленіе войскъ на нѣсколько шаговъ отъ крѣпости, которая еще не сдалась, удивила Турокъ, которые съ ружьями въ рукахъ толпились почти надъ головами нашими, но не рѣшались стрѣлять. Малѣйшее отступательное движеніе съ нашей стороны неминуемо доставило бы градъ пуль со стѣны; а потому мы и остались въ томъ положеніи, какъ были. Я спрашивалъ Турокъ что̀ наши посланные (В. и Кургановъ) такъ долго дѣлаютъ въ крѣпости? Еще не кончили переговоровъ, отвѣчали они. Я требовалъ, чтобы отворили ворота и впустили офицера, котораго Сакенъ хотѣлъ послать къ нашимъ повѣреннымъ; отвѣчали, что воротъ отпирать не велѣно. Наконецъ, я требовалъ, чтобы сходили къ пашѣ спросить на то позволенія; одинъ изъ Турокъ пошелъ къ пашѣ и черезъ долгое время пришелъ съ отвѣтомъ, что паша офицера впустить позволилъ. Ворота едва отперлись, только чтобы пройти человѣку, и мы впустили въ крѣпость Эриванскаго карабинернаго полка поручика Харитона Потебню, офицера расторопнаго и бойкаго, находившагося при Сакенѣ, знавшаго говорить по-турецки. Я о семъ Потебнѣ, такъ сказать мною воспитанномъ въ полку, нѣсколько разъ упоминалъ, въ сихъ Запискахъ по отличнымъ его качествамъ и дарованіямъ. (Онъ погибъ въ Чарской экспедиціи въ неудачномъ дѣлѣ противъ Лезгинъ). Потебнѣ приказано было узнать у В. и Курганова, скоро-ли они окончатъ переговоры и въ чемъ препятствія, предваривъ ихъ, что мы уже были въ готовности занять крѣпость, подъ стѣнами коей стояли. Но у насъ не было ни орудій, ни лѣстницъ, и мы всего менѣе были въ готовности къ приступу, пришедши къ оной на такое близкое разстояніе, безъ всякой цѣли и разсчета.

Посланный нами Потебня долго не возвращался. Симоничъ запасся самоваромъ и завтракомъ. Мы завернули за уголъ и позавтракали,

нѣкоторые даже уснули. Все сіе продолжалось часа три времени. Наконецъ, крѣпостные ворота отперлись, и вышелъ къ намъ изъ оныхъ В. блѣдный, испуганный; на безобразномъ его носу въ рябинахъ созрѣвали крупныя капли пота. Онъ смотрѣлъ въ землю, какъ будто опасаясь намъ показать глаза свои, дабы мы не прочитали въ нихъ страха, объявшаго все его существо. Eh! Général Saken, général Mouravieff. Et voilà. Et voulez-vous entrer? Et voilà Achalzik, la forteresse, Kiesse-Metmed-pachà, были тѣ несвязныя слова, которыя онъ произнесъ, увидя насъ. Болѣе онъ ничего не сказалъ; слѣдственно мы не имѣли и настоящаго повода полагать, что крѣпость уже сдалась. Тѣмъ менѣе мы полагали сіе, что войскамъ не было дано и приказанія занять оную; но Сакенъ, въ семъ случаѣ также не обдумавшись, вскочилъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: Allons, Николай Николаевичъ! Не шло мнѣ останавливаться. Allons! отвѣчалъ я, и мы пошли въ крѣпость, коей двойные ворота за нами немедленно заперлись желѣзными запорами. Мы продолжали далѣе идти, сами не зная куда и зачѣмъ. Съ нами опять вошелъ В.; были Кургановъ, Абрамовичъ, Потебня, еще человѣка два и мой мальчикъ, который за мною всегда возилъ ружье. Толпа разноцвѣтно одѣтыхъ Турокъ со свирѣпыми и удивленными взглядами окружила насъ; между ними слышанъ былъ ропотъ неудовольствія. Все толпилось, двигалось. Съ мальчика моего, какъ я послѣ узналъ, хотѣли ружье сорвать; но онъ оттолкнулъ подошедшаго къ нему и сею дерзостью отдѣлался. Прошедши немного, мы повернули направо ко двору большой мечети, извѣстной въ Азіатской Турціи своими учебными заведеніями и училищемъ. Подъ воротами ограды встрѣтилъ насъ паша. Человѣкъ сей имѣлъ гораздо болѣе 40 лѣтъ, осанку благородную, простую, пріемы вѣжливые, наружность пріятную, одѣтъ точно Малекъ-Адель, въ шитыхъ снурками курткѣ и шароварахъ, съ небольшою чалмою на головѣ. Видъ его напоминалъ брата султана Саладина. Онъ не имѣлъ горделиваго вида единоземцевъ своихъ, не былъ окруженъ большою свитою, не переступалъ медленно, не говорилъ съ отвагою. Онъ былъ одинъ, привѣтливъ, но съ приличіемъ, ходилъ скоро, но безъ торопливости; словомъ, имѣлъ видъ отличный, былъ истинно похожъ на воина, за какого его знали и Турки. Кёссе-Магмедъ-паша былъ нѣкогда мамелюкомъ и служилъ въ Египтѣ противъ Наполеона. В. хвалился знакомствомъ своимъ съ нимъ, когда онъ былъ къ Царьградѣ драгоманомъ; но паша, не оскорбляя его, молчаніемъ своимъ не признавалъ знакомства съ человѣкомъ, коего онъ вѣроятно и прежде презиралъ, если зналъ его, а можетъ быть и нынѣ, по сношеніямъ въ переговорахъ, усугубилъ къ нему чувство презрѣнія своего. *C'est cela Кёссе-паша?* спросилъ Сакенъ. «*Oui, c'est lui*»,

отвѣчалъ съ боязливою улыбкою Грекъ, издавна привыкшій чтить и страшиться грозныхъ повелителей своихъ. Сакенъ сказалъ нѣсколько короткихъ обыкновенныхъ привѣтствій, которыя были переведены. Паша отвѣчалъ скромно и повелъ насъ во дворъ мечети, въ мигъ наполнившійся толпою за нами шедшею, коей число все увеличивалось.

Между привѣтствіями Сакена самое неловкое было названіе паши за каждымъ словомъ Кёссе-Магмедомъ: ибо, какъ мнѣ послѣ сказали Турки, называютъ Кёссею безбородыхъ, т. е. безснастныхъ. Паша въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ бороды; но онъ ее брилъ, а носилъ только усы, и его вѣроятно только потому называли въ народѣ Кёссею, и то за глазами.

Паша посадилъ насъ на одну изъ скамей, окружавшихъ небольшой фонтанъ, среди двора мечети, въ коемъ однакоже не было воды (и непонятно откуда могли ее нѣкогда вывести на сію вышину). Сакенъ, В. и паша сѣли рядомъ; болѣе мѣста не было, и я сѣлъ противъ нихъ на случившемся тутъ камнѣ. Пришедшіе съ нами офицеры остановились за скамьею; но какъ тѣснота все увеличивалась, то ихъ совсѣмъ почти прижали къ намъ, не взирая и на пашу, и на повторенныя его приказанія толпѣ отдалиться. Надобно предварить, что Ахалцыхъ былъ почти всегда въ независимости отъ Турецкаго султана. Народъ сей, хотя и считался подданнымъ Порты, но состоялъ изъ горцевъ и людей буйныхъ и мало кому-либо повиноваться привыкшихъ. Присутствіе паши, при коемъ оставалось лишь нѣсколько воиновъ, не устрашало ихъ.

Противъ насъ были нѣкоторые изъ старшинъ Ахалцыха, и между прочими Фетъ-Улла, человѣкъ замѣтный по безобразной величинѣ головы своей, грубымъ чертамъ лица и пріемамъ, высокому росту, нахмуренному и свирѣпому взгляду и по громкому своему голосу.

Не знали, съ чего начать разговоръ; ибо мы безъ всякой цѣли вошли въ крѣпость. В., указывая на Сакена, рекомендовалъ его какъ визиря и полномочнаго главнокомандующаго; но Турки, взглядывая на молодаго человѣка, малаго роста, жидкаго сложенія, проворнаго въ движеніяхъ, не разумѣющаго языка ихъ, казалось, будто сомнѣвались въ немъ и нѣсколько разъ обращались ко мнѣ, вѣроятно по дородности моей, большой медленности въ движеніяхъ и въ особенности потому что я зналъ ихъ языкъ. Наконецъ, переходя отрывисто и безъ связи съ одного предмета къ другому, попали на статью о сдачѣ крѣпости. Сакенъ болѣе спрашивалъ, что̀ говорятъ; ибо разговоръ сдѣлался общій и самый живой, такъ что ему не успѣвали всего переводить. В. молчалъ и все ссылался на Сакена, коему не довѣряли. Голоса̀ все прибавлялись и становились громче, такъ что я кое-какъ могъ разо-

брать, въ чемъ состояло дѣло. На статьи, которыя изложилъ В. на бумагѣ, Турки соглашались. Имъ всего драгоцѣннѣе казалось, что одною изъ сихъ статей обезпечивались собственность каждаго и имущество; но старшины утверждали, что бумага сія, которая, помнится мнѣ, уже была утверждена печатью Паскевича, принадлежала имъ, т. е. остающимся или городу, а не пашѣ и бывшимъ при немъ нѣсколькимъ всадникамъ, которые по сдачѣ крѣпости удалятся во внутренность государства и, увозя съ собою бумагу сію, оставятъ городъ безъ всякаго поручительства. Оно, съ одной стороны, и правильно было; но паша говорилъ, что онъ старшій чиновникъ въ городѣ и крѣпости, будучи присланъ отъ своего государя, что онъ сдаетъ крѣпость, а потому и долженъ государю своему дать отчетъ о сей сдачѣ и показать, какія онъ успѣлъ выговорить условія въ пользу жителей. Дабы помирить обѣ стороны (ибо весь народъ окружавшій насъ принималъ участіе въ семъ прѣніи), В. предлагалъ немедленно снять списокъ съ условій, который бы засвидѣтельствовалъ Сакенъ (или, какъ онъ его называлъ, визирь) приложеніемъ своей печати; но Турки, взглядывая на Сакена, не соглашались и продолжали крикъ и шумъ. Паша былъ всѣхъ скромнѣе; но видно было, что его удручала мысль о неудачахъ его и уменьшеніи власти, которую среди сего буйнаго народа могли поддержать только человѣкъ 20 его воиновъ, съ нимъ оставшихся. Все говоренное старшинами, въ особенности свирѣпымъ Фетъ-Уллою, коего я уподоблялъ au sanglier des Ardennes *), были укоризны, и душу воина сего тяготило такое положеніе. Не теряя однакоже присутствія духа, онъ хладнокровно беретъ изъ рукъ В. бумагу, какъ признаваемую имъ собственность; но бѣшеный Фетъ-Улла вдругъ вскакиваетъ и, подбѣжавъ къ нему, вырываетъ у него бумагу изъ рукъ, закричавъ, что онъ сего не допуститъ. Толпа вооруженныхъ начинаетъ волноваться; не хотятъ болѣе и крѣпости сдаватьРусскимъ, и по первому отголоску изъ толпы о убіеніи невѣрныхъ, насъ бы въ мигъ разорвали на части.

Видя смятеніе сіе, которое могло дурно кончиться, я разсчиталъ, что надобно было заблаговременно и какъ можно скорѣе готовить себѣ партію въ толпѣ и избралъ пашу, коего и видъ, и пріемы показывали болѣе достоинства. «Паша! вскричалъ я вскочивши, *и ты позволяешь симъ старшинамъ, симъ жителямъ, за коихъ войско твое проливало столь храбро кровь свою въ жаркихъ битвахъ для защиты ихъ, ты позволяешь имъ толикую дерзость передъ тобою? Толикая неблагодарность со стороны ихъ заслуживаетъ ли твое снисхожденіе?»* Паша

*) Вепрю Арденскихъ горъ.

всталъ, не говоря ни слова и, раздвигая толпу, пробрался черезъ дворъ мечети въ маленькую комнату, находившуюся въ стѣнахъ первыхъ воротъ, въ которую онъ спустился по нѣсколькимъ ступенямъ и такимъ образомъ исчезъ.

Намъ неизвѣстно было, съ какимъ намѣреніемъ паша отъ насъ ушелъ и укрылся въ конурѣ. Между тѣмъ намъ не хотѣлось остаться одпимъ безъ него, среди разъяренной толпы, и потому какимъ-то общимъ движеніемъ мы всѣ пошли за нимъ; но когда онъ ушелъ въ дверь, то уже толпа отдѣлила его отъ насъ, и мы не могли никакого толку добиться. Однако Сакенъ, выведенный изъ терпѣнія, требовалъ настоятельно, чтобы пашѣ сказали, что онъ нарушаетъ вѣжливость, коею онъ намъ былъ обязанъ. Но вскорѣ паша вышелъ изъ берлоги своей и, пройдя мимо насъ безъ всякаго къ намъ вниманія, почти взбѣжалъ по каменнымъ ступенямъ на крѣпостную стѣну, близъ коей сіе второе дѣйствіе происходило, и опершись на стоявшее на оной орудіе къ зубцамъ, обращенный къ намъ задомъ, смотрѣлъ въ неподвижномъ положеніи на нашъ лагерь, изъ укрѣпленій коего вышли грозныя колонны наши, покорившія Ахалцыхъ и поглотившія всю предшествовавшую его славу. Всѣ дѣйствія и движенія паши обнаруживали человѣка сильно чувствующаго срамъ побѣжденнаго и непокорность подчиненныхъ ему и опасавшагося еще неволи въ рукахъ побѣдителей. Казалось мнѣ, что онъ былъ готовъ въ эту минуту на все рѣшиться и если бы онъ насъ связанныхъ выставилъ на стѣнѣ, то могъ бы надѣяться получить какія ему угодно условія.. Паскевичъ послѣ говорилъ, что онъ на сіе бы не посмотрѣлъ, оставилъ бы насъ на жертву Туркамъ и началъ бы крѣпость снова бомбардировать... Меня увѣрялъ Кургановъ, что паша въ это время приказалъ наводить орудія на нашъ лагерь, а Абрамовичъ, что изъ мечети вынесли пучки ружейныхъ кремней, которые раздавали въ толпѣ; но я ни того, ни другаго не слыхалъ и не видалъ и готовъ вѣрить, что это прикраса, ими изобрѣтенная, дабы болѣе выставить опасность нашего положенія.

Выйти изъ крѣпости намъ не было возможности, по тѣснотѣ, въ которой мы находились. При томъ же, малѣйшее отступательное движеніе съ нашей стороны рѣшило бы и участь нашу. Самое короткое средство, которое намъ представилось, было поспѣшнѣе снять копію съ договорныхъ статей и послать ее опять на другое утвержденіе главнокомандующему; но всѣ кричали и толкались. Какъ тутъ было писать? Однакоже Грекъ В., у коего потъ отъ страха лился со всѣхъ рябинъ лица, пріютился на каменныхъ ступеняхъ и сталъ проворно снимать копію сію на Турецкомъ языкѣ (Азіатцы пишутъ безъ столовъ, на своихъ колѣнахъ); а Кургановъ, какъ хитрый и ловкій Армя-

нинъ, не потерявши присутствія духа, сталъ унимать толпу разными разсказами. Около него собирались кучки и слушали со вниманіемъ; но, видя, что онъ ничего дѣльнаго не говорилъ, отходили и снова начинали шумѣть и толкаться. Тогда Кургановъ бросался въ другую сторону, и новая кучка любопытныхъ окружала его. Такимъ образомъ онъ выигрывалъ время, дабы В. могъ безвозбранно снять свою копію. Я тоже разговаривалъ съ подходящими ко мнѣ. Мы съ Сакеномъ звали пашу сойти къ намъ, но были прерываемы окружавшими насъ, и паша даже не оглядывался. Однажды только онъ обернулся и, спустившись нѣсколько ступеней по лѣстницѣ, по коей онъ взошелъ и въ низу которой сидѣлъ В., остановился и, нагнувшись въ толпу, позвалъ одного человѣка, одѣтаго въ красный кафтанъ, и поговорилъ ему на ухо. Человѣкъ сей, во время полученія сего приказанія, взглянулъ на насъ и, кивнувъ головою, какъ бы въ знакъ того, что онъ понялъ отданное ему приказаніе, отошелъ, пробираясь къ сторонѣ, гдѣ стоялъ Сакенъ.

Я видѣлъ всѣ движенія паши и наблюдалъ за оными со вниманіемъ. Отданное имъ приказаніе, котораго я разслышать не могъ, казалось мнѣ подозрительнымъ, тѣмъ болѣе, что получившій оное имѣлъ совершенный видъ палача: смуглое и свирѣпое лице его выражало какое-то кровоядное и звѣрское существо, и я, схватившись крѣпко за ефесъ своей шашки, дабы защищаться въ случаѣ надобности, закричалъ Сакену и находившимся съ нимъ, отъ коихъ я на нѣсколько шаговъ отстоялъ: Messieurs, garre l'homme en rouge, qui vous approche *).

Они остереглись. Между тѣмъ списокъ съ условій поспѣлъ. В. вскочилъ и, торжественно показывая оный, предлагалъ отправить его къ корпусному командиру для утвержденія подписью. Мнѣ все казалось, что споръ о спискѣ былъ только послѣдствіемъ какой-либо другой важнѣйшей ссоры между начальниками, которая отъ насъ была скрыта. Какъ бы то ни было, свирѣпый Фетъ-Улла подхватилъ его (подлинный былъ въ рукахъ В., который списывалъ съ онаго) и большимъ звѣринымъ шагомъ пошелъ къ воротамъ. Одного вида его было достаточно, дабы толпа раздалась. За нимъ, какъ за кораблемъ, оставалась струя, съ коей еще не слился раздавшійся народъ, и мы поспѣшили втереться въ отверстую струю, слѣдуя за Фетъ-Уллою большими шагами, какъ будто кончивши какое дѣло. Мы спѣшили къ крѣпостнымъ воротамъ, дабы успѣть выдти въ оные, когда ихъ ото-

---

*) Господа, берегитесь человѣка въ красномъ, который къ вамъ приближается.

прутъ для Фетъ-Уллы. Народъ, видя насъ слѣдующими за нимъ, не останавливалъ насъ; но одинъ изъ чиновниковъ Турецкихъ, замѣтя, что я зналъ языкъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, чтобы, идучи, были мы осторожны и осматривались; ибо народъ нашъ, продолжалъ онъ, свирѣпъ и безразсуденъ. Человѣкъ этотъ все время не отходилъ отъ насъ и, кажется мнѣ, былъ привратникъ крѣпостной. Мы подошли къ воротамъ, ихъ отперли, и мы хлынули изъ крѣпости, будучи весьма довольны, что такъ отдѣлались.

Подходя къ воротамъ, я удивился, увидя Эриванскаго карабинернаго полка прапорщика Букаря, котораго окружили Турки. Онъ вышелъ съ нами, и я узналъ послѣ, что офицеръ сей гдѣ-то перелѣзъ черезъ стѣну; ибо во время шума Турки, кажется, сошли со стѣнъ и всѣ обратились на дворъ мечети, гдѣ мы были.

Фетъ-Улла немедленно поѣхалъ съ условіемъ къ корпусному командиру на главную батарею.

Тутъ стали мы разсуждать о неловкомъ поступкѣ нашемъ, ожидая подъ стѣнами возвращенія Фетъ-Уллы. Я не успѣлъ тогда войти въ подробности всего договора. Тѣмъ болѣе не могъ я сего сдѣлать, что дѣло сіе не было поручено мнѣ; но казалось мнѣ, что все случившееся въ крѣпости попрепятствовало нашимъ полномочнымъ выговорить лучшія условія. Казалось мнѣ, что Турки опасались, чтобы мы не перемѣнили условій, которыя были слишкомъ въ ихъ пользу выговорены, и ошибка Сакена, робость В. были сему причиною. Но главное было то, что Грека и Армянина мало занимала слава оружія нашего; они, кажется, не были и снабжены какимъ-либо наставленіемъ.

Словомъ, пашу со всѣмъ войскомъ выпущали изъ крѣпости съ ихъ имуществомъ, куда они хотятъ, безусловно. Жители должны были разойтись по своимъ домамъ; мы ручались за неприкосновенность ихъ, но по слабому смотрѣнію начальниковъ, многихъ разграбили послѣ выхода изъ крѣпости, себѣ же оставили крѣпость съ пушками, арсеналомъ и магазейномъ, въ коемъ было только 25 четвертей пшеницы.

Еще бы нѣсколько бомбъ въ крѣпость пущенныхъ, нѣсколько по болѣе настойчивости отъ Паскевича, и паша съ нарядными своими чиновниками и войскомъ украсили бы въ рядахъ плѣнныхъ трофеи наши...

Черезъ часъ Фетъ-Улла возвратился къ воротамъ крѣпости съ подписаннымъ Паскевичемъ листомъ. Я готовъ былъ стащить грубіяна сего съ лошади, но не сдѣлалъ сего, опасаясь заслужить неудовольствіе начальства своего. Онъ вошелъ въ крѣпость, ворота опять заперлись, и мы еще около часу дожидались. Стѣны снова покрылись вооруженными людьми. Мы спрашивали, скоро ли сдадутъ крѣпость. Намъ от-

вѣчали «*скоро, скоро*», но никто не шевелился; наконецъ, ворота опять отперлись, но не болѣе какъ на одного человѣка. Въ сію щель попеременно засматривали Турки на насъ и опять запирали ворота. Можно было видѣть, что за оными происходило нѣкоторое движеніе, но не рѣшались еще совершенно отперетъ ворота, вѣроятно опасаясь, чтобы мы не ворвались. Опасеніе сіе было даже намъ объявлено Турками, коихъ жены должны были мимо насъ проходить, и предметъ сей былъ, можетъ быть, отчасти и причиною тому, что паша столько старался выдти изъ крѣпости со всѣмъ имуществомъ. Мы успокоили Турокъ и стали противъ самаго мостика. Наконецъ, ворота отперлись настежъ, и шествіе началось.

Паша ѣхалъ на богато убранномъ конѣ и съ моста повернулъ тотчасъ налѣво, прямо къ селенію Суклисъ (гдѣ стоялъ съ отрядомъ Раевскій), нисколько и не спрашивая о Паскевичѣ, котораго онъ и не видалъ; а тотъ и позабылъ спросить о пашѣ...

За пашей ѣхало нѣсколько богато одѣтыхъ молодцоватыхъ Турокъ, а за ними человѣкъ до 400 пѣшаго войска, нерегулярнаго, съ ружьями, и среди ихъ нѣсколько женщинъ, верхомъ или на носилкахъ, закрытыя длинными саванами. Тамъ пошла толпа жителей, женщинъ и мужчинъ, большею часть невооруженныхъ, довольное число раненыхъ, коихъ вели и несли на рукахъ или носилкахъ. Всего было отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ народа—голоднаго. Какое бы страшное дѣйствіе произвели наши бомбы, ложась посреди ихъ въ тѣсноту. Мы и безъ того нашли въ крѣпости раненыхъ и убитыхъ на улицахъ и площадяхъ, которыхъ Турки не успѣли подобрать. Паша былъ у Раевскаго, былъ имъ принятъ и обласканъ, что̀ его тронуло; онъ, кажется, не ожидалъ великодушія отъ Русскихъ. Поблагодаривъ Раевскаго, онъ сѣлъ верхомъ и уѣхалъ къ Ардегану, откуда проѣхалъ внутрь государства своего.

Какъ скоро шествіе кончилось, мы вступили въ крѣпость. Я занялся немедленно устроеніемъ вездѣ постовъ, ибо былъ начальникомъ вступившихъ войскъ и въ эту ночь ночевалъ близъ мечети.

Паскевичъ, помнится мнѣ, прибылъ только на другой день, и какъ я его водилъ по разнымъ мѣстамъ, то и нашелъ въ арсеналѣ старые бунчуки, о которыхъ упомянуто въ реляціи. Близъ мечети была найдена тоже вызолоченная луна, сбитая съ оной нечаянно ядромъ, которую также отправили въ трофеи.

Раненыхъ и убитыхъ было предоставлено убрать самимъ жителямъ. Впрочемъ, все въ крѣпости было въ довольно большомъ безпорядкѣ и въ большой нечистотѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ Турецкихъ городахъ. Чумы тогда не оказалось; но въ слѣдующіе мѣсяцы

она появилась въ войскѣ и, продолжая опустошенія свои долгое время перевела много народа.

Меня занимало видѣть учебныя заведенія славной Ахалцыхской мечети, и я осмотрѣлъ библіотеку, въ коей было довольно большое число рѣдкихъ восточныхъ книгъ; послѣ поручено было мнѣ сдѣлать опись имъ съ переводчикомъ Аббасъ-Кули. Я разсматривалъ библіотеку сію съ помощью одного ученаго и умнаго муллы, съ которымъ мы раздѣляли книги по разрядамъ: словесности, богословія, исторіи, географіи, астрономіи и проч. Я нашелъ также небольшой деревянный квадрантъ. Мулла зналъ про астролябію, почему я и заключилъ или утвердился въ мнѣніи своемъ, что мы изъ невѣжества называемъ Азіатцевъ непросвѣщенными. Они вообще любятъ науки, уважаютъ ученыхъ и имѣютъ много книгъ; но просвѣщеніе между ними не столько распространено, какъ между нами.

При осмотрѣ или описи сей библіотеки случился анекдотъ, помѣщенный мною въ «Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ». Ядро, изъ осаднаго орудія пущенное, пролетѣло въ окно во время осады и, разбивъ уголъ онаго, осыпало часть извѣстной комнаты и осталось на полу. Поднявъ ядро сіе, я подалъ оное муллѣ и спросилъ его въ шутку, къ какому разряду должно бы занести въ опись вещь сію, найденную также въ библіотекѣ. Повернувъ оное нѣсколько въ рукахъ своихъ, мулла отвѣчалъ: *ядро сіе принадлежитъ къ разряду превратностей міра сего; нынѣ оно восторжествовало*. Отвѣтъ прекрасный и исполненный глубокомыслія о перемѣнахъ судебъ нашихъ, коимъ онъ уподобилъ круглое тѣло сіе. Библіотека сія, или часть оной, была впослѣдствіи времени отправлена въ Петербургъ въ государственную библіотеку. Турки очень сожалѣли о семъ. Съ занятіемъ нашимъ Ахалцыха уничтожилось и училище или академія ихъ. Не должны ли они насъ считать за варваровъ, губителей просвѣщенія и образованія?

Выше сдѣлалъ я нѣкоторое описаніе Ахалцыхской крѣпости, а потому и не буду повторять здѣсь онаго. Внутри крѣпости нечистота была чрезвычайная, исключая двора, на коемъ были гробницы какихъ-то святыхъ людей, кажется, строителей мечети, и ограды мечети, какъ и строеній среди оной, которыя были построены и содержаны тщательно. Тутъ жили вѣроятно прислужники мечети, муллы и учители; въ нѣкоторыхъ комнатахъ, отдѣланныхъ очень опрятно изъ плитъ дикаго камня, находились разбросанныя книги, чтò означало жилье ученаго. Прочихъ строеній было весьма много во всѣхъ оградахъ крѣпости, которая раздѣлялась въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣнами съ воротами и бойницами; но все было содержано въ большой нечистотѣ, исключая большаго деревяннаго магазина, видно, недавно выстроеннаго и про-

стрѣленнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ нашими ядрами. Домъ паши былъ также неопрятенъ и расположенъ безъ всякаго удобства. Остальные домà, принадлежавшіе въ большинствѣ частнымъ лицамъ, были какъ будто прилѣплены одинъ къ другому и къ стѣнамъ крѣпости, такъ что во многихъ мѣстахъ плоскія крыши оныхъ служили банкетомъ, и по стѣнамъ крѣпости нельзя было вездѣ пройти, а надобно было прыгать съ одной крыши на другую и обходить трубы и всякія пристройки, на крышахъ поставленныя. Самыя стѣны крѣпости и башни становились ветхи, и ихъ было бы весьма не трудно повалить изъ нашей осадной артиллеріи. Ровъ былъ почти совсѣмъ заваленъ; нечистота такая, что отъ времени оная превратилась въ грунтъ земли и служила кладбищнымъ мѣстомъ, ибо во рву семъ найдено много памятниковъ. Но посверхъ сего грунта возвышались новѣйшія скопища нечистоты и навоза, выбрасываемыя изъ крѣпости за стѣны и образовавшія въ иныхъ мѣстахъ груды на $^2/_3$ всей вышины стѣны, по коимъ можно было почти взбѣжать свободно. Такое состояніе крѣпости сродно Туркамъ; но простительно-ли намъ не исправить сего послѣ 8-ми мѣсячнаго владычества нашего? Весною 1829 года, когда Аджарцы осадили насъ въ Ахалцыхѣ, вся крѣпость еще находилась въ томъ-же положеніи.

Въ одной части стѣны у Турокъ были сдѣланы казармы или родъ казармъ, съ какою цѣлью, того не знаю; ибо у нихъ не было регулярныхъ войскъ, и устройство сіе, какъ видно, было давнишнее и въ такомъ небреженіи какъ и все прочее. Однако они нѣсколько исправили внутренность большихъ башенъ и устлали ихъ платформами, надъ коими устроили пороховые погреба; сходы же къ водѣ были совсѣмъ запущены съ давняго времени, и они не нуждались въ нихъ: ибо мы, не обнимая всей крѣпости, не препятствовали имъ во время осады ходить за водой. Но тутъ преимущественно была такая нечистота и такой запахъ отъ падали, что трудно было по сему мѣсту пройти. Какъ не быть заразѣ въ такой неопрятности!

17-е число было назначено приказаніемъ корпуснаго командира для похороненія съ почестями убитыхъ Бородина, Рыдзевскаго и другихъ офицеровъ. Дни были жаркіе, и шествіе медленно шло по полю сраженій 9-го и 15 Августа, на коемъ еще были не убраны тѣла перваго дня. Смрадъ былъ нестерпимый... Бородина никто въ особенности не любилъ, и всѣ бывшіе на сихъ похоронахъ прибыли изъ уваженія къ волѣ начальника и собственно не къ лицу Бородина, а къ падшимъ въ бою сослуживцамъ.

Такимъ образомъ началось и совершилось славное покореніе Ахалцыха. Были частные подвиги весьма блистательные, и войска наши

послѣ сего были истинно непобѣдимыя. Ширванскій пѣхотный полкъ названъ полкомъ графа Паскевича-Эриванскаго, и всѣ участвовавшіе въ сихъ побѣдахъ получили значительныя вознагражденія. Тѣмъ болѣе славились наши побѣды, что въ тоже время въ Европейской Турціи одна неудача слѣдовала за другой и что дѣла наши въ той странѣ срамили и оружіе Русское, и начальниковъ.

Подвиги Ахалцыхскіе были прославлены и между солдатами въ пѣсняхъ; явились между ними стихотворцы, и нѣкоторыя изъ сихъ пѣсней были напечатаны въ «Инвалидѣ». Но вотъ еще одна неизвѣстная, которая была сочинена безграмотнымъ рядовымъ Кузьмою Любимовымъ, Херсонскаго гренадерскаго полка.

Ночь ужасна наступала,
Канонада замолчала;
Вдругъ весь Русскій лагерь снятъ,
Чтобъ Халцыхъ бы городъ взять.

***

Полки тихо собирались,
Всѣ въ колонны устроялись.
Въ восьмсотъ двадцатъ осьмомъ
Ахалцыхъ городъ возьмемъ.

Рядовому сему вѣроятно памятно было пораженіе претерпѣнное полкомъ, въ коемъ онъ служилъ въ 1810 году подъ Ахалцыхомъ, и онъ какъ-бы пророческимъ выраженіемъ старается оправдать невозможность покоренія онаго до 1828 года.

Данъ былъ тихой знакъ походу,
Храбро-Русскому пароду,
Съ обѣщаньемъ всѣхъ наградъ,
Чтобы городъ штурмой взять.

***

Всѣ колонны подвигались,
Знакъ весть штурму дожидались,
Спѣша брать скорѣй начать,
Спѣша городъ штурмой взять.

***

Начальники тутъ спѣшили,
Подчиненнымъ говорили:
Дѣти, время Турокъ бить,
Время въ городѣ намъ быть!

***

Всѣ солдаты отвѣчали:
Мы давно сего желали,
Чтобы Турокъ истребить
Чтобы въ городѣ намъ быть.

***

Пойдемъ драться съ врагомъ гордымъ;
Онъ довольно былъ упорнымъ.
Пора гордость наказать,
Пора городъ штурмой взять.

***

Недалеко войски стали.
Турки все еще молчали;
Ихъ наши не помышляли,
Чтобъ Пашкевичъ городъ взялъ.

***

Какъ увидѣли злодѣи
Со высокой батареи,
Громко начали кричать:
Идутъ Русски городъ брать!..

***

По пинеры *) подбѣгали,
Палисадникъ подрубали.
Жужжатъ пули, гремятъ пики,
Летятъ камни, грохъ великій.

***

Ой, смерть вьется надъ главами.
Турки суются толпами,
Чтобы стѣну защитить,
Дѣтей своихъ сохранить.

***

Шереванцы были въ славѣ,
Были первы у канавѣ,
Влѣзли прежде всѣхъ на валъ,
Какъ врагъ храбро ни стоялъ.

***

Предводители всѣ смѣлы,
Знали должность ихъ и дѣло,
Войски тщились ободрить
Впереди спѣшили быть

***

Дѣти стойте, мы всѣ съ вами,
Идемъ драться со врагами.
Грахъ Пашкевичъ подкрѣпитъ;
Онъ готовъ, возлѣ стоитъ.

***

Турокъ крѣпко защищался,
Долго Русскимъ не давался.
По что̀ можетъ противъ стать?
Русски лѣзутъ городъ брать.

***

Не смотря па гонь жестокій,
Не смотря на ровъ глубокій,
Ни на крѣпкой палисадъ,
Русски лѣзутъ городъ брать.

***

Неиріятель устрашився,
Онъ отъ валу удалився,

*) Піонеры.

Батареи ставъ бросать,
Русскіе ура кричать.

***

Разсыпалися по граду,
Въ нутрахъ ищутъ всѣ отраду;
Но Кирсонцы тутъ стоятъ,
Во всѣ стороны глядятъ.

Сіе списано при мнѣ со словъ сочинителя. Не понимаю, какъ онъ далъ Малороссійское измѣненіе буквы *л* на букву *в*; полагать надобно по близкимъ сношеніямъ съ какимъ-нибудь Малороссіяниномъ, съ коимъ онъ былъ друженъ въ ротѣ, или онъ вставилъ сіи стихи въ сочиненіе свое, слышавъ ихъ прежде отъ кого нибудь.

Сочинитель коснулся тутъ безнравственности Ширванцевъ, которыхъ онъ однакоже не назвалъ; но дабы означить ихъ, выставилъ безкорыстные подвиги своихъ однополчанъ, которые хотя и не были въ столь сильномъ и долгомъ какъ Ширванцы огнѣ, но соблюли болѣе порядка и показали болѣе устройства.

Генералъ Саксенъ и съ нами,
Всѣ враги вѣдь передъ нами.
Гарнадеры, не робѣйте,
Пули, порохъ не жалѣйте.

***

Вы палите и колите,
Своей жизни не щадите.
Гарнадеры отвѣчали:
Мы давно того желали,

***

Чтобы Турокъ истребить,
Отечество защитить.
Еще силы устоятъ.
Ура Кирсонцы кричатъ,

***

Сбивши уголъ, что̀ близъ дома,
Гдѣ пашу ждала неволя.
Опять началъ онъ стрѣлять,
Чтобы Русскихъ отогнать.

Сочинитель по видимому не зналъ, что паша въ неволѣ не былъ; впрочемъ онъ только упоминаетъ о томъ и очень правильно объ ожидавшей его неволѣ.

Но не стало ужъ въ немъ силы;
А вы Турки ему милы,
Кои, какъ снопы, летятъ;
Егеря̀ крѣпко тѣснятъ...

***

Они скрыться хотять въ горы
Отъ несчастной своей доли;
Но куды ему бѣжать?
Русски всюду ихъ разять..

⁂

Кто васъ можетъ защитить?
Покоритеся державѣ,
Что̀ цвѣтетъ въ великой славѣ.
Грахъ Пашкевичъ пощадитъ,
Всѣхъ Россіей защититъ.

Послѣдніе стихи сіи содержатъ по мнѣнію моему прекрасную мысль, весьма приличную къ заключенію.

Бурцовъ говорилъ мнѣ, что рядовой сей сочинилъ пѣснь сію, когда часть полка Херсонскаго, въ коей онъ находился, расположена была въ крѣпости Ацхурѣ и что, дабы безпрепятственно предаться постигнувшему его духу стихотворенія, онъ запирался четыре дня сряду въ ротной банѣ, откуда и вышелъ съ твореніемъ симъ, вытверженнымъ наизустъ. Я призывалъ рядоваго сего къ себѣ на слѣдующій годъ послѣ взятія Эрзрума и списалъ со словъ его стихи сіи. Рядовой сей не показывалъ ничего особеннаго и наружности былъ довольно простой и грубой. Дарованія его къ стихотворенію вѣроятно бы развились, еслибъ онъ былъ рожденъ въ другомъ сословіи и получилъ бы воспитаніе.

(*Продолженіе будетъ*).

Все вышенапечатанное изложено на досугѣ, черезъ много мѣсяцевъ послѣ событій и вдали отъ мѣстъ, гдѣ они совершались. Эту часть Записокъ своихъ Н. Н. Муравьевъ писалъ въ 1831 и 1832 годахъ, находясь на службѣ въ Югозападномъ краѣ, слѣдовательно совершенно въ другой сравнительно съ Закавказьемъ обстановкѣ. Оттого замѣчается и разница въ пріемахъ повѣствованія, которое ведено по черновымъ отмѣткамъ дневника, съ извѣстною долею спокойствія и безъ той рѣзкости, которою иной разъ отличаются многія поденныя отмѣтки этихъ Записокъ за предшествующее время. Тутъ мы слышимъ уже нѣкоторое признаніе воинской опытности Паскевича.

Слава, государственная доблесть и заслуги князя Ивана Ѳеодоровича остаются для безпристрастнаго потомства непререкаемы. Что̀ касается до пылкости знаменитаго вождя и неровностей въ его характерѣ, то они засвидѣтельствованы и письмами къ нему самаго Государя Николая Павловича, напечатанными въ третьемъ томѣ извѣстной книги князя Щербатова (Спб. 1891). П. Б.

ВОЛНЫ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ.

Почившій недавно преосвященный Гермогенъ написалъ прекрасное стихотвореніе „Житейское море.“ Оно помѣщено въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ 1883 года.

Прочитавъ эти гармоническіе, волнующіеся стихи, проникнутые, при глубинѣ мысли, теплотою христіанскаго чувства, мы невольно вспомнили далекое прошлое, ту школу, въ которой и мы учились. Что̀ же можно сказать объ этомъ времени? Одно хорошее? Но на это замѣтятъ: старики любятъ хвалить все старое. Поставить это время въ тѣни или нарисовать его однѣми мрачными красками? Но если первое будетъ не справедливо, то и во второмъ окажется не все правдой. Строгій классицизмъ и строгая сосредоточенность въ тѣхъ предметахъ, которые соотвѣтствовали духовно-учебному заведенію—вотъ главная, отличительная черта школы того времени. А за симъ и другія: трудъ и самая настойчивая выработка мыслительныхъ силъ. Да, въ ту пору эта выработка по преимуществу имѣлась въ виду. Насъ не томили множествомъ разнообразныхъ научныхъ занятій, но намъ давали для письменныхъ работъ (на которыя и обращалось особое вниманіе нашихъ руководителей), и притомъ не коротенькихъ, по очередно, то на Русскомъ, то на Латинскомъ языкахъ, большею частію отвлеченныя темы и почти исключительно философско - богословскаго содержанія. Надъ подобными темами нужно было сильно напрягать голову; но эта напряженность естественно развивала и пріучала ее къ сосредоточенности, къ самой строгой логикѣ въ сужденіяхъ, въ построеніи мыслей и въ изложеніи ихъ. Для примѣра возмемъ поэзію. Хотя въ то время смотрѣли на нее скорѣе какъ на забаву, чѣмъ на предметъ достойный изученія, однако и она, эта поэзія, была такъ поставлена, что вызывала напряженную работу головы. Читали намъ напр. такіе образчики поэтическаго творчества:

„Стукнуло, грянуло, комаръ съ дубу свалился,
Великій шумъ учинился“.

Что̀ мы могли почерпнуть изъ этого руководства? А каковы были другіе источники для развитія поэтическихъ талантовъ? Теперь даже не повѣрятъ, если сказать, что мы не видали стиховъ Пушкина, Жуковскаго, Державина, Ломоносова, Козлова, Крылова, Дмитріева и др. *печатными*; излюб-

ленные стихи этихъ поэтовъ мы читали по рукописямъ, которыя сами же тщательно (какъ и подобаетъ изящнымъ произведеніямъ) переписывали въ особыя тетрадки. Это не то, что теперь, когда любому школяру доступны цѣлые томы художественныхъ произведеній и своихъ поэтовъ, и чужихъ. При такой скудной обстановкѣ для поэтическаго воодушевленія чего, однако, отъ насъ требовали? Во первыхъ, писать стихи на заданную тему, писать всѣмъ безъ исключенія. Каково, спрашивается, это требованіе было для тѣхъ, которые рѣшительно не чувствовали въ себѣ искры поэтическаго таланта? Но дѣлать было нечего; нужно было шевелить мозгами и даже плакать надъ пустымъ листкомъ бумаги. „Пиши, коли задано; тупа голова—усерднѣе молись Богу!" И писали. Какъ? Объ этомъ и спрашивать нечего; да и сами наставники не слишкомъ много обращали вниманія на качество поэтическаго произведенія; главная цѣль у нихъ была: дать трудъ, работу головѣ, т. е. развивать мыслительныя молодыя силы. Во вторыхъ, и темы для поэтическихъ вдохновеній давались такія, что снова приходилось напрягать мозги. Требовались если не чувства, то мысли, хотя бы и подъ оболочкой „рубленой" прозы. Мы помнимъ напр. слѣдующія темы: На смерть друга (ода), Чтецъ Псалтыри и покойникъ (баллада), Медвѣдь и Ребенокъ (басня), Чувства христіанина при восходѣ солнца, Переложенія такого-то псалма и т. п. И что же выходило? Изъ 60—70 учениковъ десятокъ или и того болѣе подавали учителю стихи, заслуживавшіе одобренія; но большинство стихотвореній, конечно, было предметомъ смѣхотворенія, когда подвергалъ ихъ критикѣ наставникъ поэтическаго творчества. Мнѣ какъ-то удавались стихи; и какъ теперь помню, что у меня были ушки на макушкѣ, когда за басню мнѣ было сказано: Да ты не хочешь ли быть вторымъ Крыловымъ? Право, у тебя замашки Крыловскія.— Крыловымъ? А зналъ ли я три-четыре басни безсмертнаго нашего баснописца?

Итакъ, тѣни нашего образованія или мрачныя краски школы давняго времени слагались изъ бѣдноты источниковъ или пособій для развитія способностей души; а какова была бѣднота обстановки въ тогдашней духовной школѣ, можно судить по слѣдующему: преподаватель географіи только однажды принесъ въ классъ карту Европы, единственную въ училищной библіотекѣ, и принесъ едва ли не съ единственною цѣлію показать объемъ Русскаго царства, которое онъ и обводилъ по картѣ перстомъ своимъ.

По отношенію къ другимъ предметамъ, считавшимся главными, была таже бѣднота. Сколько томовъ было проповѣдей въ тѣ времена? Теперь большая часть твореній великихъ Отцевъ Церкви переведена на Русскій языкъ; а мы какъ знакомились съ ними? Дадутъ тебѣ фоліантъ, который едва тащишь; одинъ столбецъ по-гречески, другой по-латыни, читай на какомъ угодно языкѣ; но отчетъ въ прочитанномъ къ такому-то дню дай. И давали! (Впрочемъ это бремя возлагалось только на передовыхъ учениковъ). Давали; да развѣ мыслимо было въ тѣ поры не дать? Что же розги? Въ семинаріи мы ихъ уже не знали. Впрочемъ, припоминаю, при мнѣ были жестоко

наказаны розгами два питомца семинаріи, одинъ даже богословскаго класса, но наказаны по убѣдительнѣйшей просьбѣ ихъ родителей. Упомяну еще объ одномъ наказаніи розгами. Кончилось ученіе въ семинаріи торжественнымъ публичнымъ экзаменомъ, который посѣтила и свѣтская знать. Насъ накормили болѣе жирными щами и болѣе масляною кашей. Все сіяетъ свѣтомъ несказанной радости. Одни вяжутъ котомки и собираются, конечно пѣшеходяще, на каникулы, въ объятія родныхъ; а другіе въ путь-дороженьку уже не школьной жизни, а жизни житейской, самобытной и самостоятельной, къ засватаннымъ невѣстамъ или къ отысканію ихъ. Но вотъ часу въ третьемъ идетъ по комнатамъ семинарскаго корпуса, постукивая длинной палицей, гроза и трепетъ для всего семинарскаго міра (включая сюда и профессоровъ)--ректоръ, архимандритъ Спиридонъ, по благости сердца истый отецъ этого міра. За нимъ идетъ его келейникъ, старый, грозный на видъ, отставной солдатъ Преображенскаго полка, съ ключами, чтобы запереть тѣ комнаты, которыя опустѣли. Вотъ домовладыка семинаріи стучится своею грозною палицей въ дверь одной маленькой комнатки, гдѣ жили два лучшихъ воспитанника, кончившихъ курсъ со степенью студента. Дверь изнутри заперта задвижкою, и на сильный стукъ палицы отклика нѣтъ. Запри двери ключемъ! говоритъ домовладыка своему келейнику. Двери запираются. Часовъ въ 5 или 6 снова приходитъ домовладыка, и при немъ семиколѣнный (какъ мы звали его) Преображенецъ съ пучкомъ длиннѣйшихъ лозъ. Дверь отпирается, и слышится грозный, повелительный голосъ: отворить! Отворяютъ, и вотъ картина: два молодыхъ человѣка, въ однѣхъ рубашкахъ, съ растрепанными волосами и заспанными глазами; они дрожатъ отъ страха или похмѣлья; на столѣ стоятъ опорожненные полштофъ и пивныя бутылки. Такъ это ли свобода? раздается насколько грозный, настолько же и трогательный голосъ домовладыки съ каплями слезъ на глазахъ. Ложитесь! Сѣки ихъ! И молодые люди, съ густыми бакенбардами, съ бритыми подбородками, ложатся, и каждому изъ нихъ семиколѣнный Преображенецъ отчитываетъ по три удара, конечно безъ боли, по платью. Довольно! слышится болѣе смягченный голосъ „Хотя вы уже имѣете невѣстъ и скоро будете посвящены въ іереевъ, но вы еще находитесь подъ отеческимъ кровомъ, и конечно не забыли: отецъ, любящій сына, сокрушитъ ему ребра. Встаньте, умойтесь, одѣньтесь, причешитесь и приходите ко мнѣ чай пить. Тамъ мы поговоримъ, что такое свобода для человѣка; а Богъ дастъ черезъ мѣсяцъ или черезъ два я поведу васъ вокругъ престола Божія, когда Божественная благодать будетъ посвящать васъ въ служителей алтаря Господня“.

Съ однимъ изъ этихъ сѣченыхъ, уже не одинъ годъ священствовавшимъ, встрѣтился я однажды. Вспомнили мы старину, и я услышалъ отъ него: Этотъ урокъ былъ для насъ самымъ спасительнымъ; оба мы ведемъ самую трезвую жизнь; я тогда далъ слово и капли не пить хмѣльнаго,—и не пью. Теперь на опытѣ жизни мы убѣдились, что тѣ только среди людей свободны, которые могутъ и умѣютъ владѣть собою, что подчиняющіе себя хо-

тѣніямъ „похоти очесъ, похоти плоти и гордости житейской“ суть окованные цѣпями рабы.

Розги! Розги! Не срамъ ли онѣ? Не поношеніе ли? Вѣетъ ли отъ нихъ истинно-отеческою, христіанскою любовію? Богъ есть любовь; но могутъ ли розги сравняться съ тѣми громами и молніями, которыми эта нѣжнѣйшая и безграничная любовь караетъ преступленіе? Розги теперь изгнаны изъ нашихъ школъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ; и современные мыслители, припоминая прежнюю школу съ розгою въ рукахъ, говорятъ: то были пытки и для умственныхъ, и для физическихъ силъ. Но мы не тупѣли, и едва ли я ошибусь, если скажу, что во всѣ шесть лѣтъ семинарскаго (моего, разумѣю) курса не было ни одного смертнаго случая, по крайней мѣрѣ какъ слѣдствія переутомленія или бѣдной обстановки жизни; а у насъ была большая семья. То было время варварства. Но за то какъ работали мозги! Какъ мы пріучались къ усидчивому труду! И этимъ запасомъ мы доселѣ живемъ. Кажется, всего труднѣе было для такой школы подогрѣть поэтическое чувство; но сколько писалось стиховъ, которые переписывались товарищами и преемственно переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе школы, какъ удовлетворяющіе эстетическому чувству. Почти ровно 50 лѣтъ прошло, какъ меня учили стихосложенію и заставляли писать стихи; и я любилъ писать ихъ не по заказу только, но sua sponte; и помнится, немало было написано и одъ, и балладъ, и разныхъ акростиховъ, и даже (о дерзновенный юноша!) я, прочитавши Димитрія Донскаго, написалъ чуть ли не цѣлую трагедію „Михаилъ Тверской“ *). Мнѣ пошелъ 76-й годъ. И мозгъ не тотъ, и руки не тѣ; а все еще хочется работать перомъ, хотя оно, немало потрудившись, и притупилось. Для рыбы вода, а для нашей пишущей братіи чернила—стихія жизни.

Бурса! бурса! Не знаю для кого она не та, что́ для меня. Для меня же, и я увѣренъ, для великаго множества подобныхъ мнѣ, она—святыня, мать, не только кормившая насъ до сыта насущнымъ хлѣбомъ, но и направлявшая наши духовныя силы къ труду, къ созерцанію высшаго, духовнаго міра или, какъ теперь говорятъ, къ міру идеаловъ. Да и могло ли быть иначе, когда мы, при скудной школьной жизни, въ лаптяхъ и въ кафтанахъ съ заплатами, (по крайней мѣрѣ до поступленія въ высшіе классы), не только не вкушали, но и не вѣдали прелестей матеріальнаго міра. Стремленіе къ высшему или лучшему прирождено человѣку, и когда для него замкнута область чувственныхъ наслажденій,—онъ невольно устремляется въ иной міръ, въ область духовнаго міра, если его направляютъ въ эту область. Какими мрачными красками не описывали бурсы? И грязна-то была она, и сурова, была ка-

---

*) Весьма удачное стихотвореніе автора „Одна изъ волнъ житейскаго моря“, написанное по поводу вышеупомянутыхъ стиховъ преосвященнаго Гермогена, помѣщено въ Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1884 года. П. Б.

кою-то гнетущею силою. И все это напраслина. Правда, были въ ней и мрачныя тѣни но сколько было лучей самаго животворнаго свѣта! Мы, бурсаки, были здоровы, рослы; блѣдноты, сухощавости и утомленности не видно было на нашихъ лицахъ. Насъ наказывали, но изъ школы не выгоняли, кромѣ самыхъ неспособныхъ. Да, мы ѣли щи и кашу; бѣлаго хлѣба и чаевъ не знали *), даже рѣдко кто изъ насъ видѣлъ самоваръ; но мы были веселы, живы и многимъ изъ насъ нипочемъ было искупаться въ проруби. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы покрѣпче были современныхъ питомцевъ нашихъ учебныхъ заведеній, и духовныхъ, и свѣтскихъ. Да едва ли и весь Русскій народъ не падаетъ въ своихъ силахъ. Общій голосъ говоритъ, что народъ нашъ и низкорослѣе, и слабѣе, и недолговѣчнѣе сталъ. Думается, еще болѣе ослабятъ его желудочныя чайныя ванны и водка, становящаяся народною стихіею, особливо если эта тлетворная стихія сдѣлается достояніемъ народнаго женскаго пола, къ чему уже и пролагается дорога,—дорога торная. Нынѣ не только женщины, но и дѣвицы идутъ и въ кабакъ, и въ трактиръ, чего прежде не бывало, да и не было столько этихъ растлѣвающихъ духовныя и тѣлесныя силы притоновъ. Но особенно приснопамятна бурса тѣмъ, что она пріучала къ труду, къ терпѣнію, къ тернистому пути жизни. Эта заслуга ея неоцѣнима; потому что все— и трудъ, и терпѣніе, и разнаго рода и вида тяготы жизни ожидали вступающихъ въ составъ духовенства и преимущественно сельскаго. Если и въ настоящее время есть сельскіе приходы (даже въ Московской епархіи), гдѣ священникъ получаетъ всего дохода 50—100 рубл. въ годъ; то въ прежнія времена, назадъ тому 50—70 лѣтъ, такая бѣднота едва ли не была удѣломъ огромнаго большинства сельскихъ служителей Православной Церкви. И если сельскій священникъ получалъ 50—100 рубл. въ годъ; то что̀ получалъ дьячекъ или пономарь? Да, бурса вырабатывала людей терпѣнія, силы и крѣпости, столь необходимыхъ на поприщѣ такого высокаго и многотруднаго служенія, каково служеніе Православной Церкви, или что̀ то же—Русскому народу, у котораго вся могучая сила въ вѣрѣ и христіанской нравственности. Но кто освѣщалъ, растилъ, укрѣплялъ и множилъ эту силу? Служители православной церкви. И, по слову митрополита Филарета, „другихъ учителей у него не было". Но возвращаюсь къ бурсѣ.

Намъ, вступившимъ въ бурсу (или вообще въ духовную нашу школу), она не была тяжела уже и потому одному, что до̀ма мы были подготовлены къ ней. Мы выходили изъ домовъ въ бурсу, какъ въ родную намъ среду. Отецъ мой былъ священникомъ (Саратовской епархіи въ с. Хмѣлевкѣ, верстахъ въ 25 отъ Саратова). Вотъ его жилище. Обыкновенная деревенская бревенчатая изба, въ 3 саж. длины и столько же ширины, съ тремя окнами: два спереди и одно съ боку. При ней плетневыя сѣни, безъ потолка, покрытыя соломой и обмазанныя глиной, конечно, съ коровьимъ пометомъ; полъ

*) Въ первый разъ я напился чаю, когда мнѣ было около 20 лѣтъ.

въ сѣняхъ земляной. Зимой сѣни были такъ холодны, что дверь, ведущая въ избу, покрывалась изнутри корою льда. Службы при домѣ, за исключеніемъ бревенчатаго амбара и бани, были также плетневыя, подъ соломенною крышею. Жутко было въ нихъ жить зимой двумъ лошадкамъ, двумъ коровкамъ и овечкамъ, число которыхъ, т. е. овечекъ, доходило до цѣлаго десятка. Изба была раздѣлена перегородкой на двѣ неравныхъ половины, изъ которыхъ въ меньшей стояла кровать для отца съ матерью, вмѣсто простыни или одѣяла покрытая кожей. Сюда же выходила обыкновенная Русская печь съ лежанкою - это обиталище въ зимнюю пору для самыхъ малыхъ дѣтей. Въ переднемъ углу помѣщались св. иконы и стоялъ столъ, за которымъ и обѣдали. По одной изъ стѣнъ тянулись полки для книгъ, гдѣ Библія и Четьи-Минеи занимали первенствующее мѣсто; но были и такія, которыя считались за философскія, напримѣръ сочиненія Экартсгаузена и т. п. *) Вдоль стѣнъ этой комнаты шли довольно широкія скамьи, на которыхъ, или прямо на полу (въ лѣтнюю напримѣръ пору) мы, дѣти, и спали; зимой здѣсь же съ нами спали и наши любимцы ягнятки, въ числѣ 5—7 головокъ, впрочемъ при холодахъ они и всѣ дни проводили съ нами, такъ любившими играть съ ними, напримѣръ лбами пыряться. Къ веснѣ подъ упомянутыя скамьи сажали въ два-три гнѣзда гусынь и индѣекъ. Не хорошо пахло отъ нихъ, особенно если приходилось спать на полу. Въ зимнюю пору, въ эту же залу вгоняли для доенія корову, и она оставалась здѣсь не одинъ часъ; потому что ей предлагалось мѣсиво, которое могло замерзнуть въ плетневомъ хлѣвѣ; а не накормить досыта коровы значитъ оставить дѣтокъ безъ молока. Свѣчей мы не знали: освѣщеніе производилось березовой лучиной, подъ которую обыкновенно ставилась широкая лохань съ водою или помоями.

Землю пахалъ отецъ, но большею частію она обрабатывалась барщиной. Надъ уборкой хлѣба и сѣна трудились сами отецъ и мать Мать всю зиму и весну пряла и ткала. Не только все бѣлье для всей семьи, но и платье изъ сукна были произведеніемъ ея рукъ. Ей много помогала прялка— едва ли не единственная машинка во всемъ селѣ. Прислуги ни мужской, ни женской не было. Стало быть мать была и поварихой, и прачкой, и поломойкой. Да и гдѣ было помѣстить прислугу? Намъ и самимъ было тѣсновато въ такой избѣ: однихъ дѣтокъ было шестеро, и всѣ малъ-мала меньше. Впрочемъ тѣсновато было только въ зимнюю пору; въ лѣтнюю же насъ трудно было созвать въ избу. Зимой тѣснота увеличивалась и тѣмъ, что передняя половина избы служила школой, гдѣ трое насъ учились, да 6—7 мальчиковъ изъ поселянъ, что̀ немного походило на церковно-приходскую школу. Припоминаю особенную тѣсноту одного года или зимы. Отецъ принялъ къ себѣ какого-то безроднаго старика-солдата для помощи въ работахъ; онъ захворалъ и лежалъ въ заднемъ углу этой же нашей залы чуть не цѣлый годъ. Что-

---

*) Отецъ мой вышелъ изъ семинаріи по окончаніи философскаго класса.

бы приподниматься ему, въ потолкѣ были ввинчены кольца, а отъ нихъ шли къ больному двѣ веревки. Не было кому приподнимать старика; но для удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ подставлялся сосудъ отцемъ или матерью. Припоминаю еще одну зиму, когда увеличилась наша тѣснота. Привезли къ отцу изъ одной деревни его прихода бѣсноватую для отчитыванія. Помню, какъ по временамъ она была буйна и крикливa, впрочемъ только во время отчитыванія. Отецъ беретъ ее къ себѣ и каждый свободный вечеръ совершаетъ моленіе, наполняя всю избу ладономъ. Кажется, больная жила у насъ мѣсяца два или три, и ей стало легче; года черезъ два возобновились припадки, но отца уже не было въ живыхъ.

Такъ вотъ какова была обстановка сельскаго священника, т. е. моего отца. Но не самое ли великое большинство нашего сельскаго духовенства въ тѣ времена жило такою же жизнію? Да и кончилась ли подобная жизнь, особливо для причетниковъ? Я думаю, что современная жизнь, съ ея требованіями, даже гораздо тяжелѣ стала для бѣдныхъ сельскихъ причтовъ, чѣмъ прежде, — тяжелѣ, чѣмъ для прихожанъ, для простаго народа. Поселянинъ можетъ и не снимать лаптей или своей сермяги; но священникъ въ наше время не можетъ не имѣть сапоговъ и болѣе утонченнаго платья, чѣмъ сермяга или нагольный полушубокъ. Поселянинъ можетъ и не учить своихъ дѣтей грамотѣ; но послѣдній пономарь, если не по закону, то по своему нравственному долгу, отправляетъ своихъ дѣтей въ городскую школу, а это сопряжено съ непосильными издержками. Поселянинъ можетъ всѣ свои физическія силы отдавать производительному труду; но сельскій священникъ или причтъ имѣютъ и другія дѣла, не исполнять которыхъ они, хотя бы и не было куска хлѣба, не могутъ. Прибавлю къ этому: въ наши давно-прошедшія времена бурса, какъ она ни была тѣсна и бѣдна, открывалась для всякаго сироты или бѣдняка; но теперь въ этомъ отношеніи она болѣе разборчива. Да едва ли богаче живетъ большинство нашего сельскаго духовенства теперь, въ сравненіи съ прежними временами. Тѣсенъ былъ домъ моего отца; но въ подобныхъ избахъ живетъ и теперь многое множество сельскихъ священниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ же избахъ открываютъ церковно-приходскія школы на 20—30 поселянскихъ дѣтей. Какъ не сказать: благодарность, честь и слава вамъ, добрые пастыри, съ такими жертвами стремящіеся просвѣтить свѣтомъ вѣры и грамотности дѣтей своихъ пасомыхъ! Нельзя не помянуть добрымъ словомъ и тѣхъ матушекъ, которыя помогаютъ въ этомъ святомъ дѣлѣ батюшкамъ, т. е. своимъ мужьямъ, и конечно своими руками очищаютъ свое убогое жилище отъ грязи, вносимой ногами школьниковъ. Но по всей вѣроятности, эту черную работу несутъ на себѣ только тѣ изъ матушекъ, которыя вышли изъ епархіальнаго женскаго училища не бѣлоручками, не барышнями, каковому грѣху, слышно, иныя изъ этихъ школъ причастны, подобно нашимъ женскимъ гимназіямъ, откуда дочки кухарокъ и швеекъ выходятъ барышнями на высокихъ каблучкахъ. Грѣха этого сильно боялся еще Филаретъ при открытіи перваго

епархіальнаго женскаго училища въ Москвѣ. Это мы знаемъ изъ самаго вѣрнаго источника. Но какъ бы то ни было, а къ слову нельзя не сказать, что открытіе и быстрое распространеніе церковно-приходскихъ школъ, при такихъ скудныхъ средствахъ, есть величайшая заслуга предъ Русскимъ народомъ и царствомъ нашего православнаго духовенства, которое безкорыстно и такъ ревностно подвизается въ этомъ духѣ. Этой безцѣнной заслуги не забудетъ исторія, вопреки нѣкоторымъ изъ современныхъ глашатаевъ, для которыхъ Православная Церковь не есть мощная сила Русскаго народа, а тормазъ, удерживающій его на пути развитія духовныхъ и вещественныхъ народныхъ силъ.

Обращаюсь, такъ сказать, къ своей исторіи, которая конечно недостойна была бы печати, если бы въ ней не виднѣлись черты изъ быта нашего духовенства, безъ всякаго спора имѣющаго право на историческую извѣстность.

Не стало отца, и мать осталась съ шестью дѣтьми, изъ которыхъ старшему, уже бывшему въ училищѣ, было около 12 лѣтъ *). Горе неисчерпаемое! Бывало, мать соберетъ насъ въ кучку, обниметъ и зальется горькими слезами. И Богъ знаетъ, что̀ ожидало бы насъ? Ближе всего: нищенскія сумки на плечахъ, если бы не добрѣйшій помѣщикъ, г. Шахматовъ. Вѣчная память ему! Онъ велѣлъ выдавать осиротѣлому семейству ржаную муку и крупу, давалъ десятину земли подъ пшеницу съ обработкою барщиной, давалъ часть луга на сѣно и дровъ въ лѣсу. Вотъ и кормились; были своя лошадка и коровка, да пять или семь овечекъ, куры и гуси. Мы подростали, и открывалась другая кормилица, священная бурса, гдѣ хлѣба, щей и каши ѣшь сколько хочешь, и бери кусокъ или два хлѣба и клади подъ подушку на завтракъ или полдникъ. Ей, мы сыты были, хотя говядины едва ли за обѣдомъ попадало по кусочку больше обыкновеннаго орѣха. На Пасху, Рождество и на лѣтнія каникулы мы (насъ училось трое), конечно пѣшкомъ, отправлялись домой. Пасха и Рождество были очень прибыльны для насъ въ

*) За что такъ милостивъ былъ Богъ къ этому осиротѣвшему семейству? Мать скончалась на девятомъ десяткѣ своей многотрудной жизни; старшій сынъ ея также окончилъ свою жизнь маститымъ старцемъ въ санѣ протоіерея Саратовскаго каѳедральнаго собора и былъ награжденъ разными отличіями; второй сынъ кончилъ курсъ въ М. Д. Академіи, со степенью магистра и былъ назначенъ баккалавромъ въ Казанскую Духовную Академію. (Послѣ него остались три огромныхъ тома лекцій профессора Горскаго, написанныхъ самымъ мелкимъ почеркомъ и переданныхъ въ библіотеку Академіи: хранить ихъ какъ символъ трудолюбія бывшихъ ея питомцевъ и какъ пособіе къ изданію трудовъ незабвеннаго для науки ученаго мужа). Я профессорствовалъ въ университетѣ, землевладѣлецъ Таврической губерніи, вписанъ въ родословную дворянскую книгу ея. Четвертый изъ насъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и служилъ по гражданскому вѣдомству. Пятый умеръ отрокомъ. Сестра была замужемъ за священникомъ въ г. Саратовѣ.

финансовомъ отношеніи: мы втроемъ набирали 40 - 50 к. и свѣтло-радостными возвращались въ бурсу. Было на что купить калачикъ! Исповѣдаюсь предъ цѣлымъ міромъ въ одномъ моемъ тяжкомъ грѣхѣ. Разъ былъ заданъ какой-то тяжелый для меня урокъ. Я молился св. угоднику и чудотворцу Николаю, чтобы онъ помогъ мнѣ, обѣщаясь поставить ему свѣчку. Урокъ сошелъ благополучно; вышелъ изъ класса на улицу, несутъ калачики, соблазнился, вынулъ послѣдній грошикъ изъ кармана и купилъ, вмѣсто свѣчки, калачикъ, который, впрочемъ, какъ теперь помню, ѣлъ не безъ угрызенія совѣсти, хотя и вѣрилъ, что сердобольный святый угодникъ, такъ много помогавшій алчущимъ и жаждущимъ, проститъ меня за этотъ обманъ.

Не могу не вспомнить о лѣтнихъ каникулахъ; они возстановляли наши силы, естественно ослабляемыя книжными трудами, а отчасти и обстановкой самой бурсы, которая не давала намъ ни молока, ни яицъ, ни бѣлаго хлѣба, ни курятины или гусятины; и всего этого дòма было достаточно даже въ годы нашего сиротства. Чтобы возстановить каникулами силы, намъ давали строгій наказъ: не брать ни одной книги, работать, играть и неупустительно ходить въ церковь Божію и въ ней пѣть и читать.

Наши лѣтніе каникулы проходили, можно сказать, въ упоеніи: каждый день превращался для насъ въ какое-то очаровательное мгновеніе. Хотя мы съ матерью жали хлѣбъ, запасались сѣномъ и дровами на зиму; но главное занятіе состояло въ гуляньи по горамъ, лѣсамъ и лугамъ широкой Волги, въ собираніи ягодъ, яблокъ и грибовъ, въ уженіи рыбы въ прудахъ, озерахъ и въ самой Волгѣ. Да и что̀ это была за мѣстность нашего каникулярнаго отдыха въ тѣ времена? Рай земной. Въ виду, въ какихъ нибудь двухъ-трехъ верстахъ отъ села, расположеннаго на горной возвышенности, — царица Русскихъ рѣкъ, наша матушка широкая Волга, съ своими необозримыми зеленѣвшими лугами, среди которыхъ множество озеръ и лѣсной растительности, состоявшей изъ тальника, вётлъ и осокорей, достигавшихъ (разумѣю вётлы и осокори) воистину исполинскихъ размѣровъ: играя, мы въ ихъ дуплахъ прятались по трое, по пяти мальчиковъ. Но въ играхъ по зеленѣющимъ и цвѣтистымъ лугамъ такъ плѣнявшей насъ, родной намъ Волги, особенное наслажденіе доставляли намъ молодые, стройные и гибкіе тополи. Залѣзешь, бывало, на вершину такого тополя, на 3—4 сажени отъ земли и чаще всего во время самаго сильнаго вѣтра, когда нельзя ни грести сѣна, ни копенъ изъ него класть, залѣзешь, ухватишься за самую вершину; гибкій тополь чуть не въ поясъ свой изгибается; шумятъ и лепечутъ его листья, — и ты въ сладкомъ упоеніи качаешься. А изъ тальника какіе лучки дѣлали мы, и какъ высоко и далеко летали наши стрѣлы, на концахъ вооруженныя шарикомъ изъ вара? Въ невинныхъ птичекъ мы изъ этихъ орудій не стрѣляли: то былъ строжайшій запретъ отъ матери. Но грѣха нечего таить: ловили въ этихъ лугахъ гусей (стада которыхъ тогда были такъ многочисленны), ловили и дергали изъ крыльевъ ихъ перья, которыми надо было запасаться

для школы. Бурса перьевъ не давала; да и бумаги тоже, и неимущіе обыкновенно ходили, въ своихъ полосатыхъ посконныхъ халатахъ или сермягахъ, по присутственнымъ мѣстамъ и просили бумажной милостыни, которою и дѣлились съ товарищами, по робости не выступавшими на такое поприще добыванія насущнаго лоскута бумаги. А бумаги требовалось немало: сколько нужно было написать склоненій и спряженій (за то мы не знали чтò такое диктантъ), переводовъ съ Латинскаго и Греческаго на Русскій, и обратно!

Не менѣе очаровательную картину представляла противуположная сторона нашего села. Вотъ равнины или плоскогорья съ волнующимися нивами, вотъ горы, большею частію покрытыя лѣсомъ, особливо ущелья ихъ; по этимъ ущельямъ, подъ тѣнью громадныхъ дубовъ, вязовъ, кленовъ, черемухъ, ольхъ и т. д текли съ брызгами и съ шумомъ ручьи кристальной влаги; въ этихъ ручьяхъ мы ловили форель, а во время работъ, напр. уборки своей пшеничной нивы, черпали воду; въ эту воду крошили черный хлѣбъ, и выходила такъ называемая тюря — ей! превкусное кушанье. Изъ этихъ же ручьевъ составлялись пруды до того чистые, что видны были на днѣ ихъ камешки и плавающая стаями рыба, которою они были очень богаты, особливо окунями, сазанами, линями, плотвой; попадалась даже стерлядка. Въ тѣ времена какое было обиліе плодовъ земныхъ: клубники, дикой вишни, лѣсныхъ яблокъ, рябины, калины, черемухи, желудей, грибовъ и т. д. Про клубнику мало сказать того, что и мы, и поселяне собирали ее ведрами; но вотъ явленіе, подтверждающее это обиліе: косится густая, сочная, высокая трава, и ряды скошенной травы представляются густо испещренными красноватыми крапинами; это клубника, сладкая и душистая *). Не помню я неурожаевъ; но хорошо помню, что рожь иной годъ бывала такого роста, что чуть ли конь съ сѣдокомъ не могъ скрыться въ ней. Одно твердо держится въ моей памяти: поспѣла наша десятина ржи; отецъ беретъ всю семью полюбоваться благодатнымъ урожаемъ ея; беретъ онъ серпъ, нажинаетъ снопъ, вяжетъ его и становитъ, сладко улыбаясь и говоря: посмотрите, дѣтки, чуть ли не выше меня! Да, снопъ былъ повыше отца, а отецъ былъ повыше средняго роста.

Народъ этого селенія былъ рослый, здоровый, и хотя былъ и крѣпостной, но зажиточный. Большихъ бѣдняковъ не было; того не допускала крѣпостная рука, которая отъ бѣдноты крестьянъ могла и сама обѣднѣть; да кромѣ того, этою рукою правило доброе, сострадательное сердце. Избы и службы, хотя въ большинствѣ и крытыя соломой, но отличались прочностію и здоровьемъ: ни одной избы не было перекосившейся или съ гнилыми ушами. Три, пять, семь лошадей, да столько же коровъ, да десятокъ или два овецъ: это было достояніемъ каждаго двора. Но сапоги на ногахъ крестья-

*) Въ послѣдствіи я видѣлъ тѣ покатости близъ села, гдѣ мы собирали клубнику, койгдѣ поросшими полынкой и кихіей. Весь черноземъ смытъ и снесенъ въ ненасытную Волгу. Вотъ гдѣ одна изъ существеннѣйшихъ причинъ истощанія нашихъ полей.

нина были необычайною рѣдкостію; да и ситцевые сарафаны надѣвались только по праздникамъ, и очень и очень немногими женами и дѣвицами; женское платье обыкновенно шилось изъ домотканной крашенины, холсты для бѣлья и сукно для сермягъ или кафтановъ прялись и ткались также дома. Не могу не отмѣтить нѣкотораго вида патріархальности: до 6—7 лѣтъ и мы, поповичи, и поселянскія дѣти, и дѣвочки, и мальчики, обыкновенно ходили въ длинныхъ посконныхъ или льняныхъ рубашкахъ, и часто „бѣста нага и не стыдястыся". Да мало ли чего не было въ старину, въ годы патріальхальности, а не современной такъ называемой цивилизаціи или прогресса: въ нашихъ сельскихъ семейныхъ баняхъ вмѣстѣ мылись и парились, въ 14-ти или даже въ 16-тилѣтнемъ возрастѣ и дѣвушки, и парни, даже не члены одной семьи, — и въ душѣ были цѣлы яко голуби. Это я говорю не съ вѣтра. Спросите стариковъ подобныхъ мнѣ. Теперь и парни, и дѣвицы вереницами идутъ въ пивную или въ трактиръ; но прежде этого не бывало. Зато настала цивилизація...

Приблизительно лѣтъ чрезъ 30 я посѣтилъ родное мнѣ село, которое уже перешло въ руки какого-то купца. Не узналъ я моей дорогой родины. Избы поселянъ то перекосились, то вросли въ землю; за то во многихъ окнахъ виднѣлись самовары; соломенныя крыши ободраны; одна или двѣ лошадки, да столько же коровокъ на дворѣ, и то не на каждомъ; овцы совершенно вывелись: земля вся пошла въ роспашку; лѣса исчезли; ни капли воды въ тѣхъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ съ шумомъ струились кристальные потоки, въ которыхъ мы ловили форель; пруды съ прозрачною влагою частію затянулись иломъ, но вообще превратились въ мутныя болота, въ которыхъ едва ли водился даже карась. Да и широкая матушка Волга посузилась, и вмѣсто зеленѣющихъ луговъ стали господствовать безплодные пески; рѣдко гдѣ виднѣлось озерцо, еще не успѣвшее затянуться иломъ или пескомъ; древесная растительность на лугахъ также исчезла; кой гдѣ виднѣлись отпрыски тальника. Да, и въ природѣ, и въ народѣ моей дорогой родины я не могъ не замѣтить бѣдноты и истощенія силъ; за то, вмѣсто сермягъ и посконныхъ рубахъ встрѣчались пиджаки и красныя рубахи, вмѣсто полотняныхъ сарафановъ цвѣтныя платья съ таліями. Цивилизація такъ глубоко проникла и въ эту деревенскую глушь, что я видѣлъ дѣвицъ, обмотыживавшихъ подсолнечники въ ситцевыхъ платьяхъ и башмачкахъ съ высокими каблучками и резинчатой оправой, надѣтыхъ однако на босую ногу. Да говорили мнѣ, что не только въ чулкахъ, но и въ рубахахъ у нихъ недочетъ, потому что прясть и ткать уже перестали. Такія-то грустныя перемѣны нашелъ я на своей родинѣ. И не вѣка прошли, а какихъ нибудь двадцать-тридцать лѣтъ. Что породило эти перемѣны? Не то ли, что во время моего дѣтства и юности въ этомъ селѣ не было ни одного кабака? Даже, при строгости помѣщичьей власти и сознаніи ею, что бѣднота крестьянъ такъ тѣсно соединена съ состояніемъ помѣщика (а эту бѣдноту неизбѣжно родитъ кабакъ), въ этомъ селѣ, можно сказать, не пахло сивухой; браги было въ волю, къ праздни-

камъ она варилась въ каждой избѣ. Но во время моего посѣщенія въ этомъ селѣ считалось, съ постоялыми дворами, уже пять питейныхъ заведеній. Нѣтъ, кабакъ сильнѣе закрѣпостилъ нашъ бѣдный, слѣпотствующій народъ, чѣмъ крѣпостное право.

Но Богъ милостивъ: народъ съ такимъ здравымъ разсудкомъ и при такой матери, какъ наша Православная Церковь, придетъ въ разумъ истинный. Главное, что поддерживаетъ нашу надежду, это вѣра, что Русскій народъ не разлюбитъ своей нѣжной матери Св. Церкви, въ объятіяхъ и подъ кровомъ которой онъ росъ и мужалъ цѣлые вѣка, и молоко этой матери вошло въ плоть и кровь его. Правда, носятся по Святой Руси и штунда, и Пашковщина, и Толстовщина, и другія испаренія современнаго легкомыслія и лжемыслія; но мы вѣримъ, что не забудется та страница нашей исторіи, въ которой написано: если бы не Св. равноапостольный Князь Владиміръ то, можетъ быть, Русскій народъ еще цѣлые вѣка оставался во тьмѣ язычества. Во всю нашу исторію свѣтская и духовная власти шли рука объ руку, взаимно другъ другу помогая и другъ друга поддерживая, что и послужило къ созданію міроваго, мощнаго Русскаго царства. Родственная связь эта и въ настоящее время въ той же крѣпости и силѣ; и кто порветъ ее при священной для насъ самодержавной власти?

Взявши перо, я хотѣлъ указать только на одну волну житейскаго моря. Но вотъ что значитъ житейское море, „воздвизаемое зря напастей бурею“: въ моей памяти волна волну поднимала, и волнистая, пѣнящаяся и шумящая зыбь овладѣла мной. Я погрузился въ житейское море моего дѣтства, юности, школы и окружавшей меня среды, въ ту, то гладкую и тихую, то въ бурную и грозную, зыбь, по которой столько носилось предъ моими глазами утлыхъ челноковъ. Да, хотя и тихи, но все-таки грозны и холодны были волны нашего дѣтскаго и школьнаго моря; но и недалеко было отъ нашего сердца то теплое пристанище къ которому учили насъ притекать,— и мы притекали. Грозны и холодны были волны житейскаго моря и для всего нашего сельскаго духовенства назадъ тому 50—70 лѣтъ; но кто посмѣетъ сказать, чтобы оно не притекало къ тихому пристанищу съ крѣпкою вѣрою, мужественно борясь съ волнами житейскаго моря, возращая и укрѣпляя такую же вѣру и мужество въ народѣ, съѣдавшемъ свой насущный хлѣбъ въ потѣ лица и даже крови? О, что бы ни говорили нѣкоторые изъ современныхъ глашатаевъ о нашемъ духовенствѣ, но правдивая исторія не можетъ не признать и признаётъ его воистину неоцѣненныя заслуги Русскому народу и царству. Наше духовенство не выдѣлялось изъ народа; оно жило съ нимъ одною родственною жизнію, и потому не могло не имѣть на него вліянія, не дѣлать изъ пасомыхъ имъ овецъ овецъ стада Христова. Да, Русскій народъ если не по разуму или разумѣнію, то по сердцу истинно-христіанскій народъ, на что указываютъ умные, безпристрастные люди и на западѣ Европы, и въ Америкѣ. По сердцу, я сказалъ: а сердце человѣческое

не есть ли первоисточникъ добра и зла? И этотъ-то первоисточникъ былъ доступнѣе для дѣятельности нашихъ народныхъ пастырей и болѣе по силамъ имъ самимъ. Теменъ былъ нашъ народъ назадъ тому 50—70 лѣтъ, грамотные люди были рѣдкимъ явленіемъ среди него, но и многіе ли въ то время изъ пастырей церкви были приготовлены къ своему высокому служенію соотвѣтственнымъ образованіемъ? *) Однако доброе, вѣрующее сердце ихъ находило добрую, хотя и не обработанную землю, сѣяло на ней сѣмена вѣры и добра; сѣмена всходили и давали „плодъ многъ.“ Вѣдь не самородкомъ же явилась крѣпкая вѣра, самая искренняя любовь къ Православной Церкви и христіанскія добродѣтели среди нашего народа? Кто можетъ спорить противъ этого? Казалось бы такъ; но сколько еще не такъ давно изливалось въ печати самыхъ грязныхъ потоковъ на наше духовенство, теперь впрочемъ ослабѣвшихъ? Что̀ это? Порожденіе ехиднино? Исчадіе злорадства, либерализма, космополитизма, коммунизма и тому подобныхъ вѣяній недавняго времени, по всей справедливости названнаго „смутнымъ“? Эти грозные потоки лились, подъ тѣмъ же вѣяніемъ, и на то сословіе, которое шло впереди Русскаго народа и котораго заслуга предъ нимъ и Русскимъ царствомъ также неоцѣнима. Нѣтъ, я думаю, что то былъ просто грѣхъ невѣдѣнія, мальчишества, не знавшихъ ни быта, ни дѣятельности нашего духовенства и не умѣвшихъ взвѣсить и оцѣнить той народной силы, которую наши народные пастыри освящали, растили и укрѣпляли.

Я выросъ въ народной средѣ, всегда былъ близокъ къ ней и къ нашему православному духовенству. А потому долгомъ для себя поставилъ составить и издать книгу: „За истину и правду.“ Она вышла въ трехъ изданіяхъ въ числѣ 12 т. экз. Трудясь надъ этой книгой, я не имѣлъ въ виду корыстныхъ цѣлей **), но былъ сугубо вознагражденъ великимъ множествомъ благодарственныхъ писемъ съ словами: мы будемъ молиться за васъ предъ престоломъ Божіимъ. И не эти ли молитвы поддержали меня до 76-го года? Помолитесь теперь, служители алтаря Господня, бѣдные, но мощные сѣятели на православной нивѣ Русской земли: да подастъ мнѣ Верховный Податель всѣхъ благъ христіанскую кончину.

Ив. Палимпсестовъ.

12 Октября 1893 г. Севастополь.

---

*) Извѣстный Москвѣ и такъ глубоко уважаемый ею, не такъ давно почившій протоіерей П. И. Соколовъ сказывалъ мнѣ, что высокопреосвященный Филаретъ, при вступленіи своемъ на Московскую каѳедру, нашелъ одного сельскаго священника, не умѣвшаго читать, но позволилъ ему служить въ церкви до конца жизни, зная, что онъ былъ добрымъ пастыремъ для своего стада, и что спасеніе не въ многоглаголаніи.

**) Первое изданіе было въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія; второе въ пользу обокраденной церкви на моей родинѣ; третье въ пользу Миссіонерскаго Общества.

КЪ БІОГРАФІИ ПРОТОІЕРЕЯ РОДІОНА ПУТЯТИНА.

Протоіерей Родіонъ Тимофеевичъ Путятинъ—одинъ изъ выдающихся Русскихъ общественныхъ дѣятелей, какъ замѣчательнѣйшій проповѣдникъ. Въ теченіе своего 35-тилѣтняго священнослуженія Родіонъ Путятинъ произнесъ нѣсколько сотъ проповѣдей, словъ и поученій, создавшихъ ему славу витіи, рѣчи котораго идутъ прямо къ сердцу слушателей, всѣмъ понятны и всѣхъ глубоко трогаютъ. И эту славу протоіерей Путятинъ пріобрѣлъ, проповѣдуя не съ столичной каѳедры и занимая скромную ступень церковной іерархіи.

Сынъ священника села Путятина, Рязанской губерніи, Сапожковскаго уѣзда, Родіонъ Тимофеевичъ Путятинъ, родился въ 1807 г., 23-хъ лѣтъ окончилъ курсъ Рязанской семинаріи, а въ 1834 г., въ числѣ другихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи вышелъ девятымъ магистромъ богословныхъ наукъ IX выпуска Академіи. Занявъ тотчасъ по окончаніи курса мѣсто профессора Русской словесности въ Ярославской семинаріи, Р. Т. Путятинъ черезъ годъ (1835) принялъ санъ священника и поступилъ къ Тихоновской церкви въ Ярославлѣ, съ 1837 года служилъ инспекторомъ Семинаріи, затѣмъ священствовалъ четыре года въ каѳедральномъ соборѣ и одинъ годъ въ церкви Сошествія Св. Духа. Въ 1845 г., Р. Т. Путятинъ былъ переведенъ въ Рыбинскій соборъ протоіереемъ. Въ Рыбинскѣ прошла вся остальная жизнь протоіерея Родіона Путятина; здѣсь онъ говорилъ большинство своихъ проповѣдей, здѣсь и скончался 4 Ноября 1869 года.

Такъ не шумно съ внѣшней стороны прошла жизнь этого достойнаго пастыря. Такъ проходитъ жизнь тысячей другихъ людей, не оставляющихъ послѣ себя слѣда своего земнаго существованія. Протоіерею же Родіону Путятину суждено было принести своею дѣятельностью добрый плодъ не только своимъ современникамъ, но и грядущимъ поколѣніямъ передать благотворное вліяніе своего слова,—простого и въ тоже время высокаго по духовной красотѣ и нравственнымъ идеаламъ.

Поученія протоіерея Родіона Путятина раздавались съ церковной каѳедры уѣзднаго города, говорились для ограниченнаго числа слушателей, но широко распространялись по Россіи, находя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе читателей. Начавъ издавать свои проповѣди въ 1842 г., протоіерей Родіонъ Путятинъ въ 1856 г., выпустилъ въ свѣтъ уже 10-ое изданіе, а теперь число изданій больше двадцати. Послѣднее изданіе (21-ое) вышло въ 1888 г. Въ большомъ томѣ помѣщено 315 поученій. Изданіе это одобрено для ученическихъ библіотекъ и для народнаго чтенія.

Такой успѣхъ проповѣдей протоіерея Родіона Путятина лучше всего, конечно, свидѣтельствуетъ объ ихъ достоинствахъ и въ особенности объ ихъ жизненности. Про эти поученія нельзя сказать, что они были хороши и примѣнимы только съ свое время. И теперь, и долго еще въ будущемъ, читатель найдетъ въ нихъ много отвѣтовъ на разные вопросы вѣры и жизни,—отвѣтовъ не только согласныхъ съ христіанскою религіею, но и житейски-полезныхъ. Темы поученій разнообразны. Кромѣ катехизическихъ бесѣдъ, много проповѣдей, сказанныхъ въ праздничные и высокоторжественные дни, при погребеніи усопшихъ, при такихъ случаяхъ обычной жизни, какъ появленіе холеры, открытіе училищъ,окружнаго суда, желѣзной дороги, мироваго съѣзда, общественные выборы, при такихъ государственныхъ событіяхъ, какъ усмиреніе мятежа въ Венгріи и Крымская кампанія.

Всѣ поученія протоіерея Родіона Путятина отличаются краткостью, сжатостью рѣчи и выразительностью мысли. Языкъ поученій лишенъ ораторскихъ пріемовъ, но онъ производитъ впечатлѣніе внутреннею силой. Глубоко прочувствованныя и строго продуманныя, хотя, можетъ быть, сказанныя иногда и безъ подготовки, поученія протоіерея Родіона Путятина являются богатымъ вкладомъ въ нашу духовно-проповѣдническую литературу. Таково ихъ значеніе теперь, но еще важнѣйшее значеніе они имѣли при жизни проповѣдника, когда его поученія были живымъ словомъ искренняго убѣжденія, проникавшимъ въ душу слушателей.

Приводимое ниже письмо протоіерея Родіона Тимофеевича Путятина никогда не было напечатано и представляетъ интересъ для біографіи покойнаго проповѣдника. Письмо это писано Путятинымъ къ его брату Георгію Тимофеевичу, въ 1842 г., изъ Ярославля въ Зарайскъ, Рязанской губерніи, гдѣ Георгій Тимофеевичъ священствовалъ при Ильинской церкви *). Оно писано въ минуты тяжкаго горя, постигшаго протоіерея Путятина. Въ самую лучшую пору его жизни, когда ему было всего только 35 лѣтъ, когда высшее начальство, въ лицѣ мѣстнаго владыки, стало особенно отличать его, когда проповѣди его только что были отпечатаны и успѣшно начали распространяться, словомъ, когда жизнь ему улыбалась и волновала его радостными надеждами,—въ это время умерла у Родіона Тимофеевича его любимая жена, Надежда Ивановна. Потеря жены отзывается тяжело на жизни каждаго человѣка; но для священника, у котораго жена, по народному выраженію, „послѣдняя“, такая потеря ничѣмъ невознаградима и измѣняетъ все его существованіе. Протоіерей Родіонъ Путятинъ такъ опредѣляетъ въ письмѣ значеніе своей утраты: „я все потерялъ на землѣ: одно осталось утѣшеніе—терять болѣе уже нечего, бояться не за кого“. Его успокоиваетъ лишь то, что жена

*) Въ числѣ прихожанъ Ильинской церкви были моя бабка и мой отецъ, съ которыми о. Георгій Путятинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и въ знакъ своей пріязни дарилъ имъ съ своею подписью проповѣди своего брата. Этимъ знакомствомъ объясняю я и то, что въ нашихъ семейныхъ бумагахъ сохранилось сообщаемое мною письмо протоіерея Р. Т. Путятина.

его умерла христіанскою смертью, передъ которой долго съ мужемъ бесѣдовала. Онъ провожалъ ее на тотъ свѣтъ, „какъ будто она отправлялась въ гости". Потомъ, когда смерть предстала во-очію, наступили дни душевныхъ страданій, и только тогда, пишетъ онъ, „я покоенъ, когда думаю или говорю о ней".

Жизнь стала не мила молодому вдовцу-священнику, „но вѣдь надобно же было какъ нибудь вѣкъ доживать". И вотъ протоіерей Путятинъ пишетъ брату Георгію Тимофеевичу, чтобы онъ помогъ ему устроиться. Онъ предполагаетъ поселить у себя своего вдоваго брата, Михаила, жившаго въ Путятинѣ у четвертаго брата, Ксенофонта, и проситъ брата Георгія написать объ этомъ Михаилу.

А. Ярцевъ.

ПИСЬМО ПРОТОІЕРЕЯ ПУТЯТИНА.

Любезнѣйшій братецъ Георгій Тимоѳеевичъ и любезнѣйшая сестрица Авдотья Александровна.

Тяжело мнѣ писать къ вамъ, такъ тяжело, что не знаю какъ начать. Впрочемъ вы неслишкомъ безпокойтесь обо мнѣ: я по немногу начинаю успокоиваться. Я долго не писалъ къ вамъ, думалъ было порадовать васъ нечаянно—вдругъ. Богъ даровалъ мнѣ дочь— Вѣру въ началѣ Марта, это конечно для васъ пріятно было бы слышать; я при помощи Божіей отпечаталъ проповѣди, которыя всѣмъ очень нравятся,—и это вамъ было бы не непріятно слышать. Ахъ, все бы это хорошо, даже очень хорошо; но гдѣ теперь моя Надежда Ивановна? Съ 23 Мая ея нѣтъ уже со мною, она умерла. Еще повторяю: не безпокойтесь, не тужите слишкомъ, ибо я начинаю по немногу успокоиваться, она умерла христіанскою смертію. Да умерла тихо, покойно; у меня достало духу часовъ 12-ть бесѣдовать съ нею и провожать на тотъ свѣтъ; мы говорили съ нею, какъ будто она отправлялась въ гости. За то послѣ... о! не дай Богъ никому испытывать такого горя. Если вы хотите меня утѣшить въ моемъ горѣ, то молитесь больше и чаще, чтобы Богъ упокоилъ ее со святыми своими. Усердная ваша молитва о ней будетъ единственнымъ и вѣрнымъ утѣшеніемъ для меня. Знаю, что вы и безъ просьбы моей будете молиться, но я всетаки прошу и умоляю помолиться объ ней.

И прежде мы съ нею жили хорошо, а съ нынѣшняго (вырвано; вѣроятно, надо читать: «года») думали блаженствовать. Ахъ, вы вѣдь конечно не знаете, какъ я счастливъ въ Ярославлѣ; всѣ меня любятъ,

уважаютъ. И все это видѣла, знала моя Надежда Ивановна, и потому каково ей было умирать, и каково было мнѣ разставаться!.. Теперь я все потерялъ на землѣ: одно осталось утѣшеніе терять болѣе уже нечего, бояться не за кого.

Впрочемъ, моя Вѣрушка жива и, кажется, будетъ жить. Хотя бы она жила мнѣ на утѣшеніе!

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Какъ мнѣ жить? Жизнь конечно теперь мнѣ уже не мила; но вѣдь надобно же какъ нибудь вѣкъ доживать. Я довольно думалъ, разсуждалъ, и все выходило плохо. Нельзя-ли по крайней мѣрѣ вотъ чего сдѣлать? Братъ Михаилъ вдовецъ, сынъ у него еще не великъ; нельзя ли ему перебраться ко мнѣ въ Ярославль навсегда? Брату Ксенофонту онъ вѣроятно въ тягость; мнѣ не будетъ. Что пользы отъ него для меня? вы скажете. Та польза, что у меня хотя одинъ человѣкъ будетъ, съ которымъ я могу молвить слово, который съ участіемъ будетъ меня слушать, и отъ сердца радоваться со мною. Можетъ быть онъ мнѣ и наскучитъ; но что же дѣлать? По крайней мѣрѣ ему не будетъ у меня скучно, меня и это будетъ утѣшать. Впрочемъ вы подумайте объ этомъ дѣлѣ хорошенько, не забывая впрочемъ того, что мнѣ хочется, чтобы онъ и съ сыномъ переѣхалъ ко мнѣ; что̀ удумаете, то напишите въ Путятино, предложите ему, и если онъ *охотно* согласится, то съ Богомъ—я буду очень радъ. За переѣздъ и за все деньги отдамъ. У меня денегъ, я думаю, будетъ довольно: проповѣди мои начинаютъ продаваться и довольно хорошо; кромѣ того посланы указы по епархіи—церквамъ, можетъ быть сотъ пять и для церквей возьмутъ. Какъ ему у меня жить и чѣмъ заниматься? Ну, объ этомъ подумаемъ, когда переѣдетъ. Какъ не найти какаго-нибудь занятія! А сыну найти мѣсто въ Ярославлѣ всего удобнѣе: здѣсь есть добрые люди для меня.

Вы сбирались къ намъ въ Ярославль. Да, эта мысль меня веселила, но теперь... пріятно ли вамъ будетъ видѣть меня въ такомъ горѣ? Я отдаюсь въ полное ваше распоряженіе; какъ чувствуете, такъ и дѣлайте. Да, вы бы полюбовались на меня, на мою Надежду Ивановну, на мое житье; именно есть чѣмъ было любоваться, и чужіе любовались на нашу жизнь; а теперь.... тяжело, грустно думать. Самъ я ѣхать къ вамъ не могу, рѣшительно не могу, не знаю что̀ будетъ послѣ. Что̀ меня прежде такъ восхищало, теперь мучитъ, тягогитъ. Нѣтъ, я не могу ѣхать. И потому поступите, какъ чувствуете, какъ знаете: теперь самъ я и разсуждать хорошенько не могу; всѣ мысли заняты *ею*—одною ею. Тогда я и покоенъ, когда думаю или говорю

объ ней. Дай мнѣ Господи терпѣніе и утѣшеніе! Вотъ ужъ третья недѣля идетъ, какъ она умерла, а я все объ ней думаю. Мнѣ грустно, тяжело становится, когда говорятъ мнѣ, что я со временемъ объ ней забуду; нѣтъ, мнѣ хочется непрестанно о ней думать, я радъ вѣчно ею заниматься.

Проповѣдей своихъ я вамъ не посылаю: и этимъ тяжело заняться. А прежде какъ это радовало, что я пошлю къ вамъ мои проповѣди. Пришлю послѣ, если сами ко мнѣ не пріѣдете. Приготовилъ вамъ тринадцать катех. бесѣдъ—переписалъ; бесѣды такія хорошія, и я опять радовался, что перешлю къ вамъ, а теперь... Чудное дѣло! Нынѣшній годъ необыкновенно былъ для меня счастливъ: владыка и тотъ необыкновенно ко мнѣ хорошъ, мои проповѣди ему очень понравились, не нахвалится ими. И чѣмъ все это покрывается!

Впрочемъ я еще повторяю: не слишкомъ безпокойтесь обо мнѣ; издали несчастіе всегда тяжелѣе и больше; я стараюсь успокоивать себя—молитвою къ Богу. Вотъ теперь-то я начинаю познавать и чувствовать, какъ важна, какъ спасительна наша вѣра. Безъ вѣры человѣкъ именно погибшій человѣкъ, особенно въ горѣ. Я бы желалъ, чтобы расположеніе моего духа осталось навсегда такимъ, каково теперь: тогда былъ бы я покоенъ, и счастливъ. Помоги мнѣ, Господи!

По полученіи моего письма отпойте поскорѣе панихиду о Надеждѣ Ивановнѣ: это и васъ и меня успокоитъ.

Кланяюсь всѣмъ вамъ и желаю всего добраго. Преданный вамъ Родіонъ Путятинъ. 1842. Мая 9 *).

Для Вѣрушки мы съ Надеждою Ивановною наняли кормилицу. Ахъ, какъ и это все хорошо устроилось, какъ она этимъ восхищалась!. Цѣлую стопу надобно бы исписать, чтобы разсказать, что̀ у насъ есть, было и было бы... Нѣтъ, если можно пріѣзжайте, хоть поплачемъ вмѣстѣ; кто знаетъ, долго ли я наживу? Впрочемъ я чувствую себя здоровымъ, а во весь годъ былъ даже очень здоровъ; вы бы меня не узнали».

Приписка сверху послѣдней страницы:

«Еще повторяю, не безпокойтесь много; я начинаю уже и дѣломъ заниматься, пишу, читаю, хожу въ церковь, въ классъ. Дай Господи охоту ко всему этому!

(*Сообщ. А А. Ярцевъ*).

---

*) Очевидная описка; слѣдуетъ читать „Іюня 9“. А. Я.

ИЗЪ СЛУЖЕБНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА

въ Юго-западномъ краѣ.

(1865—1866).

I.

Служба моя по крестьянскому дѣлу въ Юго-западномъ краѣ состоялась, точно также какъ и въ Воронежской губерніи, безъ искательствъ и хлопотъ. Пріѣхалъ я въ концѣ 1864-го года въ Петербургъ навѣстить больнаго отца, какъ разъ въ то время, когда вновь назначенный генералъ-губернаторъ Кіевскій, Волынскій и Подольскій генералъ-адъютантъ Безакъ набиралъ для службы въ только что усмиренномъ краѣ Русскихъ мировыхъ посредниковъ, для замѣщенія Поляковъ, принимавшихъ прямое или косвенное участіе въ возстаніи. Заручившись моимъ согласіемъ, отецъ переговорилъ съ генераломъ Безакомъ и устроилъ мое опредѣленіе на службу въ Юго-западный край. Выдали мнѣ прогонныя и подъемныя деньги и попросили поторопиться выѣздомъ изъ Петербурга. Сборы мои были недолги, и я въ обществѣ отставнаго унтеръ-офицера Измайловскаго полка Семена Иванова выѣхалъ изъ Петербурга.

Семенъ Ивановъ такая своеобразная личность, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать о немъ нѣсколько словъ. Семену Иванову оставалось нѣсколько мѣсяцевъ службы до чистой отставки, когда онъ поступилъ въ услуженіе къ старику моему отцу и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Швейцарію. Во время Польскаго возстанія Семенъ Ивановъ въ качествѣ базсрочно-отпускнаго потребованъ былъ въ свой полкъ. Облекся Семенъ въ сѣрую шинель, надѣлъ на плеча ранецъ и отправился ловить инсургентовъ. Переходы по лѣсамъ и болотамъ разстроили его и безъ того слабое здоровье, и по окончаніи похода онъ оказался въ Красносельскомъ лагерномъ госпиталѣ; а послѣ лагерныхъ занятій гвардейскаго корпуса уволенъ въ чистую отставку. Въ видѣ утѣшенія начальство хотѣло его наградить Георгіевскимъ крестомъ; но Семенъ Ивановъ не пожелалъ этого отличія, потому что «не за что». «У насъ, говорилъ онъ мнѣ позднѣе,

ранена только одна лошадь въ обозѣ; и еще неизвѣстно, своими или непріятелемъ»». Получивъ отставку, онъ снова облекся въ партикулярную одежду, и поѣхали мы съ нимъ воевать *съ Польскимъ прапаганствомъ* (такъ онъ перевелъ неизвѣстное ему слово пропаганда). Всю дорогу мы ѣхали молча. Когда же пришлось почтовыхъ лошадей замѣнить вольными, и на козлахъ рядомъ съ Семеномъ оказался Еврей фурманъ, то Семенъ Ивановъ перво-на-перво повелъ носомъ, почуявъ *Еврейскій духъ*; а затѣмъ уже не обращалъ на Жида никакого вниманія, до перваго креста (Католики любятъ ставить по дорогамъ Распятіе или изображеніе Божіей Матери). При видѣ креста Семенъ оживился, и между нимъ и Евреемъ началась бесѣда. «Жидъ, сказалъ Семенъ Ивановъ, указывая на Распятіе: чтò это обозначаетъ?» — А я не знаю, отвѣчалъ Жидъ.— «Какъ же ты здѣшній житель, громче возразилъ Семенъ, и этого не знаешь?» — Ну, отвѣчалъ Еврей: мужикъ проѣдетъ и перекрестится.— «А что же это обозначаетъ?» уже съ явно-враждебнымъ намѣреніемъ крикнулъ Семенъ.—Вспомнитъ объ умершихъ и перекрестится, уклончиво отвѣчалъ Еврей. Семенъ хотѣлъ продолжать, но я вмѣшался въ ихъ бесѣду и категорически запретилъ Семену мучить Еврея. Кроткій и смиренный по убѣжденію (чтобы служить Богу и Великому Государю, нужно прежде всего смирить себя), Семенъ отличался еще самоотверженіемъ и преданностью долгу, какъ онъ его понималъ. Смиреніе, возведенное въ начàло, выработано солдатскою Русскою жизнью. Припоминаю еще одинъ случай. Приходитъ въ помѣщичій домъ *посовѣтываться* старикъ, солдатъ Астраханскаго гренадерскаго полка, посовѣтываться по поводу страданій отъ раны, полученной въ Остроленкскомъ сраженіи (дѣло было въ 1864 году). Началась бесѣда. Какъ водится, бесѣда отъ старыхъ дѣлъ и старинныхъ людей незамѣтно перешла къ современнымъ дѣламъ и людямъ. «Племяту моему въ солдаты идти, началъ старый воинъ. Вотъ я ему и говорю: смирись, въ сердцѣ смирись; а то плохо тебѣ будетъ въ службѣ». Дѣйствительно, при желѣзной тогдашней дисциплинѣ не смиряющемуся человѣку плохо было въ службѣ. Но въ данномъ случаѣ меня поразило не практическое значеніе смиренія, а самостоятельная выработка и возведеніе его въ основное начàло людьми, о рыцарствѣ ничего не слыхавшими и Шиллерà не читавшими. Пришлось мнѣ какъ-то приказать посадить подъ арестъ двухъ агитаторовъ въ сл. Мурафѣ. Не прошло и часа послѣ этого распоряженія, какъ ко мнѣ на дворъ привалило цѣлое село съ шумомъ и гамомъ, требовавшее освобожденія посаженныхъ подъ арестъ. Облекшись въ должностный знакъ, я вышелъ къ толпѣ и потребовалъ старосту. Староста не показывался; онъ, видимо, отъ меня прятался. Повторивъ еще разъ

вызовъ старосты и, не получивъ отвѣта, я зычно крикнулъ: «Когда на сходѣ нѣтъ старосты, то не сходъ, а сбродъ. Расходитесь по домамъ; иначе вамъ будетъ плохо!» Толпа стала молча расходиться. Оглянулся я и вижу, что въ двухъ шагахъ отъ меня стоитъ Семенъ Ивановъ съ твердою рѣшительностью раздѣлить мою участь, какова бы она ни была. Гдѣ ты, честный мой старикъ? Удалось ли тебѣ устроить себѣ мирное семейное житье, о которомъ ты постоянно мечталъ?

Послѣ мучительнаго путешествія по ужасному шоссе, гдѣ въ выбоины вмѣсто щебня путейцы валили навозъ, колыхаясь въ тарантасѣ на измученныхъ почтовыхъ клячахъ и слушая разсказы ямщиковъ про путешествующія на почтовыхъ, одновременно съ ревизоромъ, кучки щебня и про другія мошенничества, я съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на самихъ путейцевъ, обозрѣвавшихъ дистанціи въ роскошныхъ колясках, запряженныхъ кровными рысаками....

Я пріѣхалъ въ Кіевъ какъ разъ наканунѣ пріема у генералъ-губернатора. Въ пріемной залѣ мнѣ пришлось познакомиться съ посредниками, которыхъ вновь избралъ Безакъ. Среди нихъ много было душею преданныхъ дѣлу, энтузіастовъ, собиравшихся корреспондировать въ «Московскія Вѣдомости». Были и Нѣмцы aus Riga, Reval und Dorpat, чуждые энтузіазма, но съ разсчетомъ служебнаго преуспѣянія. Безакъ сказалъ подобающую обстоятельствамъ рѣчь. Затѣмъ предстояло получить назначеніе посредникамъ въ одну изъ трехъ губерній. Столкнувшись съ лицейскимъ своимъ товаращемъ Энгельгардтомъ, который состоялъ членомъ Подольскаго присутствія, я былъ представленъ Подольскому губернатору Сухотину и зачисленъ посредникомъ въ Ямпольскій уѣздъ. По окончаніи всѣхъ формальностей предложено было вновь назначеннымъ посредникамъ, не теряя времени, отправляться къ мѣстамъ назначенія.

Путь мнѣ предстоялъ немалый (400 верстъ), но по грунтовой прекрасной дорогѣ. Въ Ямполѣ я познакомился съ предсѣдателемъ съѣзда Калиновскимъ и курьознымъ предводителемъ дворянства Бѣляевымъ. Бѣляевъ состоялъ предводителемъ по назначенію правительства и въ качествѣ правительственнаго чиновника получалъ жалованье. Занятія его почти исключительно состояли въ осмотрѣ тюремныхъ помѣщеній. Не знаю, на сколько онъ пользовался довѣріемъ мѣстныхъ дворянъ.

Резиденція моя сл. Мурафа отстояла отъ Ямполя всего въ 60 верстахъ; поэтому я безъ дальнѣйшихъ замедленій вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Главнѣйшею изъ нихъ въ то время считалось исчисленіе и, буде нужно, разъисканіе первоначальнаго инвентарнаго надѣла. (Инвентарный надѣлъ хотя и нельзя было по закону измѣнять,

но чего при крѣпостномъ правѣ нельзя было сдѣлать богатому пану при содѣйствіи полиціи?); затѣмъ слѣдовало опредѣлить дѣйствительный надѣлъ и причитающійся выкупной платежъ, сначала безъ пониженія, а по опредѣленіи размѣра пониженія и съ пониженіемъ. Все это со включеніемъ межевыхъ работъ и неизбѣжной писанины входило въ кругъ дѣйствій повѣрочныхъ отдѣленій, состоявшихъ изъ мировыхъ посредниковъ и особо назначеннаго предсѣдателя.

Но предварительно нужно сказать нѣсколько словъ объ инвентаряхъ и творцѣ ихъ Д. Г. Бибиковѣ. Когда въ концѣ 40-хъ годовъ вводились инвентари, то цѣль ихъ, подготовка освобожденія крестьянъ, хранилась въ тайнѣ. Поэтому Д. Г. Бибиковъ, пригласивъ къ себѣ предводителей дворянства, передалъ имъ только, что правительство желаетъ знать, какъ велико количество земли, состоящей въ пользованіи крестьянъ, въ каждомъ полѣ отдѣльно, каково ея качество; равно требовалось показать количество скота, земледѣльческихъ орудій и пр., находящихся у крестьянъ. Предводители дворянства на запросъ дворянъ, для чего это правительству нужно, отвѣчали: положительно мы ничего сказать по этому дѣлу не можемъ; а полагать надо, что сообразно съ оцѣнкою земли будутъ установлены и налоги. На основаніи такихъ соображеній помѣщики показали, что земля крестьянская даетъ средняго урожая въ Подольской губерніи подъ озимымъ хлѣбомъ самъ-другъ, а овесъ и ячмень самъ-третей. При обнародованіи положеній 19 Ферваля инвентари переданы были для руководства въ губернскія присутствія и уничтожены во время мятежа. Но паны не знали, что въ канцеляріи генералъ-губернатора хранятся инвентарныя выписки. Эти-то выписки, въ которыхъ заключалась вся суть дѣла, были переданы изъ канцеляріи генералъ-губернатора въ руки Русскихъ посредниковъ. И нужно было видѣть удивленіе и ужасъ помѣщиковъ, когда повѣрочныя отдѣленія, понижая выкупные платежи съ прекрасныхъ пшеничныхъ Подольскихъ земель, объявляли помѣщикамъ, что они руководствуются собственными ихъ показаніями относительно крестьянскихъ земель и въ доказательство предъявляли инвентарныя выписки за скрѣпою генералъ-губернатора.

О дѣятельности Д. Г. Бибикова забыли, такъ какъ онъ былъ въ немилости; но справедливость требуетъ нынѣ отдать должное его заслугамъ. А заслугъ у него было немало. Кромѣ введенія инвентарей и строгаго въ Русскомъ духѣ управленія ополячившимся краемъ, Бибикову, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, принадлежитъ попытка урегулировать отношенія центральнаго управленія съ мѣстными (губернскими), контроль надъ дѣятельностью департаментскихъ чиновниковъ и желаніе сократить переписку...

Мѣропріятія Бибикова не нравились чиновникамъ, и они пустили въ ходъ свое канцелярское остроуміе. Такъ однимъ изъ нихъ возбужденъ былъ вопросъ, какъ писать министру? въ собственныя руки или въ *собственную руку*? У Д. Г. Бибикова оторвана была рука въ Бородинскомъ сраженіи *).

Перехожу къ работамъ повѣрочныхъ отдѣленій. Основаніемъ для нихъ служили измѣренія землемѣровъ. Безъ измѣренія крестьянскаго надѣла нельзя было сдѣлать и шага. Поэтому въ тѣхъ повѣрочныхъ отдѣленіяхъ, гдѣ были трезвые и усердные землемѣры, тамъ и дѣла́ шли успѣшно. Лѣнтяи и пьяницы тормозили дѣла̀ повѣрочныхъ отдѣленій; отсюда постоянныя жалобы на землемѣровъ и частая ихъ смѣна въ большинствѣ повѣрочныхъ отдѣленій. Въ 4-мъ (моемъ) участкѣ состояло два землемѣра: Полякъ Осѣцкій и Великороссъ Будановъ. Оба были трезвые, трудящіеся люди и, благодаря имъ, межевое дѣло въ участкѣ шло успѣшно; но въ началѣ случился казусъ. Землемѣръ Будановъ все время полевыхъ работъ, усердно работавши въ полѣ (до того усердно, что отъ дѣйствія южнаго солнца лицо его походило на голенище сапога), при составленіи бѣловыхъ плановъ, впалъ въ раздумье, захандрилъ и, какъ человѣкъ самолюбивый, рисковалъ серьозно заболѣть. Незнакомый съ техникою дѣла, я пригласилъ къ себѣ Осѣцкаго и просилъ объяснить, что̀ дѣлается съ Будановымъ. Осѣцкій не безъ злорадства объяснилъ, что Будановъ, незнакомый съ мѣстными пріемами съемки крестьянскихъ надѣловъ, запутался въ пустякахъ; вмѣсто того, говорилъ Осѣцкій, чтобы нанести на планъ контуръ площади, занимаемой усадьбами, и въ площадь эту помѣстить отдѣльно снятыя усадьбы по порядку номеровъ, онъ снималъ каждую усадьбу отдѣльно; онѣ у него и расползлись. Пристыдивъ Осѣцкаго за то, что онъ не хочетъ помочь товарищу, я его отправилъ къ Буданову, и черезъ нѣсколько дней имѣлъ удовольствіе видѣть успокоеннаго, сіявшаго Буданова съ готовыми планами.

Наше сѣверное повѣрочное отдѣленіе состояло изъ трехъ мировыхъ участковъ. Предсѣдательствующимъ былъ служившій прежде лѣсничимъ Калашниковъ, а посредниками я, только что выпущенный изъ Кіевскаго университета съ степенью кандидата И. А. Савицкій, гусаръ Науменко; а позднѣе (чтобы дать возможность мировымъ посредникамъ заняться своими участками) назначенъ въ составъ повѣрочныхъ

---

*) То время изобиловало остряками. Острили отъ скуки, за неимѣніемъ лучшаго дѣла. Такъ въ Хозяйственномъ Департаментѣ служилъ начальникомъ отдѣленія нѣкто Городковъ, столоначальникомъ былъ Городецкій, а помощникомъ столоначальника Подгородецкій. Начальство всѣхъ ихъ зачислило въ 1-ое Городское Отдѣленіе.

отдѣленій кандидатъ мировыхъ посредниковъ изъ отставныхъ улановъ Вольскій. Другое повѣрочное отдѣленіе (южное), составляли предсѣдатель мироваго съѣзда Калиновскій и посредники Погадаевъ, Киселевъ и Рёмеръ. Работы достаточно было въ обоихъ отдѣленіяхъ, независимо отъ дѣлъ мироваго съѣзда, для разбора которыхъ нужно было собираться въ Ямполь всѣмъ посредникамъ. Повѣрочныя работы производились въ такомъ порядкѣ: отправлялись повѣстки помѣщику или повѣренному его съ приглашеніемъ прибыть къ назначенному сроку въ опредѣленную мѣстность; точно такія же повѣстки отсылались въ волостныя правленія для крестьянскихъ повѣренныхъ и стороннихъ свидѣтелей. Въ назначенный срокъ повѣрочное отдѣленіе отправлялось на мѣсто, объѣзжало крестьянскія поля, опредѣляло количество и качество крестьянскихъ земель и слѣдующее съ нихъ пониженіе выкупныхъ платежей. Все это, вмѣстѣ съ возраженіями сторонъ (вѣрнѣе однихъ помѣщиковъ, такъ какъ крестьянамъ жаловаться было не на что) записывалось въ протоколы, читавшіеся по окончаніи объѣзда во всеуслышаніе. Затѣмъ люди распускались, а повѣрочное отдѣленіе, т. е. предсѣдатель и посредникъ, въ участкѣ котораго происходила повѣрка, приступали къ ужасной цифирной работѣ. И какихъ только цифръ въ выкупныхъ актахъ не выкладывали, не выставляли! Опредѣлялся первоначальный надѣлъ, затѣмъ существующій. Исчислялся слѣдующій за землю выкупной платежъ, и потомъ сколько приходится за ту выкупность земли пониженій, при чемъ платежъ за выкупаемую землю вычислялся вдвойнѣ, съ пониженіемъ и безъ пониженія. Дѣлали въ извѣстныхъ случаяхъ разсчеты вознагражденія крестьянъ за лишеніе топлива и пастбищъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Дѣло не безъ умысла затягивалось, и главною причиною такого затягиванія были пониженія выкупныхъ платежей, такъ какъ пониженія свыше 15% должны были восходить на утвержденіе генералъ-губернатора, который въ большинствѣ случаевъ утверждалъ предположенія повѣрочныхъ отдѣленій, и тогда помѣщикъ начиналъ обжаловать это постановленіе у министра внутреннихъ дѣлъ. Бывали случаи и жалобъ на Высочайшее имя. Для того чтобы дойти до главнаго выкупнаго учрежденія, выкупные акты проходили слѣдующую лѣстницу. Мировой посредникъ по составленіи передаетъ выкупный актъ предсѣдателю повѣрочнаго отдѣленія, отъ предсѣдателя повѣрочнаго отдѣленія выкупной актъ поступаетъ къ предсѣдателю мироваго съѣзда, который по разсмотрѣніи (точно у него своего дѣла мало!) отправляетъ актъ въ губернское присутствіе, а губернское присутствіе въ главное выкупное учрежденіе. И во всѣхъ помянутыхъ учрежденіяхъ актъ долженъ полежать до минованія срока обжалованія; подпись сторонъ должна быть засвидѣтельствована воло-

стнымъ правленіемъ или земскою полиціею. И вся эта писанина въ двухъ экземплярахъ представлялась въ губернское присутствіе, которое, будучи занято прѣніями о способѣ осмотра и опредѣленія качества почвы, въ свою очередь тормозило дѣло: нѣкоторые акты возвращались присутствіемъ для исправленій до трехъ разъ. И по какимъ причинамъ! Сумбуръ происходилъ страшный. Въ одномъ имѣніи выкупной платежъ понижался на 50%, въ другомъ на 32, въ третьемъ на 28% и т. д., но менѣе 15% пониженія не допускалось; слѣдовательно minimum 45% общаго пониженія, такъ какъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, во всѣхъ имѣніяхъ безъ исключенія выкупной платежъ обязательно понижался на 30%. При такомъ ходѣ дѣлъ людямъ съ шаткою совѣстью легко перейти къ злоупотребленіямъ. А богатые помѣщики только и ждали наступленія того благодатнаго времени, когда имъ можно будетъ, какъ въ недавнее время, откупаться. Во время повстанья одинъ бойкій исправникъ составилъ себѣ состояніе простымъ очень пріемомъ. Отправляясь во главѣ крестьянскаго ополченія для розыска бандъ, онъ оцѣплялъ лѣсъ, въ которомъ находились повстанцы, со всѣхъ сторонъ, оставивъ въ лѣсу только одну ему извѣстную лазейку. Этою лазейкою онъ доходилъ до лагеря пановъ. Старые знакомые паны встрѣчали услужливаго исправника съ распростертыми объятіями. Но пане-коханку на этотъ разъ былъ холоденъ и, попросивъ ихъ убѣдиться, что они окружены со всѣхъ сторонъ, онъ выпускалъ ихъ изъ лѣсу черезъ лазейку, при чемъ бралъ по 1000 рублей съ пана. Послѣ этого со всевозможными предосторожностями мужики вводились въ лѣсъ, и разумѣется кромѣ окурковъ ничего не находили. Про злоупотребленія и взятки пока у насъ ничего не говорили; напротивъ, вся дѣятельность генерала Безака свидѣтельствовала о добромъ желаніи трудиться на пользу Русскаго дѣла.

Близилась ревизія генералъ-губернаторомъ крестьянскихъ учрежденій. Предварительно, для подробнаго ознакомленія съ ходомъ дѣла на мѣстѣ, командированъ былъ чиновникъ особыхъ порученій Воронинъ. Онъ прожилъ въ Ямполѣ три дня, присутствовалъ при засѣданіяхъ, входилъ во всѣ подробности, принималъ просителей и составилъ въ заключеніе къ пріѣзду генералъ-губернатора докладъ, коимъ признанъ ходъ дѣла въ нашемъ уѣздѣ удовлетворительнымъ сравнительно съ другими обревизованными имъ уѣздами губерніи. Вслѣдствіе этого и генералъ-губернаторъ остался нами доволенъ и благодарилъ, не обративъ даже вниманія на либеральничанье съѣзда in corpore, не хотѣвшаго ожидать пріѣзда его въ отведенномъ ему домѣ и явившагося только по его требованію. Понравилось ему въ особенности значительное пониженіе выкупныхъ платежей, тѣмъ болѣе, что большинство

съѣздовъ губерніи по мнѣнію его мало понижали; а это обстоятельство, еще болѣе непониманіе духа времени, были причиною почти повальнаго изгнанія мировыхъ посредниковъ въ Ушицкомъ и Каменецъ-Подольскомъ уѣздахъ. Вообще же наша губернія по ходу дѣла признана генералъ-губернаторомъ самою плохою изъ трехъ, на что̀ указано было въ циркулярномъ его оповѣщеніи, обращавшемъ вниманіе *мировыхъ съѣздовъ и посредниковъ* на отсутствіе единства и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ съѣздовъ. Медленность и неуспѣшность работъ по выкупнымъ актамъ отнесена къ недостатку землемѣровъ. Обращено вниманіе и на жалобы посредниковъ на полицію. *По губернскому присутствію* замѣчанія генералъ-губернатора гораздо существеннѣе. Ко времени его ревизіи представлено было въ присутствіе 156 актовъ, утверждено 48 и возвращено обратно съѣздомъ для исправленія 73. Возвращались акты безъ уважительныхъ причинъ: какъ-то по незасвидѣтельствованію подписей крестьянъ на актахъ и подписей помѣщиковъ на отзывахъ, когда законъ этого не требуетъ. Возвращались акты и по той причинѣ, что уставныя грамоты измараны, тогда какъ на *составленіе новыхъ при повѣркѣ присутствіе разрѣшенія не давало.* По поводу разныхъ отступленій (безъ объясненія даже, какія именно отступленія замѣчены присутствіемъ) генералъ-губернаторъ поставилъ на видъ Подольскому губернскому присутствію дѣйствія присутствій Кіевской и Волынской губерній. Въ упомянутыхъ губерніяхъ присутствія разрѣшали посредникамъ переписывать грамоты вновь и *не придираются къ формѣ.* Въ личномъ составѣ мировыхъ учрежденій найдено генералъ-губернаторомъ много неспособныхъ чиновниковъ.

Генералъ-губернаторъ сдѣлалъ что̀ могъ, указалъ на причины неуспѣшности въ ходѣ дѣла, удалилъ нѣсколько человѣкъ неспособныхъ чиновниковъ, но не въ силахъ былъ исправить чиновниковъ губернскаго присутствія. Этихъ людей циркулярами не проберешь: они сами мастера писать. И вотъ тотчасъ же по отъѣздѣ генералъ-губернатора заскрипѣли перья въ губернскомъ присутствіи, и пошли циркулярныя оповѣщенія съѣздовъ и повѣрочныхъ отдѣленій о томъ, что генералъ-губернаторъ *сожалѣетъ* о медленномъ представленіи изъ Подольской губерніи выкупныхъ актовъ и что по крестьянскому дѣлу она отстаетъ отъ другихъ губерній: въ то время какъ изъ Кіевской губерніи представлено 600, изъ Волынской 150, изъ Подольской представлено только 110 выкупныхъ актовъ. Поэтому Подольскій губернаторъ проситъ съѣзды и повѣрочныя отдѣленія *оказать* съ своей стороны содѣйствіе къ болѣе быстрому изготовленію и доставленію въ губернское присутствіе выкупныхъ актовъ. Точно въ этомъ все и дѣло! Да что же могло существеннаго сдѣлать губернское присутствіе

при органическомъ недостаткѣ повѣрочныхъ отдѣленій? Повѣрочныя отдѣленія впервыя появились въ Сѣверо-Западномъ краѣ и состояли: 1) изъ предсѣдателя, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, 2) члена, командированнаго министерствомъ финансовъ, и 3) мѣстнаго мироваго посредника. Такой составъ повѣрочныхъ отдѣленій безъ сомнѣнія представлялъ болѣе устойчивости и дѣйствовалъ самостоятельнѣе, такъ какъ находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ министерствомъ и генералъ-губернатору не подчинялся. Но это-то и не нравилось Безаку. Разсчитывая руководить выкупнымъ дѣломъ, онъ образовалъ изъ повѣрочныхъ отдѣленій первую инстанцію, обязанную исполнять подчасъ нелѣпыя требованія губернскаго присутствія, какъ онъ и самъ въ томъ убѣдился. И если въ Кіевской губерніи число выкупныхъ актовъ значительно превышало число актовъ представленныхъ изъ другихъ губерній, то это слѣдуетъ отнести къ центральному положенію Кіевской губерніи, гдѣ сосредоточивалось управленіе краемъ. Когда губернскія присутствія выработали одну общую систему и рѣшили, что повѣрочныя отдѣленія при опредѣленіи качества почвы должны руководствоваться единственно наружнымъ осмотромъ, такъ какъ имѣлись еще и инвентарныя выписки, то генералъ-губернаторъ добавилъ отъ себя, что слѣдуетъ принимать въ соображеніе и урожай, и способствовалъ такимъ образомъ замедленію въ ходѣ дѣла, такъ какъ подалъ новый предлогъ къ обжалованію рѣшеній съѣздовъ и повѣрочныхъ отдѣленій. Вообще Безакъ не походилъ на одновременно съ нимъ дѣйствовавшаго въ другой окраинѣ Н. А. Милютина, который хлопоталъ прежде всего о дѣлѣ, а людей желавшихъ служить этому дѣлу привлекалъ ласковымъ обращеніемъ и щедрыми наградами.

Послѣ этого карьеристы пріуныли и стали помышлять о пріисканіи себѣ другой службы. Не унывали только офицеры, составлявшіе значительное большинство. Это люди привыкшіе къ строгой дисциплинѣ и безропотному исполненію приказаній начальства; они къ посреднической службѣ не подготовлялись, службы этой не любили и серьезно къ ней не относились, считая *настоящей* службою службу военную.

Не покидала службы и идеально-настроенная молодежь изъ студентовъ Кіевскаго университета. Тогда студенты еще не считались людьми неблагонадежными, хотя на ихъ археологическія изслѣдованія начальство и косилось. Такъ, когда одному изъ нихъ вздумалось разыскивать могилу казака Нечая, то занятіе это признано было начальствомъ за дѣло предосудительное. Стихи писать не возбранялось, и на такія упражненія начальство смотрѣло съ улыбкою снисхожденія; тѣмъ болѣе, что стихи посвящались тому же крестьянскому дѣлу. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній по поводу инструкціи съѣзда чиновнику

особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Сабанѣеву съ эпиграфомъ: «Гони усадебную въ полевую». Само стихотвореніе представляетъ подражаніе «Тучкамъ» Лермонтова.

Зѐмли за гумнами и коноплянники,
Грустно простившись съ усадьбою мирною,
Мчитесь вы будто селенья изганники
Съ милой осѣдлости въ поле обширное...
Чтоже васъ гонитъ? Грѣхи ль инвентарные,
24-й статьи ль повелѣніе *),
Или вмѣнили вамъ съѣзды коварные
Сверхъ-десятинный размѣръ въ преступленіе?
Нѣтъ. Не нарушили мы положенія,
Чужды большихъ намъ усадьбъ преступленія:
Гонитъ насъ въ поле съ села какъ злодѣевъ
Статскій совѣтникъ и жрецъ Сабанѣевъ.

Въ концѣ концовъ, всѣхъ посредниковъ постигла одна и таже участь. По окончаніи повѣрочныхъ работъ послѣдовали сокращенія штатовъ, и посредники расползлись съ репутаціею людей *политически-неблагонадежныхъ*. Объ этомъ постарались вліятельные паны. И много горя пришлось испытать въ ту пору (послѣ Каракозовскаго покушенія) посредникамъ, нуждавшимся въ службѣ. Но честнымъ людямъ въ утѣшеніе осталось сознаніе, что трудились они не безъ пользы, такъ какъ пониженные выкупные платежи остались безъ измѣненія и, не смотря на домогательство враговъ крестьянскаго дѣла, новому пересмотру не подверглись. Пониженіе выкупныхъ за землю платежей съ цѣлью сдѣлать крестьянъ состоятельными («для взноса казенныхъ и мірскихъ платежей», прибавляла позднѣйшая редакція; точно желаніе сдѣлать крестьянъ просто зажиточными людьми было чѣмъ-то преступнымъ) послужило примѣромъ и для коренныхъ Русскихъ губерній. Къ сожалѣнію мѣра эта въ исполненіе приведена и не повсемѣстно, и значительно позднѣе, въ слѣдующее царствованіе, когда крестьяне нечерноземной полосы были уже разорены. Но честь почина осталась за дѣятелями 1865 года въ Юго-западномъ краѣ. Крестьяне помянутой мѣстности и въ настоящее время пользуются, вслѣдствіе уменьшенныхъ платежей, сравнительно бо̀льшимъ благосостояніемъ.

*) 24-я статья мѣстнаго положенія: „Если, въ случаѣ разбросанности строеній, внутри селеній заключаются пустопорожнія мѣста или когда усадебныя земли не отдѣлены ясною чертою отъ прилегающихъ къ нимъ коноплянниковъ и выгоновъ, то для обозначенія черты усадебной осѣдлости полагается на каждый дворъ 1800 саженъ».

II.

При разборѣ исковъ, споровъ и дѣлъ такъ называемыхъ судебно-полицейскихъ, меня, какъ жителя центральной Русской губерніи, болѣе всего поражало значеніе Евреевъ въ экономической жизни края. Безъ Еврея не обходилась ни одна купля, ни одна продажа. Еврей былъ и общимъ банкиромъ, ссуждавшимъ нуждавшихся крестьянъ деньгами, при чемъ кромѣ процентовъ вымогались еще либо работа, либо приношеніе натурою, сѣномъ, хлѣбомъ, курами, яйцами и т. п. У меня разбиралось дѣло по жалобѣ Еврея Мейра-Гирши (извѣстнаго въ той мѣстности подъ именемъ Маіорки) на крестьянина Дудника, обязавшагося поставить запроданный Евреемъ хлѣбъ въ Одессу на собственныхъ лошадяхъ. Дудникъ при этомъ объяснилъ, что у него зимою пала лошадь и что поэтому онъ не могъ доставить Еврейскаго хлѣба; но что какъ только купитъ лошадь, то первымъ дѣломъ доставитъ хлѣбъ. Маіорка требовалъ, чтобы хлѣбъ доставленъ былъ немедленно, такъ какъ ему дѣла нѣтъ до того, что пала у крестьянина лошадь, и обязательство свое онъ долженъ исполнить во что бы ни стало. Жестъ, вся фигура Маіорки до того напоминали Шейлока, что я не вытерпѣлъ и спросилъ во что̀ обходится доставка одного воза хлѣба въ Одессу. Маіорка отвѣчалъ, что сто̀итъ эта операція 8 рублей. Хорошо сказалъ я, 8 рублей должны быть тебѣ возвращены; а какъ у Дудника денегъ нѣтъ, то я разрѣшаю тебѣ, безъ вреда для здоровья его, вырѣзать изъ него на 8 рублей мяса. Маіорка растопырилъ руки, но тотчасъ догадался. «Панъ мировой шутитъ!» Рѣшено обязать Дудника доставить Еврейскій хлѣбъ къ новому сроку. Обязательство Дудника записано въ книгу волостнаго правленія, а за исполненіемъ поручено наблюсти волостному старшинѣ. Такимъ способомъ дѣло окончено миромъ.

Не въ примѣръ курьезнѣе по проявленію Еврейской изобрѣтательности было дѣло содержателя казенной мельницы въ сл. Мурафѣ, купца Шполянскаго. При сдачѣ въ арендное содержаніе этой мельницы на обязанность арендатора возложено исправное содержаніе плотины на пруду (ста́ву), чего Шполянскій, благодаря потворству властей, никогда не исполнялъ. Плотина отъ времени и при отсутствіи ремонта пришла въ негодность, а при осеннемъ половодіи 1866 г. размыта и снесена водою, причемъ пострадали крестьянскія озими. Крестьяне обратились ко мнѣ съ жалобою, и въ возмѣщеніе ихъ убытковъ присуждено имъ съ Шполянскаго вознагражденіе. Ходитъ Шполянскій по берегу пруда и раздумываетъ, какъ бы извернуться. Вниманіе его привлекаетъ толпа людей

копошащихся на пруду; подходитъ онъ ближе и видитъ, что крестьяне выбираютъ руками и баграми мелкую рыбу, собравшуюся въ ямкахъ на днѣ пруда. Шполянскій, потирая руки, возвращается домой: средство починить плотину найдено! Чрезъ нѣсколько дней, разбирая почту, нахожу я прошеніе Шполянскаго. «По условію заключенному мною съ казною на аренду мельницы въ слободѣ Мурафѣ между прочимъ предоставлено мнѣ Шполянскому исключительное право рыбной ловли въ пруду; между тѣмъ я убѣдился, что крестьяне с. Мурафа произвольно и цѣлымъ обществомъ ловятъ рыбу въ пруду, чѣмъ причинили мнѣ убытку на 800 рублей. Вслѣдствіе этого покорнѣйше прошу присудить мнѣ вознагражденіе за убытки въ указанномъ мною размѣрѣ; относительно же хищническаго и самопроизвольнаго лова рыбы буду преслѣдовать крестьянъ уголовнымъ порядкомъ». Такъ какъ всѣ обстоятельства этого дѣла мнѣ хорошо и давно были извѣстны, между прочимъ и по поводу жалобы крестьянъ на незаконное составленіе Шполянскимъ третейскаго суда; то̀, не вдаваясь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, я положилъ на прошеніи Шполянскаго резолюцію: «Оставлено безъ разсмотрѣнія» и отправилъ прошеніе Шполянскому обратно. На слѣдующій день Шполянскій приходитъ ко мнѣ въ канцелярію и заявляетъ, что его крайне удивляетъ, что я не умѣю разбирать людей, что онъ лично знако́мъ съ губернаторомъ и поэтому ему надо болѣе вѣрить, чѣмъ хлопамъ (крестьянамъ). Я прервалъ его замѣчаніемъ, что все это къ дѣлу не идетъ, а если онъ недоволенъ моимъ рѣшеніемъ, то, не прибѣгая къ личнымъ со мною объясненіямъ, можетъ жаловаться. Шполянскій окончательно обозлился и сталъ мнѣ угрожать. Тутъ я не вытерпѣлъ и крикнулъ, что если онъ не выдетъ изъ канцеляріи, то будетъ оштрафованъ; при этомъ я взглянулъ на бывшихъ въ канцеляріи крестьянъ и прочелъ въ глазахъ ихъ готовность исполнить имѣющее послѣдовать въ случаѣ упорства Шполянскаго приказаніе. Шполянскій не сталъ дожидаться этого приказанія и стушевался. Съ ближайшею почтою получаю запросъ отъ губернатора, къ которому приложена съ подтасовкою фактовъ кляузная жалоба Шполянскаго на нежеланіе мое заняться его дѣломъ и на постановленіе, вопреки третейскаго суда, по дѣлу о поврежденіи крестьянскихъ озимей. Опровергнуть все это мнѣ не трудно было, потому что жалоба его, какъ всякое мошенническое измышленіе, при соприкосновеніи съ сущностью сама себя изобличала. Я отвѣчалъ, приложивъ копіи съ документовъ: 1) «Купецъ Шполянскій, утверждая, что третейскій судъ предшествовалъ моему постановленію, позабылъ про число, такъ какъ постановленіе мое (протоколъ) помѣчено 12 Декабря 1865 г., а третейскій судъ состоялся 27-го Декабря того же года. Отъ подписи протокола Шполянскій отка-

зался, не смотря на приглашеніе мое. 2) Третейскій судъ, по словамъ Шполянскаго, добровольно состоявшійся, въ тотъ же день былъ обжалованъ крестьянами, пришедшими мнѣ о немъ возвѣстить и просить защиты. 3) Подписавшихся подъ третейскимъ разбирательствомъ двухъ Евреевъ я никогда не видалъ, а служащаго при полиціи чиновника Лисовскаго никогда не приглашалъ быть третейскимъ судьею, не говоря уже о томъ, что рѣшеніе мироваго посредника не можетъ быть отмѣнено третейскимъ судомъ. Въ опредѣленіи мѣры взысканія съ Шполянскаго за поврежденныя крестьянскія озими я руководствовался свѣдѣніями собранными отъ стороннихъ людей и мельника Тодозія». Кажется, губернаторъ убѣдился моими доказательствами, потому что болѣе по этому дѣлу ко мнѣ не обращался.

Кромѣ гешефтмахерства и безсовѣстнаго отношенія къ темному крестьянскому люду приходилось вѣдаться еще и съ Еврейскимъ фанатизмомъ. Въ желаніи Евреевъ (чаще Евреекъ) принять христіанство главнымъ двигателемъ къ тому было корыстолюбіе, полученіе денегъ, вещей, платья и заботы воспріемниковъ о дальнѣйшемъ существованіи вновь обращенныхъ. У женщинъ, кромѣ этого—желаніе избавиться отъ тяжелаго, унизительнаго положенія Еврейской женщины въ семьѣ; какъ извѣстно, половину своей жизни Еврейка считается существомъ нечистымъ, неимѣющимъ по этому права ни ѣсть изъ одной съ мужемъ посуды, ни сидѣть съ нимъ рядомъ. Въ синогогу женщинъ не допускаютъ. Понятно, что перспектива такого замужства не можетъ нравиться дѣвушкамъ. Самыя энергичныя изъ нихъ, воспользовавшись удобною минутою, скрываются изъ дома и, прибѣжавъ въ христіанскую семью, заявляютъ о желаніи своемъ креститься. Такой случай былъ въ Лукѣ-Молчанской. Молоденькая 16-лѣтняя дѣвушка Еврейка бѣжала изъ дома и, пріютившись въ крестьянской семьѣ, объявила, что хочетъ быть христіанкою. Дѣло было въ горячую полевую страду, и староста обратился ко мнѣ за рѣшеніемъ, какъ слѣдуетъ поступить. «Пора рабочая: и старъ, и малъ въ полѣ; Жиды непремѣнно ее выкрадутъ, если оставить ее безъ караула (объяснялъ староста). Я приставилъ къ ней караулъ; но долго людей нельзя держать на караулѣ—убыточно». Похваливъ его за распорядительность, я приказалъ оставить караулъ до рѣшенія, которое мы выработаемъ совмѣстно съ отцемъ благочиннымъ. На возвратномъ пути заѣзжаю къ почтенному Михаилу Савичу Гарнишевскому и передаю ему о случившемся въ Лукѣ-Молчанской, при чемъ самъ собою возникъ вопросъ, куда дѣвать дѣвушку. Исходъ самый подходящій придумалъ М. С. Гарнишевскій. У меня, говорилъ онъ, ее выкрадутъ, у васъ не выкрадутъ, но пойдутъ сплетни: вы человѣкъ холостой. А мы ее отправимъ

въ женскій монастырь, тамъ ее и къ крещенію подготовятъ. Дайте только стражу, чтобы дорòгою ее Жиды не отбили. Такъ и сдѣлали. Собрали нѣсколько десятковъ сельской стражи (вооруженной копьями, десятый человѣкъ съ ружьемъ) и отправили Еврейку въ монастырь.

Другой случай былъ въ сосѣднемъ участкѣ, но не имѣлъ къ сожалѣнію такого благополучнаго исхода. Во время обряда крещенія Еврейки въ м. Томашполѣ, у церкви собралась толпа Евревъ, мужчинъ и женщинъ; подняли шумъ, крикъ и ругательства, заглушавшія слова священника. Толпа не расходилась, не смотря на требованія полиціи, и сопровождала ругательствами и насмѣшками новокрещеную до дома благочиннаго. На съѣздѣ предположено было передать о случившемся губернатору; но посредникъ, гусаръ, позволилъ себя уговорить Евреямъ, на томъ основаніи, что Евреи народъ полезный и пригодный для всевозможныхъ услугъ. По истинѣ гусарское воззрѣніе!

Слѣдуетъ еще упомянуть, что съ рѣдкою почтою не получались запросы и требованія отъ начальства сообщить въ скорѣйшемъ (для смягченія по возможности) времени, почему допущено и т. д. (слѣдуетъ изложеніе Еврейскаго доноса). Доносамъ этимъ никто не вѣрилъ, а отписываться было нужно. Но чувство справедливости понуждаетъ меня указать и на хорошія свойства Евреевъ. Свойства эти: способность шевелить мозгами во всѣхъ направленіяхъ, тактъ и доброжелательство даже къ людямъ другой національности, разумѣется если доброжелательство это не сталкивается съ комерческими стремленіями Евреевъ. Какъ часто, бывало, въ Воронежской губерніи мнѣ приходилось, отправляясь по какому-нибудь дѣлу за 30—40 верстъ, разъѣзжаться съ нужнымъ человѣкомъ, и поэтому терять время и безполезно путешествовать по пустыннымъ проселочнымъ дорогамъ. Съ Евреемъ-фурманомъ этого случиться не можетъ, такъ какъ Евреи при встрѣчѣ непремѣнно остановятся поболтать и, разспросивъ на своемъ жаргонѣ другъ друга о чемъ нужно, непремѣнно сообщатъ и путешественнику о томъ чтò его интересуетъ, и тѣмъ зачастую избавляютъ отъ безполезныхъ поѣздокъ. А вотъ и примѣръ политическаго ихъ такта. Когда получено было въ Ямполѣ по телеграфу оффиціальное извѣщеніе о покушеніи Каракозова на жизнь Государя (о чемъ Евреи чрезъ пантофельную почту знали сутками ранѣе), велѣно было отслужить молебенъ за избавленіе Государя отъ опасности. На площади собрались войска, народъ и чиновники, и торжественно отслуженъ молебенъ. Среди общаго ликованія безмолвствовалъ, къ крайней нашей досадѣ, одинъ только костелъ. По настоянію нашему, послали солдатъ разыскивать ксендза. Къ вечеру его розыскали и заставили служить Te Deum. А чтобы какъ-нибудь ксендзъ не наколобродилъ, то понимающіе изъ

насъ по-латыни отправились въ костелъ. Среди всѣхъ этихъ передрягъ о Евреяхъ совсѣмъ позабыли, и мы пріятно были изумлены, когда по окончаніи молебствія на площади почетнѣйшіе изъ Евреевъ подошли къ намъ и пригласили на молитвословіе въ синагогу. «И мы, говорили они, хотимъ помолится за Государя». Въ биткомъ набитой синогогѣ мы просидѣли полчаса, слушая кантора, звучнымъ теноромъ исполнявшаго Мейербееровскій речитативъ.

Отъ Евреевъ къ панамъ переходъ самый естественный, такъ какъ безъ Еврея панъ существовать не можетъ. И тѣ, и другіе преслѣдуютъ и угнетаютъ все, что̀ не за нихъ и въ тоже время выдаютъ себя за людей угнетенныхъ. Крѣпостное право въ Юго-западномъ краѣ было еще тяжелѣ, чѣмъ въ коренныхъ Русскихъ губерніяхъ; ко всѣмъ ужасамъ крѣпостнаго права присоединялась еще вѣроисповѣдная рознь: панъ ходитъ въ костелъ, а хлопъ въ церковь; были панска вира и хлопска вира. Во время повстанья, не смотря на ласкательства и заманчивыя обѣщанія пановъ, ни одинъ крестьянинъ къ нимъ не присоединился (не исключая и крестьянъ-католиковъ), а энергическіе Кіевляне, припомнивъ старинныя казачьи преданія, ловили пановъ и связанныхъ доставляли въ Кіевъ. Но нелегко обходилось крестьянамъ и пассивное сопротивленіе. Григорій, сапожникъ изъ Луки-Молчанской за то, что донесъ о складѣ оружія у пана, былъ присужденъ, какъ бунтовщикъ, къ ссылкѣ (припомнимъ, что въ то время и администрація и полиція были въ рукахъ у пановъ). Онъ скрывался, какъ преступникъ, до назначенія Русскихъ посредниковъ и впослѣдствіи выбранъ былъ волостнымъ старшиною. Въ Брацлавскомъ уѣздѣ крестьянинъ донесъ, что помѣщикъ занимается отливаніемъ пуль. Не смотря на заступничество полиціи, помѣщика все таки посадили въ тюрьму; но передъ своимъ отправленіемъ онъ пригрозилъ крестьянину, что посадитъ и его въ тюрьму. Черезъ три года, а именно въ Апрѣлѣ 1866 года, крестьянинъ преданъ былъ суду по дѣлу о порубкѣ лѣса, совершенной еще въ 1858 году (для земской давности не хватило только 2-хъ лѣтъ), и становой приставъ поторопился объявить ему объ имѣющемъ послѣдовать тюремномъ заключеніи. Въ это время я выѣхалъ изъ края, и конецъ дѣла мнѣ неизвѣстенъ.

Повѣрка уставныхъ грамотъ при началѣ повстанья и во время генералъ-губернаторства Анненкова происходила, какъ и въ Россіи, съ поркою. Только здѣсь причины были другія: подъ предлогомъ повѣрки уставной грамоты крестьянъ собирали къ помѣщику на дворъ, и имъ предлагалось участвовать въ «завоеваніи воли». При отказѣ *бунтовщиковъ* жестоко наказывали и связанныхъ, за конвоемъ солдатъ, бывшихъ на экзекуціи, везли для примѣра другимъ черезъ селенія, гдѣ

по назначенію посредника-Поляка предполагалось повѣрять грамоту. Такимъ образомъ выходило, какъ будто само начальство наказывало крестьянъ за ихъ вѣрность.

По назначеніи Русскихъ посредниковъ паны поджали хвосты, но нрава своего не измѣнили. Открытое возстаніе не удалось; такъ началось обморочиваніе властей. По доносу крестьянина, хватаютъ пана и заключаютъ въ тюрьму; лишь только разнеслась о томъ вѣсть, поднялся шумъ, пошли толки. Стоитъ ли, негодовали паны, быть преданнымъ правительству? Во время нашихъ увлеченій (такъ при Русскихъ людяхъ паны называли возстаніе) панъ Вышелирскій одинъ былъ противъ, и мы его за это не допускали въ свои собранія. А теперь правительство его преслѣдуетъ. Богъ знаетъ что такое! Но вотъ пріѣзжаетъ военный слѣдователь. Скажите пожалуйста, спрашиваешь его, за что арестованъ Вышелирскій?—По обыскѣ у него найдены въ скирду порохъ и оружіе, отвѣчаетъ слѣдователь. Тогда при встрѣчѣ съ панами, распускавшими слухи о политической благонадежности Вышелирскаго, въ свою очередь спрашиваешь ихъ, зачѣмъ у преданнаго правительству пана Вышелирскаго оказался въ скирду складъ оружія?—Не знаемъ, не знаемъ, виляютъ паны, чужая душа потемки, и торопятся перемѣнить разговоръ. Припоминаю, какъ мнѣ приходилось бить пановъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Передъ роспускомъ сельской стражи возбужденъ былъ вопросъ о вознагражденіи крестьянъ, числившихся въ стражѣ на службѣ, и рѣшено вознаградить ихъ на счетъ помѣщиковъ. Сдѣлана раскладка, и панамъ предложено было деньги внести добровольно. Опять вознегодовали помѣщики. Помилуйте, за что же мы должны платить стражѣ, собранной по распоряженію правительства?—Какъ за что? отвѣчалъ я. Вѣдь вы сами говорите, что участія въ бунтѣ не принимали и что это дѣло небольшаго числа злоумышленниковъ; такъ какъ же вамъ не отблагодарить людей, защищавшихъ васъ отъ этихъ злоумышленниковъ?

Трубили паны про знаменитый въ краѣ заводъ сельско-хозяйственныхъ машинъ въ имѣніи Маньковскаго. Отправляюсь нарочно, чтобы осмотрѣть заводъ. Управляющій съ предупредительною любезностью показываетъ мнѣ нѣсколько молотилокъ, локомобилей, желѣзныхъ боронъ. Хорошо, говорю я; но гдѣ же заводъ, гдѣ все это выдѣлывается?—Знаете, отвѣчалъ управитель, край находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, переживаетъ хозяйственный кризисъ; поэтому никто машинъ не покупаетъ, и владѣлецъ вынужденъ былъ закрыть фабрику. По справкѣ у старожиловъ оказалось: заводъ предполагалось открыть для фабрикаціи оружія, для отвода же Русскихъ глазъ куплено нѣсколько сельско-хозяйственныхъ машинъ. Инсуррекція не

удалась, слѣдовательно и въ заводѣ надобности не предстояло. Оттого и остались выставляемыя на показъ и никому не нужныя молотилки, служащія нынѣ для обмана легковѣрныхъ людей.

Лживость и іезуитизмъ пановъ легко разоблачались на мѣстѣ. Но вѣдь такіе же точно пріемы употреблялись и выше, гдѣ панское измышленіе провѣрить было труднѣе. Мало доблестей въ то время проявили паны, за то лжи, коварства, обмана въ изобиліи.

Отношенія наши къ панамъ были чисто-дѣловыми, даже суровыми. Поэтому праздники на чужбинѣ проводились не весело. Припоминается мнѣ праздникъ Рождества въ Мурафѣ. Рано утромъ пришли ко мнѣ съ поздравленіями старшины и старосты и пропѣли Рождественскій стихъ (колядованіе).

Нова рада стала,
Якъ на небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свиту осіяла.

***

Де Христосъ родився,
Съ Дивы оплотився,
Тамъ чловикъ предъ Богомъ
Въ пылыны повывся.

***

Пастушки съ ягняткомъ
Передъ тымъ Детяткомъ
На колинка упадаютъ,
Бога прославляютъ.

***

Хвалимъ Тебе Царю
Небесный, Шафару (Вседержитель),
Даруй лѣта щастливы
Сему господару (домохозяину).

За тѣмъ послѣдовало съ моей стороны угощеніе, и мы дружески разстались. Сижу я въ халатѣ и думаю: хорошо и то, что никуда не нужно ѣхать, и можно дома отдохнуть. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и незнакомые голоса. Входитъ мой Семенъ и *докладываетъ*, что какіе-то паны желаютъ меня видѣть. Выхожу какъ былъ, *не въ уборѣ*, и встрѣчаю пановъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Одинъ изъ нихъ съ связкою облатокъ (которыя у католиковъ замѣняютъ хлѣбъ въ Причастіи) подходитъ ко мнѣ, протягиваетъ облатку и держитъ такого рода рѣчь: «Вамъ вѣроятно, господинъ мировой посредникъ, извѣстно, что это замѣняетъ у насъ хлѣбъ. У насъ въ обычаѣ кому мы желаемъ добра, съ тѣмъ преломляемъ хлѣбъ». Исполнивъ его желаніе, я отвѣчалъ: «Старинный этотъ обычай и у насъ существуетъ. Только какъ намъ, паны, желать другъ другу добра?

Вотъ на дняхъ я отправилъ въ повѣрочное отдѣленіе ваши выкупные акты. У васъ, панъ Х . . . , 30% пониженія (лицо оратора вытягивается). А вашъ выкупной актъ, панъ К . . . , продолжаю я, обращаясь къ другому пану, отправленъ туда съ пониженіемъ на 32% (панъ К . . . дѣлаетъ гримасу). Вы видите, господа, продолжаю я, наши отношенія таковы, что мы не можемъ желать другъ другу добра. Зачѣмъ вамъ было и безпокоиться ко мнѣ пріѣзжать? Прощайте!» Дѣлаю общій поклонъ и провожаю пановъ до дверей.

Въ ревизіи Безака глухо сказано, что заявлены-де посредниками жалобы на полицію. Полиція въ Подольской губерніи, какъ и повсемѣстно, прямой обязанности своей служить исполнительнымъ ὀрганомъ не исполняла, занималась же подобно чиновникамъ другихъ вѣдомствъ перепискою. Когда посредники стали требовать неуклоннаго исполненія своихъ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу, то оказалось, что полиція просто не привыкла этого дѣлать, не хочетъ отвыкнуть и отъ привычки держать, во чтò бы ни стало, сторону помѣщика. Постоянно наталкиваясь на полицейскіе непорядки, мнѣ неоднократно приходило въ голову, отъ чего бы не притянуть къ полицейской службѣ людей съ образованіемъ, съ развитымъ чувствомъ долга? Для осуществленія этого надобно предварительно разогнать приказныхъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ Губернскомъ Правленіи, за тѣмъ вентилировать эту Екатерининскую постройку (ввести, на сколько окажется нужнымъ, гласность и періодическія ревизіи наравнѣ съ другими современными учрежденіями), и тогда пригласить на службу порядочныхъ людей. Всѣ у насъ чувствуютъ и говорятъ о необходимости поднять въ службѣ образовательный цензъ; а какъ до дѣла дойдетъ, берутъ приказныхъ, потому что они *дѣльцы*, а образованные молодые люди безъ дѣла бѣсятся, только не съ жиру...

Въ силу постановленія мироваго посредника Длусскаго отъ 4-го Октября 1863 года, крестьянамъ Далинѣ Шкляруку и Грицькѣ Юзькѣ присуждено за истребленіе ихъ посѣвовъ помѣщикомъ Вышелирскимъ 15 рублей вознагражденія. Поляка-посредника ужъ никакъ нельзя заподозрить въ желаніи держать сторону хлоповъ, и если земля, на которой произведенъ крестьянами посѣвъ, признана принадлежащею крестьянамъ, то на это имѣлись положительныя данныя, и такое обстоятельство казалось могло успокоить человѣка съ самою щекотливою совѣстью. Но вотъ, въ Январѣ 1866 г., крестьяне вновь обращаются съ жалобою на помѣщика уже ко мнѣ: помѣщикъ Вышелирскій отобралъ у нихъ при содѣйствіи полиціи землю и воспрещаетъ имъ дѣлать посѣвы. Пошла переписка со всѣми полицейскими инстанціями, а исполненія рѣшенія и удовлетворенія крестьянъ все еще не пред-

видится. У того же помѣщика, за отказъ добровольно отдать въ хлѣбный запасный крестьянскій магазинъ Молчанской волости принадлежащій крестьянамъ хлѣбъ, описанъ собственный ему принадлежащій хлѣбъ съ воспрещеніемъ продажи таковаго съ гумна впредъ до расплаты съ крестьянами. Между тѣмъ по неизвѣстной причинѣ полицейское управленіе предписало Молчанскому волостному правленію не препятствовать помѣщику Вышелирскому молотить и продавать хлѣбъ. Помѣщикъ воспользовался такимъ разрѣшеніемъ до того успѣшно, что въ самомъ непродолжительномъ времени продалъ и свезъ съ гумна своего весь хлѣбъ; уплата же слѣдующаго крестьянамъ хлѣба произойдетъ неизвѣстно когда...

III.

Бытъ Подольскихъ крестьянъ представляетъ много своеобразнаго, начиная съ фамилій. Въ числѣ подписей на приговорахъ встрѣчаются наименованія Луціевъ, Манліевъ, заставляющія невольно переноситься къ тѣмъ временамъ, когда въ эти мѣста ссылались одновременно съ Овидіемъ и неизвѣстные Луціи и Манліи, преобразившіеся въ колоновъ. Въ правовыхъ отношеніяхъ крестьянъ сохранились слѣды древне-Русскаго права. Такъ волостные суды присуждаютъ за увѣчья имущественное вознагражденіе. Въ Мурафскомъ волостномъ судѣ судились два крестьянина, изъ которыхъ одинъ коркою кавуна (арбуза) выбилъ другому глазъ. Судьи присудили, чтобы выбившій глазъ отработалъ два мѣсяца на сахарномъ заводѣ за потерпѣвшаго увѣчье. Но своеобразнѣе всего проявился духъ народный въ учрежденіи обществъ братчиковъ, получившихъ въ позднѣйшее время, при чиновничьей регламентаціи, наименованія церковныхъ попечительствъ. Общества братчиковъ образовались среди крестьянъ лѣтъ 300 тому назадъ, когда Іезуиты съ панами думали окатоличить и ополячить Русскій народъ, предательски покинутый высшимъ сословіемъ, такъ какъ князья и дворяне, принявъ католическую вѣру, примкнули къ панамъ Рѣчи Посполитой и вмѣстѣ съ ними угнетали простонародье. Въ тѣ времена лучшіе люди изъ народа взяли на себя заботы о церковныхъ нуждахъ и дѣлахъ, да кстати отстояли вѣру и народность. Съ особымъ чувствомъ входилъ я въ убогій деревенскій храмъ, въ которомъ не могли помѣститься всѣ прихожане и, оставаясь внѣ храма, слѣдили за службою сквозь щели въ стѣнахъ церкви. Бѣдность храма умиляла, а обрядъ передъ выносомъ Св. Даровъ заставлялъ смотрѣть на участвующихъ съ особымъ уваженіемъ. Передъ большимъ выходомъ церковный староста выносилъ изъ алтаря громадныя въ ростъ человѣка свѣчи и раздавалъ ихъ братчикамъ. Братчики, зажегши свѣчи, полукругомъ

становились передъ царскими вратами, а священникъ, выходя изъ алтаря, опускалъ чашу съ Св. Дарами на головы колѣнопреклоненныхъ братчиковъ. Если почему нибудь братчику нельзя было придти въ церковь, на его мѣсто становилась со свѣчею жинка.

Переименованныя въ церковныя попечительства, братства попали въ моду. Пошли отовсюда приношенія деньгами и вещами, присылались сосуды, ризы, кресты. И странное дѣло, про колокола помнили (одинъ Русскій помѣщикъ очень сожалѣлъ, что затруднительно прислать колокола), а про книги позабыли. Богослуженіе отправлялось по старымъ уніатскимъ книгамъ, но псаломщикъ привыкъ уже читать вмѣсто святѣйшаго папы Святѣйшій Синодъ, а вмѣсто короля Станислава императора Александра Николаевича. Пришла и запоздалая помощь отъ правительства. Командированъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Батюшковъ, и на благоустройство церквей отпущены деньги. Предоставленный собственнымъ своимъ силамъ народъ въ борьбѣ съ папизмомъ не привыкъ расчитывать даже на свое духовенство, котораго онъ не уважалъ за его корыстолюбіе и пресмыкательство *).

Лѣто 1865 г., было жаркое и совсѣмъ безъ дождей. Для полученія дождя Мураѳскіе крестьяне нашли нужнымъ искупать въ пруду вѣдьму. Подлинность вѣдьмы (хвостикъ въ видѣ веретена) засвидѣтельствована повитухами-бабами. Тогда къ несчастной женщинѣ явилось цѣлое село и, захвативъ ее, такъ усердно выкупали, что она со страху заболѣла и умерла. А дождя все таки нѣтъ! Тогда начались молебствія. При колокольномъ звонѣ выступила изъ костела процессія и направилась на нивы крестьянъ-католиковъ. Престарѣлый ксензъ, обливаясь пòтомъ, служилъ желающимъ молебны цѣлый день; процессія вернулась въ слободу позднимъ вечеромъ, при чемъ ослабѣвшаго старика-ксендза почти несли на рукахъ. На другой день тоже самое. Безмолствовала только наша церковь. Посылаю узнать о причинѣ. Торгуемся съ попомъ, отвѣчали крестьяне.

Съ жадностью поповъ довелось и мнѣ вѣдаться, когда наступило время соглашенія о замѣнѣ натуральной повинности денежною. При существованіи крѣпостнаго права крестьяне западной полосы Имперіи отбывали барщину и въ пользу священниковъ. Барщина эта

*) У крестьянъ существовалъ обычай при встрѣчѣ съ попомъ въ дорогѣ выхватывать изъ подъ своего сидѣнія клокъ сѣна или соломы и кидать на дорогу. Это ради завидущихъ поповскихъ глазъ. Однажды священникъ пришелъ ко мнѣ жаловаться на крестьянина, кинувшаго при встрѣчѣ съ нимъ клокъ соломы.—Ну такъ чтожe? спросилъ я.—Развѣ вы не знаете, отвѣчалъ священникъ, чтò это обозначаетъ.—Знаю, возразилъ я; да какъ вамъ не стыдно, что крестьяне встрѣчу съ священникомъ считаютъ дурнымъ признакомъ? Надо устроить такъ, чтобы крестьянинъ встрѣчу съ духовнымъ отцемъ считалъ добрымъ признакомъ. Священникъ крякнулъ и молча вышелъ.

вѣроятно заимствована отъ просвѣщенныхъ нашихъ сосѣдей на Западѣ. Въ Остзейскомъ краѣ такого рода барщина въ пользу пасторовъ существовала еще въ недавнее время. Когда приведены были въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, дальнѣйшее существованіе барщины въ пользу священниковъ признано неприличнымъ и предположено повсемѣстно натуральную въ пользу священниковъ повинность по обработкѣ церковныхъ земель замѣнить денежною. Съ этою цѣлью мировые посредники должны были устраивать соглашенія сторонъ. Кромѣ благочиннаго Михаила Савича Гарнишевскаго, однимъ махомъ устроившаго переходъ крестьянъ съ натуральной на денежную повинность, въ другихъ приходахъ соглашенія шли туго: давались отсрочки; священники послѣ соглашенія отказывались подписывать акты, предъявляя новыя требованія. Такой случай былъ при соглашеніи Пеньковскихъ крестьянъ съ священникомъ Бернасовскимъ. Соглашеніе состоялось, при чемъ Пеньковскіе крестьяне обязались: 1) Вмѣсто обработки натурою церковныхъ земель уплачивать священнику ежегодно съ каждаго двора по 69 $^1/_{10}$ коп., чтó составило въ сложности по числу 130 дворовъ всего 90 р. 2) Деньги вносились въ два срока при взносѣ казенныхъ податей въ Пеньковское волостное правленіе для выдачи священнику Бернасовскому подъ росписку. 3) Сооруженія и исправленія церковныхъ домостроительствъ (какъ это постановлено §§ 31, 41 и 50 Положенія объ обезпеченіи духовенства) крестьяне принимаютъ на себя по мѣрѣ надобности натурою; съ тѣмъ однако, чтобы священникъ кромѣ этой повинности никакихъ другихъ ни повинностей, ни дополнительныхъ денежныхъ сборовъ не требовалъ. Со всѣмъ этимъ согласился Бернасовскій; но когда ему предложено было подписать актъ, то онъ отказался на томъ основаніи, что вспомнилъ еще про возку дровъ, которую хотѣлъ сверхъ платы возложить на крестьянъ, на что ни крестьяне, ни я не согласились. Хлопоты, разъѣзды и вся работа пропали даромъ, и соглашеніе признано несостоявшимся.

Подольское духовенство того времени отличалось еще душу возмущающими злоупотребленіями. Крестьянка села Пасѣнокъ, Дарья Баранова, 6 Іюня 1865 г., обратилась ко мнѣ съ жалобою на помѣщика Фокельмана, заключившаго съ нею ложный бракъ. Въ такого родѣ бракѣ прижилъ онъ съ нею двухъ дѣтей и затѣмъ бросилъ ее, потому что надоѣла. Вмѣсто совершенія таинства брака священникъ с. Молчанъ, съ согласія благочиннаго Гріельскаго, отслужилъ молебенъ. На замѣчаніе крестьянки Барановой, отчего надъ ними не держали вѣнцовъ, священникъ отвѣчалъ, что панскій шлюбъ (вѣнчаніе) всегда

бываетъ безъ вѣнцовъ. Дѣло направлено уголовнымъ порядкомъ. Въ Брацлавскомъ уѣздѣ священникъ еще лучше отличился: онъ обокралъ церковь, а въ алтарѣ на престолѣ, какъ выразился офиціальный актъ, *напаскудилъ*. На допросѣ онъ показалъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы отвлечь подозрѣніе и заставить предполагать, что ограбленіе церкви произведено не-христіаниномъ. Во всей этой гнусности виновата была консисторія, прикрывавшая мерзости... Пріемы духовной консисторіи, не боящейся подобно полицейскимъ властямъ разоблаченій, отличались удивительною наивностью и откровенностью...

Въ качествѣ должностнаго лица, блюдущаго миръ среди крестьянъ и братчика Свято-Параскевской церкви, я представилъ архіерею приговоръ крестьянъ части с. Капестырина, прихода Свято-Параскевской церкви, и разъяснилъ почтительнѣйше нижеслѣдующее. Въ 1862 г. прихожане Свято-Параскевской церкви задумали выстроить вмѣсто развалившейся церкви новую, къ чему приглашали и крестьянъ своихъ односельцевъ, принадлежащихъ къ другому приходу Покрова-Пресвятой Богородицы, того же с. Капестырина, зная, что и ихъ церковь пришла въ ветхое состояніе. Прихожане Св. Покровскаго прихода отвѣчали, что на ихъ вѣкъ станетъ и старой церкви, которую они будутъ всячески поддерживать; а дѣти пусть сами помышляютъ о себѣ. Тогда прихожане Свято-Параскевской церкви съ рвеніемъ приступили къ постройкѣ новой церкви безъ содѣйствія своихъ односельчанъ. Всѣ имѣвшіяся и имѣющія поступить общественныя деньги были употреблены на постройку церкви, а церковный староста Петро Русинко, выбранный крестьянами въ старшіе братчики, неустанно обращался къ частной благотворительности. Господь благословилъ ихъ труды, и церковь отстроилась. Съ завистью взирали Покровскіе прихожане на выросшій въ ихъ глазахъ въ Византійскомъ стилѣ храмъ; *они не вѣрили* въ возможность такого скораго осуществленія задуманнаго дѣла. Одно горе у Параскевскихъ прихожанъ: священникъ ихъ старъ и не всегда можетъ отправлять церковную службу, а черезъ это церковь лишается доходовъ. Пошли смуты и всякая неправда между крестьянами двухъ приходовъ, въ чемъ принимаетъ участіе и священникъ Покровской церкви. Смущаетъ крестьянъ и еще одно обстоятельство, что вновь выстроенный храмъ, стоившій имъ столькихъ заботъ и издержекъ, можетъ обратиться въ приписной, если имъ не дадутъ настоящаго священника. Изложивъ смиренную просьбу крестьянъ, я присоединилъ и свою покорнѣйшую о томъ же просьбу, присовокупивъ, что съ назначеніемъ способнаго отправлять службу священника прекратятся смуты и недоразумѣнія среди крестьянъ; да и прихожане

Свято-Параскевской церкви будутъ вознаграждены за ревность при постройкѣ храма. Письмо это вмѣстѣ съ приговоромъ завалилось въ канцеляріи архіерейской, и мнѣ ничего неизвѣстно о дальнѣйшей судьбѣ Параскевской церкви. Среди корыстнаго, апатичнаго Подольскаго духовенства не существовало и помысловъ о какомъ бы то ни было служеніи народу. Подобно чиновникамъ, они считали, что народъ существуетъ для ихъ кормленія; остается только брать, брать и брать.

IV.

А крестьянская жизнь шла своею давно проторенною дорогою. Весною пахали, осенью убирали хлѣбъ, а по уборкѣ приходилось отбывать рекрутскую повинность. Сдѣланъ разсчетъ, и по раскладкѣ пришлось Мурафской волости съ 1873 душъ поставить $9^{13}/_{100}$ рекрутъ; Пеньковской съ 1773 д. — 8 и Молчанской съ 1837 д.—9 человѣкъ. Въ виду изготовляющагося новаго рекрутскаго устава, впредъ до введенія таковаго, губернское присутствіе постановило, чтобы при назначеніи рекрутъ крестьяне не придерживались ни жеребьевымъ, ни очереднымъ порядкамъ, а отдавали бы рекрутъ на основаніи однихъ мірскихъ приговоровъ. Отъ этого повсемѣстно царили произволъ и неправда, за которыми посредникамъ и услѣдить было невозможно. Сказано: по приговорамъ; приговоръ составленъ съ внѣшней формальной стороны правильно, и кончено, нѣтъ апеляціи. По назначеніи рекрутъ собрались ко мнѣ старшины. Одинъ изъ нихъ робко началъ: Позвольте заковать рекрутовъ.—Какъ заковать?—Мы всегда это дѣлали: иначе разбѣгутся.—«Какъ ты смѣешь просить моего разрѣшенія на такое беззаконіе! задалъ я на старшину окрикъ. Смотрите въ оба, чтобы не разбѣжались, а ковать не смѣйте; это не преступники».—Еще одно дѣло, продолжалъ конфиденціальнымъ тономъ старшина: До сихъ поръ мы платили доктору по 50 рублей съ волости и ничего, наборы проходили благополучно. А теперь какъ прикажите? «Коли платили прежде, такъ и платите, сказалъ я; плетью обуха не перешибешь». Отпустивъ старшинъ, я отправился въ Ямполь на экстренный мировой съѣздъ. На мировомъ съѣздѣ посредники съ негодованіемъ говорили про взяточничество и про предложенія старшинъ. Я не утаилъ отъ нихъ своего рѣшенія и отъ дальнѣйшихъ ихъ объясненій уклонился, какъ потому что своего жизненнаго опыта людямъ передать нельзя, такъ и въ силу афоризма, что убѣждать людей безполезно: одни не станутъ васъ слушать, другіе поймутъ превратно. Экстренному съѣзду по рекрутскому набору посвящено было два засѣданія. По окончаніи всѣхъ неизбѣж-

ныхъ формальностей и по назначеніи сроковъ и очередей въ порядкѣ номеровъ участковъ (при чемъ мой 4-й участокъ оказался во второй половинѣ), мы цѣлымъ съѣздомъ переправились на другой берегъ Днѣстра въ г. Сороки на клубный балъ. Клубный старшина Рододендровъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, и мы, вкусивъ всѣхъ Бессарабскихъ благъ, съ признательностью покинули гостепріимный край, непричастный нашимъ злобамъ и дѣламъ, и на другой день, переправившись обратно черезъ мутный Днѣстръ, разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

Къ назначенному сроку рекруты со всѣхъ волостей собрались въ слободу Мурафу, и въ этотъ же день, сопутствуемые волостными и сельскими должностными лицами, двинулись въ Ямполь. Вслѣдъ за рекрутами туда же направился и я и нашелъ тамъ страшный кавардакъ. Пріемъ рекрутовъ отъ 1-го участка не былъ еше оконченъ. Когда наступала очередь 4-го участка, повторилась знакомая Задонская исторія, но въ бóльшихъ размѣрахъ, такъ какъ забракованы были лобовые и подставные въ 3-хъ мировыхъ участкахъ, и волостнымъ старшинамъ съ старостами пришлось отыскивать разбѣжавшихся людей по лѣсамъ и по оврагамъ. Я обратился къ воинскому присутствію съ требованіемъ, чтобы въ назначенный для пріема рекрутовъ 4-го мироваго участка день таковые были допущены къ осмотру. Присутствіе согласилось съ законностью и справедливостью моего требованія, и въ назначенный срокъ рекруты приведены въ присутствіе. Осмотръ и пріемъ пошли какъ по маслу. Докторъ до того усердствовалъ, что проглядѣлъ даже одного рекрута съ грыжею, и только по настоянію военнаго пріемщика рекрутъ былъ замѣненъ подставнымъ. За этимъ исключеніемъ пошли во всѣхъ волостяхъ одни лобовые. Среди веселыхъ покрикиваній предсѣдателя «лобъ, лобъ», взглядъ мой случайно остановился на старикѣ, Молчанскомъ старшинѣ, отиравшемъ кулакомъ слезы. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ. Люди-то какіе пошли, отвѣчалъ старшина, жаль! Въ видахъ утѣшенія я ему сказалъ, что насколько возможно постараюсь облегчить ихъ участь и, подойдя къ военному пріемщику, заявилъ, что рекруты Молчанской волости, по засвидѣтельствованію волостнаго старшины, отличаются особенно хорошею нравственностью. Военный пріемщикъ меня поблагодарилъ и тотчасъ же сдѣлалъ отмѣтку въ соотвѣтствующей графѣ своей книжки. Но это обстоятельство не устранило моего съ нимъ столкновенія по поводу полушубковъ. Военному пріемщику не понравились полушубки рекрутовъ, и онъ сталъ требовать отъ

старшинъ вполнѣ новыхъ, не бывшихъ въ употребленіи; я вынужденъ былъ принять участіе въ защитѣ хозяйственныхъ интересовъ волостей и поставилъ военному пріемщику на видъ сказанное въ инструкціи, что общества обязаны снабдить рекрутовъ исправными полушубками и нигдѣ не сказано: новыми. Противъ такаго аргумента военный пріемщикъ не нашелъ ничего сказать, и люди пошли, хотя и въ бывшихъ въ употребленіи, но вполнѣ годныхъ и крѣпкихъ полушубкахъ. Жаль мнѣ было посредниковъ, ради прекраснаго принципа подведшихъ крестьянъ подъ большую бѣду. Особенно волновался милѣйшій И. А. Савицкій. Онъ даже обратился къ уѣздному врачу съ запросомъ, почему въ 4-мъ участкѣ пошли всѣ лобовые, а въ другихъ забракованы и подставные? Врачъ, нимало не смущаясь, отвѣчалъ: опытомъ дознано, что люди въ сѣверныхъ частяхъ уѣзда крѣпче, сильнѣе, чѣмъ въ южныхъ; настоящій наборъ подтвердилъ только давно извѣстное обстоятельство. По неволѣ пришлось удовлетвориться, хотя никто словамъ врача не повѣрилъ. На товарищескомъ обѣдѣ Савицкій съ легкою ироніею относился ко мнѣ, какъ къ практическому посреднику *).

* * *

Недешевою цѣною досталась мнѣ эта практичность. Къ нервному разстройству, пріобрѣтенному въ Воронежской губерніи, присоединился катарръ легкихъ, пріобрѣтенный въ Подольской губерніи, отъ котораго я страдаю и по настоящее время. Поэтому я рѣшился 21 Февраля 1866 года подать въ отставку и въ скорости дождался преемника, да еще какого!

Марта 18, когда я, вернувшись изъ Молчаны, сидѣлъ за работою у себя въ канцеляріи, является ко мнѣ сотскій и объявляетъ отъ имени вновь назначеннаго посредника, чтобы я передалъ ему печать и знакъ мироваго посредника, а бумаги чтобы привезъ къ самому посреднику. Получивъ отказъ, онъ удалился. Черезъ небольшой промежутокъ времени, бренча саблею, вошелъ ко мнѣ уланскій офицеръ, заявившій о себѣ, что онъ поручикъ Павловскій, вновь назначенный посредникъ 4-го участка. Пригласивъ его сѣсть, я сталъ знакомить его съ дѣлами участка; но офицеръ слушалъ меня разсѣянно, наконецъ

---

*) Не изъ желанія уязвить, а изъ простаго, любопытства я спросилъ, во что обошлась волостямъ постановка рекрутъ въ 1, 2 и 3 мировыхъ участкахъ. Оказалось, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ рекрутъ обошелся въ 38 р., а въ нѣкоторыхъ волостяхъ издержки на рекрута достигли до 43 р. Въ 4-мъ же мировомъ участкѣ издержки на рекрута не превышали 25 рублей, со включеніемъ и платы доктору. А сколько при томъ совсѣмъ лишнихъ терзаній, для ни въ чемъ неповинныхъ людей, произошло отъ неопытности посредниковъ!

поднялся и говоритъ, что торопится на обѣдъ къ предсѣдательствующему въ повѣрочномъ отдѣленіи, и поэтому проситъ дать ему подписать опись бумагамъ и передать должностный знакъ и печать; письмоводителю же моему онъ поручилъ написать приказъ Пенковскому старшинѣ о собраніи волостнаго схода. Но я попросилъ его предварительно сообщить мнѣ данныя, по которымъ бы я могъ его счесть за вновь назначеннаго посредника, прибавивъ для вящаго вразумленія, что вѣроятно у него есть бумага отъ губернатора о назначеніи его посредникомъ. На это Павловскій отвѣчалъ, что это одна только формальность, которую онъ впрочемъ готовъ выполнить, но сейчасъ не можетъ, потому что не получилъ еще бумаги. Тогда я категорически отвѣчалъ, что безъ этой формальности обойтись нельзя, такъ какъ я не имѣю чести его знать. Впослѣдствіи я узналъ, что это одинъ изъ «зарѣчныхъ», какъ ихъ называли, сосѣдей Сухотина Подольскаго губернатора и Тульскаго помѣщика.

Вся эта «зарѣчная» публика была просто выметена новымъ губернаторомъ, офицеромъ генеральнаго штаба Горемыкинымъ. Но дѣятельность генерала Горемыкина, нимало не походившая на дѣятельность предмѣстника его Сухотина, уже мало меня интересовала, такъ какъ съ слѣдующею почтою я получилъ увѣдомленіе, что г. Павловскій дѣйствительно назначенъ посредникомъ, и прислана ему бумага, которой онъ не хотѣлъ дождаться на мѣстѣ, потому что торопился отличиться. Тогда уже я могъ, не рискуя попасть въ просакъ, подобно чиновникамъ города N., принявшихъ Хлестакова за ревизора, сдать Павловскому дѣла̀ и столь интересовавшій его должностной знакъ; и по немногу, не утомляя себя большими переѣздами, отправился на отдыхъ сначала въ Задонскую деревню, а затѣмъ и за границу для излѣченія отъ болѣзни.

Д. Броневскій.

ИЗЪ ПИСЕМЪ П. С. МОЛЧАНОВА КЪ КНЯЗЮ А. Б. КУРАКИНУ.

Петръ Степановичъ Молчановъ—лицо примѣчательное. Онъ происходилъ изъ бѣдныхъ дворянъ и въ началѣ своего поприща былъ чѣмъ-то въ родѣ старшаго прикащика у князя Александра Борисовича Куракина, какъ видно по первымъ изъ нижепомѣщаемыхъ его писемъ. Домовитый и добросердечный князь умѣлъ оцѣнить трудолюбіе и дарованія Молчанова, и когда съ воцареніемъ императора Павла полились на него всякаго рода милости, Молчановъ тоже поднялся по службѣ и сдѣлался другомъ своего покровителя (который и назвалъ его именемъ одну изъ дорожекъ Надеждинскаго парка, на ряду съ именами Маріи Антуанеты, Нелидовой и др). Въ 1805 году Молчановъ уже въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ. За тѣмъ князь Куракинъ устроилъ ему женитьбу на Авдотьѣ Ивановнѣ Кушелевой (родной племянницѣ Екатерининскаго любимца Ланскаго), и Молчановъ переведенъ въ Петербургъ, вхожъ къ Государю, а въ 1812 году въ его рукахъ сосредоточивается все управленіе внутренними дѣлами Россіи, такъ какъ онъ начальникомъ канцеляріи Комитета Министровъ, облеченнаго чрезвычайною властью по случаю долговременнаго пребыванія Государя въ чужихъ краяхъ. О тогдашней его дѣятельности имѣемъ мы свѣдѣнія въ Запискахъ министра юстиціи И. И. Дмитріева („Взглядъ на мою жизнь", стр. 204). Но далѣе въ судьбѣ его катастрофа: онъ состоялъ подъ судомъ и лишился зрѣнія. Въ эту пору его старости любилъ слушать его разсказы про старину князь П. А. Вяземскій, и вотъ его отзывъ о Молчановѣ: „Нашелъ я въ немъ человѣка умнаго, обхожденія самаго вѣжливаго и пріятнаго. Отставку и слѣпоту переносилъ онъ бодро и ясно. Былъ словоохотливъ, говорилъ и разсказывалъ съ большою живостью и увлекательностію. Многое и многихъ зналъ онъ вблизи; зналъ хорошо и сцену свѣта, и актеровъ, и закулисныя таинства, и все сохранилъ онъ въ своей твердой и зеркальной памяти". (Соч. князя Вяземскаго VIII, 119). Гдѣ бумаги Молчанова? Сколько намъ извѣстно, мужскаго потомства у него не было. Онъ скончался отъ холеры въ 1830 году. П. Б.

1.

Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Я изъ Москвы въ ночь на 21-е число выѣхалъ и сегодня въ шестомъ часу утра сюды пріѣхалъ. Я не хотѣлъ отревожить А. Ѳ. Зикулина въѣздомъ къ нему въ домъ, когда онъ еще спалъ, и остановился въ трактирѣ; а въ 8 часовъ утра къ нему съ письмомъ вашего сіятельства ѣздилъ, но дома его не нашелъ: его нѣтъ въ городѣ.

Нѣтъ здѣсь также и *Никифора Михайловича Марина* [1]: уѣхалъ въ деревню. Одному только *Александру Борисовичу Солнцову* [2]) вручилъ я письмо вашего сiятельства. Онъ принялъ меня весьма ласково и обнадежилъ, что когда буду имѣть надобность о чемъ либо по дѣламъ вашего сiятельства его просить, то всякую, отъ его возможности зависящую, помощь мнѣ окажетъ. Между прочимъ сказывалъ мнѣ, что въ удовлетворенiе жалобы, которую предъ симъ изволили принести ему на Бѣловодскаго капитана-исправника, сдѣлалъ онъ все, чтò только могъ для усмиренiя сего безпокойнаго сосѣда, и самъ мнѣ вызвался, чтобъ я отнесся къ нему, ежели онъ отважится хотя малѣйшую обиду Танюшевскимъ Черкасамъ [3]) впредъ причинить...

Начало прямой жизни веду я отъ того времени, какъ Богъ самъ ввѣрилъ вамъ меня и жребiй мой. Благодѣтель мой и рода моего, вѣрьте, что живѣйшая благодарность, коею я вамъ за себя и за кровныхъ моихъ обязанъ, вѣчно въ глубинѣ моей души непоколебимо сохранится. Всепокорнѣйшiй и преданнѣйшiй слуга Петръ Молчановъ.

Воронежъ, 24-го Декабря 1795, въ полдень.

2.

Пробывъ проѣздомъ двои сутки у Ивана Ѳомича Астафьева, какъ то мнѣ отъ вашего сiятельства предписано было, прiѣхалъ я сюды 28-го Декабря. Сей почтенный старикъ совершенно плѣнилъ меня и своими достоинствами, и своею къ вашему сiятельству преданностiю. Между прочимъ говорилъ я съ Иваномъ Ѳомичемъ и о томъ, что ваше сiятельство желаете, чтобъ Черкасы на сторону дочерей своихъ замужъ не выдавали. Онъ того мнѣнiя, что лучше имъ свободу предоставить выдавать замужъ дочерей своихъ куды хотятъ и брать съ нихъ за то положенныя выводныя деньги, нежели сей свободы ихъ лишить. Къ сему, прибавилъ онъ, что для своихъ холостыхъ Черкасъ дѣвокъ здѣсь довольно и что и сами они на сторонѣ дѣвокъ въ замужество не берутъ. Когда ваше сiятельство сiе мнѣнiе Ивана Ѳомича уважите, то благоволите снабдить меня повелѣнiемъ: позволить ли атаману Панченку выдавать дочь свою замужъ на сторону и брать ли и съ него выводныя деньги? Онъ ее уже совсѣмъ помолвилъ.

Здѣшнiе священники весьма рано и именно въ седьмомъ и въ семь часовъ обѣдни служатъ. Я имъ объявилъ отъ имени вашего сiя-

---

[1]) Это отецъ извѣстнаго стихотворца С. Н. Марина и двоюродный братъ моего дѣда Петра Тимоѳеевича Бурцова. П. Б.

[2]) Воронежскому губернатору. П. Б.

[3]) Т. е. крестьянамъ-Малороссамъ. П. Б.

тельства, чтобъ они узаконенное на то время наблюдали. Они отвѣчали мнѣ, что, не имѣя часовъ, во времени ошибались, впредъ однако не ошибаться обѣщали.

Богинскаго нашелъ я въ весьма непріятномъ положеніи. Тесть и своякъ, какъ скоро узнали, что онъ на нихъ доносилъ, отказали ему отъ своего дому и всякое сношеніе и знакомство съ нимъ прервали. Изъ сожалѣнія къ нему и изъ уваженія къ безпристрастію, съ каковымъ онъ поступилъ противъ своихъ свойственниковъ въ разныхъ на нихъ доносахъ, имѣя только въ виду то, чтобы тѣмъ вашему сіятельству услужить и себя человѣкомъ справедливымъ, честнымъ и вамъ преданнымъ выставить, осмѣливаюсь я всепокорнѣйше испрашивать у вашего сіятельства той милости сему бѣдному, простосердечному и давно уже въ службѣ вашей обращающемуся человѣку, чтобъ вы простили ему, что онъ безъ позволенія вашего жениться рѣшился. За скоропостижность свою довольно уже онъ самъ собою наказанъ. Онъ теперь мнѣ очень полезенъ разными свѣдѣніями, которыя собралъ онъ касательно до дѣлъ, производившихся здѣшними начальниками; а когда заводъ надобно будетъ возстановить, то онъ съ пользою и для вашего сіятельства употребленъ быть можетъ. Я его отправилъ сегодня для продажи остальнаго заводскаго хлѣба и буду почасту посылать его въ Петровеньку для осмотра тамошняго лѣсу, который, какъ я слышу, немало отъ сосѣдей своихъ терпитъ

Бѣлокуракина, 2-го Генваря 1796-го года.

3.

Меня постигло здѣсь великое несчастіе: вчерась поутру въ большомъ здѣшнемъ домѣ, гдѣ я жилъ, сдѣлался пожаръ, и я не только не спасъ бы ничего своего, но самъ бы себя, можетъ быть, не спасъ, ежелибы не случились у меня на то время Троепольской и Жуковской. Услышавъ шумъ въ комнатѣ возлѣ той, въ которой мы были, выбѣжали мы и увидѣли, что уже потолокъ прогорѣлъ и валился. Не узнано еще, отчего загорѣлось; но вѣроятно, что когда печь топилась, то истопникъ не заслонилъ на чердакѣ въ трубѣ заслонки, и искры, вылетая, падали и на потолокъ и попадали въ камышевую крышку, которая весьма близка была къ тому отверстію въ трубѣ. Когда же увидѣлъ истопникъ, что загорѣлось, то, никому не сказавши, ушелъ домой. Я съ самаго пріѣзда опасался пожара, потому что печи очень дурно были складены, и не хотѣлъ никакъ въ семъ домѣ жить; но жить больше было негдѣ: всѣ флигеля въ перестройкѣ, и сверхъ того увѣрили меня, что портные въ семъ домѣ прежде меня жили и всю зиму печи топили

и что опасности никакой не было. Набѣжавшій вскорѣ народъ успѣлъ не только мое все вытащить, но и всѣ мебели изъ дому вынести. Кромѣ его ничего не сгорѣло; небольшія каменныя пристройки по сторонамъ уцѣлѣли. Я былъ еще не одѣтъ, когда пожаръ сдѣлался и, выбѣжавши почти босъ на дворъ, весь простудился: грудь, спина и ноги очень болятъ. Огорченіе еще больше болѣзнь мою умножаетъ. Я увѣренъ къ утѣшенію моему, что ваше сіятельство и по великодушію, и по милости ко мнѣ не столько пожалѣете о домѣ, который въ самомъ дурномъ состояніи былъ, чтобъ сожалѣніе объ немъ помѣшало вамъ участіе принять въ моемъ несчастіи. Домъ безъ покупки лѣса выстроить здѣсь можно и лучше, и больше прежняго, и не въ такой опасной тѣснотѣ, какъ прежній былъ.

23 Генв. 1796.

4.

Состояніе моего здоровья не позволило мнѣ съ прошедшею почтою обстоятельно объясниться о постигшемъ меня несчастіи. Я имѣю совершенную причину подозрѣвать виновникомъ онаго того, чьи плутовскіе счеты захвачены мною между конторскими бумагами. За нѣсколько дней передъ моимъ несчастіемъ научилъ онъ Ворошнина ихъ у меня украсть; а во время пожара спрашивалъ онъ: сгорѣли ли конторскія бумаги? Чрезъ Гаврила Пономарева узналъ я, что Ворошнинъ прошенъ отъ него о томъ былъ, въ чемъ онъ послѣ и самъ признался и сказалъ, что о томъ же просилъ безсовѣстный старикъ и писаря Лобача и что когда я всю конторскую архиву къ себѣ забралъ, то говорилъ онъ имъ обоимъ: *Зачѣмъ отдали вы ему и всѣ черныя бумаги? Вы бы ихъ спрятали; я ваши же грѣхи закрывалъ, а вы меня выдали.* Всѣ вообще обстоятельства подаютъ мнѣ поводъ къ подозрѣнію моему. Само собою никакъ не могло загорѣться: печь, близъ которой потолокъ загорѣлся, была крѣпка, топилась очень мало, потому что здѣсь болѣе уже мѣсяца оттепели продолжаются, и такъ она складена, что никакой опасности отъ нея быть не могло; она была съ лежанкою, топилась не самая печь, но лежанка, которая отъ стѣны и отъ потолка далеко была; трубы всякую недѣлю чистились. Ежели бы изъ трубы выкинуло, то загорѣлась бы крышка; ежели же, какъ хотятъ увѣрить, забылъ истопникъ, топивши печь, закрыть на верху въ трубѣ то отверстіе, гдѣ вьюшка и надъ которымъ отверстіемъ камышевая крышка очень низко была, то отъ вылетающихъ изъ сего отверстія искръ должна бы была загорѣться прежде всего не потолокъ, но крышка. Сверхъ того, печь за нѣсколько часовъ передъ пожаромъ истоплена и закрыта уже была. Все сіе разсказывалъ я Ивану Ѳомичу, съ ко-

торымъ на сихъ дняхъ видѣлся, и прежде нежели открылъ ему мое подозрѣніе, былъ я отъ него въ ономъ предупрежденъ и совершенно утвержденъ. Не смотря на всю вѣроятность, столько боялся я ошибиться въ моихъ заключеніяхъ и грѣхомъ совѣсть мою обременить, огласивъ въ столь великомъ злодѣйствѣ человѣка, можетъ быть невиннаго, что не иначе старался я истину открыть, какъ самымъ скромнымъ образомъ и, не могши еще открыть ее, отдаю теперь только на судъ вашъ одни причины, на которыхъ подозрѣніе мое основано.

Свидѣтельствуюсь Богомъ самимъ, что во всемъ ужасѣ, которымъ объятъ я былъ, увидя себя въ огнѣ, помнилъ я больше о моемъ долгѣ предъ вами, нежели о самомъ себѣ. Бумаги, которыми наполнена была цѣлая комната и которыя предметъ моего здѣсь пребыванія въ себѣ заключаютъ, схватилъ я и велѣлъ людямъ своимъ вынести прежде нежели подумалъ спасти свое собственное. Благодаря Бога, онѣ всѣ цѣлы. Разобравъ ихъ опять такъ, какъ онѣ прежде съ немалымъ трудомъ разобраны были, продолжаю я ими заниматься и стараюсь для моего собственнаго успокоенія окончить скорѣе разсчеты мои съ безсовѣстнымъ старикомъ и представить ихъ вашему сіятельству для рѣшительнаго повелѣнія объ немъ. Для установленія порядка во всѣхъ здѣшнихъ имъ разстроенныхъ дѣлахъ нужно, чтобъ скорѣе освободить его отъ службы. Пока будетъ онъ начальникомъ, то ни къ чему приступить нельзя.

Бѣлокуракина. 29 Генв. 1796.

***

Дальнѣйшія письма относятся уже къ Павловскому времени, когда князь Куракинъ внезапно сдѣлался государственнымъ дѣятелемъ. П. Б.

5.

Совершенная правда, что вашему сіятельству никогда не случится жить въ командорственномъ селѣ Пушкинѣ, что лишнее бы было и строиться въ немъ, какъ въ такомъ временномъ владѣніи, на которое права ваши, яко командора, весьма ограничены, и что всего лучше предоставить орденскому капитулу имъ управлять и распоряжать, а изъ онаго получать слѣдующую вамъ половину дохода, чрезъ что́, не теряя ничего, избавитесь вы хлопотъ управленія крестьянами, собиранія съ нихъ оброку, взноса въ сроки денегъ въ орденскій капитулъ и ходатайства за крестьянъ по дѣламъ ихъ. Я не премину доставить къ подписанію вашему прошеніе въ капитулъ, согласное съ намѣреніемъ вашимъ, равно какъ и счетъ, сколько слѣдуетъ вамъ въ оный внести командорственнаго доходу, который, ежели нужно будетъ внести безъ отлагательства, то я сіе исполню, занявъ деньги.

Изъ трехъ крестьянъ, назначенныхъ въ ученье хлѣбопашеству Полторацкій [1]) принялъ отъ меня только двоихъ, а третьяго нашелъ къ тому не довольно молодымъ и годнымъ. Я сего возвращу къ Старикову съ тѣмъ, чтобъ онъ вмѣсто его прямо отъ себя отправилъ въ деревню Полторацкаго молодаго, хорошаго крестьянина...

С.-Петербургъ, Ноября 4-го дня 1798.

Копію съ извѣстнаго письма Астраханскаго архіерея, которую хотѣлъ я къ вашему сіятельству доставить, не могъ я получить; но письмо я читалъ. Архіерей пишетъ, что «Рычанскія рыбныя ловли болѣе тридцати лѣтъ архіерейскому дому съ монастырями принадлежали; что въ прошломъ году указомъ Синода, по прошенію вашему послѣдовавшимъ, онѣ отданы во владѣніе вамъ; что хотя вы и опредѣлили производить дому архіерейскому съ монастырями въ замѣну сихъ ловель по 3000 рублей ежегодно, но что сіе производство для нихъ непрочно и, яко отъ воли вашей зависящее, можетъ перемѣнѣ быть подвержено; а сверхъ того, что 3000 рублей на всѣ ихъ надобности и недостаточно; что онъ архіерей принужденъ былъ взять сіи ловли у васъ на откупъ на годъ за довольно тягостную цѣну; что онѣ необходимо нужны монастырямъ, потому что кромѣ ихъ ничего они для содержанія своего не имѣютъ, что нѣтъ у нихъ положенныхъ по штату прудовъ, мельницъ и угодій; что ежели другія, а не сіи ловли имъ отдадутся, то должны они вновь все заводить, а на сихъ имѣютъ уже заведенія, и потому просятъ, чтобъ сіи Рычанскія ловли были имъ возвращены въ замѣну всего, по штату имъ слѣдующаго». Сіе письмо по высочайшему повелѣнію 29-го Октября препровождено къ генералъ-прокурору для собранія справокъ и разсмотрѣнія. Генералъ-прокуроръ 2-го сего мѣсяца писалъ къ Астраханскому губернатору и вице-губернатору, чтобъ они доставили ему обстоятельныя свѣдѣнія о сихъ ловляхъ и какъ онѣ отъ архіерея поступили во владѣніе ваше. Передъ тѣмъ, какъ должны будутъ придти ихъ отвѣты, которые конечно обстоятельны, справедливы и слѣдовательно не въ пользу архіерея будутъ, я изготовлю и подамъ князю Гаврилу Петровичу [2]) для объясненія генералъ-прокурору записку изъ бумагъ Синода, какъ сіи ловли архіерею достались и почему онѣ ему не слѣдуютъ...

Я весьма радъ, что ваше сіятельство не отказали въ просьбѣ Астраханскимъ гражданамъ и подгородныя ловли имъ уступили. Сія милость ваша принята будетъ съ общею благодарностію. Ничего нѣтъ

---

[1]) Дмитрій Марковичъ, отецъ библіофила. П. Б.

[2]) Сенатору князю Гагарину. Молчановъ уже служилъ тогда въ Сенатѣ. П. Б.

для меня пріятнѣе, какъ знать и въ другихъ сіе чувствованіе къ вамъ. Очень мнѣ удивительно, какъ ваше сіятельство изволили узнать о покупкѣ моей. Я ее сдѣлалъ однако, право, не для себя и случайно, не за красоту, но чтобы избавить отъ весьма жестокой участи несчастное твореніе, о чемъ меня просили и на что̀ не пожалѣлъ я небольшой суммы, научась у васъ быть человѣколюбивымъ и дѣлать добро. Купивши, я далъ тотчасъ отпускную; но отъ меня не захотѣли прочь идти: захотѣли мнѣ прежде заслужить и доказать свою благодарность. Вотъ вашему сіятельству самый искренній отвѣтъ на вопросъ вашъ.

Я не знаю, какой домъ въ Москвѣ найдете вы, чтобъ лучше и покойнѣе для васъ былъ вашего. Правда, что тѣсенъ онъ; но не всякой ли другой, какой бы ни наняли и ни купили, будетъ вамъ тѣсенъ по множеству людей при васъ? Впрочемъ мнѣ кажется, что ваше сіятельство долго въ Москвѣ и пробыть не можете: она вамъ наскучитъ; слѣдовательно и не сто̀итъ того, чтобъ домъ покупать или нанимать, имѣвши свой, въ которомъ какъ-нибудь люди на время помѣститься могутъ. Не потому желаю я, чтобъ вы въ своемъ домѣ остались, что онъ, какъ вы изволите говорить, приводитъ вамъ меня на память (вы меня конечно вездѣ и всегда помнить будете, я въ томъ не сомнѣваюсь), но потому, что я увѣренъ, что вы лучшаго не найдете и что напрасное будетъ ваше исканіе, чему нѣсколько лѣтъ назадъ и примѣръ былъ.

6.

Вчера на каменномъ театрѣ представлена, наконецъ, была опера *Рауль Синяя Борода*, которую здѣшняя публика съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидала. Никогда не видалъ еще я театра такъ наполненнаго, не смотря на чрезвычайную цѣну, какую m-me Шевалье (ибо то былъ ея бенефисъ) наложила на кресла и ложи. За кресла платили по 25 р., а за ложи въ 1-мъ ярусѣ по 100, въ 2-мъ по 50, въ 3-мъ по 25 рублей. Многіе же платили вдвое и втрое изъ доброй воли. Канцлеръ *) за свой билетъ подарилъ перстень въ 1200 р.

12 Ноября 1798.

7.

С.-Петербургъ, 6 Декабря 1798.

Осмѣливаюсь просить, чтобы вы мнѣ простили, что я въ моихъ письмахъ, чрезъ почту посылаемыхъ, пересталъ почти совсѣмъ сообщать о здѣшнихъ новостяхъ. Сначала я было то дѣлалъ безъ всякаго опасенія; но потомъ въ осторожность мою сказано мнѣ было, чтобъ я

*) Князь Безбородко. П. Б.

отъ того удержался, потому что не всякое такое сообщеніе можетъ мнѣ съ рукъ сойти, но легко могу я тѣмъ или потерять себя, или быть замѣченъ до случаю. Ежели и случится мнѣ что нибудь сообщить вамъ какимъ-либо инымъ образомъ, а не чрезъ почту, то всепокорнѣйше васъ прошу, милостивый благодѣтель, не упоминать о томъ въ отвѣтѣ вашемъ. Чувствую, что не можетъ не быть непріятно вамъ сіе представленіе мое; но могъ ли я не сдѣлать его, когда идетъ дѣло о сбереженіи самого себя и когда я увѣренъ, что и вы, по участію во мнѣ, онаго мнѣ конечно желаете?

Я васъ увѣдомилъ о намѣреніи князя Александра Андреевича проситься въ отпускъ въ Москву. Онъ еще не просился, но располагается настоятельно проситься и непремѣнно 18 или 20 сего мѣсяца выѣхать. Здѣсь судятъ такъ, что поводомъ къ сей поѣздкѣ его есть то, что ему не очень хорошо и что онъ и самъ въ нѣкоторомъ неудовольствіи со времени отставки Новицкаго [1]).

Кутайсовъ пожалованъ егермейстеромъ; онъ будетъ также оберъшталмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Государь изволилъ перемѣнить всѣ мундиры гвардейскіе. Какой же въ которомъ полку мундиръ будетъ, точно того сказать теперь не умѣю; знаю только, что Преображенскій будетъ съ брандебурами.

8.

Я ничего не сказалъ вашему сіятельству объ отвѣтѣ, какой Магницкой [2]) мнѣ сдѣлалъ на объявленное ему отъ меня по порученію вашему, для того, что отвѣтъ его былъ тотъ же, который онъ и прежде дѣлалъ, то есть что онъ крайне сокрушается, что навлекъ на себя отъ васъ подозрѣніе и негодованіе; но что впрочемъ совѣсть ни въ чемъ его не упрекаетъ, потому что въ деньгахъ вашихъ онъ обчелся, а не истратилъ ихъ. Онъ уже въ Вѣну уѣхалъ. Изъ писемъ отца его, которыя онъ мнѣ показывалъ, видѣлъ я, что онъ весьма тронутъ симъ случаемъ. Онъ писалъ и ко мнѣ и просилъ меня, чтобы я ему сказалъ все, что̀ мнѣ объ этомъ извѣстно.

С.-Петербургъ, Генваря 6-го дня 1799.

*

Слѣдуютъ выдержки изъ писемъ за время царствованія Александра Павловича. Князь Куракинъ нѣсколько лѣтъ сряду былъ не у дѣлъ; а Молчановъ возвышался по службѣ и получилъ важную должность оберъ-прокурора въ одномъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената.

---

[1]) Новицкій былъ женатъ на родной сестрѣ князя Безбородки. (Родной его внукъ, Николай Александровичъ Новицкій, скончался въ нынѣшнемъ году во Флоренціи). П. Б.

[2]) Это Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, получившій печальную извѣстность въ концѣ слѣдующаго царствованія. П. Б.

9.

Москва, 23-го Февраля 1805.

Приношу вашему сіятельству глубочайшую благодарность за пристанище, которое изволили дать мнѣ въ здѣшнемъ вашемъ домѣ; оно для меня столько же достаточно и покойно, сколько вѣрно и непоколебимо мое сердце, вмѣстилище оказанныхъ вами мнѣ въ теченіе 13 лѣтъ милостей, къ которымъ я и сію новую милость вашу присоединяю.

Какъ я ни спѣшилъ, но по причинѣ чрезвычайно дурной дороги не могъ пріѣхать сюда ранѣе чистаго Понедѣльника, т. е. 20-го числа сего мѣсяца. Въ тотъ же день увидѣлся я съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ и съ княземъ Степаномъ Борисовичемъ. На другой день вступилъ въ должность на меня возложенную и сдѣлалъ распоряженіе о пріемѣ дѣлъ изъ 7-го департамента, о заготовленіи изъ нихъ записокъ къ докладу и о прочихъ внутреннихъ обстоятельствахъ ввѣреннаго мнѣ 8-го департамента, дабы въ слѣдующій Понедѣльникъ, т. е. 27-го числа сего мѣсяца, непремѣнно оный открыть, о чемъ посылаю и рапортъ своему начальнику [1].

10.

9 Марта 1805 (Москва).

По причинѣ чрезвычайныхъ хлопотъ моихъ по новому департаменту не успѣлъ я донести вашему сіятельству о врученіи мною письма вашего графу Алексѣю Григорьевичу [2]. Онъ принялъ меня весьма ласково и читалъ письмо съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Когда дошелъ онъ до того въ немъ мѣста, гдѣ вы упоминаете о графинѣ, то сказалъ: *какой мастеръ писать; прямо по министерски пишетъ*. Сверхъ многихъ похвалъ, какія онъ вамъ дѣлалъ, называлъ васъ добрымъ компаньономъ, съ которымъ жить очень весело. Онъ приглашалъ меня ѣздить къ нему, что́ и буду я часто дѣлать.

Поспѣшивъ открыть департаментъ свой въ исполненіе требованій и ожиданій начальника, едва успѣваю изворачиваться, чтобы и дѣла были изготовляемы къ докладу сенаторамъ, и канцелярія входила въ тотъ порядокъ, который мною уже начертанъ и что̀ мнѣ много труда стоило, ибо люди у меня большею частію весьма недѣльные, да и такъ мало ихъ, что еще и половины комплекта нѣтъ.

---

[1]) Т. е. министру юстиціи князю Лопухину. П. Б.

[2]) Престарѣлому Чесменскому герою, жившему въ Москвѣ (въ нынѣшнемъ дворцѣ Нескучнаго сада) съ единственною своею дочерью (впослѣдствіи извѣстною благотворительницею) на которой князь Куракинъ возмечталъ жениться. П. Б.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ весьма удивилъ меня тѣмъ, что онъ извѣстенъ уже довольно обстоятельно объ обѣдѣ, который Злобинъ давалъ на Масляницѣ. Графини я не видѣлъ, потому что въ первый разъ за приличное счелъ пріѣхать поутру и былъ часу въ 1-мъ въ началѣ.

11.

30 Марта 1805 (Москва).

Послѣ врученія графу Алексѣю Григорьевичу письма вашего сіятельства, въ первый разъ вчера имѣлъ свободное время съѣздить къ нему обѣдать. Онъ принялъ меня очень ласково и поручилъ мнѣ сказать вамъ, что versprechen und halten sind zweierlei *). Это точныя его слова; а что̀ они значатъ, онъ мнѣ не объяснилъ, прибавилъ только къ нимъ, что онъ *о сей матеріи* много къ вамъ писать будетъ. Между великаго множества дамъ, которыхъ я у него нашелъ, не трудно мнѣ было отличить и узнать дочь его. Она не красавица, но физіономія ея весьма значущая и интересная. Не удивляюсь теперь, что она вамъ понравилась. Судя по ея глазамъ и по всему ея быту, она должна быть отмѣнно умна и добра; а дѣйствіе, какое имѣла надъ ней столовая музыка, состоявшая по большей части изъ танцовальныхъ піесъ, дѣлала мнѣ вѣроятнымъ все то, что̀ я слыхалъ о ея искусствѣ въ танцахъ. Она такъ счастлива, что всѣ ее любятъ и хвалятъ. Справедливость, которую вы ей отдаете, совершенно достойна вашего сердца, столь коротко мнѣ извѣстнаго. Изъ мущинъ она никѣмъ не занималась, а только занята была своими дамами, которыхъ нашелъ я около ея болѣе 25. Всѣ онѣ мнѣ неизвѣстны; да и изъ кавалеровъ нашелъ я извѣстныхъ мнѣ только Дивова да Полторацкаго. Старикъ ни съ кѣмъ почти до обѣда не говорилъ, а послѣ обѣда меня чрезвычайно приласкалъ, разсуждалъ со мною по своему о дѣлахъ гражданскихъ и звалъ, чтобы я къ нему за-просто ѣздилъ. Кажется, онъ васъ очень любитъ и чтитъ.

12.

Москва, 8 Мая 1805.

Какъ бы я почелъ себя счастливымъ, еслибы въ силахъ былъ съ успѣхомъ исполнить ваше порученіе. Клянусь вамъ Богомъ, что нѣтъ такого пожертвованія, котораго бы не сдѣлалъ я, чтобъ быть орудіемъ желаемаго вами благополучія. Я часто говорю съ Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ, который васъ отмѣнно любитъ и чтитъ, не открывая ему впрочемъ того, что̀ вы ко мнѣ пишете, но основываясь на однихъ общихъ здѣшнихъ слухахъ, что для нея дѣйстви-

*) Обѣщать и сдержать не одно и тоже.

тельно нѣтъ ничего приличнѣе и счастливѣе, какъ вамъ принадлежать; онъ со мною въ томъ совершенно согласенъ. Нельзя, чтобъ они, отецъ и дочь, не чувствовали того и сами; но кажется, только то останавливаетъ ихъ обоихъ и особливо старика, что ему трудно разстаться съ дочерью. Они переѣхали третьяго дни въ свою подмосковную.

Чувствительнѣйше благодарю ваше сіятельство за расположеніе ходатайствовать о моемъ перемѣщеніи по случаю смерти оберъ-прокурора Ланскаго; но онъ мѣста по званію своему не имѣлъ, а считался при Герольдіи. Въ разсужденіи перемѣщенія моего я по тѣхъ поръ ни на что̀ рѣшиться не могу, пока не узнаю точно, захотятъ ли меня видѣть извѣстныя вамъ особы. Для сего отложилъ я до осени проситься и въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ мнѣ надобно будетъ непремѣнно быть, чтобъ похлопотать о повышеніи меня чиномъ, ежели не за то, что я новый департаменъ устроилъ, то хотя въ сравненіи съ другими оберъ-прокурорами, которые меня моложе.

13.

10 Іюля 1805 (Москва).

Тяжело мнѣ умножать и питать горесть вашего сіятельства, говоря вамъ о покойномъ князѣ Степанѣ Борисовичѣ; но по тому долгу, какимъ обязанъ я вамъ, а по васъ и всему дому вашему, могу ли остаться предъ вами въ молчаніи по случаю его кончины? Печальное извѣстіе, полученное вами объ оной съ отправленною третьяго дни естафетою, тѣмъ неожиданнѣе для васъ конечно было, что къ вамъ писали всегда, что ему становилось лучше. Видѣвъ его болѣе мѣсяца въ совершенно безнадежномъ состояніи, намѣренъ я былъ неоднократно увѣдомить васъ; но покойный заклиналъ меня, чтобъ я отъ того удержался, представляя мнѣ, что вы его столько любите, что, узнавши объ опасности его жизни, конечно сюда пріѣдете и что ваше присутствіе такъ его тронетъ и столько будетъ онъ усиливаться скрывать отъ васъ свое положеніе, что еще болѣе отъ того онъ разстроится. Находя сіе совершенно справедливымъ, я исполнилъ его волю по совѣту всѣхъ участвовавшихъ въ немъ и полагаясь на одни донесенія Михайла Иванова, который съ вѣдома моего и далъ вамъ знать на нарочной естафетѣ, когда сдѣлалось ему тяжелѣе. Завтра совершится отпѣваніе его тѣла въ Чудовомъ, а погребеніе въ Новоспасскомъ монастырѣ; теперь же лежитъ оно въ шпитальной церкви *), куда вынесено было въ самый день кончины. Всѣ распоряженія дѣлаются П. Н. Приклонскимъ. Но и ближніе родственники, какъ то: Юрій Александро-

*) Т. е. въ церкви Куракинскаго странноприимнаго до̀ма, что̀ у Красныхъ воротъ. П. Б.

вичъ *), князья Лобановы и князь Иванъ Борисовичъ часто домъ печали навѣщаютъ. По привязанности моей къ покойному, который совершенную довѣренность ко мнѣ оказывалъ, онъ передъ кончиною за долго начиналъ много разъ что-то говорить со мною на-единѣ; но потому ли, что княгиня входила, или по слабости, переставалъ говорить и послѣ того всякій разъ сказывалъ Михайлу Иванову, что онъ имѣетъ крайную нужду поговорить со мною.

14.

13 Іюля 1805 (Москва).

Третьяго дня предали мы землѣ тѣло покойнаго князя Степана Борисовича со всѣми должными и приличными почестьми. Оно положено близъ гробницъ покойныхъ вашего сіятельства бабушки и тетушки. Не могу вамъ описать, какимъ всеобщимъ сожалѣніемъ оно сопровождено было. Что̀ можетъ сравниться съ тою чувствительною и честнѣйшею почестію, которая отъ искреннихъ сердецъ воздается въ сіи минуты человѣку доброму? Ни вся пышность печальной церемоніи, ни всѣ похвалы, справедливо приписанныя въ надгробномъ словѣ, съ котораго копію при семъ сообщаю, не затмили и не уменьшили цѣны таковой почести, возданной покойному отъ чрезвычайнаго стеченія народа; отъ шпитальной церкви, откуда началось шествіе, до Чудова, а потомъ до Новоспасскаго монастыря, всѣ улицы были онымъ наполнены.

Никакого распоряженія домашняго покойный не сдѣлалъ; думаю я по многимъ остоятельствамъ, что и сдѣлать не былъ намѣренъ. Ахъ, ваше сіятельство, не могу скрыть отъ васъ, что мнѣ казалось, онъ не былъ счастливъ и покоенъ... Княгиня Катерина Дмитріевна осталась въ его домѣ. Въ день кончины нѣкоторыя комнаты были запечатаны, и ключи ей отданы.

Болѣзнь покойнаго, которую уже четыре мѣсяца назадъ всѣ здѣсь признавали безнадежною, причиною тому, что не могъ я съ нимъ заняться сочиненіемъ новаго постановленія о шпиталѣ. Не премину теперь одинъ заняться онымъ и въ скоромъ времени къ вашему сіятельству доставить. Ежели угодно вамъ, истинный благодѣтель мой, то и самый шпиталь охотнѣйше приму я въ свой надзоръ, пока не будете имѣть кому поручить Михайла Иванова по дѣламъ шпитальнымъ, по которымъ состоялъ онъ подъ смотрѣніемъ покойнаго.

---

*) Нелединскій-Мелецкій, родной племянникъ умершаго князя Куракина. П. Б.

15.

Москва, 24 Іюля 1805.

Покойный князь Степанъ Борисовичъ и добродѣтелями своими, и непоколебимою къ вамъ во всю жизнь его привязанностью достоинъ совершенно вѣчнаго сокрушенія вашего о потерѣ въ немъ брата и друга. Во изъявленіе, сколь почтенна для меня память его и сколько я принадлежу по васъ всему дому вашему, я провожалъ его тѣло отъ гошпитальной церкви до Чудова, потомъ до Новоспасскаго монастыря, и продолжалъ идти и тогда, какъ всѣ слѣдовавшіе за нимъ родные и знакомые на половинѣ дороги отъ Чудова до Новоспасскаго монастыря сѣли въ кареты.

На вопросъ вашего сіятельства: въ чемъ состояли разговоры, которые покойный начиналъ со мной и прерывалъ при входѣ княгини, истинно ничего сказать не могу; потому что, не начиная никакой матеріи, изъяснялся онъ только, что, будучи увѣренъ въ моемъ расположеніи, хочетъ просить меня, и на томъ всякій разъ останавливался по слабости ли или потому, что не хотѣлъ при другихъ говорить. Можетъ быть, не желалъ ли онъ употребить меня на составленіе какого-либо акта или поручить мнѣ написать что-нибудь къ вамъ о его послѣднихъ намѣреніяхъ. Наканунѣ кончины своей онъ спрашивалъ у Михайла Иванова обо мнѣ и, узнавъ отъ него, что я былъ въ подмосковной, сказалъ, что имѣетъ надобность со мной видѣться. Извѣстно мнѣ, что родные княгини, какъ то: Руничъ и пр. напоминали ему о завѣщаніи; но онъ никакого не сдѣлалъ. Мѣсяца два уже былъ онъ такъ слабъ, что, сколько ни желалъ заняться бумагами, полученными въ моемъ департаментѣ отъ Херсонскаго губернскаго правленія въ его удовлетвореніе по дѣлу Текелія, у котораго былъ онъ попечителемъ и по которому дѣлу перемогъ онъ не слушавшуюся его и крайне его огорчавшую Херсонскую дворянскую опеку, что̀ все чрезвычайно его интересовало, а особливо тѣ полученныя бумаги, содержавшія въ себѣ успѣхи его домогательствъ; но никакъ не могъ я его ими занять.

16.

Имѣвъ случай достать чрезъ купца Сорокина, съ Китаемъ торгующаго, самаго лучшаго чаю, осмѣливаюсь я послать съ сею почтою ящикъ вашему сіятельству; да помня, что вы съ удовольствіемъ изволили принять поднесенную вамъ при мнѣ книгу о дорогахъ Россійской Имперіи, посылаю Россійскій Дорожникъ, доставленный мнѣ изъ здѣшняго почтамта.

На сихъ дняхъ графъ Остерманъ много говорилъ объ васъ со мной. Онъ, кажется, очень васъ любитъ и чтитъ. Разговоръ большею частію въ томъ состоялъ, что по его мнѣнію напрасно вы слушаетесь удерживающихъ васъ въ Петербургѣ и тамъ живете, что вамъ должно быть больно на все глядѣть, а особливо на то, что въ рукахъ молодаго человѣка тотъ департаментъ, которымъ вы съ честію управляли *). Извините меня, ваше сіятельство, что я дѣлаю вамъ конечно непріятное напоминовеніе и отнесите то къ сердечному моему усердію, какимъ я во всякомъ случаѣ къ вамъ преисполненъ и по которому никакую откровенность мою съ вами не почитаю излишнею, какъ бы она ни была принята вами. Старикъ говорилъ съ жаромъ, которому, можетъ быть, была причиною выпитая имъ за столомъ рюмка Шампанскаго, и въ заключеніе хвалился равнодушіемъ своимъ ко всему суетному и прежнею своею службою. Между прочимъ, въ доказательство, что онъ умѣлъ, служивши, формировать людей, приводилъ онъ, что всѣ бывшіе у него въ канцеляріи, какъ-то: Алопеусъ, Вейдемееръ, Брискорнъ, Калининъ и пр. занимаютъ теперь важные въ государствѣ посты.

26 Іюля 1805 (Москва)

17.

3 Августа 1805.

Не могъ я прежде, какъ вчера, осмотрѣть гошпиталь вашего сіятельства, по сдѣланному мнѣ отъ васъ порученію объ ономъ. Въ разсужденіи содержанія призрѣнныхъ въ семъ пристанищѣ нашелъ я все, сколько при первомъ обозрѣніи увидѣть и узнать могъ, въ надлежащемъ порядкѣ; но что̀ касается до самаго жилища ихъ, то необходимо нужно будетъ улучшить его сколько-нибудь при произведеніи въ дѣйство намѣренія вашего о семъ богоугодномъ заведеніи. Комнаты въ немъ тѣсны и темны, а сосѣдство задняго двора, по которому, не зажавши носу, пройти нельзя, дѣлаетъ воздухъ въ нихъ весьма нечистымъ. Михайло Ивановъ оправдывается тѣмъ, что по причинѣ множества живущихъ и тѣсноты сего двора никакъ не можно привесть его въ лучшее состояніе. Принадлежащій гошпиталю садъ, который отдѣлалъ покойный князь Степанъ Борисовичъ, надобно необходимо по прежнему къ гошпиталю отвести, отдѣливъ его отъ дому; а ежели бы и самый домъ можно было по общему согласію къ гошпиталю присвоить, то сіе человѣколюбивое учрежденіе могло бы тогда быть доведено до состоянія совершенно соотвѣтственнаго вашему объ немъ попеченію.

---

*) Т. е. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

А. К. КАЗЕМБЕКЪ *).

Александръ Касимовичъ вполнѣ освоился съ Казанскимъ обществомъ. Въ теченіе 23-хъ лѣтъ, проведенныхъ въ Казани, онъ пріобрѣлъ друзей, съ которыми всю жизнь сохранилъ добрыя отношенія.

Что касается его служебной и авторской дѣятельности, то она далеко не ограничивалась его занятіями при Университетѣ и была настолько разнообразна, насколько то дозволяла его спеціальность. Своими литературными трудами Александръ Касимовичъ пріобрѣлъ себѣ Европейскую извѣстность; они доставили ему въ 1829 году почетное званіе члена Великобританскаго Азіатскаго общества въ Лондонѣ и члена-корреспондента С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ въ 1835 г. Онъ былъ также членомъ Французскаго и Нѣмецкаго Азіатскихъ обществъ, Копенгагенскаго общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, Русскаго Географическаго и Археологическо-нумизматическаго обществъ и Казанскаго любителей Отечественной Словесности.

Съ 1837 года Александръ Касимовичъ занималъ при Казанскомъ университетѣ самостоятельную каѳедру Турецко-Татарскаго языка; въ 1844 году онъ избранъ деканомъ факультета Восточныхъ языковъ (въ каковой должности былъ переведенъ въ Петербургъ) и въ томъ же году получилъ каѳедру Арабско-Персидской словесности. Въ 1845 году онъ получилъ мѣсто цензора для восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ, съ прибавкою жалованья въ 1000 рублей, и завѣдываніе Минцъ-Кабинетомъ.

Одновременно съ этимъ онъ взялся за безвозмездное преподаваніе Татарскаго и Арабскаго языковъ въ Духовной Академіи, на что посвящалъ по три часа въ недѣлю. Эти занятія, впрочемъ, продолжались не болѣе года, такъ какъ въ числѣ его учениковъ находился даровитый и впослѣдствіи столь извѣстный Николай Ивановичъ Ильминскій, которому ректоръ Академіи, архимандритъ Григорій, съ слѣдующаго же года нашелъ возможнымъ предоставить преподаваніе въ Академіи Татарскаго и Арабскаго языковъ, съ тѣмъ однако, чтобъ Александръ

---

*) См. выше стр. 209.

Касимовичъ «принялъ на себя трудъ руководствовать юнаго преемника своего на новомъ поприщѣ его училищной службы», какъ сказано въ письмѣ ректора Григорія къ профессору Казембеку отъ 28 Октября за № 806. Александръ Касимовичъ изъявилъ полную готовность на приватныя занятія съ баккалавромъ Ильминскимъ, и вотъ что пишетъ объ этихъ занятіяхъ профессоръ Знаменскій въ своей книгѣ объ Ильминскомъ: «Въ годичномъ отчетѣ о своихъ занятіяхъ онъ Ильминскій писалъ, что не смотря на разнообразныя занятія г-на Казембека, послѣдній все время отъ половины Октября до конца Мая удѣлялъ ему по нѣскольку часовъ каждую недѣлю, и подъ опытнымъ его руководствомъ онъ старался ознакомиться преимущественно съ внутренней жизнью Мусульманъ, ихъ вѣроученіемъ, практикой, повѣріями и обычаями и съ этой цѣлью занимался преимущественно Арабскимъ языкомъ и разными сочиненіями богословско-Мухамеданскаго содержанія, которыми профессоръ снабжалъ его изъ своей богатой библіотеки, для домашнихъ занятій; въ заключеніе отчета онъ высказывалъ Казембеку свою искреннюю благодарность за поучительное знакомство, пользу живыхъ бесѣдъ и обязательную любезность» [1]). Хорошія отношенія Николая Ивановича съ Александромъ Касимовичемъ продолжались до самой смерти послѣдняго. Хотя впослѣдствіи Ильминскій трудился совершенно самостоятельно и своеобразно, употребляя для цѣли своихъ трудовъ совсѣмъ не тотъ научный и чистый языкъ, который преподавалъ ему Александръ Касимовичъ, однако онъ всегда называлъ его своимъ учителемъ и говорилъ о немъ съ величайшимъ уваженіемъ и даже любовью [2]). Ихъ сблизили также общія занятія по переводамъ Богослужебныхъ книгъ на Татарскій языкъ.

Въ 1847 году правленіе Казанской Духовной Академіи, получивъ черезъ графа Протасова Высочайшее повелѣніе приготовить переводъ на Татарскій языкъ Богослужебныхъ книгъ Православнаго исповѣданія, обратилось, по совѣту тогдашнаго архіепископа Владимира, къ профессору Казембеку съ просьбой оказать содѣйствіе при переводахъ Литургіи Іоанна Златоуста и Сокращеннаго Молитвослова, а также для провѣрки изданнаго уже на Татарскомъ языкѣ Новаго Завѣта Александръ Касимовичъ, письмомъ отъ 28-го Февраля, изъявляетъ готовность «посвятить свои досуги и достояніе къ содѣйствію распространенія истиннаго свѣта Христова». «Что касается до переводовъ на Татарскій языкъ, пишетъ онъ: а) чина Божественной Литургіи Св.

---

[1]) *На память о Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ.* Къ двадцатипятилѣтію Братства святителя Гурія. Братчика П. Знаменскаго. Казань. 1892 г., стр. 23.

[2]) Личное мое воспоминаніе. О. Б.

Іоанна Златоуста и б) Сокращеннаго Молитвослова, могу исполнить это дѣло съ надлежащей точностью и съ желаннымъ успѣхомъ, при помощи моего воспитанника г-на Ильминскаго, въ продолженіи 6 или 8 мѣсяцевъ. Для повѣрки же Новаго Завѣта я полагалъ бы открыть комитетъ подъ предсѣдательствомъ вашего высокопреподобія, состоящій изъ меня и одного опытнаго ученаго священника, который бы при повѣркѣ могъ объяснять для меня неизвѣстныя выраженія изъ духовной терминологіи» [1]). Далѣе, Александръ Касимовичъ выражаетъ предположеніе, что Ильминскій могъ бы замѣнить священника, а на переводъ и провѣрку Новаго Завѣта полагаетъ употребить всего времени два года. Въ другомъ письмѣ, въ отвѣтъ на отношеніе ректора, въ которомъ этотъ послѣдній спрашиваетъ, не почтетъ ли проф. Казембекъ нужнымъ въ донесеніи господину синодальному оберъ-прокурору включить какое-либо условіе о вознагражденіи трудовъ или о расходахъ по сему дѣлу, Александръ Касимовичъ отвѣчалъ: «Сущность предпологаемаго дѣла перевода на Татарскій языкъ духовныхъ книгъ Православнаго исповѣданія и повѣрки Новаго Завѣта сама по себѣ такъ богоугодна, что одно предложеніе мнѣ заняться этимъ дѣломъ я считаю себѣ наградою въ жизни. Я такъ живо представляю себѣ то время (и оно, надѣюсь, настанетъ скоро), когда Церковь Божія утвердится и среди заблудшихъ сыновъ тьмы, когда Татары на своемъ собственномъ языкѣ, освѣщенные свѣтомъ Христа, будутъ въ новоосвященномъ храмѣ благословлять имя Христа Спасителя нашего, когда Слово Божіе сквозь новую оболочку Татарскаго языка разольетъ свой свѣтъ въ царство тьмы и просвѣтитъ сердца заблуждающихся сыновъ рода человѣческаго! Эта эпоха новыхъ успѣховъ христіанства безъ сомнѣнія будетъ благословлена и Богомъ, и народомъ Русскимъ, и грядущее потомство перерожденнаго и новоспасеннаго племени будетъ прославлять вѣкъ нашего Благочестивѣйшаго Монарха, нынѣ ознаменующаго свое мудрое правленіе такимъ высокимъ христоугоднымъ подвигомъ. Всѣ издержки, могущія встрѣтиться по этому предпріятію до времени изданія въ свѣтъ переводовъ и самаго Новаго Завѣта, я съ душевнымъ удовольствіемъ принимаю на себя и, когда духовное начальство распорядится объ изданіи ихъ въ свѣтъ, главную корректуру также съ удовольствіемъ беру на себя. 1847 г. Марта 3 дня, Казань» [2]).

Изъ этого письма видно, съ какимъ воодушевленіемъ Александръ Касимовичъ готовъ былъ приняться за дѣло, и дѣйствительно, въ на-

[1]) Изъ дѣла внѣшняго правленія о переводахъ Татарскихъ. 1847 г. № 27. Доставлено изъ архива Академіи профессоромъ Знаменскимъ.

[2]) Оттуда же.

чалѣ того же Марта, онъ приступилъ къ переводу чина Божественной Литургіи. Переводъ нѣкоторыхъ частей богослуженія правленіе Академіи поручило нѣсколькимъ наставникамъ Татарскаго языка, вслѣдствіе чего въ Маѣ и Іюнѣ поступили переводы изъ Часослова 1-го и 3-го часовъ отъ протоіерея Лебедева и 6-го часа по Малому Часослову отъ священника Іоанна Топорова. Эти работы поступили на разсмотрѣніе Казембека, который вмѣстѣ съ Ильминскимъ, разсмотрѣвъ ихъ и повѣривъ съ подлинниками, нашелъ ихъ неудовлетворительными и не соотвѣтствующими цѣли духовнаго начальства.

Іюня 17 дня того же года правленіе Духовной Академіи, отношеніемъ за № 40-мъ, сообщило проф. Казембеку: а) что его предположеніе о назначеніи комитета Св. Сѵнодъ утвердилъ и б) что Св. Сѵнодъ опредѣлилъ объявить профессору Казембеку благодарность за его усердіе въ важномъ предпринимаемомъ дѣлѣ [1]).

Первое засѣданіе комитета состоялось 5-го Августа 1847 года; на немъ Александръ Касимовичъ принялъ на себя обязанность перевести всю Литургію и заняться пересмотромъ Новаго Завѣта, обѣщаясь результаты своихъ занятій представлять для разсмотрѣнія въ общихъ собраніяхъ комитета [2]). Однако дѣло затянулось, и комитетъ болѣе года не собирался. Ректоръ былъ занятъ въ то время постройкой академическаго корпуса, а профессоръ Казембекъ былъ отвлекаемъ отъ работы частію служебными обязанностями (въ Іюлѣ 1847 года онъ былъ командированъ на обозрѣніе Оренбургскихъ казенныхъ училищъ), частію холерной эпидеміей, которая произвела смятеніе въ городѣ, такъ что осенью Университетъ былъ закрытъ, и большинство жителей города, въ томъ числѣ и Александръ Касимовичъ съ семьей, уѣзжали на время въ деревню.

Между тѣмъ, весной 1848 г. пріѣхалъ въ Казань новый архіепископъ, преосвященный Григорій, и сдѣлалъ запросъ ректору Академіи о причинахъ бездѣйствія комитета. Ректоръ пытался свалить всю вину на Казембека и въ своемъ представленіи на имя преосвященнаго предлагалъ даже возложить всѣ дальнѣйшіе переводы, помимо Казембека, на баккалавра Ильминскаго и на учителя Саратовской семинаріи Саблукова. Однако преосвященный Григорій посмотрѣлъ на вопросъ иначе, и въ резолюціи его, сданной въ правленіе Академіи 25-го Октября, находимъ: «Г. Казембекъ ежели и не довольно постоянно занимался принятымъ на себя дѣломъ болѣе полутора года, однакоже о томъ что

---

[1]) Черновой хронол. отчетъ о дѣятельности комитета. Отчетъ этотъ былъ приложенъ къ донесенію на имя графа Д. А. Толстаго отъ 26 Февраля 1868 г., какъ значится въ рукописи.

[2]) На память о Н. И. Ильминскомъ. Знаменскій, стр. 32.

онъ сдѣлалъ, равно можно ли и скоро ли можно надѣяться отъ него окончанія принятаго труда, онъ, какъ вижу, не спрошенъ; взять у г. Казембека означенный трудъ безъ его вѣдома и поручить другому весьма неприлично и потому, что г. Казембекъ, какъ несомнѣнный знатокъ Татарскаго и Арабскаго языковъ, безъ сомнѣнія нерѣдко будетъ весьма нуженъ нашимъ переводчикамъ, какихъ изберемъ, для совѣта и повѣрки ихъ собственнаго знанія» *).

3-го Декабря 1848 г. состоялось собраніе комитета, и Казембекъ представилъ на его разсмотрѣніе сдѣланный имъ переводъ Литургіи. Комитетъ призналъ его «имѣющимъ по смыслу всевозможное соотвѣтствіе подлиннику и сдѣланнымъ съ отличнымъ искусствомъ, хотя и употреблены въ немъ слова Арабскія» (протоколъ комитета).

Въ объясненіе того, что имъ употреблены въ переводѣ нѣкоторыя Арабскія слова, Казембекъ въ отчетѣ своемъ о дѣятельности комитета, представленномъ графу Толстому въ 1868 году, говоритъ: «Во время повѣрки перевода Божественной Литургіи комитетъ еще болѣе убѣдился въ невозможности передать мѣстнымъ скуднымъ разговорнымъ языкомъ идею высокихъ Божественныхъ истинъ; ибо онъ до того бѣденъ, что на немъ нельзя выразить почти никакой отвлеченной идеи. Въ Арабскомъ языкѣ, даже въ самомъ Коранѣ Мохаммеда, находится множество словъ, выражающяхъ духовныя идеи христіанскія, которыя усвоены духовно-литературному языку всякаго Мусульманскаго народа. Напр.: *Месихъ* (отъ Мессія) значитъ Христосъ; *та'мидъ* — крещеніе; *келиса* (съ Греческаго)—церковь; *рухуль-гкудусъ*—Св. Духъ; *келимэ*—слово, и многія другія, безъ которыхъ невозможно обойтись въ переводѣ Богослужебныхъ книгъ на какой угодно Мусульманскій языкъ». Здѣсь сдѣлана выписка и примѣчаніе: «Миссіонеръ Тимоѳеевъ, критикуя переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный комитетомъ, говоритъ, что этого слова *келимэ* Татары не понимаютъ. Это удивляетъ меня, потому что слово келимэ вошло въ догматическое ученіе всего Мусульманскаго народа; даже цѣлое Арабское слово: *Келиметунъ-Тайибетуръ*, т. е. Пречистое Слово, а именно первый членъ Символа Мусульманской вѣры, Татары съ дѣтства знаютъ. Сверхъ того въ Коранѣ Спаситель названъ *Келиметун-лаи*, т. е. Слово Бога (Коранъ, гл. 4, стр. 169). Можетъ быть, миссіонеръ Тимоѳеевъ хотѣлъ сказать, что вообще это мѣсто: *Слово было у Бога*—не было понятно *Татаркѣ*; напрасно этому удивляться».

По окончаніи перевода Божественной Литургіи, комитетъ разсмотрѣлъ переводъ Новаго Завѣта, сдѣланный Шотландскими миссіоне-

*) Тамъ же стр. 52.

рами, и нашелъ его неудовлетворительнымъ, почему поручилъ Казембеку приступить къ переводу Новаго Завѣта, предоставивъ членамъ комитета заняться переводами другихъ церковныхъ книгъ.

Между тѣмъ шли переговоры о перемѣщеніи Александра Касимовича въ Петербургъ на оставшуюся вакантной каѳедру Персидской словесности, и осенью 1849-го года онъ со всей семьей переселился въ столицу. Передъ отъѣздомъ онъ представилъ въ комитетъ законченный переводъ Евангелія отъ Св. Матѳея и на имя преосвященнаго Григорія послалъ слѣдующее объясненіе: «Отъѣзжая на службу въ Санктпетербургъ, я имѣю честь представить вашему высокопреосвященству переводъ Евангелія отъ Матѳея на Татарскій языкъ, при чемъ почитаю нужнымъ объяснить: 1) правила, какими я руководствовался и впредь буду руководствоваться при переводѣ Евангелія, 2) какъ долженъ быть разсматриваемъ мой настоящій трудъ, и 3) ходъ будущихъ занятій, какъ моихъ собственныхъ, такъ и комитета при Казанской Духовной Академіи, по предмету перевода Православныхъ Богослужебныхъ книгъ на Татарскій языкъ».

1. Основаніемъ при переводѣ Евангелія служилъ для меня Славянскій текстъ, употребляемый въ Греко-Россійской церкви; пособіемъ служили переводы Русскій, Французскій, Англійскій и Персидскій. Вообще я старался какъ можно ближе держаться Славянскаго текста, избѣгая перифразовъ и отступленій, исключая тѣхъ немногихъ случаевъ, когда, при темнотѣ Славянскаго перевода, другіе переводы, всѣ согласно между собою, представляютъ мысль въ болѣе ясномъ свѣтѣ *).

2. Представляемый переводъ былъ пересмотрѣнъ мною съ баккалавромъ академіи Ильминскихъ и исправленъ. Впрочемъ для возможной точности онъ долженъ быть подвергнутъ еще новому пересмотру. Только я желалъ бы, чтобы это было произведено при слѣдующихъ условіяхъ: главнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ перевода долженъ быть текстъ Славянскій, какъ освященный церковнымъ употребленіемъ, а потому было бы излишне вдаваться въ утонченныя филологическія соображенія, относящіяся къ Греческому тексту Евангелія. Не должно также увлекаться въ толкованія и перифразы, потому что переводъ долженъ быть возможно-точною копіею, а не перифразомъ или толкованіемъ переводимаго текста. Кромѣ того, большое различіе языка Евангелія отъ идіотизма Татарскаго нерѣдко требовало съ одной стороны особенной перестановки словъ, съ другой того, чтобы иногда употреблять слово,

---

*) Въ письмѣ къ А. П. Ахматову въ 1864 г., по поводу провѣрки перевода Новаго Завѣта на Персидскій языкъ, А. К. поясняетъ, что онъ всегда при переводахъ на Татарскій языкъ и при критическомъ разборѣ варіантовъ Новаго Завѣта принималъ въ соображеніе: а) редакцію Вульгаты по изданію 1663 г., б) перев. Лютера, в) переводъ на Шведскій яз. Виттемберга и Базили по изд. 1617 г., г) Датское изд. Дорпскаго Синода (1637 г.), д) Перев. Франц. де-Саси по изд. 1665 г., е) Якова изд. на Англійск. яз. 1610 г. и ж) Старое Арабское изданіе, переведенное съ Сирійскаго языка. О. Б.

не вполнѣ соотвѣтствующее Славянскому слову, но хорошо отвѣчающее мысли оригинальнаго текста. Это, будучи понятно знающему Татарскій языкъ, можетъ казаться страннымъ для незнакомаго съ этимъ языкомъ человѣка. По уваженію изложенныхъ обстоятельствъ, было бы удобнѣе передать мой переводъ на разсмотрѣніе членовъ комитета, баккалавровъ Саблукова и Ильминскаго, нежели на подробный разборъ въ засѣданіяхъ комитета, что было бы слишкомъ продолжительно.

3. Продолженіемъ перевода Евангеліи буду я заниматься въ Санктпетербургѣ и, по окончаніи, представлю свой трудъ въ комитетъ Казанской Академіи или прямо въ Святѣйшій Сѵнодъ, какъ будетъ угодно духовному правительству.

Что же касается до занятій комитета, то я готовъ принять въ нихъ участіе. Зная по собственному опыту трудность передавать возвышенныя идеи Славянскихъ Богослужебныхъ текстовъ на Татарскій языкъ, я нимало не думаю оскорбить членовъ комитета, если скажу, что ихъ переводы, при всей со стороны ихъ добросовѣстности и тщательности, не могутъ избѣжать погрѣшностей, по крайней мѣрѣ, противу восточнаго вкуса. Потому работы комитета потребуютъ большей или меньшей литературной отдѣлки. Этотъ-то трудъ я изъявляю готовность принять на себя. Комитетъ долженъ будетъ выполнить переводъ Православныхъ Богослужебныхъ книгъ и потомъ, во избѣжаніе излишней траты времени, естественно происходящей при заочныхъ сношеніяхъ, командировать одного изъ своихъ членовъ для совокупнаго со мною пересмотра и исправленія своихъ переводовъ. Впрочемъ, предоставляю все вашему архипастырскому благоусмотрѣнію".

Преосвященный Григорій отвѣчалъ, что переводъ Евангелія переданъ имъ для пересмотра въ комитетъ. „При семъ", пишетъ онъ, „нахожу нужнымъ увѣдомить ваше высокородіе, что: 1) по вашему предложенію, чтобы переводъ Св. Евангелія отъ Матѳея переданъ былъ, для скорѣйшаго пересмотра его, на разсмотрѣніе членовъ комитета баккалавровъ Ильминскаго и Саблукова, безъ подробнаго разбора его въ засѣданіяхъ комитета, я не могъ поступить, потому а) что Святѣйшій Сѵнодъ окончательную повѣрку всякаго Татарскаго перевода богослужебныхъ книгъ возложилъ уже безъ изъятія на комитетъ; б) что опредѣленіе смысла въ священномъ текстѣ, какъ предметъ богословскій и особенной важности, не нахожу достаточнымъ ограничивать мнѣніемъ однихъ только еще баккалавровъ Академіи и притомъ не принадлежащихъ къ церковной іерархіи (Ильминскій и Саблуковъ состоятъ въ свѣтскомъ званіи); 2) если комитетъ при повѣркѣ означеннаго перевода найдетъ нужнымъ сдѣлать какую-либо перемѣну, то выписку таковыхъ перемѣнъ предварительно имѣетъ препровождать къ вамъ съ поясненіемъ на то своихъ основаній и затѣмъ ожидать вашего отвѣта".

Уѣзжая въ Петербургъ, Александръ Касимовичъ грустно разставался съ дружественной и родственной Казанью, гдѣ оставлялъ товарищей, друзей, родныхъ. Университетъ удостоилъ его избраніемъ въ почетные члены свои, а сослуживцы дали ему прощальный обѣдъ,

на которомъ было высказано много лестныхъ сожалѣній и лучшихъ пожеланій уѣзжающему товарищу и другу. Профессоръ И. Н. Березинъ послалъ въ одну изъ Петербургскихъ газетъ статью о проводахъ Казембека, но она напечатана не была. Корректура ея, перечеркнутая красными чернилами, сохранилась по какой-то случайности у Ильи Николаевича, и онъ обязательно доставилъ ее мнѣ. Вотъ она:

«Проводы профессора мирзы А. К. Казембека изъ Казани».

„Много грустнаго въ жизни человѣка; бываютъ и радостные дни, но почему-то первое и чаще встрѣчается, и дольше помнится. Однимъ изъ такихъ грустныхъ событій для Казанскаго университета былъ отъѣздъ профессора Арабско-Персидской словесности мирзы Александра Касимовича Казембека въ Санктпетербургъ. Въ лицѣ этого ветерана восточной науки, двадцать три года съ неутомимою дѣятельностью занимавшагося преподаваніемъ Азіатскихъ языковъ, Университетъ лишается одного изъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ своихъ членовъ".

„Получивъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ съ необыкновенною восточною роскошью, мирза Мухаммедъ-Али (такъ называли въ юности Александра Касимовича Казембека) ознакомился съ Европейскою образованностью у Англійскихъ миссіонеровъ, которые просвѣтили юношу и въ таинствахъ Божественной христіанской религіи. Новообращенный мирза Александръ, проѣзжая черезъ Казань, изъявилъ желаніе служить въ Казанскомъ университетѣ. Вскорѣ взоръ тогдашняго попечителя Михаила Николаевича Мусина-Пушкина отличилъ мирзу Александра, и по ходатайству его превосходительства преподаваніе Турецкаго языка въ Казанскомъ университетѣ поручено было молодому беку. Отсюда начинается исполненное несомнѣнныхъ заслугъ ученое поприще Александра Касимовича. Какъ профессоръ-писатель, онъ пользуется Европейскою извѣстностью за изданіе Исторіи Крымскихъ хановъ на Турецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Семь Планетъ", пространной Турецко-Татарской грамматики, переведенной на Нѣмецкій языкъ, кодекса Мусульманскаго законовѣдѣнія на Арабскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Сокращенный Вигкаетъ", Турецкой поэмы „Мухаммедійэ" и многихъ другихъ трудовъ, одно исчисленіе которыхъ можетъ составить порядочный каталогъ. Владѣя въ совершенствѣ Англійскимъ языкомъ, Александръ Касимовичъ уже много лѣтъ приготовилъ къ изданію на немъ исторію Дербента, извѣстную подъ именемъ „Дербентъ-Намэ"; на Французскомъ языкѣ ученый мирза помѣщалъ свои статьи въ журналѣ Парижскаго Азіатскаго Общества, Journal Asiatique. Между прочимъ и знаменитый Гумбольдтъ приложилъ къ своему сочиненію Asie Centrale записку нашего ученаго. Русскія статьи его, печатавшіяся въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ, болѣе или менѣе извѣстны читающей публикѣ. Знаменитыя ученыя общества въ Европѣ почтили своимъ одобреніемъ труды нашего оріенталиста; въ числѣ ихъ Королевское Азіатское Общество въ Лондонѣ давно избрало его своимъ членомъ, а наша Академія Наукъ—членомъ-корреспондентомъ. Какъ профессоръ-преподаватель, Александръ Касимовичъ не безъ гордости можетъ

указать на своихъ учениковъ: К. К. Фойгта, Н. А. Иванова, О. М. Ковалевскаго, А. В. Попова, Д. Митчеля, В. Ф. Диттеля, В. П. Васильева и другихъ, занимающихъ мѣста драгомановъ при нашихъ миссіяхъ".

„Такого-то достойнаго члена лишился Казанскій университетъ. И благодарный цѣнитель доблестной службы, Университетъ непритворно и всенародно выразилъ свое сочувствіе: 22 Сентября члены совѣта Университета, по общему согласію, давали прощальный обѣдъ отъѣзжающему собрату въ домѣ г. помощника попечителя Н И. Лобачевскаго. На этомъ обѣдѣ, кромѣ членовъ университетскаго совѣта, присутствовали г. попечитель Казанскаго учебнаго округа В. П. Молоствовъ и помощникъ его. Не могло быть шумнаго веселья на этомъ пиру: Университетъ зналъ, какую утрату онъ переноситъ, но здѣсь царствовало отрадное согласіе, здѣсь было общее всѣмъ чувство. Изъ распорядителей прощальнаго обѣда Н. А. Ивановъ и А. В. Поповъ взяли на себя обязанность выразить общее участіе, и прощальныя ихъ привѣтствія гостю, въ послѣдній разъ присутствовавшему въ дружескомъ кругу, вызвали слезы на глаза всѣхъ собесѣдниковъ; но больше всѣхъ плакалъ самъ гость!."

„Черезъ два дня (24 Сентября) Александръ Касимовичъ отвѣчалъ прощальнымъ обѣдомъ у себя и отъ чистаго сердца въ трогательныхъ рѣчахъ благодарилъ начальниковъ и сослуживцевъ своихъ: рыданія не разъ прерывали его слова, и каждая рѣчь Александра Касимовича, дышавшая признательностью Университету и воспоминаніями прошедшаго, находила себѣ отвѣтъ, исполненный отраднаго участія. Изъ членовъ словеснаго факультета бывшій ученикъ Александра Касимовича, профессоръ Турецкаго языка Березинъ, напутствовалъ своего любимаго и глубоко уважаемаго наставника прощальными стихами".

„Профессоръ Ивановъ произнесъ за тѣмъ: „Если отнынѣ кто нибудь изъ насъ, омраченный страстію, нарушитъ общее согласіе, скажемъ ему просто: Да будетъ тебѣ стыдно передъ Казембекомъ!"

Въ Ноябрѣ 1849 года Казембекъ съ семьей своей пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно приступилъ къ исполненію многочисленныхъ своихъ обязанностей. Вотъ что пишетъ В. В. Григорьевъ о его занятіяхъ по каѳедрѣ Персидской словесности:

„Преемникомъ мирзы Джафара на каѳедрѣ Персидской словесности явилась одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ настоящее время личностей, не только у насъ, но въ цѣлой Азіи и цѣлой Европѣ—Азіатецъ съ глубокимъ Мусульманскимъ образованіемъ, соединяющій основательное знакомство съ ученостью Европейскою, владѣющій одинаково какъ Арабскимъ, Персидскимъ и Турецкимъ, такъ Англійскимъ, Французскимъ и Русскимъ языками, и на всѣхъ шести языкахъ писавшій и печатавшій. Къ довершенію необыкновенныхъ качествъ, соединяющихся въ этой личности (говоримъ о мирзѣ Александрѣ Касимовичѣ Казембекѣ), онъ еще и христіанинъ Пресвитеріанскаго исповѣданія. Исторія обращенія его изъ мусульманства въ христіанство и преслѣдованій, которымъ подвергался онъ за это отъ прежнихъ единовѣрцевъ,

одна изъ самыхъ трогательныхъ, поучительныхъ и замѣчательныхъ въ психологическомъ отношеніи, свидѣтельствуетъ о необыкновенной твердости и благородствѣ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжной и добрѣйшей души... Въ нашъ Университетъ, послѣ 23-лѣтней службы въ Казани, снискавшей ему тамъ всеобщую любовь и уваженіе, перешелъ онъ въ Ноябрѣ 1849 года, на каѳедру Персидской словесности, сдѣлавшуюся праздною съ оставленіемъ ея мирзою Джафаромъ, и каѳедру эту занималъ донынѣ. Сверхъ того, въ разное время преподавалъ онъ, какъ видѣли мы, еще и Арабскій языкъ. Преподаваніе языка и литературы Новой Персіи приспособлялось Казембекомъ въ Казани и приспособляется въ Университетѣ нашемъ, къ образованію оріенталистовъ какъ для ученой, такъ и для дипломатической на Востокѣ службы, и никто изъ профессоровъ Восточныхъ языковъ въ Россіи не имѣлъ удовольствія видѣть столькихъ учениковъ своихъ дѣятелями на томъ и на другомъ поприщѣ. Какъ пособіями, пользуется онъ въ лекціяхъ своихъ всѣмъ лучшимъ, что̀ напечатано по части языка и литературы Персіи въ Европѣ, налитографировано въ самой Персіи и находится въ рукописяхъ, какъ собственно ему принадлежащихъ, такъ и хранящихся въ университетской библіотекѣ. Исторія Персидской литературы, которую читаетъ онъ въ высшихъ курсахъ, обработана имъ самостоятельно по Девлетъ-Шаху и другимъ историкамъ стихотворной и прозаической производительности Персіи" [1]).

По смерти проф. Диттеля, Казембекъ преподавалъ Арабскій языкъ на I-мъ и II-мъ курсахъ до 1854-го года и состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ Петербурга. Въ 1855 году онъ былъ избранъ деканомъ и назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для пріема книгъ изъ Казанскаго Университета и Ришельевскаго лицея для факультета Восточныхъ языковъ, которые въ Казани и Одессѣ уничтожались [2]).

Кромѣ своей службы при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ въ 1850 году былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Иностранныхъ Исповѣданій, а въ 1851 г. назначенъ членомъ учрежденнаго при II-мъ Отдѣленіи Собств. Его Имп. Величества Канцеляріи особаго комитета для разсмотрѣнія Свода Законовъ Мусульманскихъ. Его коренное знаніе Восточныхъ языковъ и Мусульманскаго законовѣдѣнія оказывало немаловажную услугу Департаменту, для разъясненія недоразумѣній, возникавшихъ въ примѣненіи нѣкоторыхъ пунктовъ Мусульманскихъ законовъ къ Русской службѣ и согласованіи ихъ съ Русскими законами [3]).

---

[1]) Имп. С.Петерб. Универс. Историческая Записка, составленная В. В. Григорьевымъ. С.Петерб. 1870 г., стр. 256.

[2]) По словамъ проф. Березина, А. К. составилъ общій планъ факультета восточныхъ языковъ при С. Пет. Унив. и вмѣстѣ съ тѣмъ подробную программу преподаванія Мусульманскихъ языковъ. (Проток. Засѣд. Сов. стр. 121).

[3]) Небезъинтересно, мнѣ кажется, будетъ привести два примѣра такихъ случаевъ.

Въ бумагахъ Казембека находится отношеніе Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностран-

Временный комитетъ, учрежденный въ 1851 г. въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго своею неутомимою дѣятельностью и неподражаемою энергіею архіепископа Григорія, прямо началъ свои дѣйствія повѣркою перевода Св. Евангелія отъ Марка и отъ Луки, сдѣланнаго Казембекомъ. Повѣрка шла быстро и благоуспѣшно; къ исходу Мая 1852-го года переводъ и повѣрка Св. Евангелія отъ Марка и отъ Луки окончены. Между тѣмъ Казембекъ въ лѣтніе мѣсяцы занимался переводомъ Св. Евангелія Іоанна Богослова, который онъ окончилъ къ осени 1852 г. Самая провѣрка его перевода происходила опять въ комитетѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ арх. Григорія, и весь переводъ четырехъ Евангелій былъ готовъ къ Октябрю 1853 г. Въ началѣ Ноября послѣдовало распоряженіе Св. Сvнода о печатаніи ихъ въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, съ тѣмъ чтобы наблюденіе за корректурою было предоставлено Казембеку.

Въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ, 1853—1858, Александромъ Касимовичемъ были послѣдовательно представлены въ комитетъ для повѣрки переводы на Татарскій языкъ Дѣяній и Посланій Апостольскихъ и Апокалипсиса Св. Іоанна Богослова.

Въ 1856-мъ году дѣятельность комитета на время была прервана измѣненіемъ состава его. Григорій, предсѣдатель комитета, былъ воз-

ныхъ Исповѣданій съ просьбой «объ опредѣленіи возраста для избранія Магометанъ въ духовныя должности». Помѣчено 23 Мая 1851 г. Къ бумагѣ приложено подлинное письмо графа Д. А. Толстаго, въ которомъ онъ старается направить его на желаемый отвѣтъ въ видахъ государственной пользы Онъ пишетъ: «Ежели бы вы могли отыскать въ Магометанскихъ законахъ такое постановленіе, которое не дозволяетъ отправлять духовныя должности ранѣе 21 или 25-ти лѣтъ, то полагаю, это могло бы быть полезно для дѣла, благодѣтельно для Магометанъ и наконецъ разумно въ смыслѣ государственномъ. Во всякомъ случаѣ изъ самой этой бумаги вы легко увидите, что все здѣсь вертится на Магометанскихъ законахъ; слѣдовательно въ вашихъ рукахъ дать самому дѣлу хорошее направленіе и искоренить зловредный и ничѣмъ необъяснимый обычай: дѣлать изъ 15-лѣтняго ребенка учителя и толкователя закона, который, по самой своей обязанности, долженъ вмѣшиваться въ дѣла семейныя, судить мужа съ женою, отца съ сыномъ и т. п.». Другой интересный случай недоразумѣнія возникъ вслѣдствіе прошенія двухъ Персидскихъ подданныхъ о дозволеніи имъ перейти изъ *Нуструканской вѣры* въ Римско-католическую. Департаментъ Иностранныхъ Исповѣданій, предполагая, вѣроятно, что это какая-нибудь Мусульманская секта, обратился къ Казембеку съ просьбой сообщить «*свѣдѣнія относительно вѣроисповѣданія, къ которому просители принадлежатъ*». На оборотѣ этой бумаги находимъ черновой отвѣтъ, которой объясняетъ, что никакого Нуструканскаго вѣроисповѣданія не существуетъ, а дѣло идетъ о христіанской сектѣ Несторіанцевъ, причемъ Казембекъ вкратцѣ разсказываетъ происхожденіе этого раскола и распространеніе его между Персами. Неизвѣстно, было-ли искажено слово „Несторіанская» въ прошеніи сектантовъ или въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій.

веденъ въ санъ митрополита Петербургскаго, и на его мѣсто архіепископомъ Казанскимъ назначенъ преосвященный Аѳанасій, который ровно черезъ годъ послѣ этой перемѣны прибылъ въ Петербургъ. Комитетъ возобновилъ свою дѣятельность осенью 1857-го года.

Между тѣмъ дѣло перевода Богослужебныхъ книгъ продолжалось и въ Казани. Священникомъ Грузинской церкви Ясницкимъ были переведены Требникъ и Псалтирь. Переводы одобрены Ильминскимъ и Саблуковымъ, хотя они признали, что нѣкоторыя исправленія необходимы. Эта работа опять-таки не миновала Казембека. Указомъ Св. Сунода отъ 31 Декабря 1857 г. за № 12,363 предписано было Аѳанасію переслать Казембеку переводы Требника, Псалтири и Пространнаго Катехизиса, для провѣрки. За многочисленностью своихъ занятій, Казембекъ только въ Маѣ могъ донести высокопреосвященному о результатѣ провѣрки этихъ переводовъ. Они оказались неудовлетворительными [1]), и комитетъ опредѣлилъ предоставить Казембеку приступить къ новымъ переводамъ вышеупомянутыхъ книгъ, при чемъ начать съ Пространнаго Катехизиса.

Въ тоже время Александръ Касимовичъ не оставлялъ и другихъ литературныхъ трудовъ: Дербентъ-Намэ, написанную еще въ Казани, онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ представилъ на разсмотрѣніе Императорской Академіи Наукъ и получилъ полное ея одобреніе. Работа эта была издана Академіей на ея средства въ 1851 г. и удостоена Демидовской преміи. Кромѣ того, напечаталъ онъ много статей научно-историческаго и критическаго содержанія въ разныхъ журналахъ, а въ 1854 году издалъ учебныя пособія для изученія Турецко-Отоманскаго языка, состоящія изъ граматики, христоматіи и словаря, для офицеровъ Военной Академіи и Главнаго Штаба.

О занятіяхъ его въ особомъ комитетѣ при II Отдѣленіи Собств Его Величества Канцеляріи я въ его бумагахъ не нашла никакихъ указаній и свѣдѣній, кромѣ чернового плана для составленія руководства къ Мусульманскимъ законоположеніямъ и черновыхъ переводовъ и работъ, которыя были изданы въ двухъ частяхъ, одна въ 1862 году. *О торговлѣ и залогѣ*, другая въ 1863 году *О наслѣдствѣ* [2]).

Въ концѣ 1858-го года возникли нѣкоторые безпорядки въ факультетѣ Восточныхъ языковъ, вслѣдствіе которыхъ Александръ Каси-

[1]) Въ переводѣ Ясницкаго многихъ псалмовъ не достаетъ, другіе помѣщены не въ должномъ порядкѣ и наконецъ въ переводѣ много невѣрностей противъ Еврейскаго и Славянскаго текстовъ.

[2]) Мусульманское законовѣдѣніе составляло главную силу учености Казембека. Проф. Березинъ, несомнѣнный знатокъ этого дѣла, говоритъ, что не знаетъ другого равнаго ему ученаго въ этой сферѣ, какъ въ настоящее время, такъ и въ прошедшее (Прот. Засѣд. С.-Петерб. Унив. стр. 126).

мовичъ просилъ объ увольненіи его отъ обязанностей декана *); однако онъ отказался потомъ отъ своего намѣренія и оставался деканомъ факультета до 1860 года, когда, какъ значится въ его собственноручной запискѣ, разныя стороннія служебныя обязанности заставили его сложить съ себя эту должность. Въ 1866 г. онъ вновь былъ избранъ деканомъ и оставался въ этомъ званіи до своей кончины.

Въ бумагахъ Казембека находится болѣе всего указаній на его дѣятельность по переводу Богослужебныхъ книгъ. Эта работа, какъ видно, ближе всего была его сердцу. Она, быть можетъ, переносила его къ тому времени его юности, когда онъ изучалъ эти самыя Божественныя книги и, проникаясь ихъ величіемъ и истиной, возрождался духовно для новой жизни. Но этотъ трудъ, въ который онъ болѣе всего положилъ любви и вниманія, менѣе другихъ послужилъ для предназначенной цѣли; по крайней мѣрѣ въ Казанскихъ школахъ, инородческой и крещено-Татарской, Законъ Божій преподается и Литургія совершается по переводамъ Н. И. Ильминскаго, на простомъ разговорномъ Татарскомъ языкѣ, болѣе доступномъ для пониманія крестьянскаго крещено-Татарскаго населенія, чѣмъ книжный языкъ, усвоенный въ переводахъ Казембека и принятый комитетомъ. Въ 1864 году Ильминскій писалъ къ исполнявшему должность оберъ-прокурора Св. Сvнода, князю Урусову: «Я теперь вполнѣ убѣжденъ, что нужно зáново въ этомъ народномъ направленіи передѣлать переводъ Богослужебныхъ книгъ Новаго Завѣта и другихъ вѣро-и нраво-учительныхъ православныхъ книгъ. Узнавъ такую важность Татарскаго народнаго языка, я сталъ студентамъ Академіи преподавать преимущественно народный Татарскій языкъ, а не книжный».

Тѣмъ не менѣе работы временнаго Петербургскаго комитета продолжались. По отъѣздѣ въ 1859 г. архіеп. Аѳанасія въ свою епархію, духовное вѣдомство не нашло нужнымъ назначать новаго предсѣдателя въ виду того, что работы комитета приходили къ окончанію, а только назначило, для содѣйствія Казембеку въ продолженіи переводовъ Катехизиса и Псалтири, сначала ректора Петербургской Духовной Академіи Нектарія, а съ Сентября того же года ректора семинаріи архимандрита Леонтія (впослѣдствіи митрополита Московскаго). Весь Катехизисъ былъ переведенъ и провѣренъ въ 1861-мъ году и по разрѣшенію Св Сvнода напечатанъ въ типографіи Импер. Академіи

*) Дѣло это, какъ видно, очень затронуло Александра Касимовича, такъ какъ подробное изложеніе его находится во многихъ черновыхъ бумагахъ его. Все дѣло возникло изъ за неправильнаго и по мнѣнію Казембека несправедливо отмѣненнаго постановленія Университетскаго совѣта.

Наукъ въ количествѣ 500 экземпляровъ, а затѣмъ вторымъ изданіемъ въ количествѣ 1200 экз. въ 1865 году. Тогда же было приступлено къ переводу Псалтири, который былъ напечатанъ въ 1868 году.

Этимъ закончилась дѣятельность переводческаго комитета, работавшаго ровно 20 лѣтъ.

Невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели столько заботъ правительства, столько добросовѣстнаго труда пропали даромъ и послужили только къ умноженію библіотеки Св. Сѵнода? Положимъ, что для крещено-Татарскаго населенія Казанской и смежныхъ губерній нужно было, какъ пишетъ Ильминскій, «заново въ народномъ направленіи передѣлать переводъ Богослужебныхъ книгъ»; однако Татары разсѣяны на такомъ протяженіи Россійской Имперіи, что разговорный языкъ ихъ не можетъ быть одинаковъ въ Казанской губерніи и въ Астраханской, въ Оренбургской и въ Таврической, между тѣмъ какъ книжный языкъ, которому учатся Татары въ медрессахъ и на который переведены комитетомъ Богослужебныя книги, вездѣ одинъ и тотъ же.

Чтобы закончить обзоръ дѣятельности Александра Касимовича по духовному вѣдомству, добавлю еще, что по порученію Св. Сѵнода, онъ разсмотрѣлъ переводъ на Англійскій языкъ литургіи Православной Церкви, составленный настоятелемъ посольской церкви въ Лондонѣ, протоіереемъ Поповымъ, и представилъ о томъ свое заключеніе; затѣмъ, въ 1866 г. держалъ корректуру составленныхъ книгъ на Алтайскомъ нарѣчіи членами Алтайской духовной миссіи: сборника «Евангелій воскресныхъ, праздничныхъ и на Страстную седьмицу» и «Послѣдованія часовъ». Наконецъ, ему было предложено оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода пересмотрѣть и повѣрить переводъ «Новаго Завѣта» на Персидскій языкъ, изданный Библейскимъ Обществомъ въ 1865 году, съ цѣлью разрѣшенія вопроса о томъ, не содержитъ ли онъ такихъ искаженій текста Священнаго Писанія, по которымъ нужно воспретить выпускъ его въ продажу. Въ помощь ему митрополитомъ Исидоромъ былъ назначенъ протоіерей Іоакимъ Романовъ. По тщательномъ разборѣ нѣсколькихъ главъ, они пришли къ заключенію, что переводъ содержитъ много неточностей противъ текста Св. Писанія и что выпускъ его въ свѣтъ слѣдуетъ воспретить.

За свою службу по Департаменту Иностр. Исповѣданій Александръ Касимовичъ былъ неоднократно награждаемъ чинами *), а въ 1861 г. за безвозмездные труды по духовному вѣдомству и по II Отдѣленію Собств. Е. В. Канцеляріи получилъ аренду въ 1500 р. ежегодно, срокомъ на 12 лѣтъ. Когда же комитетъ II Отдѣленія, учрежденный для пере-

*) Онъ имѣлъ св. Владимира 2-й степени, св. Анны 1-й степ. съ короной.

смотра Свода Законовъ Мусульманскихъ, былъ закрытъ, въ Мартѣ 1863 года, Александръ Касимовичъ былъ причисленъ ко II-му Отдѣленію Собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи и кромѣ особаго денежнаго вознагражденія получилъ, по представленію главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, чинъ тайнаго совѣтника.

Въ 1862 году, по выслугѣ 35-лѣтняго срока при Университетѣ, онъ оставленъ на новое пятилѣтіе, согласно избранію совѣта, хотя не единогласно; въ 1867 году онъ однако вновь оставленъ на другое пятилѣтіе и на этотъ разъ единогласно [1]).

По случаю празднованія 50-лѣтняго юбилея С.-Петербургскаго университета, Казембекъ пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла, и въ томъ же году на поѣздку за границу для поправленія здоровья получилъ отъ университета 1200 р. и отъ Св. Сvнода 500 рублей.



Прежде чѣмъ закончить очеркъ жизни человѣка, родившагося въ магометанствѣ и впослѣдствіи достигшаго высшаго Европейскаго образованія, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о внутреннемъ, духовномъ мірѣ его. Для этого обращусь опять къ нѣкоторымъ его письмамъ и отчасти къ личнымъ моимъ воспоминаніямъ, подтвержденнымъ разсказами людей, его знавшихъ.

Александръ Касимовичъ, крестившись отъ Шотландскихъ миссіонеровъ, принялъ вѣроисповѣданіе Англиканское и вступилъ въ секту Пресвитеріанцевъ. Первый изъ Европейскихъ языковъ, съ которымъ онъ познакомился, былъ Англійскій; очень понятно, что его влекло въ Англію и что онъ намѣренъ былъ туда ѣхать и тамъ служить. Однако судьба рѣшила иначе, и онъ всей душой предался Россіи и всему Русскому, и когда его младшій братъ Абдусатаръ Касимовичъ рѣшился креститься въ Православную вѣру, онъ съ радостью привѣтствовалъ это намѣреніе и отъ души хлопоталъ о приведеніи его въ исполненіе [2]). Александръ Касимовичъ во многихъ случаяхъ самъ придерживался коренныхъ Русскихъ обычаевъ и, конечно, чаще бывалъ въ Русской церкви, чѣмъ въ Пресвитеріанской. Это происходило, можетъ быть, отъ того, что секта, въ которую онъ вступилъ, была настолько строга, что онъ не могъ во всемъ подчиняться ея законамъ. Въ вышеприведенномъ своемъ письмѣ къ Е. П. Ростъ, онъ говоритъ, что, познакомившись въ Казани съ обществомъ, онъ сталъ дѣлать визиты

[1]) Всѣ свѣдѣнія о чинахъ и наградахъ взяты мной изъ статьи И. Н. Березина. Прот. Зас. Сов. Петерб. Унив. за 1870—71 г., стр. 100—130.

[2]) Абдусатаръ Касимовичъ, въ святомъ крещеніи Николай, имѣлъ воспріемниками отъ св. купели Государя Императора Александра Николаевича и Великую Княгиню Елену Павловну.

даже по воскреснымъ днямъ. Онъ любилъ бывать въ обществѣ, игралъ въ карты, посѣщалъ театры, между тѣмъ какъ все это строго воспрещается Пуританамъ. Взглядъ его на жизнь и на религію мало по малу, очевидно, измѣнялся; тѣмъ не менѣе Александръ Касимовичъ оставался всю жизнь христіаниномъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Между его бумагами находимъ большое письмо, нѣчто въ родѣ profession de foi, неизвѣстно, къ кому писанное и не помѣченное числомъ. Написано оно было, вѣроятно, въ оправданіе тѣхъ отступленій, которыя онъ дѣлалъ отъ строгихъ правилъ, внушенныхъ ему миссіонерами. «Вы желали, чтобъ я сообщилъ вамъ мое мнѣніе объ удовольствіяхъ міра, подъ названіемъ *невинныхъ*, и о вліяніи ихъ къ достиженію истиннаго счастія. Имѣя въ виду, что разногласіе въ мнѣніяхъ почти всегда происходитъ отъ неяснаго опредѣленія того предмета, о которомъ имѣютъ сужденіе, я счелъ нужнымъ предварительно объяснить вамъ мои понятія о истинномъ значеніи словъ: *невинность*, *удовольствіе* и *истинное счастіе*.

Природа состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ міровъ: *вещественнаго*, *нравственнаго* и *духовнаго*. Дѣйствія въ каждомъ мірѣ совершаются по своимъ законамъ. Законы вещественнаго міра неизмѣнны, они нарушены быть не могутъ; но исполненіе законовъ міровъ нравственнаго и духовнаго находится въ зависимости отъ свободной воли человѣка, а потому эти законы могутъ быть нарушаемы.

Существенное исполненіе или нарушеніе нравственныхъ и духовныхъ законовъ заключается не въ дѣйствіяхъ, а въ причинахъ дѣйствій. Напримѣръ: въ бою противъ непріятеля совершаются убійства, не нарушая заповѣди *не убій*, т. е. нарушаютъ заповѣдь къ дѣйствіяхъ, а не въ причинахъ. Имѣя въ виду, что при исполненіи законовъ въ причинахъ, какія бы дѣйствія ни были, законы не нарушаются, слѣдуетъ заключить, что всѣ дѣйствія свободныхъ существъ могутъ быть подраздѣлены на четыре категоріи: 1) исполняющія законъ, 2) нарушающія законъ, 3) исполняющія законъ въ дѣйствіяхъ и нарушающія оный въ причинахъ, и наконецъ 4) могутъ быть дѣйствія, не исполняющія и не нарушающія закона.

Дѣйствія исполняющія законъ называются въ нравственномъ мірѣ *нравственными*, въ духовномъ *святыми*. Дѣйствія нарушающія законъ называются въ нравственномъ мірѣ *порочными*, въ духовномъ *грѣховными*; исполненіе закона въ дѣйствіяхъ и нарушеніе онаго въ причинахъ называется *лицемѣріемъ*. И наконецъ, дѣйствія не нарушающія и не исполняющія закона, какъ въ нравственномъ, такъ и въ духовномъ мірѣ, называются *невинными*.

Вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что невинными дѣйствіями называются тѣ дѣйствія, которыя хотя и не состоятъ въ исполненіи закона, но и не нарушаютъ закона. Дѣти называются невинными потому, что, по незнанію законовъ, они не могутъ ни исполнять, ни нарушать оные».

Дальше Александръ Касимовичъ опять дѣлаетъ подраздѣленіе удовольствій на три разряда: 1) *Удовольствія вещественнаго міра* или удовольствія тѣла, которыя состоятъ въ утоленіи голода пищею, въ

успокоеніи физическихъ чувствъ сномъ и пр. 2) *Удовольствія нравственнаго міра*, которыя состоятъ въ радостяхъ ума и сердца. 3) *Удовольствія духовнаго міра*, которыя состоятъ въ духовной радости, проистекающей изъ любви къ Богу, въ той радости, о которой Апостолъ Павелъ говоритъ въ Посланіи къ Филиппійцамъ (радуйтесь всегда въ Господѣ и, еще говорю вамъ, радуйтесь).

Объяснивъ, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ словами: невинность и удовольствіе, онъ пытается объяснить, что̀ значатъ, по его мнѣнію, слова *истинное счастіе*.

«Очевидно, истинное счастіе должно происходить отъ тѣхъ причинъ, которыя доставляютъ постоянныя истинныя удовольствія; но истина составляетъ сущность Божества, слѣдовательно истинныя удовольствія должны проистекать отъ Бога». Здѣсь онъ дѣлаетъ длинное отступленіе въ исканіи опредѣленія понятія о Божествѣ и приводитъ извѣстное четверостишіе:

Loin de rien décider sur cet Être Suprême,
Gardons en l'adorant un silence profond.
C'est un mystère auguste, et l'esprit s'y confond.
Pour savoir ce qu'il est, il faut être lui-même.

Возвращаясь къ человѣку, онъ восклицаетъ: «Боже мой милостивый! Какъ малъ человѣкъ въ необъятной вселенной, но въ познаніи Божества какъ онъ великъ!» Потомъ онъ приходитъ къ заключенію, что «весь нравственный законъ долженъ заключаться въ словахъ: не дѣлай другимъ чего не хочешь себѣ (Дѣянія XV, 20), а духовный законъ: Люби Бога и ближняго». Всѣ удовольствія, не нарушающія эти два закона, могутъ считаться невинными; но такъ какъ они и не способствуютъ къ исполненію ихъ, то посвящать имъ можно то только время, которое свободно отъ исполненія обязанностей къ Богу и ближнему. Человѣкъ дѣйствуетъ въ вещественномъ, нравственномъ и духовномъ мірѣ, слѣдов. и обязанности его существуютъ въ каждомъ изъ означенныхъ міровъ. Обязанности человѣка въ вещественномъ мірѣ состоятъ въ попеченіи о своемъ тѣлѣ, сохраняя его въ томъ состояніи, которое необходимо для исполненія воли Божіей; обязанности человѣка въ нравственномъ мірѣ ограничиваются обязанностями гражданскими, общественными и семейными; а обязанности въ духовномъ мірѣ составляютъ обязанности человѣка, который, въ силу страданій и крестной смерти Спасителя, причисляется къ гражданамъ неба, такъ что, живя на землѣ, онъ долженъ исполнять обязанности небеснаго гражданина. Къ своему небесному отечеству каждый христіанинъ долженъ стремиться и во всѣхъ земныхъ дѣлахъ своихъ находить Бога— во временныхъ обязанностяхъ, которыя онъ любитъ, въ искусствахъ и наукахъ, которыми съ удовольствіемъ занимается, въ изяществѣ, которымъ любуется: ибо Онъ вездѣ кромѣ зла. Слѣдовательно, у любящаго Бога всякая дѣятельность будетъ хороша; но безъ любви Божіей нѣтъ добра».

«Итакъ, заканчиваетъ Александръ Касимовичъ, если этой любви нѣтъ, то надо перемѣнить жизнь нашу, т. е. перемѣнить сердце. Пе-

ремѣнить сердце! Какое слово! Перемѣнить сердце можетъ только одна благодать, а потому, признавая нашу нищету, будемъ просить и просить неотступно: Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!»

Вслѣдствіе ли своихъ религіозныхъ убѣжденій, или что̀ вѣроятнѣе, по влеченію своей богатой и широкой натуры, Александръ Касимовичъ былъ чрезвычайно щедръ. Ему доставляло истинное наслажденіе доставить кому нибудь удовольствіе или выручить кого-нибудь изъ бѣды; эта черта его была извѣстна всѣмъ мало-мальски знавшимъ его, и случалось, что иные злоупотребляли его добротой. Вотъ между прочимъ, выдержка изъ его письма ко мнѣ:

«Самъ я собою недоволенъ, увлекаюсь всякими просьбами, желая дѣлать услуги, и черезъ это дѣлаю себѣ вредъ и ущербъ. Не говоря о дѣлѣ Л., которое меня очень безпокоитъ, я здѣсь порукою еще за двухъ; срокъ одного въ началѣ Января, срокъ другого черезъ 9 мѣсяцевъ; да сейчасъ получилъ письмо отъ С., который сидитъ въ части (!), пишетъ, чтобы пріѣхалъ сейчасъ или завтра утромъ и взялъ его на поруки. Это значитъ, возьми его домъ на себя. Ни за что не сдѣлаю. Всѣ свои деньги роздалъ, теперь сижу безъ копѣйки; надѣялся получить 1200 рубл.; отъ одного 1000 р. и отъ другого 200; эти деньги были по всѣмъ даннымъ почти вѣрны; тотъ который былъ долженъ 1000 р. и далъ честное слово выдать ихъ ко вчерашнему дню, не обманулъ меня, но сказалъ, что если онъ мнѣ отдастъ эти деньги, то ему плохо придется, и это было справедливо; думая, что обойдусь съ двумя стами рублей я сказалъ, что подожду еще мѣсяцъ. Поѣхалъ къ другому, что же! Онъ получилъ телеграмму и ускакалъ въ Парижъ. Остался не при чемъ. Нѣтъ, надо въ старости за умъ взяться; баста: буду самымъ недоступнымъ превосходительствомъ».

Нечего и говорить, что Александръ Касимовичъ такъ и не достигъ никогда этой недоступности, а до конца жизни оставался всѣмъ доступенъ и всегда готовъ оказать одолженіе и услугу.

Въ 1869 году Александръ Касимовичъ нѣкоторое время пробылъ въ Германіи на водахъ и потомъ проѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ; онъ раньше никогда не бывалъ за границей, и какъ видно, Лондонъ не произвелъ на него хорошаго впечатлѣнія. Вотъ что онъ оттуда писалъ: «Лондонъ, конечно, примѣчателенъ; но я бы здѣсь никогда не жилъ долѣе мѣсяца: скука смертельная, и притомъ погода мерзкая, хуже Петербургской, каждый день по нѣскольку перемѣнъ. Я здѣсь живу въ домѣ Персидскаго посланника, живу въ полной роскоши. Посланникъ уступилъ мнѣ свою спальню (тоже сдѣлалъ Парижскій), и все къ моимъ услугамъ; но жаль, что онъ заболѣлъ. . и меня не

отпускаетъ отъ себя, увѣряя, что когда я тутъ, ему легче, что во мнѣ есть магнетизмъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ страдаетъ и кричитъ на весь домъ, только стоитъ мнѣ войти и держать его руку, онъ тотчасъ засыпаетъ и, покуда я тамъ, успокоивается. Поэтому-то все сижу у него и это даже письмо пишу урывками; но сегодня ему, слава Богу, лучше. Свои занятія въ British Museum я начну съ завтрашняго дня; тамъ уже я былъ, и меня приняли очень лестно, даже почетно; мнѣ дали билетъ для свободнаго посѣщенія Музеума, когда только мнѣ угодно. Черезъ недѣлю поѣду въ Оксфордъ, тамъ пробуду три-четыре дня и въ исходѣ Сентября нашего стиля, Богъ дастъ, возьму обратный путь. Лондонъ, если дивенъ, то это сѣткой желѣзныхъ дорогъ: мы все время ѣхали будто по крышамъ домовъ, и кругомъ кишѣли поѣзды».

Возвратившись изъ-за границы, Александръ Касимовичъ чувствовалъ себя бодрѣе и провелъ зиму 1869 и 1870 г. въ обычныхъ своихъ занятіяхъ, посѣщая Университетъ, гдѣ имѣлъ шесть лекцій въ недѣлю. Изъ вѣдомостей о пропущенныхъ лекціяхъ въ этомъ учебномъ году видно, что профессоръ Казембекъ съ 1 Октября, когда вернулся изъ отпуска, до 1 Апрѣля 1870-го года пропустилъ всего 12 лекцій.

Занятія свои по II-му Отдѣленію онъ также продолжалъ, а въ Мартѣ представилъ на имя директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій 34 замѣчанія, сдѣланныя на положеніе объ управленіи Закавказскаго Мусульманскаго духовенства. Но къ веснѣ болѣзнь развилась. Александръ Касимовичъ, надѣясь отдохнуть и поправиться въ деревнѣ, провелъ послѣднее лѣто своей жизни въ Вятской губерніи, въ имѣніи племянника своего В. В. Де-Бособръ; но уже ничто не могло поправить надорваннаго здоровья, и осенью онъ вернулся въ Петербургъ совсѣмъ больной. 27 Ноября 1870 года онъ скончался и былъ похороненъ по Пресвитеріанскому обряду; но, по желанію его сына, надъ нимъ была отслужена панихида отцомъ Іоакимомъ Романовымъ.

Тѣло его было перевезено въ Павловскъ, гдѣ онъ погребенъ на Православномъ кладбищѣ, рядомъ съ женою своею, умершей гораздо раньше его.

Рукописи его пріобрѣтены Петербургскимъ университетомъ.

Ольга Боратынская.

А. П. ЕРМОЛОВЪ и А. К. КАЗЕМБЕКЪ.

По поводу біографическихъ свѣдѣній о Казембекѣ.

Въ Октябрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ за текущій годъ (стр. 209—226) помѣщены матеріалы для біографіи нашего извѣстнаго оріенталиста Казембека. Передавая болѣе или менѣе подробно судьбу Казембека и исторію его обращенія въ христіанство, матеріалы эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько неточностей. Такимъ образомъ, профессоръ Березинъ ошибочно говоритъ, что отецъ Казембека пріѣхалъ въ Астрахань къ 1819 году; Англійскій миссіонеръ тоже ошибочно относитъ этотъ пріѣздъ къ 1822 году; въ автобіографіи является (вѣроятно, по опечаткѣ) Кубанская провинція вмѣсто Кубинской. Но главная неточность, на которой нельзя не остановиться, заключается въ показаніяхъ о ссылкѣ отца Казембека и объ отношеніи правительства къ нему самому послѣ его крещенія. Разъяснить эту неточность тѣмъ необходимѣе, что она кладетъ нѣкоторую тѣнь на дѣятельность А. П. Ермолова, этого истинно-Русскаго государственнаго дѣятеля, понимавшаго интересы Россіи такъ, какъ немногіе ихъ понимали въ то время.

Авторъ Англійской статьи говоритъ глухо, что отецъ оріенталиста, Хаджи-Каземъ-бекъ, былъ сосланъ въ Астрахань „за переписку съ бывшимъ ханомъ“ Самъ Казембекъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Смуты продолжались (послѣ присоединенія къ Россіи Дербента и Кубы) въ Дагестанѣ или въ горныхъ частяхъ Закавказья, и интриги властолюбивыхъ бековъ или князей открыли путь къ неслыханнымъ злодѣяніямъ. Выгнанный изъ Дербента, ханъ жилъ въ недоступныхъ, природою укрѣпленныхъ мѣстахъ Аваріи, не далѣе какъ въ 120 верстахъ отъ города, имѣя тайное, хотя рѣдкое сношеніе съ шахомъ Персидскимъ, что̀ доставляло ему ничтожныя поддержки въ видѣ подарковъ. Отецъ мой, всегдашній доброжелатель Россіи, но по своему званію защитникъ народнаго права, имѣлъ сильнаго врага въ лицѣ одного Дербентскаго кореннаго бека, который своими интригами успѣлъ помрачить въ глазахъ правительства первое его достоинство вторымъ; отсюда происходило много неудовольствій, которыя съ каждымъ днемъ увеличивались, при усердномъ содѣйствіи интригана, и кончились тѣмъ, что правительство нарядило военный судъ, который приговорилъ моего отца съ четырнадцатью его друзьями къ лишенію его имѣнія и ссылкѣ въ Астрахань“ (стр 222)

Оставляя въ сторонѣ отождествленіе бековъ съ князьями, указаніе Аваріи вмѣсто Акуши и т. п., переходимъ къ сути дѣла. Намекъ автора на необходимость для отца его быть „защитникомъ народнаго права“ (конечно, противъ дѣйствій Русскаго начальства) странно противорѣчитъ собственнымъ его словамъ въ другомъ его сочиненіи (Мюридизмъ и Шамиль. „Русское Слово“, 1859, № 12, стр. 205—207) и опровергается оффиціальными документами; укажемъ, напримѣръ, на депутацію Дербентцевъ, благодарившихъ 6 Марта 1807 г. „за исторженіе ихъ отъ ига ханскаго“. (Акты Кавк. Археогр. Ком. III, 387, № 735).

Сношенія бывшаго хана Шихъ-Али съ Персіею совсѣмъ не были такъ ничтожны. Лишенный Дербентскаго ханства въ 1806 году, но оставленный въ Кубинскомъ (Акты, III, 393, № 743; 703, № 1184). Шихъ-Али, за мятежническую дѣятельность и сношенія съ Персіею (см. объ этомъ между прочимъ Акты, III, 299, № 543; 394, № 745; 395, № 746; 397, № 749; 705, № 1187; 308, № 564; IV, 639, № 987 и т. д.), былъ лишенъ въ 1812 г. и Кубинскаго владѣнія, и съ этихъ поръ до смерти (1822) скитался среди непокорныхъ горцевъ, преимущественно въ Акушѣ, крамольничая, возбуждая горцевъ противъ насъ и служа главнымъ агентомъ Персіи въ Дагестанѣ. Получалъ онъ отъ Персидскаго правительства (главнымъ образомъ не отъ шаха, а отъ его наслѣдника Аббасъ - Мирзы) не ничтожные подарки, а довольно крупныя суммы: такъ въ 1809 г. Аббасъ-Мирза послалъ ему судно, нагруженное казною и товарами (Акты, IV, 639, № 987), въ 1810 г.—двухъ лошадей и 5,000 р (т. же 523, № 774), въ 1811 г.—1000 червонцевъ (т. же VI, ч. 2, 852, № 65), въ 1812 г.—1500 червонцевъ (т. же V, 639, № 783), въ 1813 г.—120,000 р. (т. же V, 720, № 864) и пр. По вступленіи А. П. Ермолова въ управленіе сношенія Шихъ-Али съ Персіею и враждебныя дѣйствія противъ Россіи продолжались (Акты, VI, ч. I, 735, № 1091; VI, ч. 2, 213, № 390; т. же 61, № 142, 213, № 391; 9, № 16 и пр.; Казембекъ: Муридизмъ и Шамиль („Р. Слово“ 1859, № 12).

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, конечно, не могъ смотрѣть равнодушно на эту вредную дѣятельность Шихъ-Али, которому къ тому же сочувствовали многіе жители Дербента. Такъ, въ Августѣ 1819 г. Ермоловъ былъ принужденъ выслать въ Астрахань подъ стражею 8 бековъ, соучастниковъ Шихъ Али, „замѣченныхъ въ возмущеніи жителей и въ склоненіи ихъ послѣдовать за Шихъ-Али“ (Акты, VI, ч. 2, 106, № 242), и въ 1820 году рѣшился принять энергическія мѣры. 28 Января сего года, въ бытность въ Дербентѣ, онъ писалъ Вельяминову объ учрежденіи воинской коммиссіи надъ нѣкоторыми изъ жителей Дербента, имѣвшими издавна вредныя сношенія съ Шихъ-Али, которому они давали пособія вещами и деньгами, при чемъ, добавлялъ А. П., нужна разборчивость, чтобы ограничиться одними главными преступниками (Акты, IV, ч. 2, 106, № 243). Въ тотъ же день Ермоловъ писалъ управляющему Кубинской провинціей генералу Вреде, что, „желая положить конецъ тайнымъ сношеніямъ здѣшнихъ жителей съ Шихъ-Али и

пособіямъ ему деньгами и вещами", онъ назначилъ воинскую коммиссію. Дербентскаго жителя Лютеръ-Али-бека, добровольно изобличившаго измѣнниковъ, онъ предписалъ охранять и вообще снисходительно обращаться съ доказывающими, „ибо подобные случаи рѣдки между Мусульманами" (Акты, VI, ч. 2, 106, № 244). Назначая презусомъ коммиссіи артиллеріи подполковника Мищенко, онъ рекомендуетъ ему тщательно разобрать, „кто заводчики, кто только исполнители, часто изъ бѣдности; надобно искоренить главнѣйшихъ злодѣевъ, въ *малыхъ* же винахъ изобличеннымъ дать восчувствовать благодѣятельную снисходительность правительства" (Акты, т. же). Результатомъ дѣятельности коммиссіи, снабженной, какъ видимъ, весьма гуманными инструкціями, была ссылка отца будущаго профессора. Вполнѣ понятное чувство заставляетъ почтеннаго оріенталиста видѣть тутъ только интриги и т. п. Англійскій миссіонеръ, болѣе близко къ истинѣ, хотя слишкомъ мягко, называетъ причиною ссылки Хаджи-Каземъ-бека его переписку съ бывшимъ ханомъ.

Посмотримъ теперь на отношеніи тогдашней власти къ обращенію Казембека. Гленъ и Макферсонъ, обратившіе его, разсказываетъ миссіонеръ (стр. 218), „должны были вмѣстѣ съ неофитомъ выдержать различныя непріятности со стороны Персіянъ; наконецъ, осенью 1824 г. Ермоловъ запретилъ обращенному предпринимать какія бы то ни было миссіонерскія дѣла или даже ѣздить за черту границъ Астрахани безъ разрѣшенія полицмейстера. Причина подобнаго приказа никогда не была разъяснена, хотя люди, знакомые съ религіознымъ и политическимъ направленіемъ этого государства, понимали, въ чемъ заключалось дѣло" (стр. 218). Къ этому мѣсту повѣствованія Англійскаго миссіонера сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „Совершенно понятно, что Русское правительство не могло покровительствовать распространенію хотя бы христіанской религіи, но не Православнаго вѣроисповѣданія, въ предѣлахъ Россійской имперіи". Самъ Казембекъ разсказываетъ: „Послѣ всѣхъ этихъ пробъ и интригъ Мусульмане обратились черезъ мирзу Салеха, возвратившагося тогда изъ Англіи (агента Персидскаго правительства), къ генералу Ермолову съ просьбою избавить ихъ отъ молодаго Казембека, который разъѣзжаетъ повсюду и проповѣдуетъ Евангельское ученіе" (стр. 223, прим. 2), и далѣе, что, по интригамъ Персіянъ, ему былъ запрещенъ выѣздъ изъ города, а послѣ онъ былъ посланъ на службу въ Сибирь: „все это клонилось къ тому, чтобы утѣшить моихъ соотечественниковъ мыслью, что *меня сослали въ Сибирь*" (стр. 224).

Англійское лицемѣріе такъ и сквозитъ въ этихъ словахъ и намекахъ миссіонера на состояніе Россіи; при томъ Ермоловъ не былъ „генералъ-губернаторомъ южныхъ провинцій Россіи", а былъ, какъ извѣстно, главнокомандующимъ на Кавказѣ, при чемъ ему подчинялась и Астраханская губернія. Примѣчаніе къ этимъ словамъ также лишено основанія; ибо, какъ увидимъ дальше, ложно понятая вѣротерпимость господствовала въ то время въ нашихъ правительственныхъ сферахъ. Со словами Казембека объ утѣшеніи Персіянъ также нельзя согласиться, какъ увидимъ далѣе.

А. П. Ермоловъ, съ чуткостью истинно-Русскаго человѣка, имѣлъ другіе взгляды на дѣло. Получивъ рапортъ Астраханскаго гражданскаго губернатора отъ 7 Сентября 1824 г. (Акты, VI, ч. I, 475, № 643) о крещеніи молодаго Казембека, на котораго „члены Шотландской колоніи хотятъ возложить исправленіе разныхъ миссій“, Алексѣй Петровичъ 28 Октября того же года писалъ графу Нессельроде (Акты, VI, ч. I, 476, № 644: „Принимая въ соображеніе, что оный Персіянинъ, измѣнившій Россіи, получившій нѣкоторое образованіе подъ руководствомъ Великобританцевъ, можетъ быть употребляемъ ими не въ одномъ качествѣ миссіонера, но и для распространенія между здѣшними народами и въ особенности между Дагестанцами, гдѣ онъ имѣетъ многія родственныя связи, внушеній, сообразныхъ съ видами Англійскаго правительства, давно уже смотрящаго неравнодушно на пріобрѣтенія наши въ семъ краю, я предписалъ губернатору не выпускать его изъ Астрахани“. Такъ какъ Казембекъ представилъ прошеніе объ опредѣленіи его на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, то Ермоловъ добавилъ, что онъ можетъ быть полезенъ, какъ переводчикъ, но что за нимъ первое время нужно будетъ имѣть надзоръ, чтобы онъ не уѣхалъ въ Англію, „ибо весьма можетъ статься, что, по внушеніямъ его наставниковъ, въ семъ единственно состоитъ и вся цѣль его настоящей просьбы“.

Вслѣдствіе этого представленія Ермолова Казембекъ былъ опредѣленъ въ учрежденное въ Омскѣ Азіятское училище съ жалованіемъ 800 р. въ годъ и съ выдачею на проѣздъ 1000 р. (Нессельроде Ермолову 29 Августа 1825 г. Акты, VI, ч I, 476, № 645). Ссылка, какъ видно, обставлена была довольно удобно. Что это назначеніе получило въ глазахъ бывшихъ единовѣрцевъ совершенно другое значеніе, чѣмъ какое указываетъ Казембекъ, видно изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго къ Ермолову отъ 12 Октября 1826 года, гдѣ онъ сообщаетъ объ отъѣздѣ Шотландскихъ миссіонеровъ за границу вслѣдствіе нанесенныхъ имъ будто бы обидъ, въ числѣ которыхъ они указывали на то, что мѣстное начальство не только не позволило употребить Казембека въ миссіонеры, но послало его на службу въ Омскъ, „что произвело весьма худое дѣйствіе въ другихъ Персіянахъ, вообразившихъ, *что онъ посланъ въ Сибирь за то*, что сдѣлался христіаниномъ“ (Акты, VI, ч. I, 477, № 646).

Какъ мало понимали въ то время Петербургскіе заправилы, подъ вліяніемъ извѣстныхъ вѣяній Александрова царствованія, истинные интересы Россіи, видно (кромѣ выдачи привиллегіи Шотландскимъ миссіонерамъ 25 Декабря 1806 г. на право крестить въ то исповѣданіе, какое пожелаетъ обращаемый) изъ любопытной переписки 1822—1823 гг. по поводу родственныхъ Шотландскимъ-Базельскихъ миссіонеровъ (Акты, VI, ч. I, 468—473, № 634 и слѣд.). Священники Августъ Дитрихъ и Фабіанъ Заремба, прибывшіе изъ Базеля, по порученію Базельскаго евангелическаго миссіонерскаго общества, получили въ Январѣ 1822 г. отъ нашего правительства разрѣшеніе основать за Кавказомъ колоніи, училища и типографію съ цѣлью рас-

пространять въ томъ краю между язычниками и Мусульманами вѣдѣніе Слова Божія. Въ Октябрѣ 1822 г. эти миссіонеры рѣшили ѣхать въ Дербентъ, Кубу, Баку и Шемаху, чтобы отыскать мѣсто для поселенія, и обратились за содѣйствіемъ къ Ермолову. Вельяминовъ, за отсутствіемъ Ермолова, тщетно старался отклонить ихъ отъ сего намѣренія, указывая на опасность пути и т. п. Въ началѣ 1823 г Дитрихъ и Заремба явились въ Тифлисъ къ Ермолову и заявили ему свое желаніе основать поселенія въ Дербентѣ, Кубѣ, Баку, Шемахѣ, Нухѣ, Елисаветполѣ или ближе къ берегамъ Куры. По этому поводу Ермоловъ писалъ 8 Іюня 1823 г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ (Акты. II, ч. I. 472, № 637): „Ежели поселившіеся въ Грузіи колонисты не нашли для себя выгоднаго мнѣнія, то тѣмъ болѣе ожидать того же надобно, когда бы основались новыя колоніи въ Шемахѣ, Нухѣ, Кубѣ, Баку или Дербентѣ, жители коихъ, погруженные бо̀льшею частью въ мракѣ невѣжества и едва начинающіе знакомиться съ вводимымъ правленіемъ, могли бы отнести оное къ желанію правительства стѣснять ихъ иноземцами и лишать земель, коими они по образу жизни своей и скотоводству не слишкомъ преизбыточествуютъ. Мысль таковая народа пограничнаго, за правила коего ручаться нельзя, вредна была бы для правительства и для самой колоніи; въ особенности при обнаруженіи плана ея о просвѣщеніи ихъ свѣтомъ истиннаго Евангелія, къ чему не думаю найти въ нихъ и готовности, по приверженности ихъ до фанатизма ученію Мухаммеда. А потому и считаю я необходимымъ, не допуская Базельскому евангелическому обществу дѣлать тамъ поселеніе, дозволить на первый случай устроить только училище и типографію, посредствомъ коихъ, ознакомя себя съ жителями того края, получать лучшее удобство къ приведенію впослѣдствіи въ исполненіе благочестивыхъ своихъ предпріятій“. Миссіонеры стояли на своемъ рѣшеніи. Ермолову, въ виду Высочайшаго повелѣнія, оставалось только содѣйствовать имъ, и въ Ноябрѣ 1823 года они увѣдомили его, что остановились на поселеніи въ Шушѣ...

Прозорливый умъ А. П. Ермолова видѣлъ во всѣхъ этихъ Шотландскихъ и т. п. миссіонерахъ не совсѣмъ то, чѣмъ они казались въ Петербургѣ

Е. Козубскій.

Т. Х. Шура, 24 Октября 1893 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКАГО АРХИВА

1893 года*).

*) Годовое изданіе „Русскаго Архива“ 1893 года состоитъ изъ трехъ книгъ (по четыре выпуска въ каждой). Римская цифра „Указателя“ означаетъ книгу, Арабская — страницу. П. Б.

* *
*

* * *

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1893 года

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на второй (1894) годъ

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ“.

Программа изданія остается прежняя: статьи и матеріалы по исторіи Русскаго искусства и художественно исполненные снимки съ произведеній Русскаго искусства.

Число экземпляровъ очень ограничено, и потому по прекращеніи подписки **цѣна будетъ увеличена.**

Подписка принимается въ Редакціи (Москва, 2-я Мѣщанская, д. Перлова), въ магазинѣ Беггрова (С.-Петербургъ, Невскій просп. д. №4), въ редакціяхъ «Артиста» и «Русскаго Обозрѣнія» и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Подписка безъ доставки принимается только въ Редакціи (для Москвы) и въ магазинѣ Беггрова (для Петербурга).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой . . . . . . **12 р.** въ годъ
Безъ доставки и пересылки . . . . . . **10 р.** »
За границу . . . . **15 р.** »

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., предъ полученіемъ II-го и III-го выпусковъ по 3 р. и остальные при полученіи IV-го выпуска.

Служащіе могутъ подписываться чрезъ своихъ казначеевъ, уплачивая по 1 р. въ мѣсяцъ.

Кромѣ того, печатается еще 20 экземпляровъ веленевыхъ, по 25 р. за экземпляръ.

Москва, 2-я Мѣщанская, д. Перлова.

Издатель **В. А. Головинъ.**
Редакторъ **А. П. Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 года.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Для личныхъ объясненій съ издателями—Четвергъ отъ 9 до 3 ч. дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**
Юрій Бартеневъ.